ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА ПЕШКОВА

Биография: Документы. Письма. Дневники. Воспоминания

ВОСТОЧНАЯ КНИГА
Москва • 2012

УДК 82-94
ББК 63.3
Е45

Е45 **Екатерина** Павловна Пешкова. Биография: Документы. Письма. Дневники. Воспоминания / Автор-составитель Л. Должанская. — М.: Восточная книга, 2012. — 760 с. + ил.

ISBN 978-5-7873-0648-4

В начале девяностых годов прошлого столетия были рассекречены архивы трех организаций: «Московский политический Красный Крест», «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным», «Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в СССР». Эти организации работали в нашей стране в первые двадцать лет советской власти (до времени «большого террора») и осуществляли помощь лицам, неугодным государству по политическим мотивам. Возглавляла эти организации Екатерина Павловна Пешкова. В настоящей книге представлены документальные материалы, письма и воспоминания, дающие возможность сохранить образ этой замечательной женщины.

УДК 82-94
ББК 63.3

© Л. Должанская, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление ... 9
Краткая биография ... 17
Внешний облик ... 20

Глава 1.
Самара. Годы учебы. Замужество. 1888–1896 гг. ... 21

Глава 2.
Семья Екатерины Павловны и Алексея Максимовича Пешковых.
Сентябрь 1896 г. — май 1904 г. ... 39
Нижний Новгород. Сентябрь 1896 г. — январь 1897 г. ... 39
Алупка. Февраль — май 1897 г. ... 40
Мануйловка. Май — октябрь 1897 г. Село Каменное Тверской губ.
Октябрь 1897 г. — январь 1898 г. ... 41
Нижний Новгород. Январь — май 1898 г. Самара.
Май — сентябрь 1898 г. ... 44
Нижний Новгород. Ноябрь 1898 г. — март 1900 г. ... 52
Ялта. Апрель — июнь 1900 г. Мануйловка.
Июнь — сентябрь 1900 г. ... 67
Нижний Новгород. Сентябрь 1900 г. — ноябрь 1901 г. ... 70
Крым, Олеиз. Ноябрь 1901 г. — апрель 1902 г. ... 87
Арзамас. Май — август 1902 г. ... 106
Нижний Новгород. Сентябрь 1902 г. — май 1904 г. ... 117

Глава 3.
Начало общественной и политической деятельности.
Отъезд в эмиграцию. 1904–1906 гг. ... 135
Общественная работа в годы замужества ... 135
Первая поездка за границу. Май — сентябрь 1904 г. ... 141
Ялта. Сентябрь — декабрь 1904 г. ... 144
Нижний Новгород. Декабрь 1904 г. — январь 1905 г. ... 148
Петербург. Январь — февраль 1905 г. ... 156
Ялта. Март 1905 г. — июль 1906 г. ... 161

Смерть Катюши. Переезд в Москву. Выезд за границу. Август — декабрь 1906 г. 181

Глава 4.
Годы эмиграции. 1907–1913 гг. 189
Начало жизни в эмиграции 189
Гершуни и его воспоминания 201
Дело Азефа 207
Б. В. Савинков 215
Общественно-политическая деятельность, окружение и отношения 224
Сын 245
Екатерина Павловна, Алексей Максимович и Максим. Мечты и намерения жить вместе 257
Жизнь на Капри — вместе и врозь. Возвращение в Россию. Ноябрь 1912 г. — 1913 г. 284
М. Ф. Андреева 293

Глава 5.
В войну и революции. 1914–1917 гг. 313
Перед войной и после ее начала. Январь — сентябрь 1914 г. 313
В войну. Общество «Помощь жертвам войны». Сын. Возвращение из эмиграции М. К. Николаева. Октябрь 1914 г. — февраль 1917 г. 324
Между двумя революциями. «Общество помощи освобожденным политическим». Февраль — октябрь 1917 г. 344
Октябрьская революция. Октябрь — декабрь 1917 г. 370

Глава 6.
Первые годы советской власти. Московский политический Красный Крест. Польский Красный Крест. 1918–1922 гг. 379
«Ради спасения и сохранения достоинства общества»: Московский политический Красный Крест; Общество «Культура и свобода»; Лига спасения детей. 1918 г. 379
Максим и Алексей Максимович. Обыск и начало следственного дела. 1918–1919 гг. 393
Польский Красный Крест. Начало работы. Поездка в Сибирь. 1920–1921 гг. 412
Помгол. Отъезд А. М. Горького за границу. Перемены в руководстве МПКК. Первая поездка в Польшу. Дела семейные. 1921 г. 427
Изменение условий работы Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в СССР. Поездка на Север.

Судебный процесс над эсерами. Закрытие МПКК
и возбуждение против него следственного дела.
Поездка за границу. Замена МПКК учреждением
«Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным».
1922 г. 449

Глава 7.
В Советском Союзе. Польский Красный Крест.
Учреждение «Е. П. Пешкова. Помощь политическим
заключенным». 1923–1938 гг. 472
Начало работы ПОМПОЛИТа. В Бюро Польского Красного
Креста. Поездка за границу. Дела семейные. М. И. Будберг.
Прекращение действия мандата Уполномоченного
Польского Красного Креста. Прекращение следственного
дела против МПКК. Трагедия на Соловках.
Смерть доктора А. Н. Алексина. 1923 г. 472
Смерть В. И. Ленина. Переезд А. М. Горького с семьей в Италию.
В Сорренто. В Бюро Уполномоченного Польского Красного
Креста. Обмены. Рождение внучки. Неприятности на вилле
Il Sorrito. ПОМПОЛИТ и зарубежная помощь.
1924–1925 гг. 495
Отношения с эмиграцией: отзыв Екатерины Павловны
о Дзержинском в день его кончины и последовавший скандал;
возвращенцы и «возвращенчество». В Сорренто: Максим,
П. П. Крючков. Смерть А. Ю. Фейта. 1926 г. 520
Работа и отдых. Убийство П. Л. Войкова и П. Д. Долгорукова.
В Сорренто, в Варшаве, в Москве. 10-летняя годовщина
Октября. 1927 г. 546
А. М. Горький: юбилей и первая поездка в Советский Союз;
посещение Соловецкого лагеря. Отношения с эмиграцией.
В СССР: разгром оппозиции, победа Сталина; начало
коллективизации. В ПОМПОЛИТе: расширение контингента
подопечных. В Польском Красном Кресте: объезд тюрем
Украины. Дела семейные: в Сорренто; второй приезд
Алексея Максимовича с семьей в СССР; внучки.
1928–1929 гг. 573
Первая пятилетка, завершение коллективизации и ее жертвы.
Разоблачения невозвращенцев. Начало массовых репрессий
интеллигенции — групповые дела (судебные и внесудебные).
В Польском Красном Кресте: последний обмен.
Дела семейные. 1930–1932 гг. 602
Возвращение А. М. Горького с семьей в СССР.
Смерть Максима. Арест Ирины Гогуа. Поездка за границу
с делегацией художников. Приезд в СССР Ромена Роллана.

Кончина А. М. Горького. В ПОМПОЛИТе после убийства С. М. Кирова. 1933–1936 гг. 643
Закрытие Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в СССР. Арест М. Л. Винавера. Открытый процесс «антисоветского правоцентристского блока». Прекращение работы ПОМПОЛИТа. 1937–1938 гг. 675

Глава 8.
После закрытия учреждения «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным». 1938–1965 гг. 694

Послесловие 717

Приложение. «Московский политический Красный Крест» (1918–1922) и учреждение «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (1922–1938) 723

Указатель имен 736
Список сокращений 755

«Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил».

Н. А. Заболоцкий

«Спешите делать добро!»

Доктор Ф. П. Гааз

«…я всю жизнь — с юношеских лет — любуюсь Вами, Вашей цельностью, чистотой и прямотой, Вашим светлым и добрым отношением к людям».

С. Маршак.
Из письма к Е. П. Пешковой
от 9 августа 1963 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Имя Екатерины Павловны Пешковой (1876–1965) неразрывно связано с именем А. М. Горького — ее венчанного мужа, отца ее детей, официальной женой и верным другом которого она оставалась всю жизнь, и с организацией В. Ч. К. — О. Г. П. У. — Н. К. В. Д. — зловещим спутником советской власти, — с разрешения и в контакте с которой она работала почти двадцать лет — с 1918 до 1938 года. Сама Екатерина Павловна свое место в жизни определяла как «общественный деятель». Более тридцати лет, вначале в царской России, а затем в Советском Союзе, она занималась помощью политическим заключенным.

В многочисленной литературе, посвященной жизни А. М. Горького, она присутствует как его первая жена, мать его горячо любимого сына, при этом личность менее интересная, чем другие «незаурядные» женщины писателя. Первые статьи, в которых говорилось о ее работе по помощи политзаключенным, появились в зарубежной русскоязычной прессе после кончины Екатерины Павловны[1], в СССР они появились еще позже — уже в «перестроечное» время[2]. Серьезный интерес к деятельности Е. П. Пешковой и ее личности возник в последние 10–15 лет после того, как в начале

---

[1] Аронсон Г. Памяти Е. П. Пешковой // Русская мысль. 1965. 1 мая.
Марков О. (Левин М. Р.) Екатерина Павловна Пешкова и ее помощь политзаключенным // Память. Исторический сборник. Вып. 1. Нью-Йорк, 1978. С. 313–324.
Минин Дм. (Бацер Д. М.) Еще о Политическом Красном Кресте // Память. Исторический сборник. Вып. 3. Париж, 1980. С. 523–538.

[2] Разгон Лев. Кузнецкий мост, 24 // Разгон Л. Непридуманное. М., 1989. С. 275–286.
Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний // Минувшее. Исторический альманах. М.: Прогресс — Феникс, 1990. Т. 1. С. 99–190.
Голицын С. Записки уцелевшего: Роман. М.: Орбита, 1990.

1990-х годов исследователям стали доступны ранее засекреченные архивы «Московского политического Красного Креста», учреждения «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» и «Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в СССР» — архивы организаций, в которых она работала и которые возглавляла. Обработкой и изучением обширного архивного материала этих организаций (в общей сложности больше двух тысяч дел) занимаются сотрудники Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал». С архивом «Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в СССР» работают, кроме российских, польские исследователи; институт Гувера[3] приобрел микрофильмированные архивы «Московского политического Красного Креста» и учреждения «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным». По архивным материалам был издан ряд статей и сборников[4].

---

[3] Институт проблем войны, революции и мира им. Гувера (Hoover Institution on War, Revolution and Peace) при Стенфордском университете (США).

[4] Вот некоторые из них:

Голотик С. И. Первые правозащитники в Советской России // Воля. 1995. № 4–6.

Леонтьев Я. В. Политический Красный Крест в Москве: опыт источниковедческого анализа // Археографический ежегодник за 1997 год. М.: Наука, 1997.

Новые материалы о преследованиях за веру в советской России. / [выявление архивных документов: И. С. Заикина, И. И. Осипова, С. С. Печуро]. Сост. И. И. Осипова, ред. А. Б. Рогинский // Церковно-Исторический вестник. М., 1999. № 2–3. С. 4–198.

«Обречены по рождению…» По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937 / Сост. Л. Должанская, И. Осипова. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2004.

«Дорогая Екатерина Павловна…» Письма женщин и детей. Письма в их защиту. 1920–1936. По документам фондов: Московский Политический Красный Крест; Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным / Сост. Л. Должанская, И. Осипова; научн. ред. Я. Леонтьев. СПб.: Звезда, 2005.

Изгнанники в своей стране: письма из советской ссылки 1920–1930-х годов: по документам фонда «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» / [сост., подгот. текста, вступ. статья О. Л. Милова; отв. ред. С. В. Чешко]; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; ГА РФ. М.: Наука, 2008.

Читая письма заключенных, ссыльных, их родных и друзей, ответы на эти письма, переписку с карательными органами и государственными структурами, с зарубежными организациями помощи российским политзаключенным, с Международным Комитетом Красного Креста, бухгалтерские отчеты и др., поражаешься тому, какую тяжелейшую работу Екатерина Павловна взвалила на себя, какое огромное количество людей обращалось к ней за помощью и скольким она (вместе со своим заместителем и небольшим штатом сотрудников) пыталась помочь и помогала в той или иной степени. Почему она не отказалась от этой работы, получала ли за нее зарплату, а если нет, то из каких источников брала деньги на жизнь, каковы были ее отношения с репрессивными органами, с Ф. Дзержинским, почему она не погибла, как погибли многие из ее окружения? На эти вопросы, а также и на ряд других — понимала ли она сущность советской власти, как относилась к преследованию большевиками членов других политических партий, в том числе ее бывших товарищей по партии эсеров, верила ли в виновность обвиняемых на процессах над «врагами народа», сыграла ли какую-либо роль в возвращении А. М. Горького в Советскую Россию, верила ли в версию его «умерщвления», что думала о неожиданной смерти сына и др. — хотелось бы иметь ответ.

Ее деятельность — помощь тем, кто был объявлен врагом Советского государства, — плохо укладывалась в рамки большевистской морали. По своему происхождению (из дворян) и партийной принадлежности (член партии эсеров с 1905 по 1918 год) она не могла импонировать большевикам. Она была связана с лицами, живущими за границей, и с заграничными организациями, что также делало ее вполне уязвимой в глазах советского правосудия. При этом она никогда не арестовывалась (следственные дела против нее возбуждались дважды: в 1919 и 1922 годах, под следствием она находилась в общей сложности более 3,5 года).

Екатерина Павловна была очень сдержанным и «закрытым» человеком, и воспоминаний о своей работе по помощи политзаключенным она не оставила (хотя память у нее была замечательная и ее воспоминания о молодых годах А. М. Горького и о некоторых людях, его окружавших, содержат много интересных сведений). Дневников она не вела, правда она писала письма, множество писем, но они, как правило, носили деловой характер, реже описательный. Может быть, потому, что она была «конспи-

ратором» с юных лет, своими размышлениями с адресатами она не делилась, чувствами делилась чрезвычайно редко (исключение составляют некоторые письма к ее близкому другу М. К. Николаеву). Имеются воспоминания о ней, их немного, и написаны они людьми, знавшими Екатерину Павловну в основном в последние годы ее жизни, а прожила она долгую жизнь и умерла, когда ей было почти 89 лет. Она говорила, что прожила не одну, а несколько жизней и все они были интересны. Нам же наиболее интересными представляются годы ее работы по помощи политзаключенным — работы, составившей отдельную страницу советской истории. В «Автобиографии», написанной Екатериной Павловной в декабре 1958 года, она отвела этой работе одну коротенькую фразу: «С 1918 г. по 1938 г. — в “Помощи политзаключенным”»[5].

Архивные материалы организаций, возглавляемых Екатериной Павловной, документы из фонда Ф. Дзержинского, из архива ФСБ, из Русского зарубежного исторического архива дают возможность составить представление об этом периоде ее жизни — о его внешней стороне, но о ее взаимоотношениях с некоторыми людьми и структурами можно только догадываться. Что же касается внутреннего мира Екатерины Павловны — он ушел вместе с ней, однако по некоторым ее письмам, письмам к ней, воспоминаниям современников все-таки можно понять, какие чувства ею владели, а главное, можно понять, какими качествами она обладала, почему ей удалось сделать так много для людей (отдельного человека) в условиях, не располагавших к такому роду деятельности.

Какой она была? Она не была политиком, хотя одно время входила в ЦК партии эсеров, а после Февральской революции была выбрана гласной Московской городской думы. В ней не было геройства. Она не была веселой, остроумной, легкой в общении, человеком-праздником. Отличительными ее качествами были сочувствие к людям и энергия, направленная на помощь им. Ей было органично стремление вникнуть в положение каждого отдельного человека, в его обстоятельства и трудности и постараться помочь. При внешней суровости она была очень терпима к людям, они ее не возмущали, не сердили, не раздражали, ей были чужды чувства ненависти и гнева, при этом в ней не было ханжества и фарисейства. А еще у нее было «врожденное чувство справедливости» — так

[5] АГ. ФЕП-рл 1–8–3.

говорила о себе она сама. И она никогда не лгала, просто «не умела лгать» — так говорили о ней другие. В ее жизни было много потерь, страданий и горя, но она очень старалась, чтобы ее личные горести не затрагивали окружающих. В письме к М. К. Николаеву есть строчки о том, что у нее тяжело на душе, что в таком состоянии она «менее продуктивна» и все делает «через силу» и «заставляет ее делать только сознание», что ее «состояние никого не касается»[6].

Наверное, ее жизнь была «служением» — служением добру, хотя сама она так не формулировала, да, наверное, так и не думала. Огромное влияние на нее оказал А. М. Горький, но свой путь она нашла сама, и определили его ее личные качества: тяга к справедливости, отзывчивость к людским бедам, безупречная честность, энергия, работоспособность, сильный характер. Став женой А. М. Горького, она восприняла взгляды передовой российской интеллигенции, отвергнувшей буржуазные идеалы и мечтавшей о революционном переустройстве жизни. Как член партии эсеров она была тесно связана с людьми, для которых террор являлся одним из методов борьбы за счастливую жизнь. Она в этой борьбе заняла скромное место — помощь ее жертвам. В советское время она не вступила в конфронтацию с большевистской властью, приняв ее как данность (выбор народа), а пыталась, пока это было возможно (до времени «большого террора»), путем переговоров с репрессивными органами и используя личные связи помогать отдельным людям выжить и выживать (и таких людей, обращавшихся за помощью в ее организацию, было более ста тысяч).

Людей, знавших Екатерину Павловну, осталось немного. По отношению к ней их объединяет безусловное уважение, благодарность за атмосферу, которую она создавала вокруг себя, и любовь.

Цель настоящей книги — попытка сохранить ее образ и понять, в чем состоит уникальность ее личности, почему ей удалось так много сделать для людей. Книга не является литературным произведением — биографическим романом. Уважая приверженность Екатерины Павловны «факту» и ее склонность к «закры-

---

[6] АГ. ФЕП-рл 8–15–440. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 14 сентября 1930 г.

тости», мы старались включать в книгу только фактический материал. Мы сочли необходимым включить и материал, связанный с поездками Екатерины Павловны, т. к. он может представлять исторический интерес (в частности, подтверждая или опровергая некоторые предположения). Внешне дни жизни Екатерины Павловны были наполнены бытовыми заботами о семье, близких и работой (тоже заботами о людях), и никакой героики (при эмоциональной внутренней жизни). Главным в жизни Екатерины Павловны были люди, поэтому в книге о ней большое место отведено людям, ее окружавшим, особенно Алексею Максимовичу и Максиму.

В книгу включены документы архивов ГА РФ, ЦГАМО, РГАСПИ, ЦА ФСБ РФ, АГ ИМЛИ, РГАЛИ, ГАНО, ЦД «Народный архив», архива Б. Меринг (The International Institute of Social History in Amsterdam), архива И. К. Гогуа (архив Общества «Мемориал»), личных архивов М. М. Пешковой, Е. А. Шингаревой, М. И. Вольнова, Ю. А. Файта, Т. Э. Шпольской, семьи А. Н. Баха, а также письма А. М. Горького к Е. П. Пешковой и другие материалы, опубликованные в изданиях АГ ИМЛИ.

При составлении настоящих комментариев использовались комментарии следующих изданий:

АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Архив А. М. Горького. Том V. А. М. Горький. Письма к Е. П. Пешковой. 1895–1906: Москва, Государственное Издательство Художественной Литературы, 1955.

АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Архив А. М. Горького. Том IX. А. М. Горький. Письма к Е. П. Пешковой. 1896–1932: Москва, Издательство «Художественная Литература», 1966.

Архив А. М. Горького. Том XVI. А. М. Горький и М. И. Будберг. Переписка (1920–1936). М.: ИМЛИ РАН, 2001.

Вокруг смерти Горького. Документы, факты, версии. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 6. М.: Наследие, 2001.

Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Горький и его корреспонденты. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 7. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Половинкин С. М. Священник Сергий Булгаков и Крым // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. Вып. 3. М., 2001. С. 169–187.

Пархомовский М. «Книга об удивительной жизни Ешуа Соломона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался, в четырех частях с прологом и эпилогом. 2-е изд., перераб. и доп. / Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье». Иерусалим, 1999.

* * *

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы НИПЦ «Мемориал» — «История карательной и исправительно-трудовой политики в СССР в 1917–53 годах». Особая благодарность сотрудникам НИПЦ: И. С. Заикиной, И. И. Осиповой, М. Л. Кофман, А. Л. Войцеховской, С. С. Печуре, Л. А. Щербаковой, Я. В. Леонтьеву, а также руководителю научных программ А. Б. Рогинскому.

Мы благодарим руководство и сотрудников Государственного архива Российской Федерации за неоценимую помощь в предоставлении архивных документов: С. В. Мироненко, К. С. Дроздова, Н. В. Шикунова, Д. Ч. Нодия, А. И. Цветкову, Л. И. Петрушеву, И. В. Антипову, Н. И. Абдуллаеву.

Огромная благодарность за предоставленные документы и доброжелательное отношение к теме настоящей книги руководству и сотрудникам архива и музея А. М. Горького ИМЛИ им. А. М. Горького РАН А. Б. Куделину, Е. Р. Матевосян, Г. Э. Прополянис, С. М. Демкиной, М. Донцовой.

Большое спасибо за предоставленные документы сотруднице Центрального архива ФСБ Российской Федерации Н. В. Воякиной.

Самая искренняя благодарность за предоставленные документы и рассказы о жизни Екатерины Павловны и ее окружения Марфе Максимовне Пешковой, Александру Константиновичу Граве, Екатерине Аркадьевне Шингаревой, Максиму Ильичу Вольнову, Татьяне Эдуардовне Шпольской, Игорю Сергеевичу Балаховскому, Татьяне Владимировне Сотсковой, Наталье Наумовне Фрид (Гариной-Михайловской), Юлию Андреевичу Файту, Андрею Гаврииловичу Волкову, Кириллу Георгиевичу Малянтовичу, Алексею Брониславовичу Сосинскому, Марине Владимировне Базилинской,

Флоре Павловне Литвиновой. За предоставленные фотографии мы искренне благодарим Агнешку Чещлик, Якуба Цертовича, Ольгу Блинкину, Елену Балаховскую, Юлию Гогуа.

Самое большое спасибо моей сестре Д. А. Эльгорт, благодаря терпению и моральной поддержке которой эта книга состоялась.

Особая благодарность Фрэнсису Грину, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Екатерина Павловна Пешкова (урожденная Волжина) родилась 13 (26) июля 1876 года в городе Сумы Харьковской области. В метрической книге Николаевской церкви с. Семереньки Ахтырского уезда Харьковской епархии записана дата ее рождения 13 июля и крещения 1 августа 1876 года (по старому стилю)[1].

Отец Волжин Павел Николаевич (1840–1896) — мелкопоместный дворянин («не служащий дворянин», как указано в метрической записи Е. П. Пешковой), окончил естественный факультет Киевского университета. Он владел небольшим имением Семереньки (усадьба с несколькими десятинами земли при ней), полученным в наследство от отца — помещика. Ботаник по специальности, он был увлечен улучшением породы семян пшеницы и сахарной свеклы и содержал семенное хозяйство. В конце 1870-х годов (когда его старшей дочери Кате было всего полтора года) имение было продано в уплату долга соседа, за которого П. Н. Волжин имел неосторожность поручиться. После продажи имения он служил управляющим хозяйствами со свекловичными плантациями в Воронежской и Самарской губерниях. Тяжело заболев, оставил службу, давал заметки в сельскохозяйственные журналы.

Мать Волжина (урожденная Родионова) Мария Александровна (1848–1939). Ее мать (бабушка Екатерины Павловны) — урожденная Эглис.

С 1888 года семья Волжиных жила в Самаре.

В 1895 году Катя Волжина окончила Самарскую гимназию и начала работать корректором в редакции «Самарской газеты».

В 1896 году она вышла замуж за писателя Алексея Максимовича Пешкова, имела с ним двух детей: сына Максима (1897–1934) и дочь Катю (1901–1906). В 1904 году их брак распался, но до конца жизни они оставались друзьями и близкими людьми.

---

[1] В АГ хранится фотокопия этой записи.

С 1899 года начала заниматься общественной работой. До 1904 года — в Нижнем Новгороде: «Народный дом» и «Красный Крест». В 1904–1905 годах — в Крыму: помощь революционным матросам; в это время она примкнула к партии эсеров.

В конце декабря 1906 года она (по настойчивому приглашению Горького) покинула Россию и вместе с сыном выехала в Италию.

В 1907–1913 годах — в эмиграции: Франция, Италия, Швейцария, в основном — Франция, Париж. Занималась общественно-политической работой: Парижская эмигрантская касса по организации материальной помощи русским политэмигрантам (1908–1912), организация в Париже библиотеки для детей русских политэмигрантов, работа в организованном В. Н. Фигнер «Комитете помощи политическим каторжанам в России» (1910–1913), участие в попытках создания за границей «Музея истории борьбы за политическое освобождение России» (1912–1913). Весной 1909 года (после разоблачения Азефа) была выбрана в Заграничную Делегацию ЦК ПСР 1909–1911). Кроме того, посещала в Сорбонне кружок французского языка для русских и лекции по социальным наукам.

В конце 1913 года вернулась в Россию. Работала в нелегальном кружке «Красный Крест», собирала для Горького материалы о жизни евреев в России и ответы на вопросы анкеты «Дети и война». С осени 1914 года по 1918 год работала в обществе «Помощи жертвам войны», где заведовала Комиссией помощи детям. В 1915 году вместе с адвокатом И. Н. Сахаровым (дедом академика А. Д. Сахарова) на средства Земского и Городского Союзов организовала отряд, занимавшийся сбором и вывозом детей, оставшихся за линией фронта.

В 1917 году после Февральской революции начала работать в Московском бюро «Общества помощи освобожденным политическим» и была выбрана его председателем. В том же 1917 году была выбрана гласной Московской городской думы. После Октября 1917 года работала в обществе «Культура и свобода» и в Художественно-просветительском союзе рабочих организаций.

В 1918–1922 годах — в Московском политическом Красном Кресте. Была одним из его учредителей, товарищем председателя, а с 1922 года — председателем.

С осени 1920 года и до апреля 1937 года — Уполномоченный Бюро Польского Красного Креста в СССР.

С ноября 1922 года до июля 1938 года возглавляла организацию «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным».

С 1936 года участвовала в организации Архива и Музея А. М. Горького в Москве и помогала в устройстве экспозиций музеев А. М. Горького в городах Горьком (Нижний Новгород), Казани, Куйбышеве и в селе Мануйловка Полтавской губернии.

Во время Великой Отечественной войны работала в организациях, помогавших эвакуированным и пострадавшим от войны детям (начала эту работу в конце 1941 года в Ташкенте).

По окончании войны вновь начала хлопотать за осужденных и вновь обращалась с просьбами к власть имущим, теперь уже не имея официальных полномочий, а лишь используя личные связи. Позже, когда наступило время реабилитаций, помогала людям восстанавливать их добрые имена и попранные права.

В последние годы жизни являлась консультантом Архива А. М. Горького при Институте мировой литературы имени Горького (ИМЛИ). Среди подготовленного ею к печати — два тома писем А. М. Горького к ней.

За свою работу по репатриации польских граждан награждена почетным знаком Польского Красного Креста (в 1925 году). За работу по помощи эвакуированным и пострадавшим от войны детям награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. Кроме того, за активную общественную деятельность награждена Правительством СССР орденами Знак Почета 1-й степени (в 1957 году) и Трудового Красного Знамени (в 1958 году).

Екатерина Павловна Пешкова умерла 27 марта 1965 года в Москве. Похоронена на Новодевичьем кладбище.

До конца долгой и нелегкой жизни она сохранила лучшие качества своей души: доброту, отзывчивость и стремление приносить людям пользу.

ВНЕШНИЙ ОБЛИК

«…Екатерина Павловна, когда я с ней познакомилась, была совсем молодой женщиной. Она была среднего роста, очень худенькая и казалась небольшой. Удивительно изящная, черты лица некрасивые, если их разбирать, но все лицо, особенно иногда, было прекрасно. Волосы темно-русые, волнистые, густые, брови прямые, длинные ресницы и удивительные глаза, светлые, зеленоватые и взгляд такой пристальный. <…> Она очаровывала всех, хотя держалась очень скромно, как бы в тени. <…> На Алексея Максимовича она имела большое влияние, но держалась так, чтоб этого никто не замечал. <… > Детей своих она любила безумно».

В. Н. Кольберг.

«Узнавая ее ближе, я не переставала и любоваться, и восхищаться ею; она была красива той мягкой красотой, которой отличаются часто женщины высокого интеллекта. Черты лица правильные, красивые серые глаза, но самое главное — выражение ее лица. Оно было чудесным, она была сдержанной в проявлении чувств, казалась строгой, не любила пустой болтовни и была очень женственной, несмотря на возраст. Все ее движения были неторопливыми, походка легкая, жесты скупые, она была полна изящества. Не любила много говорить и любила слушать».

А. Н. Пирожкова.

«1964, 21 марта. Екат<ерина> Павл<овна> — феномен. Ей 84 года, (говорят: 87), она легко поднялась на 2-й этаж, осмотрела все уголки в моих комнатах, даже выбежала без пальто на балкон, ходила смотреть детскую библиотеку, недавно была в Одессе, там была горьковская сессия, очень поздоровела (по сравнению с Барвихой) — и, как это ни странно, сохранила много женственности, прелестного изящества души».

К. И. Чуковский.

1

САМАРА. ГОДЫ УЧЕБЫ. ЗАМУЖЕСТВО. 1888–1896 гг.

О детстве Кати Волжиной до того времени, как ее семья перебралась в Самару, мы практически не имеем сведений. Самые ранние сведения, которыми мы располагаем, относятся ко времени проживания семьи Волжиных в Самаре.

Семья Волжиных перебралась в Самару в 1888 году, когда Кате было 12 лет. Жили в меблированных комнатах Пелля. Жили трудно. Павел Николаевич тяжело болел, поэтому был вынужден оставить службу, подрабатывал публикацией заметок в сельскохозяйственных журналах. Мария Александровна давала уроки иностранного языка, переписывала бумаги, шила белье (в этом ей помогали дочери Катя и Саша). Приходилось продавать вещи. В 1892 году Мария Александровна получила место заведующей благотворительной столовой Общества попечения о бедных[1]. Семья переехала в квартиру, расположенную во дворе дома, в котором находилась столовая[2]. Квартира была бесплатная. Кроме того, Марии Александровне полагалось пятнадцать рублей жалованья и два ежедневных обеда. Для семьи, перебi-

[1] Осенью 1891 г. Самарское общество попечения о бедных открыло дешевую столовую на 600 человек. Беднейшее население города, а также и пришлые рабочие имели возможность получать обед из чашки щей с 1/2 фунта мяса и 1 фунтом хлеба. (Объявление об открытии столовой было помещено в «Самарской газете» 24 октября 1891 г.)

[2] Дом находился на Николаевской улице и принадлежал Обществу попечения о бедных.

вавшейся случайными заработками, это было серьезным подспорьем.

После переезда в Самару Катя больше года не училась — не было средств, чтобы платить за гимназию. В доме Пелля она познакомилась с девушкой по имени Маруся Гефтер (она жила нахлебницей у хозяев), которая начала заниматься с ней по гимназической программе, и среди учебного года Катя поступила в третий класс гимназии. Некоторое время спустя ее пригласила к себе жить мать ее одноклассницы Екатерина Васильевна Молгачева — жена самарского архитектора, а впоследствии актриса и антрепренер. Павел Николаевич был недоволен тем, что его дочь живет у чужих людей, и по его настоянию Катя перешла жить в общежитие при гимназии. Плату за общежитие — 3 рубля в месяц — вносила самарская благотворительница В. А. Курлина, бывшая председателем Общества попечения о бедных. С 4-го класса гимназии Катя начала давать уроки математики.

В 1894 году она окончила 1-ю женскую Самарскую гимназию с большой серебряной медалью, а в следующем, 1895 году — дополнительный восьмой класс (девушки, окончившее его, получали звание домашней учительницы) и начала работать корректором в «Самарской газете».

Пригласил ее на место корректора (взамен заболевшего) Николай Петрович Ашешов — фактический редактор «Самарской газеты». Талантливый журналист, он окончил юридический факультет Петербургского университета; административно высланный из столиц, приехал в Самару. Под его редакцией «Самарская газета» приобрела либеральный характер; в газете сотрудничали Н. Г. Гарин-Михайловский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Е. Н. Чириков и др. прогрессивные литераторы и журналисты. В 1895–1896 годах в ней работал (приглашенный по рекомендации В. Г. Короленко, с которым дружил Н. П. Ашешов) начинающий журналист Алексей Пешков. Под псевдонимом Иегудиил Хламида он вел раздел «Между прочим» — ежедневный фельетон на злободневные общественно-политические темы, а кроме того, писал рецензии, очерки, рассказы.

В «Самарской газете» существовал обычай: когда в редакции появлялся новый человек, его приводили в дом судебного следователя Я. Л. Тейтеля, где он знакомился с местным обществом.

Алексея Пешкова как сотрудника «Самарской газеты» также ввели в дом Тейтеля. Гостеприимный дом Якова Львовича Тейтеля был подобием демократического клуба, в нем бывали ученые, писатели, журналисты, судебные деятели — люди разных убеждений: демократы, либералы, марксисты, и все они открыто выражали свои мнения. Здесь «царила безграничная свобода слова», — вспоминал А. М. Горький. В своих мемуарах Я. Л. Тейтель описал и дом в Самаре. «Наш дом в Самаре был чуть ли не единственным открытым домом, где запросто бывали люди всевозможных направлений. Самара была тогда еще местом ссылки для политических. В Самаре часто задерживались политические ссыльные, возвращавшиеся из Сибири по отбытии ими наказания; задерживались они на предмет проверки их благонадежности... На наших вечерах или, как их в шутку называли, “ассамблеях” бывало от 150 до 200 человек; устраивались они очень часто по всякому поводу. Так как квартира была небольшая, то кровати и гостиная мебель выносились, не щадили зимой даже горшков с цветами, а из соседних домов приносились столы и стулья. Двери в коридоре часто не затворялись, так как везде стоял народ. На этих вечерах происходили интересные споры по разным политическим и литературным вопросам. Некоторые из гостей были ярыми спорщиками: Чириков, Смирнов, Ашешов, Вакар, Чешихин, Маслов; а некоторые любили слушать, в числе последних был Горький. Горький любил вставлять меткое словечко, чисто народное, и одной фразой как бы резюмировал весь спор»[3].

А. М. Горький о Я. Л. Тейтеле отзывался так: «Мне посчастливилось встретить человек шесть веселых праведников: наиболее яркий из них — Яков Львович Тейтель, бывший судебный следователь в Самаре, некрещеный еврей»[4], «…это как бы второй доктор Гааз — человек, всю свою жизнь бескорыстно и с восторгом служивший людям»[5].

---

[3] Тейтель Я. Л. Из моей жизни. За сорок лет. Париж, 1925. URL: http://www.jeu.spb.ru/ A265/A265-04/.htm/

[4] Горький М. О Гарине-Михайловском. ПСС. Т. 20. С. 75–76 // Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 38.

[5] А. М. Горький — З. Гржебину (1922) // Максим Горький и Самара. 1968. С. 413 // Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 38.

Племянница Я. Л. Тейтеля Маруся Розенблюм привела в его дом свою подругу Катю Волжину. В этом доме Катя и познакомилась с Н. П. Ашешовым.

В июне 1895 года Екатерина Павловна уже работала в «Самарской газете»[6]. К концу года они с Алексеем Максимовичем решили пожениться (она «дала ему слово быть его женой»). Родители Екатерины Павловны, особенно Мария Александровна, были против этого брака, считая его мезальянсом: газетчик, странно и дурно одетый вчерашний бродяга; хотя он и удивлял интеллигентных самарцев своей начитанностью, но в целом самарское образованное общество относилось к нему несколько свысока (когда спустя несколько лет его слава гремела по всей России, в Самаре удивлялись: неужели это тот, в странной разлетайке?). В надежде оградить дочь от нежелательного претендента родители отправили ее в Петербург погостить у живших там родственников. Павел Николаевич продолжал тяжело болеть. Катя вернулась в Самару и едва успела проститься с ним. 10 марта 1896 года он умер.

Алексей во время отсутствия невесты регулярно навещал Павла Николаевича, с которым нашел общий язык и который, по словам Екатерины Павловны, понял и одобрил выбор дочери.

А вот что Екатерина Павловна на склоне лет захотела рассказать об этом периоде ее жизни. (Надо заметить, что рассказывала она не о себе, а о пролетарском писателе Алексее Максимовиче Горьком, о его работе в «Самарской газете» и его отношениях с людьми.)

«<...> Начну с приезда Алексея Максимовича в Самару в 1895 году.

Когда я познакомилась с ним (это было в 10-х числах июня 1895 года), он мне рассказал, что приехал в Самару 5 или 6 марта. Ехал из Нижнего через Москву. По приезде с вокзала пошел прямо в “Самарскую Газету”, шел пешком. С ним был небольшой чемо-

[6] Интересно, что первый том писем А. М. Горького к Е. П. Пешковой (Архив А. М. Горького. Т. V) открывается запиской: «Екатерина Павловна! Не обращая внимания — за моей ответственностью — печатайте! Гранка у цензора была — это его ошибка, а не наша. Печатайте. Ваш А. Пешков». Эту деловую записку, датированную июнем 1895 г., Екатерина Павловна сохранила.

данчик с книгами и сменой белья. <...> Через несколько дней он познакомился с Марией Сергеевной и Карлом Карловичем Позерн. С ним его свел Александр Александрович Смирнов, сотрудник "Самарской Газеты", который на другой же день по приезде Алексея Максимовича встретился с ним в редакции и заинтересовался им, а вскоре они и подружились.

Марии Сергеевне Позерн очень пришелся по душе Алексей Максимович. Она и ее дочь Зинаида Карловна, жена А. А. Смирнова, приняли в нем горячее участие и занялись устройством его быта. <...> Приехал Алексей Максимович в Самару полубольной, в очень нервном состоянии, и большое спасибо Марии Сергеевне, что она ввела его в круг своей семьи и все время заботилась о нем. <...>

В редакции "Самарской Газеты" Алексей Максимович тоже был принят очень хорошо. И тогдашний редактор Николай Петрович Ашешов, и хозяин газеты — издатель Семен Иванович Костерин, и заведующая конторой редакции Евгения Семеновна Иванова — все они отнеслись к нему с большим интересом и вниманием.

Когда я познакомилась с Алексеем Максимовичем, он уже несколько поздоровел, и его нервная система окрепла. <...>

Я в это время только что окончила Самарскую гимназию и по приглашению Николая Петровича Ашешова, редактора "Самарской Газеты", поступила в газету заменить заболевшую корректоршу.

Страшно мне было в первый раз переступать порог редакции. Быть в большом обществе взрослых мне не приходилось, а тут, открыв дверь редакции, я услышала шум и хохот. На столе стоял Алексей Максимович и дирижировал, все были навеселе и пели: "Гаудеамус игитур ювенас дум сумус…"[7].

В испуге я сделала шаг назад и закрыла дверь, но следом за мной выбежал Ашешов и объяснил мне, что провожают уезжавшего сотрудника Серг<ея> Гусева — Солово-Глаголь. Николай Петрович провел меня в корректорскую. <...>

Мой испуг смутил сотрудников, и завтраки с выпивкой в редакции прекратились; к завтраку стал подаваться самовар, мальчик

[7] Gaudeamus igitur juvenes dum sumus (лат.) — Будем веселиться, пока молоды.

из типографии, “Никита Егорыч”, приносил горячие французские булки, масло, колбасу. Обычно к завтраку, кроме сотрудников редакции, приходила и заведующая конторой Евгения Семеновна Иванова, часто заходил Иван Андреевич Гусев, заведующий типографией Жданова, в которой печаталась “Самарская Газета”. Зачастую появлялся в это время и издатель газеты Семен Иванович Костерин. Это был очень скромный “хозяин” газеты, который точно стеснялся своего положения. Он охотно шел навстречу сотрудникам и особенно сразу стал считаться с мнением Алексея Максимовича, с которым вскоре у него установились дружеские отношения.

Иногда завтраки очень затягивались. Это бывало, когда Алексей Максимович начинал рассказывать что-либо из своих встреч и впечатлений во время его хождений по Руси. <...>

Я быстро освоила немудреную работу корректора и работала сначала по двое суток, а вскоре по четыре дня в неделю. С первых же дней я отметила, что только один из сотрудников “Самарской Газеты” — Алексей Максимович Горький приходил сверять свои тексты в корректурных гранках. <...>

За эти часы совместной работы в корректорской я ближе познакомилась с Алексеем Максимовичем и полюбила его.

Перед новым, 1896 годом, по инициативе Алексея Максимовича, мы устраивали в помещении редакции елку для мальчиков, работающих в типографии, и для детей наборщиков. Всем им были сделаны подарки, всех хорошо угостили.

Под Новый год зажгли елку для сотрудников и приглашенных гостей. Все были костюмированы, Алексей Максимович был в костюме странника.

Вечер затянулся до 6 часов утра. Алексей Максимович пошел проводить меня домой, и тут я дала ему слово быть его женой.

Мое решение встретило сопротивление моей семьи, особенно матери. Ее пугала моя молодость и неопытность в жизни, а особенно прошлая непоседливая жизнь Алексея Максимовича. Меня просили подумать, не торопиться. Я согласилась. Чтобы переменить окружающую обстановку, меня отправили в конце января 1896 года к родственникам в Петербург и Кронштадт. Разлука с Алексеем Максимовичем еще больше укрепила меня в моем решении.

Когда я была в Петербурге, то узнала об обострившейся болезни отца, который давно болел, и вернулась в Самару, застав его уже при кончине.

В мое отсутствие Алексей Максимович ежедневно навещал его, часами просиживал у его постели, они оценили друг друга и близко сошлись. Теперь уже и отец одобрял мое решение.

Отца похоронили в Самаре на Всесвятском кладбище.

Мы решили отложить нашу свадьбу до осени»[8].

В это время Алексею Пешкову было 28 лет, Кате Волжиной еще не было 20. Он был старше ее не только по возрасту.

Она выросла в семье разорившегося провинциального помещика, озабоченного проблемами материального обеспечения семьи. Хорошая и послушная дочь, она с самых юных лет старалась собственным трудом помогать семье преодолевать нужду. Задумывалась ли она о своем месте в жизни? Скорее всего, она намеревалась быть женой и матерью, во всяком случае, задач революционного переустройства общества она перед собой не ставила.

Он со своим огромным и действительно горьким жизненным опытом, видевший и переживший столько мерзостей и страдания, со своей самобытностью, с несомненным литературным талантом и талантом рассказчика, с потрясающей работоспособностью, с непримиримостью к пошлости купеческой и обывательской жизни, изменить которую мечтал, выделялся из среды самарской интеллигенции. Юная Катя Волжина не могла не откликнуться на его любовь; эта была ее первая любовь, и она осталась верна ей, несмотря на всю нехрестоматийность последующей жизни.

В одном из его первых писем к ней есть такие строки: «Как хорошо, что ты незнакома с жизнью, с этим мучением, с этим вечным подчинением великих замыслов — ничтожным препятствиям, с этой горькой насмешкой надо всем, что хорошо и свято. Если бы ты никогда не поняла всей горечи человеческого существования!»[9] Екатерине Павловне пришлось в полной мере вкусить «всю горечь человеческо-

---

[8] Пешкова Е. П. Горький в Самаре // Горький Максим. О любви: [рассказы] / Максим Горький; [Сост., очерк «Большая любовь по Максиму Горькому» В. И. Баранова]. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 401–405.

[9] АГ. Т. V. С. 12. Из Самары в Москву, 9 февраля 1896 г.

го существования», и немалую долю в эту горечь внес «собственноручно» Алексей Максимович. А пока что он ей пишет: «Если бы не ты, я завтра бы, даже сегодня уехал бы из Самары. <…> Все люди — враги мне, и только ты мне нужна, только в тебя я верю»[10].

Он делится с ней своим отношением к жизни и своими честолюбивыми замыслами: «У меня, Катя, есть своя правда, совершенно отличная от той, которая принята в жизни, и мне придется страдать за мою правду, потому что ее не скоро поймут и долго будут издеваться надо мной за нее»[11]; «Два хороших удара равнодушию публики — и я — известность. Остальное — не трудно. Дальше для меня нет препятствий. Проклятие деньгам и тем условиям жизни, которые позволяют человеку зависеть от рубля — бумажки грязной и скверной. Из-за этого рубля погибло много великих людей, и я — быть может — погибну, из-за него же. Он — как печать дьявола на судьбе людей»[12]; «Катя, ты молишься? Молись, чтобы напечатали мой рассказ, который я посылаю завтра. Если его напечатают, он сделает шум, а это ускорит наше будущее»[13].

В конце мая 1896 года в Нижнем Новгороде открылась Всероссийская торгово-промышленная и художественная выставка, и Алексей Пешков был приглашен на нее в качестве специального корреспондента газеты «Одесские новости»; одновременно он сотрудничал как беллетрист и публицист в газете «Нижегородский листок»[14]. Из Нижнего он чуть ли не ежедневно пишет письма Кате в Самару, где она продолжает работать корректором в той же «Самарской газете». Он подробно рассказывает ей о выставке, о людях, с которыми сталкивается, о своих статьях, очерках и рассказах, о планах на будущее и настойчиво уговаривает ее приехать в Нижний. «Катеринка моя! Жду тебя с нетерпением. Думаю про-

---

[10] АГ. Т. V. С. 15. Из Самары в Кронштадт, 2 марта 1896 г.

[11] Там же. С. 13. Из Самары в Петербург, 25 февраля 1896 г.

[12] Там же. С. 12. Из Самары в Москву, 9 февраля 1896 г.

[13] Там же. С. 14. Из Самары в Петербург, 25–26 февраля 1896 г.

[14] В «Нижегородский листок» А. М. Пешкова пригласил Н. П. Ашешов, к тому времени перебравшийся в Нижний Новгород и ставший фактическим редактором газеты. С мая по октябрь 1896 г. в газете был напечатан цикл фельетонов под названием «Беглые заметки» за подписями «Некто Х», «Н. Х», «I. M. Pacatus», «М. Г-ий» и «М. Горький».

сить тебя ехать сюда в половине июня. Приехать сюда надо во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило. Счастливец Давыдов — к нему “она” едет на все лето! Пойми, на все лето! Вчера я ездил с ним на лодке верст за восемь от города в лес, на Фофановы горы. Там дивно хорошо — поют соловьи, вид роскошный. Мы разложили костер, сварили чай и, сидя под соснами, говорили. Нам стало грустно. И ни виды, ни соловьи — ничего уже не понравилось. <...> Приезжай! Очень прошу! Пусть мама даже и посердится немного — помиримся после»[15]. «Приехать сюда — это не удовольствие, а необходимость. Заметь, что выставка — важное, национальное дело, дело всего государства, результат деятельности с лишком ста лет миллиона людей, трудившихся в течение 15 лет — считая от московской выставки 1882 года. <...> Тебе, жене литератора, нужно знакомиться с жизнью страны, в которой он намерен быть не “последней спицей” ее культурной колесницы. Круг моих интересов и идей должен быть доступен и знаком <тебе> — а то мы не будем понимать друг друга. Приехать сюда надо, Катя»[16]. «Какие роскошные вещи есть на выставке, так и купил бы. Купим — в будущем. Жду тебя, так хотел бы поехать с тобой на выставку, погулять там, потом сходить в роскошный театр Малкиэля, где дают только одну оперетку “Сан Жен”, но в такой чарующей обстановке, что ты и представить не можешь. Потом послушали бы Главача, Славянского, сходили в цирк, в Большой театр, где играют Южин и Лешковская, в оперу… И ночью возвращались бы при волшебном освещении через реку в город. Катя, Катя, как много здесь поэзии, но как все мертво и противно без тебя»[17]. «Хотел работать — не могу. Уж ночь давно, и темный сад так странно смотрит мне в окно… Стоят деревья и молчат. И тишь вокруг… Но все равно — в душе моей нет тишины — мечты мои — тобой полны, тобой, мой славный, нежный друг… Но тьма вокруг и тишь вокруг, и нет тебя, далеко ты! Моя душа — полна тоски <...>»[18].

Алексей обратился к Марии Александровне с длинным письмом, в котором просил отпустить в Нижний с Екатериной Павлов-

---

[15] АГ. Т. V. С. 19–20. Из Нижнего Новгорода в Самару, 21 мая 1896 г.
[16] Там же. С. 27. Из Нижнего Новгорода в Самару, 1 июня 1896 г.
[17] Там же. С. 33. Из Нижнего Новгорода в Самару, 13 июня 1896 г.
[18] Там же. С. 35. Из Нижнего Новгорода в Самару, 19 июня 1896 г.

ной и ее сестру. Он обосновывал необходимость посещения выставки «высокой степенью ее полезности»: «ибо обогатит их знания и увеличит жизненный опыт в десять дней так, как в будничной жизни не обогатит и год». Писал, что снял для них квартиру — «очень хороший семейный дом прекрасного тона». Письмо он закончил так: «Пока до свидания, Мария Александровна, — я с большим удовольствием и глубоким чувством сказал бы Вам — до свидания, мама! Желаю Вам доброго здоровья и хорошего настроения. Надеюсь видеть здесь Шуру, сердечно жму ей руку. Екатерине Павловне — пишу. Ваш А. Пешков»[19].

В начале июля сестры Волжины приехали в Нижний. После их отъезда, несмотря на чудовищную занятость («работы по горло», «спина трещит»), он опять начинает тосковать.

24 июля: «Сегодня получил твое письмо — господи, ну зачем ты уехала? Страшная тоска угнетает меня»[20].

25 июля: «Четверг — а письма от тебя еще нет. Ночь — темная, мрачная. На небе зарево, опять где-то пожар, сейчас на Покровке с громом проскакала команда. Каждую ночь где-нибудь горит. Скучно, Катя, — так тихо, мрачно вокруг. Странный я человек, Катя, чего я хочу? У меня душа — бродяга, вечно рыщет где-то вне земли и вечно чего-то настойчиво ждет и просит. Всем я чужд, совершенно одинок я среди людей — будешь ли ты близка мне? <...> Господи, как трудно жить и как много надо сил и уменья для того, чтобы жить. Смотри, как я раскис без тебя. “Солнца нет и вянет сердце”»[21].

Начинающему писателю Алексею Пешкову был необходим родной, близкий человек, понимающий и принимающий его со всеми его сложностями, противоречиями и даже мелкими капризами. В самом начале их переписки он просит: «Я буду просить тебя исполнить мой каприз — который, быть может, покажется тебе странным. Я прошу о пустяках, в сущности — перемени бумагу и конверты. Пусть бумага будет простой, белой, побольше форматом, а конверты без этого золота и т. д. Меня — смейся,

[19] АГ. Т. V. С. 198. Из Нижнего Новгорода в Самару, 27 июня 1896 г.
[20] Там же. С. 39. Из Нижнего Новгорода в Самару, 24 июля 1896 г.
[21] Там же. С. 40. Из Нижнего Новгорода в Самару, 25 июля 1896 г.

если хочешь! — оскорбляет эта мелочь. На такой бумаге и в таких конвертах пишут флиртующие барышни и дамы полусвета — своим поклонникам. Им идет все это. Тебе — не идет»[22].

Он воспитывает будущую жену: «А эмансипация — это слово, значение которого не всеми верно понято — нужно воспитывать дух, а не воевать за юридические права. Конечно, они имеют свою цену, но они не дороже жизни, и они — все равно не дадут покоя души, не сроднят мужчину с женщиной, а еще более разъединят их. Сроднить эти два антипода может только любовь. Если мы с тобой понимаем друг друга и тогда, когда говорим глазами, если каждое твое движение, каждая тень на твоем лице — возбуждает мое внимание, отзывается в моем сердце и если ты платишь мне тем же — женский вопрос можно считать разрешенным. Ибо женщина в сказанном случае нашла себе друга в мужчине — а этого вполне достаточно для того, чтобы быть свободной»[23].

Надо отдать должное Алексею Пешкову: всячески добиваясь Кати Волжиной, уверяя ее в совершеннейшей ему необходимости, он «в видах <ее> самосохранения» не скрыл от нее своих «крупных недостатков». В пору пребывания в Нижнем Новгороде в одну из майских ночей, когда шел дождь и дул сильный ветер, а ему не спалось и сердце щемила тоска, он написал ей письмо, в котором рассказал то, что знает об Алексее Максимовиче Пешкове: о его убеждении в непохожести на других людей, о его преувеличенном мнении о себе, о требовательности к другим людям, о противоречивом, даже самому себе непонятном характере, об изломанности, грубости, невоспитанности, раздражительности, с которыми ей придется считаться. Он предупредил ее о его незавидном социальном положении: «…какое место в жизни может дать тебе странствующий литератор, человек, у которого в кармане нынче густо, завтра пусто или нет ничего? Бродячая жизнь, полная превратностей и лишений, вот что ждет тебя. Его журнальная литература — ты знаешь, это пока еще нечто, писанное на воде вилами. Ему некогда заниматься ею! Неравномерный заработок создает и нерав-

[22] АГ. Т. V. С. 13. Из Нижнего Новгорода в Самару, 25 февраля 1896 г.
[23] Там же. С. 34. Из Нижнего Новгорода в Самару, 17 июня 1896 г.

номерные потребности. Вот его социология»[24]. Предупредил о его нездоровье: «Он, я думаю, скоро издохнет. Острый ревматизм — болезнь, которая возвращается затем, чтобы убить человека. Грудь у него слаба. Спина побаливает. Вообще, он старый черт, которому надо не жену, а сестру милосердия»[25]. Но, рассказав обо всем негативе, он добавил: «…мне жалко Пешкова — я люблю его, и только я действительно люблю его. О достоинствах этого господина я не буду говорить — ты, должно быть, лучше меня знаешь их»[26].

Алексея Пешкова «действительно любил» (и всю жизнь любил) не только он сам. Катя Волжина, на которую это письмо «дурно подействовало», тоже его любила (и тоже всю жизнь). Она приняла его со всеми особенностями и недостатками, со всей непохожестью на других людей, очень высоко оценивала его литературный талант и человеческую значимость, никогда не отрекалась от него, всю жизнь оставалась его верным другом и старалась помогать ему во всем, выполнять все его просьбы, с которыми он к ней беспрестанно обращался. В числе этих просьб были и выходящие за рамки общепринятой морали и человеческих чувств. Так, в 1906 году, когда он с М. Ф. Андреевой ездил по Америке, собирая деньги на русскую революцию, и их выставили из отеля как «развратников, живущих во грехе и блуде», он обратился к Екатерине Павловне с просьбой послать телеграмму в газету «Нью-Йорк Геральд», выразив возмущение американскими нравами и протест против вторжения в личную жизнь человека, жертвующего своим талантом великому делу. («Этим ты окажешь услугу мне и делу революции»[27].)

О телеграмме-«услуге» он попросит Екатерину Павловну 10 лет спустя, а пока что летом 1896 года он больше всего боится, что она не станет его женой, что он ее потеряет. Сохранилось его письмо к Марии Сергеевне Позерн с мольбой о помощи:

«Мария Сергеевна! Как мать свою, я прошу Вас пожалеть меня. Под влиянием губернаторши Мария Александровна начала по-

---

[24] АГ. Т. V. С. 22. Из Нижнего Новгорода в Самару, 25 мая 1896 г.
[25] Там же. С. 22. Из Нижнего Новгорода в Самару, 25 мая 1896 г.
[26] Там же. С. 22. Из Нижнего Новгорода в Самару, 25 мая 1896 г.
[27] Там же. С. 177. Из Америки в Ялту, между 1 и 4 апреля 1906 г.

ход против меня и пытается влиять на Катю в смысле том, что она дворянка и я ей не ровня. Я с ума схожу от этого и боюсь несчастия <...>. Ради Господа, повлияйте на Катю. Скажите ей, что я весь ее и что я не могу без нее жить, — это будет правда, клянусь Вам! Родная, будьте так великодушны ко мне — молю Вас!»[28]

Он не перестает опасаться за судьбу предполагаемого брака, несмотря на то что Катя в одном из своих первых писем к нему на вопрос по поводу ее чувств ответила вполне определенно: «Я тебя люблю больше всего на свете». Катины желания достаточно просты, и хочет она, чтобы он был здоров и благополучен, чтобы не переутомлялся на работе и не писал противозаконных статей. «Я не писал *противозаконных* статей — я писал по совести о том, что выставка *народного* труда — не народна и что народ в ней никакого участия не принимает. Вот и все. <...> Буду беречь себя как фарфоровую чашку — если хочешь. Но не могу не работать много — как ты это знаешь. <...> Дабы не беспокоилась обо мне, буду писать ежедневно»[29].

Смущает Катю одно обстоятельство, которое Алексей решительно опровергает: «Про меня говорят, Катя, что я слишком увлекаюсь женщинами. Прежде всего — кто это говорит? Женщины. Подумай об этом, Катя. <...> Но — романы я люблю писать, а делать их — не моя специальность. Вообще я более серьезен, чем кажусь. <...> Не думай много о моих увлечениях женщинами, право же, это неправда, на меня сочинили это, как и многое другое»[30].

Он много работает, пишет поразительно много репортажей, статей, очерков, рассказов, стремится заработать как можно больше денег и очень устает. «Очень устаю и очень много думаю о тебе, и я вследствие этого пишу: “плавка таких металлов как нефть крайне затруднительна<...>”, “Самара — главнейший пункт, куда стремятся промышленники” <...>. Сибирь, а не Самара совсем… видишь — даже бредить начал в своих писаниях. <...>»[31]. При этом денег, зарабатываемых таким тяжелым трудом, все-таки не доста-

---

[28] А. М. Горький — М. С. Позерн. 1896, 14 июня. ПССП. Т. 1. С. 161 // Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 56.

[29] АГ. Т. V. С. 36. Из Нижнего Новгорода в Самару, 20 июня 1896 г.

[30] Там же. С. 42. Из Нижнего Новгорода в Самару, 27 июля 1896 г.

[31] Там же. С. 44. Из Нижнего Новгорода в Самару, 6 августа 1896 г.

точно на семейную жизнь, и в июле 1896 года (за месяц до свадьбы) он направляет письмо-прошение в Постоянную комиссию при Академии наук для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам (литературный фонд). В качестве своего адреса он указывает адрес Екатерины Павловны Волжиной.

«Я, Алексей Максимович Пешков, литератор, работающий в повременных изданиях под псевдонимом М. Горький, нуждаюсь в помощи, ибо на некоторое время вследствие суставного ревматизма и общего расстройства нервной системы по совету доктора я должен прекратить работу и поехать на юг.

Мне двадцать восемь лет, я самоучка, работаю шестой год, начал в “Кавказе”, сотрудничал в “Волжском Вестнике”, “Волгаре”, “Нижегородском Листке”, “Одесских Новостях”, “Котлин” перепечатал ряд моих рассказов в начале текущего года, в прошлом году в “Русском Богатстве” был напечатан мой очерк “Челкаш”, в “Русской Мысли” очерк “Ошибка”, в июне текущего года “Новое Слово” напечатало мой набросок “Тоска”.

Гонорар за эту работу я употреблю на уплату долгов — это необходимо, и остаюсь вне возможности работать и без денег. Работать мне запретили три месяца — меньшее. Холост. Родных нет. Прошу 150 р<ублей> и, кажется, — очень неумело прошу. А. Пешков.

Адрес: Самара. Николаевская улица, дом О-ва попечения о бедных. Екатерине Павловне Волжиной для М. Горького»[32].

Пособия в ответ на это прошение А. Пешков не получил.

Кончался август, приближался день свадьбы, а он все еще не мог решить, в какой газете предпочтительнее работать и, соответственно, в каком городе он с женой будет жить. «…решительно не знаю, что мне делать, куда ехать: в Одессу, или же в Нижний, или в Казань, может быть? В “Листке” я сохраню репутацию либерального писателя, в Казани тоже, в Одессе теряю ее. <...> В Казань я не хочу, в Нижнем у меня слишком много знакомых, что мне не особенно нравится. <...> Работать с Ашешовым и Ещиным ничего себе, можно. Особенно Ещин, редактор строгий, уверенный в себе, и мне он не даст сбиться на плохой тон — к чему я, как ты

[32] Летопись. Вып. 1. С. 179.

знаешь, склонен. За всем тем, куда идти? Я не решу этого, не поговорив с тобой»[33].

Был выбран «Нижегородский листок». Решал, конечно, Алексей. Он писал Кате: «Условия ничего, выгодные, и, я думаю, будут еще выгоднее. Здесь очень дорожат мною, и я должен этим дорожить...»[34]

Венчались Алексей Пешков и Катя Волжина 30 августа 1896 года в самарском Вознесенском соборе. Мария Сергеевна Позерн на их свадьбе была посаженной матерью. Поручителями[35] со стороны жениха выступили самарский купец и издатель «Самарской газеты» С. И. Костерин и журналист Н. А. Самойлов, со стороны невесты — студент Казанского университета А. Н. Ванатаев, кандидаты права Е. О. Юрин и А. А. Смирнов[36].

Обряд венчания совершил кафедральный протоиерей Валериан Викторович Лаврский[37] — хороший знакомый Марии Сергеевны Позерн и человек с либеральными взглядами (либеральная позиция протоиерея была важна, так как в 1887 году Алексей Пешков

---

[33] АГ. Т. V. С. 44–45. Из Нижнего Новгорода в Самару, 16 августа 1896 г.

[34] Это письмо от 11 августа 1896 г. Екатерина Павловна не включила в том писем А. М. Горького к ней. Мы его цитируем по статье Анатоля Шахлиевича «Как Горький чуть не стал одесситом» (“Porto-Franco” newspaper — Odessa, № 35).

[35] Брачный контракт подписывался женихом и невестой, двумя или тремя поручителями со стороны жениха, двумя или тремя поручителями со стороны невесты и священником, диаконом и псаломщиком.

[36] В 1933 г. А. А. Смирнов был арестован и заключен в тюрьму. С ходатайством об облегчении его участи обратился к Е. П. Пешковой его университетский товарищ, член ВКП(б) и член Общества политкаторжан М. Брагинский. Благодаря хлопотам Екатерины Павловны А. А. Смирнов был освобожден. В 1936 г. после смерти Горького А. А. Смирнов стал одним из создателей его музея в Самаре. На протяжении многих последующих лет он и его дочь М. А. Николаевская обращались к Екатерине Павловне за советами по делам музея, держали ее в курсе своих дел.

[37] В. В. Лаврский (1835–1920) был однокашником Н. А. Добролюбова по Нижегородской духовной семинарии и имел на него большое влияние. 24 января 1853 г. Н. А. Добролюбов записал в своем дневнике: «степенью моего уважения и расположения к этому человеку я измеряю мои нравственные и умственные успехи». В 1889–1910 гг. В. В. Лаврский состоял самарским кафедральным протоиереем.

после неудачной попытки самоубийства был подвергнут церковному наказанию — отлучению от церкви сроком на семь лет).

После венчания молодые покинули Самару и уехали в Нижний Новгород.

Катя Волжина избрала долю жены (спутницы жизни) провинциального литератора, не получившего образования, но имеющего намерение «быть не “последней спицей” культурной колесницы» России. Она стала Екатериной Павловной Пешковой и под этим именем вошла в историю.

* * *

К рассказанному выше о самарском периоде жизни Кати Волжиной следует сделать несколько замечаний, важных для понимания характера Екатерины Павловны.

1. Мы цитировали письма Алексея Пешкова по сборнику, который Екатерина Павловна готовила к печати в 1955 году (ей было тогда около 80 лет). Работа над сборником проходила следующим образом. Екатерина Павловна брала письмо и диктовала его машинистке, делая пропуски по своему усмотрению. Некоторые письма она вообще не включила в сборник. Среди исключенных фраз есть следующие: «А мне — кто заменит мне тебя? Никто. Ты — или я умру. <...> Родная моя, да сохранит тебя Бог — я люблю тебя безумно», «<...> пусть разверзнется земля на моей дороге — я все-таки приеду… Мне не стыдно сказать тебе, что я честью моей готов пожертвовать — украсть, убить — для того, чтобы скорее видеть тебя»[38]. Считается, что Екатерина Павловна исключала письма и фразы личного характера «из скромности», но вероятно и то, что она не хотела принижать официальный образ большого пролетарского писателя.

2. Интересна и следующая история.

Алексей, находясь в Нижнем Новгороде, просил невесту, работающую корректором в «Самарской газете», найти и вырезать из

[38] Это цитаты из статьи Вадима Баранова «Большая любовь по Максиму Горькому» // Горький Максим. О любви: [рассказы] / Максим Горький; [Сост., очерк «Большая любовь по Максиму Горькому» В. И. Баранова]. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 496. Автор, вероятно, имел доступ к письмам, хранившимся в Архиве А. М. Горького в ИМЛИ.

газеты его фельетон «В Черноморье» (первоначальное название «Песни о Соколе», напечатан в «Самарской газете» 5 марта 1895 года).

22 мая 1896 года. «Голубонька Катя! Мне очень важно иметь фельетон “В Черноморье”. Он напечатан в начале 95 года, написан белым стихом, и речь в нем идет об уже и орле. Пожалуйста, найди этот фельетон, если сможешь в двух экземплярах. Один вырежь и пришли мне, другой — спрячь. Если не найдешь его в старых газетах — вырежь из комплекта за 95 г. Очень важно это. <...> Найди же фельетон, родная».

4 июня 1896 года. «Получил сегодня 2 письма. Одно с ужом. <...> Ты напрасно переписывала, мне не надо это — мне нужен *печатный* фельетон, пожалуйста, вырежь — его необходимо иметь».

17 июня 1896 года. «Катя! Как же мой фельетон об Уже и Орле? Он положительно необходим мне. Его нужно к половине июля, как раз к твоему приезду. Вырежь его, пожалуйста! (Пусть — я говорю, Костерин возьмет за номер 5 р. 10!)»

30 июля 1896 года. «Не обижайся на меня, но вот еще что я скажу тебе. Фельетон об Уже — кусок моего ума, кусок сердца, он хорош и дорог мне, я его потерял и вместе с тем теряю право собственности на него. Я так долго просил тебя выручить у Костерина эту вещь — и ничего не добился. Понимая интерес Костерина, ты не хочешь понять моего интереса, а ведь это все равно — твой интерес. Как это грустно, Катя».

6 августа 1896 года. «За фельетон тебе спасибо!»

К последнему письму есть примечание Екатерины Павловны: «С разрешения издателя Е. П. Волжина вырезала из редакционного комплекта “Самарской газеты” и выслала Горькому его рассказ “В Черноморье”».

В этой истории с фельетоном проявилась одна из черт характера Екатерины Павловны, которую она называла «врожденной тягой к справедливости». Эта черта будет проявляться и потом. В данном случае, да и в некоторых последующих, ее можно назвать «законопослушанием». Но, может, благодаря такому уважительному отношению к существующему закону ей и удавалось многое.

3. В 2006 году в самарском журнале «PERFORMANCE» была напечатана статья М. А. Перепелкина «Золотое сердечко Екатерины Пешковой», в которой, в частности, рассказывается о приезде

Екатерины Павловны в Самару в 1948 году и о ее встрече «с бывшей заведующей конторой “Самарской газеты” Е. С. Ивановой, которая была старше Екатерины Павловны на десять лет (в 1948 году ей исполнилось восемьдесят два года). Одним из главных мотивов, заставивших гостью Самары встретиться со старой знакомой — кроме, конечно, личной заинтересованности в том, как сложилась судьба близкого когда-то для нее и для Горького человека — было, сколько можно судить по косвенным фактам, желание разрушить один из мифов горьковедческой литературы, сложившихся в 30-е годы не без участия тех, кто знал писателя в самарский период его жизни. Речь идет о связи Горького с революционными кружками и о его участии в подпольном движении. Сама Е. Пешкова придерживалась твердого убеждения, что таких связей в период, когда Горький жил в Самаре, не было, об этом она неоднократно говорила во всех своих выступлениях в Самаре. Но существовала и другая точка зрения, которую отстаивали, в частности, составители мемуарного сборника “М. Горький в Самаре”, увидевшего свет в Москве в конце 30-х годов. Об этом сборнике, одним из авторов которого была и Е. С. Иванова, и говорила с ней Е. П. Пешкова, выяснившая, что так называемые “мемуары” были написаны не самой Евгенией Семеновной, а ответственным партработником, который убедил ее, что “так надо”, после чего самой “мемуаристке” оставалось лишь поставить свою подпись под чужим текстом. О той значимости, которую придавала Е. Пешкова восстановлению исторической справедливости в таком, казалось бы, незначительном эпизоде, свидетельствует аккуратно записанная ею со слов Ивановой история появления “ее мемуаров”, заверенная подписью последней. В таком виде этот документ хранится в архиве музея»[39].

Этот фрагмент из статьи М. А. Перепелкина полностью подтверждает и другие свидетельства о приверженности Екатерины Павловны факту, истине.

[39] http://lifeart.narod.ru/nom23–24/p24_6.htm

2

СЕМЬЯ ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ И АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ПЕШКОВЫХ
Сентябрь 1896 г. — май 1904 г.

В семье Екатерины Павловны и Алексея Максимовича Пешковых главенствующая роль принадлежала Алексею Максимовичу, им определялись задачи, приоритеты и образ жизни семьи. Его жене отводилось скромное место в тени его таланта и его творческой и неординарной личности. Однако, полюбив его и выйдя за него замуж, Екатерина Павловна стала не только его женой и матерью его детей, она также стала активным помощником в его делах. Она приняла и разделила с ним жизнь, в которой общественные проблемы и устремления составляли важнейшее содержание. Но, подчиняясь мужу и стараясь во всем ему помогать, она сохранила собственное представление о ценности человеческой жизни и, обладая характером, смогла найти свой путь после того, как Алексей Максимович (к тому времени — всемирно известный писатель М. Горький) ушел из семьи, при этом она сумела остаться его другом и помощником.

НИЖНИЙ НОВГОРОД.
Сентябрь 1896 г. — январь 1897 г.

После венчания (вечером того же дня) Алексей Максимович и Екатерина Павловна уехали пароходом из Самары в Нижний. Они поселились в небольшой двухкомнатной квартире, которую подыскал Алексей Максимович. Располагалась квартира в одноэтажном деревянном доме в Вознесенском пе-

реулке[1]. Алексей Максимович об этом времени рассказывал: «Меня венчал друг Добролюбова. Да-а, потратили на свадьбу все деньги, а потом время плохонькое у нас было. Первые покупки — купил я самовар медный, красный, пузатый (смеется), кран течет, да и к самовару ничего не было. Мне неловко перед Екатериной Павловной, выходила она, в некотором роде, за писателя, а тут ничего нет. Потом купил такую штуку плетеную, она никогда и не употреблялась в дело, так и стояла в углу. Галоши что ли класть, но галош у нас не было»[2]. «Мы были молоды, счастливы, и все было чудесно» — так о жизни в этой квартире вспоминала Екатерина Павловна на склоне лет[3].

Прожили Пешковы в своем первом семейном доме недолго. В октябре Алексей Максимович заболел: у него открылся туберкулезный процесс. В начале января 1897 года по настоянию врачей и благодаря друзьям, добившимся денежной помощи из литературного фонда, Пешковы уехали в Крым.

АЛУПКА.
Февраль — май 1897 г.

С февраля по май 1897 года Пешковы жили в Алупке в пансионе-санатории для лиц интеллектуального труда, устроенном сестрами Токмаковыми[4]. Когда они покидали санаторий, заведующая пансионом[5] подарила им свою фотографию с надписью «Лучшим людям в мире и идеальным супругам Пешковым»[6].

---

1 В настоящее время — Нижегородская, дом 12. Эта квартира, принадлежавшая Гузеевой, описана Горьким в фельетоне «Как мы устроили наше хозяйство» (Нижегородский листок. № 255. 15 сентября 1896 г.) и в рассказе «Как нужно устраивать домашнее хозяйство» (ПСС. Т. 2. С. 547–551).

2 Погожева А. П. …Славная моя человечица… Горький и его окружение (1928–1936 гг.). Воспоминания Алмы (П. Т. Кусургашевой). М.: Муравей, 2004. С. 95.

3 Пешкова Ек. Отрывки из воспоминаний о Горьком // Ученые записки Горьковского педагогического института. Серия филологическая. Вып. 42. Горький, 1963. С. 82.

4 Мария Ивановна Водовозова-Токмакова и Елена Ивановна Токмакова (в замужестве Булгакова).

5 Юлия Ивановна Высоцкая.

6 Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 86.

Лечил Алексея Максимовича замечательный доктор А. Н. Алексин, который спустя два года с удивлением отметил, что каверны в легких его пациента зарубцевались. Тогда же он рассказал, что два года тому назад, расставаясь с Алексеем Максимовичем и видя состояние его легких, был убежден, что в этой жизни они больше не встретятся. Что касается Екатерины Павловны, то она постоянно, еще будучи невестой, а затем и всю остальную жизнь волновалась за здоровье Алексея Максимовича.

В мае из-за сильной жары, которая пагубно сказывалась на здоровье Алексея Максимовича, Пешковым пришлось уехать из Крыма. Они приняли предложение помещицы Александры Андреевны Орловской (с которой познакомились в Алупкинском парке) провести лето в ее украинском имении, расположенном в красивейшем месте с благодатным климатом. «Орловская любезно предложила нам поехать к ней погостить — мы согласились. Орловская, урожденная княжна Ширинская-Шихматова, очень милая и умная барыня, у нее большое благоустроенное имение в Кременчугском уезде, снабженное и медицинской помощью»[7], — сообщил Алексей Максимович Марии Александровне, волновавшейся за дочь, которая ждала ребенка.

МАНУЙЛОВКА.
Май — октябрь 1897 г.
Село КАМЕННОЕ ТВЕРСКОЙ губ.
Октябрь 1897 г. — январь 1898 г.

Имение Орловской находилось в с. Мануйловка Кременчугского уезда Полтавской губернии. Усадьбу окружал большой парк. Недалеко протекала река Псел с берегами, заросшими лесом, и чудесным пляжем. Владельцы усадьбы много делали для крестьян: попечительствовали над школой и больницей, содержали детские ясли. Старая княгиня Ширинская-Шихматова, бывшая в свое время участницей Парижской коммуны, создала в своем имении театр. Актерами выступали жители Мануйловки, а также дочери

[7] А. М. Горький — М. А. Волжиной. Алупка, начало мая 1897 г. ПССП. Т. 1. С. 225 // Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 55.

княгини Александра и Варвара. (Девушки участвовали в покушении на Александра Третьего, за что были заключены в Петропавловскую крепость, освобождены они были с запретом отращивать волосы.) Александра вышла замуж за простого земского врача Орловского; «стриженая, прямая, "нигилистка", охотница поспорить» — она воспринималась «как остаток поколения народниц-семидесятниц»[8].

Пешковы поселились «в двух комнатах бывшей больницы, закрытой из-за отсутствия врачей»[9]. В Мануйловке Алексей Максимович начал поправляться, он много гулял, с удовольствием общался с местными жителями, с энтузиазмом включился в работу театра, выступал и как актер, и как режиссер.

27 июля Екатерина Павловна родила сына Максима. Крестными отцом и матерью Максима стали суфлер мануйловского театра Всеволод Попов и его жена, с которыми Пешковы подружились и в семье которых часто бывали. Алексей Максимович оказался любящим, заботливым и умелым отцом.

А вот что рассказала об этом времени Екатерина Павловна 2 июля 1961 года на конференции по поводу открытия Музея А. М. Горького в Мануйловке.

«Из числа мест, где с Алексеем Максимовичем нам пришлось проживать, село Мануйловка на Полтавщине занимает особое место.

Здесь мы жили без малого полгода: с мая по октябрь 1897 года. За это время Алексей Максимович заметно окреп физически, чувствовал себя вполне здоровым. Здесь мы находились в особом, исключительном, приподнятом настроении — в ожидании нашего первенца. Мы не загадывали заранее, кто будет: мальчик или девочка, не обсуждали, не выбирали имя. Но как только дитя появилось на свет, Алексей Максимович решительно сказал: "Максим", отдав тем самым дань памяти своему рано умершему отцу — Максиму Савватиевичу Пешкову. Алексей Максимович сразу же проявил себя нежным, любящим, заботливым отцом. Он не боялся,

---

[8] Так писала о ней З. В. Васильева в воспоминаниях «О жизни в Мануйловке с семьей Пешковых в 1900 году» // Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 55.

[9] Пешкова Ек. Отрывки из воспоминаний о Горьком // Ученые записки Горьковского педагогического института. Серия филологическая. Вып. 42. Горький, 1963. С. 83.

как большинство молодых отцов, брать новорожденного на руки, любил пеленать, купать ребенка, и на его руках — умелых, надежных, бережных — Максиму было удобно, спокойно… Он тянулся к отцу.

Алексей Максимович заказал у местных крестьян-умельцев изготовить из прутьев лозы мебель и другие предметы домашнего обихода, люльку-колыбель или "колыску", как ее там называли. Но не такую, как в хатах, подвешенную к потолку, а на высоких ножках с основанием в виде выгнутых полозьев. Люлька-корзиночка легко, плавно, ритмично раскачивалась, баюкала, усыпляла младенца. От сплетенных прутьев лозы исходил свежий, приятный запах. Эта люлька была приятным гнездышком, в котором ребенок спокойно, крепко спал… Вторично мы приехали в Мануйловку в 1900 году и рассчитали специально так, чтобы быть там 27 июля — в день рождения Максима. Мы хотели отметить в Мануйловке его трехлетие — как считается, важный, этапный год детского возраста»[10].

В октябре 1897 года Пешковы покинули Мануйловку, но не вернулись в Нижний, а приняли предложение друга Алексея Максимовича Николая Захаровича Васильева, приехавшего к ним в Мануйловку, провести зиму у него. Н. З. Васильев работал химиком на бумажной фабрике Кувшиновых в селе Каменное Тверской губернии (близ Торжка) и имел там благоустроенную квартиру, в которой жил с женой и двумя маленькими детьми. С деньгами у Пешковых было по-прежнему туго, у них было много долгов, и поэтому из Мануйловки они уехали не вместе: Алексей Максимович отправил Екатерину Павловну с двухмесячным Максимом вместе с Николаем Захаровичем в село Каменное, а сам остался в Мануйловке в ожидании поступления гонораров из издательств. Через месяц, не дождавшись их и заняв деньги у Орловской, он тоже уехал в Каменное. По дороге он заехал в Москву за причитающимися гонорарами, а также по поводу предложения издать книгу его рассказов. Принять ли это предложение, он советовался с женой: «Может быть, издавать? <...> Подождать?»[11] В то время он еще обо всем с ней советовался.

---

[10] Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 88. Запись Л. П. Быковцевой.

[11] АГ. Т. V. С. 48. Из Мануйловки в Каменное, 12 октября 1897 г.

НИЖНИЙ НОВГОРОД.
Январь — май 1898 г.
САМАРА.
Май — сентябрь 1898 г.

В Нижний они вернулись в середине января 1898 года (спустя год после отъезда в Крым). Екатерина Павловна вспоминала: «Мы прожили у Васильевых до середины января. Но было неловко стеснять хотя бы и близких людей, да и работать в квартире, где жило трое маленьких детей, Алексею Максимовичу было трудно. По возвращении в Нижний с месяц прожили в Тихом переулке в доме Карташова, потом нашли более удобную, уютную квартиру на Ильинке в доме Большаковых[12]. Квартира во дворе была в первом этаже дома. Окна одной стороны квартиры выходили во двор, окна другой — в сад, который спускался к широкому оврагу, заросшему деревьями. Кабинет Алексея Максимовича выходил окнами в сад, что гарантировало тишину и покой для работы»[13].

Теперь у Пешковых была кухарка и няня для ребенка. У Алексея Максимовича — много книг, он завел птиц, развел цветы и, как всегда, много работал (в частности, над своим первым романом «Фома Гордеев», который начал писать еще в Мануйловке). Екатерина Павловна растила сына, полностью подчинялась мужу и жила «спокойно, легко и радостно».

Когда летом 1896 года Алексей Пешков выбирал место дальнейшей работы, он думал и о том, каким будет его семейный дом. Он советовался с невестой: «Маракуев[14] говорит, что в Одессе можно устроиться прекрасно, что вещи домашнего обихода там совсем недороги, как недороги и квартиры. Он даже предлагал написать ему, когда поедем, дабы он заранее нашел квартиру для нас. А еще он предлагает устроить для сотрудников этакое “фа-

---

[12] В настоящее время — ул. Ильинская, 68б. В 1900-х в этом доме проживала с семьей Е. Н. Сажина, сестра В. Н. Фигнер. В 1906 г. в семье сестры некоторое время жила и В. Н. Фигнер.

[13] Пешкова Ек. Отрывки из воспоминаний о Горьком // Ученые записки Горьковского педагогического института. Серия филологическая. Вып. 42. Горький, 1963. С. 84.

[14] Маракуев Владимир Николаевич — в 1895–1896 гг. редактор-издатель газеты «Одесские новости».

ланстери” — поместив их всех в одном доме. Это, конечно, чепуха, и я против этого. Мы сами устроимся в своем углу и будем жить своим миром. Сколько хороших книг мы прочитаем, хороших вещей напишем — не так ли, Катя?»[15] Она ему отвечала: «…Что же, если с Маракуевым разойдешься, то, конечно, в <Нижегородском> Листке хорошо работать. Хотя мне и очень бы хотелось пожить на берегу моря в Одессе, но если работать в Одесских новостях тебе неудобно, то, конечно, останемся в Нижнем...»[16]

«Какая она жена?» — возмущалась Мария Александровна, возражая против брака дочери и ссылаясь на ее молодость и отсутствие жизненного опыта, которого, естественно, не было у девушки, выросшей в любящей и благополучной (хотя и не богатой) родительской семье с добрыми нравственными устоями. «Она ребенок. В этом все ее достоинства и недостатки. Потом она будет женщиной. А потом — она расплатится со мной за все мои увлечения. Она, собственно говоря, затем и поставлена Судьбой на пути моем, чтобы отомстить за Ольгу, за Вас и за себя…»[17] — так Алексей Пешков писал о своей невесте. Права ли была Мария Александровна, пытаясь воспрепятствовать браку дочери, трудно сказать. Но Алексей Максимович, которому импонировал душевный склад невесты, явно не понял и не оценил ее натуру и характер. Для нее же долгое время определяющими жизненными приоритетами были он сам — его здоровье, его работа, его предпочтения, а позже — и их дети. Она подчинилась его яркой и талантливой личности, для которой главным в жизни была не только литература, но и любовь к самой жизни, стремление сделать ее лучше для всех людей и для каждого человека в отдельности, включая и самых обездоленных; и она хотела быть вместе с ним. Она приняла его покровительственный тон, старалась следо-

---

[15] АГ. Т. V. С. 34. Из Нижнего Новгорода в Самару, 16 июня 1896 г.

[16] Из письма Кати Волжиной Алексею Пешкову, из Самары в Нижний Новгород, 9 августа 1896 г. Цитируется по статье Анатоля Шахлиевича «Как Горький чуть не стал одесситом». “Porto-Franco” newspaper — Odessa, № 3. URL: http://4friends.od/ua/~porto-fr/1998/39/11–141.htm/

[17] Из письма А. М. Пешкова Елене Михайловне Черновой. Из Самары в Петербург, 1 марта 1896 г. // Горький Максим. О любви: [рассказы] / Максим Горький; [Сост., очерк «Большая любовь по Максиму Горькому» В. И. Баранова]. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 495.

вать его наставлениям, выполнять его распоряжения и указания и прощала, наверное, объясняя тяжелыми детством и юностью, его эгоизм и многое другое: преувеличенное мнение о себе, требовательность к другим людям, изломанность, грубость, невоспитанность, раздражительность — черты, которыми он сам был недоволен и о которых ее предупреждал.

В середине 1898 года произошли два события, во многом определившие дальнейшую жизнь Алексея Максимовича и в значительной степени Екатерины Павловны. Эти события, не связанные между собой, по времени последовали одно за другим: в марте — апреле 1898 года вышли в свет две книжки его «Очерков и рассказов», а в мае он был арестован.

Двухтомник «Очерков и рассказов» М. Горького (в него входили очерки и рассказы, уже опубликованные ранее в различных газетах и журналах) был издан в Петербурге, имел ошеломляющий успех и сопровождался огромным количеством отзывов (как положительных, так и отрицательных). Исаак Бабель[18] об этом двухтомнике напишет так: «В 1898 году в издательстве Дороватовского и Чарушникова появилась книга рассказов автора со странным именем — Максим Горький. <...> Во всей литературе дворян и разночинцев не найдем мы столько описаний солнца, сверкающего моря, лета и зноя — сколько в первых рассказах Горького. Они принесли ему славу, молниеносно распространившуюся на оба континента, славу, редко выпадавшую на долю человека. Радикальная Россия, пролетариат всего мира нашли своего писателя. Скрывшийся за псевдонимом — он оказался нижегородским цеховым малярного цеха Алексеем Пешковым. С первого же появления своего в литературе бывший булочник, грузчик стал в ряды разрушителей старого мира»[19].

В апреле 1898 года А. Пешков еще не мог представить, какая слава его ждет и, воодушевленный явным успехом своего первого сборника, писал его издателю: «<...> Сердечно благодарю Вас и судьбу за то, что она именно с Вами меня столкнула. <...> С гру-

[18] Бабель Исаак Эммануилович (1894–1940) — советский писатель. В мае 1939 г. арестован по обвинению в антисоветской заговорщической террористической деятельности. 27 января 1940 г. расстрелян.

[19] Бабель И. М. Горький // Конармия. Сборник. М.: Правда, 1990.

стью замечаю, что по мере того, как фонды мои в публике поднимаются — у меня возникает поганенькое желание пожить без забот о куске, спокойненькой, буржуйной жизнью, посвятив всю силу и все уменье свое только литературе. Отношение публики к моим писаниям укрепляет во мне уверенность в том, что я, пожалуй, и в самом деле сумею написать порядочную вещь. <...> Был бы очень рад видеть Вас. Часто я с женой занимаюсь тем, что пытаюсь представить себе — что Вы за человек есть? <...> Жму Вашу руку и еще раз — благодарю! А. Пешков»[20].

Письмо было написано в конце апреля, а в начале мая его автор был арестован. Этот арест носил случайный характер. Дело в том, что в 1897 году в Тифлисе была арестована группа лиц, принадлежавших к революционному кружку. У рабочего Ф. Е. Афанасьева была обнаружена фотокарточка с надписью «Дорогому Феде от Максимыча» (память об их совместном проживании в Тифлисе в 1892 году). Когда выяснилось, что «Максимыч» — это А. М. Пешков, то по требованию тифлисской жандармерии он был арестован. В ночь с 6 на 7 мая 1898 года к нему домой явились с обыском жандармы, утром он был препровожден в Нижегородское полицейское управление, а на следующий день отправлен почтовым поездом в Тифлис, где был помещен в Метехскую тюрьму. «Улики» были несерьезны, и через две недели его освободили.

Находясь в тюрьме, он никак не рассчитывал на общественный резонанс и общественное заступничество[21], а потому просил жену хлопотать о том, чтобы его взяли на поруки. Он надеялся, что его выпустят из тюрьмы и отправят в Нижний к ней под надзор. Он

---

[20] Г-30. Т. 28. С. 23–24. С. П. Дороватовскому. 19 или 20 апреля [1 или 2 мая] 1898 г., Н. Новгород.

[21] Биографы А. М. Горького, как советские, так и современные, пишут, что российская общественность была возмущена этим арестом, восприняв его как акт преследования властями «всероссийски известного писателя», которого за правдивое описание жизни социальных низов отправили по этапу за полторы тысячи верст от дома и поместили в тюрьму в одиночную камеру в угоду жандармерии только потому, что полиции таким образом было удобнее его допросить. И в настоящее время писатель Д. Быков (Был ли Горький. М.: ООО «Издательство Астрель», 2008), иронизируя над обстоятельствами ареста Горького («не могла такая глупость случиться сама собой, это нашему рыжему опять делали биографию!»), сообщает, что возмущенная «интеллигенция безумствовала».

считал себя ответственным за жизнь семьи, переживал за ее благополучие и в многочисленных письмах, посылаемых жене из тюрьмы, руководил ее действиями. Еще по дороге в Тифлис он писал Екатерине Павловне: «<...> Здоров и спокоен, убедительно прошу и тебя — не беспокойся. Береги Максима, себя, книги. Постарайся переехать на дачу, сообщи редакциям и издателю, чтобы деньги высылали почтой, а не через банк»[22]. «Меня могут выпустить из тюрьмы на поруки и отправить в Нижний — к тебе под надзор — в том случае, если найдется поручитель. Что такое порука и каковы обязательства, принимаемые на себя поручителем, — спроси у Александра Ивановича Ланина[23], а также спроси его, не возьмет ли он поручительство на себя? <...> Хлопочи о поруках, будь здорова и спокойна, береги сынишку, и — ты хорошо сделаешь, если, не ожидая меня, переедешь на дачу в Мызу[24] или поедешь к Марии Сергеевне <Позерн>. Я думаю, что и с поруками дело затянется, поэтому в интересах ребенка тебе не следует жить в городе. Поезжай-ка в Самару, Катя. Маме своей ты бы не сообщала о происшествии со мной — скажи, что состояние моего здоровья вдруг ухудшилось и я уехал на Кавказ. Разумеется, она узнает правду, но уже тогда, когда факт будет лишен остроты»[25].

Маму он побаивался: «А м<ожет> б<ыть>, лучше не ехать тебе в Самару? Придется посвятить твою маму в суть событий, а мне этого не хотелось бы»[26]. Перед женой чувствовал себя виноватым за ту ситуацию, в которой она оказалась, но при этом не сомневался в ее преданности. «Пожалуйста, не беспокойся обо мне — я живу

---

[22] АГ. Т. V. С. 48. Из Москвы в Нижний Новгород, 8 мая 1898 г.

[23] Ланин Александр Иванович — нижегородский адвокат, присяжный поверенный, у которого А. М. Пешков работал письмоводителем с 1889 по 1895 г. (с перерывами). Ему М. Горький посвятил первый том своих «Очерков и рассказов», вышедший в 1898 г. После революции сын А. И. Ланина, В. А. Ланин, оказался в Берлине с женой, тремя детьми и матерью в крайне бедственном положении, т. к. все его имущество было разграблено и уничтожено, и Горький помогал ему материально.

[24] Мыза (или с. Маза Макарьевского уезда) — дачная местность под Н. Новгородом.

[25] АГ. Т. V. С. 49. Из Метехской тюрьмы (Тифлис) в Нижний Новгород, 14 или 15 мая 1898 г.

[26] Там же. С. 55. Из Метехской тюрьмы (Тифлис) в Нижний Новгород, 19 мая 1898 г.

неплохо, уверяю тебя. Внешние условия, здоровье, самочувствие — все это вполне удовлетворительно — и, право, я живал в условиях неизмеримо худших… На поруки меня, наверное, выпустят. <...> не правда ли, Катя, утомительно и беспокойно жить со мной? Вспомни все прожитое, подумай и будь уверена, что всякое твое решение, хотя бы оно было неожиданно для меня и тяжело, — я приму без малейшего протеста. Я нахожу нужным заявить это тебе потому, что мне совестно пред тобой, я чувствую себя виноватым в том, что не даю тебе жить спокойно, легко и радостно. Сознание этой вины — вот самое худшее в моем положении, самое тяжелое и печальное»[27].

Он подробно описывал, как проходит его день, какая у него камера, каков вид из окна, какие сцены он наблюдает, о чем думает, и, как всегда, давал множество указаний. Вот только в одном из писем:

«<...> не давай никому моих книг. Пожалуйста, береги их. Поедешь на дачу, хорошенько уложи их, запри, покрой сверху клеенкой или чем-нибудь непромокаемым и поставь в сухое место. <...> Отбери также книги у Ланина.

<...> попроси редактора “Листка” — и попроси, пожалуйста, от своего имени, — чтоб они откладывали все, что меня коснется, или передавали тебе.

<...> Пожалуйста, тщательнее следи за его <Максима> запросами по части питания. Можешь, если найдешь нужным, сказать няне спасибо от меня за то, что она не ушла в критический момент, во всяком случае, поклонись ей от меня.

Старайся получить деньги с “Сев<ерного> вест<ника>”, попроси Поссе помочь тебе в этом; он, я думаю, сумеет через кого-нибудь в Петербурге понудить “Вест<ник>” к уплате.

<...> Береги сына, береги его.

<...> Требуй деньги с “Жизни”, с “Журнала”, а когда получишь с издателя — вышли мне р<ублей> 30–25.

<...> Как поживают цветы? Следи, чтоб у пальм земля была всегда сырая, поливай их и сверху и немного на поддонки»[28].

---

[27] АГ. Т. V. С. 50. Из Метехской тюрьмы (Тифлис) в Нижний Новгород, 17 мая 1898 г.

[28] Там же. С. 51–52. Из Метехской тюрьмы (Тифлис) в Нижний Новгород, 17 мая 1898 г.

Любопытен пассаж с птицами. Алексей Максимович разрешил Екатерине Павловне выпустить его птиц из клеток на волю: «Я теперь понимаю, до чего неудобно сидеть в клетках, и — хочу быть гуманным»[29]. Однако птицы, выпущенные Екатериной Павловной, вернулись обратно. На ее сообщение об этом он отвечал: «Поведение птиц меня радует — милые существа! Мне будет грустно не найти их по возвращении, особенно я пожалею о снегирях и лазоревках»[30], и он передумал: «Если до меня из Нижнего не уедешь — птиц не выпускай, очень трогает меня их поведение»[31].

Алексей Максимович и Екатерина Павловна проявили себя в этой истории с неожиданным арестом по-разному. Он несколько растерялся, восприняв арест как «несчастие» и «беду». Из письма в письмо он призывал жену: «Будь же спокойна, нужно привыкать к несчастиям — их и еще не мало будет у тебя. Помни только, что ничто не бесконечно, все пройдет. Держись крепче!»[32]; «Будь здорова, будь спокойна и старайся смотреть беде прямо в очи»[33]. Насчет будущих несчастий в ее жизни Алексей Максимович не ошибся. Наказу «Держись крепче!» она следовала, и это первое (если не считать болезнь Алексея Максимовича) в своей замужней жизни испытание «на прочность» она выдержала. Неожиданно оказавшись в ситуации, разрушившей ее благополучную жизнь, она не потеряла присутствия духа и наилучшим образом выполнила все распоряжения и пожелания мужа, хотя в их числе были и противоречивые — такие, как, например, с дачей, когда он то настаивал, чтобы она поехала с сыном на дачу, то просил дожидаться его в Нижнем. «Боюсь, что мои сбивчивые письма заставили тебя остаться в городе, — сожалел он, — и, если это так, очень жалею Максима и тебя. Нужно бы сразу же по получении денег от изда-

---

[29] АГ. Т. V. С. 50. Из Метехской тюрьмы (Тифлис) в Нижний Новгород, 14 или 15 мая 1898 г.

[30] Там же. С. 51. Из Метехской тюрьмы (Тифлис) в Нижний Новгород, 17 мая 1898 г.

[31] Там же. С. 55. Из Метехской тюрьмы (Тифлис) в Нижний Новгород, 19 мая 1898 г.

[32] Там же. С. 50. Из Метехской тюрьмы (Тифлис) в Нижний Новгород, 14 или 15 мая 1898 г.

[33] Там же. С. 52. Из Метехской тюрьмы (Тифлис) в Нижний Новгород, 17 мая 1898 г.

теля ехать на дачу, а то теперь выходит так, что вместо одного в тюрьме сидят трое»[34]. Она решила вопрос с квартирой («Но — на кого оставить квартиру? Вот вопрос?!» — не мог решить он) и уехала с ребенком, которому не было и года, в Самару к матери.

Алексей Максимович похвалил ее за то, что ей «хватило сил и характера сравнительно спокойно и твердо перенести эту неприятность»: «Спасибо тебе, Катя! Славно ты держишься»[35]. Он отнюдь не чувствовал себя героем и хотел бы избежать широкой огласки факта ареста и подробностей следствия. Он писал жене: «пожалуйста, ни слова не сообщай <...> о ходе моего дела, да и вообще не нужно много говорить об этом. И так уж из меня, наверное, сделали героя и мученика. Не поверишь, с каким отвращением я думаю о том, как […][36] будут надоедать мне расспросами. Хорошо бы забиться в Мызу или еще в какую-нибудь глушь. <...> Я живу здесь совсем не плохо, лишь думы о тебе и Максиме мешают быть вполне спокойным. Я уже говорил тебе, что камера у меня хорошая, — сухая, обширная, служащие здесь — добрые ребята и вообще — все добропорядочно, а есть нечто и совсем уж хорошее. Приеду — расскажу тебе обо всем»[37].

В конце мая Алексей Максимович был освобожден из тюрьмы «за недостаточностью улик» под «особый надзор» и с обязанностью извещать жандармское управление о переездах с места на место. Он приехал к семье в Самару, привез жене в подарок глиняный грузинский кувшин с цветочным орнаментом[38]. Они сняли две комнаты на даче Постникова под Самарой рядом с дачей М. С. Позерн и З. К. и А. А. Смирновых. Недалеко находилось кумысное заведение. Алексей Максимович лечился кумысом, Мак-

---

[34] АГ. Т. V. С. 56. Из Метехской тюрьмы (Тифлис) в Нижний Новгород, между 19 и 27 мая 1898 г.

[35] Там же. С. 54. Из Метехской тюрьмы (Тифлис) в Нижний Новгород, 19 мая 1898 г.

[36] Пропуск текста в этом месте письма сделан Екатериной Павловной при составлении сборника писем.

[37] АГ. Т. V. С. 54. Из Метехской тюрьмы (Тифлис) в Нижний Новгород, 19 мая 1898 г.

[38] Екатерина Павловна хранила этот кувшин вплоть до 1918 г., когда Алексей Максимович попросил ее вернуть кувшин ему, чтобы он мог подарить его Десницкому (АГ. Т. IX. С. 206).

сим подрастал. В начале августа Алексей Максимович вернулся в Нижний, Екатерина Павловна с ребенком приехали несколько позже, уже осенью.

НИЖНИЙ НОВГОРОД. Ноябрь 1898 г. — март 1900 г.

Вернувшись в Нижний, Алексей Максимович жил в основном в помещении редакции «Нижегородского листка» и искал квартиру для семьи; только после возвращения Екатерины Павловны, сменив несколько квартир[39], Пешковы нашли удобную для себя. Она располагалась в доме Курепина на Полевой улице[40], в этой квартире Пешковы прожили почти полтора года — с ноября 1898 до марта 1900 года. Квартира была просторная и светлая, занимала весь второй этаж дома, к квартире примыкал небольшой мезонин, где разместились клетки с птицами, столь любимыми Алексеем Максимовичем.

Однако жить «в своем углу» и «своим миром» Пешковым не пришлось. Алексей Максимович находился под надзором полиции (освобожден от него он будет только через год — 18 [30] июля 1899 года), около их дома дежурил полицейский, имевший право заходить и в квартиру. «Вы не поверите, как это гнусно — жить под надзором. К вам приходит полицейский, он сидит у вас и тоже смущен своей подлой обязанностью, и ему тяжело, как и вам. Он имеет право спрашивать о всем, о чем хочет — кто это у Вас был? Откуда он, куда, зачем? Но он не спрашивает ничего, ибо уверен, что вы солжете ему, и эта его уверенность возмущает вас, оскорбляет», — писал Алексей Максимович А. П. Чехову[41].

Полиция надзирала, но при этом Пешковы не жили закрытым домом, в их квартире всегда было много людей. В прошлом году — осень и часть зимы — Пешковы гостили у Васильевых,

---

[39] Новая улица, 9 — с августа по сентябрь 1898 г.; Гребешок, Ново-Никольская, 17 («Прекрасная квартира! Но — дорога!») — с сентября по октябрь 1898 г.

[40] Полевая, 20, теперь — ул. М. Горького, 82. (Этот дом находится недалеко от выхода улицы Горького на одноименную площадь напротив здания ГУВД.)

[41] Г-30. Т. 28. С. 75. А. П. Чехову, 28 апреля [10 мая] 1899, Н. Новгород.

теперь — осень и зиму — семья Васильевых гостила у них. Мать и сестра Екатерины Павловны переехали в Нижний: Саша вышла замуж за Адама Егоровича Богдановича (приятеля Алексея Максимовича), Марию Александровну приняла в свою семью Екатерина Павловна. «Квартира у меня хоть и большая, но в ней нас с прислугой 8 человек и трое детей. Тесновато, да и опасно ввиду обилия болезней»[42], — жаловался Алексей Максимович. Болезней действительно было много: Мария Александровна приехала с рожистым воспалением, тяжело болел сын Васильевых, в квартире «свирепствовал» стригущий лишай. По-прежнему было трудно с деньгами («Я, по обыкновению, нуждаюсь в деньгах»[43]). На настойчивые приглашения поехать в Крым он отвечал отказом: «<...> чувствую, что мое нежелание — вернее, невозможность — ехать в Крым должно быть мотивировано подробно. Итак: я не еду потому, что начальство не пустит, т<о> е<сть> оно, м<ожет> б<ыть>, и пустило бы, но нужно об этом хлопотать, а мне некогда; не могу оставить здесь жену и сына, ибо жена моя жить не умеет и без меня ей могут мыши голову отъесть; пришлось бы мне проживать в Ялте р<ублей> 50 в месяц, да жене надо р<ублей> 150, ибо с нами живет мой приятель с женой и детьми, а квартира стоит в месяц 33 р<убля> 33 к<опейки> ⅓, да дрова и прочее»[44].

Екатерина Павловна была занята семейными заботами, а Алексей Максимович, хотя ему уже предлагали сотрудничество в столичных журналах, и готовился к изданию третий том его рассказов, и даже писалась его биография, все еще не был вполне уверен в том, что состоялся как писатель. «<...> мне следует сказать о себе, что по недостатку образования я лишен веры в себя, а без веры в свои силы не взлетит высоко дух человека»[45]. «Я знаю — писатель должен быть пророком и даже Исаией во пророках, — я мал для такой роли. Я самоучка — Вы знаете это? Не подумайте, что я

---

[42] АГ. Т. V. С. 54. С. П. Дороватовскому, 5[17] или 6 [18] января 1899, Н. Новгород.

[43] Там же. С. 32. С. П. Дороватовскому, начало (середина) октября 1898, Н. Новгород.

[44] Там же. С. 35. В. С. Миролюбову, 12 [24] или 13 [25] октября 1898, Н. Новгород.

[45] Там же. С. 33. Ф. Д. Батюшкову, 8 [20] или 9 [21] октября 1898, Н. Новгород.

говорю с гордостью, нет — с горечью говорю я это. Я самоучка и связан цепями невежества моего, мне нет времени ослабить мои цепи, и нет во мне силы для этого»[46]. «<...> я живу исключительно на литературный заработок. Больше ничего не умею делать. Я самоучка, мне 30 лет. Не думаю, что я буду лучше, чем есть, и — дай бог удержаться на той ступени, куда я шагнул; это не высоко, но — будет с меня»[47].

В эту осень Пешковы сблизились с нижегородской интеллигенцией. Их посетили супруги Щербаковы с приглашением участвовать в местных общественных делах: устройстве детского спектакля «Война мышей и лягушек». Спектакль был поставлен, а семьи Пешковых и Щербаковых подружились. Сергей Васильевич Щербаков был популярным в городе преподавателем физики и математики, основателем и бессменным председателем Общества любителей физики и астрономии, его жена Надежда Николаевна была хорошей пианисткой. Алексей Максимович, увлекавшийся людьми, восхищался новыми друзьями[48]. Новый, 1899 год Пешковы встречали по-семейному — вместе с Богдановичами и Васильевыми в доме Щербаковых.

В марте 1899 года Алексей Максимович выбрался наконец в Крым для поправки здоровья. Уже через неделю он начал скучать: «Я поздоровел. Но все-таки хочется домой. Очень уж без Максима неловко. Да, говоря по правде, и без тебя тоже неловко. Пожалуй,

---

[46] АГ. Т. V. С. 38. Ф. Д. Батюшкову, 19 [31] октября 1898, Н. Новгород.

[47] Там же. С. 51. А. П. Чехову, после 6 [18] декабря 1898, Н. Новгород.

[48] В конце ноября 1898 г. Алексей Максимович писал В. С. Миролюбову: «<...> здесь, в Нижнем, есть удивительное учреждение — Общество любителей физики и астрономии. Душой его является Сергей Васильевич Щербаков, очень хороший человек и очень знающий. Спросите о нем у Поссе. Вот этого Щербакова Вы должны привлечь к делу по части писания популярных статей по астрономии, физике, метеорологии и т. д. Это прекрасный популяризатор. Я послал Поссе отчет о деятельности О-ва физиков и астрономов за десять лет и единственный в России астрономический календарь, издаваемый этим Обществом. Из отчета Вы увидите, сколько работает Щербаков, а как он работает — смотрите рецензии в “Рус<ской> шк<оле>”, “Науч<ном> обоз<рении>”, “Нов<ом> вр<емени>” о “Сборнике в помощь самообразованию”. Вот он, я думаю, мог бы быть для журнала полезным» (Г-30. Т. 28. С. 48).

я к Пасхе домой приеду. Все равно здесь много не наработаешь, ибо оказалось, что у меня до чорта поклонников и поклонниц. Народ — скучный, смотрит в рот мне и, должно быть, считают зубы»[49]. «Но мне за всем этим скучно без тебя и Макса. Скучно без Щербакова — без Нижнего вообще… Есть много предложений остаться здесь на вечное жительство, построить дом и т. д. Говорят, что это можно сделать и без денег. Но жить здесь даже и при наличности хороших людей — невыносимо скучно, мне кажется, хотя, быть может, это кажется лишь потому, что нет Максима и тебя. Вот я приеду — мы с тобой поговорим об этом основательно. Ведь тебе хочется жить здесь, а мне, в конце концов, пожалуй, все равно, где ни жить»[50].

О Максиме в каждом письме: «Береги сына»[51]; «Побольше пиши о Максимке»[52]; «Сейчас получил твое письмо — очень милое. Жаль, что в нем мало сказано о Максимке. Мне скучно без него и боязно, что он захворает. Пожалуйста, пиши, как и что он ест. <...> Чехов говорит, что не видал еще ребенка с такими глазками»[53]; «Трудно быть спокойным за Максима, ничего не зная о нем. Тебе некогда написать о нем побольше? <...> Из Ниж<егородского> лист<ка> вижу, что в Нижнем скарлатина, оспа и т. д. Прошу подробных сведений о Максимке, в противном случае брошу все и приеду»[54]; «Опиши мне как-нибудь Максимкин день, час за часом — хоть завтрашний — с утра до вечера. Я напишу рассказ: “День моего сына”»[55]; «Спасибо за Максима, я очень много думаю о нем»[56].

Алексей Максимович уехал в Крым, Васильевы уехали к себе, и Екатерина Павловна осталась в Нижнем с сыном и мамой. Теперь у нее стало меньше домашних забот и, хотя она по-прежнему выполняла различные поручения Алексея Максимовича (а их, как всегда, было немало), у нее появилось свободное время, и она на-

---

[49] АГ. Т. V. С. 58. Из Ялты в Нижний Новгород, между 23 и 27 марта 1899 г.
[50] Там же. С. 61. Из Ялты в Нижний Новгород, апрель, до 8-го, 1899 г.
[51] Там же. С. 56. Из Севастополя в Нижний Новгород, 17 марта 1899 г.
[52] Там же. С. 61. Из Ялты в Нижний Новгород, 19 марта 1899 г.
[53] Там же. С. 57. Из Ялты в Нижний Новгород, 22 марта 1899 г.
[54] Там же. С. 59. Из Ялты в Нижний Новгород, 30 марта 1899 г.
[55] Там же. С. 61. Из Ялты в Нижний Новгород, апрель, до 8-го, 1899 г.
[56] Там же. С. 62. Из Ялты в Нижний Новгород, апрель, не позднее 9-го, 1899 г.

чала заниматься общественными делами. Пока — это театральные постановки, и к ним, как и ко всему, она относилась серьезно и советовалась, конечно, с Алексеем Максимовичем. «Морское дно? Давать уроки на таком расстоянии трудно. Неужели картинка в книге Павлова недостаточно ясна? Возьмите лоскутков и проволоки и сочиняйте фигуры по картинке. Возьмите картон и книжку по ихтиологии с рисунками рыб и вырезайте из картона оных рыб. Вырежьте краба, спрута, чорта — ей-богу, это крайне просто!»[57] — отвечал он. Выход деятельности жены за семейные рамки он одобрил: «Тебе живется, видимо, не худо; давно хотелось, чтобы ты занялась чем-то достойным хорошей женщины, и очень рад видеть, что, кажется, ты взялась за дело. Пора и желаю всякого успеха»[58].

Что касается успеха, то Алексей Максимович к этому времени уже имел его. «Получаю подарки “от почитателей таланта”, и это мне нравится. Очень хороший обычай, но я ему не последую вовеки, ибо это дорого стоит»[59]. «Тут за мной ухаживают барыни <...>. Но, хотя и ухаживают, ты не беспокойся, ибо самой сносной из них лет за сорок, а самая молодая — харя и глупа, как лягушка»[60].

В эту весну в Ялте Алексей Максимович познакомился и подружился с замечательными людьми: художником и архитектором Г. Ф. Ярцевым, врачами Л. В. Срединым и А. Н. Алексиным, и главное, состоялось его личное знакомство с А. П. Чеховым (до этого они некоторое время переписывались). «Вообще мне очень мешают работать, и с этой стороны мое житие здесь бесполезная трата времени. Но я крайне доволен тем, что, помимо Чехова, узнал Ярцева и Средина, — вот славные семьи! И какие у обоих жены! Надежда Николаевна[61] с ними составила бы прекрасное трио»[62], «Писать о Чехове не буду, расскажу, когда увидимся. Трудно писать о нем. Семьи Ярцева и Средина — прекрасные семьи, и как обе они подходят к нам, Щербаковым и вообще всей

---

[57] АГ. Т. V. С. 61. Из Ялты в Нижний Новгород, апрель, до 8-го, 1899 г.

[58] Там же. С. 62. Из Ялты в Нижний Новгород, апрель, не позднее 9-го, 1899 г.

[59] Там же. С. 60. Из Ялты в Нижний Новгород, 30 марта 1899 г.

[60] Там же. С. 61. Из Ялты в Нижний Новгород, апрель, до 8-го, 1899 г.

[61] Надежда Николаевна Щербакова.

[62] АГ. Т. V. С. 60. Из Ялты в Нижний Новгород, апрель, до 8-го, 1899 г.

нашей братии»[63], — писал он жене. Вскоре все эти замечательные люди войдут в жизнь Екатерины Павловны.

Ялтинцы уговаривали Алексея Максимовича переселиться в Крым и предлагали различные варианты жилья, но тихая провинциальная Ялта с отсутствием общественной жизни была ему скучна: «Сильно уговаривают меня переселиться сюда, но какая бесцветная жизнь здесь! Хотя и славные люди имеются…»[64]; «Ласточкино гнездо — продается за 4000 р. Публика единодушно убеждает меня поселиться здесь. Вчера ездил с Чеховым в Кучуккой, его имение между Форосом и Симеизом. Там можно дешево купить землю и выстроить дом, но это уж очень далеко от всего. Сейчас пойду смотреть дом у Эрлангера, в Дондуковском парке, самый высокий дом в городе. Приеду — поговорим основательно и, буде столкуемся — поедем сюда. <...> Напиши Поссе о деньгах. Они много должны нам, но надо копить деньги, в самом деле, мы, б<ыть> м<ожет>, купим здесь дом»[65]. Решение вопроса о выборе дальнейшего места жительства он оставлял до возвращения в Нижний и совместного обсуждения с Екатериной Павловной.

В Ялте Алексей Максимович пробыл всего месяц. «Надо мне скорее уезжать отсюда, а то жизнь здесь такова, что работать совершенно нет времени[66], — писал он жене. — Приеду в страстную субботу, пойдем вместе с тобой к заутрене, потом похристосуемся»[67].

Лето 1899 года Пешковы провели на даче в городке Васильсурске Нижегородской губернии. Екатерина Павловна с Максимом и мамой выехали на дачу только в середине июня, и потому, что лето было позднее (в июне выпал снег), и потому, что Максим болел. Алексей Максимович приехал еще позже, в конце июня, т. к. на выезд из Нижнего он как «поднадзорный» должен был получить разрешение начальства. «Я тоже сижу в городе, ибо началь-

---

[63] АГ. Т. V. С. 62. Из Ялты в Нижний Новгород, апрель, не позднее 9-го, 1899 г.

[64] Там же.

[65] Там же. С. 63. Из Ялты в Нижний Новгород, апрель, не позднее 12-го, 1899 г.

[66] Там же.

[67] Там же. С. 62. Из Ялты в Нижний Новгород, апрель, не позднее 9-го, 1899 г.

ство не пускает меня на дачу, к семье, несмотря на все мои о сем ходатайства в надлежащих сферах. Квартиру у меня красят, и я потому изгнан из нее на крыльцо, где и проживаю. <...> В Петербург жить не поеду. Там солнце бывает три раза в году, а женщины все читают экономические книжки и всякое подобие женское утратили — без солнца и женщин живых человеку жить невозможно»[68], — писал он А. П. Чехову.

А в Васильсурске было хорошо: красиво, тихо и покойно. «Живу в городе Васильсурске Нижегородской губ. Если б Вы знали, как чудесно здесь! Большая красота — широко, свободно, дышится легко»[69]. «Места здесь — красивы очень, сухо, тихо, хорошее молоко, ягоды. <...> у нас на даче есть беседка крытая, стоит она на самом высоком пункте города, и вид из нее на две реки, воложку, заволжье и засурье — бесподобный! А вокруг беседки — березы, да какие! На вершинах их ангелы отдыхают, когда в раю жарко и скучно[70]»[71]. По приглашению Алексея Максимовича в Васильсурске недалеко от Пешковых снимал дачу Н. И. Тимковский — либеральный писатель и драматург, приезжали погостить Г. Ф. Ярцев и Л. В. Средин — новые ялтинские друзья, ненадолго приезжали В. А. Поссе и В. С. Миролюбов — редакторы крупнейших петербургских журналов «Жизнь» и «Журнал для всех».

Но покойное лето кончилось, наступила осень, и жизнь семьи Пешковых изменилась. К Алексею Максимовичу пришла (настигла его) слава.

В июле он был освобожден из-под надзора полиции и в конце сентября (29 сентября / 11 октября 1899 г.) поехал в Петербург по

---

[68] Г-30. Т. 28. С. 83–84. А. П. Чехову. Между 22 и 25 июня 1899, Н. Новгород.

[69] Там же. С. 82. А. П. Чехову. Между 28 июня и 14 июля [10 и 26 июля] 1899, Васильсурск.

[70] В живописном Васильсурске бывали художники И. И. Шишкин и И. И. Левитан. Место, где писал свои пейзажи Шишкин, получило название «Шишкин мыс». Левитан побывал в Васильсурске в 1887 г., здесь он написал этюд «Васильсурск», картину «Разлив на Суре» и начал картину «Вечер на Волге». В настоящее время на любимом месте отдыха Алексея Максимовича (теперь это видовая площадка под названием «Орлиное гнездо») среди вековых деревьев установлен памятник М. Горькому.

[71] Г-30. Т. 28. С. 89. Л. В. Средину. 2 [14] июля 1889, Васильсурск.

литературным делам (сотрудничество в журналах, посещение цензурного комитета). В Петербург он приехал впервые. По случаю его приезда и с целью ввести его в столичный литературный мир редакция журнала «Жизнь» устроила банкет для наиболее видных писателей и общественных деятелей (было приглашено около 60 человек). Одаренного провинциального писателя А. М. Пешкова знакомят с Н. К. Михайловским, И. Е. Репиным, А. Ф. Кони, В. В. Вересаевым, П. Н. Милюковым, П. Б. Струве и другими видными представителями культурной России. Его ведут в Эрмитаж и в Оперу, Струве говорит ему речь, Репин пишет его портрет. Его приглашают на редакционные собрания ряда журналов и на заседания различных Обществ, он выступает с чтением своих произведений на литературно-музыкальных вечерах, его делают одним из пайщиков журнала «Жизнь» (ему дарят пай в виде поощрения). Его переполняют впечатления, он очень устает от приемов, обедов, вечеров и хочет домой в родной Нижний Новгород к своей семье. Из Петербурга он пишет Екатерине Павловне почти каждый день.

8 октября 1899 года. «Ужасный город этот Петербург! Здесь все бросаются на свежего человека как голодные собаки на кость. Ты, голубчик, пожалуйста, не разглашай по городу о моих здесь успехах. Это только твое и мое дело. Некий чорт хочет лепить мой бюст. Я отказываюсь. Я устал. Но уехать отсюда нельзя, хотя чертовски хочется. Уехать — обидеть многих, в том числе Репина, Михайловского и других генералов»[72].

9 октября 1899 года. «Очень неделикатно с твоей стороны не писать так долго. Я, вертясь здесь с утра до ночи, нахожу, однако, время писать тебе уже в третий раз. Пожалуйста, напиши, я очень беспокоюсь о Максиме. <...> Ты недурно сделаешь, если сообщишь телеграммой, здоров ли сын. До свидания! Одел крахмальную рубаху и еду с визитами к разным монстрам»[73].

10 октября 1899 года. «Вчера получил твое первое письмо, но не мог ответить, ибо весь день ездил с визитами. За письмо — спасибо. Теперь спокойнее, а то нет-нет, да и кольнет дума о Максиме и тебе. <...> Я очень возбужден всеми впечатлениями — их

[72] АГ. Т. V. С. 65. Из Петербурга в Нижний Новгород, 8 октября 1899 г.
[73] Там же. С. 65. Из Петербурга в Нижний Новгород, 8 октября 1899 г.

безобразно много, они интересны и глубоки. <...>. Вижу массу людей. Ходят смотреть на меня, как на крокодила или человека о двух головах. Здесь все лгут друг другу, все завидуют, ненавидят, самолюбивы, и то хорошее, что они делают, отнюдь не делает их лучше. Дрянь народишко»[74].

Между 9 и 12 октября 1899 года. «Мне хочется домой. Ты пишешь не щедро, во всяком случае уступаешь мне в этом. <...> Как Максим? Скучаю без него, и я не могу смотреть на Поссе, когда он таскает на руках своего сынишку»[75].

11 октября 1899 года. «Здорово меня здесь чтут»[76].

12 октября 1899 года. «Я пишу тебе каждый день. Петербург мне не надоел, а опротивел. Противно здесь все — и люди, и дома, и погода, и мнения. Я уехал бы отсюда с радостью, но пока не могу, ибо 17-го читаю, 19-го заседание в редакции, 21-го читаю. Мерзкий город, я очень устал. <...> Меня страшно беспокоят твои глаза, не лучше ли тебе полечить их в Москве. <...> Ценят меня здесь очень высоко, но я не приобрел бы в этом городе ни одного друга, если б жил в нем»[77].

13 октября 1899 года. «И мне без тебя скучно, давно уже. <...> Ах, матушка! Какая же дрянь люди здесь! Ей-богу, у нас лучше! Ты увидишь, когда я приеду и расскажу тебе все здешние события»[78].

14 октября 1899 года. «Я уже до твоего совета решил не ехать в Самару теперь. 23-го выезжаю отсюда в Нижний. Пожалуйста, Катя, приготовь комнату вверху — оклей и выбели, — ибо, наверное, приедет Володя Поссе и надолго»[79].

15 октября 1899 года. «Я выезжаю к тебе 23. Решено. <...> Возможность хоть малая — и я сегодня же поехал бы к тебе, но раз началась эта драка, я не имею нравственного права уйти из нее до конца! Я очень много видел тут отвратительного для того, чтобы чувствовать себя хорошо. Мне порой бывает до слез грустно здесь.

---

[74] АГ. Т. V. С. 65. Из Петербурга в Нижний Новгород, 9 октября 1899 г.

[75] Там же. С. 67. Из Петербурга в Нижний Новгород, между 9 и 12 октября 1899 г.

[76] Там же. С. 67. Из Петербурга в Нижний Новгород, 11 и 12 октября 1899 г.

[77] Там же. С. 68. Из Петербурга в Нижний Новгород, 12 октября 1899 г.

[78] Там же. С. 68–69. Из Петербурга в Нижний Новгород, 13 октября 1899 г.

[79] Там же. С. 69. Из Петербурга в Нижний Новгород, 14 октября 1899 г.

<...> А вчера Кони говорил такие грустные вещи, так задумчиво и ласково вспоминал провинцию — что, право же, я от души пожалел его. Я очень устал, очень нервен, но скоро все это кончится, и я так рад!»[80]

Середина октября 1899 года. «Очень скучаю о тебе, но выбраться отсюда — не могу. Очень скверно, что я связался с этой канителью. <...> Ходишь в театр? Как птицы?»[81]

18 октября 1899 года. «Да, ты права. Несомненно, Петербург изменил меня. Ко многому я теперь отношусь определеннее, многое — навсегда потеряно мной. <...> Но ты ничего не теряешь от этого […]. Это не слова. Впрочем — увидишь»[82].

21 октября 1899 года. «Вчера не писал тебе — был так занят, что не имел ни одной свободной минуты. <...> Я очень прошу тебя — не говори нашим, когда приеду. Я очень устал и хочу два дня провести с тобой, без гостей»[83].

Екатерине Павловне не удалось побыть с Алексеем Максимовичем вдвоем: на следующий же день после его приезда из Петербурга им пришлось срочно выехать в Самару к тяжелобольной Марии Сергеевне Позерн. По возвращении в Нижний их ждала большая беда: Саша, единственная сестра Екатерины Павловны, неожиданно тяжело заболела и, родив сына, умерла. Вот что писал об этих днях Алексей Максимович:

«…из Питера я уехал 23 октября. 25-го был в Нижнем и 26-го поехал в Самару, ибо мне сообщили, что любимый мною человек, Мария Сергеевна Позерн — умирает. 29-го был в Самаре, 3-го уехал оттуда, страшно усталый. 10-го сестра моей жены, жена моего приятеля Адама Богдановича, заболела воспалением почек. Третьего дня она, находясь в беспамятстве, родила. В данный момент она все еще не пришла в себя и, наверное, сегодня вечером или завтра — умрет, говорят доктора. Ребенок у нас, жена моя сходит с ума. Я то и дело езжу в больницу и смотрю дома за сыном. Все мы растерялись. Если больная наша умрет завтра — зав-

[80] АГ. Т. V. С. 69–70. Из Петербурга в Нижний Новгород, 15 октября 1899 г.
[81] Там же. С. 71. Из Петербурга в Нижний Новгород, середина октября 1899 г.
[82] Там же. С. 72. Из Петербурга в Нижний Новгород, 18 октября 1899 г.
[83] Там же. С. 72. Из Петербурга в Нижний Новгород, 21 октября 1899 г.

тра же я должен буду ехать в Москву, в клинику Боброва, где 17-го Бобров будет делать операцию Коле Ланину. У него ангиома, рецидив, и он согласился на операцию лишь при условии, если я с ним поеду. Вот какие дела у меня. При этом — сам я нездоров и устал»[84].

«Я не отвечал Вам на Ваше хорошее письмо, потому что за это время у меня в семье случилось несчастие — умерла сестра моей жены. Теперь мы все несколько пришли в себя»[85].

«Поездка в Питер — это какой-то эпилептический припадок или кошмар, — во всяком случае нечто до такой степени неожиданно тяжелое, неприятное, грустное и жалкое, и смешное, что я и теперь еще не могу хорошенько переварить все, что впитал в себя там. А на другой день по приезде из Питера я с женой должен был ехать в Самару и три дня провел в пути, ожидая по приезде увидать человека, к которому ехал и которого очень люблю, — в гробу, на столе. К счастью, этого не случилось. <...> Воротились в Нижний, захворала сестра жены и, прохворав три дня, — умерла. Это уж — трагедия, по характерам моих домашних. В то время, как я хлопотал с похоронами, в клинике Боброва делали операцию одному товарищу, очень дорогому мне, и я дрожал за него. Все это еще не улеглось, как вчера у меня дома разыгралась нелепейшая мелодрама. Жила у нас одна проститутка, которую я “спасал” и автобиографию напечатал в “Сев<ерном> Курьере” за 13–15 ноября. Жила и — ничего. Возилась с младенцем сестры жены, которому 12 дней от роду и который немолчно пищит целые дни. Женщина она работящая, хорошая, но истеричка. И вдруг оказывается, она распространяет слухи, что живет не только у меня, но и со мной. Я это узнаю и провожу маленький допрос, который меня убеждает, что источник сплетни действительно она. Ну, что с ней делать? Жалкая она. Жена моя, разумеется, взволновалась, мать ее — тоже. Ладно, что жена моя молодчина. Ну, а пришлось все-таки спасаемую-то выставить за дверь. Эта история из тех, что только со мной может случиться»[86].

---

[84] Г-30. Т. 28. С. 99. Л. В. Средину. 15 [27] ноября 1899, Н. Новгород.

[85] Там же. С. 102. А. Ф. Кони. После 25 ноября [7 декабря] 1899, Н. Новгород.

[86] Там же. С. 103–104. А. П. Чехову. 29 или 30 ноября [11 или 12 декабря] 1899, Н. Новгород.

Для Алексея Максимовича круг интересов, захватывающих его эмоционально, всегда был очень широк. После возвращения в Нижний Новгород в начале 1898 года он, продолжая много писать, одновременно активно включился в общественную деятельность. Он состоял членом множества различных городских культурно-просветительных и иных обществ («Общество поощрения высшего образования»[87], «Общество любителей художеств», «Общество дешевых квартир» и др.), помогал «Обществу взаимопомощи учащихся Нижегородской губернии», собирал деньги для голодающих в связи с неурожаем, «спасал» отдельных людей. Проститутка Клавдия Гросс была одной из «спасаемых». Она появилась в доме Пешковых в июне 1899 года, когда Екатерина Павловна уехала на дачу в Васильсурск, а Алексей Максимович проживал на крыльце своей ремонтируемой квартиры, мучился с корректурой «Фомы Гордеева» и пытался помогать голодающим, а также всем тем, кто обращался к нему за помощью[88]. Клавдия Гросс пришла к нему с рассказом о своей жизни — она недавно вышла из больницы, в которой оказалась после неудачной попытки самоубийства. Алексей Максимович, исполненный сочувствия и к этой «барышне», предложил ей самой написать историю своей жизни и с этим рассказом отправил ее в Москву к А. П. Чехову: «Она — приличная, на языках говорит и вообще девица — славная, хотя и проститутка. Думаю, что Вам она более на пользу, чем мне»[89]. Рассказ Клавдии Гросс был опубликован благодаря хлопотам Алексея Максимовича (а не А. П. Чехова)[90]. Клавдия же поселилась в семейном доме

---

[87] «Общество поощрения высшего образования» — демократическое легальное общество, возникшее в Нижнем Новгороде в 1894 г., оказывало материальную помощь студенчеству, в том числе — революционно настроенному.

[88] О своей жизни в июне 1899 г. он писал: «<...> голодающие заездили — страшно устал! У нас в Нижегородской — цынга и маленький тифик. Нужно очень много денег и нам, и в Казань, и в Сарапул, и чорт знает куда, и кому их не нужно! Собираю, посылаю, встречаю, направляю, провожаю. Получаю ужасно жалостные письма. Нет ли где денег для голодающих?» (Г-30. Т. 28. С. 86. С. П. Дороватовскому. Июнь 1899, Н. Новгород).

[89] Там же. С. 88. А. П. Чехову. Между 28 июня и 14 июля 1899, Васильсурск.

[90] Рассказ Клавдии Гросс с предисловием и заключением М. Горького был напечатан в газете «Северный курьер» за 13, 14 и 15 ноября 1899 г.

Пешковых, и для ее «спасения», согласно принятым тогда представлениям, была приобретена швейная машинка фирмы «Зингер». Вряд ли Екатерине Павловне и ее пристойной маме было комфортно жить в одной квартире со «спасаемой». Еще до последнего скандала, в то время, когда Алексей Максимович находился в Петербурге, по поводу Клавдии, подозреваемой в воровстве, в квартиру Пешковых приходил сыщик. Понятно, что такой визит хозяевам был достаточно неприятен, однако идеей «спасения» Екатерина Павловна прониклась, а кроме того, она хотела помогать Алексею Максимовичу во всех его делах. Эпизод с Клавдией был для нее только неприятностью, тем более что последовал он вскоре после смерти Саши. И если Алексей Максимович, поглощенный собой и своими многочисленными делами, сочувствовавший и стремившийся облегчить жизнь всем «дальним», нуждавшимся в помощи, к смерти Саши отнесся как к одному из многочисленных «несчастий» (свой арест в мае 1898 года он тоже воспринял как «несчастие»), то для Екатерины Павловны смерть сестры была трагедией. Смерть людей близких (и не только самых близких) она всегда переживала очень остро, вспоминала все хорошее, что знала о них, и все свои вины перед ними. Такое отношение к уходу людей из жизни она сохранила до глубокой старости. «Будьте живы» — вот что она хотела от и для окружающих[91].

К концу 1899 года дом Пешковых стал своеобразным центром общественной жизни Нижнего Новгорода (раньше таким центром был дом В. Г. Короленко[92]). Стремление облегчить и украсить

[91] Отношение М. Горького к смерти иное. «Вопроса “Зачем смерть” — для меня не существует: “Благословен закон бренности, вечно обновляющий дни жизни”» (Из письма М. Горького к Р. В. Иванову-Разумнику. 29 января 1912 г., Капри // ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 96).

[92] В. Г. Короленко прожил в Нижнем Новгороде одиннадцать лет — с 1885 г., когда после освобождения из ссылки ему было запрещено жить в столичных городах, до 1896 г. Его активная общественная деятельность притягивала к нему прогрессивно настроенную нижегородскую интеллигенцию, около него группировались лучшие люди края; они образовали кружок («Общество трезвых философов»), в котором активно обсуждались насущные вопросы экономической и культурной жизни, боролись со злоупотреблениями. Годы пребывания В. Г. Короленко в Нижнем Новгороде Горький назвал «временем Короленко».

жизнь, внести в нее радость, живой интерес к затеянному делу, увлеченность и энергия Алексея Максимовича привлекали других людей и делали их участниками его начинаний. Одним из таких начинаний было устройство елки для детей бедноты. Алексей Максимович предложил устроить такую елку в Нижегородском кремле для празднования нового, 1900 года. В организации этого мероприятия, потребовавшего немало сил и средств, приняли участие многие интеллигентные нижегородцы, в том числе и Екатерина Павловна. Елка состоялась 4 января 1900 года и, по-видимому, принесла радость детям, для которых она устраивалась; у устроителей же этого мероприятия ощущения были другими. Алексей Максимович так описал этот праздник и вызванные им горестные чувства и размышления: «Вчера скачал с шеи елку на 500 ребятишек <...> хотя эта елка взбудоражила меня весьма неважно. Вы только представьте себе 500 детей, одетых в «папины» да «мамины» одежки, уродливых, грязных, порочных, с ногами, искривленными рахитом, крошечных, но уже старчески опытных. Ошеломленные длинным рядом столов с подарками и видом елки, роскошно украшенной, горящей электрическими огнями, — эти несчастные дети кружились по зале густым, пестрым потоком и все покашливали, покашливали эдак особенно, грустно и жалобно, как изможденные старики. Ходили — молча, степенно, а глаза у них были жадные, строгие, серьезные такие глаза. Нехорошо, знаете. Но — на будущий год закачу елку на тысячу, а то на полторы. Ибо — когда этим несчастным раздали подарки — по пирогу, мешку гостинцев в 1½ ф<унта>, по сапогам, рубахе, платью, кофте, шапке, платку, — Вы знаете — многие из них заревели от радости, иные куда-то бросились бежать, прижимая к себе подарки, другие, усевшись на пол, тотчас же принялись есть. Эх, чорт! Устрою здесь общество попечения о бедных детях, когда кончим с возникающим обществом дешевых квартир для рабочих. <...> Я однако люблю литературу и даже — жить без нее не могу, яко барышня без конфект. И писать литературу тоже люблю — горячо люблю. Когда меня объемлет полоса страсти к литературе — я отдыхаю в любви к ней от жизни. Но когда я подумаю о людях, которые читают, и о тех, которые не читают, — мне делается неловко, неудобно жить. Вы только сообразите, что из пятисот вчерашних мальцов, быть может, всего один будет читать. Да, не больше.

Ибо остальные издохнут преждевременно от кори, тифа, скарлатины, дифтерии, холеры, поноса — от голода, холода, грязи; те же, что будут живы, — будут пьяницы и воры, по примеру родителей своих, или — вьючные животные, по тому же примеру. Понимать это — неприятно, горько, тоскливо»[93].

Зрелище несчастных детей вызывало горечь и неприятные чувства не только у Алексея Максимовича. У Екатерины Павловны обездоленные дети тоже вызывали горечь в душе и желание помочь им, и она будет заниматься помощью детям и во время Первой мировой войны, и во время Гражданской войны, и во время Великой Отечественной войны, и в мирное советское время, когда тысячи детей были высланы вместе с родителями из своих домов в малопригодные для жизни места или вовсе остались без родителей, репрессированных властями.

А пока что Алексей Максимович пишет о своей жене следующее. А. П. Чехову: «Моя жена — маленький, простенький и миленький человечек — страшно любит Вас, и когда я рассказал ей, что Вы одиноки, — ей это показалось несправедливостью и обидой, так что у нее даже слезы сверкнули за Вас»[94]. Л. В. Средину: «На мои отношения к людям жена моя не может влиять, она слишком молода для этого»[95].

Как живут Пешковы зимой 1900 года? «Как я живу? Без денег. А их надо — бочку. Даже — две бочки. Ибо сын сестры жены — умершей — у нас, жена — нездорова, прислуги у нас — рота, печей пять. Хорошо, что еще дров не на что купить, а то мы разорились бы на одну топку. Холодно у нас — до чортиков. Отопляем квартиру народом. Соберем человек двадцать, они надышат, ну и — тепло. Недавно продал за 2000 р. 3-е издание, но деньги, к сожалению, не мне попали. Я бы им свернул голову. Живо»[96]. «Живу я — нелепо, как всегда, чувствую себя отчаянно взвинченным, в Ялту поеду в конце марта, в апреле, если не захвораю раньше. <...> Да, говорят, Вы женитесь на какой-то женщине-артистке с иностранной фамилией. Не верю. Но если правда — то я рад. Это хорошо — быть жена-

[93] Г-30. Т. 28. С. 108–112. Л. В. Средину. 5 [17] января 1900., Н. Новгород.
[94] Там же. С. 75. А. П. Чехову. 28 апреля [10 мая] 1899, Н. Новгород.
[95] Там же. С. 111. Л. В. Средину. 5 [17] января 1900, Н. Новгород.
[96] Там же. С. 112. Л. В. Средину. 5 [17] января 1900, Н. Новгород.

тым, если женщина не деревянная и не радикалка. Но самое лучшее — дети. Ух, какой у меня сын озорник! И очень умный — вот увидите, весной привезу его. Только научился у меня ругаться и всех ругает, а отучить я его не могу. Очень смешно — но неприятно, — когда маленький двухлетний шарлатан кричит матери во все горло: — "Сию минуту пошла прочь, анафема!" Да еще чисто так выговаривает: ан-нафем-ма!»[97]. Алексей Максимович болеет. «Хвораю я, кашляю, грудь болит. Чуть было опять не поехал к Вам, да вот лег»[98], — пишет он Л. Н. Толстому. «У меня — плеврит. Кашляю во всю мочь и не сплю ночей от боли в боку. Весной непременно поеду в Ялту лечиться»[99], — пишет он А. П. Чехову.

ЯЛТА.
Апрель — июнь 1900 г.
МАНУЙЛОВКА.
Июнь — сентябрь 1900 г.

Поехать в Ялту Алексей Максимович собирался «с разрешения жены и даже с ней, сыном, тещей, с живым младенцем мертвой матери — со всей семьей моей»[100], но поехал он не с семьей, а с В. А. Поссе и В. С. Миролюбовым. Екатерину Павловну задержали бытовые дела, до отъезда в Крым ей надо было съездить в Москву и Кременчуг и решить вопрос с квартирой, т. к. собирались Пешковы вернуться в Нижний через полгода — осенью. До Ялты Алексей Максимович с Поссе и Миролюбовым побывали в Севастополе, где находился на гастролях Художественный театр, приехавший в Крым, чтобы показать А. П. Чехову его пьесу «Чайка»[101]. В апреле в Ялту приехали И. А. Бунин и Н. Д. Телешов, а затем и артисты Художественного театра (для встречи с А. П. Чеховым). Бунин писал брату Юлию: «Я провожу здесь время очень недурно.

---

97 Г-30. Т. 28. С. 114. А. П. Чехову. 5 [17] января 1900, Н. Новгород.

98 Там же. С. 116. Л. Н. Толстому. 18 или 19 [30 или 31] января 1900, Н. Новгород.

99 Там же. С. 118. А. П. Чехову. 21 или 22 января [2 или 3 февраля] 1900, Н. Новгород.

100 Там же. С. 106. Л. В. Средину. 9 или 10 [21 или 22] января 1899, Н. Новгород.

101 А. П. Чехов в Москве пьесу не видел, т. к. уехал до первого представления.

Приехали мы 12-го <апреля> вечером, прямо пошли к Горькому, встретил очень радушно. Он тут с женой Екатериной Павловной и со своим мальчиком, Максимом, толстый и милый мальчик. <…> Вечером 12-го мы пошли к Горьким ужинать. На другой день у него завтракали и с тех пор почти не выходили от него. 14-го приехали артисты Моск<овского> Худ<ожественного> театра. <…> Горький в высокой славе, за ним ухаживают, умоляют его написать пьесу»[102]. К этому времени писательский псевдоним «Горький» уже становится фамилией Алексея Максимовича (письма он всегда подписывал как А. Пешков).

В Ялте Пешковы познакомились с ярким, разносторонне одаренным человеком, будущим режиссером МХТ Л. А. Сулержицким. Екатерина Павловна подружилась с ним, и позже, в 1906 году, когда после смерти дочери она с сыном переехала в Москву, он бывал у них частым гостем и скрасил жизнь ей и Максиму до их отъезда в эмиграцию. Вот как Екатерина Павловна вспоминала знакомство с Сулержицким:

«С Леопольдом Антоновичем Сулержицким — Сулером, как его звали все друзья и знакомые, Алексей Максимович и я впервые встретились весной 1900 года у наших друзей Срединых. Врач Леонид Валентинович Средин по болезни жил в Ялте со своей семьей. С ним был в дружбе Антон Павлович Чехов, который и привел к ним Сулержицкого.

Было это вскоре после возвращения Леопольда Антоновича из Америки, куда он отвозил в 1898–1899 годах духоборов по поручению Льва Николаевича Толстого, который принимал участие в выезде их из России. Леопольд Антонович организовал отправку более тысячи духоборов и сопровождал их во время тяжелого переезда пароходом через бурный океан, когда все они лежали в лежку.

По приезде в Америку он вел бесконечные переговоры с правителями Канады, помогая осесть на землю духоборам, у которых он пользовался большим доверием и непререкаемым авторитетом.

Вернувшись из Америки, Леопольд Антонович работал для заработка водовозом в порту, доставляя пресную воду на пароходы. Одет он был в синюю шерстяную куртку с матросским воротни-

[102] Ю. А. Бунину. 18 апреля 1900. Ялта // Иван Бунин. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Т. 11. М., 2006. С. 287.

ком и белую в синюю полоску тельняшку под ней, что хорошо оттеняло его крепкую загорелую шею.

Сразу запомнились его живые глаза и копна русых волос на голове. Через несколько минут казалось, что мы уже давно знакомы, так просто и легко чувствовалось с ним.

Жили мы неподалеку от Срединых, и когда мы в тот вечер уходили от них, Леопольд Антонович пошел нас проводить. Он подхватил нашего маленького сынишку Максима, посадил его себе на плечи и, дойдя до нашей дачи, зашел к нам.

Уложив мальчика, мы засиделись до поздней ночи, слушая его рассказы о недавней поездке в Америку и об этапах его жизни. Чего только с ним не бывало!..

В тот день весны 1900-го года он и заночевал у нас, а наутро, что-то напевая, помогал заваривать кофе, жарить яичницу.

Встречались мы почти ежедневно. Алексей Максимович сразу так подружился с ним, что, когда мы уезжали из Ялты, уговорил Сулера провести с нами лето в Мануйловке, на Украине. Он прожил у нас почти все лето, писал декорации для народных спектаклей, которые организовал там Алексей Максимович, в них участвовали мануйловские парубки и дивчата. Сулеру помогал гимназист Толя, сын доктора Средина, который тоже жил то лето у нас. Леопольд Антонович стал совсем своим в нашем доме»[103].

В мае — июне Алексей Максимович вместе с А. П. Чеховым, В. М. Васнецовым, А. Н. Алексиным и Л. В. Срединым совершил поездку на Кавказ; Екатерина Павловна оставалась в Ялте.

В конце июня, после возвращения Алексея Максимовича с Кавказа, Пешковы переехали в Мануйловку. В Мануйловке они жили большой семьей (с Марией Александровной и маленьким Шуриком Богдановичем и его няней), вместе с ними в Мануйловке отдыхали семьи Васильевых и Срединых, приезжали друзья.

Алексей Максимович писал А. П. Чехову: «Хорошо в этой Мануйловке, очень хорошо. Тихо, мирно, немножко грустно. И немножко неловко, странно видеть кучи людей, которые совсем не говорят о литературе, театре и о всем “прекрасном и высоком”, до чего им совсем нет дела. <...> Устроились мы недурно. Среди огромного, старого парка стоит красный каменный дом, в нем

[103] Сулержицкий. С. 534.

семь крошечных нелепых комнат с узкими и низенькими дверями, а в этих комнатах — мы. А рядом с нами, на большой липе, живет семейство сычей. В пруде — лягушки, — а у малорусских лягушек такие мелодичные голоса. Неподалеку от нас церковь; сторож на колокольне бьет часы. Собаки лают. Настоящая украинская луна смотрит в окно. Думается о боге и еще о чем-то таинственном и хорошем. Хочется сидеть неподвижно и только думать.

Приезжайте-ка сюда. Мы поместим Вас в школе, в том же парке, неподалеку от нас. Комната у Вас будет большая, никто не помешает Вам. Тихо будет. Я начал купаться в милой реке Пле, где ходят огромные щуки. Красивая река. Отсюда, из деревни, при лунном свете и под жалостное пенье лягушек ялтинское бытие кажется мне еще более отвратительным, выдуманным, ненужным. <...> Поклон Вашей маме и сестре. Жена тоже кланяется Вам, просит напомнить о каком-то Вашем портрете, обещанном ей, просит передать ее поклоны Вашей семье. А. Пешков»[104]. «Дорогой Антон Павлович! Поедемте в Китай? <...> Жена не очень охотно отпускает меня одного, но говорит, что была бы совершенно спокойна за меня, если бы и Вы ехали»[105].

В Китай Алексей Максимович не поехал, а в Нижний Пешковы вернулись только в сентябре — задержало их отсутствие денег: «Сидим мы здесь лишь потому, что у нас нет ни сантима. А, холодно!»[106], «Возвратившись в Нижний, я буду принимать во всякое время дня и ночи людей, которые пожелают дать мне в долг денег»[107].

НИЖНИЙ НОВГОРОД. Сентябрь 1900 г. — ноябрь 1901 г.

Возвратившись в Нижний, Пешковы поселились не в прежней квартире, а на Канатной улице в доме Лемке[108] и прожили здесь с

---

[104] Г-30. Т. 28. С. 122–123. А. П. Чехову. Начало [середина] июня 1900, Мануйловка.

[105] Там же. С. 123. А. П. Чехову. 9 [22] июля 1900, Мануйловка.

[106] Там же. С. 128. Л. В. Средину. Между 26 и 30 августа [8 и 12 сентября] 1900, Мануйловка.

[107] Там же. С. 126. А. Д. Гриневицкой. 24 августа [6 сентября] 1900, Мануйловка.

[108] В настоящее время — ул. Короленко, 11.

сентября 1900 года до ноября 1901 года. Квартира из шести комнат находилась на втором этаже, теперь у Алексея Максимовича была приемная с библиотекой (комната с выходом на балкон) и кабинет. В эту квартиру приезжали А. П. Чехов, И. А. Бунин, Н. Г. Гарин-Михайловский, Л. Н. Андреев, С. Г. Скиталец, В. И. Немирович-Данченко, Ф. И. Шаляпин, художник М. В. Нестеров и др. деятели российской культуры. Здесь у Пешковых родилась дочь Катя. В этот год Алексей Максимович сблизился с местными социал-демократами и был арестован по политическому делу.

Популярность Горького быстро росла, его книги вышли вторым изданием, уже и о нем самом была написана книжка[109], но Алексей Максимович все еще не считал себя большим писателем и автору этой книжки отвечал: «Думаю однако, что обо мне еще рано писать серьезно и рано возводить меня в величину. Я, кажется, из тех, которые никуда не приходят, а все только идут»[110]. Он вступил в члены-пайщики товарищества «Знание»[111], бывал в Москве и Петербурге по литературным и издательским делам, но столичная жизнь его не прельщала: в Москве — «хорошо побывать, но быть в ней неделю — утомительно»[112], в Петербурге — «все до такой степени подло, лживо, неискренно, что просто ужас! Все ненавидят друг друга, все завидуют и — все одиноки!»[113]

Жить он предпочитал в провинциальном Нижнем Новгороде, где у него было много друзей и где ему принадлежала ведущая роль в общественной жизни.

На многочисленные общественные мероприятия нужны были деньги, которых всегда не хватало. Не хватало их и на проведение елки Нового, 1901 года, и Горький обратился с просьбой о по-

---

[109] Первая книжка о М. Горьком была написана В. Ф. Боцяновским: Боцяновский В. Ф. Максим Горький. Критико-биографический этюд. СПб., 1901.

[110] Г-30. Т. 28. С. 139. В. Ф. Боцяновскому. 5 [18] ноября 1900, Н. Новгород.

[111] Товарищество «Знание» (1898–1913) — книгоиздательство, основанное в 1898 г. в Петербурге группой литераторов по инициативе деятелей Комитета грамотности во главе с К. П. Пятницким. М. Горький начал сотрудничать в «Знании» в 1900 г.

[112] Г-30. Т. 28. С. 132. А. П. Чехову. Между 1 и 7 [14 и 20] октября 1900, Н. Новгород.

[113] АГ. Т. V. С. 70. Из Петербурга в Нижний Новгород, 15 октября 1899 г.

жертвованиях к своим московским друзьям. Он просил Н. Д. Телешова: « — Спасайте! Ибо — погибаю! Успех прошлогодней моей елки, устроенной на 500 ребятишек из трущоб, увлек меня — и в сем году я затеял елку на 1000! Увы — широко шагнул! Отступать же — поздно! Прошу, молю, кричу — помогите оборванным, голодным детям — жителям трущоб! Николай Дмитриевич, пожалуйста, собирайте все, что дадут: два аршина ситцу и пятачок, пол-аршина бумазеи и старые сапоги, фунт конфект и шапку — все берем! Все! <...> Болен, никуда не выхожу. Завтра умру. Хороните без певчих, венков — не надо, лучше пришлите пять фунтов лаврового листу на елку бедным детям. Ваш А. Пешков»[114]. Он обратился к К. С. Станиславскому: «<...> затеял я в этом году елку на 1000 человек детей самого несчастного качества, т<о> е<сть> для трущобных жителей в возрасте от 6 до 12 лет, и лишь для тех, кто в школах не учится и ни в каких елках не участвует. Самый обор! И кажется, я провалился. В прошлом году елка у меня была на 500, и пожертвований хватило, а в этом — увы! По сей печальной причине прошу и умоляю Вас — походатайствуйте перед С. Т. Морозовым о помощи нам, нижегородцам. Не может ли он, милостивец, дать нам тряпочек для подарков на штанишки и рубашонки детям? “Всякое даяние благо”, даже и кредитная бумага. <...> Все берем, даже деньги! Коленкор, ситец, бумазею, сапоги, рукавицы, шапки — все!»[115] И Савва Морозов помог. «Экий душа-человек! Как он нас поддержал здорово! — радовался Алексей Максимович. — Славная выйдет елка, знаете! В этом году мы, кажется, с ног до головы оденем тысячу ребят»[116].

Алексей Максимович выступал инициатором елки («я затеял елку»), но понятно, что и деньги для проведения елки добывал не он один, и подарки для тысячи детей готовил не он. В организации этой елки, так же как и в организации предыдущей, принимало участие немало людей, в том числе и Екатерина Павловна. Она, сопереживая мужу, жила так же, как и он, жизнью, лишенной покоя и наполненной множеством разных людей и разных дел, и так

---

[114] Г-30. Т. 28. С. 143. Н. Д. Телешову. 4 или 5 [17 или 18] декабря 1900, Н. Новгород.

[115] Там же. С. 146–147. К. С. Станиславскому. Декабрь 1900, Н. Новгород.

[116] Там же. С. 147. К. С. Станиславскому. Конец декабря 1900 [начало января 1901], Н. Новгород.

же, как и он, стремилась облегчить, украсить и сделать более осмысленной жизнь обездоленных.

В феврале 1901 года Алексей Максимович поехал в Петербург, где целые дни «вертелся» и очень уставал; дела его шли «очень удачно», но настроение было «скверное» («<...> я зол и со всеми ругаюсь»), и ему «ужасно» хотелось поскорее «уехать отсюда» домой. Екатерина Павловна не поехала в Петербург вместе с Алексеем Максимовичем. Осенью она ездила вместе с ним в Москву, вместе с ним посещала Художественный театр, старых и новых друзей (в том числе и семью О. Л. Книппер). Теперь она оставалась в Нижнем, хотя он приглашал ее приехать — одну или вместе с Максимом — и письма писал ей очень часто, иногда каждый день. Жизнь в столице (культурная и политическая) по сравнению с провинциальным Нижним была бурной: с гастролями приехал МХТ («все тебе кланяются, жалеют, что ты не приехала. <...> Приезжай! С Максимом. Посмотришь — воротимся вместе»[117]), проходила выставка художников-передвижников, редакция журнала «Жизнь» устраивала обеды, на которых присутствовали знаменитости, Союз писателей и публика устроили обед артистам МХТ, на юбилее Суворина публика устроила обструкцию юбиляру, студенты устроили демонстрацию, полиция усмиряла, аресты шли ежедневно. Это было в феврале. А 4 марта на площади у Казанского собора состоялась многолюдная демонстрация против «Временных правил» об отдаче студентов в солдаты[118]. Демонстрация была разогнана вооруженной полицией, были убитые и множество избитых и арестованных. Общество пришло в «страшное возбуждение», и Алексей Максимович тоже. В день демонстрации он написал жене два письма с описанием происходящего и еще одно письмо — на следующий день. Он успокаивал ее: «Голубчик, ты за меня не беспокойся, я совершенно в стороне от всех сих делов. Но — интересно это — ужасно»[119].

---

[117] АГ. Т. V. С. 75. Из Петербурга в Нижний Новгород, 23 февраля 1901 г.

[118] 29 июля [11 августа] 1899 г. российское правительство ввело «Временные правила», предусматривающие исключение из университета и отдачу в солдаты студентов, участвующих в демонстрациях, забастовках и пр. 11 [24] января 1901 г. в солдаты были отданы 183 студента Киевского университета.

[119] АГ. Т. V. С. 79. Из Петербурга в Нижний Новгород, 4 марта 1901 г.

В стороне он не остался. По поводу этой демонстрации и ее разгона 43 литератора составили «удивительно хорошее письмо» с протестом против насилий, совершенных правительством. Письмо было опубликовано за границей, в России оно распространялось в рукописном и гектографированном виде. М. Горький был одним из подписавшихся. Копию письма он прислал Екатерине Павловне в неразрезанной книге, а она передала ее для размножения. Но он не только поставил подпись под протестным письмом, совершил он и другой гораздо более противоправный поступок. По просьбе своего приятеля А. В. Яровицкого, с которым он вместе работал в «Нижегородском листке» и который был активным участником нижегородской социал-демократической организации, Алексей Максимович (вместе с С. Г. Скитальцем) приобрел мимеограф и выслал его в Нижний Новгород на адрес В. Н. Кольберг, принимавшей участие в работе нижегородских революционных кружков. Вскоре после возвращения в Нижний Новгород, в ночь с 16 на 17 апреля 1901 года, А. М. Пешков был арестован у себя дома по распоряжению, пришедшему из Петербурга. В эту же ночь были арестованы и другие лица, причастные к приобретению и получению мимеографа: С. Г. Скиталец, Я. М. Свердлов, В. Н. Кольберг[120]. Они обвинялись «в сочинении, печатании и распространении воззваний, имевших целью возбудить среди рабочих в апреле или мае текущего года противоправительственные волнения» (ст. 1035 Уложения о наказаниях), а также в приобретении мимеографа для размножения революционных прокламаций.

Алексей Максимович, как и другие арестованные по этому делу, был отправлен в Нижегородскую тюрьму. Екатерина Павловна, как всегда, волновалась за его здоровье. Сама же она должна была родить в конце мая, и Алексей Максимович, который переносил настоящий арест достаточно спокойно (хотя, в отличие от предыдущего ареста, к нему были основания), уговаривал ее сохранять спокойствие и достоинство. Он писал ей: «Начальник тюрьмы сообщил мне, что ты хочешь просить, чтоб ко мне пропустили Мак-

[120] Кроме того, в ту же ночь с 16 на 17 сентября были арестованы еще около 20 человек, входивших в кружок, образованный студентами, сосланными в Нижний. Кружок занимался в основном устройством вечеров. М. Горький и С. Скиталец посещали этот кружок, хотя членами его не были.

сима. Знаешь что: мне не нравится эта затея, я, в свою очередь, убедительно прошу тебя не делать этого и вообще — ни о чем не просить. Мне достаточно знать, что Максим здоров, ты — тоже. Я буду очень доволен, если ты через день станешь сообщать мне об этом письмами. Даю тебе честное слово, что я здоров, почти не кашляю и даже поправляюсь. Ты, наверное, хлопочешь относительно свиданий со мной? Если так — пожалуйста, оставь и это, ибо, по всей вероятности, в данный момент такие хлопоты бесполезны, а когда свидания по закону явятся допустимыми, их дадут и без особенных хлопот. Мне бы очень не хотелось думать, что ты беспокоишься и что, пожалуй, страдает твое чувство собственного достоинства. Вспомни, пожалуйста, как меня возили в Тифлис, — это было хуже настоящего, — не правда ли? Но в ту пору твое здоровье было в лучшем положении, а теперь как раз наоборот, — мне лучше, тебе хуже, т<о> е<сть> опаснее. Я горячо прошу тебя, Катя, не волноваться, не суетиться, не раздувать этой истории до размеров драмы и помнить всегда, каждый час, что всякое раздражение твое — необходимо отзовется на ребенке и на родах. Ты уж, пожалуйста, вникни во все это и постарайся быть покойной!»[121] Он просил ее: «Очень прошу тебя, Катя, — не волнуйся, не беспокойся, береги себя, помни, что всякое твое волнение может отразиться на ребенке. Усиленно советую тебе думать о будущем сыне, — которого мы назовем Павлом, — а не обо мне. <...> Еще раз — и прошу и убеждаю — не беспокойся, Катя! Честное слово даю тебе — мне здесь не дурно. Воздух прекрасный, — у меня целый день открыто окно. Ты знаешь — я не склонен к меланхолии и скорее злюсь, чем унываю. Но — видишь ли что, голубчик! — меня тревожит мысль о возможности преждевременных родов, я опасаюсь, что вся эта передряга может вызвать их. Поэтому ты поступила бы чудесно, если бы теперь же выписала Софью Федоровну[122]. Оплати ей дорогу от Ялты и обратно, предложи 50–100 р<ублей> в месяц — до родов, — пусть только она приедет. Во всяком случае, я прошу тебя каждый день приглашать хотя <бы> Иванову для на-

[121] АГ. Т. V. С. 80. Из Нижегородской тюрьмы, 29 апреля 1901 г.

[122] Софья Федоровна Витютнева (1850 — ок. 1913) — акушерка-фельдшерица ялтинской больницы, работала вместе с доктором А. Н. Алексиным.

блюдения за тобой. <...> Будь бодра, не волнуйся, не сочиняй себе страхов, я здоров, настроен, как всегда»[123].

Он не только успокаивал ее, но и, как всегда, руководил и воспитывал: «Максима — с мамой — нужно чаще выпускать на волю, пускай целый день гуляет. <...> На обед ты мне посылаешь ужасно много, и много лишнего. Во всем нужен стиль, Катя, и варенье в тюрьме столь же неуместно, как был бы неуместен розовый ангелочек на картине Васнецова. Варенье, видишь ли, мешает полноте впечатлений, нарушая их целостность»[124]. «Дело о покупке дачи у Малиновского[125] — оставь. Но я очень прошу тебя — сними дачу в Черном или на Фофановых горах и поезжай туда с Максимом и акушеркой, а мама пускай останется здесь в городе»[126]. «Душа моя! В каждом человеке есть свои достоинства, нужно помнить это. Нужно быть кроткой. Кротости можно выучиться у меня, ей-богу! Я — яко голубь и ничего не возьму за обучение»[127].

Екатерина Павловна, о которой не так давно ее мама говорила «какая она жена?», а Алексей Максимович писал «жена моя жить не умеет», готовила и шила («Испеки мне драчену, большущую! <...> Пришли мне блузу или синюю рубаху, ту, что недавно сшила»[128]), исполняла поручения мужа по связи с издателями и, будучи на последнем месяце беременности, сумела добиться консилиума врачей, в результате которого Алексею Максимовичу тюрьма была заменена домашним арестом. В тюрьме за состоянием здоровья Алексея Максимовича наблюдал врач Покровский. Екатерине Павловне казалось, что он не достаточно хороший специалист, и она требовала проведения консилиума врачей для освидетельствования здоровья мужа, о чем и сообщила ему. «Принесли твое сердитое, раздраженное письмо. Ф-фу! Голубчик — не волнуйся, не раздражайся, не шуми. Давай докторов хоть дюжину, я смиренно и безропотно пре-

---

[123] АГ. Т. V. Из Нижегородской тюрьмы, 3 мая 1901 г.

[124] Там же. С. 81. Из Нижегородской тюрьмы, 29 апреля 1901 г.

[125] Малиновский Павел Петрович (1869–1943) — нижегородский архитектор. С 1904 г. член РСДРП. В 1908 г. переехал с семьей в Москву. После революции работал гражданским комендантом Кремля, председателем Бюро строительного нормирования и др.

[126] АГ. Т. V. С. 82. Из Нижегородской тюрьмы, 3 мая 1901 г.

[127] Там же. С. 83. Из Нижегородской тюрьмы, начало мая 1901 г.

[128] Там же.

доставлю себя им на всестороннее рассмотрение и исследование под микроскопом, телескопом — как тебе угодно! Только не сердись, только не раздражайся! И не ругай Покровского: если он и неважный доктор, зато хороший театрал, как говорят»[129]. Консилиум из 7 врачей (Н. А. Грацианов, Н. И. Долгополов, В. Н. Золотницкий и др.) состоялся 16 мая, и 17 мая Алексей Максимович был освобожден из тюрьмы под домашний арест.

Об освобождении М. Горького из тюрьмы хлопотала не только Екатерина Павловна. К. П. Пятницкий[130], директор-распорядитель товарищества «Знание», узнав об аресте Алексея Максимовича, приехал в Нижний Новгород, а затем, получив медицинское заключение, поехал с ним в Москву и привлек к хлопотам Л. Н. Толстого. 6 мая Л. Н. Толстой обратился письменно к принцу П. А. Ольденбургскому[131] и к товарищу министра внутренних дел П. Д. Святополку-Мирскому[132]. Принцу П. А. Ольденбургскому Л. Н. Толстой писал: «Ваше высочество, Тот самый писатель Горький (настоящее имя его Алексей Максимович Пешков), о котором мы в прошлом году говорили с вами и писания которого вам особенно нравились, находится теперь в ужасном положении: он вырван из семьи, от находящейся в последней степени беременности жены, и, больной туберкулезом легких, посажен без суда в нижегородский, ужасный по своим антигигиеническим условиям, острог. Его жена и друзья, зная, что я его люблю и как человека и как писателя, обратились ко мне, чтобы я, как могу, помог его и их горю, а я обращаюсь к вам с твердой надеждой, что вы сделаете, что можете, чтобы избавить его и его семью от того ужасного положения, в котором они находятся. Я уверен, что вы не упустите случая сделать доброе дело. С совершенным уважением и преданностью вашего высочества покорный слуга Лев Толстой. 6 мая 1901»[133].

---

[129] АГ. Т. V.

[130] Пятницкий Константин Петрович (1864–1938) — издательский деятель, основатель и руководитель издательства «Знание» (1898–1913).

[131] Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 22 томах. М.: Художественная литература, 1984. Т. 19. Принцу П. А. Ольденбургскому. 6 мая 1901, Москва.

[132] АГ. Т. V. П. Д. Святополку-Мирскому. 6 мая 1901, Москва.

[133] Принц П. А. Ольденбургский в письме от 26 мая 1901 г. сообщил Толстому, что Горький освобожден из тюрьмы и находится под домашним арестом.

Письмо к Святополку-Мирскому было аналогичного содержания и заканчивалось так: «Хотя я и не имею удовольствия лично знать вас, мне почему-то кажется, что вы примете участие в судьбе Горького и его семьи и поможете им, насколько это в вашей власти. Пожалуйста, не обманите моих ожиданий и примите уверения в совершенном уважении и преданности, с которыми имею честь быть вашим покорным слугою. *Лев Толстой.* 1901. 6 мая».

Л. Н. Толстой, лично не знакомый с товарищем министра внутренних дел, надеялся на добрую волю последнего. Потом, в первые годы советской власти, когда Екатерина Павловна будет работать в политическом Красном Кресте, она и другие его деятели будут, опираясь на дореволюционный опыт, обращаться с просьбами о помиловании к влиятельным властным лицам, также надеясь на их добрую волю.

После освобождения из тюрьмы Алексей Максимович написал Л. Н. Толстому благодарственное письмо и поделился впечатлениями о жизни «под домашним арестом»: «Спасибо Вам, Лев Николаевич, за хлопоты обо мне. Из тюрьмы меня выпустили под домашний арест, что очень хорошо — ввиду близких родов у жены. Просидел я всего лишь месяц и, кажется, без ущерба для здоровья, да и на здоровье жены вся эта канитель не очень сильно отозвалась, так что — все обстоит благополучно. <...> Быть “под домашним арестом” — ужасно смешно! В кухне — полицейский сидит, на крыльце — другой, на улице — еще. Гулять можно только в сопровождении полицейского и лишь около дома, а на людные улицы — не пускают. Полицейским тоже смешно караулить человека, который не только не намерен бежать из города, но и по своей воле уехать из него — не хочет»[134].

26 мая Екатерина Павловна родила дочь Катю (а не ожидаемого сына Павла). Принимала Катю Софья Федоровна Витютнева («Софью Федоровну целую в уста и благодарю ее, и подарю ей золотые часы с автографом. Милая она баба!»[135]), она же была крестной матерью девочки. К. П. Пятницкий стал крестным отцом

[134] Г-30. Т. 28. С. 163–164. Л. Н. Толстому. 22 мая [4 июня] 1901, Н. Новгород.

[135] АГ. Т. V. С. 83. Из Нижегородской тюрьмы, начало мая 1901 г.

Кати по просьбе ее родителей, благодарных ему за хлопоты по освобождению Алексея Максимовича: «Вы очень обрадовали меня и жену Вашим согласием крестить дочь. Приезжайте после 10-го июня, выбрав для себя наиболее удобное время, а о дне, когда будете, сообщите нам телеграммой. Роды благополучны, жена здорова. <...> Жена передает Вам ее поклон и спасибо. Вы очень понравились ей, чему я искренно рад»[136].

Алексей Максимович находился под домашним арестом до 3 июня, затем — под надзором полиции (до решения министра внутренних дел). В сентябре 1901 года министерство внутренних дел приняло решение «водворить Пешкова под гласный надзор полиции в Нижегородской губернии вне Н.-Новгорода, в местности по усмотрению нижегородского губернатора». Последний назначил местом ссылки г. Арзамас. Но уже в октябре А. М. Пешкову по состоянию его здоровья разрешили жить в Крыму до весны. 7 ноября Алексей Максимович с Екатериной Павловной покинули Нижний и уехали в Крым.

Таким образом, Алексей Максимович по выходе из тюрьмы более полугода прожил в Нижнем Новгороде вместе со своей семьей. Он вел интенсивную переписку, а т. к. поступавшую в его адрес корреспонденцию он получал через жандармское управление распечатанной и прочитанной, при этом письма и телеграммы задерживались по нескольку дней и некоторые письма вовсе пропадали, то он просил корреспондентов писать на имя жены. Он принимал активное участие в нижегородской общественной жизни, добывал средства, хлопотал за отдельных лиц, помогал им материально. Вокруг него было множество людей, в его семейном доме постоянно гостили друзья, при этом он стремился работать — писать.

«У меня живет Средин с женой, а дом конопатят, и целый день у нас — адский шум. Но это не мешает нам жить. Средин приобрел около 5 ф<унтов> веса, я чувствую себя очень сносно. У жены побаливает печень, дочь — орет, Максимка — озорничает, а пьеса — пока не продвигается вперед. Завтра, вероятно, приедет Алексин, собирается заехать Нестеров, был Н. К. Михайловский. Разнообразно

[136] Г-30. Т. 28. С. 165. К. П. Пятницкому. 31 мая или 1 июня [13 или 14 июня] 1901, Н. Новгород.

и душеполезно. <...> Меня гонят в Швейцарию»[137]. Когда Алексей Максимович писал эти строки, его дочери был один месяц.

«О деньгах. Ох, я знаю, что трачу очень много денег! Но было бы хуже, если б я, имея их, не тратил. Ведь так? Ну, конечно. А время стоит — очень нуждающееся в деньгах. <...> замечательно хороший и даровитый человек остается без заработка с беременной женой в Ардове, откуда ему нужно ехать в Питер, 350 р<ублей>. Одному сироте нужно ехать в Томск, другому в Бронницы, 80 р<ублей>. Ученик технического училища, исключенный из оного за любовь к правде, едет в Гренобль учиться электротехнике, 100 р<ублей>. Все сии события происходят в течение месяца. Право же, мы очень немного тратим на себя, как говорит Катеринка. Но все же р<ублей> 250, я думаю. <...> Сегодня был у меня неувядаемый Гарин[138], завтра будет неувядаемый Анненский[139]. <...> Дня через три, четыре кончу драму, выпишу сюда Немировича <-Данченко> и прочитаю ему. <...> Но я не смею просить Вас о приезде сюда на денек, хотя знаю, что Вам необходимо бы оторваться от работы хоть на день. Вы, ей-богу, так много работаете, что, я боюсь, не замечаете, — не имеете времени заметить, — как интересна жизнь и какое это удовольствие жить на земле, хотя Вольтер и назвал ее сумасшедшим домом Солнечной системы. И — знаете — быть может, именно потому интересно, что сумасшедший дом. Знаете, — я раньше говорил — терпеть не могу здравомыслящих людей! Теперь я прибавляю — кроме Константина Пятницкого, которого я люблю и уважаю. И знаете, почему я так говорю? Плохо я верю в Ваше здравомыслие, ей-богу, плохо! Вы ловко притворяетесь, но Вы — тоже безумец. Это факт»[140].

Алексей Максимович ошибался: К. П. Пятницкий не был безумцем и отношения их со временем изменились: дружбу сменило отчуждение, а затем и полный разрыв, происшедший в годы первой эмиграции Алексея Максимовича, когда издательство «Знание» переживало трудные времена. Но об этом ниже.

---

[137] Г-30. Т. 28. С. 165–167. А. П. Чехову. 27 июня [10 июля] 1901, Н. Новгород.

[138] Н. Г. Гарин-Михайловский — писатель.

[139] Н. Ф. Анненский — общественный деятель и публицист.

[140] Г-30. Т. 28. С. 176–177. К. П. Пятницкому. 20 или 21 сентября [3 или 4 октября] 1901, Н. Новгород.

8 июня в связи с публикацией «Песни о Буревестнике» был закрыт журнал «Жизнь». Его редактор, В. А. Поссе, выехал за границу, намереваясь там продолжать издание журнала, оттуда он писал и Алексею Максимовичу и Екатерине Павловне (отдельно) «кислые письма». Ответ Алексея Максимовича содержал такой пассаж: «Что ты скис — не удивляюсь. Я бы, может быть, удавился, покинув Россию. А утрату “Жизни” я пережил молча и все сожаления гордо отвергал. *И ежели у меня умрет сын, — что люблю всего больше, — тоже буду молчать и тоже пошлю ко всем чертям всех сожалеющих.* (Курсив мой. — Л. Д.) Нет, я не хочу доставлять удовольствия мещанам, а сожаление есть их удовольствие. <...> Ты скажешь: “Я писал товарищу!” А ты и от товарища скрой свои раны, как я не раз скрывал их от тебя»[141].

Алексей Максимович относился к простым и естественным человеческим чувствам и слабостям как к проявлению мещанства, которое не уважал и не принимал[142]. От людей, в том числе и близких, он требовал, чтобы они соответствовали некоему идеалу, который существовал в его воображении. И Екатерина Павловна, уважавшая Алексея Максимовича и его суждения, старалась соответствовать. Дом Пешковых был домом писателя М. Горького, себе она отводила роль очень скромную и старалась, чтобы в ее доме всем было хорошо. А Алексей Максимович «перхал, как овца», дети болели (маленький Шурик Богданович с весны 1901 года болел непрерывно), и для поправки здоровья им следовало бы уехать на зиму из Нижнего Новгорода, где они жили «в тучах дыма, густых тяжелых тучах, которые украли у нас солнце, воздух, дали — все!»[143]

Получив решение министерства внутренних дел, Алексей Максимович начал хлопотать о разрешении выехать в Крым. «<...> виц мне говорит, что если я буду проситься, то меня, б<ыть> м<ожет>, пустят в Крым. Крым — это скверность, но — лучше Балахны,

---

[141] Г-30. Т. 28. С. 170. В. А. Поссе. После 10 [23] августа 1901, Н. Новгород.

[142] В юности Алексей Пешков увлекался идеями ницшеанства; получив известность, пытался опубликовать книгу Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» в переводе своего друга Н. З. Васильева. Позднее его принятие большевистских вождей и чекистов и восхищение ими, по-видимому, было вызвано и тем, что они преуспели в воспитании нового (советского) человека.

[143] Г-30. Т. 28. С. 165–167. А. П. Чехову. 27 июня [10 июля] 1901, Н. Новгород.

Арзамаса, Сергача и т. д., и я — за Крым. <...> Виц же рекомендует мне написать частное письмо князю Святополку с просьбой выхлопотать мне разрешение на оный самый Крым. Меня коробит, но я, пожалуй, напишу, ибо — дети. А они как раз начинают хворать. Сообщая Вам, милостивый государь, все сие к сведению Вашему, уверен, что Вы пришлете мне денег. Я теперь так полагаю, что бог создал сначала рубль, а потом уже все остальное»[144], — писал он К. П. Пятницкому. Алексей Максимович сам хлопотал и Шаляпина о том же просил: «Хочу всячески хлопотать о том, чтоб меня пустили в Крым. Зимой в уездном городе издохнешь от холода и всяких неудобств. А для детей это тоже неудобно. Вот похлопочи-ка, чтоб мне разрешили в Крым-то ехать! Я хочу попросить письмом князя Святополка-Мирского об этом»[145]. Чехову он писал: «Я подал прошение м<инистру> в<нутренних> д<ел>[146], чтобы он отпустил меня в Ялту, до весны. <...> Хворает у меня жена, и очень это беспокоит меня, но в общем — живу недурно, последнее время много работал, в конце августа канителился с Шаляпиным[147]. Очень он понравился мне — простой, искренний,

---

[144] Г-30. Т. 28. С. 173–174. К. П. Пятницкому. 14 [27] сентября 1901, Н. Новгород.

[145] Там же. С. 175. Ф. И. Шаляпину. 14 или 15 [27 или 28] сентября 1901, Н. Новгород.

[146] В 1901 г. министром внутренних дел был Сипягин Дмитрий Сергеевич (убит 2 апреля 1902 г. в Мариинском дворце в помещении Государственного совета эсером С. В. Балмашевым).

[147] Ф. И. Шаляпин вспоминал о знакомстве с Алексеем Максимовичем и его семьей: «Простота, доброта, непринужденность этого, казалось, беспечного юноши, его сердечная любовь к своим детишкам, тогда маленьким, и особая ласковость волжанина к жене, очаровательной Екатерине Павловне Пешковой, — все это так меня подкупило и так меня захватило, что мне казалось: вот наконец нашел я тот очаг, у которого можно позабыть, что такое ненависть, выучиться любить и зажить особенной какой-то, единственно радостной идеальной жизнью человека! У этого очага я уже совсем поверил, что если на свете есть действительно хорошие, искренние люди, душевно любящие свой народ, то это — Горький и люди, ему подобные, как он, видевшие столько страданий, лишений и всевозможных отпечатков горестного человеческого житья. Тем более мне бывало тяжело и обидно видеть, как Горького забирали жандармы, уводили его в тюрьму, ссылали» (Шаляпин Ф. И. Маска и душа // Шаляпин Ф. И. Воспоминания. М.: Локид, 2000. С. 356).

славный парень! <...> Питаю надежду, что скоро увидимся в Ялте. Если б Вы заглянули сюда! И зову Вас, и — боюсь звать. Ибо, во-первых — дорога утомит Вас, пожалуй, а во-вторых — противное впечатление должна произвести на Вас обстановка, в которой я живу. Шумно, бестолково»[148].

«Шумную» и «бестолковую» обстановку создавал сам Алексей Максимович своей страстью к общению, к благотворительным делам и общественным инициативам. В конце сентября он закончил работу над пьесой-драмой «Мещане». Для ознакомления с ней в Нижний приезжал Вл. И. Немирович-Данченко, давший пьесе высокую оценку, окрылившую Алексея Максимовича: «Не пустят в Крым — не надо! Чорт их всех возьми вместе с Крымом. Я и в Арзамасе расчудесно проживу на страх врагам! А жену и все прочее пошлю в Крым. Мать жены и больной мой племяш едет туда через два дня. Катерина с Максимом провожают их до Москвы, в Москве Катя проживет 2–3–7–10, — сколько захочет! — а я буду сидеть дома и писать пьесу. <...> Хороший Вы мой! Крым, Арзамас, Святополк, жена, дети — все это пустяки! Важно же вот что: я — Ваш Алешка — с честью выдержал предварительное испытание на чин драматурга! (Берегись, Вильям Шекспир!) <...> Я охвачен неким пламенем! Хочу работать, хочу — страстно. И что мне министры, прокуроры, приговоры? Это ерунда! Это ничему не мешает! Голубчик Вы мой, я Вас обнимаю, ибо пол<о>н желания обнять весь мир»[149].

Прошение министру внутренних дел Алексей Максимович подал, частное письмо Святополку-Мирскому написал, Шаляпин за него хлопотал, и в середине октября он получил разрешение жить до апреля в Крыму — везде, кроме Ялты. К этому времени он уже отказался от желания построить свой дом в Нижнем («Насчет дома — со мной уже прошло. Это был маленький припадок чувства собственности, а теперь я не хотел бы даже, чтоб мне подарили дом»[150]), и хотя его еще занимала постройка клуба для бося-

---

[148] Г-30. Т. 28. С. 179. А. П. Чехову. 25 или 26 сентября [8 или 9 октября] 1901, Н. Новгород.

[149] Там же. С. 180–181. К. П. Пятницкому. 1 или 2 [14 или 15] октября 1901, Н. Новгород.

[150] Там же. С. 176. К. П. Пятницкому. 20 или 21 сентября [3 или 4 октября] 1901, Н. Новгород.

ков[151] и он затевал открыть книжный магазин и библиотеку, но теперь он больше всего хотел одного — писать.

«Собираюсь ехать в Крым и с огромным удовольствием продаю свое имущество. Столы, стулья, стулья, стулья! Одних стульев — 23! Столов тоже, кажется, 23. Оставлю только один старинный стол кремонской работы, с мозаикой. Старинные книги — в библиотеку, вещи — в городской музей, у меня не останется ничего, кроме жены и ребят, которых я тоже желал бы поместить в музей. Знаете — писателю не надо иметь семью — это факт. Жаль, что писатель обыкновенно не вовремя сознает это, ей-богу, жаль! Вы много работаете, оттого что не женаты, вот что-с!»[152]

Высылка М. Горького из Нижнего Новгорода в Крым превратилась в его триумф и сопровождалась демонстрацией антиправительственных настроений. Накануне его выезда был дан (с разрешения властей) банкет-ужин в его честь[153], на следующий день

[151] Клуб для босяков — чайная «Столбы» — был открыт в Нижнем Новгороде 21 ноября 1901 г., когда Горький уже находился в Крыму. В этой чайной в дневное время люди могли сидеть в тепле, им давали порцию чая за две копейки и фунт хлеба; врачи Н. И. Долгополов и В. П. Золотницкий устроили в чайной бесплатную амбулаторию; в чайной была организована маленькая библиотека, в углу стояло пианино, в праздничные дни проходили концерты и литературные чтения. В организации чайной (поиск людей, добыча средств и помещения) Алексею Максимовичу принадлежала ведущая роль, а статья М. Горького «Для золотой роты» с сообщением о ее близком открытии появилась в «Нижегородском листке» 7 ноября 1901 г.

[152] Г-30. Т. 28. С. 192–193. К. П. Пятницкому. 28 или 29 октября [10 или 11 ноября] 1901, Н. Новгород.

[153] Банкет-ужин, на который собрались представители нижегородской интеллигенции и студенческой молодежи, проходил по подписке и состоялся 6 ноября 1901 г. в здании Блиновского пассажа в ресторане Пермякова. А. М. Горький писал К. П. Пятницкому: «Провожать меня хотят довольно демонстративно: устраивают обед — что не весьма мне приятно. <...> Это хорошо, потому что оппозиционно, но это может быть и нехорошо, ибо я во время обеда могу сказать такую штуку, что мои чествователи, пожалуй, подавятся от неожиданности. Попытаюсь, однако воздержаться, ибо, хотя не люблю людей, но жалею их. Тяжело говорить правду, когда она не поднимает человека, а унижает его. Хорошо говорить правду, когда она вызывает ненависть» (Г-30. Т. 28. С. 193. К. П. Пятницкому. 28 или 29 октября [10 или 11 ноября] 1901, Н. Новгород).

нижегородцы устроили его проводы на Московском вокзале, а затем демонстрацией прошли по городу. Вот как описал эти события Алексей Максимович: «Из Нижнего я уехал 7-го ноября с большой помпой. Задавали мне ужины, читали адреса, делали подношения, точно артисту, а в заключение — устроили на вокзале демонстрацию с пением “Марсельезы” и всякой всячины в этом стиле. Полиция была очень смущена и благоразумно бездействовала. Проводив меня, демонстранты с вокзала отправились пешком в город, прошли по всему нижнему базару, по всей Б. Покровке, всю дорогу пели и на площади около думы говорили речи, принятые публикой очень сочувственно. Народу было около 400 человек. По дороге в Москву я узнал, что и в этом городе готовится встреча»[154].

В Москве готовилась манифестация студентов, собиравшихся на московском вокзале встретить М. Горького, но власти сумели предотвратить его приезд в Москву. Поезд, в котором он ехал вместе с семьей, был остановлен жандармами недалеко от Москвы на станции Рогожской, и их высадили. Екатерина Павловна вспоминала: «В наш вагон зашел жандармский ротмистр и заявил Алексею Максимовичу, что он должен перейти в вагон, идущий на Курск, так как Горькому запрещен въезд в Москву. Мы с Алексеем Максимовичем условились, что он сойдет на станции Подольск и там, пока я устрою наши дела в Москве, будет ждать меня и детей с вечерним севастопольским поездом.

Добравшись со станции Москва-Товарная до квартиры С. А. Скирмунта[155], я рассказала о случившемся Пятницкому и группе писа-

---

[154] Г-30. Т. 28. С. 196. В. А. Поссе. Ноябрь, после 14-го [27-го], 1901, Олеиз.

[155] Скирмунт Сергей Аполлонович (1863–1932) — до революции книгоиздатель, связанный с революционным движением. Окончил военное Александровское училище, служил, дослужился до чина штабс-капитана, но военной службы не любил. В 30 лет вышел в отставку, неожиданно получив после смерти дальнего родственника огромное наследство: два с половиной миллиона, степные хутора и земли. Он постарался «разумно употребить» «шалые», как он говорил, деньги: около 100 тысяч руб. пожертвовал «Обществу содействия устройству общедоступных народных развлечений», в котором участвовали Станиславский, Немирович-Данченко, Корш; основал на паях с публицистом В. А. Крандиевским либеральное издательство «Труд»; сблизился с Горьким, через которого щедро финансировал революционные организации. В начале 1900-х годов Горький, приезжая в Москву, часто останавливался в доме Скирмунта

телей; они, не встретив Алексея Максимовича на вокзале, приехали тоже к Скирмунту. Известила я и Федора Ивановича Шаляпина. Все они тотчас отправились дачным поездом в Подольск, а я с четырехлетним Максимом и полугодовалой дочуркой Катюшей осталась в Москве до вечернего поезда. <...> Севастопольский поезд, с которым мы ехали, остановился в Подольске на одну-две минуты. Алексей Максимович и Пятницкий, который поехал проводить нас до Севастополя, едва успели сесть в вагон, как поезд уже тронулся»[156].

Алексей Максимович писал В. А. Поссе: «Жена была отведена в трактир на Рогожской и там ожидала поезда в Москву. Сидя в трактире, она видела, как на Рогожскую пришла большая толпа демонстрантов с адресом и большим портретом Л. Толстого, предназначенным к подношению мне[157]. Пошумев и узнав, что меня увезли куда-то, они возвратились в Москву, а вслед за тем со всех дворов высыпала масса полиции и последовала за ними. Обошлось, как и в Нижнем, без драк и арестов. <...> Ну, еду дальше. Везде на вокзалах масса жан<дармов> и пол<иции>. В Харькове мне предложили не выходить из вагона на вокзал. Я вышел. Вокзал — пуст. Пол<иции> — куча. Пред вокзалом — большая толпа студентов и публики, пол<иция> не пускает ее. Крик, шум, кого-то, говорят, арестовали. Поезд трогается. Час ночи, темно. И вдруг

(Гранатный пер., 10). В мае 1902 г. Скирмунт был арестован и приговорен к 5 г. ссылки в Олонецкую губ., освобожден по амнистии в октябре 1904 г. В 1905 г. был редактором-издателем московской большевистской газеты «Борьба». Был вновь арестован, освобожден под крупный залог и в ноябре 1907 г. (после почти двухлетнего следствия) приговорен к 3 г. заключения в крепости, но ему удалось выехать за границу. После амнистии приезжал в Россию на короткое время в 1915 г., окончательно возвратился в 1926 г. Жил в квартире Екатерины Павловны в Машковом переулке. Работал в Народном комиссариате труда, Госторге, Объединении научно-технических издательств.

156 Пешкова Е. Встречи с Шаляпиным // Шаляпин Федор Иванович. Статьи. Высказывания. Воспоминания о Шаляпине. Т. II. М.: Государственное Издательство «Искусство», 1958. С. 327.

157 Двумя месяцами ранее, в сентябре 1901 г., из Москвы в Крым для лечения выехал Л. Н. Толстой. По пути его следования, несмотря на принятые полицией меры, состоялись бурные массовые демонстрации, носящие противоправительственный характер.

мы с Пятницким[158], стоя на площадке вагона, слышим над нами, во тьме, могучий, сочный такой, знаешь, боевой рев. Оказывается, что железный мост, перекинутый через станционный двор, весь усыпан публикой, она кричит, машет шапками — это было хорошо, дружище! Мост — высоко над поездом, и крик был такой бурный, дружный, бодрый.

Все сие рассказывается тебе, товарищ, не ради возвеличения Горького в твоих глазах, а во свидетельство настроения, которым все более проникается лучшая часть русской публики»[159].

Екатерина Павловна принадлежала к этой «лучшей части русской публики».

КРЫМ, ОЛЕИЗ. Ноябрь 1901 г. — апрель 1902 г.

11 ноября 1901 года Пешковы прибыли в Крым, в котором прожили почти полгода. Несколько дней они жили у Чехова на его даче в деревне Аутка под Ялтой, а затем по совету Ярцева переехали в Кореиз, где поселились в имении Олеиз на небольшой даче «Нюра», сдававшейся внаем. Имение Олеиз представляло собой

---

[158] В Подольск для встречи с Горьким выезжали Шаляпин, Андреев, Бунин, Телешов, Пятницкий и др. Пятницкий проводил Пешковых в Крым и провел там с ними несколько дней.

Вот как описала эти проводы Горького В. Н. Муромцева-Бунина: «В начале ноября Горький с семьей должен был из Нижнего Новгорода переехать в Крым. Он хотел провести день в Москве, повидаться с друзьями, поговорить о делах “Знания” с Пятницким (нарочно приехавшим для этого из Петербурга) и с переводчиком Шольцем, который тоже ждал Горького в Москве. Поезд пришел утром, но власти Горькому не разрешили провести день в Москве, семье же позволили поехать в город. Екатерина Павловна сразу кинулась к Телешовым и сообщила о запрещении, потом направилась к Пятницкому, где застала Шольца. Телешов известил Андреева, Бунина, и они все поехали на Курский вокзал, но там узнали, что вагон с Горьким отправлен в Подольск, где он и пробудет до вечернего севастопольского поезда, в котором и поедет его семья. Тогда все приехавшие встречать Горького на вокзал с первым же поездом отправились к нему в Подольск» (Жизнь Бунина В. Н. Муромцева-Бунина. URL: history.vuzlib.net/book_o007_page_10.html).

[159] Г-30. Т. 28. С. 197–198. В. А. Поссе. Ноябрь, после 14-го [27-го], 1901, Олеиз.

участок земли (11 десятин), вытянутый от подножия Ай-Петри до моря. Дача «Нюра» находилась на берегу моря, от которого ее отделяла миндальная роща. Принадлежало имение семье купца-миллионера И. Ф. Токмакова.

Иван Федорович Токмаков был крупным предпринимателем и меценатом. Родился он в Нерчинске, жил в Кяхте (торговой слободе Забайкальской области, расположенной недалеко от границы с Монголией), был участником первого торгового каравана в Китай (в 1861 году), совладельцем первых русских чайных фабрик в Китае, одним из основателей первого русского торгового пароходства на Дальнем Востоке. В начале 1880-х годов по совету врачей (он был склонен к туберкулезу) переехал в Крым, где приобрел землю вблизи Кореиза и построил дом (поместье Олеиз). В Крыму он увлекся виноделием и виноградарством и организовал винное производство («Токмаков и Молотков»), в Алуште ему принадлежали огромные виноградники и большой винный подвал, его вина получили медали на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде и на Всемирной выставке в Бордо. На его средства в Кореизе были построены первые школа и больница (участок земли под больницу приобрела на свои деньги графиня С. Ф. Панина, имение которой находилось неподалеку, в Гаспре), в Ялте — корпуса для сестер милосердия Российского общества Красного Креста, в Алупке в горном сосновом бору — пансион «Хоба-Туби» для малоимущих лиц интеллектуальной элиты, а непосредственно в Олеизе — Народный дом для спектаклей и концертов.

В семье Токмаковых было 6 детей: 3 дочери и 3 сына. Старшие дочери, Елена и Мария, выросли в Кяхте, служившей местом ссылки революционеров, они много общались со ссыльными (Иван Федорович Токмаков был хорошо знаком с братьями Бестужевыми, а его сын Сергей был женат на внучке Николая Бестужева) и, наверное, поэтому были настроены весьма радикально. Мария Ивановна в 1893 году вышла замуж за Николая Васильевича Водовозова — экономиста, активиста студенческого движения и марксиста, и в 1895 году они основали в Санкт-Петербурге первое в России марксистское издательство «Издательство М. И. Водовозовой». Издательство выпускало книги легальных марксистов, в этом издательстве вышли книги С. Н. Булгакова и Владимира Ульянова (Ленина, под псевдонимом «Ильин»). В 1896 году умер Н. В. Водо-

возов, в 1900 году Мария Ивановна была выслана из Петербурга (хотя издательство просуществовало до 1907 года) и вернулась в Крым. Елена Ивановна в 1898 году вышла замуж за Сергея Николаевича Булгакова (будущий религиозный мыслитель, а затем священник отец Сергий), который в то время увлекался марксизмом и был одним из теоретиков легального марксизма. Сестры Токмаковы имели обширные знакомства среди революционеров. У них в Олеизе под покровительством хозяев нередко жили «нелегальные» (летом 1894 года у них жил Л. Б. Красин, здесь он и был арестован), но основными гостями Олеиза были люди, принадлежащие к интеллектуальной элите: писатели, художники, композиторы, режиссеры, актеры. Здесь бывали Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, А. И. Куприн, Н. Д. Телешов, С. Г. Скиталец, М. В. Нестеров, В. И. Немирович-Данченко, Л. А. Сулержицкий, С. В. Рахманинов, Ф. И. Шаляпин, М. Н. Ермолова и др. С. Н. Булгаков со времени женитьбы на Елене Ивановне (в 1898 году) тоже был частым гостем в Олеизе, здесь он проводил все каникулярное время, здесь гостили его друзья В. И. Иванов, С. Н. Дурылин, Н. А. Бердяев, друзья по Кружку ищущих христианского просвещения и Религиозно-философскому обществу памяти Вл. Соловьева, здесь его посещал М. А. Волошин.

В 1987 году, когда Алексей Максимович лечился по поводу острого туберкулезного процесса, он вместе с Екатериной Павловной жил в Алупке в пансионе Варвары Ивановны Токмаковой (жены И. Ф. Токмакова). Теперь на даче «Нюра» Пешковы жили большой семьей: с тремя детьми (Максим, Шурик, Катюша), Марией Александровной, няней детей и их бонной. (Бонной детей была Вера Кольберг.) Через две недели после приезда Пешковых на дачу «Нюра» ее население еще увеличилось: 1 декабря в Киеве умер Н. З. Васильев, и Екатерина Павловна поехала в Киев и привезла с собой его жену и троих детей. Алексей Максимович остро переживал смерть друга юности: «Сейчас жену вызвали на дачу хозяев, и там Ярцев по телефону передал ей содержание телеграммы из Киева от жены моего старого товарища Николая Захаровича Васильева: “Николай сегодня ночью умер, нечаянно отравившись”. Вы не можете представить себе, как это неожиданно и обидно, больно, скверно. Это был редкий, оригинальный парень,

страстно влюбленный в свою науку — химию. <...> Как обухом по голове оглушила меня эта весть, и хоть я привык к неожиданностям, редко удивляюсь и ничего не боюсь, — но холод в сердце и темно в голове. <...> Особенно же нехорошо это потому, что я сам давно был убежден в том, что Николай отравится, не однажды говорил это ему, говорил жене своей и его — чорт бы меня побрал! И потом — мне кажется, что это не "нечаянно". Жена завтра едет в Киев и привезет оттуда сюда жену и троих детей Николая», — писал Алексей Максимович К. П. Пятницкому[160]. В дальнейшем Алексей Максимович старался материально помогать осиротевшей семье Н. З. Васильева (так, из средств Горького З. В. Васильева в течение трех лет получала стипендию для учебы в Бернском университете).

Во время поездки в Киев Екатерина Павловна посетила семью старшей дочери Токмаковых Елены Ивановны Булгаковой, которая с 1901 года жила в Киеве, где С. Н. Булгаков занимал должности профессора политической экономии Киевского политехнического института и приват-доцента Киевского университета. Алексей Максимович писал К. П. Пятницкому: «Булгаков, в Киеве, говорил жене, что будто Вы покупаете "Науч[ное] обозр[ение]"[161]. Жена — удивилась. Булгаков сообщил, что он будет редактором сего журнала. Жена еще удивилась, и — по простоте души — спросила: "А Поссе?" Булгак[ов] заявил: "Я и Поссе — несовместимы в одном журнале". Это очень скромно и хорошо сказано. И это — верно сказано. Умница он, Булгаков! Сразу видит, что Владимир <Поссе> не может пойти рядом с автором умилительной,

---

[160] Г-30. Т. 28. С. 201–202. К. П. Пятницкому. Не позднее 1 [14] декабря 1901, Олеиз.

[161] «Научное обозрение» — научный и литературный журнал. Издавался с 1894 по 1896 г. еженедельно, в 1897–1903 гг. ежемесячно. Первоначально журнал по точным и естественным наукам, с 1896 г. включены отделы «Обществоведение и статистика», «История литературы», «История культуры и искусства», с 1902 г. — отдел «Беллетристика». С 1899 г. в «Научном обозрении» печатались статьи социал-демократов (в том числе В. И. Ленина), но после начала цензурных репрессий журнал отказался от публикации работ марксистов и публиковал только научные статьи, хронику русской науки, обзоры журналов и т. п.

трогательной и блестящей маслом лекции “о Иване Карамазове как философском типе”. <...> Жена кланяется, зовет Вас сюда»[162].

Алексей Максимович не преминул отметить «простоту души» своей жены, но, тем не менее, и по этим нескольким фразам мы видим, что Екатерина Павловна обсуждала с С. Н. Булгаковым не только бытовые дела и удивилась она не случайно: ведь супруги Булгаковы, так же как и супруги Пешковы, так же как и В. А. Поссе, до недавнего времени придерживались марксистских взглядов, и только в последнее время (в начале 1900-х годов) мировоззрение С. Н. Булгакова начало постепенно меняться от марксизма к идеализму[163]. Что касается Елены Ивановны, то она в ту пору религиозно-философских взглядов мужа не разделяла. Она была старше Екатерины Павловны на 8 лет, по рождению они принадлежали к разным социальным слоям, но обе они придерживались народнических представлений о том, как надо жить (надо помогать ближним, стыдно жить в роскоши, стыдно модно одеваться, обе любили разводить огороды и пр.), и обе они очень любили своих детей. В декабре 1901 года первому ребенку Булгаковых, дочери Марии, было 3 года (Максим Пешков был старше ее на год), Елена Ивановна была беременна и в марте 1902 года родила сына Федора (Катюша Пешкова была старше его почти на год).

В архиве ПОМПОЛИТа среди документов за 1931 год (спустя 30 лет после киевского разговора о «Научном обозрении») сохранились и относящиеся к судьбам семей Поссе и Булгаковых. Документов немного, но они выразительны, вряд ли известны читателю, и мы их приводим, т. к. они связаны и с людьми, сыгравшими заметную роль в русской культуре, и с характером деятельности Екатерины Павловны.

---

[162] Г-30. Т. 28. С. 206–207. К. П. Пятницкому. Середина [конец] декабря 1901, Олеиз.

[163] С. Н. Булгаков в 1902 г. принял участие в сборнике «Проблемы идеализма», а на следующий год вышла его книга «От марксизма к идеализму». В. А. Поссе оставался социал-демократом и стал приверженцем пролетарского социализма; высланный в 1901 г. из Петербурга, он уехал за границу, устроил там социал-демократическую организацию «Жизнь» и был выбран редактором ее изданий, позже он принимал участие в издававшейся в Женеве «Библиотеке Пролетария».

1. Документы, относящиеся к семье В. А. Поссе.

В декабре 1930 года в Воронеже был арестован Я. П. Огус[164]. Он обвинялся в том, что «примыкал к ТКП, пропагандировал ее идеи и проводил работу по срыву мероприятий Советской власти в области сельского хозяйства» (ст. 58–7, 10, 11 УК). Постановлением Коллегии ОГПУ от 18 февраля 1931 года он был приговорен к 5 годам заключения в концлагере (Карлаг) с конфискацией имущества и высылкой семьи[165]. С просьбой о помощи к Екатерине Павловне обратилась его жена Т. В. Огус-Поссе и ее отец В. А. Поссе.

«Ленинград, ул. Красных Зорь, д. 50, кв. 11.

Вл<адимир> Ал<ександрович> Поссе. 2.03.1931.

Дорогая Екатерина Павловна, письмо это я диктую, т. к. тяжелая болезнь лишила меня возможности писать и читать. Около трех месяцев тому назад арестован Яков Петрович Огус, муж моей дочери Татьяны Владимировны, и сидит в настоящее время в Воронежской тюрьме. <...> У меня к Вам сохранилось самое хорошее отношение. Воспоминание о встречах и беседах с Вами и Алексеем Максимовичем в Нижнем и Васильсурске никогда не изгладится из моей памяти. Желаю Вам здоровья и бодрости. Искренно уважающий Вас. В. Поссе»[166].

Екатерина Павловна не сумела помочь Я. П. Огусу, сумела она только добиться отмены высылки его семьи. По-видимому, ей это удалось благодаря тому, что она смогла сослаться на официально признаваемые заслуги В. А. Поссе перед революцией[167] и на его дружбу с А. М. Горьким, в возвращении которого в СССР на постоянное жительство власть была очень заинтересована.

---

[164] Я. П. Огус был арестован 9 декабря 1930 г. по делу агрономов, хотя сам агрономом не был. Место его последней службы — Воронеж, издательство «Коммуна», заместитель заведующего книгоиздательством. Несколько лет он служил секретарем на областной опытной станции и работал с лицами, арестованными по тому же делу.

[165] «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, издание 4-е. М.: Звенья, 2007. Сост. Международный Мемориал, 2007.

[166] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 582. Л. 171–172 об. Подпись: автограф.

[167] В 1929 г. в издательстве «Земля и фабрика» вышла книга В. А. Поссе «Мой жизненный путь. Дореволюционный период. 1864–1917 гг.».
В. А. Поссе был членом Московского политического Красного Креста (в 1920–1922 гг.).

Написала ли Екатерина Павловна ответное письмо В. А. Поссе, неизвестно, но копия телеграммы, адресованной его дочери, с сообщением, что высылка ей отменяется, в фонде ПОМПОЛИТа сохранилась:

«Воронеж. Энгельса 12/18.

Справка ОГПУ высылка Вам Поссе-Огус отменена постановлением восемнадцатого марта ПОМПОЛИТ ВИНАВЕР»[168].

2. Документы, относящиеся к семье Булгаковых, являются сообщениями ПОМПОЛИТа, адресованными Марии Ивановне Водовозовой-Хорошко.

— «Мария Ивановна Хорошко. 8544/ 27/IX–31 г.

В ответ на В/обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, Вам и матери Вашей, Токмаковой Варв<аре> Ив<ановне>, разрешено свидание с Булгаковым Фед<ором> С<ергеевичем> на 28/IX–31 г. с 10 до 12 час<ов>, о чем в Бутырскую т-му сообщено»[169].

— «Марии Ивановне Хорошко-Водовозовой. 8544/2/X–31.

В ответ на В/запрос сообщаю, что согласно полученной справке ввиду того, что предыдущее свидание с племянником Вашим, Булгаковым Федором Сергеевичем, было неудачным, Вам и матери Вашей, Варваре Ивановне Токмаковой, разрешено еще раз свидание личное на 3/X–31 г., о чем извещение в Бутырскую тюрьму дано»[170].

За этими короткими сообщениями стоит драма семьи С. Н. Булгакова.

В июле 1909 года у Булгаковых умер их младший сын Ивашек. С. Н. Булгаков очень тяжело пережил его смерть (переживания по поводу смерти сына во многом способствовали его обращению к вере): «Эта смерть была пережита мною — и нами обоими — с исключительной религиозной остротой (о человеческих родитель-

---

[168] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 582. Л. 161. Телеграмма послана М. Л. Винавером, заместителем Екатерины Павловны, сама она в это время находилась в поезде, направляясь в Варшаву по делам Польского Красного Креста.

[169] Там же. Д. 578. Л. 139.

[170] Там же. Л. 138.

ских чувствах нечего и говорить), да и до сих пор, конечно, не изжита и не будет изжита», — писал он своему другу П. Флоренскому[171]. (Нельзя не заметить, что смерть Катюши — горе, которое Екатерина Павловна пережила очень тяжело и «не изжила» всю жизнь, — Алексей Максимович с ней не разделил: он в то время находился в Америке вместе с М. Ф. Андреевой, собирая деньги для партии большевиков.)

Сергей Николаевич Булгаков в 1918 году принял сан священника (отец Сергий), служил в храмах Гаспры и Кореиза, преподавал в Симферопольском университете (профессор политэкономии и богословия), откуда был исключен большевиками «за священничество», был протоиереем Ялтинского собора. В 1922 году он был арестован и в декабре 1922 года выслан из пределов РСФСР без права возвращения. Ему разрешили взять с собой жену, дочь и несовершеннолетнего сына Сергея, Федора Сергеевича власти за границу не выпустили. Согласно рассказу его жены, Н. М. Нестеровой, его не выпустили потому, что он в это время служил в Красной армии. Существует рассказ и о том, что он служил в белой армии, оказался в плену, переболел тифом и после того, как Красная армия взяла Крым, вернулся домой в Олеиз. По сведениям Общества «Мемориал»[172], Ф. С. Булгаков был арестован 8 мая 1919 года на Южном фронте и 10 ноября 1919 года постановлением РВТ 12-й армии Южного фронта был приговорен к заключению за контрреволюционную деятельность. Дело было прекращено на основании амнистии к 3-й годовщине Октябрьской революции, и он был освобожден. (Реабилитирован в апреле 2006 года.) Известно, что его первое после долгого перерыва письмо семья получила 26 ноября 1920 года, а 27 февраля 1921 года он прибыл в Олеиз.

Выехав из России, Булгаковы надеялись, что Федор Сергеевич вскоре к ним присоединится. В январе 1923 года С. Н. Булгаков писал Н. А. Бердяеву: «Все мои рукописи остались в России на ру-

---

[171] Письмо С. Н. Булгакова П. Флоренскому от 16 августа 1909 г. из Олеиза. — Архив священника Павла Флоренского // Половинкин С. М. Священник Сергий Булгаков и Крым // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. Вып. 3. М., 2001. С. 169–187. URL: http://www/didaskal.ru/delo№10138/

[172] «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, издание 4-е. М.: Звенья, 2007. Сост. Международный Мемориал, 2007.

ках у Феди, которого мы ждем с замиранием сердца каждодневно, но который может и не приехать»[173]. Позже С. Н. Булгаков вспоминал: «Пошли на пароход... Но нет сил это вспоминать. Со мною шел Федичка, такой бодрый, молодой, энергичный. Федичка, увижу ли я тебя, обниму ли? Потом эта трагедия прощания с бабушкой <Варварой Ивановной Токмаковой>, с мыслью, что навсегда, в последний раз, как на похоронах... И бесконечное стояние на молу и ее безумно-исступленный взгляд. Какая-то спасительная тупость и слепота, — душа не могла вместить того, что переживалось. Господи, смилуйся над нами, дай свидеться в этом мире, но Твоя воля да будет...»[174] В этом мире они не свиделись.

Покинув Россию, Сергей Николаевич Булгаков стал профессором богословия и деканом Православного богословского университета в Париже, а также инициатором и деятелем экуменистического движения. Его жена Елена Ивановна, когда-то своим отношением к жизни столь схожая с Екатериной Павловной, в период революции и Гражданской войны пришла в церковь, как и ее муж. Во Франции она много писала для детей и юношества. Дочь Булгаковых, Мария Сергеевна, вышла замуж за К. Б. Родзевича (героя поэм Марины Цветаевой «Поэма Горы» и «Поэма Конца»).

Федор Сергеевич Булгаков по воле властей, отказавших ему в выезде за границу, не разделил судьбу своей родительской семьи. Он остался жить в Советской России, стал художником, женился на Н. М. Нестеровой, младшей дочери художника М. В. Нестерова (они «поженились, несмотря на давнее знакомство, только в 1945 году, когда он вернулся с фронта офицером» — так рассказывала Н. М. Нестерова в конце своей жизни, а прожила она более 100 лет).

Сведениями о том, какие обвинения предъявлялись Ф. С. Булгакову и чем окончился его арест в 1931 году, мы не располагаем,

---

[173] Братство Святой Софии. С. 180. — Половинкин С. М. Священник Сергий Булгаков и Крым // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. Вып. 3. М., 2001. С. 169–187. URL: http://www/didaskal.ru/delo№10138/

[174] Прот. Сергий Булгаков. Памяти сердца… С. 212. — Половинкин С. М. Священник Сергий Булгаков и Крым // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. Вып. 3. М., 2001. С. 169–187. URL: http://www/didaskal.ru/ delo№10138/

но, по-видимому, Екатерине Павловне удалось добиться для него не только свидания с родными в Бутырской тюрьме.

А пока что, в декабре 1901 года (когда до пролетарской революции и советской власти было еще далеко, а Федя Булгаков еще только должен был родиться), Екатерина Павловна вернулась из Киева в Олеиз с семьей покойного Н. З. Васильева. Алексей Максимович чувствовал себя неважно («<...> хорошо бы поторопиться — ибо — все мы ходим под богом. Здоровье мое — слабо. Есть признаки, кои позволяют мне думать, что чортовы коховские палочки вновь собираются напасть на меня»[175]). Жить в Олеизе ему не нравилось («гнилой юг»). Ему было запрещено без разрешения исправника отлучаться от своего дома на расстояние больше двух километров («а просить таковое разрешение — довольно противно»). Он занимался литературной работой — делами издательства «Знание» и корректурой своих книг, и последнее было ему «зело противно». Ему не хватало общения и активной деятельности. С первых же дней он заскучал: «<...> жить здесь скучно. Я очень проиграл, забравшись сюда, нужно было ехать в Вятку, Вологду, Пермь — куда-нибудь в город. Здесь я пока чувствую себя не у дел, за штатом, что после довольно бурно прожитого лета — утомительно и обидно»[176], «Жить здесь скучно, а потому приходится работать»[177], «Хорошо живет город Нижний Новгород! Во всю мочь скандалит!»[178]. И южная природа ему не нравилась, и море: «Море шумит. Однообразно оно и глупо. Оно — как все здесь — занимается пустяками, обтачивает красивые камешки. Вы увидите, что это и бесполезно и не достойно такой силы, как сила моря»[179]. «Здесь — снег. И это так нелепо, так карикатурно и скучно! Снег — на кипарисах! Это похоже на старуху лет семидесяти в подвенечном платье»[180]. Алексей Максимович не любил Крым, по-види-

[175] Г-30. Т. 28. С. 210. К. П. Пятницкому. 23 или 30 декабря 1901 [5 или 12 января 1902], Олеиз.

[176] Там же. С. 199. В. А. Поссе. Ноябрь, после 14-го [27-го], Олеиз.

[177] Там же. С. 202. К. П. Пятницкому. Между 19 и 24 ноября [2 и 7 декабря] 1901, Олеиз.

[178] Там же. С. 230. К. П. Пятницкому. Между 13 [26] января 1902, Олеиз.

[179] Там же. С. 205. К. П. Пятницкому. 3 или 4 [16 или 17] декабря 1901, Олеиз.

[180] Там же. С. 218. К. П. Пятницкому. 6 или 7 [19 или 20] января 1920, Олеиз.

мому, не только потому, что ему не импонировала южная природа, но, вероятно, и потому, что в Крым приезжали жить и лечиться больные люди (и он в их числе), некоторые из них умирали, а Алексей Максимович не любил болезни и смерть, он любил жизнь — яркую и насыщенную.

В январе 1902 года во МХТе начались репетиции «Мещан», Алексей Максимович очень хотел присутствовать на них, но, связанный подпиской о невыезде, вынужден был оставаться в нелюбимом Олеизе. Посылая Станиславскому письмо с просьбой принять к сведению свой взгляд (взгляд автора) на действующих лиц, он сообщил: «Жена моя собирается на первое представление, так ей то любопытно»[181]. Ему «то» было не просто любопытно, это была его первая пьеса, и он страстно желал состояться как драматург. Екатерина Павловна, недавно вернувшаяся из Киева, поехала в Москву, в этой поездке она была и «глазами» Алексея Максимовича. «Екатерина Павловна, кажется, уже уехала в Москву. Если не будет спектакля, то она увидит, по крайней мере, репетицию, будет иметь понятие», — писал А. П. Чехов О. Л. Книппер[182]. Алексею Максимовичу пришлось довольствоваться теми впечатлениями, которые произвела постановка пьесы на Екатерину Павловну.

Екатерине Павловне крымская природа нравилась, особенно весной, когда цвел миндаль, и общения ей хватало, и забот. Маленькой Катюше не было и года, Максим и Шурка болели; в январе приехала из Нижнего Новгорода больная туберкулезом дочь Долгополовых[183], которую родители прислали к Пешковым в Олеиз для поправки ее здоровья. Приезжали гости, и было их немало: Л. А. Сулержицкий, А. Б. Гольденвейзер, В. С. Миролюбов, А. Н. Алексин, Л. В. Средин, Г. Ф. Ярцев, Д. В. Никитин, изредка приезжал А. П. Чехов, а с приходом весны: Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, Н. Д. Телешов, С. Г. Скиталец, Ф. И. Шаляпин и др.; и недалеко от

---

[181] Г-30. Т. 28. С. 220. К. С. Станиславскому. Начало [середина] января 1902, Олеиз.

[182] Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. 1950. Том XIX. Письма. VII. 1901–1902. С. 246. О. Л. Книппер. 13 февраля 1902, Ялта.

[183] Долгополова-Маслова Людмила Нифонтовна — врач, впоследствии работала санитарным врачом в Москве.

Олеиза (версты за две), в Гаспре, в имении графини С. В. Паниной, жил Лев Николаевич Толстой.

Лев Николаевич в это время много и тяжело болел, но, когда был здоров, приходил в Олеиз пешком, изредка приезжал верхом, а когда цвел миндаль, подолгу сидел на скамейке в миндальной роще. Для маленького Максима он складывал из бумаги петушков, Алексей Максимович хранил их у себя. Обитатели дачи «Нюра» тоже навещали Гаспру. Екатерина Павловна вспоминала: «В то время в Гаспре, в имении Софьи Владимировны Паниной, неподалеку от нашей дачи в Олеизе, жил Лев Николаевич Толстой с семьей. Алексей Максимович часто бывал у него, бывала и я, познакомившись с семьей Толстых»[184]. Биографы Л. Н. Толстого и М. Горького, составляя летописи их жизни и творчества, отмечали дни встреч писателей и содержание их бесед. Так, первая их встреча состоялась 13 ноября 1901 года, т<о> е<сть> сразу по приезде Пешковых в Олеиз, затем они еще несколько раз встречались, потом Лев Николаевич заболел и по его выздоровлении, 18 декабря 1901 года, Алексей Максимович с Екатериной Павловной навестили его. 23 декабря Лев Николаевич смог сам прийти к ним пешком, а 31 декабря вновь посетил их и увез с собой Гольденвейзера, 7 января он приехал к ним вместе с Гольденвейзером, дочерью Татьяной Львовной и ее мужем М. С. Сухотиным и т. д.; последний визит Алексей Максимович с Екатериной Павловной нанесли в Гаспру 20 апреля 1902 года — они пришли попрощаться перед отъездом из Олеиза.

Ко времени совместного пребывания Л. Н. Толстого и М. Горького в Крыму относится известный эпизод, повествующий о том, как М. Горький спас рукописи Л. Н. Толстого от возможного нашествия жандармов. Мы приводим два описания этого эпизода: М. Горьким и Екатериной Павловной.

«Вспоминаю такой случай: в 901 году, когда Л. Н. Толстой хворал, живя в Гаспре, в имении графини С. В. Паниной, наступил жуткий день: болезнь приняла опасный оборот, близкие Льва Николаевича были страшно взволнованы, а тут еще распространился слух, что в Ялту из Симферополя явился прокурор для описи и ареста бумаг великого писателя. Слух этот как будто подтвер-

[184] Сулержицкий. С. 536.

ждался тем, что в парк Гаспры явились некие внимательные люди, которым очень хотелось, чтобы их приняли за беззаботных туристов. Они живо интересовались всем, кроме состояния здоровья Толстого.

Ко мне в Олеиз прискакала верхом Александра Львовна, предлагая мне и Сулеру, жившему у меня, спрятать какие-то документы. Я тотчас бросился наверх в Гаспру, а Сулер — к рабочим соседнего с Гаспрой имения, нашим добрым знакомым.

В результате его свидания с рабочими, все беззаботные фланеры исчезли из Гаспры, как зайцы от борзых. Затем Сулер набил свои шаровары и пазуху массой бумаг и верхом на хорошем коне ускакал с ними. Все это было сделано им быстро, как в сказке»[185]. Так была описана эта история М. Горьким в 1916 году в очерке, посвященном памяти умершего Л. А. Сулержицкого.

А вот как описала ту же историю приверженец фактов Екатерина Павловна в письме, написанном 8 сентября 1958 года крымскому литератору Р. Булю; Екатерине Павловне тогда было 82 года — возраст, когда даже самые яркие воспоминания блекнут, но память ей не изменяла.

«Во время болезни Льва Николаевича Толстого в 1902 г., когда он жил в Гаспре, один из сыновей Льва Николаевича, кажется, это был Андрей Львович, по инициативе Леопольда Антоновича Сулержицкого и вместе с ним, принес Алексею Максимовичу на дачу “Нюра”, где мы жили, небольшой чемодан с рукописями Льва Николаевича. Они боялись, что в случае кончины Льва Николаевича его работы могут быть опечатаны... Алексей Максимович вызвал по телефону своего врача и друга Александра Николаевича Алексина и передал ему на хранение этот чемодан. Алексин сейчас же отвез его в Ялту, на квартиру Л. В. Средина.

На другое утро к Алексею Максимовичу верхом приехала очень взволнованная Александра Львовна и сказала, что у нее отложены некоторые рукописи Льва Николаевича, которые также необходимо унести из дома... Алексей Максимович и Л. А. Сулержицкий сейчас же отправились в Гаспру, а Сулержицкий, спрятав рукописи под свой свитер, вынес их... Когда кризис болезни у Льва Николаевича миновал благополучно, пакет с бума-

[185] Сулержицкий. С. 533.

гами, а также чемоданчик, увезенный в Ялту, были возвращены в Гаспру»[186].

В выразительном и живописном рассказе М. Горького есть временны́е неточности: происшествие имело место не в 1901 году, а, вероятно, в феврале 1902 года (Сулержицкий приехал в Олеиз в самом конце января), процесс же спасения документов был не моментальным, а растянулся на два дня; но в рассказе М. Горького переданы волнующая радость борьбы и красота человека-борца — та жизнь, к которой рвалась душа Алексея Максимовича.

В конце февраля 1902 года умер маленький Шурик Богданович. Похоронили его на кладбище в Кореизе. Это то кладбище, на котором будет похоронен Ивашечка Булгаков и которое С. Н. Булгаков упоминает в своем завещании, написанном 1 января 1941 года: «У меня нет никакого пожелания относительно места погребения после изгнания из родины, где я преждевременно избрал себе место около могилы сына на Кореизском кладбище. <...> Однако прошу положить мне в гроб горсть родной земли, зашитой в ладанку и взятой с могилы моего сына, соединив ее с горстью св. земли из Гефсимании…»[187] Хоронить Шурика приезжал его отец А. Е. Богданович. Алексей Максимович оправдывался перед Е. К. Малиновской[188] за перерыв в письмах: «Не писал долго по чисто

---

[186] Сулержицкий. С. 536.

[187] Прот. Сергий Булгаков. Памяти сердца… С. 414. — Половинкин С. М. Священник Сергий Булгаков и Крым // Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. Вып. 3. М., 2001. С. 169–187. URL: http://www/didaskal.ru/delo№10138/

[188] Малиновская (ур. Малишевская) Елена Константиновна (1875–1942) — общественный и музыкально-театральный деятель. Родилась в Нижнем Новгороде в семье мирового судьи. Училась в нижегородской гимназии, окончила ее со званием домашней учительницы, давала частные уроки, работала корректором в типографии. Вышла замуж за нижегородского архитектора П. П. Малиновского. Вместе с ним участвовала в организации Народного дома и его театральной труппы. Через Горького приобщилась к революционному движению, с 1905 г. — член РСДРП(б), зав. финансами нижегородской организации. С 1908 г. жила в Москве. После Октябрьской революции была комиссаром, затем управляющим московских театров, одновременно в 1920–1924 гг. и в 1930–1935 гг. — директор Большого театра. В 1924–1930 гг. работала в Комитете содействия народностям северных окраин. В 1935 г. была отправлена на пенсию. Умерла в эвакуации.

внешним (курсив мой. — Л. Д.) причинам. Шурка умер, было много разных людей, приехал Андреев»[189].

В том же конце февраля 1902 года в жизни Пешковых произошло еще одно событие, уже не семейного характера, а общественно значимое. М. Горький был избран почетным членом Российской академии наук по разряду изящной словесности, а затем это звание по настоянию Николая II с него было снято[190]. Случай

---

[189] Г-30. Т. 28. С. 237. Е. К. Малиновской. Февраль или начало марта 1902, Олеиз.

[190] 21 февраля 1902 г. М. Горький был избран почетным членом Российской академии наук по разряду изящной словесности. Официальное сообщение об этом избрании напечатала газета «Правительственный вестник» 1 марта. 10 марта в газетах появилось сообщение: «Ввиду обстоятельств, которые не были известны соединенному собранию отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности императорской Академии наук, — выборы в почетные академики Алексея Максимовича Пешкова... привлеченного к дознанию в порядке ст. 1035 устава уголовного судопроизводства, — объявляются недействительными». 12 марта то же сообщение было опубликовано в «Правительственном вестнике» под заголовком: «От императорской Академии наук».

Газетным сообщениям от 10 и 12 марта предшествовали следующие события. Ознакомившись с решением об избрании М. Горького, министр внутренних дел Сипягин подготовил для царя вырезку из «Правительственного вестника» от 1 марта, приложив к ней доклад департамента полиции, характеризующий Горького как политически неблагонадежное лицо. Николай II наложил резолюцию: «Более чем оригинально» — и послал письмо министру просвещения, генералу П. С. Ванновскому: «Петр Семенович, известие о выборе Горького в Академию наук произвело на меня, как и на всех благомыслящих русских, прямо удручающее впечатление. Чем руководствовались почетные мудрецы при этом избрании — понять нельзя. Ни возраст Горького, ни даже коротенькие сочинения его не представляют достаточного наличия причин в пользу его избрания на такое почетное звание. Гораздо серьезнее то обстоятельство, что он состоит под следствием, и такого человека в теперешнее смутное время Академия наук позволяет себе избрать в свою среду. Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объяснить, что по моему повелению выбор Горького отменяется. Надеюсь хоть немного отрезвить этим состояние умов в Академии. Николай». П. С. Ванновский, во исполнение повеления Николая II, направил президенту Академии наук, великому князю К. К. Романову, текст извещения, которое и было без всяких изменений опубликовано в печати. Таким образом, академики, участвовавшие в выборах М. Горького, узнали о новом якобы их решении лишь из газет.

был беспрецедентным, так как по уставу Академии наук выборы собрания считались окончательными и не подлежали утверждению. Прогрессивная общественность возмущалась, и Алексей Максимович радовался в ожидании скандала. М. С. Сухотин записал в своем дневнике: «Последний промах правительства совершен с Горьким. Выбран он в академики. Получил о своем избрании официальную бумагу за подписью Веселовского. Вдруг вчера в газетах телеграмма, что выборы считаются недействительными, так как он, Горький, привлекается к ответственности по обвинению в преступлении, предусмотренном статьей 1035 (напечатавший оскорбительные отзывы о действующих в империи законах и т<ак> д<алее>). Сегодня я видел Горького. По-моему, он доволен. В его серых небольших глазах светился злой и насмешливый огонек, когда он говорил о скандале, который неминуемо последует, так как Чехов и другие академики (кто собственно, не знаю) намерены выйти из Академии ради нанесенного ему, Горькому, оскорбления»[191]. В знак солидарности с Горьким сняли с себя звание почетных академиков два человека — В. Г. Короленко и А. П. Чехов[192].

Алексей Максимович, вкусивший славу, уже не мучился отсутствием образования, прошло время, когда он писал: «…по недостатку образования я лишен веры в себя. <...> с горечью говорю я это. Я самоучка и связан цепями невежества моего». Теперь он полагал, что образование не самое главное, что жизненный опыт может вполне его заменить и более того. Знакомство с Шаляпиным укрепило его в этом мнении: «<...> я убедился еще раз, что не нужно многому учиться для того, чтоб много понимать. <...> Если человек проходил по жизни своими ногами, если он своими глазами

---

[191] Шифман А. И. Толстой — это целый мир. Тула: Приок. кн. изд-во, 1976. URL: http://marsexx/narod.ru/tolstoe/tolstoy-celiy-mir.html/

[192] 6 апреля 1902 г. В. Г. Короленко написал председателю Отделения русского языка и словесности и Разряда изящной словесности Академии наук А. Н. Веселовскому письмо, в котором выразил несогласие с отменой выборов Горького. Он просил созвать собрание, чтобы изложить свою нравственную позицию, и в случае, если она не найдет поддержки, отказаться от звания почетного академика. 25 июля он послал второе письмо с отказом от этого звания. Через месяц, 25 августа, письмо с ходатайством о сложении с себя звания почетного академика послал А. П. Чехов.

видел миллионы людей, на которых строится жизнь, если тяжелая лапа жизни хорошо поцарапала ему шкуру — он не испортится, не прокиснет от того, что несколько тысяч мещан улыбнутся ему одобрительно и поднесут венок славы» [193]. Он приобрел уверенность в себе и рвался к борьбе: «Жизнь — борьба, всегда борьба! Но не с собой, а за себя бороться надо»[194].

25 марта 1902 года в Петербурге, где МХТ был на гастролях, впервые была сыграна пьеса «Мещане». На премьере отсутствовал не только автор, но и его жена — она в это время болела. 26 марта Алексей Максимович писал Е. К. Малиновской: «Катерина лежала пластом с температурой 40. Лежала она так 4 дня, сегодня пробовала ходить, но не очень удачно. У нее — печенка, у Катьки — бронхит»[195].

15 апреля закончился срок, до которого Алексею Максимовичу было разрешено жить в Крыму, и он «приобрел право уехать отсюда. В этом праве у меня нет сомнений, и хотя я остаюсь здесь еще на месяц, но уже в интересах семьи, скрепя сердце, с отвращением»[196]. Но с семьей он не остался. 23 апреля он уехал в Нижний Новгород, а затем в назначенное место ссылки — г. Арзамас. Екатерина Павловна с семьей оставалась в Крыму до середины мая.

Екатерина Павловна, в отличие от Алексея Максимовича, Крым любила. Уже в годы советской власти она приезжала в Олеиз, где на территории бывшей усадьбы Токмаковых располагался Дом отдыха работников искусств[197]. Большинство людей, с кото-

---

[193] Г-30. Т. 28. С. 185. В. А. Поссе. До 14 [27] октября 1901, Н. Новгород.

[194] Там же. С. 222. В. С. Миролюбову. Начало [середина] января 1902, Олеиз.

[195] АГ. Т. XIV. С. 295. Е. К. Малиновской. 26 марта 1902, Олеиз.

[196] Г-30. Т. 28. С. 241. К. П. Пятницкому. 18 или 19 апреля [1 или 2 мая] 1902, Олеиз.

[197] После смерти Ивана Федоровича Токмакова (в 1908 г.) распорядительницей его дела стала его вдова Варвара Ивановна Токмакова. Она передала в распоряжение земства больницу, школу и другие здания, находившиеся в собственности семьи, и до революции за семьей оставалось только имение Олеиз. Два старших сына Токмаковых, Вячеслав Иванович (1873–1902) и Сергей Иванович (1873–1913), умерли до революции. Младшая дочь Токмаковых Гали Ивановна Петрова-Кремнева (1882–1960) при советской власти работала в Олеизе руководителем Народного дома, когда-то построенного ее отцом.

рыми она общалась в те полгода жизни в Олеизе, когда для Алексея Максимовича он был «отвратителен», а для нее омрачен смертью Шурика Богдановича, стали ее друзьями. Некоторые из них вместе с ней в годы советской власти принимали участие в работе по помощи репрессированным. Так, графиня Софья Владимировна Панина так же, как Екатерина Павловна, стала одним из членов-учредителей Московского политического Красного Креста. Мария Ивановна Водовозова-Хорошко возглавляла его библиотечную комиссию и являлась уполномоченной по тюрьмам (в 1921 году она отвечала за Ордынский концлагерь). Ее муж Василий Константинович Хорошко, врач-невропатолог (с 1945 года действительный член Академии медицинских наук), был членом медицинской комиссии Московского политического Красного Креста. Врач Александр Николаевич Алексин работал по приглашению Екатерины Павловны в Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста.

С Олеизом, А. Н. Алексиным и близкой знакомой Пешковых по Нижнему Новгороду А. А. Четвериковой связано одно важное благотворительное дело — открытие первого городского туберкулезного санатория, построенного в 1913 году в Москве в Сокольниках по замыслу А. Н. Алексина и на средства А. А. Четвериковой (строил санаторий архитектор П. П. Малиновский). А. А. Четверикова (урожденная Алексеева) была двоюродной сестрой К. С. Станиславского и женой директора Городищенской суконной фабрики Дмитрия Ивановича Четверикова. Ее муж оказывал большую помощь в организации подарков на детских елках, устраиваемых в Нижнем Новгороде. Пешковы, живя в Нижнем Новгороде, часто бывали и даже гостили у Четвериковых, Алексей Максимович любил слушать в их исполнении Грига. А. А. Четверикова из-за болезни дочери, у которой был детский паралич, жила в Олеизе вместе с Пешковыми; о совместно проведенных днях свидетельствует ее фотография с дарственной надписью «Алексею Максимовичу и Екатерине Павловне Пешковым на память о глубоко благодарной и преданной Олеизской соизгнаннице. А. Четверикова. 14 марта 1902 г.»[198]. Ни Дмитрий Иванович,

[198] Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 177.

ни Александра Александровна Четвериковы[199] до открытия санатория не дожили, он умер в 1910 году, она — в 1912-м. А. Н. Алексин, высланный в 1905 году из Крыма за политическую деятельность, жил в Москве, был известен как один из зачинателей борьбы с туберкулезом в России, работал главным врачом в городском туберкулезном санатории им. Н. Д. Четвериковой. (После смерти доктора А. Н. Алексина санаторий стал называться его именем.)

В Олеизе Пешковы познакомились с еще одним замечательным человеком — с лечащим врачом Л. Н. Толстого Дмитрием Васильевичем Никитиным; позже он лечил, и довольно успешно, Алексея Максимовича, а еще позже был репрессирован и стал подопечным Екатерины Павловны. На память о совместном пребывании в Крыму он подарил Пешковым два экземпляра своей фотографии, на одном надпись: «Дорогому писателю, кристальной души человеку. Д. Никитин. 9.V.1902.»[200], на другом: «Глубокоуважаемой Екатерине Павловне, доброму и хорошему человеку, на память о

---

[199] В советское время, когда Екатерина Павловна занималась помощью политзаключенным, она пыталась помочь и членам семьи Четвериковых, подвергавшимся репрессиям.

Так, в марте 1920 г. был арестован как заложник и заключен в Бутырскую тюрьму брат Д. И. Четверикова, Сергей Иванович Четвериков. С. И. Четвериков был одним из лидеров фракции прогрессистов в 3-й Госдуме, членом президиума Московского торгово-промышленного комитета, после Февральской революции — членом Совета Всероссийского союза торговли и промышленности; после Октябрьской революции он возглавил делегацию, добивавшуюся освобождения арестованных министров Временного правительства; после указа о национализации он потерял все свое состояние и отошел от дел. В 1920 г. по ходатайству политического Красного Креста он был освобожден из тюрьмы, позже снова арестовывался, но каждый раз освобождался, а в 1922 г. ему было разрешено выехать за границу к дочери. Умер он в 1929 г. в Швейцарии.

Сын С. И. Четверикова, крупнейший генетик Сергей Сергеевич Четвериков, был арестован в начале 1929 г. и приговорен к 3 годам ссылки на Урал. Его жена обращалась в ПОМПОЛИТ с просьбой о смягчении участи мужа, но помочь Екатерина Павловна не смогла.

[200] Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 185.

том счастливом времени, которое я проводил в Олеизе. Д. Никитин. Ялта. 9.V.1902.»[201].

АРЗАМАС.
Май — август 1902 г.

Находясь в Олеизе, Алексей Максимович писал: «Я вообще терпеть не могу этого места, а теперь, живя в нем поневоле, ненавижу его всеми силами души. Каюсь, что не поехал жить в Арзамас, куда меня посылало начальство. Я — северянин, волгарь, и среди здешней декоративной природы мне — неудобно, как волкодаву в красивой конуре, на цепи»[202].

И вот он в Арзамасе: «Вот я и в Арзамасе и очень доволен этим. Славный город. 36 церквей и — ни одной библиотеки. По улицам, мощенным огромными обломками каких-то серых скал, ходят свиньи, полицейские и обыватели. <...> Уличная жизнь очень развита — обыватели бьют жен своих на тротуарах. <...> Тихо здесь, славно. Окрестности — мне нравятся, широко, гладко. Вообще должен сказать, что, если начальство думало, посылая меня сюда, причинить мне неприятность, — оно ошиблось»[203].

Прибыл он в Арзамас в начале мая; сопровождала его Вера Кольберг, помогшая ему в устройстве дома. Дом — большой двухэтажный, снятый за очень дешево — принадлежал нижегородской общественнице Мелании Павловне Подсосовой (высланная из Петербурга в Нижний Новгород, она принимала участие в работе кружков Короленко, Анненского, Елпатьевского).

Екатерина Павловна с детьми, мамой и няней приехали только в конце мая. Алексей Максимович наслаждался одиночеством: «Жена еще не приехала. Живу я с Верой Николаевной, и очень хорошо живу, — тихо, чудесно! Великолепная вещь одиночество! Хотя внутренне — несмотря на мою общительность, часто принимавшую форму разнузданности, — я почти всегда одинок, но в

---

[201] Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 185.

[202] Г-30. Т. 28. С. 235. А. В. Амфитеатрову. 24 февраля [9 марта] 1902, Кореиз.

[203] Там же. С. 242–243. К. П. Пятницкому. 8 или 9 [21 или 22] мая 1902, Арзамас.

данном случае я имею редкую для меня возможность наслаждаться одиночеством внешним»[204].

Алексея Максимовича всегда окружало множество людей, где бы он ни жил, к нему всегда приезжали гости. Арзамас не составил исключение. «Тихо здесь, спокойно, воздух — хороший, множество садов, в садах поют соловьи и прячутся под кустами шпионы. Соловьи — во всех садах, а шпионы, кажется, только в моем. Сидят во тьме ночной под окнами и стараются усмотреть, как я крамолу пущаю по России, а не видя сего — покряхтывают и пугают домашних моих. Честь и слава министерству внутренних дел! <...> Приезжайте! У нас огромный дом, что-то около 12 комнат, а если найдете, что здесь жарко, пыльно и скучно, — мы Вас отправим в Понетаевский монастырь — чудное место верстах в 20. <...> Здесь, у нас в Арзамасе, есть река Теша; в ней мальчишки с большим успехом ловят окуней, щурят и карасиков. <...> Милое житье, ей-богу! Молоко здесь хорошо очень и много дичи. Мы все дупелей едим да рябчиков. Дешево! Приезжайте-ка! И заберите тетю Ольгу[205] с собой, она бы роли свои готовила и здоровья нагуливала себе вместе с моей спицеобразной женой. <...> В случае, если серьезно надумаете ехать сюда, — вышлю в Нижний жену навстречу Вам.<...> А жена просит написать Вам, что и кухарка у нас хорошая — ее приглашают стряпать в монастыри, когда приезжает архиерей»[206], — зазывал он Чехова. Антон Павлович ему отвечал: «На днях я виделся с одним господином, который знаком с Плеве и знает его; говорил он, что скоро Вас освободят от надзора. Насколько это верно, судить не берусь, но думаю, что если в Арзамасе есть речка, есть сад, то можно и с надзором помириться. Екатерине Павловне, Максимке и девочке нижайший поклон и сердечный привет»[207].

Чехов в Арзамас не приехал[208], но приезжало много других гостей (Л. Андреев, Ст. Скиталец, А. Н. Алексин, В. И. Немиро-

---

[204] Г-30. Т. 28. С. 249. К. П. Пятницкому. 15 или 16 [28 или 29] мая 1902, Арзамас.

[205] Книппер О. Л.

[206] Г-30. Т. 28. С. 244–246. А. П. Чехову. Май 1902, Арзамас.

[207] Чехов А. П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 12. М.: Издательство «Художественная литература», 1964. С. 447.

[208] Отдыхал А. П. Чехов в Казани и Перми (18 июня — 2 июля 1902 г.), а затем под Москвой на даче К. С. Станиславского.

вич-Данченко, Л. А. Сулержицкий, И. А. Тихомиров, С. А. Сорин и др.), некоторые оставались надолго; купались в речке Теше, катались на лодке, ходили в лес по грибы и ягоды, вдоволь ели землянику с молоком, в саду под огромной липой дважды в день пили чай, под вечер всей компанией сидели на крылечке дома. Идиллию нарушал полицейский, дежуривший под окном (хотя своей глупостью он даже развлекал Алексея Максимовича), и досаждал местный пристав («<он> объявил мне, что имеет право входить в мою квартиру во всякое время дня и ночи, что он будет, когда ему понадобится, производить у меня обыски и т. д. <...> Как-то я пошел с женой гулять, а он, воссев верхом на лошадь, — сопровождал нас. Ежедневно по нескольку раз проезжает и проходит мимо окон и вообще — дает себя знать»[209]).

Подавляющее большинство арзамасцев к Пешковым не ходило, «боясь замарать репутацию благонамеренных», но один человек не боялся — это был священник Федор Владимирский — человек, затративший все свои средства на поиски питьевой воды для Арзамаса и написавший книги «История Ветхого завета» и «Любовь — закон жизни». «Познакомился я с одним попом. Хороший, редкий поп! Нечто вроде арзамасского Моисея, ибо тоже занимается водопроводным делом. Только Моисей мог сразу — ударом палки по камню — добыть воды, а мой поп двадцать лет бьет по башкам местных купцов и — все еще пока без результата. <...> Как приятно встретить среди сонных, трусливых баранов и жадных, тупых волков — упругую человечью энергию, неуклонное стремление к цели сквозь трясину всякой глупости, пошлости, жадности! Сидел он, поп, у меня сегодня, читали мы с ним книжку Мадзини, восторгался поп и говорил мне, подмигивая: “А? Человек-то? Что есть лучше человека? Ничего нет, государь мой! Так и знайте — ничего нет! И другим поведайте — нет ничего, что было бы лучше человека в мире сем!”»[210]

Алексей Максимович плодотворно работал, в конце июня он закончил пьесу «На дне», которая не давалась ему в Олеизе, и по-

---

[209] Г-30. Т. 28. С. 251–252. К. П. Пятницкому. 26 или 27 мая [8 или 9 июня] 1902, Арзамас.

[210] Там же. С. 263–264. К. П. Пятницкому. 23 или 24 июня [6 или 7 июля] 1902, Арзамас.

святил ее Пятницкому. «Жду от Вас письма с отзывом о пьесе и с ответом относительно разрешения посвятить ее Вам. Признаюсь — мне очень хочется этого, но — как уже сказал — не настаиваю, уважая Вашу удивительную щепетильность, доходящую до ригоризма. <...> Пришлите нам денег, чорт побери! Знаете — это решительно все равно: и в маленьком городе можно истратить много денег. Факт»[211]. Алексей Максимович истратил много денег, потому что дал 1000 рублей отцу Федору на постройку водопровода (для сравнения: дом Подсосовой был снят за 35 рублей), после чего это дело сдвинулось с места. О том, на что он истратил столько денег, Алексей Максимович Пятницкому не объяснил, но далее в том же письме позабавил его: «Ваша крестница, кажется, изберет себе карьеру дамы-клоуна, у нее несомненная способность и желание смешить людей»[212].

В конце июля Екатерина Павловна с сыном, Алексиным и Тихомировым уехали на несколько дней «кататься по Волге, до Самары»; Алексей Максимович поехать с ними не мог — он был «поднадзорным». В отсутствие Максима, который постоянно озорничал, Алексина, который «пел, озорничал» и устраивал всяческие розыгрыши, в доме стало тише. И хотя Алексей Максимович остался не один — с ним, кроме членов семьи, были и гости, в том числе его лучший друг Л. Андреев с любимой и любящей женой, но на Алексея Максимовича нашла тоска. Ему опостылел провинциальный Арзамас с бездуховной жизнью его обитателей, устал он и от семейной жизни с ее заботами об устройстве быта, его раздражали окружающие с их разговорами на бытовые темы, и он страстно желал жить в другом мире — в культурной среде, участвовать в постановке своих пьес, не думать о быте; к тому же он снова начал болеть. «Хороший он <Андреев> малый, очень любопытный анархист, но — напрасно женился. Его супруга напоминает мне актинидию, прикрепившуюся к камню; она — очень любопытна, но едва ли нужна. Ужасно много пустяков и мелочей вносят в жизнь женщины, и — право — писатель не должен иметь

[211] Г-30. Т. 28. С. 263–264. К. П. Пятницкому. 23 или 24 июня [6 или 7 июля] 1902, Арзамас.

[212] Там же.

семьи. <...> А меня опять начали лечить, чорт возьми! Мышьяк, молоко, диета, прогулки и всякая чепуха»[213]. «<...> Ах, если б меня пустили в Москву! До чортиков хочется видеть Вас и быть на репетиции Вашей пьесы. И своей. И видеть всех людей, — людей, которые ходят быстро, не носят галстухов, от которых глаза слепнут, и говорят о чем-нибудь еще, кроме солонины, поведения докторовой жены, игры в 66 или в 666. Надоело мне здесь. В голове у меня звонят 36 колоколен, а грудь — хрипит, как немазаная телега. Аппетит — отвратительный. Пью мышьяк. <...> Не знаете ли, где Шаляпин? Хоть бы он мне денег взаем дал, я бы выпросился у губернатора на ярмарку и кутнул бы во славу божию и в честь древнего города Нижнего. Теперь я — не пью, кроме молока, никаких противных жидкостей. Если меня отсюда не выпустят, я влюблюсь в горничную податного инспектора, что живет против нас, увлеку ее на самую высокую из городских колоколен и — брошусь вниз оттуда, вместе с ней, конечно. Это будет — трагическая смерть М. Горького. <...> Вообще — я "дам пищу газетам", если меня отсюда не уберут. Дождь идет, чорт его дери! Собаки воют, вороны каркают, петухи поют, колокола звенят, а людей — нет! По улицам ходят одни попы и ищут — кого бы похоронить, хоть за 30 к<опеек>. Горничная податного инспектора — единственная интересная женщина на все 10 000 жителей, но она, чертовка, с таким усердием служит Амуру, что ее, наверное, поклонники разорвут на кусочки или Венера оторвет ей нос. Недавно рядом со мной повесился сапожник. Ходил я смотреть на него. <...> Ух, скучно! Точно зимой в воде, так и щиплет со всех сторон, так и давит»[214].

Алексей Максимович был освобожден из-под надзора полиции 16 августа и тотчас уехал в Нижний[215]. Екатерина Павловна с

---

[213] Г-30. Т. 28. С. 267. К. П. Пятницкому. 24 или 25 июля [6 или 7 августа] 1902, Арзамас.

[214] Там же. С. 268–269. А. П. Чехову. Между 1 и 8 [14 и 21] августа 1902, Арзамас.

[215] Дознание по делу о противоправительственной пропаганде и подготовке демонстрации в отношении А. М. Пешкова было прекращено в конце июля 1902 г. 10 августа 1902 г. прокурор Московской судебной палаты отдал распоряжение освободить А. М. Пешкова от особого надзора полиции, о чем ему было объявлено 16 августа 1902 г. 18 августа он уехал в Нижний Новгород, а 27 августа вновь вернулся в Арзамас.

детьми вернулись в Нижний только в начале сентября (10 сентября). Мария Александровна пробыла в Арзамасе до начала ноября, вместе с ней оставались Вера Кольберг и Зиновий Свердлов[216]. Им надо было уладить ряд дел, связанных с выездом из дома Подсосовой, в котором Зиновий по поручению Алексея Максимовича из его книг и на его средства устроил общедоступную библиотеку-читальню.

Алексей Максимович прожил в Арзамасе четыре месяца. Здесь он окончил пьесу «На дне» и задумал еще две пьесы («Человек» и «Дачники»), его впечатления о городе присутствуют в его письмах, а позже — в его произведениях («Варвары», «Жизнь Матвея Кожемякина», «Городок Окуров», «Как сложили песню»).

Екатерина Павловна прожила в Арзамасе три месяца. Какой след остался от этого времени в ее жизни? Как всегда, он был связан с окружавшими ее людьми. Мы расскажем о некоторых из них.

В Арзамасе гостил художник С. А. Сорин, написавший там портреты Алексея Максимовича, Екатерины Павловны и С. Г. Скитальца. В настоящее время портрет М. Горького находится в музее Сан-Франциско, портрет Екатерины Павловны — в музее А. М. Горького в Москве. Существует множество живописных портретов Горького, его всевозможных скульптурных изображений и памятников; художественный образ Екатерины Павловны[217] запечатлен одним большим художником — С. А. Сориным.

---

[216] Свердлов Зиновий Михайлович, он же Пешков Зиновий Алексеевич (1884–1966).

[217] В конце 1900 г. портрет Екатерины Павловны пытался написать Л. Андреев, но у него он не получился. Писал он ее портрет вначале углем — не окончил, попытался написать маслом по фотографии — тоже не окончил. На фотографиях Екатерина Павловна выглядела старше своих лет, и, главное, они не передавали выражение ее глаз и их «лучистость».

В личном архиве М. М. Пешковой хранится фото скульптурного портрета (бюста) Екатерины Павловны, созданного А. Гюрджаном (Париж, около 1912 г.). А. М. Гюрджан (1881–1948) в начале 1900-х годов приехал из России во Францию, учился в парижской Академии художеств, во время Первой мировой войны вернулся в Москву, в 1920 г. навсегда уехал во Францию. Созданный им скульптурный портрет М. Горького (бронза, 1914 г.) экспонируется в картинной галерее Армении в Ереване. Сохранился ли бюст Екатерины Павловны его работы — неизвестно.

Савелий Абрамович СОРИН познакомился с Горьким в 1901 году, когда иллюстрировал его ранние рассказы для предполагаемого издания в «Знании». В 1901–1902 годах он жил в семье Пешковых в Нижнем Новгороде и Арзамасе. К этому времени относится романтическая история, происшедшая с ним. Его невеста Янина Берсон[218], дочь крупного петербургского банкира, тяготившаяся жизнью в своей буржуазной семье, порвала с семьей и бежала с женихом в Нижний Новгород (бежала с бала в одном платье, помог ей бежать С. Г. Скиталец). В Нижнем она жила в семье Пешковых, к жениху вскоре охладела и оставила его, он пытался покончить жизнь самоубийством — отравился, но не умер. Алексей Максимович, не любивший «мелодраматургических характеров», расстался с ним, Янине же некоторое время помогал[219]. Янина после революции эмигрировала, жила в Италии и во Франции. Екатерина Павловна поддерживала отношения с ней и до, и после революции и встречалась во время выездов из Советского Союза за границу.

В 1902 году С. А. Сорин еще учился в Академии художеств, звание художника он получил лишь в 1907 году, но репутацию превосходного портретиста приобрел значительно раньше (в 1900–1910-х годах им были выполнены портреты Ф. И. Шаляпина, А. А. Ахматовой, С. А. Лурье, Т. П. Карсавиной, князя С. М. Волконского и др.). В 1920 году он эмигрировал, большую часть жизни прожил в Париже, затем жил в Нью-Йорке; в эмиграции добился признания, славы и финансового благополучия, что удалось очень немногим из мастеров русского зарубежья.

В 1926 году, когда его брат, оставшийся в Советской России, был арестован, Сорин обратился к Екатерине Павловне с просьбой о помощи. В фонде ПОМПОЛИТа сохранилось его письмо:

---

[218] Берсон Янина Осиповна (1882–1958) — дочь петербургского банкира О. С. Берсона, впоследствии жена В. А. Зборовского.

[219] Горький писал Пятницкому: «Теперь у меня задача: устроить девицу так, чтоб она вновь не попала в тиски семьи, а Сорина — сплавить отсюда. Он теперь — провалился в моих глазах, я не поклонник мелодраматургических характеров...» (АГ. Т. IV. С. 112).

«116. Boulevare Pereire.

Paris 9 Апр<еля> 1927.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с просьбой оказать содействие моему брату Собшелю Сорину, арестованному в сентябре в Ленинграде. Поверьте, дорогая Екатерина Павловна, я бы к Вам не обратился, если бы я знал, что мой брат занимается политикой и ведет какую-нибудь антиправительственную линию. Он очень честен и по психологии обыкновенный обыватель, никогда ни с кем и ни с чем не воевал. Служил в каком-то отд<елении> Госуд<арственного> банка маленьким чиновником. Если Вы меня помните и у Вас осталось ко мне такое же дружеское чувство, к<а>к у меня всегда к Вам, я очень Вас прошу узнать, в чем дело, а если ему грозит наказание, то нельзя ли его выслать за границу. Конечно, за границей ему не очень весело будет, но он туберкулезный и еще вдобавок богат пороком сердца, т<а>к что не надолго его хватит. Если нужно для этого адвоката, я охотно возьму на себя расходы. К<а>к говорят, все такие дела у Вас в Москве и только там решают. Буду очень рад и признателен, если дадите мне ответ следующей почтой. Искренно преданный и любящий Вас. С. Сорин»[220].

Благодаря хлопотам Екатерины Павловны к Собшелю Сорину была применена амнистия с сокращением срока наказания на ¼, т<о> е<сть> на 2 ½ года, а затем в мае 1931 года он был освобожден от заключения в Соловках досрочно по инвалидности с заменой на ссылку в Северный край на остаток срока[221].

Из обитателей арзамасского дома Пешковых людьми, наиболее близкими Екатерине Павловне, стали сестры Кольберг; между ней и ими установились отношения почти родственные, и эти отношения они сохранили в течение всей последующей жизни. Екатерине

---

[220] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 162. Л. 41, 41 об.

[221] Из материалов архива ПОМПОЛИТа известно, что Сорин Сабшель-Яков Абрамович был арестован 20 ноября 1926 г., обвинялся по ст. 59–10 (содействие переходу через границу), приговором Коллегии ОГПУ от 26 сентября 1927 г. был осужден на 10 лет заключения в Соловках.

С.-Я. Сорин в прошлом являлся сотрудником ребе Шнеерсона. Во время следствия при допросе в феврале 1927 г. он дал показания, послужившие основным материалом для обвинения ребе Шнеерсона.

Павловне вообще было свойственно относиться к людям как к родственникам, нуждающимся в сочувствии и помощи. С Верой Николаевной Кольберг Екатерина Павловна подружилась еще до Арзамаса. После освобождения из Нижегородской тюрьмы Вера Николаевна, арестованная вместе с Алексеем Максимовичем по делу о пересылке мимеографа, стала часто бывать у Пешковых, и когда они отправились в ссылку в Крым, они оформили ее в качестве бонны своих детей.

Юлия Николаевна Кольберг приезжала в Арзамас в гости из Нижнего Новгорода, куда была выслана из Петербурга под гласный надзор полиции. Выслали ее в 1901 году за участие в демонстрации протеста против отдачи студентов в солдаты, а в 1903 году за это же участие приговорили к ссылке в Восточную Сибирь на 3 года. Екатерина Павловна поддерживала Юлию Николаевну и во время сибирской ссылки, и позже в советское время, когда муж Юлии Николаевны, Калистрат Гогуа[222], отбывал годы заключений и ссылок. В 1923–1928 годах Юлия Николаевна с детьми жила в Москве в квартире Екатерины Павловны. Позже Екатерина Павловна старалась помочь ее дочери, Ирине Гогуа[223], пробывшей в сталинских лагерях и ссылках более 20 лет, и ее внучке Танечке, остававшейся на попечении Веры Николаевны (Юлия Николаевна умерла в 1938 году).

В Арзамасе в жизнь семьи Пешковых вошел еще один человек — Зиновий Михайлович Свердлов (старший брат Якова Михайловича Свердлова — известного революционера, одного из ру-

[222] Гогуа Калистрат Гигоевич (1875–1938) — грузинский социал-демократ. Был связан многолетней дружбой с А. С. Енукидзе и С. Я. Аллилуевым, вместе с ними занимался революционной работой в Закавказье. В 1903–1905 гг. отбывал ссылку в Восточной Сибири, в 1905 г. был освобожден по амнистии. В 1919 г. вернулся в Грузию в связи с ее самоопределением, входил в грузинское правительство. В мае 1922 г. был арестован в Тифлисе вместе с другими грузинскими меньшевиками. До 1930 г. содержался в тюрьмах, политизоляторах, ссылке. В 1930 г. после окончания срока ссылки получил разрешение жить в Москве. В 1937 г. был вновь арестован и расстрелян.

[223] Гогуа Ирина Калистратовна (1904–1988) — дочь Ю. Н. Кольберг и К. Г. Гогуа.

ководителей Советского государства). В Арзамас он приехал по приглашению Алексея Максимовича для работы в его библиотеке. В Арзамасе он крестился, при крещении принял имя Зиновия Алексеевича Пешкова и, хотя юридического акта усыновления не было, считался приемным сыном Алексея Максимовича. (Алексей Максимович называл его своим «духовным сыном».) Зиновий был разносторонне одаренным человеком, в частности, обладал склонностью к драматическому искусству, и Алексей Максимович, уже тогда помогавший многим, хлопотал о его устройстве на драматические курсы в Москве. По дореволюционным законам Зиновию (по паспорту — Ешуа Золомон Мовшев Свердлов), как иудею, было запрещено жить в Москве, поэтому он решил креститься. Крестил его священник Федор Владимирский[224] 30 сентября; к тому времени Алексей Максимович уже уехал из Арзамаса, и роль крестного отца он выполнял заочно, а крестной матерью Зиновия была Вера Николаевна Кольберг.

Зиновий прожил удивительную жизнь. В 1902–1903 годах он учился в школе МХТ и выступал на сцене этого театра, в 1904 году, чтобы избежать воинской повинности, эмигрировал, жил в Канаде и США, сменил много занятий. В 1906 году в США встретился с Горьким и Андреевой и там жил вместе с ними, в 1907 году приехал на Капри и жил в их доме как приемный сын, выполняя обязанности секретаря, переводчика и домоправителя. В годы Первой мировой войны ушел добровольцем во французскую армию, был тяжело ранен, лишился правой руки, принял французское гражданство, был награжден орденом Почетного легиона, позже стал генералом Франции; состоял на дипломатической работе, в 1917–1920 годах находился в России во главе французской военной миссии[225].

Екатерина Павловна относилась к Зиновию несколько недоверчиво. Зиновий пользовался положением сына Горького, что способствовало его популярности и давало некоторые возможно-

---

[224] Позже Ф. И. Владимирский был членом Второй Государственной думы от Арзамаса, где произнес речь против еврейских погромов, после чего Синод запретил ему исполнять обязанности священнослужителя.

[225] В 1920 г. З. Пешков, находясь в Тифлисе в качестве представителя французской миссии, помог выехать из Тифлиса во Францию С. А. Сорину и его другу художнику С. Ю. Судейкину.

сти. Зиновий называл своими приемными родителями Алексея Максимовича и Марию Федоровну (Мария Федоровна говорила о Зиновии «наш сын»[226]), а от своих родителей, братьев и сестер вообще отрекся. Вряд ли эти обстоятельства могли импонировать Екатерине Павловне, однако она старалась быть справедливой к Зиновию и позже, уже в эмиграции, когда между ним и Алексеем Максимовичем возникли разногласия, защищала его. На сообщение Алексея Максимовича: «Зиновий, должно быть, уже уехал в Америку. Этот красивый паренек последнее время вел себя по отношению ко мне удивительно по-хамски, и моя с ним дружба — кончена»[227], — Екатерина Павловна отвечала: «Заезжал к нам на несколько часов Зиновий проститься. Он похудел, побледнел, говорит, что очень убит тем, что ты к нему изменился и что ему хочется поэтому совсем уехать из Европы. <...> Говоря о тебе, он сильно, до слез волновался и, я думаю, страдает от того, что ты к нему переменился. Ты вот знаешь, что я вообще недоверчиво отношусь к Зиновию, но тут он был искренен. Право»[228]. В 1915 году, когда Зиновий был на французском фронте, она послала ему посылку с печеньем и конфетами — такой знак внимания к человеку для Екатерины Павловны был характерен.

Отношение Зиновия к Екатерине Павловне выражено в его письме к ней, написанном в декабре 1904 года в Торонто. «Не могу умолчать о той тоске и желании Вас увидеть, которая особенно сегодня охватила меня. Я вспомнил прошлый год, вспомнил Нижний, как мы устраивали Елку, потом собиралась веселая ватага ребят, шум, крик, веселье, музыка играет. У ребят разгораются щеки и глаза, все они оживляются, на елке блестят разные заманчивые вещи — и так бывало хорошо. <...> Безумно хочется хоть час побыть с родным человеком, поговорить, вылить все, что накопилось»[229]. (Позже для многих Екатерина Павловна будет тем род-

---

[226] См.: Куприна-Иорданская М. К. Воспоминания (В записи Н. К. Вержбицкого) // Встречи с прошлым. 1988. № 6. М.: ЦГАЛИ. С. 72.; Пархомовский. С. 273.

[227] АГ. Т. IX. С. 115. С Капри в Аляссио, 8 [21] августа 1911 г.

[228] Пешкова Е. П. Письмо А. М. Горькому от конца сент. 1911 г. // АГ. Пархомовский. С. 277.

[229] Пешков З. А. Письмо Е. П. Пешковой от 24 дек. 1904 г. // АГ. Пархомовский. С. 57.

ным человеком, с которым люди будут делиться своими бедами, выливать накопленную в душе горечь.) А пока что в сентябре 1902 года Зиновий дарит ей свою фотографию с надписью: «Чуткой, глубокой, — а в общем прекрасной Екатерине Павловне даю на память эту карточку. Я хочу жить вечно среди бури и урагана. Я вооружусь злобой, ненавистью, и с сильной глубокой любовью к жизни пойду… пойду. Зиновей[230] Свердлов. 19 3/IX 02»[231]. («Буря и ураган», «злоба, ненависть и сильная глубокая любовь к жизни» — несомненное влияние М. Горького).

НИЖНИЙ НОВГОРОД. Сентябрь 1902 г. — май 1904 г.

Вернувшись в сентябре 1902 года в Нижний Новгород, Пешковы сняли квартиру из 10 комнат в большом двухэтажном доме Н. Ф. Киршбаума на Мартыновской улице (ныне улица Семашко, 19)[232]. Это была их последняя семейная квартира. Она вошла в историю Нижнего Новгорода как центр общественной и культурной жизни того времени, своего рода клуб, в котором собирался самый разнообразный народ: писатели и журналисты, художники и артисты, студенты и рабочие, купцы и предприниматели, революционеры и босяки. «К нам приходили, приезжали, жили днями, а иной раз и месяцами писатели, общественные деятели, артисты, студенты, партийные работники, рабочие, начинающие писатели, случайные посетители»[233], — вспоминала Екатерина Павловна.

К этому времени Алексей Максимович стал европейски знаменитым писателем, его произведения были переведены на 16 языков мира. Теперь он зарабатывал достаточно на безбедную жизнь

---

[230] Зиновей — шутливое прозвище, данное З. М. Свердлову в доме А. М. Горького.

[231] Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 190.

[232] В 1938 г. на этом доме была установлена первая мемориальная доска, 15 сентября 1971 г. в нем был открыт Музей-квартира А. М. Горького, в 1978 г. установлена мемориальная доска из белого мрамора с барельефным портретом А. М. Горького.

[233] Летопись. Вып. 1. С. 401.

и проживал с семьей, имея открытый дом, не более 30% того, что зарабатывал, а остальные деньги тратил на материальную поддержку разных лиц и дел, в том числе начал передавать значительные денежные средства нижегородскому комитету РСДРП. По театральным и издательским делам он часто ездил в Москву и Петербург, но его дом был в Нижнем. «Устал я, как собака, очень хочется домой»[234], — писал он Екатерине Павловне в ноябре 1902 года из Петербурга, откуда должен был ехать в Москву, чтобы выступать в фойе Художественного театра с чтением пьесы «На дне» (сбор от его выступления должен был идти «в пользу учеников Немировича-Данченко»). Екатерину Павловну он приглашал приехать послушать его чтение: «Так вот ты и сообрази, когда тебе ехать в Москву. Если хочешь и можешь, приезжай. <...> Поздравляю тебя, ибо по К<онстантину> П<етровичу> — завтра ты именинница. Скоро ты будешь старая»[235]. Теперь тональность письма несколько иная, чем несколько лет тому назад, тогда, когда он завоевывал сердце Екатерины Павловны.

Осенью 1902 года Екатерина Павловна тоже часто бывала в Москве. В начале октября она вместе с Алексеем Максимовичем присутствовала в МХТе на репетиции «Мещан». В середине октября она вновь приезжала в Москву, выполняя поручение Алексея Максимовича: она должна была договориться с московскими адвокатами о защите на судебных процессах участников сормовской и нижегородской первомайских демонстраций. Дела подсудимых рассматривались Московской судебной палатой в Нижнем Новгороде в конце октября[236]. Это были первые после двадцати-

---

[234] АГ. Т. V. С. 84. Из Петербурга в Нижний Новгород, 23 ноября 1902 г.

[235] Там же.

[236] Дело о политической демонстрации в Сормове, проходившей 1 мая 1902 г., слушалось в суде 28–29 октября 1902 г.; дело о нижегородской демонстрации, проходившей 5 мая 1902 г., — 30–31 октября 1902 г.
По сормовскому делу перед судом предстали 13 рабочих, из них 6 человек (во главе со знаменосцем Петром Заломовым) были осуждены в ссылку на поселение, остальные оправданы. Защищали присяжные поверенные В. А. Маклаков, П. Н. Малянтович, Н. К. Муравьев и Н. В. Тесленко. По делу о нижегородской демонстрации к суду было привлечено 9 человек, из которых 7 человек были приговорены к ссылке на поселение, двое оправданы. Защитники были те же, что на предыдущем процессе, и, кроме них, еще два нижегородских адвоката.

летнего перерыва политические процессы. Занимаясь организацией защиты, Екатерина Павловна познакомилась с замечательным адвокатом Николаем Константиновичем Муравьевым и его женой Екатериной Ивановной. Вместе они войдут в число учредителей Московского политического Красного Креста, созданного в 1918 году. В 1902 году Е. И. Муравьева работала в нелегальном политическом Красном Кресте. Екатерина Павловна с осени 1902 года участвовала в оказании помощи ссыльным (деньги на помощь давали Алексей Максимович и Савва Морозов) и поэтому тоже была связана с нелегальным политическим Красным Крестом.

В декабре 1902 года Екатерина Павловна вместе с Алексеем Максимовичем приезжала в Москву на премьеру пьесы «На дне»[237]. Успех пьесы был небывалый, и Алексей Максимович, и труппа были потрясены реакцией публики. «Я ничего подобного не ожидал, — писал Алексей Максимович Пятницкому. — И знаете — кроме этого удивительного театра — нигде эта пьеса не будет иметь успеха. <…> Игра поразительна!»[238] Пешковы пробыли в Москве около недели и в двадцатых числах декабря вернулись в Нижний. Алексей Максимович сообщил Пятницкому: «С полным спокойствием духа и даже с наслаждением имею удовольствие сообщить Вам, что в течение 6-и дней пребывания моего в Москве я растратил 804 и 1525 р. Здорово! Даже Савва Морозов красноречиво покачал головой и выразил сомнение в том, что знакомство со мною полезно ему. После первого представления был ужин в Эрмитаже, на 75 человек. Ужинало все “Дно” и “Мещане” с учениками. Был изумительный пляс и безумное веселие. Выпили. И я выпил. Успех “Дна” приподнял всех на высоту полной потери разума. <...> Нет ли каких-нибудь лишних марок или рублей, я очень нуждаюсь. Ей-богу!

Жена — иногда бывает дьявольски умна. Так, напр<имер>, она сейчас рекомендовала мне написать Вам следующее: “Приезжайте сюда встретить Новый год!” Блестящая мысль! Приезжайте? Обрадуете нас — серьезно!»[239]

---

[237] Премьера пьесы «На дне» состоялась в МХТе 18 декабря 1902 г.

[238] Г-30. Т. 28. С. 277. К. П. Пятницкому, 20 или 21 декабря 1902 [2 или 3 января 1903], Москва.

[239] Там же. С. 278–279. К. П. Пятницкому, 25 декабря 1902 [7 января 1903], Н. Новгород.

Январь — февраль 1903 года Пешковы провели в основном в Нижнем Новгороде. В январе состоялась ставшая традиционной новогодняя елка для детей бедноты. На рождественские каникулы приезжало много гостей (в том числе Ф. И. Шаляпин, Е. Н. Чириков, Л. Н. Андреев, А. Н. Алексин, Зиновий Пешков), с ними Пешковы ездили в Моховые горы на дачу Малиновских. Гости требовали внимания, забот и времени, и за январь у Алексея Максимовича накопилось много неотложной работы. Екатерина Павловна с осени прихварывала. Алексей Максимович писал Пятницкому: «Скиталец телеграфировал, что 9-го <февраля> женится, зовет меня и жену на свадьбу. Но мы — не поедем. Жене — совершенно невозможно, ей прописан покой, массаж, мышьяк, диета и еще куча всякой всячины. А у меня такая масса рукописей, что я на стол без ужаса смотреть не могу. Поздравьте от меня Степана и пожелайте ему скорейшего развода с женой»[240]. Алексею Максимовичу, ставшему «великим писателем», семейная жизнь, о которой он когда-то мечтал, уже не казалась заманчивой.

От этого времени у Екатерины Павловны сохранилась фотокарточка Федора Поступаева — рабочего, писавшего стихи под псевдонимом Темный и пользовавшегося поддержкой Алексея Максимовича. Фотокарточка была подарена Екатерине Павловне со следующей довольно выразительной надписью: «Примите эту карточку, Екатерина Павловна, как лучшее выражение моего искреннего к Вам уважения... Вы всегда так были просты, теплы и искренни ко мне… и я Вам выражаю свое сердечное “спасибо”, не как жене великого “Горького”, а как душевному и милому человеку, который хотя и не велик, но слишком ценен. Ф. Поступаев. 1903 года марта 9 дня. Нижний Новгород»[241]. «Хотя и не велик, но слишком ценен»… для самоощущения отдельного человека.

Для больных легких Алексея Максимовича весна была тяжелым временем, поэтому в начале марта Пешковы уехали в Крым, в Ялту. Поехали они не вдвоем, а вместе с сыном, с Яниной Берсон

---

[240] Г-30. Т. 28. С. 280. К. П. Пятницкому, не позднее 7 февраля 1903 [20 февраля 1903], Н. Новгород.

[241] Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 212.

(которая все еще жила у них в Нижнем), с друзьями (Е. К. Малиновская с сыном, К. П. Пятницкий, Е. Н. Чириков с женой). В Крыму их образ жизни оставался прежним, и там они не жили уединенно — как всегда, вокруг Алексея Максимовича собиралось много людей и время они проводили большой компанией (так, например, С. Я. Елпатьевский организовал поездку в винные подвалы Массандры). В Нижний Пешковы вернулись в конце апреля, а в мае выехали на дачу в Горбатовку — излюбленное место отдыха нижегородской интеллигенции (за целебный сосновый воздух Горбатовку окрестили «Нижегородской Ялтой»). У них на даче собралось много народа: кроме детей и Марии Александровны, приехавшая из Петербурга ее сестра Евгения Александровна, воспитательница Катюши Ю. С. Шмидт, В. Н. Кольберг, Янина, Зиновий и др., приезжали друзья.

Не прожив на даче и месяца, они с друзьями отправились в длительное путешествие по Кавказу. Вначале впятером — Пешковы, К. П. Пятницкий, И. А. Тихомиров и доктор В. Н. Золотницкий — плыли по Волге на теплоходе «Ольга Николаевна». Затем вчетвером (уже без Золотницкого) путешествовали по Закавказью (Военно-Грузинская дорога, Малый Казбек, Тифлис). В конце июня они через Зекарский перевал дошли до Кутаиси, посетили Гелатский монастырь, после чего Екатерина Павловна «сошла с маршрута». Алексей Максимович с друзьями проводили ее, доехав вместе с ней до Сухуми, а затем пароходом до Новороссийска, и вернулись в Кутаиси, чтобы продолжить путешествие[242], а Екатерина Павловна уехала в Крым, в Олеиз, на дачу «Нюра», а затем вернулась в Нижний Новгород.

Екатерина Павловна много болела. В середине августа в Нижнем Новгороде ее оперировал Н. И. Долгополов. Алексей Максимович в это время находился в Москве, где, как всегда, был загру-

[242] Алексей Максимович с Пятницким и Тихомировым из Кутаиси отправились по Военно-Осетинской дороге во Владикавказ, а затем в Минеральные Воды. В это время в Ессентуках находился на гастролях МХТ, и путешественники присутствовали на представлении «Мещан». Спустя несколько дней Алексей Максимович простудился, и ему пришлось срочно уехать. 18 июля Станиславский помог ему сесть на поезд, и он вернулся в Нижний.

жен делами: организацией концерта в пользу нижегородского Народного дома (декорации предоставил С. Т. Морозов, бесплатный проезд вагона с декорациями обеспечил А. А. Желябужский), устройством Янины и др. делами. О Екатерине Павловне он тоже помнил, о чем свидетельствует сделанная им приписка к письму: «Сообщи Янине — дела ее не очень плохи. Ее устраивают так, что она будет иметь возможность слушать лекции и работать в больнице. Не горюй, Янинка! Как твое здоровье? Резал тебя Нифонт?»[243]

Из Москвы в Нижний Алексей Максимович вернулся 15 августа, и не один: вместе с ним приехал Ф. И. Шаляпин с женой[244]. («Он будет петь шесть спектаклей у Эйхенвальда[245], жить у нас»[246], — предупреждал Алексей Максимович Екатерину Павловну). Шаляпин пел не только у Эйхенвальда, пел он и на концерте, состоявшемся в Народном доме 5 сентября. «Концерт был таков, что, наверное, у сотни людей воспоминание о нем будет одним из лучших воспоминаний жизни. Я не преувеличиваю. Пел Федор — как молодой бог, встречали его так, что даже и он, привыкший к триумфам, был взволнован. Уезжая — вчера, 7-го — заплакал даже и сказал: “Я у тебя — приобщаюсь какой-то особенной жизни, переживаю настроения, очищающие душу… а теперь вот опять Москва… купцы, карты, скука…” Мне стало жалко его»[247], — рассказывал Алексей Максимович. На этом концерте Шаляпина («воспоминание о нем будет одним из лучших воспоминаний жизни») Екатерина Павловна тоже присутствовала.

Последний месяц для нее был нелегким: проблемы со здоровьем, переживания личного характера, заботы семейные и общественные, гости. В Нижний по приглашению Алексея Максимовича

---

[243] АГ. Т. V. С. 84. Из Москвы в Нижний Новгород, между 10 и 14 августа 1903 г.

[244] Шаляпина Иола Игнатьевна (1873–1964) — первая жена Ф. И. Шаляпина.

[245] В 1901–1903 гг. антрепренером и музыкальным руководителем одной из оперных трупп, выступавших на Нижегородской ярмарке, был А. А. Эйхенвальд (1875–1952), позже — советский композитор, дирижер, педагог и этнограф.

[246] АГ. Т. V. С. 84. Из Москвы в Нижний Новгород, между 10 и 14 августа 1903 г.

[247] Г-30. Т. 28. С. 286. К. П. Пятницкому. 8 [21] сентября 1903, Н. Новгород.

приехали из Москвы будущие участники театральной труппы Народного дома (Л. А. Сулержицкий, И. А. Тихомиров, Л. Ю. Тарина, О. М. Бонус и др.). Многочисленные организационные проблемы обсуждались в доме Пешковых. Разъехались гости только к середине сентября, и 14 сентября Екатерина Павловна с детьми уехала в Ялту. Алексей Максимович проводил их до Москвы, после чего окунулся в бесконечные издательские, театральные и др. дела, требовавшие его присутствия не только в Нижнем, но и в Москве и Петербурге. Он волновался за здоровье жены и дочери, но быть вместе с ними не стремился. «Скажи Алексину, чтобы он мне написал подробно о твоем здоровье и Катюшкином. Очень прошу»[248]. «В Ялту не поеду. Это мне совершенно ни к чему, ибо — во-первых, в Ялте я работать не буду. <...> Домой стремиться тебе незачем, ничего интересного здесь нет. Люди, по обыкновению, суетятся, а на улице второй день идет снег. Ездят на санях. В квартире у нас — дьявольски чисто, пусто и тихо. Я сейчас совершенно чужд всем и всему, весь переполнен злостью и — рад, что тебя нет близко, ибо, наверное, это обрушилось бы на твою голову. Не потому, что ты виновата, а лишь потому, что ближе других ко мне. Нет, не зови меня в Ялту. Прескверное воспоминание связано у меня с этим дурацким местом. <...> Убедительно прошу тебя лечиться и лечиться. Купайся, двигайся, ешь виноград, но не уставай. Что говорит А<лександр> Н<иколаевич Алексин> по поводу Катюшкиной золотухи? И как советует уничтожить ее? — т<о> е<сть> золотуху, а не дочь, — сообщи. Ну, до свидания! Целую тебя и ребят. Что же Максим не пишет? Алексей»[249].

Эти строки написаны 2 октября, а несколькими днями раньше он писал жене: «Позаботься, пожалуйста, о себе. Было бы крайне интересно и желательно видеть тебя здоровой и спокойной, хотя мало верится в возможность быть спокойной человеку, который имеет дело с таким чудовищем, как я. Но все же ты постарайся. Обращай больше внимания на себя и совсем не обращай на меня. Если же мало внимания будешь обращать в ту или другую сторону, — ни чорта не выйдет, моя радость. <...> Ну — работаю ли я?

---

[248] АГ. Т. V. С. 85. Из Петербурга в Ялту, 21 сентября 1903 г.

[249] Там же. С. 86–87. Из Нижнего Новгорода в Ялту, 2 октября 1903 г.

Нет. Некогда. Целый день ходят люди, а к вечеру я устаю. Вероятно, зимой я уеду куда-нибудь — на Иматру, в Арзамас — где нет людей и можно работать. До свидания! Целую. Доктору скажи, что я его люблю, очень люблю, но писать мне некогда. Ты получила письмо из Питера? Янина в Москве теперь должна быть. Мать напишет. Береги себя. Алексей»[250].

К этому времени Алексей Максимович уже явно отделял себя от семьи, тяготился ею и хотел бы свою жизнь изменить. «Моя Катерина — все хворает. Разведусь с ней и женюсь на миллионерше, которая предлагает себя в жены мне и дает один миллион, только один, стерва!» [251] — писал он своему другу Л. Андрееву. За этими шутливыми строками стояла правда — в жизнь Алексея Максимовича прочно входила другая женщина: Мария Федоровна Андреева — актриса МХТ.

Мария Федоровна Андреева (урожденная Юрковская, по мужу — Желябужская; Андреева — сценический псевдоним, после революции ставший ее фамилией) была дочерью главного режиссера Александринского театра. От природы она была одарена красотой, умом, талантом, прекрасно пела, обладала чарующим голосом. Благодаря положению мужа (действительного статского, а позже — тайного советника А. А. Желябужского) она принадлежала к высшему обществу, была вхожа в дома влиятельных государственных чиновников (московского генерал-губернатора, министра внутренних дел и др.). Ее брак с мужем фактически прекратился в 1896 году (он полюбил другую женщину), но официального разрыва между супругами не было, и она оставалась хозяйкой в доме Желябужского, при этом их дети (сын и дочь) воспитывались в семье ее сестры. Еще до образования МХТ, одним из пайщиков-основателей которого она была[252], она увлекалась марксизмом, с которым ее познакомили студенты Московского универ-

---

[250] АГ. Т. V. С. 85. Из Нижнего Новгорода в Ялту, 27 сентября 1903 г.

[251] ЛН. Т. 72. С. 177. Горький — Андрееву. Нижний Новгород. 9–13 января 1903 г.

[252] МХТ был образован в 1898 г., когда ядро труппы Общества искусства и литературы, руководимое К. С. Станиславским («кружок Алексеева»), слилось с группой учеников В. И. Немировича-Данченко по училищу филармонии.

ситета — товарищи репетитора ее сына. Ко времени вступления в труппу МХТ она уже была убежденной марксисткой, тесно связанной с РСДРП и выполняющей различные поручения этой партии. «Едва ли не самая красивая актриса русского театра, жена крупного чиновника, генерала, преданная любительница еще “кружка Алексеева”, занявшая потом первое положение в Художественном театре, она вдруг точно “нашла себя” в кипящем круге революции», — писал о ней Владимир Иванович Немирович-Данченко[253]. В нее был влюблен один из крупнейших российских предпринимателей Савва Морозов; покоренный ее красотой и талантом, он жертвовал большие средства и на МХТ, и на революционные нужды. В ее доме в Москве бывали артисты, литераторы, учащаяся молодежь и люди, нуждавшиеся в материальной помощи. Алексей Максимович впервые пришел в ее дом осенью 1900 года. Познакомил их А. П. Чехов весной 1900 года во время гастролей МХТ в Крыму. В старости М. Ф. Андреева вспоминала: «Однажды осенью, после нашей поездки в Крым, мне доложили, что спрашивают меня Шаляпин и Горький. Они пришли просить достать денег для помощи духоборам, высылаемым куда-то в Америку... <...> С той поры мы видались с Алексеем Максимовичем очень часто. Приезжая в Москву, он всегда заходил ко мне, подолгу засиживался... Он присылал ко мне людей из Нижнего с просьбой устроить их, сделать то или другое»[254]. М. Ф. Андреева познакомила Алексея Максимовича с Саввой Морозовым, кото-

---

[253] «...И красавица и чудный человек» // Феномен. Литературно-художественный альманах. № 4 (8). Октябрь — декабрь 2008 года. URL: http://www.renclassic.ru/Ru/Phenomenon. «Товарищ Феномен» — так назвал М. Ф. Андрееву В. И. Ленин.

[254] Там же.

Автор этой статьи так комментирует воспоминания М. Ф. Андреевой: «Представьте себя на месте актрисы, сколько-нибудь известной или прославленной. К вам приходят, ну, кто угодно, из заинтересованных лиц, из студентов, из светских дам, с просьбой помочь кому угодно, но в данном случае Шаляпин, уже известный певец, и Горький, еще более известный писатель, — приходят к актрисе? Нет, с какой стати? Приходят к светской даме, известной в высшем обществе, среди крупного чиновничества и купечества, то есть там, где водятся деньги, несравнимые с их гонорарами. И она, конечно, помогла им и духоборам, и всем, кто нуждается, пользуясь вниманием к ней людей состоятельных».

рый начал жертвовать деньги и на нижегородские нужды. Но Алексея Максимовича — М. Горького, ставшего признанным писателем и буревестником грядущей революции, уже не удовлетворяла жизнь в провинциальном Нижнем Новгороде. Его, любившего жизнь, любившего женщин и мечтавшего о революционном переустройстве мира, все больше влекла Москва с ее интеллектуальной средой, с передовыми литературными и театральными кругами и М. Ф. Андреева — светская красавица и талантливая актриса, принимавшая непосредственное участие в живой революционной работе. Влюбленности Алексея Максимовича способствовали и совместная работа над пьесой «На дне» с репетициями и поездкой на Хитров рынок, и успех спектакля. «В третьем акте ему понравилось, как я играла. Пришел весь в слезах, жал руки, благодарил. В первый раз тогда я крепко обняла и поцеловала его, тут же на сцене, при всех»[255].

В 1904 году М. Ф. Андреева стала гражданской женой писателя М. Горького и оставалась ею вплоть до 1913 года. Ей удалось привлечь его к деятельности большевиков (она была финансовым агентом партии, ее активным членом, лично общавшимся с В. И. Лениным), и это обстоятельство явилось немаловажным фактором, определившим дальнейшую жизнь Алексея Максимовича, а также Екатерины Павловны и Максима.

Решение оставить семью Алексей Максимович принял не сразу, своими переживаниями он делился с Екатериной Павловной, так что конец 1903 и начало 1904 года для нее были мучительными.

До конца 1903 года Алексей Максимович жил в Нижнем, в Москву ездил по делам, Екатерине Павловне жаловался: «Сейчас, чорт возьми, получил телеграмму от С<аввы> М<орозова>. Срочно просит ехать в Москву. Не хочется, некогда, но — еду на день или от поезда до поезда»[256]. В декабре его дом еще был в Нижнем,

---

[255] «...И красавица и чудный человек» // Феномен. Литературно-художественный альманах. № 4 (8). Октябрь — декабрь 2008 года. URL: http://www.renclassic.ru/Ru/Phenomenon. «Товарищ Феномен» — так назвал М. Ф. Андрееву В. И. Ленин.

[256] АГ. Т. V. С. 88. Из Нижнего Новгорода в Ялту, 12 октября 1903 г.

но уже в качестве своего адреса он сообщал адрес Желябужских: «Москва, Его Превосх<одительству> Андрею Алексеевичу Желябужскому, Спиридоновка, Георгиевский переулок, д<ом> Долгова»[257]. Новый, 1904 год он встретил не с семьей, а в Москве. 31 декабря он присутствовал на новогоднем банкете в МХТ и подарил М. Ф. Андреевой рукопись своей поэмы «Человек»[258]. Поэма заканчивалась такими строками: «…величавый и свободный, подняв высоко гордую главу, он медленно, но твердыми шагами идет по праху старых предрассудков, один в седом тумане заблуждений <...>. Так шествует мятежный Человек — вперед! и — выше! все — вперед! и — выше!»[259] Подарок сопровождался посвящением: «Вот Вам моя песня… В ней за громкими и грубыми словами скрыта великая мечта моей души, единственная моя вера, она-то именно давала и дает мне силу жить. <...> и острая сила сомнения не разрушила мечту мою, ибо с ней родилось мое сердце. Я кладу его к Вашим ногам. Оно крепкое. Вы можете сделать из него каблучки для своих туфель»[260].

4 января Алексей Максимович вернулся в Нижний Новгород, а через несколько дней — 9 января — снова уехал в Москву. Теперь он вернется в Нижний только в мае месяце — очень ненадолго, для окончательного устройства своих дел.

С января 1904 года Алексей Максимович жил отдельно от семьи, фактически разойдясь с Екатериной Павловной, хотя их церковный брак расторгнут не был (так же как церковный брак М. Ф. Андреевой с А. А. Желябужским). В письме к Е. К. Малиновской он так объяснил свое решение: «Свобода, красота и уважение к людям — несомненно, должны быть незыблемыми, как

---

[257] Г-30. Т. 28. С. 299. Н. Г. Гарину-Михайловскому. Декабрь 1903, Н. Новгород.

[258] Поэму «Человек» Горький закончил писать в конце 1903 г., напечатана она была в 1904 г. в первом сборнике товарищества «Знание». До выхода сборника ходила в списках и пользовалась огромным успехом, гимн «мятежному человеку» воспринимался как своеобразный манифест радикально-демократической интеллигенции.

[259] Г-30. Т. 5. С. 368.

[260] Горький Максим. О любви: [рассказы] / Максим Горький; [Сост., очерк «Большая любовь по Максиму Горькому» В. И. Баранова]. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 512.

основа, но, разумеется, — как все, — должны расти и развиваться, изменяя формы, оставляя сущность неизменной. <...> мысленно человек дорос до сознания своей внутренней свободы, но — чувство привязанности, любви или привычки и т. д. — мешают ему освободиться реально из плена тех условий, которые затрудняют его духовный рост. <...> Для меня, в существе, дело ясно — кто-то из двух должен пожертвовать частицей своего я в пользу другого — так? Я солгал бы себе и другим, если б взял это на себя — свободно жертвовать, не насилуя себя, — я теперь не могу»[261].

Алексей Максимович всячески старался показать, что он не отверг Екатерину Павловну как личность, что он уважает ее, дорожит ее дружбой, что, перестав быть супругами, они остаются друзьями и их отношения — это отношения свободных людей будущего. Он пригласил ее (ее, а не М. Ф. Андрееву) на бенефис Шаляпина, состоявшийся в Большом театре 16 января 1904 года. И Екатерина Павловна приехала в Москву[262] и слушала Шаляпина в роли Демона, сидя вместе с Алексеем Максимовичем и К. П. Пятницким в литерной ложе Большого театра.

Что касается Екатерины Павловны, то ее чувства к Алексею Максимовичу не переменились, она по-прежнему любила его, тревожилась за него, ее беспокоило и состояние его здоровья, и возможный арест. «А бояться за меня — не нужно. Здоровье мое не плохо, со всем, с чем нужно бороться, я буду бороться, это — вне сомнений. Думать о моем “счастье” — преждевременно. Никакого счастья я не ищу, это я тоже говорил, и о несчастье — не думай»[263] — так Алексей Максимович успокаивал Екатерину Павловну. При этом возможность ареста и высылки он не исключал, о чем Екатерину Павловну предупреждал: «Мое положение — обостряется, и возможно, что я куда-нибудь поеду на север. Но — ты не беспокойся, это еще вилами на воде писано. Прими к сведению, что

---

[261] АГ. Т. XIV. С. 306–307. Сестрорецк. Февраль 1904 г.

[262] В Москве Екатерина Павловна остановилась по предложению-указанию Алексея Максимовича у Скирмунта («Остановись у Скирмунта, это лучше». — АГ. Т. V. С. 89. Из Пензы в Нижний Новгород, 14 января 1904 г.). Скирмунт жил недалеко от Желябужских (Скирмунт — в Гранатном переулке, Желябужские — в Георгиевском, оба переулка расположены в районе Спиридоновки).

[263] АГ. Т. V. С. 91. Из Москвы в Нижний Новгород, 23 января 1904 г.

время теперь — весьма опасное и внешняя война [264] обострит внутреннюю»[265].

Екатерине Павловне, как и всякой женщине, было горько терять любовь мужа, но ее ситуация утяжелялась еще и тем, что она не умела отделить свою жизнь от его. Для нее он был не только мужем и отцом ее детей, для нее он был учителем и наставником по жизни («<...> не могу оставить здесь жену и сына, ибо жена моя жить не умеет и без меня ей могут мыши голову отъесть»[266]). Она привыкла жить его интересами, быть участницей его многочисленных начинаний. Она приняла его идеи, в том числе и идею о необходимости свержения существующего строя, обрекающего народ на нищету и темноту, и идею новых немещанских отношений. И она постаралась понять его, сумела подняться над своими женскими обидами и остаться для него не только матерью его детей, но и его другом и помощником. Со временем их отношения приобретут спокойный дружеский и деловой характер (только свою нелюбовь к М. Ф. Андреевой она так и не сумеет преодолеть).

А пока что в наступившем 1904 году их новые отношения только выстраивались, и Екатерине Павловне было очень нелегко.

Он писал ей письма, очень часто писал, иногда и ежедневно. Писать просила она, и если писем не было несколько дней подряд, начинала беспокоиться. Он щадил ее чувства и имени М. Ф. Андреевой не упоминал, так, как будто бы ее и не было в его жизни. В начале февраля он уехал отдыхать в Сестрорецк, откуда сообщал: «это прекрасный отдых для души. <...> Меня еще не узнали, никто мне пока не мешает, и я чувствую себя как на необитаемом острове или в одиночном заключении. Работаю — много»[267]. «Я наслаждаюсь одиночеством и много работаю»[268]. «Сегодня уехали Чириков и Пятницкий, Е<вгений> Н<иколаевич> расскажет тебе, как я хорошо устроился. Проживу здесь до мая, май — поеду в Пермь

---

[264] За неделю до того, как было написано это письмо, 27 января 1904 г., началась Русско-японская война.

[265] АГ. Т. V. С. 96. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 4 февраля 1904 г.

[266] Г-30. Т. 28. С. 35. В. С. Миролюбову, 12 [24] или 13 [25] октября 1898, Н. Новгород.

[267] АГ. Т. V. С. 95. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 3 февраля 1904 г.

[268] Там же. С. 97. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 6 февраля 1904 г.

и Томск, а в июне с Пятницким в Сванетию пойдем. Вот мое меню на лето»[269].

В своих письмах он рассказывал ей о делах общественных и политических (в том числе и о своей деятельности, связанной с партийными поручениями), издательских и литературных, о планах и замыслах и, как всегда, давал ей множество поручений («узнай», «попроси», «возьми», «выпиши», «пошли», «скажи», «сообщи», «отвечай от моего имени», «съезди», «поторопись», «поторопи» и пр.).

Он руководил ее чтением:

— «Эта книга и ее психология будет более понятна тебе, если ты прочитаешь в “Правде” статью Луначарского — Идеалист и позитивист, как психологические типы. “Правду” вышлю завтра»[270].

— «В январской 1-й книге “Русского вестника” помещена статья Стечкина “М. Горький”. Прочитай. Это резкий донос, вероятно, отразится на судьбе наших сборников»[271].

— «Очень рекомендую, следи за газетами, особенно с половины февраля. Хотя они и лгут, но не всю правду скроешь»[272].

— «Ты выписала бы себе столичную газету. Очень интересны статьи “Нового времени”, посвященные Англии»[273] и др.

И, как всегда, в его письмах к ней было множество поучений:

— «Искание внутреннего и внешнего покоя — скверное искание, на мой взгляд»[274].

— «<...> и патриотические чувства надо выражать умеренно. Запомни это сама и научи детей»[275].

— «Советую тебе: хочешь избежать разочарований в людях? Имей возможно больше врагов и — ни одного друга, по возможности. Вообще — не подходи близко к людям, если ты не занимаешься изучением их ради каких-либо практических целей»[276].

---

[269] АГ. Т. V. С. 100. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, середина февраля 1904 г.

[270] Там же. С. 91. Из Москвы в Нижний Новгород, 24–26 января 1904 г.

[271] Там же. С. 93.

[272] Там же. С. 93. Из Москвы в Нижний Новгород, 28 января 1904 г.

[273] Там же. С. 97. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 6 февраля 1904 г.

[274] Там же. С. 91. Из Москвы в Нижний Новгород, 24–26 января 1904 г.

[275] Там же. С. 94. Из Петербурга в Нижний Новгород, 31 января 1904 г.

[276] Там же. С. 98–99. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 14 февраля 1904 г.

Для становления Екатерины Павловны как самостоятельной личности очень важно было то, что Алексей Максимович, уехав из Нижнего, все свои неоконченные общественные дела, связанные с работой Народного дома, устройством детского дома, устройством общежития для учителей и др., передал в ее ведение. При этом он ей очень помогал деньгами и деловыми советами:

— «Вот что, мой друг: с первого сборника мы решили отчислить 20 % прибыли. Получается крупная сумма <...>. Дадим общ<еству> учителей на устройство общежития 10 %, а остальные 10 % — на устройство в Ниж<нем> — детского дома. <...> Будь добра — ставь дело так, чтоб в дело о постройке в Н<ижнем> детского дворца — мое имя не вмешивалось. Бери все это на себя. Спокойно и уверенно гарантирую средства. Если же меня вовлекут в эту штуку, опять начнется какая-нибудь канитель, как с Нар<одным> домом»[277].

— «Когда получишь деньги от Морозовой — положи их в банк, пусть дадут процент — в этом деле всякая копейка дорога»[278].

— «Если нужно присутствие Морозова при обсуждении дел Народного театра, — скажи ему, он непременно приедет»[279].

— «Относительно постройки детского дома скажу вот что: не принимайся за это дело, пока не будет в руках всей нужной суммы»[280].

И он подбадривал ее (в своей обычной афористично-риторической манере):

— «Ну, не грусти же, друг мой, — нужно расти, всем людям нужно расти, все выше и выше назло смерти, горю, несчастью»[281].

— «Ну, до свидания ж, дружище мой. Расти себе и будь тверда»[282].

---

[277] АГ. Т. V. С. 89–90. Из Москвы в Нижний Новгород, 21 января 1904 г.
[278] Там же. С. 94. Из Петербурга в Нижний Новгород, 30 января 1904 г.
[279] Там же. С. 94. Из Петербурга в Нижний Новгород, 31 января 1904 г.
[280] Там же. С. 99. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 14 февраля 1904 г.
[281] Там же. С. 100. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, середина февраля 1904 г.
[282] Там же. С. 103. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 9 марта 1904 г.

И Екатерина Павловна «росла», а «твердой» она была, наверное, от рождения, во всяком случае, характер у нее был. И постепенно она начала принимать решения самостоятельно, не советуясь с Алексеем Максимовичем. Так, она отказалась от их совместной большой десятикомнатной квартиры и сняла небольшую трехкомнатную. О сдаче квартиры Алексей Максимович узнал не от нее, а догадался по объявлению в «Нижегородском листке». Сдачу квартиры он одобрил («Это ты объявляешь в “Листке” о сдаче квартиры в 10 ком<нат>? Пора ее сдать»[283]), а к новой квартире отнесся отрицательно («Как не нравится мне, что ты закупорила детей в эти три комнаты именно теперь, весной, когда все болезни вон полезли»[284]).

В начале мая Алексей Максимович приехал в Нижний Новгород, чтобы решить ряд организационных вопросов и уладить некоторые денежные дела, а 15 мая он навсегда покинул город, в котором родился, с которым у него была связана значительная часть жизни и который позже будет назван его именем. Екатерина Павловна с детьми уехали из Нижнего спустя неделю.

Семья Пешковых распалась. Теперь у Екатерины Павловны будет своя, отдельная от Алексея Максимовича жизнь, основным содержанием которой станет помощь людям, будет у нее и любовь, но Алексей Максимович останется для нее одним из самых близких людей, в человеческой значимости которого она никогда не усомнится и мнением которого будет дорожить.

* * *

Несколько замечаний, важных для понимания характера Екатерины Павловны.

1. О переписке Алексея Максимовича и Екатерины Павловны.

Длилась она почти сорок лет: начиная с 1895 года (записка журналиста А. Пешкова корректору Екатерине Павловне) до

---

[283] АГ. Т. V. С. 106. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 15 марта 1904 г.

[284] Там же. С. 113. Из Петербурга в Нижний Новгород, между 23 и 26 апреля 1904 г.

1932 года (года возвращения писателя А. М. Горького из Италии в Россию). Письма Алексея Максимовича Екатерина Павловна сумела сохранить, большая часть ее писем к нему утеряна. В два тома его писем к ней, изданных Архивом А. М. Горького («Письма к Е. П. Пешковой»), вошли 644 письма. Они являются ценным источником сведений о жизни и творчестве писателя. Переписка Алексея Максимовича и Екатерины Павловны не прервалась в пору их расставания во многом благодаря настойчивости Екатерины Павловны, сумевшей преодолеть моменты неудовольствия бывшего супруга:

— 14 февраля. «“Пятый день нет от тебя писем! — пишешь ты и прибавляешь: — Эх, Алексей!” Это — лишнее. Когда я мог писать тебе — я писал. А эти дни — не мог. Будет об этом. Работаю»[285].

— 23 февраля. «Вот ты жалуешься, что я не пишу — о чем писать? О чувствах? У меня нет чувств, а только мысли и все ядовитые. Знать их никому не нужно. О событиях? Здесь не бывает событий, а в Питер я езжу редко и на часы. <...> Писал только того ради, чтобы ты <не> огорчалась молчанием, а то, право, нечего писать»[286].

— 15 марта. «Если придется писать тебе письма ежедневно — смотри! — я потребую с тебя гонорар!»[287]

— Между 16 и 21 марта. «В среду я уезжаю дня на три — писем не будет — не беспокойся»[288].

— 25 или 26 марта. «Просил тебя дважды написать мне — что купить на пасху Катюшке — не написала. Завтра я уеду в Питер до понедельника, так что — если что спешное будет — пиши и телеграфируй туда»[289].

2. Для характеристики отношения Алексея Максимовича к Екатерине Павловне мы приводим два документа.

---

[285] Там же. С. 99. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 14 февраля 1904 г.

[286] Там же. С. 100–101. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 23 февраля 1904 г.

[287] Там же. С. 105. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 15 марта 1904 г.

[288] Там же. С. 107. Из Петербурга в Нижний Новгород, между 16 и 21 марта 1904 г.

[289] Там же. С. 109. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 25 или 26 марта 1904 г.

— Его письмо к ней, помещенное последним (после письма от 3 февраля 1932 года) во 2-м томе «Писем А. М. Горького к Е. П. Пешковой». Приводим его вместе с предваряющим текстом:

«После кончины Е. П. Пешковой в ее архиве было обнаружено письмо А. М. Горького от 28 апреля 1907 г. Очевидно, Е. П. Пешкова не включила его в том из присущей ей скромности. Ниже публикуется текст этого письма. Редколлегия.

< С Капри в Ниццу, 28 апреля (11 мая) 1907 г.>

Дорогой мой, милый друг — после твоего письма — много хочется сказать тебе, но — писать этого не буду. Одно скажу: с глубоким чувством благодарности, с искренним уважением целую твою руку. И, вероятно, первый раз за всю жизнь я испытываю такое радостное, родственное и чистое чувство. Улыбаюсь всей душой: мне кажется — я первый, кто удостоился такого отношения от женщины, как твое ко мне. Поверь, что если я льщу — то себе самому и если — ошибаюсь вообще — все равно в частности я имел нечто редкое, драгоценное, м<ожет> б<ыть> единственное. Все это — бестолково? Лучше не умею сказать, ибо это ново для меня. Пойми одно: имею к тебе великое и незыблемое чувство уважения, знаю, что ты для меня такой близкий, близкий, родной человек. Из тех людей, которым не надо говорить слова, они понимают и молчание. Спасибо, милая Катя, спасибо, родная! Вот и все»[290].

— Слова А. М. Горького, сказанные им в 1935 году Е. К. Ливановой в личной беседе: «Самая прекрасная, самая лучшая женщина, какую я знал, это Екатерина Павловна, моя первая жена. А знаете, почему я с ней расстался? Она всегда была права, мужчина этого не терпит»[291].

---

[290] АГ. Т. IX. С. 284.

[291] Ливанов Б. Сборник. М.: Всероссийское театральное общество, 1983. С. 48.

3

НАЧАЛО ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ОТЪЕЗД В ЭМИГРАЦИЮ. 1904–1906 гг.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА В ГОДЫ ЗАМУЖЕСТВА

Екатерина Павловна в автобиографии написала, что «всю жизнь отдавала общественной работе» и, начиная с Нижнего Новгорода, участвовала во всех общественных начинаниях Алексея Максимовича[1].

В годы замужества она была в основном помощницей Алексея Максимовича и исполнительницей его распоряжений. (Интересно, что в Нижнем Новгороде вначале приобрел известность общественный деятель А. М. Пешков, а затем уже большой писатель М. Горький.) Ее общественная работа началась весной 1899 года с участия в любительских театральных постановках. Из общественных дел, в которых Екатерина Павловна принимала активное участие, наиболее значительными являются устройство новогодних елок для детей бедноты (о них рассказывалось выше)[2] и Народный дом.

Народный дом являлся культурно-просветительным учреждением, построен он был по проекту нижегородского архитектора П. П. Малиновского и находился в ведении нижегородского «Об-

---

[1] Автобиография была написана Е. П. Пешковой 21 декабря 1958 г. (АГ. ФЕП-рл 1–8–3).

[2] М. Горький участвовал в организации новогодних елок в 1900 и 1901 гг., в дальнейшем они, став традицией, проводились без его личного участия.

щества распространения начального образования»[3]. Идея создания Народного дома возникла в кругу нижегородской интеллигенции (Н. А. Грацианов, А. М. Храбров, Н. П. Ашешов, А. И. Ланин и др.). Алексей Максимович также принимал активное участие в его создании и работе, по его инициативе в октябре 1903 года было организовано паевое товарищество для эксплуатации Народного дома как общедоступного театра. Об этой «новой затее» он написал Екатерине Павловне, которая в это время находилась с детьми в Ялте: «Не помню — писал ли я тебе о новой затее — организовать т<оварищество> для эксплуатации Народ<ного> дома как общедоступного театра. Это — идет. Ездил я в Москву, собрал около 5 т<ысяч> денег, и — представь! — Тихомиров Асаф идет к нам в режиссеры, а вместе с ним несколько учеников и учениц Художественного театра. <...> Пай — 100 р<ублей>. Я беру 5, ты — тоже. Малин<овская> Ел<ена> — 5. Федор <Шаляпин> тоже. Морозов — 20. Тихомиров — 5. Андр<ей> Алексеевич Желябужский — 3. М. Ф. Андреева, Чириков, Андреев Леонид, Вишняков, Чегодаева, Михельсон — по одному паю. Ожидаем Ганецкую, Хлудову, Панину»[4]. Об этой же «затее» в том же октябре Алексей Максимович сообщил и Пятницкому: «В Народном доме мы устраиваем театр: мы — С. Морозов, Шаляпин, Станиславский, Тихомиров, я с женой, Малиновский и прочая — даже Бунин и Андреев. Тихомиров — взял из театра отпуск на год и будет режиссером. Он же взял 5 паев. Пай — по 100 р<ублей>. 10 человек артистов — ученики Художест<венного> театра, остальные — любители. Дело уже наладилось, денег набрали 10 000. Нужно еще т<ысяч> 5. Поеду сегодня в Москву и — наберу. Так-то»[5].

17 ноября 1903 года был подписан договор группы нижегородской интеллигенции с Нижегородским обществом начального образования об использовании Народного дома для театральных представлений «Общедоступный театр». Договор подписали 9 че-

---

[3] «Общество распространения начального образования в Нижегородской губернии» было одним из самых влиятельных нижегородских просветительных обществ, существовало оно с 1872 г., к 1906 г. насчитывало более 200 членов.

[4] АГ. Т. 5. С. 87. Из Нижнего Новгорода в Ялту, 8 октября 1903 г.

[5] ПСС. Т. 28. С. 290. К. П. Пятницкому. 20 октября [2 ноября] 1903, Н. Новгород.

ловек (в их числе А. М. Пешков, Е. П. Пешкова, М. А. Волжина, Е. К. Малиновская, П. П. Малиновский, А. К. Гейнце, И. А. Тихомиров)[6].

Труппа «Общедоступного театра» состояла из 12 человек профессионалов и 33 любителей (все они где-то служили и отдавали театру только свободное от службы время). В театре ставились пьесы Грибоедова, Островского, Мольера и др., устраивались общедоступные концерты. Запрет властей ставить пьесы, не входившие в список допущенных для народных театров, ограничивал репертуар. Торжественное открытие театра состоялось 14 декабря 1903 года. Е. К. Малиновская вспоминала: «Открылся сезон "Царской невестой" Мея. Но у нас не было ни реквизита, ни мебели для обстановки сцены. <...> Не лучше дело обстояло и с костюмами, и Е. П. Пешковой, ведавшей этой частью, вечно приходилось комбинировать, доставая их всюду, приготовляя из ситца и др<угих> дешевых материалов»[7].

К сожалению, «Общедоступный театр» оказался убыточным, и это стало ясно довольно скоро. Но к тому времени Алексей Максимович — организатор паевого товарищества уже уехал из Нижнего Новгорода, и Екатерина Павловна — «полномочный представитель» Алексея Максимовича несколько растерялась и не знала, что делать дальше: отказаться ли вообще от затеи с театром или, наоборот, увеличить труппу и добиваться расширения репертуара. Любопытно, как по-разному отреагировали на ее трудности Зиновий Пешков и Алексей Максимович. Зиновий писал: «Милая, хорошая Катерина Павловна, такая тоска, черт знает, места себе не нахожу. <...> Мне ужасно не хотелось, чтобы в Нижнем расстроился Народный театр и перешел в руки какого-нибудь грубого антрепренера, которому важно не художественное удовлетворение, а успех денежный и прилаживание к вкусам публики»[8]. Ответ Алек-

---

[6] Срок действия договора определялся на три сезона, причем первый сезон (1903–1904) начинался от декабря и продолжался до 15 июля, а два следующих — с 15 сентября по 15 июля.

[7] Малиновская Е. К. и Нарков М. С. Театр Горького в Нижнем // Вечерняя Москва. 23 сентября 1932 г. № 22.

[8] Пешков З. А. Письмо к Е. П. Пешковой от 12 февраля 1904 г. // Пархомовский. С. 45.

сея Максимовича звучал так: «<...> если ты еще не отдала картин в Нар<одный> дом — не делай этого, будет лучше, если мы поместим их в детском. А Нардом надоел мне, чорт бы его взял. Это неудачное детище»[9]. Письма Зиновия Пешкова и Алексея Максимовича написаны с разницей в два дня.

В апреле 1904 года Екатерина Павловна получила из Академии художеств бюсты Пушкина, Гоголя, Некрасова, Лермонтова, Толстого, Достоевского и Островского, ранее заказанные Алексеем Максимовичем для Народного дома. «Подашь от твоего имени бумагу, — заявление, — в совет <Общества распространения начального образования>, что вот, мол, прошу принять»[10], — распорядился он. Однако спустя месяц театр был закрыт — закрыт он был 17 мая, через два дня после того, как Алексей Максимович окончательно покинул Нижний Новгород (решение о закрытии театра, по-видимому, было принято в его присутствии и при его непосредственном участии).

В 1905 году в Народном доме проходили многочисленные митинги и собрания, здесь хранилось оружие, он служил политическим штабом всех нижегородских революционеров. 17 декабря 1905 года (после разгрома Декабрьского восстания) по распоряжению нижегородских властей Народный дом был закрыт[11].

Сохранилась фотография, на которой сняты Екатерина Павловна и Елена Константиновна Малиновская; на паспарту надпись: «Иосафу Александровичу на память о Народном доме и о нас. Екатерина Пешкова <и> Елена М<алиновская>. 1904 г. 21 мая»[12]. Фотография подарена И. А. Тихомирову накануне отъезда Екатерины Павловны из Нижнего Новгорода.

В начале 1904 года Екатерина Павловна приняла участие еще в одном начинании нижегородской интеллигенции — организации детского дома для детей-школьников. Этим делом занималась ни-

---

[9] АГ. Т. 5. С. 99. Из Сестрорецка в Нижний Новгород. 14 февраля 1904 г.

[10] АГ. Т. V. С. 110. Из Петербурга в Нижний Новгород, апрель, не позднее 11-го 1904 г.

[11] В настоящее время в бывшем Народном доме располагается театр оперы и балета им. А. С. Пушкина.

[12] Оп. 2. С. 233.

жегородская «секция гигиены и воспитания»[13], наиболее активными членами которой были Н. А. Грацианов, возглавлявший секцию, М. П. Подсосова, разработавшая первоначальный проект детского дома, Золотницкие, Штюрмеры, Н. И. Долгополов. Екатерина Павловна также состояла членом этой секции. Алексей Максимович предоставлял средства на организацию детского дома[14] («Спокойно и уверенно гарантирую средства»[15]) и настаивал, чтобы Екатерина Павловна распоряжалась ими: «Убедительно прошу тебя — встань впереди этого дела, т<о> е<сть> детского дома, действуй во всем от своего имени, оставляя меня в стороне. Деньги, которые я буду высылать тебе для этой цели, клади в банк, посоветовавшись с Гориновым[16], как удобнее это сделать, т<о> е<сть> как больше получить процентов. Ни в каком случае не покупай на них государ<ственных> бумаг или каких-нибудь акций»[17].

В денежных делах Екатерина Павловна старалась следовать советам Алексея Максимовича. Талантливым «финансистом» она, по-видимому, не была, и даже в годы ее самостоятельной работы, даже тогда, когда она руководила ПОМПОЛИТом, средства добывала не она — она старалась полученные средства справедливо и экономно использовать.

Кроме легальной общественной работы, Екатерина Павловна в годы замужества начала работать в нелегальном политическом Красном Кресте. Об этой ее работе нам известно очень мало. Есть воспоминания Екатерины Павловны со следующим рассказом: «…в ночь на 7 мая 1898 г. явились жандармы с обыском и увезли Алексея Максимовича для отправки в Тифлис <...>. На другой

---

[13] «Секция гигиены воспитания и образования» была образована при нижегородском отделе «Русского Общества охраны народного здравия».

[14] Средства на детский дом складывались из отчислений (10 %) с прибыли, полученной от продажи первого сборника издательства «Знание», и из пожертвований частных лиц. В частности, З. Г. Морозова (жена Саввы Морозова) пожертвовала 4 тысячи рублей, кроме того, на нижегородский детский дом она сама собирала деньги у знакомых.

[15] АГ. Т. V. С. 90. Из Москвы в Нижний Новгород, 21 января 1904 г.

[16] Горинов Владимир Адрианович.

[17] АГ. Т. V. С. 95. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 4 февраля 1904 г.

день ко мне явилась приятельница Алексея Максимовича — Вера Казанцева — и принесла 40 рублей, сказав, что это деньги от "Политического Красного Креста", существовавшего при царизме нелегально. Это было мое первое знакомство с "Политическим Красным Крестом", с которым впоследствии была связана моя жизнь» [18].

Есть воспоминания Т. А. Угримовой, которая рассказала, что Екатерина Павловна, добиваясь реабилитации ее бабушки Е. И. Муравьевой, «писала ответственным чиновникам, что знает мою бабушку с 1902 года, что с тех пор они вместе работали в нелегальном Политическом Красном Кресте»[19].

Вероятно, Екатерина Павловна начала заниматься помощью политическим заключенным и благодаря дружбе с семьей Штюрмеров. Дом Штюрмеров являлся одним из общественных центров Нижнего Новгорода. Ричард Андреевич и Зинаида Федоровна Штюрмеры были участниками нижегородского Общества распространения начального образования, принимали активное участие в организации детских елок и, кроме того, поддерживали связь с политзаключенными и помогали ссыльным, собирая для них теплые вещи и продуктовые посылки. В их доме проходили собрания (в 1906 году — с участием Веры Фигнер). Горьковеды отмечают, что семьи Пешковых и Штюрмеров были особенно дружны в 1901–1902 годах. Но, по-видимому, и после того, как у Алексея Максимовича появились другие приоритеты, Екатерина Павловна и Штюрмеры оставались друзьями и связывали их общие дела.

В работе по оказанию помощи политзаключенным и ссыльным Алексей Максимович участия не принимал. Здесь Екатерина Павловна выступала не как его помощница и исполнительница его указаний, в этой работе она самостоятельно определяла степень своего участия.

---

[18] Пешкова Ек. П. Отрывки из воспоминаний о Горьком // Ученые записки Горьковского педагогического института. Серия филологическая. Вып. 42. Горький, 1963. С. 84.

[19] Стой в завете своем… / Т. А. Угримова, А. Г. Волков. М.: ОМО «АМАПРЕСС», 2004. С. 142.

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. Май — сентябрь 1904 г.

В конце мая 1904 года Екатерина Павловна по настоянию Алексея Максимовича выехала за границу для поправки здоровья. Болела она уже несколько лет. Еще в сентябре 1901 года Алексей Максимович писал Чехову: «Хворает у меня жена, и очень это беспокоит меня»[20], и он уговаривал ее поехать лечиться: «Хочешь, чтоб я был очень благодарен тебе? Поезжай в Карлсбад, прошу! Поезжай и — вылечись от этой печени, серьезно, мой друг! <...> Всей душой желаю тебе здоровья — но — поезжай в Карлсбад. Возьми компаньонку, Максима и поживи там. Послушай меня. Это все посоветуют тебе»[21]. И она послушала его. Спустя неделю после его отъезда из Нижнего она с детьми выехала в Берлин[22].

Поездка не была удачной, так как дети много болели. Сразу по приезде Максим заболел корью, вслед за ним заболела Катюша. Позже Катюшу пришлось дважды оперировать из-за больных железок. Справиться с навалившимися на нее трудностями по лечению детей в чужой стране Екатерине Павловне помог А. Шольц — переводчик произведений М. Горького на немецкий язык. Теперь Екатерина Павловна уже не обо всех обстоятельствах своей жизни сообщала Алексею Максимовичу. «Из твоих писем к Пятницкому я знаю, что ты не все мне пишешь. Разумеется — это твое дело, но если это из желания не расстраивать меня — напрасно. Ты, напр<имер>, не написала, что Катюшка трое суток лежала без сознания — жаль, ибо я мог бы поехать в Бер<лин>. Думал об этом очень усердно, паспорт получить мне легко, но — именно в данный момент для меня поехать за границу — значит — впутаться в дрязги, чего я совершенно не желаю. Это соображение и твои успокоительные письма остановили меня. Ну что еще сказать? Мне приятно получать твои письма, я очень жду их»[23]. К этому време-

---

[20] Г 30. Т. 28. С. 178. А. П. Чехову. 25 или 26 сентября [8 или 9 октября] 1901, Н. Новгород.

[21] АГ. Т. V. С. 108. Из Петербурга в Нижний Новгород, 21 марта 1904 г.

[22] Сопровождала ее в этой поездке Ольга Александровна Вернер — курсистка, нижегородская знакомая Пешковых. 23 мая 1904 г. по пути в Берлин Екатерина Павловна с детьми заезжала в Куоккалу.

[23] АГ. Т. V. С. 117. Из Куоккалы в Берлин, 17 июня 1904 г.

ни Екатерина Павловна, наверное, уже начала привыкать к тому, что в трудные минуты жизни Алексея Максимовича рядом не будет.

После того, как дети оправились от кори, Екатерина Павловна из Берлина переехала в город-курорт Бад-Эмс, в котором занялась уже собственным лечением. В середине июля она переехала в Берн, в середине августа — в Женеву. В Берлине Екатерина Павловна разыскала Янину, которая к этому времени покинула Россию[24], и встретилась с ней несмотря на то, что Алексей Максимович эту встречу не одобрял. («Убедительно прошу — не ищи Янину! Это совершенно не нужно и даже более»[25].) В Берне она общалась с З. В. Васильевой — вдовой Н. З. Васильева, учившейся в Бернском университете. Ее сын Алеша, крестник Алексея Максимовича, учился в швейцарской гимназии. Алексей Максимович, как уже упоминалось выше, из своих средств оплачивал жизнь семьи покойного друга за границей (выплачивал «стипендию»).

Письма от Алексея Максимовича Екатерина Павловна получала довольно часто, имени М. Ф. Андреевой он не упоминал[26]. («Пишешь ты редко. <...> Живу на ст. Куоккала, Финлянд<ской > жел<езной> дор<оги>, дача Эрстрем. У меня комната на чердаке, рядом со мной комната для К<онстантина> П<етровича>, который бывает здесь часто. Природа здесь — скучная, море пакостное»[27]. «Лето здесь — вроде осени, тусклое, мокрое, холодное, небо всегда покрыто тучами, и на душе тоже серо и тускло»[28].) Писал он ей о своих литературных и театральных делах, но, главное, о россий-

---

[24] Янина Берсон в 1904 г. покинула Россию, т. к. ей грозил арест за участие в революционных делах. Она помирилась со своим отцом, который обеспечил ей возможность учиться в Берлине. В октябре 1904 г. (уже после возвращения Екатерины Павловны в Россию) Янина была арестована в Берлине как анархистка.

[25] АГ. Т. V. С. 114. Из Петербурга в Берлин, конец мая — начало июня 1904 г.

[26] Летом 1904 г. он жил в Куоккале на даче, снимаемой М. Ф. Андреевой. Для некоторых обитателей и гостей Куоккалы Алексей Максимович и Мария Федоровна были «Горькими», а гостивший в Куоккале Зиновий Пешков — их сыном (Мария Федоровна его представляла как «наш сын»).

[27] АГ. Т. V. С. 115. Из Куоккалы в Берлин, начало июня 1904 г.

[28] Там же. С. 116. Из Куоккалы в Берлин, 17 июня 1904 г.

ской общественной и политической жизни, которая занимала все больше места в его душе, а следовательно, и в отзывчивой душе Екатерины Павловны. Он писал о безмерно огорчивших его похоронах А. П. Чехова — писателя, столь любимого Екатериной Павловной[29] («чудесного человека, прекрасного художника, всю свою жизнь боровшегося с пошлостью»). По мнению Алексея Максимовича, это были оскорбительные похороны, воплотившие в себе «всю пошлость русской жизни»: «Вот и похоронили мы Антона Чехова, дорогой мой друг. Я так подавлен этими похоронами, что едва ли сумею толково написать тебе о них, — хожу, разговариваю, даже смеюсь, а на душе гадко»[30]. Писал он о неудачной войне с Японией с ее ужасами, о смерти Плеве, об ожидании обществом либеральных реформ и «манифеста с великими милостями». Сообщил, что они с К. П. Пятницким сняли большую и удобную квартиру, в которой они не будут мешать друг другу, и теперь «и ты и кто бы из литераторов ни приехал, К<онстантин> П<етрович> — страдать от этого не будет»[31].

Он просил ее не жалеть денег («не жалей денег, делай все, чтоб создать себе и ему <Максиму> наиболее удобные условия»[32]), хоро-

---

[29] А. П. Чехов умер 4 июля 1904 г. в Баденвейлере. Похоронен был в Москве на Новодевичьем кладбище 10 июля 1904 г. Находясь в Берлине, Екатерина Павловна встретилась с А. П. Чеховым и О. Л. Книппер-Чеховой. Вот отрывок из ее письма О. Л. Книппер-Чеховой от 15 октября 1958 г.: «Дорогая Ольга Леонардовна! Сегодня, в день чествования Вашего 90-летия, мне хочется сказать Вам, что Вы всегда для меня та молодая, обаятельная Ольга Леонардовна, с которой я познакомилась впервые в далекие девяностые годы. Хорошо помню Вас, Вашу мать, всю Вашу веселую и дружную семью. <...> Когда Вы стали женой Чехова, моего любимого писателя и человека, мне всегда казалось, что именно такая жена нужна Антону Павловичу. Каждое пребывание вместе — как праздник, без мелочей ежедневной жизни… Быть может, все это не юбилейные слова, но эти мысли пришли в голову сегодня, и захотелось сказать их Вам. А как врезалась в память последняя встреча с Антоном Павловичем и Вами в Берлине. Когда о Вас думаю — встает Ольга Леонардовна в разные периоды жизни, но всегда милая, с дружелюбной улыбкой» (Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Переписка (1896–1959). Воспоминания об О. Л. Книппер-Чеховой. Часть вторая. М.: Издательство «Искусство», 1972. С. 266–267).

[30] АГ. Т. V . С. 119. Из Петербурга в Эмс, 11 или 12 июля 1904 г.

[31] Там же. С. 126. Из Ялты в Женеву, около 8 сентября 1904 г.

[32] Там же. С. 114. Из Куоккалы в Берлин, конец мая — начало июня 1904 г.

шо платить докторам («дабы немецкие буржуи не имели возможности жаловаться на нашу “некультурность”»[33]) и не огорчаться по поводу больших трат («В письмах Пятн<ицкому> ты сокрушаешься о том, что много выходит денег. Какой это вздор, друг мой! Во-первых, — совсем немного, если ты вспомнишь, что вас четыре человека, а во-вторых, — деньги есть и стесняться не для чего. Перед отъездом ты скажи, чтобы тебе выслали побольше, р<ублей> 1000, что ли, и купи хороший подарок маме, да и вообще купи что понравится из художественных и домашних вещей»[34]). И он настаивал, чтобы по возвращении в Россию она поселилась в Крыму. («Будет холера или нет — это безразлично для тебя, ты — во всяком случае, должна прожить зиму в Крыму. Я очень прошу тебя об этом, ибо считаю совершенно необходимым для твоего здоровья, да и детям это не вредно. Скучно? Ну, что же делать? Займешься чем-нибудь»[35].)

ЯЛТА.
Сентябрь — декабрь 1904 г.

В Россию она вернулась в середине сентября 1904 года и, опять же по настоянию Алексея Максимовича, поселилась в Ялте, в которой прожила до августа 1906 года.

Алексей Максимович приехал в Ялту раньше Екатерины Павловны — в начале сентября, остановился «наверху» у Алексина на даче Ширяева на Морской улице, туда приехала и Екатерина Павловна с детьми. Позже она переехала на дачу Ярцева на Гимназической улице[36].

О встрече с Екатериной Павловной на даче Ширяева вспоминал С. Я. Маршак[37]. Его, семнадцатилетнего гимназиста, пишущего стихи и имеющего слабое здоровье, Алексей Максимович при-

---

[33] АГ. Т. V. С. 115. Из Куоккалы в Берлин, начало июня 1904 г.

[34] Там же. С. 118. Из Куоккалы в Эмс, 7 июля 1904 г.

[35] Там же. С. 124. Из Петербурга в Женеву, середина августа 1904 г.

[36] В настоящее время улица Войкова.

[37] Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964) — русский советский поэт, переводчик. В 1904 г. познакомился с Горьким и Ф. И. Шаляпиным на даче у В. В. Стасова. Горький помог Маршаку переехать учиться в Ялту, в чем тот нуждался по состоянию здоровья. Два года Маршак жил в Ялте в семье Пешковых, Горький и Шаляпин оказывали ему материальную поддержку.

гласил жить в Ялту, уладив проблемы по приему своего подопечного в ялтинскую гимназию (а затем поддерживал материально). С. Я. Маршак вспоминал, как получил (впервые в жизни) две телеграммы: «Вы приняты ялтинскую гимназию подробно пишу Пешков» и «Выезжайте остановитесь Ялте угол Морской и Аутской дача Ширяева спросите Катерину Павловну Пешкову мою жену Пешков». И вот юный Маршак приехал в Ялту:

«Вот, наконец, и дача Ширяева на углу Морской и Аутской.

Осторожно открыв железную калитку, я оказываюсь перед домом, сложенным из дикого камня, на площадке, окаймленной аккуратно подстриженным густым кустарником с мелкими жесткими листочками.

Поднимаюсь наверх, и на пороге меня встречает молодая женщина, легкая, энергичная, с гладко причесанными и все же пушистыми темно-каштановыми волосами. Лицо у нее как будто строгое, но губы чуть тронуты милой, приветливой улыбкой, и та же улыбка светится в глубине серо-зеленоватых — в темных ресницах — глаз.

Так вот она какая — Екатерина Павловна! В ней нет ничего кокетливого, нарочитого, дамского. И все-таки она кажется очень изящной, даже нарядной, несмотря на простоту ее платья и прически.

Пожав мою руку своей небольшой, крепкой рукой, она ведет меня в дом, весь пронизанный солнцем, морским ветром и сухим ароматом южного сада. Я иду за ней, еще не догадываясь, что эти несколько шагов ведут меня не только из комнаты в комнату, но и в другую пору моей жизни — из отрочества в юность.

Здесь, в горьковской семье, в этом морском городе, довелось мне встретить годы, предчувствием которых были овеяны знакомые нам издавна широкие строчки стихов: “Над седой равниной моря ветер тучи собирает…”»[38]

Алексей Максимович уехал из Ялты в начале октября и сразу окунулся в бурную жизнь: кроме литературной и издательской работы, непрерывные поездки, встречи, разговоры, чтение в пользу разных благотворительных дел, не забывал он и нижегородцев и нелегальный Красный Крест помощи политическим заключенным.

[38] В начале жизни (Страницы воспоминаний) // Маршак С. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 6. М., 1971. С. 180.

(«Попытаюсь пустить на детский дом весь доход с чеховского сборника и устроить грандиозный вечер в пользу этого дома, с Шаляпиным, Андреевым и проч<ими>. 27-го читаю в Питере в пользу Креста»[39].) Он был захвачен политическими страстями: ожиданием конституции, попытками созвать Учредительное собрание, разногласиями между либералами и радикалами, выпуском газеты и др. Жизнь, богатая событиями, переполняла его, и Екатерине Павловне он желал «от всей души всего доброго и хорошей яркой жизни прежде всего»[40]. Более того, в своем стремлении к «яркой жизни» он заходил довольно далеко: «Жизнь — кипит! Мне жаль, мой друг, что ты — мать и у тебя дети, искренне жаль»[41].

Екатерина Павловна, оказавшись в Ялте, начала стремительно приобщаться не только к общественной, но и к политической деятельности. Она, как и вся революционно настроенная часть российского общества, желала ускорить надвигавшуюся революцию, полагая, что изменение государственного строя будет способствовать счастливой жизни граждан. Алексей Максимович посылал ей для распространения посылки с нелегальными брошюрами и с книгами, в которые были вложены противоправительственные листовки[42], и Екатерина Павловна посылала ему бандероли с вновь

---

[39] АГ. Т. V. С. 129. Из Москвы в Ялту, 20 октября 1904 г.

[40] Там же. С. 127. Из Петербурга в Ялту, 12 октября 1904 г.

[41] Там же. С. 133. Из Москвы в Ялту, конец октября 1904 г.

[42] 11 июня 1905 г. Алексей Максимович выслал из Куоккалы в Ялту 5 экземпляров книги «Песни свободы», в одном из экземпляров были обнаружены листовки за подписью: «Центральный Комитет Российского Освободительного Союза». Посылка была задержана. В фонде департамента полиции сохранилась докладная записка:

«Секретно. Особый Отдел. 17 сентября 1905 г. вход № 28113.
В Департамент Государственной Полиции.

Главное управление по делам печати сообщило Центральному Комитету Иностранной Цензуры, что представление Комитета от 7 июля с<его> г<ода> за № 2277 с тремя печатными листами (прокламациями), изданными “Центральным Комитетом освободительного союза”, задержано при Департаменте.

Принимая во внимание, что означенные листки обнаружены в книгах “Песни свободы”, пересылавшихся в Ялту Екатерине Павловне Пешковой от А. Пешкова, и что вложения посылок не могут быть разрозни-

выходящей нелегальной литературой, вложенной для конспирации в монархические издания. Он присылал ей нравящиеся ему новые произведения современных авторов, она читала их на платных вечерах, сборы от которых поступали на нужды революционного движения: «Я постараюсь кое-что прислать тебе, советую прочитать мое письмо знакомым и вообще, — поскольку ты можешь, — будировать и будировать в пользу “ее” <конституции> — по возможности стройной, широкой и интересной»[43]. И она «будировала», а Алексей Максимович хвалил ее: «Не входя в подробности, скажу тебе вот что: молодец ты. У меня растет хорошее, крепкое чувство уважения к тебе и слово “друг”, серьезно, не пустое слово, когда тебя называю им»[44].

Алексей Максимович был очень занят, но Екатерине Павловне, во всем сочувствовавшей ему, он писал часто, подробно рассказывая о волновавших его делах (политических, общественных, литературных, театральных) и делясь своими переживаниями. Свою занятость — «недосуг» («есть некогда, не токмо писать!») — он объяснил в конце многостраничного письма. Подробно рассказав о первом представлении «Дачников» на сцене театра Комиссаржевской[45] и о различных новостях политической жизни страны, он со-

---

ваемы, Центральный Комитет Иностранной Цензуры имеет честь препроводить при сем в распоряжение Департамента всю посылку с пятью экземплярами книг “Песни свободы” в оболочке, на которой написан адрес назначения и находится почтовый штемпель отправления и фамилия отправителя.

Председатель: Гр. А. Муравьев.
Заведывающий Канцелярией
Старший цензор

Посылку с пятью экземплярами сочинения “Песни свободы” на имя Пешковой получил и. о. младший помощник Цензора К. Матвеев.

№ 1. МВД. Центральный Комитет Иностранной Цензуры.

С. Петербург. 13 сентября 1905 года № 3030.

№ 2. 7-е Делопроизводство. 19 сент 1905» (ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Ед. хр. 882. 1905 г.).

[43] АГ. Т. V. С. 133. Из Москвы в Ялту, конец октября 1904 г.

[44] Там же. С. 130. Из Москвы в Ялту, 20 октября 1904 г.

[45] Первое представление пьесы «Дачники» в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской в Петербурге состоялось 10 ноября 1904 г.

общил о болезни М. Ф. Андреевой: «Лично я — устал, как собака, и не имею времени даже голову вымыть, волосы от грязи слиплись в какую-то массу. Писать можно о многом, но — чертовски некогда! Человек из Риги, которого ты так не любишь, лежит в больнице вот уже пятый день, что мне очень тяжело. Извини, что я написал об этом, но в несчастии и японцы и русские одинаково достойны сострадания. Написал, чтобы объяснить тебе мое положение, мой “недосуг”»[46].

Прошло меньше года с тех пор, как Алексей Максимович оставил семью, и вот, несмотря на личные переживания и всяческие болезни — детей и свои, жизнь — деятельная жизнь, направленная на приближение светлого будущего, — Екатерине Павловне стала казаться прекрасной. Алексей Максимович с ней соглашался: «Ты права — жизнь прекрасна!» — и рассуждал: «И чем больше вводишь ее в себя, чем больше погружаешь себя в нее — тем она прекраснее!»[47] (Екатерина Павловна так сложно не мыслила.) Осенью к ней в Ялту приехала мама, которая взяла на себя часть забот по дому, и у Екатерины Павловны появилось больше времени для общественных дел. В декабре она поехала в Нижний Новгород и собиралась в первых числах нового года быть в Петербурге, куда ее приглашал Алексей Максимович.

НИЖНИЙ НОВГОРОД. Декабрь 1904 г. — январь 1905 г.

В Нижний Новгород Екатерина Павловна поехала, по-видимому, не только в связи с делами личными и общественными: в конце 1904 года там был создан Нижегородский губернский комитет партии социалистов-революционеров (ПСР).

Деятельность социалистов-революционеров в Нижнем Новгороде началась еще в 1896 году, когда в освободительном движении

[46] АГ. Т. V. С. 139. Из Петербурга в Ялту, 12 или 13 ноября 1904 г.
[47] Там же.

они сменили народников[48]. Социал-демократы в Нижнем Новгороде начали работать позже; влиятельная группа социал-демократов во главе с Нижегородским комитетом РСДРП была создана в сентябре 1901 года[49]. Несмотря на разность идеологий, в практической деятельности обе партии работали в тесном контакте: совместно организовывали воззвания, забастовки, демонстрации, сходки, маевки, теракты и т. п. (политическая демонстрация в селе Сормове 1 мая 1902 года также была совместной акцией этих двух партий). Вследствие такой совместной деятельности в Нижнем Новгороде в 1904 году даже появилась «Соединенная группа социалистов-революционеров и социал-демократов».

Екатерина Павловна ко времени расставания с Алексеем Максимовичем уже была связана с социалистами-революционерами (эсерами). По-видимому, она выбрала эсеров, а не большевиков

---

[48] Партия социалистов-революционеров (ПСР) была создана в 1901 г. (официально она образовалась в январе 1902 г.). Во главе ее стоял Центральный Комитет, центральным органом была газета «Революционная Россия», девизом: «В борьбе обретешь ты право свое». Эсеры опирались на крестьянство, которое, по их мнению, через общину должно было прийти к социализму. В программе эсеров содержались требования демократической республики, всеобщего избирательного права, свободы слова, совести, союзов. Основным средством борьбы они избрали индивидуальный террор. В дальнейшем партия претерпела значительные структурные преобразования. Из нее вышли эсеры-максималисты, левые эсеры, энесы (партия народной свободы).

[49] Официальной датой создания Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) является март 1898 г. Ее образование было подготовлено группой «Освобождение труда», объединившей в 1883 г. первых русских марксистов. В политической деятельности социал-демократы отличались полным неприятием и полным отрицанием вековых государственных устоев России, их требования носили не экономический характер, а политический: «Долой самодержавие!» На II съезде социал-демократической партии в 1903 г. она разделилась на две фракции: РСДРП(б) и РСДРП(м). Теоретическая основа большевистской фракции — марксизм-ленинизм. Меньшевики признавали роль гегемона в буржуазной революции за российской буржуазией, пролетариат должен был быть ее союзником, крестьянство они считали реакционной силой.

В Нижнем Новгороде первый марксистский кружок был организован в 1891 г. В декабре 1895 г. возникла социал-демократическая организация, объединившая разрозненные кружки. В 1901 г. был создан 1-й Нижегородский комитет РСДРП.

(с самого начала своей деятельности нижегородские социал-демократы имели тесные отношения с В. И. Лениным) не из-за идеологических разногласий их программ, а скорее всего потому, что Алексей Максимович вместе с М. Ф. Андреевой принадлежали к большевикам. Может быть, выбором другой («своей») политической партии она хотела показать свою независимость, но не исключено, что ей были симпатичнее люди, причислявшие себя к эсерам — продолжателям дела народников. Может быть, под влиянием этих людей определился выбор партии, к которой она решила примкнуть, ее место в партийной работе, а позже — и в жизни в Советской России.

Одним из таких людей был доктор **Нифонт Иванович ДОЛГОПОЛОВ** (1857–1922) — человек, известный в Нижнем Новгороде во всех слоях общества: и среди миллионеров, и среди бедняков, и даже среди босяков. Он пользовался славой первоклассного врача, смелого хирурга (он оказывал помощь пациентам, от которых отступались другие врачи) и врача-бессребреника (с необеспеченных больных он не только не брал деньги за визит, но сам давал деньги на лекарства и на улучшенное питание). Он лечил Алексея Максимовича и Екатерину Павловну и был одним из врачей, освидетельствовавших Алексея Максимовича в 1901 году, благодаря чему тот был освобожден из тюрьмы. Нифонт Иванович был активным участником нижегородских общественных мероприятий. Кроме того, он был известен как прогрессивный общественный деятель (в 1900 году он ездил за границу, где в Лондоне встречался с П. А. Кропоткиным и Николаем Чайковским), у него на квартире собиралась передовая интеллигенция, он оказывал помощь революционерам (всем, независимо от их партийной принадлежности). В 1902 году он был избран от нижегородского подполья распорядителем средств, собранных в пользу осужденных первомайских демонстрантов; в декабре 1904 года был выбран в Нижегородский губернский комитет ПСР; в декабре 1905 года за участие в революционных событиях был арестован. В 1907 году его избрали депутатом во Вторую Государственную думу, где он вошел во фракцию социалистов-революционеров (в думе он произнес речь об отмене смертной казни за политические убеждения). Умер Н. И. Долгополов в Астрахани в январе 1922 года от сыпного

тифа, которым заразился, работая по ликвидации эпидемии. Его именем в Нижнем Новгороде названы Бабушкинская больница, в которой он работал, и близлежащая улица.

В нижегородских общественных организациях («Обществе распространения начального образования», «Нижегородском обществе взаимопомощи учащимся» и др.), в работе которых принимала участие Екатерина Павловна, также были эсеры и люди, сочувствовавшие им и занимавшиеся революционной пропагандой в этих организациях. Данных о том, что Екатерина Павловна была членом нижегородской организации ПСР, у нас нет. В документах Нижегородского жандармского управления, относящихся к деятельности партий социалистов-революционеров и социал-демократов за период до 1906 года, имени Екатерины Павловны Пешковой как члена одной из этих партий или как сочувствовавшей им не обнаружено. Однако в этих документах упоминаются лица, с которыми Екатерина Павловна была хорошо знакома, среди них члены ПСР Нифонт Иванович Долгополов, Владимир Николаевич Золотницкий, Анна Николаевна Фейт, Вениамин Егорович Лазарев, Евгений Евгеньевич Колосов и некоторые другие.

В отношении степени участия Екатерины Павловны в нижегородской политической деятельности интерес представляет следующая история. В ночь на 27 февраля 1904 года Нижегородским жандармским управлением был произведен обыск в доме В. Е. Лазарева[50]. В процессе обыска были обнаружены печать Нижегородского комитета ПСР, приспособления для подделки паспортов, принадлежности для печатания, отдельные части гектографа и мимеографа (множительные аппараты для печатания) и свыше 2000 экземпляров изданий ПСР. Вечером того же 27 февраля был произведен обыск в доме М. П. Тихомирова[51] — «хорошего знакомого и частого посетителя» В. Е. Лазарева, и, согласно донесению, «по вскрытии сундука, имевшего двойное дно, в потайной части его оказались спрятанными принадлежности для печатания»,

[50] Лазарев Вениамин Егорович — садовник, начинающий писатель, член ПСР.

[51] Тихомиров Михаил Прокофьевич — нижегородский учитель музыки, член ПСР.

«рукописи преступного содержания и разные революционные издания, направленные против государственного и общественного строя Российской империи и возбуждающие к его ниспровержению» и другие нелегальные материалы, в частности — «годовой отчет Нижегородского общества Красного Креста помощи политическим заключенным и ссыльным с февраля 1922-го года по первое марта 1903 г.» В результате Лазарев и Тихомиров были помещены под стражу[52].

Очевидно, что об арестах Лазарева и Тихомирова Екатерина Павловна тотчас же сообщила Алексею Максимовичу, т. к. уже 3 марта 1904 года Алексей Максимович отвечал ей: «Часть твоих писем, адресованных в Сестр<орецк>, прочитал — печально! Очень мне жаль Вениамина, особенно теперь, когда всех серых решено, как говорят, судить военным судом и судом сословным»[53]. С В. Е. Лазаревым Алексей Максимович был знаком давно[54], а серыми он называл эсеров (с.-р.). Эсеровские дела явно волновали Екатерину Павловну, т. к. в этом же письме Алексей Максимович ей сообщил (не распространяясь и, вероятно, в ответ на ее вопрос о проходившем в Петербурге процессе боевой группы эсеров — Гершуни, Вейценфельд, Ремянникова и Григорьев): «Подробностей о процессе не знаю. Помилование Григорьева — факт, ходят слухи о замене другим смертной казни каторгой. Здесь очень беспокоится молодежь, — учебные заведения закрыты»[55].

По-видимому, Алексея Максимовича несколько беспокоил характер деятельности Екатерины Павловны, т. к. спустя несколько дней он ей наказывал: «Береги себя и ребят. Живи осторожно, по пустякам не рискуй»[56].

---

[52] Сведения об обыске и аресте Лазарева и Тихомирова приведены в отчете Нижегородского жандармского управления о деятельности партий социалистов-революционеров и социал-демократов в Нижегородской губернии. 1905 г. Октябрь. № 39 (ГАНО. Ф. 918. Оп. 8. Д. 43. Л. 132–141 // ОПП. С. 209–210).

[53] АГ. Т. V. С. 102. Из Петербурга в Нижний Новгород, 3 марта 1904 г.

[54] В письме В. Г. Короленко к А. М. Пешкову от 4 июля 1895 г. В. Е. Лазарев упоминается как их общий нижегородский знакомый.

[55] АГ. Т. V. С. 102. Из Петербурга в Нижний Новгород, 3 марта 1904 г.

[56] Там же. С. 105. Из Сестрорецка в Нижний Новгород, 14 марта 1904 г.

Надо сказать, что Екатерина Павловна, сделав свой выбор, осталась верна ему. В будущем (в 1918 году) она выйдет из партии эсеров, так как условием работы в политическом Красном Кресте будет беспартийность его членов, но о ПСР она будет говорить «моя партия».

В ноябре — декабре 1904 года деятельность ПСР в Нижнем Новгороде активизировалась. В отчете Нижегородского жандармского управления, надзирающего за деятельностью партий социалистов-революционеров и социал-демократов в Нижегородской губернии (октябрь 1905 года), содержится следующая информация:

«После ареста Тихомирова и Лазарева деятельность партии <ПСР> была парализована[57], а с ноября 1904-го г. некоторые из членов ее стали открыто агитировать в общественных собраниях, проводя идею о свержении существующего в государстве общественного строя. <...>

В конце ноября <1904> в помещении Народного дома в собрании общества распространения начального образования под председательством присяжного поверенного Петра Александровича Рождественского с участием посторонней публики пелись революционные песни, разбрасывались прокламации и слышались возгласы: “Долой самодержавие”. 29 декабря во Всесословном клубе[58], а вечером в помещении Народного дома состоялось собрание Нижегородского общества взаимной помощи учащимся, где также говорились противоправительственные речи, пелись революционные песни и разбрасывались прокламации. <...> когда в собрании скопилось достаточное количество посторонней публики, то раздались крики: “Долой полицию”, “Долой царя” и т. п. Во время

[57] В октябре 1904 г. В. Е. Лазарев и М. П. Тихомиров были освобождены из тюрьмы, а в декабре 1904 г. в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии вновь стали распространяться «преступные издания партии социалистов-революционеров с оттисками печатей Нижегородского комитета этой партии».

[58] Нижегородский Всесословный клуб (бывший Соединенный клуб всех сословий) был основан в 1887 г. С конца 1904 г. он использовался революционными партиями для митингов и собраний. В декабре 1905 г. после подавления нижегородского вооруженного восстания был закрыт.

беспорядков в наряд полиции бросались публикой стулья и другие предметы, причем было ранено несколько человек»[59].

На противоправительственной манифестации, состоявшейся 27 ноября 1905 года в Народном доме, Екатерина Павловна не присутствовала (она находилась в Ялте), но в курсе нижегородских событий была (со своими нижегородскими друзьями она переписывалась). На предновогоднем собрании же, проходившем 29 декабря в Народном доме, она, скорее всего, присутствовала. На этом собрании выступавшие произносили речи, в которых обличалась японская война, публика реагировала противоправительственными выкриками, полиция в ответ бросилась избивать смутьянов шашками, а Н. И. Долгополов, заявив протест полицей-мейстеру, оказывал медицинскую помощь пострадавшим.

О том, что она поехала в Нижний Новгород, Екатерина Павловна Алексею Максимовичу не сообщила, он узнал об этом от Пятницкого: ей пришлось отложить запланированную поездку в Петербург, т. к. заболел Максим, которого Екатерина Павловна не оставила в Ялте, а взяла с собой в Нижний. Алексей Максимович очень волновался за здоровье сына («Просил бы тебя писать или телеграфировать о Максиме», «Не торопись ехать раньше, чем оправится мальчик»[60]), но приехать в Нижний из-за страшной занятости не мог («Я с удовольствием поехал бы в Нижний, но…»[61], далее следовало перечисление и описание многочисленных неотложных дел).

Тем временем в Петербурге разыгрывались события, с которых началась первая русская революция. Ниже мы приводим письмо Алексея Максимовича к Екатерине Павловне, датированное 8 января 1905 года. В этом коротком письме, написанном талантливым очевидцем, передано «что творится»:

«Очень прошу тебя — не уезжай сюда раньше, чем Максим не оправится! Здесь разыгрывается общая забастовка, бастуют все

---

[59] Информация НГЖУ о деятельности партий социалистов-революционеров и социал-демократов в Нижегородской губернии. 1905 г. Октябрь. № 39 (ГАНО. Ф. 918. Оп. 8. Д. 43. Л. 132–141 // ОПП. С. 209–210).

[60] АГ. Т. V. С. 143–144. Из Петербурга в Нижний Новгород, начало января 1905 г.

[61] Там же.

заводы, порт, типографии, — кроме «Вед<омостей> полиции», сегодня не вышло ни одной газеты. Завтра в 2 ч<аса> рабочие идут к Зимнему дворцу говорить с царем, что из этого будет, — если не будет бойни, — трудно сказать. Завтра или послезавтра я уеду, ворочусь сюда числа 17-го. Сейчас еду в депутации литераторов и ученых к Витте уговаривать его, дабы отклонить возможную бойню завтра. Очень хочу видеть тебя, Максима, но в то же время ты понимаешь — видишь, что творится? И некогда мне, как гончей собаке на охоте. Жму руки. А.»[62]

На следующий день, 9 января 1905 года, Алексей Максимович отправил в Нижний Новгород письмо с подробным описанием потрясших его трагических событий дня (дня, вошедшего в российскую историю как Кровавое воскресенье), а также с рассказом о предшествующих событиях, непосредственным участником которых он был[63]. Письмо, полное острых переживаний и надежд на предстоящее «пробуждение России», начиналось достаточно сдержанно: «Ты прочтешь удивительные вещи, но — верь им, это факты. Сегодня с утра, одновременно с одиннадцати мест рабочие Петербурга в количестве около 150 т<ысяч> двинулись к Зимнему дворцу для предоставления государю своих требований общественных реформ. С Путиловского завода члены основанного под Зубатова «О<бщест>ва русских рабочих» шли с церковными хоругвями, с портретами царя и царицы, их вел священник Гапон с крестом в руке. У Нарвской заставы войска встретили их девятью залпами, — в больнице раненых 93 ч<еловека>, сколько убитых — неизвестно… <...> Гапон каким-то чудом остался жив, лежит у

---

[62] АГ. Т. V. С. 146–147. Из Петербурга в Нижний Новгород, 8 января 1905 г.

[63] 8 января 1905 г., когда стало известно, что правительство решило не допустить на Дворцовую площадь рабочих, собиравшихся идти с петицией к царю, и что к Зимнему дворцу стягиваются войска, депутация литераторов, ученых и общественных деятелей, среди которых были М. Горький, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, К. К. Арсеньев, В. И. Семевский, И. В. Гессен и др. (всего 10 человек), посетила председателя Комитета министров С. Ю. Витте с целью предотвращения возможного кровопролития. Они попытались добиться аудиенции у министра внутренних дел П. Д. Святополка-Мирского, но тот отказался принять депутацию, даже и после того как Витте попытался его уговорить по телефону.

меня и спит. Он теперь говорит, что царя больше нет, нет бога и церкви»[64].

Алексей Максимович так эмоционально описал «избиение» жандармами безоружной манифестации, поведение рабочих, интеллигенции, правительства, что даже и теперь, в наши дни, читая это письмо столетней давности, трудно оставаться спокойным. («Пепел Клааса стучит в сердце».) А как читала это письмо Екатерина Павловна, можно себе представить (почувствовать).

«Итак — началась русская революция, мой друг, с чем тебя искренно и серьезно поздравляю. *Убитые — да не смущают — история перекрашивается в новые цвета только кровью*» (Курсив мой. — Л. Д.), — декларировал Алексей Максимович. И далее уже личное: «За меня — не беспокойся. Около 20-го увидимся. Береги себя и Максима, прошу тебя! И сделай из него смелого, честного человека.

Послезавтра, т<о> е<сть> 11-го, я должен буду съездить в Ригу — опасно больна мой друг М<ария> Ф<едоровна> — перитонит. Это грозит смертью, как телеграфируют доктор и Савва. *Но теперь все личные горести и неудачи — не могут уже иметь значения, ибо — мы живем во дни пробуждения России*. (Курсив мой. — Л. Д.) Береги Максима, повторяю, и береги себя, прошу»[65].

Для Екатерины Павловны «личные горести и неудачи» — и свои, и других людей — всегда будут иметь значение, но неотвратимостью грядущей революции и неизбежностью сопутствующих ей жертв она, по-видимому, прониклась.

В Петербург Екатерина Павловна с Максимом выехали только в середине января, когда Алексей Максимович уже находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

ПЕТЕРБУРГ.
Январь — февраль 1905 г.

Алексей Максимович был арестован 11 января 1905 года в Риге, куда уехал вечером 9 января. После ареста он был отправлен в Петербург и препровожден в Петропавловскую крепость, где уже

[64] АГ. Т. V. С. 147. Из Петербурга в Нижний Новгород, 9 января 1905 г.
[65] Там же. С. 149. Из Петербурга в Нижний Новгород, 9 января 1905 г.

находились арестованные ранее участники депутации 8 января. В отличие от остальных арестованных по этому делу «Пешков Алексей Максимович — цеховой г. Н. Новгород, литератор (псевдоним М. Горький)» обвинялся не только как участник противоправительственной депутации, но еще и как автор воззвания «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств». Воззвание он написал сразу же после ужаснувших его событий 9 января, и оно содержало фразы, в которых министерство внутренних дел и прокуратура усмотрели призыв к ниспровержению государственного строя. Так как воззвание распространения не получило (оно было изъято жандармами), то его автору, согласно ст. 132 Уголовного уложения, грозило заключение в крепость сроком не свыше 3 лет.

Екатерина Павловна приехала в Петербург 17 января. 20 января она уже получила уведомление департамента полиции о разрешении свидания с мужем. 24 января она обратилась в департамент полиции с просьбой разрешить ее мужу носить свое платье и дать ему бумагу для работы. М. Н. Гернет, знакомившийся с делом подследственного А. М. Пешкова, так рассказал об этом эпизоде: «Его жена Е. П. Пешкова 24 января обратилась в департамент полиции с заявлением, в котором указывала, что мужу “не позволяют носить обычное платье, заставили одеть арестантское белье и арестантский халат”. Она указывала: “При состоянии его здоровья ношение арестантского костюма в комнате с холодным полом может вызвать новый приступ болезни”. Указывая, что Алексей Максимович находится на положении подследственного, она считала “применение к нему мер, имеющих характер наказания, совершенно незаконным”. На основании всего изложенного она объявляла, что “признает себя вправе требовать, чтобы ему разрешили носить собственное белье, обувь и платье”»[66].

На следующий же день, 25 января, комендант крепости разрешил выдать А. М. Пешкову письменные принадлежно-

[66] Гернет М. Н. История царской тюрьмы в пяти томах. Т. 4. Петропавловская крепость. 1900–1917. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. С. 174.

сти[67], а в ношении собственного белья и платья отказал, т. к. это было запрещено правилами Петропавловской крепости.

Свидания Екатерины Павловны с Алексеем Максимовичем проходили по тюремным правилам: они были отделены друг от друга двумя металлическими решетками, между которыми за столиком помещался смотритель тюрьмы. 25 января Екатерина Павловна попросила департамент полиции разрешить ей с малолетним сыном свидания с мужем два раза в неделю не через решетку. 5 февраля департамент полиции известил коменданта о неимении препятствий к личным свиданиям Е. П. Пешковой с мужем. Ее просьба не встретила отказа, может быть, потому, что к этому времени в России и за границей развернулась кампания за освобождение писателя М. Горького из заключения. Может быть, рассчитывая на поддержку российской и мировой общественности, Екатерина Павловна в тот же день, 5 февраля, подала в департамент полиции ходатайство об освобождении мужа. И, может быть, потому, что правительство не могло не учитывать возмущение общественности, спустя несколько дней, 9 февраля, было произведено освидетельствование состояния здоровья А. М. Пешкова и мера пересечения ему была заменена: вместо заключения в крепости — денежный залог в 10 тысяч рублей.

Екатерина Павловна обратилась за помощью к С. Т. Морозову. Зинаида Григорьевна, жена Саввы Тимофеевича Морозова, вспоминала о приезде Екатерины Павловны в Москву «с просьбой к Савве Тим<офеевичу> о своем муже, Горьком, который в то время был посажен в Петропавловскую крепость. Так как Савва Т<имофеевич> в это время был на фабрике, она просила меня ее принять. Я так помню, как вошла худенькая женщина, вся в черном скромном платье, с прекрасными лучистыми глазами и сказала: “Я хотела попросить Савву Тимофеевича о моем муже, который посажен в Петропавловскую крепость”. Я ей ответила, что передам С<авве> Т<имофеевичу>, и я уверена, что он все сделает,

[67] В этой одиночной камере Алексей Максимович написал пьесу «Дети солнца». Ему было разрешено работать (не гасить свет) до 2 часов ночи.

чтобы освободить Вашего мужа. Вернувшись с фабрики, Савва Тим<офеевич> поехал в Петербург, и там Горького освободили за 10 тысяч, которые и внес Савва Тим<офеевич>. На меня Екатерина Пав<ловна> произвела очень приятное впечатление, и я подумала, как такая прелестная женщина могла полюбить такого человека, как Горький»[68].

Алексей Максимович был освобожден 14 февраля под залог в 10 тысяч рублей, которые внес К. П. Пятницкий по поручению С. Т. Морозова. Однако остаться в Петербурге Алексею Максимовичу не позволили, он должен был выехать в выбранное им самим место, он выбрал Ригу и в тот же день в сопровождении жандармов покинул Петербург.

О том, как прошел день 14 февраля, Екатерина Павловна описала в письме к Е. К. Малиновской: «В понедельник утром (14 февраля) в одиннадцать меня просят по телефону приехать в жандармское управление. Еду. Там заявили, что генерал-губернатор согласен освободить Алексея Максимовича из-под стражи с тем, чтобы он немедленно выехал из пределов генерал-губернаторства. Я, конечно, сказала, что за Алексея Максимовича решить не могу. Вызвали его… Куда именно ехать, он не решил сразу, попросил меня сходить в канцелярию генерал-губернатора, взять ему отсрочку хоть на несколько дней, чтобы посоветоваться с доктором, куда ехать, и уладить дела.

Вышли из жандармского управления вместе, так как Константин Петрович внес за Алексея Максимовича по поручению Морозова 10 000 рублей и его выпустили. Алексей Максимович поехал по своим делам, а мы с Константином Петровичем отправились в канцелярию генерал-губернатора. Из канцелярии генерал-губернатора меня отправили к градоначальнику, сказав, что это зависит от него. Еду к градоначальнику. Тот крайне любезен, но говорит, что на себя не может взять этого решения, но должен снестись с генерал-губернатором, но почти уверен, что генерал-губернатор не согласится дать отсрочки, — скажет, что дела можно устроить и из

[68] Материалы к «Запискам» З. Г. Морозовой / Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Матевосян // Контекст. Историко-литературные и теоретические исследования. 2008. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 265.

тюрьмы, а если Алексей Максимович болен, то и при тюрьме есть больница. Сказал, что попытается поговорить, ответ обещал прислать мне на квартиру. Около 6 часов вечера возвращаюсь домой. К этому времени мы должны были встретиться с Алексеем Максимовичем. Его нет, Константин Петрович едет его разыскивать, а я остаюсь дома, жду ответа градоначальника. Через несколько времени Константин Петрович по телефону извещает меня, что Алексея Максимовича вернули в жандармское управление, сказав, что забыли соблюсти какие-то формальности. Он, ничего не подозревая, возвращается, а там его уже ждет карета; его арестуют и, под конвоем двух жандармов, везут в охранное отделение, где, по распоряжению Трепова, он должен оставаться до отхода поезда и откуда его прямо доставят до вокзала, так как боятся оваций ему, если бы узнали в городе о его освобождении.

Жандармы, значит, освободили, а охранное отделение арестовало вновь. Ловко?!

Константин Петрович везет в охранку еду, так как Алексей Максимович с утра не ел, а там уже с Алексеем Максимовичем и Пешехонов, которого также высылают. Устроили там пир. Сыщики были за лакеев. Пешехонов выбрал себе Псков. Алексей Максимович заявил, что хочет ехать в Крым, ему ответили: в Крым нельзя. “Ну, в Москву, там подумаю и выберу куда ехать”. — “В Москву — тоже нельзя”. —“Ну, в Ригу”, — говорит Алексей Максимович. Написали, что в Ригу можно…»[69]

Алексей Максимович уехал в Ригу. Из тюрьмы он был выпущен под залог, но следствие по его делу продолжалось, и он ждал суда (следствие было прекращено в ноябре 1905 года, суд не состоялся). Он был полон благодарности Екатерине Павловне за все ее хлопоты («Мне очень многое хочется сказать тебе, мой дорогой, мой хороший, близкий друг, но — нервы у меня не очень в порядке, и я боюсь, что не сумею правильно разобраться в славном, светлом хаосе чувств, которые ты вызвала во мне за последнее время»[70]), волновался о Максиме («Береги его — он такой славный

[69] АГ. Т. V. С. 251–252.

[70] Там же. С. 149. Из Риги в Петербург, 15–17 февраля 1905 г.

человечишко!»[71]), и его тревожил образ жизни Екатерины Павловны («Мне очень хочется, чтобы ты поскорее отвезла Максима в Ялту, а то эта жизнь измотает ему нервы. Да и тебе совсем не полезно жить так. Я просил бы тебя обратить серьезное внимание на эти головные боли, которые, видимо, сильно мучают тебя. Пойми — теперь всем честным людям России нужно быть крепкими и здоровыми, — это важно, необходимо!»[72]).

В Ялту Екатерина Павловна с Максимом вернулась в начале марта 1905 года.

ЯЛТА.
Март 1905 г. — июль 1906 г.

Об этом времени С. Я. Маршак вспоминал:

«В 1905 году обстановка изменилась и в Ялте. В горах и в самом городе шли массовки и митинги. Ждали вестей из Севастополя — о начинавшихся волнениях в порту и во флоте. Даже у нас в гимназии устраивались тайные и явные сходки, выбран был ученический комитет.

Я жил в это время в семье Горького, у Екатерины Павловны Пешковой, сначала на углу Аутской и Морской, а потом на горе Дарсан, на даче художника Ярцева»[73].

«Это была небольшая, но дружная и веселая семья. <...> Народу был у них всегда полон дом. То и дело грели самовар.

Здесь я прожил года полтора. Близился 1905 год. На даче Ярцева я узнал, что значит “массовка”, и впервые потрогал холодный и плоский браунинг, оружие тогдашних революционеров. Постоянно появлялись у нас незнакомые люди, вроде студентов, только более серьезные и занятые, — агитаторы и организаторы. Они были у нас как у себя дома: подолгу спорили и курили за неурочным чаем. Но, бывало, не успеешь как следует познакомиться с приятным человеком, как он уже исчезает, а вместо него появляется

---

[71] Там же. С. 150.

[72] Там же. С. 151. Из Майоренгофа в Ялту, 27 или 28 февраля 1905 г.

[73] Маршак С. Воспитание словом. Заметки и воспоминания. URL: /S-marshak.ru/…/ vospitanie/…/vospitanie 25. htm

другой. На свиданье к ним приходили снизу из города рабочие — отчаянная молодежь (помню трех Петров, всегда готовых в бой).

Все эти люди были так не похожи на обычных ялтинцев. Ялтинцы — это грустные и одинокие чахоточные, лежавшие на верандах, и та нарядная публика, которая ела мороженое в кондитерских и скакала на татарских лошадях по набережной.

Вокруг дачи постоянно шныряли шпики. Часто у нас в доме по ночам лихорадочно пересматривали и уничтожали письма в ожидании обыска.

Однажды рано утром в комнату вбежал маленький Максим и отрывисто, как его отец, сказал:

— Там какой-то дяденька... кажись, генерал, пришел.

— Не генерал, а полицейский пристав, — прозвучал из передней вежливый голос.

Но, несмотря на все бедствия и угрозы, на даче Ярцева люди жили легко и бодро. Всем было просторно, всем хорошо.

И свои, и чужие чувствовали, что всем живется так славно потому, что в этом доме хозяйка — Екатерина Павловна Пешкова, такая молодая и приветливая, такая строгая и молчаливая.

Алексей Максимович приехал в Ялту после своего сидения в Петропавловской крепости. Он пожелтел, осунулся и отпустил небольшую бороду — жесткую и рыжеватую.

Вокруг него роем зажужжали люди всех званий, занятий, возрастов.

Помню его высокого, в широкополой черной шляпе, с палкой в руке. Он идет по пыльной белой дороге в полдень, когда нет тени. Всюду за ним следуют люди. Любопытные. Они показывают пальцами и говорят:

— Это Максим Горький. И про меня:

— Это сын Максима Горького.

Таких сыновей, как я, у Горького было довольно много»[74].

Приехал Алексей Максимович в Ялту вместе с М. Ф. Андреевой и ее сыном в последних числах марта 1905 года, остановился не у Алексина, как прежде, а снял дачу в Чухурларе (район Ялты за нынешним Приморским парком). Теперь, приходя к Екатерине

[74] Издали и вблизи // Маршак С. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 6. М., 1971. С. 192–193.

Павловне, он встречал не только их общих друзей и знакомых, но и ее новых товарищей по революционной борьбе.

В апреле в Ялту приехали их общие друзья из Нижнего Новгорода. Приехали они в связи с событием печальным: в Ялте умер нижегородский эсер Николай Николаевич Фрелих. За участие в работе тайной типографии он был выслан из Нижнего Новгорода на 5 лет. Вернувшись из ссылки больным, он поселился в Ялте, где его лечил доктор Алексин. Тело умершего было перевезено друзьями в Нижний Новгород, и там состоялись торжественные похороны, превратившиеся в демонстрацию. Согласно информации Нижегородского губернского жандармского управления, «19-го апреля <1905> в день похорон революционера Николая Николаевича Фрейлиха, тело которого было перевезено из Ялты в Н. Новгород, партией социал-революционеров была устроена демонстрация с пением революционных песен, с произнесением речей противоправительственного характера, причем на гроб были возложены венки с тенденциозными надписями на лентах. В этот же день по постановлению комитета решено было убить ротмистра Грешнера»[75].

По поводу тенденциозных надписей на лентах: А. Н. Фейт (сестра Н. Н. Фрелиха) написала Екатерине Павловне, что в «Нижегородском листке» было сообщение о похоронах Николая с упоминанием надписей на лентах за исключением одной: «От боевой группы»[76].

Что касается начальника Нижегородского охранного отделения ротмистра А. В. Грешнера, то он был убит 28 апреля 1905 года в соответствии с решением местного комитета ПСР.

Понятно, что уже в начале 1905 года нижегородская организация эсеров занималась не только агитационно-пропагандистской деятельностью и подготовкой митингов, демонстраций и стачек, а выступала как боевая организация. Известно, что в первые месяцы 1905 года в Нижнем Новгороде эсерами и социал-демократами совместно были созданы боевые дружины, которые к осени 1905 года превратились в «тайные боевые дружины», а Нижегородский

---

[75] Информация НГЖУ о деятельности партий социалистов-революционеров и социал-демократов в Нижегородской губернии. 1905 г. Октябрь, № 39 (ГАНО. Ф. 918. Оп. 8. Д. 43. Л. 132–141 // ОПП. С. 211).

[76] АГ. ФЕП-кр 60–27–1. А. Н. Фейт — Е. П. Пешковой. Из Нижнего Новгорода в Ялту, 22 апреля <1905>.

народный дом стал местом постоянных политических собраний и дискуссий для всех политических партий и объединений, включая и боевые дружины.

Екатерина Павловна, находясь в Ялте, вряд ли могла участвовать в работе нижегородских эсеров, хотя, вероятно, и сопереживала им. От ялтинских же революционных дел она в стороне не осталась, по некоторым свидетельствам, она была связана с южной революционной группой. А. В. Гедеоновский — народоволец, а в Советской России — член Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, в своей «Автобиографии», написанной в 1925 году, рассказал: «Летом 1905 г. я <...> знакомился с положением дела в партийных комитетах. В Ялте мы познакомились с Е. П. Пешковой и <Н. А.> Лазаркевичем, которые в то время принимали живое участие в делах ялтинского комитета партии с.-р. Приходилось совместно обсуждать в заседаниях комитета все текущие, в то время очень серьезные, вопросы»[77]. А вот строчки из ходатайства народоволки А. П. Прибылевой-Корба за арестованного в 1927 году ялтинского адвоката Н. В. Гудима: «По возвращении из Сибири в 1905 году я одно время проживала в Ялте на даче Екатерины Павловны Пешковой, и это обстоятельство дало мне возможность близко узнать условия тогдашнего ялтинского революционного движения и работу его деятелей»[78].

Деятельность Екатерины Павловны явно тревожила Алексея Максимовича, и теперь он уже хотел, чтобы она уехала из Ялты, хотя не так давно он сам настаивал, чтобы она там жила вместе с детьми:

— «Про тебя говорят, что ты страдаешь припадками сердца — это что такое? Отчего? Мне думается — от переутомления. Отдохни, уезжай из Ялты, прошу тебя! А то, ей-богу, ты умрешь в этой обстановке или сойдешь с ума от суеты. У меня нелепое настроение — жду чего-то трагического. Уж очень часто за послед-

---

[77] А. В. Гедеоновский. Автобиография. URL: http://narovol.narod.ru/Person/gedeonovsky.htm. Источник: Гедеоновский А. В. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 58–74.

[78] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 274. Л. 180.

нее время умирают близкие люди[79], и это настраивает не очень весело. Я прошу тебя — устройся так, чтоб отдохнуть летом! Это необходимо и ребятишкам. Если мой голос имеет какое-нибудь значение — послушай меня!»[80]

— «Тебе необходимо отдохнуть, пойми! Порядочных людей на земле очень мало — наши дни резко подчеркивают это — нужно

---

[79] 13 мая 1905 г. во Франции в Каннах скончался С. Т. Морозов. Похороны состоялись спустя две недели — 29 мая — в Москве на старообрядческом Рогожском кладбище. Алексей Максимович писал Екатерине Павловне: «Смерть Саввы тяжело ударила меня. <...> В этой смерти — есть нечто таинственное» (АГ. Т. V. С. 153. Из Петербурга в Москву, между 16 и 20 мая 1905 г.).

Официальная версия кончины С. Т. Морозова — самоубийство вследствие наследственно слабой психики. Однако существует и другая версия причины смерти. Она связана с полисом, завещанным им на имя подателя и отданным в руки М. Ф. Андреевой. Право на получение этих денег М. Ф. пришлось оспаривать в суде, после чего больше половины полученной суммы она передала в кассу большевиков. Вот альтернативный рассказ об обстоятельствах смерти С. Т. Морозова:

«Близким друзьям Зинаиды Григорьевны, Фирангам, были известны совсем иные подробности обстоятельств гибели фабриканта. Марианна Леонидовна Фирганг рассказывала: “Я хорошо помню Зинаиду Григорьевну. Это была красивая, умная и представительная женщина. Не раз присутствовала при ее разговорах с матерью. Однажды она рассказала о трагических событиях, которые произошли в Каннах в мае 1905 года. Она была единственным свидетелем гибели своего мужа. Зинаида Григорьевна утверждала, что Савву Тимофеевича застрелили. Будучи рядом с комнатой, где находился Савва Тимофеевич, услышала выстрел. От испуга на какое-то мгновение остолбенела, затем, придя в себя, вбежала к нему. Через распахнутое окно она увидела убегающего мужчину”. <...> Врач Морозова, Николай Николаевич Селивановский, обратил внимание на то, что его пациент лежал в обычной для него позе на кровати с закрытыми глазами. Это удивило его. После расспросов близких и служащих гостиницы было установлено, что никто глаза покойному не закрывал. Врач был убежден, что Морозова убили спящим. Его мнение подтверждают криминалисты, в том числе из Венгрии и Югославии, а также врачи судебно-медицинской экспертизы и специалисты по баллистике. Они склонны считать, что при таком положении тела, расположении правой руки и пистолета нельзя исключать версию убийства с инсценировкой самоубийства» (Горький конец Саввы Морозова // Все величайшие загадки истории / М. А. Панкова, И. Ю. Романенко и др. М.: Издательство АСТ; Харьков: Фолио, 2008. С. 294–295).

[80] АГ. Т. V. С. 153–154. Из Петербурга в Москву, между 16 и 20 мая 1905 г.

беречь себя, мой друг. Усердно рекомендую тебе — уезжай на лето за границу! Даже прошу. <...> Затем — я твердо уверен, что работа больного человека — каким считаю тебя — не может быть очень значительна! Не обижайся! Нужно лечиться, нужно поехать куда-нибудь вон из России — где невозможно отдохнуть. Пожалуйста — уезжай! Из Ялты тебя, вероятно, вышлют, а может, и побьют. Обрати внимание и на положение детей — слишком много говорят при них о драках, жестокостях, полиции, обысках, убийствах — это едва ли может воспитать в них ту внутреннюю гармонию, тот гуманный объективизм, который делает человека — Человеком! Я боюсь за тебя и за них. Это сильно мешает мне быть достаточно зорким, настороженным и готовиться к событиям — возможным в очень близком будущем. Сообрази все это, мой друг, и — поезжай! <...> Друг мой, поезжай за границу, прошу тебя! Вылечись от печени, вероятно, болезнь сердца развивается на этой почве в связи с переутомлением. Кланяйся Максиму, Катеринке, поцелуй их. Люблю я этих людей. Очень. Береги их, мне кажется, из них должны бы вырасти славные люди»[81].

— «… приехал Маршак <и> рассказал мне о некоторых впечатлениях, пережитых тобою на Дарсане[82]. Я рад тому, что ты всеми способами стараешься возможно больше знать и видеть, но — не очень торопись и побереги себя. Жизнь — длинна, и с каждым месяцем вперед она будет все интереснее, ты так еще молода и можешь быть человеком очень ценным, ценным в такой степени, о которой ты теперь — может быть — и не мечтаешь. Вообще я — сторонник сохранения, то есть экономии человеческой энергии, ибо не знаю ничего, что было бы так ценно и чего было бы так мало у нас. <...> Ты получаешь мои письма? Иногда надо бы тебе отвечать на них. Знаешь — я очень люблю ребят, не подозревал, что у меня так много будет дум о них и боязни за <н>их и за тебя. Это ничего не изменяет, но — тем хуже для меня. <...> Что дети? Напиши. До сей поры имею от тебя только одно письмо. Максим не писал»[83].

---

[81] АГ. Т. V. С. 154–156. Из Куоккалы в Ялту, между 22 и 29 мая 1905 г.

[82] На горе Дарсан состоялась маевка, которая была разогнана полицией и солдатами.

[83] АГ. Т. V. С. 156. Из Куоккалы в Ялту, 11 июня 1905 г.

В июне Екатерина Павловна снова приехала в Нижний Новгород. Ее приезд был отмечен Нижегородским охранным отделением в «Дневнике данных наблюдения по гор. Н. Новгороду за кружком лиц, принадлежащих к партии социалистов-революционеров за июнь месяц 1905 г.»[84]. Вот что пишет Н. Ф. Жадаева, знакомившаяся с этим документом: «Из этого документа, например, известно, что 10 июня 1905 года в 6 часов 40 минут вечера Е. П. Пешкова и неизвестная дама, имевшая в руках шляпную коробку, вышли из квартиры Фейтов <...> и посетили дом № 21 по Ильинской улице, где жила Е. Н. Сажина, сестра В. Н. Фигнер, с семьей[85]. <...> В “Дневнике наблюдения” подробно перечисляются все городские маршруты Пешковой за 9–10 июня и встречи с людьми, отнесенными охранным отделением к партии социалистов-революционеров: кроме уже упомянутых Фейтов, это Николай и Анастасия Петровна Ульяновы, Сергей Васильевич Сотников, Николай Владимирович Рымаренко, Нифонт Иванович Долгополов, Евгений Евгеньевич Колосов, Александр Карлович Гейнце. Вечером 10 июня 1905 г., как отметила охранка, Екатерина Павловна уехала из города на московском поезде и вернулась в Ялту»[86].

Летом 1905 года на юге России не прекращались массовые беспорядки и выступления, а 14 июня вспыхнуло восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Восставшие матросы беспощадно расправились с несколькими офицерами, разоружили остальных и, захватив броненосец, объявили его кораблем революции и подняли красный революционный флаг[87]. Восставший

---

[84] ЦАНО. Ф. 916. Оп. 3. Д. 63 / Н. Ф. Жадаева. В. Н. Фигнер и Е. П. Пешкова в Н. Новгороде в 1906 г. Знакомство и окружение // Записки краеведов / Сост. О. А. Рябов. Нижний Новгород: Издательство «Книги», 2006. С. 158.

[85] В этом доме в 1898 г. жила семья Пешковых, отсюда арестованного Алексея Максимовича жандармы увозили в Тифлис.

[86] Н. Ф. Жадаева. В. Н. Фигнер и Е. П. Пешкова в Н. Новгороде в 1906 г. Знакомство и окружение // Записки краеведов / Сост. О. А. Рябов. Нижний Новгород: Издательство «Книги», 2006. С. 158–159.

[87] Разоруженных офицеров восставшие матросы заключили под стражу в кают-компании. Но вскоре после расправы над офицерами матросская ярость стихла, и уже на следующий день, 15 июня, возглавивший восста-

«Потемкин» стоял на рейде недалеко от Одессы, в которой проходила общая стачка рабочих — бастовали заводы и порт, из-за беспорядков прекращали торговлю лавочники (опустел даже знаменитый Привоз — это обстоятельство служит одним из предположений, почему мичману-ревизору не удалось приобрести доброкачественное мясо). Представители одесских социал-демократических организаций обратились к восставшим с призывом поддержать одесских рабочих. В ответ матрос А. Матюшенко, возглавивший восстание, произнес пламенную речь, в которой призывал матросов постоять за правое дело народа, за свободу и справедливость и, если это будет нужно, сложить свои головы в роковой борьбе. Вначале матросов охватило воодушевление, но никакой ясности, что делать дальше, не было, и восставший броненосец, не имея угля и продовольствия, был вынужден уйти к берегам Румынии (в Констанцу) и сдаться румынским властям. Это произошло через одиннадцать дней плавания — 24 июня 1905 года. 26 июня в Констанцу прибыл отряд кораблей Черноморского флота, и на следующий день броненосец «Князь Потемкин Таврический» был возвращен России и отведен в Севастополь. Пожелавшие возвратиться в Россию 48 человек команды «Потемкина» были переданы в руки российским властям, затем в Севастополь возвратились еще 62 человека[88].

Суд над восставшими матросами состоялся в Севастополе в начале 1906 года (с 25 января по 4 февраля). Перед судом предстали 68 человек. Остальных вернувшихся в Россию, но затем пожа-

ние Матюшенко предложил офицерам сделать окончательный выбор. К восстанию присоединились только четыре офицера (поручик Коваленко, подпоручик Калюжный, прапорщик Алексеев и лекарь Головенко), остальных утром 16 июня матросы отвезли на берег. А. М. Коваленко, будучи в эмиграции, написал воспоминания о восстании, которые были напечатаны в журнале «Былое» (Коваленко А. М. Одиннадцать дней на броненосце «Князь Потемкин Таврический» // Былое. 1907. № 1–3. С. 88–113, 124–141, 46–64).

[88] Из общего числа 763 человек команды «Потемкина» в Россию возвратились 110 человек. Большая часть команды оказалась за границей в качестве политэмигрантов. В 1917 г. после Февральской революции часть потемкинцев возвратилась в Россию, другие остались за границей навсегда; судьба разбросала их по разным странам и материкам (Европа, Канада, Южная Америка, Австралия и др.).

лавших избежать военного суда удалось переправить за границу. Организацией помощи бывшим потемкинцам занималась и Екатерина Павловна.

Во время потемкинских дней в Одессе проходили партийные совещания, а также собрание представителей всех революционных партий, обсуждавших вопрос, как общими силами реагировать на потемкинское восстание. А. В. Гедеоновский в «Автобиографии» рассказал, что «во время обсуждения этого вопроса с броненосца последовали один за другим грозные выстрелы из пушек, что означало начало бомбардировки Одессы. Собрание было прервано и потом не возобновлялось, потому что “Потемкин” вскоре покинул Одессу»[89].

Екатерине Павловне выбраться в Одессу не удалось. (Реакция Алексея Максимовича: «Очень рад, что ты не попала в Одессу, где тебя, вероятно, ухлопали бы или изувечили»[90].) Ей предстояло уладить ряд личных дел: организовать летний отдых детей, получить новый паспорт. Последний был необходим для дальнейшего проживания вне Нижнего Новгорода (постоянного места жительства). Согласно закону, существовавшему в царской России, для получения паспорта жене требовалось разрешение мужа. Заявление с разрешением Алексей Максимович написал, но не заверил у нотариуса, которого в Куоккале не было, а поехать в Петербург Алексею Максимовичу по обыкновению было некогда. В конце июня Екатерина Павловна наконец смогла выехать с детьми, мамой и воспитательницей детей[91] в Кореиз. Там они пробыли до начала августа, а затем снова вернулись в Ялту.

Шел 1905 год, и Россия все больше входила в революцию. В Петербурге бастовали рабочие Путиловского завода. «Каждый день приносит какие-либо новые ужасы. <...> 13 000 рабочих Пу-

---

[89] А. В. Гедеоновский. Автобиография. URL: http://narovol.narod.ru/Person/gedeonovsky.htm. Источник: Гедеоновский А. В. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 58–74.

[90] АГ. Т. V. С. 158. Из Куоккалы в Кореиз, июнь — июль 1905 г.

[91] Шишкина Елизавета Александровна.

тиловского завода сидят без хлеба, они совершенно истощены забастовками, и дети их буквально мрут с голода. Много случаев умопомешательства, самоубийств. При этом у них такое настроение, что, м<ожет> б<ыть>, на днях совершится что-нибудь ужаснее, чем события в Нижнем»[92]. А в Нижнем Новгороде 9–12 июля проходили демонстрации, приуроченные к полугодию Кровавого воскресенья. Демонстрации сопровождались столкновениями с полицией, казаками и черносотенцами. Во время одного из таких столкновений 10 июля был избит черносотенцами и умер от ран активный участник строительства Народного дома аптекарь Александр Карлович Гейнце. Екатерину Павловну его гибель ужаснула, тем более что она и его жена Лидия Николаевна были близкими подругами. (Реакция Алексея Максимович: «Гейнце жалко, — но больше в уме, чем в сердце. Каждый день приносит какие-либо новые ужасы — к этому привыкаешь, становишься черствее»[93]. Екатерина Павловна к «ужасам» привыкала с трудом.)

Начиная с июля месяца она ждала приезда Алексея Максимовича в Ялту. Он писал, что «устал и с удовольствием поеду к вам»[94], но приезд его все отодвигался и отодвигался («по обыкновению — некогда», «делов — куча»). И когда он уже сообщил о примерном дне выезда и о том, что приедет, вероятно, не один, а вместе с Н. А. Себряковым, Ф. И. Шаляпиным, К. П. Пятницким и, может быть, с художником В. А. Серовым, собиравшимся писать его портрет, поездка внезапно отменилась: «Я было твердо решил ехать к вам, но дело в том, что могут убить дорогой или в Ялте, а потому пока отложил поездку. Здесь все же меньше шансов быть убитым»[95].

Основания для опасения за свою жизнь у Алексея Максимовича были. Осенью 1905 года он и М. Ф. Андреева жили в Москве, где на сцене МХТа ставилась его пьеса «Дети солнца». В их квартире[96] располагался конспиративный центр по обучению боевиков

[92] АГ. Т. V. С. 159. Из Куоккалы в Кореиз, 14 июля 1905 г.

[93] АГ. Т. V. Из Куоккалы в Кореиз, конец июля 1905 г.

[94] Там же. Из Куоккалы в Кореиз, 14 июля 1905 г.

[95] Там же. С. 165. Из Москвы в Ялту, 24 октября 1905 г.

[96] Квартира находилась в доме, расположенном на углу Воздвиженки и Моховой (дом 4/7, кв. 20), снимала М. Ф. Андреева. В первые годы после ре-

группы Л. Б. Красина; обучение проводилось в маленькой комнатке, примыкавшей к кабинету Алексея Максимовича. Сюда привозили взрывчатку и взрыватели, здесь же изготовлялись бомбы, применяемые в баррикадных боях. В квартире постоянно находились студенты-кавказцы из боевой дружины, они охраняли писателя М. Горького от покушений черносотенцев. («У меня сидит отряд кавказской боевой дружины[97] — 8 человек — все превосходные парни! Они уже трижды дрались и всегда успешно — у Технического училища их отряд в 25 человек разогнал толпу тысяч в 5, причем они убили 14, ранили около 40… Все гурийцы. Видишь — я очень хорошо охраняюсь. А жить здесь с ребятами скверно. Время такое нервное»[98].)

Алексею Максимовичу казалось, что оставленная семья живет «недурно», однако Екатерина Павловна рвалась уехать из Ялты, ей хотелось быть «ближе к жизни»[99], к революционным со-

---

волюции в этой квартире жила Е. Д. Стасова. М. Ф. Андреева, приезжая из Петрограда в Москву, останавливалась у нее. Здесь с ними встречался В. И. Ленин. В годы советской власти, до 1991 г., в этом доме размещалась приемная Верховного Совета.

97 Командиром отряда, охранявшего Горького, был Васо Арабидзе. В 1901 г. его выслали из Грузии в Архангельск за революционную деятельность; по окончании срока трехлетней ссылки он приехал в Москву, чтобы участвовать в революции. После подавления революции вернулся в Грузию, со временем стал драматическим актером Грузинского театра. Летом 1936 г. он был арестован в Тифлисе и выслан на 3 года в Ухтпечлаг. В архиве ПОМПОЛИТа сохранились письма его жены актрисы грузинского кино Е. Г. Амиреджиби, адресованные Екатерине Павловне. Актриса напоминала о революционных заслугах мужа, в частности, о том, что он охранял Горького, и просила помочь освободить немолодого и больного Васо из заключения. «Прошу, жду вашей помощи, ведь он тоже имеет право на жизнь», — умоляла она, но Екатерина Павловна помочь не смогла. «Оказать содействие не можем, т. к. вообще прекращаем свою работу» — так отвечал ПОМПОЛИТ Е. Г. Амиреджиби 5 мая 1938 г. (Переписку Е. Г. Амиреджиби с ПОМПОЛИТом см.: ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1481. Л. 79–82; Д. 1591. Л. 126–132; Д. 1679. Л. 98–100).

98 АГ. Т. V. С. 167. Из Москвы в Ялту, 2 или 3 ноября 1905 г.

99 А. В. Гедеоновский так вспоминал эту осень: «…в сентябре <1905>, когда революционная волна поднималась все выше и выше, в Петербурге я уже присутствовал на митингах, где совершенно открыто выступали революционеры всех направлений. В Технологическом институте на стенах внут-

бытиям. Он предлагал: «Уж если хочется жить ближе к жизни — поезжай в Финляндию, Выборг, сними там квартиру и живи. Это недурно и здорово. Финляндия — прекрасная страна. Будем видаться. Подумай. На мой взгляд — лучше не двигайся до весны»[100].

В середине декабря Алексею Максимовичу и Марии Федоровне пришлось срочно покинуть Москву — через полчаса после их отъезда в квартире был произведен обыск. Спустя несколько дней обыск был произведен и в петербургской квартире, занимаемой Алексеем Максимовичем и Пятницким, и в конторе издательства «Знание». Алексей Максимович писал Екатерине Павловне: «Ты, вероятно, думала, что меня уже из пушки застрелили, а я все еще жив. <...> М<ожет> б<ыть>, меня скоро посадят. М<арию> Ф<едоровну> тоже конечно, а м<ожет> б<ыть>, ее раньше. Будь добра, привыкни к мысли, что это и хороший товарищ и человек не дурной — чтобы в случае чего не увеличивать тяжесть событий личными отношениями»[101].

События, происходящие в России, имели для Алексея Максимовича главенствующее значение, он был всецело захвачен революцией и своим участием в ней: «Жизнь кажется ужасной не тому, кто принимает в ней непосредственное участие, а тем, кто наблюдает ее сбоку, из окна. <...> У нас низка оценка личности, и вот почему так много бьют и убивают и так просто. Это, конечно, не плюс, но это как бы смягчает или — вернее — просто объясняет ужасы. В Москве революция одержала огромную моральную победу — вот правда»[102]. «Потери собственно революционеров — ничтожны. И это — факт. Избивали обывателя. Масса убито женщин, много детей. <...> Бои были жестокие, да, но все же газеты преувеличивают число убитых и раненых. Их не более 5 т<ысяч>

ри здания были уже тогда развешены плакаты с указанием, в какой аудитории заседают фракции с.-р., с.-д. и анархистов. В начале октября <1905> я был на конференции с.-р. в Москве, на которой были: Прибылев, Фейт, Леонович, Зензинов, Слетов и др. товарищи» (А. В. Гедеоновский. Автобиография. URL: http://narovol. narod.ru/Person/gedeonovsky.htm).

[100] АГ. Т. V. С. 168. Из Петербурга в Ялту, 2 декабря 1905 г.

[101] АГ. Т. V. С. 170. Из Петербурга в Ялту, 20 декабря 1905 г.

[102] Там же. С. 168. Из Петербурга в Ялту, середина декабря 1905 г.

за десять дней сражения. <...> Целуй Максима. Скажи ему, что его отец не зря живет»[103].

И Екатерина Павловна хотела жить «не зря».

В декабре 1905 года в Нижнем Новгороде, с которым Екатерина Павловна была еще прочно связана друзьями и работой, также началось вооруженное восстание. Оно началось вслед за московским[104] вначале в Сормово, а затем в Канавино. Восстание было организовано Нижегородским комитетом РСДРП. И хотя в Нижегородской губернии наибольшее влияние на общественно-политическое и революционное движение оказывала эсеровская организация — самая большая по численности и имеющая ряд околопартийных общественных структур, сочувствующих ПСР, но социал-демократы сумели хорошо подготовиться к восстанию, вооружив и обучив ранее созданные боевые дружины. В восстании под лозунгом «Долой самодержавие!» приняли участие представители разных политических направлений, в том числе и эсеры. В боевую дружину входил санитарный отряд, созданный Н. И. Долгополовым. Отряд этот состоял главным образом из женщин, которые в больнице приобретали навыки по уходу за ранеными и больными. Во время баррикадных боев в Канавино раненые направлялись в Бабушкинскую больницу.

Нижегородское восстание было подавлено. Уже 15 декабря был арестован стачечный комитет. В тот же день в Народном доме был произведен обыск, «в ходе которого были обнаружены вещественные доказательства противоправительственной деятельности революционных организаций Н. Новгорода»[105]. Так, «в читальне и телефонной комнате было обнаружено значительное количество революционных прокламаций, <...> в декораторской комнате обнаружен ящик, деревянный, неокрашенный, при вскрытии коего оказалось: 10 коробок с револьверными патронами, коробка от па-

---

[103] Там же. С. 169. Из Петербурга в Ялту, 20 декабря 1905 г.

[104] В Москве вооруженное восстание проходило 7–18 декабря 1905 г., в Нижнем Новгороде — 13–15 декабря 1905 г.

[105] Протокол обыска Народного дома Общества распространения начального образования. 15 декабря 1905 г. / ГАНО. Ф. 916. Оп. 3. Д. 66. Л. 38 // ОПП. С. 118–120.

пирос с двумя пачками револьверных патронов, 7 картонных пачек оружейных патронов, <...> два красных флага с надписями: “Нижегородский объединенный комитет” и “Да здравствует народное учредительное собрание”. В смежной с декораторской комнатой оказалась лаборатория для изготовления бомб; посредине этой комнаты находился большой зеленый сундук, на коем лежала изготовленная бомба, имеющая вид цилиндра. По снятии этой бомбы и вскрытии сундука в нем оказались всевозможные приспособления для изготовления бомб»[106].

17 декабря Народный дом был закрыт.

23 декабря был арестован Н. И. Долгополов, который, по мнению Нижегородского жандармского управления, с 1903 года возглавлял революционное движение в Нижегородской губернии. Он был заключен в Нижегородский острог, а в марте 1906 года административно выслан на четыре года в Астрахань.

15 декабря вместе со стачечным комитетом был арестован один из организаторов нижегородского восстания Н. А. Семашко. В октябре 1906 года его выпустят из тюрьмы под залог в 3000 рублей, и он эмигрирует в Швейцарию и будет работать врачом и воспитателем в школе Фидлера, в которой будет учиться Максим Пешков. В советское время он станет наркомом здравоохранения, и Екатерина Павловна будет обращаться к нему с просьбами помочь в снабжении медикаментами ее подопечных политзаключенных и ссыльных, а иногда и с просьбами о медицинской помощи некоторым из них.

Декабрьское восстание в Москве и подобные выступления в других городах России потерпели поражение. «Аресты идут — невообразимые, сотнями развозят народ по тюрьмам. Об обысках уже не говорю. Часть публики, желая отдохнуть от трудов, с удовольствием садится в тюрьмы, — это не юмор. Все страшно устали, и редкие не нуждаются в отдыхе. <...> Январь весь проживу в Питере, в феврале — или в марте? — поеду в Крым. Все-таки нужно отдохнуть мало-мало»[107], — писал Алексей Максимович. В начале января 1906 года он все еще собирался в Крым, но в конце

[106] Там же.

[107] АГ. Т. V. С. 170–171. Из Финляндии в Ялту, 6 января 1906 г.

января он уже уезжал из России и прощался с Екатериной Павловной, быть может, навсегда, но все-таки надеясь, что они встретятся за границей:

«Начальство обнаруживает явное желание изловить меня. <...> Желания сидеть в тюрьме у меня нет, а потому я отправляюсь за рубеж. <...> Сейчас сижу в одном укромном месте, а на днях уже двинусь по морю в Швецию. Еду — надолго, ранее конституции не вернусь, ибо еду с определенной целью, коя воспретит мне въезд в Россию вплоть до лучших времен.

Захочешь написать мне — об этом я тебя усиленно прошу, потому что, вероятно, буду сильно тосковать о родине и детях и вообще обо всем, — пиши пока: Берлин, Людвигкирхштрассе, 1, Ивану Павловичу Ладыжникову[108]. <...>

Если ты будешь весной за границей — мы увидимся, если же нет… ну, на нет и суда нет. Увидимся ли вообще — не знаю. За все хорошее, что ты мне дала, прими мое искреннее спасибо. <...>

Еду не очень охотно. <...> Ну, а затем крепко жму твою руку, друг мой. <...> Еще раз — всего доброго! Буду очень благодарен за каждое письмо. Будь же здорова. Береги себя и ребят. Поцелуй их. Пришлю им что-нибудь из-за границы. Кланяйся всем. Об отъезде моем молчи пока. До свидания! А.

А для того, чтоб излечить Максима от нервозности, приезжайка ты сюда. Здесь спокойно, немного грустно, очень тихо. Все так сосредоточено, глубоко. Только живи за Выборгом, где-либо около Гельсингфорса. Говорят здесь по-шведски, это почти немецкий

---

[108] Ладыжников Иван Павлович (1874–1945) — участник революционного движения, издательский работник. Из крестьян Пермской губ., в 90-е гг. XIX века выступал в качестве организатора марксистских кружков на Урале и в Сормове. В 1903 г. был арестован как член Нижегородского комитета РСДРП. С 1905 г. возглавлял в Женеве партийное издательство «Демос», переведенное затем в Берлин, где оно называлось «Издательство И. П. Ладыжникова», и часть его доходов, главным образом от издания произведений Горького, поступала в кассу партии. Позже работал в издательстве «Парус», в журнале «Летопись», в издательстве «Всемирная литература», а с 1921 г. — в Берлине в издательстве «Книга». В начале 30-х гг. помогал в Москве размещать и систематизировать личную библиотеку Горького. После смерти Горького с 1936 по 1943 г. был научным консультантом Архива Горького.

язык. Очень хорошая демократическая страна. Дети здесь удивительно самостоятельны, крепки и хороши. Устроиться тебе поможет Пятницкий. <...> Если эту милую страну не испортит русское правительство — ее ждет великое будущее. Серьезно — приезжай сюда! Ты увидишь, как это хорошо. А главное, я думаю, что в России жить с детьми нельзя, если не хочешь, чтобы они сошли с ума. <...> Подумай и — катай сюда. Прекрасно и дешево устроишься в лесу, на берегу озера. Превосходно устроишь ребят и себя. А.»[109]

Алексей Максимович выехал за границу по заданию партии большевиков. Целью его поездки была Америка, где он должен был участвовать в концертах и вечерах, выступать с устными докладами и в печати, рассказывая о русской революции; таким способом он должен был собирать средства для партийной кассы большевиков и агитировать против предоставления займов царскому правительству. Сопровождали его в поездке в качестве секретаря Н. Е. Буренин, член Боевой технической группы при ЦК РСДРП(б), и М. Ф. Андреева.

В письмах, адресованных Екатерине Павловне, Алексей Максимович не только описывал страны, в которых побывал, их законы и обычаи, встреченных людей, обстоятельства и перипетии своей жизни, но и выражал беспокойство по поводу здоровья детей (в основном Максима) и их благополучия. Из письма в письмо он настаивал на том, чтобы Екатерина Павловна с детьми уехала из России:

«Буду посылать Максиму и Кате открытки, заведи им альбомы, и пусть собирают — ладно? Крепко поцелуй милого мальчишку и храни его. Позаботься привести в порядок его нервы — ничто так не успокаивает их, как скучная жизнь. Уезжай ты из Ялты. Да и из России. Очень советую. Следует думать, что лишь ради того, чтобы насолить мне, — тебя могут упрятать в тюрьму. С твоим здоровьем это не очень хорошо. <...> В самом деле — уезжай-ка!»[110]

«Вот что: весной на юге предполагается забастовка, и ты можешь быть отрезана от России. К тому же новый жанд<армский>

[109] АГ. Т. V. С. 171–173. Из Финляндии в Ялту, конец января 1906 г.
[110] АГ. Т. V. С. 174–175. Из Берлина в Ялту, 19 февраля 1906 г.

начальник в Ялте[111], может быть, пожелает показать свое служебное рвение и привлечет тебя к какой-нибудь политике. Очень я боюсь этого и очень не хочу, чтобы тебя сунули в тюрьму. Избеги ты участи сей, хотя и уготованной всякому приличному человеку, но все же скучной и излишней для познания жизни! Уезжай! Уезжай за границы отечества любезного, и благо ти будет.

В Америке пробуду я месяца два, может быть и более. Если, возвратясь, я увижу детей и тебя — это будет для меня очень приятно. Но — прошу — поселись где-либо в месте тихом и скучном, дабы не трепать нервы свои и ребят. Выпиши себе книг, газет и — живи. Учи Максима языку какому-нибудь, для чего найми язычницу, а сама не занимайся, дабы не раздражаться.

Очень хочу послать открыток ребятам, но и это трудно сделать, хотя сие есть, кажется, единственная форма моего к ним внимания»[112].

«И уезжай из России. Научи Максима какому-либо языку — хотя бы французскому. Это — необходимо для каждого, как я теперь убедился»[113].

В конце марта 1906 года Алексей Максимович со спутниками прибыл в Америку, где «<...> началась безумная травля Горького, причем мишенью явилась ни в чем не повинная Мария Федоровна[114]. <...> Из трех отелей Горькие были выгнаны, причем из последнего даже были выброшены их вещи среди ночи. <...> В те дни никто не поднялся на их защиту»[115], — вспоминал Н. Е. Буренин.

И Алексей Максимович обратился за помощью к Екатерине Павловне: «Мой друг! Дело вот в чем: русское посольство в Нью-Йорке подкупило одну из здешних, довольно влиятельных, газет, и она подняла в уличной американской прессе шум. <...> М<арию>

---

[111] Новый жандармский начальник в Ялте — И. А. Думбадзе.

[112] АГ. Т. V. С. 171–173. Из Берлина в Петербург, около 10 марта 1906 г. Письмо послано на К. П. Пятницкого, т. к. Алексей Максимович сомневался в том, что Екатерина Павловна осталась жить в Ялте.

[113] Там же. С. 176. Из Глиона (Швейцария) в Ялту, март, середина, 1906 г.

[114] Причиной травли был гражданский брак М. Горького и М. Ф. Андреевой — брак, не освященный церковью.

[115] Буренин Н. Е. С Горьким и Андреевой в Америке // Андреева. С. 401.

Ф<едоровну> затравили до болезни. Все это мне мешает делать то, чего ради я сюда приехал. Уступать — не буду. Или — меня вышлют насильно, или я уеду отсюда победителем, хотя бы пришлось прожить здесь год.

Вопрос не в самолюбии, а в борьбе с моралью мещан. Но — заниматься этим не очень хочется, хотя и это — революция, революция в головах. Хочешь облегчить мое положение? Пошли телеграмму в "Нью-Йорк Геральд". Скажи, что ты возмущена вторжением в личную жизнь человека. Что дело, которому он жертвует своим талантом, должно быть поставлено выше тех отношений, которые, видимо, еще недоступны психологии американца, создавшего широкую политическую свободу, но еще не свободного от рабства предрассудков, давно уже мертвых в России. — Этим ты окажешь услугу мне и делу революции. <...> Понимаю, что прошу тебя о многом, но ведь за тобой право отказать. Но если ты это сделаешь — твоей рукой будет дана дивная пощечина рожам буржуа! До свидания! Жму руку, мой дружище!»[116]

Проблема с жильем для Алексея Максимовича и его спутников вскоре была улажена: «<...> Среди полученных писем было письмо к Марии Федоровне одной американки, дочери известного нью-йоркского врача госпожи Престонии Мартин. Она писала: "Я не могу и не хочу позволить, чтобы целая страна обрушилась на одинокую, слабую женщину, и потому предлагаю Вам свое гостеприимство". Не долго думая, мы решили рискнуть, и я поехал на Статен-Айленд (остров в устье Гудзона), где была городская вилла господ Мартин. Познакомившись с миссис Мартин, произведшей на меня чудесное впечатление, я быстро с ней договорился, и на другой же день <...> началась для нас новая полоса жизни в Америке»[117], — вспоминал Н. Е. Буренин. Теперь, спустя почти две недели после предыдущего письма, Алексей Максимович отменил свою просьбу: «Вот что: если ты еще не послала по моей просьбе телеграммы "Геральду" — не посылай. Я погорячился, прося тебя об этом»[118].

---

[116] АГ. Т. V. С. 177. Из Америки в Ялту, между 1 и 4 апреля 1906 г.
[117] Буренин Н. Е. С Горьким и Андреевой в Америке // Андреева. С. 402.
[118] АГ. Т. V. С. 177. Из Америки в Ялту, 14 или 15 апреля 1906 г.

Екатерина Павловна просьбу Алексея Максимовича выполнила и телеграмму редактору газеты New York Herald послала; 1 (14) мая она была напечатана в американской прессе: «Сегодня получила письмо Алексея Максимовича Пешкова — Максима Горького, которое подтвердило сведения, сообщенные газетными телеграммами, о приеме, оказанном ему Америкой. Очень возмущена вторжением в личную и интимную жизнь человека и удивлена, что американцы — граждане свободной страны, создавшие столь широкую политическую свободу — не свободны от предрассудков, уже мертвых даже у нас в России»[119].

Екатерина Павловна, кроме телеграммы в газету, отправила Алексею Максимовичу письмо, в котором выражала сожаление по поводу его переживаний. Он возражал: «В твоем письме есть сожаление о том, что инцидент в Нью-Йорке тяжело повлиял на меня. Ты ошиблась, дружище, это не верно. Напротив — я очень доволен и всегда буду вспоминать весь этот гам с удовольствием. Не сделав ни одной уступки — я все же остался победителем. Газетные сообщения о том, что “тщетно Горький защищался” — ерунда, я не защищался. <...> Моей единственной ошибкой была просьба к тебе послать телеграм<му> в “Геральд” — этого не надо было делать. Но иногда я слишком тороплюсь и делаю ошибки, глупости»[120].

Еще в апреле 1906 года Алексей Максимович сообщил Екатерине Павловне в ответ на ее «грустное письмо», что зимой он собирается поехать отдыхать на юг Франции, где ожидает увидеть ее. «Ты говоришь — непонятны тебе причины, почему я уехал? Они просты. В России я бы сидел в тюрьме. <...> Затем нужны деньги. Здесь их легче всего достать. Вот и мотивы моих путешествий. Друг ты мой! Почему-то последнее время я очень много думаю о тебе и ребятах. Признак старости? Едва ли? А — люди очень уж плохи. Грубы, глупы, жадны. <...> Как ты думаешь жить лето? Напиши, пожалуйста. Мне бы хотелось знать, где я могу встретить вас. А до той поры — до свидания!»[121]

---

[119] Летопись. Вып. 1. С. 609.

[120] АГ. Т. V. С. 177. Из Америки в Ялту, июнь, первая половина, 1906 г.

[121] Там же. С. 178. Из Америки в Берлин, 14 или 15 апреля 1906 г.

Екатерина Павловна зиму, весну и большую часть лета 1906 года провела с детьми и мамой в Ялте. Бывала она и в Севастополе, где в то время велась активная работа Крымского социал-демократического союза, помогавшего всем революционным партиям. Так же как Алексей Максимович, она принимала участие в добывании средств на революционную работу. В ее воспоминаниях о Л. А. Сулержицком есть и небольшой рассказ об этом времени: «Летом 1906 года Леопольд Антонович с семьей жил на даче Вульф в Алуште, вместе с Василием Ивановичем Качаловым и его семьей. Я в это время жила с детьми в Ялте. Возобновились более частые встречи с Сулером. Было бурное время революционных событий в Севастополе. Изыскивались средства на революционную работу. Мы с Сулером затеяли поставить спектакль в курзале ялтинского городского сада, якобы с благотворительной целью. Привлек он к постановке спектакля и Василия Ивановича Качалова. Шел спектакль “Сын мандарина”. Леопольд Антонович не только был постановщиком и режиссером спектакля, но с успехом играл в нем сам. Спектакль сошел блестяще. В чудесном настроении Сулер и Василий Иванович возвращались в Алушту, но оказалось, что дача, в которой они жили, сгорела в их отсутствие.

На утро следующего дня во дворе дачи Ярцева, где я жила, появилась процессия. Впереди шли Митя[122] и Дима[123] с узелками в руках, за ними Леопольд Антонович и Василий Иванович с палками на плечах и солидными узлами на них.

— Ну, принимайте погорельцев, — вскричал неунывающий Сулер.

Погорельцев устроили в нашей квартире, мой сын Максим был в восторге от появления у него старших товарищей. Ольгу Ивановну[124] и Нину Николаевну[125] разместили у других знакомых. Так они и прожили до отъезда в Москву»[126].

---

[122] Митя — Дмитрий Леопольдович Сулержицкий (1903–1969).

[123] Дима — Вадим Васильевич Шверубович (1901–1981).

[124] Ольга Ивановна Поль-Сулержицкая — жена Л. А. Сулержицкого.

[125] Нина Николаевна Литовцева — жена В. И. Качалова.

[126] Сулержицкий. С. 537.

Алексей Максимович перестал получать письма от Екатерины Павловны и забеспокоился: «Я не знаю, где ты, — боюсь — в тюрьме? Никаких писем от тебя! <...> Письмо посылаю через К<онстантина> П<етровича> и не надеюсь, что оно попадет к тебе в руки. <...> Вообще Америка — страна деньжищ, и скучищи, и невежества. Здесь хороши негры, индейцы и собаки. И — бабочки! Будь здесь Максим — вот наслаждался бы. Часто вспоминаю об этом человеке и сестре его. Иногда кажется, что они уже умерли. Ну, жму руку. Напиши! А.»[127] Это письмо Алексей Максимович послал в середине августа, а спустя несколько дней он получил от Екатерины Павловны телеграмму с сообщением о смерти дочери.

СМЕРТЬ КАТЮШИ. ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ. ВЫЕЗД ЗА ГРАНИЦУ. Август — декабрь 1906 г.

В 1906 году на юге начался период реакции, «неблагонадежные» арестовывались и высылались на север России. Екатерина Павловна состояла на заметке у охранного отделения. (В картотеке фонда департамента полиции, хранящегося в ГА РФ, значится более 40 дел, в которых упоминается ее имя, из них 5 дел — 10 документов относится к 1906 году.) Продолжать жить в Ялте ей было небезопасно, и она с детьми уехала в Нижний Новгород, где остановилась у Е. К. Малиновской. Здесь заболела и умерла Катюша[128].

---

[127] АГ. Т. V. С. 180–181. Из Адирондака в Петербург, середина августа, 1906 г.

[128] Сведения о том, где умерла Катюша — на даче или в квартире Малиновских, — расходятся. Квартиру Малиновские снимали на улице Б. Печерка в доме Богоявленского. В настоящее время дом сохранился. Отпевали Катюшу в церкви Св. Троицы, расположенной недалеко от дома (церковь разрушена), похоронили на Крестовоздвиженском кладбище, расположенном на территории Крестовоздвиженского женского монастыря. Перед Отечественной войной площадь, на которой стоял монастырь, была отдана горсоветом в распоряжение медицинского института для строительства студенческого общежития, а кладбище было решено преобразовать в парк. Ликвидировано кладбище было только после войны, в 1953 г. Прах Катюши в присутствии Екатерины Павловны был перенесен на Буг-

Умерла Катюша 16 августа 1906 года, ей было всего пять лет. До отъезда из Ялты 27 июля 1906 года ее сфотографировал Л. В. Средин. Фотография[129] надписана: «милому брату хорошему моему Максиму» (надпись сделана рукой Катюши, но, вероятно, Екатерина Павловна помогала ей).

Образ маленькой Катюши сохранился в воспоминаниях А. И. Цветаевой. Марина и Ася Цветаевы с мамой, больной чахоткой, провели зиму 1905–1906 годов в Ялте. Жили они на горе Дарсан на той же даче Ярцева, что и Екатерина Павловна с детьми. А. И. Цветаева вспоминала:

«О сестре Макса, Катюше, чудной пятилетней девочке, говорили, что она похожа и на мать и на отца. <...> Катя была другая, чем Макс: сосредоточенней, серьезней, она в игре уговаривала брата, когда тот кидался (очень любил и метко кидал) камнями или хвастался. Она неизменно, как старшая, — а была на три года моложе, — усовещивала его. Говорили, у нее музыкальный слух. Она была очень правдива, не капризничала, как дети ее лет, и мы, старшие дети, ее не только любили — уважали. Макс тоже не обижал ее»[130].

Марина Цветаева на смерть Катюши написала стихотворение «У гробика» с посвящением «Екатерине Павловне Пешковой»[131].

ровское кладбище (в настоящее время могила Катюши расположена недалеко от могил писателя П. И. Мельникова-Печерского и декабриста И. А. Анненкова).

[129] Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 292.

[130] Анастасия Цветаева. Воспоминания. Издательство «ИЗОГРАФ». 1995 год. С. 212–214.

[131] Марина Цветаева. Из книги стихов «Вечерний альбом».

У ГРОБИКА

Екатерине Павловне Пешковой

Мама светло разукрасила гробик.
Дремлет малютка в воскресном наряде.
Больше не рвутся на лобик
Русые пряди;
Детской головки, видавшей так мало,
Круглая больше не давит гребенка…
Только о радостном знало
Сердце ребенка.

На телеграмму о смерти Катюши Алексей Максимович ответил письмом:

«Сегодня получил твою телеграмму о смерти Кати, — писал Алексей Максимович. — Это — тяжело. Жалко мне девочку, но еще больше тебя, дорогой мой друг. Чувствую, что тебе больно теперь, как убита ты, и вижу твое лицо, растерянное, испуганное. Не думай — я не сочиняю. Часто и много думаю о вас, нет удивительного в том, что многое вижу. Все это время я предчувствовал и ждал чего-то тяжелого, и вот — оно пришло.

Говорить о таких вещах всегда лишнее. И никто не говорит о них умело, а только царапает сердце себе и другим. Будем молчать.

Боюсь за Максима, не захворал бы он. А как ты? Почему ты не писала мне сюда ни разу? Что мешало тебе? Я думал об этом много и — не могу понять. На письма мои в Ялту ты не ответила — ни однажды. Подозревая, что ты не хочешь писать, я тоже перестал. <...> Попытаюсь пробраться в Россию, но, вероятно, — арестуют. Сильно хотел бы увидеть тебя и Максима! М<ожет> б<ыть>, ты найдешь возможным быть в ноябре в Италии, например?

<...> Я не могу позволить себе писать так, как хотелось бы, ибо — перестал понимать твое отношение ко мне. <...> Стоит перед глазами маленькое, милое личико.

Дорогой мой друг, хороший друг мой — жизнь ужасно сложная вещь, и все мы более или менее дураки. Целую твою руку и желаю бодрости душевной»[132].

Век пятилетний так весело прожит:
Много проворные ручки шалили!
Грези, никто не тревожит,
Грези меж лилий…
Ищут цветы к ней поближе местечко,
(Тесно ей кажется в новой кровати).
Знают цветы: золотое сердечко
Было у Кати!

(Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3 томах. Т. I. Стихотворения и поэмы. 1910–1920. М.: Прометей, 1990. С. 72–73).

В архиве Е. П. Пешковой сохранились две страницы из 1-го сборника М. Цветаевой с надписью «Марина Цветаева после смерти Катюши. Прислано мне в 1909 г.».

[132] АГ. Т. V. С. 181. Из Америки в Нижний Новгород, около 20 августа 1906 г.

В следующем письме (спустя пару недель!) уже успокоенный Алексей Максимович писал: «Послал тебе письмо и получил твое, с карточками детей. Вовремя!

<...> Теперь, получив твое письмо, я очень хорошо себя чувствую, чем обязан тебе. Ты рассеяла мои недоумения, тяжелые и, как оказалось, — излишние. И, если бы не исчезла Катя, я был бы весел. Но говорить о ней — не буду. Это — излишне. Против смерти ничего не скажешь.

Я прошу тебя — следи за сыном. Прошу не только как отец, но — как человек. <...> Должен сказать тебе — я здесь многое понял и между прочим понял, что до сей поры я — революционером не был. Я только становлюсь им. Те люди, которых мы привыкли считать революционерами, — только реформаторы. Самое понятие революции — должно углубить. И возможно!

Ты, кажется, много вертелась среди людей определенных воззрений и, вероятно, привыкла уже отчасти к известной дисциплине мысли, к известным взглядам на революцию и т. д. — поэтому, думаю, тебе странно слышать мои слова, и они кажутся еретическими. Увидимся — ты, может быть, поймешь меня, и если не почувствуешь правды, то, надеюсь, все же уяснишь ее себе. <...> Ну, до свидания. Увижу тебя с большой радостью. Расцелуй Максима. <...> Всего, всего доброго! И твердости духа. Это — самое лучшее, самое драгоценное»[133].

Понятно, что у Екатерины Павловны не было самостоятельных взглядов на революцию. У нее, как и у многих других революционеров, было весьма туманное представление о том будущем, за которое они так беззаветно боролись. Идейные, политические и иные партийные разногласия не казались им столь уж важными — важным была практическая борьба с самодержавием. Перед ней и ее друзьями стояла одна задача — разрушение старого строя, и эта задача требовала жертвенного служения революции, а также солидарности со своими товарищами по борьбе.

«Драгоценной» твердостью духа она хотя и обладала, но смерть дочки была для нее бесконечно тяжелым ударом. Пережить эту не-

[133] АГ. Т. V. С. 180–181. Из Адирондака в Москву, конец августа или начало сентября 1906 г.

восполнимую утрату помог ей Михаил Константинович Николаев[134]. Они познакомились в революционном Севастополе, он был ее товарищем по партии, а позже стал самым близким другом и гражданским мужем. Он был с ней в самые тяжелые для нее дни — когда умерла Катя, и она на всю жизнь сохранила благодарность ему за оказанную поддержку.

Вскоре после похорон дочери Екатерина Павловна перебралась в Москву, но первое время часто приезжала в Нижний Новгород. Здесь состоялось ее знакомство с Верой Николаевной Фигнер — легендарной народоволкой, окруженной ореолом человека, проявившего величайшее самопожертвование и отдавшего все свои силы на борьбу за счастье и свободу народа. После двадцати лет заключения в Шлиссельбургской крепости она отбывала ссылку, вначале, с 1904 года, в Архангельской губернии, а затем в имении тетки в Тетюшском уезде Казанской губернии. В мае 1906 года после того, как при пожаре сгорел дом Фигнеров, начальство разрешило ей поселиться в Нижнем Новгороде, где жила с семьей ее сестра Е. Н. Сажина. В ноябре 1906 года В. Н. Фигнер получила заграничный паспорт и 1 декабря выехала в Италию. При прощании она подарила Екатерине Павловне небольшую книжечку своих стихов, вышедших в 1906 году в Петербурге в серии «Библио-

[134] Николаев Михаил Константинович (1882–1947) — близкий друг, а затем гражданский муж Е. П. Пешковой. Учился в реальном училище г. Вильно и в Киевском политехническом институте, откуда был отчислен как политически неблагонадежный. По профессии агроном. В 1905 г. примкнул к партии эсеров. В 1907 г. эмигрировал. В эмиграции — во Франции и Швейцарии, состоял секретарем Центрального бюро Заграничной федерации групп содействия ПСР (подпольная кличка «Мадридов»). В октябре 1916 г. вернулся в Россию, был сослан в Сибирь, освобожден Февральской революцией. В марте 1917 г. — январе 1918 г. — на Западном фронте во Всероссийском земском союзе, был выдвинут депутатом в Учредительное собрание от ПСР. Один из учредителей МПКК. В феврале 1918 г. отошел от политической деятельности. В 1918–1921 гг. заведовал московским отделением общества «Культура и свобода», в 1920–1921 гг. — московским отделением «Всемирной литературы», в 1922 г. возглавил русско-германское общество «Книга», в 1923–1930 гг. заведовал книжным отделом акционерного общества «Международная книга», с сентября 1930 г. сотрудник Госиздата.

тека освободительной борьбы» (дарственная надпись — автограф от 21 ноября 1906 года).

Очень скоро, в эмиграции, они вновь встретятся, вместе будут работать в партии эсеров и в ряде организаций, связанных с помощью политическим заключенным.

В. Н. Фигнер была старше Екатерины Павловны на четверть века. Ее имя было символом мужества и непреклонности, моральной чистоты и стойкости, перед ней преклонялись даже люди, далекие от политической борьбы, ее авторитет в глазах многих, в том числе Екатерины Павловны, был незыблем. Внучка Екатерины Павловны Марфа Максимовна Пешкова вспоминала, с каким уважением и почтением ее бабушка относилась к В. Н. Фигнер. Тем любопытнее записка-поздравление с днем ангела, посланная Верой Николаевной Екатерине Павловне в 1936 году: «Дорогая милая Екатерина Павловна. Вы глубоко уважаемы и любимы мной, и хотя Ваша сдержанность держит меня и, как я думаю, других, как будто в некоторой дали — та же сдержанность еще более ставит Вас на высоту и заставляет ценить и восхищаться. Целую крепко. Хотела бы иметь Ваши душевные качества. Вера Фигнер. 7 декабря 1936 г.»[135]

Осенью 1906 года Екатерина Павловна переехала в Москву. У нее дома часто «бывали нижегородцы Николай Алексеевич <Грацианов>, Юлия Николаевна <Кольберг>, а также Ал. В. Прибылев, А. А. Ховрин и другие работавшие в Москве товарищи»[136], — вспоминала В. М. Пушторская, бывшая нижегородка и член ПСР, приходившая вместе с другими нижегородцами к Екатерине Павловне.

Алексей Максимович настойчиво приглашал Екатерину Павловну приехать с сыном в Италию, где он поселился, вернувшись из Америки.

---

[135] Государственный музей А. М. Горького в Нижнем Новгороде. КП 15375.

[136] Это строчки из письма-ходатайства, отправленного в 1931 г. в ПОМПОЛИТ (ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 640. Л. 81). Автор письма, В. М. Пушторская (фамилия по мужу), в 1906 г., будучи еще девочкой, работала в нижегородской организации ПСР под именем Вера Михайловна.

«Здесь удивительно красиво все — природа, люди, звуки, цвета. Тебе нужно быть в Италии. Принят я здесь — горячо. <...> Пока же до свидания, мой друг, до свидания, которого я жду с большой радостью»[137].

«Могла ли бы ты приехать сюда, на Капри? Вот вопрос очень важный. Дело в том, что я живу под строжайшим надзором газет и не хотелось бы мне повторения в Европе американских грязных бурь — человеческая глупость и пошлость очень угнетает и злит. А здесь население относится ко мне хорошо, газет — нет.

<...> Тебе придется встретиться с человеком, который тебя злит, я это знаю, что это, вероятно, будет тяжело тебе и ей. И мне. Люди, даже очень хорошие, все еще продолжают делиться на мужчин, женщин, жен, писателей, могильщиков, — это источник всех драм и глупостей.

Но, видишь ли, что — я ведь не хочу тебя насиловать и против твоего желания — не иду. Если я говорю все это, то — вот на каком основании: я живу отнюдь не для собственного удовольствия, и если дорожу своей энергией, не желаю тратить ее на драмы, так это потому, так это потому, что я хочу и могу употребить ее с большей пользой. Это понятно?»[138]

«Это» Екатерине Павловне было понятно.

И дальше, из того же письма Алексея Максимовича: «Хочется видеть Максима. Привези мне карточки Кати. Как она красива была! Особенная какая-то. Села она мне гвоздем в сердце.

Что такое Максим? По его письмам и рассказам К<онстантина> П<етровича> представляешь себе что-то удивительно милое. Но — скоро увидимся! А пока — до свидания! Очень жду ответа. Если согласишься ехать на Капри, — телеграфируй, я сниму тебе виллу — сколько комнат? Ал<ексей>»[139].

Отцовские чувства Алексея Максимовича были ей также понятны.

В конце декабря 1906 года Екатерина Павловна покинула Россию. Уехала она в Италию вместе с Максимом и С. Ф. Витютневой.

---

[137] АГ. Т. IX. С. 19. Из Неаполя в Москву, 20 октября [2 ноября] 1906 г.
[138] АГ. Т. IX. С. 19. С Капри в Москву, декабрь, не раньше 15-го [28-го], 1906 г.
[139] Там же.

В уже цитируемых воспоминаниях Екатерины Павловны о Л. А. Сулержицком есть упоминание о ее жизни в Москве и об обстоятельствах, сопутствующих отъезду:

«Осенью 1906 года я поселилась в Москве. Леопольд Антонович работал в это время с Константином Сергеевичем Станиславским. Узнав о нашем приезде, Сулер сразу пришел к нам в Грузины[140], на Георгиевскую площадь, где мы сняли квартиру, и не забуду, как чуток, ласков и внимателен был он в то время ко мне. В конце августа я потеряла дочку пяти с половиной лет, Катюшу.

Он стал частым гостем у нас. Мой сын дождаться не мог его прихода и сразу завладевал им. Помню, как они что-то мастерили на детском столярном верстаке. Ведь Сулер был мастер на все руки.

В это время Алексей Максимович только что вернулся из Америки, куда он ездил по поручению партии, и обосновался на Капри. Он звал меня и сына приехать в Италию. Я как раз в это время почувствовала слежку, под надзором стала и квартира в Грузинах, где я жила. Я сразу решила ехать за границу. Послала сменить свой паспорт на заграничный, а по получении его на следующий день, “на прощание”, Сулер увел меня в Художественный театр. В антракте я с удивлением увидела жившую у меня приятельницу, которая сообщила, что у меня в квартире обыск. Мы зашли с Сулером за кулисы к Василию Ивановичу Качалову. Там решили, что я досмотрю спектакль, а потом мы вместе посидим где-нибудь в ресторане за ужином, где меня известят об окончании обыска.

Узнав, что обыск кончен и засады в квартире нет, Сулер и Качалов проводили меня до дому, взяв с меня слово, что я на другой же день уеду за границу»[141].

Екатерина Павловна предполагала провести за границей несколько месяцев, но они превратились в семь долгих лет, насыщенных событиями личной, общественной, политической жизни. В эти годы окончательно определились ее отношения с Алексеем Максимовичем, в эти же годы она сложилась как общественный

---

[140] В Грузинах жил с семьей и Л. Андреев. Его адрес в 1905 г.: Москва, Грузины, Средне-Тишинский, дом Шустова. Осенью 1906 г. Л. Андреев с сыном Вадимом гостил у Алексея Максимовича на Капри.

[141] Сулержицкий. С. 537.

деятель с заслуженно приобретенной репутацией честного и активного работника.

4

ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ. 1907–1913 гг.

НАЧАЛО ЖИЗНИ В ЭМИГРАЦИИ

В начале января 1907 года Екатерина Павловна с сыном прибыли в Италию. В Сорренто они должны были встретиться с Алексеем Максимовичем, но он на встречу не приехал. О первых днях пребывания в Италии Екатерина Павловна вспоминала:

«Во второй половине декабря 1906 г. (в начале января 1907 г. <по новому стилю>) я с сыном Максимом и другом семьи С. Ф. Витютневой выехала в Италию[1]. По приезде в Сорренто получила данную телеграмму[2] от Алексея Максимовича. Следом за телеграммой приехал из Неаполя К. П. Пятницкий. Он сообщил, что Алексей Максимович не хотел бы ехать в Сорренто, так как там много приезжих из России; кроме того, туда могут нахлынуть репортеры, а ему для работы необходимы спокойствие и тишина; поэтому Алексей Максимович просит нас приехать в Амальфи, отель «Люна»; сам Алексей Максимович вернется из Неаполя на Капри, чтобы взять подарки для сына, которые он привез из Америки, и потом приедет в Амальфи.

Переехав в Амальфи, я 9 (22) января получила телеграмму от Алексея Максимовича[3]. На другой день, 10 (23) января, была по-

---

[1] Новый, 1907 год Екатерина Павловна встретила в Милане.

[2] «Четыре дня пробудем Неаполе, пансион Мюллер. Лечу зубы. Если можешь, приезжай. Пятницкий, Андреев здесь» (АГ. Т. IX. С. 21. Из Неаполя в Сорренто, 4 [17] января 1907 г.).

[3] «Приеду завтра. Пешков» (АГ. Т. IX. С. 21. С Капри в Амальфи, 9 [22] января 1907 г.).

лучена новая телеграмма[4]. Одновременно пришла телеграмма от К. П. Пятницкого: “Мы были уже на пристани, хотели садиться <в> лодку, вдруг <у> Алексея открылось кровохарканье. Ехать немедленно было бы безумием. Вернулись. Лег. Ничего опасного, буду вам телеграфировать, надеюсь, кровь немедленно остановится. Не беспокойтесь. Пятницкий”.

Вечером 10 (23) января я телеграфировала Пятницкому: “Как здоровье. Нет ли опасности. Пусть не торопится ехать <к> нам. Мы подождем. Екатерина”.

11 (24) января пришел ответ: “Опасности нет. Теперь лучше. Алексей просит вас приехать завтра Сорренто, отель "Рояль". Привет Пятницкий”. (Сорренто — первая остановка парохода по пути с Капри в Неаполь). Рано утром 12 (25) января я выехала из Амальфи в Сорренто.

Вместо Алексея Максимовича туда к вечеру приехал К. П. Пятницкий. Сообщил, что Алексей Максимович не совсем здоров; собираясь ехать, разволновался, опять возобновилось кровохарканье.

Было решено ехать на Капри первым пароходом. 13 (26) января днем парохода из-за бурной погоды не было, поехали на Капри лишь вечерним пароходом.

Встреча принесла много волнений и радости. <...>

Утренним пароходом 21 января (3 февраля) мы с Максимом уехали с Капри, направляясь в местечко Аляссио, где в это время жила Вера Николаевна Фигнер, с которой мне хотелось увидеться»[5].

Екатерина Павловна с Максимом пробыли на Капри около 10 дней, Мария Федоровна на это время уезжала. Екатерина Павловна писала своей подруге Е. К. Малиновской: «Елена, все время в каком-то диком состоянии. Видела уже Ал<ексея>. Он похудел, нездоровый. <...> И тяжело и хорошо было. Последнего больше»[6].

До Аляссио Екатерину Павловну и Максима проводил К. П. Пятницкий, он же помог им устроиться (они остановились в отеле

---

[4] «На пристани уже вдруг явилось кровохарканье. Воротился. Очень извиняюсь. Пешков» (АГ. Т. IX. С. 21. С Капри в Амальфи, 10 [23] января 1907 г.).

[5] АГ. Т. IX. С. 289–290.

[6] РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Ед. хр. 56. Из Италии в Нижний Новгород, Б. Печерка, дом Богоявленского. Февраль 1907 г.

Hotel Suisse). Вслед уехавшей Екатерине Павловне Алексей Максимович написал:

«О здоровье моем не беспокойся — мне лучше. <...> Цену себе знаю, жизнь поддерживать буду, ибо убежден в своей нужности для нее.

У меня самое скверное — нервы. А это оттого, что мне нестерпимо знать, я причиняю боль человеку, который ничего худого мне не сделал, которого я внутренне уважаю. Говорю о тебе, конечно. Так говорил бы и о другом — мужчине, женщине, все равно. Суть в том, что мы, даже не желая, являемся друг для друга источниками горя, всегда — лишнего.

Как избежать этого? Думаешь и — не видишь.

К<онстантин> П<етрович> — повторяю — лучший человек из всех, кого знаю я. Ты можешь говорить с ним, как сама с собой. Удивительно честный он»[7].

В планы Екатерины Павловны не входило оставаться в Италии, она собиралась вернуться в Россию и продолжить там свою революционную работу. Алексей Максимович просил ее подождать с отъездом — он хотел еще раз увидеться с ней и сыном: «Приеду я непременно, <...> я прошу подождать меня недели две. За это время ты могла бы посмотреть Геную, съездить во Флоренцию, Пизу и т<ак> д<алее>. Жить в Италии и ничего не видеть — смотри, не очень ли оригинально это?

Торопиться в Россию — не вижу смысла. Весна, слякоть и мерзости кадетского ликования. <...> Твоя работа? Но что же ты можешь делать из последних сил? Вот ты падаешь в обмороки на улицах.

Не понимаю я твоего отношения к себе. Какая радость жить больной? Не понимаю. Ты поживи здесь, попробуй поправить здоровье хоть немного. Ведь если думать о работе — она вся впереди и ее так много, что всякая мало-мальски ценная энергия будет исчерпана до конца.

Я говорю, что не понимаю тебя, мне кажется — не серьезно ты смотришь на работу, о которой говоришь, ибо эта работа, прежде всего, требует наличности здоровой энергии, здоровой мысли. Вот

[7] АГ. Т. IX. С. 21–22. С Капри в Аляссио, около 24 января [6 февраля] 1907 г.

ты и накопи ее — а сейчас — ничего, кроме окончательного подрыва сил, не сделаешь.

Все это — лишь мое мнение. И если ты не согласна, я брошу свои дела — это будет скверно — и приеду. Но смысла в твоем желании возвратиться в Россию теперь я не увижу и приехав»[8].

Приехал Алексей Максимович в Аляссио только в начале марта на три дня и остановился в том же отеле Hotel Suisse. Он привез с собой корректуру первой части повести «Мать», которую читал по вечерам Екатерине Павловне, С. Ф. Витютневой и В. Н. Фигнер.

До приезда Алексея Максимовича в Аляссио Екатерина Павловна все-таки немного поездила по Италии. Своими впечатлениями она делилась с Е. К. Малиновской (посылая ей открытки с видами Италии): «Из Рима еле уехали, все так интересно. К<а>к ни один город, Рим захватил меня. Все время было гадкое настроение, а тут масса впечатлений поглотила всю. Такие интересные картинные галереи, скульптуры. А эти дивные фонтаны, всюду масса воды, точно все в этом городе живое, шевелится. Но решили мы пожить перед Россией тихо, т<ак> ч<то> всего четыре, пять дней пробыли в Риме. Теперь живем между Генуей и Ниццей. Красиво и тихо. Через две недели поедем домой»[9].

Вернуться в Россию «через две недели» Екатерина Павловна собиралась в середине февраля, но уже в марте ее планы начали меняться. Дата отъезда постепенно отодвигалась: вначале — до лета, затем — до осени, а затем возвращение на родину отодвинулось на долгие 7 лет.

В конце марта (по ст. ст.) Екатерина Павловна покинула Аляссио и перебралась в Ниццу, где встретилась с П. П. Малиновским и студентами Московского архитектурного института, приехавшими вместе с ним. Они рассказывали о событиях московской общественной и политической жизни, и их рассказы способствовали ее стремлению скорее вернуться в Россию. Задерживалась она с отъездом, дожидаясь прибытия М. К. Николаева, который, опасаясь тюрьмы и ссылки, решил эмигрировать. 28 марта он вы-

---

[8] Там же. С Капри в Аляссио, 30 января [12 февраля] 1907 г.

[9] РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Ед. хр. 56. Февраль 1907 г. В Нижний Новгород, Б. Печерка, дом Богоявленского.

ехал из России в Испанию, а в мае добрался до Франции. 14 мая из Марселя он отправил Екатерине Павловне телеграмму («депешу») с просьбой встретить его в Бордо. Еще раньше, в апреле, в Ниццу приехал Сергей Иванович Гусев-Оренбургский, явно неравнодушный к Екатерине Павловне (свои декадентские «Сказки земли»[10] он посвятил ей). В начале июня Екатерина Павловна все еще собиралась возвращаться в Россию, но решила до отъезда съездить с Максимом в Швейцарию, куда пригласили ее новые знакомые **сестры-близнецы Мэри и Слава Гиссен**, учившиеся в Лозанне в высшей школе на специальных курсах иностранных языков. Сестры были очень молоды — им было всего по 18 лет, несмотря на разницу в возрасте, они подружились с Екатериной Павловной и сохранили эту дружбу до последних дней своей жизни. Поездка в Швейцарию изменила планы Екатерины Павловны.

В Швейцарии они поселились в недорогом пансионе, расположенном в горах над Женевским озером близ Кларана и Божи.

В местечке Божи жил замечательный человек, один из основателей партии эсеров («дедушка русской революции») **Егор Егорович ЛАЗАРЕВ** (1855–1937). Дед его был крепостным, отец — вольным крестьянином, а он уже учился в гимназии, но был исключен за хождение в народ. Он проходил по Процессу 193-х[11], был оправдан и сослан в родную Самару под гласный надзор полиции. Вскоре после высылки был призван на военную службу, принимал участие в Русско-турецкой войне, в запас был уволен в 1880 году в чине унтер-офицера, присвоенном ему за личную храбрость. Вернувшись домой, вступил в «Народную волю». В 1884 году был вновь арестован и после тюремного заключения сослан. В 1890 году бежал из Восточной Сибири в Америку, откуда был вызван находящимися в Европе русскими социалистами. Они надеялись, что он благодаря своим организаторским способ-

[10] Напечатаны в журнале «Знание», № 22, одновременно с повестью М. Горького «Исповедь».

[11] Название «Процесс 193-х» получил процесс о противоправительственной пропаганде в Российской империи — самый большой в истории политический процесс, по которому подсудимыми проходили 193 человека. Процесс проходил в Петербурге в Особом присутствии Правительствующего сената с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г.

ностям, коммуникабельности и энергии поможет объединить разрозненные революционные группы. Объединить социалистов в одну организацию не удалось, но в личном плане жизнь Е. Е. Лазарева изменилась: он женился на Ю. А. Лакиер — вдове русского эмигранта — и переехал жить в ее поместье — в местечко Божи. На вилле в Божи была образцовая молочная ферма, славившаяся своим чудодейственным кефиром, привлекавшим гостей и «пациентов» (одно время здесь гостила даже австрийская императрица Елизавета). В Божи подолгу жили представители различных социалистических течений, поправлявшие здоровье, подорванное в царских тюрьмах и ссылках. Приехав из Америки в Европу, Е. Е. Лазарев стал секретарем «Фонда вольной русской прессы». Живя в Божи, он через учащуюся молодежь наладил сношение эмигрантских групп с Россией и переправку в Россию нелегальной литературы — листовок, брошюр, свежих номеров эсеровских газет. После Манифеста 17 октября 1905 года и политической амнистии Е. Е. Лазарев уехал в Россию, участвовал в работе первого съезда ПСР[12], а летом 1907 года после ликвидации 2-й Государственной думы (в которой был экспертом от партии эсеров) вернулся в Швейцарию на виллу Божи. Позже, в 1909 году, он снова уехал в Россию, в Петербург, работал секретарем редакции легального журнала «Вестник знания» и вскоре был арестован, но т. к. никаких государственных преступлений за ним не числилось, то после четырех месяцев пребывания в тюрьме его выслали за границу. Возвратился он в Россию вместе с другими эсерами после победы Февральской революции. Он был депутатом Учредительного собрания и входил в правительство КОМУЧа (возглавлял Ведомство народного просвещения). После того, как Самара была взята частями Красной армии, перебрался в Уфу, затем в Екатеринбург, Владивосток и в июне 1919 года покинул Россию, на этот раз навсегда. В эмиграции он жил в Праге, был членом Пражского политического Красного Креста, оказывавшего помощь советским политзаключенным через организацию «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным».

[12] Первый съезд ПСР состоялся в декабре 1905 г. — январе 1906 г., хотя организационно эсеры оформились еще в конце 1901 г. — начале 1902 г.

В послереволюционном Петрограде ему приходилось случайно встречаться с теми, кто не так давно месяцами жил на его швейцарской вилле: «Крыленко, Троцкий, Ленин и прочая знакомая знать, встретившись, останавливались испытующе — кланяться ли, здороваться или нет? Обходились без этой формальности и ни в какие разговоры не вступали»[13].

В Швейцарии для Максима было много увлекательного: поездки в горы, плавание на лодке по Женевскому озеру, острые переживания во время бури, настигшей их лодку. Екатерина Павловна вместе с Максимом участвовала в развлекательных прогулках, но, кроме того, она общалась с русскими эмигрантами, жившими в Божи, Лозанне и Женеве.

В 1907 году вследствие начавшейся в России реакции многие революционеры выехали за границу. В эмиграции оказались друзья Екатерины Павловны и ее товарищи по партии: кроме М. К. Николаева, А. Ю. Фейт, А. В. Гедеоновский и др. А. Ю. Фейт и его семья — друзья Екатерины Павловны с нижегородских времен — жили во Франции. За границу А. Ю. Фейт бежал из ссылки в 1907 году, а его семья получила разрешение российского правительства выехать к нему. А. В. Гедеоновский, с которым Екатерина Павловна познакомилась в Ялте в связи с революционной работой, жил в Лозанне. В конце 1906 года он был выслан вместе с женой из России (по ходатайству родных ссылка в Нарымский край на 3 года была заменена им высылкой за границу на тот же срок). В эмиграции революционеры группировались в зависимости от партийной принадлежности. Эсеры образовывали свои местные группы, входящие в заграничную организацию ПСР, возглавляемую ЦК партии за границей. В феврале 1907 года в Таммерфорсе (Финляндия) состоялся второй (экстренный) съезд ПСР, принявший ряд решений относительно дальнейшей партийной работы в новых условиях. Екатерина Павловна под влиянием старых и новых друзей решила не торопиться с возвращением в Россию, а остаться за границей и принять участие в партийной работе. Она думала обосноваться в Париже, отдать там Максима в школу, а сама начать

[13] ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 270. Л. 18. Цитируется по статье Е. Фроловой. «Если любишь Россию…» (Егор Егорович Лазарев // Звезда. 2007. № 7).

работать, чтобы не зависеть от Алексея Максимовича, а самостоятельно зарабатывать на жизнь. О своем решении она сообщила Алексею Максимовичу и просила его помочь ей найти работу в издательстве «Знание». Решение остаться он одобрил, а в работе отказал (при этом его ответ был в основном посвящен собственному внутреннему состоянию, а отказу было уделено несколько слов): «Очень ждал известий и беспокоился, думая, что ты уже уехала в Россию. <...> я очень запутанный человек в своей внутренней жизни и склонный к неожиданным — даже для себя самого — поступкам. Запутанный, капризный, требовательный к людям и совершенно неспособный к чему-нибудь привыкнуть. То же и так же к людям. Как мужчина, муж и т<ак> д<алее> — я, вероятно, самый тяжелый и несносный человек — я не исповедуюсь, а просто говорю о себе то, что мне кажется верным. Но я знаю, что могу быть хорошим товарищем и женщине и мужчине. Однако — как первая, так и вторая позиция до сей поры не удавалась мне, я не мог стоять на ней так долго, как хотелось бы, — а кто в этом виноват? Не знаю. <...> Я очень рад, что ты осталась за границей, это хорошо! <...> твое желание иметь работу в “Знании”, я думаю, не осуществимо. XVIII-й сборник конфискован, книги не идут и вообще — дела плохи. Мне кажется — очень плохи, но я этим не занимаюсь и — черт с ними!»[14]

Екатерине Павловне надо было решить вопрос о школе для Максима, которому уже исполнилось 10 лет, и она советовалась с Алексеем Максимовичем. Ей казалось, что Максима лучше отдать в налаженную парижскую школу, где бы он мог получить систематическое образование и в совершенстве освоить французский язык. Алексей Максимович предложил школу Фидлера, которая в то время только организовывалась. И. И. Фидлер (1864–1934) был директором московского частного реального училища. Во время Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в здании училища[15] рево-

[14] АГ. Т. IX. С. 30–31. С Капри в Париж, 20 июня [3 июля] 1907 г.

[15] Здание, в котором располагалось реальное училище И. И. Фидлера, находится в районе Чистых прудов на углу бывшего Лобковского и бывшего Мыльникова переулков (теперь — ул. Макаренко и ул. Жуковского), дом 5/16.

люционеры устроили штаб, вследствие этого правительственные войска обстреляли училище, разрушив его артиллерийским огнем. После подавления восстания И. И. Фидлер эмигрировал в Швейцарию и в 1907 году основал там «Новую русскую школу» для детей русских революционеров-эмигрантов.

Алексею Максимовичу не нравились методы воспитания, существующие в традиционной русской школе: «Я против русской школы, совершенно сбитой с толку, пагубной теперь для всех детей вообще, для Мак<сима> — мальчика нервного в особенности. То, что творится в наших гимназиях, обеспечивает стране тысячи больных, анархистов, хулиганов, всячески искалеченных людей. Я думаю, что Фидлер с его практическим опытом и — как я слышал — горячей любовью к детям может организовать приличную школу. Мак<симу> нужно общество детей; вероятно, он найдет его в этой школе, это общество — самое главное. Затем я слышал, что Фидлер хочет ставить дело на почву опытного воспитания, т<о> е<сть> — прогулки, изучение природы, естественные науки и т. д. Я очень просил бы тебя серьезно подумать об этом»[16].

Алексей Максимович настаивал: «Друг мой — твои соображения о школе, о переезде в Париж — не кажутся мне достаточно вескими — уже по одному тому, что для мальчика гораздо здоровей и во всех отношениях лучше жить за городом — около Женевы, — чем в насыщенном всяким шумом и заразами многомиллионном городе.

Какая там школа, в Париже? Едва ли это солидное дело и, вероятно, черносотенное. А Фидлер известен как хороший педагог и как человек, любящий детей.

Далеко ездить и Макс<им> рискует простудиться — вот твое главное возражение.

А ты переплати за квартиру и поселись за городом, сними целый дом, наконец!

Ведь надо же согласиться, что горный воздух Швейцарии более здоров, чем запахи Парижа!

Здоровье Максима очень беспокоит меня — легко уж слишком простужается он, — легко и часто. И я не могу, разумеется, упускать из вида тот факт, что его отец — человек с пораженными лег-

[16] АГ. Т. IX. С. 33. С Капри в Париж, 16 [29] сентября 1907 г.

кими. Неважная наследственность и со стороны матери — ты ведь тоже не похвалишься здоровьем.

Хотелось бы сохранить эту жизнь; м<ожет> б<ыть>, вырастет хороший, нужный человек.

Послушай меня — не езди в Париж; право, это вредно ребенку, да и тебе едва ли полезно. Столкнешься там с эмиграцией — сплошь больной, нервозной, разрушенной духовно. Среда неважная. И безусловно вредная для Макс<има>. <...> Очень прошу тебя подумать, прежде чем решать вопрос о школе.

Я не хотел бы входить в твою жизнь со своими советами, но — повторяю — здоровье и судьба Макс<има> — сильно тревожит меня»[17].

Алексей Максимович, хотя и не хотел входить в жизнь Екатерины Павловны со своими советами, все-таки давал их ей. Ее политической деятельности он явно не одобрял, тем более что эсерам не симпатизировал. (Еще в декабре 1905 года он ей писал: «А твои эс-эры — довольно пустяковый народ, не в комплимент им будь сказано. Шалый народ!»[18]) Он ей «рекомендовал бы держаться подальше от гг. эмигрантов — что за публика! Они меня приводят в ужас и возбуждают противное чувство — больные, истеричные, беспомощные и невыразимо злые, черт бы их побрал!»[19] Но теперь Екатерина Павловна жила свою жизнь, отдельную от Алексея Максимовича, и не всем его советам следовала, однако в вопросе о школе он ее убедил: «Очень я рад тому, друг мой, что наши мысли о школе для Максима встретились и, вероятно, осуществится план его поступления к Фидлеру. Это славно для него, да и для тебя, думаю, не дурно»[20]. Из Парижа в Женеву она переехала (речь шла об интересах Максима — они были для нее приоритетными), что же касается «господ эмигрантов», то с ними она сближалась все больше.

К эмигрантам, особенно к бывшим народникам, среди которых было много людей высокоморальных и честных, искавших пути, ведущие к улучшению жизни людей, она относилась с уважением

---

[17] АГ. Т. IX. С. 33. С Капри в Париж, 20 сентября [3 октября] 1907 г.

[18] АГ. Т. V. С. 169. Из Петербурга в Ялту, середина декабря 1905 г.

[19] Там же.

[20] АГ. Т. IX. С. 35. С Капри в Париж, 13 [26] октября 1907 г.

и любовью. В Женеве она легко вошла в общую колею бурной эмигрантской жизни, ходила на заседания кружка Диккера, где с докладами выступали революционеры различных идейных направлений (Плеханов, Мартов, Ленин, Луначарский, Дейч, Чернов и др.). Ф. А. Дмитриев[21], один из подопечных Екатерины Павловны по ПОМПОЛИТу, помнил Екатерину Павловну «по собраниям группы Диккера, на которые она приходила в 1907 году в сопровождении Хилкова или А. Н. Баха» [22].

Дмитрий Александрович Хилков и Алексей Николаевич Бах были людьми незаурядными и очень разными.

Князь **Дмитрий Александрович ХИЛКОВ** (1858–1914) — последователь и личный друг Л. Н. Толстого и член партии эсеров. Он окончил Пажеский корпус, получив звание офицера лейб-гусарского полка. В 1877 году в качестве казацкого сотника участвовал в войне с турками на Кавказе. Во время сражения ему пришлось собственноручно зарубить турка, и это так подействовало на него, что он вышел в отставку. Он поселился в поместье, расположенном в Сумском уезде Харьковской губернии (в тех краях, где находилось поместье отца Екатерины Павловны и где она родилась); большую часть своей земли он раздал мужикам, а на оставшейся работал как простой крестьянин. Это был удивительный человек: милый, теплый, радостный и страдающий одновременно. Вот как вспоминал о нем один из лидеров партии эсеров В. М. Зензинов: «<Князь Хилков> был замечательной фигурой. <...> он был прежде толстовцем. Одно время — был близок к духоборам. Дмитрий Александрович Хилков принадлежал к аристократическим кругам, был когда-то даже близок к двору. Биография его и история его духовной жизни — одна из самых своеобразных. Аристократ, бывший придворный, затем толстовец — он сделался

[21] Дмитриев Федор Антонович (1878–?). Член ПСР с 1905 по 1917 г. Народный учитель. Окончил Новгородскую семинарию. В сентябре 1906 г. был выслан из России на 2 года за границу, жил в Женеве, по окончании срока высылки вернулся в Россию. В советское время служил землеустроителем в Волховском РИКе. В феврале 1933 г. был арестован, приговорен по ст. 58–7, 11 к 5 г. заключения в ИТЛ и отправлен в Ухтпечлаг. В феврале 1934 г. — в Чибью. Дальнейшая судьба неизвестна.

[22] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1108. Л. 92.

революционером, примкнул к партии социалистов-революционеров, сделался убежденным террористом (написал брошюру "Террор и массовая борьба") и теперь, в Женеве, обучал революционеров стрельбе из револьвера. Забегая немного вперед, скажу, что и конец его был так же необыкновенен, как и вся его жизнь. Когда началась война (в 1914 году), князь Хилков написал письмо Николаю II-ому, который его знал лично, прося, чтобы ему дали возможность принять участие в защите России. Просьба его была исполнена — ему дали казачий полк и отправили на фронт. При первом же случае князь Хилков при встрече с неприятелем скомандовал — «В атаку!» и во главе казачьей лавы врезался в немецкие ряды. Очевидцы рассказывали, что он мчался впереди полка, даже не вынимая шашки из ножен: он, очевидно, хотел умереть. Больше его не видали: он погиб смертью героя»[23].

Вспоминал В. М. Зензинов и А. Н. Баха: «<...> Алексей Николаевич Бах, который эти дни ходил с револьвером в кармане (я сам видел в его руках большой браунинг), <...> между прочим, это был тот самый Алексей Николаевич Бах, известный химик, который сделался потом крупным советским сановником и играл большую роль в Академии наук Советского Союза. Тогда он был нашим товарищем и сторонником довольно умеренных политических взглядов»[24].

Крещенный еврей **Алексей Николаевич БАХ** (Абрам Литманович, после крещения Алексей Николаевич) (1857–1946) был членом «Народной воли», в эмиграции провел 32 года, где в основном занимался научной работой (общая и биологическая химия). В 1900–1901 годах участвовал в переговорах по поводу создания партии эсеров, но, будучи противником индивидуального террора, в партию не входил вплоть до 1905 года, когда вступил в нее и принял обязанности секретаря заграничного комитета ПСР. В 1917 году он вернулся в Россию и первое время жил с семьей у Екатерины Павловны. Из ПСР он вышел, но публично об этом не заявлял и считал себя независимым эсером. Он стал основателем

[23] Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. С. 181.

[24] Там же. С. 199.

школы советских биохимиков, а с 1929 года — действительным членом АН СССР. В 1918 году он был одним из учредителей Московского политического Красного Креста, его жена А. А. Бах работала в медицинской комиссии Креста, а их дочь Лидия (которая училась в той же школе Фидлера, что и Максим) в Советской России работала с Екатериной Павловной в Польском Красном Кресте.

В Женеве Екатерина Павловна вновь начала участвовать в партийной работе. Она приняла участие в издании воспоминаний Гершуни.

ГЕРШУНИ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Григорий Андреевич Гершуни был одним из организаторов и лидеров партии эсеров, главой ее Боевой организации.

Свое стремление изменить существующую жизнь он начал реализовывать с культурно-просветительской работы: организовал начальную школу для мальчиков, читал лекции в субботней школе для взрослых. Но вскоре он стал социалистом и начал бороться с существующим строем не только легальным путем. Он устроил мастерскую станков для подпольных типографий, создал бюро изготовления нелегальных паспортов, организовал транспортировку нелегальной литературы из-за границы. Постепенно он пришел к мысли о необходимости создания организации, продолжающей традиции «Народной воли», и стал руководителем инициативной группы, которая с апреля 1902 года действовала как Боевая организация партии эсеров[25]. В мае 1903 года он был арестован и помещен в одиночку Петропавловской крепости; его приговорили к смертной казни, замененной пожизненным заключением, и перевели в Шлиссельбург, позже отправили в Восточную Сибирь, в Акатуевскую каторжную тюрьму, откуда в 1906 году он бежал. Побег был устроен эсерами. Из тюрьмы его вынесли в бочке с капустой и помогли добраться до Владивостока, организовав вдоль всего пути пункты, на которых ему меняли лошадей. На японском

[25] Первым террористическим актом Боевой организации ПСР было убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина.

судне он приплыл в Японию, оттуда — в Америку; выступая на массовых митингах в пользу русской революции, он собрал для партии эсеров сто восемьдесят тысяч долларов и вернулся в Европу. В феврале 1907 года он участвовал в работе 2-го съезда ПСР, был избран в ЦК и попытался вместе с Азефом воссоздать распавшуюся в 1906 году Боевую организацию. Его активная деятельность была прервана болезнью; вначале предполагали, что у него плеврит, но у него оказалась саркома легких. Для лечения друзья вывезли его в Швейцарию, в санаторий, расположенный в Цюрихе, где он умер 17 (30) марта 1908 года. («Умер самой страшной для революционера смертью: на больничной койке», как потом напишет В. М. Зензинов[26]). Похоронили его в Париже на Монпарнасском кладбище, рядом с главою русской политической эмиграции П. А. Лавровым, которого Гершуни считал своим учителем.

Популярность Гершуни была необыкновенно велика. Он, страстный поклонник террора, товарищами по партии воспринимался не только как талантливый организатор, но и как романтический герой, отличающийся моральным благородством и чистотой помыслов. Ну, а человеческие жертвы… Они были неизбежны, они приближали революцию, открывавшую путь к созданию нового общества без жестокости и насилия. В мае 1901 года в «Революционной России»[27] была напечатана статья А. В. Пешехонова, известного публициста либерально-народнического направления. В статье содержался призыв к борьбе и террору, и заканчивалась она стихами Некрасова:

Иди в огонь за честь Отчизны,
За убежденье, за любовь…,
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

[26] Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. С. 413.

[27] «Революционная Россия» — нелегальная газета партии эсеров, ее центральный орган, издавалась в 1900–1905 гг. Основана А. А. Аргуновым, № 1–2 печатались в России, с № 3 — в Женеве, редакторы — М. Р. Гоц и В. М. Чернов.

Пройдет время, и в Советской России Екатерина Павловна будет помогать людям (всем людям — без различия классовой и любой другой принадлежности) сохранить жизнь, но в 1906 году в детский альбом тринадцатилетней Марины Цветаевой она на прощание написала девиз партии эсеров: «В борьбе обретешь ты право свое — Марусе Цветаевой — Е. Пешкова». («Слова, живущие в моей памяти до сих пор» — эти слова волновали сердце престарелой А. И. Цветаевой и в конце XX века — спустя жизнь.)

К изданию книги воспоминаний Гершуни Екатерина Павловна была привлечена товарищами по партии, по-видимому, как корректор и в какой-то степени как редактор. По поводу выбора издателя она советовалась с Алексеем Максимовичем, и он ей ответил, что «с рукописями Г<ершуни> лучше всего обратиться к Ивану П<авловичу Ладыжникову>, — он может устроить переводы на все европейские языки, — если рукопись того заслуживает»[28]. Однако Ладыжников в напечатании рукописи отказал, и его отказ Алексей Максимович прокомментировал так: «…по поводу Гершуни и его писаний, ты говоришь о партийности Ив<ана> Пав<ловича>. Это — твоя ошибка, и мне кажется, что ты, не замечая этого, сама относишься к людям слишком партийно. Ив<ан> Павл<ович> не мог издать Гершуни, ибо дела в Берлине стоят отвратительно: в конторе был обыск, Лад<ыжникова>, вероятно, вышлют из Германии, как видишь, теперь не до изданий ему.

К тому же — вещь Гершуни я знаю. Это литература воспоминаний о геройских побегах и прочих подвигах страшно надоела всем, а если еще не надоела — очень жаль. <…> Ужасно много, ужасно скучно и — самодовольно пишут люди прошлого! А писать следует о том, как делать революцию, как продолжать ее»[29].

В подготовке рукописи Гершуни к печати принимала участие Л. С. Гавронская, находившаяся при нем во время его болезни как сестра милосердия. Она пересылала Екатерине Павловне текст рукописи, а Екатерина Павловна его правила. Сохранились письма Л. С. Гавронской к Екатерине Павловне [30]. На первом из них, да-

[28] АГ. Т. IX. С. 35. С Капри в Женеву, 18 [31] октября 1907 г.
[29] Там же. С. 40. Из Рима в Женеву, конец ноября [начало декабря] 1907 г.
[30] АГ. ФЕП-кр 18–4–1…– 20.

тированном январем 1908 года, приписка «Гершуни Г. А. — Пешковой», на обороте — рукой Екатерины Павловны: «Последнюю строчку главы лучше выкинуть, сильнее впечатление» [31].

Поисками типографии, в которой можно было напечатать рукопись, занимались лидеры партии эсеров В. М. Зензинов и О. С. Минор. В результате долгих и трудных поисков книга под названием «Из недавнего прошлого»[32] была издана в Париже в издательстве ЦК ПСР. Она вышла в свет в мае 1908 года — спустя два месяца после смерти Г. Гершуни.

Екатерина Павловна получила корректуру книги в конце апреля, а готовый экземпляр в начале июня 1908 года.

* * *

В связи с работой над книгой воспоминаний Гершуни Екатерина Павловна сблизилась с **Любовью Сергеевной ГАВРОНСКОЙ**, с ее мужем Борисом Осиповичем Гавронским и группой эсеров, тесно связанных с ними родственными узами, — Высоцкими, Гавронскими, Гоц, Цетлиными. Их семьи составляли целую династию богатейших московских купцов, родоначальником которой был Вульф Высоцкий, создавший знаменитую чайную фирму «В. Высоцкий и К°». Продолжателями его дела были сын и три зятя (мужья трех его дочерей): Давид Высоцкий, Осип Гавронский, Рафаил Гоц и Осип Цетлин, но его внуки изменили интересам своего класса и, стремясь к справедливому устройству жизни, увлеклись революционными идеями и вошли в партию эсеров. После 1905 года все они эмигрировали, после Февральской революции вернулись в Россию, а после несомненной победы большевиков вновь эмигрировали — почти все, оставшиеся же разделили судьбу членов своей партии.

Александр Давидович ВЫСОЦКИЙ был одним из учредителей Союза издателей эсеров, участником Московского восстания 1905 года. В 1917 году он был избран председателем Петроград-

[31] АГ. ФЕП-кр. 18–4–1.

[32] Григорий Гершуни. Из недавнего прошлого. Издание Центрального Комитета Партии Социалистов-Революционеров. Париж, 1908.

ского комитета ПСР и гласным городской думы. Он остался в Советской России, в 1921 году был арестован и остальную часть жизни, вплоть до расстрела в 1937 году, провел в тюрьмах, политизоляторах и ссылках. В течение 15 лет он был подопечным Екатерины Павловны. В архиве ПОМПОЛИТа сохранилось более десяти дел (с 1922 по 1937 год)[33] с документами, представляющими переписку как с ним, так и с его родными, живущими за границей и оказывающими ему материальную помощь.

Муж Л. С. Гавронской, врач **Борис Осипович ГАВРОНСКИЙ**, **его братья Александр**, **Дмитрий и Яков и сестра Амалия** тоже были эсерами, тоже после 1905 года эмигрировали из России, а после Февральской революции вернулись. В 1918 году Л. С. Гавронская так же, как и Екатерина Павловна, выступила одной из учредительниц Московского политического Красного Креста, Б. О. Гавронский стал членом Комитета политического Красного Креста. Затем все Гавронские, за исключением Александра, эмигрировали. Александр увлекся театром и от политической деятельности отошел. В 1917 году перед возвращением в Россию он был режиссером Цюрихского театра и главным режиссером Женевского театра. В России он работал режиссером и кинорежиссером, но в 1934 году был арестован и 20 лет провел в лагерях. Его родные, живущие во Франции, обращались к Екатерине Павловне за содействием и через ПОМПОЛИТ оказывали ему денежную помощь[34].

Что касается Гоцев[35], то **Абрам Рафаилович ГОЦ**, член Боевой организации ПСР, остался в Советской России и с 1920 года постоянно пребывал в заключении или ссылке, умер он в 1940 году в Краслаге. Екатерина Павловна была в курсе его жизни и жизни его семьи и по возможности оказывала им помощь[36]. Брат Сары

---

[33] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 28, 39, 116, 156, 168, 316, 398, 506, 1391, 1493, 1577.

[34] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1629.

[35] Воспоминания Гершуни «Из недавнего прошлого» посвящены Михаилу Рафаиловичу Гоцу — старшему брату А. Р. Гоца.
М. Р. Гоц (1866–1906) был участником народнического движения, за что был выслан в Сибирь. За участие в вооруженном сопротивлении властям («Якутская трагедия») был приговорен к бессрочной каторге, позже амнистирован. В 1901 г. эмигрировал. Тяжело болел и умер в Женеве.

[36] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 406, 481, 485, 497, 520, 840, 1671.

Николаевны Гоц (жены А. Р. Гоца) — **Борис Николаевич РАБИНОВИЧ** — тоже был членом Боевой организации ПСР. С 1920 года он находился в эмиграции и стал одним из учредителей и казначеем Пражского политического Красного Креста, пересылавшего деньги на советских политзаключенных. (Е. Д. Кускова о нем отзывалась: «Очаровательный человек. Разве не горе, что такие люди не в России?»[37]). Екатерина Павловна, выезжая в советское время за границу, поддерживала с ним связь.

Михаил Осипович ЦЕТЛИН (1882–1945) — поэт (псевдоним: Амари) и меценат — также участвовал в революции 1905–1907 годов. Он входил в редакционную комиссию эсеровского книжного издательства «Молодая Россия» и поэтому был привлечен к дознанию; скрываясь от полиции, эмигрировал и до 1917 года жил во Франции и Швейцарии. После 1908 года он отошел от активной политической деятельности, после Февральской революции вернулся с семьей в Россию, в 1919 году вновь эмигрировал во Францию. Живя в Париже, М. О. Цетлин с 1920 по 1940 год руководил отделом поэзии в журнале «Современные записки»[38]. Покинув оккупированную Францию, Цетлины с 1941 года жили в США, где Михаил Осипович стал одним из основателей, редактором и издателем «Нового журнала». Цетлины были известны щедрой благотворительностью. В России в голодные послереволюционные годы их дом являлся прибежищем для литераторов, художников и бедствующих людей творческих профессий, в Париже он был одним из литературных центров русской эмиграции.

Общалась ли Екатерина Павловна с Цетлиными в Советской России, нам неизвестно, но в годы эмиграции она бывала у них, а М. К. Николаев бывал у них часто и особенно дружил с женой Михаила Осиповича Марией Самойловной — дочерью крупного московского ювелира Тумаркина и членом партии эсеров.

Сестра Александра Давидовича Высоцкого, Ида Высоцкая, была юношеской любовью Бориса Пастернака, ей посвящен «Марбург».

---

[37] АГ. ФЕП-кр 36–19–5. Е. Д. Кускова — Е. П. Пешковой. Из Праги в Москву, 22 марта 1927 г.

[38] «Современные записки» (1920–1940) — журнал, издаваемый в Париже и руководимый людьми с правоэсеровскими взглядами.

В юности Пастернак дружил с Александром Гавронским и, когда тот находился в ссылке, оказывал ему материальную помощь[39].

В. М. Зензинов и О. С. Минор, принимавшие активное участие в издании воспоминаний Г. Гершуни, в 1919 году вновь эмигрировали из России, уже советской. В 1921 году они выступили организаторами Парижского политического Красного Креста помощи заключенным и ссыльным в России, а в 1923 году В. М. Зензинов стал одним из учредителей Берлинского комитета помощи политическим заключенным и ссыльным в России. Эти организации взаимодействовали с ПОМПОЛИТом.

ДЕЛО АЗЕФА

В 1907 году в революционной среде начали бродить, все усиливаясь, слухи о наличии провокатора в центре партии эсеров, и в качестве такого называлось имя Азефа — главы Боевой организации (БО) ПСР.

К БО, которая формально существовала отдельно от партии (но возглавлял ее член ЦК ПСР), эсеры относились с огромным пиететом. «В Боевую Организацию не только никого не набирали, но никогда даже не приглашали — в нее всегда вступали добровольно, по собственному свободному решению. Принятия в состав Боевой Организации надо было всегда добиваться. Для члена партии это была величайшая честь — потому что члену Боевой Организации вверялось доброе имя и честь Партии, и он должен был это заслужить, ему должно было быть оказано высшее доверие»[40].

Азеф возглавил БО в 1903 году после ареста Гершуни. Гершуни полностью доверял Азефу, любил его, уважал и своим отношением к нему укреплял его авторитет. Говорили, что Гершуни страдал больше, чем от своей болезни, от слухов о провокаторской деятельности Азефа, в которые он абсолютно не верил и которые

---

[39] Дом Высоцких, который посещал Пастернак, давая уроки Иде, расположен в Гороховой слободе, недалеко от Машкова переулка, где Екатерина Павловна жила с начала 1914 г.

[40] Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. С. 276.

казались ему, как и большинству членов партии, просто нелепыми. После смерти Гершуни эти слухи все усиливались, чему способствовали и новые провалы среди организаторов и участников террористических актов. И хотя моральный авторитет Азефа был очень высок и обвинения казались невероятными, все же Центральный Комитет постановил образовать специальную комиссию для расследования «источников этих слухов». (Предполагалось, что источником является департамент полиции.)

Комиссия была образована в апреле 1908 года в Париже. В нее вошли М. А. Натансон, И. И. Фондаминский и В. М. Зензинов. Настоял на образовании комиссии В. Л. Бурцев, заслуживший за свои разоблачения провокаторов царской охранки прозвище «Шерлока Холмса русской революции», а Алексей Максимович называл его «ассенизатором политических партий». Бурцев, живший в то время в Париже, посетил Капри в начале апреля 1908 года, но еще до его приезда Алексей Максимович предупреждал Екатерину Павловну о существовании провокаторов:

«Вообще — усиленно рекомендую осторожность в сношениях с людьми, а особенно с с.-р.: сии последние оплетены целой сетью провокаций, в чем ты скоро убедишься. Но пока — о сем молчи. Они об этом знают уже»[41].

Парижская комиссия представила ряду ближайших партийных работников данные, обличающие сношения Азефа с полицией, но им отказывались верить. В начале сентября произошло событие детективного характера: к члену петербургского комитета партии, Е. П. Ростковскому, подошла незнакомая дама под вуалью, передала письмо и сейчас же быстро удалилась. (Позже выяснилось, что письмо написал крупный служащий департамента полиции, который тайно сочувствовал революционерам.) Письмо содержало предупреждение о том, что партию предают два серьезных шпиона, и тому приводились несомненные доказательства. Одним из этих шпионов явно был Азеф. Автор просил письмо никому не показывать и уничтожить по прочтении, но пока Ростковский пытался осмыслить прочитанное, к нему зашел Азеф, которому Ростков-

[41] АГ. Т. IX. С. 49. С Капри в Женеву, март, после 23-го [апрель, после 5-го], 1908 г.

ский, растерявшись, дал это письмо прочесть. Затем текст письма был доставлен в Женеву, куда поехал и Азеф и сам передал его А. Р. Гоцу. И опять руководство партии не поверило такой чудовищной информации. Наговоры на Азефа были признаны результатом интриг полиции, которая хочет опозорить и тем обезвредить одного из самых ценных работников партии. Азефу сочувствовали и сострадали как человеку оклеветанному и жестоко оскорбленному. Бурцева обвинили в том, что он хочет дискредитировать ЦК ПСР, и тогда он потребовал суда чести над собой. Третейский суд в составе П. А. Кропоткина, Г. А. Лопатина и В. Н. Фигнер заседал в октябре — ноябре 1908 года (всего было 18 заседаний). Доказательствам Бурцева, ссылавшегося на сведения, полученные им от бывшего директора департамента полиции А. А. Лопухина (о которых Бурцев рассказал под «честное слово»), поверил один Г. А. Лопатин, а В. Н. Фигнер сказала Бурцеву: «Вы ужасный человек, вы оклеветали героя. Вам остается только застрелиться». Но Бурцев сумел организовать приезд в Париж самого А. А. Лопухина, который подробно рассказал о провокаторской деятельности Азефа[42]. И даже при том, что доказательства были несомненными, далеко не все хотели им верить, и следствие, предполагавшее смертный приговор предателю (Азеф выдал охранке и Гершуни), все еще не считалось законченным. К Азефу за объяснениями отправилась делегация из трех человек (В. М. Чернов, Б. В. Савинков и Б. Н. Моисеенко). Азеф все обвинения отрицал и обещал на следующий день представить доказательства своей невиновности. Делегаты ушли, взяв с него слово явиться на следующий день к полудню на квартиру Чернова, но ночью Азеф бежал.

---

[42] Существует версия, согласно которой приезд Лопухина в Париж объясняется обстоятельствами, также вполне детективными. Дочь Лопухина, находившаяся в Лондоне, была похищена неизвестными. С Лопухиным встретился Бурцев, который предложил ему взамен на освобождение дочери выступить перед собранием руководства ПСР и ответить на задаваемые ему вопросы. В результате дочь Лопухина была освобождена и отдана отцу.

Что касается А. А. Лопухина, то по возвращении в Россию он был арестован, обвинен в государственном преступлении (выдача тайн) и приговорен к 5 г. каторги, замененным ссылкой в Сибирь.

И только на следующий день после побега Азефа он наконец был признан провокатором, а 26 декабря 1908 года (8 января 1909 года) ЦК ПСР сделал об этом заявление, воспроизведенное всей мировой печатью.

«Разоблачение Азефа для всего нашего поколения, имевшего какое бы то ни было, — близкое или далекое, — касательство к революционному движению, было резкой гранью, отделившей одну часть нашей жизни от другой. Мы как бы потеряли право на наивность, каждый из нас теперь был вынужден пересмотреть свои отношения к людям, в особенности к самым близким.

Человек, которому мы доверяли, как самим себе, оказался обманщиком, предателем, злодеем, надругавшимся над тем, что нам было дороже всего на свете, дороже собственной жизни, человеком, опозорившим и оплевавшим наше святое святых. На мир, на людей, на жизнь он заставил нас взглянуть теперь другими глазами»[43] — так характеризовал В. М. Зензинов моральное состояние, охватившее людей, связанных с революционным движением, после разоблачения Азефа.

Разоблачение Азефа явилось потрясением и для Екатерины Павловны, и для Алексея Максимовича: «Письмо твое — точно камень в лоб, у меня даже ноги затряслись и такая тоска, такая злоба охватила — невыразимо словами. Я был уверен, что существует некий ловкий подлец, — я тебе писал или говорил об этом, — вся жизнь партии за последние годы утверждала эту уверенность. <...> Знала бы ты, как иногда мне жалко и тошно, что ты идешь не по той линии, по которой я, и не с теми людьми, которые теперь являются наиболее ценными и талантливыми в русской жизни. Грустно это, но — ничего! Наши дороги сойдутся, в это я верю, это знаю»[44].

В среде политических эмигрантов разоблачение Азефа заслонило все остальные интересы, на закрытых собраниях читались доклады и велись ожесточенные дискуссии с целью постичь, как такое могло произойти, что за этим стояло и как теперь жить, чему

---

[43] Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. С. 414.

[44] АГ. Т. IX. С. 60. С Капри в Париж, около 5 [18] января 1909 г.

можно верить. У многих такое чудовищное предательство вызвало смятение, нравственную подавленность и отвращение к жизни. В партии эсеров шли непрерывные дебаты по поводу того, что необходимо пересмотреть программу и тактику, особенно бурные споры вызывал вопрос о терроре. Его противники считали, что террор себя скомпрометировал и от него следует отказаться, а сторонники утверждали, что скомпрометированы только отдельные лица, а не террор как метод борьбы. Екатерина Павловна принимала участие во всем этом кипеже страстей, а Алексей Максимович интересовался делом Азефа, так как собирался писать повесть «Провокатор». Он просил Екатерину Павловну извещать его обо «всем, что делается по вопросу об Азефе», но самой держаться от всего этого подальше: «Мне почему-то кажется, что настроение у тебя прескверное, — это естественно! и что ты кипишь день за днем в грязи этой, в азефщине, — что совершенно излишне. Толка от твоего участия в истории сей гнусной — не может быть, а измучаешься ты — вдребезги»[45]. «Пожалуйста, извещай меня о всем, что делается по вопросу об Азефе, это очень важно. Буде выйдут какие-либо бумажки — пришли, немедля. Крайне интересное дело. <...> Очень прошу: по возможности отодвинься от этого дела! Гадко»[46].

Разоблачение Азефа и его бегство совершенно скомпрометировали ЦК ПСР. В мае 1909 года состоялся V Совет партии, на котором была принята отставка прежнего ЦК, признавшего себя политически и морально ответственным за Азефа, был избран новый состав ЦК из лиц, не имевших связей с Азефом, и была создана Заграничная делегация ЦК ПСР. Согласно решению Совета, ЦК должен был находиться в России, а Заграничная делегация ЦК должна была координировать действия организаций ПСР в России и за границей. В состав Заграничной делегации ЦК ПСР вошли И. И. Фондаминский, А. Ю. Фейт и Е. П. Пешкова. Кроме того, на V Совете партии по делу Азефа была создана Судебно-следственная комиссия под председательством А. Н. Баха. Комиссия работала около двух лет, провела 73 заседания и опросила 31 лицо,

[45] АГ. Т. IX. С. 61. С Капри в Париж, конец января [начало февраля] — начало [середина] февраля 1909 г.

[46] Там же. С. 63. С Капри в Париж, середина [конец] февраля 1909 г.

результатом ее работы явилось «Заключение Судебно-следственной комиссии ЦК партии эсеров по делу Азефа», вышедшее в виде брошюры в Париже весной 1911 года. В заключении осуждался террор в том виде, который осуществлялся БО ПСР, и говорилось о необходимости более строгого проведения коллегиального принципа и более строгих моральных требований, предъявляемых к членам партии. Вскоре Б. В. Савинков, ставший руководителем БО, собрал остатки группы боевиков и голосованием распустил ее. Ряд лидеров ПСР, недовольных определениями комиссии, фактически отстранились от текущей партийной работы и сосредоточились в основном на литературной деятельности.

Несколько замечаний, связанных с «делом Азефа».

1. Любопытно, что люди, знавшие Екатерину Павловну, рассказывали, будто она была единственным человеком из эсеров, который встретил Азефа после его исчезновения из Парижа в ночь на 6 января 1909 года. Рассказывали, что Екатерина Павловна была с Максимом и, увидев Азефа, растерялась, а затем кинулась искать ажана (полицейского), но тем временем Азеф скрылся.

Об этом же есть рассказ Ирины Калистратовны Гогуа: «Екатерина Павловна единственный человек, кто видел Азефа после того, как стало ясно, что он провокатор. По-моему, Буренин[47] предупредил эсеров. Они по наивности пришли к Азефу втроем и поставили вопрос в лоб. Он попросил сутки на алиби. И вот удивительно, эсеры ушли, а он исчез.

Екатерина Павловна с Максимом... вот не помню, на какой курорт они поехали? И вдруг на террасе она столкнулась с Азефом, она его очень хорошо знала, потому что она была как бы связующим звеном, привозила литературу и все прочее. И он ее великолепно знал. Но она так растерялась, что, пока искала, кому сказать, он исчез»[48].

В книге Алданова «Азеф» есть такие строки: «Летом 1912 г. Азефа однако постигла неприятность. В Нейенарском парке, у вод,

---

[47] «Буренин» — так в тексте. По-видимому, Ирина Калистратовна имела в виду Бурцева.

[48] Червакова Ирина. Песочные часы. История жизни Ирины Гогуа в восьми кассетах, письмах и комментариях // Дружба народов. 1997. № 4. С. 101.

на него случайно наткнулись люди, когда-то его знавшие. Им удалось заметить номер стакана, которым пил воду Азеф. Эти номера в Нейенаре соответствуют номерам курортной карты. Оказалось, что под таким номером значится в книгах купец Неймайер[49] из Берлина, живущий в отеле Вестенд. О встрече было немедленно сообщено В. Л. Бурцеву»[50].

Известно, что летом 1912 года Екатерина Павловна ездила по поручению Алексея Максимовича в Мариенбад для встречи с Шаляпиным, который в это время там лечился «на водах». В Мариенбаде минеральные воды по составу сернокислые, а двууглекислые минеральные воды, которыми пользовалась Екатерина Павловна, как раз имелись на небольшом курорте в Нейенаре. Екатерина Павловна вполне могла посетить Нейенар после встречи с Шаляпиным, Максим мог заметить номер стакана, из которого пил Азеф, а Екатерина Павловна непременно сообщила бы об этой встрече Бурцеву, с которым была хорошо знакома. То, что Екатерина Павловна растерялась, так с Азефом многие терялись: и Ростковский, показавший Азефу письмо с несомненным компроматом, и представители ЦК, позволившие ему скрыться после разоблачения, и то, что Азефа эсеры не убили, так тоже только потому, что все (даже Савинков) растерялись. А то, что Екатерина Павловна не нашла ничего лучшего, как побежать искать полицейского, так это вполне в ее характере — все-таки законопослушном.

2. Заграничная делегация ЦК ПСР, избранная в мае 1909 года, состояла из трех человек: кроме Екатерины Павловны, в нее входили Андрей Юльевич Фейт и Илья Исидорович Фондаминский.

Андрей Юльевич ФЕЙТ (1864–1926) — народоволец, по профессии врач. В революционном движении с 1882 года, неоднократно арестовывался. В 1897 году был арестован и после двухгодичного заключения отправлен в Сибирь, где с образованием ПСР стал ее членом. С сентября 1905 года активно участвовал в пар-

[49] Под этим именем жил Азеф.

[50] Алданов Марк. Азеф // Сочинения в 6 книгах. Кн. 1. Портреты. М.: Новости, 1994. С. 278.

тийной работе в Нижнем Новгороде, в декабре 1905 года был арестован и сослан в Тобольскую губернию, откуда в 1907 году бежал за границу. После начала Первой мировой войны вступил добровольцем во французскую армию в качестве военного врача. После Февральской революции вернулся в Россию, был членом ЦК ПСР и членом Исполкома Петросовета. Резко выступал против Октябрьской революции, помогал Керенскому в организации похода на Петроград, был выбран депутатом Учредительного собрания, участвовал в ряде подпольных эсеровских организаций. С 1918 года работал инспектором санитарных поездов Красного Креста, был членом Московского политического Красного Креста. От политической деятельности отошел и в Советской России работал санитарным врачом. Умер он в 1926 году, похоронен на Новодевичьем кладбище рядом с другими народовольцами.

Илья Исидорович ФОНДАМИНСКИЙ (партийный и литературный псевдоним: Бунаков) (1889–1942) родился в состоятельной еврейской семье, после смерти старшего брата — народовольца, погибшего в ссылке, — оставался единственным сыном. В 1900–1902 годах учился в Гейдельберге и Берлине. Входил в дружеский кружок, из которого впоследствии вышло несколько видных деятелей ПСР (А. Р. Гоц, Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов). В 1903 году вместе с женой (в 1902 году он женился на Амалии Гавронской) уехал за границу, путешествовал, изучал искусство. В конце 1904 года вернулся в Россию, вошел в Московский комитет ПСР. В 1905 году был арестован, заключен в Таганскую тюрьму, из которой вскоре был освобожден толпой. В июле 1906 года был арестован на восставшем крейсере Балтийского флота «Памяти Азова», куда направлялся по заданию ПСР для руководства восстанием. Суд вынес ему оправдательный приговор, т. к., когда он прибыл на крейсер, восстание уже было подавлено. Осенью 1906 года он вместе с женой эмигрировал, жили они в Париже. После разоблачения Азефа (в предательство которого он не мог поверить: «провокатором может быть кто угодно, только не Азеф») помогал Савинкову, пытавшемуся возродить Боевую организацию. В 1917 году вернулся в Россию, был противником большевиков, в 1919 году вновь эмигрировал во Францию. Был одним из основателей и редактором журналов

«Современные записки» и «Новый град», объединения и альманаха «Круг», одним из организаторов «Лиги православной культуры». Занимался философскими проблемами, пришел к мысли, что для установления мировой гармонии всего важнее мировоззрение, а не политические методы, воспринял христианское отношение к жизни. После смерти жены всецело посвятил себя общественной работе, вместе с матерью Марией организовал общество «Православное дело»[51]. Перед приходом в Париж фашистов отказался покинуть Францию, был заключен в концлагерь, из которого отказался бежать (он хотел разделить судьбу своих братьев-евреев), незадолго до смерти принял крещение. Был отправлен в Освенцим, где погиб 19 ноября 1942 года. Постановлением Священного синода Константинопольского патриархата от 16 января 2004 года причислен к лику святых[52].

Б. В. САВИНКОВ

С Борисом Викторовичем Савинковым, одним из руководителей Боевой организации партии эсеров, Екатерина Павловна познакомилась в 1907 году после 2-го Совета партии эсеров. На этом Совете, состоявшемся в конце 1906 года, Савинков, еще ранее выступавший с заявлением о необходимости прекращения террористической деятельности до обновления методов террора, заявил о своей отставке; отставка была принята, после чего БО ПСР фактически прекратила свое существование, а Савинков уехал во Францию. Он жил в Париже, террористической деятельностью до июня 1908 года не занимался и писал «Воспоминания террориста», в которых, в частности, рассматривал мучивший его «вопрос о моральном оправдании террора» — имеет ли человек моральное право лишать жизни других людей, даже и во имя самых человеколю-

[51] «Православное дело» — благотворительная и культурно-просветительская организация помощи русским эмигрантам, организованная в 1935 г.

[52] 1 мая 2004 г. в Александро-Невском соборе в Париже состоялся торжественный акт канонизации новопрославленных святых — протоиерея Алексия Медведкова, священника Димитрия Клепинина, матери Марии (Скобцовой), Юрия Скобцова и Ильи Фондаминского.

бивых целей[53]. В январе 1909 года ЦК ПСР принял постановление о роспуске БО ПСР и создании «боевой группы, состоящей из членов ПСР под руководством Савинкова». Группа была небольшой (12–16 человек), соблюдала строгую конспирацию, местонахождение ее членов знал только И. И. Фондаминский, бывший представителем БО в Заграничной делегации ЦК ПСР. Просуществовала группа недолго, весной 1911 года руководство ПСР приняло решение о ее роспуске, такому решению способствовал ряд причин, в том числе рост антитеррористических настроений в Заграничной делегации ЦК ПСР и неверие в организаторские способности Савинкова.

Как относилась Екатерина Павловна к Б. В. Савинкову? Чтобы ответить на этот вопрос, мы, к сожалению, располагаем очень небольшим количеством документов. В архиве Савинкова сохранилось несколько писем и записок Екатерины Павловны, адресован-

[53] В своих «Воспоминаниях» Савинков рассказал об отношении к террору члена Боевой организации партии эсеров, «верующей христианки, не расставшейся с евангелием»: «Мария Беневская, знакомая мне еще с детства, происходила из дворянской военной семьи. Румяная, высокая, со светлыми волосами и смеющимися голубыми глазами, она поражала своей жизнерадостностью и весельем. Но за этою беззаботною внешностью скрывалась сосредоточенная и глубоко совестливая натура. Именно ее, более чем кого-либо из нас, тревожил вопрос о моральном оправдании террора. Верующая христианка, не расставшаяся с евангелием, она каким-то неведомым и сложным путем пришла к утверждению насилия и к необходимости личного участия в терроре. Ее взгляды были ярко окрашены ее религиозным сознанием, и ее личная жизнь, отношение к товарищам по организации носили тот же характер христианской незлобивости и деятельной любви. В узком смысле террористической практики она сделала очень мало, но в нашу жизнь она внесла струю светлой радости, а для немногих — и мучительных моральных запросов. Однажды в Гельсингфорсе я поставил ей обычный вопрос: — Почему вы идете в террор? Она не сразу ответила мне. Я увидел, как ее голубые глаза стали наполняться слезами. Она молча подошла к столу и открыла евангелие. — Почему я иду в террор? Вам неясно? “Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою мене ради, сей спасет ю”. Она помолчала еще: — Вы понимаете, не жизнь погубит, а душу...» (Савинков Б. В. Воспоминания / Сост., автор вступ. ст. и примечаний И. М. Пушкарева. М.: Моск. Рабочий, 1990. С. 215).

ных ему в 1907–1912 годах[54]. Письма мы приводим ниже, их всего пять, даты на них не проставлены, мы датируем их, исходя из контекста.

Письмо 1. «< Женева, апрель 1907 г.>

Дорогой Павел Иванович[55], к<а>к-то так глупо выходило, что за оба раза, что была в Париже, не удалось поговорить, да и просто побыть с Вами, к<а>к хотелось. Вы долго еще останетесь в Париже? Б<ыть> м<ожет>, куда-ниб<удь> на лето двинетесь, а по пути — заглянете и в наши края? Я до конца мая буду в Женеве (59, Chemin Vert). Если занесет Вас судьба в Женеву, непременно придите ко мне. А меня к<а>к-то смерть Гр<игория> Андр<еевича>[56] так из колеи вышибла, что я никак со своим временем не сумела справиться. А что-то тянет узнать Вас получше. В среду, когда я Вас последний раз видела, не успела почему-то Вам сказать. С Вами оч<ень> хотел бы познакомиться один — говоря шаблонно — товарищ. Б<ыть> м<ожет>, Вы его заметили на собраниях. Высокий такой субъект. Ив<аном> Миронычем[57] его зовут. Парень оч<ень> неглупый. Коли ничего не имеете против, черкните ему пару слов и назначьте, когда ему можно к Вам прийти. Его адрес: m-r Libermann, pour Boris, B-d Port Royal, 88. Paris. Никакого специального дела к Вам у него нет, просто хочется с Вами познакомиться. За его порядочность ручаюсь. Расспрашивал меня М. об Вас. Ничего не могла ему сказать, т. к. совсем не знаю, к<а>к Вам живется. Теперь он уехал из Женевы. Ожил он очень.

Ну, прощайте. Буду рада, если Вы мне откликнитесь. Ек<атерина> П<ешкова>»[58].

Письмо 2. «Женева. 5 мая <1907 г.>

А своей подозрительностью Вы несколько задели меня. Не стыдно было предположить, что под влиянием Над<ежды>

[54] ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 152.
[55] Партийная кличка Б. В. Савинкова.
[56] Г. А. Гершуни.
[57] Лицо не установлено.
[58] ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 152. Л. 7–8 об.

Вл<адимировны>[59] я Вам написала[60]. А я т<а>к от души писала Вам. Ну ладно. Прошло это. А жаль, что не были Вы здесь на Пасху. Дети не учились, шумно, сутолочно было. Пасха, куличи, крашеные яйца — все это подобие какого-то праздника русского создавало. Погода ясная, солнечная была, веселая. А к Вам мой знакомый еще не заходил. Получила сегодня письмо от него. Говорил, что еще не был у Вас, т. к. не хочется расспросами о Вашем адресе негласное дознание вызывать. Написала ему Ваш адрес. Верно, зайдет на днях.

Ну, всего доброго Вам. Жму крепко руку. Где будете летом? Еще раз жму руку Вам. Ек<атерина>. Chemin Vert, 59»[61].

Следующие два письма написаны значительно позже, в 1911 году. К этому времени Савинков покинул Париж и жил, скрываясь от агентов охранки, в Сан-Ремо; там же вместе с ним жили члены его Боевой организации: умирающая от чахотки Мария Прокофьева[62] и Евгения Сомова[63], ради которой Савинков оставил жену с двумя детьми[64].

---

[59] Надежда Владимировна Кончевская.

[60] Н. В. Кончевская была женой Л. Э. Шишко, пользовавшегося среди эсеров репутацией «святейшего» человека. Шишко любил и ценил Савинкова и всячески подчеркивал его душевную силу и свое уважение к нему.

[61] ГА РФ. Ф. 5831 Оп. 1. Д. 152. Л. 9–10 об.

[62] Мария Алексеевна Прокофьева — член ПСР. Арестована в мае 1907 г. по делу о заговоре против царя, приговорена к вечной ссылке в Сибирь. В 1908 г. бежала за границу, в 1909 г. вступила в «савинскую» БО. Умерла от туберкулеза. Она была невестой известного эсера-террориста Егора Сазонова, в 1910 г. покончившего с собой на Нерчинской каторге в знак протеста против жестокого, по его мнению, обращения администрации с заключенными.

[63] Евгения Ивановна (урожденная Зильберберг, в первом браке — Сомова, в третьем браке — Ширинская-Шихматова) — член ПСР, член БО ПСР, вторая жена Б. В. Савинкова, имела с ним сына Льва. Евгения Ивановна и Лев Борисович из эмиграции в Россию не вернулись, жили во Франции.

[64] Б. В. Савинков первым браком был женат на В. Г. Успенской — дочери писателя Г. Успенского, с которым дружила В. Н. Фигнер. В 1907 г., когда В. Н. Фигнер приехала в Аляссио, ее навестила В. Г. Успенская и пригласила погостить в Болье, где она «с мужем занимала на берегу моря хоро-

Письмо 3. «<Париж>.

Дорогой Борис Викторович. Сейчас получила телеграмму из Sanremo. Очень болен, вернее, умирает один наш товарищ. Прошу Вас, пойдите к ним и сделайте, что увидите нужным сделать. Он — с женой и ребенком. Верно, жене оч<ень> тяжело и трудно. Зайдите к ней, оч<ень> прошу. Это близкие мои приятели, дружен с ними Фор[65] и Марья Алексеевна»[66].

К письму Екатерины Павловны была приложена записка:

«Дорогой Павел Иванович! Я тоже очень прошу Вас сделать все возможное для Никандрыча[67]. Он близкий друг всем нам, и мы его очень любим. Шлю Вам горячий привет и всем товарищам. Ваш Фор»[68].

Письмо 4. «<Париж>

Спасибо, что быстро ответили. За жену Дем<ьяненко> я спокойней теперь. Знаю, что сумели тепло к ней подойти. Она — молодец, держит себя в руках, но потому еще труднее переживает все, что на нее падает. Жаль очень, что Евг<ений> Ник<андрович> не познакомился раньше с Вами. Ему хотелось этого. Я не знала Вашего адреса; направлять его к Вам считала неудобным, но про-

---

шую виллу с садом». В Болье В. Н. Фигнер познакомилась с Б. В. Савинковым и высоко оценила его. «Из всех людей, которых я когда-либо встречала, он был самым блестящим» — так она писала в своих воспоминаниях. В 1908 г. после его разрыва с В. Г. Успенской В. Н. Фигнер «разошлась с ним. Нельзя было не разойтись, и мы встречались, обдавая друг друга ледяным холодом. Инициатива принадлежала мне: я высказала ему порицание за некоторые поступки, осудила его поведение, высказалась резко, жестко; осудила так, что он не мог простить, да и никто, пожалуй, не простил бы» (Фигнер В. После Шлиссельбурга). В значительной степени в связи с этим разводом отношение многих эсеров к Савинкову изменилось.

[65] Лазаркевич (Фор) Никифор Александрович — член ПСР. Вместе с Екатериной Павловной участвовал в работе ялтинского комитета ПСР. В эмиграции преподавал физику в школе Фидлера, писал научные статьи («Радий и внесенный им в науку переворот» (Современник. 1912. Кн. 1–2), «Электронная теория» (кн. 5–6) и др.

[66] ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 152. Л. 11.

[67] Демьяненко Евгений Никандрович.

[68] ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 152. Л. 12.

сила, чтобы написали Вам о нем. Думала, что это давно было сделано. Вы застали его живым? Говорили с ним? Это был один из немногих, — без всяких сомнений и несмотря ни на что, — влюбленный в партию человек. Встреча с Вами была бы ему большой радостью.

Жму крепко Вам руку. Привет мой Мар<ии> Ал<ексеевне> и Ев<гении> Ив<ановне>. Ваша Ек<атерина> П<ешкова>»[69].

О болезни и смерти Е. Н. Демьяненко Екатерина Павловна писала и Ольге Елисеевне Колбасиной-Черновой, жившей в Феццано:

«Ваше письмо получила, дорогая Ольга Елисеевна. Чем же все это кончилось? Оч<ень> жду дальнейших вестей. Не сразу Вам ответила. Волновалась оч<ень> эти дни. Остро заболел, потом умер Ев<гений> Никандр<ович> Демьяненко (Георгий Мих). Т<а>к жалко, т<а>к его жалко. Скажите об этом Вик<тору> Мих<айловичу>, когда он вернется. Б<ыть> м<ожет>, он напишет о нем. Ведь это один из немногих, так безумно влюбленных в партию и партии преданных без всяких сомнений был человек. Хотелось бы, чтобы сообщение о его смерти было теплое и хорошее. Жалко его.

Жму руку Вам и В<иктору> М<ихайловичу>[70]. Не приедет ли он в Париж? Если да — жду его. Ваша Ек<атерина> Пешк<ова>.

Мой адр<ес>: 7, av de la Deon La “Fontenay-aux Roses pres Paris»[71].

С семьей Демьяненко Екатерина Павловна подружилась в Ялте. Екатерина Николаевна, жена Евгения Никандровича, о которой Екатерина Павловна писала, что она «молодец, держит себя в руках», не была равнодушна к общественным проблемам: когда-то, в 1899 году, она уехала из Ялты (где входила в правление бесплатной библиотеки-читальни при мещанской управе) в голодающую Самарскую губернию и открыла там столовую для детей. Известно, что из эмиграции Е. Н. Демьяненко вместе с сыном вернулась на родину; в 1935 году они жили в Одессе, и ее сын был очень болен (в Одессе их разыскала Мэри Гиссен). Екатерина Павловна

[69] ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 152. Л. 13–13 об.
[70] Виктор Михайлович Чернов.
[71] ГА РФ. Ф. 5847. Оп 1. Д. 97б. Л. 96.

поддерживала с ними связь. Упоминание о «хорошем человеке» Демьяненко есть в письме С. Я. Маршака к Екатерине Павловне:

«“Нижняя Ореанда”, 12 ноября 1960 г.

Дорогая Екатерина Павловна. По телефону было очень плохо слышно. Я так и не разобрал, почему Вы ложитесь в больницу на исследование. Если не трудно, напишите хоть несколько слов. В Ялте с большой нежностью вспоминаю годы, проведенные с Вами и у Вас. Побывал и на даче Ширяева, и на даче Ярцева, и на Дарсане. Заглянул даже в квартиру, где жил очень хороший человек — инженер Демьяненко, который готовил кефир для продажи и очень любил поэзию. Сейчас здесь никого из старых знакомых, никого из моих гимназических товарищей нет. И даже дом Чехова кажется чужим — с тех пор как там не стало Марии Павловны»[72].

Письмо Маршака написано спустя полвека после того времени, когда Екатерина Павловна просила Б. В. Савинкова посетить семью Демьяненко, чтобы скрасить умирающему последние часы жизни, а его жене помочь найти силы перенести выпавшее на ее долю испытание.

И еще одно письмо, скорее, записка Екатерины Павловны, адресованная Савинкову:

«<Аляссио. Июль 1912 г.>

Дорогой Борис Викторович. Простите, что не сразу ответила — что-то никак за стол письм<енный> не могла сесть. “Настроения” одолели. Да — Ал<ексей> Макс<имович> числа 10–15 здесь еще будет, т<а>к что — приезжайте. К Вам поехать он не сможет. И работает, и приезжают тут к нему. Привет Ев<гении> Ив<ановне> и Мар<ии> Ал<ексеевне>. Ваша Ек<атерина> П<ешкова>.

Villa Sunny Mount. Alassio»[73].

Эта записка была написана после начала публикации романа В. Ропшина «То, чего не было». Роман был напечатан в первом номере журнала «Заветы» вместе с рассказом М. Горького «Рождение человека», что вызвало возмущение Алексея Максимовича — он не хотел печататься под одной обложкой с Ропшиным. Роман

[72] Маршак С. Я. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.: Художественная литература, 1972. С. 373–374.

[73] ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 152. Л. 14–15.

имел успех, но успех скандальный. Описываемые в романе чувства и поступки героев приводили к осознанию невозможности морального оправдания насилия: насилие неизбежно изменяет нравственный облик революционера-террориста таким образом, что тот становится не лучше обычного «филера». В эсеровской и эмигрантской среде к роману отнеслись не только как к самокритике и критике лидеров партии и ее членов («публичное самосечение»), но то, что он был напечатан в журнале «Заветы», вызывало недоумение: каковы же «заветы»? В течение года, пока шла публикация романа, споры вокруг него не утихали. Как отнеслась к роману Екатерина Павловна, склонная восхищаться людьми, особенно революционерами? На вопрос О. Е. Колбасиной-Черновой, каково ее отношение к роману, она отвечала: «Вы спрашиваете о книге Ропшинс<кого> романа. С самого описания Сов<ета> партии оч<ень> тяжело читать стало и т<а>к досадно за Бор<иса> Викт<оровича>. Ведь то, что он говорит и что, думаю, он бы хотел сказать своим романом, не совпадает с впечатлением, кот<орое> от него получаешь. Т<а>к обидно и досадно»[74].

Савинков в эмиграции после прекращения деятельности Боевой организации занимался литературным трудом. Вернувшись в Россию после Февральской революции, он активно включился в политическую деятельность. В правительстве Керенского занимал должность товарища министра, управляющего Военным министерством. В октябре 1917 года был исключен из ПСР (за участие в подготовке Корниловского наступления). Октябрьскую революцию встретил враждебно, был организатором антибольшевистской офицерской организации «Союз защиты Родины и Свободы», воевал рядовым в белой армии. В октябре 1918 года по поручению Директории уехал в Париж, где входил в состав «Русского политического комитета». С января 1920 года жил в Варшаве, участвовал в формировании на территории Польши военных отрядов для рейдов на советскую территорию, пытался организовать подпольную антибольшевистскую организацию на территории СССР; в результате чекистской операции в августе 1924 года был завлечен в СССР, арестован и приговорен к высшей мере наказания с заменой

[74] ГА РФ. Ф. 5847. Оп 1. Д. 976. Л. 97–100 об.

на 10 лет заключения. Погиб в тюрьме 7 мая 1925 года (не установлено, покончил ли он с собой или был убит чекистами). Находясь в заключении во Внутренней тюрьме (на Лубянке), он признал советскую власть, о чем в сентябре 1924 года написал в письме, которое так и называлось «Почему я признал Советскую власть?». Он писал: «И именно потому, что народ не с нами, а с Советской властью, и именно потому, что я, русский, знаю только один закон — волю русских крестьян и рабочих, я говорю так, чтобы слышали все: довольно крови и слез; довольно ошибок и заблуждений; кто любит русский народ, тот должен подчиниться ему и безоговорочно признать Советскую власть»[75].

По-видимому, и Екатерина Павловна признала советскую власть, подчинившись «воле русского народа» (недаром она говорила: «моя партия проиграла», а в другую партию не вступала).

Документальных свидетельств отношений Екатерины Павловны и Савинкова в годы Гражданской войны и советской власти у нас нет. После гибели Савинкова Екатерина Павловна передала через ПОМПОЛИТ его сыну, Виктору Борисовичу Успенскому, вещи отца и письма[76]. В. Г. Успенская обращалась к Екатерине Павловне за помощью, как материальной (по поводу наследства Б. В. Савинкова — возможности издания его книг в пользу детей[77]), так и правовой[78]. Екатерина Павловна мало что смогла сделать. Она не смогла спасти жизнь В. Б. Успенского, который в конце декабря 1934 года был арестован, а затем расстрелян. Она лишь смогла отсрочить на полгода высылку из Ленинграда семьи В. Г. Успенской[79].

---

[75] Савинков Б. В. Воспоминания / Сост., автор вступ. ст. и примечаний И. М. Пушкарева. М.: Моск. Рабочий, 1990. С. 398.

[76] См.: ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 74. Л. 109; Д. 88. Л. 3–6.

[77] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 398. Л. 258–259; Д. 1121. Л. 167.

[78] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1303. Л. 28–37; Д. 1518. Л. 23–28.

[79] В. Г. Успенской и ее семье: Борисовой Татьяне Борисовне — ее дочери, Бельской Нине Александровне — ее невестке (жена расстрелянного сына) и трем внукам (они же внуки Б. В. Савинкова) было разрешено поселиться в гор. Чудове (дер. Себреницы) в Доме-музее Глеба Успенского, куда они выехали в феврале 1936 г. Умерла В. Г. Успенская в 1942 г. в блокадном Ленинграде, жила она тогда на ул. Ропшинской.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОКРУЖЕНИЕ И ОТНОШЕНИЯ

После разоблачения Азефа партия эсеров еще долго не могла оправиться от унижения и позора, некоторые члены партии (в том числе В. Н. Фигнер) вышли из ее рядов. В эмигрантской среде не рассеивалась атмосфера подозрений и разоблачений. Бурцев разоблачил еще одного провокатора среди эсеров (на этот раз — женщину), и Алексей Максимович очень боялся за Екатерину Павловну. «Вероятно, на тебя произвело отвратительное впечатление дело <З. Ф.> Жученко? Недурная баба! Я — не обижайся — в виду таких событий очень советовал бы тебе — удались временно от дел! <...> Ты хорошо сделаешь, послушав меня. Нехорошо бросать т<о>в<а>рищей в такой тяжелый момент? Может быть. Но — кто товарищи? И — что они теперь могут делать? Скорбеть, сокрушаться, злиться — ничего более, я думаю. Отойди! Очень я боюсь за тебя. У с.-д. тоже есть хороший провокатор, но он уже вскрыт и скоро будет уличен. Но у них провокация не может играть той ужасной роли, как у с.-р., — формы организации другие»[80].

Екатерина Павловна не покинула партию в «тяжелый момент». Заграничная делегация ЦК ПСР, в которую она вошла, сначала занималась координацией действий российских и зарубежных эсеровских организаций, а затем состав Делегации был расширен, и фактически к ней перешли функции ЦК. (Новый состав ЦК ПСР был избран только в июне 1917 года.) В 1910 году заседания Делегации проводились два раза в месяц[81].

С течением времени Екатерина Павловна стала заниматься не столько политической деятельностью (о направленности которой в эмигрантской среде не затухали ожесточенные споры), сколько практической помощью российским революционерам и их семьям. В 1908 году она начала работать в Парижской эмигрантской кассе по организации материальной помощи русским политэмиг-

---

[80] АГ. Т. IX. С. 72–73. С Капри в Аляссио, 29 августа [11 сентября] 1909 г.

[81] Подробно о работе ЗД ЦК ПСР см. в книге: Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998.

рантам. В связи с этой работой она принимала участие в устройстве традиционных новогодних вечеров-балов в пользу эмигрантской кассы. Эти вечера проводились русской колонией, которая традиционно собиралась для встречи «русского нового года» (Новый год по старому стилю). Иногда эмигрантская касса устраивала митинги; так, по поводу столетия со дня рождения А. И. Герцена (15 апреля 1912 года) прошел митинг, на котором приехавший в Париж Алексей Максимович читал свой рассказ «Рождение человека».

В январе 1910 года в Париже В. Н. Фигнер основала «Комитет помощи политическим каторжанам в России», Екатерина Павловна приняла участие в работе Комитета.

Первые пункты устава Комитета имели следующую формулировку:

« <1.> Общество имеет целью материальную помощь политич<еским> каторжанам Евр<опейской> и Азиатской России.

<2.> Общество беспартийно и на гуманитарной <платформе> оказывает помощь без различия вероисповедания и национальности.

<3.> Средства Общества составляются из ежемесячных взносов и доходов от лекций, вечеринок, устраиваемых членами Общества и сочувствующими; из единовременных пожертвований и т. п.»[82].

Эти формулировки лягут в основу уставов всех будущих Обществ помощи российским политическим заключенным и ссыльным.

Парижский «Комитет помощи политическим каторжанам в России» просуществовал до февраля 1917 года. О денежных поступлениях в фонд Комитета сообщалось в специальных отчетах Комитета за 1910, 1911, 1912 годы, выпускаемых В. Н. Фигнер. О денежных отчетах за последующие годы есть ее запись: «Текста к денежному отчету за 1913 я не писала, а после объявления войны мои отношения с Комитетом прекратились, но для пополнения сведений о его работе я списалась в марте текущего года с Парижем, и Аитов, наш казначей, на основании сохранившихся у него

[82] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 9. Записная книжка В. Н. Фигнер. Автограф. Вероятно, запись сделана в 1918 г.

записей, прислал мне цифры за годы 1914–1917, показывающие, что работа К<омите>та, несмотря на войну, продолжалась вплоть до революции, хотя и с большими колебаниями в 1915 г.

В 1914 поступления равнялись 27.402 франка, в 1915 — 3.918 фр<анков>, в 1916 — 18.778 фр<анков>. Помощь оказывалась: в 1914 в сумме 31.918 фр<анков>, в 1915 — 5.586 фр<анков>, в 1916 — 13.589 фр<анков>. В 1917 к марту остаток 2-х касс: каторжан и ссыльнопоселенцев равнялся 7.642 фр<анка> 45 с<антимов>. От К<омите>та амнистированных в П<етер>б<урге> получено 96.620 фр<анков>, а вместе с дальнейшими мелкими поступлениями всего составляло 114.310 фр<анков> 55 с<антимов>.

Расход на отправку эмигрантов известной категории и помощь бывшим каторжанам и ссыльнопоселенцам, оставшимся в Париже, 114.038 фр<анков> 75 с<антимов>. Остаток 271 фр<анк> 80 с<антимов> передан Шлиссельбуржцу С. Иванову для употребления с благотворительной целью по его усмотрению.

Так закончилась работа Парижского К<омите>та, основанного мной в 1910 г.»[83].

Мы привели отрывок из записной книжки В. Н. Фигнер, чтобы не только показать отношение членов Парижского комитета к денежным поступлениям, но и потому, что это был первый Комитет помощи политическим заключенным, в котором Екатерина Павловна работала. В его состав входили народники (кроме В. Н. Фигнер, Г. А. Лопатин, М. Н. Тригони, Д. А. Аитов), и в своей работе они руководствовались народническими традициями. Этим традициям Екатерина Павловна не изменила.

Позже она участвовала в создании детской библиотеки при эмигрантской кассе. В связи с этой работой Алексей Максимович писал: «Получишь перевод с Капри на 50 лир — лучше всего было бы употребить их на детскую библиотеку; запиши, что деньги поступили от г-жи Шехановой, и пошли расписку по адресу Язвицкого. <...> Мне кажется, что из всех дел, принять участие в коих тебе предлагают, — лучшее — детская библиотека, и тебе бы принять посильное участие именно в ее устройстве. А я “поспособст-

[83] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 9. Записная книжка В. Н. Фигнер. Автограф. Вероятно, запись сделана в 1918 г.

вую”»[84]. В письме Алексея Максимовича присутствует то же безусловное отношение к пожертвованиям.

Екатерина Павловна принимала участие в работе еще одного Комитета — Комитета по устройству «Музея истории борьбы за политическое освобождение России». Задумал такой музей Алексей Максимович, но эта его затея не была реализована, и работа по созданию музея заглохла в 1913 году, когда он и Екатерина Павловна вернулись в Россию.

Занималась Екатерина Павловна и самообразованием. Она окончила курсы французского языка для русских в Сорбонне и затем в Сорбонне же посещала лекции по социальным наукам. Ее стремление учиться Алексей Максимович одобрял: «Рад я также, что ты хочешь учиться — почему-то мне всегда хотелось этого! Имей в виду, что современная Франция является передовой страной в науке и философии, — имена Ле-Бона, Ле-Дантека, Бергсона — это уже мировые имена. Ты могла бы слушать их лекции, если освоилась с языком»[85]. Лекции по философии для Екатерины Павловны, вероятно, были все-таки трудны, и она предпочла лекции по литературе, которые читал профессор Буайе. Она попробовала себя как переводчица: перевела на русский язык «Воспоминания» мадам Икс о Ги де Мопассане. Они были напечатаны в журнале «Современный мир»[86], 1913, № 8, под названием «Гюи де Мопассан в интимной жизни». Авторизованный перевод с французского Е. П. Пешковой.

Екатерина Павловна много читала. Алексей Максимович, для которого книги являлись важнейшей жизненной составляющей, заботился о том, чтобы она и Максим были ими обеспечены. («Мне очень хочется, чтобы и ты и Максим не нуждались ни в чем, а потому я просил бы сообщать мне, какие книги нужны»[87].) Книги, которые читала Екатерина Павловна по совету Алексея Максимовича, были довольно серьезными (не «дамское» чтение). Приводим некоторые из его рекомендаций.

---

[84] АГ. Т. IX. С. 139. С Капри в Париж, середина [конец] апреля 1912 г.

[85] АГ. Т. IX. С. 66. С Капри в Париж, весна 1909 г.

[86] Журнал «Современный мир» выходил в Петербурге с 1892 по 1918 г., до 1906 г. под названием «Мир божий».

[87] АГ. Т. IX. С. 47. С Капри в Париж, февраль 1908 г.

«В ближайшем сбор<нике> “Знания“ явится повесть Золотарева — обрати внимание, это начинающий писатель. Выписала ты себе Фореля? Помнишь, я рекомендовал — “Половой вопрос”? Выпиши и читай. Простая, умная книга, ее должен знать каждый интеллигент. И как только выйдет книга Луначарского о религии — купи, читай! Будь уверена — это хорошая вещь. <...журнал> “Документы прогресса”, он издается во Франции, на трех языках, и я тоже очень рекомендую тебе выписать его. Практика в языке и — целый ряд статей крупнейших умов Европы о современном движении мысли, — “Les documents du progrès”, 59, Rue Claude Bernard, Paris — стоит 10 fr. в год. Этот журнал — одна из первых ласточек Европы, предвещающая наступление великой и всемирной революции мысли»[88].

«Дорогой друг — вышел интереснейший сборник “Очерки по философии марксизма”. Если бы ты одолела в нем статью Базарова и Богданова — это было бы очень ценное приобретение для тебя»[89].

«Получаешь ли ты сборники “Знание”? Есть ли у тебя книга Кропоткина “Взаимопомощь животных” — лучшая его работа? Эта вещь была бы полезна и для Максима»[90].

«В “Знании” выходит брошюра Ферворна “О границах познания” — прочитай!»[91]

«Желалось бы мне, чтоб ты прочитала всего Стриндберга, — какой честный ум, какое милое огненное сердце! И — культурен! Этот — знает! Знает все: рыб, бабочек, химию, историю, мистику. И человека, конечно. Он любит такой могучей, озлобленной несколько, но пламенной любовью»[92].

«Послал тебе стихи Саши Черного, одного из талантливейших людей в “Сатириконе”, — не смущайся грубостью, обрати внимание на искренность его тоски. Послал также томик Уэльса <...>»[93].

Среди отправленных Екатерине Павловне книг были: «Мировые загадки» Э. Геккеля, «Жизнь Иисуса» Д. Штрауса, «Белые

---

[88] АГ. Т. IX. С. 38. Из Флоренции в Женеву, 19 ноября [2 декабря] 1907 г.
[89] Там же. С. 45. С Капри в Париж, февраль 1908 г.
[90] Там же. С. 47. С Капри в Женеву, март, 10-е [23-е] 1908 г.
[91] Там же. С. 56. С Капри в Париж, октябрь, после 6-го [19-го], 1908 г.
[92] Там же. С. 83. С Капри в Париж, декабрь 1909 г.
[93] Там же. С. 110. С Капри в Париж, 27 декабря 1910 г. [9 января 1911 г.]

ночи» Достоевского, томик польского поэта-лирика Казимира Тетмайера и мн. др., а кроме того, журналы «Русское богатство», «Былое», «Современный мир», сборники издательства «Знание».

Образ жизни Екатерины Павловны (во многом он сложился под влиянием Алексея Максимовича) был граждански активным, при этом важнейшее место в ее жизни занимали дети, а с потерей дочери — единственный сын. Его интересами определялся выбор страны и города, в котором они жили в эмиграции. Школа Фидлера, в которой учился Максим, до лета 1908 года располагалась в Женеве, и Екатерина Павловна уехала в Женеву. Осенью 1908 года школа Фидлера переехала в местечко Plessy-Piquet под Парижем, а через год — в местечко Chatillon (пригород Парижа, где школа находилась в сосновом лесу), и Екатерина Павловна вслед за школой вернулась в Париж и меняла квартиры[94], чтобы быть ближе к школе. Время школьных каникул они с Максимом проводили в основном в Аляссио (местечко, расположенное между Генуей и Ниццей). «Здесь превосходный пляж, хорошее купанье, тихо и недорого. Очень много ребятишек и нет иностранца: Alassio — летний итальянский курорт, и люди ходят по улицам в купальных халатах»[95], — оценил Аляссио Алексей Максимович.

Круг общения Екатерины Павловны составляли в основном русские эмигранты, считавшие свое пребывание за границей временным и стремившиеся вернуться на родину, как только это станет возможным. Из нижегородских друзей Екатерины Павловны в Париже жила семья А. Ю. Фейта, позже приехали сестры Кольберг, в 1908 году — Вера Николаевна, затем — Юлия Николаевна с дочерью Ириной. (Юлия Николаевна в то время примыкала к группе Ю. О. Мартова, к которой Алексей Максимович относился по-ленински: «Юлию мне жалко, хорошая она и не место ей около живых трупов»[96].) В конце 1910 года в Па-

[94] До переезда в Женеву (до осени 1907 г.) и по возвращении в Париж (осенью 1908 г.) вплоть до мая 1909 г. Екатерина Павловна жила в Божи-сюр-Клярен; осень 1909 г. и зиму 1909/10 г. — в местечке Со-Робинзон под Парижем, а затем — в Фонтене-о-Роз. Адрес в апреле 1912 г.: 7, avenue de la Demi-Lune Fontenay aux Rose pres Paris.

[95] Г-30. Т. 29. С. 248. А. И. Куприну. Июль 1912, Аляссио.

[96] АГ. Т. IX. С. 125. С Капри в Париж, 1 [14] октября 1911 г.

риж приехал Н. С. Филитис[97] с семьей, они снимали дачу в Фонтене-о-Роз.

Появились у Екатерины Павловны и новые друзья. Одним из них стал **Александр Михайлович КОВАЛЕНКО** (1875 — после 1940). Он служил инженером-механиком на броненосце «Потемкин», во время восстания перешел на сторону матросов, вместе с ними попал в Румынию, затем уехал в Швейцарию и начал работать в школе Фидлера, где преподавал физику и математику. Вместе со школой перебрался в Париж, жил в одном доме с Екатериной Павловной (в том же доме, что и некоторые другие преподаватели школы Фидлера). Он занимался с Максимом и вне школы. Кроме того, они оба с увлечением следили за успехами авиации, вместе собирали модели аэропланов, позже — вместе путешествовали. Александр Михайлович полюбил мальчика и привязался к нему; к Екатерине Павловне он относился очень тепло и с большим уважением. Мария Александровна, мама Екатерины Павловны, которая приехала за границу и снова жила с дочерью, подружилась с мамой Александра Михайловича.

В Париже Екатерина Павловна познакомилась и сблизилась с семьей Бартольдов. Эсеры **Федор Владимирович** и **Борис Владимирович БАРТОЛЬДЫ** были сыновьями петербургского банкира. В студенческие годы они, захваченные революционными идеями переустройства жизни, занялись их пропагандой, и не только пропагандой, за что арестовывались и заключались в тюрьмы, ссылались и бежали из ссылок и, наконец, скрывшись от преследований российской полиции за границей, стали эмигрантами. (Старший их брат Василий [Вильгельм] Владимирович Бартольд выбрал другой путь — он известен как крупный ученый-востоковед, академик российской, позже советской, Академии наук.)

---

[97] Филитис Николай Степанович (1864? — после 1937) — педагог, доктор, специалист по физическому воспитанию детей, автор ряда книг по детской гимнастике. Работал в секции гигиены воспитания и образования «Общества охраны народного здоровья» в Нижнем Новгороде, куда был приглашен Горьким, одно время жил в семье Пешковых. В эмиграции работал в школе Фидлера в Париже, давал Максиму уроки бокса. В 1913 г. вернулся в Россию, жил в Москве, был профессором Института физической культуры.

Федор Владимирович в 1906 году вошел в Боевую организацию эсеров; на его даче под Выборгом некоторое время жил Гершуни, а затем Азеф. В августе 1907 года Федор Владимирович был арестован в Петербурге на Финляндском вокзале (предположительно, по указанию Азефа), заключен в одиночную тюрьму «Кресты», а затем выслан в Архангельскую губернию, откуда весной 1908 года бежал за границу. Жил он с семьей в Париже, принимал участие в деятельности Парижской группы содействия ПСР. У него было четверо детей, его сыновья вместе с Максимом учились в школе Фидлера.

Борис Владимирович (домашнее прозвище «Кавалергард»), эсер-террорист, был по натуре человеком активным и легкомысленным. Характерно для него, что на партийные нужды (финансирование Боевой организации, а потом Заграничной делегации) он отдавал все получаемые из петербургского банка деньги (проценты с унаследованного состояния), средств на жизнь у него не оставалось, и он был вынужден занимать. В 1914 году незадолго до войны он женился на Вере Николаевне Кольберг (их брак был непродолжительным).

В числе новых друзей Екатерины Павловны была и семья барона А. Ф. Стааля — российского юриста, в Париже занимавшегося адвокатской деятельностью. Его жена устраивала вечера, на которые собирались русские эмигранты. Существовал в Париже и внепартийный клуб, в котором русские эмигранты устраивали тематические вечера с докладами. Екатерина Павловна была участницей тех и других вечеров.

В доме у Екатерины Павловны, так же как когда-то в Нижнем Новгороде, а потом в Ялте, жили и гостили разные люди, некоторые подолгу. Так, одно время у нее жила девушка-эмигрантка, эстонка по имени Тиля (впоследствии она стала женой профессора Пастеровского института в Париже). Осенью 1909 года Екатерина Павловна взяла к себе ребенка тяжело заболевшего (психическое расстройство) русского революционера-эмигранта, большевика В. Л. Шанцера. (Реакция Алексея Максимовича: «Слышал, что ты взяла к себе ребенка сумасшедшего Марата[98]. Бедные твои нервы! Марата — жалко. Усердно сводят друг друга с ума мои почтенные

[98] Марат — партийная кличка В. Л. Шанцера.

товарищи, ожидаю, что все они вскоре сбесятся»[99].) Дочь поэта К. Д. Бальмонта Нина, учившаяся в школе Фидлера, по нескольку дней жила у Екатерины Павловны, ее родители часто приходили в гости. Дочь Бахов Лиду, жившую с родителями в Женеве, Екатерина Павловна брала на каникулы.

Приезжали друзья из России. В декабре 1909 года приехала Елена Константиновна Малиновская, которая прожила у Екатерины Павловны в Со-Робинзоне больше двух месяцев. Приехала она по поручению нижегородской с.-д. организации на пленум ЦК РСДРП, проходивший в январе 1910 года в Париже. В то время Е. К. Малиновская (так же как и Алексей Максимович, так же как и В. Л. Шанцер) была сторонницей группы «Вперед»; В. И. Ленин, принимавший активное участие в работе парижского пленума, убедил ее порвать с впередовцами, и она стала верным членом партии большевиков. Для Екатерины Павловны партийная принадлежность не являлась определяющим фактором, и ее дружбе с Еленой Константиновной партийные разногласия не мешали.

Екатерина Павловна была привязана к людям, когда-либо принятым ею в свою жизнь, ее интересовали их дела, ей хотелось их видеть, с ними общаться. Так, осенью 1910 года она с Максимом навестила в Аугсбурге Четвериковых, которые привезли на французский курорт 8-летнюю Наташу. (У девочки был детский паралич, и доктора безуспешно пытались поставить ее на ноги.) Об этой поездке Максим написал отцу: «<...> поехали к Четвериковым, которые приехали с Алексиным лечить их девочку, у которой в ногах паралич, она не может даже стоять. Алексин говорит, что она на всю жизнь останется без ног, а девочке говорят, что ее скоро вылечат, и она уже два года как со дня на день ждет, когда она снова сможет ходить. Алексин постарел, ругается он еще хуже. Мне у Четвериковых очень понравилось, но мы не могли дольше остаться, так как торопились в Париж. Мне после Четвериковых первый раз за пять лет захотелось поехать в Россию, но только на лето и к Четвериковым»[100].

---

[99] АГ. Т. IX. С. 82. С Капри в Париж, декабрь 1909 г.

[100] АГ. Т. XIII. С. 75. Максим Пешков — Горькому — <из Парижа на Капри, начало октября 1910 г.>.

Радостным событием был приезд в Париж в 1911 году Л. А. Сулержицкого, приглашенного мадам Режан для постановки в ее театре «Синей птицы». По возвращении в Москву Сулержицкий отправил Екатерине Павловне письмо с выражением любви и благодарности и с сообщением, что ее просьбу передать поклоны «всем, кто ее помнит» не выполнил: «Кланяюсь всем Вашим старым и новым друзьям, которых я видел у Вас. Поклонов Ваших “всем кто Вас помнит”, как просите Вы, — не передал, так как пришлось бы ездить дня два по Москве на автомобиле <...> и развозить поклоны. Слишком дорого обойдется любезность. <...> Ну, пока что целую вас очень крепко. Прошу кланяться при случае Скирмунту, Стаалям и Филитисам и всем Вашим знакомым»[101].

В Аляссио, где Екатерина Павловна с Максимом проводили летние месяцы и школьные каникулы, она подружилась с семьей Терезы Маскарди — хозяйки виллы, на которой они жили. Муж Терезы, Джузеппе Маскарди, профессор Миланской консерватории, давал Максиму уроки игры на фортепиано. В Аляссио к Екатерине Павловне также приезжало немало гостей (в том числе В. Н. Кольберг, А. М. Коваленко, Фейты, в первые годы эмиграции — М. К. Николаев). В 1910 году Аляссио посетил и Г. А. Лопатин, его приезд случайно совпал с днем рождения Екатерины Павловны:

«Alassio. <...> Среда, 5 ч<асов> утра — попал я сюда вчера как раз в день рождения Ек<атерины> Пав<ловны>, которая — как оказывается — живет уже на белом свете “ровно 30 лет и 3 года”. — За ужином пили шипучее, а потом были в опере (“Fanian la Tulpes”)»[102].

В Аляссио, так же как и в Париж, приезжал (нечасто) Алексей Максимович. За те семь лет, что Екатерина Павловна провела в эмиграции, их отношения с Алексеем Максимовичем постепенно менялись. Об отношениях личных и семейных, в которых важную роль играл Максим, будет рассказано ниже. Отношения же сотрудничества в общественных делах, которые установились между

---

[101] Сулержицкий. С. 540. (Письмо от 2 августа 1911 г.)

[102] ЛН. Т. 95. С. 869. Лопатин — И. В. Амфитеатровой. <Аляссио. 26–27 июля 1910 г.>.

разошедшимися супругами (при том что они принадлежали к разным партиям и при том что Екатерина Павловна категорически не приняла Марию Федоровну), во многом определились личными качествами Екатерины Павловны (удивительным сочетанием эмоционального сочувственного отношения к человеку и твердостью характера).

С самого начала их совместной жизни Алексей Максимович делился с ней своими переживаниями, не опасаясь быть непонятым, и обращался к ней с самыми различными просьбами, которые она выполняла наилучшим образом. В эмиграции, когда они жили отдельно, у нее оставались на хранении его письма и бумаги (в том числе договоры издательства «Знание»), и относительно них он продолжал давать ей указания подобные тем, что давал в прежние годы семейной жизни. (К примеру, «Береги книжки Толстого, не давай их из дома, они очень дороги мне, именно эти книжки дороги, как-то особенно. Пусть это сентиментально. <...> Если письма и бумаги с тобою — поищи в них письма Толстого и Чехова и, пожалуйста, сохрани отдельно. Не попадет ли также письмо Василия Розанова — это пришли мне. Вообще разбери все и — литераторские письма — храни»[103]). Как и прежде, он давал ей поручения личного характера — достать книги, каталоги, передать письмо или статью, занять деньги и др. Со временем он начал посылать ей на прочтение свои рукописи и интересоваться ее мнением: «Мне очень интересно и нужно знать, что ты скажешь о моей статье»[104]; «Твои возражения против моего письма — справедливы, оно плохо написано, слишком поспешно»[105]; «Ты очень скупа на слова. Мне не весьма интересно мнение Коллонтаихи[106] о “Кожемякине” — а твоего не дождался»[107]. Примерно с 1910 года он начал давать ей поручения, связанные с изданием журналов и сотрудничеством в них.

Его денежные дела все ухудшались. «Знание» перестало приносить доход, и в 1912 году он вышел из издательства. Чтобы

---

[103] АГ. Т. IX. С. 107. С Капри в Париж, 8 [21] ноября 1910 г. Письмо написано после смерти Л. Н. Толстого, очень тяжело перенесенной Алексеем Максимовичем.

[104] Там же. С. 60. С Капри в Париж, около 5 [18] января 1909 г.

[105] Там же. С. 123–124. С Капри в Париж, 22 сентября [5 октября] 1911 г.

[106] Коллонтай А. М.

[107] АГ. Т. IX. С. 129–130. С Капри в Париж, 14 [27] декабря 1911 г.

зарабатывать, он был вынужден сотрудничать в журналах, что ему было очень не по душе. Существующие журналы казались ему либо «кладбищем» (как, например, «Русское богатство»), либо «жульничеством» (как, например, «Русская мысль»). В конце 1911 года из-за разногласий с А. В. Амфитеатровым он вышел из редакции «Современника», затем рассорился с В. С. Миролюбовым и В. М. Черновым и вышел из «Заветов» — эсеровского журнала, который они вместе создавали. Он отказался от сотрудничества в «Запросах жизни» (его не устраивал беспартийный характер журнала), недолго печатался в «Современном мире» и «Вестнике Европы», но и они ему не подошли. Он было собрался совместно с Н. К. Муравьевым создать новый общественно-политический и литературный журнал «Новая Россия», но отказался от этого дела, приняв предложение участвовать в реорганизации «Современника», но вскоре отказался и от этого предложения. Своими идеями и намерениями, предпринимаемыми действиями и переживаниями Алексей Максимович делился с Екатериной Павловной. (При этом он нередко просил: «никому не говори», «молчок об этом», «Сие — между нами», «…никто не знает. Теперь вот ты еще узнала — и забудь».) Вероятно, безденежье и необходимость искать заработок ввергли его в тяжелое душевное состояние. Его все и вся раздражали: «Я настроен зло, раздраженно, люди мне противны; мне кажется, что лучшие из них лентяи, бездарны и бесполезны, все же остальные — лгуны и подлецы»[108]. Он был «ни с кем и ни с чем не согласен, со всеми ругался», все ему казалось «подозрительно и обманно». Екатерина Павловна «подозрительна» ему не была, наоборот: «Ты мне сейчас была бы крайне нужна как человек, на которого я могу спокойно опереться, и вообще как помощник в больших делах»[109].

Эти строки были написаны в сентябре 1912 года. Спустя два месяца, в ноябре 1912 года, Мария Федоровна уехала в Россию, а Екатерина Павловна и Максим переехали на Капри.

---

[108] АГ. Т. IX. С. 114–115. С Капри в Париж, около середины [конец] июня 1911 г.

[109] Там же. С. 147. С Капри в Аляссио, 18 сентября [1 октября] 1912 г.

* * *

Для иллюстрации отношения Екатерины Павловны к людям приводим несколько эпизодов из времени ее эмигрантской жизни.

1. Смерть Л. Н. Толстого.

28 октября (10 ноября) 1910 года Л. Н. Толстой тайно ушел из Ясной Поляны с целью прожить последние годы согласно своим взглядам. По дороге он заболел воспалением легких и был вынужден сделать остановку на маленькой станции Астапово, где 7 (20) ноября умер.

Для Екатерины Павловны Л. Н. Толстой был не только величайшим писателем — с ним у нее были связаны еще и личные воспоминания, относящиеся ко времени жизни в Олеизе, когда Лев Николаевич приезжал к ним на дачу «Нюра» (и цвел миндаль), а она с Алексеем Максимовичем навещали его в Гаспре. Узнав о бегстве Л. Н. Толстого из Ясной Поляны и о его болезни, она написала Алексею Максимовичу письмо, в котором выражала не только скорбь по поводу ожидаемой кончины великого писателя, но и явное сочувствие Софье Андреевне. Екатерине Павловне казалось, что Софье Андреевне должно было быть особенно тяжело, так как она не могла не понимать, что уход Толстого был связан в большой степени с их личными отношениями.

В ответном письме Алексей Максимович делился сложными чувствами, овладевшими им. «“Бегство” Л<ьва> Н<иколаевича> из дома, от семьи, вызвало у меня взрыв скептицизма и почти озлобление против него, ибо, зная его давнее стремление “пострадать” для того только, чтоб увеличить вес своих религиозных идей, давление проповеди своей, — я почувствовал в этом “бегстве” нечто рассудочное, подготовленное. Ты знаешь, как ненавистна мне эта проповедь пассивного отношения к жизни, ты должна понять, как пагубны буддийские идеи в стране, насквозь пропитанной фатализмом. <...> не это заставляет меня почтительно преклоняться пред Толстым. Он — единственный, кому по праву принадлежит высокое звание — национальный гений. Но, как национальный гений, он отразил в себе все дурные свойства нации, все уродства, нанесенные ей историею. <...>

Взволнованный всеми этими думами, я писал о них В. Г. Короленко, вдруг — телеграмма из Рима о смерти Л<ьва> Н<иколае-

вича>[110]. <...> Неизбежное свершилось, да. А потом — заревел. Заперся у себя в комнате и — неутешно плакал весь день. Никогда в жизни моей не чувствовал себя так сиротливо, как в этот день, никогда не ощущал такой едкой тоски о человеке. Плакал и писал В<ладимиру> Г<алактионовичу> — единственному человеку и литератору, который способен понять — что случилось. Вечером явились корреспонденты и привезли известие, что — жив! Но — это меня не обрадовало. Стало легче, да, но предчувствие конца его осталось. В эту минуту, м<ожет> б<ыть>, конец уже наступил.

Очень тяжело, милый мой друг. Уходит из жизни нашей, бедной и несчастной, — самый красивый, мощный и великий человек. Помнишь, какой он был в Гаспре и как приходил к нам на "Нюру"? Представить его мертвым — не могу. <...>

То, что ты написала о Софье, — не трогает меня, не люблю я этого человека. <...> А для него "бегство" тоже, я уверен, не явилось драмой, столь тяжелой, как тебе это кажется. Он не любит людей, относится к ним холодно <...>. Сиротеет не одна женщина — сиротеет русская литература. Хотя за последнее время он не работал в ней, но — был! И, вероятно, многих это удерживало от многого, на что они способны. <...> Уходит судья. Мне и пророка — не любимого мною — жалко смертельно. Очень болит душа»[111].

Смерть Л. Н. Толстого для Алексея Максимовича явилась острым эмоциональным переживанием, и свои чувства он не боялся раскрыть перед Екатериной Павловной: она понимала и разделяла такое отношение к жизни — когда общественно значимое является и глубоко личным. На следующий день после смерти Л. Н. Толстого Алексей Максимович писал ей: «<...> плохо себя чувствую, очень огорчила меня смерть Льва Николаевича. <...> Ни о чем не думается, кроме него. Предложения писать о нем — отклоняю. Когда мы встретимся, я, вероятно, много буду говорить о нем, а теперь — хочется думать молча. Да не обидит это тебя. Объясни сыну, почему не пишу. И дай ему прочитать "Холстомера"»[112].

---

[110] 4 [17] ноября 1910 г. в России и за границей распространилось ложное известие о смерти Л. Н. Толстого, но вскоре оно было опровергнуто.

[111] Там же. С. 105–106. С Капри в Париж, ноябрь, между 4-м [17-м] и 7-м [20-м], 1910 г.

[112] Там же. С. 107. С Капри в Париж, 8 [21] ноября 1910 г.

Спустя 15 лет, в октябре 1925 года, в Сорренто, где в то время Алексей Максимович жил вместе с Максимом, а Екатерина Павловна гостила, Алексей Максимович получил книгу Гольденвейзера о Л. Н. Толстом и был «возмущен травлей Соф<ьи> Андр<еевны>, доказательство чему нашел в этой книге»[113]. По словам Екатерины Павловны, он пришел в страшную ярость, заявив, что людей, под столом за тобой записывающих, надо бить[114]. Екатерина Павловна тоже прочла эти записи Гольденвейзера о Толстом и посочувствовала обоим — и Льву Николаевичу, и Софье Андреевне: «В таком состоянии непрерывного окружения сыском и наблюдением, в каком обоих стариков держали их окружающие, я думаю, никто не жил. Жаль их обоих»[115].

2. Вокруг инцидента с «коленопреклонением» Шаляпина.

На премьере оперы «Борис Годунов», состоявшейся 6 января 1911 года в Мариинском театре, артисты хора обратились к Николаю II с просьбой о повышении жалованья. Они опустились на колени перед царской ложей и исполнили гимн «Боже, царя храни». Шаляпин, находившийся на сцене, присоединился к хористам. Этот эпизод был раздут прессой («верноподданническая манифестация», «патриотическая демонстрация» и др.)[116], тем более что как раз утром в день спектакля Шаляпин был на приеме у царя по поводу присвоения ему редчайшего звания — солист Его Императорского Величества. Демократическая общественность восприняла «коленопреклонение» перед царем как проявление монархических настроений Шаляпина. Художник Серов, друживший с Шаляпиным более пятнадцати лет, порвал с ним отношения. Амфитеатров, бывший еще недавно горячим поклонником Шаляпина, разослал по редакциям открытое письмо, в котором писал

---

[113] АГ. ФЕП-рл 8–15–210. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 6 октября 1925 г.

[114] Там же.

[115] АГ. ФЕП-рл 8–15–212. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 9 октября 1925 г.

[116] «Он сделал глупость, цензора нравов жульнически обратили ее в подлость» — так писал Алексей Максимович Екатерине Павловне в августе 1911 г. (АГ. Т. IX. С. 118. С Капри в Париж, август, до 28-го [сентябрь, до 10-го], 1911 г.).

ему: «<...> не называй себя, как ты имеешь обыкновение, “сыном народа”, не выражай сочувствие освободительной борьбе, не хвались близостью с ее деятелями и т<ак> д<алее>. В устах, раболепно целующих руку убийцы 9 января, руку палача, который с ног до головы в крови народной, все эти свойственные тебе слова будут звучать кощунством»[117].

«Выходка дурака Федора просто раздавила меня — так это похолопски гнусно! Ты только представь себе: гений на коленях перед мерзавцем и убийцей!» — так писал Алексей Максимович Екатерине Павловне в январе 1911 года[118]. Через полгода, в конце августа 1911 года, Шаляпин приехал на Капри, Алексей Максимович встретил его на лодке, выехав к пароходу: «Приехал третьего дня Федор и — заревел, увидав меня, прослезился — конечно — и я, имея на это причин не меньше. <...> Да, приехал он и — такова сила его таланта, обаяние его здоровой и красивой, в корне, души, — что вся эта история, весь шум — кажется теперь такой глупостью, пошлостью, мелочью в сравнении с ним»[119].

В апреле следующего года Шаляпин приехал с гастролями в Париж, и по его просьбе Екатерина Павловна встретилась с ним. Он делился с ней своими тяжелыми переживаниями по поводу случившегося и просил объяснить русской эмигрантской колонии, что он не выражал верноподданнических чувств, а просто растерялся, не поняв, что происходит (почему хористы стоят на коленях). И Екатерина Павловна попыталась оправдать его поведение в глазах русских эмигрантов, но понимания с их стороны не встретила, более того — за встречу с Шаляпиным ее осудили.

Теперь уже Екатерина Павловна делилась своими переживаниями с Алексеем Максимовичем, но и он ее, уже со своей стороны, не одобрил: «Письмо твое по поводу Ф<едора> произвело на меня очень странное впечатление. “Как не понимать, как не сознавать, что все Николаи пальца его не стоят”, — пишешь ты. Мне кажется, что после всех объяснений, которые — если помнишь —

---

[117] Шаляпин Федор Иванович. Статьи. Высказывания. Воспоминания о Шаляпине. Москва: Государственное Издательство «Искусство», 1958. Шаляпин. Т. I. С. 666.

[118] АГ. Т. IX. С. 110. С Капри в Париж, 24 января 1911 г.

[119] Там же. С. 118. С Капри в Париж, 30 августа [12 сентября] 1911 г.

я дал тебе по этому делу, ты не должна бы говорить о непонимании Ф<едором> своего поступка и отсутствии в нем сознания своего значения. Ты ведь знаешь Ф<едора>, и должна знать, что он не холоп, не хам. "Негодование об<щества>" — нечто неведомое мне. Полагаю, что нельзя серьезно говорить о "негодовании", которое никем, нигде и ничем не было проявлено. При чем здесь общество, если оно не умело выразить своего отношения к факту, оскорбившему его традиции? И — есть ли у этого общества какие-либо традиции, кроме застарелого холопства? Я не знаю. Я думаю, что Ф<едор> имеет все основания считать общество просто "публикой", которая платит ему за его талант. Не более того. <...> я думаю, что в судьи ты не годишься. Да и вообще с судом — опоздали. Я не буду писать Ф<едору>, мне этого не хочется, да и некогда. Мне очень хотелось бы, чтоб он в Россию не возвращался, пусть эта милая пустыня остается "при своих полицейских", количество которых ныне все увеличивается за счет бывших революционеров. <...> Ты не сердись, — это не только тебе писано, но и дальше — через твою голову. А почему ты полагаешь, что Ф<едор> идет к тебе за "помощью"? Мне кажется, он просто хочет видеть тебя как знакомый старый и как порядочный человек — порядочного человека»[120].

Стремление Екатерины Павловны защитить Шаляпина вызвало у него только неприятные чувства: «<...> мне неприятно видеть, что ты на истории с Шаляпиным устроила праздник и парад всем твоим добродетелям. Буду очень рад, когда тебя проберут хорошенько за "измену принципам" и ты сама убедишься, как неприятны люди, когда они выворачиваются наизнанку, дабы показать миру твердость и блеск своих душ. Заквакают теперь жабы, а тебе — слушать. <...> "Не разговаривай много, — меньше глупостей скажешь" — это итальянская пословица, которую все должны знать. А. <...> Получил твою реляцию о подвигах у Сталя. Желаю, чтоб ты скорей от этого устала»[121].

О встрече Екатерины Павловны с Шаляпиным рассказал Г. А. Лопатин в письме к А. В. Амфитеатрову:

---

[120] АГ. Т. IX. С. 142–143. С Капри в Париж, между серединой [второй половиной] мая и 22 мая [4 июня] 1912 г.

[121] Там же. С. 143–144. С Капри в Париж, 22 мая [4 июня] 1912 г. Письмо написано с перерывами во времени.

«П<ариж>. Четверг 13.VI.12.

Видел я Ек<атерину> Павл<овну>. <...> Очень интересно и мило рассказывала она мне о посещении Шаляпина: как она долго не решалась принять его, чтоб выслушать его объяснения; как вся душа ее поднималась при мысли увидеть его и говорить с ним; как она боялась общего возмущения против себя и какой-нибудь неприятной встречи и оскорбительной выходки у себя дома; как поразило ее искаженное от волнения лицо Ш<аляпина>, с которым он говорил ей, что сам *не понимает — как* это случилось, что он действовал при данных обстоятельствах как-то автоматически, что после ему было досадно, но что он все же не догадывался о всей важности случившегося, что только Ваше письмо открыло ему глаза, потрясло до глубины души и поразило в самое сердце, благодаря его любви и почтению к Вам и А<лексею> М<аксимовичу>; что с тех пор он мученик и все ломает голову над тем — чем и как искупить ему свою вину и пр<очее>. Эта смесь несомненной искренности и высокого актерства совсем завоевала милую Е<катерину> П<авловну>, и она тоже стала ломать голову по вопросу об “искуплении”. Писала А<лексею> М<аксимовичу>. В ответ на плохо понятое ее письмо получила разнос за *недостаточное* понимание Ш<аляпина>, за не довольно *бережное* отношение к его измученному сердцу (а она три дня после разговора с ним ходила *синяя* от пережитых волнений), а главное, за *самомнение,* с коим она вообразила, что Ш<аляпин> искал *ее помощи* для “искупления” и пр<очее>. Но всего не расскажешь»[122].

«Но всего не расскажешь». И в своих воспоминаниях о встречах с Шаляпиным Екатерина Павловна рассказала не об этой встрече (по поводу инцидента с «коленопреклонением»), а о последующей, происшедшей через короткое время: «Случилось, что для одного из нелегальных журналов необходимо было достать полторы тысячи рублей. Обратились к Алексею Максимовичу. Таких денег у него не было. Я жила в то время под Парижем. Алексей Максимович прислал мне письмо с поручением съездить в Мариенбад, где тогда лечился Шаляпин, и уговорить его дать эти полторы тысячи. Уговаривать Федора Ивановича не пришлось.

[122] ЛН. Т. 95. С. 869. Г. А. Лопатин — А. В. Амфитеатрову, <Париж>, 13 июня 1912 г.

Прочтя записку Алексея Максимовича, которую я ему передала, он сразу согласился» [123].

За этими скупыми фразами скрыта следующая история. Алексей Максимович спустя неделю после цитируемого выше письма, в котором выражал неодобрение по поводу того, что Екатерина Павловна «на истории с Шаляпиным устроила праздник и парад всем <своим> добродетелям», отправил ей письмо короткое и деловое. Приводим его полностью: «Прошу тебя сделать следующее: Поговори с Ф<едором> — не может ли он помочь Рубановичу в деле возобновления издания "Русской трибуны"[124]? Денег нужно тысячи полторы. Тайна участия Ф<едора> в этом деле будет, конечно, сохранена, но участие его было бы полезно и ему лично. Если дело наладится, сведи его с Рубановичем. Письмо это — порви, очень прошу! Ни с кем о сих делах ни слова. А. Действуй быстро. Покажи Ф<едору> прилагаемую записку. Если его нет в Париже — поезжай к нему на воды»[125]. Екатерина Павловна действовала быстро, она поехала в Мариенбад, деньги Федор Иванович ей дал, но пожелал, чтобы имя его не называлось. Затем она должна была передать эти деньги Рубановичу, соблюдая анонимность жертвователя: «Деньги Р<убановичу> передай тотчас же вместе с прилагаемой запиской. А говорить, чьи деньги, — лучше не надо. Париж — болтлив. Ф<едора> следует беречь. В крайнем случае, если б Р<убанович> настаивал на желании знать, откуда деньги, — можно сказать, но — возьми с него честное слово, что это останется между вами»[126]. Деньги Рубанович получил, о чем 4 (17) июля 1912 года сообщил Алексею Максимовичу: «Я получил от Екатерины Павловны от Вашего имени четыре тысячи франков на "Tribune Russe"»[127].

---

[123] Пешкова Е. Встречи с Шаляпиным // Шаляпин Федор Иванович. Статьи. Высказывания. Воспоминания о Шаляпине. Т. II. М.: Государственное Издательство «Искусство», 1958. С. 330.

[124] «Русская трибуна» (La tribune russe) — эсеровский журнал. И. А. Рубанович обратился к Горькому с просьбой о деньгах для уплаты долга типографии издания «Русской трибуны».

[125] АГ. Т. IX. С. 144. С Капри в Париж, 27 мая [9 июня] 1912 г.

[126] Там же. С Капри в Париж, первая половина июня, после 7-го [вторая половина, после 20-го] 1912 г.

[127] АГ. Т. IX. С. 349.

«Добродетели» Екатерины Павловны Алексею Максимовичу весьма пригодились, а итальянскую пословицу она запомнила.

3. Письмо Екатерины Павловны В. М. Чернову.

«Дорогой Виктор Михайлович. Получила большое письмо от Амф<итеатрова>. А т<а>к мне все время оч<ень> жаль, что Вы теряете журнал, т. к. когда-то еще, и удастся ли организовать Вам свой, — то и хочу послать Вам выдержки из письма Амф<итеатрова>. Вы ответили на то, что я писала Амф<итеатрову>, что Ваш уход дурно отразится на журн<але>. Он пишет: “"Гоняться" за ним я не буду и не могу, да и стар для этого, но чувства сохраняю к нему наилучшие, весьма уважаю его политические дарования, и если ему (т<о> е<сть> Вам) угодно будет явиться в "Совр<еменник>" гостем ли, на прежнем ли положении заведующим отделом постоянного сотрудника, не только двери для него, но и ворота настежь: пожалуйте, рад всею душой. Конечно, возможность второго амплуа, т<о> е<сть> заведов<ать> отделом, будет сокращаться временем, т. к. одному мне долго не справиться со всею массой редакционной работы и я должен буду воспользоваться кем-либо из желающих занять пост, покинутый В<иктором> М<ихайловичем>. Но искренно Вам говорю: покуда он свободен, я предпочел бы В<иктора> М<ихайловича> всякому другому”. Вы не находите возможностей заключ<ить> нового условия с Амф<итеатровым>?

Да, еще пишет он, что с 1 дек<абря> при “Совр<еменнике>” начинает выходить новая еженедельная газета “Гол<ос> Совр<еменника>”. Бюджет “Совр<еменника>” составлен на 1912 и 1913 г<оды> по 90 тыс<яч> рублей. Дело крупное, и жаль, мне кажется, уходить из него. Да еще в друг<ом> месте письма Амф<итеатров> говор<ит>, что он соверш<енно> убежден, что ни “Вест<ник> Евр<опы>”, ни “Рус<ское> Бог<атство>” не сможет предложить Вам той широкой свободы, к<а>к “Совр<еменник>” в рук<ах> его, Амф<итеатрова>, человека совершенно солидарного с Вами во взглядах политических. В этом, я думаю, он прав. Ну, какой толстый журнал даст провод<ить> свою линию Вам целиком. У “Русск<ого> Б<огатства>” своя линия, а удастся ли Вам сорганизовать свой журнал? Если же, действительно, в качестве сотрудника прийдется участвовать в том или другом журнале, то

ведь Вам в смысле выражения “Вашей” линии и правда в “Совр<еменнике>” больше свободы.

Если Вы решите возобновить разговоры об условиях сотрудничества, то сошлитесь, что я переслала Вам выдержки из письма Ал<ександра> Вал<ентинови>ча.

Впрочем, об этом я сама ему сообщу.

От Ал<ексея> М<аксимовича> ничего нового не получила по поводу его отнош<ения> к “Совр<еменнику>”. Он окончательно ушел? Вы имеете от него к<акие>-ниб<удь> сведения?

Видела я вчера Пав<ла> Ив<ановича>[128]. На днях он возвращается в Sanremo. Говорит, что работает над большой вещью. А к<а>к здоровье Вик<тора> Сер<геевича>[129]? И где он сейчас живет?

Жму Вам крепко руку. И шлю привет О<льге> Ел<исеевне>.

Ек<атерина> Пеш<кова>»[130].

Дата на письме не проставлена, но по контексту оно относится к концу 1911 года, когда В. М. Чернов, В. С. Миролюбов и Алексей Максимович из-за разногласий с А. В. Амфитеатровым вышли из редакции «Современника» и организовали журнал «Заветы». Как видно из текста письма, Екатерина Павловна была в курсе жизни демократической журнальной прессы, разрываемой противоречиями, и по своему обыкновению пыталась всех примирить. В данном случае примирения не получилось. С «Заветами» Алексей Максимович тоже расстался, и очень скоро. Причина заключалась в несовпадении взглядов на направление журнала, а поводом послужила одновременная публикация в первом номере журнала (апрель 1912 года) романа В. Ропшина «То, чего не было» и рассказа М. Горького «Рождение человека». Алексей Максимович был возмущен: «Миролюбов — свинья. Я просил его не печатать роман Ропшина в одной книжке с моим рассказом, он дал мне слово, что сделает это, и — напечатал. Охо-хо! Люди, люди. А ты как раз восхищаешься ими. Куда уж»[131].

---

[128] Б. В. Савинков.

[129] В. С. Миролюбов.

[130] ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 97б. Л. 97–100 об.

[131] АГ. Т. IX. С. 142. С Капри в Париж, 4 [17] мая 1912 г.

4. И одно важное замечание, касающееся характера Екатерины Павловны.

Она с юности очень сочувствовала людям — самым разным людям, вникала в обстоятельства их жизни и старалась помочь, и люди часто делились с ней своими трудностями и обращались к ней за помощью. (Недаром во время истории с «коленопреклонением» Шаляпина Алексей Максимович ее спрашивал: «А почему ты полагаешь, что Федор идет к тебе за “помощью”?»). И часто, когда она просила за других людей, ее просьбы удовлетворялись. Об «убедительности обращений» Екатерины Павловны есть свидетельство А. М. Коваленко. В декабре 1912 года он обратился к ней с просьбой «похлопотать» за одного человека (дело было не политическое): «Вы его сами почти не знаете, но зато я так хорошо знаю Вашу деятельную натуру, что ни капельки не сомневаюсь в том, что если это только вообще может быть устроено, то Вы устроите, конечно, при условии, что Вы сами этого захотите»[132].

СЫН

Жизнь Екатерины Павловны в годы эмиграции во многом определялась, как уже говорилось выше, интересами Максима.

Преподаватели школы Фидлера, в которой учился Максим, считали его «трудным ребенком». Вот как вспоминал Максима-ученика Н. А. Семашко:

«Фидлер <...> открыл “Новую русскую школу” сначала в Швейцарии (в окрестностях Женевы), а потом перенес ее в окрестности Парижа. Там, в прекрасном особняке, окруженном парком, в местечке Фонтэнэ-о-Роз протекала деятельность этой школы.

Учащимися этой школы были прежде всего дети эмигрантов, мои в том числе. Но материальное подспорье школа получала от детей богатых родителей, живших в России… которые не удовлетворены были школьными порядками того реакционного времени и хотели воспитывать своих детей в условиях свободной школы.

---

[132] АГ. ФЕП-кр 33–2–13. А. М. Коваленко — Е. П. Пешковой. Из Парижа на Капри, 12 декабря 1912 г.

В эту школу поступил и Максим Пешков; тут мы с ним хорошо познакомились и были друзьями в течение многих лет.

Я был врачом и воспитателем в этой школе. Максим, как и другие ученики и ученицы школы (обучение и воспитание ребят здесь было совместное, обоих полов), называл меня “докторчиком”. Так, по старинке, называл меня Максим и тогда, когда стал взрослым — до самой своей смерти.

Когда я впервые познакомился с Максимом, я подумал: с этим учеником будет порядочно возни. И действительно, Максим был очень беспокойным мальчиком; он ни минуты не мог сидеть на месте, даже во время уроков ерзал на парте, а на переменах и после занятий он носился вихрем по школе и по парку. Фантазия и изобретательность его постоянно горели: он выдумывал то одно, то другое.

Часто, бывало, останавливаешь его потного, с расширенными зрачками:

— Максим, куда ты несешься? Погоди.

— Я, докторчик, сейчас, — был обычный ответ, и он несся таким же вихрем дальше.

Он вечно был в испарине от постоянного движения; сердце у него колотилось — и он летел дальше.

— Но при этом темпераменте и живости, надо прямо сказать, Максим никогда не хулиганил. Он только “играл”. Ребята и девчонки его боготворили; они носились за ним, стараясь не отстать, заглядывали ему в глаза, шушукались с ним о чем-то и опять в бег! Он был “вождем”, коноводом ребят, выдумщиком самых разнообразных и острых игр. Или они изображали “диких” и залезали на деревья, или прятались в “шалаши”. Или они изображали сражения между двумя армиями. <...>

Единственное средство “усадить” Максима (особенно когда, например, шел дождь и нельзя было играть в парке, а носиться по лестницам было не безопасно) состояло в том, чтобы дать ему интересную и занимательную книжку. Тут он “впивался” в чтение. Но опять его бурно-пламенная натура не знала меры. Если уж он начинал читать, это значило, что его с трудом оторвешь от книги для еды, для занятий, даже для сна. Он “глотал” книжку.

Учился Максим средне: по русскому языку писал с ошибками; математику осваивал еле-еле. Географию и историю, кажется, лю-

бил больше. В ученье был неусидчив, а все схватывал “на лету”. Сосредотачиваться не любил: схватил — и пошел дальше!

Среди ребят Максим, по справедливости, слыл хорошим товарищем. “Выдать товарища”, хотя бы и для пользы этого товарища, он никогда не позволял себе.

Один раз в мое дежурство были варварски потоптаны цветники в саду. Сделало это, конечно, воинство Максима. Как я ни убеждал Максима указать виновных, уговаривал его, что им ничего не будет, но нужно только разъяснить им их проступок, чтобы они в будущем не повторяли этого, — Максим уперся и твердил:

— Это я, докторчик, нечаянно потоптал. <...>

Азарт в играх был отчаянный. Один мальчик по имени Коля, когда приходил в ярость, забывал все на свете. Максим изобразил его, взъерошенного, с оскаленными зубами, на рисунке и не совсем грамотно подписал рисунок: “Ето Колка стирвенеет”.

Авторитет его у ребят был очень высок. <...>

Шли годы, а ребячий нрав Максима таким оставался и с годами.

У нас уже появились юноши, которые не прочь были поухаживать за девочками; появились девушки в возрасте, которые не прочь были пофлиртовать с мальчиками, и в особенности с Максимом. Мы за этим делом наблюдали строго: мы дорожили нашим новшеством — совместным обучением и воспитанием мальчиков и девочек, и это было в то время целой революцией в воспитании. И надо сказать, что Максим нам в этом отношении не доставлял забот и огорчений: он оставался чистым ребенком, несмотря на свои 15–16 лет, на ухаживания за ним реагировал просто: приглашал “поиграть” и сам несся вихрем первый.

Я затруднился бы сказать, куда склонялись политические симпатии Максима, когда он уже стал юношей. Школа наша была настоящим Ноевым ковчегом в смысле политических направлений. Сам директор Фидлер был левым кадетом. Учителя были в большинстве эсеры, начиная с крайних правых (почти кадетов), кончая террористами по убеждениям. Были среди учителей прямые политические ренегаты, оплевывавшие революцию. Я и еще один товарищ (В. А. Старосельский, бывший революционный губернатор на Кавказе в 1905 г.) были большевиками. Фидлер умолял всех нас не вносить “партийных разногласий” в среду ребят. <...> В общем над школой царил либеральный дух Фидлера.

Максим <...> был честным политическим юношей. Любил униженных и оскорбленных. Искренне сочувствовал революционерам. Интересовался революционным движением. Но партийных симпатий не высказывал»[133].

О маленьком Максиме Алексей Максимович писал А. П. Чехову: «Ух, какой у меня сын озорник! И очень умный — вот увидите, весной привезу его. Только научился у меня ругаться и всех ругает, а отучить я его не могу. Очень смешно — но неприятно, — когда маленький двухлетний шарлатан кричит матери во все горло: — “Сию минуту пошла прочь, анафема!” Да еще чисто так выговаривает: ан-нафем-ма!»[134] О семилетнем Максиме Екатерина Павловна, живущая с детьми в Ялте, сообщала Алексею Максимовичу: «Максим все такой же. Для первого дебюта здесь он залез на столб у ворот и произнес прохожим какую-то речь, вызвавшую у них довольно веселое настроение»[135]. А семнадцатилетний Максим, столь непохожий на своих родителей отношением к жизни, вызывал у Алексея Максимовича не только любовь, но и уважение: «И не в шутку говорю, я тебя горячо люблю и уважаю, да, уважаю за то, что у тебя есть свое ко всему отношение и что ты умеешь не поступаться им. С этим свойством тебе нелегко будет жить, милый ты мой, но зато ты проживешь честным человеком»[136].

За годы, проведенные в эмиграции, Максим из 9-летнего ребенка вырос в 16-летнего юношу. Алексей Максимович, всегда перегруженный собственными делами и сложными личными отношениями, общался с любимым сыном в основном «посредством переписки», ежедневные же заботы о его здоровье, воспитании, учебе лежали на Екатерине Павловне. Уехав из России в 1906 году, Алексей Максимович писал сыну: «очень хочется увидеть тебя, но приехать не могу. <...> Увидимся, когда в России будет конституция, а может быть, и раньше, если ты с мамой приедешь за гра-

---

[133] Семашко Н. А. Максим — ученик // АГ. Т. XIII. С. 299–302.

[134] Г-30. Т. 28. С. 114. После 5 января 1900 г.

[135] АГ. Т. IV. С. 167. Е. П. Пешкова — К. П. Пятницкому. Из Ялты, 25–26 сентября 1904 г.

[136] АГ. Т. XIII. С. 142. Горький — Максиму Пешкову. Из Мустамяк в Москву, 26 сентября [9 октября] 1914 г.

ницу. Что такое конституция — спроси у мамы»[137]; «Я очень хочу тебя видеть, да вот — нельзя все! Ты еще не знаешь, что такое “долг перед родиной” — это, брат, не шутка. Спроси маму — что я делаю, и ты поймешь, почему я не могу теперь видеть тебя, славный мой!»[138].

Екатерина Павловна с Максимом приехали за границу, но виделся мальчик с отцом только раз в году в летние каникулы, когда Алексей Максимович приезжал в Аляссио. (Так было в первые четыре года их заграничной жизни, потом ситуация несколько изменилась.) Алексей Максимович тревожился о сыне:

«Вообще — тревожит меня сынишка, — вижу, что нужна ему школа, товарищи и — пора серьезно учиться. Нет ничего уродливее дилетантов! <...> Наш мальчик должен бы пройти свой путь не даром, не бесполезно, этого так хочется! Славная он фигура, но нервы — уже сильно растрепаны. И это необходимо устранить. Нужна интересная работа и правильность в трате энергии. Очень надеюсь, что Аляссио оздоровит и его и тебя. Твое здоровье очень важно для Максима — мне кажется, ты неясно видишь это, извини меня! Я не упрекаю, не учу, я просто все больше и больше ценю людей здоровых»[139].

«<...> ужасно хорошо, что между тобой и этим славным человечком установились, устанавливаются хорошие отношения. Береги его и себя. Мне кажется, что это — не дюжинная психика. Быть матерью ценного человека — разве не гордость?»[140]

«<...> велосипед тебе купит мама. А к ней ты относишься плохо, брат, грубо, резко. Очень грустно мне видеть это. Не можешь ли ты быть мягче и внимательнее? Вообще ты огорчил меня немного тем, что ты такой суетливый, разбросанный и нервный. Пора, дружище, собрать себя, пора учиться управлять собой, верно! Ты мне извини, что я вот нотации и поучения пишу тебе, ничего не

---

[137] АГ. Т. XIII. С. 26. Горький — Максиму Пешкову. Из Финляндии в Ялту, конец января [начало февраля] 1906 г.

[138] Там же. С. 28. Горький — Максиму Пешкову. Из Глиона [Швейцария] в Ялту, середина [конец] марта 1906 г

[139] АГ. Т. IX. С. 48. С Капри в Женеву, март, до 23-го [конец марта — начало апреля, до 5-го], 1908 г.

[140] Там же. С. 54. С Капри в Аляссио, 22–23 августа [4–5 сентября] 1908 г.

поделаешь! — хочется мне видеть сына моего человеком разумным, серьезным, хорошим парнем»[141].

Родители хотели, чтобы Максим вырос образованным человеком. («Главное, миляга мой, старайся знать больше, а — по возможности — все: и музыку, и живопись, и науку, все, чем красна жизнь. Чем больше человек знает, повторю тебе, тем интереснее и дороже он для людей»[142].) У Максима не было недостатка в книгах. Алексей Максимович выписывал для него по каталогам лучшие книги, издаваемые в России, как художественную литературу, так книги по истории и географии, книги о растениях, камнях, птицах, о жизни моря, различные журналы, подарил ему Евангелие. Екатерина Павловна тоже дарила сыну книги — в соответствии со своими вкусами: Диккенса, полное собрание сочинений Тургенева в 10 томах и др. Максим много читал, но увлекала его в основном приключенческая литература (Густав Эмар, Фенимор Купер, Буссенар) и довольно долго интереснее всего были ему книги о диких племенах и об индейцах. Музыке (игре на рояле) Екатерина Павловна начала учить его еще весной 1906 года в Ялте. За границей занятия музыкой продолжались. На школьных вечерах Максим играл на рояле и читал стихи (русских поэтов, в частности «Кому на Руси жить хорошо»).

Алексей Максимович любил птиц, он пытался приохотить к своему увлечению и сына, но это ему не удалось (подаренные отцом птицы у мальчика умирали). Алексей Максимович любил «хорошие вещи» и хотел привить сыну любовь к ним («Мне хочется, чтобы у тебя были хорошие вещи и чтоб ты их любил»[143]), но это ему тоже не удалось. Мальчик не мог по достоинству оценить подарок отца — хрустальную чернильницу с серебряной крышкой, украшенной топазом и хризопразами, а подаренные отцом часы он потерял или, что вероятнее, передарил какому-то итальянскому мальчику. Алексей Максимович был коллекционе-

---

[141] АГ. Т. XIII. С. 62. Горький — Максиму Пешкову. С Капри в Аляссио, середина июля 1909 г.

[142] Там же. С. 42. Горький — Максиму Пешкову. С Капри в Женеву, конец ноября 1907 г.

[143] Там же. С. 41. Горький — Максиму Пешкову. С Капри в Женеву, конец ноября 1907 г.

ром и хотел, чтобы сын тоже что-нибудь коллекционировал, и здесь он преуспел: Максим начал коллекционировать марки, присылаемые ему отцом. Алексей Максимович отклеивал марки с получаемых им писем (а переписку он вел обширную, и среди марок были редкие: японские, персидские, мадьярские и пр.), копил их и посылал Максиму в каждом письме. В первое время он волновался, не надоел ли сыну со своими марками, но постепенно Максим увлекся и увлекался все больше и, в конце концов, стал страстным филателистом. По просьбе отца Максим посылал марки русским детям, собирающим их (таким способом Алексей Максимович надеялся поддержать русский язык сына): «Дорогой мой, помню, что у тебя я видел массу лишних, не нужных тебе марок — верно? Если так — помоги мне и выручи меня: российские мальчишки и девчонки одолели меня просьбами прислать им марки; все, что у меня было, — я разослал, а письма все идут, а они все просят! Вот я тебе посылаю несколько таких писем, — будь добр, собери им маленькие коллекции и пошли — ладно? Пусть лучше занимаются этим невинным делом, чем играть в “экспроприаторов”, в “военный суд” и убивать друг друга, да вешать, как это они делают»[144].

У Максима рано проявилось дарование своеобразного художника-шаржиста и юмористическое отношение к людям и обстоятельствам — тоже своеобразное и довольно редкое: оно ни для кого не было обидным. К этим способностям Максима родители серьезно не относились (впрочем, как и он сам), а старались привить сыну стремление к научным знаниям, что им совсем не удалось. Науки мальчика не интересовали, тем более что занятия ими требовали «усидчивости, спокойствия, труда» — тех качеств, которыми Максим не обладал (как с сожалением отмечал Алексей Максимович), а притягивали его разные виды спорта, он мечтал о велосипеде и увлекался воздухоплаванием, зарождавшимся в те годы во Франции. Екатерина Павловна интересы сына не разделяла, а Алексей Максимович определенно не одобрял:

«Почему? Потому, дружище, что ездить на велосипеде тебе страшно вредно. <...> Велосипед тем более вреден тебе, что характер у тебя порывистый, ты станешь ездить быстро и — этим нажи-

[144] АГ. Т. XIII. С. 104. Горький — Максиму Пешкову. С Капри в Париж, до 13 [26] ноября 1911 г.

вешь себе неизлечимую болезнь. Поэтому я очень прошу тебя — брось эту забаву! Очень прошу, друг! Знаю я, что тебе это трудно сделать, но — подумай, что лучше: здоровье или удовольствия? Человеку даны ноги и, право, лучше ходить тихо, да на своих ногах, так уйдешь дальше, увидишь больше»[145].

«И — уговори сына, чтобы он бросил мечту о велосипеде, для него это безусловно вредно с его слабым сердцем и порывистым характером. Ведь уж если он поедет, то — конечно — стрелой! А это приведет его к пороку сердца. Неизбежно! Спроси докторов. <...> Итак — велосипед в архив! Пожалуйста!»[146]

«Как я благодарен ему, что он отказался от велосипеда. Терпеть не могу этой машины и людей, кои пользуются ею. Это для полиции, сыщиков, коммивояжеров. Необходимо для Максима немножко знать ботанику — она усилит его интерес к цветам и осмыслит его»[147].

И Максим начал собирать цветы, а Алексей Максимович радовался: «<...> чудесно! Это здоровое, приятное и очень умное дело»[148]. О велосипеде Максим просил почти три года, и в конце концов купил ему велосипед С. А. Скирмунт, в октябре 1910 года приехавший в Париж.

Максим писал отцу: «Дорогой мой Алексей. Очень благодарю тебя за карточки, которые ты мне прислал, они очень хороши. Я поставил их к себе на стол так, что куда ни взгляну, то везде ты. <...> Недавно я со школой был на аэропланной выставке. Было очень интересно». Далее следовал подробный рассказ о разных типах аэропланов, их устройстве, различиях и преимуществах: «Я тебе вкратце попробую нарисовать всю историю авиации, — но не сердись, если у меня ничего не выйдет. <...> Третьего дня к нам приезжал Сергей Аполлонович, и мы с ним все время обсуждали, какой велосипед мне купить; остановились на одном английском велосипеде, послезавтра поедем на фабрику велосипедов, смотреть

---

[145] АГ. Т. XIII. С. 47. Горький — Максиму Пешкову. С Капри в Женеву, вторая половина марта 1908 г.

[146] АГ. Т. IX. С. 48–49. С Капри в Женеву, март, после 23-го [апрель, после 5-го], 1908 г.

[147] Там же. С. 50. С Капри в Аляссио, около 9 [22] апреля 1908 г.

[148] АГ. Т. XIII. С. 49. Горький — Максиму Пешкову. С Капри в Женеву, около 9 [22] апреля 1908 г.

их. Это фирма “Enxield Roval”. Напиши мне, как ты живешь, что делаешь. Живы ли твои птицы.

Ну, пока прощай. Когда у меня будет велосипед, то я буду с моими знакомыми, учителями, учениками и товарищами делать прогулки, интересные я буду тебе подробно описывать. Хочешь? Я довольно много читаю по авиации и очень ею интересуюсь. <...> Не бойся за меня, что я упаду с велосипеда, я езжу осторожно. Твой Максим»[149].

Увлечение авиацией у Максима не прошло в течение всей жизни — уже будучи взрослым человеком, он следил за публикациями в журналах и технической литературой на эту тему, интересовался новыми конструкциями моторов, их мощностью и пр. А в 12 лет он писал отцу: «Праздники у нас проходят скучно. Но я с мамой езжу в Париж, был в Париже на елке у моего товарища, потом я с мамой и Еленой Константиновной[150] ходили в магазины смотреть игрушечные аэропланы, среди них есть очень большие, но все очень дорогие — от 8 франков до 80 фр<анков>, есть за 25 фр<анков>, с двумя винтами. Сегодня я с моими двумя товарищами, у которых я был на елке, и с мамой пойду в цирк “Nouveau cirque”»[151].

«Я сам очень хотел сделать себе настоящий planer — это очень простой аппарат <...> Мама не позволила мне делать planer. <...> Я с Александром Михайловичем[152], а иногда и один делаю модели. <...> L’aviateur Pechcoff.

<...> Может быть, и я полечу! Я уже пробовал летать с зонтом во время дождя, но чуть не сломал зонт»[153].

Настойчивые советы отца: «Аэропланы — оставь, голову сломишь с ними»[154] — были бесполезны. Аэропланы, монопла-

---

[149] АГ. Т. XIII. С. 77–78. Максим Пешков — Горькому. Из Парижа на Капри, конец октября [начало ноября] 1910 г.

[150] Елена Константиновна Малиновская.

[151] АГ. Т. XIII. С. 68. Максим Пешков — Горькому. Из Парижа на Капри, декабрь, после 11-го [24-го] 1909 г.

[152] Александр Михайлович Коваленко.

[153] АГ. Т. XIII. С. 66. Максим Пешков — Горькому. Из Парижа на Капри, декабрь [до 25-го] 1909 г.

[154] Там же. С. 80. Горький — Максиму Пешкову. С Капри в Париж, начало января 1911 г.

ны, бипланы и пр. занимали прочное место в мыслях и душе мальчика:

«Вчера было воскресенье, и я с учительницей музыки, Костей[155] и одним учеником 3-го класса ездили в Версаль на велосипедах. Там мы смотрели парк. Он очень красив. В то время, когда мы ходили по саду, над нами пролетели 2 воздушных шара, в обоих были видны люди. Один шар, окрашенный в серебряную краску, был очень красив. После Версаля мы поехали на аэродром "Ruc". Он от Версаля в 8-и километрах. Там сразу поднимались по 4 аэроплана, 3 моноплана и 1 биплан. Сегодня, когда я с Александром Михайловичем сидели в моей комнате, пролетел аэроплан "Фармана" дорожного типа. Он летел на 600–700 метров высоты. <...> Не беспокойся о моих занятиях, уроки я готовлю и каждый день играю на рояле»[156].

В письмах к отцу он подробно описывал устройство планеров, приводил рисунки различных моделей. Сохранился рисунок Максима, сделанный в 1911 году, — на нем изображен самолет с двумя фюзеляжами, почти в точности предвосхитивший модель самолета Ньюпора 1913 года. Максим рассказывал об авиаторах и воздушных состязаниях: «ведь это удивительно! Сразу 62 летательные машины в воздухе. Будто время Жюля Верна настало. Последний рекорд быстроты 170 клм… в 1 час с двумя пассажирами и авиатором»[157]. (Ответ отца: «Ты все в воздух смотришь, а я — земляной человек — и земными болями болею. Жалко очень Русь, — такая она заплутавшаяся и растерянная»[158].)

С приездом Филитиса Максим под его руководством начал заниматься боксом. Эти занятия Алексей Максимович одобрил: «Мне приятно знать, что ты будешь заниматься боксом, только следи, пожалуйста, за тем, чтобы упражнения не утомляли тебя и — не рассчитывай, со временем, колотить меня. <...> Обещай, что ко-

---

[155] Костя Блеклов, с которым Максим познакомился и подружился в школе Фидлера, оставался его ближайшим другом всю жизнь.

[156] АГ. Т. XIII. С. 87. Максим Пешков — Горькому. Из Парижа на Капри, 20 февраля 1911 г.

[157] Там же. С. 94. Максим Пешков — Горькому. Из Парижа на Капри, июнь 1911 г.

[158] Там же. С. 96. Горький — Максиму Пешкову. С Капри в Париж, после 5 [18] июня 1911.

гда я приеду, ты не будешь применять на моих боках знаний бокса. Я — не ты и не люблю, когда меня бьют. Это ты любишь, когда тебя мамашка колотит»[159].

Максим, как заметил Алексей Максимович, был «способен вывести из терпения каменную башню», и справляться с ним Екатерине Павловне становилось все труднее. Он много болел и часто пропускал школу, а потом должен был догонять класс по всем предметам. Кроме того, он взрослел, и у него начали возникать вопросы, на которые ей было трудно отвечать. Алексей Максимович давал советы: «Максиму — побольше физических упражнений, это необходимо. То, что ты говорила с ним “по чести”, — великолепно. Не надо скрывать ни опасности, ни грязи известных отношений, но — будь осторожна! — не убивай поэзии их. Надобно указать, внушить, убедить, что чувственность, возникшая и удовлетворенная раньше любви, — не дает ей расцвести и лишает человека великого счастья. Это — рано говорить? Нет, не рано. Только сумей сказать, а что ты сумеешь, я уверен. Помогать тебе в этом издали — я едва ли сумею, но — увидимся и, однажды, поговорим втроем, обстоятельно и просто. Максим, мне кажется, не писательский сын — он не глуп, честен и тонко организован, с ним можно вести дело начистоту»[160].

«А эта маленькая наша мамашка все кричит, что я тебя порчу, не воспитываю, не учу. Как не учу? Максим, сын мой собственноручный! Чти отца твоего и матерь твою, не наступай им на мозоли, а когда они впадут в старость — не корми их сапожным варом и битым стеклом, ибо — беззубые, они не в состоянии будут жевать стекло. Вот. Это ты запомни. А мамашке скажи: нехорошо, что она, женщина молодая, относится так равнодушно к истории своей родной страны и на репетициях молчит, как рыба, или порет чепуху. Нехорошо! Какой она пример тебе дает, тебе, мальчику столь трудолюбивому и так далее?»[161]

---

[159] АГ. Т. XIII. С. 82–83. Горький — Максиму Пешкову. С Капри в Париж, начало [середина] января 1911 г.

[160] АГ. Т. IX. С. 109–110. С Капри в Париж, 27 декабря 1910 г. [9 января 1911 г.]

[161] АГ. Т. XIII. С. 88. Горький — Максиму Пешкову. С Капри в Париж, 27 февраля [12 марта] 1911 г.

Из письма в письмо Максим писал отцу о том, что соскучился по нему, что хочет его видеть: «Как жалко, что мы с тобой не повидались на рождественские каникулы, ведь нас распустили теперь на две недели, и мы могли бы поехать в Ниццу или еще куда-нибудь, где бы мы могли тебя встретить. Я уж давно об тебе соскучился. Вчера вечером я читал твои рассказы “Песнь о Соколе” и “Мой спутник”»[162].

«Об истории моей не беспокойся. Уже много раз меня спрашивали, и я отвечал совсем хорошо. Напиши мне: отчего тебе жить в России не позволяют, а там пьесы ставят. Ты не бойся, милый мой, что когда будешь стар, то я тебя буду кормить битыми стеклами и сапожной мазью. Буду кормить тебя макаронами, блинами и супом с клецками, а на десерт буду каждый день на “Auto” возить с быстротой 200 км в час, так что в 2 месяца помолодеешь»[163].

В первые дни 1912 года он писал отцу: «Русский новый год мы будем встречать дома с некоторыми знакомыми. <...> Мы, ученики 3-х старших классов, собираемся каждую неделю у меня или Кости и беседуем. Приходит Устинов и Алексеевский (теперешний учитель истории и русского). Устинов нам объясняет и рассказывает многое; мы говорили уже о причинах возникновения Китайской революции и о голоде в России, в последний раз говорили о Добролюбове.

Я, когда прихожу из школы домой, делаю уроки, а потом читаю какой-нибудь авиационный журнал или газету с авиационным отделом; теперь очень много пишут о выставке, которая закрылась 2-го января. Тебе очень странно было бы видеть, как часто летают тут аэропланы и как на них все спокойно смотрят; впрочем, может быть, и ты их часто видишь и привык! <...> Я одного только хочу, чтобы ты приехал к нам, ведь я уже сколько времени тебя не видал и очень соскучился об тебе»[164].

Алексей Максимович на это письмо отвечал: «Редко ты пишешь, и когда писем от тебя нет, — я начинаю думать, что тебе

---

[162] АГ. Т. XIII. С. 81. Максим Пешков — Горькому. Из Парижа на Капри, январь 1911 г.

[163] Там же. С. 89. Максим Пешков — Горькому. Из Парижа на Капри, март 1911 г.

[164] Там же. С. 108. Максим Пешков — Горькому. <Из Парижа на Капри, 25…31 декабря 1911 г. [7…13 января] 1912 г.>

сшибли голову футбольным мячом, или ты улетел на “держижабре” к Марсу, или забыл о твоем лысом отце, старичишке злом и сварливом. Не забывай! Я тебя очень хорошо помню, всегда предо мной твоя длинная курносая фигура и глаза твои, как у московского жулика. <...> Летом, вероятно, выйдет книжка моих сказок и на заглавном листе я напишу: “Сыну моему Максиму” — пусть вся земля, луна и звезды завидуют тебе!»[165]

«Сказки об Италии» вышли в 1912 г. в Берлине в издательстве И. П. Ладыжникова с посвящением М. Ф. Андреевой.

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА, АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ И МАКСИМ. МЕЧТЫ И НАМЕРЕНИЯ ЖИТЬ ВМЕСТЕ

Когда в январе 1906 года Екатерина Павловна с Максимом приехали в Италию, Алексей Максимович был всецело поглощен своей жизнью, захвачен своей работой, у него, как всегда, была «куча интересных начинаний», множество срочных дел и не было свободной минуты. Екатерина Павловна, по-видимому, ощутила себя лишней в чужой стране, а тональность писем Алексея Максимовича вряд ли могла ее радовать: «В письме моем не могло быть раздражения против тебя — не имею на это причин. Желания с твоей стороны мешать мне — не вижу, в оценку твоей деятельности — не вхожу, но — вообще полагаю, что в наши дни деятельность личности — всякой — не имеет большого значения. Пока личность все еще находится в чаду неожиданностей и — духовно чужда массе. <...> И, пожалуйста, не думай, что я могу теперь относиться к тебе раздраженно и т<ак> д<алее> — с какой стати? У меня очень хорошее — мне кажется — чувство к тебе и, во всяком случае, его можно назвать уважением. В твое здоровье я, разумеется, не верю. Какое уж здоровье! Жму руку»[166]. Следующее письмо Алексея Максимовича, написанное им в марте 1907 года после недолгого посещения Аляссио (чтобы повидаться с Максимом и Екатериной Павловной перед их отъездом в Россию), было более теплым: «Мне хочется очень много сказать тебе, дорогой

[165] АГ. Т. XIII. С. 108–109. Горький — Максиму Пешкову. <С Капри в Париж, до 5 [18] января 1912 г.>

[166] АГ. Т. IX. С. 24. С Капри в Аляссио, 3 [16] февраля 1907 г.

мой друг, но — потом. <...> “Меньше возись с собой самим” — вот принцип, следуя которому жизнь становится легче для человека. Смотри и думай больше об общем. Жму руку очень крепко»[167].

Хотя Екатерина Павловна с Максимом не уехали в Россию, Алексей Максимович приехал повидаться с сыном только спустя год (даже дольше — в июне 1908 года) — ему было некогда: «Ибо — ехать в Швейцарию сейчас — я не могу, времени нет и — вообще — настроения»[168]. Но письмам Екатерины Павловны и Максима он радовался, сам же писал довольно сухо: «Дорогой друг — “тон” моих писем не должен задевать тебя, ибо не тобою он вызван, что ты и сама знаешь. У меня есть определенное отношение к тебе, оно — не колеблется; я уверен, что оно навсегда крепко. А “тон” — объясняется очень естественно, — я очень устаю порой, часто сержусь на разных людей, и — желая сдержать эти раздражения, утомления — пишу сухо. Вот и все. <...> Жизнь становится очень циничной, — я говорю о той гнуснейшей реакции духа, которой охвачена наша российская интеллигенция и вообще европейское “культурное общество”. Много подлости, много страха, а всего больше — мещанского цинизма. <...> Видя все это — трудно сохранить доброе настроение, согласись! Тем более что для меня — все это — личное, ибо я — больше чем кто-либо другой — имею право назвать себя демократом и по крови и по духу»[169].

Для Екатерины Павловны дела Алексея Максимовича — борьба с «мерзостями современности», с «глупым и подлым походом против демократии и демократических идей» — тоже казались чрезвычайно важными, и, кроме того, она по-прежнему беспокоилась о его здоровье. Алексей Максимович в свою очередь беспокоился о ее здоровье:

«И тебе письмо начну с того же, как сыну: не беспокойся о моем здоровье, оно ничему не мешает, оно поскрипывает, а я — работаю. Ты вот себя-то лучше береги, твоя жизнь Максиму нужнее, он к тебе ближе. Что ты все прихварываешь? Очень просил бы —

---

[167] АГ. Т. IX. С. 25. С Капри в Аляссио, 13 [26] марта 1907 г.

[168] Там же. С. 39. Из Рима в Женеву, 24 ноября [7 декабря] 1907 г.

[169] Там же. С. 42. С Капри в Аляссио, январь — начало [середина] февраля 1908 г.

не относись к себе так небрежно, как ты привыкла! Нехорошо это»[170].

«Хорошее у тебя сердце. Об одном жалею искренно — мало ты обращаешь внимания на себя, не лечишься, и это действует на твое настроение, в коем так часто звучат грустные ноты. Здоровье — первое сокровище человека, оцени это!»[171]

«Что ты у меня все прихварываешь? Как это досадно, печально и боязно! Берегла бы ты себя больше»[172].

«Не опасно ли сыну ходить с голыми ногами. Не схватил бы он ревматизм. При его сердце это — гибель. А как твое здоровье? Ты никогда не пишешь об этом. Меня же сей вопрос — весьма интересует, ибо болезни — жесточайшие мои враги. Не мои — а вообще, людские»[173].

Отношения Екатерины Павловны и Алексея Максимовича изменились летом 1909 года после его приезда в Аляссио. В это время в доме Екатерины Павловны (снимаемая вилла Palazzino Freghetti), кроме нее самой, Максима и мамы, жили Вера Кольберг, Александр Михайлович Коваленко и Михаил Константинович Николаев, приехавшие отдохнуть. Алексей Максимович прожил в Аляссио 10 дней, после которых они с Екатериной Павловной приняли решение жить вместе. Этому решению предшествовал следующий эпизод: Екатерина Павловна с Максимом провожали до Генуи уезжавшего из Аляссио Алексея Максимовича, и когда они прощались, Алексей Максимович заметил слезы на глазах у сына (мальчика, обычно очень сдержанного в проявлении чувств). Алексей Максимович (расположенность к слезам которого общеизвестна) заметил сыну: «Надо всегда уметь держать себя в руках». Максим заплакал и попросил отца: «Не сердись на меня». Наверное, слезы Максима в немалой степени повлияли на решение его родителей жить вместе.

Летом 1909 года Екатерина Павловна рассталась с Михаилом Константиновичем, через некоторое время он женился, его брак

---

[170] АГ. Т. IX. С. 39. Из Рима в Женеву, конец ноября [начало декабря] 1907 г.

[171] Там же. С. 48–49. С Капри в Женеву, март, после 23-го [апрель, после 5-го] 1908 г.

[172] Там же. С. 65. С Капри в Париж, начало [середина] апреля 1909 г.

[173] Там же. С. 66–67. С Капри в Париж, весна 1909 г.

длился три года. Позже он и Екатерина Павловна будут считать, что они «вместе» с 1906 года, свою вину перед его женой они будут остро переживать (для них обоих это будут мучительные переживания). А пока что в 1909 году Екатерине Павловне казались более важными интересы «трудного» двенадцатилетнего Максима, растущего в разлуке с отцом и мечтающего о совместной с ним жизни. Наверное, Екатерина Павловна надеялась, что они с Алексеем Максимовичем сумеют сохранить семью. Но этого не получилось. Решение жить вместе Екатерина Павловна и Алексей Максимович приняли летом 1909 года, осуществилось оно только осенью 1912 года, но к этому времени стало ясно, что сохранить семью они не смогут. О метаморфозе отношений, происшедшей в течение этих трех лет, можно попытаться проследить по письмам Алексея Максимовича к Екатерине Павловне, опубликованным с ее согласия[174]. Письмами Екатерины Павловны к Алексею Максимовичу мы не располагаем.

Уехав из Аляссио и еще не вернувшись на Капри, Алексей Максимович послал Екатерине Павловне письмо из маленького городка Орвието: «Изумительно красиво здесь, и мне жаль, что тебя нет со мною. Город этот — древняя, славная сказка; я тоже полон “древних” чувств. Научился думать о людях плохо — терплю за это жестокое наказание — что ж? поделом! <...> Скажи Максиму — не скучал бы обо мне. Тяжелый я человек»[175].

Возвратившись на Капри с его бурной жизнью (в это время Алексей Максимович принимал активное участие в организации школы пропагандистов для рабочих-революционеров и был занят «не внешне, а изнутри»), он находил время для писем Екатерине Павловне и сыну.

Июль 1909 года:

— «Сейчас получил маленькое твое письмецо — спасибо! Все ж таки пошлю тебе свое письмо, пусть ты прочитаешь, и м<ожет>

---

[174] Относительно этих писем И. К. Гогуа заметила: «Когда Екатерина Павловна опубликовала письма Горького, то она, с моей точки зрения, сделала страшную ошибку — убрала из его писем всю лирику, везде стоят точки, точки, точки. И когда вы читаете, то у вас впечатление, что разговор идет в основном о деньгах: поди туда, там кто-то что-то должен, чего-то отдай тому» (Червакова И. Песочные часы // Дружба народов. 1997. № 4. С. 80).

[175] АГ. Т. IX. С. 68. Из Орвието в Аляссио, 5 [18] июля 1909 г.

б<ыть>, и почувствуешь — что я думаю, чем живу. <...> Запутался я. В сущности — не имею права говорить того, о чем, с болью, думаю. Не ревность это, а — жалость какая-то, хорошая жалость, не обидная для тебя. Целую твои руки»[176].

— «Мне все вспоминается Максим в ту минуту, когда он, заплакав, сказал: “Не сердись на меня!” С таким горем, дорогой мой мальчик. Чувствую себя виноватым перед ним. На днях напишу ему. А ты — не волнуйся, будь спокойна, обращай на меня поменьше внимания, ибо я — сумбурная фигура. Целую руки»[177].

— «Я не могу забыть, как ты, заплакав, сказал мне: “Не сердись на меня!” Мне грустно думать, что, видя тебя так редко и мало, я огорчил тебя в этот приезд. Но, видишь ли, ты ошибся, не понял меня: я не рассердился на тебя, нет, а просто мне очень тяжело было в тот день, ты же все время сильно нервничал и твоя нервозность еще более заставила меня задуматься и загрустить. Мне показалось, что ты мало обращаешь внимания на людей, окружающих тебя, заботясь лишь о том, чтобы тебе самому жилось весело и интересно, что ты совсем не считаешься с плохим здоровьем мамы, а оно требует покоя, заботливого и любовного отношения к ней. Может быть, я ошибся — мало знаю тебя — может быть, без меня ты ведешь себя спокойнее, более уравновешен и внимателен к маме. Вероятно — я ошибся, ты уж извини меня за эту ошибку! Но — поверь, что я на тебя ни одной минуты не сердился, поверь! Я тебя очень люблю, часто и сильно скучаю о тебе, я страшно хочу видеть моего любимого, славного сына хорошим, умным, здоровым человеком. И я верю, что таким ты и будешь, дорогой мой мальчик»[178].

Август 1909 года:

— «Очень тревожно за тебя, — пугает твоя слабость, а ты снова говоришь о Париже, где шумная жизнь еще больше станет утомлять и раздражать.

Ты же сама пишешь, что за лето совсем не поправилась, да и Максим худ — подумай же, не лучше ли устроиться на эту зиму

---

[176] АГ. Т. IX. С. 68. С Капри в Аляссио, 11 [24] июля 1909 г.

[177] Там же. С. 69. С Капри в Аляссио, 12 [25] июля 1909 г.

[178] АГ. Т. XIII. С. 61. Горький — Максиму Пешкову. <С Капри в Аляссио, июль, после 12/25-го, 1909 г.>

где-нибудь здесь потише, спокойнее и заняться починкой здоровья? Не понимаю я твоего отношения к этому вопросу: что хорошего быть больной? Это не только неудобно и неприятно — это должно быть стыдно! Именно стыдно! Я очень прошу тебя — не торопись с отъездом в Париж, поживи подольше в Аляссио или в ином месте, но не в душном, пыльном, шумном. <...> Так вот — пожалуйста, не торопись, очень прошу тебя — отдохни! Это — главное, чего я хотел бы добиться от тебя. Кланяюсь всем, желаю всех благ, целую твои руки.

Спасибо тебе — очень хорошо ты пишешь»[179].

— «Получил оба твоих письма, спасибо, родная моя, спасибо! Лучше этого — ничего не скажешь. Хотел я написать тебе что-то, что поддержало бы тебя в трудный час, но не сумел и не нашел времени. Не удивляйся этому.

Итак — ты разрубила узел. Я — нет еще; хотя мне это сделать внутренне легче, но внешне — труднее. Впрочем, я тебе об этом говорил»[180].

— «Дорогой мой друг — не обращай внимание на мелочи, не стоят они того, чтоб думать о них. Адреса на всех моих письмах всегда пишет одна рука, и я не вижу причин выделять твои письма из общей кучи. Если же раза два надписывал я сам — как теперь вот — это объясняется отсутствием М<арии> Ф<едоровны> и — только.

Что будет, спрашиваешь ты. То, что неизбежно должно быть, но к чему, пока, мешают чисто внешние причины — деньги в том числе. <...> Ты, конечно, понимаешь, что мне хочется видеть тебя, и я сделаю все, чтоб еще раз побыть в Аляссио. Очень просил бы задержать твой отъезд до последней возможности»[181].

— «Мне трудно, говоря по правде, но, разумеется, я справлюсь с этим, будь спокойна. <...> Верь мне, — вот что было бы ценно»[182].

---

[179] АГ. Т. IX. С. 70. С Капри в Аляссио, 3 [16] августа 1909 г.

[180] Там же. С. 71. С Капри в Аляссио, 8 [21] августа 1909 г.

[181] Там же. С. 71–72. С Капри в Аляссио, 20-е числа августа, до 29-го [первая декада сентября] 1909 г.

[182] Там же. С. 72. С Капри в Аляссио, 29 августа [11 сентября] 1909 г.

В сентябре 1909 года Екатерина Павловна поторопилась уехать из Аляссио в Париж в связи с тем, что она хотела сменить квартиру на другую — расположенную ближе к школе Фидлера, которая переехала из Plessy-Piquet в Chatillon. Она сняла квартиру в местечке Seant-Robinson под Парижем и прожила там с Максимом и мамой до лета 1910 года. Алексей Максимович теперь был занят еще больше, чем прежде: к нему на Капри наконец приехал из России К. П. Пятницкий, которого он с нетерпением ждал, чтобы разобраться с делами издательства «Знание». Предполагалось, что для этого понадобится «недели две, а то и месяц», хотя работали они «ежедневно часов по 14, подготовляя к печати ряд новых изданий». О Екатерине Павловне и Максиме он помнил: «Дорогая моя — ты не пишешь, и лезут мне в голову разные противные мысли. Напиши несколько слов. <...> Настроение у меня стало лучше — ибо работаю много, и нет времени вести драматические разговоры. Медленно идут дела, все-таки; я думал, скорее подвинется. Мешает мне безденежье. <...> Как живешь? <...> Что Максим?»[183]

Приезд Алексея Максимовича (уже не в Аляссио, а в Париж) все отодвигался. Осенью 1909 года он писал Екатерине Павловне:

— «Друг мой — я уверен, что приеду, помешать этому может лишь конфискация сборника. Между нами: дела “Знания” очень плохи, я уже более полугода живу в долг. Пожалуйста — молчок об этом. Я считаю нужным просить тебя о молчании, потому что мне надоели и раздражают меня сплетни: Елена К<онстантиновна>[184] скажет что-то о Зине[185] и о попугае, как единственных моих друзьях, В. А. Десницкому, а он, приехав сюда, передает это человеку, с к<ото>рым, как он видит, у меня не очень гладкие отношения. Не сердись, что я это пишу, пожалуйста, — не сердись! Если бы ты видела, как я занят, как дорого мне время и как нужны спокойные часы — ты поняла бы мотивы, понуждающие меня избегать всяких сцен. Порою приходится избегать их даже ценой замалчивания, даже ценою — лжи, да, да! Но — что делать? Одно — личное, другое — общественное и неизмеримо более важно, для

[183] АГ. Т. IX. С. 74–75. С Капри в Париж, начало [середина] сентября 1909 г.
[184] Елена Константиновна Малиновская.
[185] Зиновий Пешков.

того, чтобы с большим спокойствием выполнить задачу более важную, иной раз и покривишь душою в личных отношениях — лишь бы покой обрести. Я знаю, что тебе это вилянье не нравится, и ты его не оправдаешь, не извинишь, ну, что же делать? Иного выхода нет у меня. <...> Одинок я, в конце концов, как дьявол. Работы надо сделать — воза! <...> Будь уверена во мне, хоть я и подозрительный человек»[186].

— «В “Зн<ании>” — нет денег. “Нет денег” — два слова эти душат меня. Из-за них мне приходится стоять в глупейшем положении — я не могу освободиться от того, что, как знаешь, давно уже лишнее и враждебно мне. Но, дорогая моя! — скоро, мне кажется, к рождеству, — все это пройдет, кончится. Я теперь ужасно мечтаю о том, чтобы на святки катнуть к тебе, к вам. <...> Думаю я о тебе — много! И, кажется, хорошо люблю тебя на этот раз, милая моя девочка. Немножко — ревную. Это мешает спать, но — ничего! Так и надо. Целую твои руки, будь спокойна, верь мне — и как ты мне сказала, так и я повторяю тебе: мои чувства, разумеется, тоже ни к чему не обязывают тебя. Не очень весело пишу это, говоря по совести.

Будь здорова, цени себя, полюби немножко больше, — и — умоляю! — следи за здоровьем! Обнимаю и целую»[187].

Конверт на этом письме был надписан К. П. Пятницким, а не Марией Федоровной, на что Алексей Максимович обращал внимание Екатерины Павловны. Ее неприятие Марии Федоровны его несколько озадачивало и огорчало, и к перемене налаженного образа жизни он, по-видимому, не был готов.

— «Мне очень грустно не понимать, — писал он, — почему ты не ответила на письмо М<арии> Ф<едоровны>? Все кажется, что вы, бабы, несправедливы друг к другу больше, чем мы, мужики, к вам. Не хотелось бы, чтобы это была правда, ибо — по совести! — ничего не знаю гаже и пошлее, чем отношения современного мужика к бабе!»[188]

— «…отсутствие денег именно в *данный* момент — сильно угнетает меня, как ты, вероятно, понимаешь. <...> Прости, что я

---

[186] АГ. Т. IX. С. 75–76. С Капри в Париж, середина [конец] октября 1909 г.

[187] Там же. С. 77–78. С Капри в Париж, конец октября [первая половина ноября] 1909 г.

[188] Там же. С. 80. С Капри в Париж, после 7 [20] декабря 1909 г.

пишу об этом. Как это ни смешно, а сейчас для меня главное — деньги. Соображения твои насчет Максима — беспокоят меня. Живи мы вместе — я бы сумел заинтересовать его и, вероятно, сумею. Ибо — нам надо же вместе жить. Не уверен только, что ты вынесешь эту скучную жизнь с книжным человеком, который сидит с утра до вечера за столом. И который — староват уже, что ни говори. А ты — молодая. И надо тебе жить вовсю, хорошо, полно. Я много думаю об этом, но ты мне на эту тему — не пиши, голубчик, не надо»[189].

В декабре 1909 года Алексей Максимович все еще собирался приехать в Париж на Рождество, хотя дел у него — «океан», «денег — нет» и он «устал, лыс, сед», страдает «ревматизмом, подагрой, хираргой и — очумел — вот что главное». Но в Париж он не выбрался ни на Рождество, ни в течение всей зимы. Екатерину Павловну он успокаивал:

— «Личные дела — лучше, определеннее. Весною ты в этом убедишься. Писать — не стану. Мне ужасно тяжко читать в твоих письмах о том, как колеблются твои настроения “от радости к отчаянию”. Зачем же отчаяние? Не могу понять этого и не мирюсь с этим. Мне — тоже часто бывает тяжело, причем причины для этого у меня, вероятно, гораздо больше, чем у тебя. Но что же было бы, если бы я впадал в отчаяние хотя бы на час? Мне хочется видеть тебя сильной и крепкой, полной уверенности, способной ко всякому сопротивлению, доброй помощницей мне в той ежедневной драке, которую я принужден вести и которую буду вести до конца дней. Не преувеличивая ни сил своих, ни своего значения в русской литературе, я знаю, что моя линия — ближе к правде, чем другие, и нужнее для нашей страны. <...> Будь же более спокойна и береги себя для жизни трудной, м<ожет> б<ыть>, но — хорошей, ибо — осмысленной в каждом часе ее. До свидания, целую руки. Обманул ли я тебя? Эх, кабы я мог приехать! Но — за два месяца я должен был написать листов 10! Это — не шутка!»[190]

— «У меня по отношению к тебе установилось непоколебимо хорошее, глубокое чувство. <...> Собрался было в Париж, было

---

[189] АГ. Т. IX. С. 78. С Капри в Париж, октябрь [ноябрь] 1909 г.

[190] Там же. С. 81. С Капри в Париж, вторая половина декабря 1909 г. [конец декабря 1909 г. — начало января 1910 г.].

такое намерение: упасть аэролитом на новый год. Конечно — ничего не вышло.<...> Устал я от всего: от разговоров о “Знании”, от газет и всякой всячины. И очень мне тяжело было получить твое письмо, такое грустное и нервное. Хочется видеть на земле твердого, терпеливого человека. Ну, если не видеть — так хоть бы знать, что есть такой! Друг мой, маленький, не тревожься, прошу тебя! Не хочу ни о чем писать, но, поверь мне, — все будет хорошо, подожди только. <...> Крепко обнимаю тебя! С Новым годом, будь здорова, береги себя. О дне выезда сообщу телеграммой. Максиму написал бы — не могу, нет слов! Поцелуй его, скажи много хороших слов»[191].

И вот наступил 1910 год. Алексей Максимович по-прежнему занят «страшно», «свыше головы», денег нет, «расходы не уменьшаются, а доходов нет», и он работает, работы у него бесконечное количество, и пишет он Екатерине Павловне редко, а возможности повидаться с ней (о Максиме не говорится) у него тем более нет, но он уверен, что они увидятся в апреле:

— «Не беспокойся и не сердись, что я пишу редко и мало; зная, что где-то есть у меня близкий мне человек, я беседую с ним мысленно, и мне кажется, что этот способ всегда лучше — проще, искренней и честнее слов, написанных на бумаге. Когда увидимся — наговоримся»[192].

— «Меня очень беспокоит мысль о том, как ты встретишь эту невозможность для меня повидаться с тобою, мне хотелось бы скорее получить ответ на это письмо, дабы знать твое отношение. Для работы необходим покой, а его все меньше. Думаю, даже уверен, что увидимся мы в апреле, в конце. <...> Никогда еще деньги не мешали мне жить в такой степени, как они мешают теперь вот! Едва ли тебе понятно это, к сожалению. Не обращай внимание на то, что письма мои носят столь деловой характер, не могу я, повторяю, писать о том, что хотел бы сказать тебе. <...> Отвечай скорее и — прошу тебя! — верь мне! Всего доброго, Катя!»[193]

---

[191] АГ. Т. IX. С. 84. С Капри в Париж, конец декабря 1909 г. [начало января 1910 г.] — первая половина [вторая] января 1910 г.

[192] Там же. С. 85. С Капри в Париж, начало [середина] января 1910 г.

[193] Там же. С. 86. С Капри в Париж, январь 1910 г.

— «Прошло 600 лет со времени твоего последнего письма. <...> Когда ты долго не пишешь, мне упрямо думается, что ты сердишься, больна или влюбилась в большевика — все это одинаково печально и — беспокоит. Если тебе кажется, что я пошутил неловко — извини! Я, как знаешь из тех, кто плачет от радости и смеется в тоске.

Поклон авиатору! Предупреди его, что за пределы земной атмосферы лучше не летать, это вредно для здоровья.

<...> Если же разные “товарищи”, являясь к тебе, нечто говорят — разумею, конечно, сплетни и пакости — не верь»[194].

— «В апреле — приеду, ибо первую часть повести — кончил»[195].

— «Когда я сорвусь с места — не знаю еще, думаю ехать к вам на русскую пасху. Очень хочется и — очень трудно»[196].

— «Кончу ли я повесть к апрелю — не знаю, но в апреле я приеду, это наверное»[197].

Пришел апрель, и Алексей Максимович собрался приехать, но не в Париж (на это у него «есть свои, серьезные причины»), он предпочел Аляссио:

«Я не успею выехать ранее двух недель. Расчет — самый экономный, мне придется очень много сделать за это время. Вам я очень советовал бы ехать сейчас же в Аляссио, туда и я приеду. Это мне всего удобнее. Вы будете купаться там, не теряя времени. Убедительно прошу — не езди одна! Возьми с собою кого-нибудь, кто — на случай сердечных припадков или иных заболеваний — был бы для тебя более полезен, чем Максим, нервам которого все подобные волнения не могут быть полезны. Пусть поедет Вера, Алек<сандр> Мих<айлович> — кто хочешь, но — пожалуйста — не одна! Максиму — не пишу, да извинит он меня! Очень уж не в настроении я, как видишь»[198].

Затем Аляссио заменяется на Сан-Ремо: «Поезжай в Сан-Ремо, ладно? Я думаю, что это будет не худо для Максима, раз у него

---

[194] АГ. Т. IX. С. 88. С Капри в Париж, конец февраля [первая половина марта] 1910 г.

[195] Там же. С. 89. С Капри в Париж, 13 [26] марта 1910 г.

[196] Там же. С. 89. С Капри в Париж, 23 марта [5 апреля] 1910 г.

[197] Там же. С. 90. С Капри в Париж, март 1910 г.

[198] Там же. С. 91. С Капри в Париж, около 8 [21] апреля 1910 г.

коклюш — что за дьявольщина! — пугает меня его здоровье ужасно! Для меня же С.-Ремо — и вообще Италия — несравнимо лучше: в Париже я должен буду видеть разных людей — а у меня нет к этому никакого стремления! Совсем нет! Кроме людей — репортеры! Первый раз во Францию приехал — дадут они мне знать себя! Выеду я 3-го числа. Если это Ремо не понравится нам — мы переберемся куда-нибудь в другое место. Телеграфируй, если согласна»[199].

Екатерина Павловна с Максимом поехали в Сан-Ремо и прожили там около двух недель в ожидании Алексея Максимовича. Он приехал утром 22 апреля (5 мая), и они в тот же день переехали в Аляссио. Через 10 дней Екатерина Павловна с Максимом вернулись в Париж, а Алексей Максимович на Капри к своим «крайне сложным делам», к необходимости общаться с большим количеством разных людей, доставать значительные суммы денег для уплаты долгов (десятки тысяч рублей) и одновременно писать (для заработка). И в этой ситуации у него появляется некоторое раздражение против Екатерины Павловны: «Ты, вообще, не представляешь хода моей жизни и тех обязанностей, кои на мне лежат. Ты скептически говоришь “знаменитый писатель”, не замечая, что этого не следовало бы говорить. Моя “знаменитость” оплачивается адским трудом, она — если надо говорить об этом — создается моей глубокой верой в благотворную силу человеческого духа. Не сердись на меня, это не упрек, а попытка выяснить позицию. Ее трудность и сложность — не там, где тебе кажется. Повторяю — не беспокойся, не волнуйся, все я сделаю, все устрою, будь уверена»[200].

Ответ Екатерины Павловны его не разочаровал: «Спасибо тебе. Я не был уверен, но — надеялся, что ты скажешь то, что сказала. Некоторые твои слова целиком попали мне в пьесу[201]»[202].

Писать письма Алексею Максимовичу по обыкновению некогда, но он все-таки пишет и очень беспокоится о здоровье Екатерины Павловны и Максима:

---

[199] АГ. Т. IX. С. 90–91. С Капри в Париж, середина [вторая половина] апреля 1910 г.

[200] Там же. С. 92. С Капри в Париж, 15 [28] мая 1910 г.

[201] Пьеса «Чудаки». В ней он использовал отдельные выражения из писем Екатерины Павловны.

[202] АГ. Т. IX. С. 93. С Капри в Париж, вторая половина мая [первая половина июня] 1910 г.

«Что же вы, братцы, хвораете оба — и мать и сын? Брали бы пример с меня, старичишки, — живу себе, как гриб, только нервы страждут, да и то не часто. Нет, в самом деле: беспокоит меня эта ваша, — особенно твоя, Катя, — склонность к заболеваниям, тревожит до чертиков, до галлюцинации. И очень я советовал бы бросить эти дурацкие большие города, жить где-либо в чистом и тихом углу около моря — это лучше. Интересы Максимовы от сего едва ли пострадают: ведь школа не даст ему больше, чем два, три добрых учителя.

В Cavi di Lavagna — Кави ди Лаванья — по сю сторону Генуи, где живет Амфитеатров, по его словам, и хорошо, и дешево, и много интересного народа с семьями. Там Колосов, Булгаков и другие с.-р., до 30 душ, много семейных и есть Максиму ровесники. Я, разумеется, только советую. Боязно мне за вас, родной мой народец. <...> Жизнь моя с утра до вечера, изо дня в день проходит в моей комнате, где сижу, как сыч в дупле, и работаю, работаю. <...> Береги себя, прошу горячо!»[203]

В начале июля 1910 года он снова приехал в Аляссио и прожил там около двух недель, после чего вернулся на Капри в привычную для себя атмосферу: «Друг мой — здесь, конечно, столпотворение вавилонское: с утра до позднего вечера люди, разговоры, суета. <...> Да не покажется все сие мелочами тебе, это не мелочи для меня, а живое дело. Работать я, разумеется, не начал, начну ли здесь, еще не знаю. Вероятно — да, и увидимся мы лишь в октябре. Здесь, несомненно, удобнее, привычнее, больше в своей сфере я, не расплываюсь, не лотошу. Получив это письмо — не огорчайся, умоляю. И немедля сообщи мне *имя* Маскарди, очень нужно.<...> На меня не сердись»[204].

По-видимому, к этому времени Алексей Максимович уже догадывался, что вряд ли он сможет отказаться от жизни на Капри, центром которой был, и серьезно заняться воспитанием «трудного» сына. Он никогда не мог «пожертвовать частицей своего я в пользу другого» («свободно жертвовать, не насилуя себя»), хотя сыну он хотел привить именно такие понятия: «Слушайся сердца,

[203] АГ. Т. IX. С. 94. С Капри в Париж, июнь 1910 г.
[204] Там же. С. 95. С Капри в Аляссио. 23 июля [5 августа] 1910 г.

когда оно подсказывает тебе такие решения, которые клонятся к твоей невыгоде и к выгоде других. Трудно понять это? Мамашка объяснит»[205].

Вернувшись на Капри, он посылает Максиму (с небольшим запозданием) письмо — поздравление с днем рождения. Текст письма приводим полностью:

«Друг мой — сердечно поздравляю тебя с истекшей тринадцатой годовщиной бытия твоего, шумного и озорниковатого. Но — в эти годы и я тоже был великий озорник и, хоть ты порой способен вывести из терпения каменную башню, — я тебя понимаю! Что делать? Такова судьба — в юности, в отрочестве — все озорничают, в зрелом же возрасте надоедают друг другу ворчанием и разными суждениями.

А у меня случилось происшествие: приехали из России пятеро художников и начали меня писать: каждый день я сижу от 2-х до 3-х часов на дворе, а они с меня портреты мажут. Так-то. За время, пока я был в Аляссио, накопилась куча рукописей, писем и разных дел, сижу я с утра до вечера и привожу все это в порядок. И, конечно, работаю над своей повестью. Поучиться бы немножко тебе у меня, как надо работать, а то ты не очень усерден. Играешь ли? Помни — музыка, со временем, даст тебе много хороших часов! Будь здоров, не купайся до усталости, не раздражай мать. Обнимаю. Алексей»[206].

Что касается «происшествия» с художниками, то Алексей Максимович познакомился с ними на пути из Неаполя на Капри и пригласил их к себе. Один из них, «И. И. Бродский в своих воспоминаниях писал: “Мы приступили к работе над его портретом. Он позировал нам в белом костюме, сидя в плетеном кресле, положив ногу на ногу. Ежедневно, окруженный мольбертами, он терпеливо просиживал по два-три часа, и так в течение двух недель подряд” (И. Бродский. Мой творческий путь)»[207].

Алексею Максимовичу явно не хотелось менять образ жизни, но Екатерине Павловне он писал:

---

[205] АГ. Т. XIII. С. 55. Горький — Максиму Пешкову. <С Капри в Париж, до 21 января [3 февраля] 1909 г.>

[206] Там же. С. 74. Горький — Максиму Пешкову. <С Капри в Аляссио, 28 июля [10 августа] 1910 г.>

[207] Там же. И. Бродский. Мой творческий путь.

— «Не обижайся, не думай обо мне плохо, если я буду писать не часто: не могу писать сдержанно, не хочу быть несдержанным. Личные мои дела понемногу объясняются, узлы развязываются — в этом отношении все идет недурно»[208].

Екатерина Павловна с Максимом в конце августа поехали в Суляк (Франция), где гостили у Бартольтов, с сыновьями которых Максим учился в школе Фидлера. Потом они поехали в Аугсбург навестить Четвериковых и к началу занятий вернулись в Париж, в котором еще раз сменили квартиру — теперь они жили напротив школы[209]. Письмо отцу Максим написал только в октябре (мальчика захватывала своя жизнь): «Дорогой и милый мой Алексей, я очень беспокоюсь, что ты не здоров. Не сердись, что я тебе так долго не писал, все собирался. Мы после Alassio жили у моих товарищей в Soulac sur mer. Там очень хорошо. Сосновый лес, океан, пляж. Там в первый раз увидал я прилив и отлив. Километра за 2 от Суляка на пляже есть мол, и во время прилива в камни забивается разная рыба, крабы, креветки и другие вещи»[210]. Максим подробно описывал поездки на велосипедах (своего у него еще не было) по пляжу к дальнему молу, приключения с электрическими скатами и др.

Алексей Максимович отвечал сыну довольно коротко:

«О здоровье моем — не думай, у меня просто нервы устали, я очень раздражителен, капризен и сердит. Если бы я в эдаком растрепанном виде явился к тебе теперь — мы с тобою целыми днями ругались бы и дрались. <...> Будь здоров, весел! Учись музыке. Посылаю тебе открытки города Луки, куда мы с тобою однажды съездим. Когда — не знаю, а съездим, это верно! Удивительно красивый город! Обнимаю тебя, милый мой сын! А.»[211]

Екатерине Павловне он писал чаще:

— «Славное твое письмо получил сегодня здесь, в Специи, куда меня призвала необходимость видеть Анциферова и еще коекого. Письма твои очень дороги мне, и тон их, такой дружеский и милый, трогает за сердце. Спасибо, Катя! <...> В Париж осенью не

---

[208] АГ. Т. IX. С. 95. С Капри в Аляссио, 29 июля [11 августа] 1910 г.

[209] Chatillon pres Paris 38 bis rue de Fontenay.

[210] АГ. Т. XIII. С. 75. Максим Пешков — Горькому. <Из Парижа на Капри, начало [середина] октября 1910 г.>

[211] Там же. С. 74. <С Капри в Париж, после 9 [22] октября 1910 г.>

попаду. <...> Ехал я сюда через мертвый, крайне интересный город Пизу и ночевал в Луке — городе удивительно милом, полном какой-то грустной лирики. Уверен, что однажды я буду в городе этом с тобой вместе и с Максимом. Не удивляйся странному тону этого письма — я думаю о тебе так хорошо, много и ласково. Будь здорова, дорогая моя, береги себя — прошу!»[212]

— «Мне очень жаль, что со мною нет вас, но я верю — будет какое-то милое, спокойное время, и мы вместе осмотрим эти чудесные сказочные города. Не беспокойся обо мне и береги себя, дорогая моя Катя, — береги!»[213]

— «Мне грустно, что ты и Максим не видите, как это красиво и мощно — Сиена! Но — вы увидите! <...> Будь здорова, не беспокойся обо мне и береги себя — есть для чего, поверь! В жизни много красивого, величественного, и мы живем, не зная этого!»[214]

— «<...> не сердись на меня, не гожусь я для жизни с людями, которые любят меня, не гожусь, видно! Право же, я не рисуюсь, говоря это! Так выходит, такова действительность»[215].

— «Тяжело мне знать, что ты все прихварываешь. Тысячу раз хочется просить тебя — береги здоровье! Несмотря ни на что — жизнь, все-таки, хороша, а нам надо беречь себя, ибо — все меньше становится в России честных людей»[216].

Надо заметить, что к А. В. Амфитеатрову Алексей Максимович выехал не один, а в сопровождении Зиновия Пешкова и детей Марии Федоровны — Юрия и Кати Желябужских, и они вместе совершили небольшое путешествие по Калабрии. Вскоре после поездки к А. В. Амфитеатрову в жизни на Капри произошло событие семейного масштаба, но отразившееся на каприйской жизни Алексея Максимовича: Зиновий Пешков женился, женился скоропалительно на девушке, служившей у А. В. Амфитеатрова переписчицей на машинке[217]. Алексей Максимович сообщил об этом Екатерине Павловне:

---

[212] АГ. Т. IX. С. 97. Из Специи в Париж, 30 сентября [13 октября] 1910 г.
[213] Там же. С. 98. Из Сиены в Париж, 6 [19] октября 1910 г.
[214] Там же. С. 99. Из Сиены в Париж, 7 [20] октября 1910 г.
[215] Там же. С. 101. С Капри в Париж (Шатильон), 16 [29] октября 1910 г.
[216] Там же. С. 104. С Капри в Париж, конец октября [первая половина ноября] 1910 г.
[217] Бураго Лидия Петровна.

«Могу сообщить новость: Зиновий женится. В Специи, у Амфитеатрова, встретил девицу, дочь казачьего полковника, и — в пять дней решили жениться. М<ария> Ф<едоровна> поехала смотреть невесту. Меня это — не радует, не огорчает. Мне кажется, что все сие происходит где-то у соседей. Я очень люблю З<иновия>, — славный он парень, на редкость честный и прямой, но — мешаться в дела, коих я сам не понимаю, — не позволяю себе. <...> Вообще же “дела житейские” мало задевают меня, если они не касаются литературы. <...> Спасибо тебе, славная моя, за твои письма и вообще за твое отношение ко мне. Милый ты и родной мне человек. Мысленно я живу с тобою, думаю о тебе всегда, много и хорошо»[218].

Екатерина Павловна в ответном письме (оно очень хорошо отражает ее отношение к людям) откликнулась на свадьбу Зиновия:

«За Зину — рада, коли девица хорошая, и решение принято в пять дней, нечего, думаю, бояться. Молодая она? Поздравь его за меня с такой счастливой встречей и от души мое желание передай, чтобы оба они не ошиблись друг в друге. А что они порешили это так скоро, это очень даже хорошо, думаю. И приятно знать, что есть пара людей, в данный момент счастливых. А что ты не вмешиваешься в это — тоже хорошо. Ведь никакие третьи лица, как бы они не были близки, ничего в этих делах не значат, раз явилось искреннее чувство…»[219]

Приглашение на свадьбу было отпечатано на итальянском языке, вот его перевод: «Мария и Алексей Пешковы имеют честь сообщить о предстоящем бракосочетании их сына Зиновия и синьорины Лидии Бураго и будут счастливы Вашему участию в торжестве, посвященном их бракосочетанию, которое состоится … 1910 года на вилле Спинола на Капри[220]».

16 октября Алексей Максимович с Зиновием уехали встретить невесту в Неаполь, там состоялось бракосочетание, а 18 октября они вернулись на Капри, где был устроен чудесный праздник, ко-

---

[218] АГ. Т. IX. С. 102–103. С Капри в Париж, конец октября [начало ноября] 1910 г.

[219] Пешкова Е. П. Письмо А. М. Горькому от конц. окт. — нач. нояб. 1910 г. // Пархомовский. С. 98.

[220] Пархомовский. С. 98.

торый жители острова вспоминали и двадцать лет спустя. Алексей Максимович писал А. Н. Тихонову: «Население острова отнеслось к этому факту изумительно. Столько было проявлено трогательного до слез внимания, искренней радости и доброты. Молодых буквально засыпали цветами, весь дом загружен охапками роз, хризантем и всякой всячины, — дышать трудно. Вообще устроили нам чудеснейший праздник, нечто сказочно милое и — все со строгим соблюдением такта, все — удивительно в меру! Одно не совсем по душе мне, о событии этом напечатали в газетах!»[221]

Сокращенный перевод статьи, опубликованной в одной из итальянских газет, приводится в книге М. Пархомовского:

«То, что происходило вчера с двух до девяти часов, было более чем праздник, это была трогательная демонстрация любви. Все жители Капри пришли в дом к Максиму Горькому, чтобы поздравить красивую и любезную невесту его сына Зиновия, которая впервые приехала на Капри.

Сотни жителей колонии иностранцев, живущих на Капри, народ и господа, мастеровые и рыбаки пришли вчера в просторные залы виллы Спинола, чтобы показать радушие, возникшее из уважения и любви. Народ хлынул даже в святая святых — кабинет великого иностранного писателя.

Восторженную толпу, торговцев с их семьями, моряков в их типичных костюмах, мальчиков и девочек, одетых во все белое, всех русских, которые здесь проживают, обрамляла масса цветов как доказательство больших чувств, как символ любви и сердечности всех присутствующих.

Любезной госпоже Горькой помогал сын Зиновий, счастливый с молодой женой»[222].

Читала ли Екатерина Павловна газеты со статьями, посвященными свадьбе Зиновия, неизвестно. Известно, что не прошло и месяца после свадьбы, как отношения Марии Федоровны с молодыми осложнились, и они (Лидия, а за ней и Зиновий) были вынуждены покинуть Капри. Алексей Максимович остался без человека, привязанного к нему и бывшего для него безотказным помощником.

---

[221] Пархомовский. С. 96.
[222] Там же. С. 96–97.

Алексей Максимович, как всегда, очень много работал. «…все это время я писал не менее десяти часов в сутки, так что спина скрипела. <...> Милый мой, знал бы ты, как устал я за это время! <...> Береги себя и люби мамашку, она очень хороший человек»[223], — писал он сыну.

В конце января 1911 года он все-таки выбрался в Париж. Перед выездом он просил Екатерину Павловну принять «меры, чтобы не было газетного и “товарищеского” шума. Очень прошу. Мне хочется и важно видеть тебя да Максима, и было бы хорошо, если бы никто не мешал нам. А особенно — газеты»[224].

В Париже он пробыл две недели, после чего вернулся на Капри. И опять письма.

23 февраля 1911 года: «Тоскую о тебе и о Максиме. Завален делами, — это облегчает»[225].

27 февраля 1911 года: «Очень хочется видеть тебя, крепко обнять и заглянуть в глаза глубоко, до души»[226].

До 4 марта 1911 года: «А ласковых писем не пиши мне, меня это волнует очень, мне же третью часть “Кожемякина” писать. Лучше — ругай и пили. Когда мне нехорошо, тяжело — я становлюсь умнее и, кажется, талантливей. Только — не всегда ругай, а лишь теперь, на расстоянии!

Посылаю для Максима “сказку” — хотя эта сцена с натуры, и я тебе, должно быть, рассказал уже ее. Ну, писать мне некогда. До свидания, до свидания! Крепко целую лапы твои и всю»[227].

5 марта 1911 года: «Ты меня извини, что пишу редко, я очень устал, прескверно настроен и прочее и прочее. Масса людей. <...> Я буду очень просить тебя — не зови, не торопи меня, устраивайся, где удобней для тебя и Максима, а я — сейчас — не в состоянии сказать, когда приеду. Очень просил бы понять, что именно в данный момент мне совершенно не лезут в голову думы об устройстве моего бытия и что лично к себе у меня — нет интереса, некогда, да и неприятно думать об этом.

---

[223] АГ. Т. XIII. С. 82–83. <С Капри в Париж, начало [середина] января 1911 г.>

[224] АГ. Т. IX. С. 111. С Капри в Париж, 24 января [6 февраля] 1911 г.

[225] Там же. С. 112. С Капри в Париж, не ранее 23 февраля [8 марта] 1911 г.

[226] Там же. С. 112. С Капри в Париж, 27 февраля [12 марта] 1911 г.

[227] Там же. С. 113. С Капри в Париж, до 4 [17] марта 1911 г.

Ты подумаешь: это потому, что отяжелел и не решается перестраивать налаженную жизнь, как ты не однажды говорила это, и что всегда задевало меня. Думай, как хочешь, может быть, ты — права и действительно в данный момент у меня не хватает энергии на решительный шаг, но — я бы просил дать мне пережить этот момент одному. Я, как оказывается, всем нужен, но — ты снова права — особенной нужды лично не чувствую ни в ком, а желал бы одного: покоя для работы и за этот покой готов платить какую угодно цену. Очень я одинок, — не жалуясь, говорю, а с удивлением, — очень! Не сердись, пожалуйста, и — пойми, постарайся, что здесь жить мне, пока, всего удобней, и работать я тут могу наиболее продуктивно. <...> очень уж я устал, переволновался и — надоело мне все отчаянно. “Ты — на гору, черт — за ногу”, и так всю жизнь!»[228]

В конце марта Алексей Максимович приехал в Париж, пробыл у Екатерины Павловны и Максима три недели и вернулся на Капри.

Наступило лето. Екатерине Павловне с Максимом, которому исполнялось 14 лет, было нелегко. Ей казалось, что мальчику нужен отец, она писала Алексею Максимовичу, что у Максима возникают вопросы, с которыми он, видимо, стесняется обращаться к матери, и просила Алексея Максимовича пообщаться с сыном, но он отказался, объяснив тем, что: «Сейчас, в том состоянии духа, в котором я нахожусь, моя встреча с Максимом не принесла бы ему ни капли пользы и могла бы причинить много вреда. <...> Мне не хочется никого видеть, и я с трудом говорю спокойно с теми, с кем волею-неволею приходится встречаться. Никогда еще не переживал такого тяжкого времени. Ты, вероятно, не поверишь мне. Дело твое, не верь. Убеждать не стану. Но не убеждай и ты меня делать то, к чему я не считаю себя способным и чего не могу делать. Какой я воспитатель? Брось это, друг мой. Будь здорова, не сердись на меня и не обвиняй»[229].

«Во всем, что ты пишешь о Максиме, ты, конечно, права, но права — теоретически. Практически же ты для него, несомненно,

---

[228] АГ. Т. IX. С. 113. С Капри в Париж, 5 [18] марта 1911 г.

[229] Там же. С. 114–115. С Капри в Париж, около середины [конец] июня 1911 г.

полезнее меня, — не говоря о том, что ближе. Воспитатель, прежде всего, должен быть здоров, ты — здоровее меня, я уверен. <...> ты меня в Песталоцци хочешь определить! Брось сию нелепую мечту. Дела мои вообще и столь множественно скверны, что я, право, не знаю, чем же это все кончится? Пиши мне не часто, ибо отвечать трудно, некогда и вообще — погоди, дружище»[230].

Однако письма он ей писал (длинные и подробные), и Максиму писал (короткие и шутливые): «Ты что кашляешь, еретик? <...> Не купайся, пожалуйста, в ветряную погоду и не бегай голый по ветру! Сие тебе мое строгое отеческое завещание, эфиоп длинноногий»[231]. Но выдержать шутливый тон ему не всегда удавалось: «Мать написала про тебя, что ты стал сух и черен, как “голодающий индус”, и что у тебя выросли усы до ушей — верно? <...> Что ты мне не пишешь? Сердишься? Не стоит. На меня все сердятся, начиная с бога и кончая мной самим, весь мир. Милый мой, будь ты старше, я сказал бы тебе, что все люди очень глупы, и я не умнее других, но так как ты еще отрок, — тебе не надо знать таких вещей. Будь здоров, расти умный. Писать мне некогда»[232].

А мальчик тосковал по отцу: «очень жалко, что ты не приехал. У нас тут так хорошо. Знаешь, мы из окна смотрим на все поезда, чтоб тебя увидеть. <...> Погода у нас великолепная, жара страшная, и мы часто делаем мороженое. Ну, прощай же, дорогой; обязательно зимой приезжай к нам. Крепко тебя целую, милый мой, *смотри приедь.* Твой Максим»[233].

В конце августа Екатерина Павловна с Максимом поехали на месяц в Швейцарию, по дороге они заехали к Амфитеатрову в Феццано, а затем к себе домой в Париж, где их навестил Пятницкий. Алексей Максимович отнесся очень неодобрительно к ее общению с этими людьми — ему казалось, что всем любопытна его личная жизнь, и он хотел бы скрыть ее от посторонних глаз. Осо-

---

[230] АГ. Т. IX. С. 115–116. С Капри в Аляссио, 8 [21] августа 1911 г.

[231] АГ. Т. XIII. С. 97. Горький — Максиму Пешкову. <С Капри в Париж, начало [середина] января 1911 г.>

[232] Там же. С. 98. Горький — Максиму Пешкову. < С Капри в Аляссио, середина [конец] августа 1911 г.>

[233] Там же. С. 98–99. Максим Пешков — Горькому. <Из Аляссио на Капри, до 20 августа [2 сентября] 1911 г.>

бенно ему не понравился визит Пятницкого. («Досадно, что он заезжал к тебе, боюсь я его глупого и дрянного языка, болтлив стал старик»[234].) Екатерине Павловне он писал: «Увидимся не ранее зимы, раньше не могу, не успею. <...> Не хочется писать о плохом и скучном, а хорошего — мало. Будь здорова. Сказал бы — будь лучше других, да ты и так лучше. Не принимай это за комплимент. Жму руку. А.»[235]

Отношения Екатерины Павловны и Алексея Максимовича оставались по-прежнему дружескими, но несколько изменились.

Осенью 1911 года на настойчивые просьбы Максима приехать Алексей Максимович отвечал: «Милый мой мальчик — в Париж я не поеду, против этого и здоровье мое и то, что я не мог бы работать там так успешно, как работаю здесь. Мне очень грустно сказать это, но, видишь ли, что: жизнь человечья только тогда имеет смысл и оправдание, когда после нее что-нибудь остается. Мне же есть что оставить после себя, я много взял от жизни и много должен отдать ей. Я — сильно старею, надо торопиться, надо дорожить временем, его — немного осталось. И тратить дни на переезды с места на место, да разные пустяки — нельзя мне.

Мы будем видеть друг друга изредка, как было до сей поры. Больше же я не буду говорить об этом. Не говори и ты, прошу»[236].

Екатерине Павловне он писал, некоторые письма — многостраничные. Настроение у него было «сквернейшее», чувствовал он себя «среди дикарей и людоедов», ему казалось, что «Все обалдели и очумели», «если б был генерал-губернатором — поехал бы в Россию вешать писателей. <...> Что они делают там, ужас! <...> На душе — как в печной трубе черно. Ну, ты не хворай, однако, да и Максиму запрети. Что вы? И без этого — хоть ложись да помирай, а тут и последние пугают. Будь здорова — приказываю! Максиму — тоже!»[237]

Увидеться он предполагал в марте 1912 года: «…в марте же поеду в С.-Ремо к Плеханову и к вам, обязательно. Очень соску-

---

[234] АГ. Т. IX. С. 119. С Капри в Париж, 30 августа [12 сентября] 1911 г.

[235] Там же. С. 118. С Капри в Париж, август, до 28-го [сентябрь, до 10-го], 1911 г

[236] АГ. Т. XIII. С. 104. Горький — Максиму Пешкову. <С Капри в Париж, осень 1911 г.>

[237] АГ. Т. IX. С. 129. С Капри в Париж, 17 [30] января 1912 г.

чился. Когда от тебя долго нет писем — мне тревожно и в голову лезут разные нелепости: опрокидываются трамваи в Сену, автомобили стукаются в стену, падает на головы людям башня Парижского собора, железные дороги, апаши, дамы зрелого возраста — все против тебя и Максима»[238].

В начале 1912 года Екатерина Павловна собралась возвращаться в Россию. Об этом она сообщила Алексею Максимовичу. Рассказала она ему и о том, что Максим прочел в ноябрьском номере журнала «Солнце России»[239] (1911 г., № 11) очерк из жизни Горького на Капри. В этом очерке упоминалась и М. Ф. Андреева. Алексей Максимович разволновался: «Я очень взволнован. <...> Ты не сообщила, как подействовало на Максима это открытие.<...> Мне вообще очень трудно живется, Катя, и все трудней. Кажется, я теряю главное, чем жил, самое дорогое мое — веру в Россию, в ее будущее. <...> Личная жизнь — отвратительна. Ты знаешь — я ведь никогда не говорю об этом и если заговорил теперь — значит, уж очень плохо!

Я тебя очень убеждаю — держись дальше от Сталя! Не верь никаким его показаниям и россказням. Бесполезно думать о возвращении в Россию, я знаю это не хуже, чем может знать Сталь. Я верю, что ты будешь арестована тотчас же, как только выяснятся твои знакомства и связи — поверь. “Это дело двух, трех месяцев, а затем будут соединены и представлены все старые грехи и промахи” — имей в виду, что это не моя фраза и не может быть выдумкой. С<талю> не добраться туда, откуда я имею сведения. <...> Очень устал, очень тяжело на душе»[240].

— «Предыдущее письмо я начал словами — взволнован, очень. Это не было фразой. Почти месяц я жду ответа от тебя — ты не написала ни строчки. Я не считаю себя вправе жаловаться, но, мне кажется, простая справедливость порядочного человека — какова ты есть — должна бы подсказать тебе, что на мои вопросы надоб-

---

238 АГ. Т. IX. С. 129. С Капри в Париж, 14 [27] декабря 1911 г.

239 «Солнце России» — литературно-художественный еженедельник, издавался в Петербурге в 1910–1917 гг. товариществом издательского дела «Копейка».

240 Там же. С. 135–136. С Капри в Париж, 30 января [12 февраля] 1912 г.

но ответить. Я очень прошу об этом. Скажи мне, какое впечатление произвела на сына статья и как обстоит дело с твоим намерением ехать в Москву. <...> Очень много работаю и смертельно устал. <...> Это письмо лежало три дня, все не посылал, думал, вот-вот ты пришлешь письмо, наконец — сегодня вечером получил, как всегда милое. Спасибо. Так рад. <...> Очень мечтаю о поездке в Париж, так хочется видеть тебя, его — как никогда»[241].

— «Относительно свидания на пасхе — мне это нравится, но — не лучше ли отложить до лета. Тогда я хоть подольше пожил бы, накопив для сего время себе, а если поеду теперь — придется прервать работу и вообще — тяжеловат стал я на подъем. <...> Так вот — насчет пасхи решай сама: я бы лучше за лето в Аляссио высказался, мне это легче и удобнее»[242].

В середине марта 1912 года Алексей Максимович приехал в Париж и пробыл там три недели. Мария Федоровна встречала его в Риме, и они вместе вернулись на Капри.

— «Приехал сюда вчера в 7 вечера, очень устал, даже руки дрожат. Поездка в Париж — как хороший сон, т<о> е<сть> все, что связано с Fontenay, с тобою, с Максимом»[243].

— «Я, конечно, предполагал, что М<ария> Ф<едоровна> выедет в Рим, только не хотелось говорить тебе об этом, но — она выехала все-таки лишь потому, что была — вместе с другими — испугана крушением поезда. Посылаю книги А. М. Коваленко посылкой в ящике: “Primavera” — для школы, «Вселенная и человечество» — лично ему. Максиму выслал марки»[244].

— «Максиму — поклон и скажи, что я ужасно рад тому, как он занимается, как держится, рад и благодарю его. Честный он парнюга и милый»[245].

Они все еще собирались жить вместе, одной семьей, но в этом проекте по-прежнему было много неясного: кто-то должен был все организовать, денег не было, и главная сложность — сам Алексей

---

[241] АГ. Т. IX. С. 136. С Капри в Париж, 24–27 февраля [8–11 марта] 1912 г.
[242] Там же. С. 137. С Капри в Париж, март, до 15-го [28-го] 1912 г.
[243] Там же. С. 138. С Капри в Париж, 8 [21] апреля 1912 г.
[244] Там же. С. 138. С Капри в Париж, 10 [23] апреля 1912 г.
[245] Там же. С. 139. С Капри в Париж, 13 [26] апреля 1912 г.

Максимович, рассчитывать на которого в области принятия решений по устройству жизни было трудно.

Апрель 1912 года:

— «Поезжай в Аляссио, снимай дачу, делай все как лучше и старайся делать не очень дорого, — денег нет»[246].

— «Я получил твое письмо с марками; спасибо, марки были очень хорошие, я много наклеил, а несколько променял. Теперь у меня 1557 марок. <...> Я часто езжу на аэродромы и каждый раз вижу полеты. Недавно один на 2000 метров с пассажирами поднялся. <...> Был с мамой на эмигрантском вечере. Было интересно. Санин на бис читал «Буревестника». <...> В театре было полно русских и много знакомых. Пели и читали почти все по-русски. Я два раза видел Шаляпина. Раз он приехал к нам, и мы раз с мамой были у него. Он пел французские и русские вещи. Мне очень понравился один русский романс. Я теперь только и думаю о том, как мы с тобой летом жить будем, будем в море ездить, рыбу ловить. (Смотри удочки привези.) Я очень хотел бы приехать из Ниццы в Аляссио на велосипеде с А<лександром> М<ихайловичем>, если он с нами поедет»[247].

Май 1912 года:

— «Сейчас уехать отсюда никоим образом не могу, но освобожусь ранее июля, это несомненно. Первое время можно пожить и кое-как, а потом — найдем место»[248].

Июнь 1912 года:

— «Милый мой сын, хороший мой друг, — ты и представить не можешь себе, как тронуло меня твое письмо за сердце, как мне захотелось бросить все — все “дела”, и завтра же ехать к тебе. Но — дела бросить невозможно, особенно теперь. <...> Очень помешала моим делам болгарская война. <...> я никуда не хожу, просиживаю с утра до вечера за столом до того, что спина трещит. Скоро отдохну. Приеду к тебе, буду лежать на диване и слушать, как ты будешь читать мне, старику газеты. Ладно?»[249]

---

[246] АГ. Т. IX. С. 141. С Капри в Париж, 20 апреля [3 мая] 1912 г.

[247] АГ. Т. XIII. С. 112–113. Максим Пешков — Горькому <Из Парижа на Капри, апрель 1912 г.>

[248] АГ. Т. IX. С. 142. С Капри в Париж, 4 [17] мая 1912 г.

[249] АГ. Т. XIII. С. 114. Горький — Максиму Пешкову. <С Капри в Аляссио, середина [конец] июня, 1912 г.>

— «…скоро мы встретимся. Тогда нам обоим будет хорошо и весело. Будем читать о Балканах. Какие молодцы болгары и черногорцы. Ты, наверное, много знаешь о войне и расскажешь нам много нового. У нас ты отдохнешь и поправишься. <...> Ждущий тебя сын Максим»[250].

В середине июня 1912 года Екатерина Павловна с Максимом переехали в Аляссио, вскоре к ним приехал Алексей Максимович, через месяц он вернулся на Капри[251]. Екатерина Павловна приняла решение вернуться в Россию в следующем году, в течение года Максим должен был подготовиться к сдаче экзаменов в гимназию. Засадить Максима за занятия Екатерине Павловне было нелегко: он хотел купаться, плавать на лодке, ловить с местными рыбаками рыбу, ездить на велосипеде (проводив Алексея Максимовича, Максим с А. М. Коваленко отправились на велосипедах в Ниццу), играть в теннис, «кататься на коньках с колесиками» («меньше всех учился и скорее научился») и пр. Однако под давлением Екатерины Павловны он занимался: французским языком — с французской монашкой, немецким — с немцем, сыном хозяина пансиона, и дома — с Екатериной Павловной французским, немецким и русским (особенно — русской грамматикой), а также законом божьим, который не входил в учебную программу школы Фидлера, но был в числе обязательных предметов русской гимназии. Между тем наступил сентябрь и срок, на который Екатерина Павловна сняла дачу, истек, и она не знала, как быть, что делать дальше. Алексея Максимовича все эти насущные заботы, связанные с переменами в привычной налаженной жизни, отвлекали от работы:

— «Ох, как все неприятно и неудобно совпадает для меня — говорить даже не хочется об этом! Ты ведь знаешь, что я охраняю отнюдь не личный покой свой и свои удобства, а лишь дорожу условиями наибольшей работоспособности. Я не хочу сказать, что условия здесь лучше, чем где-либо в ином месте. Сейчас я тороплюсь окончить возню с журналом, есть и еще одна канитель, ме-

---

[250] АГ. Т. XIII. С. 115. Максим Пешков — Горькому. <Из Аляссио на Капри, середина [конец] июня 1912 г.>

[251] Алексей Максимович пробыл в Аляссио вместе с Екатериной Павловной и Максимом с 29 июня [12 июля] по 26 июля [8 августа] 1912 г.

шающая мне сдвинуться с места. Но все это ненадолго, хотя не могу сказать точно, когда именно кончу. Если срок дачи иссяк — устройтесь в пансионе Грегоровиуса, что ли. Там меня и дождетесь»[252].

— «Катерина, подожди еще несколько, не мешай мне, я сам все хорошо понимаю, нового ты ничего не скажешь. Но — подожди, я отчаянно завертелся, и дело ликвидации затянулось, ибо совершенно неожиданно для меня мне пришлось вступить в “Совр<еменник>” <...> и затеять еще одно дело глубокой важности»[253].

Максим писал отцу, что «Занятия в школе начались, и Костя меня зовет туда. Говорит, что в школе подготавливаться к экзамену лучше и легче. А пока мы живем у Маскарди и ждем от тебя ответа, куда ехать на зиму. Хотел бы быть с тобой»[254].

Алексей Максимович писал, что торопится «все кончить» и приехать к ним в Аляссио, Екатерину Павловну он просил: «не очень разговаривай с Mascardi — она чересчур болтлива, а я шума не хочу»[255].

Но в Аляссио он не приехал (у него явно не было сил ломать привычную жизнь), произошла другая вещь: Мария Федоровна покинула Капри и уехала в Россию, о чем Алексей Максимович сообщил Екатерине Павловне и попросил ее переехать жить на Капри: «В понедельник утром М<ария> Ф<едоровна> уехала, мы простились дружески. Все вещи ее взяты ею, и более она не вернется сюда.

Я сильно простудился, кашляю как старая собака, болит голова. <...> Приехать сейчас в Аляссио — мне было бы трудно, боюсь расхвораться, да и время такое, что не могу отойти от стола. Нужно ли мне ехать к вам? Не лучше ли вам двинуться сюда? Подумай над этим. Мне не кажется, чтоб это было бы очень неудобно для тебя: я живу одиноко на отлете; русских здесь мало, все разъехались. Для Максима здесь нашелся бы учитель в лице Золотарева, —

---

[252] АГ. Т. IX. С. 146–147. С Капри в Аляссио, сентябрь, до 11-го [24-го] 1912 г.

[253] Там же. С. 147. С Капри в Аляссио, 18 сентября [1 октября] 1912 г.

[254] АГ. Т. XIII. С. 117–118. <Из Аляссио на Капри, вторая половина сентября 1912 г.>

[255] АГ. Т. IX. С. 149. С Капри в Аляссио, сентябрь, после 26-го [9 октября] 1912 г.

чему я был бы очень рад. Может быть, ты найдешь удобным послать сюда Максима одного пока, а сама несколько подождешь? В том, конечно, случае, если ты находишь неудобным для себя приехать теперь же. Ну, соображай сама, как лучше. У меня до того устали нервы, что я плохо соображаю. Очень уж болит голова. Да и вообще — устал!»[256]

М. Ф. Андреева уехала с Капри 29 октября (11 ноября) 1912 года, Екатерина Павловна приехала 7 (20) ноября 1912 года.

ЖИЗНЬ НА КАПРИ — ВМЕСТЕ И ВРОЗЬ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ. Ноябрь 1912 г. — 1913 г.

Екатерина Павловна прожила на Капри более года. К ней переехала мама, в гости приезжал А. М. Коваленко, гостили и старые (с нижегородских времен) друзья: В. Н. Кольберг, Янина Берсон (по мужу Зборовская), А. Е. Богданович, Малиновские, приезжал Зиновий Пешков, добрые отношения с которым у Алексея Максимовича восстановились. Атмосфера вокруг Алексея Максимовича (независимо от его состояния — физического и эмоционального) была такой же, как всегда, творческой и духовной. У него был особый дар создавать ее. Он притягивал к себе самых разнообразных людей: писателей и литераторов, критиков и издателей, художников и скульпторов, певцов и музыкантов, деятелей культуры и искусства, представителей разных общественных и философских направлений, участников революционного движения и др. Гостями на его вилле были жители русской каприйской колонии, российские эмигранты, приезжие из России и из других стран. С некоторыми из них он был связан литературной и издательской работой, с другими — общественной и политической, были люди и малознакомые, которых привлекала слава знаменитого писателя. По вечерам гости собирались вокруг «семейного» самовара, читали стихи и прозу, пели и музицировали, вели споры как по злободневным, так и по вечным вопросам. Как вспоминала В. Н. Муромцева, «после пения, мандолин, тарантеллы и вина» души размягчались, и людям было хорошо и радостно.

---

[256] АГ. Т. IX. С. 149. С Капри в Аляссио, начало [середина] ноября 1912 г.

В феврале 1913 года на Капри гостили Шаляпин и Бунин. В один из дней их совместного пребывания Бунин читал свой новый рассказ. Сохранилась любительская фотография[257], сделанная в этот день в кабинете Алексея Максимовича. На ней запечатлены Алексей Максимович, Екатерина Павловна, Максим, Ф. И. Шаляпин, И. А. Бунин, М. В. Петцольд (жена Шаляпина), В. Н. Муромцева (жена Бунина), критик и издатель Е. А. Ляцкий, писатель и издатель А. Н. Тихонов с женой В. В. Шайкевич, писатель С. И. Гусев-Оренбургский, «русские каприйцы» — поэт и журналист Л. Н. Старк с женой Ш. Н. Манучарьянц, математик А. К. Лоренц-Метцнер с женой М. В. Сикорской-Лоренц, писатель А. С. Новиков-Прибой. (Большая часть этих людей в советское время стали эмигрантами, Л. Н. Старк в 1937 году был расстрелян.)

Алексей Максимович после отъезда Марии Федоровны остался жить на той же вилле «Серафина», на которой он жил вместе с ней начиная с зимы 1911 года. Вилла «Серафина» состояла из двух небольших домов, соединенных друг с другом открытым коридором; Алексей Максимович с Максимом жили в одном из этих домов, а Екатерина Павловна — в другом. Бунины, приехав на Капри в ноябре 1912 года, остановились в отеле «Квисисана», расположенном недалеко от виллы «Серафина». И. А. Бунин сообщал брату: «С Горьким живут теперь сын и прежняя жена. Где Мария Федоровна — не знаю. Не болтай об этом»[258]. В. Н. Муромцева тоже рассказала об изменениях в жизни Алексея Максимовича: «Погода здесь дивная, — солнечно, а не жарко, цветут ирисы, герань и масса других цветов. С Алексеем Максимовичем мы виделись часто. Он с Екатериною Павловною навещал нас почти ежедневно во время нашей болезни. Мария Федоровна уехала, но навсегда ли или временно, мы не знаем. Максим ростом почти с отца. Довольно хорошенький юноша, но говорит только о марках»[259].

---

[257] Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Шифр А 4429.

[258] Бунин И. А. Письма 1905–1919 / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. С. Н. Морозов; подгот. текстов и коммент. С. Н. Морозова, Р. Д. Дэвиса, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 249. И. А. Бунин — Ю. А. Бунину. 23 декабря 1912 г.

[259] Там же. С. 252. В. Н. Муромцева — Н. Д. Телешову. 15 [2] декабря 1912 г.

Происходящее на вилле «Серафина» было любопытно многим, даже такому человеку, как Г. А. Лопатин. В апреле 1913 года он писал А. В. Амфитеатрову:

«<...> Вернулся Зина[260]. Ничего особенно интересного не рассказывал. Видно только, 1) что денежное положение там убийственное (однако привез Лиде[261] в подарок от А<лексея> М<аксимовича> очень дорогую шаль) 2) что Е<катерина> П<авловна> живет не в одном доме с А<лексеем> М<аксимовичем>, с коим живет только М<аксим> и 3) что письменные и деловые сношения с М<арией> Ф<едоровной> продолжаются, что как будто показывает, что она была со мною не столь неправдива, как можно было бы думать»[262].

Алексей Максимович стремился скрыть от любопытствующих свою личную жизнь, хотя это было трудно: как и всякая «знаменитость», он представлял особый интерес для окружающих, широкой публики и прессы. Екатерина Павловна, по замечанию Лопатина, не была склонна «к излиянию грусти и жалоб»[263] и не обременяла окружающих своими личными переживаниями. И хотя по натуре она была человеком эмоциональным и глубоко чувствующим, в выражении своих чувств она была очень сдержанна. Такая «закрытость» нередко ставила как бы стенку между ней и другими людьми, но, по-видимому, позволяла ей сберечь от посторонних глаз свой внутренний мир и сохранить достоинство в нестандартных обстоятельствах своей личной жизни.

---

[260] Зиновий Пешков. После ссоры с М. Ф. Андреевой он жил некоторое время в Феццано у Амфитеатрова.

[261] Лидия — жена Зиновия Пешкова.

[262] ЛН. Т. 95. С. 880. Лопатин — А. В. Амфитеатрову. Феццано, 22 апреля 1913 г.

[263] В августе 1912 г. Лопатин собрался приехать в Аляссио, о чем написал Екатерине Павловне. К этому времени Алексей Максимович, гостивший в Аляссио, уже вернулся на Капри. Ответное письмо Екатерины Павловны с приглашением приехать пришло с запозданием, и Лопатин, не получая его, решил, что он сам по себе, а не как желательный для Алексея Максимовича собеседник, не представляет для нее интереса. Он писал Амфитеатрову: «А теперь на что я ей там? Не для излияний же грусти и жалоб, к чему она совсем не склонна» (ЛН. Т. 95. С. 875. Лопатин — А. В. Амфитеатрову. Генуя, 19 августа 1912 г.).

Как жилось Екатерине Павловне на Капри? О. Е. Колбасиной-Черновой она писала: «Милая Ольга Елисеевна, конечно, никого из своих друзей я не забываю, а если не пишу, то не пишется к<а>к-то — но и то раз <слово нрзб> писала Викт<ору> Сер<геевичу Миролюбову>, прося его передать мои приветы Alassi'онским друзьям. Живу — ничего. Интересно тут и дела мне нашлось довольно, т<а>к что время занято и бежит»[264]. Письмо было, скорее, грустным, хотя дел для Екатерины Павловны на Капри «нашлось довольно». Она помогала Алексею Максимовичу в его литературной работе — перепечатывала его произведения, осуществляла связь с издательствами, издателями, писателями и др., приняла участие в создании Музея по истории борьбы за политическое освобождение России. Музей этот был задуман группой эмигрантов (во главе с М. Горьким) в 1912 году, а решение о его создании было принято съездом русских культурных и экономических общественных организаций в Италии в марте 1913 года (съезд состоялся в Риме). При музее предполагалась библиотека русского освободительного движения. В работе по организации музея и библиотеки принимали участие Н. К. Муравьев, В. В. Вересаев, А. А. Золотарев, А. Н. Тихонов, русские «каприйцы» А. К. Лоренц-Метцнер, А. К. Лозина-Лозинский и др. К сожалению, после отъезда Алексея Максимовича и Екатерины Павловны из Италии эта работа постепенно заглохла и музей создан не был. (Русским «каприйцам» удалось создать «Русско-итальянскую библиотеку», которая просуществовала вплоть до победы режима Муссолини.)

21 февраля (6 марта) 1913 года в российских газетах был опубликован «высочайший» указ об амнистии в связи с 300-летием дома Романовых. Амнистия распространялась и на осужденных по политическим статьям, и они начали возвращаться в Россию. Уехали Стаали, Филитисы, Бартольды, в июне 1913 года уехал Лопатин. Екатерина Павловна тоже рвалась домой в Россию. Задерживал ее Алексей Максимович. Разрешение на въезд в Россию он получил в русском консульстве в Неаполе в июне 1913 года, но его возвращение отложилось. Помешали ему приезд в Италию

[264] ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 976. С. 97–100 об.

М. Ф. Андреевой и Н. А. Румянцева[265] и лечение резко обострившегося туберкулезного процесса.

С Андреевой и Румянцевым Алексей Максимович встречался, чтобы обсудить возможность постановки своей новой пьесы «Зыковы» на сцене МХТа. Кроме того, ему надо было переговорить с Андреевой по ряду важнейших вопросов, связанных с его издательскими и финансовыми делами. Встретились они 1 (14) июля в Болонье, оттуда отправились в Римини (курорт на Адриатическом море), а затем вместе с присоединившейся к ним семьей Янины Берсон-Зборовской совершили путешествие по Италии (Болонья, Падуя, Римини, Венеция, Верона, Виченца, Рим, Неаполь). Поездку организовала Андреева. Она же уговорила Алексея Максимовича не торопиться с возвращением на том основании, что полученная в русском консульстве виза не избавляет его от административного взыскания[266]. «Мои дела — так себе, не определились еще, но уже ясно, что сейчас в Россию ехать не нужно»[267], — писал он Екатерине Павловне. Теперь его письма ей (а чаще телеграммы) были короткими и деловыми (сообщения о перемещениях, о здоровье, поручения касательно перепечатки пьесы и пр.). Вернулся он на Капри в первых числах августа в очень плохом состоянии: усталый, раздраженный и, главное, серьезно больной.

Поставил его на ноги молодой русский врач, один из практикантов пастеровской клиники И. И. Манухин. Он и его жена, Т. И. Манухина, заболевшая туберкулезом, «по совету врачей в июне 1913 г<ода> выехали в горы Швейцарии, затем в Северную Италию, но улучшений <в состоянии здоровья жены> не было. В это время они получили письмо с Капри от парижского знакомого А. М. Коваленко, сообщавшего о новой вспышке туберкулеза у

---

[265] Румянцев Николай Александрович — администратор, помощник режиссера и член правления МХТ с 1902 по 1925 г.

[266] Постановлением от 9 апреля 1913 г. Петербургская судебная палата в силу указа об амнистии от 21 февраля 1913 г. прекратила дело по обвинению Алексея Максимовича Пешкова (Горького) по ст. 129.
Постановлением от 20 июля 1913 г. Петербургская судебная палата постановила оставить в силе «со всеми законными последствиями» розыск через публикацию Алексея Максимовича Пешкова по ст. 73 уголовного уложения по поводу его повести «Мать» в XVIII сборнике «Знание».

[267] АГ. Т. IX. С. 150. Из Римини на Капри, 11 [24] июля 1913 г.

М. Горького. Итальянские врачи считали положение писателя безнадежным, и Коваленко упросил Манухина приехать на Капри и применить свой метод лечения туберкулеза, до этого испытанный только на животных и, как принято у профессионалов, на самом себе. Советовал ему применить новый метод лечения М. Горького и И. Н. Мечников, когда узнал, что Манухины едут в Италию. В августе 1913 г. Манухины встретились с М. Горьким на Капри»[268]. Т. И. Манухина так описывала свою первую встречу с Алексеем Максимовичем: «Горький, измученный болезнью и душевным надрывом, злой от тоски, или тоскующий от озлобленности, капризный, невежливый, даже грубый по отношению к своим домашним, одинокий среди окружения, казался очень несчастным»[269].

Новый радиобиологический метод (облучение селезенки рентгеновскими лучами), который применил Манухин, оказался очень эффективным, и уже через три недели после начала облучения Алексей Максимович почувствовал себя намного лучше. Однако в тяжелом состоянии духа он находился не только из-за нездоровья, его угнетало «безденежье», и Плеханову на вопрос, какое из издательств могло бы напечатать том его статей, Алексей Максимович отвечал: «В “Знании” я давно уже не участвую[270], хотя там завязли все мои деньги, да и книги. Кажется — все пропало или пропадет. Ответить Вам на вопрос об издании Вашей книги сейчас — не могу. Другое дело, когда буду в России. А когда буду — не ведаю. Заболел сын, возможно — что опасно, сейчас еду к нему, в Неаполь. Грозит операция. Вот почему письмо мое, м<ожет> б<ыть>, покажется Вам не очень толковым. Вы извините, очень волнуюсь. А тут еще безденежье давит!»[271]

---

[268] Т. И. Манухина — писательница и журналистка XX столетия. Г. С. Гадалова // Возвращение в Отечество. Оп.: Женщины. История. Общество. Сборник научных трудов. Вып. 1. Тверь 1999. URL: http://www.tver-genderstudies.ru/ pbbk002r.htm.

[269] Таманин Т. (Манухина Т. И.). Друг человечества: М. Горький // Русские записки. Париж. 1938. № 11. С. 120.

[270] В апреле 1913 г. Горький объявил Пятницкому, что выходит из «Знания». 27 июля (9 августа) Пятницкий уехал из Италии в Россию.

[271] Г-30. Т. 29. С. 314–315. Г. В. Плеханову 23 августа [5 сентября] 1913, Капри.

Максиму оперировали среднее ухо, операция была болезненной, и Алексею Максимовичу, который присутствовал при ней, сделалось дурно. На следующий день он вернулся на Капри, а Екатерина Павловна, которая должна была срочно перепечатать пьесу «Зыковы», выехала в Неаполь.

Интеллигенция Неаполя следила за лечением Алексея Максимовича, поэтому (чтобы сведения о его нездоровье не проникли в газеты[272]), он не хотел сдавать анализы в неапольской клинике. По просьбе Екатерины Павловны в сентябре на Капри из Парижа приехал доктор А. Ю. Фейт, который сам сделал нужные анализы и подтвердил успешность лечения. Здоровье Алексея Максимовича быстро улучшалось. Позже И. И. Манухин вспоминал, что в Неаполе выздоровление «знаменитого больного» сопровождалось «всеобщей радостью и ликованием». В конце октября Манухины вернулись в Париж, а в декабре 1913 года уехали в Петербург. Имя И. И. Манухина, одолевшего болезнь Горького, сделалось известным и в России, и за границей.

«Лечение писателя на два с лишним месяца соединило под одним кровом две семьи: М. Горького и И. И. Манухина. Они жили вместе на Капри, в Неаполе, Сорренто. Их теплые и доверительные взаимоотношения впоследствии переросли в большую дружбу, сыгравшую определенную роль в судьбе И. И. Манухина и близких ему людей. Некоторые врачи в России считали метод Манухина шарлатанским, и М. Горькому даже приходилось печатно выступать в защиту репутации врача и его метода. Разлучил их 1921 год, когда семья Манухиных, поддержанная Горьким, эмигрировала во Францию. Однако к этому времени отношение Ману-

[272] При известности М. Горького трудно было избежать внимания печати. Так, в январе 1914 г. в «Биржевых ведомостях» была опубликована заметка «Максим Горький в Финляндии». В ней говорилось: «Легочный туберкулез, не оставлявший А. М. в течение почти всей его жизни, принял за последнее время столь опасную форму, что пользовавшие его итальянские и французские врачи теряли надежду на выздоровление. Спасителем Горького явился молодой русский врач М<анухин>, один из практикантов пастеровской клиники. Он применил к писателю вновь открытый способ лечения туберкулеза, путем освещения селезенки рентгеновскими лучами» (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1914. № 13939. 7 янв.).

хина к Горькому существенно изменилось», — писала Т. И. Ульянкина, исследовательница жизни и научной деятельности И. И. Манухина[273].

Мы можем добавить, что после Октябрьской революции И. И. Манухин был одним из учредителей и активным членом Петроградского политического Красного Креста.

В конце октября (начале ноября) 1913 года Амфитеатров сообщил Лопатину, уже жившему в России: «<...> Вчера были братья Золотаревы[274] с острова Капри, проездом в Париж. Собираются в Россию. По словам их, Горький, который чрезвычайно поправился и выглядит лучше, чем когда-либо, тоже думает ехать в Россию и, кажется, непременно поедет, потому что весьма увлекся врачом Манухиным, поставившим его на ноги»[275]. Но вначале в Россию поехал не Алексей Максимович, а Екатерина Павловна, поехала она одна и ненадолго, по-видимому, чтобы найти квартиру в Москве, где решила поселиться. (Ее друзья Малиновские к этому времени уже жили в Москве.) В конце декабря 1913 года Екатерина Павловна, Максим и Алексей Максимович навсегда покинули Капри. Уехали они не вместе. Раньше уехала Екатерина Павловна с Максимом — через Вену в Москву. Затем 27 декабря 1913 года уехал Алексей Максимович с Ладыжниковым — через Берлин, где их встречала Андреева, и дальше — вместе с ней в Петербург. Мария Александровна оставалась на Капри и ждала Ладыжникова, который должен был заняться делами, связанными с ликвидацией виллы. (Прошло более десяти лет с того времени, когда после возвращения Алексея Максимовича с Екатериной Павловной и детьми из арзамасской ссылки в Нижний Мария Александровна оставалась в Арзамасе с Зиновием и Верой Кольберг,

---

[273] Ульянкина Т. И. Загадка И. И. Манухина — российского врача, ученого и общественного деятеля // Ученые и инженеры в эмиграции. М.: ПО «Перспектива», 1993. С. 104.

[274] Золотарев Алексей Алексеевич (1879–1950) — литературный критик, публицист, краевед, общественный деятель, религиозный философ. Золотарев Николай Алексеевич (1877–1915) — юрист, краевед, просветитель, заведующий Тургеневской библиотекой в Париже.

[275] ЛН. Т. 95. С. 893. А. В. Амфитеатров — Лопатину. Levanto, <21 октября [3 ноября]> 1913 г.

ожидая, когда будут улажены дела, связанные с освобождением арзамасского дома.) В дневнике Бунина, приехавшего на Капри в начале 1914 года (по новому стилю), есть записи, касающиеся отъезда Пешковых с виллы «Серафина».

«Капри, 1/14 янв<аря> 14 г<ода>.

Позавчера с Верой[276] и Колей[277] приехали на Капри. Как всегда, отель “Квисисана”. Горький и Кат<ерина> Павл<овна> с Максимом уехали в Россию, он на Берлин, она на Вену. Вчера встречали Нов<ый> год: Черемновы[278], вдова революционера и “историка” Шишко[279] с психопаткой своей дочерью, Иван Вольнов[280], Янина и мы.

Ныне весь день проливной дождь. Кляну себя, что приехали. Италия зимой убога, грязна, холодна, и все давно известно-переизвестно здесь»[281].

«2.1.14. Проснулся необычайно поздно — в 9: дождь, буря (со стороны Амальфи). Потом временами солнечно, временами сыро. Очень прохладно. <...> Вечером на даче у Горького — там живет Шишко и мать Катерины Павл<овны> — старозаветнейшая старуха: воображаю, каково ей жить ни с того ни с сего среди эмигрантов, бунтарей! И с трепетом в душе: шутка ли, за какую знаменитость попала ее дочка!»[282]

«Русский» новый, 1914 год Екатерина Павловна с Алексеем Максимовичем встречали порознь: она с Максимом — в Москве, Алексей Максимович — в Финляндии, на ст. Мустамяки с Марией Федоровной и ее семьей на даче, принадлежавшей детям Марии Федоровны.

Новогодний привет с Капри (телеграмма) был послан Екатерине Павловне и Алексею Максимовичу обоим — вместе:

---

276 Вера Николаевна Муромцева-Бунина.

277 Николай Алексеевич Пушешников — племянник И. А. Бунина.

278 Черемнов Александр Сергеевич — поэт, переводчик и его приемная мать Миловидова Мария Павловна.

279 Кончевская Надежда Владимировна.

280 Вольнов Иван Егорович.

281 Устами Буниных. Т. 1. С. 134–135.

282 Там же. С. 135.

«Е. П. Пешковой и А. М. Горькому.

13 января 1914 года (31 декабря 1913). <Капри>.

Горячий привет Бунин Черемнов Миловидова Вольнов Шура Пушешников бабушка Панина Вера Надежда»[283].

Семь лет, проведенные Екатериной Павловной в эмиграции, закончились. Ее отношения с Алексеем Максимовичем окончательно определились: друг и помощник («Дети мои», — объединял он ее и Максима). В дальнейшем у Екатерины Павловны не будет семьи в привычном понятии (Алексей Максимович и Максим с его семьей для нее будут «наши», рядом с ней будет М. К. Николаев), и она, очень терпимая к людям, так никогда и не сумеет преодолеть свою неприязнь к М. Ф. Андреевой.

М. Ф. АНДРЕЕВА

«Красавица и чудный человек», по отзыву Л. Н. Толстого[284], талантливая актриса и «актерка в жизни», по определению К. С. Станиславского[285], член партии большевиков и ее финансовый агент

---

[283] АГ. ФЕП-пр 9–3–6. — Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. С. Н. Морозов; подгот. текстов и коммент. С. Н. Морозова, Р. Д. Дэвиса, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 414.

[284] Так передала актриса М. П. Лилина отзыв Л. Н. Толстого о М. Ф. Андреевой после просмотра им на сцене Художественного театра пьесы Гауптмана «Одинокие», в которой Андреева исполняла роль Кете (это было в 1899 г.).

[285] К. С. Станиславский в феврале 1902 г. писал М. Ф. Андреевой: «Я люблю Ваш ум, Ваши взгляды, которые с годами становятся все глубже и интереснее. И совсем не люблю Вас актеркой в жизни, на сцене и за кулисами. Эта актерка — Ваш главный враг, резкий диссонанс Вашей общей гармонии. Эту актерку в Вас (не сердитесь) — я ненавижу… Она убивает в Вас все лучшее. Вы начинаете говорить неправду. Вы перестаете быть доброй и умной, становитесь резкой, бестактной, неискренней и на сцене, и в жизни. Отношения Саввы Тимофеевича к Вам — исключительные. Это те отношения, ради которых ломают жизнь, приносят себя в жертву, и Вы это знаете и относитесь к ним бережно, почтительно. Но знаете ли, до какого святотатства Вы доходите в те минуты, когда Вами владеет актерка? Это так противно Вашей натуре, что уверен, Вы сами этого не замечаете. Вы хвастаетесь публично перед почти посторонними Вам тем, что мучи-

(партийный псевдоним «Стрела»), «товарищ Феномен», как назвал ее В. И. Ленин. Полюбив ее, Алексей Максимович оставил семью. Она привлекла его к участию в деятельности партии большевиков. Она убедила его в необходимости выехать за границу из Советской России (чем оказала очередную услугу В. И. Ленину). Она смогла обеспечить ему качество жизни, включающее очень высокий (по тем временам) материальный уровень, от которого он уже не мог отказаться и что поставило его в губительную зависимость от Советского государства.

О М. Ф. Андреевой написано немало и в разных жанрах. Нас же интересовали лишь некоторые моменты ее биографии, ограниченные отрезком времени 1906–1913 — годы первой эмиграции Алексея Максимовича. Оказалось, что для нашей цели было достаточно ознакомиться с письмами Марии Федоровны, представленными с сокращениями в сборнике «Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. Издательство ИСКУССТВО. Москва»[286]. Никакими другими источниками, никакими архивными материалами (которые, если сохранились, по-видимому, представляют немалый интерес) мы не пользовались[287]. Артистической деятельности М. Ф. Андреевой мы не касались.

Начнем с дела о страховом полисе (100 000 рублей), завещанном С. Т. Морозовым «на предъявителя» и переданном им М. Ф. Андреевой.

тельно ревнующая Вас Зинаида Григорьевна ищет Вашего влияния над мужем. Вы, ради актерского тщеславия, рассказываете направо и налево о том, что Савва Тимофеевич по Вашему настоянию вносит целый капитал <...> — ради спасения кого-то» (Станиславский К. С. Собрание сочинений. Т. 7. М.: Искусство, 1995. С. 438).

[286] Сборник «М. Ф. Андреева» выдержал три издания. Впервые он вышел в свет в 1961 г. тиражом 15 000 экземпляров, затем в 1963 г. (издание 2-е, доп.) тиражом 30 000 экземпляров и в 1968 г. (издание 3-е, доп. и перераб.) тиражом 50 000 экземпляров.

[287] Исключением являются выдержки из двух писем: М. Ф. Андреевой к К. П. Пятницкому и К. П. Пятницкого к М. Ф. Андреевой, хранящихся в АГ и опубликованных в статье «Деньги нужны до зарезу…» (Переписка Л. Б. Красина с Горьким и М. Ф. Андреевой. 1906–1908. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Е. Р. Матевосян // Горький и его корреспонденты. Москва: ИМЛИ РАН, 2005).

Семья С. Т. Морозова оспаривала правомочность завещания, но дело в пользу М. Ф. Андреевой было выиграно в суде политическим защитником П. Н. Малянтовичем. Мы не будем разбирать причин и обстоятельств гибели С. Т. Морозова (они до сих пор являются одной из «загадок истории»). Известно, что больше половины завещанной суммы — 60 000 рублей — поступило в кассу партии большевиков. Что же стало с остальными деньгами?

В 1938 году Н. Е. Буренин, работая над своими воспоминаниями («Памятные годы»), обратился к М. Ф. Андреевой за уточнением некоторых обстоятельств ее жизни. Приводим отрывок из ее ответа: «Еще в 1896 году я перестала быть женой Андрея Алексеевича Желябужского, причина нашего разрыва была на его стороне. Я сказала ему, что соглашаюсь жить с ним в одном доме как мать своих детей и хозяйка — ради детей. Тогда я была убеждена, что, сильно ушибленная своей замужней жизнью, я так и останусь только матерью <...>. Когда в октябре 1898 года организовался и открылся Художественно-общедоступный театр, я в него вошла горячим марксистом и убежденнейшим приверженцем рабочего класса — творца всех ценностей мира. С “дядей Мишей”[288] я познакомилась приблизительно тогда же <...>. Неплохой организатор, он сразу учуял во мне большие возможности и очень умело и ловко направлял их, куда и как было нужно для партии.

С 1889 года в нашем театре стал принимать близкое участие Савва Тимофеевич Морозов, мы с ним вскоре очень подружились, он часто бывал у меня и через меня познакомился с моими друзьями марксистами, с “дядей Мишей” и многими другими, бывавшими у меня. <...> …“дядя Миша” был большевиком, это от него я узнала о бакинской типографии, через него посылала средства Красину, о котором тоже знала через “дядю Мишу”. После провала бакинской типографии, опасности ареста Красина — через меня “дядя Миша” устроил Красина к Морозову на фабрику в Орехово-

[288] М. А. Михайлов — член партии большевиков. В 1907 г. посетил М. Горького и М. Ф. Андрееву на Капри в связи с вопросом о наследстве Н. П. Шмита, завещавшего свои средства партии большевиков и затем убитого в тюрьме при невыясненных обстоятельствах. Для получения наследства Шмита большевиками под идейным руководством Л. Б. Красина были предприняты действия, весьма неблаговидные с точки зрения этики и морали.

Зуево директором электрической станции; при этом я познакомилась с Леонидом Борисовичем…

…Теперь, чтобы, не откладывая, покончить с этим, разрешите мне объяснить Вам точно и подробно историю того события, о котором Вы не раз упоминаете, называя его “партийным делом” или “наследством”, — я говорю о страховом полисе на 100 000 рублей.

Верно, что С. Т. Морозов считал меня “нелепой бессребреницей” и нередко высказывал опасение, что с моей любовью все отдавать я умру когда-нибудь под забором нищей, что обдерут меня как липку и “чужие и родные”. Вот поэтому-то, будучи уверен в том, что его не минует семейный недуг — психическое расстройство, — он и застраховал свою жизнь в 100.000 р. на предъявителя, отдав полис мне.

Я предупреждала его, что деньги себе я не возьму, а отдам, на это он ответил мне, что ему так легче, с деньгами же пусть я делаю, что хочу — он “этого не увидит”. Никаких завещаний, само собой разумеется, но, когда он умер, мне хотелось, чтобы люди думали о нем, как можно лучше, также думал и Алекс<ей> Макс<имович>, прекрасно знавший всю историю полиса.

Когда Савва Тимофеевич, несомненно <? — Л. Д.>, в припадке недуга, застрелился и Красину удалось все-таки получить по полису деньги, я распорядилась: 60.000 р. отдать в ЦК нашей фракции большевиков, а 40.000 распределить между многочисленными стипендиатами С<аввы> Т<имофеевича>, оставшимися сразу безо всякой помощи, так как вдова Морозова сразу прекратила выдачу каких-либо стипендий. Сколько-то еще из этих денег ушло на расходы по процессу. Ведал всеми этими операциями — Красин»[289].

А вот что по поводу этих же денег писала Мария Федоровна своей сестре Е. Ф. Крит в сентябре 1906 года: «…получила сегодня очень тяжелое письмо от Л. Б. < Красина>, и приходится беспокоить тебя разными просьбами... У тебя, милуша, должна храниться расписка Малянтовича в том, что я ему передала полис С. Т. <Морозова>, и собственноручно его письмо. Для меня сейчас это письмо является страшно ценным, так как вопрос идет очень щекотливый для моего достоинства. Я написала Малянтовичу, чтобы он сохранил это письмо до моего приезда, и пусть так и будет. Но

[289] Андреева. Изд. 2-е. С. 352–353.

пусть он даст тебе или кому другому засвидетельствованную у нотариуса копию с этого письма. В нем сказано, что С<авва> Т<имофеевич> поручает деньги мне, так как я одна знаю его желания, и что он никому, кроме меня, даже своим родственникам, довериться не может. Затем, я считаю, что распорядиться деньгами следует так: 1) уплатить расходы Малянтовичу, полагаю, это будет не больше тысячи, 2) отдать Л. Б. <Красину> 60 тысяч целиком, 3) отдать долг К. П. <Пятницкому> — полагаю, что это будет тысяч 15, все, что останется, — тебе на расходы! Исходя из расчета, что получено будет 89.000,

Малянтовичу — 1000 р.
Л. Б. <Красину> — 60 000 р.
К. П.<Пятницкому> — 15 000 р.
76 000
89 000
– 76 000
13 000 — приблизительно — тебе.

Надеюсь, что этого тебе на год хватит? А там что будет — увидим»[290].

О разговоре, состоявшемся между Саввой Тимофеевичем и Марией Федоровной, известно только из ее рассказа. Что касается письма, в котором говорилось, что только одна Мария Федоровна знает желания Саввы Тимофеевича (интересно, сохранилось ли это письмо и где можно его прочитать), то не совсем понятно, о каких желаниях Саввы Тимофеевича шла речь. Если он желал, чтобы его деньги после его смерти поступили в партийную кассу, то, наверное, это свое желание он мог бы оформить не столь спорным путем. В том же, что Мария Федоровна рассказала Алексею Максимовичу «всю историю полиса» и он ее «прекрасно знал» с ее слов, можно не сомневаться. Почему получением денег по полису должен был заниматься Красин и почему осведомленный Буренин называл эти «события» «партийным делом» или «наследством», тоже вполне понятно. А как в действительности распорядилась Мария Федоровна оставшимися деньгами, мы знаем из ее же письма сестре

[290] Андреева. Изд. 2-е. С. 115–116.

(неосторожно помещенного в указанном сборнике). П. Н. Малянтовичу удалось отсудить всю сумму, указанную в полисе, и Марии Федоровне после того, как она расплатилась с Л. Б. Красиным, должно было остаться 40 000 рублей[291]. Так что если Савва Тимофеевич действительно боялся, что «бессребреница» Мария Федоровна умрет «под забором нищей», то, несомненно, напрасно. (В. И. Ленин, согласно биографам М. Ф. Андреевой, ценил ее именно за деловую хватку, умение все «выбить» и достать.)

В связи с делом о полисе нельзя не обратить внимания на строки из письма Марии Федоровны к К. П. Пятницкому: «Против меня имеются веские показания и улики со стороны департамента полиции и охранного отделения. Меня сперва посадят, может быть ненадолго, а затем безо всякого суда сошлют, скорее всего, на каторгу — за доказанную “принадлежность к партии” и еще кое-что, чего Вы не знаете, и от чего отречься я не имею ни возможности, ни права»[292]. М. Ф. Андреева привлекалась к доз-

---

[291] По поводу этих 100 000 рублей существует еще два письма: одно — М. Ф. Андреевой к К. П. Пятницкому, полученное им 19 сентября (2 октября) 1906 г., и другое — К. П. Пятницкого к М. Ф. Андреевой от 1 августа 1909 г., в котором он отчитывается перед ней в денежных делах.

Из письма М. Ф. Андреевой к К. П. Пятницкому: «Много подумав и посоветовавшись с А<лексеем> М<аксимови>чем, я пришла к убеждению, что надо поступить так. По-видимому, всего не получить и вместо ста приходится удовольствоваться 89. Приблизительно 1000 рублей придется уплатить расходов по ведению дела, приблизительно пятнадцать тысяч взяла Катя у Вас, 60 (шестьдесят) тысяч целиком надо будет отдать Л. Б. и, значит, то, что останется, около тринадцати тысяч, на прожитие моей семье» (АГ. ПТЛ–3–7–68 / «Деньги нужны до зарезу…» Переписка Л. Б. Красина с Горьким и М. Ф. Андреевой. 1906–1908. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Е. Р. Матевосян // Горький и его корреспонденты. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 54).

Из письма К. П. Пятницкого к М. Ф. Андреевой: «Деньги, переданные мне для Вас Л. Б. Красиным из полиса С. Т. Морозова: 38 000 р. В письме, присланном из Америки, Вы просили меня принять на хранение 40 000 р., которые доставит мне Красин. Из них Вы просили покрыть суммы, выданные Вашей семье. Л. Б. Красин доставил не 40 000 р., а только 38 000 р. Об остальных 2 000 р. в записке Л. Б. Красина сказано: “Остальные 2 000 р. пока находятся у поверенного”» (АГ. ПТЛ 13–23–1 / Там же. С. 56).

[292] Андреева. Изд. 2-е. С. 563. Указано, что письмо хранится в Архиве А. М. Горького, но когда оно было написано, не указано.

нанию в 1906 году как издательница первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь»[293], которая выходила с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) декабря 1905 года в Петербурге. Пятницкий об этом знал. Чего не знал Пятницкий и от чего Мария Федоровна не имела возможности отречься, — это за что ей, официальной жене крупного государственного сановника, грозила каторга «безо всякого суда». Нам это тоже не известно. (Хотя и очень интересно.)

О роли, которую сыграла Мария Федоровна в организации поездки Алексея Максимовича в Америку для сбора средств в пользу большевистской партии, рассказывается в статье А. П. Григорьевой и С. В. Шириной «Основные этапы жизни и деятельности М. Ф. Андреевой», помещенной в том же сборнике.

«В феврале 1906 г. они выехали за границу, где Горький должен был по поручению партии рассказать правду о русской революции, противодействовать царскому правительству в получении займа и собирать средства на революционные нужды. Нелегко было Марии Федоровне решиться на эту поездку. В России оставались ее дети. <...> Однако сознание исторической необходимости партийного дела, в котором ей предстояло участвовать, взяло верх над материнскими чувствами. <...> Пребывание в Германии убедило Марию Федоровну в огромном значении этой поездки. Она готова была заняться самой маленькой, самой незаметной работой: “Всю черную работу, переписку и т. п. — охотно беру на себя, на себя же возьму, если хотите, кассу — вообще все сделаю, что только в силах, чтобы быть Вам дельным товарищем”, — писала она из Берлина Н. Е. Буренину, который должен был сопровождать Горького в США»[294]. «Ее самоотверженность и самоотречение можно объяснить не только глубоким личным чувством, но и сознанием общественного значения писателя, чей труд был так необходим революционному народу. “Он — знамя, кроме своего большого литературного дарования, знамя всего светлого, яркого, смелого и чистого”, — писала она в 1907 г. К. П. Пятницкому. Вот почему Андреева с таким самоотвержением и энергией занимается

[293] Официальным редактором-издателем газеты был поэт Н. М. Минский.
[294] Андреева. Изд. 2-е. С. 550–551.

делами Горького»[295]. «…невзирая на многие трудности, Андреева и "за границей исполняла обязанности агента ЦК". В ее биографических документах есть запись о том, что ей пришлось "эмигрировать за границу, где пробыла с 1906 по 1912 г., состоя в распоряжении товарища Ленина лично"»[296].

Интересна и роль, которую сыграла Мария Федоровна в развале Каприйской школы пропагандистов.

Школа пропагандистов на Капри была создана в 1909 году. Целью школы являлось воспитание из рабочих профессиональных революционеров, при этом школа носила просветительский характер. В организации школы Алексей Максимович принял активное участие (вложив также и денежные средства). Преподавали в школе Богданов, Луначарский, Алексинский и др. большевики, увлекавшиеся идеями богостроительства, которые родились в процессе религиозно-философских исканий, охвативших в то время российскую интеллигенцию. Алексей Максимович читал лекции по истории русской литературы, и у него также была своя концепция богостроительства (она была связана с его преклонением перед безграничными творческими возможностями человека). Ленин считал эти идеи недопустимым отклонением от социально-классового принципа и резко выступал против них. Он обратился к ученикам школы с письмом, в котором утверждал, что школа носит антипартийный характер («оппозиционеры», «махисты», «богоискатели») и что их учат «фракционной» науке. В результате преподаватели и ученики погрязли в обсуждении сложных философских и политических вопросов, перессорились между собой, и в декабре 1909 года Каприйская школа пропагандистов прекратила свое существование (просуществовала она менее полугода[297]).

М. Ф. Андреева была верным «ленинцем» и боролась с «оппозиционерами» за влияние на мировоззрение Горького. В статье А. П. Григорьевой и С. В. Шириной так объясняется роль, выбранная Марией Федоровной: «…увлечение махизмом, каприйской школой, Богдановым, Базаровым и К° было вредно и отнимало

[295] Андреева. Изд. 2-е. С. 554.
[296] Там же. С. 558.
[297] Занятия в школе начались 5 (18) августа 1909 г.

много сил у Горького. На первых порах Андреева не разобралась в сущности философских споров. …<но для нее> непонимание идеалистической сути махистской философии было кратковременным заблуждением. <...> Разочаровавшись в людях, которые не так давно были для нее “человеками с большой буквы“, она со всей силой своего темперамента изобличала их. Сохранились письма Марии Федоровны о том, в каких неимоверно трудных условиях приходилось там в одиночку выступать против группы махистов и богоискателей. Неприязнь окружала Андрееву»[298]. Далее авторы статьи пишут о том, что «Мария Федоровна стремилась облегчить Горькому отход от группы “Вперед”»[299] и «пользовалась каждым случаем, чтобы показать ему лидеров группы в их подлинной сущности». Как доказательство трудных условий, в которых приходилось работать Марии Федоровне, они приводят строки из ее письма И. П. Ладыжникову. Это письмо, написанное в ноябре 1909 года, опубликовано в том же сборнике:

«Ах, Иван Павлович, дорогой мой! Знали бы Вы, что тут было, удивились бы Вы, что у меня еще голова на плечах. Не знаю, кто Вы — “впередовец”, или “ленинец”, или еще кто, но, если Вам дорог Алексей Максимович, приезжайте при первой возможности. Предупреждаю Вас — я нынче, по терминологии Луначарского,

---

[298] Андреева. Изд. 2-е. С. 559–560.

[299] Группа «Вперед» была создана участниками Каприйской школы, она объединила отзовистов, ультиматистов и сторонников богостроительства. «Впередовцы» считали своей задачей «создавать» и «распространять в массах новую пролетарскую культуру», «развивать пролетарскую науку», «вырабатывать пролетарскую философию», при этом они полагали, что марксизм должен быть соединен с религией. Кроме того, они утверждали, что буржуазно-демократическая революция в России уже произошла и впереди — революция «чисто пролетарская», и настаивали на отзыве депутатов из Государственной думы и отказе от легальных форм массовой партийной работы. Перед закрытием Каприйской школы (в декабре 1909 г.) участники группы выпустили брошюру «Современное положение и задачи партии», направленную в ЦК РСДРП вместе с извещением об образовании группы и с просьбой утвердить ее как «литературную организацию». Платформа участников группы «Вперед» была противопоставлена платформе, содержащейся в резолюции «О современном моменте и задачах партии», написанной Лениным и принятой 5-й конференцией РСДРП в декабре 1908 г.

Богданова и К°, — “мерзкая женщина”, меня собирались даже сумасшедшей объявить — не хочу играть с Вами в прятки. Думаю, что Вы меня довольно знаете, чтобы верить, что верую я в дело крепче и горячее, чем когда-либо, а вся беда в том, что я верная собака при Алексее Максимовиче <Собака, «верная» кому? — Л. Д.> и его “слопать” для мелочного самолюбьишка, насколько только силы мне хватало, не допускала, то есть не позволяла надувать его, когда видела всякие подходы и штуки.

А теперь висит надо мной тут К. П. <Пятницкий>»[300].

Позже Мария Федоровна писала сестре: «Богданов, Луначарский, Алексинский и К° — вот кто мои враги, они сделали все, от клеветы до обвинения меня в сумасшествии, чтобы “развести” Ал<ексея> М<аксимовича> со мной, так как пока эта “подлая, цепная собака около него — мы бессильны”. Они свою игру проиграли, А<лексей> М<аксимович> навсегда отошел от них, но стоило это мне всего, что мне было дорого»[301].

Мария Федоровна «свою игру» выиграла: она не допустила, чтобы Алексей Максимович покинул ряды большевистской партии[302]. Верность пролетарского писателя Горького ленинской платформе была для нее важнее личного.

«А теперь висит надо мной тут К. П. <Пятницкий>» — эта не совсем понятная фраза была написана вскоре после приезда Пятницкого на Капри. По поводу отношений Марии Федоровны с

---

[300] Андреева. Изд. 2-е. С. 139.

[301] Андреева. Изд. 3-е. С. 173. М. Ф. Андреева к Е. Ф. Крит. Январь — февраль 1910, Капри.
Во второе издание сборника (1963 г.) это письмо не включено, в 3-м издании приведена выдержка из этого письма.

[302] «В. И. Ленин в статье “Басня буржуазной печати об исключении Горького”, опубликованной 28 ноября (11 декабря) 1909 г. в газете “Пролетарий” (№ 50), писал: “Буржуазным партиям хочется, чтобы Горький вышел из социал-демократической партии. Буржуазные газеты из кожи вон лезут, чтобы разжечь разногласия внутри социал-демократической партии и представить их в уродливом виде. Напрасно стараются буржуазные газеты. Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им не иначе, как презрением”» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 19. С. 153 // АГ. Т. IX. С. 320).

Пятницким в статье А. П. Григорьевой и С. В. Шириной сказано: «Мария Федоровна принимала близко к сердцу состояние дел издательства “Знание”, возмущалась снижением художественного уровня и общественного значения знаньевских сборников. <...> А как известно, сидеть сложа руки Мария Федоровна не умела. Постепенно осложнялись ее отношения с руководителем издательства “Знание” Пятницким. В конце концов, она порвала с ним по ряду серьезных причин, к числу которых относилось и ущемление интересов Горького»[303]. Другие «серьезные причины», кроме «ущемления интересов Горького», в статье не указаны. Но не только Мария Федоровна «порвала» с Пятницким, «порвал» с ним и Алексей Максимович. В конце 1912 года он вышел из товарищества «Знание» и обвинил Пятницкого в неправильности расчетов. Дело дошло до третейского суда[304]. Проверка личного счета Горького и доходов от издания его сочинений в «Знании» длилась с 1913 по 1919 год и подтвердила правильность расчетов Пятницкого и его абсолютную порядочность по отношению к Горькому. В 1936 году, незадолго перед смертью Алексея Максимовича, произошло их примирение. Первый шаг сделал Пятницкий, Алексей Максимович ему ответил: «Сильно взволнован письмом Вашим, дорогой друг Константин Петрович. Вероятно — это я первый должен был написать письмо, подобное Вашему, и послать Вам. <...> Я глубоко ценил Вашу дружбу. И — продолжаю ценить. Вы, наверное, тоже знаете, как усердно расшатывали ее “третьи лица”. Но мы не станем слагать на них нашу вину друг перед другом»[305].

А пока что, в сентябре 1912 года, незадолго перед отъездом с Капри Мария Федоровна писала К. С. Станиславскому:

«<...> “Знание” и деньги Алексея Максимовича, в него вложенные, — 100 000 руб., — по-видимому, окончательно пропали, так как юридический хозяин издательства, К. П. Пятницкий, впал в

---

303 Андреева. Изд. 3-е. С. 614.

304 По этому поводу Ленин писал Алексею Максимовичу: «Насчет Пятницкого я за суд. Церемониться нечего. Сентиментальничать было бы непростительно… Пятницкого надо засудить и без никаких. Ежели Вам будут за сие упреки — наплюйте в харю упрекающим» (Ленин В. И. Соч. Т. 35. С. 57–59 // Летопись. Вып. 2. С. 341).

305 Летопись. Вып. 4. С. 584.

полный маразм, а дело разорило его трехгодичное проживание за границей. Все огромные деньги, получаемые Алексеем Максимовичем, растеклись неизвестно, как и куда, — за малым исключением, известно куда и как — дела его велись К. П. Пятницким бесконтрольно и полноправно, так что “распад личности”, как это нынче называется, г-на Пятницкого привел Алексея Максимовича временно к полному отсутствию каких бы то ни было средств к жизни. *Семья Алексея Максимовича живет на доходы, получаемые от его книг, так что ее это положение не коснулось.* (Курсив мой. — Л. Д.)

Долго Алексей Максимович, по невероятной его деликатности, не решался отнять у К. П. Пятницкого свое участие. <...> На днях он принял приглашение стать редактором “Современника” и взял себе, наконец, доверенное лицо для ведения всех его материальных дел в России — Ивана Павловича Ладыжникова»[306].

И. П. Ладыжников в 1905–1913 годах занимался добыванием за границей средств для партии большевиков. Среди прочего он возглавлял издательство «Демос», часть доходов которого поступала в кассу партии, получались они в основном от издания произведений М. Горького. На то, чтобы «победить» Пятницкого и заменить его большевиком Ладыжниковым, Марии Федоровне потребовалось три года, и только после этой «победы» она уехала с Капри.

И еще о деньгах. Что касается Алексея Максимовича, то он, как сообщала Мария Федоровна К. С. Станиславскому, имел доходы от издания своих книг, и этих доходов вполне хватало для обеспечения безбедной жизни его семьи. Наверное, их могло бы хватить и на безбедную жизнь самого Алексея Максимовича, тем более что его личные потребности были довольно скромными. Поэтому не совсем понятно, что имела в виду Мария Федоровна, говоря о «полном отсутствии каких бы то ни было средств к жизни» у Алексея Максимовича. Возмущаясь же тем, что дела Алексея Максимовича «велись К. П. Пятницким бесконтрольно и полноправно», Мария Федоровна, по-видимому, имела в виду отсутствие собственного контроля, а распоряжаться «огромными деньгами, получаемыми

[306] Андреева. Изд. 2-е. С. 187. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. 30 сентября 1912 г., Капри.

Алексеем Максимовичем», Мария Федоровна, наверное, предпочитала самостоятельно, «бесконтрольно и полноправно».

Нам не известно, отчитывалась ли Мария Федоровна перед Алексеем Максимовичем по поводу потраченных денег, и если да, то в какой форме и насколько правдиво. В книге М. Пархомовского о Зиновии Пешкове описывается эпизод, проливающий некоторый свет в эту сторону.

Мы уже упоминали о том, что через месяц после свадьбы Зиновий (которого Мария Федоровна называла сыном — «наш сын») был вынужден покинуть Капри. Вначале он уехал в Феццано, куда еще раньше уехала его беременная жена, а вскоре — в Америку. При этом из-за «семейных неприятностей» (инициатором которых выступила Мария Федоровна и которые были связаны с расходуемыми деньгами) отношения между Алексеем Максимовичем и Зиновием были испорчены. М. Пархомовский пишет:

«Разрыв с Горьким оказался временным, и по приезде из Америки Зиновий навещал Алексея Максимовича на Капри. Вот краткие записи в дневнике Пятницкого: “2 апреля 1913 г. Входит Зиновий. Рассказы об Америке. <...> Мария Федоровна сказала Боткиной[307] при Горьком, будто Зиновий получил от нее для Америки 5 000 рублей. Горький спрашивает об этом Зиновия”.

<...> Что же касается названных 5 000 рублей, то слово “будто” Пятницкого достаточно красноречиво. Вспомним, что Мария Федоровна тогда была финансовым агентом партии и, надо думать, не всегда ставила Горького в известность о том, куда шли его доходы. Факт, что Зиновий приехал в Новый Свет без денег, подтверждается письмом Екатерины Павловны Алексею Максимовичу: “Получила недавно письмо от Зиновия. Сообщает, что, как приехал в Америку, был арестован и две недели пробыл в эмигрантском доме, так как не было у него нужных для въезда в Америку денег. Выручил его оттуда какой-то профессор, у которого он теперь работает в качестве переводчика”»[308].

---

[307] На Капри подолгу гостили жена и дочери знаменитого врача-хирурга С. П. Боткина. О какой из них идет речь, неизвестно. Мария Сергеевна Боткина (1870–1960) стала художницей, она оставила воспоминания о жизни на Капри.

[308] Пешкова Е. П. Письмо А. М. Горькому от конца сент. 1911 г. // Пархомовский. С. 102–103.

Роль Марии Федоровны в качестве финансового агента заключалась в том, что она добывала для партии деньги, а они всегда были нужны и их всегда не хватало. В ноябре 1912 года она покинула Капри и нелегально выехала в Россию все с той же задачей — добыть деньги (и для партии, и не только для партии). Алексей Максимович был вполне осведомлен о целях ее поездки, а у Владимира Ильича появились надежды на осуществление некоторых замыслов, которые требовали дополнительных вложений: «Размечтался я в связи с поездкой Марии Федоровны… Вот чудесно она придумала, право, чудесно. Черкните непременно при случае, удалось ли ей легализоваться (наверное, удастся). Еще черкните, как Малиновскому найти ее в Питере или Москве»[309].

По поводу изыскания средств для партийных нужд в декабре 1912 года в Кракове состоялось совещание ЦК РСДРП(б) с местными партийными деятелями, которым и была поручена эта работа. О состоявшемся совещании охранное отделение было осведомлено. Выдержка из агентурных записок приведена в сборнике:

«<ИЗ АГЕНТУРНЫХ ЗАПИСОК ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПО г. МОСКВЕ>

… 2. Поручено* депутатам Петровскому и Малиновскому обратиться в гор. Москве к Крыжановскому, Никитину и некоему Радченко и в С.-Петербурге — к присяжному поверенному Соколову, а по указаниям последнего и к другим лицам, — с просьбой ссудить или помочь добыть денег.

Фактически все переговоры с перечисленными лицами будет вести ныне прибывшая в г. Москву жена Максима Горького (Андреева), которая связалась с проживающим по М. Никольскому переулку Павлом Карловичем Штернбергом.

Депутаты Петровский и Малиновский явятся лишь официальными представителями ЦК партии. (ЦГИАМ. Ф. ДП, ОО, Д. 5. Ч. 46. Л. 6. 1913 г.)»[310]

Из этого довольно любопытного документа, во всяком случае, одна вещь кажется очевидной: способности Марии Федоровны высоко оценивались ЦК РСДРП(б) во главе с В. И. Лениным.

---

[309] Ленин В. И. Соч. Т. 35. С. 42 // Летопись. Вып. 2. С. 322.

[310] Андреева. Изд. 2-е. С. 193.

О возвращении Марии Федоровны в Россию в статье А. П. Григорьевой и С. В. Шириной рассказывается так: «С началом революционного подъема желание возвратиться в Россию овладевает Марией Федоровной с новой силой. И хотя из Петербурга сообщали, что это очень опасно, — ничто уже не могло задержать ее в эмиграции. <...> …в конце 1912 г. <она> осуществила свой план — нелегально вернулась на родину и поселилась в Финляндии. <...>, по-прежнему выполняя функции финансового агента, <она> занялась изысканием средств для партии. Примечательно то, что петербургская охранка не скоро напала на след “преступницы”, хотя многие, и не только члены партии знали, что она уже в России»[311].

Это действительно «примечательно», потому что, как пишут далее авторы статьи: «К ней приезжали партийные работники, друзья, режиссеры и артисты. Она принимала деятельное участие в издательских делах Горького»[312] и, как мы видим, о ее приезде был осведомлен Малиновский — депутат от фракции большевиков и агент охранки[313].

В издательских делах Горького Мария Федоровна приняла самое «деятельное участие», взяв все заботы на себя. В апреле 1913 года она писала И. П. Ладыжникову:

«Алексей Максимович очень болен нервами, очень устал и измучен, его надо всеми силами беречь и охранять от всех нежелательных впечатлений. Всю ответственность за источник, откуда я черпаю временно средства для ведения дела со “Знанием”, — я беру на себя. Это мой долг, а покрывать его будем постепенно, из сумм причитающегося Алексею Максимовичу гонорара. Конечно, таким образом, чтобы он сам не сидел без гроша, частями и по мере возможности. Пусть он знает одно — я нашла возможность достать денег в долг, а где и как — это его не касается. Так нужно, чтобы не волновать его. <...> Я писала Алеше, предлагая

---

311 Андреева. Изд. 2-е. С. 563.

312 Там же.

313 Р. В. Малиновский — председатель фракции большевиков в IV Госдуме. Был выведен из числа депутатов по инициативе товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, считавшего недопустимым, чтобы депутатом Государственной думы было лицо, состоящее на службе в департаменте полиции.

ему денег — тысячи две, с тем, чтобы он поехал куда-нибудь отдохнуть, лучше всего попутешествовать. Очень прошу Вас, поддержите меня в этом. <...> Завидую Вам, что увидите его. Скажите ему, чтобы берег себя, а если, мол, удастся сделать то, что задумано, то все будет ладно. Деньги будут — тем более, что на следующую зиму я буду в Москве, значит, будет и журнал и издательство. Спасибо Вам, голубчик, за все большое спасибо! Ничего, еще поработаем мы с Вами вместе во славу божию. Ваша М. Ф.»[314]

По-видимому, И. П. Ладыжников поручение Марии Федоровны исполнил («во славу божию»), Алексея Максимовича «от всех нежелательных впечатлений» постарался уберечь, а Марию Федоровну «поддержал». Алексею Максимовичу, наверное, пришлось по душе, что «вся ответственность» легла не на него, что у него будут «журнал и издательство», и предложение «попутешествовать» он принял, тем более что деньги ему были предоставлены.

В августе 1913 года департамент полиции объявил «жене действительного статского советника Марии Федоровне Желябужской о том, что уголовное преследование ее по делу о конторе редакции газеты “Новая жизнь” определением С.-Петербургской судебной палаты от 17 минувшего июля прекращено с отменою меры пресечения»[315]. Но еще до того, как было вынесено это постановление, в июне 1913 года Мария Федоровна получила разрешение властей выехать за границу. В близких к Марии Федоровне кругах распространился слух, что в Италию она «поехала на месяц, сдавшись на его <Алексея Максимовича> мольбы»[316]. Наверное, Мария Федоровна так объясняла окружающим свою

---

[314] Андреева. Изд. 2-е. С. 209–210. М. Ф. Андреева — И. П. Ладыжникову. 9 апреля 1913, Мустамяки.

[315] Там же. С. 207.

[316] Лопатин, вернувшийся к этому времени в Россию, писал Амфитеатрову: «О Горьком не знаю, что и думать. Слышу, что М<ария> Ф<едоровна> поехала к нему, спрашиваю: значит, она снова переселяется на Капри? Отвечают: отнюдь! Для нее это невозможно, ибо она подписала контракт с театром, но она поехала на месяц, сдавшись на его мольбы» (ЛН. Т. 95. С. 883. Лопатин — Амфитеатрову. <Петербург> 6 [19] сентября 1913 г.).

поездку[317]. Встретиться с Алексеем Максимовичем ей было нужно, чтобы заручиться его поддержкой в делах — их совместных, но которые она предпочитала вести самостоятельно (Мария Федоровна не забывала о своих интересах — вполне меркантильных, а Алексей Максимович декларировал: «Знай, что всегда приятнее отдать, чем взять»[318]).

Осенью 1913 года (после поездки в Италию) Мария Федоровна отправила Алексею Максимовичу следующее письмо:

«Прочти немедленно.

Милый друг, вот о чем, чего не напишешь по почте, хочу сообщить тебе. <...> события, весьма вероятно, не пустят тебя этой зимой в Москву[319]; <...> Меня пока, к удивлению того же Малянтовича, не трогают.

Приезд твой в Финляндию и в Петербург, если ничего не изменится, обеспечен. Меня тревожит твое отношение к договору с Сытиным. С Бончем, конечно, книгоиздательство было бы легче строить по твоему желанию, *и не с кем бы тебе считаться, некого убеждать — они просто бы слушались*. (Курсив мой. — Л. Д.) <...>

---

[317] О склонности Марии Федоровны («актерка») создавать «легенды» о себе и своих отношения с людьми есть разные рассказы. Мы приводим один из них — В. Ходасевича: «В эпоху первой эмиграции, когда Горький жил не в Сорренто, а на Капри, его тогдашняя жена М. Ф. Андреева старалась создать легенду вокруг него. Домашней прислуге, лодочникам, рыбакам, бродячим музыкантам, мелким торговцам и тому подобной публике она рассказала, что она — русская герцогиня, дукесса, которую свирепый царь изгнал из России за то, что она вышла замуж за простого рабочего — Максима Горького. Эта легенда до крайности очаровала романтическое воображение каприйской и неаполитанской улицы, тем более что Андреева разбрасывала чаевые с чисто герцогской щедростью. Таким образом, местная популярность Горького не имела ничего общего с представлением о нем как о писателе, буревестнике, певце пролетариата и т. д. В сущности, она была для него даже компроментантна, потому что им восхищались, как ловким парнем, который сумел устроиться при богачке, да еще герцогине, да еще красавице. Все это рассказывал мне Максим, который терпеть не мог свою мачеху» (Владислав Ходасевич. Завтрак в Сорренто / Некрополь. Москва: Вагриус, 2001. С. 379).

[318] АГ. Т. XIII. С. 34. Горький — Максиму Пешкову. С Капри в Аляссио, не ранее 26 января [8 февраля] 1907 г.

[319] А. М. Пешков был амнистирован в июне 1913 г. и по возвращении в Россию имел право проживать как в Петербурге, так и в Москве.

Затем поверь: сейчас самое главное — издание твоих книг! Это важно для публики (тебя снова прочтут), для текущего момента и для влияния твоего на этот момент. Уверяю тебя — я не ошибаюсь. Это самое важное. А второе, это даст обеспечение тебе, спокойствие в работе, это поможет даже в разрешении вопроса со "Знанием". Поверь, что условия очень хорошие. Третье — *для будущего важно, чтобы у Сытина осталось убеждение не только в нашей полной солидарности и твоем доверии ко мне, но и в моей трудоспособности, некотором понимании дела и твоих желаний и предначертаний*. (Курсив мой. — Л. Д.) <...>

Не забудь также, что Сытину нечего знать о наших тревогах и сомнениях. Лучше, чтобы он был уверен в твоем скором приезде на север — в Швецию ли, Норвегию, Финляндию или в Петербург — там видно будет, тем более, что это — наша надежда и мы с тобой верим в эту возможность! Ты сумеешь и сможешь руководить, живя поблизости, а не в самом Петербурге, лишь бы тебе поправиться.

Ну, до свидания, Леня. Знал бы ты, как мне тебя видеть надо. М.»[320]

Это письмо дает довольно ясное представление и о деловых качествах Марии Федоровны, и о ее умении найти подход к Алексею Максимовичу. (Невольно вспоминаются ее же строчки из письма Ладыжникову о деятелях Каприйской школы, которым она «не позволяла надувать его <Алексея Максимовича>, когда видела всякие подходы и штуки».) И кроме того, здесь вырисовывается жизненная позиция Марии Федоровны. Более четко она выразила ее в очередном письме к И. П. Ладыжникову:

«Алексей думает, что мы слишком заняты самими собой и из-за себя не видим общего? Нет, Иван Павлович, вижу, собой отнюдь не очень занята в душе своей, но знаю, чувствую, сознаю, что *не сделав всего для себя, не поставив себя в позицию сильного, власти* (курсив мой. — Л. Д.), — ничего в настоящее время не сделаешь. Надо мной посмеиваются, говорят, что я проповедую отжившие с.-д. истины, но меня побаиваются все-таки и хоть немного стыдятся. *Какая я с.-д., чушь это, конечно, но я не могу быть только актрисой* (курсив мой. — Л. Д.)»[321].

---

[320] Андреева. Изд. 2-е. С. 223–224. М. Ф. Андреева — А. М. Горькому. Конец сентября — начало октября 1913, Москва.

[321] Там же. С. 231. М. Ф. Андреева — И. П. Ладыжникову. 4 декабря 1913 г.

И вот еще одно письмо Марии Федоровны Алексею Максимовичу, написанное в сентябре 1913 года:

«Милый мой ангел, радость моя, прочла только что “Детство”[322] — последнее, что напечатано, про пожар где, — и вот сижу и плачу, как-то и от радости, что так хорошо, и от любви, и от жалости, ото всего, чего даже и не расскажешь!

Про другие твои вещи я могу говорить, про эту не могу — такое это родное, близкое, и так я люблю тебя.<...> Очень я люблю бабушку, и мне почему-то чувствуется, что и она меня бы любила. <...>

Поверь мне, Леша, когда я пишу тебе, что меня в театре прозвали “светлой”, что меня считают первоклассной актрисой, что Сытин так вот ко мне относится исключительно, — я не хвастаюсь, не выставляюсь перед тобой, но у меня всегда где-то потихоньку дрожит радость: значит — я не так уж плоха, может быть, я больше подхожу ему, ближе к нему?

<...> Сытин уехал в пятницу 27-го (10-го), так и не заехав ко мне еще раз, хотя и обещал. Очень беспокоюсь я, как вы там с ним говорить будете и не вышло бы чего-нибудь нежелательного для тебя, очень ты не приспособленный для практических разговоров “аппарат”, а главное, боюсь, не помешало бы это твоему выздоровлению! Очень огорчаюсь, что Иван Павлович мне ничего не пишет и даже не телеграфировал ни о своем приезде, ни об адресе; что не сообщил о твоем здоровье и настроении. Объясняю себе тем, что это ты ему отсоветовал, сказав, что сам успокоишь меня.

От тебя вот уже неделю писем нет, последнее было от 3 октября заграничного, сегодня 13-е. Не знаю, где ты, и вообще на душе у меня темным-темно и грустно. А тут еще простудилась — шубы у меня нет, отопление еще не действует, и в комнате у меня северный полюс. На улице выпал снег, холодно, а тает, грязно и мокро. Но ты, пожалуйста, не принимай этого близко к сердцу — авось простуда пройдет, придет от тебя письмо, Иван Павлович удосужится написать, с Сытиным все у тебя пройдет гладко, ты не разволнуешься и, авось, деньги найдутся. Это последнее труднее всего выполнимо.

---

[322] В сентябре в журнале «Просвещение» был опубликован отрывок из 1-й главы повести М. Горького «Детство».

Забыла написать: видела вчера В. Н. Бунину, она старалась говорить со мной дипломатически и выведать у меня: правда ли, что ты с Сытиным договорился? За сколько? Правда ли, что будет новое издательство и какое? Я была глупа и ничего не понимала. Допытывалась, будете ли вы зимой на Капри, — сказала, что ничего не знаю наверное, но что у тебя есть настроение вернуться в Россию и пожить зимой на севере, а где будут остальные члены семейства, я не знаю. Смешная она и неумная. <...>

Ну, будь здоров! Полетела бы я к тебе без страха на аэроплане, лишь бы увидеть, хоть на минуточку. Твоя Маша»[323].

Мария Федоровна не «была глупа», несомненно, она была умна, очень умна. И актрисой она была «первоклассной», и «актеркой» талантливой, и натуру Алексея Максимовича хорошо изучила. И это письмо служит тому подтверждением, и, наверное, Алексей Максимович плакал, читая его. Деньги она, конечно, сумела достать, хотя это было «труднее всего выполнимо». И в дальнейшем она будет справляться с аналогичными задачами и с другими, не менее сложными. Не сумела она сохранить любовь Алексея Максимовича, но это мало кому удавалось.

Первое издание сборника «Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой» вышло в свет в 1961 году. Люди, близкие к Екатерине Павловне, рассказывали, что у нее этот сборник был, держала она его под подушкой и читала тайком. Своими впечатлениями с окружающими не делилась.

[323] Андреева. Изд. 2-е. С. 220–223. М. Ф. Андреева — А. М. Горькому. 29 и 30 сентября 1913, Москва.

5

В ВОЙНУ И РЕВОЛЮЦИИ. 1914–1917 гг.

ПЕРЕД ВОЙНОЙ И ПОСЛЕ ЕЕ НАЧАЛА. Январь — сентябрь 1914 г.

Вернувшись в Россию, Екатерина Павловна поселилась в Москве неподалеку от Мясницкой улицы. Она сняла квартиру в новом добротном доходном доме, расположенном в старом московском переулке (в бывшей Огородной слободе). Дом был построен в 1911 году архитектором Г. А. Гельрихом в неоклассическом стиле и принадлежал домовладельцу Грибову. В этой квартире (Машков переулок[1], д. 1, кв. 16) она проживет всю остальную жизнь — более 50 лет.

По-видимому, выбор местожительства[2] определялся в основном интересами Максима: дом находился недалеко от училища Н. Г. Бажанова (частное реальное училище, бывшее Фидлера), к поступлению в которое Максим готовился. В январе он благополучно сдал экзамены и был принят в шестой класс.

По возвращении в Россию Алексей Максимович обратился в Нижегородскую ремесленную управу, в архиве которой он числился «цеховым Алексеем Максимовичем Пешковым», с просьбой выдать ему и его жене долгосрочные паспорта, о чем сообщил

---

[1] «Машковым» переулок назывался с XIII века по имени домовладельца дворцового гофъюнкера В. И. Машкова. В 1942 г. переулок был переименован в улицу Чаплыгина по имени академика С. А. Чаплыгина — специалиста в области гидро- и аэромеханики, жившего с 1920 по 1941 г. в доме № 1а.

[2] До того, как она подыскала квартиру для постоянного местожительства, она некоторое время жила у Филитисов (Зубовский бульвар, д. 15, кв. 19).

Екатерине Павловне: «Ты получишь бессрочный паспорт, с ним можно жить лет 600, если хочется»[3].

Паспорт сроком на 2 года Екатерина Павловна получила в январе 1914 года, и в январе же за ней было установлено «наружное наблюдение». На учете департамента полиции она состояла с 1898 года. В картотеке департамента полиции[4] значится более 40 дел (более 60 документов) с упоминанием ее имени, некоторые из этих документов (большей частью циркуляры) относятся к годам ее пребывания за границей. С 1902 года она состояла также на учете Московского охранного отделения. В каталоге фонда Московского охранного отделения[5] значится более 10 дел (около 20 документов) с упоминанием ее имени. Кроме того, в фонде Московского охранного отделения сохранились «Дневники наружного наблюдения» за ней, относящиеся к 1914 и 1915 годам.

«Дневник наружного наблюдения» за 1914 год[6] начинается 21 января и содержит 61 запись — наблюдение за ее домом в течение 61 дня. В январе и феврале наблюдение велось ежедневно, позже — по отдельным дням (не совсем понятно, чем руководствовалось охранное ведомство при выборе этих дней, но в день приезда Марии Александровны из-за границы — 25 марта и в день отъезда Екатерины Павловны с Максимом в Италию — 11 июня наблюдение за домом велось).

На обложке дневника со штампом «М<осковское> О<хранное> О<тделение> Дн<евник> нар<ужного> наб<людения> <№> 115, 1914 <год>» написано:

«Кл<ичка> наблюдения ***«Доска»***
Установка: *Пешкова, Екатерина Павловна*
36 л<ет> жена литератора /жена Максима Горького/».
И далее:
Лист 1. «21 января 1914 г<ода>. Сведение. “Пешкова” Екатерина Павловна проживает в доме № 1 по Машкову пер<еулку>. Согласно фотографической карточки Пешковой выхода и прихода не видели. Андреев, Грязнов».

---

[3] Т. IX. С. 152. Из Финляндии в Москву, 10 [23] января 1914 г.
[4] ГА РФ. Ф. 102.
[5] ГА РФ. Ф. 63.
[6] ГА РФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 5510.

Лист 2. «22 января 1914. Сведение. Уст<ановка> “Пешкова” прож<ивает> в доме № 1 по Машкову пер<еулку>. Выходила одна дама, имеющая сходство с фот<ографической> карточкой Пешковой. Андреев, Грязнов».

Лист 3. «23-го янв<аря> 1914. Сведение. “Доска” (Пешкова) прож<ивает> в доме № 1 по Машкову пер<еулку>. В 11 часов 40 мин<ут> утра вышла из дома вместе с сыном, которому кличка будет “Грифель”. Имел при себе “Ракетку” в чехле, взяли извозщика и поехали на Б. Лубянку в Оружейный магазин Биткова, пробыли 15 м<инут>, вышли. “Доска” имела при себе небольшой сверток, а Ракетку оставили в магазине. <...> Андреев, Грязнов».

Все последующие донесения («сведения») начинаются с фразы: «“Доска” проживает в доме № 1 (1-а) по Машкову пер<еулку>». «Наблюдатели» малограмотны, число их меняется (от 2 до 4 человек). В своих «сведениях» они отмечают передвижения Екатерины Павловны по городу: канцелярия генерал-губернатора, Главный телеграф, магазины (молочная Бладова, булочная Филиппова, гастрономический магазин братьев Самсоновых, книжный магазин «Образование» на Кузнецком мосту, книжный магазин Вольфа и др.), где и сколько времени она провела, что купила. «Наблюдатели» отмечают, что она часто отправляет письма в Петербург и за границу, но, главное, они отмечают тех, кто бывает у нее, и тех, у кого бывает она. Чаще всего она бывает в доме № 19 по Трубниковскому переулку (дом Главного управления уделов), где проживает «дама» или «барынька», которая 28 января «была взята от “Доски”». «Наблюдателям» известно, что кличка «барыньки» «Новая» и что это ее кличка по 1911 году. Люди, с которыми Екатерина Павловна общается, также получают от ее «наблюдателей» клички: «Ручка», «Карандаш», «Сюргуч», «Клин». За «Грифелем» наблюдения не ведется: он, выходя из дома, «пошел без наблюдения», а «Доска» «пошла с наблюдением», но иногда, взяв извозчика, она становится «утерянной» для «наблюдателей».

Ощущала ли Екатерина Павловна слежку — неизвестно. В доме же № 19 по Трубниковскому переулку жила с семьей Е. К. Малиновская.

Московским охранным отделением велось «наружное наблюдение» и за Алексеем Максимовичем, который с конца января

1914 года больше месяца прожил на станции Поварово под Москвой (в имении издателя И. Д. Сытина) и изредка приезжал в Москву. Эти его приезды отмечались в «Дневнике наружного наблюдения» («1914 год, № 254 М<осковское> О<хранное> О<тделение>. Кличка наблюдения “Миндаль”. Установка: Пешков Алексей Максимович 45 лет. Нижегородский цеховой»)[7]. Останавливался Алексей Максимович в меблированных комнатах «Модерн» в доме Елисеева на Тверской. Вместе с приезжавшей к нему М. Ф. Андреевой («Ваниль») он посетил выставки картин «Бубновый валет», «Свободное творчество», посмертную выставку В. Серова, театр «Миниатюр», театр Ртищевой, антикварные магазины, контору газеты «Русское слово» и др.

Согласно «наружному наблюдению», Алексей Максимович сына не навещал и с ним не встречался (о невозможности навестить их в этот приезд, вследствие страшной занятости, он предупреждал Екатерину Павловну). А за сына — как ему будет жить в России — Алексей Максимович волновался. И не напрасно. Максим плохо адаптировался к училищу: ему не давалась учеба, которой он и не очень-то интересовался, не складывались отношения с товарищами, он трудно привыкал к окружающей обстановке после вольной жизни в парижской «Новой русской школе» и домашних занятий на Капри.

«Вчера получил мамино письмо, в котором она пишет, как трудно тебе ладить с математикой и как вообще нелегко достается школа. <...> Ты пишешь, что ученики предлагают тебе переводить русские ругательства на французский язык — пошли их к черту, ослов! Как не стыдно им? Черти! Замечательнее всего в этом то, что вот уже более тридцати лет читаю и слушаю я о русской школе все одно и то же: ябеда, драки, лентяйничество и словоблудие. Тоска! И снова жутко делается за тебя, дорогой мой!»[8] — писал Алексей Максимович сыну, а Екатерину Павловну он просил взять мальчику репетитора: «Сколько бы ни стоил репетитор Максима — это не важно, лишь бы он помог парню одолеть науки, лишь бы мальчик не сидел в одном классе по два года, — что будет убийст-

---

[7] ГА РФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 5634.

[8] АГ. Т. XIII. С. 125. Горький — Максиму Пешкову. Из Петербурга в Москву, 14 [27] марта 1914 г.

венно для него. Ты уж, пожалуйста, друг мой, не стесняйся в этом отношении»[9].

Екатерина Павловна хотела начать работать, местом работы она выбрала «Ежемесячный журнал», организованный В. С. Миролюбовым[10]. Алексей Максимович возражал: «Твое намерение работать у Миролюбова — необдуманно и, мне кажется, неосуществимо, ты не имеешь ясного представления об этом гусе, хотя и знакома с ним давно. Да и к чему все это? А — сын как же? И что ты заработаешь — 30 р<ублей>? Ты можешь вдвое, втрое взять переводами, если б захотела»[11].

Екатерина Павловна работать не начала. Репетитора Максиму она взяла. Максим сумел сдать экзамены, хотя они дались тяжело и ему, и Екатерине Павловне. «Кланяйся маме и не обижай ее. А она тебя за это будет чаще пускать в цирк»[12], — советовал Алексей Максимович семнадцатилетнему сыну. (Они оба увлекались цирковой борьбой, особенно Алексей Максимович.) Теперь надо было решить вопрос о летнем отдыхе уставшего и похудевшего Максима. Варианты были разные: Ф. И. Шаляпин предлагал провести лето у него в деревне (всем вместе — Максим с Екатериной Павловной и бабушкой), Максим хотел бы на велосипеде (и без мамы) путешествовать по Кавказу (о маршруте он советовался с отцом), рассматривался вариант путешествия на пароходе по Волге (Максим с Левой Малиновским и Екатериной Павловной), но в конце концов Максим с Екатериной Павловной остановились на Аляссио.

Выехали они из Москвы 11 июня. В «Дневнике наружного наблюдения» зафиксированы многочисленные передвижения Екатерины Павловны в этот день. Вот отрывок из этой записи: «<...> В 5 ч<асов> 10 м<инут> вышла вторично из дома вместе с

---

[9] Т. IX. С. 154. Из Петербурга в Москву, 15 [28] апреля 1914 г.

[10] В. С. Миролюбов с 1898 г. издавал «Журнал для всех» (1895–1906). Осенью 1906 г. журнал был закрыт властями, а в 1908 г. Миролюбов уехал за границу, где принимал участие в издании эсеровского журнала «Заветы». В 1913 г. он вернулся в Россию и организовал «Ежемесячный журнал» (1914–1917), в котором продолжал традиции «Журнала для всех» (гражданское служение и религиозно-нравственные идеи).

[11] Т. IX. С. 154. Из Петербурга в Москву, 15 [28] апреля 1914 г.

[12] АГ. Т. XIII. С. 131. Горький — Максиму Пешкову. Из Мустамяк в Москву, 22 апреля [5 мая] 1914 г.

“Карандашом”. На извозчике отправились на Казанский вокзал. “Карандаш” остался у вокзала, а “Доска” пошла в вокзал, где встретила двух неизвестных барынек с девочкой лет 9-ти и проводила их с поездом, отходящим в 5 ч<асов> 25 м<инут> дня до Малаховки. По выходе из вокзала вместе с “Карандашом” сели на извозчика и отправились на Александровский вокзал, где их ожидали “Грифель” и “Новая”, 1 Господин и две дамы, которые их провожали.

“Доска” с “Грифелем” имели вещи: 1 кожаный саквояж и 1 коричневый чемодан размером 1 аршин, постельная принадлежность в белом чехле. Отправились с поездом, отходящим в 6 ч<асов> 30 м<инут> вечера, в вагоне II класса на № 123 м Б до Берлина без наблюдения. <...>»[13].

Алексей Максимович одобрил вариант Аляссио: «А ведь очень хорошо, что ты с мамашкой поехал в Италию: на Кавказе — всюду страшные ливни. <...>. Лето — отвратительное, дикая жара, в двадцати губерниях — лесные пожары. От этих пожаров страна несет миллионные убытки, в текущем году убытки будут особенно велики. Западная Европа совершенно не знакома с такими бедствиями, а у нас они — ежегодно.

Тяжело жить на Руси, дорогой мой сынище, очень тяжело! Все как-то дико, непривычно, многое я забыл, и теперь грустно удивляюсь, очень уж нелепо, жестоко. <...> Я рад, что тебя потянуло в Италию, что она нравится тебе, это очень хорошо, Максим! Право же, вот я теперь копчусь в дыме лесных пожаров и с таким наслаждением вспоминаю Капри, Аляссио, Неаполь, Флоренцию, — ты представить себе не можешь! Только смотри — будь осторожен, не вздумай тонуть, как в тот раз, когда тебя извлекал из воды Вольный!»[14]

Екатерине Павловне Алексей Максимович тоже писал (поручения и советы), оканчивалось же письмо так: «О том, как живется, пишу Максиму. Странно живется, все еще “не привык к родине”. Это смешно, я понимаю, но — что же делать? Факт. Хорошо,

[13] ГА РФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 5510. Л. 53.

[14] АГ. Т. XIII. С. 138–139. Горький — Максиму Пешкову. Из Мустамяк в Аляссио, 2 [15] июля 1914 г.

что вы поехали в Италию! Горит Русь, и это так мрачно, так страшно, если подумать. Из моего окна по ночам видно, как вдруг вспыхивают сухостойные деревья, — точно свеча зажжется и — погаснет тотчас же. Будь здорова, береги сына. Лучше его — ничего нет»[15].

Максиму в Италии было хорошо, он снова оказался в своей стихии (море, спорт) среди любивших его людей, ему все было интересно и все нравилось. Екатерина Павловна встречалась со своими друзьями, выполняла поручения Алексея Максимовича (для чего, в частности, встречалась с Плехановым) и, по-видимому, пыталась найти для себя работу, связанную с переводами (как советовал ей Алексей Максимович). Сохранилось ее письмо литератору Л. Б. Бернштейну, жившему в Париже и работавшему в журналах, выходивших в России и Франции:

«Alassio 15/VII 1914.

Многоуважаемый Лев Борисович!

Я на два дня уезжала из Alassio и только сегодня прочла Ваше письмо. Разумеется, раз эти условия общие, одинаковые для всех, то мне остается лишь принять их. А самый контракт я бы просила Вас передать мне при моем обратном проезде через Париж, в конце этого месяца. Вы еще не получили окончательного ответа относительно Petit Pierre?[16] О дне, когда я буду в Париже, я, как мы и условились с Вами, Вас предупрежу.

Видела я Алек<сея>. Он говорил мне, что продал свои сочинения “Просвещению”[17] и что, помимо “Просвещения”, может печататься лишь в периодич<еских> изданиях или сборниках. Так как та вещь, о кот<орой> Вы мне говорили, большая, то она, вероятно, не будет годиться для сборника. Б<ыть> м<ожет>, Вы предложили бы ее “Заветам”? Если же у Аша[18] будет интересный и не такой большой рассказ, то его можно было бы предложить

[15] АГ. Т. IX. С. 158. Из Мустамяк в Аляссио, 2 [15] июля 1914 г.

[16] «Маленький Пьер» — роман А. Франса, начало которого печаталось в то время в журнале Revue de Paris.

[17] Легальный ежемесячный большевистский теоретический журнал (декабрь 1911 г. — июнь 1914 г.).

[18] Шолом Аш — еврейский писатель.

и для помещения в сборнике м<осковского> к<нигоиздательст>-ва[19].

Пока всего лучшего. С уважением Ек<атерина> Пешкова»[20].

28 июля 1914 года началась Первая мировая война[21]. Екатерина Павловна была в это время в Женеве. Всю трагичность происшедшего она, кажется, не осознала (не почувствовала), ей только захотелось «скорее ехать в Россию» — домой. На следующий день после объявления войны она писала В. М. Чернову:

«29 июля 1914 года. Женева.

Виктор Михайлович, я как-то совсем упустила из виду, что в четверг-пятницу, когда я думаю заехать в Alassio, Вас уже там не будет. И так досадно стало, что не зашла к Вам. Но сообразила это, когда уже надо было ехать на вокзал.

Вечером пошли по городу. — Суетня. — Часов около 12 забегали газетчики с известием, что война началась. Всюду читают газеты, настроение взволнованное. С утра сегодня неск<олько> раз почему-то палили из пушки. Говорят, на крейсерах.

Вот и началась война, а мне как-то не верилось в нее. А теперь хочется скорее ехать в Россию, т<а>к что буду везде торопиться.

Б<ыть> м<ожет>, застану Вас в Alassio.

Крепко жму руку. Обитателям дома Вашего приветы.

Е<катерина> П<ешкова>»[22].

В ситуации начавшейся войны она добиралась до России около двух месяцев. Попытка выехать из Марселя ей не удалась. Тогда

---

[19] «Книгоиздательство писателей в Москве» было организовано в 1912 г., его членами-вкладчиками были И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, В. В. Вересаев, И. С. Шмелев и др.

[20] ЛН. Т. 95. С. 840.

[21] Началом Первой мировой войны (28 июля 1914 г. — 11 ноября 1918 г.) считают день, когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии (через месяц после убийства в Сараеве эрцгерцога Франца Фердинанда). В России, заявившей, что не допустит оккупации Сербии, всеобщая мобилизация началась 31 июля 1914 г., а Германия объявила ей войну на следующий день — 1 августа 1914 г. Войну Франции Германия объявила 3 августа 1914 г.

[22] ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 97б. С. 107–108. Письмо написано на бланке Hotel Londres Genes.

она вернулась в Италию, получила в Риме русскую и турецкую визы, затем уехала в Неаполь, где остановилась в отеле «Рояль». Служащие отеля помогли ей и Максиму сесть в Бриндизи[23] на итальянский пароход «Торино», следовавший в Константинополь. В Константинополе они пересели на французский пароход «Экватор», направлявшийся из Марселя в Одессу. (На этом пароходе возвращались из Франции артисты МХТ — К. С. Станиславский, М. П. Лилина, В. И. Качалов и др.)

За время, пока Екатерина Павловна с Максимом добирались до Одессы, Алексей Максимович «измучился» от волнений. Когда война началась, он надеялся, что они останутся в Аляссио до «лучшего времени». Он писал Е. К. Малиновской: «Е<катерина> П<авловна> и М<аксим> остались в Аляссио. <...> Они здоровы и обеспечены вниманием итальянцев — Маскарди и др. На днях я телеграфировал Маскарди, чтоб он ссужал Екатерину деньгами, посылать отсюда — очень сложно, трудно, да и деньги наши в Италии дешевы. В Аляссио немало состоятельных русских, кажется, там Буренины, знакомые мои и Екатерины — она знакома с Николаем Бур<ениным>, музыкантом. Слышал, что там же и подруга Екатерины Гавронская. Материальное положение Екатерины и Максима не тревожит меня. Ехать домой я не советую им, путь Солунь — Букрешт — труден и завален людьми, путь Константинополь — Одесса, вероятно, уже закрыт, да и опасен, ввиду позиции Турции. Пусть лучше подождут там до лучшего времени. Я уверен, что ждать придется недолго»[24]. Затем он начал «страшно волноваться» и успокоился только тогда, когда узнал, что они вернулись: «Измучился, — не знаю, где вы, как думаете жить дальше? Есть ли деньги? Почему ты не пишешь мне? <...> Я телеграфировал в отель “Рояль” и секретарю консульства, чтоб вы садились на один из пароходов “Добровольного флота” и ехали в Архангельск, просил сообщить решение, — прошло почти две недели, — ответа нет! Путь на Архангельск — длинен, но это наиболее безопасный путь, нет риска попасть в лапы немцев или турок — в случае дороги через Дарданеллы, — нет риска нарваться на мину. Писал и

[23] Бриндизи (Bríndisi), город и порт на юге Италии.

[24] АГ. Т. XIV. С. 362–363. Из Мустамяки в Москву, 20 августа [2 сентября] 1914 г.

телеграфировал Маскарди, Амфит<еатрову>, пишу Вольному, спрашивая про вас, — нет ответов! Из газет узнал, что вы были в Риме, потом получил телеграмму из Неаполя — очень обрадовался, сейчас же написал матери, в Москву, она там страшно волнуется.

Сообщение иностранных газет о беспорядках на Руси — сплошная чепуха, все спокойно, все поглощены войной. Жизнь очень мало изменилась внешне и сильно — изнутри. Ты скажи итальянцам, что все эти слухи о революциях, беспорядках — ложь, военная хитрость. Ничем подобным и не пахнет, все лояльны, все спокойны. <...> Ой, как тревожно за тебя, за Максима, — ты представить не можешь этого! Телеграфируй, пиши! Мне трудно писать, очень волнуюсь, руки трясутся. А.

Сообщи — нужно ли денег? Но — лучше занимай их там у кого-нибудь из итальянцев, перевести отсюда — трудно»[25].

В Одессу «Экватор» прибыл 9 (22) сентября 1914 года[26].

В этот же день Алексей Максимович отправил телеграмму Е. К. Малиновской и письмо Екатерине Павловне.

Е. К. Малиновской: «Получена телеграмма из Галаты. Сегодня выехали в Одессу, пароход “Экватор”. Сообщите Марии Александровне. Пешков»[27].

Екатерине Павловне: «Ну, я уж и не знаю, как выразить мою радость, — сейчас получил телеграмму из Одессы, наконец, вы приехали! <...> Здоровы ли? Сегодня мне телеграфировал Вигдорчик[28] из Неаполя: “Выехали Бриндизи пароход Торино”, а ваша телеграмма из Галаты — пароход “Экватор”. Я повесил нос. Вообще говоря — этот месяц дорого стоит. На письма и телеграммы, посланные в августе, — только сейчас приходят нелепые ответы. Маскарди, Амфитеатров, консульство Неаполя — так и не ответили. Но — все это — прошло. Сейчас я заканчиваю работу, над которой сидел лето, кончу через неделю, десять дней. За это время вы, наверное, доберетесь до Москвы, телеграфируете мне, и я приеду. <...> Очень я рад, очень уж боялся»[29].

---

[25] АГ. Т. IX. С. 159–160. Из Мустамяки в Аляссио, 8 [21] сентября 1914 г.

[26] В газете «Одесский листок» от 11 сентября 1914 г., № 243 сообщалось, что «Экватор» прибыл в Одессу 10 сентября 1914 г.

[27] АГ. Т. XIV. С. 363. АГ, пг-рл.

[28] Вигдорчик Павел Абрамович.

[29] АГ. Т. IX. С. 160. Из Мустамяки в Москву, 9 [22] сентября 1914 г.

Проверка в Одесском порту паспорта Екатерины Павловны заняла несколько часов, некоторые из привезенных ею книг были задержаны. Об этом сообщала газета «Одесские новости»[30]. Максим писал отцу: «Когда мы приехали в Одессу, то при высадке на нас было обращено “особое внимание” и все наши вещи пересматривались самым тщательным образом»[31].

А вот страницы из «Дневника наружного наблюдения» за Екатериной Павловной:

«Л. 55. 17518. ОХР<АННОЕ> ОТД<ЕЛЕНИЕ>. 12 сентября 1914.

Разбор шифрованной телеграммы из действующей армии от 12 сент<ября> 1914 г<ода> № 3046 на имя начальника Московского охранного отделения.

Сегодня поездом два *) выехала в Москву в сопровождении филеров Николаенко Ледника Екатерина Пешкова упоминаемая циркуляр 11 января сего года № 165512 примите филеров верните № 209 Полковник Шредель

*) Кличка наблюдения “Доска”. Поезд приходит в Москву в 10 час<ов> 5 мин<ут> утра (часы по московскому времени).

Л. 56. Сведение. Г<ород> Киев. 12 сент<ября>, 14 г<ода>.

Под наблюдением Одесских филеров прибыла “Пешкова” на ст<анцию> Киев I в 11 ч<асов> утра 12-го сентября 1914 г<ода> и тут же пересела на поезд № 2 скорый. При ней был ее сын и ручной багаж. В 11 ч<асов> 45 м<инут> утра под наблюдением Киевских филеров “Пешкова” и сын отбыли с г<орода> Киева и в 9 ч<асов> 45 м<инут> утра 13 сентября 1914 г<ода> прибыли в г<ород> Москву на Брянский вокзал. Были переданы московским филерам Веремчуку и Млееву. Киев<ские> филера Николаенко Ледник.

13 сентября 1914 г<ода>.

<...> В 10 час<ов> 15 мин<ут> утр<енним> поездом прибыла с “Грифелем” на Брянский вокзал с наблюдением Одесских филеров Николаенкова и Ледникова. По выходе с поезда ее встретила “Но-

[30] «Одесские новости», 12 сентября 1914 г., № 9470 /«Семья Максима Горького в Одессе» — газетная вырезка // ЛН. Т. 95. С. 922–923.

[31] АГ. Т. XIII. С. 140. Максим Пешков — Горькому. Из Москвы в Мустамяки, между 13 и 25 сентября [26 сентября и 8 октября] 1914 г.

вая” и два неизвестных студента. Послед<ние> имели на руках пов<язки> Красного Креста»[32].

Согласно «Дневнику наружного наблюдения», с вокзала в Машков переулок уехали вначале Максим со студентами, затем Екатерина Павловна с Еленой Константиновной, которая «пробыла 3 часа и ушла без наблюдения», вслед за ней Максим со студентами «ушли без наблюдения», «наблюдаемая» в этот день из дома не выходила.

Так Екатерина Павловна вернулась на родину.

В ВОЙНУ. ОБЩЕСТВО «ПОМОЩЬ ЖЕРТВАМ ВОЙНЫ». СЫН. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЭМИГРАЦИИ М. К. НИКОЛАЕВА. Октябрь 1914 г. — февраль 1917 г.

Отношение к начавшейся войне в среде российской демократической интеллигенции не было одинаковым.

Алексей Максимович выступал против войны. Екатерине Павловне он писал: «Как вспомнишь, что три года тому назад люди серьезно говорили о возможности планетарной культуры, о необходимости мирового разума, что была уверенность в прочности принципов, идеи, международной солидарности лучших представителей человечества. И — вот! Люди науки свирепеют так же, как простое пушечное мясо. Бессмысленно и бесстыдно разрушают исторические памятники. Такая дикая тоска охватывает иногда, что просто не знаешь, куда девать себя»[33]. Свое отношение к войне он выразил в цикле статей «Несвоевременное», которые были задержаны цензурой. К концу 1915 года ему удалось организовать литературно-политический ежемесячник «Летопись». Направление журнала как «пораженческое» вызвало неудовольствие не только у царского правительства, но и у большой части интеллигенции, настроенной «оборончески». (Не устраивало оно и большевиков — последний номер «Летописи» вышел в декабре 1917 года.)

В российской эмиграции возобладали патриотические чувства. А. В. Амфитеатров обратился к эмигрантам с призывом забыть все

---

[32] ГА РФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 5510.

[33] АГ. Т. XIII. С. 140. Максим Пешков — Горькому. Из Москвы в Мустамяки, между 13 и 25 сентября [26 сентября и 8 октября] 1914 г.

политические разногласия и единым фронтом выступить против Германии. Многие российские эмигранты-социалисты ушли волонтерами во французскую армию. Среди них были С. Н. Слетов — один из создателей и руководителей партии эсеров, член ее ЦК, вступивший в регулярный полк, и А. Ю. Фейт, вступивший в территориальный полк. Директор «Новой русской школы» И. И. Фидлер записался в санитары. Волонтером во французскую армию пошел и Зиновий Пешков. М. К. Николаев писал Екатерине Павловне, что у него сильное национальное чувство, что эту войну он воспринимает как национальную для России и Франции, что в этой войне Россия не должна и не может быть побежденной, что «нельзя отдать хоть пяди своей кровной земли»[34]; ему казалось, что атмосфера среди русских в Париже «гнусная», что многим «наплевать на Россию», что много «интернационалистических» разговоров, и ему «ближе Пуришкевич, который работает»[35]. Г. А. Лопатин, вернувшийся в Россию, тоже занял позицию «оборончества» и начал сотрудничать в шовинистической «Русской воле», а не в «пораженческой» «Летописи».

Екатерине Павловне была явно ближе позиция Алексея Максимовича. Свое же место она нашла в обществе «Помощь жертвам войны», образованном осенью 1914 года. Это была общественная организация, Екатерина Павловна в ней работала вначале как член правления и председатель «Комиссии помощи детям», а затем в 1915–1916 годах — в качестве уполномоченной «Отдела помощи беженцам городского и земского союзов», центр которого находился в Минске.

В 1915 году она вместе с адвокатом И. Н. Сахаровым (дедом академика А. Д. Сахарова) организовала отряд волонтеров по сбору беспризорных детей на фронте. В 1916 году такие отряды по инициативе Екатерины Павловны организовывал И. М. Касаткин — писатель-деревенщик, пользующийся покровительством Алексея Максимовича.

---

[34] АГ. ФЕП-кр 43–1–19. М. К. Николаев — Е. П. Пешковой. Из Парижа в Alassio, 28 августа 1914 г.

[35] Там же. 43–1–36. М. К. Николаев — Е. П. Пешковой. Из Парижа в Москву, 24 июня 1915 г.

Екатерина Павловна занималась спасением детей-сирот и беспризорных, и это дело объединяло ее с такими разными людьми, как И. Н. Сахаров и И. М. Касаткин.

Иван Николаевич САХАРОВ (1860–1918) был известен как адвокат и общественный деятель. По окончании университета он работал присяжным поверенным в Московском окружном суде и выступал в политических и сектантских процессах. Как общественный деятель, он занимался преимущественно вопросами культуры и просвещения (член Комитета Общества вспомоществования нуждающимся студентам Московского университета, член Московского общества грамотности, член Комиссии о введении в России всеобщего обучения, секретарь Комиссии по устройству сельских библиотек и др.). Он сотрудничал в газете «Русские ведомости» (как автор статей по юридическим вопросам), а в 1906 году выпустил сборник статей против смертной казни, выдержавший несколько изданий. Он был членом партии кадетов, выборщиком от партии кадетов во 2-ю Государственную думу и председателем комиссии по вопросам о свободе совести при ЦК партии кадетов. Принадлежал к масонам[36]. Умер он во время Гражданской войны (в декабре 1918 года) от тифа, которым заболел по пути из Москвы на юг.

Екатерина Павловна была знакома с И. Н. Сахаровым с нижегородских времен. Он был братом Надежды Николаевны Райковской, с которой Пешковы познакомились в 1896 году, приехав в Нижний Новгород из Самары. Н. Н. Райковская — педагог и общественный деятель — входила в так называемое «гнездо Короленко». Она принимала активное участие в организации и проведении «горьковских» елок для детей бедноты, на ее даче на Моховых горах находилась подпольная типография, в которой гектографировались журналы революционных кружков. Екатерина Павловна ее не забывала и в старости, приезжая в город Горький на научные конференции горьковедов, всегда навещала, а с И. Н. Сахаровым Пешковы вместе отдыхали в Ялте в далеком 1900 году.

---

[36] Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 732–733.

Иван Михайлович КАСАТКИН (1880–1938) — прозаик, бытописатель деревенской жизни. В первые годы советской власти работал в ВЧК. В 1938 году был арестован и расстрелян[37].

Он родился в очень бедной крестьянской семье, работал с 9 лет, в школе не учился, грамотой овладел сам. Одно время работал в слесарных мастерских Сормовского завода в Нижнем Новгороде. В 1901 году приехал в Петербург, поступил работать на Путиловский завод, познакомился со студентами, они ввели его в кружок самообразования. С этого же времени он начал заниматься революционной работой и в 1902 году вступил в члены РСДРП. В 1902–1904 годах, будучи на нелегальном положении, жил в разных городах, работал на пароходах и лесоповалах. Зимой 1904 года был арестован в Нижнем Новгороде в подпольной типографии на квартире Генриха Ягоды, у отца которого учился ювелирному делу. Был приговорен к тюремному заключению. В одиночной камере написал первые рассказы. В 1907 году послал несколько своих рассказов М. Горькому на Капри. Рассказы Горькому понравились, с Касаткиным он начал переписываться, помогал ему морально и материально. При содействии Горького рассказы Касаткина были напечатаны в сборниках «Знание», в журналах «Заветы», «Новый журнал для всех», «Просвещение».

В Советской России Касаткин занимал разнообразные ответственные должности, с ноября 1919 года работал в ВЧК. Он заведовал архивом УД ОО ВЧК (по протекции Г. Ягоды), работал по разборке трофейных белогвардейских архивов, был особоуполномоченным ОО ВЧК, проводил ревизии местных ЧК и ревтрибуналов в Кубано-Черноморской и Тверской областях, на Северном и Южном Кавказе, в Дагестане и Азербайджане, принимал участие в фильтрации белых офицеров и разгрузке тюрем и др. В 1921–1922 годах работал в центральном аппарате ВЧК — ГПУ, инспектировал репертуар московских академических театров, редактировал в Госиздате, был членом Центральной литкомиссии Наркомпроса. Позже редактировал журналы «Красная новь», «Колхозник», возглавлял Всероссийский союз писателей, избирался секретарем парторганизации Союза советских писателей. В 1928 году

[37] «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, издание 4-е. М.: Звенья, 2007. Сост. Международный Мемориал, 2007.

был принят в члены Общества старых большевиков (по рекомендации Г. Ягоды). В 1928–1929 годах опубликовал 2 тома собственных сочинений «Мужики» и «Вольная песня». С 1929 года персональный пенсионер. В 1938 году по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации был арестован и расстрелян[38].

Нам не известно, общалась ли Екатерина Павловна с И. М. Касаткиным в годы его работы в ВЧК, когда и от него в какой-то степени зависела судьба белых офицеров, помощь которым она оказывала, а в 1916 году И. М. Касаткин при содействии Алексея Максимовича издал первый сборник своих рассказов («Лесная быль») и по инициативе Екатерины Павловны занимался спасением беспризорных детей; во главе спецотрядов он выезжал на Западный фронт, где проявил себя энергичным и ответственным работником[39].

Средства на организацию отрядов по сбору детей и беженцев предоставляли городской и земский союзы. Для сбора денег в пользу беженцев и их детей устраивались литературно-музыкальные концерты, закрытые вечера в домах богатых людей, собирались пожертвования путем «кружечных сборов». В марте 1916 года объединенным «Отделом помощи беженцам городского и земского союзов» был организован в Москве «съезд по призрению детей беженцев». К осени 1916 года у общества «Помощь жертвам войны» функционировало 23 детских дома и детских колонии, о чем Екатерина Павловна с гордостью сообщила Алексею Максимовичу. Он отозвался, обращаясь к сыну: «Что касается до матери твоей, то она, конечно, сумасшедшая, это — тоже плод моего воспитания. Что она все хвастается тысячами детей своих? Точно — рыба»[40]. К этой работе Екатерины Павловны он относился несколько скептически: «Иезуитско-масонская организация, в которой ты играешь столь выдающуюся роль»[41].

---

[38] Источники: Архив ВЧК / Отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров. М.: Кучково поле, 2007. С. 679–680; «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, издание 4-е. М.: Звенья, 2007. Сост. Международный Мемориал, 2007.

[39] При участии Касаткина было организовано 18 приютов и 43 столовых.

[40] АГ. Т. IX. С. 189. Из Петрограда в Москву, 13 [26] сентября 1916 г.

[41] Там же. С. 171. Из Петрограда в Москву, 29 октября [11 ноября] 1915 г.

Алексею Максимовичу в его делах и начинаниях Екатерина Павловна продолжала помогать. Она продолжала вести его издательские дела в «Московском книгоиздательстве писателей» (1912–1923). В декабре 1914 года его выбрали членом книгоиздательства, и он оформил доверенность на Екатерину Павловну — теперь она имела право присутствовать вместо него на собраниях пайщиков, обсуждать все поставленные в программу этого собрания вопросы и принимать участие в голосовании.

В том же декабре 1914 года он сообщил Екатерине Павловне, что вместе с Андреевым и Сологубом затевает анкету по вопросу об антисемитизме: «Может быть, даже и более того затеем»[42]. «Затевали» они (принимали активное участие в организации) «Русское общество по изучению жизни евреев». Предполагалось, что деятельность такого общества поможет остановить антисемитизм, усилившийся во время войны, которому способствовали слухи о еврейском шпионаже и распоряжения правительства о выселении евреев из прифронтовой полосы. Анкета должна была выявить отношение русской интеллигенции к евреям. Распространялась она среди представителей науки, литературы и искусства, общественных деятелей. Алексей Максимович просил Екатерину Павловну помочь ему в сборе материала: «Друг мой, у тебя, вероятно, найдутся люди, которые возьмут на себя труд собрать материал по прилагаемому листу вопросов. Лист этот широко распространять не следует, будет лучше, если каждый желающий работать спишет вопросы в книжку и работает с нею. А у кого память достаточно крепка для того, чтобы удержать вопросы в порядке, тот пускай действует по памяти. Ты меня понимаешь»[43]. С данными, полученными в результате опроса, Алексей Максимович выступил 12 (25) декабря 1915 года на общем собрании «Русского общества для изучения еврейской жизни»[44].

---

[42] АГ. Т. IX. С. 164. Из Петрограда в Москву, 19 декабря 1914 г. [1 января 1915 г.]

[43] Там же. С. 170. Из Петрограда в Москву, 12 [25] октября 1915 г.

[44] Вопрос об организации лиги филосемитов — «Русского общества изучения жизни евреев» — был поднят в декабре 1914 г. (на собрании у М. М. Винавера). «Анкета об евреях (открытое письмо к публике трех русских писателей)» за подписью Л. Андреева, Ф. Сологуба и М. Горького была опубликована в газете «Биржевые ведомости», 1915, № 14648, 3 (16) февраля, утренний выпуск. Учредительное собрание членов общества

Просил он ее помочь и в распространении другой анкеты, нужной ему для антивоенного сборника «Дети и война». В этот сборник с его предисловием должны были войти рисунки, письма и сочинения детей на тему войны. «На днях я пришлю тебе опросные листки по анкете “Дети и война”. Ты мне помоги в этом!»[45] — просил он. Она помогла: распространяла опросные листки и полученные ответы отсылала ему. (По ряду причин сборник не был подготовлен к печати, а результатом проделанной работы явилась книга под названием «Интересные незнакомцы», изданная в 1919 году.)

Екатерина Павловна была занята целыми днями и «утопала в делах». М. К. Николаев перестал получать от нее письма и узнавал о ней «стороной». От их общих друзей (В. Кольберг, Скирмунта, Бартольдов и др.) он знал, что ее «жизнь проходит в обычной сутолке», что она «все мечется, ездит по делам беженцев в Минск», что в эти дела она «ушла с головой»[46]. «Почтенная масонка», «Деятельница крамольная», «<...> чтоб те беженцы сожрали», «Работай так же хорошо и много, как работаешь, — лучше этого ничего не выдумать»[47], «Знаю, что и тебе не сладко, не легко, весьма чувствую это. А все-таки будем делать наше дело, будем делать до конца дней, — так ведь?»[48] — так писал ей «<ее> отец и старинный приятель М. Горький, литератор, чудак поневоле, романтик»[49], «старый каторжник, прикованный к столу навеки и веки века, <...> цеховой малярного

состоялось 12 сентября 1915 г. На этом собрании Горький выступил с большим докладом. В конце 1915 г. вышел литературный сборник «Щит» под редакцией Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба со статьей М. Горького о еврейском вопросе. Предполагалось издать сборник «Евреи на Руси». Деятельность «Русского общества для изучения еврейской жизни» не была продолжительной и, несмотря на все усилия Горького, не дала тех результатов, к которым он стремился.

[45] АГ. Т. IX. С. 172. Из Петрограда в Москву, 6 [19] ноября 1915 г.

[46] См. АГ. ФЕП-кр 43–1–51. М. К. Николаев — Е. П. Пешковой, из Парижа в Москву, 24 июня 1915 г.

[47] АГ. Т. IX. С. 175. Из Петрограда в Москву, 25 ноября [8 декабря] 1915 г.

[48] Там же. С. 181. Из Петрограда в Москву, между 8 [21] и 13 [26] марта 1916 г.

[49] Там же. С. 173. Из Петрограда в Москву, 6 [19] ноября 1915 г.

цеха Его Превосходительство и кавалер, у которого нет ни одной дамы»[50].

Екатерина Павловна продолжала по-прежнему работать в нелегальном политическом Красном Кресте, и, кроме всех перечисленных дел, она была загружена различными просьбами своих многочисленных друзей и знакомых, предполагавших наличие у нее больших возможностей («связей»). Вот некоторые из этих просьб:

— В ноябре 1914 года О. Е. Колбасина-Чернова, жившая в Париже, прислала Екатерине Павловне письмо с просьбой помочь ее мужу с работой. В. М. Чернов в это время состоял военным корреспондентом в газете «День». В газете было три военкора (Чернов, Ропшин и Луначарский), но не было денег, чтобы им платить. Ольга Елисеевна и ее муж просили Екатерину Павловну «в том случае, если у нее есть связи», помочь ему перейти работать в одну из газет — в «Русские ведомости» (там был один военкор — Жеботинский) или в «Русское слово» (в которой не было военкора)[51].

— В мае 1915 года М. К. Николаев, живший в то время в Париже, попросил Екатерину Павловну организовать для библиотеки-читальни (это была единственная бесплатная читальня парижской русской колонии) бесплатную присылку российских газет и журналов («Русские ведомости», «Дело», «Биржевые ведомости», «Утро России», «Вестник Европы», «Современник», «Русская мысль» и др.) и просил ее похлопотать, чтобы «Московское книгоиздательство писателей» и издательства «Жизнь» и «Знание» присылали свои сборники. Он писал ей: «Авось, найдутся у тебя на этот счет связи», и «будет нехорошо, если <она> при <ее> знакомствах не сделает, что может»[52].

Просил он также Екатерину Павловну достать деньги для русских волонтеров. Он писал, что на присланные деньги она могла

---

[50] АГ. Т. IX. С. 171. Из Петрограда в Москву, 29 октября [11 ноября] 1915 г.

[51] См.: АГ. ФЕП-кр 64–11–3. О. Е. Чернова-Колбасина, В. М. Чернов — Е. П. Пешковой. Из Парижа в Москву, ноябрь 1914 г.

[52] Там же. ФЕП-кр 43–1–30. М. К. Николаев — Е. П. Пешковой. Из Парижа в Москву, 12 мая 1915 г.

бы получить официальную квитанцию от M-me Дюбуше[53], которая организовала в Париже «Комитет помощи русским волонтерам». К сожалению, M-me Дюбуше не сумела наладить работу Комитета, и поэтому Михаилу Константиновичу пришлось многое взять на себя: он сам доставал деньги частным порядком и путем личных связей («без всяких сборов»), а затем вместе с двумя-тремя помощниками два раза в месяц отправлял на фронт посылки (деньги, газеты, разную мелочь)[54].

В этом же письме (от 22 мая 1915 года) Михаил Константинович сообщил, что дня четыре тому назад M-me Дюбуше рассказала ему о том, что в Американский госпиталь привезли Зиновия Пешкова, которому ампутировали правую руку почти по плечо, и что если бы тотчас не сделали операцию, то могла быть гангрена, и что она (M-me Дюбуше) по просьбе Зиновия послала телеграмму Екатерине Павловне.

Екатерина Павловна телеграмму получила, и Алексей Максимович выслал Зиновию 200 рублей (о чем тоже телеграммой сообщил Екатерине Павловне).

— Алексей Максимович также обращался к Екатерине Павловне с просьбами, рассчитанными на ее «связи»: «Ю. А. Брежнев не отвечает на мои письма и не дает обещанных денег, дал только 20 т<ысяч>. Мало. Повлияй на него!»[55] С Ю. А. Брежневым (Мел-

---

[53] Дюбуше (урожденная Орлова) Людмила Васильевна была женой замечательного хирурга проф. Чарльза Дюбуше. Познакомились и поженились они во Франции, будучи студентами, а в 1897 г., закончив учебу, переехали в Одессу, откуда Людмила Васильевна была родом и по которой очень скучала. В Одессе Ч. Дюбуше организовал лечебницу, пользующуюся большой известностью. Во время революции 1905 г. он в своей лечебнице оказывал помощь революционерам, за что в 1908 г. был арестован и выслан как иностранец, преступивший закон Российской империи. Чарльз Дюбуше был самым близким другом А. Н. Баха. Их дочери, Лидия Бах и Елена Дюбуше, дружили. Николай Гумилев, находясь в Париже во время войны, увлекся Еленой Дюбуше и посвятил ей цикл стихов «К синей звезде». Елена Дюбуше стала журналисткой, в середине тридцатых годов она приезжала в Москву.

[54] АГ. ФЕП-кр 43–1–32. М. К. Николаев — Е. П. Пешковой. Из Парижа в Москву, 22 мая 1915 г.

[55] АГ. Т. IX. С. 179. Из Петрограда в Москву, 8 [21] февраля 1916 г.

лером)[56] — крупным промышленником, председателем акционерного общества «Дукс», производящего велосипеды, автомобили и самолеты, — Екатерина Павловна была знакома через его жену, занимавшуюся общественной деятельностью. Екатерина Павловна познакомила с ним Алексея Максимовича, которому Ю. А. Брежнев предоставил некоторую сумму на организацию издательства «Парус». Имела ли Екатерина Павловна такую степень влияния на Ю. А. Брежнева, которая требовалась Алексею Максимовичу, весьма сомнительно.

— И еще одна просьба-предложение. Она содержалась в записке А. Н. Фейт, вернувшейся из эмиграции. Анна Николаевна просила помочь женщинам, возвращавшимся вместе с детьми к себе домой в Пензенскую губернию из Варшавы, где они находились на заработках вместе с мужьями, и застрявшим в Москве, т. к. у них не было денег, чтобы ехать дальше. Анна Николаевна спрашивала Екатерину Павловну, можно ли что-нибудь сделать для этих «несчастных баб» через «Ваше Общество», и предлагала в том случае, если нельзя получить для них бесплатные билеты через Общество, собрать им денег на дорогу через знакомых[57].

Несмотря на то, что шла война и у охранного отделения было много работы, «наружное наблюдение» за Екатериной Павловной какое-то время продолжалось, хотя все менее интенсивно. Продолжалось оно и за Алексеем Максимовичем. В «Дневниках наружного наблюдения» за ним есть записи, фиксирующие его посещение Машкова переулка. Вот некоторые из них:

— «25 ноября <1914 года>. <...> В 3 ч<аса> дня вторично вышел “Миндаль” и на извозчике отправился в д<ом> № 1 по Машкову пер<еулку> в парадное, где проживает “Доска”, пробыл 3 ч<аса> 30 мин<ут>, т<о> е<сть> до 6 час<ов> 30 мин<ут> вечера, вышел и вернулся в гостиницу. В 9 час<ов> вечера в третий раз вышел “Миндаль” вместе с Ладыжниковым и в карете гостин<ицы> “Боярский двор” заехали в д<ом> № 1 по Машкову

[56] Меллер Юлий Александрович. С 1915 г. — Брежнев (во время войны с немцами он предпочел взять русскую фамилию своей жены).

[57] См.: АГ. ФЕП-кр 60–27–6. А. Н. Фейт — Е. П. Пешковой. Москва. Дата на записке не проставлена. Скорее всего, записка написана в конце 1916 — начале 1917 г.

пер<еулку>. “Миндаль” зашел на 5 мин<ут> в парадное, где проживает “Доска”, после чего отправились на Николаевский вокзал, откуда в 10 час<ов> 10 мин<ут> вечера (Московское время) с поездом № 6 Ростовским в международном вагоне выехали до Петрограда»[58].

— «Наблюдение за “Миндаль”. Установка: Пешков Алексей Максимович. М<осковское> О<хранное> О<тделение>.

Дн<евник> нар<ужного> наб<людения №> 226. 1915 <год>.

<...> 8 января <1915 года>. <...> в 11 ч<асов> 30 м<инут> утра вышел из гостин<ицы> и отправился в дом № 1 по Машкову пер<еулку> в парадное, где проживает “Доска”, пробыл 40 м<инут> и вернулся домой.

9 января <1915 года>. <...> В 4 часа 30 м<инут> вечера в третий раз вышел “Миндаль” и отправился в дом № 1 по Машкову пер<еулку>, пробыл 1 час и вернулся в гостиницу. В 12 ч<асов> 25 м<инут> ночи (Московское время) “Миндаль” и инженер Тихонов с женой уезжают в Петроград с Курского вокзала.

<...> 29 марта 1915 <года>. В 12 ч<асов> 25 м<инут> вышел с Ладыжниковым, проехали в Машков пер<еулок>, где прож<ивает> “Доска”, через 50 мин<ут> вышел Ладыжников. Выхода ”Миндаля” замечено не было. В 9 ч<асов> “Миндаль” и Ладыжников приехали на Николаевский вокзал и поездом № 6, Ростовский, в вагоне 1 кл<асса> выехали в Петроград»[59].

В 1915 году в «Дневнике наружного наблюдения» за Екатериной Павловной[60] имеется немного записей, но отмечено, что она выбывала в Нижний Новгород и собирается ехать в Лифляндию:

«<...> Л. 3. 31 мая 1915 <года>. Разбор шифрованной телеграммы из Н<ижнего> Н<овгорода> от 31 мая 1915 <года> за № 316701 на имя начальника Московского Охранного Отделения, подана в 1 ч<ас> 54 м<инуты>.

“Упоминаемая циркуляр 11 января 1914 года 165512 Пешкова вчера выбыла в Москву без наблюдения № 16055 Полковник Мазурин”.

---

[58] ГА РФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 5634. Л. 23.
[59] Там же. Д. 6153.
[60] Там же. Д. 6041.

Л. 4. В Московское Охран<ное> Отдел<ение> Полицейс<кого> Надзирателя 1 уч<астка> Басманной ч<асти> Сведения.

Пешкова Екатерина Павловна цеховая 37 л<ет> и сын Максим Алексеевич Пешков, проживающие в доме № 1 Грибова кв. 16 1 уч<астка Басманн>ой час<ти>, временно выбывали в Н<ижний> Новгород 25 мая 1915 <года> и вернулась одна 1 июня с/г. По сведениям оказывается, что Пешкова выезжает 2 июня с/г в Лифляндию. Полиц<ейский> Надз<иратель> (подпись неразборчива). 1 июня 1915 г<ода>».

Центральный департамент полиции завел на Екатерину Павловну карточку как на члена партии эсеров[61]: «Орган<изация> С. Р. № дела 18–913/914». (На А. М. Пешкова тоже была заведена карточка, причем карточка Екатерины Павловны была розового цвета, как на всех с.-р., а карточка Алексея Максимовича — голубого, как на с.-д.) Значилась Екатерина Павловна как «Урожденная Волькина[62]. Звание — жена Максима Горького нижегородского мещанина». «Революционную кличку» она не имела. (А. М. Пешков «революционную кличку» имел — «Максим Горький».) Записей («наблюдений агентов») в карточке было немного. Сообщалось, что «Она состоит в числе членов в обществе “Помощи жертвам войны” в Б. Козихинском пер<еулке>, <дом> № 75» (запись от 6 февраля 1915 года), что она «Бывшая председательница комиссии помощи детям в “Обществе помощи жертвам войны” (запись от 21 июня 1915 года) и еще несколько записей, менее информативных.

В департамент полиции сведения о ней поступали и в связи с другими подозрительными лицами, например, в связи с Г. А. Лопатиным: « <...> наблюдаемый Герман Александров Лопатин, кличка “Тамбовский”, 19 мая <1915 года> из Москвы выехал в Петроград. <...> За время пребывания в Москве Лопатин <...> посетил известную Департаменту полиции жену писателя Екатерину Павловну ПЕШКОВУ, живущую в д<оме> № 1 Грибова, кв. 16, по Машкову переулку»[63].

---

[61] ГА РФ. Картотека фонда Центрального департамента полиции.

[62] Ошибка записи. Надо — Волжина.

[63] Агентурное сообщение от 29 мая 1915 г./ ГАРФ. Ф. 102. Д. 196. Л. 102.

Одной из главных забот Екатерины Павловны по-прежнему оставался сын.

Максим, живший с 9 до 16 лет вне России, не был русским патриотом.

«Дорогой папа, вчера мы вернулись в Москву. Я сейчас слышал от мамы, что ты приедешь к нам. Я даже не верю, что так скоро увижу тебя. Сколько интересного я видел за это время, живя в Италии. Да и наше путешествие было страшно интересно. Мы с Бурениным[64] осматривали Константинополь (где население относилось к нам самым добродушным образом), были в храме св. Софии, на базаре и т<ак> д<алее>. <...> Мне очень не нравится русское отношение к войне. <...> В Одессе в отелях и ресторанах висят надписи: “Просят не разговаривать по-немецки”. Как это глупо. Но обо всем этом я расскажу тебе, когда мы увидимся. Вообще я видел за последнее время в Италии и в России много интересного. Я даже жалею, что вернулся сюда. Когда мы увидимся, я много расскажу тебе о заграница и тамошнем отношении к войне»[65], — писал он отцу сразу по приезде в Москву.

Алексей Максимович был рад такому отношению сына к войне: «Обрадовал ты меня своим письмом, сердечный мой друг, очень приятно знать, что ты относишься к происходящему так разумно и человечно! И не в шутку говорю, я тебя горячо люблю и уважаю, да, уважаю за то, что у тебя есть свое ко всему отношение и что ты умеешь не поступаться им. С этим свойством тебе нелегко будет жить, милый ты мой, но зато ты проживешь честным человеком»[66]. «Как мне приятно, что Максима не п<р>остреляло московским патриотизмом и он рассуждает здраво, хоть взрослому в пору. Очень я боялся обратного, но — видимо, сказалась культура Италии, заграничная жизнь. Не трудно ему сейчас в школе? Там, вероятно, кипят военные страсти и всякая муть?»[67]

---

[64] Буренин Николай Евгеньевич.

[65] АГ. Т. XIII. С. 140. Максим Пешков — Горькому. Из Москвы в Мустамяки, между 13 и 25 сентября [26 сентября и 8 октября] 1914 г.

[66] АГ. Т. XIII. С. 142. Горький — Максиму Пешкову. Из Мустамяк в Москву, 26 сентября [9 октября] 1914 г.

[67] АГ. Т. IX. С. 162. Из Мустамяк в Москву, 26 сентября [9 октября] 1914 г.

К очередному письму сыну Алексей Максимович приложил две вырезки из русских газет[68]. В одной из них, озаглавленной «Семья Максима Горького в Одессе», говорилось: «Между прочим, г<осподин> Пешков-сын считает сообщение, проникшее в иностранную печать, о решении Горького отправиться санитаром на войну — неправдоподобным». Вторая заметка содержала следующую информацию: «Ниццкий корреспондент миланской газеты “Secolo” сообщает, что сын Максима Горького ушел добровольцем во французскую армию, поступил в полк, стоящий в Ницце, и просил послать его на передовые позиции». В заметке шла речь о Зиновии, но Алексей Максимович решил, что о Максиме: «Вот тебе — новость, воин! Я — санитаром, ты — солдатом, теперь следует бабушку назначить в артиллерию, мать — авиаторшей и все будет в порядке!»[69]

Позже, уже в декабре 1914 года, в газете «Биржевые ведомости» (1914, № 14548, 11/24 декабря) появилось опровержение: «Сын Горького, ученик VI класса реального училища Фидлера в Москве, живет со своей матерью в Москве и не собирается ни на какие передовые позиции»[70].

Максим не собирался ни на передовые позиции, ни вообще в армию. Воевать он не хотел. Ни патриотическая идея, ни романтика войны его не трогали. В своем дневнике он писал: «<18 ноября 1914 года>. Приехал папа. Как неожиданно и как вовремя. Как приятно, что он смотрит так же, как и я, на войну и что видит русское самохвальство. Как интересно рассказывает про раненых. Рассказывает о “молодежи” в Петербурге. Если собрать немного фактов, то получается недурная панорама»[71].

Занимался Максим неохотно («Снова ученье, черт бы его побрал»[72]), учился неважно, в жизнь училища не вписался и новых товарищей не приобрел. Занятиям он предпочитал посещение цирка. (На жалобы Екатерины Павловны Алексей Максимович отве-

---

[68] Названия газет не установлены.

[69] АГ. Т. XIII. С. 144. Горький — Максиму Пешкову. Из Мустамяк в Москву, 29 сентября [12 октября] 1914 г.

[70] ЛН. Т. 95. С. 922–923.

[71] АГ. Т. XIII. С. 142–143. Горький — Максиму Пешкову. Из Мустамяк в Москву, 26 сентября [9 октября] 1914 г.

[72] Из дневника Максима за 1915 г. (АГ. Т. XIII. С. 225).

чал: «Путь ходит и да опротивеет ему это до тошноты»[73]). Максим пробовал писать и рисовать, но своими опытами с родителями не делился[74].

В апреле 1915 года Максим сумел хорошо сдать выпускные экзамены и получил аттестат об «окончании полного курса по основному отделению». Было решено (наверное, его родителями) оставить Максима в училище, чтобы он мог пройти дополнительный седьмой класс, дававший право поступления в университет.

Лето 1915 года Екатерина Павловна с Максимом провели в Карисальми (Финляндия) на даче Бартольдов, у которых собралось много старых друзей, включая Костю Блеклова. Екатерина Павловна с мальчиками и другом семьи присяжным поверенным Е. А. Гонтаревым[75] совершили поездку на остров Валаам. Максим при участии Кости описал это путешествие и иллюстрировал его[76].

---

[73] АГ. Т. IX. С. 166. Из Петрограда в Москву, 14 [27] февраля 1915 г.

[74] О Максиме этих лет сохранились воспоминания преподавателя литературы и русского языка П. С. Назарова-Бельского: «Знал я Максима Алексеевича очень близко несколько лет; меня познакомили с ним в период его школьной учебы. Тогда уже, будучи учеником шестого класса реального училища, Максим Алексеевич писал небольшие сатирические рассказы. О них он никому, даже родителям, не говорил. Он читал их мне. Я, как преподаватель русского языка и литературы, был “поверенным” в его творческих делах. <...> Рассказы Макса были очень ярки, образны. <...> Талантливость Макса обнаружилась не только в литературе, но и в изобразительном искусстве. Макс показывал мне целые груды рисунков, направление которых было тоже сатирическое; сатира в них переходила иногда в шарж, карикатуру. Скромность и застенчивость настолько были сильны у Максима Алексеевича, что он все хорошее, все доброе стремился делать тайно: он боялся, буквально — боялся — похвал, наград за свое доброе; ужасно не любил, морщился, если его кто-либо благодарил» (АГ. Т. XIII. С. 225).

[75] Гонтарев Ефим Алексеевич — московский присяжный поверенный. Был знаком с Пешковыми по Нижнему Новгороду. В 1901 г., будучи студентом юридического факультета Московского университета, был выслан в Ялту. С 1910 г. жил в Москве. Один из членов-учредителей Московского политического Красного Креста. (На его московский адрес в 1913–1914 гг. писал письма М. К. Николаев для Екатерины Павловны.)

[76] Этот альбом сохранился в личном архиве Екатерины Павловны (АГ. Т. IX. С. 362).

Осенью 1915 года Максим продолжил учебу в реальном училище, но она его мало интересовала. Интересовать его стали общественные вопросы, и он начал заниматься в общеобразовательном кружке Кирика Левина[77]. Между тем слухи о призыве в армию учащихся старших классов становились все более упорными, и часть молодежи пошла в военную школу, чтобы не попасть на фронт рядовыми солдатами. Екатерина Павловна очень волновалась за легкомысленного сына («Эмоциональный и беспомощный, т<а>к беспечно, не думая о завтрашнем дне, ко всему относится»[78]). Она сама уже не имела влияния на сына и просила Алексея Максимовича, поглощенного своими делами, поговорить с ним, помочь ему в выборе дальнейшего пути. Алексей Максимович размышлял: «<...> мы свою песню допеваем, и довольно недурно. А вот эти, которые идут на смену нам, — за них страшно. Суровые дни встретят нашего сына, суровые годы. Я много думаю об этом, и когда встает предо мною вопрос о М<аксиме> — а это бывает чаще, чем ты можешь думать, — я спрашиваю себя: Хорошо, — тебе нравится путь, которым ты шел, идешь, ты крепко веришь в свою правду, — хорошо, но — жизнь текуча, непрерывно изменяются люди, а с ними и правда. Смотри, — годится ли твоя для сына? <...> Не очень верю я в себя, в свое умение жить. Я хороший работник, но — учитель? Я думаю, что я очень плохой учитель. И отсюда у меня является некое смущение перед Максимом. Есть и еще что-то, что ставит меня перед ним в позицию почтительную. Это я говорю не шутя, — у меня действительно есть почтение к нему, чувство, которое я и ко взрослым редко питаю, очень редко. М<аксим> — юноша, заслуживающий уважения, — смешно звучит? Но — верно. Ты, вероятно, не совсем поймешь меня, но поймешь со временем.

---

[77] Левин Кирик Никитич (1876–1922) — педагог и публицист. Окончил учительскую семинарию, работал учителем в деревне, затем в Петербурге, Твери и Москве. Участник революционного движения (меньшевик). В 1918–1920 гг. служил в Наркомпросе РСФСР, позднее не работал из-за тяжелого психического заболевания, окончил дни в сумасшедшем доме. Заседания кружка происходили на квартире фабриканта А. И. Коновалова, с сыном которого в качестве репетитора занимался К. Левин, и квартира была вне подозрений полиции.

[78] АГ. ФЕП-рл 8–15–63. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Севастополь — Минск, 6 августа 1917 г.

Я думаю, что женщина, которая полюбит М<аксима>, будет весьма счастлива.

Из всего сказанного выше ты можешь сделать только одно заключение: о многом я стесняюсь говорить с сыном. Откровенность взрослого — почти всегда нездорова, а когда взрослый — я, так это такая путаница — избави бог!»[79]

Но все-таки с сыном Алексей Максимович поговорил и с К. Левиным тоже. К. Левин показался ему человеком неглупым и достаточно осторожным, а встречей с Максимом он остался доволен: «Я очень доволен, что видел М<аксима>. <...> Славный он парнюга. Просил дать список книг, который я и прилагаю. Но когда он будет читать? В общем, я очень, очень рад, что видел его, и сердечное тебе спасибо, дружище. По вопросу о призыве я буду действовать известным образом. <...> Найди книжки, указанные мною, и давай читать в порядке номерном, т<о> е<сть> 1, 2, 3 и т. д.[80] Остальное сделает Кирик. Я рад, конечно, что у М<аксима> проснулся интерес к вопросам общественным, но — только бы не случилось какой-нибудь ерунды, которая может помешать ему кончить училище! Последи за этим!»[81]

Вопрос призыва в армию продолжал волновать родителей Максима: «А сына-то у нас хотят забрать на бойню! Сообщи, какие меры думаешь предпринять? Я, со своей стороны, тоже буду стараться»[82]. «Многоуважаемая деятельница — вы живы? <...> Очень прошу — не волнуйся! Если не удастся совсем освободить М<аксима>, то устроим его в военно-техническую школу, где курс 8 месяцев, а не 2, как в школах прапорщиков. Но я думаю, что можно избежать этого. Дело идет к миру»[83]. «О М<аксиме> не беспокойся, нет никаких сомнений, что с ним дело устроится. Ка-

---

[79] АГ. Т. IX. С. 172. Из Петрограда в Москву, 6 [19] ноября 1915 г.

[80] Вот книги, которые Алексей Максимович советовал прочесть Максиму: 1. Липперт. История культуры. 2. Дрепер. История умствен<ного> развития Европы. 3. Каутский. Из истории общественных движений. 4. Манифест Коммунист<ической> партии. 5. Бабель. Женщина и социализм.

[81] АГ. Т. IX. С. 174. Из Петрограда в Москву, 18 ноября [1 декабря] 1915 г.

[82] АГ. Т. IX. С. 175. Из Петрограда в Москву, 25 ноября [8 декабря] 1915 г.

[83] Там же. С. 176. Из Петрограда в Москву, 30 ноября [13 декабря] 1915 г.

кой срок для заявления об отсрочке?»[84] «Дело» не шло «к миру», а Максим начал проходить допризывную подготовку: «А ты начал шагать? Эх, друг мой дорогой, — представляю, как это плохо действует на тебя. Милый, единственный мой близкий человек, послушай меня, подумай — никогда, никого за всю мою жизнь не учил я терпеть, напротив — всю жизнь кричал, внушал людям: сопротивляйтесь, не терпите! И вот мне приходится говорить сыну моему, человеку, которого я люблю и научился уважать, — потерпи! Если б ты знал, как трудно это для меня — тебе говорить, тебе — потерпи! Но — что же я могу сказать? Я думаю о тебе со страхом, я понимаю, как трудно тебе, дорогой мой, я боюсь, что не стерпишь ты и каким-нибудь неосторожным поступком испортишь жизнь свою. А в твоей жизни, я знаю, будет много хорошего, я знаю! И мне так хочется, чтобы ты испытал все хорошее, пережил великолепные дни. Дорогой мой — береги себя, я тебя прошу об этом, береги!»[85]

В седьмом классе Максим был оставлен на второй год. Он много болел, и летом Екатерина Павловна поехала с ним отдохнуть (поправить его здоровье) в Крым в Евпаторию[86], где была дача у Янины[87]. Кроме того, они некоторое время жили в Форосе

---

[84] АГ. Т. IX. С. 177. Из Петрограда в Москву, 16 [29] декабря 1915 г.

[85] АГ. Т. XIII. С. 154. Горький — Максиму Пешкову. Из Петрограда в Москву, 8 [21] февраля 1916 г.

[86] Н. А. Пешкова в своих воспоминаниях о Максиме приводит рассказ о нем, услышанный от ее гимназической подруги Вари, которая «познакомилась с ним в Евпатории, где он отдыхал со своей матерью Екатериной Павловной Пешковой. <...> Варя <...> с увлечением стала мне рассказывать, какой он смелый, интересный, остроумный, прекрасный спортсмен, как великолепно плавает, как хорошо играет в теннис, виртуозно ездит на велосипеде и даже водит машину. Она говорила мне, что в Евпатории у него была лодка с черным парусом, на голову он надевал красную повязку, на шею бусы из камней и ракушек и изображал корсара. По словам Вари, в таком костюме, темно-коричневый от загара, ловкий, стройный, плечистый, он был очень хорош. Он много и очень интересно рассказывал о своей жизни за границей, о школе Фидлера, о поездках с товарищами по окрестностям Парижа, о жизни на Капри, о своих приключениях» (Пешкова Н. А. О Максиме Пешкове // АГ. Т. XIII. С. 226).

[87] Янина Берсон-Зборовская к этому времени тоже вернулась в Россию и жила в Петрограде (Фонтанка, 24).

(Южный берег Крыма) в имении крупного финансиста Г. К. Ушкова — родственника жены Шаляпина. В Форос они поехали повидаться с Алексеем Максимовичем, который там в это время отдыхал (но при этом и работал — вместе с Шаляпиным он готовил к печати книгу его воспоминаний): «Дети мои! Я — стар, дряхл, это во-первых. Во-вторых — работенка здесь затянулась и затянется числа до 25-го. Ехать после этого в Евпаторию — значит, потерять еще дней 10. <...> Сии эгоистические соображения понуждают меня просить вас, многоуважаемые родственники, приехать сюда на предмет приятного свидания со мною. Ваши опасения, деятельница, не должны иметь значения за давностью лет, протекших со времени совершения вами кровавых и ужасных преступлений. Брось это, садись в автомобиль и поезжай. <...> Многоуважаемый и сердечно почитаемый сын мой, — жду тебя с матерью и с нетерпением. Здесь имеются: теннис, удав, кегли, пруды с рыбой и лебедями, которых не едят почему-то. <...> Есть купальня. Лодка. Шаляпин. <...> Хозяйка-венгерка, а хозяин — миллионер. И кроме всего этого, я подарю тебе, черту, белые ботинки с желтыми каблуками. Что ты все хвораешь? <...> Не бери, пожалуйста, примера с отца, который есть предмет, не заслуживающий подражания. Будь здоров, черт тебя возьми»[88].

В сентябре 1916 года Максим снова начал ходить в училище, ему по-прежнему не давалась математика, по-прежнему были сложные отношения с учителем закона божьего, но главное, учиться ему было скучно. Интересно ему было другое — мечтал он стать летчиком. Он записался в члены «Московского общества воздухоплавания», начал посещать Ходынский аэродром, где располагалась военная школа летчиков и испытывались прибывшие из-за границы самолеты. Екатерина Павловна переживала, Алексей Максимович возмущался и снова попытался воспитывать сына: «Максим хочет летать? Приятно! Если ему себя не жалко, — хоть бы мух постыдился! Не говорю уже о родителях, которые при современной дороговизне ни гроша не стоят!»[89] «А ты, Максим, дикая зверюга, учись, однако! Ходи в училищу и уважай учителев.

[88] АГ. Т. IX. С. 187–188. Из Фороса в Евпаторию, 28 июня [11 июля] 1916 г.
[89] Там же. Из Петрограда в Москву, 12 [25] сентября 1916 г.

Грамота — необходима для успеха в жизни. <...> А также и закон божий надобно изучать. Ты видишь, окаянный, все вокруг тебя живут по закону божию, а ежели они — жулики, так это просто по привычке. Да. Вот как я пробрал тебя, лентяй и бездельник, даже самому приятно. Я, вообще, прекрасный воспитатель и отец также. Ты это — цени»[90].

Максим начал учить английский язык и хотел заняться переводами с французского и итальянского. Екатерина Павловна настаивала, чтобы он продолжал занятия в училище. Алексей Максимович, которого Максим просил прислать для переводов рассказы, писал ему: «Рассказов итальян<ских> и франц<узских> сейчас у меня нет под рукою, найду и вышлю. Но думаю, что тебе нужно кончать училище, а не переводами заниматься, анафема! <...> Привет маленькой мамашке, заслуживающей большого уважения и сердечной любви. Очень хороший человек, поверь мне! В людях, вине и японских вещах я знаю толк»[91].

В декабре 1916 года Максим уже совсем решил бросить училище и поступить работать на авиационный завод «Дукс», но… на рождественские каникулы он съездил в Финляндию к своим друзьям Бартольдам, по дороге заехал в Петроград, где пообщался с отцом, и остался продолжать учебу в училище. Он подчинился воле своих родителей, тем более что быть отправленным на фронт не хотел.

Осенью 1916 года в личной жизни Екатерины Павловны произошло важное изменение — из эмиграции вернулся М. К. Николаев. Возвращаться в Россию он собирался с первых дней войны. Он писал Екатерине Павловне, что всегда был русским патриотом, а сейчас — особенно, что он хочет пойти воевать, хотя не знает, сможет ли убивать, и что воинскую повинность он хочет отбывать не во Франции, а в России. После объявления войны он явился в русское консульство в Париже с целью вступить в русское ополчение, но тогда его группа войск еще не подлежала призыву. Друзья не советовали ему возвращаться до тех пор, пока не будет известна статья, по которой он был осужден за революционную дея-

[90] АГ. Т. IX. С. 189. Из Петрограда в Москву, 13 [26] сентября 1916 г.
[91] Там же.

тельность, и он просил Екатерину Павловну узнать в департаменте полиции через какого-либо питерского адвоката, нет ли препятствий к его возвращению на родину для отбытия воинской службы. Но, когда в августе 1916 года в русских газетах было опубликовано сообщение, что мобилизуются ратники ополчения 2-го разряда (к которым он был причислен в 1903 году), он решил вернуться, несмотря на то что со статьей, по которой он был осужден, все еще было не ясно и друзья его отговаривали.

Вернулся он не один, а вместе с Александрой Виссарионовной Картвелишвили — членом партии эсеров и его законной женой. Они сочетались браком в эмиграции, были вместе 3 года и расстались из-за Екатерины Павловны. В Москве Александра Виссарионовна жила у А. Н. Фейт, которая вместе с сыновьями тоже вернулась из эмиграции (А. Ю. Фейт еще оставался в Париже). Екатерина Павловна чувствовала себя виноватой, и ситуация для нее была мучительной.

М. К. Николаев по возвращении в Россию был отправлен в ссылку в Сибирь (в Тюмень), освободила его Февральская революция. В начале марта 1917 года он приехал в Петроград, получил назначение на Западный фронт во Всероссийский земский союз и уехал в Минск.

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ. «ОБЩЕСТВО ПОМОЩИ ОСВОБОЖДЕННЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ». Февраль — октябрь 1917 г.

27 февраля 1917 года Алексей Максимович писал Екатерине Павловне:

«Пока — все идет сносно. Восстали и перешли на сторону оппозиции гвардейские полки. <...> Арсенал занят, из Крестов освобождены политические. <...> Солдаты братаются с публикой, в общем настроение растет. Но — трудно понять, чем кончится все это. Береги сына»[92].

[92] АГ. Т. IX. С. 193–194. Из Петрограда в Москву, 27 или 28 февраля [12 или 13 марта] 1917 г.

Из отчета В. Н. Фигнер[93] о работе Петроградского «Общества помощи политическим освобожденным»:

«27 февраля народные массы открыли двери Петроградских тюрем и освободили заключенных из Крестов, Дома Предварительного Заключения и Петропавловской крепости. Заключенные вышли, не имея ни денег, ни приюта для себя, ни одежды. <...> Группы, до тех пор подпольно занимавшиеся помощью ссыльным и заключенным, были тотчас оповещены <...> о необходимости собраться, чтобы сообща решить вопрос о предстоящей деятельности. 28 февраля собрание состоялось.

<...> хорошим дополнением дела для нашего Об<щест>ва является московская организация, составившаяся идейно подобно нашей из слившихся в одно целое различных групп помощи ссыльным и заключенным, действовавших в Москве при старом режиме. Эта московская организация образовала «Бюро помощи освобожденным политическим» и работала, начиная с 1 марта. <...> Из бесед с делегатом Бюро Екатериной Павловной Пешковой, приезжавшей в Петроград со специальной целью сговора с нашим Комитетом, выяснилось, что план деятельности, форма и норма помощи, организация комиссий у нас совершенно одни и те же и обе организации могут и будут действовать в согласии друг с другом»[94].

Из статьи Г. Филатьева[95] «Первая помощь амнистированным в Москве»:

---

[93] В. Н. Фигнер была председателем Петроградского Комитета «Общества помощи освобожденным политическим».

[94] ГА РФ. Ф. Р-3349. Оп. 1. Д. 1.

[95] Филатьев Георгий Викторович (1868 — после 1945) — адвокат. До революции присяжный поверенный, присяжный стряпчий, директор правления тюремного комитета. После Февральской революции член исполнительного комитета общественных организаций, с 17 по 25 октября 1917 г. — тов. министра юстиции во Временном правительстве. Один из организаторов «Бюро помощи освобожденным политическим». Один из учредителей Московского политического Красного Креста, член его юридической комиссии и комитета. В 1919 г. вошел в «Национальный центр». Арестован в 1920 г. по делу «Тактического центра» и в августе 1920 г. приговорен к тюремному заключению до конца Гражданской войны. Освобожден по амнистии 7 мая 1921 г. В 1930 г. арестован как член Коллегии защитников, освобожден через 4 месяца. Дальнейшая судьба неизвестна.

«Вечером 1-го марта в Думе было получено известие, что по требованию народа освобождены политические из Бутырской тюрьмы. Известие было кратким и неопределенным. Не было сведений, сколько в Бутырской тюрьме содержалось политических, кто именно освобожден, куда освобожденные направились. Пока делались попытки получить более точные сведения, освобожденные — в сопровождении освободителей — прибыли в Думу. Их было более 300 человек. Здание Думы было переполнено, казалось, до отказа. <...> к приему освобожденных ни одна из организаций, принявших на себя власть в Москве, не была подготовлена. <...> Новая власть не только не была налажена, но еще и не представлялась прочной. Еще шла борьба.<...> Надлежало поручить кому-либо организацию приема и помощи освобожденным. <...> Каторжане прибыли в той одежде, в которой находились в тюрьме. Большинство освобожденных не имело в Москве ни квартир, ни близких, ни средств. Для организации всего этого необходимо было привлечь людей. Совершенно естественно было обратиться к работникам нелегального Красного Креста. <...>

Вечером 1-го марта наиболее активные из членов этой организации кружка помощи каторжанам прибыли в зал Городской Думы: Е. П. Пешкова, В. Н. Перес, А. И. Перес, М. Б. Гиссен, Е. М. Гедеоновская; имея на руках 4.500 руб<лей> наличных денег своей организации, они начали немедленно работу как по оказанию помощи освобожденным, так и организационную. Глубокой ночью было созвано 1-е организационное собрание старых работников, а на следующий день 2 марта на созванном собрании сконструировался уже штат активных работников около 30 человек.

<...> Бюро из своей среды избрало Исполнительную Комиссию в следующем составе: председателя Е. П. Пешковой, товарищей председателя: А. И. Переса и В. М. Броннера, членов: … <всего 12 человек>.

<...> Число амнистированных быстро росло. Помимо освобожденных из московских тюрем, стали приезжать в Москву политические освобожденные из тюрем других городов, а также ссыльные. Для скорейшего и лучшего доставления ссыльных в Москву, “Бюро” при содействии Всеросс<ийского> Земск<ого> Союза организовало в апреле отправку за ними 2 санитарных прекрасно оборудованных поездов. Совет Солдатских Депутатов назначил

почетный караул в 33 чел<овека> для сопровождения поезда, а ученики Строгановского училища прекрасно разукрасили этот поезд изнутри и с внешней стороны. Поезд сопровождал литератор Шмелев, который в “Русск<их> Ведом<остях>”описал тот энтузиазм и радушие, с которым население по пути встречало этот поезд с освобожденными. Забота об их размещении, естественно, легла на Московское Бюро» [96].

Первый поезд с освобожденными политическими прибыл 10 апреля. Об этом дне Екатерина Павловна рассказала в письме М. К. Николаеву. Для нее день начался с телефонного звонка, который раздался рано утром (не было и 7 часов). Звонили с Ярославского вокзала с сообщением о том, что через час прибудет сибирский поезд с освобожденными политическими. Ей пришлось звонить и будить людей, которых ее ранний звонок сердил. Потом она помчалась на вокзал, где уже собралось несколько сотрудников Бюро. Представители учреждений, которые должны были встречать поезд, отсутствовали, т. к. автомобили и трамваи запаздывали. Затем была волнующая встреча. На перроне стояли рабочие из железнодорожных мастерских с огромными красными флагами, было много детей. Приветствовали приехавших в зале 1-го класса, потом встречающие и приехавшие собрались в столовой, где их угощали чаем и бутербродами. Со стороны встречавших были представители санитарной комиссии и Земского союза, от Бюро — она и еще несколько сотрудников, со стороны приехавших — старосты всех вагонов и персонал поезда. Слезы, рассказы о переезде по новой России, о встречах. Около часа дня попали в Бюро. Отправили прибывших в подготовленные заранее места их размещения, рабочие вернулись в мастерские, а Екатерина Павловна, которая работала не только в Бюро «помощи освобожденным политическим», поехала вначале на съезд (о нем ниже), затем в Совет рабочих депутатов, где была назначена художественно-просветительская комиссия. В Совете собрались представители театров, музейных об-

[96] Филатьев Г. Первая помощь амнистированным в Москве // Девятый вал. К десятилетию со дня освобождения из царской каторги и ссылки. 1917–1927. Москва: Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1927. С. 168–170.

ществ, обществ художественных, хоровых и т. д. Все приглашенные «волнующе» говорили о своей готовности служить народу, о демократизации искусства («не в смысле вульгарности»), «о роли искусства в развитии народа, его лучших черт». Ничего подобного она не ожидала, и теперь ей казалось, что «из небольшого дела» (художественно-просветительской комиссии) «вырастает огромное культурное дело». Выступавшие говорили о солидарности стремлений, о разных путях и средствах их достижения, при этом во всем собрании царило такое единство, что это «волновало необычно и как-то душа раскрывалась навстречу тому, что говорилось, и казалось, какое счастье, что есть столько хороших чувств в людях, что столько есть связующего людей. <...> Все-таки какое огромное счастье, что на нашу жизнь выпала такая полоса жизни человечества. Ведь с ума сойти можно от переживаний, которые несет жизнь теперь»[97].

Возглавляя «Помощь освобожденным политическим», Екатерина Павловна стала членом Комитета московских общественных организаций, который после Февральской революции осуществлял всю организационную и исполнительную власть в Москве[98]. Она вошла в Бюро по организации съезда организаций, образованных различными союзами. Съезд проходил в начале апреля, ее секция была детская. 10 апреля в ее отсутствие (когда она занималась

---

[97] АГ. ФЕП-рл 8–15–22. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, 10 апреля 1917 г.

[98] После Февральской революции до проведения демократических выборов в органы местного самоуправления вся организационная и исполнительная власть в Москве перешла в руки Комитета московских общественных организаций. Решение о создании Комитета было принято 27 февраля 1917 г., учредительное собрание состоялось 1 марта. Руководящим органом Комитета было общее собрание его членов (их численность колебалась от 165 до 339 человек). Исполнительным органом Комитета был исполком из 15 выборных членов во главе с председателем его президиума (Н. М. Кишкиным). В Комитете общественных организаций насчитывалось около 20 комиссий и отдельных комитетов. В их числе была комиссия по помощи освобожденным политическим. Московский комитет общественных организаций был формально распущен 11 июля 1917 г., когда он передал свои полномочия легитимно избранной Московской городской думе, однако фактически его деятельность продолжалась до ноября 1917 г.

освобожденными политическими) ее выбрали в Делегацию, которая должна была поддержать резолюции съезда перед Временным правительством. Она не отказалась от участия в Делегации, так как в резолюции шла речь и о детях, и 12 апреля выехала в Петроград. В Петрограде она встречалась с главой Временного правительства Г. Е. Львовым, посетила В. Н. Фигнер в «Обществе помощи освобожденным политическим» и эсеровский комитет. Алексей Максимович пригласил ее на вечер, на котором он читал свои сказки. Закончив чтение, он уехал на другое собрание, а она осталась и слушала выступление Милюкова, присутствовавшего при чтении сказок, а затем Керенского, приехавшего позже: «Какой единодушный восторг вызвало его появление. Такие хорошие, добрые и радостные стали у всех лица. Он изумительно умно, четко бросая слова, приветствовал Всероссийский Союз музыкантов — устроителей вечера, как людей, которые вносят красоту и гармонию в жизнь, как людей, которые украшают жизнь и вносят радость в жизнь трудящихся и помогают их отдыху. Чудесно говорил. И такая радость и счастье его слушать и сознавать, что такое счастье, что в наши дни есть такой человек. Бесконечные овации были ему ответом, и единодушие публики бесконечно волновало, и такая большая радость, глядя на Керенского, скажу больше, такой восторг был в душе»[99].

По приезде из Петрограда она помчалась в Бюро, оттуда в Совет рабочих депутатов на собрание, снова в Бюро, затем на собрание родительского комитета в реальное училище Максима.

Екатерина Павловна была загружена общественной работой, ей всегда надо было куда-то бежать. По ее письмам к М. К. Николаеву мы можем представить, как проходили ее дни. Например:

— 23 апреля. Бюро, выставка и аукцион картин[100] в пользу политических, затем Совет рабочих депутатов, где художественно-просветительская комиссия тянулась почти 6 часов.

---

[99] АГ. ФЕП-рл 8–15–25. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Петрограда в Минск, 14 апреля 1917 г.

[100] В газете «Русское слово» (№ 88, пятница, 21 апреля 1917 г.) было помещено объявление: «В пользу политических освобожденных АУКЦИОН КАРТИН Совета художеств. организ. г. Москвы СОСТОИТСЯ В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 23-го апр., с 11 ч. утра. Осмотр — 21–22 апр., с 11–5 ч. д. Воздвиж., Шереметьевск. п., 2. БЮРО ПОМОЩИ ПОЛИТИЧЕСКИМ».

— 24 апреля. Бюро, аукцион картин, эсеровский комитет, совещание с Ниной Петровной Высоцкой и Женей Ратнер об организации несорганизованных женских демократических элементов (эта задача не нравилась Екатерине Павловне — ей были «не по душе» специальные женские организации, но «больше 100 тысяч женщин, никуда не притянутых, все же 100 тысяч голов»).

— 25 апреля. День был запланирован так: 10 часов — Совет рабочих депутатов. 11 часов — Бюро. 14 часов — Совет рабочих депутатов (вновь). 16 часов — Общество о детях. 19:30 — художественно-просветительская комиссия в Совете рабочих депутатов. Возможности заглянуть домой в течение дня у нее не предвиделось.

Ей приходилось участвовать во многих делах и решать массу разных вопросов. Ее просили помочь в работе Западного фронта — подобрать им дельных женщин-работников. (Особенно трудно было найти заведующих детскими школами-столовыми.) Ее звали принять участие в организации Общества политического просвещения армии. (Она не хотела входить в организационный комитет или правление, но, «поскольку дело хорошее», собиралась всячески содействовать ему, тем более что с ними работал Николаев.) Ее «тянули» работать в Детский отдел Союзов и принять участие в подготовке Всероссийского детского съезда. (С Детским отделом у нее было особенно много работы и неладов — все работники устали, исчезали без предупреждения, заменить ушедших было некем, и она не успевала сделать то, что нужно, и отчаивалась.) Она не отказала своим товарищам по партии и вместе с Н. П. Высоцкой «возилась» с организацией митинга и концерта в пользу комитета с.-р. Она тратила много времени на организацию кружечного сбора в пользу Совета рабочих депутатов. (Раньше такими сборами занимался обычный буржуазный дамский комитет; теперь было решено взамен него привлечь артистов. Несмотря на всяческие трудности, на то, что «бестолочь идет ужасная», удалось организовать, чтобы 1 Мая почти во всех московских театрах прошли спектакли в пользу Совета рабочих и солдатских депутатов.)

Она приняла активное участие в попытках наладить жизнь при новом — демократическом строе. (Она сочувствовала немцам, которым, в отличие от русского народа, не удалось свергнуть свое

правительство.) Алексей Максимович ее предостерегал: «Не очень увлекайся, не позволяй себе поддаваться телячьему оптимизму и предостерегай других от этой болезни. Положение очень сложно и опасно. <...> Береги сына; его силы еще понадобятся стране. Мы не скоро переживем этот хаос разрушения и строительства, эту горячку увлечений и иллюзий. Будь здорова, смотри на все спокойно, работай, работай!»[101] Екатерина Павловна работала, но спокойно к происходившему не относилась.

После Февральской революции на родину возвращались эмигранты, среди них те, с кем Екатерина Павловна работала, общалась и дружила в годы эмиграции. Вернулась большая группа ее товарищей по партии (в том числе Чернов, Савинков, Авксентьев); они прибыли в Петроград в начале апреля[102] и незамедлительно включились в политическую жизнь. Для Екатерины Павловны В. М. Чернов[103] был «мэтр», «cher maitr», но их связывали и личные отно-

[101] АГ. Т. IX. С. 195. Из Петрограда в Москву, 11 [24] марта 1917 г.

[102] Пароход с группой русских эмигрантов-революционеров прибыл в Петроград 8 апреля 1917 г. Они вернулись в Россию из Франции через Англию и Швецию. На этом же пароходе прибыли и несколько десятков русских солдат, бежавших из немецкого плена через французский фронт. Лидеры партии эсеров, прибывшие из эмиграции в Петроград, поселились на Галерной во дворце великого князя Андрея Владимировича. Там же жила В. Н. Фигнер, и там же находился эсеровский комитет.

[103] Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) — общественно-политический деятель, один из создателей и лидеров ПСР, главный ее теоретик, участник всех ее съездов и член ЦК (кроме периода 1909–1916 гг., когда он находился в эмиграции). В революционном движении с конца 1880-х гг. В 1917 г. вернулся из эмиграции. Министр земледелия во Временном правительстве, тов. председателя ВЦИКа, председатель Учредительного собрания. После разгона Учредительного собрания вел партийную работу в Москве, затем за Волгой. Во время правления Колчака был арестован и освобожден при содействии чехословацких легионеров. Находясь на нелегальном положении, занимался в Москве партийной работой. В сентябре 1920 г. эмигрировал. В эмиграции редактировал журнал «Революционная Россия», являлся членом заграничной делегации ПСР (1921–1926). С 1923 г. жил в Чехословакии, работал в Институте изучения России. В 1939 г. переехал во Францию, позже в США.

шения, и, приезжая в Москву, он по приглашению Екатерины Павловны останавливался у нее. В Москву вместе с Плехановым приехал Стааль (его семья осталась в Париже), они целыми днями были заняты в Крестьянском союзе, и Екатерина Павловна, чтобы встретиться со Стаалем, тоже посетила одно из заседаний Крестьянского союза. (Стааль торопился в Петроград, так как его пригласили работать в Верховной следственной комиссии.) Фондаминские, возвратившиеся в Россию, жили в Петрограде у Мережковских; приезжая в Москву, Амалия навещала Екатерину Павловну. Навестил Екатерину Павловну и С. И. Гусев-Оренбургский. Он был в Москве проездом из Крыма в Петроград, куда направлялся в составе делегации от Черноморской организации армии, флота и рабочих. Делегация была уполномочена встретиться с Временным правительством, чтобы обсудить создавшиеся трудности, после чего делегаты (150 человек) должны были группами отправиться во флот и на фронты. Сергей Иванович рассказывал Екатерине Павловне о невеселых делах в Ялте и Таврическом союзе, и она, когда-то работавшая в Крыму, относилась к этому с пониманием и сочувствием.

Вскоре все эти люди вновь станут эмигрантами.

В числе вернувшихся из эмиграции был **Александр Михайлович КОВАЛЕНКО**. 8 апреля Екатерине Павловне пришла от него телеграмма с сообщением, что он выедет, как только получит деньги на дорогу. Он приехал, но не в Петроград или Москву, а на Украину, уроженцем которой был. Там он получил назначение на работу в Министерство морских дел на должность директора департамента морского образования. В 1919 году он покинул родину. Жил вначале в Париже, исполняя обязанности первого секретаря Украинской дипломатической миссии, в 1920 году принимал участие в работе Ассамблеи Лиги Наций. В 1922 году переехал в Чехословакию. Работал в Украинской хозяйственной академии в Подебрадах, был лектором, доцентом, деканом инженерного факультета, заведующим кафедрой теоретической и прикладной механики, преподавал на курсах аналитической геометрии, математики, сопротивления материалов, стал автором учебников «Курс аналитической геометрии в пространстве» и «Прикладная математика». С 1932 года работал также в Праге в Украинском техниче-

ско-хозяйственном институте. В конце 1930-х годов уехал из Чехословакии в Швейцарию, умер в Женеве[104].

Встречалась ли, переписывалась ли Екатерина Павловна с А. М. Коваленко в годы советской власти, нам не известно[105].

После Февральской революции Екатерина Павловна близко общалась с двумя женщинами: Александрой Николаевной Меллер и Марией Николаевной Колокольниковой. Обе они принадлежали к буржуазному сословию и после победы большевиков вместе с мужьями эмигрировали из России.

Александра Николаевна МЕЛЛЕР (Екатерина Павловна вместе с ней занималась работой по оказанию помощи детям) была женой владельца и председателя правления акционерного общества «Дукс»[106], известного в Москве спортсмена и изобретателя Ю. А. Меллера-Брежнева. Женаты Меллеры были давно (около 30 лет), у них были взрослые дети, семья была дружной, но в последнее время у них начались проблемы личного характера. Впечатлительная Екатерина Павловна очень сочувствовала г-же Меллер, которая находилась «в ужасном состоянии», она старалась помочь ей, подолгу разговаривала, стараясь убедить ее не лежать,

---

[104] См.: Закорко С. Человек из легенды. URL: http://romny.info/articlesaboutsity/368-neizvestnyeimenaromenschiny

[105] В семье академика А. Н. Баха имя А. М. Коваленко упоминалось «шепотом».

[106] Акционерное общество «Дукс» было организовано в 1900 г. на базе мастерской по сборке велосипедов. Эту мастерскую Ю. А. Меллер (выходец из Прибалтики) открыл в Москве в 1893 г. В начале XX века АО «Дукс» начало изготовлять автомобили, после Русско-японской войны — самолеты, бывшие одними из лучших русских самолетов того времени. 10 августа 1910 г. на аэродроме Московского общества воздухоплавания (Ходынское поле) пилот С. И. Уточкин продемонстрировал аэроплан № 1 типа «Фарман» фабрики «Дукс», на котором в первом же полете было установлено три рекорда («на продолжительность», «с пассажиром» и «на высоту»). В 1913 г. на самолете «Ньюпор-IV» дуксовского производства летчик П. Н. Нестеров впервые в мире выполнил знаменитую «мертвую петлю», впоследствии названную его именем. В 1917 г. АО «Дукс» выпускало 22 типа самолетов. Декретом СНК от 28 июня 1918 г. АО «Дукс» было национализировано и переименовано в «Государственный авиационный завод № 1» (ГАЗ № 1). В 1993 г. (в год своего столетия) завод вновь акционировался и вернул свое первоначальное имя — ОАО «Дукс».

а «взять себя в руки, жить своей жизнью, ведь теперь столько интересного в жизни. Видела, как успокаивается человек — и даже улыбается. О Господи, как все-таки трудно жить»[107]. В конце сентября 1917 года военное ведомство выдало Ю. А. Брежневу разрешение на поездку за границу для получения заказов, и он вместе с женой собирался ехать в Италию. В Россию они не вернулись. Семья Брежневых-Меллер осталась жить во Франции. Юлий Александрович умер в апреле 1918 года. С Александрой Николаевной Екатерина Павловна еще смогла увидеться в годы, когда Алексей Максимович жил в Сорренто и Екатерина Павловна получала визы для поездок в Италию.

Мария Николаевна КОЛОКОЛЬНИКОВА была женой богатого купца, почетного гражданина города Тюмени Степана Николаевича Колокольникова. Торговый дом Колокольниковых имел мукомольное производство и торговал мукой, хлебом и сахаром в Западной Сибири и на Урале. Занимались Колокольниковы и общественной деятельностью. С. Н. Колокольников был членом партии кадетов и представителем от Тюмени в Западно-Сибирском областном комитете Всероссийского союза городов. М. К. Николаев во время пребывания в Тюмени был связан по работе с ним и его братом (членом городской думы). Екатерину Павловну, приезжавшую в Тюмень в январе 1917 года, Николаев познакомил с Колокольниковыми, и когда в апреле те собрались в Москву, то оповестили Екатерину Павловну телеграммой. Мария Николаевна незадолго до этого времени потеряла ребенка и не могла «найти себе места от тоски». Приехав в Москву, ее муж большую часть времени находился в разъездах, и Екатерина Павловна пригласила ее жить к себе (чтобы она не была одна). И хотя «условия проживания» у Екатерины Павловны были хуже тех, в которых жила Мария Николаевна, она переехала и, пока находилась в Москве, работала в Бюро помощи освобожденным политическим. После Октябрьской революции Колокольниковы эмигрировали в США. Степан Иванович умер в 1925 году. Мария Николаевна была еще жива в 1960 году (в этом году она передала архив мужа библиоте-

[107] АГ. ФЕП-рл 8–15–29. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, 18 апреля 1917 г.

ке Колумбийского университета). Общалась ли Екатерина Павловна с Колокольниковыми в советское время, знала ли об их судьбе, нам не известно. Но летом 1917 года, когда они уже уехали из Москвы, Екатерина Павловна вспоминала Марию Николаевну и радовалась, что с ней (Марией Николаевной) еще один «новый человек» вошел в круг «своих».

В квартире Екатерины Павловны останавливались люди, приезжавшие в Москву по делам: товарищи по партии, друзья и знакомые. К обеду часто бывали гости: Лева Малиновский, Лидия Бах, Слава и Мэри Гиссен, Зборовские, Ефим Гонтарев, Алексины, Ховрины и другие[108]. В обществе жизнелюбивого доктора Алексина Екатерине Павловне было хорошо и покойно. Описывая Николаеву свои дни, она рассказывала и об общении с Алексиным. Например, как однажды, усталая (а она очень уставала — заседания заканчивались поздно, иногда она возвращалась домой за полночь, иногда приходилось идти пешком, так как транспорт уже не работал), она после очередного заседания вернулась домой вместе с провожавшим ее Гонтаревым, и они уже пообедали, но она не осталась дома, а вместе с Гонтаревым пошла в гости к Алексину, и они ругали большевиков, а она дремала. А на Пасху (это была первая Пасха в ее жизни, когда она никуда не пошла, а осталась дома и плакала) Алексин прислал ей в подарок целое дерево белой махровой сирени (она очень любила цветы и всегда им радовалась), а потом пришел вместе с женой, и они «увлекли» ее к себе.

С эсером Александром Алексеевичем Ховриным Екатерина Павловна познакомилась не так давно, но они подружились, и о нем она писала Николаеву: «Он очень славный, лучше всех среди нынешней публики»[109].

---

[108] Среди «других» уже не было Л. А. Сулержицкого, он умер в декабре 1916 г. Екатерина Павловна вспоминала, что когда они с Максимом вернулись из эмиграции, Сулержицкий «часто приезжал к нам в Машков переулок, иногда приезжал после репетиции, поздно вечером, очень утомленный и, начиная что-нибудь рассказывать, неожиданно засыпал, сидя на диване в столовой. К этому времени он стал уже недомогать» (Сулержицкий. С. 540).

[109] АГ. ФЕП-рл 8–15–30. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, 19–21 апреля 1917 г.

Александр Алексеевич ХОВРИН в 1899 году за участие в студенческом антиправительственном движении был исключен из Московского университета без права восстановления. Он вступил в ПСР, занимался пропагандой в военной среде, ссылался. В 1907 году бежал из ссылки (он был выслан на 5 лет в Туруханский край Енисейской губернии), нелегально жил в Севастополе, возглавлял «Летучий боевой отряд Южной области», был кооптирован в ЦК ПСР. В 1918 году, став членом Московского политического Красного Креста, вышел из ПСР.

Когда в 1920 году Екатерина Павловна начала работать Уполномоченной Польского Красного Креста, то пригласила Алексина и Ховрина в качестве сотрудников. Алексин работал врачом, Ховрин — управляющим делами Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста. Ни Алексин, ни Ховрин не эмигрировали из Советской России. Алексин умер («успел» умереть) в 1923 году. Ховрин несколько раз арестовывался и освобождался. В последний раз он был арестован в 1932 году, заключен в Суздальский политизолятор, приговорен к ссылке в Среднюю Азию, заболел во время этапа и умер в Ташкентской больнице. Спасти его Екатерине Павловне не удалось, она смогла только позаботиться о том, чтобы на кладбище в Ташкенте была устроена его могила[110].

---

[110] О том, что Ховрин умер и похоронен на больничном кладбище в Ташкенте, Екатерина Павловна узнала в ОГПУ. Она просила эсера Ракова, отбывающего ссылку в Ташкенте, устроить могилу Ховрина. Вот ее письмо:

« 15/III–34 г. Ракову Дмитр<ию> Фед<оровичу>.

По полученной мною из ОГПУ справке, Ал<ексан>др Ал<ексе>ев<ич> Ховрин похоронен в Ташкенте на больничном участке, 24-й ряд, могила № 49. Прошу вокруг могилы сделать ограду и положить небольшую каменную дощечку с надписью:

Александр Алексеевич
Ховрин
Род. 19/23 июля 1878 г.
Ум. 26 февраля 1934 г.

Быть может, Вы сможете взять к себе и сохранить до приезда жены его личные вещи и перевод с англ<ийского> учебника по физике, сделанный им в Суздальском п/изоляторе» (ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1077. Л. 31).

Дни Екатерины Павловны были заполнены «работой, и сутолокой, и разговорами с людьми», при этом она почти каждый день писала Николаеву, думала о нем и тосковала по нему. («Такое огромное идет в жизни страны, но наряду с ним не умолкает и свое личное, и вот делаешь все, что надо, что обязана делать, а свое так мучительно»[111].) В апреле она сказала Алексею Максимовичу, что Николаев вернулся и как бы их отношения не сложились, ее жизнь будет связана с его жизнью.

В начале июня Екатерина Павловна заболела. Уже довольно длительное время она с самого утра чувствовала усталость, но ей казалось, что ее самочувствие — следствие того, что она не справляется с работой («Каждый день не успеваю сделать то, что нужно. Это создает ужасное состояние»[112]), поэтому она «брала себя в руки» и «двигалась», «бежала» «куда надо». Однако оказалось, что она больна. Доктор Алексин уложил ее в постель и не разрешил вставать. Лежала Екатерина Павловна вначале дома, а потом по приглашению Александры Николаевны Меллер у нее на даче. Болезнь осложнялась, температура не падала, в легких не проходили хрипы, и Алексин запретил ей ехать в город. Екатерина Павловна лежала, и ей казалось, что с ней всем плохо («и такой никчемной кажется и ненужной моя

В ОГПУ Екатерине Павловне не сказали, что Ховрин был похоронен в общей могиле. Чтобы изъять его прах из этой могилы и перенести в отдельную на городском кладбище, требовалось разрешение санитарного отдела, который согласия не давал. Екатерина Павловна добилась специального распоряжения ОГПУ, на что ушло более двух месяцев (см.: ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1077. Л. 31–41; Д. 1242. Л. 44–45).

Екатерина Павловна, не будучи верующей, к устройству могилы относилась серьезно; от жены А. А. Ховрина она и ее товарищи по партии сочли нужным скрыть факт перезахоронения.

И еще: на могиле Екатерины Павловны на Новодевичьем кладбище не установлен памятник, а положена «небольшая каменная дощечка с надписью»: имя, даты жизни.

111 АГ. ФЕП-рл 8–15–2. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, 28 марта 1917 г.

112 Там же. 8–15–37. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, 27 апреля 1917 г.

жизнь»[113]). За ней ухаживали Александра Николаевна и Вера Николаевна Кольберг, вернувшаяся из эмиграции. Вера Николаевна вскоре уехала (хотя ей хотелось оставаться рядом с Екатериной Павловной, но она была вынуждена уехать, чтобы помочь сестре). Навещали Екатерину Павловну Алексин, друзья, ненадолго приезжал Николаев. Е. Д. Кускова, узнав о ее болезни, прислала записку с пожеланием скорейшего выздоровления («Теперь кругом так жутко и так нужны такие, как Вы работники, — что, ради Бога, не истощайтесь»[114]) и обещанием поговорить по поводу Максима. (Е. Д. Кускова надеялась, что ее влиятельные знакомые могут помочь освободить его от армии.) Волновался и Алексей Максимович: «Я так и думал, что с тобой случилось что-нибудь неладное — или заболела, или неожиданно для себя улепетнула куда-нибудь. Очень советую тебе, как только встанешь на ноги, убраться в Крым, — с легкими нельзя шутить! К тому же ты так истощена и замучена. Если хочешь жить — пожалуйста, удирай скорее в спокойное, тихое место»[115]. «Дочь моя! <...> Ты напрасно хвораешь. Это что же у тебя? Не следует ли приехать к Манухину, осветиться? Приехала бы, как только тебе станет получше! Тревожно все и боязно, как будто тебя на угольях жарят. Друг мой, береги себя! Ты нужна Максиму до поры, пока он все-таки еще дитя. Я не умею, — разучился — говорить нежные слова, но хотелось бы сказать тебе парочку — милый ты мой человек. Выздоравливай!»[116]

Алексей Максимович сообщил ей о приезде в Петроград Зиновия Пешкова, назначенного французским правительством представителем от Франции при Керенском, бывшем тогда военным министром. До своего отъезда на фронт Зиновий посетил Алексея Максимовича: «Явился Зиновий, лейтенант французской армии, с тремя наградами, весь в орденах и в хорошем настроении. То, что он рассказывает об Америке, Англии, Франции, невольно возбуждает у меня чувство зависти и печали: какие люди! Какая сила!

---

[113] АГ. ФЕП-рл 8–15-50. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, 14 июня 1917 г.

[114] АГ. ФЕП-кр 36–19–1. Е. Д. Кускова — Е. П. Пешковой. Москва. Дата не указана.

[115] Письма. С. 84. Горький — Е. П. Пешковой. 14 июня 1917, Петроград.

[116] Там же. С. 85–86. Горький — Е. П. Пешковой. Около 20 июня 1917, Петроград.

И как они легко, быстро организуются для жизни и смерти. А у нас — говорить не хочется, до чего плохо у нас!»[117] Из Петрограда Зиновий позвонил Екатерине Павловне в Москву. О его звонке ей сообщила мама: «<получила> записку от баб<ушки>, что утром звонил Зиновий Алексеевич Пешков, который пожаловал, значит, спасать Россию. О, Господи!»[118]

В конце июня (25–28) проходили выборы в Московскую городскую думу. Победу одержала партия эсеров, получившая наибольшее количество мест. Екатерина Павловна вошла в Думу в качестве гласной (депутата). Ее поздравляли. «С выступлением на новом поприще общественной деятельности»[119] ее поздравила А. Н. Фейт, радовавшаяся успеху эсеров. Алексей Максимович тоже не остался равнодушным: «А вы — победили в Москве? Не поздравляю. Придется скоро спорить с тобой, эсэрка, и прежестоко. <...> Выздоравливай, а то очень тревожно. Спасибо А<лександре> Н<иколаевне> за ее милое письмо, оно несколько успокоило меня. Жму руку»[120].

3–5 июля 1917 года в Петрограде состоялись массовые демонстрации рабочих и солдат против Временного правительства. 4 июля Временное правительство расстреляло мирную демонстрацию, возглавляемую большевиками и проходившую под лозунгами с требованиями прекращения наступления на фронте и передачи всей власти Советам. Петроград был объявлен на военном положении и с фронта были вызваны войска. Меньшевистско-эсеровское большинство ЦИК Советов поддержало Временное правительство. Буржуазная печать обвиняла большевиков в сговоре с немецкими агентами. Екатерина Павловна читала газеты и переживала. Она продолжала лежать на даче Меллеров (Алексин приезжал часто и вставать не разрешал), хотя ей казалось «невозможно быть вне “своих” людей в такие тревожные дни»[121]. Она

---

[117] Письма. С. 84–85. Горький — Е. П. Пешковой. 14 июня 1917, Петроград.

[118] АГ. ФЕП-рл 8–15–53. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, 18 июня 1917 г.

[119] Там же. ФЕП-кр 60–27–7. А. Н. Фейт — Е. П. Пешковой. Из Васильевой слободы Нижегородской губ. в Москву, 13 июля 1917 г.

[120] АГ. Т. IX. С. 199. Из Петрограда в Москву, 4 [17] июля 1917 г.

[121] АГ. ФЕП-рл 8–15–57. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, 11 июля 1917 г.

волновалась за эсеров, чтобы они в Думе «не ударили лицом в грязь», так как «положение страшно трудное и ответственное»[122], радовалась, что председателем Думы будет В. В. Руднев[123], и не верила в предъявляемые большевикам обвинения в государственной измене. («Мне кажется совершенно невероятной мысль о нечестности Ленина»[124]). В «нечестность Ленина» не верил и Алексей Максимович: «Извини, не писал тебе в эти тревожные дни, рука не доходила. По газетам ты знаешь, какие ужасы разыгрались здесь. <...> Я не оправдываю “большевиков”, — они сами знают, что у них нет оправданий. <...> Их спровоцировали, но провокаторами были не одни немцы, а и “культурнейшие” кадеты. Эмоциональный большевизм, действовавший на темные инстинкты масс, нанес сам себе смертельный удар, от которого ему не оправиться. Это — хорошо. Но — демократия Англии, Франции, Германии поймет разгром большевизма как поражение *всей* революции, и это отчаянно плохо, ибо понизит революционное настроение на Западе и бесконечно затянет войну. Это самое худшее и этого нельзя было ожидать. <...> Боюсь, что Ленин влопался в мерзкую историю, сам он, конечно, не причем, но его ближайшие товарищи, кажется действительно, — жулье и подлецы. Всех их арестовали[125].

---

[122] Там же. 8–15–55. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, <7 июля 1917 г.>

[123] Руднев Вадим Викторович (1874–1940) — видный деятель ПСР. По образованию врач. Трижды арестовывался царским правительством, был в ссылке и эмиграции. Первый московский городской голова после падения монархии (11 июля — 2 ноября 1917 г.). Член Президиума Московского Совета рабочих депутатов. Сторонник коалиции умеренных социалистов с кадетами. Участник антисоветского движения на юге России. С 1919 г. — в эмиграции. Редактор «Современных записок» (1922–1939) в Париже. Умер во Франции.

[124] АГ. ФЕП-рл 8–15–55. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, <7 июля 1917 г.>

[125] Правительственная пресса обвинила большевиков в организации выступления темных народных масс. Были закрыты большевистские газеты («Правда», «Солдатская правда» и др.), разгромлена типография «Труд», выдан ордер на арест В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и др. По обвинению в государственной измене были арестованы и заключены в Кресты Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, В. А. Антонов-Овсеенко и др. По постановлению ЦК РСДРП(б) партия ушла в подполье, было принято решение, что Ленин не должен являться на суд Временного правительства. (Вместе с Зиновьевым он скрывался в Разливе.) Ордер на арест Ленина подписал Керенский.

Теперь буржуазная пресса навалится на “Новую жизнь” и, вероятно, покончит с нею[126]. А затем начнет поход против вас, эсеров. Уже “Речь” начала открыто нападать на Чернова, а за “Речью” пойдет вся желтая пресса[127]. <...> Как ты живешь? Как здоровье? Наверное, изволновалась? Ну что ж делать, голубчик! Такую махину, какова Русь, не сразу приведешь в порядок, и еще много сил, много бурь переживем мы все. Хорошо, что сын вдали от этих событий, и они не отравят душу ему»[128].

Максим во время болезни Екатерины Павловны находился в Евпатории на даче у Янины (помогал ей на огороде, катался на лодке) и собирался в Форос, куда звал приехать и мать. Выпускные экзамены в реальном училище он сдал в конце апреля и теперь отдыхал. «Решать его судьбу», «куда его дальше двигать», взяли на себя его родители. Больше всего их волновал вопрос призыва в армию: «Безумная деятельница, мне сообщили за верное, что если сын запишется на медицинский факультет — это освободит его от ружья. Утверждают, что так и что это сейчас делается многими. Записываться необходимо тотчас же по окончании реального, экзамен по латыни сдают после. Убедительно прошу — попробуй

В апреле 1917 г. (за 3 месяца до июльской демонстрации) ситуация в стране была другой. Алексей Максимович писал сыну: «Никаких арестов большевиков не было, это ерунда, газетная выдумка. Сегодня на заседании ассоциации в Нар<одном> доме кто-то крикнул Керенскому: “Уберите Ленина!“ “Гражданин! — ответил Керенский. — Вам нужно сдать экзамен зрелости политической. Мы живем в свободной стране, где всякий может говорить, что хочет, но никто не имеет права насиловать ближнего. Боритесь словом с тем, что не нравится вам, и не ищите других сил”. Молодец? То-то же» (АГ. Т. XIII. С. 166. Горький — Максиму Пешкову. Из Петрограда в Москву, 16 [29] апреля 1917 г.).

126 Газета «Новая жизнь» после Февральской революции издавалась при активном участии Горького и носила «пораженческий» характер. В июле 1917 г. она была закрыта Временным правительством и до сентября 1917 г. выходила под названием «Свободная жизнь».

127 В. М. Чернов, ставший министром Временного правительства, был обвинен в пораженчестве и предательстве. В знак протеста 20 июля он вышел из состава правительства.

128 Письма. С. 86–88. Горький — Е. П. Пешковой. Около 10 июля 1917, Петроград.

сделать это. Обратись к Климентию Аркадьевичу Тимирязеву, он тебе поможет. Если нужно, я ему напишу»[129].

В начале апреля, на Пасху, Максим ездил в Петроград советоваться с отцом, куда ему лучше поступать. («Сын — всем нравится, даже мне. Вел он себя здесь отлично: пьянствовал и влюблял в себя пожилых дам»[130].) После окончания училища Максим снова поехал к нему советоваться. У Екатерины Павловны было много работы, и она осталась в Москве, но вскоре получила телеграмму из Петрограда с просьбой приехать. Приехала она на один день, вместе выбрали физико-математический факультет Московского университета. Вступительные экзамены в университет не надо было сдавать, студентов зачисляли по результату конкурса аттестатов, поэтому Максим имел возможность отдыхать до осени. Учеба в университете его совсем не привлекала, и он уехал, не подав всех нужных документов. Заниматься своими делами он предоставил родителям, которых, кроме угрозы армии, волновало и то, что Максим начал интересоваться политикой (тяготел он к большевикам, вероятно, под влиянием своего друга Левы Малиновского). Еще в марте Алексей Максимович предостерегал сына: «Милый мой друг, сынишко, имей в виду, что революция только что началась, она будет продолжаться годы, возможна контрреволюция, неизбежно возникновение реакционных идей и настроений. И если ты хочешь быть полезен своей стране, если хочешь работать для ее возрождения — не очень увлекайся происходящим. Мы победили не потому, что мы — сила, а потому, что власть была слаба. <...> То, что происходит здесь, — грозит великими опасностями»[131].

После июльских событий Екатерина Павловна делилась с Николаевым своей тревогой за Максима: «Я как раз перед этими всякими событиями писала ему, что мне бы очень хотелось, чтобы он серьезно над собой подумал, т. к. его поколению строить жизнь. Разрушать старое было делом нашего поколения. Очень просила его это время в политику не лезть, а серьезно над собой и над жиз-

---

[129] АГ. Т. IX. С. 201. Из Петрограда в Москву, июль 1917 г. (Датировка письма, скорее всего, ошибочна. По-видимому, оно написано в апреле.)

[130] Там же. С. 197. Из Петрограда в Москву, 8 [21] апреля 1917 г.

[131] АГ. Т. XIII. С. 163. Горький — Максиму Пешкову. Из Петрограда в Москву, 10 [23] марта 1917 г.

нью подумать. Хорошо, что до этих событий писала ему, а то сказал бы, что “мамаша” испугалась событий и пищит»[132].

Ей бы хотелось обсудить проблемы Максима с Алексеем Максимовичем, и она надеялась, что он приедет в Москву, но:

— «Вчера хотел сделать тебе сюрприз, — и себе тоже — купил билет и собрался ехать в Москву, но…»[133]

— «Вы скверно ведете себя, мамаша! Это предосудительное и даже преступное поведение — давно уже казалось мне неизбежным, но я отнюдь не восхищаюсь пророческим предчувствием моим. Очень тревожно за тебя и очень хочется повидать старого друга, но…

<...> Итак — не знаю, когда буду в Москве, не знаю, друг мой! Неловко, совестно мне пред тобою, но — я уверен, что ты на моем месте вела бы себя так же. Личному сейчас не место. <...> Мне не очень нравится, что Максим в Форосе, и я буду тем более спокоен, чем скорей ты отправишься туда»[134].

— «Едва ли я увижу тебя летом, мамаша, — ты согласишься с тем, что неудобно уезжать из Петрограда в те дни, когда… <...> Ну, будь здорова, мой друг! Не сердись на меня за то, что не еду повидаться с тобою, пойми, что я должен неподвижно стоять на “славном посту”[135]»[136].

---

[132] АГ. ФЕП-рл 8–15–57. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, 11 июля 1917 г.

[133] АГ. Т. IX. С. 198. Из Петрограда в Москву, 4 [17] июля 1917 г.

[134] Там же. С. 199–200. Из Петрограда в Москву, 18 [31] июля 1917 г.

[135] Переживания Алексея Максимовича были связаны не только с событиями, происходящими в стране, но и с нелепой историей, касавшейся его лично. Он писал Екатерине Павловне: «Дурак Бурцев опубликовал в газетах, что скоро он назовет провокатора и шпиона, имя которого “изумит весь мир”. Публика начала догадываться и догадалась: это М. Горький. Ты думаешь — я шучу? Нисколько. Мне уже пишут письма с такими обращениями: “Иуде Предателю, главному немецкому шпиону и провокатору”. “Речь” определенно намекает, что я — пропал» (АГ. Т. IX. С. 199. Из Петрограда в Москву, 4 [17] июля 1917 г.). Позднее в своей книге «В погоне за провокаторами» В. Л. Бурцев «открыл» это имя — народовольца, шлиссельбуржца Н. П. Стародворского. В июле же 1917 г. Алексею Максимовичу было плохо: «В письмах мне присылают петли, изображения топоров, плахи и сотни ругательств, — это в год моего юбилея, 25 лет отслужил я русской культуре!» (АГ. Т. IX. С. 200. Из Петрограда в Москву, 18 [31] июля 1917 г.).

[136] АГ. Т. IX. С. 201. Из Петрограда в Москву, 25 июля [7 августа] 1917 г.

2 августа Екатерина Павловна выехала в Крым. Ей, как и Алексею Максимовичу, не нравилось времяпрепровождение Максима в Форосе в обществе Маргид Ушковой. В Форосе в то время находился популярный курорт (Г. К. Ушков замыслил и устраивал его как курорт для интеллектуальной элиты), и Екатерина Павловна надеялась, что, живя там, она будет лечиться и вылечится (уехала она из Москвы не совсем здоровой — еще не прошли хрипы в легких). Кроме того, что было для Екатерины Павловны немаловажным, она собиралась в Крыму продолжить работу, связанную с помощью освобожденным политическим. К лету 1917 года Бюро помощи освобожденным политическим выполнило свои основные задачи, кроме одной — оказания медицинской и санаторной помощи нуждающимся в ней; для этой цели было организовано Бюро курортно-санаторной помощи, которому были переданы дела освобожденных и оставшиеся средства. В Крыму и на Кавказе за счет Бюро были организованы небольшие санатории, и Екатерине Павловне предстояло ознакомиться с их работой в Крыму.

В Симферополе ее встретил Максим, на поезде они доехали до Севастополя, а затем на лошадях добирались до Фороса. В Севастополе она повидалась с доктором С. А. Никоновым[137], тем самым Никоновым, семья которого в 1905 году жила в Ялте на даче Елпатьевского и в квартире которых после их отъезда поселилась Екатерина Павловна с детьми. Теперь Никонов был выбран головой Симферопольской думы, по составу «эсеровской» (только 13 депутатов не были членами ПСР). Екатерина Павловна сочувствовала Никонову и другим эсерам: какая огромная ответственность лежит на них.

---

[137] Никонов Сергей Андреевич (1864–1942) — известный врач, народоволец, эсер. Родился в семье адмирала. В 1885 г. вступил в «Народную волю». Участвовал в организации покушения на Александра III вместе с Александром Ульяновым и другими. В 1887 г. был арестован, в 1888 г. сослан в Минусинск на 4 года. В 1892–1897 гг. учился на медицинских курсах в Париже. С 1901 г. член севастопольской группы ПСР. В январе 1904 г. сослан в Архангельскую губернию на 3 года. После убийства В. К. Плеве вернулся в Севастополь. В 1907 г. был арестован и вновь сослан в Архангельскую губернию. В 1911–1917 гг. работал врачом в Оренбурге. В 1917 г. — в Севастополе, член Учредительного собрания. В 1920-е годы член Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

В Форос Екатерина Павловна приехала 6 августа. Она плохо себя чувствовала, у нее болел бок, поднялась температура, общую тоску усилила встреча с Максимом. («Эмоциональный и беспомощный, т<а>к беспечно, не думая о завтрашнем дне, ко всему относится»[138].) Бумаги Максима, необходимые для поступления в университет, она послала в Москву с проводником, хотя и боялась, что они не дойдут. Самого Максима его будущее, казалось, мало заботило.

В Форосе[139] Екатерина Павловна наслаждалась красотой, тишиной и уединением («Море чудное, дивный парк»[140]; «Право, нет лучше места. Тишина и такая простота»[141]; «Ялта точно защищает от сложностей и волнений жизни. Сейчас луна, ночи сказочные»[142]), но при этом ей было совестно «пользоваться такой красотой», когда все работают, и она оправдывала свое «ничегонеделание» тем, что «приехала поправляться», а «не от лени». («Здесь так хорошо, такая красота, что прямо совестно, когда подумаешь, к<а>к вы все там теперь живете»[143].) Кроме того, ее мучили непростые отношения с М. К. Николаевым и она много плакала от жало-

---

[138] АГ. ФЕП-рл 8–15–63. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Фороса в Минск, 6 августа 1917 г.

[139] К началу XX века имение Форос представляло собой сказочный уголок, сочетающий в себе популярный курорт и удивительный по красоте парк, в котором повсюду были устроены фонтаны, бассейны, беседки, рощи экзотических растений, водоемы, населенные золотыми рыбками, карпами, раками, павильоны с канарейками, японскими утками, лебедями и пр. Г. К. Ушков — последний его владелец — после революции эмигрировал, жил в Греции, похоронен в Афинах. Судьба его семьи нам не известна. М. М. Пешкова вспоминала, что М. Ушкова жила в Румынии и Горький помогал материально ей и ее семье. После революции имение Ушковых было национализировано и первое время использовалось как госпиталь для воинов Красной армии. Затем здесь разместился санаторий ЦК профсоюзов текстильщиков, потом был детский санаторий ЦИК СССР.

[140] АГ. ФЕП-рл 8–15–67. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Фороса в Минск, 10 августа 1917 г.

[141] Там же. 8–15–68. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Фороса в Минск, 10 августа 1917 г.

[142] Там же. 8–15–71. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Фороса в Минск, 17 августа 1917 г.

[143] Там же. 8–15–70. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Фороса в Минск, 16 августа 1917 г.

сти и к себе, и к другим из-за своего «неумения жить». («Все всегда что-то от меня хотят, чтобы я делала так, как они хотят. И мне всегда было противно мешать кому-либо, и вот только с тобой не могу никогда уступать. <...> Думаю, если бы не я, у тебя все было бы иначе. <...> Думаю, ведь уютнее тебе бы жилось, не встреться ты теперь со мной и не жалеешь ли ты»[144].)

Она собиралась пробыть в Форосе до сентября. 21 августа она поехала в Ялту, «чтобы посмотреть, как живут в санатории Ливадийской наши больные политические»[145]. Картина была грустной: в санатории было много «некрасивого» — бесконечные склоки, вызванные «разнокалиберным» составом больных и их «неумеренными претензиями»; больные не хотели считаться с военным временем, с продовольственными и прочими трудностями, что приводило к постоянным столкновениям с Земским союзом. Представители Петроградского и Московского «Бюро помощи освобожденным политическим» уже приезжали в Ялту для разбора конфликтов, 23 августа они должны были снова приехать для разбора очередного дела. В уездном Земском комитете врач санатория попросил Екатерину Павловну остаться и дождаться приезда делегации, и она осталась. Уже на второй день пребывания в Ялте она очень устала, у нее снова заболел бок, опять стали дрожать руки и ноги, снова захотелось плакать, хотя раньше ей казалось, что она хорошо отдохнула. Два дня до приезда делегации и двое суток после ее приезда почти беспрерывно совещались, после чего, приняв решение обсудить положение с представителями общественных организаций в течение следующих двух суток, измученную Екатерину Павловну отпустили, решив, что на заключительные переговоры делегаты бюро с представителями Земского союза приедут к ней. Делясь с Николаевым своими впечатлениями от Ливадии[146], Екатерина Павловна писала, что там чудесно, но если бы она должна была выбирать место отдыха, то предпочла бы Ривьеру, так как настоящего отдыха по соседству с русскими не может быть (у них нет уважения к чужой жизни).

---

[144] АГ. ФЕП-рл 8–15–69. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Фороса в Минск, 16 августа 1917 г.

[145] Там же. 8–15–73. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Фороса в Минск, 26 августа 1917 г.

[146] Ливадия — курортное место в Ялте.

В Форосе Максим встретил ее заявлением, что он, по-видимому, никуда не попадет, так как он читал в газетах, что вследствие уничтожения процентной нормы для евреев конкурс аттестатов будет очень высок. На естественное отделение, куда подал он, нужно было иметь 5–4,5 балла в среднем. Если он не поступит, отсрочки от армии у него больше не будет. Екатерина Павловна не знала, что делать, как быть, и решила, что надо ехать в Москву (хотя в Ялте она побывала у доктора, и он нашел у нее в левом легком хрипы и велел пожить в санатории еще два месяца).

2 сентября Екатерина Павловна с Максимом покинули Форос и спустя неделю вернулись в Москву. Вскоре к ним приехал Алексей Максимович — заехал, возвращаясь в Петроград из Крыма, где отдыхал в Коктебеле вместе с Тихоновыми. Отдыхая, он вначале собирался поехать в Форос, затем думал, что Екатерина Павловна с Максимом приедут к нему в Коктебель вместе с Маргид на машине Ушковых, но когда эти возможности не осуществились, то (чтобы повидаться и обсудить дела сына) взял билет до Москвы и остановился у них «инкогнито».

Максим был принят в университет на физико-математический факультет (вскоре он перешел на естественное отделение этого факультета), однако уверенности в том, что учеба в университете освободит его от армии, не было. В газетах промелькнула заметка о призыве медиков 1-го и 2-го курсов. Николаев советовал Максиму поступать в артиллерийскую школу (пока обучат, и война кончится). Сам Максим хотел бы пойти в военное училище — в автомобильную роту, что соответствовало его наклонностям явно больше, чем учеба в университете[147]. Но родители настаивали на том,

[147] Эта идея у Максима возникла еще в январе 1917 г. Дело в том, что в петроградской автомобильной роте служил В. А. Крит, муж сестры М. Ф. Андреевой (он был владельцем квартиры на Кронверкском, в которой жили Алексей Максимович, М. Ф. Андреева и др.). Ученики автомобильной роты (позже она была переименована в автомобильную школу) не подлежали отправке на фронт. Друг Максима Костя Блеклов в 1916 г. был призван в армию и отправлен в школу прапорщиков для студентов. Когда спустя 4 месяца, в январе 1917 г., он получил звание прапорщика и был послан на службу в Тверь, откуда его должны были отправить на фронт, Максим попросил отца помочь Косте перевестись в автомобильную роту.

чтобы он учился: «Хотя со стороны правительства категорического заявления об отмене очередного призыва студентов — нет, но становится все более очевидным, что такого призыва и не будет. <...> А посему — успокойся и учись. Ходи на лекции и делай все, что требует наука, страстно желающая, чтоб ты ознакомился с ней. Лет через 30, 35 ты сам убедишься, что наука приятнее женщин, табаку, синематографа и прочих удовольствий жизни сей. А также — вина. Видишь, как мудро рассуждает твой уважаемый отец»[148].

Алексей Максимович пытался узнать о мобилизации на военную службу студентов высших учебных заведений:

— «Ничего не узнал! События, происходящие здесь, не дают никакой возможности добиться толка у людей по природе бестолковых. Все заняты “организацией твердой власти”, и никто не знает — будет ли объявлен набор или — роспуск трети армии? Я думаю, что М<аксиму> не надо поступать в военное, но не знаю — можно ли это? Голова идет кругом, очень тревожно за сына. А гражданская война почти неизбежна, — знаешь? Это ужасно!»[149]

— «Ничего не знаю и не могу узнать, друг мой, но — общее мнение лиц, прикосновенных к правящей демократии, — набора не будет. Это тем вероятнее, что на днях было издано распоряжение — закрыть школы прапоров. Полагаю, что ты можешь успокоиться, а Максим должен учиться, не думая о штыках, автомобилях и аэропланах. Перевелся ли он на естественный? Сообщи. Я имею для него две пары запонок, одна очень хорошей работы Фаберже, а другая — японская»[150].

— «Как будто узнал нечто более или менее определенное: Верховский[151] решительно против нового набора. Он полагает, что не время пополнять офицерство армии лицами привилегированных сословий — умная мысль! — и что те, кто учится, должны

---

[148] АГ. Т. XIII. С. 167. Горький — Максиму Пешкову. Из Петрограда в Москву, 30 сентября [13 октября] 1917 г.

[149] АГ. Т. IX. С. 203. Из Петрограда в Москву, 27 сентября [10 октября] 1917 г.

[150] Там же. С. 204. Из Петрограда в Москву, 9 [22] октября 1917 г.

[151] Верховский Александр Иванович (1886–1938) — военный министр Временного правительства (с 30 августа по 21 октября 1917 г.).

учиться. Так что молодежь, зачисленную в высшие учебные заведения, он не желает трогать»[152].

В конце сентября 1917 года Меллеры собрались уезжать из России, предположительно в Италию. Ю. А. Меллер предлагал Екатерине Павловне отпустить с ними Максима в качестве переводчика, и она отпустила бы его с радостью, но о такой возможности даже не сказала ему, даже «не пробовала», так как «с ним все равно ничего не выйдет», «одни разговоры». Что касается самой Екатерины Павловны, то она хотя и завидовала Александре Николаевне, что та попадет в «милые места», но уехать из России не хотела («как-то неловко сейчас уезжать из нашей несчастной России»[153]).

После возвращения из Крыма Екатерина Павловна не могла приняться ни за какое дело. На душе у нее было невесело, хотя ее окружали люди, которых она любила. Теперь у нее жили Бахи, вернувшиеся летом из эмиграции. (А. Н. Бах отсутствовал в России 32 года, и хотя он «сразу вошел в русскую жизнь», но еще не решил, заняться ли профессиональной работой — химией или партийной — войти в Учредительное собрание.) Часто заходил А. Ю. Фейт. (В Париже он находился в распоряжении русского военного агентства, благодаря хлопотам Зензинова в августе вернулся в Россию и был освобожден от военной службы.) Ненадолго приезжал Николаев. Приходили друзья. Она бывала в Думе на собраниях и заседаниях, но с трудом дожидалась их окончания, ей казалось, что там слишком много разговоров, что кадеты говорят толковее и больше по существу дела, чем эсеры, и сознавать это ей было неприятно. Она полагала, что от ее работы в Думе будет мало толку. («Беда. Какая-то мешанина»; «И сил нет — хоть в отставку себя сдавай»[154].) Ее не отпускала тревога за Максима, и она решила, что как только уладятся его дела, она уедет на Западный фронт работать в Детском отделе Всероссийского земского союза.

---

[152] АГ. Т. IX. С. 204. Из Петрограда в Москву, 13 [26] октября 1917 г.

[153] АГ. ФЕП-рл 8–15–80. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, 30 сентября 1917 г.

[154] Там же. 8–15–79. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Минск, 27 сентября 1917 г.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. Октябрь — декабрь 1917 г.

На Западном фронте во Всероссийском земском союзе работал М. К. Николаев. Кроме Земского союза, он работал во фронтовом комитете, а с августа — еще и в Управлении Военного комиссариата Западного фронта в должности начальника политотдела. Вернувшись в Россию в октябре 1916 года, он довольно быстро понял, что «спасти» ее вряд ли удастся. Находясь в Минске, он часто выезжал на фронт в действующую армию[155], возвращаясь в Минск, «заседал». Заседания длились до 1–2 часов ночи, на них обсуждалась программа действий, «рассчитанная на года». Его поражало, что никто не понимает трагичности происходящего, не чувствует грозящей катастрофы; он никогда не разделял веры в «революционную армию» и заигрывание с ней считал «безумием», и теперь ему казалось, что надвигается «безвластие», «анархия темных людей», не понимающих «государственности». Ему были «омерзительны» большевики, считавшие, что надо «углублять революцию». Большевистская тактика ему казалась «предательской» (ему представлялось, что большевики — либо «предатели-подлецы», либо «дураки»). Он доказывал Екатерине Павловне, что среди большевиков есть несомненные шпионы, но она «не верила и сердилась». В августе он принял участие в Совете ПСР, состоявшемся в Петрограде (он был представителем от фракции эсеров Западного фронта и имел мандат с решающим голосом); обстановка в партии (рост «эсеровского большевизма») его удручала. В Минске он участвовал в многочисленных съездах, конференциях, собраниях и встречах (эсеровская воинская конференция, съезд фронтовых учителей, собрания сестер милосердия и учителей по устройству на фронте школ, клубов-чайных, синематографов и др.). Участвовал он и в подавлении Корниловского мятежа (в ситуации, когда с утра до ночи и с ночи до утра звонили телефоны, городские и полевые, непрерывно поступали и отправлялись телеграммы, когда было необходимо приостанавливать корниловские эшелоны и пропускать идущие на фронт, а большевики «перетру-

[155] По состоянию здоровья М. К. Николаев не подлежал строевой службе (хотя в 1903 г. был зачислен в ратники), но был годен для нестроевой.

сили»). Спал он не более 3–4 часов в сутки, так как работа в комиссариате требовала присутствия на всех собраниях и съездах. К сентябрю он «во всем отчаялся, кроме просвещения»[156], но и просветительская работа осложнялась из-за межведомственных распрей и амбиций.

17 октября после торжественного ужина по поводу трех лет работы Всероссийского земского союза Николаев написал Екатерине Павловне, что очень боится этого месяца. Боялся он не напрасно: 25 октября в Петрограде произошло вооруженное восстание (Октябрьская революция), в результате которого установилась советская власть. Двумя днями ранее, 23 октября, в Минске начался крестьянско-солдатский съезд Западного фронта, целью которого было принятие списка выдвигаемых членов Учредительного собрания. Свою кандидатуру от партии эсеров выставил и Николаев (по совету Екатерины Павловны, считавшей, что в Учредительном собрании «нужны честные люди»). 25 октября съезд Западного фронта был закрыт, и Николаев отправил Екатерине Павловне

[156] В сентябре 1917 г. М. К. Николаев провел в Минске совещание всех культурно-просветительских обществ, работающих для Западного фронта. На этом совещании было принято решение объединиться и было выбрано временное бюро из 7 человек во главе с Николаевым в качестве председателя. Он поставил перед бюро практическую задачу (никаких теоретических разговоров он не позволял вести): открыть на Западном фронте школы грамотности в отдельных помещениях. По корпусам были разосланы телеграммы с запросом о наличии помещений, и там, где они отсутствовали, ставили фанерные домики. Из Москвы были выписаны учебники для 250 школ. Для учителей организовывались курсы на 150–200 человек. Для курсов подыскивались лекторы по разным темам — образовательным, политическим и др. (так, А. Н. Баха просили прочесть 2–3 лекции). Учителя должны были выработать для школ программы-инструкции. Кроме школ, устраивались клубы-читальни вблизи окопов (за 5–6 верст). Американцы из Христианской лиги (квакеры) предложили помощь: оборудовать за свой счет клубы. Они готовы были предоставить для клубов деньги на библиотеку, газеты, шашки, шахматы, установку граммофонов, кинематографов, устройство комнаты для писания писем, организацию около клубов на открытом воздухе площадок для игр и другое. Работать с культурно-просветительскими организациями квакеры начали только спустя два месяца после своего приезда в Минск после того, когда Николаеву удалось наконец доказать, что они не являются контрреволюционерами.

телеграмму с сообщением, что он на днях приедет в Москву, если все будет спокойно, но «спокойно» не было ни в Москве, ни в Минске.

В Москве большевикам было оказано вооруженное сопротивление. 26 октября для борьбы с красногвардейскими отрядами московское правительство создало Комитет общественной безопасности, который возглавили голова Московской городской думы эсер В. В. Руднев и командующий Московским военным округом полковник К. И. Рябцев (тоже эсер). В течение нескольких дней, начиная с вечера 27 октября, на улицах Москвы шли ожесточенные бои. Только 2 ноября Руднев подписал договор о капитуляции[157], а Комитет и Дума были распущены. В эти дни Екатерина Павловна пережила не только волнения за исход борьбы московского правительства (членом которого была) с большевиками, но и страх за жизнь Максима, ставшего большевиком. Ее воспоминания о событиях этих дней записаны с ее слов 21 марта 1961 года Е. П. Малиновской[158]. Екатерина Павловна рассказала следующее:

Вечером 27 октября она вместе с Алексеем Максимовичем присутствовала на спектакле в театре Моссовета[159]. После окончания спектакля они не сразу пошли домой, а остались ждать Максима, который должен был зайти за ними после собрания в Кремле. Часа два они дожидались его в комнате правления театра и, не дождавшись, пошли домой через Лубянскую площадь и Мясницкую улицу. Максима дома не было. Алексей Максимович позвонил в Кремль и попросил передать сыну, чтобы он немедленно шел домой. Максим категорически отказался, но его уговорили пойти, успокоить родителей и вернуться. По дороге из Кремля он был задержан юнкерами в Александровском саду и отправлен в арестное помещение (находившееся в Художественном кинотеатре

---

[157] В этот же день (2 ноября 1917 г.) А. Ф. Керенский подписал заявление о сложении с себя обязанностей премьер-министра и верховного главнокомандующего.

[158] Из дневника Елены Павловны Малиновской (см.: РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Ед. хр. 292).

[159] Театр Моссовета находился в ведении Московского Совета рабочих депутатов, а Екатерина Павловна была членом культурно-просветительской комиссии при Совете.

на Арбатской площади). Екатерина Павловна, не имея никаких вестей от Максима, ходила по моргам и искала среди умерших и убитых его труп. Еле держась на ногах, она возвращалась домой, где Алексей Максимович, взглянув на нее, ни о чем не спрашивал. Наконец местонахождение Максима было обнаружено: его знакомый, летчик В. Г. Соколов, получил от белых разрешение взять на поруки сына писателя М. Горького. Максим не хотел оставлять своих товарищей, сидевших вместе с ним в плену, и тогда один из большевиков стал его убеждать и убедил, что Алексея Максимовича волновать нельзя и что Максим должен покинуть их и уйти. Соколов забрал Максима с собой, увел к себе домой и дал знать Екатерине Павловне. Жил Соколов в одном из арбатских переулков, и в последующие дни Екатерина Павловна ежедневно пробиралась окружными путями из Машкова переулка на Арбат и приносила Максиму еду, т. к. с продовольствием в Москве было туго.

В Архиве Горького сохранилось поручительство В. Г. Соколова: «Мною 30 октября был взят на поруки задержанный около Кремля юнкерами студент Максим Пешков, содержащийся под стражей в Художественном электротеатре. Документы Максима Пешкова возвращены ему не были и остались в Александровском военном училище. Прошу документы возвратить подательнице сей записки, матери Максима Пешкова Екатерине Павловне Пешковой.

Военный летчик Шт<абс> кап<итан> Соколов. Москва. 3 ноября 1917 года»[160].

Сохранилось и письмо Алексея Максимовича, адресованное сыну: «Уезжая в Петроград, я очень прошу тебя отнестись более серьезно к событиям и к себе самому. Действительность уже дала тебе достаточно суровый урок, — запомни его! Тебе еще много придется перенести, много нужно и думать, и учиться, и работать. Не спеши с выводами. Помни, что наша страна нуждается прежде всего в честных и стойких людях. <...> Береги мать, она совсем растрепалась, и твоя история дорого обошлась ей»[161].

---

[160] АГ. Т. XIII. С. 169.

[161] Там же. С. 169. Горький — Максиму Пешкову. Москва, 19 декабря 1917 г. [1 января 1918 г.]. Скорее всего, дата, указанная на письме составителями, ошибочная. По-видимому, оно написано раньше.

В Минске большевики взяли власть 26 октября. Николаев писал Екатерине Павловне, что большевики захватили штаб фронта, арестовали главнокомандующего, из тюрьмы выпустили 1800 арестованных солдат, вооружили их винтовками, изъятыми из арсенала, и теперь по городу ходят банды веселых солдат, введена цензура и арестовываются распространители эсеровских прокламаций, а «Комитет спасения революции» не решается на какие-либо действия. Николаеву казалось, что более «поганого времени» в России еще не было: с фронта приходят ужасные вести, немцы наступают, а между своими — раздоры («люди не верят друг другу»), большевики как безумцы из «Бесов» («тупицы», «идиоты», «шкурники»), «Лучше бы не дожить до всего этого кошмара. Люди в безумии»[162].

26 октября (в первый день Октябрьской революции) большевики приняли декреты о мире и земле[163] (для солдат и крестьян понятные и долгожданные), а вскоре установили контроль над армией[164]. Деятельность большевистского правительства вызывала протест у членов других политических партий и у части народа, но так как Октябрьская революция проходила под знаком общедемократических задач, то оставалась надежда на выборы в Учредительное собрание. Подготовка выборов в Учредительное собрание началась сразу после Февральской революции. 9 августа Временное правительство назначило дату выборов — 12 ноября, в октябре стали публиковаться списки кандидатов, и в назна-

---

[162] АГ. ФЕП-кр 43–1–91. М. К. Николаев — Е. П. Пешковой. Из Минска в Москву, 30 октября 1917 г.

[163] «Декрет о земле» представлял собой эсеровскую аграрную программу (соответствовавшую интересам крестьянства), а не большевистскую (соответствовавшую интересам пролетариата). Позже Ленин писал, что большевики победили потому, что приняли не свою аграрную программу, а эсеровскую.

[164] В ноябре 1917 г. был смещен и убит Верховный главнокомандующий генерал Н. Н. Духонин. На его место был назначен большевик прапорщик Н. В. Крыленко. Генералы и офицеры, не принявшие советскую власть, увольнялись из армии, старая армия демобилизовывалась. К декабрю 1917 г. большевикам подчинились все военные фронты. 15 (28) января 1918 г. был принят Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

ченный день выборы состоялись. Они проводились по партийным спискам, в голосовании приняли участие около 50 миллионов человек, за эсеров проголосовало около 60 %. М. К. Николаев прошел по списку эсеров от Западного фронта и Совета крестьянских депутатов. В ноябре он еще оставался в Минске, так как там по окончании выборов проходил краевой крестьянский съезд. По окончании работы съезда он уехал в Петроград, где принял участие в работе эсеровской фракции по подготовке Учредительного собрания, открытие которого было назначено на 5 января 1918 года.

В декабре 1917 года Екатерина Павловна часто бывала в Петрограде, приехала она сюда в конце месяца и оставалась до открытия Учредительного собрания и еще несколько дней после его разгрома.

М. К. Николаев, которому Екатерина Павловна сопереживала, не мог принять решение — выступать ему на собрании или нет. (Раньше ему казалось, что возможно пробудить в людях тревогу за Россию, за жизнь подрастающих детей, была хоть и слабая, но вера в то, что по стране не разольется «подлость», «эгоистическая жадность», «невежество» и др., теперь он эту веру потерял, а «говорить без веры и сердца» он не умел[165].) Но выступать ему не пришлось.

Учредительное собрание открылось, как и было намечено, 5 января 1918 года.

Большинство мест принадлежало эсерам. Из 715 членов Учредительного собрания 412 были эсерами, 183 — большевиками.

Е. Фролова в статье «Если любишь Россию…» приводит описание первого (и последнего) заседания Учредительного собрания, цитируя письма Е. Е. Лазарева к жене:

«Открывать первое заседание, как старший по возрасту, должен был Лазарев, но у него был негромкий голос и сделать это предложили старому эсеру С. П. Швецову, “у которого голос был, что труба иерихонская. Когда он пошел к трибуне, со стороны большевиков и левых эсеров стучали руками и ногами, с галереи

[165] См.: АГ. ФЕП-кр 43–1–97. М. К. Николаев — Е. П. Пешковой. Из Петрограда в Москву, 23 декабря 1917 г.

неслись крики "Долой!". И вместо речи Швецов протрубил только: "Объявляю Учредительное собрание открытым!" И опять раздались крики, вой, на галереях солдаты и матросы орут, стучат, топают ногами"[166]. Большинством голосов председателем Учредительного собрания был избран лидер эсеров В. М. Чернов. Но не успел он и рта раскрыть, как взял слово председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Я. М. Свердлов, который заявил, что "Учредительное собрание будет иметь смысл, только если признает над собой власть большевиков"[167]. Тем не менее, Собрание продолжило работу. <...> "Чернов начинает свою длинную-предлинную митинговую речь-экспромт. Я сидел, как пришибленный: стыдно было слушать. <…> Ленин сидел за Черновым на ступеньках, и все большевики (Бухарин, Коллонтай, Крыленко) разговаривали, а Ленин хохотал, почти лежа. Красноречие увлекло митингового оратора, и он понес совсем не то <...>. Большевики ушли"[168]. В письме, конечно, есть и описание известного по многим другим источникам драматического финала — 6 января в 4 часа 40 минут Учредительное собрание прекратило свое существование ("караул устал" и т. п.)»[169].

В 2 часа ночи большевики и левые эсеры покинули заседание, правые эсеры продолжали заседать. Около 5 часов утра начальник охраны Таврического дворца 22-летний матрос А. Железняков приказал присутствующим покинуть зал заседания, заявив, что «караул устал». Депутаты тоже устали: заседание длилось уже более 12 часов, и за это время они только успели поставить на голосование проекты законов о мире, земле и республике, подготовленные эсерами. Депутаты решили сделать перерыв и возобновить работу в 17 часов того же дня, но когда они пришли в назначенное время, двери Таврического дворца оказались запертыми, а у входа стоял вооруженный пулеметами караул. В ночь с 6 на 7 января 1918 года ВЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Мирная демонстрация (всего несколько сотен безоружных

---

166 ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 270. Л. 14–15.

167 Там же.

168 Там же.

169 Фролова Евг. Если любишь Россию… Егор Егорович Лазарев // Звезда. 2007. № 7.

людей), протестующая против роспуска Учредительного собрания, была расстреляна большевиками[170].

После Февральской революции не прошло и года, а ситуация в политической и общественной жизни страны кардинально изменилась. «Революция 27 февраля — 1 марта 1917 г<ода> в России принесла с собой полное освобождение личности. Двери тюрем были открыты настежь: Временное Правительство дало самую широкую амнистию не только политическим, но и уголовным заключенным. <...> В политической и общественной жизни России это был краткий период романтизма, когда жизнь казалась прекрасной сказкой, человек видел в человеке брата, будущее России представлялось задернутым розовой дымкой, сквозь которую виделась широкая светлая дорога к всеобщему счастью… Но это продолжалось недолго. Подготовка июльского выступления большевиков вызвала первые, хотя и весьма слабые, репрессии со стороны Временного Правительства. <...> Неудавшееся июльское восстание большевиков подало повод к политическим арестам уже более многочисленным. Тюрьмы стали наполняться политическими заключенными. <...> Власть большевиков принесла с собой гораздо более решительный образ действий по отношению к многочисленным политическим и общественным группам, объявленным “контр-революционными”. Провозглашение диктатуры городского пролетариата и беднейшего крестьянства сопровождалось самыми широкими репрессиями. <...> Классовая борьба была обострена до крайних пределов: она перешла в неутолимую классовую ненависть. Была официально принята доктрина о несовместимости охраны прав личности с задачей революционного переустройства не только политического, но и социального строя в стране. Принятый курс правительственной политики неизбежно приводил к тер-

[170] На роспуск Учредительного собрания М. Горький откликнулся статьей «9 января — 5 января». Он писал: «Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови» (Новая жизнь. 1918. № 6. 9 января).

рору»[171] — так писал о переменах в жизни страны Н. К. Муравьев.

На защиту прав отдельной человеческой личности встала часть российских общественных деятелей. Екатерина Павловна была в их числе. Очень скоро в ее жизни начнется новый период — легальная работа по оказанию помощи людям, преследуемым властью по политическим мотивам. Эту работу она будет вести в Советском государстве в течение 20 лет, и именно в связи с этой работой ее личность представляет для нас такой интерес.

[171] Краткий очерк возникновения и деятельности Общества Красного Креста для помощи политическим заключенным в России / Политический Красный Крест // ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–32.

6

ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. МОСКОВСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ. ПОЛЬСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ. 1918–1922 гг.

«РАДИ СПАСЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ДОСТОИНСТВА ОБЩЕСТВА»: МОСКОВСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ; ОБЩЕСТВО «КУЛЬТУРА И СВОБОДА»; ЛИГА СПАСЕНИЯ ДЕТЕЙ. 1918 г.

«<26 января 1918, Петроград>

Только сегодня — 26-го получил ваше письмо, по штемпелю видно, что оно шло 9 суток. Скоро мы будем ездить по железным дорогам на извозчиках. Вы собираетесь на юг? Очень хорошо и одобряю, но почти уверен, что вас заберут в плен либо казаки, либо крымцы, либо какие-нибудь иные племена, враждебные столицам. Наверное, заберут и уморят голодом. Мы здесь живем в плену “большевиков”, как называют французы достопочтенных сотрудников Ленина. Житьишко невеселое и весьма раздражает, но — что же делать? Делать — нечего. “Претерпевый до конца, тот спасен будет”, — претерпели самодержавие Романова, авось и Ульянова претерпим. <...> Говоря серьезно — я бы не советовал вам, дети мои, уезжать из Москвы, подождите, пока раздерутся и додерутся до чего-нибудь. Право. А то еще попадете в сражение и — так далее»[1].

---

[1] Горький — Е. П. Пешковой. 26 января 1918, Петроград / «Живу в душевном противоречии с самим собой…» Письма Горького Е. П. Пешковой. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л. А. Спиридоновой // Горький и его корреспонденты. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 7. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 90.

Екатерина Павловна, возвратившись из Петрограда в Москву (она вернулась 12 января, через неделю после роспуска Учредительного собрания), собралась поехать с Максимом на юг, где, быть может, еще функционировали какие-то санатории Бюро курортно-санаторной помощи, но она никуда не поехала, ее захватила работа, ставшая делом ее жизни: она приняла участие в создании организации, получившей название «Московское общество Красного Креста для помощи политическим заключенным (Политический Красный Крест)». Она была среди тех общественных деятелей, о которых Н. К. Муравьев писал: «В такой-то беспримерный по обостренности политических и социальных столкновений момент у некоторых представителей русской общественной мысли в Петрограде и Москве возникли идеи о необходимости и важности именно в этот период жизни страны, в момент наивысшего государственного и общественного развала поднять старый стяг русской общественности — знамя уважения к человеку и заботы о попираемой человеческой личности, родилось стремление хоть сколько-нибудь облегчить ужасающие нечеловеческие страдания, испытываемые гражданами страны, содрогающейся в родовых муках нового периода своей истории»[2].

Бюро курортно-санаторной помощи официально закончило свою работу в ноябре 1917 года, а 10 декабря 1917 года в некоторых еще не закрытых петроградских оппозиционных газетах появилось следующее обращение:

«Общество помощи политическим ссыльным и заключенным (Красный Крест), работавшее 32 года при старом режиме, прекратило свою деятельность после революции 27 февраля, когда образовалось новое общество по помощи политическим освобожденным под председательством В. Н. Фигнер. Теперь, после революции 25 октября, комитет “Красного Креста” видит себя вынужденным возобновить свою деятельность по помощи политическим заключенным. Петроградские тюрьмы вновь переполнены, и

[2] Краткий очерк возникновения и деятельности Общества Красного Креста для помощи политическим заключенным в России / Политический Красный Крест // ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

заключенные нуждаются в самом необходимом — в пище, в одежде. <…> Комитет Красного Креста возобновляет привычную работу в знакомых условиях и обращается к обществу с просьбой поддержать его. Пожертвования принимаются в редакциях газет: “Воля народа”, “Дело народа”, “Единство” и “Народное Слово” и там же будут печататься отчеты»[3].

В Москве политический Красный Крест был создан позже, чем в Петрограде. Целью деятельности создаваемого Общества, по определению Н. К. Муравьева, являлась «защита идеи достоинства и прав человеческой личности»:

«Нам представляется совершенно необходимым, чтобы в момент наиболее обостренной политической борьбы <…> группа общественных работников, отойдя несколько в сторону от политической склоки и проведения идей диктатуры, подразумевающей максимум насилия в политико-социальной жизни, чтобы эта группа общественных работников, ради сохранения остатков культуры, безмерно страдающей в такие политические моменты жизни страны, ради спасения и сохранения достоинства общества, стала под знамя внепартийности, невмешательства в политическую борьбу, как необходимых условий своей деятельности, и всеми доступными ей средствами выступала в защиту идеи достоинства и прав человеческой личности, как таковой, поставив эту защиту в качестве цели своей деятельности.

Нам, работникам Общества, казалось, что если в момент крайней ломки политического и глубокого потрясения социального строя страны главнейшим деятелям переворота так естественно забывать в ожесточенной борьбе, что политические достижения, что социальные преобразования являются только средством, а целью — должно быть счастье народа, развитие человеческой личности, то этого не должны забывать те, быть может, немногие общественные работники, которые найдут в себе достаточно твердости и мужества, чтобы, не принимая участия в политической борьбе, во всеуслышание высказать эту мысль об огромной ценности человеческой личности, ныне безмерно по-

[3] Память. Вып. 4. Москва, 1979; Париж, 1979. С. 354, 355 // Стой в завете своем… / Сост. Т. А. Угримова, А. Г. Волков. М.: ОМО «АМА-Пресс», 2004.

пираемой, и о необходимости сосредоточить все усилия на том, чтобы ее достоинства и ее права терпели в общей схватке наименьший ущерб»[4].

Учредителями МПКК выступил 51 человек, среди них были известные с дореволюционных времен политические и общественные деятели, юристы, врачи, литераторы, в их числе: историк, редактор журнала «Голос минувшего» и один из руководителей издательства «Задруга» С. П. Мельгунов, член ЦК партии кадетов и в 1916 году московский городской голова Н. И. Астров, редактор эсеровской газеты «Труд» О. С. Минор, князь-анархист П. А. Кропоткин, графиня-благотворительница С. В. Панина, литераторы В. В. Вересаев, Ю. А. Бунин, Е. Д. Кускова, юристы Г. В. Филатьев, В. Н. Малянтович, А. И. Перес и многие другие известные и уважаемые люди. Почти все они были в той или иной степени добрыми знакомыми Екатерины Павловны, многие — из ее ближайшего окружения: М. К. Николаев, А. Н. Бах, Л. С. Гавронская, М. Б. Гиссен, А. А. Ховрин, Е. А. Гонтарев и др. Необходимым условием деятельности МПКК было отсутствие политических целей, внепартийность, невмешательство в политическую борьбу. Вступая в беспартийный МПКК, надо было оставить членство в политических партиях, и Екатерина Павловна вышла из ПСР. Первое Общее собрание МПКК состоялось 11 апреля 1918 года[5], оно избрало председателем МПКК Н. К. Муравьева, а заместителем председателя — Екатерину Павловну.

Сообщение о начале работы МПКК появилось спустя месяц после Общего собрания — сначала в некоторых московских газетах, а затем и в некоторых провинциальных. Под ним стояли под-

---

[4] Из речи Н. К. Муравьева на годичном собрании МПКК, проходившем 14 марта 1919 г. Цитируется по книге: «Стой в завете своем…» Николай Константинович Муравьев. Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. Москва: ООО «АМА-Пресс», 2004. С. 124–125.

[5] К Общему собранию была уже выработана структура МПКК. За два дня до собрания состоялось заседание комитета, на котором был утвержден состав Юридической, Хозяйственной и Медицинской комиссий. На Общем собрании присутствовало 85 человек, из них 51 являлся учредителями общества. Подробно о работе МПКК см. в Приложении.

писи: «Председатель Московского политического Красного Креста Н. К. Муравьев. Товарищ председателя Е. П. Пешкова. Секретарь А. Б. Левинсон». В сообщении отмечалось: «Политический Красный Крест и ныне, как прежде, пользуется всеобщим признанием, ибо лица всех политических партий и внепартийные не могут не сознавать, что исторические судьбы политической борьбы переменчивы, что за июльскими днями следуют октябрьские события, и политический побежденный сегодня становится победителем завтра и наоборот»[6]. Учредители МПКК полагали, что необходимость их деятельности диктуется ситуацией «государственного и общественного развала», с которой «как в июле власть Временного правительства, так в октябре и в последующие месяцы власть народных комиссаров оказалась не в силах <…> справиться»[7].

Создатели Московского политического Красного Креста (МПКК) сумели получить от властей разрешение на его легальную работу. МПКК был утвержден юридически в начале 1918 года, когда после захвата власти большевиками прошло всего несколько месяцев и победа новой власти не казалась окончательной. Немаловажным фактором, способствующим легализации МПКК, было и то, что в 1918 году государство диктатуры пролетариата только формировалось, его государственные структуры только выстраивались, гуманитарные (либеральные, буржуазные) ценности еще не были полностью отвергнуты, а среди людей, пришедших к власти, были и те, кто мечтал построить правовое государство. Так, народный комиссар юстиции И. З. Штейнберг[8], при содействии

---

[6] От политического Красного Креста // Наше Слово. 1918. 26 мая.

[7] Там же.

[8] Штейнберг Исаак Захарович (1888–1957). Член ПСР с 1906 г. В 1917–1918 гг. — член ЦК ПЛСР. В декабре 1917 г. назначен наркомом юстиции. С января 1918 г. — член ВЦИК. В январе 1919 г. арестован ЧК по обвинению в заговоре против советской власти, через 4½ месяца освобожден лично Дзержинским. В 1923 г. выехал за границу для работы в Венском Интернационале, после чего ВЦИК лишил его гражданства. До 1933 г. жил в Германии, представлял Заграничную делегацию ПЛСР и Союза эсеров-максималистов в Международном бюро рев.-соц. партий. Входил в состав объединенного комитета защиты заключенных революционеров в России. Умер в Нью-Йорке.

которого МПКК был легализован[9], получил юридическое образование в Гейдельбергском университете; назначенный наркомом юстиции 12 декабря 1917 года, он через неделю после назначения подписал Инструкцию Ревтрибуналу о «прекращении систематических репрессий против лиц, учреждений и печати». Позже, в августе 1918 года, управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич направил в Наркомюст письмо с описанием состояния тюрем и других мест заключения и требованием привести их в порядок, установленный законом. В письме говорилось, что «такие тюремные порядки недопустимы в Социалистической Советской Республике»[10]. В том же августе 1918 года Наркомюст выдал уполномоченным политического Красного Креста разрешение на право личных свиданий в тюрьмах со старостами политических заключенных[11]. Деятели МПКК на первых порах существования новой «народной» власти сотрудничали с ней, полагая, что после победы в Гражданской войне «красный террор» будет отменен и начнется строительство правового государства. Они считали, что «общественная функция» МПКК носит временный характер, что она будет выполнена, когда в России установится «лучший общественный

---

[9] Архивные дела Московского политического Красного Креста открываются копией письма И. З. Штейнберга в Комиссариат по судебным делам:

«НАРОДНЫЙ КОМИССАР ЮСТИЦИИ.

Январь 30 дня 1918 г.
№ 980
г. Петроград
В Комиссариат по судебным делам.

Уважаемые товарищи.

Прошу вас отнестись внимательно к предложению тов. ВИНАВЕРА о создании «Политического Красного Креста» в Москве.

У нас есть уже в Петрограде такой, и он прекрасно работает.

Примите товарищеский привет.

Народный комиссар Юстиции И. З. Штейнберг» (ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

[10] Письмо из СНК в Наркомюст от 24 августа 1918 г. (Копия) // ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 369. Л. 4.

[11] Письмо «Губернским и областным Комиссариатам Юстиции /по Карательным отделам/» от 31 августа 1918 г. // ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 369. Л. 6, 6 об.

строй», при котором «осуществится давняя мечта многих о счастье всего человечества»[12].

Зимой — весной 1918 года, когда Екатерина Павловна в Москве работала по созданию МПКК, Алексей Максимович в Петрограде «затевал» общество «Культура и свобода»[13], первый митинг которого состоялся так же, как и первое общее собрание членов МПКК, в начале апреля:

«Затеяно о<бщест>во “Свобода и культура”, хотим координировать работу всех культурно-просветительских о<бщест>в, клубов, кружков. Вчера в цирке Чинизелли был первый наш митинг, прошел весьма успешно, множество народа, прекрасно принимали ораторов: В. Фигнер, Базарова, Архангельского, Колосова, Кубикова, Потресова. Видишь, какая мешанина? А я — председатель оной “Свободы и культуры”. Если нам удастся сделать то, что хочется, — это будет хорошо. А не удастся — ну, что ж? Еще одно разочарование»[14].

«Просветительское общество “Культура и свобода” в память 27 февраля 1917 г.» было создано в марте 1918 года. В состав оргкомитета входили В. Фигнер, Г. Лопатин, В. Засулич, Г. Плеханов и др. общественные деятели, председателем Общества был избран М. Горький, его заместителем — В. Фигнер. Общество призывало объединиться «всех честных людей на дело духовного возрождения страны», «встать над политикой» и ставило следующие задачи: координация деятельности культурно-просветительских учреждений, устройство народных библиотек, читален, организация лекций и экскурсий. Общество проводило митинги в защиту культуры, организовало сбор книг для народных библиотек, открыло «Красный Крест помощи лицам интеллектуального труда». При Обществе было создано издательство. Общество «Культура и свобода» просуществовало около года, официально его деятельность продолжалась до марта 1919 года, но практически закончилась в конце 1918 года. Издательство успело выпустить один номер еже-

---

[12] От политического Красного Креста // Наше Слово. 1918. 26 мая.

[13] «Моя задача — объединение всей интеллигенции на почве культурной работы», — писал М. Горький А. Н. Баху, приглашая его принять участие в работе общества (АГ. Т. IX. С. 384).

[14] АГ. Т. IX. С. 205. Из Петрограда в Москву, 8 апреля 1918 г.

месячного журнала «Вестник культуры и свободы» и один сборник «Культура и свобода». В предисловии к сборнику (вышедшему под редакцией М. Горького и с его статьей «Революция и культура») М. Горький писал: «И вот — люди разных партий, разных взглядов, единодушно и пламенно зовут нас <...> к духовному возрождению нашей измученной, больной, одичавшей страны»[15].

Отделение общества «Культура и свобода» было создано и в Москве. Его организаторы образовали временный Московский комитет общества «Культура и свобода», в который вошли многие члены МПКК, в том числе и Екатерина Павловна. На бланке московского отделения Общества было указано: «Культура и свобода». Просветительское Общество в память 27 февраля 1917 г., Москва, Кузнецкий Мост, 16». В апреле 1919 года общество «Культура и свобода» освободило несколько комнат, предоставив их в распоряжение МПКК[16].

Активное участие в работе московского отделения Общества принял М. К. Николаев. Он после того, как в конце января 1918 года новыми властями была распущена старая (царская) армия, не вступил в Красную армию, а покинул фронт и с февраля 1918 года жил в Москве (сначала у Екатерины Павловны, а затем в том же доме, в том же подъезде этажом ниже — в квартире № 13). По делам «Культуры и свободы» он часто бывал в Петрограде, занимался отбором книг, заключал договора. (Профессией М. К. Николаева в Советской России стала издательская работа, в Советском государстве он не принимал участия в политической и общественной

---

[15] Культура и свобода: Сборник первый. Птг., 1918. С. VI.

[16] До апреля 1919 г. приемная МПКК находилась по адресу: М. Никитская, д. 25. После закрытия МПКК в 1922 г. в доме № 16 по Кузнецкому Мосту находилась приемная ПОМПОЛИТа. В 1927 г. нумерация домов по Кузнецкому Мосту изменилась и д. 16 получил порядковый номер 24. Позже (с 1936 г.) в этом доме находилась также Комендатура НКВД, затем — Приемная КГБ СССР, теперь — ФСБ РФ. Порядковый номер дома в настоящее время: д. 22 (по Кузнецкому Мосту).

Какая-то работа обществом «Культура и свобода», по-видимому, велась и год спустя, т. к на заседании Комитета МПКК, состоявшемся 12 ноября 1920 г., в числе постановлений было: «Просить В. Н. ФИГНЕР и И. С. КАЛЬМЕЕРА переговорить с “Культурой и свободой” относительно получения еще двух комнат в распоряжение Креста» (ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 9. Л. 4).

деятельности.) В декабре 1918 года, находясь в Петрограде, он писал Екатерине Павловне, что «Культура и свобода» умирает, что культурно-просветительской работы нет никакой, да и какая может быть культурно-просветительская работа, когда всех заел голод. В Питере постоянное ощущение голода: селедка и чай, хлеба нет, в столовых нет блюд, выдаваемых без карточек, а есть грязь и некультурная публика с ужасными манерами, так что вместо равенства — «уравнивание по нищенству». В помещении «Культуры и свободы» — мерзость запустения, пыльно, холодно и «полная безалаберщина». С книгами тоже трудно — и трудно их находить, и дорогие, и на вывоз нужно разрешение, которое тоже трудно получить, и время уходит на стояние за карточками и удостоверениями[17].

Голодал не только Питер. В России, разоренной войной и революциями, в обстановке Гражданской войны и военной интервенции становилось все больше беженцев и все больше бездомных детей. Для оказания помощи голодающим и беспризорным детям осенью 1918 года была создана Лига спасения детей. Ее инициатором был В. Г. Короленко, основателями и активными участниками — Е. Д. Кускова, Н. М. Кишкин, Л. А. Тарасевич, Е. П. Пешкова и некоторые другие общественные деятели. Работники Лиги организовали свыше 18 колоний, 11 детских садов, санаторий, детские клубы и огороды. Здесь детей кормили, лечили, учили, помогали социально адаптироваться и приобрести специальность. Благодаря усилиям работников Лиги — российских интеллигентов (общественных деятелей, учителей, врачей, кооператоров) — удалось помочь выжить и стать на ноги тысячам детей (за время существования Лиги через нее прошло 3,5 тысячи детей). О работе Лиги, о подопечных детях (среди которых были дети «всякого возраста и, безусловно, с улицы» и очень много крестьянских детей), о проблемах их воспитания в условиях войны, революционных преобразований и голода рассказала Е. Д. Кускова (бывшая так же, как и Екатерина Павловна, членом Президиума Лиги): «Худенькие ручки и печальные, недетские глаза <...>. Эту картину не всегда можно

[17] См.: АГ. ФЕП-кр 43–1–104–105. М. К. Николаев — Е. П. Пешковой. Из Петрограда в Москву, декабрь 1918 г.

было без слез видеть. Но что получается? Не только материализм. В Лиге спасения такие же крошки или немного больше прятали сахар, кусочек хлебца, чтобы отдать на свидании <...> маме или другой сестренке! Разве это не высоконравственные моменты! Я уже не говорю о массовой работе, колоссальной работе 15–16-летних юношей и девушек, которые нередко держат на своих плечах целый дом. И какие это юноши <...>. Сильные, выносливые, сметливые. Это те, которые выживут среди вьюги и мороза. <...> Это — плоды своеобразного естественного отбора»[18]. Работники Лиги верили, что их усилия не напрасны, что в России, несмотря на тяжелейшие условия, вырастает поколение новых замечательных людей.

Лига являлась независимой общественной организацией, работала легально, т. к. была утверждена Совнаркомом, но просуществовала, несмотря на необходимость что-то делать с беспризорными детьми (решить их проблему) и на эффективность работы, только около двух с половиной лет. Независимая организация не устраивала власть. Поводом для ее закрытия послужило предложение руководителей Лиги обратиться к заграничным организациям с просьбой о предоставлении помощи для спасения голодающих детей. Это предложение было внесено в СНК весной 1920 года, а в январе 1921 года все детские учреждения Лиги спасения детей (созданные и работающие благодаря усилиям общества, а не государства) власть передала в распоряжение отдела народного образования. Позже, осенью 1921 года, когда детская беспризорность захлестнула страну, при ВЦИК была образована Комиссия по улучшению жизни детей под председательством Ф. Э. Дзержинского.

* * *

И немного о людях, бывших вместе с Екатериной Павловной организаторами и активными деятелями Лиги спасения детей.

Екатерина Дмитриевна КУСКОВА (1869–1958) приобрела известность как общественный и политический деятель во время революции 1905–1907 годов. Она не была членом ни одной из

[18] Е. Д. Кускова. А что внутри? / Воля России. 1922. № 6.

политических партий (в юности увлекалась народничеством, потом перешла на позиции марксизма, на учредительном съезде партии кадетов была заочно выбрана в состав ЦК, но от вступления в партию отказалась). В 1892 году во время «холерного бунта» в Самаре она участвовала в работе санитарного отряда и чуть не погибла при столкновении с разъяренной толпой. Это событие определило ее мировоззрение: воспитание народа (культурное и политическое) казалось ей самой важной задачей. С января 1906 года была издателем, редактором и постоянным сотрудником различных политических изданий: еженедельник «Без заглавия», газеты «Товарищ» и «Русские ведомости», журнал «Современник», газета «Власть народа»[19]. Участвовала в движении за женское равноправие. Увлекалась масонством, являлась членом Петроградской женской масонской ложи. После Февральской революции активно работала в кооперативном движении. После Октябрьской революции была одним из учредителей МПКК и членом его Комитета, а затем — Совета, организатором и активным деятелем Лиги спасения детей и Всероссийского комитета помощи голодающим (ВКПГ). В августе 1921 года вместе с другими деятелями ВКПГ была арестована и отправлена в ссылку. Благодаря хлопотам МПКК, В. Н. Фигнер и Екатерины Павловны ссылка была заменена высылкой за границу. За границей первоначально жила в Берлине, в 1924 году переехала в Прагу, а в 1939 году после оккупации Чехословакии немецкими войсками перебралась в Женеву. Все годы жизни вне России она сотрудничала в русскоязычных газетах и журналах и почти до конца 1930-х годов принимала участие в помощи российским политзаключенным и ссыльным. Она была председателем Берлинского комитета помощи политическим заключенным и ссыльным в России, а затем активным членом Пражского политического Красного Креста; в частности, она договаривалась о передаче в Россию денег. Деньги передавались через М. Л. Винавера и Екатерину Павловну, выезжавших за границу, — они имели такую возможность благодаря работе в Польском Красном Кресте.

[19] Ежедневная демократическая и социалистическая газета «Власть народа» издавалась в Москве с апреля 1917 г., летом 1918 г. была закрыта как оппозиционная.

Каковы были отношения Екатерины Павловны и Екатерины Дмитриевны? Существует мнение, что они были близкие подруги и члены масонской ложи. Однако, как утверждает исследователь масонства А. И. Серков, имя Е. П. Пешковой в списках масонских лож отсутствует[20]. Говорится, что возможность навещать Кускову Екатерине Павловне предоставлял Дзержинский с целью посеять раскол в среде русской эмиграции — убедить интеллигенцию вернуться в Россию. Однако Е. Д. Кускову не надо было убеждать. Она была в числе первых из небольшевистского лагеря, кто пошел на сотрудничество с советской властью. Она была патриоткой России и все годы (более 35 лет), которые прожила в эмиграции, считала себя не эмигранткой, а «высланной». Она была одним из лидеров «возвращенцев»[21], и Екатерина Павловна, пока могла, пыталась помочь ей вернуться на родину. Близкими подругами (как с Е. К. Малиновской) они, скорее всего, не были, связывала их совместная общественная работа — помощь людям. (Какое-то значение, наверное, имели дружеские отношения между Алексеем Максимовичем и Екатериной Дмитриевной, начавшиеся в 1894 году, когда Екатерина Дмитриевна отбывала ссылку в Нижнем Новгороде; позже их отношения изменились, но об этом ниже.)

---

[20] На сайте «Объединенной Великой Ложи России» (http://www.mason.ru/freemasonry.php?s=1&second=75&th) приводится «список “ложных братьев”, о ком пишут в литературе, но которые масонами не были (хотя некоторые по своим качествам могли стать таковыми). В этом списке есть фамилии Е. П. Пешковой и М. Горького.

[21] В 1922 г. из России была выслана большая группа интеллигентов — идеологических противников власти большевиков. В соответствии с большевистским законодательством высылка назначалась на 3 года, поэтому формально осенью 1925 г. срок ее истекал, и можно было начать ходатайствовать о возвращении в Россию. Высылка была насильственной и большинством высылаемых воспринималась как тяжелое наказание. Но спустя 3 года ситуация изменилась и для многих путь, по которому пошла Россия, стал неприемлем, и они решили остаться за границей. Однако были и немногие другие — охваченные «ностальгией» и мечтавшие вернуться на родину, так называемые «возвращенцы». Самым ярким представителем «возвращенцев» был А. В. Пешехонов. Выступления Пешехонова, поддерживаемые Е. Д. Кусковой, С. Н. Прокоповичем и М. А. Осоргиным, способствовали второй, после сменовеховства, волне возвращения интеллигенции на родину.

Николай Михайлович КИШКИН (1864–1930) — политический и государственный деятель, по профессии врач. В 1899 году окончил медицинский факультет Московского университета и основал в Москве водолечебницу и пансион для нервнобольных. Он был одним из создателей кадетской партии, членом ее ЦК, а в 1907–1914 годах — товарищем председателя. После начала Первой мировой войны был одним из организаторов Всероссийского союза городов. В дни Февральской революции был назначен комиссаром Временного правительства в Москве и избран председателем Исполнительного комитета общественных организаций. После подавления военного мятежа Корнилова вошел в коалиционный кабинет в качестве министра государственного призрения. 25 октября 1917 года был назначен генерал-губернатором Петрограда. Был арестован большевиками вместе с министрами Временного правительства. Освобожден весной 1918 года. Принял активное участие в организации Лиги спасения детей[22]. Арестовывался неоднократно. В 1919 году за участие в деятельности «Тактического центра»[23] был привлечен к суду Военного трибунала, оправдан и, несмотря на советы эмигрировать, остался в России. Стал одним из организаторов ВКПГ. В августе 1921 года был арестован, как и другие члены Комитета, и отправлен в ссылку, которую отбывал в Вологде вместе с Кусковой и Прокоповичем, но, в отличие

[22] Он был одним из 7 человек (Д. И. Шаховской, П. Н. Диатроптов, Н. М. Кишкин, Е. Д. Кускова-Прокопович, Г. В. Филатьев, М. Л. Винавер, Н. К. Муравьев), чья подпись поставлена под подлинником устава Всероссийского общества «Лига спасения детей» (РГАЛИ. Ф. 1185. Ед. хр. 1081).

[23] «Тактический центр» был образован в апреле 1919 г. В него входили члены свергнутого большевиками Временного правительства и представители интеллигенции. Централизованной структурой организация не обладала, не имела устава и четко сформулированной программы, скорее, это был «мозговой центр», члены которого вели долгие дискуссии по отдельным проектам государственного устройства, старались найти решение актуальных вопросов экономического и социального характера. В феврале — мае 1920 г. были арестованы 28 членов организации. Суд состоялся в августе 1920 г. 20 человек были приговорены к расстрелу с заменой на тюремное заключение от 3 до 10 лет, остальные — к разным мерам наказания. (Дочь писателя А. Л. Толстая была приговорена к 3 годам заключения в концлагере.) В феврале 1921 г. осужденные по делу «Тактического центра» были амнистированы.

от них, заменить ссылку на выезд из России не захотел. Из ссылки вернулся в декабре 1922 года, жил в Москве, высоких государственных и иных постов не занимал, работал в курортном отделе Наркомздрава. В 1927 году тяжело заболел, после чего работать не смог («после удара он поправляется и крайне безучастно ко всему относится», — сообщала о нем Екатерина Павловна[24]). После вынужденного ухода на пенсию он был лишен продовольственных карточек и денежного содержания.

С февраля 1918 года Н. М. Кишкин стал членом МПКК, принят был по рекомендации Н. К. Муравьева и Е. П. Пешковой; позже входил в Совет МПКК (вместе с В. Н. Фигнер, П. А. Кропоткиным, Е. Д. Кусковой, С. Н. Прокоповичем и др.).

При обыске, произведенном чекистами в квартире Екатерины Павловны в июле 1919 года, было изъято заявление, написанное Алексеем Максимовичем в ВЧК во время одного из арестов Кишкина (арестовывался он неоднократно): «Всеросійской Чрезвычайной комиссии. Очень прошу освободить арестованного Николая Михайловича Кишкина на поруки мне. М. Горький. 18.II.19»[25]. Екатерину Павловну с Н. М. Кишкиным связывала общая работа, и после его возвращения из ссылки они практически не общались.

Лев Александрович ТАРАСЕВИЧ (1868–1927) — один из основоположников отечественной микробиологии, иммунолог, эпидемиолог, крупный организатор здравоохранения и общественный деятель. Окончил естественный факультет Новороссийского университета в Одессе, затем получил медицинское образование в Военно-медицинской академии в Петербурге и в Париже. В 1900–1902 годах работал в Париже в Пастеровском институте у И. И. Мечникова. С 1907 года жил в Москве, был видным членом партии народных социалистов. В годы Первой мировой войны работал в Красном Кресте (главный военно-полевой санитарный инспектор армии). Был одним из очень немногих народных социалистов, кто пошел работать к большевикам на руководящую работу. В 1918 году основал и возглавил первую в России станцию Конт-

[24] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 60–67. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. 24 сентября 1927 г. <Сорренто>.

[25] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-65157. Л. 4.

роля сывороток и вакцин (теперь НИИ стандартизации и контроля медицинских и биологических препаратов, с 1927 года имени Тарасевича), был председателем медицинского совета Наркомздрава, с 1920 года директор Государственного института народного здравоохранения. В то время, когда значительная часть интеллигенции выступала за саботаж власти большевиков, он, так же как и Кускова, был убежден, что для восстановления страны надо работать, и работал с громадным напряжением. Во время голода 1921 года он вместе с лучшими представителями российской интеллигенции создавал Всероссийский комитет помощи голодающим. (Он входил в делегацию из 4 человек — Е. Д. Кускова, А. П. Левицкий, П. А. Садырин, Л. А. Тарасевич, посетившую Кремль с предложением создать ВКПГ.) Позже во время его поездок за границу (его выпускали для установления связи между учеными Европы и «новой России») он встречался с Кусковой, высланной из России, и активно переписывался с ней по вопросу возвращенства. Летом 1927 года он умер в санатории в Германии (после неудачной попытки покончить с собой)[26].

Профессор Л. А. Тарасевич был членом МПКК с 1921 года (рекомендацию ему дали Е. Д. Кускова и Н. М. Кишкин). Он был одним из лекторов на вечерах, устраиваемых МПКК для сбора средств в пользу политзаключенных. После гибели Л. А. Тарасевича Екатерина Павловна общалась с его семьей (жена Л. А. Тарасевича находилась в родственных связях с женой Р. Роллана — Марией Павловной, по первому мужу Кудашевой).

МАКСИМ И АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ. ОБЫСК И НАЧАЛО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА. 1918–1919 гг.

В марте 1918 года Екатерина Павловна послала Алексею Максимовичу белый хлеб: «Милостями твоими, преблагая Екатерина, весьма

[26] После трагической гибели Л. А. Тарасевича (его мучило сознание, что он «ничего не сделал», что он погубил всех близких, в санатории ему чудились ужасы и шпионы) в «Современных записках» была напечатана о нем статья-некролог Е. Д. Кусковой. В статье рассказывалось о нем — «мученике долга» и его огромной работе на благо России.

тронут и утешен; хлеб получил и с наслаждением пожрал. Давно уж я не ел белого хлеба! Хорошая пища! У нас здесь ржаной не каждый день, а когда есть — то гораздо больше соломенный, чем ржаной. Очень обидно есть такой хлеб мне, бывшему булочнику и пекарю. <...> Ты жалуешься: мука 5 р<ублей> фунт — здесь она стоит — 12!»[27]

В Москве с продуктами было несколько лучше, чем в Петрограде, но и здесь хлеба не хватало. За ним в Сибирь были отправлены три санитарных поезда.

«Зима и весна 1918 года были тяжелым временем для жителей замерзающей и голодной Москвы. Жители получали всего лишь по одной восьмушке хлеба, так как не было подвоза хлеба из Сибири и других хлебных районов. Транспорт был разбит, не хватало подвижного состава. Тогда решили использовать некоторые санитарные поезда, стоящие без дела на запасных путях железной дороги в Москве, для доставки хлеба в голодающую столицу[28]. Три таких поезда №№ 200, 202 и 204 Земского Союза получили правительственное задание отправиться в Сибирь в город Барнаул для достачи хлеба: обменять мануфактуру, полученную на Московских фабриках, на хлеб и доставить его в распоряжение Московского продовольственного комитета. Начальником этого отряда назначен был А. С. Новиков-Прибой, а я получила место заведующей хозяйством поезда № 204. На моем поезде вместе со мной поехали в Сибирь сын А. М. Горького Макс, юноша лет 18-ти, и писатель Иван Вольнов», — вспоминала Мария Людвиговна Новикова, жена А. С. Новикова-Прибоя[29].

«Санитарный поезд № 204.

1-го апреля н<ового> с<тиля>[30]. 1918 г. Проехали Вятку.

Дорогой папа

Едем в Барнаул за хлебом. Выехали из Москвы 26 марта. Раньше (25-го) тронуться не могли, так как поезд примерз к рель-

---

[27] Горький и его корреспонденты. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 93. Горький — Е. П. Пешковой. Вторая половина марта 1918, Петроград.

[28] 11 марта 1918 г. в связи с угрозой приближения немецких войск к Петрограду правительство переехало в Москву. 12 марта 1918 г. Москва стала столицей Советского государства.

[29] АГ. Т. XIII. С. 173. Из личного архива А. С. Новикова-Прибоя.

[30] Григорианский календарь был введен в Советской России с 1 (14) февраля 1918 г.

сам и паровоз не мог оторвать его. Утром 26-го при помощи толкача и А. Силыча (начальника поезда) мы двинулись. Толчок был так силен, что все полетело со стола, причем Иван Егорович, рискуя собственной репутацией (бывший член Учредительного собрания), спас от падения кипящий самовар. <...> Компания наша следующая. Силыч — Новиков-Прибой, его жена и сын. Иван Егорович Вольнов. Я, Михаил Филиппович, "максималист"[31], весь день спорит с поручиком (о поручике на следующей строке).

Поручик (сволочь). Кадровый контрреволюционер. Развлекает публику рассказами, как он поддерживал дисциплину в полку. За отказ (после революции 1917 г.!) отдать честь — "по морде". В июльское наступление принимал деятельное участие в расстреле отступающей роты своего полка, "развращенного" большевиками. "Навел "Максимку" (пулемет Максима) и поливаю, человек 60 свалил". Я обыкновенно ухожу, когда он начинает разглагольствовать. Иду в вагон охраны (50 человек солдат).

<...> Солдат из охраны рассказывает, как ночевал в разгромленном доме. Кончает так: "А вкусный я чай потому пил, потому что самовар богами разжигал" (иконами).

Пока пишу тебе, проехали верст 15 к северу. Здесь на ст<анции> Яр хлеб фунт 90 к<опеек> и молоко 40 к<опеек> бутылка, теплое, парное — молоко из близстоящей коровы.

Я санитар. Мои обязанности состоят в том, что я должен являться в столовую 4 раза в день и поглощать сколько влезет хлеба, мяса, супа, макарон, масла, кофе и чаю. Вот каковы мои обязанности. <...> Недавно встретили поезд из Барнаула, груженный хлебом и овсом. В Барнауле белый хлеб 8 р<ублей> — 10 р<ублей> пуд, черный 6–7 р<ублей> пуд, масло 2 р<убля> — 2 р<убля> 50 <копеек> фунт, колбаса 1 р<убль> 00 <копеек> фунт. Рябчики, перепела, куропатки 1<рубль> 50 <копеек> пара. Тетерева 2 р<убля> пара и глухари пара 5–7 р<ублей>. Вот какие цены на продукты в Барнауле»[32]. На этом письме имеется приписка Алексея Максимовича к Екатерине Павловне: «Вот тебе еще сыново письмо, сейчас только получил. А.»

---

[31] Работник Всероссийского земского союза, кооператор, фамилия неизвестна.

[32] АГ. Т. XIII. С. 169–173. Максим Пешков — Горькому. <Из санитарного поезда — в Петроград, 1 апреля 1918 г.>

В своих воспоминаниях о М. А. Пешкове А. С. Новиков-Прибой рассказывает[33], что о предстоящей поездке в Сибирь за хлебом он и его жена говорили с Екатериной Павловной у нее дома. Разговор велся в присутствии Максима и И. Е. Вольнова. Максим чрезвычайно заинтересовался сибирской тайгой, которую он никогда не видел, и Новиков-Прибой предложил ему поехать в качестве санитара, на что «Макс с юношеским увлечением ответил: — Я готов с радостью поехать кем угодно. Только бы посмотреть Сибирь». Вольнов тоже выразил желание отправиться в Сибирь в качестве санитара («Его тянуло глубже познать революцию»). Екатерина Павловна возражала против поездки Максима, но ее уговорили и «в конце концов, Екатерина Павловна скрепя сердце согласилась отпустить сына в далекое путешествие. <...> На другой день правление Земского союза без возражений утвердило прием новых санитаров: Ивана Вольнова и Макса»[34].

По-видимому, это утверждение так легко состоялось благодаря тому, что Екатерина Павловна, работавшая во Всероссийском земском союзе и занимавшаяся беженцами, имела отношение к санитарным поездам. Еще в апреле 1917 года Бюро помощи освобожденным политическим (которое Екатерина Павловна возглавляла) при содействии Всероссийского земского союза отправило за ссыльными два «прекрасно оборудованных» санитарных поезда. В поезде № 204, ездившем за хлебом в Сибирь и состоявшем из 73 вагонов, 20 вагонов было с беженцами — подопечными Земского союза. В конце мая 1918 года Екатерина Павловна сумела помочь И. А. Бунину с женой устроиться в санитарный поезд, идущий на юг[35].

Екатерина Павловна много работала, Алексею Максимовичу писала не часто: «С разными людьми, военными и штатскими, я

---

[33] АГ. Т. XIII. С. 303–314. А. С. Новиков-Прибой. Поезд № 204.

[34] Там же. С. 303–304.

[35] 21 мая 1918 г. Бунины покинули Москву и уехали в Одессу в санитарном поезде. Поезд отходил с Савеловского вокзала, провожали Буниных два человека: Екатерина Павловна и Ю. А. Бунин. Екатерина Павловна отхода поезда не дождалась, т. к. отправился он с большой задержкой, а она, как всегда, спешила.

посылаю тебе письма, — получаешь ли ты их?»[36]; «Послал тебе — давно уже — письмо почтой, не отвечаешь; видимо, не получила еще»[37]; «Как живешь? Пиши, мать! А то — беспокойно»[38]; «Напиши мне! <...> Ты здорова? Знаю, что ты в К<расном> К<рес-те>»[39]; «Что ты мне не пишешь, ведьма? Где Максим? Ничего не знаю ни о нем, ни о тебе. <...> Пожалуйста, извести, что с тобой и сыном и святым духом. Извести!»[40]

Максим писал отцу: «<...> мамаша ничуть не изменилась, и у телефона нет никаких шансов пользоваться 8-ми часовым рабочим днем. Несмотря на то, что он неоднократно пробовал бастовать»[41]; «NB. Забыл сообщить “чрезвычайную” новость. Мать, для того, чтобы поспеть в день всюду, куда ей надо, решила купить по случаю (за 60 р.) лыжи. Воображаешь ее на лыжах, бегущей вниз по Кузнецкому мосту с портфелем подмышкой!!! Когда растает, я решил подарить ей коньки на колесиках»[42].

Работа Екатерины Павловны осуществлялась в сотрудничестве с новой властью, но при этом ее огорчало, что Максим увлечен «большевизмом». Алексей Максимович старался ее утешить: «Макс приехал в добром порядке, и я не нахожу, чтобы он особенно был увлечен большевизмом; нет, напротив, мне кажется, что он достаточно умело оценивает все факты pro и contra. Конечно — он молод, а это немалый недостаток с нашей точки зрения, мы с тобой — люди солидные и уже чуждые увлечений, как это известно тебе и мне»[43].

Алексей Максимович все-таки ошибался: Максим, может быть, был не очень увлечен «большевизмом» как идейным течением, но

---

[36] Горький и его корреспонденты. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 92. Горький — Е. П. Пешковой. Середина марта 1918, Петроград.

[37] АГ. Т. IX. С. 205. Из Петрограда в Москву, 8 апреля 1918 г.

[38] АГ. Т. IX. С. 206. Из Петрограда в Москву, 28 апреля 1918 г.

[39] АГ. Т. IX. С. 205. Из Петрограда в Москву, не ранее 26 мая 1918 г.

[40] АГ. Т. IX. С. 205. Из Петрограда в Москву, середина июня 1918 г. Письмо послано с оказией.

[41] АГ. Т. XIII. С. 181. Максим Пешков — Горькому. Из Москвы в Петроград, 14 декабря 1918 г.

[42] Там же. С. 185.

[43] Горький и его корреспонденты. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 90. Горький — Е. П. Пешковой. Середина марта 1918, Петроград.

с июня 1918 года он уже работал в Чрезвычайной комиссии по борьбе со спекуляцией, а в 1920 году вступил в партию большевиков[44]. В анкете члена РКП он дал о себе следующие сведения: 23 года, начальное образование получил за границей, общее: Москва, Реальное училище Бажанова, специальное: Московский Университет, 1 курс. Состав семьи: отец, мать, бабушка; отец — писатель, мать — в Лиге спасения детей. (О политическом Красном Кресте и о «Просветительском обществе “Культура и свобода” в память 27 февраля 1917 года» Максим не стал упоминать.)

Учебе в университете Максим предпочел работу в ЧК, хотя в жестокую действительность с бесчеловечной борьбой за власть легкомысленный и романтичный Максим вписывался плохо. До поездки за хлебом в Сибирь он работал в редакции газеты «Деревенская беднота» (занимался разбором поступающих в газету писем и корреспонденций и отвечал на письма читателей); вернувшись в Москву, «получил направление в Жилищный отдел контролером по учету помещений при Моссовете. На его обязанности лежал обход квартир и выяснение возможности их уплотнения. И то и другое совершалось под протесты и вопли квартиросъемщиков. Такая работа не нравилась Максиму, он отказался от нее и временно пошел работать в Центральный жилищный комитет. Но комитет этот быстро расформировался, и Максима назначили районным инструктором по агитационно-разъяснительной работе с населением»[45].

О своей работе Максим писал отцу: «Я все еще состою на службе в Центральной жилищной комиссии, но так как в послед-

---

[44] Максим был членом московской организации РКП (член РКП Хамовнического района), вступил по рекомендации Я. Я. Страуяна.
Ян Яковлевич Страуян (1884–1938) — революционер, боевик, член РСДРП с 1903 г., большевик. В эмиграции входил в группу «Вперед». В 1913 г. приезжал на Капри. Руководил подпольным аппаратом Коминтерна в Италии. С 1920 г. участвовал в создании советской резидентуры в Италии. Был секретарем Российского представительства в Италии. До ареста работал редактором издательства иностранных и национальных словарей. Арестован 15 декабря 1937 г. Расстрелян 20 марта 1938 г. по обвинению в принадлежности к контрреволюционной националистической повстанческой организации латышей.

[45] АГ. Т. XIII. С. 228. Н. А. Пешкова. О Максиме Пешкове.

нее время дела пришли в такое хаотическое состояние, что даже я перестал в них что-нибудь понимать, то не удивительно, что я бываю на службе “не всегда”. Недавно, например, был издан декрет о приостановке выселений на две недели, тогда-то и началось… начали выселять с такой быстротой, что у переселяемых и переселяющих только за ушами свистело. Я собственноручно слышал этот свист, и я перед лицом всего мира откровенно заявляю, что не хотел бы быть на месте производящих его. Сначала я, видя такой хаос, задался благородной целью ввести его в юридические нормы (между прочим, это как раз и было моей обязанностью), но даже у меня, человека, который ближе чем кто-либо стоял к прелестям жилищных недоразумений, бессильно опустились руки, и слезы отчаяния потекли по моей бороде. <...> Полемикой я занимаюсь дома, на службе, в трамвае, в театре и в прочих, не столь приспособленных для нее местах. Время между двумя полемиками, уходившее раньше на самоусовершенствование, теперь тоже занимает полемика. Не стесняясь ни временем, ни местом, ни чем-либо другим, я с утра до вечера занимаюсь полемикой. <...> Я в последнее время с головой погрузился в чтение Джека Лондона, сегодня кончу “Хмельное”. <Анри Барбюс. “В огне”>, очень хорошая книга. В течение целой недели я искал Киплинга, но нигде ничего не мог найти. За последнее время я нашел новое средство с пользой проводить время, а именно я стал играть на скрипке. Игра моя своеобразна и доставляет удовольствие только мне, но меня это ничуть не смущает, так как я играю только для себя. <...> Папаша В. А. Крит говорил мне, что в Питере я смогу найти интересное место для работы, а именно по разгрузке Гутуевского острова. Я говорил об этом с Луначарским (встретился с ним в кафе “Красный петух”), он сказал, что это чрезвычайно нужная, но трудная работа. Я лично думаю, что если эта работа не подойдет, то нетрудно будет подыскать другую»[46].

В Петрограде на складах Гутуевского острова содержались ценности (включая предметы искусства), конфискованные у их владельцев после Октябрьской революции. В декабре 1918 года

[46] АГ. Т. XIII. С. 181. Максим Пешков — Горькому. Из Москвы в Петроград, 14 декабря 1918 г.

при Петроградском отделении Народного комиссариата торговли и промышленности была образована антикварно-оценочная (Экспертная) комиссия, в ведение которой эти ценности перешли. Комиссию возглавил М. Горький (по рекомендации М. Ф. Андреевой, назначенной комиссаром Экспертной комиссии при Внешторге). Алексей Максимович, который в 1917 году разошелся с большевиками во взглядах на революцию и выбыл из партии большевиков, уже летом 1918 года собрался «работать с большевиками на автономных началах», так как ему «надоела бессильная академическая оппозиция “Н<овой> ж<изни> ”»[47].

В дневнике В. Н. Буниной отражена реакция значительной части интеллигенции на изменение позиции Горького:

— «19 ноября / 2 декабря. 1918

Ян[48] вспоминал, как в год войны Горький говорил в “Юридическом Обществе”, что он боится, “как бы Россия не навалилась на Европу своим брюхом”. — А теперь он не боится, если Россия навалится на Европу “большевицким” брюхом, — сказал Ян зло»[49].

— «23 ноября / 6 декабря. 1918.

<...> Жена Плеханова говорила, что Горький сказал, что “пора покончить с врагами советской власти”. Это Горький, который писал все время прошлой зимой против Советской власти. Андреева в Петербурге издает строжайшие декреты. Вот, когда проявилась ее жестокость. Пятницкий рассказывал, что она в четырнадцать лет перерезывала кошкам горло!»[50]

— «11 / 24 декабря 1918 г.

Дождь. Сегодня Сочельник на Западе. Вспомнили Капри. <...> …вечером процессия: несут Христа в яслях, идет Иосиф, Божья Матерь, — процессия проходит по всему Капри. Мы идем с Горькими. Марья Федоровна говорит, как в театре, каждому встречному все одно и то же, на слишком подчеркнутом итальянском языке. Алексей Максимович восхищается всем, возбужден, взволнован. Мне жаль, что я его знала. Тяжело выкидывать из сердца

---

[47] АГ. Т. IX. С. 207–208. Из Петрограда в Москву, вторая половина июня — первая половина июля 1918 г.

[48] Так В. Н. Бунина называла мужа.

[49] Устами Буниных. Т. 1. С. 196.

[50] Там же. С. 197.

людей, особенно тех, с которыми пережито много истинно прекрасных дней, которые бывают редко в жизни»[51].

— «24 ф<евраля> / 9 марта 1919 г.

<...> Вступление Горького в ряды правительства имело большое значение, это дало возможность завербовать в свои ряды умирающих от голода интеллигентов, которые после этого пошли работать к большевикам, которым нужно было иметь в своих рядах интеллигентных работников»[52].

Максим в Петроград не поехал (хотя его там ждали) и вместо работы по разгрузке Гутуевского острова поступил работать на военные курсы инструкторов спорта и допризывной подготовки при Всеобуче. В августе 1920 года он писал своему товарищу: «Я уже год состою в звании военкома высшей военной школы физического образования трудящихся. Обучаем спорту. Хожу в военной форме с пистолетом огромной величины и брею голову. Вид — страшный. Отнимает работа у меня времени с 10 утра до 8–10 вечера, кроме того, работаю в Моск<овском> Ком<итете> Р. К. П. в штабе отрядов особого назначения»[53].

Алексей Максимович выбор сына одобрил: «Почтенный сын мой! Я тебя одобряю, ты устроился остроумно. Согласна ли с этим мать, столь скептически относящаяся к твоему практицизму, а также вообще к разумности твоей? На мой взгляд — ты опроверг ее скептицизм, и сие прекрасно.

<...> Твои рисунки Роза и Соловей[54] находят талантливыми, а рисунки С<ергея> Б<артольда> таковыми не находят, о чем ты авиатору не говори, не надо. М<ожет> б<ыть>, Роза и Соловей ошибаются. Сам я в этих делах не знаток, однако, мне кажется, что если бы ты взял несколько уроков у хорошего художника, это было бы не лишним для тебя. Поучись, а? Годится. Ибо всякое знание — чрезвычайно пригодная вещь. <...> Видишь, — я все еще продолжаю воспитывать тебя, отчего ты становишься с каждым

[51] Устами Буниных. Т. 1. С. 201.

[52] Там же. С. 213.

[53] АГ. Т. XIII. С. 189 (Архив Н. А. Пешковой).

[54] Роза и Соловей — домашние прозвища художников Валентины Михайловны Ходасевич и Ивана Николаевича Ракицкого, живших в то время вместе с Горьким в квартире на Кронкверкском проспекте, 23.

днем все лучше. Я уверен, что лет через 10 ты будешь совершенным человеком, благодаря моему педагогическому искусству. А пока — живи просто, искренно и честно, что, впрочем, ты уже умеешь.

<...> …ты прославишься, что никогда не худо, ибо открывает кредит в мелочных лавочках. Лавочек нет? Будут. Колчак восстановит.

<...> Все знакомые еще живы, но — кушать нечего, а когда человек голоден — он хочет есть. Это один из законов природы.

<...> Как живет достопочтенная мать Екатерина Самарская? Была Екатерина Сиенская, женщина тоже святой жизни, но — в ее эпоху телефонов не было, и потому ей жилось спокойнее.

<...> Ты знаешь — я бытовик и очень интересуюсь бытом: что едите, пьете и т<ак> д<алее>. Я нахожу, что жить — трудно. Так думают и еще некоторые люди, довольно разумные»[55].

В мае 1919 года соединения белой армии взяли Гдов, Ямбург, Псков, и войска Юденича подошли совсем близко к Петрограду. Максим просил Алексея Максимовича уехать из Петрограда в Москву: «У нас не скрывают положения Питера и не исключают возможности его сдачи “на время”. Я лично тоже не считаю это невозможным, и меня страшно волнует твое положение. Если Питер будет взят, то твое положение будет ужасно. Во-первых, для белых ты не писатель Горький, а Большевик, и они могут расправиться с тобой, так как все товарищи ваши из Питера уедут. Второе это то, что, как пить дать, тебя возьмут заложником. Это будет ужасно. Вообще оставаться в Питере неблагоразумно, <…тебе надо> приехать в Москву. Дорогой мой, пойми, что ты сделаешь это не только для нас, но и для Республики. <...> Если ты не приедешь, то в тот день, когда будет занят Питер, я выеду к тебе. <...> Приезжай. Мы с матерью снимем дачу за городом около молочной фермы. Там ты сможешь отдохнуть, поесть и поправиться»[56].

Алексей Максимович отвечал: «Милый друг мой, крепко жму твою руку, я очень тронут твоим заботливым письмом, славный ты

---

[55] АГ. Т. XIII. С. 187–188. Горький — Максиму Пешкову. Из Петрограда в Москву, 16 апреля 1919 г.

[56] Там же. С. 190–191. Максим Пешков — Горькому. Из Москвы в Петроград, середина мая 1919 г.

человек, и — серьезно говорю — я тебя уважаю. Поверь, что это не часто бывает, чтоб отец уважал сына. А беспокоишься ты обо мне — напрасно, я думаю, меня, вероятно, не тронут. Уехать же отсюда я — не могу, не должен <...> не могу я бросить здесь людей, которые работают со мной и не имеют той защиты, которую мне лично дает моя репутация и некоторые заслуги перед страной. <...> За все, что я когда-либо делал, я готов отвечать перед кем угодно.

Ты же сюда не езди, ни в каком случае! Оставайся в Москве, работай, как можешь, не насилуя своей совести, будь внутренне свободен и — береги мать. Скажи ей, чтоб она не волновалась за меня, я считаю это бесполезным.

<...> А ты — оставайся в Москве и не очень рискуй. Мне хочется, чтобы ты жил долго. Мой отец был хороший человек, и очень жаль, что он рано умер, я думаю, мог бы сделать много доброго. Я тоже не плох. Мне хочется, чтоб и ты хорошо и не бесполезно прожил жизнь...»[57]

Алексей Максимович как бы взял на себя миссию примирения интеллигенции с большевиками (в чем большевики были очень заинтересованы, т. к. саботаж интеллигенции не давал укрепиться новой власти). В сентябре 1918 года большевики узаконили «красный террор»[58], и Алексей Максимович, живший в Петрограде, непрерывно обращался к властям, защищая и ходатайствуя, и по его просьбе Максим ходил к Ленину, Луначарскому, Бонч-Бруевичу, Дзержинскому, Петерсу и другим влиятельным большевикам и от имени Горького просил содействия кому-либо или чему-либо. Максим, который стал вхож в Кремль и мог звонить «Ильичу» не только через его секретаря Л. А. Фотиеву, но и по личному теле-

[57] АГ. Т. XIII. С. 191–192. Из письма Горького — Максиму Пешкову. Из Петрограда в Москву, середина мая 1919 г.

[58] 30 августа 1918 г. председатель Петроградской Ч. К. М. Урицкий был убит студентом-эсером Л. Канегиссером. Вечером того же дня в Москве эсерка Ф. Каплан стреляла в Ленина. 5 сентября 1918 г. СНК принял постановление «О красном терроре», в соответствии с которым в Петрограде было расстреляно более 500 человек, в Москве — бывшие деятели старого режима: председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, министр внутренних дел А. Д. Протопопов и др.

фону, вероятно, все-таки понимал, что его в Кремле привечают, потому что власть заинтересована в привлечении на свою сторону писателя М. Горького. Однако в таком варианте жизнь для Максима стала приемлемой, только отношения с матерью у него были сложными. Алексей Максимович пытался уговорить ее смириться: «Максим крепко верит, что жизнь и может и должна быть перестроена в том духе, теми приемами, как действует Сов<етская> власть. Я не верю в это, ты знаешь, но я не считаю себя вправе разрушать прекрасные иллюзии юноши. Он верит — с оговорками, я с оговорками не верю, это не значит, что мы с ним вполне сходимся, но я его понимаю. В его лета чувствовать себя участником процесса создания новой жизни — великое счастье, неведомое ни тебе, ни мне и вообще — нашему поколению.

<...> Я очень советую тебе — не полемизируй с ним, предоставь его уму свободу. Он превосходно относится к тебе, и несогласия с тобою — не легки для него, поверь. К тому же — ничего ты с ним не сделаешь. Равно, как и я. Он — счастливее нас.

<...> Говорил он мне, что ты выпиваешь озера кофе, это дурно отзовется на твоем сердце, сударыня. Но все-таки посылаю тебе чашку для кофе, пей не больше трех. Хорошая чашка[59]»[60].

Екатерина Павловна вряд ли хотела, чтобы Максим принадлежал к лагерю оппозиционеров (хотела она, чтобы он вообще не занимался политикой), но ее неприятие «моральной сущности» большевизма[61] было настолько сильным, что она не могла удержаться от полемики с сыном.

Как большевики расправляются с инакомыслящими, Екатерина Павловна знала хорошо. Еще в январе 1918 года, разогнав Учредительное собрание, большевики ясно показали, что не собираются ни с кем делить захваченную силой власть. После введения «крас-

---

[59] Чашка представляла собой миниатюрный стаканчик из слоновой кости с художественной инкрустацией.

[60] АГ. Т. IX. С. 209–210. Из Петрограда в Москву, конец 1919 г.

[61] Е. Д. Кускова писала: «Самым страшным, отравляющим и непереносимым фактом в большевизме и его окружении я считаю его моральную сущность. <…> Террор — закон всякой гражданской войны. Убивать направо и налево, чтобы… занять место у власти, — отвратительно» (Мысли и факты // Дни. 1923. 16 января. № 64).

ного террора» стало очевидно, что они не остановятся ни перед какими жертвами, чтобы власть удержать. Весь 1918 год члены разогнанного Учредительного собрания, не согласные с его участью, боролись за его новый созыв. В июне 1918 года в Самаре ими был образован Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ), куда вошли правые эсеры и меньшевики. Ответом большевиков было постановление ВЦИК об исключении из Советов всех уровней правых эсеров и меньшевиков за контрреволюционную деятельность. В августе 1918 года в Уфе состоялось совещание антибольшевистских партий и организаций, на котором была создана Уфимская директория во главе с эсером Н. Д. Авксентьевым, но просуществовала она очень недолго — в ноябре 1918 года она была свергнута Колчаком, объявившим себя верховным правителем России. До этого в октябре 1918 года меньшевики перед угрозой наступления белых и иностранной интервенции заявили о своей условной поддержке большевистской власти, и 30 ноября их исключение из Советов было отменено. В январе 1919 года Московская группа правых эсеров постановила прекратить вооруженную борьбу с большевиками, а в феврале 1919 года в Москву приехали учредиловцы из Уфы с тем же намерением. 7 февраля 1919 года в газете «Известия» под заголовком «Сибирские события и переговоры с Советской властью» было помещено обращение делегации членов Учредительного собрания и партии эсеров, в котором сообщалось, что партия эсеров прекращает вооруженную борьбу с советской властью, не оставляя в то же время надежды на созыв Всероссийского Учредительного собрания. Несмотря на заявленный отказ эсеров от вооруженной борьбы с советской властью, большевики не прекратили их преследование. Преследованию подвергалась партия, к которой Екатерина Павловна недавно принадлежала и из рядов которой вышла не по несогласию с ее деятельностью (а чтобы иметь большую возможность помогать тем, кто был неугоден власти), преследованию подвергались друзья и товарищи Екатерины Павловны.

В. М. Чернов, скрываясь от ареста, находился на нелегальном положении. В январе 1920 года его жена Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова вместе с тремя дочерьми были арестованы. Благодаря хлопотам Екатерины Павловны они были освобождены (вначале дочери, а позже — и их мать) и временно жили у

нее[62]. Летом она устроила старших девочек, семнадцатилетних Ольгу и Наталью, работать воспитательницами в Лигу спасения детей — в детскую колонию, расположенную в Серебряном Бору. Одиннадцатилетнюю Ариадну взяли в эту же колонию воспитанницей. В 1921 году при содействии Горького семье Чернова удалось легально выехать из России[63].

В воспоминаниях Ольги Викторовны Черновой приводится любопытный эпизод, относящийся ко времени жизни у Екатерины Павловны:

«Однажды вечером Макс вернулся домой возбужденный, прошел в комнату матери и запер за собой дверь, Е<катерина> П<авловна> рассказала нам позже, что он встретил В<иктора> М<ихайловича> на улице и узнал его, несмотря на измененную внешность и бритую бороду.

— Понимаешь, мать, по партийному долгу коммуниста я должен был бы немедленно задержать его. Но я не сделал этого, я не смог.

— Кроме долга, Макс, — ответила ему Е<катерина> П<авловна>, — на свете существует еще и честь. Не забывай этого»[64].

22 июля 1919 года в квартире Екатерины Павловны был произведен обыск. Проходил он в ее отсутствие, когда дома находились только Максим и Мария Александровна. Протокол обыска подписал Максим. Ничего подозрительного при обыске не было обнаружено, была конфискована разная переписка, полтора десятка анкет политзаключенных Бутырской тюрьмы, неотправленная в ВЧК записка

---

[62] В феврале 1920 г. по личному распоряжению Дзержинского младшая девочка Ариадна была отдана жене редактора «Известий» Данильковской под ее ручательство. В марте под ручательство Данильковской были отданы и старшие девочки. Их поселили в одноместном номере гостиницы «Националь», они получали талоны на питание, раз в неделю имели свидание с матерью. Весной Екатерина Павловна взяла их жить к себе.

[63] В эмиграции О. Е. Колбасина-Чернова с дочерьми жила в Праге, затем — во Франции. В Париже были изданы ее воспоминания «Произвол и голод — Тюрьма ВЧК (Лубянка, 11) — Ярославская тюрьма — Внутренняя тюрьма ВЧК (Лубянка, 2) — Новинская тюрьма». Известна О. Е. Колбасина-Чернова также своей дружбой с М. Цветаевой. В конце 1950-х годов семья Ариадны вернулась в Россию.

[64] Чернова-Андреева О. В. Холодная весна (Главы из книги) // Звезда. 2001. № 8. С. 153.

М. Горького с просьбой освободить Н. М. Кишкина ему на поруки и некоторые другие бумаги. На Екатерину Павловну было заведено следственное дело[65], по которому она обвинялась как член ПСР, закрыто оно было только в феврале 1922 года со следующим заключением:

«1922 г. *21* февраля, мною, Уполномоченным СОМЧК *Буйницким* рассмотрено дело *№ 7166 Пешковой Е. П.* обвиняемого в *Партии с-р*. Ввиду того, что в деле существенного материала не имеется, арестованный освобожден, полагаю: делопроизводство прекратить, дело сдать в архив»[66].

В изъятой при обыске переписке было, в частности, письмо И. Е. Вольнова[67]. Так как оно в какой-то мере объясняет отношение Екатерины Павловны и Алексея Максимовича (наверное, точ-

---

[65] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-65157. Следственное дело № 7166 Е. П. Пешковой.

[66] Там же. Л. 32.

[67] Вольнов Иван Егорович (1885 — 9.1.1931) — русский советский писатель. Родился в бедной крестьянской семье. Учительствовал на селе. Состоял в партии эсеров, идеологию которых впоследствии осудил в повести «Встреча» (1927). За покушение на царского чиновника был сослан в Сибирь, в 1910 бежал за границу, где познакомился с М. Горьким. В 1917 возвратился в Россию, участвовал в Гражданской войне. Автобиографическая «Повесть о днях моей жизни» (1912), повести «Юность» (1913), «На рубеже» (1913), «Возвращение» (1928, опубликована 1956) составили большое прозаическое полотно о тяжелой судьбе дореволюционного крестьянства. Послереволюционные рассказы и очерки В. посвящены преобразованиям в деревне советских лет (БСЭ).

Вольнов (Владимиров) Иван Егорович (13.01.1885, с. Богородицкое Малоархангельского у. Орловской губ. — 9.01.1931, там же). Орловский округ. № 3 — эсеры и Совет КД. Малоархангельск.

Из крестьян. Окончил Курскую учительскую семинарию. Эсер с 1903. Организатор аграрного движения в уезде, боевик, участник «эксов». В 1905 арестован, избит в Орловском централе. За покушение на мценского исправника был выслан в Сибирь, бежал, в 1910–1917 эмигрант, жил в Италии. В 1917 уездный комиссар Временного правительства. Участник заседания Учредительного собрания 5 января. В 1918 член КОМУЧа. Был арестован офицерами, освобожден по требованию чехов. Писатель, друг М. Горького. За участие в Ливенском восстании (1919) приговорен к расстрелу, освобожден по телеграмме Ленина. Неоднократно был арестован чекистами. Умер от алкоголизма. По другой версии, убит (http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/volnov_ie.php).

нее, Алексея Максимовича и Екатерины Павловны) к русскому крестьянству и в связи с этим к большевикам, мы приводим историю, предшествующую этому письму, и само письмо.

В феврале 1919 года Алексей Максимович просил А. В. Луначарского выдать И. Е. Вольнову бумагу на предмет осмотра помещичьих библиотек Орловской губернии (в том числе библиотек в дворянских имениях Куракиных, Фета, Голицыных, Нарышкиных, Давыдовых и др.) с целью сохранения ценных книг. 6 апреля 1919 года И. Е. Вольнов был арестован в деревне Куракино Орловской губернии за участие в крестьянском восстании. «По просьбе Горького В. И. Ленин 12 апреля телеграфировал Орловскому губисполкому: “Арестован литератор Иван Вольный. Горький, его товарищ, очень просит о наибольшей осторожности, беспристрастии расследования. Нельзя ли освободить под серьезный надзор? Телеграфируйте. Предсовнаркома Ленин”. 14 апреля 1919 г. В. И. Ленин телеграфировал Горькому об освобождении писателя И. Е. Вольнова из заключения»[68].

В АГ хранится письмо М. А. Пешкова от 18 апреля 1919 года, очевидно, предназначенное для отправки в высшие инстанции: «6-го апреля с. г. в Малоархангельском уезде Орловской губ. был арестован местной ЧК писатель Иван Егорович Вольнов, живший в селе Куракино. Арестован он, судя по полученным оттуда мною и комиссаром “Роста” Л. Старком сведениям, в то время как уговаривал вместе с двумя членами исполкома крестьян и дезертиров не поднимать восстание и выдать оружие. Уговорить удалось, оружие было сдано, и все разошлись по домам. В ночь на 7-е апреля приехавшим отрядом ЧК Вольнов и оба члена Исполкома были арестованы. Теперь Вольнов находится в Малоархангельской тюрьме как заложник. Его хорошо знает мой отец, кроме того, среди московских товарищей у него есть много близких друзей.

Со своей стороны я, — много ездивший с ним по Сибири и все время живший с ним до его отъезда в Куракино, уверен, что никаких шагов против Советской власти он теперь не мог предпринять.

Комиссар военных курсов инструкторов спорта
и допризывной подготовки при Всевобуче М. А. Пешков.
18-го апреля 1919 года»[69].

---

[68] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 280.
[69] АГ. Т. XIII. С. 190.

Вскоре после освобождения из тюрьмы Иван Егорович вернулся в Москву и жил у Екатерины Павловны, а что касается помещичьих усадеб и библиотек, то к работе по их сохранению Алексей Максимович подключил Н. И. Троцкую[70].

И вот письмо И. Е. Вольнова, сохраненное в следственном деле Екатерины Павловны:

«17/IV 1919. Орел.

Дорогая Екатерина Павловна, Удалось ли Вам переслать деньги Шуре[71]? Кажется, от того, что у меня все меньше остается веры видеться с нею и Ильей[72], я особенно волнуюсь, думая о ней.

Вчера меня выпустили (благодаря телеграммам Алексея Максимовича и Ленина). Если бы не их вмешательство, открутили бы голову. Страшно сейчас жить в деревне. Никогда так не мучили мужиков, и столько тоски в их лицах! Создали из меня какого-то “защитника” их, приписали и приписывают мне необыкновенные, никогда не бывшие во мне качества святости и всемогущества, грубо и наивно верят в легенды вокруг моего имени, и эта вера, и эти легенды, которым также верит и начальство, стоили было мне жизни. Приравняли меня к подвизающемуся здесь бандиту-мечтателю, который воюет с Советами, и… ждут от меня чуда, требуют его. Чуть не из-за сотни верст приезжают с жалобами на утеснения, обиды, жестокости, на-

---

[70] Седова-Троцкая Наталья Ивановна — жена Л. Д. Троцкого. С 1918 по 1928 г. возглавляла музейный отдел Наркомпроса.
Алексей Максимович писал Екатерине Павловне: «Скажи Ивану Егоров<ич>чу, что если его вызовет по телефону Наталья Троцкая, так он не пугался бы, это я рекомендовал ей обратиться к нему на предмет организации охраны помещичьих усадеб Орловской губ.» (АГ. Т. IX. С. 209. Из Петрограда в Москву, вторая половина апреля — первая половина мая 1919 г.).

[71] Шура — Вольнова (урожд. Гольдберг) Сара Григорьевна (1893–1961) — жена И. Е. Вольнова. До революции студентка консерватории и член БУНДа. За расклейку листовок была сослана в Вологодскую губ. с заменой на высылку из пределов Российской империи. Жила в Италии, вернулась в Россию в 1948 г. вместе с семьей дочери Зиновия Пешкова. До 1951 г. жила у Екатерины Павловны.

[72] Илья — Вольнов Илья Иванович (1913–1988) — сын И. Е. и С. Г. Вольновых. Родился в Италии, учился в гимназии и в университете в Неаполе. Ученый-химик. В 1937 г. приехал в СССР. Вольнов Максим Ильич, сын И. И. Вольнова, написал воспоминания о Екатерине Павловне, в которых рассказал о судьбе семьи Вольновых.

прасные смерти. Ищут какой-то правды в жизни, еще не изверились в революцию. Когда посадили меня в острог, гурьбами приходили ко мне и плакали: в загоне, изнасилована мужицкая правда! Это я-то — закрутившийся и ополоумевший от неразберихи — их совесть и правда! А теперь еще и в венке мученичества! Хочется выть от боли и обиды за них. А рядом: эти страстотерпцы, страстотерпцы в истиннейшем смысле слова, наивнейшие мечтатели — "импрессионисты" (о, как родна моя импрессионистская душа их душам!), верящие трогательно, неуклюже в революцию и высшую, теперь загнанную правду. Рядом с этим, никогда не лилось столько слез от этих страстотерпцев разными пасынками деревни, как в настоящее время. Они как будто вымещают свою злобу на них. И никогда, никогда не процветало так в деревне хамство. Забыты наивный Акимовский Бог, совесть, элементарнейшие понятия морали, — все полетело к чертям! Дерут последнюю сумку с нищего, скорее бросят собаке хлеба, чем голодному. С каким-то болезненным злорадством рассказывают, к<а>к сплавляют в город дохлых свиней, коров, птицу: сожрут, сволочи!.. Не то это месть городу за обиды, не то полная разнузданность — гримасы Хама. Вот атмосфера, в которой я верчусь, и которая, к<а>к вонючая слизь, обволакивает меня, и от которой я все больше балдею, балдею, сжимаюсь в скулящий комочек или неистовствую в минуты отчаяния. Я совершенно не касаюсь другой области, начальственной, надсадителей "социализмы", кроваво-грязной, тупой и дикой, где захлебываются муками наивные и светлые мечтатели (ведь и среди них попадаются в наших краях такие экземпляры) и где Хам торжествует напропалую — этакий огромный, рыжий, самодовольный, хохочущий, с волосатыми кулаками в крови, — царь и бог.

Мне сейчас воспрещен выезд из Орла. Я на поруках у большевика. Здесь расстреливают даже за хранение, без разрешения, револьверов. Здесь все говорят друг другу: товарищ, и надсадно, и зло гримасничают при этом. И будут рвать на клочки действительных социалистов (тех же большевиков), когда почувствуют дуновение иных ветров. Думать об этом скучно, немного тяжело.

Ну, ладно.

Жму руку Вашу крепко, милая, дорогая Екатерина Павловна.

Привет Мах'у, Михаилу, всем. Иван»[73].

---

[73] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-65157. Л. 5.

Екатерина Павловна была членом партии эсеров — партии, представляющей интересы крестьянства и опирающейся в своей деятельности на крестьянство, но русской деревни она боялась. Неизвестно, показывала ли она Алексею Максимовичу это письмо И. Е. Вольнова, но в декабре 1919 года Алексей Максимович писал ей:

«Я знаю, чего ты боишься, но — мы все погибнем, это неизбежно, нас задавит деревня. Пролетариат Запада предал русских рабочих, западная буржуазия будет поддерживать русских крестьян до их победы над городом. Движение колчаковцев — это начало XVII века, нечто вроде Мининского движения, и оно решительно враждебно городу, городской культуре. Кроме большевиков — нет сил, которые могли бы противостоять этому движению. Революция выродилась в борьбу деревни с городом — вот что надо понять. Задача момента — объединение интеллигенции и *представителей крупной промышленности* с большевиками, несмотря на все прегрешения и ошибки последних.

Вот моя точка зрения. Максим понимает ее»[74].

Екатерина Павловна находилась под следствием в течение двух с половиной лет, при этом она не прекращала своей работы и работала, как всегда, очень много, «на износ». В. Н. Бунина записала в своем дневнике рассказ О. Л. Книппер, приехавшей в Одессу:

«28 окт<ября> / 10 ноября 1919 г<ода>.

<...> Вчера была у нас Ольга Леонардовна Книппер. <...> Большевики к ним были предупредительны, у нее поэтому не то отношение к ним, какое у всех нас. Очень много одолжений ей делали Малиновские. Они спасали квартиру Марьи Павловны <Чеховой>. Шаляпин на “ты” с Троцким и Лениным, кутит с комиссарами. Луначарский приезжал в Художественный театр и говорил речь — “очень красивую, но бессодержательную, он необыкновенный оратор”.

Ек<атерина> Павл<овна> Пешкова совсем иссохла. Она работает в Красном Кресте, теперь поступила на службу в администра-

[74] АГ. Т. IX. С. 209–210. Из Петрограда в Москву, конец 1919 г.

цию Зиминского театра[75], куда ее пристроила Малиновская. Максимка — ярый большевик. Бонч<-Бруевич> взял его в секретари — даже Ек<атерина> Павл<овна> возмущается, ведь он не способен что-либо делать на таком посту. Об Алек<сее> Мак<симовиче> она ничего не знает. — Мария Федоровна <Андреева> царит, у нее секретарь, сестра Троцкого — г-жа Каменева»[76].

Про то, что Екатерина Павловна «совсем иссохла», можно понять и по строчкам из письма М. К. Николаева: «Ты, Катерина, кормись лучше, а то помрешь. Вспомнишь о тебе, худой и тощей, висящей на телефоне — инда жалко станет»[77].

Екатерина Павловна работала так много не потому, что ей было необходимо зарабатывать на жизнь, Алексей Максимович деньги ей посылал и готов был посылать еще (вопрос, нужны ли ей деньги, он периодически задавал). Она хотела зарабатывать на жизнь самостоятельно, но при этом большую часть времени была занята работой общественной, неоплачиваемой, а работать мало, не вкладывая души, она не умела. Алексей Максимович (ее «учитель по жизни») и сам работал до изнеможения и стремление работать поощрял: «Живу скверно. Очень занят. На душе сажа. Однако — работаю. И буду, как лошадь, работать до издыхания. Чего и всем прочим желаю. Будьте здоровы, дети мои!»[78]

ПОЛЬСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ. НАЧАЛО РАБОТЫ. ПОЕЗДКА В СИБИРЬ. 1920–1921 гг.

В марте 1920 года Максим сообщил Алексею Максимовичу: «Мать, по-видимому, поедет за границу с делегацией от “Лиги спасения детей”. Я очень рад, что она отдохнет и посмотрит на людей, которые могут по желанию покупать: штаны, папиросы,

---

[75] Оперный театр Зимина — частный оперный театр, созданный в 1904 г. С. И. Зиминым. В 1917 г. был национализирован, а в 1924 г. преобразован в филиал Большого театра.

[76] Устами Буниных. Т. 1. С. 319.

[77] АГ. ФЕП-кр 43–1–110. М. К. Николаев — Е. П. Пешковой. Из Петрограда в Москву, 22 мая 1919 г.

[78] АГ. Т. IX. С. 208. Из Петрограда в Москву, апрель 1919 г.

сыр, масло, гвозди, ботинки, зонты и прочее. Все это без карточек»[79]. Поехать за границу Екатерине Павловне не удалось (власти не разрешили), более того — намерение руководителей Лиги обратиться к заграничным организациям с просьбой о предоставлении помощи голодающим детям явилось, как уже говорилось выше, поводом для закрытия Лиги.

В России в эти годы (1918–1921 — годы военного коммунизма) голодали не только бездомные дети, на голодном пайке сидело все население Москвы, а в тюрьмах продуктов не хватало катастрофически. Одной из важнейших задач политического Красного Креста была продовольственная поддержка политических заключенных, особенно тех, которым не от кого было ждать помощи. МПКК сумел наладить регулярные передачи для таких заключенных. «Передачи обычно включали то, что не входило вовсе или входило в незаметных дозах в тюремный рацион (который, естественно, хронически недодавался): сахар, кофе или чай, соль (тюремная пища иногда не содержала ее совсем), немного жиров и круп, сливочное масло для кормящих матерей (и такие содержались в узилищах), папиросы, спички, мыло. <...> Списки <заключенных> постоянно уточнялись, что требовало постоянного посещения мест заключения членами Хозяйственной комиссии, которые выявляли также слабых и больных, нуждавшихся в особой поддержке. Исполнялись по возможности и личные просьбы заключенных: одному необходимо было починить часы, другому заказать пенсне… Заботилась Хозяйственная комиссия и о клюквенном экстракте для больных цингой, и о рыбьем жире»[80]. Екатерина Павловна была товарищем председателя МПКК и, кроме того, членом Хозяйственной комиссии. У нее и у М. Л. Винавера было разрешение ВЧК на посещение Бутырской тюрьмы (у некоторых членов МПКК были разрешения на посещение других тюрем). В конце жизни Екатерина Павловна вспоминала: «В 20-е годы мы с Винавером возили передачу в Бутырки. В столовой на Красной Пресне мы брали порции второго блюда и вдвоем везли их на руч-

[79] АГ. Т. XIII. С. 195. Максим Пешков — Горькому. Из Москвы в Петроград, конец марта 1920 г.

[80] Стой в завете своем… / Сост. Т. А. Угримова, А. Г. Волков. М.: ОМО «АМА-Пресс», 2004. С. 307.

ной тележке. Это довольно далеко и страшно утомительно. Везем, везем, остановимся — и отдыхаем, прислонившись спиной друг к другу»[81]. Разрешения на посещение тюрем время от времени отбирались карательными органами, и Екатерине Павловне приходилось добиваться их возобновления, как для себя, так и для других членов МПКК. Она без конца ходила по инстанциям с различными ходатайствами, просила она за заключенных, их родственников и других людей, для себя она не просила. В АГ сохранилась любопытная записка Алексея Максимовича, адресованная Ленину: «Дорогой Владимир Ильич! Будьте добры, скажите, чтобы Екатерине Павловне и Максиму дали дров, а то у них на зиму нет ни полена. Всего доброго! А. Пешков. 27.IX.20.»[82] Екатерина Павловна должна была эту записку (она была вложена в письмо Алексея Максимовича к ней[83]) передать Ленину. Она этого не сделала. Спустя три недели, 20 октября 1920 года, у нее в квартире состоялась известная встреча Алексея Максимовича и Владимира Ильича, когда пианист Добровейн исполнял для них Бетховена. В квартире было холодно, и Владимир Ильич, уходя, упрекнул Екатерину Павловну, что она ни за чем не обращается.

Осенью 1920 года Екатерина Павловна начала работать в должности Уполномоченного Бюро Польского Красного Креста в РСФСР[84] — организации, имеющей международный статус. Начала она работать по предложению польской стороны и с согласия российской при следующих обстоятельствах.

В России продолжалась Гражданская война, одновременно шла война с Польшей. Военные действия были начаты Пилсудским в январе 1920 года, в апреле польские войска перешли в генеральное наступление. К концу лета 1920 года стало очевидным, что в Гражданской войне большевики одерживают победу (с большими

---

[81] Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / Публ. и прим. К. Громова и С. Боголепова) // Минувшее: Исторический альманах. 1. М.: Прогресс: Феникс, 1990. С. 150.

[82] АГ. Т. IX. С. 368.

[83] АГ. Т. IX. С. 210. Из Петрограда в Москву, 27 сентября 1920 г.

[84] Первоначально ее должность называлась «Уполномоченный Польского Общества Красного Креста по оказанию помощи польским гражданским и военным пленным в РСФСР».

трудностями, но победу). Война с Польшей эту победу отодвигала, продолжение войны вело к все большим потерям, и наилучшим вариантом для России являлось скорейшее заключение мира или хотя бы перемирия. Польша, измученная шестилетней войной, уже тоже стремилась к миру. Перемирие удалось заключить 12 октября 1920 года, а спустя еще пять месяцев, 24 февраля 1921 года, в Риге был подписан мирный договор. Но еще до окончания Русско-польской войны между представителями Российского и Польского Красных Крестов начались переговоры о подписании соглашения (в соответствии с Женевскими соглашениями) относительно облегчения участи жертв войны — гражданских пленных, для чего следовало учредить Бюро Уполномоченных обоих Крестов в обеих странах.

Переговоры между представителями Российского и Польского Красных Крестов начались 4 сентября 1920 года в Берлине. 6 сентября было подписано соглашение (со стороны РСФСР его подписал Стефан Иоахимович Бродовский-Братман, со стороны Польши — Эдуард Залесский), согласно которому в России и Польше должны были быть созданы представительства Красного Креста другого государства (Бюро Уполномоченного). Уполномоченным Российского Общества Красного Креста (РОКК) в Польше была назначена известная общественная деятельница Стефания Семполовская, в которой советская сторона была очень заинтересована. На должность Уполномоченного Польского Красного Креста в РСФСР польская сторона предложила Е. П. Пешкову.

И вот тут в переговорах наступила пауза. Ни одна из инстанций, имеющих право утвердить назначение Екатерины Павловны на эту должность, — ни российская делегация, ни Центрокрест, ни Наркоминдел — не решилась взять на себя такую ответственность. Ее кандидатура вызывала серьезные сомнения у российской стороны: она не была сотрудницей РОККа — государственной организации, находившейся под контролем ВЧК, а была товарищем председателя МПКК — организации общественной, правозащитная деятельность которой противоречила действиям большевистской власти; ее политическое прошлое было также весьма сомнительным: член партии эсеров, более того, какое-то время член ее ЦК, а в 1917 году гласная Московской думы от партии эсеров; кроме того, она находилась под следствием (ее следственное дело

будет закрыто спустя 1,5 года). Так как польская сторона настаивала на ее кандидатуре, то запросили Дзержинского, который в это время не только возглавлял ВЧК, но был членом Польбюро при ЦК РКП(б) и членом Польревкома. Ему на фронт (он в то время находился на Западном фронте) была послана радиотелеграмма с запросом, и Дзержинский дал согласие «допустить гр<*ажданку*> Пешкову к вышеозначенным функциям», но под контролем и при содействии «особоуполномоченного» (им был назначен Я. Т. Сосновский, командированный Дзержинским от Польбюро в Центрокрест). Примечательно, что в документах, касающихся начала работы Екатерины Павловны в качестве Уполномоченного, она значилась как «гражданка» Пешкова, а все остальные, включая пани Семполовскую, — «товарищи».

Из-за таких длительных переговоров соглашение о создании попечительства о гражданских пленных было заключено спустя три недели — 25 сентября. Через день после его заключения, 27 сентября, состоялось заседание Польбюро под председательством Дзержинского, на котором было принято следующее решение: так как с формальной точки зрения соглашение, подписанное в Берлине 6 сентября, обязательной силы для РСФСР иметь не может, то в жизнь его не проводить, но переговоры в Берлине продолжить.

Дальнейшее развитие событий во многом определилось деятельным характером Екатерины Павловны и ее личными качествами. В отчете о своей деятельности в качестве Уполномоченного она писала: «В десятых числах Сентября 1920 года мне была передана копия радиограммы от 4-го Сентября, в которой от имени Польского Красного Креста мне предлагалось взять на себя попечение о польских гражданских пленах в Р.С.Ф.С.Р. Через несколько дней я дала свое согласие и, не получая дальнейших указаний, около 20-го Сентября я запросила о положении дела. 24-го Сентября мною было получено приглашение в Центрокрест для переговоров»[85]. С 25 сентября 1920 года она начала работать в должности Уполномоченного Бюро Польского Красного Креста в РСФСР. О решении Польбюро от 27 сентября она, по-видимому, не знала, к своим правам-обязанностям отнеслась с присущей ей ответственностью и развила бурную деятельность. По поводу начала работы

[85] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 198. Л. 46.

существует сухой отчет Екатерины Павловны (сделано то-то и то-то, хотя, конечно, поражает, как много сделано за короткий отрезок времени) и довольно выразительный отчет Особоуполномоченного Центрокреста «по контролированию и содействию» (так называлась эта должность), всячески пытающегося притормозить деятельность Екатерины Павловны, о чем он исправно докладывал в Польбюро.

Чтобы начать работу, Екатерине Павловне требовались деньги. Центрокрест отказал ей, но она их получила от Дзержинского — 5 миллионов рублей. По поводу этой ситуации Особоуполномоченный приводит следующее объяснение: «С самого начала дело тормозилось из-за отсутствия денег у Пешковой. Красный Крест не мог исходатайствовать большой суммы денег в Госконтроле. В виду этого тов. Дзержинский как представитель ВЧК временно ассигновал в форме ссуды 5.000.000 рублей. Впоследствии Красный Крест возвратил эти деньги ВЧК, идя навстречу начинаниям»[86]. Деятели РОКК, по-видимому, поняли, что Дзержинскому не безразличны беды поляков, оказавшихся жертвами войны, и что с этим его отношением придется считаться. В дальнейшем Дзержинский всячески способствовал работе Екатерины Павловны в должности Уполномоченного, и в значительной степени благодаря его очевидной благосклонности ей шли навстречу и некоторые другие официальные лица и учреждения. Так, тот же Особоуполномоченный Сосновский заверял Дзержинского, что «вопрос о снабжении денежными средствами гр. Пешковой, поднятый тов. Дзержинским, отпадает, т<ак> к<ак> Центрокрест не только вернет ему одолженную сумму, но и берет на себя обязанность впредь до выяснения порядка снабжения Пешковой средствами предоставлять ей таковые»[87].

Самым острым вопросом было, откуда брать (закупать) продукты для гражданских пленных. Особоуполномоченный сообщал: «Гр<ажданка> Пешкова обращалась ко мне с предложением хлопотать перед Наркомпродом. *Я как представитель РОКК для содействия ей в работе не мог резко отказать ей в этом, но всегда уклонялся от тем более совместного исходатайствования тако-*

[86] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 198. Л. 80–83.

[87] Там же.

вых. И что больше, когда узнал, что гр. Пешкова ходила сама в Компрод, и ей приобещано получить таковые (в противовес моей точке зрения), сейчас об этом докладывал в Центрокрест <…>, а также тов. Дзержинскому, чтобы воспрепятствовать таким или иным путем получить эти продукты. <Курсив мой. — Л. Д.> Однако, помимо моих своевременных заявлений, продукты в Наркомпроде были получены и до сих пор их получает гр. Пешкова, согласно разверстке месячной на человека, предусмотренной врачом Красного Креста»[88]. В своем отчете[89] Екатерина Павловна указала, что на 1 декабря 1920 года ею было истрачено на продукты всего чуть больше 200 000 рублей, и объяснила, что сумма такая незначительная в связи с тем, что продукты закупались по твердым ценам.

Многие проблемы Екатерине Павловне удавалось решать благодаря «любезности» окружающих ее лиц, в том числе и власть имущих. Так, Сосновский затратил немало времени на подыскание помещения под канцелярию Бюро Польского Красного Креста, но безрезультатно. Екатерине Павловне оно было предоставлено «по любезности»: Московский продовольственный отдел уступил ей две комнаты из занимаемой им квартиры[90]. Нужны были сотрудники. На переговорах в Центрокресте 24 сентября Е. П. Пешкова выразила пожелание работать с техническим аппаратом политического Красного Креста. Центрокрест ей отказал, и она согласилась на сотрудников РОКК, но уже в октябре она получила разрешение пригласить своих сотрудников. В качестве своего заместителя она пригласила Михаила Львовича Винавера (занимавшего в то время должность заместителя Председателя Московского политического Красного Креста, так же как и Екатерина Павловна).

Официально работа Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в РСФСР началась с 15 октября 1920 года (через три дня после заключения перемирия). Сообщение о том, что в Москве начал работать Польский Красный Крест, было напечатано в газете «Известия» 26 января 1921 года.

---

[88] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 198. Л. 80–83.

[89] Там же. Л. 83–85.

[90] Мясницкая ул., д. 20, кв. 29.

Ниже мы приводим отрывок из «Краткого обзора деятельности Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в РСФСР» за октябрь 1920 года — ноябрь 1921 года: «Подводя итоги моей более чем годичной работы, в качестве Уполномоченной Польского О<бщест>ва Красного Креста, считаю необходимым напомнить, в каких условиях она началась. В Октябре месяце, когда война с Польшей еще не была закончена, в Р.С.Ф.С.Р., конечно, не было никакого представительства Польши, которое могло бы защищать интересы польских граждан и обслуживать их нужды; непосредственных телеграфных или почтовых сношений с Польшей также не существовало; получать из Польши какие-либо инструкции и сообщать туда о своих нуждах не было почти никакой возможности; часть польских граждан, относящихся к категории гражданских пленных, была разбросана по различным местам заключения обширной территории Р.С.Ф.С.Р. Регистрация их отсутствовала, и точного учета нигде не велось. Мне не были ясны границы моих полномочий и круг моей деятельности; многие вопросы, от разрешения которых зависело то или иное построение моей работы, приходилось разрешать на свой страх и ощупью идти по намеченному пути, не будучи уверенной в правильности толкования заданий. Кого считать гражданскими пленными? Кто является действительно польским гражданином? В каких пределах должна быть оказываема помощь этой категории польских граждан? Какими средствами можно располагать при начале и откуда их черпать в дальнейшем? И т<ак> д<алее> и т<ак> д<алее>. Все эти вопросы требовали точного и ясного ответа для того, чтобы работа с самого начала пошла по правильному пути. Признавая всю возможность своевременного их разрешения, я неоднократно обращалась к Польскому Красному Кресту и по радио, и письмами, но до моей поездки в Ригу в Декабре 1920 г<ода> разрешать их не удавалось.

А между тем, с первых же шагов моих, как Уполномоченной, когда я столкнулась непосредственно с опекаемыми польскими гражданами, границы работы, намечавшиеся сначала, потребовали их расширения. Одной материальной помощи оказалось недостаточно. Люди, изнервничавшиеся в заключении, подвергавшиеся различным лишениям материального характера, лишенные поддержки со стороны — естественно видели во мне, Уполномоченной Польского Красного Креста, единствен-

ное лицо, которое может и должно обслуживать нужды не только их, но и их семей.

Я лично считала такой взгляд вполне естественным и справедливым и с самого начала приноравливала весь свой вспомогательный аппарат именно к всестороннему, по возможности, обслуживанию нужд польских граждан.

Получив сначала разрешение для себя и для своего заместителя М. Л. Винавера, а впоследствии и еще для трех сотрудников, на право посещения всем тюрем и лагерей в Р.С.Ф.С.Р., в которых содержатся польские граждане, мы личным обследованием и опросом заключенных в Московских тюрьмах выясняли их нужды и запросы, а затем принимали меры к их удовлетворению. То же самое делали мои представители в Петрограде и провинции, Нижнем Новгороде, Туле, Ярославле, Тамбове и лица, исполнявшие работу представительства в Пензе и Орле.

Присутствие среди заключенных матерей, кормящих грудью, заставляло хлопотать о переводе их "в Дома Матери и Ребенка". Результат обычно бывал положительный.

Если у заключенных оказывались на воле дети, оставшиеся без приюта и надзора, всегда удавалось их устраивать в какие-либо детские учреждения или у частных лиц.

Особо больных удавалось перевести в санатории, больницы и др<угие> лечебные учреждения; престарелых, семейных и, вообще, особо тяготившихся заключением, удавалось освобождать из мест заключения или совсем или под чье-либо поручительство, иногда под мое личное поручительство»[91].

Этот небольшой отрывок из 40-страничного обзора-отчета дает представление не только о характере работы Екатерины Павловны в качестве Уполномоченной Польского Красного Креста, но и о ее отношении к своей работе и к людям, которых она по служебному долгу должна была опекать.

В декабре 1920 года Екатерина Павловна выехала в Ригу по требованию поляков и с разрешения Центрокреста, которому

[91] ГА РФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 279. Л. 4 об.–5. Отчеты о деятельности Бюро Уполномоченного Польского Общества Красного Креста в России с начала работы до 1928 года включительно.

пришлось этому требованию уступить в связи со следующей ситуацией. С конца апреля 1920 года помощь российским гражданским пленным в Польше оказывала Стефания Семполовская. Мандат Уполномоченного она получила 6 сентября 1920 года, а уже 10 сентября она начала оказывать помощь не только гражданским, но и военнопленным, успев предварительно договориться об этом с представителем РОКК Бродовским. В первых числах сентября она через Залесского послала отчет о своей деятельности. В этом отчете она сообщала, что количество российских пленных в польских лагерях и рабочих коммунах составляет примерно 70 000 человек. Положение в польских лагерях для российских военнопленных было «просто нечеловеческое и противоречащее не только требованиям гигиены, но и вообще культуре» (так характеризовал его польский чрезвычайный комиссар по делам борьбы с эпидемиями Э. Годлевский). Российские военнопленные погибали от истощения и болезней, вызванных отсутствием продуктов и лекарств, а также из-за зверств местных начальников. Семполовская предложила поднять вопрос об обмене — возвращении российских граждан, находящихся в польском плену, взамен поляков, находящихся в России, — путем частного неофициального соглашения. Но ей показалось, что российская делегация не достаточно внимательно отнеслась к этому предложению, и она отправила в Центрокрест телеграмму с жалобой на невнимание и требованием добиваться ее вызова в Ригу, где шли переговоры. В результате представители Центрокреста стали настаивать на том, чтобы Наркоминдел потребовал «от поляков вызвать в Ригу наших официальных представителей Семполовскую и ее помощницу Ванду Гонсеровскую, как лучше всего ознакомленных с нашими потребностями и могущих установить по этим вопросам непосредственный контакт с нашими сидящими товарищами»[92]. При этом Центрокрест не исключал, что «в случае требования поляков пришлось бы на основе взаимности вызвать Пешкову. Но ввиду неоценимых услуг, которые может оказать Семполовская, следует быть готовыми и на это»[93].

[92] РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 198. Л. 54–55.
[93] Там же.

* * *

В Риге Екатерина Павловна впервые встретилась со Стефанией Семполовской, в тесном контакте с которой работала последующие 17 лет.

Стефания СЕМПОЛОВСКАЯ (1869–1944) — общественная деятельница, педагог и публицист. Она была членом и одной из руководительниц Союза польских учителей, принимала участие в работе педагогического общества в Варшаве, задачей которого было развитие национальной педагогики и психологии. Она занималась просвещением неграмотных масс и была распорядительницей бесплатной библиотеки, в которой власти производили постоянные обыски, т. к. были убеждены, что библиотека распространяет крамольные идеи. Она была писательницей, дружила со многими деятелями польской науки и культуры, в том числе с прекрасным педагогом Янушем Корчаком (во время войны она навещала его в Варшавском гетто и помогала еврейским сиротам). Она выступала в защиту прав крестьян, рабочих, евреев и других угнетаемых. Она занимала руководящую должность в Польском Красном Кресте. Будучи Уполномоченным РОКК в Польше, она, кроме обмена военнопленными и другими лицами, занималась опекой политзаключенных, среди которых большинство составляли лица, обвиняемые в коммунистической пропаганде, а также украинские и белорусские националисты и те, кто отбывал срок за шпионаж в пользу СССР. Она была членом ЦК МОПР и поддерживала дружеские отношения с Е. Д. Стасовой — председателем ЦК МОПР и во время приездов в Москву останавливалась у нее в знаменитом «Доме на набережной». Там она встречалась с находящимися в эмиграции руководителями компартии Польши.

Ей покровительствовал Юзеф Пилсудский. Их знакомство состоялось в 1905 году, когда Пилсудский, обвиняемый в принадлежности к эсерам, был заключен в Варшавскую тюрьму, где содержался в условиях строгой изоляции в одиночной камере, и свиданий с ним удавалось добиваться лишь энергичной Ст. Семполовской. После смерти Пилсудского (в 1935 году) ее положение сильно осложнилось. Дефензива установила за ней круглосуточное наблюдение, ее корреспонденция перлюстрировалась. В 1937 году резко усилились нападки ряда правых польских организаций на Бюро Семполовской (Бюро Уполномоченного РОКК). По предло-

жению польского правительства, совпавшему с пожеланиями правительства советского, с апреля 1937 года Бюро Уполномоченных Российского и Польского Крестов прекратили свое существование. Умерла Стефания Семполовская во время войны в Варшаве, оккупированной немцами.

В Ригу Екатерина Павловна ездила не одна, ее сопровождали М. К. Николаев как сотрудник Бюро и Я. Н. Либсон как юрисконсульт Бюро. В октябре 1927 года в Варшаве Стефания Семполовская рассказала Екатерине Павловне (они ужинали в ресторане вдвоем), что при их первой встрече в Риге у нее и у пани Ванды сложилось о Екатерине Павловне «совсем не то впечатление», т. к. «мы все говорили, где что купить. И было смешно, но и хорошо вспомнить тот трудный у нас год, когда было приятно съесть кусок белого хлеба. Тогда больше внимания друг к другу у людей было и больше заботы о других, чем теперь, когда люди не голодны»[94]. (Так реагировала Екатерина Павловна на рассказ о нелестном впечатлении, которое она произвела — ей «было смешно и хорошо вспомнить».)

В конце декабря 1920 года после возвращения Екатерины Павловны из Риги к ней обратился Польский Красный Крест с предложением взять на себя и попечительство над польскими военнопленными. С разрешения Центрокреста она приняла это предложение. С марта 1921 года началась отправка на родину гражданских и военнопленных поляков. В первую половину марта 1921 года в Польшу через Москву выехало два эшелона с общим количеством около тысячи человек. 21 марта 1921 года в газете «Известия» был опубликован декрет ВЦИК, согласно которому в соответствии с мирным договором все польские граждане могли быть отправлены из России в Польшу.

Работа Екатерины Павловны сильно затруднялась тем, что ей не выдавали официального удостоверения. Получила она его только 1 августа 1921 года. В этом удостоверении (подписанном Дзержинским) говорилось, что Е. П. Пешковой *«разрешается беспре-*

[94] АГ. ФЕП-рл 8–15–310. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 29 октября 1927 г.

пятственно посещать места, в коих находятся заключенные поляки». Для поездок по стране ей был предоставлен отдельный вагон. Теперь она имела право и возможность посетить любое место заключения на территории России, имела право видеться по любому делу, не только по политическому, с лицами польского гражданства; имела право оказывать помощь гражданам всех без исключения национальностей, обвиняемым по польским делам; также она могла оказывать помощь католическим священникам всех национальностей.

В середине сентября 1921 года она отправилась в Сибирь. Ее сопровождали два сотрудника Бюро Уполномоченного: А. А. Ховрин и М. И. Ядлинский. Поездка оказалась тяжелой. В первый же день сломался вагон — его починили, ночью загорелся паровоз — пожар потушили и поезд заменили на другой; затем поезд стал подолгу останавливаться, чуть не потерпел крушение (сошел с рельсов багажный вагон в голове поезда, но машинист сумел быстро остановить поезд и удержал на рельсах следующие вагоны). После Вятки начался подъем пути, и паровоз не мог взять все вагоны (чтобы одолеть этот подъем), вагон Польского Красного Креста перетащили («никакие уговоры не помогли») к другому поезду — товарно-пассажирскому, который ехал с долгими остановками и с переменой бригад каждые сто верст. До Омска добрались спустя неделю. В Омске начались «новые приключения»: «Вчера вечером сидели с Ховриным в столовой, я у стола, он на диване. За окнами темно, у нас горит лампа. Вдруг что-то стукнуло в окно. Выстрела не было слышно. Видимо, как-то пуля на излете к нам попала, т. к. отскочила от стекла, не пробив занавески. Только в стекле круглая дырочка. Открыли окно: никого нет. Все потом приходили, рассматривали стекло, смотрели за окнами. Так и не выяснили, откуда попала она в наше окно. Еще новые приключения»[95].

Домой Екатерина Павловна писала часто: она очень волновалась за оставленных близких (не без оснований), ей хотелось поскорее сделать все, что нужно, и вернуться в Москву. В письмах она делилась своими переживаниями и новыми впечатлениями. Сибирь ей нравилась: и люди («Народ все хороший и не тормозит

[95] АГ. ФЕП-рл 8–15–102. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Омска в Москву, 24 сентября 1921 г.

работы[96]»), и города («Город мне понравился. В будущем это прекрасный город. <...> Домов хороших, больших не так много. Сменятся дома, и получится прекрасный просторный город. Здесь, если бы пришлось, неплохо бы было жить и работать, верно»[97]), и природа («Совсем теплый день. Окно в купе у меня открыто. Пахнет степными травами. Ховрин на какой-то маленькой станции набрал букет запоздалых цветов. Стоят большие стога сена, кое-где пучки кустарника разбросаны. Далеко на горизонте ни то вода, ни то луг»[98]). Алексей Максимович письма похвалил: «Получил твои письма из Сибири, — хорошо пишете, мамаша, сын даже поэтессой обругал Вас. Серьезно — хорошо. Тебе бы дневничок вести надо, мемуарчики писать, а?»[99]

Екатерина Павловна «дневничков» не вела, «мемуарчиков» не писала, а посещала тюрьмы, лагеря, детские приюты, составляла списки людей на эвакуацию (их оказывалось значительно больше, чем предполагалось). За поездку в Сибирь она обследовала Омск, Ново-Николаевск, Красноярск и Иркутск. Вот еще один отрывок из уже цитируемого нами обзора-отчета, дающий представление об объеме работы Бюро Уполномоченного: «<...> Из других провинциальных городов, где предполагалось скопление той или иной категории опекаемых, были обследованы путем объезда моими сотрудниками нижеследующие пункты: Тверь, Рыбинск, Кострома, Кинешма, Данилов, Иваново-Вознесенск, Маршанск, Владимир, Смоленск, Екатеринбург. Посещались: Петроград, Нижний, Тула, Тамбов, Орел и Пенза.

В конце августа моим представителем в Нижнем Новгороде, как было сказано выше, было предпринято обследование поволжских городов: Казани, Симбирска, Самары, Саратова, Царицына, Астрахани и, наконец, мною лично обследованы Сибирские города: Омск, Ново-Николаевск, Красноярск и Иркутск. В Сибири в поездку с половины Сентября по 31 Октября мною обследованы все места заключения польских граждан, оказана им единовременно

---

[96] АГ. ФЕП-рл 8–15–103. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Ново-Николаевска в Москву, 27–28 сентября 1921 г.

[97] Там же.

[98] Там же.

[99] АГ. Т. IX. С. 215–216. Из Берлина в Москву, 18 ноября 1921 г.

материальная помощь из запасов представителя Польской Делегации в Сибири, ГИНТОВТА, розданы посылки, присланные из Польши, и предприняты меры к облегчению и освобождению ряда лиц, и скорейшей высылке на родину заключенных гражданских пленных.

Заканчивая иногородний обзор работы по опеке польских граждан, должна отметить, что в большинстве мест, обследованных мною и моими сотрудниками, условия содержания военнопленных и гражданских пленных можно считать сносными и как общее явление — не приходилось встречаться с недоброжелательным и придирчивым отношением администрации к заключенным. Существовавшие жалобы на администрацию удавалось удачно устранить путем переговоров с администрацией, иногда неясно представлявшей себе положение польских граждан после заключения договора, и разговоров с заключенными.

Гораздо больше было случаев плохого питания и состояния одежды заключенных, но это в большинстве случаев находилось в зависимости от общего недостатка того и другого в РСФСР»[100].

Екатерине Павловне во время поездки в Сибирь удалось проделать большую работу за относительно короткое время. Она писала Николаеву: «Благодаря письму Дз<ержинского>, а, может быть, и просто, здесь все очень милы и любезны. Все разрешения быстро получила»[101]. А между тем в сентябре 1921 года отношения между Польшей и Россией осложнились. 18 сентября польское правительство представило ультиматум, в котором потребовало от российского правительства выполнения польских требований, угрожая разрывом дипломатических отношений; срок исполнения ультиматума был назначен до 1 октября. Российскому правительству удалось предотвратить этот нежелательный разрыв, означающий возобновление польской интервенции, но пока результат

---

[100] ГА РФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 279. Л. 16. Отчеты о деятельности Бюро Уполномоченного Польского Общества Красного Креста в России с начала работы до 1928 года включительно.

[101] АГ. ФЕП-рл 8–15–104. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Ново-Николаевска в Москву, 30 сентября 1921 г.

переговоров не стал ясен, Михаил Константинович и Алексей Максимович начали волноваться за благополучие Екатерины Павловны: «Две недели т<ому> н<азад> после получения польской ноты и приняв во внимание всякие разговоры, я посоветовал Ал<ексею> М<аксимовичу> послать тебе телеграмму, чтоб возвращалась, ибо не ровен час, в провинции всякое может случиться»[102]. Телеграмму Алексей Максимович послал: «Телеграмму в Н.-Николаевск я дал тебе, убоясь войны с Польшей и возможного пленения твоего в качестве полонофилки. Войны, видимо, не будет. Очень приятно»[103].

В этом же письме Алексей Максимович сообщал: «Я еще не уехал, как видишь, хотя сегодня уже 7-е октября. Причина: заболел и свалился, а вторая — дела. Скоро, однако, еду в Петроград, а затем в Финляндию, Швецию и — Норвегию, минуя — если это окажется возможным — Берлин. Возвратясь, ты найдешь хорошие письма Максима из Берлина, а теперь он в Риме. Слухи о его распутной и пьянственной жизни категорически опровергаются, о чем ты прочтешь в пакете. Вообще, он благополучен, весел и хорош. Это — главное, что тебя занимает, все остальное — пустяки, — да? Ну и прекрасно. <...> Ну, будь здорова и приезжай за границу. Всего доброго. А.»[104]

ПОМГОЛ. ОТЪЕЗД А. М. ГОРЬКОГО ЗА ГРАНИЦУ. ПЕРЕМЕНЫ В РУКОВОДСТВЕ МПКК. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ПОЛЬШУ. ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ. 1921 г.

В середине октября 1921 года Алексей Максимович покинул Советскую Россию. Выехал он по настоянию Ленина, официально — для поправки здоровья, истинной же причиной его отъезда явилось несогласие с политикой большевистской власти, вследствие чего его присутствие в России стало для власти нежелательным. Его отъезду способствовали обстоятельства, связанные с дея-

[102] АГ. ФЕП-кр 43–1–18. М. К. Николаев — Е. П. Пешковой. Из Москвы в Ново-Николаевск, 8 октября 1921 г.

[103] АГ. Т. IX. С. 212. Из Москвы в Ново-Николаевск, 7 октября 1921 г.

[104] Там же.

тельностью Комитета Помгола (Всесоюзный комитет помощи голодающим), в создании которого он принял активное участие.

Ниже мы приводим отрывок из статьи Евгении Ивановой[105], рассказывающей о политике большевистской власти во время голода, охватившего Россию в 1921 году, об общественных и церковных деятелях, пытавшихся как-то помочь голодающей стране, и о ситуации, в которой оказался М. Горький.

«Уже весной 1921 стали ясны размеры надвигавшегося голода, который был следствием гражданской войны и политики военного коммунизма. Правительство большевиков, напуганное надвигающимся бедствием, понимало, что никакими ресурсами спасения внутри страны оно не располагало, а международная изоляция лишала надежды на поддержку извне. Прорвать ее в той ситуации могли только независимые общественные деятели, пользовавшиеся международным авторитетом.

В числе первых, на кого попытались опереться большевики, был Максим Горький. 22 мая 1921 года он писал В. Г. Короленко: “Голод принимает размеры катастрофы небывалой. Необходимо бороться с ним всячески”. Короленко обладал большим авторитетом в кругах русской эмиграции, но он не сразу откликнулся на призыв Горького, о чем писал в ответном письме: “…Настоящий голод не стихийный. Он порождение излишней торопливости, нарушен естественный порядок труда, вызваны вперед худшие элементы, самые нетрудоспособные, и им дан перевес, а самые трудоспособные подавлены. Теперь продолжается то же. И если это не прекратится, можно ждать голода и на будущий год и дальше”. Но, в конце концов, он согласился стать почетным председателем Всероссийского Комитета помощи голодающим, или Помгола, который был создан 20 июля 1921 года совместными усилиями Горького и ряда общественных деятелей. От правительства большевиков руководителем Помгола был назначен Л. Б. Каменев. Параллельно Патриарх Тихон создавал церковный Помгол. Надо сказать, что за короткий срок им удалось получить в свое распоряжение достаточные средства, а главное — привлечь иностранную помощь. <...> Но как только иностранная помощь стала ре-

[105] Евгения Иванова. Филантропы больше, чем гангстеры // Родина. 2008. № 9. С. 72–76.

альностью, оба эти Помгола были распущены, а собранные средства конфискованы»[106].

18 июля 1921 года была создана Комиссия ВЦИК помощи голодающим с названием «ЦК Помгола» (председатель М. И. Калинин, зам. председателя Смидович, Рыков, Каменев).

«Созвучие ее названия с первым Помголом, а также включение в ее состав Л. Б. Каменева, который работал и в первом Помголе, создавало возможность подмены, и как только начались переговоры с АРА[107], первый Помгол был распущен, а его участники частично расстреляны[108], частично арестованы и позднее высланы из России. <...> Цинизм этого маневра потряс тогда Горького, известны его слова, адресованные Л. Б. Каменеву: “Вы сделали меня провокатором!”, но дальше благородного кипения дело не пошло, осенью 1921 года писатель по настоянию В. И. Ленина покинул Россию.

Не менее “блистательно” большевики использовали М. Горького и в другом направлении: они направили его к Патриарху Тихону, который находился под домашним арестом и не мог самостоятельно предпринимать никаких общественных инициатив. Горький убедил Патриарха выступить с совместным обращением к мировой общественности. <...> 26 июля 1921 года <...> Гувер[109] <...> откликнулся на призыв Максима Горького о помощи “Честные люди” и обращение Патриарха Тихона к Епископу Нью-Йорк-

---

[106] Евгения Иванова. Филантропы больше, чем гангстеры // Родина. 2008. № 9. С. 72.

[107] АРА (ARA — American Relief Administration — Американская администрация помощи) была создана для оказания помощи европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне. В 1921 г. в РСФСР в связи с голодом была разрешена ее деятельность.

[108] За участие в Комитете Помгола никто расстрелян не был. Позже некоторые деятели Помгола были расстреляны по процессу «Трудовой крестьянской партии» и др. обвинениям.

[109] Герберт Гувер — будущий президент США (в 1929–1933 гг.), а в то время министр торговли и одновременно глава крупнейшей в мире частной филантропической организации АРА, откликнулся на призыв оказать помощь голодающим в России. Соглашение между советским правительством и АРА было подписано 20 августа 1921 г. в Риге. Гувер обещал ежемесячно расходовать более 1 млн долларов на продовольственные поставки в Россию. АРА продолжала присылать продовольствие для голодающих какое-то время и после того, как из России начался вывоз хлеба за границу.

скому, которые на английском языке были опубликованы 23 июля в газете “Нью-Йорк таймс”. В обращении Патриарха говорилось: “Чрез вас зову народ Соединенных Штатов Северной Америки. В России голод. Огромная часть ее населения обречена на голодную смерть. Хлеба многих губерний, бывших раньше житницей страны, сожжены засухой. На почве голода — эпидемии. Необходима самая широкая помощь. Всякие соображения иного порядка должны быть оставлены в стороне: гибнет народ, гибнет будущее, ибо население бросает свои дома, земли, поля, хозяйства и бежит на восток с криком: хлеба. Промедление грозит бедствиями, неслыханными доселе. Высылайте немедленно хлеб и медикаменты. С таким же призывом обращаюсь к народу Англии через Архиепископа Кентерберийского. Молитесь, да утихнет гнев Божий, движимый на нас. Тихон, Патриарх Московский и всей России”.

О том же говорилось и в обращение М. Горького “Честные люди”: “Хлебородные степи Юго-Востока России поражены неурожаем, причины его небывалая засуха. Несчастие грозит миллионам населения России смертью от голода. Напомню, что народ русский сильно истощен влияниями войны и революции и что степень его сопротивления болезням, его физическая выносливость, — значительно ослаблена. Для страны Льва Толстого и Достоевского, Менделеева и Павлова, Глинки и других всемирно ценных людей наступили грозные дни, и я смею верить, что культурные люди Европы и Америки, поняв трагизм положения русского народа, немедленно помогут ему хлебом и медикаментами”. Воззвание Патриарха Тихона, как и обращение М. Горького не только публиковались в иностранных газетах, но и распространялись по дипломатическим каналам.

<...> по прибытии в Россию члены миссии АРА были изумлены, когда обнаружили, что первый из подающих сигнал тревоги — Горький — отбыл за границу[110], а второй — находится под домашним арестом»[111].

---

[110] Выезду А. М. Горького из Советской России способствовала М. Ф. Андреева: «Мария Федоровна обращается к Ленину и с другими вопросами. Она высказывает ему свое беспокойство по поводу здоровья Горького, просит помочь ученым Петрограда, которых опекал Алексей Максимович, обращает внимание Владимира Ильича на необходимость отъезда Горького из Петрограда, где часто осаждает его реакционно настроенная

интеллигенция. “Алексею необходимы новые впечатления, — пишет Андреева 29 августа 1920 г. — Если он будет сидеть все время в облаке тех, коими он сейчас живет, ведь он с ума сойдет, об этом Вы сами не раз говорили…”» (Андреева. Изд. 2-е. С. 583).

«Одновременно ей пришлось также принять участие в работе Комитета помощи голодающему населению районов Поволжья и Украины, пострадавших от неурожая 1921 г. Как представитель Помгола Мария Федоровна побывала в Дании, Швеции и Германии. <...> О своих выступлениях за границей Андреева писала Ленину. <...> Зная, каким авторитетом и доверием окружено за границей имя Горького, и представляя, какую неоценимую помощь может оказать его непосредственное участие в сборе средств, она писала Алексею Максимовичу в августе 1921 г.: “Для дела помощи — твой приезд абсолютно необходим, твой неприезд отзовется страшно губительно…”» (Андреева. Изд. 2-е. С. 592).

«М. Ф. Андреева — А. М. Горькому.

Май 1921, Либава.

Вот, дорогой друг, огорчило меня твое сообщение о том, что ты не поедешь в Наугейм теперь! До нового хлеба — четыре месяца. Твое здоровье все-таки очень серьезно расшатано. Случись с тобой что-нибудь, уже не говорю об общем ужасе, не говорю, конечно, о близких тебе и о себе самой, но для той же цели, из-за которой ты собираешься не уезжать, будет во сто тысяч крат больше и невознаградимее ущерб и несчастье, если ты свалишься и не будешь в состоянии заботиться о своих ученых и призреваемых, хотя бы издали.

Думается мне также еще и так — за границей лично ты скорее убедишь помочь ученым и интеллигенции, поговорив хотя бы с тем же Нансеном, Уэллсом и другими. Ты сам по опыту знаешь, как это тебе часто удавалось именно благодаря личному обаянию. Даю тебе слово, что отнюдь не собираюсь убедить тебя хитростью, а говорю это по чистой совести.

Сегодня еду с П<етром> П<етровичем> <Крючковым> в Данциг.

…В письме к тебе посылаю письмо Ильичу, прочти его, конечно, и, пожалуйста, передай» (Андреева. Изд. 2-е. С. 291).

«28 августа 1921, Берлин.

От Макса узнала о тебе, Алексей Максимович. Сама я от тебя получила полтора месяца тому назад чисто деловое и, как всегда, суровое письмо… Не едешь? Это очень жаль, и очень тяжело думать, что ты не полечишься, не отдохнешь, жутко делается, когда представишь себе зиму, твою жизнь, твой кашель, коридорчик, в котором ты спишь и лежишь больной, твой замечательный “кабинет” с опустевшими полками и все, все, от чего, как подумаешь, ноет и болит душа.

Для дела помощи твой приезд абсолютно необходим, твой неприезд отзовется страшно губительно, так как никаких Кусковой — Прокопович — Кишкина здесь не знают, да и знать не хотят, кроме эмигрантов, которые

сыграли бы скверную роль, если эти приедут, и сыграют такую же скверную игру на том, что-де “свободомыслящих” не пустили. Этим господам все на руку, лишь бы напакостить. Эти, конечно, будут ликовать, что ты не приезжаешь, так как всем им нож острый, что им! им! — Бунину + Мережковскому + Гиппиус + Куприну и Чернову с $К^0$ не верят, их не слушают, а Горькому, злодею, верят.

Но это все-таки только шавки. Но ведь есть еще и крупные собаки, которые вредят и портят куда серьезнее.

Мне думается, после всего, что я сама здесь видела и узнала, тебе отнюдь не следует ехать с каким бы то ни было комитетом или официальным поручением. На тебя смотрят как на абсолютно чистого и достоверного свидетеля, который скажет правду о размерах голода, о возможностях помощи, и твое слово о прочности Советского правительства, обо всем, что им сделано хорошего и как трудно было ему добиваться хороших результатов в неистово тяжелых условиях работы и жизни, будет иметь здесь огромное значение.

<...> Само собой разумеется, тебе не следует разменяться на мелочи, не следует выступать везде и всюду, а надо выбрать два-три места, не следует браться ни за какую практическую работу сбора, организации комитетов и проч<ее>. Одно твое появление будет уже очень важно.

Было бы очень хорошо, если бы я успела повидаться с тобой в самые первые часы твоего выезда за границу, так как у меня сейчас довольно большой опыт и очень много данных, которые могут быть тебе полезны.

Глубоко убеждена, что тебе необходимо поехать, и как можно скорее!

Думаю, что тебе следует хоть немного позаботиться о себе самом, ведь тебе же надо писать! Тебе так давно хочется этого. Средств у тебя хватит своих собственных на прожитие даже в Швеции, где климат здоровый, питание нормальное и здоровое и где есть остров, на котором ты мог бы жить абсолютно один, если захочешь, в условиях наибольшего комфорта: хороший дом, условия жизни и проч» (Андреева. Изд. 2-е. С. 292–293).

«Из письма М. Ф. Андреевой В. И. Ленину.

25 января 1922, Берлин.

Дорогой Владимир Ильич!

Не повезло мне — все время, пока я пробыла в России, Вы были в отъезде, и видела я Вас всего минуточку.

Очень хотелось мне рассказать Вам о приезде Алексея за границу, как к нему отнеслись наши эмигранты и как иностранцы, о нем самом, его настроениях и впечатлениях, весьма разнствующих с теми, каковые обуревали его, когда он уезжал из России, как особенно ярко видно по его письмам ко мне» (Андреева. Изд. 2-е. С. 296).

«В октябре 1921 г. Горький уезжает за границу лечиться. “Ему сейчас лучше, — читаем мы в письме Марии Федоровны Ленину (январь 1922 г.), но лечиться придется долго и упорно”. Через месяц она снова пишет:

Всероссийский комитет помощи голодающим (ВКПГ) — общественная организация, созданная 20 июля 1921 года и утвержденная ВЦИК 21 июля, просуществовала всего 6 недель. После того как ВЦИК отказал Комитету в поездке его делегации за границу с целью сбора средств, Комитет решил самораспуститься, для чего на 27 августа было назначено заключительное заседание. Пришедшие на него члены Комитета были арестованы ВЧК и отправлены во Внутреннюю тюрьму[112]. 28 августа в «Известиях» было опубликовано постановление ВЦИК о ликвидации Комитета.

Активными деятелями Комитета Помгола были многие члены МПКК: Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, Н. М. Кишкин, Е. М. Кафьева[113], Л. А. Тарасевич, В. Г. Чертков[114], М. А. Осоргин[115], Ф. А. Головин[116] и др. Екатерина Павловна участия в деятельности Помгола не принимала: она была занята работой в МПКК и в Бюро Упол-

---

"Леонид Борисович <Красин> передаст Вам о деле издания книг Алексея Максимовича, пожалуйста, если будет нужно, поторопите решить этот вопрос: пособия или ссуды Алексей не возьмет, уехал он, не взяв ни копейки, все, что у него было, прожито, а жить здесь, а уж особенно лечиться — безумно дорого". Это место письма отчеркнуто Владимиром Ильичом. Из опубликованных материалов известно, что Ленин позаботился о создании Горькому благоприятных условий для лечения» (Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький». С. 169) (Андреева. Изд. 2-е. С. 502).

111 Евгения Иванова. Филантропы больше, чем гангстеры // Родина. 2008. № 9. С. 72–73.

112 Входившие в ВКПГ члены РКП(б), в том числе и присутствующие на заседании (А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, П. Г. Смидович и др.), арестованы не были. Не были арестованы иностранные журналисты, А. В. Чаянов, П. А. Садырин, Л. А. Тарасевич, П. Н. Диатроптов, В. Г. Чертков и некоторые другие деятели, «полезные для строительства советского государства». «Веру Фигнер, горько плакавшую от гнева и унижения, <также> отпустили на волю; остальных доставили в Лубянскую тюрьму». (См. подробно: Тополянский Виктор. Год 1921-й: покарание голодом // Континент. 2006. № 130. URL: http://magazines.russ.ru/continent/2006/130/ topo15.html).

113 Кафьева Екатерина Максимовна — секретарь Н. М. Кишкина.

114 Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936) — близкий друг Л. Н. Толстого, редактор и издатель его произведений, лидер толстовства как общественного движения.

115 Осоргин Михаил Андреевич (1878–1942) — писатель, редактор бюллетеня Комитета Помгола «Помощь».

116 Головин Федор Александрович (1867–1937) — председатель Второй Государственной думы, один из основателей партии кадетов и член ее ЦК.

номоченного Польского Красного Креста. (Летом 1921 года она писала М. К. Николаеву: «У меня работы много. До одурения принимаю людей, говорю, уговариваю, успокаиваю»[117].)

В архиве МПКК сохранилась «Анкета арестованного», заполненная Е. Д. Кусковой 17 октября 1921 года в Бутырской тюрьме. На вопрос анкеты «Повод к аресту» она ответила: «По-видимому — слишком активное содействие Советской власти в деле помощи голодающим». И далее: «По существу дела могу высказать лишь предположение. Комитет был учрежден согласно декрету ВЦИК. Действовал исключительно и сугубо легально, понимая всю ответственность за взятое на себя дело. Ввиду отказа ВЦИКа выпустить за границу делегацию Комитета, а без ее работы работа Комитета была бы бессмысленна и создавала бы лишь параллель с комиссией ВЦИК (Комиссия Помощи Голодающим), Комитет решил 27 Августа закрыть свои действия. На этом моменте и произошел арест»[118].

Вслед за постановлением ВЦИК о ликвидации Комитета началась его травля в газетах. Владимир Ильич изобрел для травимых уничижительную кличку «Прокукиши»[119] (или «Кукиши»), радостно подхваченную прессой и народом. Он распорядился дать директиву газетам «на сотни ладов высмеивать и травить “Кукишей” не реже одного раза в неделю на протяжении двух месяцев»[120]. В начале сентября по Москве разнесся слух, что находящиеся в тюрьме Прокопович, Кускова и Кишкин будут расстреляны, после чего Г. Гувер и Ф. Нансен[121] послали в адрес большевистского правительства протестные телеграммы. Но еще раньше судьбой членов Комитета Помгола озаботился МПКК: на заседании Комитета МПКК, состоявшемся 2 сентября, были заслушаны сообщения Н. К. Муравьева и М. Л. Винавера «об арестах среди членов Комитета помощи голодающим и о действиях Креста» и было решено «продолжать хода-

---

[117] АГ. ФЕП-рл 8–15–95. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву, 20 июня 1921 г.

[118] ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 226. Л. 76–76 об.

[119] «Прокукиш» — первые слоги фамилий Прокопович, Кускова, Кишкин.

[120] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 140–142; Тополянский Виктор. Год 1921-й: покарание голодом // Континент. 2006. № 130. URL: http://magazines. russ.ru/continent/2006/130/topo15.html .

[121] Ф. Нансен — норвежский полярный исследователь, уполномоченный Международного Комитета Красного Креста, также оказывающего помощь голодающим в России.

тайство о заключенных и в первую очередь ходатайствовать об освобождении членов Полит<*ического*> Кр<*асного*> Креста»[122].

1 ноября 1921 года Президиум ВЧК принял постановление о высылке наиболее активных членов Комитета Помгола в провинциальные города северных губерний, а 4 ноября состоялось очередное заседание Комитета МПКК, на котором выступила и Екатерина Павловна (только что вернувшаяся из поездки по Сибири). Она сообщила, что членам Комитета Помгола объявлено постановление об их административной высылке из Москвы[123]. К ее сообщению было сделано добавление юриста МПКК Н. Д. Соколова о предпринятых им и Н. К. Муравьевым шагах для отмены высылки.

По этим сообщениям Комитет МПКК постановил: «а/ Просить Н. Д. СОКОЛОВА продолжать хлопоты в ВЦИК об отмене высылки Вс<*есоюзного*> Ком<*итета*> Пом<*ощи*> Гол<*одающим*> в Северные губ.<...> в/ Просить Е. П. ПЕШКОВУ и М. Л. ВИНАВЕРА в случае получения ими разрешения от ВЧК посетить заключенных, предназначенных к высылке и находящихся во Внутренней тюрьме ВЧК. г/ Из поступившего пожертвования в сумме 16000000 <рублей> ассигновать на оказание помощи арестованным по делу Вс<*есоюзного*> Ком<*итета*> Пом<*ощи*> Гол<*одающим*> 8.000.000 р<ублей>, а остальную сумму обратить на нужды всех политических заключенных. <...> д/ Заключенным по делу Всер<*оссийского*> Ком<*итета*> Пом<*ощи*> Гол<*одающим*>, предназначенным к высылке в Северные губернии в количестве 6-ти лиц[124], выдать единовременно на каждого по

[122] ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.

[123] ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.

[124] «На заседании Президиума ВЧК 1 ноября 1921 г. было принято постановление, согласно которому в административном порядке высылались: С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова — в Тотьму Вологодской губернии, Н. М. Кишкин и М. А. Осоргин — в Солигалич Костромской губернии, Д. С. Коробов и И. А. Черкасов — в Краснококшайск Марийской губернии. В действительности же Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович отбывали ссылку в Кашине Тверской губернии, а М. А. Осоргин — в Казани. В том же месяце была сослана в Тотьму и секретарь Кишкина — Е. М. Кафьева» (Макаров В. Г., Христофоров В. С. К истории Всероссийского Комитета Помощи Голодающим // Новая и Новейшая история. 2006. № 3. URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/ NEWHIST/POMGOL.HTM).

1.000.000 руб. и снабдить в случае надобности теплыми вещами»[125].

Екатерина Павловна не прекращала хлопот о высланных членах Помгола. В марте 1922 года она направила письмо-ходатайство МПКК в Президиум ГПУ с просьбой пересмотреть приговор и разрешить высланным возвратиться в Москву[126]. ГПУ не возражало, но возражала более высокая инстанция — политбюро. Е. Д. Кускова, благодарная Екатерине Павловне за ее хлопоты, замечала, что деятели Помгола, «к сожалению, столь важные преступники», что даже упорство Екатерины Павловны «не может пробить стену»[127]. Однако ходатайство в ГПУ[128] увенчалось относительным успехом: Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичу ссылка была заменена 3-годичной высылкой за границу, М. А. Осоргину[129] был разрешен въезд в Москву, И. А. Черкасову и Д. С. Коробову[130] — переезд в Нижний Новгород. 31 мая 1922 года Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович выехали за границу (в «осиные гнезда русской эмиграции»[131], куда им очень не хотелось ехать, но благодаря чему они получили возможность жить и плодотворно работать еще долгие годы).

За те полтора месяца, которые у Екатерины Павловны заняла поездка в Сибирь, в руководстве МПКК произошли серьезные изменения: Н. К. Муравьев вышел из его состава. 7 октября он покинул заседание Комитета МПКК, которое вел как председатель и на

---

[125] ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.

[126] Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ГПУ. 1921–1923 / Вступ., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова. М.: Русский путь, 2005. С. 62.

[127] АГ. ФЕП-кр 36–19–2. Е. Д. Кускова — Е. П. Пешковой. Из г. Кашина Тверской губ. в Москву, 4 мая 1922 г.

[128] Постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК была преобразована в ГПУ, которое в отличие от ВЧК не имело права выносить бессудные приговоры (в октябре 1922 г. это право было ему возвращено).

[129] М. А. Осоргин был выслан из России 26 сентября 1922 г.

[130] И. А. Черкасов и Д. С. Коробов были арестованы в 1930 г. и отправлены в ИТЛ.

[131] АГ. ФЕП-кр 36–19–2. Е. Д. Кускова — Е. П. Пешковой. Из г. Кашина Тверской губ. в Москву, 4 мая 1922 г.

котором В. Н. Фигнер присутствовала как член Совета МПКК, при этом он заявил, что выходит из состава Президиума, Комитета и вообще из членов МПКК. Хотя его уход был связан не с характером деятельности Общества, а с личностными отношениями, на заседания МПКК он больше не приходил, несмотря на настойчивые приглашения, более того, он даже не принял составленный для него благодарственный адрес[132]. Екатерина Павловна, как заместитель председателя, должна была занять должность председателя вплоть до очередных выборов. На заседании Комитета МПКК, состоявшемся 4 ноября 1921 года (первом заседании, на которое она попала спустя несколько дней после возвращения из Сибири), она согласилась принять обязанности председателя «временно впредь до свидания с Н. К. Муравьевым»[133]. Но и Екатерине Павловне не удалось уговорить его остаться, и 25 ноября она вступила в должность председателя МПКК. Двумя днями раньше, 23 ноября, на заседании Президиума МПКК (на котором в члены МПКК был принят П. Н. Малянтович — предполагаемая замена Н. К. Муравьеву) она заявила «о том, что она принимает обязанности Председательницы Кр<асного> Креста впредь до общего собрания членов, которое она считает желательным собрать не позже января будущего года, и, вместе с тем, предупреждает Президиум, что по неотложным личным делам она на будущей неделе должна уехать за границу на продолжительное время»[134].

---

[132] Уход Н. К. Муравьева из МПКК повлек за собой выход из него таких влиятельных фигур, как В. Г. Чертков (а вместе с ним и др. членов «О-ва Истинной свободы в память Л. Н. Толстого»), И. С. Кальмеер, Н. Н. Лоскутов и др., работавших по личному приглашению Муравьева. Он же, отказавшись от членства в МПКК, продолжал свою правозащитную деятельность, ходатайствуя за арестованных, заключенных и ссыльных — подопечных МПКК. Что касается отношений с В. Н. Фигнер, то Н. К. Муравьев всегда относился к ней с большим пиететом (для нее же он был просто «политический защитник»). В 1932 г., поздравляя ее с 80-летием от своего имени и от имени «друзей по старой политической защите», он писал ей: «Простите мне за эти мои любовь и уважение к Вам мои недостатки и верните мне то доброе отношение, которым я некогда у Вас пользовался и которое было большим для меня утешением и большой радостью» (РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 611).

[133] ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.

[134] ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 27. Л. 66.

30 ноября 1921 года Екатерина Павловна выехала в Варшаву, чтобы выяснить дальнейшую судьбу Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в РСФСР. К ноябрю 1921 года его работа пошла на убыль, т. к. большая часть польских гражданских и военных пленных вернулась на родину, и в связи с этим Екатерина Павловна начала постепенную ликвидацию Бюро и наметила срок его закрытия к концу декабря 1921 года. Однако в Варшаве ее просили продолжить работу: «В Варшаве все очень тепло меня приняли. Я уже не говорю о Филиповиче[135]. То же и другие. В Кресте просят меня продолжить работу. Я сказала, что от работы не отказываюсь, но надо, чтобы они выяснили с Делегацией[136], нужна ли эта работа теперь, и есть ли возможность материальная ее вести. <...> Пока нельзя, значит, ликвидировать ни квартиру, ни гараж, ни вагоны. <...> Целый день у меня народ или я где-нибудь занята. Встречи с людьми, которые здесь ожили, помолодели, очень волнуют»[137]. Чтобы понять, насколько российские власти будут заинтересованы в дальнейшей работе Бюро Уполномоченного Красного Креста (Польского и Российского, работающих под знаком Международного Комитета Красного Креста, а не правительств своих стран), Екатерина Павловна посетила тюрьмы и лагеря, в которых находились в заключении российские граждане. Но и к концу ее пребывания в Варшаве вопрос о продолжении работы Бюро окончательно решен не был. («Работать дальше, вероятно, придется, хотя все еще не окончательно выяснено»[138]. «Уеду в пятницу. Не уверена, что буду к этому времени иметь достаточно ясный ответ Креста. Им очень трудно выяснить вопрос о средствах. А тут еще

---

[135] Т. Филипович — полномочный представитель Польши в России.

[136] Согласно договору о репатриации, подписанному Россией, Украиной и Польшей 24 февраля 1921 г., в России начала работать Польская делегация, а в Польше Русско-Украинская делегация. К этим Делегациям должна была перейти работа отделений (Бюро) Красного Креста; при этом по соглашению обеих частей Смешанной комиссии Екатерине Павловне и Ст. Семполовской было предложено продолжать краснокрестную работу на прежних основаниях.

[137] АГ. ФЕП-рл 8–15–107. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 9 декабря 1921 г.

[138] Там же. 8–15–109. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 22 декабря 1921 г.

праздники мешают. Просят не ликвидировать дело, а будет ли фактически возможность вести его дальше, не ясно»[139]).

До возвращения Екатерина Павловна (несмотря на трудности с получением визы) съездила в Германию, чтобы увидеться с Максимом и Алексеем Максимовичем.

За границу Алексей Максимович уезжал из Москвы. Приехать в Москву из Петрограда он намеревался в августе, но его задерживали нездоровье и «разные дела». Екатерине Павловне он сообщал:

3 августа. «Не звонил тебе потому, что каждый день собираюсь в Москву, а выехать не могу, ибо невероятно занят разными делами. Однако в пятницу или субботу — еду. Устал как лошадь, кровохаркаю, настроение скверное. А. П.»[140]

24 августа. «Собрался в Москву — даже вагон был готов, — но в пятницу почувствовал себя так скверно, физически и морально, что вместо Москвы поехал в Белоостров, где прекрасно — в тишине и поразительно красивом пейзаже — прожил трое суток. Видел много интересного и веселого. Утром во вторник вернулся в Питер и узнал, что Петросовет, сиречь Зиновьев — приказал “немедленно прекратить” деятельность Облкомитета борьбы с голодом. (Вторник — это вчера[141].) Я прекратил[142] и послал в Москву заявление о моем выходе из членов Всероссийского Коми<те>та. <...> Необходимо мне распутать кое-какие истории до отъезда в Москву, чем я и занят. Выеду, м<ожет> б<ыть>, завтра, но — вероятнее — во вторник, после заседания. Еду со своим багажом на случай, если придется из Москвы проехать в Европу, куда ехать мне все больше не хочется.

---

[139] АГ. ФЕП-рл 8–15–110. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 26 декабря 1921 г.

[140] АГ. Т. IX. С. 211. Из Петрограда в Москву, около 3 августа 1921 г.

[141] 23 августа 1921 г. (во вторник) ВКПГ принял резолюцию, в которой говорилось, что в случае отказа правительства в поездке делегации Комитета за границу Комитет сочтет вынужденным прекратить работу.

[142] В августе 1921 г. в Петрограде создавалось отделение ВКПГ. В инициативную группу входили члены ВКПГ академики А. П. Карпинский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. В. Ферсман и др. Работать в рамках условий, поставленных Петросоветом, они отказались. Переговоры с ними от имени Петросовета вел Горький.

Аресты здесь — ужасающие. Сотнями арестуют[143]. В ночь сегодня — весь город гудел от автомобилей ЧК»[144].

В Москву Алексей Максимович приехал только в середине сентября, уже после отъезда Екатерины Павловны в Сибирь. Около месяца, пока оформлялись загранпаспорта и заканчивались разные дела, жил в квартире Екатерины Павловны, чувствовал себя неважно: кровохарканье не проходило, как-то ночью случился сердечный приступ. За границу он уехал 16 октября. В начале ноября 1921 года в Берлине его встречал Максим.

«8.XI.21. Многоуважаемая мамаша! Приехав, после различных приключений на суше и воде, в немецкий городок Берлин, густо населенный различными представителями русского народа, я увидел на вокзале самое интересное для Вас существо — Вашего собственноручного сына. Мы с ним поздоровались обоюдно почтительно и радостно, а затем поехали на автомобиле пить различные алкоголические жидкости в улицу, которая называется Фридрихсдамменстрассе — по-русски: Фридриховых дам. В опровержение тех совершенно точных сведений, которые ты получила от справедливых людей, доподлинно знающих всяческие интимности о жизни ближних своих, свидетельствую: М. А. Пешков в употреблении спиртуозных напитков очень скромен и даже более чем скромен. Это наблюдение мое клятвенно подтверждают люди, живущие с Максимом под одной крышей и тоже очень трезвого поведения. Полагая, что юноша не совсем здоров, а потому и не спиртоспособен, я тщательно исследовал состояние его души и тела. Оказалось: телесно он вполне здоров, хотя имеет внешний вид — тощий. <...> Душевное его настроение требует ремонта, за что я немедленно — завтра же, вероятно, — и примусь.

---

[143] В августе 1921 г. в Петрограде было арестовано более 200 человек по делу «Петроградской боевой организации». Дело было сфабриковано Петроградской ЧК. Согласно версии ЧК, целью организации было свержение советской власти, а руководителем организации был видный ученый-географ проф. Горного института В. Н. Таганцев. По этому делу в августе 1921 г. был расстрелян 61 человек (в том числе В. Н. Таганцев, поэт Н. С. Гумилев, государствовед и бывший сенатор проф. Н. И. Лазаревский, геолог В. М. Козловский, скульптор князь С. А. Ухтомский, химик проф. М. М. Тихвинский — в прошлом старый большевик, считавшийся другом Ленина, и др.).

[144] АГ. Т. IX. С. 211–212. Из Петрограда в Москву, 24 августа 1921 г.

Постоянное метание из Рима в Берлин и обратно в тревожных условиях должности дипкурьера натянуло ему нервы и очень утомило. Затем: “новая эконом<ическая> политика” и речи В. И. Ленина сбили его с толка, ошарашили — как и многих других, — возбудили у юноши ряд серьезных вопросов. <...> Отдохнув, он примется за какую-нибудь науку, но, мне кажется, он будет писать, к чему у него есть несомненная и оригинальная способность. Иван Николаев<ич>[145] утверждает, что у М<аксима> есть также серьезная возможность стать интересным и своеобразным иллюстратором и шаржистом.

С Надей у него, кажется, очень хорошие, товарищеские отношения; живут они в недурном пансионе, имея две комнаты, в третьей — Ракицкий; с ним у М<аксима> и Нади — отношения превосходные. Так что — в этом пункте все обстоит более благополучно, чем я ожидал. Не теряя веселого духа и юмора, Максим стал как-то серьезнее и внимательнее к жизни, к людям. В общем — очень милый и очень интересный человек, как говорят все, знающие его. Когда я упрекал его за то, что он тебе не пишет, он привел доказательства противного вполне убедительные. Письма в Россию попадают очень неохотно; М<ария> И<гнатьевна> Б<удберг> написала мне 17 штук, я получил из них 6. Пропорция — мрачная. Итак, о сыне — не беспокойся. <...> Писать о себе — очень скучно. <...> В солидной прессе наших эмигрантов я с грустью и завистью прочитал, что “М. Горький продал свои сокровища: старинное серебро, миниатюры и т. д.”. Пресса иностранная относится к М. Горькому доброжелательно, но особенно интересуются этим “авантюристом” — по крылатому слову А. И. Куприна — министры иностранных дел: финский был нежно любезен, шведский изысканно вежлив, а германский — за три дня до моего приезда в Берлин — прислал цветы, а потом — по телефону — просил подрезать им корни и не забывать менять воду, дабы до приезда моего цветы не потеряли свежесть свою. Вот как надо жить! Бабушка пользовалась бы в Германии широкой популярностью за свою феноменальную бережливость — так? <...>

…передай сердечнейший мой привет доктору Алексину, милому другу, скажи, что я страшно тронут его отношением ко мне во время болезни и что — знаю! — нет у меня человека, которого я так люблю

[145] Иван Николаевич Ракицкий.

и уважаю, как его, черта вологодского. И жене его, Людмиле, сердечный привет, и Николаевым братьям[146] тоже. И т<ак> д<алее>.

<...> Собирайся сюда. Пора тебе бабушкой быть, пора перестать даром есть сладкий хлеб советский. Да. Жму руку. А.»[147]

Назначение на работу дипкурьером Максим получил с помощью Ленина по просьбе Алексея Максимовича, который волновался за здоровье сына, переболевшего тяжелой формой «испанки» с осложнением на сердце и нервную систему. В результате Максим ушел из Всеобуча и начал работать дипкурьером в составе дипломатической миссии В. В. Воровского — полномочного представителя РСФСР в Италии. Однако и здесь он проработал недолго. В апреле 1921 года его послали в Рим с диппочтой, по дороге с ним произошел неприятный инцидент: в Италии, где фашисты набирали силу, он был арестован, через 8 часов освобожден, но у него, по словам Екатерины Павловны, «развилось нервное состояние, которое то уменьшалось, то увеличивалось»[148]. Вот как описал эту поездку в Италию Максим:

«Рим, 21-го V — 21 г.

Дорогие папа и мама.

На 23-й день пути приехал я в Рим. До итальянской границы ехал хорошо. Но от итальянской до Brenner'а шел пешком 11 килом<етров> по случаю забастовки жел<езных> дор<ог>, которая распространилась до Trent'а. (Вся оккупированная область.) Забастовка была настолько сильна, террор faschist'ов настолько дик, что все рабочие и много частных жителей разбежались кто куда. Местность на военном положении, за все 90 верст до Trent'а я не видел ни одного штатского не faschist'а. Поезд идет с охраной 5 человек солдат и офицеров на вагон, все с винтовками и гранатами. На паровозе пулемет, машинисты с военных кораблей.

В Trento меня сняли с поезда и арестовали, причем я пережил 8 неприятных часов. Потом по настоянию комиссара Sicurezza Publica отпустили. В Италии сейчас такая дикая анархия, какой

---

[146] Николаевы братья — М. К. Николаев и его брат Ф. К. Николаев.

[147] АГ. Т. IX. С. 213–215. Из Берлина в Москву, 8 ноября 1921 г.

[148] Комментарий Екатерины Павловны к письму Горького к ней от 3 февраля 1932 г. // АГ. Т. XIII. С. 200.

нельзя себе представить в России. Бои между коммунистами и фашистами идут по всей стране. Убивают десятками, жгут живьем. В Bolzano (я там ночевал) около границы фашисты сожгли рабочую палатку и всех, кто там был, — перебили. Тогда рабочие перестреляли фашистскую разведку. Фашисты собрались с силами, поехали в Bolzano, разгромили все квартиры социалистов, убили их вместе с семьями, заняли избирательные конторы и, отобрав у граждан все бюллетени (даже всех буржуазных партий) и ограбив дочиста кошельки (вознаграждение за труды), вручили всем гражданам фашистские бюллетени и заставили опустить в урны. Отказавшихся избивали, некоторых убили. <...> Фашисты субсидируются не правительством, а банками, каждый фашист получает 50 лир в день. Они настолько терроризировали население страны, что многие деревни пусты совершенно. Правительство здесь в борьбу не вмешивается, да и сделать ничего не может.

<...> Домой меня не тянет, но больно уж здесь тяжело. Фашисты демонстрируют чуть не каждый день перед отелем, где живет тов. Воровский, и в гостинице, на улице и во дворе до 80 карабинеров, в качестве охраны делегации. Ходим мы по городу свободно.

Пока всего хорошего. Крепко целую обоих родителей. До скорого свидания. М. П.»[149]

13 июня Максим ненадолго приехал в Россию; перед отъездом он предложил Наде Введенской[150] и Лидии Шаляпиной похлопо-

[149] АГ. Т. XIII. С. 199–200. Максим Пешков — Горькому и Е. П. Пешковой. Из Рима в Москву, 21 мая 1921 г.

[150] С Надей Введенской Максим был знаком несколько лет, в течение которых они встречались с большими перерывами. Когда Максим, ставший дипкурьером, приехал из Италии, они снова встретились. К этому времени она была официально замужем за доктором С. А. Синицыным — ординатором ее отца, профессора медицины А. А. Введенского. (Замуж она вышла по настоянию умирающего отца.) В своих воспоминаниях, написанных после смерти Максима, она писала, что в момент их встречи у нее было «ужасное настроение», т. к. недавно она переболела тяжелой формой сыпного тифа, вследствие болезни временно потеряла память и слух и была вынуждена бросить драматическую студию им. Шаляпина, в которой занималась вместе с его дочерьми. Максим очень посочувствовал ей, «все понял» и очень помог ей «своим теплым вниманием и товарищеским участием».

тать о получении для них разрешения на поездку в Италию. Из Берлина он прислал им вызов и разрешение на въезд в Германию, помогла ему М. Ф. Андреева, которая с весны 1921 года работала в Берлине (она была командирована от Внешторга для реализации антикварных экспортных фондов[151]). В Берлин они приехали вчетвером: И. Н. Ракицкий, Л. Ф. Шаляпина с мужем и Надя, которая стала женой Максима. В своих воспоминаниях о Максиме она приводит письмо Н. Н. Крестинского к В. В. Воровскому, датированное 20 июля 1921 года: «…Максим очень, очень болен, — он очень истощен, у него расширение сердца, падает в обморок на улице, совершенно теряя сознание. А<лексей> М<аксимович> надеялся, когда просил Вас оставить его у себя, что в атмосфере, которую Вы создали вокруг себя, Максим скорее оправится и отдохнет. Малый действительно серьезно болен, и это приводит А<лексея> М<аксимовича> в отчаяние. Максим не мог уехать из Берлина (и известил Вас об этом) только потому, что боялся не выполнить свою задачу так, как привык это делать, т<о> е<сть> хорошо. Боялся, чтобы не повторилась та же история, что здесь в Берлине, когда из приемного покоя позвонили М. Ф. Андреевой, знает ли она господина Пешкова, адрес которой нашли в его записной книжке, когда его подняли в обмороке без сознания и принесли в приемный покой»[152].

В конце августа 1921 года Максим писал отцу из Берлина: «…будучи обременен в течение 24 лет многочисленными недостатками как наследственного, так и — вследствие вращения в дурном обществе — приобретенного свойства, оторванный от бабушки и велосипеда, я волею истории очутился в вышеуказанной столице с женой, состояние в браке со мной могу подтвердить я сам, она, а также официальный друг дома И. Н. Ракицкий (Соловей). Документальное подтверждение по независящим от всех 3-х об-

---

[151] С просьбой назначить ее на эту должность она обращалась к Ленину. («Л. Б. Красину. *Шифром Красину прошу послать.* Мария Федоровна Андреева просит назначить ее от Внешторга в Америку или в скандинавские страны. Ленин. Написано 2 сентября 1920 г.» — Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Том 51). В 1930 г. она вернулась в СССР («Только в 1930 осуществилась ее мечта вернуться в СССР». — Андреева. Изд. 2-е. С. 596). С 1932 г. возглавляла Дом ученых.

[152] Пешкова Н. А. О Максиме Пешкове // АГ. Т. XIII. С. 231.

стоятельствам задержалось, но последует[153]. <...> Я узнал, что послезавтра поеду в Рим, только что позвонили. Попрошу Вацлава Вацлавовича[154], чтобы позволил привезти Надю и пожить у моря хоть 2 недели. <...> С Надей у меня прекрасные и простые отношения. Очень привязались друг к другу. Хорошая она баба и плохо жила. Жалко ее. Очень хорошо относится к ней Соловей. Я с ним в самых семейных отношениях. Прекрасный и редкий человек. <...> Постараюсь решить, что делать мне, только сначала съезжу в Италию. Если можешь, я очень бы просил, как получишь письмо, телеграфируй мне через НКИД, едешь ли ты за границу. Но точно. Если нет, я поеду в Россию. Поеду я только в том случае, если ты не приедешь»[155].

Алексей Максимович, приехав в Берлин, пробыл там только месяц. Чувствовал он себя плохо (сердце, легкие, тромбофлебит) и 4 декабря в сопровождении Максима и Нади переехал в выбранный для него врачами санаторий, расположенный в местечке Сен-Блазиен в Шварцвальде (близ границы со Швейцарией). 10 декабря Екатерина Павловна выехала из Варшавы в Берлин. Встречали ее Максим и Надя. («Очень приятно с Максимом. Хороший он»[156].) Втроем они поехали в санаторий к Алексею Максимовичу, чтобы «поговорить всем вместе». За время этой поездки в Германию Екатерина Павловна «пробыла два дня в Berline и сутки ехала в St. Blasien, около двух дней там, сутки обратно и снова два дня в Berline. Не отдохнула. Все время страшно пляшут нервы. Тревожит Максим»[157], — делилась она с М. К. Николаевым. Ее волновало и здоровье Максима, и то, что он не работает (при этом она считала, что он получил по работе «отпуск»), и его будущее. В сентябре, когда Алексей Максимович все еще собирался за границу,

---

[153] Брак М. А. Пешкова с Н. А. Введенской был оформлен в Берлине осенью 1923 г. после того, как Екатерина Павловна сумела получить документы о разводе Н. А. Введенской с С. А. Синицыным и переслала их в Германию.

[154] Воровский Вацлав Вацлавович.

[155] АГ. Т. XIII. С. 201–203. Максим Пешков — Горькому. Из Берлина в Петроград, 30 августа 1921 г.

[156] АГ. ФЕП-рл 8–15–108. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Берлина в Москву, 13 декабря 1921 г.

[157] Там же. 8–15–109. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Берлина в Москву, 22 декабря 1921 г.

Екатерина Павловна переживала, что его отъезд затягивается[158], т. к. полагала, что, подлечившись, он вернется в Россию, но теперь становилось ясно, что процесс лечения будет длительным, а значит, и возвращение не только Алексея Максимовича, но и Максима откладывается на неопределенное время. (Скоро Алексей Максимович напишет ей: «Думаем: как бы перебраться в Италию? Очень хочется»[159].)

Сама Екатерина Павловна уезжать из России не собиралась, хотя и наслаждалась заграничным комфортом: «Была в Художественном театре. Все тоскуют по Москве и собираются возвращаться. Была в каких-то увеселительных учреждениях. Очень мало интересного. С большим удовольствием беру горячую ванну и сплю в мягкой теплой постели»[160]. В праздничной Европе, традиционно отмечавшей Рождество, она не могла отвлечься от жизни в России: беспокоилась о здоровье домашних, о наличии дров (весной 1921 года, когда на улице было 20 градусов мороза, дом не топили, и в комнатах было 4–5 градусов тепла) и о неоконченных делах.

В Москву Екатерина Павловна вернулась в самом конце декабря 1921 года.

* * *

Отношение Екатерины Павловны к своим подопечным и к своей работе иллюстрирует история, вырисовывающаяся в письмах Екатерины Павловны, написанных во время ее первой поездки в Польшу. До отъезда Екатерина Павловна хлопотала о разрешении на выезд из России в Польшу некоему человеку и уехала, не успев получить этого разрешения. К сожалению, нам не удалось установить ни имени этого человека (Екатерина Павловна в письмах

---

158 «Едем. Думаю, что дома. Извести меня, пожалуйста, телеграммой, уехал ли А<лексей> М<аксимович>. Меня тревожит, что Гржебины, Роде и пр., имя им легион, без конца будут затягивать его выезд, и он опоздает полечиться. Теплые дни пройдут. Какое же это будет леченье» (АГ. ФЕП-рл 8–15–101. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Тюмени в Москву, 20 сентября 1921 г.).

159 АГ. Т. IX. С. 217. Из Сан-Блазиена в Москву, 28 января 1922 г.

160 АГ. ФЕП-рл 8–15–108. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Берлина в Москву, 13 декабря 1921 г.

называет его сокращенно: «В. Я.» или «Вал. Ян.»), ни кем он был, ни чем закончилась история с его выездом (не говоря уже о его дальнейшей судьбе). Отрывки из писем Екатерины Павловны приводим ниже:

30 ноября 1921 года. «За окнами мелькают деревья, поля. Все еле покрыто снегом. Опять неурожай будет. Думается, что у вас там дома. Переместили ли Федю[161] ко мне, а В. Я. в Федину комнату? <...> И последи, чтоб В. Я. поуютней у нас было. Ладно? А то он, верно, нервничает из-за неопределенности своего отъезда. Когда он будет уезжать, пусть баб<ушка> даст ему бутылку кофе (только не такого приторного, как мне) и еды на дорогу»[162].

9 декабря 1921 года. «<...> Говорила о Вал. Ян. Думаю что-нибудь сделать. Хотя и тут все медленно и недостаточно ясно и точно, как хотелось бы, делается»[163].

13 декабря 1921 года. «<...> Застану ли Вал. Ян. Боюсь, застану. Жаль, ведь ему так хотелось Рождество быть дома. Я обещала ему устроить у нас елку. Купи елочку и устрой в сочельник. Ладно? Мне бы очень хотелось, чтобы он себя у нас поуютнее чувствовал. Привезли ли дрова?»[164]

22 декабря 1921 года. «Дошли ли до вас мои письма из Варшавы и Шварцвальда? В обоих просила непременно устроить дома елочку. Я обещала В. Я., если он не попадет к празднику домой, у нас елку сделать. Мне так хочется, чтоб он поуютнее себя у нас чувствовал. Очень досадно, что ему не дали выезда до сих пор, и праздники ему приходится быть вне своего дома»[165].

26 декабря 1921 года. «Почему-то второй день тоскую, и тревожное состояние. Еще с сочельника. Думала, как Вал. Ян. хотелось попасть к этому дню домой. С неудачей с устройством ему

---

[161] Федор Константинович Николаев — брат М. К. Николаева, сотрудник Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в РСФСР.

[162] АГ. ФЕП-рл 8–15–106. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из поезда по дороге в Варшаву (между Оршей и Минском) в Москву, 30 ноября 1921 г.

[163] Там же. 8–15–107. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 9 декабря 1921 г.

[164] Там же. 8–15–108. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Берлина в Москву, 13 декабря 1921 г.

[165] Там же. 8–15–109. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 22 декабря 1921 г.

возвращения мысль перескочила на вопрос о полезности вообще моей работы. Так и раздумалась. Сколько всяческих сил и энергии отдаешь и как много не можешь сделать. И не хватает, видимо, моей энергии и сил, чтобы ею других заразить и продвигать дела так быстро, как хочется. Вот хоть бы с Вал. Ян. С кем только не говорила я о нем и в Кресте здесь, и в Польск<ой> Дел<егации>, и в Русской, и с отдельными лицами. Все мне что-то обещали, а он так и не попал на праздник домой. <...> Да, мне очень хочется, чтобы не беспокоили Вал. Ян., пока он у нас. Попроси Ф<едора> К<онстантиновича> переночевать в столовой или в той комнате, где он раньше жил, чтобы не лишать В. Я. отдельной комнаты. Это ненадолго ведь. Надеюсь, В. Я. скоро уедет»[166].

Хочется думать, что В. Я. вернулся из России к себе домой. Ведь недаром А. М. Коваленко так верил в энергию Екатерины Павловны («…ни капельки не сомневаюсь в том, что, если это только вообще может быть устроено, то Вы устроите»[167]). Что же касается елочки, то тоже хочется думать, что просьба Екатерины Павловны была выполнена и елочка для В. Я. была куплена и «устроена» в католический сочельник в Москве 1921 года.

Свой отчет о деятельности Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в РСФСР за первый год его работы (октябрь 1920 года — ноябрь 1921 года) Екатерина Павловна закончила так: «…подводя конечные итоги с полным сознанием ничтожности сделанного в сравнении с неисполненным, я могу сказать, что Бюро и Отделения сделали то, что возможно было сделать, и сделали благодаря тому, что весь персонал Центрального Бюро и его Отделений не формально, а с большим интересом и любовью отнесся к своей задаче, не перенося в нее личных или политических целей»[168].

---

[166] АГ. ФЕП-рл 8–15–110. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 26 декабря 1921 г.

[167] Там же. ФЕП-кр 33–2–13. А. М. Коваленко — Е. П. Пешковой. Из Парижа на Капри, 12 декабря 1912 г.

[168] ГА РФ. Ф. Р-8406. Оп. 1. Д. 279. Л. 17. Отчеты о деятельности Бюро Уполномоченного Польского Общества Красного Креста в России с начала работы до 1928 года включительно.

ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ РАБОТЫ БЮРО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛЬСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА В СССР. ПОЕЗДКА НА СЕВЕР. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД ЭСЕРАМИ. ЗАКРЫТИЕ МПКК И ВОЗБУЖДЕНИЕ ПРОТИВ НЕГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА. ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. ЗАМЕНА МПКК УЧРЕЖДЕНИЕМ «Е. П. ПЕШКОВА. ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ». 1922 г.

С начала 1922 года Екатерина Павловна активно занималась делами Польского Красного Креста: «По приезде моем из заграницы и в согласии с полученными там сведениями и инструкциями ликвидация деятельности Бюро была мною приостановлена, намечен новый план действия с некоторым даже расширением круга опеки (включение детей беженцев и больных), составлена и отослана смета на первую четверть 1922 года и приступлено к постепенному усилению штата[169] сообразно с новым заданием и намеченному плану работ»[170]. В середине января Екатерина Павловна отправила в Варшаву письмо с просьбой немедленно дать ответ, будут ли деньги на продолжение работы. В ответном письме[171] ее благодарили «за великий жертвенный труд» («неизмеримо ценно то попечение, каким Вы окружили польских заключенных, рискуя часто своей личной безопасностью и здоровьем») и «убедительно» просили и впредь оказывать свою помощь. При этом ей сообщали, что вследствие финансовых условий деятельность Польского Красного Креста в России должна быть ограничена, осуществляться в тесном контакте с Делегацией Польской республики по делам репатриации и «в границах ассигнованных на эту цель средств».

---

[169] Количественный состав Бюро: в ноябре 1921 г. — 30 человек, в декабре 1921 г. — 9 человек, в марте 1922 г. — 14 человек. К 1 марта 1922 г. было ликвидировано последнее иногороднее (Петроградское) отделение Бюро.

[170] ГА РФ. Ф. Р-8406. Оп. 1. Д. 279. Л. 19–20. Отчеты о деятельности Бюро Уполномоченного Польского Общества Красного Креста в России с начала работы до 1928 года включительно.

[171] Письмо исходило из Министерства иностранных дел и было подписано вице-директором департамента В. Бабинским.

Работа Бюро, нарушенная периодом ликвидации, налаживалась с трудом. Средств не было. «Все начало 22 года касса Бюро была пуста, сотрудники не получали ни пайка, ни денег, жили в долг, распродавая вещи; самые неотложные счета Бюро не оплачивались»[172]. Деньги начали поступать частями только с марта, но и к середине 1922 года положение Бюро оставалось неопределенным. Не было твердого бюджета, исходя из которого можно было бы строить планы работ. К Делегации отошли почти все функции Бюро (включая опеку детей беженцев и больных). Дело материальной помощи перешло к Делегации целиком. «Что касается информационной деятельности, то официально таковая была изъята из ведения Бюро еще в сентябре прошлого года и все материалы, както: списки, анкеты, картотека и др. были переданы по настоянию Делегации ей. Но фактически этого рода деятельность Кр<асного> Кр<еста> никогда не прекращалась, ибо трудно было ограничиться отказом на те исполненные отчаяния и просьб письма родных, которые все время поступали и продолжают поступать в Бюро»[173], — писала в своем отчете Екатерина Павловна. И Бюро отвечало на множество местных запросов, частных запросов из-за границы, посылало большое количество списков со справками в Варшаву. Но, несмотря на результативность работы, за Бюро была оставлена лишь одна функция — опека гражданских и военнопленных, находящихся в местах заключения; списки заключенных следовало доставлять в Делегацию. (Можно предположить, что Бюро не было ликвидировано потому, что в Польше рассчитывали «на личные приемы, личные посещения мест заключения и личные ходатайства в различные советские учреждения», осуществляемые Екатериной Павловной; по-видимому, поляки не исключали и наличие дружеских отношений Екатерины Павловны с Дзержинским.)

В декабре 1921 года при переговорах в Варшаве Екатерине Павловне предложили посетить места заключения на Украине, Кавказе и Русском Севере с целью проверки наличия польских

---

[172] ГА РФ. Ф. Р-8406. Оп. 1. Д. 279. Л. 26. Отчеты о деятельности Бюро Уполномоченного Польского Общества Красного Креста в России с начала работы до 1928 года включительно.

[173] Там же. Л. 22.

граждан и условий их содержания. Из-за недостатка средств Екатерина Павловна ограничилась поездкой на Север. В мае 1922 года она совместно с pani Дзюбинской обследовала тюрьмы и лагеря в Вологде, Архангельске и Холмогорах. При этом Екатерину Павловну интересовали не только заключенные польские граждане, но также и заключенные граждане России — подопечные политического Красного Креста.

По поводу тяжелого положения заключенных в Архангельском и Холмогорском лагерях Юридическая комиссия МПКК в декабре 1921 года направила докладную записку в ВЧК. В январе 1922 года в эти лагеря с ревизией была послана особая комиссия ВЧК. Документы и протоколы, составленные комиссией, не подтвердили факты, изложенные в докладной записке МПКК. А вот как увидела ситуацию в этих лагерях Екатерина Павловна:

«Среди клиентов Креста в Архангельске мы видим три категории: высланных, заключенных в тюрьме и заключенных в лагере. Положение высланных недурное. Все они находят себе заработок, высланных в Архангельске человек 30, большинство левые с.-р., часть — правые с.-р., высылаемые получают по 2 милл<*иона рублей*> в месяц по апрельским ставкам. Большинство имеет заработок в местных кооперативах и трестах, где получают паек и жалованье натурой, продукты затем реализуют. В тюрьме политических нет, здесь питание хуже, чем в лагере, заключенные получают несколько менее 1 ф<унта> хлеба, и то благодаря содействию более богатого, чем тюремная администрация, отдел<*а*> принудработ. Архангельский лагерь производит двойное впечатление, по внешнему виду все обстоит благополучно: чисто, хорошее питание (суп с рыбой — налим, треска или семга — и крупой и вечером каша), 1½ ф<унта> хлеба и для работающих тяжелую работу — 2 ф<унта>; заключенные имеют здоровый вид, из всего лагерного населения в больнице 50 чел<*овек*> (2 случая цинги, есть туберкулез); есть белье постельное, тюфяки, словом, *санитарное состояние удовлетворительное, но царит военная дисциплина и замечается какая-то приниженность и пришибленность, близкая к потере человеческого достоинства.* (Курсив мой. — Л. Д.) Работают все, главным образом, на дровяных работах, пилке и разгрузке дров (освобождаются от работ только больные, которые находятся на усиленном питании — больничном). Есть небольшие

огороды и внутренние работы, есть скотный двор, кролиководство, где также работают заключенные. Женщин немного, они работают, главным образом, в культпросвете. Состав заключенных — преимущественно, офицерство, много тамбовцев[174].

Администрация не обращается с заключенными грубо, но поддерживает строгую дисциплину. Здесь отмечают две эры — до и после приезда следственной комиссии ГПУ. Комиссия произвела некоторый подъем духа и у заключенных; из допросов они поняли, что комиссия приехала по настоянию Креста, что их заявления не были посланы впустую. Это имело большое моральное значение. После приезда комиссии и даже в ее ожидании режим значительно изменился, было улучшено питание и санитарные условия. Еженедельно бани и смена белья. Помещения зимой несколько холодные.

В Холмогорах дисциплина не так давит, заключенные работают на полевых работах, общие условия питания и санитарные даже лучше Архангельска, но настроение заключенных тоже придавленное, приезд членов делегации не возбудил большой радости и оживления, не подавалось никаких просьб и заявлений, на вопросы дают очень краткие ответы. Единственное указание — после комиссии условия изменились сильно к лучшему. <...>. Для анархистов, высланных из Кисельного[175], дан отдельный домик в 6 комнат для 11 человек, живут вне ограды, не считаются на лагерном режиме, принудработа — плетение корзин.

В Архангельск следует послать книг, канцелярские принадлежности им обещали послать из Архангельска. В общем, остается впечатление, что до приезда комиссии действительно были те ужасные условия, о которых дошли сведения до Креста, может быть, было лишь несколько фактов перепутано. При обходе лагеря все время сопровождал завед<ующий> отд<елом> принудработ БЕЛЫХ. Ввиду того, что трудно найти вольнонаемных служащих,

---

[174] МПКК включил участников тамбовского восстания в число своих клиентов, «принимая во внимание, что тамбовцы, формально числящиеся бандитами, являются, в сущности, арестованными за участие в Антоновском движении» (ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 29. Л. 5. Протокол заседания Президиума МПКК от 23 января 1922 г.).

[175] В Москве, Б. Кисельный пер., д. 8, располагался тюремный подотдел МЧК.

почти вся администрация, за исключением коменданта, вербуется из самих заключенных, они получают тогда жалованье и освобождаются от работ, но это их привилегированное положение морально их развращает и может быть иногда тяжело для остальных их товарищей. Следовало бы на это обратить внимание ГПУ и этому явлению положить предел. Из среды заключенных не только надзиратели, но и конвойные. Прежний комендант БАЧУЛИС устранен и заключается в принудлагерь Портаминска, но пока еще в Архангельске»[176].

Вышеприведенное описание положения в Архангельском и Холмогорском лагерях является фрагментом из доклада Екатерины Павловны о поездке на Север. С этим докладом она выступила на заседании Комитета МПКК 8 июня 1922 года (в первый день начавшегося судебного процесса против партии эсеров). К этому времени она была председателем МПКК.

В ноябре 1921 года Екатерина Павловна дала согласие исполнять обязанности председателя МПКК до следующих выборов. На очередном общем собрании, состоявшемся 12 февраля 1922 года, она была выбрана председателем. Отчетный доклад о деятельности Комитета делала В. Н. Фигнер. В своем докладе она отметила позитивную работу Екатерины Павловны: «В течение всего года в тюрьмах происходили волнения. Измученные продолжительным заключением без суда и даже допросов, заключенные социалисты выражали свой протест голодовками. <…> Нечего и говорить, как эти коллективные пассивные протесты волновали Комитет. Члены Юридической Комиссии Креста по поводу требований протестующих обращались с энергичными ходатайствами к властям, а с другой стороны, Е. П. Пешкова и М. Л. Винавер, посещая протестующих, употребляли усилия к ликвидации тяжелых конфликтов заключенных с тюремной администрацией, указывая на возможность удовлетворения их требований не путем самоистязания, а другими средствами. И надо сказать, что дружеское вмешательство членов нашего Комитета приводило к благоприятным результатам. Одним из самых крупных конфликтов была история в Таган-

[176] ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 9. Л. 53–53 об. Протокол заседания Комитета МПКК от 8 июня 1922 г.

ской тюрьме, когда 80 заключенных объявили голодовку против уменьшения пайка. По ходатайству Комитета перед Наркомздравом и Наркомпродом паек для социалистов и анархистов был удвоен в 6 городах: Москве, Петрограде, Ярославле, Владимире, Орле и Рязани. После этой голодовки вышло распоряжение перевести голодавших из Таганской тюрьмы в Бутырскую тюрьму. И хотя это не было ухудшением, они решили отказаться и сопротивляться силой. Тогда в Таганскую тюрьму явилось 40 человек ВЧК и 300 солдат ВОХРы. Трудно сказать, во что вылилась бы эта история, если бы не вмешательство представителей Комитета Е. П. Пешковой и М. Л. Винавера. После переговоров с заключенными волнение улеглось, и они согласились перейти в Бутырскую тюрьму.

<...> Многознаменателен факт, что польское правительство обратилось к члену именно нашей общественной организации к Е. П. Пешковой, с октября состоящей председателем Комитета, организовать и стать во главе Польского Красного Креста в Москве с целью обслуживания польских заключенных и эвакуации польских военнопленных из Советской России. Выполняя эту благородную миссию международного характера, Е. П. Пешкова отправилась в Сибирь для обозрения главных Сибирских тюрем, чтобы выяснить положение и численность политзаключенных. Она получила широкие полномочия от ВЧК, все тюремные двери в Сибири были для нее открыты, все местные и тюремные власти спешили оказывать в порученном ей деле требуемые услуги. Она посетила Омск, Красноярск, Ново-Николаевск и Иркутск, осматривала все тюрьмы и лагеря, везде беседовала с заключенными, как с поляками, так и с русскими, выслушивала их жалобы и просьбы, передавала русским заключенным посильную материальную помощь от Креста, ходатайствовала за 600 военнопленных венгерцев, как будто забытых, за крестьян, заключенных за восстание, за священников, лишенных свободы, и, поскольку возможно, добивалась освобождения тех, кто к ней обращался. В этих тюрьмах она несколько раз встретила тех, которых посещала в Московской тюрьме, и эти встречи были полны трогательной сердечности.

Деятельность Е. П. Пешковой поднимала престиж Креста и еще более утвердила тот нравственный авторитет, который Пешкова приобрела всей своей бескорыстной надпартийной деятель-

ностью и неизменной лояльностью не только в широких кругах русской и польской общественности, но и во всех учреждениях, в которые она являлась как представитель Красного Креста ходатайствовать за жертв нашей междуусобицы»[177].

Деятельность Екатерины Павловны после ее вступления в члены политического Красного Креста и в связи с этим выхода из партии эсеров носила «надпартийный» характер, но… к эсерам — своим товарищам по партии (товарищам по борьбе за «светлое будущее») — она относилась все-таки несколько иначе, чем к другим подопечным Креста. Кроме того, в отличие от Н. К. Муравьева, Екатерина Павловна (так же как и М. Л. Винавер) придерживалась того взгляда, что политический Красный Крест должен в первую очередь оказывать помощь репрессированным членам политических партий, то есть борцам за идею.

Партия эсеров в крестьянской стране, какой была Россия, представляла реальную и серьезную оппозицию большевикам, а они (большевики) свою власть утверждали путем политического и физического уничтожения политического противника. К концу 1921 года наиболее видные члены ПСР (те, кто не покинул Россию) находились в заключении. В конце декабря 1921 года на пленуме ЦК РКП(б) было принято решение предать суду Верховного трибунала всех членов ЦК ПСР. После этого решения в стране началась антиэсеровская кампания (уже тогда большевики это хорошо умели), а в конце февраля 1922 года в советских газетах появилось «Сообщение о контрреволюционной и террористической деятельности партии социалистов-революционеров». Заграничная делегация ПСР, возглавляемая В. М. Черновым, обратилась к социалистическим партиям всего мира с призывом защитить российских социалистов-революционеров, помешать расправе большевиков над ними, не допустить их смертной казни. На его призыв откликнулись зарубежные социалисты, трудящиеся, представители интеллигенции, выступавшие с протестом против действий советских властей.

---

[177] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 176. Доклад В. Н. Фигнер на отчетном собрании членов Комитета Красного Креста о деятельности Комитета за 1921 г.

А что смогла сделать Екатерина Павловна для защиты своих товарищей, представавших перед советским судом? Что смог сделать возглавляемый ею политический Красный Крест, подопечными которого они являлись по определению?

Тема предстоящего суда над эсерами обсуждалась на заседаниях Президиума и Комитета МПКК начиная с марта 1922 года. 13 марта на заседании Президиума Екатерина Павловна сообщила «о том, что получено разрешение от Уншлихта письменно снестись через Андрееву[178], Зам<естителя> Нач<*альника*> Сек<*ретного*> Отд<*ела*>, с заключенными с.-р. по вопросу о защите, причем из беседы с Андреевой выяснилось, что список лиц, предаваемых Суду, окончательно еще не установлен, что этот вопрос находится в стадии рассмотрения и возможно, что не все с.-р. будут преданы суду»[179]. Только к концу апреля удалось получить информацию о том, что «дело с.-р. передано в Верховный Трибунал и по делу привлекается 27 человек»[180], после чего было принято решение «оказать содействие в организации защиты», а Екатерине Павловне было поручено «получить ответ от заключенных на запрос Креста о защите»[181]. Но Верховный трибунал отказал Кресту в разрешении посетить заключенных эсеров. Н. В. Крыленко, выступавший на процессе государственным обвинителем, заявил, что такое разрешение может быть дано лишь по окончании следствия, после того, как обвиняемым будет вручен обвинительный акт. В знак протеста заключенные эсеры объявили голодовку. И только 23 мая (за две недели до начала процесса) Н. К. Муравьев и А. С. Тагер, привлеченные Крестом в качестве защитников[182], получили разрешение ознакомиться с делом и посетить заключенных. Екатерине Павловне, накануне вернувшейся из поездки на

---

[178] Андреева-Горбунова Александра Азарьевна.

[179] ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 29. Л. 21. Протокол заседания Президиума МПКК от 13 марта 1922 г.

[180] ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 29. Л. 32. Протокол заседания Президиума МПКК от 24 апреля 1922 г.

[181] Там же.

[182] Н. К. Муравьев возглавлял группу защитников подсудимых «цекистов». Кроме него в эту группу входили еще 8 адвокатов, пятеро из них (С. А. Гуревич, В. А. Жданов, М. А. Оцеп, Б. Е. Ратнер, А. С. Тагер) были членами МПКК.

Север, казалось, что не сделано все возможное для того, чтобы помочь заключенным эсерам. Ей казалось, что П. Н. Малянтович, занимавшийся этим вопросом, должен был добиваться «разрешения для Креста на посещение заключенных для ликвидации голодовки»[183]. Ее поддержал М. Л. Винавер, предложивший «вновь возбудить перед Верховным Трибуналом ходатайство о предоставлении Кресту права посетить заключенных, т. к., по его мнению, несмотря на то, что защитники у них были, но вопрос о защите не выяснен во всей широте»[184]; и Президиум МПКК вновь возбудил перед Верховным трибуналом ходатайство «о предоставлении Е. П. ПЕШКОВОЙ и М. Л. ВИНАВЕРУ права на посещение заключенных с.-р., привлекаемых к процессу, для выяснения их нужд»[185]. Кроме того, на заседании Президиума было решено, что Юридическая комиссия МПКК должна «через своих консультантов иметь наблюдение за выносимыми Трибуналами смертными приговорами»[186].

Затем начались хлопоты по получению билетов на процесс[187]. Получить неименные билеты не удалось, именные — тоже не удалось. На Президиуме, состоявшемся 29 мая, Екатерина Павловна сообщила, что «КРЫЛЕНКО в выдаче пропусков отказал по формальным основаниям: по закону он выдать такие пропуска не должен и выдать их не может»[188]. Пятаков тоже отказал. Однако перед самым началом процесса Екатерине Павловне все же удалось получить один неименной билет.

Процесс ПСР длился два месяца (с 8 июня по 7 августа 1922 года). При подготовке процесса обвиняемыми числились около

---

[183] ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 29. Л. 36. Протокол заседания Президиума МПКК от 22 мая 1922 г.

[184] Там же.

[185] Там же.

[186] Там же.

[187] Билеты на процесс выдавались, исходя из решения «особой Тройки» ГПУ, согласно которому состав аудитории в зале суда должен был быть исключительно коммунистический. Большая часть билетов (70 %) распространялась МК РКП(б), а остальные — ГПУ. Из доли ГПУ выдавались билеты также родственникам обвиняемых, корреспондентам, представителям наркоматов и др.

[188] ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 29. Л. 38. Протокол заседания Президиума МПКК от 29 мая 1922 г.

200 человек. На процесс было выведено 34 человека. Они были разделены на две группы; в первую группу вошло 22 человека — члены ЦК ПСР («цекисты») и активные члены ПСР, во вторую — 12 человек — бывшие члены ПСР, порвавшие с партией. Смысл процесса был в том, чтобы осудить не столько отдельных лиц (это было вторично), сколько партию и ее ЦК в целом[189]. Защитниками на процессе, кроме российских адвокатов, должны были выступать и иностранные социалисты — делегаты от II и III Интернационалов. Однако по приезде в Россию они подверглись организованным оскорблениям и угрозам (оскорбительные статьи в газетах, митинги с требованием изгнать их из страны) и угрозам в их адрес (оскорбления в зале суда, запрет вести частную запись стенограмм). В результате они не захотели участвовать в этой «пародии на правосудие» и 18 июня покинули зал суда, отказавшись от защиты. Тогда Верховный трибунал обвинил их в «политической демонстрации» и попытался задержать в России, но после 24-часовой голодовки они получили выездные визы и уехали домой. О самом процессе бельгийский социалист Э. Вандервельде, делегированный II Интернационалом на процесс в качестве защитника, написал: «…процесс ничего общего с правосудием не имеет. Я уже сказал в Трибунале, что в Европе ничто подобное не было бы возможно. <...> Вообще же председатель Пятаков в первый день про-

[189] Обвинения, предъявленные эсерам, и позицию, занятую ими, сформулировал бельгийский социалист Э. Вандервельде: «Большевики выставили против с.-р. четыре обвинения: 1. С.-р. с оружием в руках защищали Временное правительство. С.-р. признают этот факт и гордятся этим. 2. С.-р. с оружием в руках защищали Учредительное собрание. С.-р. признают это и жалеют, что им не удалось этой защиты довести до конца. 3. С.-р. вели вооруженную борьбу с советской властью. С.-р. признают, что это несомненно исторический факт. Но все три обвинения теперь падают, так как советская власть издала по этим деяниям акт об амнистии и даже легализовала партию. 4. С.-р. принимали участие в убийстве Володарского и покушении на Ленина. Но этому нет ни одного доказательства, ни одного свидетеля — кроме признаний провокаторов Семенова и Коноплевой, которым никто не верит» (Голос России. 1922. 25 июня. № 999 // Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 39).

цесса заявил, что ни о какой другой юстиции, кроме классовой, речи быть не может, и что поэтому Трибунал будет руководствоваться, прежде всего, интересами советского правительства. Говорить в таких условиях о беспристрастном приговоре, конечно, не приходится. До нашего отъезда заседания Трибунала носили характер политического митинга»[190].

После отъезда иностранных защитников обстановка вокруг суда не изменилась: все та же газетная кампания, организованные митинги, выступления подготовленных рабочих, «рев» публики, заполнявшей зал суда. 20 июня на Красной площади состоялся митинг, на который пришли «после укороченного рабочего дня колонны демонстрантов в сопровождении духовых оркестров с плакатами, клеймящими “предателей-эсеров”»[191]. Митингующие согласно требовали смертной казни для подсудимых. На вечернем заседании суда (дневное не состоялось, т. к. в митинге принимали участие члены суда, обвинители, включая Крыленко, и даже защитники второй группы подсудимых) выступили допущенные (вероятнее, приглашенные) в суд делегации от рабочих Москвы и Петрограда с декларациями, содержащими требование «справедливой и суровой кары нашим врагам». Н. К. Муравьев, возглавлявший защиту первой группы подсудимых, потребовал (на том основании, что нарушены все основные положения советского уголовного процесса) «начать новое судопроизводство при новом составе суда и новом обвинителе», после чего защитники первой группы подсудимых подали письменное заявление о сложении с себя обязанностей. Подсудимые эсеры заявили, что освобождают своих защитников от исполнения их обязанностей и будут защищаться сами.

Екатерина Павловна была свидетелем всей этой вакханалии, происходившей в суде и вокруг него. Она не была привлечена к суду в качестве свидетеля «контрреволюционной» деятельности эсеров, как А. Ю. Фейт, выступавший свидетелем обви-

---

[190] Там же. С. 71.

[191] См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.

нения[192]. Что творилось у нее в душе, мы не знаем, но она не могла не видеть, кого поддерживает народ, ради которого готовилась и совершалась революция. «Слова Муравьева — “Горе той стране, горе тому народу, которые с неуважением относятся к закону и смеются над людьми, этот закон защищающими”, были встречены криками зала и замечанием председателя суда — “за оскорбление русского народа”»[193]. Партия эсеров была заклеймена, как пособник отечественной и мировой буржуазии, враг советского народа и вскоре после процесса перестала существовать на российской политической арене.

Что касается обвиняемых эсеров, то оставалась возможность бороться за сохранение их жизней. На Западе не прекращалась кампания в их защиту, в этом вопросе различные политические группы, общественные и культурные деятели были едины. М. Горький и А. Франс также ходатайствовали «о невынесении смертного приговора подсудимым». В ответ на их ходатайства Политбюро ЦК РКП(б) постановило: «Поручить тройке по делу эсеров заказать и проследить за напечатанием ряда статей в том смысле, что ходатайства Горького и Анатоля Франса никакого значения для Советской России иметь не будут»[194].

С середины июля политический Красный Крест вновь начал добиваться для «членов МПКК Пешковой Е. П. и Винавера М. Л.

---

[192] «Уже на самом процессе Фейт, выступавший в качестве свидетеля обвинения, заявил, что считает “свое положение свидетеля” “совершенно ненормальным”, т. к. состоял членом ЦК ПСР и “работал в полной солидарности с ними (обвиняемыми "цекистами"), следовательно, несу всю ответственность, моральную и юридическую, за работу Центрального Комитета за все время, пока я там был”. Фейт, отметив, что в газетах появились сведения, что он купил себе это привилегированное положение свидетеля подпиской, заявил: “Если какая-нибудь подписка есть какое-то обязательство, которое берет на себя человек, то я утверждаю, что никакой подписки я не давал. Это сообщение не соответствует действительности”. Председательствующий на суде Г. Л. Пятаков поспешил сгладить ситуацию, заявив: “Это не имеет никакого отношения. Вы попадаете под амнистию 1919 года, на основании которой Судебная коллегия 20 мая. с. г. <1922 г.> Вас амнистировала”» (Там же. С. 35).

[193] Там же. С. 78.

[194] Там же. С. 299. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 20 июля 1922 года с грифом «СТРОГО СЕКРЕТНО».

возможности посещать заключенных эсеров»[195], но — безрезультатно. Резолюции зампреда Верховного трибунала А. В. Галкина на заявлениях Креста были достаточно грубыми и безапелляционными, начиная с первой: «Какой нужды? Что им нужно?»[196], включая замечание, «что лишние свидания отнимают у арестованных время, мешая им заниматься делами по процессу»[197], и кончая подозрением: «…Или Винавер и др. хотят вмешательства в порядок содержания в тюрьме, — что не допустимо, или под видом какой-то защиты прав желают осуществить какие-то иные действия, о каких не находят возможным сообщить. Потому ходатайство это отклоняю»[198]. 26 июля 1922 года Президиум МПКК за подписью Малянтовича направил в адрес Председателя Особого совещания Верховного трибунала по делу правых с.-р Ю. Л. Пятакова еще одно (последнее) заявление. В нем, в частности, говорилось: «Президиум позволяет себе в последний раз поддержать свое ходатайство, не приводя новых доводов, и при этом доводит до Вашего сведения, что Председатель Комитета Политического Красного Креста Е. П. Пешкова и Товарищ Председателя М. Л. Винавер за четыре года своей деятельности по оказанию помощи политзаключенным не дали никакого повода подозревать их в недобросовестности и предполагать, что “под видом какой-то защиты прав они желают осуществить какие-либо иные действия, о которых не находят возможным сообщить”, как то делает Зам. Председателя Верховного Трибунала А. В. Галкин в вышеуказанной своей резолюции»[199]. Это заявление МПКК осталось без ответа.

---

[195] См.: ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 10. Переписка с руководством Особой Сессии Верховного Трибунала по делу правых эсеров о предоставлении членам МПКК Пешковой Е. П. и Винаверу М. Л. возможности посещать заключенных.

[196] Там же. Л. 1. Письмо МПКК «Председателю Особой Сессии Верховного Трибунала по делу правых с.-р. Ю. Л. Пятакову» от 12 июля 1922 г.

[197] Там же. Л. 5. Письмо МПКК «Председателю Особой Сессии Верховного Трибунала по делу правых с.-р. Ю. Л. Пятакову» от 17 июля 1922 г.

[198] Там же. Л. 9. Письмо МПКК «Зам. председателя Особого Совещания Верховного Трибунала по делу правых с.-р А. В. Галкину» от 19 июля 1922 г.

[199] Там же. Л. 10. Письмо МПКК «Председателю Особой Сессии Верховного Трибунала по делу правых с.-р. Ю. Л. Пятакову» от 26 июля 1922 г.

7 августа 1922 года Верховный трибунал вынес приговор обвиняемым эсерам: 12 из 22 «цекистов» были приговорены к смертной казни, остальные получили различные сроки заключения. На следующий день постановлением Президиума ВЦИК смертный приговор был утвержден, но его исполнение было приостановлено с тем условием, что партия эсеров должна отказаться от активных выступлений против советской власти, и, таким образом, «смертники» превратились в бессрочных заложников. До конца жизни они находились в тюрьмах, лагерях и ссылках. Многие другие эсеры, не выведенные на процесс, разделили их участь.

Адвокаты «цекистов» Н. К. Муравьев, А. С. Тагер, В. А. Жданов, отказавшиеся участвовать в процессе в знак протеста против его политизированного характера и грубых нарушений закона, в середине августа 1918 года были арестованы и отправлены в ссылку.

В том же августе 1922 года вскоре после завершения процесса эсеров была прекращена деятельность политического Красного Креста. МПКК был закрыт по прямому распоряжению Дзержинского, и по его же распоряжению против организации было возбуждено следственное дело. Закрытию МПКК предшествовали следующие обстоятельства. 3 августа 1922 года (за несколько дней до вынесения приговора по процессу эсеров) в помещении приемной МПКК сотрудники ГПУ произвели обыск, во время которого был обнаружен и конфискован архив М. А. Веденяпина, одного из обвиняемых «цекистов». Екатерина Павловна и М. Л. Винавер во время обыска отсутствовали, а присутствующие сотрудники МПКК сколько-нибудь вразумительных объяснений дать не смогли. 13 августа 1922 года на секретариате Коллегии ГПУ слушался доклад о деятельности МПКК, представленный зам. начальника Секретного отдела ГПУ А. А. Андреевой[200]. Доклад правоверной

[200] Андреева-Горбунова Александра Азарьевна (1887–1951) — уроженка г. Сарапул Пермской губернии, из семьи священника. Образование среднее. Член партии большевиков с 1905 г. В 1907 г. арестована в Екатеринбурге как член Уральского парткома. После 1917 г. работала в системе народного образования в г. Слободском Вятской губернии. В 1917–1918 гг. заведующая отделом статистики в отделе труда. С 1919 г. — сотрудник для поручений, инспектор-инструктор Разведуправления РККА. В орга-

большевички и чекистки А. А. Андреевой (не избегнувшей трагической судьбы многих своих товарищей по работе в органах) интересен как по приведенным в нем фактам (несмотря на допущенные неточности: начало работы организации, ее легитимность и др.), так и потому, что деятельность МПКК (и Екатерины Павловны) рассматривалась в нем с точки зрения советских карательных органов (а представления о гуманности у ГПУ и МПКК не совпадали). Ниже мы приводим доклад Андреевой с некоторыми сокращениями:

«Доклад о деятельности Политического Красного Креста.

Политический Красный Крест организовался в 1919 г<оду>, имея своей задачей материальную помощь заключенным в тюрьмах РСФСР. Деятельность Политического Кр<асного> Кр<еста> определялась его уставом, нигде не зарегистрированным. Организация существовала до последнего времени явочным порядком. Преследуя якобы только гуманитарные цели, заявляя официально о своем “нейтралитете” и стоя на точке зрения человеческой справедливости, Полит<ический> Кр<асный> Кр<ест> в течение трех лет вводил в заблуждение Государственные учреждения во вред Рабоче-крестьянскому правительству.

В 20 г<оду> Политический Кр<асный> Крест входил с ходатайствами за заключенных в судебные и карательные органы Республики. Заявления его носили характер просьб. Но уже в 21 г<оду> характер работы Кр<асного> Кр<еста> и тон меняется. НЭП дал уверенность Кр<асному> Кр<есту> в сфере его деятельности изменить, расширить и углубить работу. В этот период скрытые цели и задачи этой враждебной пролетарской власти организации могли быть продолжительное время не разоблаченными. В течение последних двух лет представители Кр<асного> Кр<еста> буквально осаждали нас своими настойчивыми требованиями об освобождении заключенных (всех без разбора категорий преступников). Пользуясь огромными связями в обществе как среди беспартийных от-

нах безопасности с 1921 г. — помощник начальника, заместитель начальника СО ВЧК — ОГПУ. Определением ВК ВС СССР от 4 мая 1939 г. осуждена к 15 годам лишения свободы в ИТЛ. Умерла в лагере. Похоронена в г. Абезь Интинского района Республики Коми. Определением ВК ВС СССР от 29 августа 1957 г. реабилитирована. (Источник: Макаров В. Г. Архивные тайны: интеллигенция и власть // Вопросы философии. 2002. № 10. С. 108–155.)

ветственных работников, так нередко и коммунистов, этот напор Кр<асного> Кр<еста> производился через последних.

В своих требованиях Кр<асный> Крест прибегал к разным средствам: доставал заключения врачей об опасности дальнейшего содержания под стражей того или иного заключенного. Или, бывая в тюрьмах, передавал в ГПУ о несуществующих ужасах. <...> Под постоянным напором Кр<асного> Кр<еста> ГПУ приходилось освобождать граждан, хотя это было не в интересах следствия. В ГПУ есть точные сведения, что представители Кр<асного> Кр<еста>, бывая в тюрьме, выполняли роль посредника между заключенными и их партиями на воле, передавая устно и в письменном виде поручения и задания. Подтверждением этого может служить перехваченное письмо ЦК ЛСР из тюрьмы во время голодовки ЛСР 8-го марта с. г. гр. Штейнбергу: “Примите меры к опубликованию голодовки, снеситесь по этому поводу с Пешковой”. Действительно, сообщение о голодовке было широко распубликовано (на машинке отпечатано), вероятно, при содействии Красного Креста. За последнее время Политический Красный Крест пытался опротестовать (конечно, не официально) почти каждое постановление ГПУ по делам политических, поддерживал, а м<ожет> б<ыть>, и подстрекал последних на протесты против высылки, перевода в другую тюрьму и пр. Все это дезорганизовывало работу особенно СО ГПУ и нервировало его работников. Несомненно, благодаря осведомленности Кр<асного> Кр<еста>, в заграничной прессе все чаще и чаще появляются сведения о работе карат<ельных> органов РСФСР, в частности ГПУ.

Последняя операция в Кр<асном> Кр<есте> дополнила имевшийся в СО ГПУ материал о нем. В помещении Кр<асного> Кр<еста> обнаружен архив осужденного члена ЦК ПСР Веденяпина с его партийными работами, письмами в адрес ЦК ПСР и другая деловая эсеровская переписка. Представители Кр<асного> Кр<еста>, скомпрометированные найденным у них эсеровским архивом, не в состоянии были дать сколько-нибудь существенных объяснений по поводу найденного. Но ясно, что после этого никто не может верить в “нейтралитет” между советами и врагами с-рами. Одновременно у с-р Чистосердова найдена запись: 1) В отношении т. т. <товарищей>, нуждающихся в организации и помощи для побега, Ц<ентральное> Б<юро> входит в рассмотрение каждого отдельного случая. 2) Для установки связей и организации

матер<иальной> помощи создается при Кр<асном> Кр<есте> тройка из т. т. Х, У, Z[201]. Из приведенных выписок совершенно ясно, какая тесная связь существует у Кр<асного> Кр<еста> с партией с-р по столь секретным вопросам, как побег.

Насколько вредной для республики является деятельность этой враждебной организации, видно из отчета за 21-й год Комитета Кр<асного> Креста. Из отчета видно, как, пользуясь всякими способами, Кр<асный> Кр<ест> расширил сферу своего влияния и далеко вышел за рамки, предоставленные ему уставом. <...> Юридический Отдел <МПКК> в своем отчете не столько говорит о работе Отдела, сколько информирует общее собрание о количестве проделанных ВЧК арестов в 21-й год по всей РСФСР. Нередко бывали случаи, когда в ГПУ не было сведений об арестах и перебросках заключенных из провинции, а Кр<асный> Кр<ест> эти сведения уже имел. <...> Кр<асный> Кр<ест> имел связи со всеми государственными учреждениями, которые мог использовать для пополнения своего бюджета. Он широко использовал меньшевиков и эсеров, работающих легально в этих органах. Средства Кр<асного> Кр<еста> при содействии мень<шеви>ков отпускались за счет государства “для поддержания здоровья” его врагов. Для доказательства последнего в ГПУ имеются документы.

На основании всего вышеизложенного нахожу:

1. Доказанным, что деятельность Кр<асного> Кр<еста> весьма вредна с точки зрения интересов Республики, как организации, определенно стоящей на защите интересов врагов ее.

2. При существовании прокуратуры абсолютно недопустимы никакие иные юридические организации вроде юридического Кр<асного> Кр<еста>.

3. Государство вполне обеспечивает политзаключенных в тюрьме, давая им паек по самой высокой норме в Республике, а потому нет необходимости поощрять благотворительную деятельность Кр<асного> Кр<еста>.

4. Посещение ГПУ и тюрем представителями Кр<асного> Кр<еста> признать нежелательным и прекратить, т. к. это мешает нормальной работе учреждения.

---

[201] Кем проставлены буквы X, Y, Z — автором записки или сотрудником ГПУ — вместо указанных автором фамилий, уточнить не удалось.

Предлагаю:

1. Политический Красный Крест как организацию, существующую явочным порядком, нигде не зарегистрированную, официально закрыть.

2. Привлечь к ответственности за хранение п-с-р архива Центр<альный> Комитет Политического Красного Креста и начать по делу следствие.

3. Пишущие машинки конфисковать и приобщить к делу.

Пом. Нач. СОГПУ Андреева. 11/8 — 22 г.
Согласен: Самсонов. 11/8–22 г.»[202]

Доклад Андреевой представлен в деле в машинописном варианте с пометой Самсонова: «т. Дзержинскому. Полагаю, что Кр<асный> Кр<ест> не следует утверждать и тем самым его закрыть. 13/8 22.» — и резолюцией Дзержинского: «Пешкова мне говорила, что они зарегистрировались в Моск<овском > Совете[203].

---

[202] ЦА ФСБ. ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Ф. 2. Оп. 1. № 879. Л. 17–18 об.

[203] 18 июня 1922 г. было опубликовано в «Известиях ВЦИК» № 134 постановление Президиума ВЦИК от 12/VI–22 г. «О порядке разрешения Съездов и Совещаний». 22 июня 1922 г. МПКК направил в НКВД заявление с просьбой о регистрации, на которое получил ответ: «Ввиду того, что данное общество местного значения, надлежит зарегистрировать таковое в отделе Упр<авления> Московского Совета — Петровка, 38». 30 июня 1922 г. МПКК направил два заявления: одно — в Наркомат юстиции, другое — в Моссовет. На первое ответа не последовало, а Моссовет ответил: «Регистрация Обществ и Союзов местного значения в Отделе Управления будет производиться по утвержденной инструкции, о чем в ближайшие дни будет опубликовано оповещение с указанием порядка регистрации. 30/VI». 3 августа 1922 г. ВЦИК и Совнарком приняли декрет «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними». Через неделю, 10 августа 1922 г., ВЦИК утвердил инструкцию «О порядке регистрации общественных организаций», согласно которой общественные организации РСФСР были обязаны в двухнедельный срок с момента публикации этих документов зарегистрироваться в органах внутренних дел и в Советах рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. Кроме предыдущих заявлений МПКК, в его архиве сохранилось еще одно — в адрес Моссовета с резолюцией: «29/VIII–1922 г. Впредь до опубликования обяз<ательного> Постановл<ения> През<идиума> М<осковского> С<овета> о порядке регистрации и утверждения уставов обществ по гор. Москва Отдел Управления таковых не регистрирует». На этом попытка МПКК зарегистрироваться была завершена, т. к. к этому времени МПКК был закрыт и против него было возбуждено следственное дело.

Надо проверить. Закрыть их надо обязательно, возбудив кроме того против него следствие. Ф. Д.».

Второй и третий пункты подчеркнуты Дзержинским. (Резолюция Дзержинского, которого Екатерина Павловна считала своим другом, удивляет. Наверное, независимо от того, успел или нет Моссовет зарегистрировать МПКК, эту регистрацию ГПУ имело возможность отменить, и такое решение являлось вполне достаточным для того, чтобы закрыть МПКК, как и предлагал поступить Самсонов.)

25 августа 1922 года на заседании Коллегии ГПУ слушалось судебное дело «по обвинению самочинной организации Политического Красного Креста в контрреволюции»[204]. Коллегия постановила: «Деятельность Общества Московского политического Красного Креста немедленно приостановить. Помещение его опечатать; у членов Комитета его отобрать подписки о явке к следствию и невыезде из г. Москвы. Начать следствие по обвинению членов Комитета и других активных членов этого Общества в контрреволюции»[205]. В юридический отдел ГПУ дело было передано 26 августа, помещение приемной МПКК было опечатано 28 августа. Арестованных по делу МПКК не было, но деятельность МПКК была «приостановлена», а фактически — остановлена.

Подписку о невыезде у Екатерины Павловны, по-видимому, не взяли, т. к. 29 августа она была уже в Берлине. Выехать за границу Екатерина Павловна собиралась 11 августа после окончания процесса эсеров, но ее задержали драматические события, развернувшиеся вокруг МПКК. Почему она смогла уехать за границу — потому ли, что у нее не успели взять подписку о невыезде, или потому, что не захотели ее взять, и в этом случае — почему: чтобы не вызывать неудовольствие Польши или Горького, или в надежде, что она не вернется в Россию, или еще почему-либо, — можно только гадать.

В Берлине она пробыла один день, а затем вместе с встретившим ее Максимом поехала в Герингсдорф, где жил Алексей Максимович. Еще в начале мая 1922 года он предполагал вскоре вер-

[204] ЦА ФСБ. ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Ф. 2. Оп. 1. № 879. Л. 21.
[205] Там же.

нуться в Россию. («Думаю вернуться на Русь в конце июля. Говорят — меня купил Ллойд-Джордж. Все меня покупают: евреи, японцы, немцы, англичане, и это дает мне право считать себя предметом первой необходимости для врагов России. Я очень доволен»[206].) В конце мая по рекомендации врачей (для его больных легких после горного воздуха Сен-Блазиена был показан морской воздух Герингсдорфа) он поселился в Герингсдорфе вместе с Максимом, Надей и Ракицким, которые с этого времени стали его семьей. В августе 1922 года о возвращении в Россию речь уже не шла: «Мать! Мы живем в курорте Heringsdorf. <...> Здесь очень скверно. Дожди, ветер, солнечных дней — нет. Мы сняли целый дом. Ты хорошо отдохнешь. Потом поедем на Гавайские острова или вообще куда-нибудь к черту. Сын уехал — неделю тому назад — в Берлин, смотреть студийцев[207], сегодня, кажется, вернется. Он все такой же худой и ленивый, каким, видимо, пребудет всю жизнь. Но — здоров. Жена его — не плоха. Она, разумеется, с ним. <...> Остальное увидишь, приехав. Значит, до свидания? 10.VIII.22.»[208]

Екатерина Павловна не видела Максима более полугода, а он для нее был, как заметил Алексей Максимович, «самым интересным существом» и его здоровье, благополучие и место в жизни не переставали волновать ее. Алексей Максимович настойчиво приглашал ее приехать, наверное, и для того, чтобы обсудить будущее Максима. Еще в апреле 1922 года, вернувшись в Берлин из Сен-Блазиена, он писал ей: «Максим благополучен. <...> он, конечно, “предается удовольствиям”, к тому же тут его настигли праздники и прочее. Вино он почти не пьет, курит сравнительно меньше, но не мало. Стал играть в теннис. Относится к себе все еще не серьезно и о будущем своем — не думает. <...> Ты поступишь умно и весьма полезно, приехав сюда»[209].

В Герингсдорфе Екатерина Павловна пробыла 10 дней, она отдыхала на море, принимала горячие ванны из морской воды, и только «боль в правом боку» мешала ей «наслаждаться материаль-

---

[206] АГ. Т. IX. С. 219. Из Берлина в Москву, первая половина мая 1922 г.

[207] Летом 1922 г. Первая студия МХТ находилась с гастролями за границей (Рига — Таллин — Берлин — Прага).

[208] АГ. Т. IX. С. 219–220. Из Герингсдорфа в Москву, 10 августа 1922 г.

[209] АГ. Т. IX. С. 218. Из Берлина в Москву, 19 апреля 1922 г.

ным благополучием»[210]. В Герингсдорф приезжал Добровейн («играл»), навестили Екатерину Павловну дочки Чернова, к тому времени покинувшие Россию и пока еще находившиеся в Германии. 11 сентября Екатерина Павловна покинула Герингсдорф и отправилась в Варшаву, где должна была представить отчет о деятельности Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста за первую половину 1922 года и обсудить планы его дальнейшей работы. Известно, что она собиралась по дороге в Варшаву остановиться на 3 дня в Берлине. Это намерение она, скорее всего, осуществила, хотя документальных свидетельств ее пребывания в Берлине у нас нет. Однако известно, что в 1922 году в Берлине российскими политэмигрантами был организован «Политический Красный Крест для оказания помощи российским политзаключенным». Он начал работать в марте 1922 года, работал довольно успешно, а затем по решению его членов был ликвидирован, и вместо него была создана более широкая общественная организация, получившая название «Общество помощи политическим заключенным и ссыльным в России»[211]. Возглавила новое Общество Е. Д. Кускова, живущая в Берлине с июня 1922 года. Дальнейшие события вокруг дела помощи российским политзаключенным заставляют предполагать, что Екатерина Павловна с Екатериной Дмитриевной в Берлине встречались и обсуждали вопросы оказания помощи. (Вероятно, что и ситуацию вокруг процесса против партии с.-р. они обсуждали.)

Во второй половине сентября 1922 года Екатерина Павловна вернулась в Москву. Спустя несколько дней после ее возвращения, 22 сентября, органами ГПУ в присутствии М. Л. Винавера помещение приемной МПКК было распечатано, М. Л. Винаверу были выданы некоторые вещи (по описи), и помещение было вновь

---

[210] АГ. ФЕП-рл 8–15–117. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Герингсдорфа в Москву, 6 сентября 1922 г.

[211] Учредительное собрание Берлинского «Общества помощи политическим заключенным и ссыльным в России» состоялось 6 ноября 1922 г. На нем присутствовало около 50 человек, принадлежавших к различным группировкам русских эмигрантов. На собрании был избран комитет Общества в составе 15 человек, в который вошли и бывшие члены МПКК (Г. Я. Аронсон, Е. Д. Кускова, Л. Л. Розенталь, Е. А. Фальковский), а председателем Общества была избрана Е. Д. Кускова.

запечатано[212]. А вскоре произошла вещь еще более удивительная, чем отъезд Екатерины Павловны за границу. 11 ноября 1922 года Екатерина Павловна получила удостоверение, согласно которому «помещение по Кузнецкому Мосту д. 16, занимаемое бывшим Московским политическим Красным Крестом, со всем имуществом его, переходит к ней, Е. П. Пешковой, для оказания помощи политическим заключенным и их семьям»[213]. Удостоверение было выдано Коллегией ГПУ за подписью зам. председателя ГПУ И. С. Уншлихта[214]. В результате каких закулисных интриг Екатерине Павловне удалось получить это разрешение, нам не известно. (Вероятно все-таки, благодаря ее плодотворной работе в Польском Красном Кресте и, как следствие, личного расположения поляков Дзержинского, Уншлихта, Менжинского.)

30 ноября 1922 года сотрудниками ГПУ в присутствии Екатерины Павловны и Михаила Львовича опечатанное помещение

---

[212] По чьему распоряжению была произведена эта операция, неизвестно. В следственном деле МПКК сохранилась докладная записка, датированная 22 сентября 1922 г.: «Нач<альнику> Опер<ативного> Отд<ела>. Док<ладываю> о том, что произведена распечатка помещения Кр<асного> Кр<еста>, выданы вещи и снова запечатано. Вещи выданы по описи представителю Кр<асного> Креста Гр. Виноверу. Приложение: опись +». К докладной записке приложены расписки Уполномоченного Юротдела ГПУ тов. Грункина и М. Л. Винавера (ЦА ФСБ. ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Ф. 2. Оп. 1. № 879. Л. 27).

[213] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

[214] Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938) — советский политический и государственный деятель. Участник революции 1905–1907 гг. в Польше. Активный участник октябрьских событий в Петрограде. С декабря 1917 г. член Коллегии НКВД РСФСР. В апреле 1918 г. — январе 1919 г. — председатель Центральной коллегии по делам военнопленных и беженцев (Центрпленбеж) при Наркомате по военным делам РСФСР. С февраля 1919 г. — нарком по военным делам и член ЦИК КП Литвы и Белоруссии. В 1921–1923 гг. — зам. председателя ВЧК — ГПУ. С сентября 1923 г. — член РВС СССР и начальник снабжения РККА. В 1925–1930 гг. — зам. председателя РВС и зам. наркома по военным и морским делам. В 1930–1933 гг. — зам. председателя ВСНХ, зам. председателя Госплана СССР. В 1933–1935 гг. — начальник главного управления Гражданского воздушного флота. С февраля 1935 г. — секретарь союзного совета ЦИК СССР. В июне 1937 г. арестован, обвинен в создании контрреволюционной организации, шпионаже и подготовке терактов, расстрелян 20 июля 1938 г.

приемной МПКК было вскрыто, архив МПКК изъят и доставлен в ГПУ[215], а помещение со всем находящимся в нем имуществом сдано Екатерине Павловне. Таким образом, Общество «Московский политический Красный Крест» — организация неправительственная, общественная и правозащитная была заменена учреждением «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (ПОМПОЛИТ) — организацией тоже неправительственной, но подконтрольной карательным органам. Судебное дело по обвинению деятелей МПКК и Е. П. Пешковой (первой в их списке) длилось год — до августа 1923 года, прекращено оно было на том основании, что произошла реорганизация Общества МПКК в учреждение «Помощь политическим заключенным» «во главе с гражданкой Пешковой, каковой <было> разрешено свою деятельность продолжать»[216].

* * *

Первые пять лет (с 1918 по 1922 год) жизни в Советской России определили дальнейшую деятельность и судьбу Екатерины Павловны. Она не покинула свою страну и не стала эмигранткой, как многие ее друзья и товарищи по партии, как Алексей Максимович и Максим. Победу большевиков она приняла как данность (выбор народа) и с властью не боролась. Большевистские методы построения социалистического государства она изменить не могла. Ей казалось неизбежным, что при революционном переустройстве мира ее товарищи по партии («проигравшей партии»), а также многие социально близкие ей люди, принадлежавшие к дворянскому сословию и оставшиеся жить в Советской России, отправлялись в тюрьмы, лагеря и ссылки. Она пыталась помочь тем, кто был неугоден Советскому государству по политическим мотивам. Она пыталась доказать, если это было возможно, отсутствие вины обвиняемых и осужденных по отношению к государству, но чаще — просто старалась облегчить их участь: уменьшить жестокость наказания, помочь сохранить здоровье, семью, выехать из России, она помогала, казалось бы, в простых вещах (например, узнавала судьбу близких), но ее деятельность позволяла людям выживать и жить.

---

[215] 16 января 1923 г. материалы архива МПКК были пересланы в Центроархив.
[216] ЦА ФСБ. ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Ф. 2. Оп. 1. № 879. Л. 99.

7

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. ПОЛЬСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ. УЧРЕЖДЕНИЕ «Е. П. ПЕШКОВА. ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ». 1923–1938 гг.

НАЧАЛО РАБОТЫ ПОМПОЛИТА. В БЮРО ПОЛЬСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА. ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ. М. И. БУДБЕРГ. ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ МАНДАТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛЬСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА. ПРЕКРАЩЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА ПРОТИВ МПКК. ТРАГЕДИЯ НА СОЛОВКАХ. СМЕРТЬ ДОКТОРА А. Н. АЛЕКСИНА. 1923 г.

Учреждение «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» заменило общественную организацию с ее юридической и другими комиссиями, коллегией уполномоченных, комитетом, президиумом, собраниями и отчетами. Общественной организации больше не существовало, она была уничтожена. Екатерина Павловна единолично, только она одна получила разрешение на оказание материальной помощи узникам и их семьям, только она одна могла обращаться за справками относительно судьбы арестованных, заключенных и ссыльных и ходатайствовать об облегчении их участи. Заместитель Екатерины Павловны по работе в Московском политическом Красном Кресте М. Л. Винавер стал ее заместителем по работе в ПОМПОЛИТе и получил право подписи под документами ПОМПОЛИТа на время отсутствия Екатерины Павловны (поэтому, чтобы не приостанавливать работу, он и Екатерина

Павловна одновременно из Москвы не уезжали). На свои должности Екатерина Павловна и М. Л. Винавер были утверждены ГПУ.

В конце декабря 1922 года М. Л. Винавер приехал в Варшаву, в которой жила его жена[1], имеющая польское гражданство. Здесь его ждало письмо Е. Д. Кусковой с вопросом о судьбе Креста. М. Л. Винавер отвечал: «Вопрос о Политич<еском> Кр<асном> Кресте обстоит так. Старый Политич<еский> Кр<асный> Крест закрыт, вернее: приостановлена его деятельность. Общество как общество перестало существовать. Но Ек<атерине> Павл<овне> дано письменное разрешение оказывать помощь политич<еским> заключенным и их семьям, материальную и юридическую; получать от них заявления; посылать через администрацию анкеты; оказывать помощь не только в Москве, но и по всей России; устраивать сборы, получать пожертвования и пр<очее>, наконец, иметь бланк и печать с надписью: “Е. П. Пешкова. Помощь политич<еским> заключ<енным>”. Она имеет право получать ответы от властей. До моего отъезда разрешения были от административных властей, но велись уже переговоры и с судебными властями. “Помощь политическим заключенным” имеет право обладать технич<еским> аппаратом (часть бывших сотруд<ников> Креста) и иметь “советников” (в полности бывший Президиум). Из Политич<еского> Кр<асного> Креста новое учреждение переняло помещение на Кузнецком и все имущество. Основная разница: а) Пом<ощь> Политич<еским> закл<юченным> — не общество, как Крест. б) Пом<ощь> Политич<еским> закл<юченным> — пока не обладает правом посещения заключ<енных> в камерах или вызова заключенных (надеюсь, со временем это изменится)»[2].

Права общения с заключенными ПОМПОЛИТ не получил, а ответы от властей имел право получать только в одном учреждении — ГПУ (позже ОГПУ, НКВД), ни ВЦИК, ни Прокуратура на запросы ПОМПОЛИТа не отвечали.

Право получать пожертвования Екатерина Павловна имела, в деньгах же ПОМПОЛИТ нуждался всегда. Спустя месяц после приезда в Варшаву Винавер писал Кусковой: «Уезжать пока не

---

[1] Винавер Елена Германовна — переводчица с русского языка на польский.

[2] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 18–19 об. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Берлин, 3 января 1923 г.

собираюсь; думаю побыть подольше, если только не вызовет меня Ек<атерина> Павл<овна>, которая без меня замучивается там и как-то плохо себя чувствует физически. Конечно, необходима и финансовая помощь Кресту, т<а>к к<а>к опять с моим отъездом хуже стало. Думаю, что у Вас теперь бедствуют так люди, что трудно думать о помощи, но все-таки стоило бы»[3]. Российские эмигранты находились в очень стесненном материальном положении. За границей большевистский произвол не угрожал их жизни, однако они остались без средств к существованию и, как правило, без постоянного заработка, так как найти работу в послевоенной Европе было проблематично. И хотя они очень нуждались, многие бедствовали, но деньги для российских политзаключенных собирали. «Деньги, посланные Вами Ек<атерине> Павловне, весьма кстати, т<а>к к<а>к она пишет, что с моим отъездом финансовая и снабженческая часть разваливается[4]»[5], — сообщал Винавер Кусковой. Екатерина Павловна просила деньги посылать в валюте (доллары или фунты) через Госбанк, в котором получала их в той же валюте. Кроме денег, Кускова организовала посылки российским заключенным от Нансена и Гувера (АРА). В начале 1923 года

---

[3] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Там же. Л. 26–27 об. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Берлин, 1 февраля 1923 г.

[4] М. Л. Винавер умел организовывать поступление средств для оказания помощи политзаключенным. Так, в декабре 1922 г. ПОМПОЛИТ разослал письма с просьбой о помощи в адрес более 30 организаций. Вот только некоторые из этих адресов: «В центральное Товарищество “Кооперативное издательство”» (с просьбой отпустить канцелярские принадлежности — 18 позиций), «В Покобанк» (с просьбой сделать пожертвование в пользу политзаключенных), «В МОССЕЛЬПРОМ» (с просьбой отпустить продукты), «В Тряпье-Лоскут» (с просьбой «пожертвовать в пользу политических заключенных годные к употреблению и хорошо продезинфицированные шинели, ватники, душегрейки, брюки, а также вату»), «В ФАРМАТРЕСТ» (с просьбой отпустить медикаменты и перевязочные материалы), «В Товарищество Левины и Цирлины» (с просьбой отпустить белье и материалы), «В кооператив совработников» (с просьбой отпустить продукты питания), «В Артельбанк», «В маслобойный синдикат», «В Центробумтрест», «В Артельсоюз», «В Моссукно», «В Москожу», «В Северолес», «В Центросоюз», «В Сельхозсоюз», «В текстильный синдикат», «В Кустпромторг».

[5] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 20–22 об. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Берлин, 12 февраля 1923 г.

в адрес Екатерины Павловны приходили посылки из Лондона и из Берлина через «Международный комитет помощи голодающим в России». Для кого предназначались эти посылки — для детей, голодающей интеллигенции или заключенных, Екатерина Павловна не знала и просила Винавера узнать у Кусковой. Она предпочитала не запрашивать напрямую, т. к. связь с заграницей преследовалась советскими властями. Сам факт переписки даже между близкими родственниками, оказавшимися по разные стороны от границы Советского государства, являлся поводом к аресту советских граждан и обвинению их в шпионаже. Екатерина Павловна писала людям, живущим за границей, когда выезжала из Советской России; исключение составляли Алексей Максимович, Максим и М. К. Николаев. Их письма нередко приходили вскрытыми, но информации, нежелательной для властей, в них не содержалось (к конспирации Екатерина Павловна привыкла с дореволюционных времен). С Винавером, когда он находился в Варшаве, Екатерина Павловна могла переписываться, пользуясь дипломатической почтой, а также отправляя письма с оказией, и он был в курсе перипетий жизни заключенных в советских тюрьмах и лагерях. Российскую эмиграцию и западную общественность интересовало все, что происходило в Советской России, и особенно судьба осужденных эсеров. Винавер сообщал Кусковой те сведения, которые он получал, и обещал: «скоро увидите и Екатерину Павловну, которая расскажет Вам о многом Вас интересующем»[6], «Ек<атерину> Павл<овну> увидите в Берлине, когда я ее сменю»[7].

В конце декабря 1922 года М. Л. Винавер уехал из России в Польшу на время отпуска, который взял сначала на месяц, а затем несколько раз продлевал вплоть до 25 мая 1923 года. 29 мая, сразу же после возвращения Винавера в Москву, Екатерина Павловна выехала в Варшаву с отчетом о работе Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста за первую треть 1923 года. В отчете Екатерина Павловна указала число поляков, содержащихся в мос-

---

[6] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 30. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Берлин, 14 апреля 1923 г.

[7] Там же. Л. 29. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Берлин, 25 марта 1923 г.

ковских тюрьмах[8]. За 4 месяца оно сократилось с 201 до 173 человек за счет того, что удалось некоторых заключенных освободить и перевести для лечения в частные лечебницы, а других отправить в Польшу, в числе отправленных была группа «смертников» — 23 человека, назначенных на обмен. Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста по-прежнему занималось выдачей справок, составлением и подачей ходатайств, составлением и отправкой в Польшу информационных списков (за отчетный период было отправлено 17 списков со сведениями в них о 235 лицах), добыванием некоторых документов на уехавших в Польшу лиц (метрик, аттестатов о службе, об окончании учебных заведений, дипломов, свидетельств о смерти и др.), а также материальной помощью в незначительных размерах (из оставшихся средств). В отчете Екатерина Павловна указала число сотрудников Бюро и их зарплату: «Работа ведется при четырех сотрудниках. При Бюро также имеется 1 сторож, 1 курьер и 1 мотоциклист, т<о> е<сть> всего семь платных работников. Денежное вознаграждение сотрудников Бюро в истекший отчетный период несколько увеличилось, но зато служащие с Марта мес<яца> лишены пайка, выдававшегося им раньше натурой»[9]. Екатерина Павловна зарплаты не получала, работала она на общественных началах. (Зарплату за работу в должности Уполномоченного Польского Красного Креста она начала получать только с января 1935 года. Позже она рассказала, что они договорились с Алексеем Максимовичем: пока у него есть деньги, она может работать бесплатно.)

В Варшаве Екатерина Павловна пробыла почти неделю. 7 июня она выехала в Берлин, где ее встретил Максим, вместе они поехали в Сааров (дачная местность недалеко от Берлина). Сюда осенью 1922 года Алексей Максимович вместе со всей своей компанией переехал из Герингсдорфа, но в Саарове он снова простудился,

---

[8] Заключенные поляки содержались в Москве в следующих тюрьмах и лагерях: Бутырская тюрьма, Таганская тюрьма, Сокольническая тюрьма, Лефортовская тюрьма, Внутренняя тюрьма, Ивановский лагерь, Ново-Спасский лагерь.

[9] ГА РФ. Ф. Р-8406. Оп. 1. Д. 279. Л. 36–40. Отчеты о деятельности Бюро Уполномоченного Польского Общества Красного Креста в России с начала работы до 1928 года включительно.

вследствие чего опять поменял местожительство: в мае 1923 года он переехал в местечко Гюнтерсталь около Фрейбурга (Шварцвальд). Сопровождала его Мария Игнатьевна Будберг, Максим и остальные остались жить в Саарове.

Мария Игнатьевна БУДБЕРГ (урожденная Закревская, по первому мужу Бенкендорф) (1892–1974) — близкий друг и гражданская жена А. М. Горького в 1922–1933 годах, его литературный секретарь и переводчик его произведений на английский язык. В 1930–1940-х годах была гражданской женой Герберта Уэллса. От первого брака у нее было двое детей: сын Павел 1913 года рождения и дочь Татьяна, родившаяся в 1915 году. «В 1919 году недалеко от собственного имения <в Эстонии близ Таллина> при невыясненных обстоятельствах был убит ее первый муж И. А. Бенкендорф, а в 1921 году в Таллине она вышла замуж за барона Н. Х. Будберга, с которым вскоре рассталась. Брак был не по любви, а напоминал скорее сделку, подсказанную юристом и принятую М. И. Будберг как единственную возможность получить эстонское подданство, право выехать в Европу, и таким образом избежать последствий ее ареста эстонскими властями по подозрению в шпионаже в пользу Советской России»[10]. «С Горьким познакомилась в 1919 году в Петрограде. Благодаря широкому образованию, полученному в Англии, и знанию английского языка стала сотрудницей издательства “Всемирная литература”. Незадолго до этого пережила арест за связь с английским дипломатом — резидентом Робертом Брюсом Локкартом, едва избежав самого сурового приговора. Жила в квартире Горького на Кронверкском проспекте. Там в 1920 году вместе с Горьким принимала Герберта Уэллса, приехавшего с сыном, чтобы увидеть революционную Россию. Была их переводчиком. В 1922 году по приглашению Горького приехала в Германию, где писатель проходил курс санаторного лечения, а затем последовала с ним в Чехословакию и Италию, выполняя обязанности переводчика, секретаря, координатора связей с зарубежными писателями, издательствами, организациями. Ей Горький посвятил роман “Жизнь Клима Самгина”. После окончательного возвращения

[10] АГ. Т. XVI. С. 11. В. С. Барахов. М. Горький и М. И. Будберг (непрочитанные страницы биографии писателя).

Горького в Россию <...> поселилась в Лондоне. Неоднократно приезжала в СССР. Находилась в Горках 10 в последние дни жизни писателя. Принимала участие в его похоронах на Красной площади. Умерла в Италии (близ Флоренции), похоронена в Лондоне по ее завещанию»[11].

30 апреля 1962 года К. И. Чуковский записал в своем дневнике: «Ек<атерина> Павл<овна> Пешкова получила от Марии Игн<атьевны> Бенкендорф (Будберг) просьбу пригласить ее к себе из Англии. Ек<атерина> Павловна исполнила ее желание: "Изо всех увлечений Алексея Максимовича — сказала она мне сегодня — я меньше всего могла возражать против этого увлечения: М<ария> Игн<атьевна> — женщина интересная"»[12].

Мария Игнатьевна поселилась в квартире на Кронверкском проспекте в конце 1919 года. Она сразу же взяла на себя множество обязанностей, как секретарских, так и по устройству быта. У нее сложились добрые отношения со всеми домочадцами, она стала своей в «Кронверкской коммуне»[13] (так называл эту квартиру Максим) с царящей в ней атмосферой остроумных юмористических затей, шуток, шарад, анекдотов. В «коммуне» большинство обитателей имели прозвища, и она тоже получила прозвище — «Титка» (по-русски: тетка), оно было связано с ее малороссийским происхождением (она родилась в Полтавской губернии). Она была молода: почти на четверть века моложе М. Ф. Андреевой, не принимавшей участие во всем этом изощренном веселье, и только на 5 лет старше Максима, приезжавшего к отцу в Петроград и с энту-

---

[11] Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 429.

[12] Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969: В 2 т. Т. 2: Дневник. 1930–1969. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Звездный мир, 2003. С. 371.

[13] «В квартире было одиннадцать комнат. В них жили: Алексей Максимович, Мария Федоровна, Иван Николаевич Ракицкий, Петр Петрович Крючков, Мария Игнатьевна Бенкендорф-Закревская, Мария Александровна Гейнце и я с Андреем Романовичем <Дидерихсом>. Образовалось нечто вроде "коммуны". Все мы работали. Пайки получали эпизодически по месту работы — приносили домой в общий котел.<...> Хозяйство "коммуны" вела пожилая, но очень энергичная рижанка» (Ходасевич В. М. Портреты словами. М.: Гелея, 1991. С. 148).

зиазмом включавшегося во все придумки и розыгрыши. В мае 1921 года она уехала из Петрограда в Эстонию, где жили ее дети, а в октябре 1921 года Горький выехал в Германию вместе с В. В. Шайкевич[14], ее дочерью, и семьей З. И. Гржебина. В официальных документах на выезд В. В. Шайкевич числилась секретарем Горького. Весной 1922 года Горький и Шайкевич окончательно расстались, а Мария Игнатьевна, ставшая баронессой Будберг, приехала в Герингсдорф по приглашению Горького в качестве его секретаря.

Екатерина Павловна симпатизировала Марии Игнатьевне (по-видимому, она не только уважала ее как личность, но и ценила за умение наладить быт, за деловые качества и за влияние, оказываемое на Максима). Во время поездки в Сибирь, когда Максим находился за границей и Екатерина Павловна очень волновалась за него, она послала Алексею Максимовичу письмо, в котором высказывала некоторые соображения по поводу присутствия Марии Игнатьевны в их жизни. «Соображения твои относительно Титки всем очень понравились, но оная дама вышла замуж за некоего барона, и, таким образом, ты опоздала сосватать ее за меня. Увы мне!»[15] — отвечал ей Алексей Максимович. Позже, когда Мария Игнатьевна уже приехала в Германию в качестве его секретаря, Алексей Максимович, описывая Екатерине Павловне жизнь семьи, отмечал благотворное влияние Марии Игнатьевны на Максима, который по-прежнему не нашел свой путь, не стал самостоятельным, независимым от отца человеком:

15 ноября 1922 года. «Все благополучно, мамаша! У Тимофея[16] оказались отличные способности к живописи. <...> Вдохновленный ее успехами, “Советский принц” тоже начал рисовать все более умело и забавно. <...> <Мария Игнатьевна> занята переводом на английский язык моей книги, это очень спешная работа, и

---

[14] Шайкевич Варвара Васильевна (1886–1953) — жена А. Н. Тихонова, вместе с ним работала в издательстве «Всемирная литература» и других горьковских издательствах. Познакомилась с Горьким на Капри, куда приезжала с мужем. Горький посвятил В. В. Шайкевич свои книги «Ералаш и другие рассказы» (Петроград, 1918) и «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» (Петроград, издательство З. И. Гржебина, 1919).

[15] АГ. Т. IX. С. 215. Из Берлина в Москву, 18 ноября 1921 г.

[16] Тимоша, Тимофей — шутливое прозвище Надежды Алексеевны Пешковой.

М<ария> И<гнатьевна> сидит целый день за столом. У нее и Мак<сима> взаимно очень хорошие отношения. Очень хорошо действует она и на Тимошу»[17].

25 декабря 1922 года. «Поздравляю тебя, мамаша, с Новым годом! <...> Тимофей делает все более заметные успехи в живописи, это несколько воодушевляет Максима, и он, обнаруживая оригинальные способности, сочиняет сумасшедшие картины в стиле Босха[18]. Но — заниматься серьезно и упорно — не способен. Вот на Марс он поехал бы, а также готов опуститься на дно морское для изучения политики глубоководных лягушек. Здоров и весел. Странный господин: привлекает симпатии людей, а к самому себе у него все еще нет определенного отношения. В задушевных беседах с известной тебе баронессой критикует себя довольно верно, и баронесса могла бы хорошо действовать на него, но она “непоседлива, как маленькая птичка”, и только что съездив в Париж, уехала в Ревель[19]. В общем же — все благополучно. <...> А то — приехала бы! Здесь очень тихо, ясно, тепло, хорошо отдохнешь»[20].

Январь 1923 года. «Здесь все благополучно. Максим <...> здоров, весел, пишет картину “Нападение летающих рыб на поезд жел<езной> дор<оги>”. <...> Удивительная фантазия у этого парня, и, кажется, из него выйдет что-то оригинальное. Тимоша усердно учится, становясь все более приятным человеком и доброй, заботливой подругой Максима. Он, право, не плохо выбрал.

---

[17] АГ. Т. IX. С. 221. Из Саарова в Москву, 15 ноября 1922 г.

[18] «Не будучи художником-профессионалом, Максим очень много рисовал акварелью необычайно причудливые по формам и мыслям композиции. Иногда это были претворенные в рисунки фантастические образы его снов, а иногда наблюдаемые им картины из жизни, в которых он очень остро высмеивал и обличал всякие пороки человечества в какой-то очень своей особой манере. Фантазии его были сродни Питеру Брейгелю-Старшему и Иерониму Босху, но на современном материале. Жизнь в Германии и Италии 1921–1923 годов давала множество тем его жестокому сарказму и горькому юмору» (Ходасевич В. М. Таким я знала Горького // Новый мир. 1968. № 3. С. 27).

[19] В Париже у Марии Игнатьевны жила замужняя сестра; ее дочь от первого брака жила и воспитывалась вместе с детьми Марии Игнатьевны в родовом имении Бенкендорфов, расположенном недалеко от Таллина (Ревель — название Таллина до 1919 г.).

[20] АГ. Т. IX. С. 222. Из Саарова в Москву, 25 декабря 1922 г.

<...> Весьма хорошо действует на М<аксима> и Т<имошу> Марья Игнатьевна, умея заставить всех работать. А я затеваю здесь литературно-научный журнал. <...> М<арья> И<гнатьевна> очень кланяется тебе; она перевела мою книгу на английский язык, а теперь переводит "Аэлиту" Толстого. Все работают, даже Соловей. Зима удивительно мягкая, солнечные дни, снегу нет. Когда приедешь сюда?»[21]

2 марта 1923 года. «Ты приедешь? Приезжай на пасху? Здесь будет хорошо, отдохнешь. Все кланяются тебе. М<ария> И<гнатьевна> — особенно»[22].

Конец апреля 1923 года. «Дорогая мамаша, я тут хвораю, а сын, по обыкновению, витает в эмпириях. <...> Посылаю 200 долларов на дорогу сюда»[23].

Екатерина Павловна смогла выбраться за границу только в июне 1923 года, когда Алексей Максимович уже находился в санатории во Фрейбурге. Екатерина Павловна съездила его навестить, а затем после четырех дней, проведенных в Берлине, уехала в Италию, которую мечтала увидеть. Алексей Максимович ее отговаривал («<...> приезжай сюда, здесь жаркое солнце, тишина, немцы косят сено… <...> А в Италии тебя схватит Муссолини и предаст испанским пыткам»[24]), с деньгами у нее было напряженно («Здесь все невероятно вздорожало, и теперь меня уже смущает моя затея поехать в Италию. Оказывается, на это уйдут все деньги, что тут для меня есть, и мне не удастся ничего купить»[25]), но, несмотря на сомнения, она поехала. 19 июня она была в Милане, где ее встретила Signora Teresa (Тереза Маскарди) и увезла к себе. На следующий день Екатерина Павловна уехала в Аляссио. Она сняла маленькую комнатку с балконом на горы в том же пансионе (HOTEL LIDO), где когда-то останавливался М. К. Николаев. Ее письмо ему, написанное по приезде в Аляссио, начиналось так:

---

[21] АГ. Т. IX. С. 223. Из Саарова в Москву, не ранее 12 января 1923 г.

[22] Там же. С. 223. Из Саарова в Москву, 2 марта 1923 г.

[23] Там же. С. 224. Из Саарова в Москву, конец апреля — май, не позднее 2-го, 1923 г.

[24] Там же. С. 225. Из Фрейбурга в Берлин, середина июня 1923 г.

[25] АГ. ФЕП-рл 8–15–128. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из <Берлина> в Москву, 12 июня 1923 г.

«Завидно? Хожу и глазам своим не верю, что я здесь»[26]. И дальше: «Как хорошо, что я попала сюда»[27]. В Аляссио она пробыла всего четыре дня («Дала себе 4 дня на Alassio»[28]), Тереза Маскарди сумела выбраться к ней на два дня. «Как сон эти дни»[29], — радовалась Екатерина Павловна. Затем она вернулась в Германию, 3 июля выехала из Берлина в Варшаву, 5 июля — из Варшавы в Россию. Письменными свидетельствами о ее встречах в Берлине с Кусковой и другими российскими эмигрантами мы не располагаем.

В Италии Екатерина Павловна отдохнула душой, но ненадолго — до возвращения в Германию: «Но у Ал<ексея> М<аксимовича> и здесь у Макс<има> разные тревожные думы опять полезли в голову. Получила от Ал<ександра> Ал<ексеевича> <Ховрина> письмо о Кресте и разом мое утихомирение нарушилось»[30]. Положение в Кресте было сложным, но это была ее работа, и, вернувшись домой, она ею занялась. Положение же Максима, не имеющего собственной работы и находившегося в полной зависимости от отца, Екатерина Павловна была не в силах изменить: «Максим оч<ень> милый, но его мне мучительно жаль. Не на месте и не у дел он. С другой стороны, оставить Ал<ексея> М<аксимовича> невозможно. Тайны мадридского двора все продолжаются»[31]. Алексей Максимович, как всегда, много работал, а многочисленные секретарские обязанности (перепечатка на машинке, ответ на письма, в том числе и иностранных корреспондентов, и др.), устройство быта большого горьковского дома, прием многочисленных гостей и пр. в отсутствие Марии Игнатьевны ложились на Максима. Мария Игнатьевна уезжала часто и на длительное время, как в связи со сложными семейными обстоятельствами (дети и

[26] АГ. ФЕП-рл 8–15–132. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Аляссио в Москву, 21 июня 1923 г.

[27] Там же.

[28] АГ. ФЕП-рл 8–15–133. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Аляссио в Москву, 23 июня 1923 г.

[29] Там же.

[30] АГ. ФЕП-рл. 8–15–134. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Берлина в Москву, 30 июня 1923 г.

[31] Там же. 8–15–128. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из <Берлина> в Москву, 12 июня 1923 г.

племянница, живущие в Эстонии без родителей, больная сестра, страдающая наркотической зависимостью и душевной болезнью, требовали забот), так и по издательским делам Горького. В сложившейся ситуации Алексей Максимович не мог обойтись без Максима, но, по-видимому, и его несколько беспокоило положение сына, скорее — отношение Максима к своей жизни.

14 июля 1923 года. «Длинное твое письмо из Варшавы Максим получил, показал мне, хотел ответить, но увлеченный игрою с китайцами в теннис, — не успел ответить. Обыграл позорно всех китайских чемпионов и сегодня в час 30 уехал. А М<ария> И<гнатьевна> вместо четверга, как обещала, приехала сегодня же <в субботу> в 11.30, выехав из Берлина в четверг, — дорогою у нее был солнечный удар. <...> В этот приезд М<аксим> и Т<имоша> очень понравились мне. Хорошо живут, дружно. Говорил, что надо им завести ребят. Я думаю, что это лучше возни с кошками и может хорошо повлиять на М<аксима>, вызвав в нем больше заботы о себе и о будущем. Он часто говорит о марках, это дело он не бросает[32], и оно у него становится солидным, в материальном смысле. Он сильно увеличил коллекцию, покупая новые экземпляры на русские марки. Не можешь ли ты переправить ему его коллекцию, хотя бы частями, понемногу? <...> чаще пиши, особенно — сыну. Это — очень нужно. То же и Тимофею»[33].

23 сентября 1923 года. «Могу сообщить тебе нечто очень приятное: был здесь известный Константин Коровин, смотрел рисунки Максима и отозвался о них восторженно, находя у Максима крупный и оригинальный талант. Коровину я лично не очень верю, хотя

---

[32] Марки Максим начал собирать еще ребенком по инициативе Алексея Максимовича, который принимал активное участие в пополнении коллекции сына. При возвращении в Россию Максим свою коллекцию марок оставил в Италии. («А что, марки — не увлекают тебя больше? Я тут накопил их много и все твои каприйские здесь. Сообщи, привезти их тебе или не надобно?» — АГ. Т. XIII С. 144. Горький — Максиму Пешкову. Из Мустамяк в Москву, 29 сентября / 12 октября 1914 г.). Алексею Максимовичу не хотелось, чтобы сын потерял к маркам интерес по двум причинам: и потому, что ему нравилось, чтобы люди что-нибудь коллекционировали, и потому, что этот интерес сына он мог разделить.

[33] АГ. Т. IX. С. 226–227. Из Фрейбурга в Москву, 14 июля 1923 г.

в искренности его суждения не сомневаюсь[34]. <...> Но М<аксим> и сам, возбужденный похвалами крупного мастера, взялся за работу. <...> Кажется, он намерен серьезно отнестись к себе. Пора. <...> Живем — неплохо. Я — пишу, М<ария> И<гнатьевна> — переводит, Тимоха и Соловей рисуют, Макс — тоже и заведует денежными делами, в чем, представь, обнаруживает умение, не доступное его отцу. <...> Всюду вокруг нас, начиная с Фрейбурга, немцы тщатся сделать революцию, сохраняя полный порядок[35]. <...> Жить здесь становится дорого, и, разумеется, беспокойно за Макса, парня любопытствующего. Однако тяготение к живописи очень умеряет его былой интерес к искусству мордобоя»[36].

Алексей Максимович не остался в Германии — голодной, с назревающей революционной ситуацией:

23 ноября 1923 года. «Когда получишь это письмо, мы tutta famiglia[37] будем, я надеюсь, уже в Чехословакии. <...> Имеется надежда проехать в Италию, — слабая надежда. Но — уже будет хорошо, если удерем к чехам; жить здесь стало очень дорого и во всех отношениях плохо, — процесс одичания людей развивается с быстротой изумительной, чему главной причиной служит голод. Средний класс Германии поголовно голодает, улицы полны при-

---

[34] «К. А. Коровин был в восторге от рисунков Максима, находил у него крупный оригинальный талант, он настойчиво советовал серьезно заниматься живописью и избрать профессию художника. Сюжеты его рисунков были необычны и фантастичны, даже рисунки из реальной жизни были написаны в причудливо-фантастическом освещении и удивительном сочетании ярких красок. Кроме того, ему нравилась ювелирная работа миниатюриста, так к сказке “Мать” из “Сказок об Италии” он сделал сложнейший орнамент» (АГ. Т. XIII. С. 296. Из воспоминаний Н. А. Пешковой).

[35] 3 октября 1922 г. Максим писал Екатерине Павловне: «Тут (в Гюнтерстале) были голодные беспорядки и всеобщая забастовка. Два дня по улицам ходили демонстранты с красными флагами. Были митинги. Все спокойно и тихо. Например: в толпе рабочие узнали тайного полицейского, загнали его в кафе, избили здорово, потом сбегали за доктором, перевязали раненого и отвезли в полицию. На 4-й день приехали войска с пулеметами и бомбами, было объявлено осад<ное> положение, и все сразу кончилось» (Личный архив Е. П. Пешковой // АГ. Т. IX. С. 396).

[36] АГ. Т. IX. С. 227–228. Из Гюнтерсталя в Москву, около 23 сентября 1923 г.

[37] Всем семейством (итал.)

лично одетых нищих, это — немецкая интеллигенция, — наиболее ценная рабочая сила страны, как везде. <...> Так вот: уезжаем. Это давно решено, и я многократно просил Мак<сима> написать тебе, дабы ты знала, куда брать визу, если на рождество поедешь за границу, как об этом говорят. От тебя писем давно уже нет. <...> Все здоровы, благополучны и рады покинуть немцев»[38].

Декабрь 1923 года «Сообщаю наш новый адрес: Чехословакия, Мариенбад, Hotel "Maxhof". В немцах жить стало невыносимо. Изумительно хрупкая и тонкая вещица — культура, и жутко наблюдать, как быстро утрачивает ее даже такой, казалось бы, вымуштрованный, дисциплинированный народ, каковы немцы. Я думаю, нигде в Европе нет такого нахального взяточничества и жульничества, как это развилось и развивается здесь. Лично я особенно претерпел от "новых нравов". Попало и Максиму. Он на днях в Берлине "венчался" с Тимошей, — это очень сложная операция, и немцы его сильно обобрали. Писал тебе раза два-три — ответа нет. Где ты?»[39]

За границу на Рождество Екатерина Павловна не поехала, она оставалась в Москве, и жизнь ее была наполнена заботами и переживаниями.

Когда она летом вернулась из-за границы, ей надо было решить вопрос о дальнейшей работе Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста. Работа Бюро осложнилась тем, что деньги из Варшавы перестали поступать, и не из чего было платить зарплату сотрудникам, обращения же с просьбой о помощи поступать продолжали. В июле Екатерина Павловна получила письмо, в котором Польский Красный Крест обращался к ней, «как к своей Уполномоченной, с просьбой по мере сил и возможностей оказать содействие своими знакомствами и влиянием гуманитарной деятельности Комитета <помощи жертвам войны>, стремящегося выслать в Польшу возможно большее количество детей польского происхождения, очень часто блуждающих без всякого призора и помощи по территории СССР»[40]. В письме выражалась уверен-

[38] АГ. Т. IX. С. 229. Из Берлина в Москву, 23 ноября 1923 г.

[39] Там же. С. 230. Из Мариенбада в Москву, около 10 декабря 1923 г.

[40] ГА РФ. Ф. 8406–1–207. Л. 25. От Польского Красного Креста Е. П. Пешковой. Из Варшавы в Москву, 25 июля 1923 г.

ность, что Екатерина Павловна сумеет помочь: «Ваша деятельность до сих пор в качестве Уполномоченной Польского Красного Креста дает нам уверенность, что и в этом случае помощь Ваша будет самоотверженной и богатой результатами»[41].

В августе Екатерина Павловна отправила запрос в Главный комитет Польского Красного Креста: «Положение нашего Бюро до сих пор продолжает быть самым неопределенным. <...> Мне всячески хочется пойти Вам навстречу, но, если я могу отдать свой личный труд Кресту, хотя иногда и мне это трудно, но оплачивать людей, из которых некоторые у нас работают почти 3 года, ниже минимальных советских ставок — нельзя. <...> Я вижу ясно, как жаль закрыть Бюро, но не вижу выхода. Ответьте, что мне делать»[42]. Через неделю она получила ответ, в котором ее настоятельно просили «переждать финансовый кризис, который в настоящее время Польский Красный Крест претерпевает», и продолжать оказывать свою «бесценную помощь»[43], и хотя вопрос о возможности дальнейшего существования бюро не был решен, Екатерина Павловна продолжала работать. В частности, она не прекращала опекать поляков, назначенных на обмен и собранных в Москве. Однако и эта работа вначале очень осложнилась, а затем оказалась невозможной по не зависящим от нее причинам:

«23/X 1923 <года>.

Вчера всех, по-видимому, назначенных на обмен, увезли из Москвы. И для нас, и для Делегации это явилось неожиданным. Сейчас выяснила, что перевезли в Ярославль, к<а>к мне объяснили, ввиду того, что вопрос с обменом принимает затяжной характер и держать такое количество людей в Москве неудобно. <...> Придется ехать в Ярославль наладить помощь им там. Тороплюсь кончить. Ек<атерина> Пешкова»[44].

---

[41] ГА РФ. Ф. 8406–1–207. Л. 25. От Польского Красного Креста Е. П. Пешковой. Из Варшавы в Москву, 25 июля 1923 г.

[42] ГА РФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 207. Л. 21 об. Е. П. Пешкова — в Главный Комитет Польского Красного Креста. Из Москвы в Варшаву, 14 августа 1923 г.

[43] ГА РФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 207. Л. 27. Главное Управление Польского Красного Креста — Е. П. Пешковой. Из Варшавы в Москву, 22 августа 1923 г.

[44] ГА РФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 207. Л. 49. Е. П. Пешкова — в Главный Комитет Польского Красного Креста. Из Москвы в Варшаву, 23 октября 1923 г.

Написав это письмо, Екатерина Павловна, поехала в Ярославль. Через неделю она отправила в Варшаву следующее письмо:

«30-го Октября 1923 г<ода>.

В Главный Комитет Польского Красного Креста.

Я Вам сообщила, что 100 чел<овек> заключенных на обмен перевели в Ярославскую тюрьму. Я была у них в прошлый четверг. Обошла все камеры и говорила с каждым. Настроение у всех крайне нервное и тревожное. Испугал сам факт перевода, некоторые испугались — не война ли и т. п. Не понимали, почему увезли из Москвы.

Я приехала на другой день после их перевода в Ярославль и несколько успокоила их. Передала полученное мной объяснение, что перевели в тюрьму потому, что в Польше держат назначенных к обмену в тюрьме. Конечно, раздражение и нервное состояние не прошло и после моего приезда, но все несколько успокоились.

Сделала им передачу, купив продукты в Ярославле. По возвращении в Москву в пятницу говорила с Советскими властями, и в пятницу же по телефону было сделано распоряжение об открытии камер для большинства лиц и о ряде вещей, которые просили передать туда. Так что теперь на тюремном положении лишь лица, имевшие приговора по суду высшую меру наказания. Некоторые лица с приговорами давними и сидевшие уже в лагере — тоже оставлены на лагерном режиме.

Здесь мне сказали, что запросили Варшаву и если подтвердится, что ждущие обмена сидят в лагере, — то этот режим будет и здесь. Сказали мне, что запросили и о том, имеет ли пропуск г. Семполовская, и до ответа не возражают против моих посещений.

Еду снова в Ярославль в четверг, на пятницу»[45].

Ответ на запрос был получен 1 декабря 1923 года: польское правительство отказалось признать действительным мандат уполномоченного РОКК в Польше Стефании Семполовской. ЦК РОКК уведомил Екатерину Павловну об аннулировании ее мандата 4 декабря, а 11 декабря она отправила в Информационную секцию

[45] ГА РФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 207. Л. 52–52 об. Е. П. Пешкова — в Главный Комитет Польского Красного Креста. Из Москвы в Варшаву, 30 октября 1923 г.

Польского Красного Креста письмо[46], в котором сообщала, что с половины ноября советские власти запретили ей посещать заключенных поляков, а с 1 декабря ее деятельность ликвидирована. Приближался новый, 1924 год, и Екатерина Павловна и Главный Комитет Польского Красного Креста обменялись новогодними поздравлениями, в которых выражали надежду, что их совместная работа будет продолжена.

Работа Екатерины Павловны в ПОМПОЛИТе не прекращалась. Следственное дело против МПКК и его активных членов было закрыто в начале сентября 1923 года. В заключении по делу говорилось: «По собранным СО ГПУ агентурным материалам МПКК, имеющий гуманитарные цели помощи в России политзаключенным, уличался в посредничестве в сношениях политзаключенных с “волей”, способствовал появлению в заграничной печати сведений о работе органов ГПУ и т. п. антигосударственных деяниях. Вследствие этого, пост<ановлением> Кол<легии> ГПУ от 25/8 1922 года постановлено деятельность этой организации приостановить, помещение опечатать и привлечь активных работников ПКК к следствию.

Однако впоследствии произошла реорганизация указанного комитета в виде “помощь политзаключенным” во главе с гражданкой Пешковой, каковой ныне разрешено свою деятельность продолжать. На основании изложенного предлагаю дело производством прекратить и сдать в архив.

Уполномоченный Юротдела ГПУ Грункин. 30/8 23 г.»[47]

4 сентября 1923 года это заключение по делу было утверждено (за подписью Г. Ягоды) на заседании Коллегии ГПУ.

Таким образом, в общей сложности Екатерина Павловна находилась под следствием более трех лет с полугодовым перерывом. В дальнейшем она к следствию не привлекалась (арестована она никогда не была).

---

[46] См.: ГА РФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 207. Л. 64. Е. П. Пешкова — в Информационную секцию Польского Красного Креста. Из Москвы в Варшаву, 11 декабря 1923 г.

[47] ЦА ФСБ. ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Ф. 2. Оп. 1. № 879. Л. 99–100.

«Я по-прежнему мечусь и занята»[48] — так в сентябре 1923 года писала она о своей жизни. Жила она одновременно как бы в двух мирах. Один назывался «помощь политическим заключенным». За этим названием скрывался мир людского горя, страданий и слез, болезней и катастрофической нищеты, бессилия, отчаяния, надежд. Люди, приходившие к ней на прием, писавшие ей письма, обращались с просьбой о помощи. Они просили помочь отменить несправедливое наказание, помочь облегчить участь, помочь с лечением, помочь найти работу, помочь материально, помочь ни в чем не повинной семье, помочь узнать судьбу близкого человека, помочь уехать из России к родным, живущим в других странах, помочь, помочь... И Екатерина Павловна запрашивала, ходатайствовала, вместе со своими помощниками отвечала на многочисленные письма, организовывала передачи в тюрьмы, посылки в концлагеря, ссылки и бедствующим семьям, оставшимся без кормильцев.

Другим миром Екатерины Павловны был ее дом. (Позже появится еще один мир: Италия, Sorrento, где поселятся Алексей Максимович и Максим с семьей.) В большой квартире Екатерины Павловны после отъезда Максима, кроме нее, ее мамы и приезжавших ненадолго родственников, знакомых и друзей — людей со своими проблемами, кто-нибудь жил и постоянно. В 1923 году Екатерина Павловна пригласила к себе жить Юлию Николаевну Кольберг, которая в 1919 году уехала с детьми в Грузию к мужу, К. Г. Гогуа, ставшему членом грузинского правительства. (С ними уехала в Грузию и Александра Виссарионовна Картвелишвили, бывшая жена М. К. Николаева.) В мае 1922 года К. Г. Гогуа был арестован вместе с другими грузинскими меньшевиками. Вначале они содержались в Тифлисской тюрьме, затем были переведены в Ярославскую, а летом 1923 года, когда был организован Суздальский политизолятор, стали его первыми обитателями. Юлия Николаевна, чтобы быть ближе к мужу, в конце 1922 года переехала в Москву. В апреле 1923 года она писала Ирине, остававшейся в Грузии: «Живется мне у Екатерины Павловны хорошо и уютно»[49].

---

[48] АГ. ФЕП-рл 8–15–136. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Сухуми, 22 сентября 1923 г.

[49] Письмо Ю. Н. Кольберг к Ирине Гогуа от 2 апреля 1923 г. / Червакова И. Песочные часы // Дружба народов. 1997. № 4. С. 95.

В июне 1923 года к Юлии Николаевне приехали дети, Ирина и Лева. «Дети хорошо, оба здоровы. Ирина похудела, но стала много спокойнее и ровнее. Здесь жизнь для нее более подходящая, она очень привязалась к Ек<атерине> Павл<овне>»[50], — писала Юлия Николаевна мужу в Суздаль.

В сентябре Екатерине Павловне пришлось устроить «переселение в комнатах: Юля в бабушкину, баб<ушка> — в Ив<ана> Павл<овича>, Ив<ан> Павл<ович> — в столовую, столовая — в Юлиной, там же спят мальчики»[51]. Иван Павлович Ладыжников, работавший и живший с семьей в Берлине, в 1922–1924 годах занимался подготовкой к печати собраний сочинений Горького. Когда он приехал в Москву, Екатерина Павловна по просьбе Алексея Максимовича выделила ему комнату. А мальчики, их было два — Лева и Павел, поступали в московские высшие учебные заведения. Лева, сын К. Г. Гогуа и крестник Авеля Енукидзе[52], «никуда не поступил, несмотря на старания Авеля. <...> Павлуша не принят в университет, пытаются разыскать Анат<олия> Вас<ильевича> <Луначарского>, но его нет в городе»[53]. Павел[54], наверное, как и Лева, был сыном политзаключенного. (Екатерина Павловна писала Николаеву, что Павлуша решил уехать в Ярославль, что в университет он не принят, а от работы в «Книге» отказался.) Что могла сделать Екатерина Павловна для этих мальчиков? Только предоставить кров, изменить отношение советских властей к анкетным данным она не могла.

---

[50] Письмо Ю. Н. Кольберг Калистрату Гогуа от 20 сентября 1923 г. / Червакова И. Песочные часы // Дружба народов. 1997. № 4. С. 98.

[51] АГ. ФЕП-рл 8–15–136. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Сухуми, 22 сентября 1923 г.

[52] Енукидзе Авель Сафронович (1877–1937) — политический и государственный деятель, большевик. Член РСДРП с 1898 г. В 1922–1935 гг. — секретарь Президиума ЦИК СССР, в 1924–1934 гг. — член ЦКК, в 1934–1935 гг. — член ЦК ВКП(б). Он был первым Председателем Исполкома СОКК и КП СССР в течение 10 лет (с 23 сентября 1925 г. по 11 сентября 1935 г.). В 1935 г. он был обвинен в моральном и бытовом разложении, причастности к «кремлевскому заговору» и исключен из партии. В феврале 1937 г. арестован, приговорен к ВМН и расстрелян.

[53] АГ. ФЕП-рл 8–15–136. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Сухуми, 22 сентября 1923 г.

[54] Лицо установить не удалось.

Ирина Гогуа вспоминала: «Когда я жила у Екатерины Павловны, меня всегда поражало! Помню, у нее тогда был мотоцикл Харлей-Дэвисон, шофер Курылев[55]. Мне казалось, когда-нибудь она прямо на кухню ворвется на этом мотоцикле. Сбрасывала пальто, бросалась к кастрюлям, все шипело, падало… Я не могла понять, как это она, только что из Креста, где плакали, мучались люди, — к этим чертовым кастрюлям. Я их и по сей день ненавижу!.. А она разряжалась, и это ее спасало, как я теперь понимаю»[56].

В 1923 году в системе мест заключения произошли изменения, в результате которых все места заключения противников советской власти (политических заключенных) оказались в ведении ОГПУ[57] и стали неподвластны никакому, даже незначительному, контролю со стороны других властных структур. ПОМПОЛИТ остался единственным учреждением, имеющим какую-то возможность протестовать против условий, в которых карательные органы содержали осужденных по политическим статьям. В июле 1923 года северные лагеря (Архангельск, Пертоминск, Холмогоры) были переведены на Соловецкие острова, и на их базе был организован Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения (СЛОН) ОГПУ[58]. Осенью ПОМПОЛИТ отправил на Соловки продовольствие, лекарства, литературу, письма. Екатерина Павловна предполагала, что она будет сопровождать посланный груз, но тяготы этой миссии взяли на себя родные высланных. В октябре передача ПОМПОЛИТа была доставлена на Соловки. А 19 декабря на Соловках произошли трагические события, явившиеся только

---

[55] Куралов Александр Иванович работал шофером в Бюро Польского Красного Креста со 2 июня 1921 г. до 1 января 1938 г. Осенью 1924 г. Польский Красный Крест предоставил в распоряжение Бюро автомобиль, заменивший мотоцикл.

[56] Червакова И. Песочные часы // Дружба народов. 1997. № 4. С. 100.

[57] 6 июля 1923 г., через полгода после образования СССР, ГПУ союзных республик были изъяты из ведения республиканских НКВД и слиты в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), подчиненное непосредственно СНК СССР. Все места заключения ГПУ РСФСР были переданы в ведение ОГПУ.

[58] Управление Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения (УСЛОН или СЛОН) ОГПУ было организовано на основании постановления СНК от 13 октября 1923 г.

началом того беззакония и произвола, который захлестнул Советский Союз. (Екатерина Павловна, даже если бы она поехала на Соловки и ей удалось бы пообщаться с заключенными, вряд ли сумела бы предотвратить происшедшее.)

19 декабря в Савватьевском скиту, в котором разместились меньшевики, эсеры и анархисты, привезенные на Соловки, охрана начала стрелять в заключенных, вышедших на вечернюю прогулку, — тех, кто отказался соблюдать новое требование коменданта, ограничивающее время выхода из корпусов, в результате — погибло шесть человек (все они были эсерами). Подробно происшедшая трагедия и события, предшествующие ей, описаны в книге Н. Б. Богдановой «Мой отец — меньшевик»[59].

---

[59] «Из Пертоминска на Соловки 1 июля 1923 г. было переведено около двухсот человек. Всех поместили в Савватьевском скиту в четырнадцати километрах от Кремля в глубине Большого Соловецкого острова. Расселились по фракциям: меньшевики и эсеры заняли большой двухэтажный кирпичный дом, анархисты и левые эсеры — деревянный двухэтажный флигель напротив. Между этими строениями — основная территория для прогулок, размером примерно триста на сто метров с деревьями. <...> Администрация, соблюдая на первых порах традиции царских тюрем в отношении политзаключенных, была вхожа на территорию лагеря только во время проверок, все остальное общение шло через старост, избираемых на фракционных собраниях. Заключенные образовали коммуны и подчинялись ими же выбранному режиму самоуправления и самообслуживания. Они сами готовили пищу из продуктов, привозимых из Кремля, с добавлением того, что посылал <Политический> Красный Крест и родственники, сами убирали, топили и прочее. В полуподвале главного корпуса оборудовали кухню, прачечную, мастерские, в церкви — клуб. За пищей насущной не забывалась и пища духовная: изучались языки, штудировалась история, политэкономия, социология, работали кружки различного профиля, читались лекции, устраивались диспуты. Библиотека, укомплектованная в основном книгами, присылаемыми <Политическим> Красным Крестом, содержала много классической и современной литературы. В переплеты некоторых присылаемых книг монтировался перепечатанный на папиросной бумаге “Социалистический Вестник”, с жадностью читавшийся заключенными. Выпускались заменявшие газету еженедельные фракционные журналы, и кроме них — художественный общественно-политический журнал “Сполохи” со стихами, рассказами, статьями политического содержания. <...> Проводились шахматные турниры. Иногда в клубе устраивались шахматные вечера, театрализованные представления. Влюблялись, женились, разводились. Жили. На маленьком островке относительной свободы и чело-

Политзаключенные, перевезенные на Соловки, не так давно бывшие заключенными царских тюрем, установили в Саввать-евском скиту такой же режим, который существовал для политзаключенных в царских тюрьмах (они имели свое самоуправление и общались с администрацией через старост). Администрация на первых порах правила этого режима соблюдала, в соответствии с этими правилами действия охраны были неправомерны, и политзаключенные потребовали расследования происшедшего. «Сразу же, 20 декабря 1923 г<ода> подробное письмо было направлено в адрес заграничного центра РСДРП в Берлине. С открытием навигации письмо за подписью 233 социалистов было послано в адрес II Интернационала в Лондоне и

веческого достоинства, посреди океана ужасов остальных заключенных Соловецкого архипелага — "уголовников", с каторжным трудом, голодом, издевательствами, изощренными пытками, расстрелами. <...> Многие заключенные, совершенно необоснованно причисляемые к уголовникам, добивались статуса политзаключенных. <...> В эти годы было выгодно состоять в партии, даже небольшевистской! <...> Весь внутренний распорядок жизни заключенных был направлен на то, чтобы не потерять свое лицо, достоинство и здоровье. <...> Поэтому основная забота политзаключенных <...> заключалась в борьбе за режим, за соблюдение <...> законов о статусе политзаключенных. <...> Ужесточение режима началось с требования коменданта об ограничении времени выхода из корпусов — с девяти утра до шести вечера, а не круглосуточно, как до этого. Предупреждение было сделано 16 декабря. Старосты заявили протест, считая такое требование посягательством на оговоренную самостоятельность внутри зоны. В последующие дни все сохранялось, режим прогулок не менялся. А 19 декабря старостам был вручен приказ для объявления "на поверке для сообщения и согласования с политзаключенными". Поскольку вечерняя поверка происходила в восемь часов вечера, эсеры и анархисты решили гулять в этот день, как прежде, а "осторожные" меньшевики — воздержаться. <...> В тот страшный день погибли эсеры Г. Т. Кочаровский 33-х лет и его жена Е. И. Котова 23-х лет, Н. А. Бауэр 30-ти лет (жена М. С. Цейтлина), Г. А. Билима-Пастернак 26-ти лет, М. Н. Горелик 26-ти лет. Через четыре дня их хоронили всем скитом, без охраны, под пение "Вы жертвою пали…" <...> Через неделю в эту же могилу опустили гроб с телом умершего от заражения крови в больнице Соловецкого Кремля эсера В. И. Попова. Двое были ранены (один из них — анархист), но оправились» (Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик / Научно-информационный центр «Мемориал». СПб., 1994. С. 99–105).

Международной федерации профсоюзов в Амстердаме. Эти письма, так же, как и письма частных лиц за границу, дошли до адресатов, поднялся шум в социалистической печати с требованием международного расследования события. В Москву во ВЦИК тоже сразу была отправлена телеграмма. <...> ВЦИК предложил политзаключенным направить своих представителей для дачи свидетельских показаний комиссии ВЦИКа, ЦКК и Наркомюста. Заключенные ответили отказом и потребовали включения в комиссию представителей Социнтерна, Международной федерации профсоюзов и Политического Красного Креста. Такая комиссия, естественно, не была создана и объективное расследование не состоялось»[60]. Режим заключения политзаключенных со временем менялся, постоянно ужесточаясь, и ПОМПОЛИТ, заменивший Политический Красный Крест (а реально — Екатерина Павловна), был бессилен его изменить.

Осенью 1923 года Екатерина Павловна пережила большую утрату: умер Александр Николаевич Алексин. Он скончался 16 ноября во время обхода больных. Алексей Максимович писал Зиновию Пешкову: «16 ноября в Москве спокойно помер доктор Алексин, милый и дорогой мне человек. Ты знаешь, как он был хорош и как близок мне. Но смерть его мало огорчила меня, — последние годы ему жилось крайне тяжело»[61]. Алексей Максимович делился с Зиновием: «Чувствую я себя плохо и морально, и физически. Здоровье — быстро уходит. Вероятно, скоро начну умирать. Это меня не печалит, я прожил жизни три и ничего не имею против того, чтобы переменить профессию жителя обезумевшей и все более звереющей земли на какое-то более приличное и менее утомительное дело»[62].

---

[60] Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик / Научно-информационный центр «Мемориал». СПб., 1994. С. 105.

[61] Горький — З. А. Пешкову, 15 декабря 1923, Мариенбад // Горький и его корреспонденты. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 301.

[62] Там же. С. 300–301.

СМЕРТЬ В. И. ЛЕНИНА. ПЕРЕЕЗД А. М. ГОРЬКОГО С СЕМЬЕЙ В ИТАЛИЮ. В СОРРЕНТО. В БЮРО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛЬСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА. ОБМЕНЫ. РОЖДЕНИЕ ВНУЧКИ. НЕПРИЯТНОСТИ НА ВИЛЛЕ IL SORRITO. ПОМПОЛИТ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПОМОЩЬ. 1924–1925 гг.

21 января 1924 года умер В. И. Ленин. В политической жизни страны он не участвовал почти год (с 9 марта 1923 года, после третьего приступа болезни), но его смерть была воспринята его товарищами по партии, старыми революционерами и просто современниками как важная веха в их жизни.

«Умер Ленин, уходят старые революционеры, умирает наше прошлое. И все мы, люди этого прошлого, невольно спрашиваем себя: за кем же черед?»[63] — писала Ю. Н. Кольберг своему мужу, заключенному в Суздальский политизолятор.

Екатерина Павловна послала Алексею Максимовичу телеграмму, в которой сообщала о смерти Ленина и спрашивала, какую надпись сделать на венке. «На венке напиши: прощай, друг Алексей»[64], — ответил Алексей Максимович. Прощание с Лениным

---

[63] Ю. Н. Кольберг — К. Г. Гогуа. Москва — Суздальский политизолятор, 23 января 1924 г. / Червакова И. Песочные часы // Дружба народов. 1997. № 4. С. 99.

Старые революционеры чувствовали, что после ухода Ленина в партии и во власти неизбежны перемены. В цитируемом письме Ю. Н. Кольберг к мужу были такие строки: «Ленин недолго пережил Юлия Осиповича <Мартова>, с которым так тесно спаяны были первые шаги и этапы соц<иал>-дем<ократического> раб<очего> движения России. Говорят, он сильно реагировал на смерть Ю<лия> О<сиповича>, о которой узнал поздно и случайно. <...> Когда я узнала о смерти Ленина, невольно подумала, что старику <С. Я. Аллилуеву> очень тяжко будет. Надя у нас, конечно, так и не была, а ее супруг (И. В. Сталин) не удосуживается меня выслушать. Теперь-то уж и подавно!» За несколько дней до последнего приступа болезни Ленин поручил Троцкому защитить грузинских коммунистов от обвинений ЦК (в частности, со стороны Сталина и Дзержинского). После смерти Ленина не оставалось надежды на благоприятное решение судьбы заключенных грузин.

[64] АГ. Т. IX. С 232. Из Мариенбада в Москву, 23 января 1924 г.

проходило в Колонном зале. Среди венков, возложенных на его гроб, был венок из живых цветов с надписью «Прощай, друг! М. Горький»[65].

Вл. Ходасевич[66], живший в то время у Горького в Мариенбаде, так рассказывает об этой телеграмме Екатерины Павловны: «Жизнь в опустелом зимнем Мариенбаде была до крайности однообразна: днем работа, прогулка, вечером долгое чаепитие, раза два — общий выезд в синематограф, вот и все. Однажды за ужином подали телеграмму от Екатерины Павловны Пешковой. Максим распечатал ее и прочел вслух: "Владимир Ильич скончался, телеграфируй текст надписи на венке". Мне показалась забавной такая забота о том, чтобы Алексей Максимович не забыл принять участие в официальной скорби. Я взглянул на него. Он с минуту сидел молча, с очень серьезным, даже вроде как злым лицом, потом встал и вышел из комнаты»[67]. (Наверное, у Екатерины Павловны и тем более у Алексея Максимовича, и, скорее всего, у Максима, отношение к смерти Ленина, с которым была связана какая-то часть их жизни, было другим, чем у талантливейшего поэта и писателя Вл. Ходасевича, человека несоциального и необщественного. Во всяком случае, «забота» о долге памяти, по-видимому, не казалась им «забавной».)

---

[65] Г-30. Т. 29. С. 420.

[66] Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) — писатель, поэт, критик, мемуарист. В первые послереволюционные годы заведовал московским отделением основанного Горьким издательства «Всемирная литература». В начале 1921 г. переехал в Петроград, где познакомился с начинающей поэтессой Н. Берберовой. В июне 1922 г. вместе с ней уехал в Ригу по командировке от Наркомпроса. Был активным сотрудником журнала «Беседы», задуманного Горьким как издание, стоящее над политикой, задачей которого было восстановление единства русской культуры, расколотой революцией. Журнал «Беседы» был запрещен к ввозу в СССР и закрылся из-за отсутствия средств. В. Ф. Ходасевич жил вместе с семьей Горького в Берлине, Мариенбаде, Сорренто. 18 апреля 1925 г. уехал вместе с Берберовой из Сорренто в Париж, став эмигрантом. Печатался в газетах «Дни», «Последние новости», с 1927 г. возглавлял литературный отдел газеты «Возрождение». В разные годы писал мемуарные очерки о ярких людях Серебряного века, в частности о М. Горьком. Оставил книгу воспоминаний «Некрополь».

[67] Горький // Ходасевич В. Белый коридор. Омск: Книжное издательство, 1991. С. 351.

Далее Ходасевич рассказывает, как «чуть ли не на другой день Мара[68] его <Алексея Максимовича> засадила писать воспоминания о Ленине — были все основания рассчитывать, что их переведут на многие языки. Едва он их кончил, из Берлина, как будто случайно, приехал заведующий “Международной книгой” Крючков[69]. Алексею Максимовичу доказали, как дважды два, что буревестник революции обязан высказаться о великом вожде революции, т<о> е<сть> ради такого случая он должен нарушить зарок и разрешить печатание воспоминаний в России. Крючков увез с собой рукопись, которую в СССР подвергли жесточайшим цензурным урезкам и изменениям»[70].

11 февраля Алексей Максимович сообщил Екатерине Павловне: «Написал “Воспоминания об Ильиче”, они будут напечатаны в журнале Тихонова. Рукописи просят Шмит[71], Десницкий[72], но

---

[68] Мара — Мария Игнатьевна Будберг.

[69] Крючков Петр Петрович (1889–1938) — издательский работник, в начале 1920-х гг. уполномоченный советского торгпредства в Берлине по книгоиздательскому обществу «Книга». С 1922 г. секретарь Горького, занимался организацией изданий его произведений в СССР и за рубежом. С 1927 г. — сотрудник общества «Международная книга», откуда был переведен в Госиздат. В октябре 1937 г. арестован по делу «антисоветского правоцентристского блока», обвинялся в убийстве Горького. В марте 1938 г. расстрелян.

[70] Горький // Ходасевич В. Белый коридор. Омск: Книжное издательство, 1991. С. 351.

[71] Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) — советский ученый — математик, астроном, геофизик, государственный и общественный деятель, академик АН СССР. В 1921–1924 гг. заведовал Госиздатом.
«О. Ю. Шмидт, в то время заведующий Госиздатом, писал А. М. Горькому 26 января 1924 г.: “Вы были близки с Владимиром Ильичем и Вы, как никто другой, сумеете охватить его личность. Государственное издательство обращается к Вам, глубокоуважаемый Алексей Максимович, с просьбой написать в возможно скором времени воспоминания или очерк о Владимире Ильиче, размер и характер которого предоставляется Вашему усмотрению. Особенно желателен был бы большой очерк, включающий имеющиеся у Вас подлинные материалы. Этот очерк будет нами издан в самом спешном порядке отдельной книгой”». (АГ. Т. IX. С. 398).

[72] «В Архиве А. М. Горького хранится телеграмма В. А. Десницкого от 3 февраля 1924 г.: “Ленинградское отделение Госиздата предпринимает издание сборника воспоминаний Ленине участвую я, Войков и другие убедительно просим Вас дать свои воспоминания”» (АГ. Т. IX. С. 398).

после выходки Стеклова против меня[73] я не хочу, разумеется, сотрудничать в изданиях советских»[74]. Воспоминания Горького о Ленине под названием «Владимир Ленин» были напечатаны со значительными купюрами в журнале «Русский современник» (№ 1, 1924 г.), а в иностранных изданиях, в которые Мария Игнатьевна передала рукопись, они переводились и печатались по первоначальному варианту.

В Советской России Ленин после смерти немедленно сделался объектом культа, его образ был окружен ореолом непогрешимости и всенародной любви. Реакция эмигрантской прессы на его смерть была другой и вызвала у Алексея Максимовича самые негативные чувства: «До смерти Ленина я, — несмотря на всю мерзость и бездарность эмигрантской прессы, — все-таки еще питал к эмиграции, в общей ее массе, чувство некоего сожаления, сострадания и т. д. Отношение эмиграции к смерти Ленина, — отношение, полное гнилой, болезненно бешеной злобы, — вылечило меня от этих чувств совершенно. Мне кажется, что я не переживал даже в 907–10 годах дней, до такой степени отвратительных, каковы текущие дни, полные злого, звериного ликования. <...> <С. Ф. Оль-

---

[73] В газете «Известия», редактором которой был Ю. М. Стеклов, печаталась информация о судебном процессе против работников Государственного универсального магазина в Москве, обвиняемых в хищениях («Дело ГУМа»). «В информации о судебном процессе ГУМа, опубликованной в газете “Известия”, в сенсационной форме сообщалось о “знакомстве” Шатиля <одного из обвиняемых> с А. М. Горьким. 25 апреля 1924 г. редакция газеты “Известия” поместила следующую заметку: “В судебном отчете о деле ГУМа ("Известия", 1923, № 290, 19 декабря) приведены показания обвиняемого Шатиля, в коих содержатся инсинуации по адресу А. М. Горького. Мы сожалеем о том, что вследствие приведения этих обидных для А. М. Горького показаний гр. Шатиля могло создаться впечатление, не желательное ни для А. М. Горького, ни для редакции "Известий"». (АГ. Т. IX. С. 397).

Стеклов Юрий Михайлович (1873–1941) — журналист и историк; в 1917 г. некоторое время сотрудничал в «Новой жизни». В 1917–1925 гг. — редактор «Известий». Автор многих исторических работ, монографий. Репрессирован в феврале 1938 г. Умер в заключении.

[74] АГ. Т. IX. С. 233. Из Мариенбада в Москву, 11 февраля 1924 г.

денбурга[75]> здесь изображают как “услужающего” большевикам. Это — его! Человека почти святого. <...>»[76].

Разделяла ли Екатерина Павловна чувства Алексея Максимовича по отношению к эмигрантской прессе и эмиграции, не известно, ее же отношение к Советской России к этому времени вполне определилось. В отличие от Алексея Максимовича она ее приняла. Так же как и многие ее друзья (включая А. Н. Баха — бывшего народника и будущего советского академика), как и ее ближайший помощник по работе М. Л. Винавер, она полагала, что большевистская власть постепенно переродится. «…из периода разрухи и разрушения — Россия перешла к периоду созидания, творчества. И если власть <...> так преследует социалистов и часть интеллигенции, то потому, что отлично понимает, что те экономические уступки, которые ее жизнь заставила и заставляет делать — неминуемо влекут за собою и политические уступки, что с-р и с<оциал>-д<емократы> — это ее ближайшие конкуренты, что народившаяся буржуазия еще слишком хамская, чтобы из своей среды выдвинуть идеологов, но что уже старая культурная буржуазия начинает возвращаться, что, по мнению властей, необходимо удалить, хотя бы за границу, идеологов ее. Вот этот до паники доходящий страх власти перед неминуемыми уступками лучше всего доказывает, что эти уступки уже в сознании ее, что она хочет отдалить момент уступок»[77] — так в феврале 1923 года объяснял М. Л. Винавер Е. Д. Кусковой позицию большевистских властей. В апреле 1925 года он по-прежнему полагал, что диктаторская поли-

---

[75] Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — академик, выдающийся востоковед, общественный деятель, в 1904–1929 гг. — непременный секретарь Академии наук. Входил в Президиум Петроградского «Комитета помощи голодающим».

26 января 1924 г. на II Съезде Советов СССР С. Ф. Ольденбург произнес речь, вызвавшую возмущение эмиграции. «А. М. Горький писал С. Ф. Ольденбургу 12 февраля 1924 г. <...>: “За Вашу речь по поводу смерти В<ладимира> Ильича Вас здесь зачислили в "услужающие" Советской власти. Пресса эмигрантов окончательно впадает в идиотизм”». (АГ. Т. IX. С. 398).

[76] АГ. Т. IX. С. 232. Из Мариенбада в Москву, 11 февраля 1924 г.

[77] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 20–22. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Берлин, 12 февраля 1923 г.

тика советской власти постепенно меняется: «Ваша основная ошибка в предпосылке, что все по-прежнему. По-моему, вы, за границей сидящие, теряете ориентировку; видите только одну сторону медали, скажем, административный произвол и т. д., а не видите другой стороны, например, решение национальных вопросов <...>; не видите подхода к крестьянству, уже даже не по с-ровской программе, а близкого к подходу народников (во всяком случае, стремление к такому подходу); ведь эти сельские и волостные советы со ставкой на беспартийного мужика, бедняка и середняка — это, по существу, сельские и волостные земства. <...> все меняется — и на почве изменяющейся экономики медленно изменяется и политика. Характерна, между прочим, ставка не только на крестьянина, но и на учителя, агронома, провинциального врача, расширение выборных прав и на неслужащую профессион<альную> интеллигенцию и т. д. Правда!»[78]

Екатерина Павловна, так же как и ее помощник М. Л. Винавер, принадлежала к той части российской интеллигенции, которая, непосредственно ощущая, как в стране начинает налаживаться жизнь, разрушенная войной и революцией, верила, что за экономическими изменениями последуют политические.

Жизнь в тихом и «сытом» Мариенбаде не привлекала Алексея Максимовича. («Здесь — тихо и пусто, как в деревне. Даже собаки не лают и петухи не поют. Страшно аккуратная и очень сытая жизнь. Непривычно и — представь! — неприятно»[79]. «Удивительно глупый город, в нем нет ничего, кроме гостиниц, а в гостиницах — бездельники всех стран. Шаркают по снегу лыжами, катаются на салазках, на коньках и — едят. Очень много едят»[80].). Он и его домочадцы надеялись получить разрешение на въезд в Италию, но не были уверены в том, что им это удастся. («Ждем виз в Италию, но не верю я, что дадут. Особенно теперь, когда появятся мои воспоминания о Ленине и, м<ожет> б<ыть>, моя статья об эмигрантской печати»[81].) Однако визы они получили и в начале

[78] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 5–8. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 3 апреля 1925 г.

[79] АГ. Т. IX. С. 232. Из Мариенбада в Москву, 15 января 1924 г.

[80] АГ. Т. IX. С. 233. Из Мариенбада в Москву, 11 февраля 1924 г.

[81] АГ. Т. IX. С. 234. Из Мариенбада в Москву, 27 февраля 1924 г.

апреля 1924 года переехали из Чехословакии в Италию («В четверг — 3-го апр<еля> — едем в Прагу, а оттуда — в Неаполь, остановимся, вероятно, в “Ройаль”, впрочем, сейчас же по приезде сообщу тебе адрес, чтоб ты знала, куда ехать. Все — рады, особенно Тимофей и Максим; едем вчетвером. М<ария> И<гнатьевна> уезжает в Эстонию к детям, месяца на полтора»[82].)

Местом жительства они выбрали Сорренто (визу в Италию Алексей Максимович получил с условием, что жить на Капри он не будет). Заботы об устройстве дома легли на Максима. Вилла (Villa Massa), которую Максим снял вначале, сдавалась только до ноября, и осенью им пришлось переехать на другую виллу (Villa Il Sorrito), в которой они прожили вплоть до возвращения в Россию в 1933 году. Вот как описывает Вл. Ходасевич виллу Il Sorrito и жизнь ее обитателей во время своего пребывания там (с октября 1924 года по 18 апреля 1925 года):

«…вилла была снята не только при моем участии, но даже по моему настоянию. <...> Находилась она не в самом Сорренто, а в полутора километрах от него, на Соррентинском мысу, Capo di Sorrento. Нарядная с виду и красиво расположенная, с чудесным видом на весь залив, на Неаполь, Везувий, Кастелла-маре, внутри она имела важные недостатки: в ней было очень мало мебели, и она была холодна. Мы переехали в нее 16 ноября и жестоко мерзли всю зиму, топя немногочисленные камины сырыми оливковыми ветвями. Ее достоинством была дешевизна: сняли ее за 60 000 лир в год, что равнялось тогда пяти тысячам франков. В верхнем ее этаже были столовая, комната Горького (спальня и кабинет вместе), комната его секретарши бар<онессы> М. И. Будберг, комната Н. Н. Берберовой, моя комната и еще одна, маленькая, для приезжих. Внизу, по бокам небольшого холла, были еще две комнаты: одну из них занимали Максим и его жена, а другую — И. Н. Ракицкий, художник, болезненный и необыкновенно милый человек: еще в Петербурге, в 1918 году, во время солдатчины, он зашел к Горькому обогреться, потому что был болен, и как-то случайно остался в доме на долгие годы. К этому основному населению надо добавить мою племянницу[83], прожившую на “Sorito” весь январь, а потом время от времени

[82] АГ. Т. IX. С. 236. Из Мариенбада в Москву, 29 марта 1924 г.

[83] Ходасевич Валентина Михайловна.

приезжавшую из Рима, а также Е. П. Пешкову, первую жену Горького, которая приезжала из Москвы недели на две. <...>

Когда становилось уж очень скучно, примерно раз в месяц, Максим покупал две бутылки Асти, бутылку мандаринного ликера, конфет — и вечером звал всех к себе. Танцевали под граммофон, Максим паясничал, ставили шарады, потом пели хором.

<...> Впрочем, мирное течение жизни разнообразилось каждую субботу. С утра посылали в отель "Минерва" — заказать семь ванн, и часов с трех до ужина происходило поочередное хождение через дорогу — туда и обратно — с халатами, полотенцами и мочалками. За ужином все поздравляли друг друга с легким паром, ели суп с пельменями, изготовленный нашими дамами.

<...> Приехав в Париж <в апреле 1925 года>, я узнал, что Горький живет на Капри и проводит время чуть ли не в оргиях»[84].

С тех пор, как Алексей Максимович с семьей поселился в Сорренто, Екатерина Павловна гостила у них, как правило, два раза в год. После Варшавы, куда она приезжала по делам Польского Красного Креста, она не сразу возвращалась в Москву, а отдыхала у «своих» и на обратном пути вновь заезжала в Варшаву.

В 1924 году Екатерина Павловна отдыхала в Италии летом (июнь — начало июля) и поздней осенью (с конца ноября до середины декабря). Когда она приехала летом, ее встречали: в Милане — синьора Mascardi, дома у которой она провела несколько часов, а в Неаполе — Максим и Надя. Они повезли ее в Сорренто, где сняли виллу Massa («…домище! 14 комнат. На обрыве, над морем. Очень хорошо»[85]). «Какое счастье увидеть море. <...> Здорово износилась я за этот год»[86], — писала она М. К. Николаеву. Вставала она около 7 часов утра, читала итальянские газеты, в 8 часов 30 минут выходил Алексей Максимович, они вместе пили кофе, позже вставали остальные. Иногда Екатерина Павловна и Мария Игнатьевна, вернувшаяся из Эстонии, вместе поднимались на крышу виллы, Мария Игнатьевна переводила, Екатерина Павловна читала или шила. Съездили на Капри, Екатерина Павловна

---

[84] Ходасевич В. Ф. Перед зеркалом. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 234–238.

[85] АГ. Т. IX. С. 236. Из Сорренто в Москву, 5 мая 1924 г.

[86] АГ. ФЕП-рл 8–15–142. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 5–9 июня 1924 г.

взяла на себя роль гида (ей казалось, что Капри — самое красивое место, которое она когда-либо видела). Ей было хорошо: море, сад, цветы, тепло, но при этом она чувствовала себя едва ли не виноватой перед оставшимися в России, она писала, что ей «совестно немножко красоты, в которой живу»[87]. О ПОМПОЛИТе она не забывала и открытку В. Н. Фигнер написала на адрес ПОМПОЛИТа:

«S-ra V. Figner. Mosca. Кузнецкий М. 16 кв. 7.

24/VI. Привет Вам, дорогая Вера Николаевна, и тем, кто не забывает Кузнецкий. Третью неделю живу в чудесном Sorrento. У наших очень удачная villa, в саду над морем. Кажется, оч<ень> поправилась, тело обожгло солнцем. Не могу только изгнать стремительное состояние. Утром тороплюсь встать, тороплюсь пить кофе, тороплюсь идти купаться и с купанья и т. д. Вообще, наш темп жизни не могу перевести на здешний. 30/VI двигаюсь в обратный путь, но т. к. опять задержусь в Варшаве, то приеду 13/VII. Целую Вас. Ек<атерина> П<ешкова>»[88].

Уезжая из Сорренто, Екатерина Павловна побывала не только в Риме, где получала визы, но заехала в Болонью и в любимую Флоренцию, а затем через Берлин и Варшаву вернулась в Москву.

Когда Екатерина Павловна приехала в Варшаву осенью 1924 года, в отеле ее ждала телеграмма от Максима с новым адресом (Villa Sorrito, Capo di Sorrento, Naples). Телеграммы в Россию все еще не принимались, но европейская жизнь, разрушенная войной, постепенно налаживалась, снова действовал спальный поезд, шедший из Варшавы до итальянской границы через Берлин и Мюнхен, и Екатерина Павловна воспользовалась им. В Берлине ее встречал Р. Г. Фридлендер[89]: «Огромная коробка шоколадных конфет, что

---

[87] АГ. ФЕП-рл 8–15–145. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 16–22 июня 1924 г.

[88] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. № 652. Л. 1.

[89] Рафаил Григорьевич Фридлендер (Фриедлендер) — инженер-технолог, в 1910–1927 гг. — владелец лакокрасочной фабрики в Москве. Был членом МПКК, членом его финансовой комиссии и уполномоченным по тюрьмам, позже оказывал материальное содействие ПОМПОЛИТу. В связи с работой фабрики часто находился за границей. В 1927 г. его фабрика была национализирована (после национализации называлась «Красный художник», в настоящее время известна как компания «ГАММА»), он эмигрировал, жил в Берлине.

привез на вокзал Раф<аил> Григ<орьевич>, в целости доедет к Наде. Похвастаемся, какие конфеты ф<абри>ка “Красный Октябрь”[90] производит»[91]. В Сорренто тоже произошли перемены: теперь вместе с семьей Алексея Максимовича жили Вл. Ходасевич и Н. Берберова[92]. Атмосфера на вилле Il Sorrito Екатерину Павловну огорчила: «Здесь не совсем хорошо, еще не пойму, в чем именно. Быть может, ты прав в характеристике некоего лица, не знаю, но атмосфера здесь будто иная, чем было весной. <...> А все данные, чтобы всем хорошо и приятно жилось. Такая красота кругом»[93]. Огорчилась она и за Алексея Максимовича: «Смотрю на него, и, знаешь, за что-то жаль его. <...> Вот теперь, видимо, во всех отношениях удобно и удачно живет… и все же чего-то нет. <...> А вполне в свое удовольствие пожить уж он-то заслужил»[94]. (Глубокое уважение к Алексею Максимовичу, к его литературному труду, к его общественной деятельности, желание, чтобы ему жилось удобно и комфортно, Екатерина Павловна сохраняла всю жизнь.) Но больше всего она, как всегда, огорчилась из-за положения Максима: «Максим не может оставить Ал<ексея> М<аксимовича>, хотя и мечтает участвовать в русской жизни»[95]. Когда она и Максим заговорили с Алексеем Максимовичем о хотя бы временной поездке Максима в Москву, Алексей Максимович «расстроился и рассердился». Екатерина Павловна собиралась быть в Москве

---

[90] Кондитерская фабрика «Красный Октябрь», до революции — «Эйнемъ», была национализирована в 1918 г., после национализации называлась «Государственная кондитерская фабрика № 1, бывшая Эйнемъ», а в 1922 г. в честь пятилетия Октябрьской революции была переименована в «Красный Октябрь».

[91] АГ. ФЕП-рл 8–15–165. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Берлина в Москву, 19 ноября 1924 г.

[92] Берберова Нина Николаевна (1901–1993) — русская писательница, автор документально-биографических исследований. В главном ее произведении автобиографической книге «Курсив мой» (1969 — на английском языке, 1972 — на русском) рассказывается, в частности, о ее жизни в доме Горького, книга «Железная женщина» (1981) — о М. И. Будберг.

[93] Там же. 8–15–170. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 26 ноября 1924 г.

[94] Там же. 8–15–173. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 30 ноября 1924 г.

[95] Там же. 8–15–176. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 5 декабря 1924 г.

21 декабря, а ей еще предстояла работа в Варшаве, и 10 декабря она выехала из Сорренто в Рим за визами (Германия — Польша — СССР), но, получив их, она не сразу покинула Италию, а на день задержалась во Флоренции. («Уж очень хорош этот город. Ни один не действует так умиротворяюще»[96].) В связи с этой задержкой ей пришлось сократить на один день время, отведенное на работу в Варшаве. В Москву она вернулась, как и намечала, в воскресенье 21 декабря 1924 года.

Поездки Екатерины Павловны в Варшаву были связаны с одним из важных и сложных дел уполномоченных обоих Крестов (Польского и Российского): проведением обменов — массовых и персональных. Обмены военнопленными были массовыми и проводились эшелонами «по головам». На персональные обмены шли польские и российские подданные, заключенные, соответственно, в российских и польских тюрьмах (то есть в тюрьмах государства, подданными которого они не являлись). В соответствии с договором персональные обмены проводились два раза в год по спискам, заранее составленным и согласованным с органами, проводились они на границе. Списки каждого обмена готовились долго, тщательно рассматривались обеими сторонами, многократно уточнялись и изменялись. Попасть в такой список было жизненно важно для тех, кто был приговорен к ВМН, так как в этом случае исполнение смертного приговора откладывалось. Особое место в списках на обмен занимали католические священники. Уезжая по персональному обмену, они могли взять с собой двух-трех человек. (Обычно это были старушки: мать, тетка, экономка.) В декабре 1923 года мандаты уполномоченных — Семполовской и Пешковой — были аннулированы. Для урегулирования вопроса персональных обменов (а в них были заинтересованы обе стороны) Семполовская в конце марта 1924 года приехала в Москву. Вскоре (11 апреля) из Варшавы официально сообщили, что ее мандат восстановлен. Очередной персональный обмен был проведен 28 апреля (в Польшу уехало 117 человек).

Хлопоты по обмену требовали длительных переговоров с целым рядом инстанций и, главное, с карательными органами. Неко-

[96] Там же. 8–15–179. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Флоренции в Москву, 12 декабря 1924 г.

торое представление о том, что могла сделать Екатерина Павловна, чтобы их ускорить (благодаря своим добрым отношениям с Дзержинским), дает следующее письмо:

«Варшава. 30/V–24<года>

Феликс Эдмундович.

Говорили мы тут с р<ani> Stefani'ей. У нее есть люди, которых необходимо вызволять из тюрем. Среди моих подопечных ряд лиц не попадает в обмен группы, посылаемой дополнительно к только что обмененным (со стор<оны> Польши осталось 14 ч<еловек>, со стор<оны> Росс<ии> 40 с чем-то). Семполовская в бытность свою в Москве оставила списки лиц, кот<орых> она предлагала взять отсюда. После она добавила неск<олько> человек, найденных при объездах тюрем.

Было бы оч<ень> хорошо, чтоб вместо дополнительной отправки (14 и 40 с чем-то) обе стороны послали по увеличенному списку (60 чел<овек> отсюда и соответственное количество от нас). Это ликвидировало бы обмен данного времени. Ну, что людям зря сидеть тут и у нас.

К<а>к видите, я все еще во власти "дел", хотя уже неделя, к<а>к уехала из Москвы. Будьте здоровы. Ек<атерина> Пешкова»[97].

В июне 1924 года Екатерине Павловне оформили удостоверение, позволяющее навещать польских заключенных (оно было выписано на два месяца позже, чем мандат, полученный пани Семполовской).

О том, как проходила работа Бюро во второй половине 1924 года, Екатерина Павловна писала в отчете: «...работа Бюро Польского Красного Креста заключалась, как и раньше, в обслуживании польских граждан, содержащихся в местах заключения, справках и запросах о польских гражданах, розыскиваемых родными, хлопотами об обмене и, в самое последнее время — в объездах некоторых провинциальных мест заключения. <...> Объезды <...> мест заключения, о которых имелись крайне скудные сведения — давно входили в план работы Бюро, но не могли быть осуществлены сначала за неимением денег, а затем выезды из Москвы задерживались хлопотами, сопряженными с обменом. Когда пред-

[97] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 87. Л. 2–2 об.

ставилась возможность — мною были обследованы места заключения Смоленска, Витебска, Могилева и Минска»[98]. 11 октября она вернулась в Москву из очередной поездки в Ярославль (две ночи в нетопленом вагоне, когда за окном была температура 4 градуса ниже нуля), а 14 октября выехала в Смоленск. Объезд намеченных мест заключения занял у нее неделю, и в середине ноября 1924 года она отправилась в Варшаву с отчетом о работе Бюро за май — октябрь 1924 года. Пребывание в Варшаве оказалось удачным (что бывало не всегда): за несколько дней ей удалось справиться со всеми намеченными делами.

В январе 1925 года она «совершила поездку в Ленинград, где <было> найдено 20 человек», в феврале — объехала места заключения Украины[99], побывав в Харькове, Киеве, Житомире, Виннице, Бердичеве и Одессе. Поездка на Украину не была легкой: стояла зима, а холод Екатерина Павловна переносила тяжело («Не отдохнешь, не отогреешься на солнышке, как переживешь зиму»[100]), поезда ходили плохо, с большими опозданиями, с отменами, так что много времени приходилось тратить на ожидания. Приехав в очередной город, она шла «в свое учреждение» — местное отделение ОГПУ, а затем — в тюрьмы. В Киеве («Какой очаровательный город. Вот бы здесь жить!»[101]) она встретилась с Верлиным (W. Wehrlin) — делегатом Международного Комитета Красного Креста в СССР [102]. В контакте с ним она продолжила розыск заключенных поляков, в связи с чем ей пришлось поехать в Одессу,

---

98 ГА РФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 279. С. 41–41 об.

99 Перед поездкой на Украину Екатерина Павловна получила удостоверение ОГПУ: «Удостоверение. Настоящее выдано Уполномоченному Польского Общества Красного Креста для СССР Пешковой Е. П. в том, что она отправляется на Украину для посещения мест, в коих находятся заключенные поляки. Переговоры с заключенными производятся в присутствии тюремной администрации. Зам. Пред. ОГПУ Ягода» (ГА РФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 248. Л. 13).

100 АГ. ФЕП-рл 8–15–204. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 26–27 сентября 1925 г.

101 Там же. 8–15–184. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Киева в Москву, 14 февраля 1925 г.

102 Делегация Международного комитета Красного Креста (Женева, Швейцария) в СССР располагалась по адресу: Москва, Ильинка (с 1935 года — улица Куйбышева), Верхние торговые ряды; 2-й этаж, № 126.

поездка в которую не входила в ранее намеченный ею план. (В последующие годы, вплоть до 1937-го, она будет контактировать с Верлиным по работе ПОМПОЛИТа — отвечать на запросы Международного Комитета Красного Креста, разыскивать по его просьбам людей, затерявшихся в России и чаще всего оказавшихся в заключении или ссылке, и стараться помочь им.)

К 1925 году процесс репатриации был в основном закончен.

За заслуги перед Польшей Екатерина Павловна была награждена знаком Польского Красного Креста.

Алексей Максимович ее поздравил, текст телеграммы был лаконичным: «Поздравляем. Пешков»[103]. (Спустя два года он пошутил: «После того как враждебные русскому народу буржуазные правительства стали вешать на тебя ордена…»[104])

В 1925 году Екатерина Павловна выбралась в Италию только в сентябре. Это было связано как с рабочими делами, так и с семейными обстоятельствами.

В июне Алексей Максимович писал ей: «Нехорошо, мать, что ты не можешь приехать сейчас, но очень хорошо будет, если приедешь к сентябрю, на месяц, недель на шесть. Это уж ты сделай обязательно, как там хочешь. Первые роды — не шутка, я хорошо помню, чего это стоило тебе. <...> Не думал я, мамаша, что доживу до чина дедушки, и сознаюсь, это мне приятно! Возвышает»[105]. «Мамаша и будущая бабушка» — так обращался к ней Алексей Максимович. Он писал ей: «Родит Тимоша во второй половине сент<ября>, так что ты не особенно торопись, но устрой дела твои прочнее, чтоб пожить с нами побольше»[106], и она торопилась закончить неотложные дела. В начале августа Екатерина Павловна поехала в Варшаву, хотя и не была здорова. 8 августа поляки отмечали 10-летие ухода русских войск из Польши, но Екатерина Павловна ни в каких праздничных мероприятиях не участвовала (что было политически грамотно): она приехала с больной ногой, не выходила из гостиницы и общалась по телефону. Кто-то дал в

---

[103] АГ. Т. IX. С. 243. Из Неаполя в Москву, 25 апреля 1925 г.
[104] АГ. Т. IX. С. 246. Из Сорренто в Москву, 27 ноября 1927 г.
[105] АГ. Т. IX. С. 244. Из Сорренто в Москву, 2 июня 1925 г.
[106] АГ. Т. IX. С. 246. Из Сорренто в Москву, 18 июля 1925 г.

газеты заметку с сообщением о ее прибытии, и телефон в ее номере звонил непрерывно. Однако в Варшаве не оказалось многих людей, нужных ей по работе, в том числе и пани Семполовской, уехавшей в Лондон «на тюремный» съезд (на который Екатерину Павловну тоже приглашали), и через неделю, не закончив необходимых дел, Екатерина Павловна вернулась в Москву.

В конце августа она начала поправляться. «Ек<атерина> Павл<овна> все еще возится со своей рукой, было что-то ужасное и только последние 2 дня лучше и температура нормальная. Я ведь писала тебе в открытке, что у Максима 17/VIII родилась дочь, кот<орую> назвали Марфой[107]. Там все хорошо. Ек<атерина> П<авловна> стремится к ним, но не сможет уехать на этой неделе из-за руки, а поедет только на будущей, в пятницу. <...> Ек<атерине> П<авловне> делают две перевязки в день: одну в лечебнице и по вечерам дома»[108], — сообщала Юлия Николаевна Кольберг своей дочери Ирине.

В начале сентября — все еще больная, с температурой — Екатерина Павловна приехала в Варшаву. Она созвонилась с госпиталем Польского Красного Креста, и ей была оказана помощь. На следующий день после ее приезда с самого утра к ней начали приходить люди с различными просьбами. («Те, кому я нужна, всегда знают, когда я приезжаю»[109].) Принимали ее в Варшаве тепло, как поляки («В Кресте все очень милы и внимательны»[110]), так и в советском полпредстве (она была приглашена на обед к П. Л. Войкову; в ее предыдущий приезд, в августе, жена Войкова принесла ей букет роз «изумительных тонов»). К огорчению Екатерины Павловны, пани Семполовской в городе опять не оказалось, хотя на этот раз она вскоре вернулась, вместе они закончили необходимые дела, и Екатерина Павловна уехала в Италию.

В Италию Екатерина Павловна приехала больная, с забинтованными руками (у нее был фурункулез). В Неаполе ее никто не

---

[107] Первая внучка Екатерины Павловны, Марфа Максимовна Пешкова, родилась 17 августа 1925 г.

[108] Ю. Н. Кольберг — Ирине Гогуа. Москва, 26 августа 1925 г. / Архив И. К. Гогуа // Архив Общества «Мемориал».

[109] АГ. ФЕП-рл 8–15–195. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 6 сентября 1925 г.

[110] Там же.

встретил (телеграмма, которую в Берлине должен был дать Крючков, запоздала). На вилле Il Sorrito «чужих» было немного: жена Ивана Егоровича Вольнова, Сара Григорьевна с сыном Ильей, живущие здесь около трех месяцев, и пианист Добровейн, приехавший после успешных гастролей в Германии. Вл. Ходасевич с Н. Берберовой уехали во Францию[111]. Остальные гости Алексея Максимовича жили в пансионе напротив, а в доме завтракали и обедали. В распоряжении Екатерины Павловны были две комнаты и терраса, по утрам она пила кофе с Алексеем Максимовичем, по вечерам звучала музыка (играли Добровейн и другие музыканты), она гуляла с Алексеем Максимовичем, сидела с ним на балконе, у них была замечательная внучка. Жизнь на вилле Il Sorrito была совсем другой, чем ее привычная: «Все так далеко от нашей жизни. <...> Какой-то потусторонний мир, так далеко от нашего безбожника. <...> Все не наше, не то, чем наполнен наш день»[112]. Она наслаждалась красотой окружающей природы, морем, внучкой, «неприятно» ей было только «брать ванну из воды, которую приносят на головах, — это как ездить на людях»[113]. Она отдыхала («отдыхать можно, когда все окружающее отрезывает от того, чем живешь»[114]), ей надо было выздороветь («должна отсидеть положенный на поправку срок» — «знаю, что должна совсем здоровой

---

[111] Вл. Ходасевич вспоминал: «Возникла душевная потребность покинуть Сорренто. Но поступить резко мне не хотелось: я должен сказать, что ко мне лично Горький всегда относился очень хорошо, и за его бескорыстную, порой очень теплую дружбу я чувствовал признательность, о которой забыть не могу и теперь. Поэтому я уехал только в апреле месяце, ссылаясь на личные обстоятельства, что, впрочем, и было правдой» (Горький // Ходасевич В. Белый коридор. Омск: Книжное издательство, 1991. С. 359).

М. М. Пешкова рассказывала, что уехали Вл. Ходасевич с Н. Берберовой «по личным обстоятельствам» после того, как по поводу этих «обстоятельств» М. И. Будберг и В. М. Ходасевич поговорили с Н. Берберовой и попросили ее покинуть Сорренто.

[112] АГ. ФЕП-рл 8–15–199. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 15 сентября 1925 г.

[113] Там же. 8–15–207. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 1 октября 1925 г.

[114] Там же. 8–15–199. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 15 сентября 1925 г.

вернуться»[115]), и при этом «без определенного дела» она чувствовала себя «нелепо».

Между тем на вилле Il Sorrito начались неприятности. Вскоре после приезда Екатерины Павловны итальянская полиция произвела обыск в комнате Марии Игнатьевны (перерыли все ее вещи и, извинившись, ушли). Через несколько дней Мария Игнатьевна уехала в Берлин, где должны были оперировать ее сына, и от нее пришло письмо с сообщением, что ее задержали на итальянской границе, обыскали и отобрали письма и рукописи Алексея Максимовича, бывшие с ней. Екатерина Павловна писала М. К. Николаеву о том, что на дом «наших» («наши» — так она называла семью Алексея Максимовича и Максима) в Италии обращено «большое внимание», письма подвергаются проверке, и Алексей Максимович считает, что действия полиции направлены против него[116]. Он страшно нервничает и хочет уехать на Французскую Ривьеру, а Максим настаивает на Крыме, но уехать сейчас — для Алексея Максимовича означает не кончить роман, а он в писательском ударе. Максим мечтает вернуться в Россию, но увезти его становится все труднее, так как на разговоры об этом Алексей Максимович реагирует болезненно — ему трудно обходиться без Максима, и, когда живешь с ними, это видишь.

---

[115] АГ. ФЕП-рл 8–15–207. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 1 октября 1925 г.

[116] В тот же день, когда был произведен обыск в комнате М. И. Будберг (17 сентября), Горький отправил два письма: одно — Муссолини, другое — послу СССР в Италии П. М. Керженцеву; в них он выражал возмущение действиями полиции. Он не получил ответа от Муссолини и после получения письма от М. И. Будберг о ее задержании на итало-германской границе (25 сентября) и изъятии у нее рукописей и писем, принадлежащих ему (Горькому), отправил Муссолини две телеграммы — 2 и 6 октября, а 27 октября — второе письмо. Во втором письме он выражал мнение, что обыск направлен против него: «В качестве секретарши она хранит в своей комнате всю мою литературную переписку и черновики рукописей моих. Поэтому я заключаю, что обыск был направлен против меня». 9 октября Горький отправил еще одно письмо П. М. Керженцеву, в котором просил его официально обратиться к итальянскому правительству и выяснить, может ли он (Горький) рассчитывать на спокойную работу в Сорренто, в противном случае он будет вынужден покинуть Италию. Керженцев встретился с Муссолини, и тот признал действия полиции результатом недоразумения, которое больше не повторится (см.: АГ. Т. XVI. С. 330–331).

Уезжать из Сорренто Екатерина Павловна собиралась в начале октября, но уехала лишь в конце месяца. Вначале она отложила свой отъезд на неделю (она получила телеграмму от М. Л. Винавера, который предлагал ей не торопиться и получше отдохнуть), а потом заболела Надя. У нее был тиф с высокой температурой, и Екатерина Павловна по очереди с Максимом и Иваном Николаевичем дежурила у ее постели, пока температура не упала. Наде стало легче, Марфе взяли няню, вернулась «из своих прогулок» Мария Игнатьевна, перед Алексеем Максимовичем извинились и обещали не беспокоить, и 25 октября Екатерина Павловна уехала из Сорренто в Рим, где должна была в советском посольстве оформить визы. В Риме она почувствовала слежку, но предметом наблюдения оказалась не она: Екатерина Павловна «пошла погулять по городу» с Керженцевым[117], его женой и дочкой и заметила, что сзади «плелась фигура в серой шляпе», тогда Екатерина Павловна «ушла от них в музей, а фигура в серой шляпе пошла за ними»[118]. От посещения Флоренции Екатерина Павловна не отказалась и провела в ней день, заходя в соборы, в галерею Uffizi и просто делая покупки. Из Флоренции она отправила несколько писем, в частности М. К. Николаеву и Е. К. Малиновской. Письмо к Малиновской приводим ниже:

«28/X. Флоренция.

Посылаю тебе, Елена, снимок villa, где живет Ал<ексей> М<аксимович>. Остановилась на день здесь. Всегда оч<ень> приятно бывать в этом городе. Он к<а>к-то особенно умиротворяюще действует на нервы, кот<орые> опять раздергались из-за болезни Нади и приключений с визитами ночными к Мар<ии> Игн<атьевне>. Теперь все обошлось и уехала успокоенная. Внучка

---

[117] Керженцев Платон Михайлович (1881–1940) — советский государственный и общественный деятель. Член РСДРП(б) с 1904 г., вступил в партию в Нижнем Новгороде, куда был выслан из Москвы и где в 1906 г. был вновь арестован и отправлен в ссылку в Вологду, откуда бежал. До 1912 г. — на нелегальном положении, с 1912 по 1918 г. — в эмиграции. В 1919–1920 гг. — ответственный руководитель РОСТА. В 1925–1926 гг. — полпред СССР в Италии. В дальнейшем — на партийной и государственной работе.

[118] АГ. ФЕП-рл 8–15–219. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Рима в Москву, 25 октября 1925 г.

у меня чудесная. Оч<ень> жаль было ее оставлять. О прочих — расскажу. Ек<атерина>»[119].

В Италии Екатерина Павловна пробыла полтора месяца (с 14 сентября по 28 октября). В Москву она возвращалась, как и в предыдущие поездки, через Берлин и Варшаву.

В Варшаве Екатерину Павловну ждало письмо от Е. Д. Кусковой с предложением встретиться и поговорить. Екатерина Павловна отвечала:

«1/XI–25. <Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Прочтя Ваше и Евг<ении> Ив<ановны>[120] письма[121], еще больше пожалела, что не попала в Прагу. Конечно, надо бы встретиться и поговорить.

О том, что всюду за границей безденежье, мне говорили и при моем приезде в Berlin'е. Но я считала необходимым и Вам, и в Париж сообщить, что нам одним с помощью заключ<енным> не

---

[119] РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Ед. хр. № 56.

[120] Репьева Евгения Ивановна (1868–1939) — преподаватель, специальность — география. Дружила с Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичем, приезжала к ним в ссылку, в 1922 г. провожала их за границу. В 1924 г. выехала из России, жила в Праге в их семье. В России работала в Лиге спасения детей, была членом МПКК. В эмиграции — член Чехословацкого политического Красного Креста.

[121] Возможно, это письмо Екатерины Павловны было ответом на письмо Е. Д. Кусковой, в котором та просила Екатерину Павловну приехать в Прагу и остановиться у нее дома, а не в отеле. Екатерина Дмитриевна предлагала выслать визы и создать «все условия для жизни: покой и самый тщательный уход», обещала постараться «не утомлять и ничем не огорчать» (как-то: не хочет видеть русских — не надо, желает их видеть — сколько захочет). «Нельзя же совсем без ласки оставить невольных изгнанников», — просила она. К ее письму Евгения Ивановна сделала эмоциональную приписку: приезд Екатерины Павловны будет для них настоящим праздником, а если Екатерина Павловна минует Прагу — это будет для них огромным разочарованием. «Я уже заранее сияю при мысли, что увижу Вас и в Вашем лице кусочек моей любимой Москвы», — писала Евгения Ивановна и в свою очередь заверяла: «Из русских будете видеть, кого захотите» (см.: АГ. ФЕП-кр 36–19–3). Письмо датировано 2 декабря 1924 г. Если эта дата соответствует времени, когда оно было отправлено, то Екатерина Павловна его получила с большим опозданием.

справиться, и если здесь не приложить особых усилий, работа должна оборваться. Я советовала, чтоб каждая группа хотя бы для своих товарищей сделала заем, спрашивала, не могут ли группы в Берлине и Париже сделать заем для общих нужд Кузнецкого, не специализируя групп, а в наше распоряжение.

Пока сидела в Sorrento, только в Париже решили достать 5 тыс<яч> фр<анков> — это, кажется, 200 с чем-то долларов — в наше распоряжение. Сравнительно с тем, что надо, — это страшно мало. Обещали прислать для своих грузины. Ни меньш<евики>, ни эс-ры денег пока не раздобыли для своих. Не знаю, к<а>к мы там будем.

Приехав в Berlin, узнала о голодовке Гоца, а сейчас мне сообщили, что он освобожден[122]. В Sorrento ничего не знала. Виновер[123] не хотел меня волновать и оч<ень> мало писал и ничего не сообщал о делах. Здесь выяснила, что, по-видимому, опять трудная полоса у нас будет.

Со своим фурункулезом я, кажется, покончила, дрожжи пила в Москве, но безрезультатно. Хорошо повлияло на меня свечение кварцевыми лучами и то, что прекратили меня резать і только светили (18 сеансов было) и клали компрессы из фильтратов Безредько. Ну, а итальянское солнышко закончило дело. С этим, видимо, организм справился, но энергии нет. Какое-то противное пассивное состояние.

Жалко было уезжать из Италии. И солнца жалко, и еще больше жаль не видеть каждый день внучку — Марфу. Очень мечтаю вырваться к своим весной, коли мы не умрем, и Виновер меня отпустит.

---

[122] В мае 1925 г. А. Р. Гоц был освобожден из тюремного заключения и выслан в Ульяновск. Через 1,5 месяца вновь арестован по обвинению в попытке организовать побег (вместе с ним был арестован и Е. М. Тимофеев). В сентябре — октябре 1925 г. они провели ряд голодовок, к которым присоединялись и другие цекисты, находящиеся в заключении. Информация об аресте А. Р. Гоца и Е. М. Тимофеева и об их голодовках просочилась на Запад, вызвав нежелательные запросы к советскому правительству (Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 563–575).

[123] Е. П. Пешкова так писала фамилию М. Л. Винавера.

Что же это Сер<гей> Ник<олаевич>[124] у Вас расклеился? Ведь он сначала так хорошо поправился за границей. Кланяйтесь ему, поцелуйте Евг<ению> Ив<ановну>. Коли захотите что мне написать, адресуйте в Варшаву: Smolna 6, Croix Rouge, Polonaise. Я там пробуду до вечера пятницы 6/XI, в воскресенье 8/XI буду в Москве. Если письмо опоздает — мне перешлют.

Жму Вашу руку и еще раз привет Сер<гею> Ник<олаевичу> с Евг<ением> Ив<ановной>. Ек<атерина> Пешкова»[125].

Екатерина Павловна не заехала ни в Прагу, ни в Париж, как из-за нехватки денег[126], так и потому, что пробыла в Италии слишком долго.

В деньгах ПОМПОЛИТ нуждался. В апреле 1925 года М. Л. Винавер, находясь в Варшаве, писал Е. Д. Кусковой: «Нужда заключенных в тюрьмах и ссылках — большая; я сказал бы, что в ссылках — дальних — большая, чем в тюрьмах, т<а>к к<а>к только часть находит работу. Конечно, помощь можете оказать лучше всего деньгами, т<а>к к<а>к достать можно все, а для Креста — на более выгодных условиях. В прошлом году Крест все-таки израсходовал около 30 000–35 000 руб<лей>, не считая полученных вещей и остатков склада, вместе считать можно около 45 000 <рублей>; из этого из заграницы получились гроши. Если указано назначение пожертвования — то они расходуются только по назначению»[127].

С 1925 года зарубежная помощь начала принимать все более весомый характер. К 1925 году деньги в ПОМПОЛИТ поступали из Берлина, Парижа, Праги и США. В Берлине работу по сбору

---

[124] Сергей Николаевич Прокопович.

[125] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 52–59. Фотокопия, каждый лист сфотографирован дважды.

[126] Екатерина Павловна писала М. К. Николаеву, что в Париж, куда она собиралась, заехать не сможет, т. к. ее деньги на обратную дорогу в Il Sorrito истратили на хозяйство, ждут денег от Крючкова, а они все не приходят. «Боюсь, подведут меня, и я не выеду в воскресенье. Спутает это мои расчеты» (АГ. ФЕП-рл 8–15–215. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Сухуми, 13 октября 1925 г.).

[127] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 6. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 3 апреля 1925 г.

средств осуществляло Берлинское «Общество помощи политическим заключенным и ссыльным в России». В Париже существовало несколько организаций, пересылавших деньги в ПОМПОЛИТ. Активное участие в этой работе принимала Берта Меринг[128], бывшая одним из членов-учредителей МПКК и уехавшая из России в конце 1921 года. Ниже мы приводим два ее письма в адрес Екатерины Павловны:

«26/XI <1924 года>. Paris.

Дорогая Екатерина Павловна, от Лидии Осиповны <Дан>[129] узнала, что Вы в Италии, и шлю Вам горячий привет и пожелания силы и бодрости в той тяжелой работе, которую Вам приходится нести. Не писала Вам никогда, не зная, не будет ли это Вас напрасно беспокоить. Хотела бы теперь Вам сообщить, что недели

---

[128] Меринг Берта Борисовна (1885–1970) — одна из членов-учредителей МПКК, представитель БУНДа. В эмиграции с 1921 г. Жила в Париже. Занималась помощью политзаключенным в России. Оставила воспоминания о деятельности МПКК в первые годы советской власти.

[129] Дан (ур. Цедрбаум) Лидия Осиповна (1878–1963) — член РСДРП с середины 1890-х годов, участник первых социал-демократических кружков в С.-Петербурге, сестра лидера меньшевиков Ю. О. Мартова. Окончила петербургскую гимназию и Бестужевские курсы. В революционном движении с 1897 г., когда примкнула к Петербургскому союзу борьбы за освобождение рабочего класса. До революции несколько раз арестовывалась. В 1901 г., чтобы избежать ареста, уехала за границу, работала в редакции «Искры». В январе 1902 г. в качестве агента «Искры» вернулась в Россию. В Москве при посредстве Горького заручилась содействием социал-демократическому движению со стороны издателя Скирмунта, который обязался выделять Московскому комитету партии 100 рублей в месяц и, кроме того, предоставил свой особняк для ночевок нелегальным партийным работникам. В мае 1902 г. арестована, после года тюремного заключения отправлена в ссылку, откуда в 1905 г. бежала в Женеву, где работала секретарем в редакции «Искры» и вышла замуж за лидера меньшевиков Ф. И. Дана. В 1913 г. после амнистии в связи с трехсотлетием дома Романовых вернулась в Россию. Вместе с мужем Ф. И. Даном отбывала ссылку в Сибири. После Февральской революции вернулась в Петроград. В начале 1922 г. вместе с мужем выехала за границу. (Ф. И. Дан вместе с другими социал-демократами добился путем голодовки замены ссылки на высылку за границу.) В эмиграции: Германия, Франция, США. Была членом Берлинского комитета «Общества помощи политическим заключенным и ссыльным в России».

три тому назад мы выслали Вам через банк сто долларов; пользуюсь случаем, чтобы сказать Вам, что все деньги, идущие из Парижа на Ваш адрес, направляются в полное Ваше распоряжение; без всяких обязательств по отношению к сидящим социалистам. От Лидии Осиповны мы узнали, что теперь представляется оказия кое-что из вещей переслать; мы наспех собираем, и если удастся, отправим в субботу корзину ношеного платья в Варшаву, а квитанцию пошлем Вам по адресу Польского Креста. Мы только не уверены, удастся ли Вам получить эти вещи без пошлины — было бы очень хорошо, если бы Вы могли черкнуть пару строк по этому поводу. В феврале одна из местных еврейских благотворительных организаций отправит в Москву вагон вещей, они нам обещали, что возьмут и у нас вещи с тем, чтобы их передать непосредственно Вам — считаете ли Вы это удобным? Оказия эта очень большая и удобная.

Напишите об этом, дорогая Екатерина Павловна, если Вам не трудно.

О себе писать скучно. Если бы не хворала, было бы лучше.

Большой привет Михаилу Львовичу и всем старым работникам Креста. С каким удовольствием я бы вновь очутилась на Кузнецком!

Крепко, крепко жму руку и желаю Вам большого успеха. Б. Меринг»[130].

«Paris. 2/II <1925 года>.

Дорогая Екатерина Павловна, выслала Вам, на Ваше имя, через банк для нужд заключенных 355 долларов, из коих 37 долларов от частного лица, в пользу лиц заключен<ных> в Кіевской тюрьме по делу — процессу Кіевских профессоров. Буду Вам очень благодарна, если черкнете пару строк о полученіи пересланных денег. Привет Вам сердечный и крепко жму руку. Б. Меринг.

Я надеюсь, что деньги Вы уже получили. Не сообщала об этом раньше, т<ак> к<ак> была опять больна»[131].

По этим письмам можно представить отношения между людьми, занимавшимися помощью политическим заключенным в России, и степень доверия к Екатерине Павловне.

---

[130] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 26. Л. 177–177 об.

[131] Там же. Д. 74. Л. 176.

Что касается Праги, то в ней в 1924 году российскими эмигрантами был организован политический Красный Крест, однако Пражское полицейское управление отказало ему в регистрации, и он был утвержден только в сентябре 1925 года под названием «Благотворительное общество помощи заключенным в России»[132]. (Хотя заявленное название принято не было, Общество было известно как Пражский политический Красный Крест.) Материальные средства для своей деятельности Общество добывало собиранием вступительных и ежемесячных взносов, приемом пожертвований и отказов по завещаниям, устройством лекций, концертов, спектаклей, вечеров, лотерей, изданием информационных материалов. Первым председателем правления был избран В. И. Немирович-Данченко[133], он оставался им вплоть до 1934 года. Собранные деньги, а также вещи и продуктовые посылки предназначались для улучшения положения всех политзаключенных,

[132] Отказ мотивировался тем, что речь идет о сообществе политическом по смыслу, просители являются иностранцами, а им, в соответствии с законом от 15 ноября 1867 г., запрещалось создавать политические общества. Учредители Общества с отказом не смирились: в Высший административный суд в Праге была подана жалоба на незаконность постановления МВД, в результате которого «нижеподписавшиеся потерпели ущерб в своих правах». Любопытным моментом в тексте жалобы являлась ссылка на русскую традицию. Жалобщики разъясняли, что деятельность организуемого Общества «имеет характер исключительно помощной»; что такие Общества существовали и существуют во всех центрах, как в самой России, так и за границей — там, где живет значительное число русских; что в настоящее время в России легально существует Общество, осуществляющее ту же функцию и носящее название «Политический Красный Крест»; что мотивы создания таких обществ не являются политическими, а «исходным пунктом является русский взгляд на арестантов, как он толкуется в капитальных трудах русской литературы “Записки из Мертвого дома” Ф. М. Достоевского и “Воскресение” Л. Н. Толстого»: для русского человека арестант является, прежде всего, человеком несчастным и поэтому заслуживающим помощь. Жалоба возымела результат, и спустя год, 18 сентября 1925, МВД Чехословацкой Республики зарегистрировало «Благотворительное Общество помощи заключенным в России».

[133] Немирович-Данченко Василий Иванович (1848–1936) — русский писатель и журналист, фотограф, путешественник, брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко. В 1921 г. эмигрировал, жил вначале в Германии, затем — в Чехословакии.

находящихся в советских тюрьмах и ссылках, не выделяя членов политических партий. (Этим он отличался от аналогичных организаций в Берлине и Париже, которые отделяли часть своих доходов в беспартийный ПОМПОЛИТ, а остальные суммы передавали непосредственно социалистическим партиям через их заграничные делегации для оказания индивидуальной помощи.) Пражский политический Красный Крест передавал в ПОМПОЛИТ и целевые суммы, предназначенные для отдельных лиц. Деньги передавались Екатерине Павловне. О передаче денег договаривалась Е. Д. Кускова.

В США в 1924 году был создан Международный комитет помощи политзаключенным (International Committee for Political Prisoners), возглавил его Роджер Болдвин (Roger N. Baldwin). Начиная с 1925 года International Committee пересылал небольшие деньги в адрес ПОМПОЛИТа, при этом оговаривая, что его программа предусматривает помощь только **политическим** заключенным. В январе 1926 года Р. Болдвин отправил Екатерине Павловне письмо[134] с предложением сотрудничества. В письме объяснялось, что, не зная, продолжается ли еще ее работа и может ли она свободно переписываться с людьми за рубежом, распределение оказываемой помощи было передано квакерам, с которыми International Committee был связан через МОПР. Узнав же, что комитет dear Madam Pechkova признан советским правительством, International Committee предпочел бы сотрудничать с ней.

Ниже приводим ответ Екатерины Павловны:

«В ОБЩЕСТВО “МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ”.

Нью-Iорк.

В ответ на Ваше письмо сообщаю, что мы с удовольствием примем на себя распределение материальной помощи, которое Ваше Общество пожелает оказать заключенным и ссыльным в СССР. Ваше единственное условие, чтобы помощь оказывалась лицам, наказуемым за политические взгляды и обычные политические выступления, вполне приемлемо для нас. Судя по связи Вашей с МОПР-ом, Вы помогаете заключенным без различия их по-

[134] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 114. Л. 2–3.

литических взглядов, что вполне отвечает и нашей работе чисто Красно-Крестовского характера.

Удобнее всего оказывать помощь деньгами, так как оплата пошлины очень удорожит стоимость вещей и продуктов. Мы просили бы Вас пересылать предназначенную Вами сумму по адресу: Помощь Политическим Заключенным, Кузнецкий мост, № 16, Е. П. Пешковой и указать размер помощи, которую Ваше Общество намерено уделять. От размера таковой будет зависеть и увеличение оказываемой нами помощи заключенным и ссыльным»[135].

Деньги в ПОМПОЛИТ посылались как по почте, так и переводились в валюте на имя Екатерины Павловны через зарубежные банки в Госбанк: MMe. Peshkoff, Russian Political Red Cross, Russian State Bank, Moscow, Russia[136]. Получив деньги, Екатерина Павловна, отправляла адресату квитанцию, а деньги распределяла согласно указанию.

Со временем за рубежом были созданы и другие организации, оказывающие материальную помощь ПОМПОЛИТу. Их помощь, как правило, была целевой — предназначенной определенным лицам или определенной категории лиц: эсерам, левым эсерам, анархистам, сионистам, грузинам, армянам, пострадавшим за веру, католикам, русским католикам, меннонитам, толстовцам, детям, вегетарианцам и др.

ОТНОШЕНИЯ С ЭМИГРАЦИЕЙ: ОТЗЫВ ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ О ДЗЕРЖИНСКОМ В ДЕНЬ ЕГО КОНЧИНЫ И ПОСЛЕДОВАВШИЙ СКАНДАЛ; ВОЗВРАЩЕНЦЫ И «ВОЗВРАЩЕНЧЕСТВО». В СОРРЕНТО: МАКСИМ, П. П. КРЮЧКОВ. СМЕРТЬ А. Ю. ФЕЙТА. 1926 г.

В октябре 1922 года, когда деятельность Московского политического Красного Креста была остановлена, а против Екатерины Павловны и других его сотрудников было возбуждено следствен-

[135] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 114. Л. 154.

[136] Вопрос, когда и с разрешения каких инстанций Екатерина Павловна имела валютный счет, требует отдельного рассмотрения.

ное дело, Екатерина Павловна получила от Алексея Максимовича письмо со следующим предложением: «Вот какое дело, дружище: На днях приехал ко мне из Марокко Зиновий Пешков и сказал, что военная служба надоела ему и он хочет заняться культурной работой. <...> …он мог бы организовать международную лигу помощи русским школьникам. <...> Настроен он очень хорошо, никакого яда против большевиков у него больше нет. Просто: “Надо работать для России, самой живой страны”. <...> Так как у тебя хорошая репутация за границей, он просил осведомиться: вошла ли бы ты в это дело, в русский комитет? Организовала ли бы его? Из лиц, пользующихся доверием обеих сторон, как ты? <...> Не поговорить ли тебе с Дзержинским по этому поводу? Подумай»[137].

Неизвестно, поговорила ли Екатерина Павловна по этому поводу с Дзержинским[138]. Екатерина Павловна много общалась с ним

---

[137] АГ. Т. IX. С. 220–221. Из Саарова в Москву, 25 октября 1922 г.

[138] Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) — революционер, государственный деятель, с 1917 г. — председатель ВЧК, с 1922 г. — председатель ГПУ — ОГПУ и в 1919–1923 гг. — нарком внутренних дел; проводил жестокую репрессивную политику против противников большевистского режима, после покушения на Ленина осуществлял «красный террор». Одновременно с 1921 г. — нарком путей сообщения, с 1924 г. — председатель ВСНХ; на этом посту поддерживал специалистов ВСНХ — бывших меньшевиков как «замечательных работников». С 1921 г. — председатель Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, занимался борьбой с беспризорностью — организацией системы детских домов и колоний. Умер 20 июля 1926 г. после двухчасового доклада на пленуме ЦК, посвященном состоянию экономики СССР, где выступил с резкой критикой существующей системы управления.

Против деятельности МПКК, а позже — ПОМПОЛИТа Дзержинский не возражал, имея собственный опыт тюремного заключения в царских тюрьмах. С 1912 по 1917 г. он непрерывно находился в заключении. В 1912 г. он был арестован в Варшаве, в 1914 г. приговорен к 3 г. каторжных работ и отправлен в Орловский централ, в 1916 г. дополнительно приговорен еще к 6 г. каторжных работ и переведен в Бутырскую тюрьму. Освобожден он был Февральской революцией 1 марта 1917 г. Когда в 1914 г. (после начала мировой войны) он был эвакуирован из Варшавы в Москву вместе с группой польских революционных деятелей, Н. К. Муравьев (будущий председатель МПКК) с группой московских политических защитников и с некоторыми польскими общественными деятелями

в связи с работой в Польском Красном Кресте, и его содействие очень способствовало успешности ее работы. По-видимому, она была благодарна ему и за это содействие, и за то, что по делу МПКК никто (включая ее, против которой были несомненные улики) не был арестован; более того — она получила разрешение на работу ПОМПОЛИТа. По-видимому, Екатерина Павловна не знала, что Дзержинский, дав согласие на ее работу в качестве Уполномоченного Польского Красного Креста, одновременно назначил над ней Особоуполномоченного, предназначенного контролировать ее деятельность; и вряд ли знала она, что МПКК был закрыт по его прямому распоряжению и что следственное дело против членов Креста и ее лично также было возбуждено по его предложению и распоряжению. Екатерина Павловна считала Дзержинского своим другом, так и называла его: «друг». Долгие годы ее охраняло имя Дзержинского, который как бы дал разрешение на ее деятельность. Люди, знавшие Екатерину Павловну, рассказывали, что Алексей Максимович как-то, шутя, спросил Ягоду, почему он «не сажает Екатерину», на что тот скромно ответил: «Она нам завещана Дзержинским». Екатерина Павловна действия Дзержинского на посту главы ВЧК воспринимала как неизбежные — «карающий меч революции», а его личные качества оценивала высоко.

20 июля 1926 года, в день внезапной кончины Дзержинского, Екатерина Павловна, всегда тяжело переживавшая смерть людей, с которыми когда-либо была связана совместной жизнью или рабо-

образовали специальный филиал для защиты польских революционеров. Б. Б. Меринг, активный деятель МПКК, вспоминала: «Власти, как я уже сказала, благосклонно относились к нашей организации. <...> С благословения Дзержинского Красному Кресту были выданы пропуска на посещения тюрьмы и лагерей четырем лицам: Екатерине Павловне Пешковой — первой жене Горького, Михаилу Львовичу Винаверу, адвокату Кальмееру и мне. Председатель Красного Креста Муравьев был очень оскорблен, что ему не дали пропуска, и он настаивал, чтобы Пешкова по этому поводу объяснилась с Дзержинским — чтобы пропуск Меринг передали ему. Пешкова исполнила его просьбу и принесла ответ Дзержинского в наш Комитет: “Если я завтра снова буду в тюрьме, — сказал Дзержинский, — Муравьев обо мне заботиться не будет, а Меринг снова будет выносить мое ношеное белье”» (The International Institute of Social History in Amsterdam. Archiv B. MERING–8. C. 58–59).

той, написала Алексею Максимовичу, что «нет больше прекрасного человека, бесконечно дорогого каждому, кто его знал». Алексей Максимович, «совершенно ошеломленный кончиной Феликса Эдмундовича», в частном письме к Я. С. Ганецкому[139] процитировал ее слова и присоединился к ним. Это частное письмо было напечатано в газетах «Правда» и «Известия» как некролог «М. Горький о тов. Дзержинском» и вызвало немедленную и резкую реакцию эмигрантской печати: для Горького оно ускорило процесс разрыва с эмиграцией, для Екатерины Павловны — означало конец ее «хорошей репутации за границей». Ее отзыв о «палаче» как о «прекрасном человеке» настолько возмутил зарубежную русскую общественность, связанную с заграничными группами политического Красного Креста, что одно время Екатерина Павловна полагала, что ей придется оставить работу по помощи политзаключенным.

Вот реакция Л. О. Дан на высказывание Екатерины Павловны:

«18/VIII <1926>

Милая Берта Борисовна[140].

Сегодня получила Ваше письмо и тотчас почти отвечаю, т<а>к к<ак> до него хотела писать Вам. Я третьего дня прочла письмо Горького (чорт с ним, я совершенно равнодушна к бестактностям и даже больше этого человека), но слова Екат<ерины> Павл<овны> меня привели в такое состояние, что я третий день схожу с ума и в <том случае>, если это верно, повторяю, я буду ей писать.

Что с того, что Дз<ержинский> доверял Е. П. Пешковой и что-то иногда делал, терпел Кр<ест> в том уродливом виде, как тот существовал последние годы, и с которым приходилось мириться, разве из этого следует (и из-за личного), что можно менять оценку людей в масштабе общественном. Он был и в потомство уйдет как палач, как убийца. Пусть фанатик, пусть маньяк, тем хуже для несчастной России. Я не могу пережить, не могу примириться и вряд ли смогу иметь дело с Е<катериной> Павл<овной>. Я не могу. <...> О ее “личном” отношении к Дз<ержинскому> мы, ее ближайшие сотрудники, ничего не знали. Я не могу работать и быть на одном деле с человеком, который так тщательно прячет свое

[139] Г-30. Т. 29. С. 473. Я. С. Ганецкому. Июль, после 20-го, 1926, Сорренто.
[140] Берта Борисовна Меринг.

лицо. Это ее отношение к Дз<ержинскому> для меня удар грома среди ясного неба. Я этого пережить не могу»[141].

Екатерина Павловна выехала за границу спустя две недели после кончины Дзержинского. Вскоре по приезде в Сорренто она получила письмо от Е. Д. Кусковой с просьбой встретиться и поговорить; по-видимому, Екатерина Дмитриевна задавала и какой-то вопрос, связанный с кончиной Дзержинского. Ответное письмо Екатерина Павловна написала тотчас:

«13/VIII–26. <Сорренто>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

<...> Вчера вечером принесли Ваше письмо. Встретимся ли мы на обратном пути, не знаю. Где Вы будете в конце августа, в начале сентября? До этого времени рассчитываю пробыть у наших, если не вызовут раньше в Варшаву или в Москву, где остался Виновер один, т<а>к к<а>к все из Креста разъехались в отпуска и по дачам. <...>. О чем Вы хотите со мной говорить? О Кресте или, вообще, о том, к<ак> мы живем?

В сфере узкой работы Креста потеря Дзержинского незаменима. А будь Менж<инский>[142] или Уншлихт — это не большая раз-

---

[141] The International Institute of Social History in Amsterdam. Archiv B. MERING. Письмо Л. О. Дан.

[142] Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) — советский партийный и государственный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета (в 1898 г.), работал в адвокатуре. С 1902 г. член РСДРП, с 1903 г. — РСДРП(б). С 1906 г. — в эмиграции, в 1917 г. вернулся в Россию. Первый нарком финансов. В 1918–1919 гг. — генеральный консул в Берлине. С конца 1919 г. — член президиума ВЧК, с 1923 г. — зам. председателя ВЧК, с 1926 г. — председатель ОГПУ (назначен после смерти Дзержинского). В 1927–1934 гг. — член ЦК ВКП(б).
Из воспоминаний Б. Б. Меринг: «Как гроза всего населения организовалась “Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией”, во главе которой был назначен Дзержинский. При этой Комиссии был провозглашен “Особый отдел”, во главе которого был назначен Менжинский. Так как Менжинский был человек больной, не вылезавший из кресла (и постоянно игравший на рояле, ибо он очень любил музыку), он своим заместителем назначил Ягоду — бездушного и тупого фармацевта, которому покровительствовал Горький» (The International Institute of Social History in Amsterdam. Archiv B. MERING–8. C. 56).

ница. И Уншлихт неплохо относится к Кресту, но его кандидатура и не намечалась. Дзержинского бесконечно жаль. <...>»[143].

Екатерина Павловна не предвидела реакции, вызванной ее высказыванием:

«Ал<ексей> М<аксимович> удивлен, что было напечатано его частное письмо. Меня крайне удивило, что он в своем письме привел выдержку из моего к нему письма в день смерти Ф<еликса> Э<дмундовича>. По этому поводу здешние белые газеты изливают желчь и яд и пишут о “Дне” и авторе “Дна”. Попутно и мне достается. Что здесь хорошее о Ф<еликсе> Э<дмундовиче> слышат — пусть, но у нас — зря печатали»[144].

Екатерине Павловне встреча с Е. Д. Кусковой и, по-видимому, не только с ней, вряд ли казалась приятной:

«30/VIII–26. <Сорренто>.

Не сразу Вам ответила, дорогая Екатерина Дмитриевна, т<а>к к<а>к хотела выяснить, когда выеду. Теперь по письмам из Москвы и Варшавы вижу, что могу остаться здесь до дня “Picdigrotta” 7/IX. Это день праздника песни в Неаполе.

Если Вы находите нужным повидаться, заеду к Вам, а то в следующий свой приезд непременно хочу попасть в Париж, тогда опять не попаду к Вам. Отсюда выеду 8/IX, дня два займут визы обратные в Риме. Значит, 11–12 буду во Флоренции, куда непременно хочу заехать хоть на 1 день, оттуда могу завернуть к Вам в Marienbad или Прагу, судя по тому, где Вы 12–15 будете. Ответьте мне в Неаполь Hot Continental, еще лучше, если ответите Peschkow Sorrento телеграммой, чтоб я могла сообразить заранее обратный путь. <...>

Было оч<ень> досадно прочесть в Известиях письмо Ал<ексея> М<аксимовича>, кот<орое> сочли возможным напечатать с выдержкой из моего к нему письма. Для заграницы своего мнения о Дзержинском не скрываю и даже считаю своим моральным по отношению к нему долгом сказать о нем то хорошее, что знаю о нем. Он т<а>к много помог нам за эти годы, устраняя то ненуж-

---

[143] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 49–51. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 13 августа 1926 г.

[144] АГ. ФЕП-рл 8–15–232. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 20 августа 1926 г.

ное ни для никого, что облегчало участь наших подопечных. <...>»[145]

«Pani Procopovicez. Villa Benes 1258. Praha Kosire. Tchechoslovakia.

7/IX–26. <Сорренто>.

Получила Вашу телеграмму, а сейчас и письмо. Сегодня уезжаю отсюда. Из Флоренции или из Рима дам Вам телеграмму, когда буду и проеду в указан<ный> Вами Hotel. Больше дня пробыть в Праге не смогу, т<а>к к<а>к пересидела больше, чем следовало, здесь.

Привет Вам, Е<вгении>И<вановне>, С<ергею> Н<иколаевичу>. Е<катерина> П<ешкова>[146]».

Е. Д. Кускова к встрече с Екатериной Павловной подготовилась. 15 сентября всем членам правления Пражского политического Красного Креста и другим заинтересованным лицам было разослано извещение с пометкой «Срочно!»: «Имею честь просить Вас пожаловать в заседание Правления, имеющее состояться завтра 16-го сентября в кабинете проф. С. Н. Прокоповича в Праге-2, Панска 16 в 3 часа дня. В заседание Правления приглашена случайно находящаяся в Праге Е. П. Пешкова, распределяющая по уполномочию Советского правительства все средства, получаемые в помощь политическим заключенным в СССР»[147].

В Праге к Екатерине Павловне отнеслись тепло. Возмущение же Л. О. Дан было столь велико, что она не захотела в дальнейшем сотрудничать с Екатериной Павловной, о чем ей и сообщила. Об этом же она написала и Е. Д. Кусковой:

12 декабря 1926 года. «<...> Я на Вас в претензии — что это Вы обласкали Екатерину Павловну после ее нелепого гаффа? Конечно, в том, что ее письмо с похвальным словом Дзержинскому попало в печать не по ее вине и уж, конечно, против ее воли, я

---

[145] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 89–96. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 30 августа 1926 г.

[146] Там же. Л. 139. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 7 сентября 1926 г.

[147] ГА РФ. Ф. 5880. Оп. 1. Д. 10. Л. 182.

уверена, но самый факт нелогичности таких чувств к Дзержинскому у человека, который чаще видел его жертв, чем допускался перед его светлые очи, меня очень задел, почти оскорбил и уж во всяком случае лишил охоты вести в дальнейшем с ней дела. <...> Это приблизительно я ей написала, а она в письме к Зильберберг[148], ссылалась на то, что в Праге ее обласкали, а люди уж, наверное, не хуже берлинцев. Я тоже считаю, что люди не хуже, но на этот раз дали маху»[149].

19 декабря 1926 года. « <...> Хотела еще написать, что никак не могу разделить Вашего добродушного отношения к Е<катерине> П<авловне>. Я не могу равнодушно слышать, как поются дифирамбы победителям в то время, как не остыла еще кровь, пролитая побежденным, вернее, выпущенная победителями. <…> Это не только моя мораль, но и Ваша, смею думать. <…> Что касается до того, как реагировать на все это невольное "выступление" Е<катерины> П<авловны> в России, то я знаю только одно — она обратилась, между прочим, и в нашу организацию, должна ли она покинуть свой пост, на что ей ответили, что такого требования они не выставляют, т. к. не могут решать за заключенных, но если она решит уйти, то они тоже не возражают. Как видите, до выражения доверия очень далеко, но у нас, слава богу, нет парламента. Наших сборов в пользу заключенных мы делать не перестаем и теперь на днях опять собрали около двухсот долларов, причем, я буду предлагать деньги, направляемые в Московский Крест, направлять по адресу Веры Николаевны <Фигнер>, благо она недавно в своей автобиографии гласно заявила, что снова, как встарь, занимается делом помощи жертвам Гражданской войны и политических преследований»[150].

Екатерина Павловна «очень тяжело пережила всю эту историю. Ставила вопрос о возможности дальнейшей работы, причем обуславливала эту возможность соответственно мнения заключенных, ссыльных и их близких, а не от мнения Лид<ии> Ос<иповны>,

---

[148] Зильберберг Анна Ефимовна — член Берлинского комитета «Общества помощи политическим заключенным и ссыльным в России».

[149] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 17. Л. О. Дан — Е. Д. Кусковой. Из Берлина в Прагу, 12 декабря 1926 г.

[150] Там же. Л. 15–16. Л. О. Дан — Е. Д. Кусковой. Из Берлина в Прагу, 19 декабря 1926 г.

Викт<ора> Мих<айловича> <Чернова> и им подобных эмигрантов. Все там в России требовали дальнейшей работы; утверждали, что, независимо от того, нравится или не нравится ее личное отношение к Д<зержинскому> и оценка его — это ее личное дело, и не должно иметь следствием оставление работы»[151] — так в январе 1927 года отвечал М. Л. Винавер на вопрос Е. Д. Кусковой о Екатерине Павловне. А еще раньше, в октябре 1926 года, она сама писала Е. Д. Кусковой:

«18/X–26. Дорогая Екатерина Дмитриевна!

<...> Я тут по приезде совсем разъехалась, и бок вновь болит, и температура, и нервы разъехались донельзя. Ехала и думала, что если кто-ниб<удь> из заключ<енных> подумает обо мне т<а>к, к<а>к предполагала, <что> могут подумать, Лид<ия> Ос<иповна>, надо бросить работу в Кресте.

Никто из закл<юченных> и ссыл<ьных> т<а>к не реагировал, даже и похожего чего-л<ибо> на это не было. Некоторых заинтересовало даже, почему я т<а>к сказала о Дз<ержинском>. И сурового к себе отношения от закл<юченных> и ссыл<ьных> не встретила. Уже отовсюду были люди со свиданий, и отовсюду получаю прежние обращения. Но хотела выждать с месяц, к<а>к приехала. — То, что доверие ко мне пересилило естеств<енное> чувство неприятного впечатления у заключ<енных>, помогло взять себя в руки от всей трепки нерв последнего времени и разговоров и переписки с людьми на воле.

Теперь уже никак на это реагировать не могу, т<а>к к<а>к заключенным, а не нам было решать — вести ли мне дальше работу, а у них и не встал этот вопрос, то и у меня — единственной, ставившей себе этот вопрос, он отпал. Жизнь заставила даже немного раньше этого моего решения говорить о некот<орых> делах. Нервно поговорили у нас в Комитете по моем возвращении, но у них мысль о возможности прекратить работу не приходила в голову. Сейчас здесь это отошло в область прошлого, и работа каждого дня заслонила все прочее. Меня же истрепала эта история здорово, и меня мои друзья сегодня выгоняют на пару недель на юг, а то

[151] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 44–49. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 7 января 1927 г.

здесь не оправлюсь никак и не осилить зимы, когда без Виновера придется работать»[152].

Екатерина Павловна не оставила работу по помощи политическим заключенным (этот добровольный «крест» она будет нести еще больше десяти лет, и он будет становиться все тяжелее), но ее безупречная репутация была поставлена под сомнение. (Уже и в наши дни ее самоотверженная деятельность — помощь людям, отвергнутым властью, не столько восхищает, сколько вызывает вопросы: кто ей позволил? за какое вознаграждение? Когда эти и подобные вопросы я задавала людям, знавшим Екатерину Павловну, часто слышала один, похожий ответ: «Вы не понимаете, это были другие люди» (Люди — с другими ценностями. — Л. Д.)

Подозрительное отношение к деятельности Екатерины Павловны, к формированию ее образа «кремлевской дамы» во многом сложилось благодаря Ходасевичу (безусловно, талантливейшему писателю, понявшему суть советской власти и не принявшему ее). Прочитав статью Ходасевича «К истории возвращенчества», написанную им в 1920-х годах, впервые опубликованную в 1951 году Р. Гулем и полностью приведенную им в его трехтомнике «Я унес Россию» [153], мы (как, вероятно, и большинство читателей Р. Гуля) приняли версию Ходасевича. Р. Гуль пишет: «…я думаю, поступлю правильно, если статью Ходасевича (на мой взгляд, ценнейшую!) полностью перепечатаю. Вот она. Ходасевич пишет...»[154] Статью Ходасевича, опубликованную Р. Гулем, мы «перепечатываем» полностью:

«В “Днях” и в “Последних новостях” появилось перепечатанное из советских газет письмо Горького к Ганецкому по поводу смерти Дзержинского. Что Горький Дзержинского “и любил, и уважал”, для меня с некоторых пор не ново. К тому же это дело его личного вкуса и его отношений с начальством. В его письме

---

[152] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 21–36. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Москвы в Прагу, 18 октября 1926 г.

[153] Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 1.: Россия в Германии / Предисловие О. Коростелева. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001.

[154] Там же. С. 239.

меня взволновало другое. Отныне я по совести не могу больше хранить про себя обстоятельство, которое из горьковского письма вскрывается лишь попутно, а между тем имеет общественное значение.

Я вынужден начать издалека. В конце 1924 года в Сорренто у Горького около двух недель гостила его первая жена, Екатерина Павловна Пешкова. Я в то время жил там же. До тех пор я с Е. П. Пешковой встречался лишь мельком. В моих глазах она была прежде всего председательница Политического Красного Креста, сумевшая даже от большевиков добиться того, чтобы они, закрыв Красный Крест, все-таки допустили ее хоть и единоличное, но деятельное продолжение работы по облегчению участи тех, кому довелось стать жертвами ГПУ. Я смотрел на нее с уважением, которое по отношению к ней общепринято.

В Сорренто, из ее разговоров со мной и с другими лицами, а также из многих других обстоятельств, я с удивлением увидел, что к советскому режиму Екатерина Павловна относится восторженно, говорит цитатами из “Известий” и вообще держит себя “кремлевской дамой”, вроде Коллонтай, Каменевой и других. С особенным постоянством обращалась она к той теме, что эмигрантам следует как можно скорее возвращаться в СССР.

Живя в Сорренто, Е. П. поддерживала оживленную переписку с некоторыми видными представителями эмиграции, в том числе с Е. Д. Кусковой. Из Сорренто Е. П. Пешкова 3 декабря 1924 года уехала в Россию. Уезжая, не раз говорила, что проездом должна побывать в Праге, чтобы там повидать Е. Д. Кускову “и других” (кого именно — не называла). На просьбы погостить еще — отвечала, что должна ехать, так как иначе не застанет Кускову в Праге, а между тем это свидание для нее важно[155].

Спустя приблизительно месяца два после ее отъезда Горький однажды сказал мне, что в сентябре этого года (1925) истекает трехлетний срок, на который была условно выслана из России известная группа писателей, ученых и общественных деятелей, и что в сентябре же некоторые из них станут проситься обратно и пове-

[155] Вл. Ходасевич ошибался: Екатерина Павловна в декабре 1924 г. не посещала Прагу и даже не собиралась туда ехать. Из Сорренто она уехала 10 декабря 1924 г. (см. выше: С. 413).

дут агитацию за возвращение. “Давно пора”, — не раз повторил Горький.

Я выразил сомнение, чтобы это могло случиться. Но Горький настаивал на достоверности своих сведений и в точности назвал мне четыре имени: Е. Д. Кусковой, С. Н. Прокоповича, А. В. Пешехонова и М. А. Осоргина. На мой недоверчивый вопрос, откуда ему все это известно, он ответил, что от Е. П. Пешковой. При этом прибавил, что *Екатерина Павловна ездила в Прагу, чтобы оказать непосредственное влияние на Кускову, Прокоповича и Пешехонова*. (Курсив мой. — Л. Д.)

Признаюсь, я тогда разговору не придал значения. Он показался мне одним из тех политических фантазирований Горького, в которых он редко бывает удачлив и дальновиден. Однако недальновиден на этот раз оказался я. Именно в назначенный Горьким срок разразилась кампания, получившая название “возвращенской” и поднятая именно теми лицами, которых назвал мне Горький.

Когда возвращенчество обозначилось и когда действительность подтвердила назначенные Горьким имена и сроки, я понял, что слова Горького о роли Е. П. Пешковой были, к несчастью, не фантазией, а правдой. Когда же выяснилось, что влияние московских сфер на зачинателей возвращенчества имело целью не действительное возвращение их в Россию, а лишь смуту в умах и сердцах эмиграции, то есть ее раздробление и разложение, тут стало для меня ясно, что Кускова, Прокопович и Пешехонов сделались жертвами провокации.

Начиная с сентября 1925 года я неоднократно и гораздо более подробно излагал свои сведения ряду лиц, в том числе М. А. Алданову, М. В. Вишняку и другим. Не сомневаюсь, что они помнят наши беседы. Должен заметить, что серьезного значения моим словам никто придать не пожелал. Общераспространенное доверие к Е. П. Пешковой было сильнее моих доводов, да и сам я ее обвинял лишь в том, что она бессознательно и легкомысленно выполняет миссию, на которую ее незаметно толкает ГПУ. Как на толкающую силу я, впрочем, тогда же прямо указывал на Дзержинского. Но когда я говорил, что Екатерина Павловна отзывается о нем с уважением, с любовью, с нежностью, что он — ее близкий личный друг, что она и в разлуке проявляет о нем трогательную, даже сентиментальную заботливость, — тут уж мне просто не верили, без всяких оговорок.

Да и трудно было поверить, что “утирающая слезы” Е. П. Пешкова столь душевно близка к главному палачу. Самому мне порой казалось, что я что-то преувеличиваю. Но я припоминал разговоры, факты и вновь убеждался в верности своих наблюдений. И снова какое-то сомнение все-таки меня мучило: слишком тяжело верить себе самому, когда дело идет о таких вещах.

Поэтому не с радостью удовлетворенного самолюбия (“вышло по-моему!”), а с болью в сердце и с ужасом прочитал я теперь в письме Горького полное подтверждение моих мыслей: приводимый Горьким отрывок из “трагического письма” Е. П. Пешковой по поводу смерти Дзержинского: “Нет больше прекрасного человека, бесконечно дорогого каждому, кто знал его”.

Она возбуждала возвращенчество с ведома Дзержинского. При таком отношении она в этом деле не могла поступать без ведома того, кого это в первую очередь касалось и кто ей был так “бесконечно дорог”. А с ведома — значит, по поручению (курсив мой. — Л. Д.).

Я думаю — нет надобности говорить, что все это я пишу не для того, чтобы как-нибудь “опорочить” лично Кускову, Пешехонова, Прокоповича. Вполне допускаю, однако, что они будут возражать, ибо никто не любит сознаваться в своих ошибках, а политическому деятелю особенно трудно бывает сказать: “Да, меня спровоцировали”. Конечно, нелегко будет Кусковой, Прокоповичу, Пешехонову согласиться с тем, что я за семь месяцев вперед знал, когда именно их должно с особою силой потянуть на родину. Но я виноват только в том, что мне за кулисами показали веревочку, за которую их потянут.

Я не политик. Я предпочел бы писать другое. Но наше дьявольское время порой заставляет меня выступать с описаниями того, что скрывать я считаю себя не вправе. Так и сейчас изложил я факты и сделал краткие сопоставления — лишь потому, что по совести молчать о них больше не могу. Я не должен скрывать то, что известно мне о зарождении возвращенчества. Я обязан сказать, кем соблазнены и куда завлечены его вожди, а за ними и более широкие круги эмиграции.

Владислав Ходасевич»[156].

---

[156] Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 1.: Россия в Германии / Предисловие О. Коростелева. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. С. 239–243.

А вот строки из дневника С. П. Мельгунова — непримиримого противника советской власти, бывшего одним из членов-учредителей МПКК:

«16-го <мая 1940 года>. <...> В “Современных записках” воспоминания Ходасевича о Горьком[157]. Упоминает о Пешковой, изображает ее почти чекистской. 14 лет тому назад он пожелал иметь свидание со мной и “каялся” в своих прегрешениях, как он жил на счет Горького, зная и пр. Хотел выступить с изобличением Пешковой. Воспоминания его производят довольно омерзительный характер (впечатление) — рисует себя, конечно, в благородной тоге, как он невольно оскоромился, приняв участие в покупке мундштука для Дзержинского[158]. Написал Рудневу[159] о своем впечатлении. Не пером Ходасевича, этого склизкого господина, изобличать Пешкову. Нехорошо в с.-р. журнале, т. к. Пешкова бесконечно много делала для с.-р. Психология Пешковой сложнее, нежели изображает Ходасевич»[160].

Что сказал Горький Вл. Ходасевичу по поводу «возвращенской» кампании, которую Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, А. В. Пешехонов и М. А. Осоргин должны были начать под «непосредственным влиянием» Екатерины Павловны, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Вл. Ходасевич считал себя обязанным «сказать, кем соблазнены <вожди возвращенчества>, а за ними и более широкие круги эмиграции». По-видимому, наша «обязанность» проверить утверждение Ходасевича, что «вождей» возвращенчества «соблазняла» Екатерина Павловна, а также выяснить, какими приемами она для этого пользовалась.

Е. Д. Кускова и **С. Н. Прокопович** выехали из России 31 мая 1922 года, получив разрешение заменить ссылку выездом за гра-

---

[157] Ходасевич В. Горький // Современные записки (Париж). Кн. 70 (1940). С. 131–156.

[158] В своих воспоминаниях Вл. Ходасевич рассказал о том, как он, живя в Сорренто, помогал Екатерине Павловне по ее просьбе выбрать в магазине мундштук, который был предназначен в подарок Дзержинскому, о чем Ходасевич не знал, когда выбирал его.

[159] Руднев Вадим Викторович.

[160] Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники / Составление, примечания и подготовка текста Ю. Н. Емельянова. М.: Индрик, 2003. С. 440–441.

ницу, куда («в осиные гнезда русской эмиграции»[161]) они очень не хотели ехать[162]. Вскоре по приезде за границу, в ноябре 1922 года, Е. Д. Кускова писала Б. В. Савинкову: «А, в общем, мой друг, — тяжело. И знаете, что я поняла? Я поняла тягу в Россию, тягу, которая охватывает все более и более широкие массы простых, немудреных людей. <...> Там хоть большевики, да зато земля родная. А здесь — и земли нет и души нет, прогнила вся… Во всяком случае, если бы я знала всю эту обстановку, ни за что бы не выбрала заграницу, когда нам чека предложила на выбор — или губернский город, или высылку сюда. Ни за что! Гораздо лучше сидеть там, чем метаться тут»[163]. Уже в первых числах января 1923 года Е. Д. Кускова запрашивала М. Л. Винавера о возможности вернуться в Россию, и он ей ответил: «Не думаю, чтобы Вам теперь разрешили въезд в Россию. В первое время после Вашего приезда заграницу это, по-моему, было возможно. После отношение к Вам изменилось. Я не берусь утверждать это, почему и писал Ек<атерине> Павл<овне> с просьбой нащупать почву; ответ Вам сообщу»[164]. Затем в течение многих лет и Екатерина Павловна, и Винавер пытались добиться от властей, чтобы Кускова и Прокопович это разрешение получили. Ниже мы приводим всего несколько фрагментов из их долголетней переписки по этому вопросу:

12 января 1926 года. «Я все-таки думаю, что Ал<ексей> Вас<ильевич>[165] скоро возвратится, а вслед за ним и Ваше время настанет, несмотря на Вашу одиозность. Отношение к интеллигенции — пускать не хотят, считая, что достаточно своей безработной, но людей с головой и знаниями как будто

---

[161] АГ. ФЕП-кр 36–19–2. Е. Д. Кускова — Е. П. Пешковой. Из Кашина в Москву, 4 мая 1922 г.

[162] 21 августа 1922 г. В. Н. Бунина записала в своем дневнике: «<...> для Кусковой и Прокоповича не нужна старая Россия, а нужна новая с их кооперативами, а мы не можем забыть того прекрасного, что было в России» (Устами Буниных. Т. 2. С. 92).

[163] Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. URL: mirknig.com. knigi…agoniya-beloy-emigracii.html

[164] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 19 об. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Берлин, 3 января 1923 г.

[165] Пешехонов Алексей Васильевич.

охотно будут пускать. В том числе, вероятно, и кооператоров»[166].

18 октября 1926 года. «Дорогая Екатерина Дмитриевна. Не скоро по приезде отвечаю Вам, хотя о возвращенцах говорила уже недели 2 назад. Из всех разговоров ясно мне, что было бы хорошо, чтобы те, кто хочет сюда ехать — переговорили бы лично с Овсеенко[167]. Разумеется, не шла бы говорить вся группа лиц, желающих вернуться, а пошло бы 2–3 человека от них. Вопрос о каждом будет решаться индивидуально, но общий вопрос с мертвой точки сдвинут, и общего предубеждения, на мой взгляд, после данных разъяснений нет. Придется переговорить еще кое с кем после конференции, тогда же еще раз переговорю и об Ал<ексее> Вас<ильевиче> Пешехонове. Советовали мне поднять вопрос о нем тоже в следующей инстанции, а не там, где я говорила, и поднять — после конференции. Тогда опять напишу Вам»[168].

21 января 1929 года. «Кстати, о Вас. Недавно у кого-то из соотв<етствующих> властей во время какого-то визита по делам Креста и критич<еских> замечаний насчет каких-то распоряжений — я мимоходом указал, что делается величайшая глупость, если не разрешается Вам приехать с С<ергеем> Н<иколаевичем>. Получил ответ: пусть подадут заявление; на это ответил, что если это желание поставить на коленки, то, конечно, ни я, ни Ек<атерина> Павл<овна> (которая тут же подтвердила) даже не напишем об этом; а если всерьез без коленок — то дело другое. Определенного ответа не получил»[169].

Очевидно, что Екатерине Павловне не надо было «провоцировать» Е. Д. Кускову и С. Н. Прокоповича вернуться в Россию. Она очень старалась помочь им осуществить их собственные желания, но (к счастью для них — Кусковой и Прокоповича) оказалась бессильной.

---

[166] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 37. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 12 января 1926 г.

[167] Антонов-Овсеенко Владимир Александрович — в 1924–1928 гг. полпред СССР в Чехословакии.

[168] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 21. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Москвы в Прагу, 18 октября 1926 г.

[169] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 19 об. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Варшава, 21 января 1929 г.

А. В. Пешехонов[170] был арестован 28 июля 1922 года. 14 августа он написал заявление в Президиум ГПУ с просьбой разрешить ему выехать в Латвию вместе с женой и сыном 5 лет[171]. 22 сентября Народный комиссариат земледелия, в одном из управлений которого Пешехонов работал до ареста, подал в ГПУ ходатайство об отмене высылки Пешехонову как незаменимому работнику, лояльному к советской власти[172]. Ни заявление Пешехонова, ни ходатайство за подписью наркома земледелия не возымели успеха, и в последних числах сентября 1922 года он был выслан из России, а уже 13 октября 1922 года в «Последних новостях» была опубликована статья «Беседа с А. В. Пешехоновым». Вскоре Пешехонов написал ряд статей, основным мотивом которых являлся «хочу на родину», а затем в 1923 году вышла его брошюра «Почему я не

---

[170] Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) — общественно-политический деятель, публицист, экономист, статистик, один из лидеров партии народных социалистов. Учился в духовной семинарии, откуда был исключен за издание нелегального рукописного журнала «Из-под гнета». В 1891–1892 гг. принял участие в «хождении в народ». С 1898 г. — постоянный сотрудник журнала «Русское богатство». Принципиальный противник террористической борьбы, с начала 1900-х годов стал признавать террор как крайнее средство борьбы против произвола властей и оказывал помощь эсеровской Боевой организации. Член Всероссийского крестьянского союза, член Трудовой народно-социалистической партии и член ее ЦК, в мае — августе 1917 г. — министр продовольствия во Временном правительстве. Неоднократно арестовывался до революции. К Октябрьской революции отнесся отрицательно, являлся одним из основателей и активных деятелей «Союза возрождения России». Осенью 1918 г. выехал на юг, участвовал в Белом движении, позже работал в Центральном статистическом управлении Украины, участвовал в Комиссии помощи голодающим при Украинском ЦИК. В сентябре 1922 г. выслан из России. Жил в Риге, Берлине, Праге. Его оценка большевиков не была полностью негативной, т. к., будучи противником методов и средств, используемых большевиками в их диктатуре, он был сторонником сильной власти и принципа национализации. В 1925 г. подал заявление с просьбой разрешить вернуться на родину. В августе 1927 г. получил из Москвы предложение занять место экономического консультанта в странах Прибалтики. Умер в Риге.

[171] Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ГПУ. 1921–1923 / Вступ., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова. М.: Русский путь, 2005. С. 316.

[172] Там же. С. 317.

стал эмигрантом?», в которой он прямо заявил: «Конечно, нужно возвращаться… Нельзя долго оставаться в положении людей, лишенных отечества, — безнаказанно это не пройдет»[173]. 16 мая 1925 года он подал заявление с просьбой возвратиться в Россию в советское полпредство в Чехословакии[174].

Очевидно, что и Пешехонов не был «жертвой провокации» и что ему, так же как Кусковой и Прокоповичу, Екатерина Павловна старалась помочь осуществить его собственное желание. Ниже мы приводим фрагменты из двух писем к Кусковой, в которых говорится о предпринятых Винавером и Екатериной Павловной хлопотах:

30 декабря 1925 года. «<...> в прошлом году о нем у меня был положительный ответ, после его <Пешехонова> статей нашли, что его пребывание за границей полезно; теперь, по нашей просьбе, должны поставить этот вопрос на пересмотр»[175].

---

[173] Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал? Берлин, 1923. С. 28 // Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. URL: mirknig.com. knigi… agoniya-beloy-emigracii.html

[174] 16 мая 1925 г. Пешехонов подал советскому полпреду в Праге В. А. Антонову-Овсеенко нижеследующее заявление:

«Полномочному Представителю СССР в Чехословакии.

В 1922 г. я вместе с другими лицами по распоряжению ГПУ был выслан из пределов СССР за границу, причем срока высылки мне не было указано. Имея, однако, ввиду, что по действующему советскому законодательству высылка может быть назначена на срок не более 3-х лет, я полагаю, что срок моей высылки во всяком случае истекает в текущем году. Желая возможно скорее возвратиться в Россию, я прошу Вас теперь же выяснить вопрос, могу ли я и когда именно получить визу на въезд в пределы СССР. 16/V 1925» (ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 142–143).

14 августа 1925 г. Кускова писала Горькому, что Пешехонов «возбудил недавно ходатайство о возвращении в Россию ввиду истечения срока (трехгодичного) ссылки. Долго ждал ответа. И получил: отказ. Для всех прекраснодушных, которые ждут, что все «образуется бескровно», — иллюстрация изумительная. Ведь Пешехонов признает Советы и Октябрь не для практических целей, а нутром, для себя. Но признать — недостаточно, нужно еще пасть ниц, испачкать все свое я, и вот так вывалявшись в грязи — явиться на службу новому строю» (АГ. Т. XVI. А. М. Горький и М. И. Будберг. Переписка (1920–1936). М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 309).

[175] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 1. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 30 декабря 1925 г.

29 марта 1927 года. «Милая Екатерина Дмитриевна! <...> С Пешехоновским въездом все еще вопрос висит в воздухе. Ник<олай> Дм<итриевич>[176] просит меня Вам передать, что он давал сведения о разрешении, об отказе и пр<очем>, что он сообщал, как результат переговоров с Менж<инским>. Но ведь дело не в том учреждении, а в другом — высшем. Там все на той же точке. Что за несчастная семья. То тяга домой не давала покоя, то болезни»[177].

В результате длительных (более двух лет) хлопот Екатерины Павловны, Винавера, и, по-видимому, не только их, Пешехонов в августе 1927 года получил из Москвы предложение занять место экономического консультанта в странах Прибалтики и выехал в Ригу.

М. А. Осоргин был выслан за границу так же, как и Пешехонов, в конце сентября 1922 года. Осенью 1923 года он уехал из Берлина в Париж. Отношения с русской эмиграцией у него были сложными. Он не соглашался с эмигрантами, говорящими: «Россия погибла, России нет». В 1923 году он писал: «Ни от России, ни от революции мы не отрекались и не отречемся. От бед и несчастий российских никакой “нечаянной радости” не ждали и не ждем. Россию настоящую, страдающую, всю целиком, с ее язвами и ее пробуждающейся жизнью любим не меньше предполагаемой “будущей”»[178]. Советский заграничный паспорт (в красной обложке с девизом «Пролетарии всех стран соединяйтесь» и с записью, что обладатель этого паспорта высылается из пределов Советской России) он сохранял вплоть до 1937 года, но заявления с просьбой разрешить возвратиться на родину он никогда не подавал. Осенью 1925 года Осоргин опубликовал в «Последних новостях» статью[179], в которой размышлял о необходимости «духовного сближения с новой Россией», о «духовном слиянии» и «духовном возвращении». Его статья вызвала негодование в эмигрантской прес-

---

[176] Вероятно, Николай Дмитриевич Кондратьев.

[177] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 3–20. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 29 марта 1927 г.

[178] Осоргин Мих. Встреча // Дни. 1923. 4 марта. № 105.

[179] Осоргин Мих. Требуется ланцет // Последние новости. 1925. 28 октября. № 1691.

се. М. П. Арцыбашев возмущался: М. Осоргин «заявил о своем полнейшем “созвучии” с г. Пешехоновым и, со свойственным ему ерничеством, ехидно смеется и над непримиримостью, и над ссылками на Герцена, и над “пафосом” не желающих вернуться в Совдепию»[180].

Очевидно, что и Осоргин не был «жертвой провокации» и что не Екатерина Павловна его «соблазняла». Что же касается высказывания Екатерины Павловны по поводу Дзержинского, то реакция Осоргина довольно примечательна: он категорически осуждал Дзержинского и безусловно не соглашался с позицией Горького, но доброго отношения к Екатерине Павловне не изменил. Он писал Алексею Максимовичу: «Знаю также тяжкий путь, пройденный Дзержинским, и его бескорыстие личное. <…> Но государственный убийца <…> — уже не человек, а извращение идеи человека. <…> Простым человеком и настоящим и искренним имя его будет в России навеки проклято.<…> Очень прошу Вас кланяться Екатерине Павловне, если она в Сорренто. Среди тысячи людей, которых участь она облегчила, был и я»[181].

Талантливейший писатель и умнейший человек Ходасевич, относившийся к Горькому с пониманием и даже с любовью, ошибся в своих подозрениях по поводу «провокаторской» роли Екатерины Павловны, ошибся он, и причисляя ее к «кремлевским дамам», не ошибся он в одном: она действительно приняла советскую власть. Она радовалась положительным изменениям в жизни советских людей — росту благосостояния и культуры, радовалась возрождению экономики, разрушенной войнами, переживала за свою страну, которой удалось первой в мире совершить социалистическую революцию, и верила, что, укрепив свою власть, большевики станут более лояльными к идеологическим врагам и к не принявшей их интеллигенции. И она мечтала, чтобы ее сын вернулся на родину.

Посещения Сорренто Екатерина Павловна приурочивала ко времени рабочих поездок в Варшаву. Летом 1926 года она задер-

---

[180] Арцыбашев М. П. Жгучий вопрос. URL: http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0450.shtml

[181] Бочарова И. Согласно голосу совести // Арбатский Архив. М., 1997. С. 337–338.

живалась с приездом, и Алексей Максимович торопил ее: «Тебе Пилсудский помешал ехать сюда? Или что другое? Письма ты пишешь так же редко, как Ф. Тютчев писал стихи, и неизвестно: жива ты или нет? Я пишу тебе чаще, хотя и занят, как черт в аду, работаю 8–10 часов в день. <...> Когда же ты приедешь?»[182]; «Бабушка — <...> приезжай. Довольно бездельничать»[183]. Когда она приехала в Сорренто, то окунулась в семейные заботы (она не предвидела, какой резонанс вызовет ее высказывание о Дзержинском).

«Дорогая Екатерина Дмитриевна. <...> <Вы> не ошиблись в том, что я делаю. Действительно, с 10 августа, как приехала сюда, вожусь с чудесной внучкой. Премилое и пресмешное создание. Попала снова оч<ень> кстати, т<а>к к<а>к няня девчушки заболела за неск<олько> дней до моего приезда, и матери одной было с ней трудно. Вчера обнаружился у нее тиф — определил врач, вызванный из Неаполя, а здешний лечил от колита. Сегодня ее увозят в больницу, все надо дезинфицировать и ждать, не заразится ли кто. Вот в какое время сюда попала»,[184] — писала Екатерина Павловна Е. Д. Кусковой.

Алексей Максимович «запойно» работал, Мария Игнатьевна уехала на месяц к детям, Иван Николаевич (Соловей) болел, в Сорренто гостил Зиновий с дочерью Лизой[185], Максим же был очень скучный[186]. Он сказал Екатерине Павловне, что ему до

---

[182] АГ. Т. IX. С. 254. Из Сорренто в Москву, 8 июня 1926 г.

[183] АГ. Т. IX. С. 255. Из Сорренто в Москву, 7 июля 1926 г.

[184] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 49–51. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 13 августа 1926 г.

[185] Пешкова-Маркова Елизавета Зиновьевна (1911–1989). В 1937 г. вместе с мужем, советским подданным, приехала в Россию, подверглась аресту и ссылкам, после реабилитации жила в Сочи. В 1938 г. был арестован муж, через две недели после его ареста — она с двухмесячным сыном, старший трехлетний сын был отправлен в детский дом. Найти мальчика и вызволить его из детского дома помогла Екатерина Павловна.

[186] На вилле Il Sorrito в конце ноября 1925 года начался ремонт, в результате которого она получила современные удобства. («Теперь есть водопровод, умывальник и ванна», — сообщил Максим Екатерине Павловне.) Ремонт длился до конца апреля 1926 года, и все это время семья Алексея Максимовича жила в Неаполе, вернулись они в Сорренто в начале мая. В Неаполе Максим часто посещал советское консульство, ездил он и в совет-

смерти надоело жить в Сорренто, и она снова начала думать, что можно сделать, как ему помочь: «Очень хотелось бы увезти с собой Максима. Закисает он тут и очень тоскует. <...> Жизнь здесь для работы Ал<ексея> М<аксимовича> идеальная, <…> но жизнь Максима убийственна»[187]; «Максим истомился тут окончательно»[188]; «Смотреть, как никчемно живет Максим, очень тяжело. Прямо не придумаешь, что и как ему посоветовать, и оставить Ал<ексея> М<аксимовича> невозможно. <...> Нормально живет здесь лишь один Ал<ексей> М<аксимович>, всецело поглощенный своей работой»[189]. Она понимала, что, пока Алексей Максимович не окончит свой роман, Максим не сможет его оставить, но ей казалось, что это время можно считать вычеркнутым из жизни сына. «Расцвел и ожил» Максим, когда к нему приехал его «товарищ по прежней работе», работающий в советском полпредстве в Афинах, и Екатерина Павловна надумала, что после того, как Мария Игнатьевна вернется от детей, Максим сможет приехать в Москву, хотя бы ненадолго.

В Сорренто Екатерина Павловна заболела (у нее начался плеврит), а затем заболела Марфа, которая спала с ней в одной комнате («чтобы Надя отдохнула»). Екатерине Павловне очень хотелось домой, и она досадовала, что «не они к нам, а я к ним должна при-

---

ское консульство в Риме; эти поездки, совершаемые на мотоцикле, вызвали подозрение итальянской полиции, и Максиму не возобновили разрешение на право езды на мотоцикле. («Максим — похудел, потому что ему запретили ездить на мотоцикле, а запретили потому, что отец его оказался членом ЦК РКП и тайным представителем этого ЦК в Италии. Я лично сему не верю. Максим же продает мотоцикл, часть марок и покупает автомобиль. “Гони природу в дверь” и т. д.» — АГ. Т. IX. С. 251. Из Неаполя в Москву, 23 февраля 1926 г.). Через некоторое время разрешение на мотоцикл было восстановлено, но от идеи автомобиля Максим не отказался.

187 АГ. ФЕП-рл 8–15–229. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 15 августа 1926 г.

188 Там же. 8–15–231. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 18 августа 1926 г.

189 Там же. 8–15–233. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 22 августа 1926 г.

езжать. Как хорошо было бы летом в Барвихе[190] маленькой Марфе»[191].

В Сорренто уезжали и приезжали гости: уехал Зиновий с дочкой, приехала Сара Григорьевна (жена Ивана Егоровича Вольнова) с сыном Ильей, приехал Борис Шаляпин с женой, и, главное, приехал Петр Петрович Крючков[192]: «Живет тут П<етр> П<етро-

---

[190] В подмосковной Барвихе находилась дача Екатерины Павловны. М. М. Пешкова рассказывала, что эту дачу купил А. М. Горький у барона Самельсона в 1922 г. до своего отъезда из России. В том же 1922 г. уехал из России в Германию барон Самельсон. Деньги за дачу Горький выплачивал в течение нескольких лет.

[191] АГ. ФЕП-рл 8–15–233. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 22 августа 1926 г.

[192] П. П. Крючков был доверенным лицом Горького, уполномоченным вести его дела с Госиздатом. Госиздат в течение долгого времени не переводил Горькому авторские гонорары, и поэтому Горький был недоволен Крючковым. (Письмо Горького к Ганецкому, вызвавшее скандал в эмигрантских кругах, а для Екатерины Павловны — поставившее под сомнение ее репутацию и чуть не приведшее к прекращению ее деятельности по помощи политзаключенным, было написано Горьким в связи с просьбой воздействовать на Госиздат.) М. Ф. Андреева пыталась защитить Крючкова в глазах Горького:

19 июня 1926 г. «Из коротенького письма М<арии> И<гнатьевны> знаю, что ты недоволен П<етром> П<етровичем>. Очень уж трудно и тяжко ему сейчас, ведь приходится присутствовать при том, как разные взбесившиеся слоны топчут ножищами с таким увлечением, с такой любовью и столькими трудами построенное хорошее дело — “Книгу”. И устал он, изнервничался за последний год до чертиков» (М. Ф. Андреева — А. М. Горькому // АГ. Т. С. XVI. 352).

19 июля 1926 г.: «К сожалению, П<етр> П<етрович> абсолютно не имеет возможностей <...> добиться от Госиздата каких-либо отчетов; во-первых, потому что ему, рядовому ответственному работнику, а не высшему чину, никто не ответит и никаких отчетов не даст, хотя бы он и являлся твоим доверенным; во-вторых, из Берлина добиться толку в Москве почти немыслимо; в-третьих, в Госиздате вообще очень трудно получить какие-либо отчетные данные об их изданиях и о прохождении сумм; в-четвертых, там произошло шесть смен руководящего персонала. Сердился ты — напрасно. Кроме всего этого, ты забыл, должно быть, условия и обстановку жизни в России? Вот будет П<етр> П<етрович> в Москве, восстановит и заведет связи…» (М. Ф. Андреева — А. М. Горькому // АГ. Т. XVI. С. 352–353).

По просьбе Крючкова М. Ф. Андреева вмешалась в решение вопросов, связанных с получением Горьким авторских гонораров от Госиздата, и ее

вич>, аккуратно ходит купаться, гуляет, беседует о делах с Ал<ексеем> М<аксимовичем>, сулит ему разное материальное благополучие от его, П<етра> П<етровича>, переговоров по приезде в Москву. Ал<ексей> М<аксимович> восхищается заботливостью П<етра> П<етровича>, считает себя многим обязанным ему, как говорил раньше об Ив<ане> Павл<овиче>, а еще раньше — о Пятницком. <...> Ну пусть так и будет, лишь бы ему спокойнее работалось»[193].

Максим с приездом Крючкова повеселел, они много времени проводили вместе. Вскоре к Крючкову приехала «что-то вроде его жены новой»[194]. «Малоинтересная. Очень странно видеть ее после Мар<ии> Фед<оровны>»[195], — заметила Екатерина Павловна (которая «согласно свойственному <ей> чувству справедливости» не могла не признавать незаурядность М. Ф. Андреевой). В Сорренто Крючков договорился с Алексеем Максимовичем о дальнейшем сотрудничестве; предполагалось, что он вернется в Берлин, уладит свои дела, а затем окончательно уедет из Германии в СССР и начнет работать в «Международной книге».

Пробыла Екатерина Павловна в Сорренто почти месяц («Зажилась я тут»[196]) — уехала 7 сентября, в Риме оформила визы, провела несколько дней во Флоренции вместе с приехавшей туда Лидой Бах, на обратном пути заехала в Прагу, где встречалась с Е. Д. Кусковой и другими русскими эмигрантами, 18 сентября была в Варшаве, 21 сентября — в Москве.

вмешательство было эффективным. Однако Алексей Максимович тяготился им. На четыре ее письма он ответил лишь одним (8 августа 1926 г.), а на ее просьбу разрешить ей приехать на отдых к нему в Сорренто ответил отказом: «Скажу тебе откровенно, М<ария> Ф<едоровна>, — не хочется мне, чтобы ты приехала сюда. <...> Будь здорова. А когда приедешь в Россию — пожалуйста, не хлопочи о моих делах с Госиздатом» (А. М. Горький — М. Ф. Андреевой // АГ. Т. С. XVI. 358).

193 АГ. ФЕП-рл 8–15–234. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 25 августа 1926 г.

194 Крючкова (ур. Медведовская) Елизавета Захаровна (1902–1938) — жена П. П. Крючкова.

195 АГ. ФЕП-рл 8–15–237. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 3 сентября 1926 г.

196 Там же.

В Москву она приехала больной (у нее был плеврит: повышенная температура не падала, болел бок) и очень расстроенной изменившимся к ней отношением эмиграции в связи с ее высказыванием о Дзержинском. Она не была уверена в том, что, скомпрометированная таким образом, она сможет (ей позволят представители оппозиционных политических партий) продолжать работу по помощи политическим заключенным. Но спустя примерно месяц после ее возвращения стало ясно, что никто ее от этой работы не освобождает, только Берлин «во исполнение своего глупого постановления не иметь с <ней> дела»[197] послал 25 долларов не в ПОМПОЛИТ, а на имя В. Н. Фигнер.

20 октября, заняв деньги на билет, Екатерина Павловна уехала в Гагры, где уже отдыхал М. К. Николаев. (Хотя, уезжая из Москвы, она чувствовала себя «не очень удобно», так как М. Л. Винавер в это время отсутствовал — находился в Ленинграде по делам ПОМПОЛИТа, но Екатерина Павловна боялась, что если не прогреется, то зиму проболеет.) Вернулась она в Москву в начале ноября.

«Приятно узнать, что Вы, маркиза, вернулись к пенатам. О Гаграх, Новом Афоне, Сухуми я мог бы рассказать Вам больше, чем Вы рассказали мне, причем я, конечно, половину сочинил бы.

Все благополучно. Макс купил автомобиль, влюбился в него и ни о чем ином говорить не может. Мотоцикл продает. Здоров.<...> Твое желание видеть сына и сноху зимою в Москве — сообщено им тотчас, но ответа от них еще не получено. Лично я опасаюсь, что они оба, отвыкнув от свирепости Гиперборейского климата, простудятся, получат по чахотке и скоропостижно скончаются, не успев свершить никаких великих дел. <...> Да, кажется, Макс с женой, на днях, отправится в Сицилию на авто. В Париж хотел ехать, но — визы не дают»[198].

Было ясно, что в ближайшее время Максим в Москву не приедет.

---

[197] Там же. ФЕП-кр 36–19–5. Е. Д. Кускова — Е. П. Пешковой. Прага, 22 марта 1927 г.

[198] АГ. Т. IX. С. 257–258. Из Сорренто в Москву, 24 ноября 1926 г.

1926 год завершился для Екатерины Павловны большой потерей: умер Андрей Юльевич Фейт, дружбой с которым она очень дорожила и мнение которого для нее очень много значило.

7 декабря 1926 года Ю. Н. Кольберг писала К. Г. Гогуа: «Мы все благополучны, но умер доктор Фейт Андрей Юльевич, а ты знаешь, какой это был друг и для меня и для детей. <...> Сегодня похороны[199]. <Ирина> вчера целый день была с его семьей. Очень горька его смерть, т. к. это действительно прекрасный был человек. У нас все сбилось с толку с этой смертью»[200].

На сообщение Екатерины Павловны о кончине А. Ю. Фейта Алексей Максимович ответил: «Да, вот и Андрей Юльевич ушел. Рано. Хотя ему и было, по твоим словам, 62 г<ода> — но у меня в памяти прекрасный человек этот остался — с 21 г<ода> — таким еще бодрым, живым. Впрочем — с той поры миновало пять лет уже. Сказочно быстро идет время. Леонида[201] жалко до тоски. Этот уж совсем преждевременно изработался. Так быстро исчезают хорошие люди, а равноценных им — не видишь. Говорить на эту тему не хочется. <...>

Ну, всего доброго. Желаю встретить праздники весело. Лучше бы, разумеется, встретить их с нами»[202].

---

[199] А. Ю. Фейт был похоронен на Новодевичьем кладбище, его могила находится на участке, где захоронены народники.

[200] Ю. Н. Кольберг — К. Г. Гогуа. Москва, 7 декабря 1926 г. // Архив И. К. Гогуа / Архив Общества «Мемориал».

[201] 24 ноября 1926 г. в Лондоне, находясь на посту полпреда СССР в Англии, умер Л. Б. Красин. Алексей Максимович попросил Екатерину Павловну: «Пожалуйста, возложи венок на гроб Леонида Борисовича. Надпись на ленте: “Старому другу. М. Г.” Вот и еще один ушел. На мою оценку он, по уму своему, по талантливости, был вторым после В<ладимира> Ильича. <...> Да, “старики” уходят, не доживая до старости, а молодые как-то слишком уж молоды. Здесь, разумеется, снова воспляшут на могиле. Какая мразь, эта эмиграция, и как быстро гниет она» (АГ. Т. IX. С. 258–259. Из Сорренто в Москву, 27 ноября 1926 г.). Сразу после смерти Красина Горький начал писать воспоминания о нем и 5 декабря 1926 г. послал их в Москву в «Международную книгу».

[202] АГ. Т. IX. С. 259. Из Сорренто в Москву, 14 декабря 1926 г.

РАБОТА И ОТДЫХ. УБИЙСТВО П. Л. ВОЙКОВА И П. Д. ДОЛГОРУКОВА. В СОРРЕНТО, В ВАРШАВЕ, В МОСКВЕ. 10-ЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ. 1927 г.

В 1926–1927 годах у ПОМПОЛИТа было по-прежнему много работы, хотя к началу 1926 года количество вновь арестованных по политическим статьям заметно уменьшилось. В январе 1926 года М. Л. Винавер писал Е. Д. Кусковой: «Спрашиваете про Ек<атерину> Павл<овну>. Она оправилась от фурунк<улеза> совершенно, но как-то больше устает теперь. К счастью, дел гораздо меньше. Но беготни не меньше, т<а>к к<а>к большая идет корресп<онденция> с ссылками и тюрьмами, и много беготни по этому поводу»[203].

Что касается работы Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста, то она значительно уменьшилась. В 1926 году были закрыты московские концлагеря, и поляки, осужденные к заключению в концлагерь, отправлялись на Соловки, поэтому регулярно навещать в Москве надо было только Бутырскую тюрьму, и Екатерина Павловна сократила число сотрудников Бюро до двух человек (секретарь и шофер). При этом Бюро по-прежнему помогало осужденным полякам заменить лагерь и ссылку выездом на родину; помогало лицам, желающим выехать в Польшу, получить визы и разрешения на выезд из СССР; оказывало помощь по отправке детей к родным, а также отвечало на многочисленные запросы. Кроме того, не прекращалась работа по обменам.

В феврале 1927 года в связи с предстоящим обменом Екатерина Павловна посетила Минск (Дом заключения). В марте она выехала в Варшаву, где пробыла несколько дней и где ее «одолел народ, ни минутки одна не была. И поздно вечерами были люди. За то все все обещали»[204]. Из Варшавы, как обычно, уехала в Сорренто; а так как она не хотела встречаться с русскими эмигрантами, осуждавшими ее за отношение к Дзержинскому, то выбрала поезд, идущий в Италию через Вену, а не через Берлин.

---

[203] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 37–38. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 12 января 1926 г.

[204] АГ. ФЕП-рл 8–15–252. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 22 марта 1927 г.

Отношение берлинцев глубоко задевало Екатерину Павловну: «…что касается насчет бойкота меня Berlin'ом, о кот<ором> Вы сообщили Виноверу, а теперь написали мне, то он или отошел в области преданий, или был частным мнением Лидии Осиповны. После Вашего письма Мих<аил> Льв<ович> написал об этом Фридлендеру, котор<ый> был в Berlin'е. Тот прислал ему ответ, что никакой враждебности ко мне там нет. Все, к<а>к было. И мы тогда же получили в мой адрес какое-то количество денег для Креста. Ну, а если это и есть — их дело. Меня могло волновать отношение заключенных. Оно было очень заботливым и трогательным, и оно решило вопрос, кот<орый> сама себе ставила. Ну, хватит об этом. В свое время достаточно намучилась от дум, и разговоров, и переписки»[205], — писала она Е. Д. Кусковой по приезде в Италию.

В Италию она приехала 25 марта, в Неаполе ее встретил Максим. Оказалось, что за ней следят: вначале на границе тщательно проверяли визы[206], особенно чешскую, а затем «какой-то прохожий, обогнав <ее>, сообщил, что за <ней> следит велосипедист»[207]. (Слежку за собой замечала и Мария Игнатьевна, и Максим: «В конце апреля ездил в первый раз в Сицилию. <...> В Палермо меня встретили некие мужчины, которые с большой предупредительностью не отставали ни на шаг в течение всего времени, пока я там находился»[208].)

Екатерина Павловна успела приехать в Сорренто ко дню рождения Алексея Максимовича[209]: «Совсем другой мир, и кажется

---

[205] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 3–20. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 27 марта 1927 г.

[206] Италия была первой страной, в которой фашисты пришли к власти. В 1926 г. правительство Муссолини получило законодательные полномочия, в результате был создан фашистский трибунал и приняты законы «О защите государственных направлений на борьбу с политическими противниками фашизма». С ноября 1926 г. на пограничных пунктах Италии был ужесточен пропускной режим.

[207] Там же. 8–15–254. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Рима — Неаполя в Москву, 25 марта 1927 г.

[208] АГ. Т. XVI. С. 373. М. А. Пешков — Е. П. Пешковой.

[209] В семье день рождения Алексея Максимовича отмечали 27 марта, а затем 30 марта отмечали его именины.

невероятным, что 2,5 недели назад была на морозе и в своей обычной московской сутолке. <...> В доме настроение спокойное и, верно, потому так бросается в глаза радость жизни»[210]. Алексей Максимович был здоров. Его здоровье всегда волновало близких, и, конечно же, Екатерину Павловну. В январе он ей сообщил: «А я тут простудился, и очень основательно, так что не мог встретить и Н<овый> год. Опасались воспаления легких и уремии — отравления мочой. Помнишь, от этого умирал Н. Н. Фрелих? Я очень обиделся, подумав: неужели и мне надо будет икать? Скучно. Лечили два врача. Как видишь — вылечили»[211]. В ответ на его письмо с этим сообщением встревоженная Екатерина Павловна послала телеграмму: «Получена твоя телеграмма с вопросом о моем здоровье. И охота тебе тратить деньги на такие плохенькие вещи, каково мое старческое здоровье, ты бы лучше купила на эти деньги чего-нибудь сладкого, например, — рахат-лукума или халвы и съела бы это одна[212]. Но уж если тебя интересует здоровье — изволь: перед праздниками его весьма сильно протряс бронхит, который грозил даже воспалением легких, но дружными усилиями двух докторов, действовавших самозабвенно, как нетрезвые пожарные солдаты, а особенно бескорыстной работой Соловья, бренное мое тело снова окрепло. <...>. Денег на депеши — не трать, если я умру, об этом будут телеграммы в газетах. Я ведь не трубочист или водопроводчик, которые умирают бесславно и без упоминания в газетах о этих благородных поступках их»[213]. Теперь он был здоров и много времени проводил за письменным столом; он дал ей читать свой новый роман, работа над которым не позволяла ему уехать из Италии. «Идеальнее условий жизни для работы Ал<ексея> М<аксимовича> не сыскать»[214], — понимала Екатерина Павловна. Что же

---

[210] АГ. ФЕП-рл 8–15–263. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 3 апреля 1927 г.

[211] АГ. Т. IX. С. 262. Из Сорренто в Москву, 7 января 1927 г.

[212] «…ты бы лучше купила на эти деньги <...> и съела бы это одна» — эта шутка объединяла их. В ней была отсылка к И. А. Бунину времен начала 1900-х гг., когда тот в ответ на предложение участвовать в сборах денег на какую-нибудь филантропическую цель говорил: «Лучше я себе чего-нибудь куплю».

[213] Там же. С. 262–263. Из Сорренто в Москву, 17 января 1927 г.

[214] АГ. ФЕП-рл 8–15–255. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 26 марта 1927 г.

касается самого романа, то читать его ей было «интересно», так как «знакомая среда», а воспринять — трудно: «Такого огромного содержания новая вещь Ал<ексея> М<аксимовича>, что не выбралась голова из массы лиц и сцен и положений, приведенных в ней»[215].

В Сорренто она много читала, «что некогда делать в Москве» (в основном это были книги современных русских писателей, как издаваемые в СССР, так и эмигрантские издания), наслаждалась внучкой[216], и у нее появилась задумка — вернуться в Москву вместе с Максимом, который поедет «в гости». («Прочих не вытащишь, пока дома об этом не говори»[217].) Однако осуществиться этой ее задумке помешали международные события: 6 апреля пекинской полицией был совершен налет на советское посольст-

---

[215] АГ. ФЕП-рл 8–15–260. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 1 апреля 1927 г.

[216] О подрастающей внучке Алексей Максимович писал Екатерине Павловне в каждом письме. Вот небольшие отрывки только из некоторых его писем:

«Прилагаю снимок с твоей внуки. <...> Весьма занятная девчурка, и я нахожу в ней что-то общее с Катей. Родители, конечно, играют ею, как игрушкой» (АГ. Т. IX. С. 257. Из Сорренто в Москву, 29 октября 1926 г.).

«Дома — все в порядке. Первое лицо — Марфа — разумеется, с каждым днем все более забавна. <...> Если сделать ей страшную рожу и сказать: вот идет старая, ужасная дедушка! — она, с визгом, бежит прочь, хохочет. Соловей танцует с нею под граммофон, она пресмешно топает ножонками, вертит головою и руками. У нее хороший аппетит. Очень своенравна и капризна. Папаша балует ее, конечно» (АГ. Т. IX. С. 259. Из Сорренто в Москву, 14 декабря 1926 г.).

«Елка сейчас кончилась — детская. Я только что пришел снизу. Первый свой праздник Марфа встретила удивительно забавно и хорошо. <...> Растрогался старик. Вспомнил Катю. Ей было бы 26 лет. Имела бы она штуки три детей. Очень это хорошо — дети. Маленькие, разумеется» (АГ. Т. IX. С. 260–261. Из Сорренто в Москву, 24 декабря 1926 г.).

«Возлюбленная твоя внука тоже <...> поражает мир злодейством. Мать она бьет. Отец ее балует. Дедушка — нейтрален, а из-за угла обучает внуку всяческому озорству. <...> Приезжай, Марфа тебя вздует» (АГ. Т. IX. С. 263. Из Сорренто в Москву, 17 января 1927 г.).

[217] АГ. ФЕП-рл 8–15–259. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 31 марта 1927 г.

во[218], и Екатерина Павловна заторопилась домой («тревожно и домой потянуло»[219]), а Максим из-за событий в Китае решил отложить поездку в Союз. 10 апреля Екатерина Павловна уехала из Сорренто в Рим (уезжать ей было жаль — жаль оставлять Марфу). Провожал ее Максим, который пробыл с ней несколько дней — пока она не получила визы. Возвращалась, как и ехала в Италию, — минуя Берлин. («Из Берлина письмо получила, зовут туда заехать — не заеду. Поеду прямо на Вену»[220].) Обида на берлинцев у нее не прошла, но, по-видимому, она понимала негодование русских эмигрантов, и тем более оно было ей неприятно; наверное, она понимала и то, что становится для них представительницей враждебной власти, в каком-то смысле — отступницей от идеалов. Может быть, она чувствовала и какую-то свою правоту в том, что делала, что могла сделать, но в полемику она не вступила и, обычно закрытая, закрылась еще больше. Доброе же отношение к себе ее всегда радовало и несколько удивляло. И теперь из Флоренции (которую она, конечно, не миновала) она написала М. К. Николаеву, что встретила художника Лохова[221],

---

[218] 6 апреля 1927 г. пекинская полиция устроила налет на советское посольство, в результате которого было захвачено большое количество секретных документов, свидетельствующих о деятельности советских дипломатов, направленной на смену политического режима в Китае. В Китае начались антисоветские выступления. 12 апреля произошел Шанхайский «инцидент» — резня, положившая начало Гражданской войне. Правящей партией в Китае стал Гоминьдан (национальная партия) во главе с Чан Кайши, начавший преследование коммунистов. В декабре 1927 г. правительство Китая закрыло советское посольство, все консульства, торговые представительства и агентства.

[219] АГ. ФЕП-рл 8–15–266. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Неаполя в Москву, 7 апреля 1927 г.

[220] Там же. 8–15–263. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Неаполя в Москву, 4 апреля 1927 г.

[221] Лохов Николай Николаевич (?–1948) — русский художник, мечтавший создать в России музей с копиями работ старых мастеров (для знакомства с главными произведениями мировой живописи). Получив одобрение Музея изящных искусств в Москве, за несколько лет до Первой мировой войны он приехал в Италию, имел во Флоренции студию. Из намеченного списка (приблизительно в 150 работ) успел написать около 40. После кончины Н. Н. Лохова его семья предложила Советскому Союзу приобрести его коллекцию, но получила отказ. В настоящее время коллекция картин Лохова находится в Питсбурге.

Екатерина Павловна, приезжая во Флоренцию, встречалась с Лоховым и посещала его студию.

и он свое отношение к ней не изменил: «Приятно удивлена была, что он не в числе хора меня за границей ругавших»[222]. (Отношение эмиграции больно задевало не только Екатерину Павловну, но и М. Л. Винавера. Так, в начале 1929 года он писал Е. Д. Кусковой: «А насчет “хорошего отношения” к<*а*>к-нибудь потолкуем лично. Редко у кого оно проявляется — несмотря на много вместе пережитого»[223].)

В Варшаву Екатерина Павловна приехала 17 апреля, в воскресенье, в снег с дождем, имея с собой лишь несколько долларов. (Деньги, бывшие у нее, она потратила в Риме на подарки, в том числе и обитателям виллы Il Sorrito — им их отвез провожавший ее Максим. Не забыла Екатерина Павловна и соседскую девочку, с которой играла Марфа: «Марфа и Эльза обрадовались медведям, но так как звери — разноцветные, вышла легкая ссора»[224].) Остановилась, как всегда, в отеле EUROPEJSKI. «Вот я и полудома. <...> Позвонила Семполовской, она ко мне вскоре приехала и рассказала мне наши деловые новости. Все не закончен этот несчастный обмен. <...> Коли не вернут мне здесь за поездку, придется занять денег. <...> Формально в Кресте начинают работать во вторник, но р<ani> Семполовская говорит, что во вторник никого не поймать и ничего не добиться»[225], — писала Екатерина Павловна. Домой она возвращалась к Пасхе и просила, чтобы к ее приезду купили творог и сметану, пасху она хотела приготовить сама.

7 июня 1927 года в Варшаве был убит советский полпред П. Л. Войков[226]. «В ответ» на его убийство в ночь с 9 на 10 июня

---

[222] АГ. ФЕП-рл 8–15–269. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Флоренции в Москву, 14 апреля 1927 г.

[223] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 69–70. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 21 января 1929 г.

[224] АГ. Т. IX. С. 265. Из Сорренто в Варшаву, 13 апреля 1927 г.

[225] АГ. ФЕП-рл 8–15–270. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 17 апреля 1927 г.

[226] П. Л. Войков был убит 20-летними монархистом Б. Ковердой (1907–1987). Польский суд приговорил Б. Коверду к пожизненным каторжным работам, замененным на 15-летние. В 1937 г. он был освобожден по амнистии и уехал в Югославию. С 1952 г. жил с семьей в США.

были расстреляны без суда и следствия 20 представителей российского дворянства — заключенные советских тюрем. В числе расстрелянных был князь Павел Дмитриевич Долгоруков[227], судьбой которого была озабочена русская эмиграция и которого опекал ПОМПОЛИТ.

Павел Долгоруков в июне 1926 года перешел через румынскую границу в СССР и благополучно добрался до Харькова. Некоторое время он прожил по имевшимся у него документам на имя Ивана Васильевича Сидоренко, полтавского учителя, но по пути в Москву был арестован на ст. Лопасня, отправлен обратно в Харьков и заключен в тюрьму. В январе 1927 года М. Л. Винавер, приехав в Варшаву, получил письмо от Е. Д. Кусковой с просьбой оказать помощь Павлу Долгорукову, после чего ПОМПОЛИТ включил его в число своих подопечных: «Об аресте Павла Долгорукова мы както смутно слыхали, но не были уверены, правда ли это. Т<а>к к<а>к никто не обращался насчет него, то мы не запрашивали, боясь повредить ему, если неверными бы оказались слухи. Теперь, конечно, займемся им, о чем я уже написал Ек<атерине> Павл<овне>. Что грозит ему, трудно сказать, но думаю, что, вернее, администр<ативное> наказание, чем суд. Не желая гадать, напишу, когда нам скажут. Не думаю все-таки, чтоб больше высылки или ссылки. Пока никто о нем не хлопотал, не помогал, по крайней мере, мы этого не знали; не знали даже, что он в Москве (если это сведение только верно). Что касается защиты, то думаю, что не будет нужды в ней, т<а>к к<а>к дело не пойдет в суд; но если бы нужна была, конечно, организуем. Обратимся к Пав<лу> Ник<олаевичу>[228] или другому защитнику той же

[227] Долгоруков Павел Дмитриевич (1866–1927) — князь, из дворянской семьи, восходящей к Рюриковичам, камергер, крупный землевладелец, один из богатейших людей России, политический и общественный деятель, один из основателей и лидеров партии кадетов, организатор движения в поддержку Добровольческой армии. С осени 1920 г. в эмиграции. Предпринял два нелегальных посещения СССР. В начале июля 1924 г. перешел советско-польскую границу, был арестован, но не опознан и выдворен обратно. Во второй раз, в июне 1926 г., перешел советско-румынскую границу, был арестован и заключен в Харьковскую тюрьму. Расстрелян 9 июня 1927 г.

[228] Малянтович Павел Николаевич.

меры[229]. На письмо брата П<авла> Д<олгорукова>[230] — я ответил ему».

В марте 1927 года в зарубежных газетах появилось сообщение о том, что князь Долгоруков приговорен к смертной казни, а через неделю газеты сообщили, что приговор приведен в исполнение, при этом «очевидцы» и «собственные корреспонденты» описывали подробности казни. Незадолго до этих сообщений родные князя получили от него письмо, в котором он рассказывал о своей жизни в заключении; в частности, он писал, что комната, в которой он содержится, лучше, чем его парижская: в Париже он жил в мансарде 7-го этажа без электричества, а в Харькове у него есть не только электричество, но и особая лампа около постели, позволяющая много читать. Обратный адрес на конверте «Харьков, Харьковское ГПУ» был написан другой, не его рукой. «Письмо Павла Дм<итриевича> было очень спокойное, хорошее и интересное»[231], и когда в зарубежных газетах появилось сообщение о расстреле его автора, Е. Д. Кускова стала настаивать на публикации этого письма. Тем временем в газете «Известия» был напечатан фельетон Г. Рыклина «Знатный путешественник, или Как застрял в Харькове князь Павел Долгоруков». В фельетоне опровергались сообщения эмигрантских газет и приводились слова князя: «Я хотел своими ушами и глазами удостовериться, что собой представляет Россия, и выяснить, каким образом эмиграции не быть отрезанным от нее ломтем, т<а>к к<а>к пропасть между эмиграцией и

---

229 ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 44–49. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 7 января 1927 г.

230 Долгоруков Петр Дмитриевич (1866 — не ранее 1945) — брат-близнец Павла Дмитриевича Долгорукова, политический и общественный деятель, один из организаторов и активных участников партии кадетов. С осени 1920 г. — в эмиграции. В 1922 г. переехал в Прагу, был избран зам. председателя Объединения русских эмигрантских организаций в Чехословакии. В 1945 г. при приходе Красной армии в Прагу был арестован, приговорен к 5 г. тюремного заключения и отправлен во Владимирскую тюрьму. «…по данным “Мемориала”, его пять лет содержали во владимирской тюрьме и почему-то не освободили по истечении срока заключения. Возможно, престарелый и больной человек был уже в таком состоянии, что его и поднять с постели (или с нар) было невозможно». (Фролова Е. И. Непопулярная эмиграция // Нева. 2006. № 10).

231 АГ. ФЕП-кр 36–19-5. Е. Д. Кускова — Е. П. Пешковой. Прага, 22 марта 1927 г.

даже небольшевистской Россией все углубляется, и обе стороны плохо друг друга понимают»[232].

ПОМПОЛИТ оказывал Павлу Долгорукову поддержку деньгами, посылками, хлопотал о том, чтобы предстоящий приговор был не слишком суровым. Екатерина Павловна и Михаил Львович уверяли своих зарубежных корреспондентов, что жизнь князю будет сохранена, но при этом они просили, чтобы их сведения не были достоянием гласности: «Милая Екатерина Дмитриевна! <...> Говорят здесь, что читали мой ответ брату Пав<ла> Дм<итриевича> в газетах. Как ни старалась не попасть со своим именем в газеты — опять случилось. Зачем он это сделал. А я еще волновалась, дойдет ли мой ответ к нему[233]. На днях судьба П<авла> Д<митриевича> решится. Со всеми, с кем требуется, я говорила перед отъездом и получила заверения, что ничто страшное ему не грозит. Скажите об этом его брату, но без права передавать об этом в газетах, так как это и неудобно мне и не выгодно для Пав<ла> Д<митриевича>. Как только будет приговор, меня известят, а я сообщу Вам»[234].

«Милая Екатерина Дмитриевна! <...> Деньги от Петр<а> Дм<итриевича> Долгор<укова>, если это те, что он послал через Париж, мы получили, о чем послали Josefson'у[235] квитанцию.

---

[232] Известия. 1927. 9 апреля. № 81 (3015).

[233] 29 января 1927 г. ПОМПОЛИТом было отправлено письмо в Прагу следующего содержания:
«Петру Дмитриевичу Долгорукову. Прага.
В ответ на Ваше обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, брат Ваш, Павел Дмитриевич Долгоруков, действительно арестован и содержится в Харькове. Дело его в следствии. Ваше письмо переслано ему. Помощь ему оказать, конечно, можно. Вы можете прислать для него деньги в наш адрес. Вчера перевели ему десять рублей» (ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 168. Л. 20).

[234] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390а. Л. 1–2. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 23 марта 1927 г.

[235] M. Josefson — представитель организации "Croix Rouge Russe a Paris. Secours aux corvess politique en RUSSIE". Через эту организацию оказывалась помощь (деньгами и вещами) российским политзаключенным и политссыльным различных категорий. Деньги обычно пересылались чеками через банк (Banque du "Commerce pour Pays de l'Europe"), по их получении Е. П. Пешкова высылала расписку, а затем по получении денег адресатом — извещение о факте их получения лицом, которому помощь оказывалась. Вещи, как правило, передавались через Варшаву (Польский Красный Крест).

Кроме того, есть специальные поступления для него и в России. Есть — пока сидит. Скоро он получит приговор, видимо, высылку не оч<ень> скверную, судя по впечатлению во время последних переговоров о нем. Для ссылки денег ему потребуется, конечно, больше, чем пока сидит. Если есть для него деньги, удобнее всего их прямо перевести на Кузнецкий 16, и известить письмом, что такая-то сумма переводится такому-то. Но если брат денег не добудет, пусть не оч<ень> беспокоится, т<а>к к<а>к для Пав<ла> Дм<итриевича> персонально можно достать и у нас. <...> ему <...> посылаются оч<ень> хорошие посылки. Послали ему в последний раз в день моего отъезда белье, одеяло. Все, что понадобится, — пошлем, когда будем знать место его высылки. Очень мы смеялись: — в его письме ко мне подпись: «с буржуазным приветом. П. Д.»[236]

Винавер успокаивал Кускову: «Дело его закончится в течение ближайшего времени. <...> Мы с ним в постоянной переписке. Посылаем, что надо. Недавно послали белье, платье, пальто, деньги. Думаю, что скоро он будет освобожден и получит небольшую высылку — какой-нибудь не университетский город не в центр<альной> России, а в ноябре, очевидно, и это будет снято по амнистии. Но это мое предположение. Во всяком случае, отношение к нему стало хорошим. Все это для Вас, его семьи, но не для печати и без указания источника, а то это не официально полученное решение, а частные разговоры»[237]. «<...> о Долгор<укове>. Думаю, что слухи “Руля”[238] абсолютно вздорны»[239], — уверял М. Л. Винавер в мае 1927 года, а спустя месяц князь Павел Долгоруков был расстрелян. Разумеется, Екатерина Павловна и Михаил Львович не могли предвидеть будущие события и реакцию властей на них, не могли они

---

[236] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 3–20. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 27 марта 1927 г.

[237] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 42–43. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 27 апреля 1927 г.

[238] «Руль» — ежедневная политическая эмигрантская газета кадетского направления, выходила в 1920–1931 гг. в Берлине.

[239] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 54. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 6 мая 1927 г.

и отвечать за действия властей[240] — но считали ли они эти действия правомерными?

Екатерине Павловне предстояла встреча с Петром Долгоруковым. Приехав в Сорренто в сентябре 1927 года, она писала Кусковой: «Милая Екатерина Дмитриевна. Уже больше полутора недель живу у своих. Здесь застала Ваше письмо и письмо Петра Дм<итриевича>. <...> Простите, что не сразу отвечаю. Полежала на солнце, покупалась, более или менее пришла в себя и теперь пишу, а то оч<ень> усталой сюда приехала и хотелось мыслями подальше от своей работы уйти. Надо написать и П<етру> Дм<итриевичу>. Но совсем не знаю, куда и когда отсюда уеду. <...> думала предложить П<етру> Дм<итриевичу> приехать <в Берлин> и переговорить о том, что его интересует. Сказать особенно нечего, т<а>к к<а>к ведь я не видела Пав<ла> Дм<итриевича>, а лишь получила от него неск<олько> писем и, ожидая его скорого выезда в ссылку, мы послали ему целое "приданое": пальто, две-три смены белья и пр. Разумеется, ни о каких истязаниях не могло быть и речи. Все это вышло, как мы думаем, для всех, к<а>к и для нас — неожиданно»[241]. («Вышло <...> — не-

---

[240] Советские власти были возмущены не только убийством своего дипломата, но и самим судом. Чрезвычайный суд Польской республики над Б. Ковердой состоялся 15 июня, спустя неделю после гибели П. Л. Войкова. Фактически не было произведено следствия: Б. Коверда предстал перед судом как романтичный юноша, «монархист»-одиночка. (На самом деле к покушению Коверду готовили два человека: А. В. Павлюкович — издатель газеты «Белорусское слово» и М. И. Яковлев — белогвардейский казачий есаул.) Суд над Б. Ковердой, имевшим четыре защитника, в сущности, не имел обвинения. Еще находясь в зале суда, Б. Коверда стал для российской эмиграции «национальным героем». К возмущению советских властей польским судом добавлялось и то, что швейцарским судом в 1923 г. был оправдан М. Конради — убийца советского полпреда В. Воровского. Возмущение государственных властей можно понять. Но спустя десять лет после революции победившая большевистская власть вновь продемонстрировала жестокость режима («диктатуры пролетариата»), когда без суда и следствия, руководствуясь лишь классовой принадлежностью, были лишены жизни люди, ставшие заложниками событий, к которым они не имели отношения.

[241] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 60–67. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 24 сентября 1927 г.

ожиданно». И не более того — никаких комментариев, никаких эмоций и даже скупых слов сочувствия.)[242]

Расхождение в отношении к советской власти у Екатерины Павловны и у эмиграции со временем становилось все определеннее. Русские эмигранты оказывались все более оторванными от жизни послереволюционной России, они не видели происходящих положительных изменений в качестве жизни российского народа и, главное, не видели изменение ментальности массы советских людей, с энтузиазмом строящих новое социалистическое государство. Екатерина Павловна, пережившая вместе со всей страной голод и разруху, радовалась росту благосостояния и культуры советских людей; на нее, по-видимому, оказывали свое влияние советская пропаганда и Алексей Максимович, а домыслы эмигрантской прессы, вызванные неосведомленностью, по-видимому, позволяли Екатерине Павловне относить категорическое неприятие советской власти за счет естественной предвзятости и, в свою очередь, относиться к эмигрантам несколько скептически: «Читала сегодня “Руль”, узнала, что я приезжала в Варшаву и уехала оттуда в Москву. Приезжала в связи с переговорами советского правительства с социалистической частью эмиграции. Вот как полезно газеты читать. А я об этом и не знала. Вообще сведения о нас в белой прессе довольно фантастические, точно мы на другой планете живем»[243]. Ложная информация, помещенная в зарубежной прессе, Алексея Максимовича веселила: «В итальянских газетах написано, что Максим расстрелян Советской властью, ты этому не верь: Максим моет авто с Ильей[244]. <...> Что, — тебя не застрелят? Мне присы-

---

[242] Позже, в 1929 г., М. Л. Винавер высказался о случившемся с большим пониманием: «Что касается Пав<ла> Дм<итриевича>, то ведь вся трагедия состоит в том, что он был предназначен к освобождению, в худшем случае — к высылке в Казань на короткий срок (даже о городе конкретно говорили), а то отдавали себе отчет в перемене его взглядов <...> и, только потеряв голову, — сделали из него жертву — для наказания. Конечно, был убит человек уже не в борьбе» (ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 74–75. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 6 июня 1929 г.).

[243] АГ. ФЕП-рл 8–15–230. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Неаполя в Москву, 15 августа 1926 г.

[244] Илья Иванович Вольнов.

лают ругательские письма. <...> Войкова, Турова[245] — жалко. Что у вас там?»[246]

Однако что касается «другой планеты», то Екатерина Павловна не могла не знать, что даже обычная почтовая переписка с эмигрантами тщательно контролировалась советскими властями и была не безопасна для российских граждан, и сама она, находясь в Союзе, не пользовалась почтой, а с эмигрантами списывалась, только выезжая за границу[247]. На вопрос Кусковой, «не повредит» ли переписка с ней Л. П. Куприяновой[248], живущей в СССР, Екатерина Павловна отвечала: «Распоряжения о переписке нет. И, конечно, Ваша или Евг<ении> Ив<ановны>[249] переписка не может повредить Лид<ии> Петр<овне>. Ведь *кому надо* (курсив мой. — Л. Д.), прекрасно известны ваши давние отношения»[250]. В своих письмах Екатерина Павловна не касалась политических, экономических или нравственных вопросов — спорных тем. О ее отношении к советской власти можно судить только по некоторым строкам из ее писем М. К. Николаеву, а больше — по письмам М. Л. Винавера (ее ближайшего соратника по работе, верного помощника и единомышленника), адресованным Е. Д. Кусковой[251]. (Писал он, на-

---

[245] Туров Владимир Захарович — работник коллегии Наркомторга СССР, зам. торгпреда в Германии, 10 июня 1927 г. был убит неизвестным около ст. Битца Московско-Казанской ж. д.

[246] АГ. Т. IX. С. 267. Из Сорренто в Москву, 20 июня 1927 г.

[247] Так, в июле 1926 г. Винавер отвечал Кусковой: «Спрашиваете про Ек<атерину> Павловну. Она к 29<-му> или, в крайнем случае, к 31-му с<его> м<есяца> будет в Варшаве, затем через Берлин поедет в Италию в Сорренто и через месяц или 6 недель возвратится. Так что Вы сможете с ней списаться. В Варшаву пишите ей в Европейскую гостиницу, где она останавливается. В Сорренто прежний адрес Ал<ексея> Макс<имовича>». (ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 35–36. Из Варшавы в Прагу, 17 июля 1926 г.).

[248] Куприянова Лидия Петровна (1876–1941) — двоюродная сестра В. Н. Фигнер. До революции работала секретарем редакций журналов «Былое» и «Минувшие годы». В советское время — научная сотрудница ЦеКУБУ. Одна из членов-учредителей МПКК, уполномоченная по тюрьмам. Активно участвовала в работе ПОМПОЛИТа.

[249] Репьева Евгения Ивановна.

[250] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 60–67. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 24 сентября 1927 г.

[251] Наш спор с Вами решит жизнь. Письма М. Л. Винавера и Е. П. Пешковой к Е. Д. Кусковой. 1923–1936. М.: Восточная книга, 2009.

ходясь за границей, иногда сопровождая письмо просьбой его уничтожить.) По-видимому, Екатерина Павловна многие годы придерживалась тех же взглядов, что ее друзья А. Ю. Фейт и А. Н. Бах (бывшие народники) и часть российской интеллигенции, принявшие советскую власть — выбор народа — и надеявшиеся, что Россия, совершившая социалистическую революцию, со временем станет процветающей страной. Екатерина Павловна вновь и вновь обманывалась, ожидая от советских властей более гуманных действий. Так, весной 1927 года она не поверила сообщению Кусковой о том, что закрывается завод Фридлендера: «На другой день после заметки о неск<ольких> частных заводах, в том числе Фридлендера, было разъяснение, что никем не “открыт” незарегистрированный завод, а что он с ведома и в контакте с ВСНХ работал. Ничего ему не грозит»[252]. Но завод (фабрика) Фридлендера несмотря на то, что работал «с ведома и в контакте с ВСНХ», был национализирован, и Екатерине Павловне оставалось только сокрушаться: «<...> в Кресте приходится измышлять, как заполнить пробелы в наших делах, которые образовались, благодаря национализации з<аво>да Фридлендера, к<отор>ая все-таки на днях осуществится. Мы лишились оч<ень> крупного взноса, к<отор>ый оплачивал нам квартиру и жалованье 4-х служащих. Не знаю, как мы справимся»[253]. Действия властей она не обсуждала, просто перед ней встала задача, как поправить ухудшившееся материальное положение ПОМПОЛИТа.

В сентябре 1927 года Екатерина Павловна вновь выехала за границу, вначале, как всегда, в Варшаву по делам Польского Красного Креста, в частности обмена, а затем к «своим» в Сорренто. В Варшаве ее встречала Ст. Семполовская и сотрудник Министерства иностранных дел, они созвонились с Крестом, с министерством, с посольством, распределили время дня («так хорошо и бодро прошла первая его половина»), но дальше все не заладилось. Когда Екатерина Павловна приехала в посольство, ей сказали, что

---

[252] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 20. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 29 марта 1927 г.

[253] Там же. Л. 66. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 24 сентября 1927 г.

pani Семполовская обиделась, что не тот человек вставлен в обмен, о ком она условилась, и заявила, что уходит, если не исправят список или как-либо иначе не возьмут человека, о котором она сговорилась. Екатерина Павловна поехала к pani Семполовской, но у той был гость, при котором «говорить было нельзя» («чтобы его не волновать», так как он «встал после долгого лежания»), они посидели втроем, и Екатерина Павловна уехала. Когда р. Семполовская освободилась, она позвонила Екатерине Павловне и попросила не оказывать на нее морального давления, говорила, что пора ей бросать работу, но эти разговоры — не телефонные. От последующих «не телефонных» разговоров Екатерина Павловна быстро и сильно устала: «Препротивное создалось состояние и опять по-московски все дрожит во мне и щемит сердце. Видимо, проспать всю дорогу — поправка не прочная»[254]. Позже к переговорам присоединились А. Ф. Ульянов[255], заменивший Войкова, и Э. М. Залесский — представлявший Польский Красный Крест. Екатерине Павловне все люди, с которыми она общалась в Варшаве в эти дни, нравились и были ей милы, даже Ульянов в этот раз ей «очень понравился», и «девицы из Креста» казались «очень милыми». В конце концов сторонам удалось договориться, и по завершении переговоров был устроен обед. «Не приспособлена я для парадных обедов. То ли дело в Барвихе, когда обедом на 7 человек надо накормить 17»[256], — жаловалась Екатерина Павловна. В Варшаве она просыпалась в 5 утра (по барвихинскому времени). И хотя из Москвы она уехала настолько усталой, что забыла взять австрийский и чехословацкий Laisser passer[257], ей хотелось поскорее вернуться домой и оказаться в Барвихе, где, проснувшись рано утром, она подметала пол и варила кофе. (Что касается Laisser passer, то австрийский ей переслали в Варшаву, а чешский не нашли, и

---

[254] АГ. ФЕП-рл 8–15–272. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 5, 7–8 сентября 1927 г.

[255] Ульянов Александр Федорович (1901–1937) — в 1927 г. временный поверенный, советник посольства СССР в Польше, преемник Войкова. В 1917–1922 гг. — член ПСР.

[256] АГ. ФЕП-рл 8–15–272. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Москву, 5, 7–8 сентября 1927 г.

[257] Дипломатический документ, предоставляющий право свободного пересечения границы.

она просила его найти и переслать ей или через Винавера, или в Sorrento. Пересылали ей документы по дипломатической почте.)

12 сентября Екатерина Павловна приехала в Неаполь, где ее встречали Максим и Мария Игнатьевна. Максим ожидал в конце месяца прибавления семьи, в связи с чем собирался уехать с Надей из Сорренто в Неаполь до родов и пробыть там еще некоторое время после родов, а во время их отсутствия оставаться с Марфой и ее няней должна была Екатерина Павловна. Ее просили приехать в Сорренто возможно раньше, Алексей Максимович ее усовещал: «Послушайте, бесстыдная бабушка, — я так усердно забочусь о Вашем духовном развитии и воспитании, посылаю Вам десятки и сотни поучительнейших снимков с Вашей внуки для того, чтоб Вы видели, как должен жить нормальный, разумный человек, а — Вы?»[258] И Екатерина Павловна поторопилась приехать «в ущерб своим делам».

Через день после ее приезда в Сорренто произошел забавный эпизод. За завтраком присутствовал гость профессор Ерманский[259] — «глава и родоначальник нашего НОТа». Лет 5 тому назад он был «клиентом» Екатерины Павловны, но в обстановке виллы Il Sorrito он ее не узнал, она тоже забыла его. Ему сказали, что она приехала из Москвы, и он осведомился, в каких кругах она вращается. Она ответила: «В немногих. В кругах “Политического Креста”. Проф<ессор>: “Значит, Вы знаете Екатерину Павловну?” — “Так это же я и есть”. Все долго смеялись», а Екатерина Павловна «пожалела, что не сказала на его вопрос: “Да, препротивная женщина Ек<атерина> П<авловна>”. Интересно, что бы он стал говорить»[260]. Ерманский в Сорренто не задержался, он уехал

---

[258] АГ. Т. IX. С. 268. Из Сорренто в Москву, 14 июля 1927 г.

[259] Ерманский Осип Аркадьевич (1867–1941) — российский политический деятель (социал-демократ), теоретик в области рационализации производства и научной организации труда, публицист, мемуарист, один из зачинателей советской науки управления (ввел в научный обиход термин НОТ — научная организация труда). Был профессором Первого Московского государственного университета, позже — зав. кафедрой экономики и организации производства МВТУ. Арестовывался в 1920, 1921, 1931, 1937, 1940 гг. Погиб в ИТЛ в 1941 г.

[260] АГ. ФЕП-рл 8–15–278. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 14 сентября 1927 г.

смотреть постановку работы в различных крупных фирмах Италии и Германии.

Встреча в Сорренто с еще одним гостем Алексея Максимовича — Борисом Михайловичем Зубакиным[261] — для Екатерины Павловны не была неожиданностью. Алексей Максимович переписывался с Зубакиным с 1926 года, посылал ему через Екатерину Павловну некоторые свои книги, а затем пригласил приехать в Сорренто. («Зубакин и Цветаева — интереснейшая пара, и ты бы их приласкала. О визе Зубакину — хлопочу»[262].) А. И. Цветаеву Алексей Максимович тоже пригласил приехать, деньги на поездку были им посланы, и в августе 1927 года они приехали. Через некоторое время Анастасия Ивановна уехала в Париж навестить Марину, и когда Екатерина Павловна приехала в Сорренто, там оставался только Зубакин.

Б. М. Зубакин был незаурядно и разносторонне талантливым человеком: поэт, импровизатор, археолог, скульптор, философ-идеалист, интересующийся каббалой и древними религиозными учениями, анархист-мистик и христианин одновременно. Алексей Максимович писал о нем Екатерине Павловне: «Зубакин — талантливейший человек, но я его не видел, знаком лишь по письмам»[263]. Когда же Зубакин приехал в Сорренто, Алексей Максимович разочаровался в нем (сложные философские и религиозные интересы Зубакина были чужды Горькому), хотя и продолжал ценить его как поэта. Отношение Екатерины Павловны к Зубакину сложилось под влиянием Алексея Максимовича. В первый же день

---

[261] Зубакин Борис Михайлович (1894–1938) — поэт-импровизатор, скульптор, профессор Московского археологического института, теософ, каббалист, хиромант, анархист-мистик и христианин, организатор и руководитель Московского ордена розенкрейцеров, с 1922 г. близкий друг и духовный наставник Анастасии Ивановны Цветаевой. Арестовывался трижды. В первый раз — 31 декабря 1922 г., в феврале 1923 г. освобожден под подписку о невыезде. Второй раз — в июле 1929 г., приговорен к 3 г. ссылки и отправлен в Архангельск, в сентябре 1933 г. получил разрешение на свободное проживание. В последний, третий раз — 2 сентября 1937 г. как участник контрреволюционной фашистской организации «Орден розенкрейцеров». 26 января 1938 г. приговорен к ВМН и 3 февраля расстрелян.

[262] АГ. Т. IX. С. 267. Из Сорренто в Москву, 9 июня 1927 г.

[263] АГ. Т. IX. С. 269. Из Сорренто в Москву, 16 июля 1927 г.

по приезде в Сорренто она писала М. К. Николаеву: «Профессор читал стихи, некоторые очень недурные. Ал<ексей> М<аксимович> с ним строг. Здесь сожгли его белье и платье вскоре после приезда, купили все новое и сшили приличный костюм. <...> У него невиданный чистый и вымытый вид»[264]. В Сорренто от него устали еще до приезда Екатерины Павловны. (Не учитывая аудитории, Зубакин много и с удовольствием говорил об интересующих его предметах. Так, за обедом, на котором, кроме него, присутствовали только Алексей Максимович, Екатерина Павловна и Иван Николаевич (Соловей), он более двух часов на немецко-французско-русском языке «читал лекцию» об индусско-египетском происхождении карт.) Приехавшую в Сорренто Екатерину Павловну попросили купить для Зубакина обратный билет на пароход («чтобы он дольше не остался»), но экономная Екатерина Павловна этого не сделала, выяснив, что стоимость билета на пароход значительно выше, чем на поезд. 30 сентября вернулась из Парижа А. И. Цветаева. Уехав, она не прислала Алексею Максимовичу ни одного письма (Марина и ее дети заболели скарлатиной, и Анастасия Ивановна боялась, что через почту можно передать «заразу»), и его доброжелательное отношение к ней резко изменилось. (Быть может, Алексей Максимович переволновался из-за ее непонятного исчезновения; вероятно, немаловажным было и то обстоятельство, что Анастасия Ивановна, несмотря на ее восторженное отношение к Горькому[265], в качестве духовного наставника предпочла ему Зубакина.) Любопытно, что недовольство Алексея Максимовича другими людьми нередко передавалось и Екатерине Павловне: «Цветаева сейчас с поездом препожаловала. Говорит — вроде бабушкой родственницы[266]»[267]. Однако Екатерина Павловна оценила Анастасию Ивановну: «Приехала от сестры Цветаева. С ее приездом Профессор принял другой тон, гораздо серьезнее и значитель-

[264] АГ. ФЕП-рл 8–15–277. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 13 сентября 1927 г.

[265] А. И. Цветаева написала «Книгу о Горьком». В августе — сентябре 1930 г. в журнале «Новый мир» была напечатана глава из «Книги о Горьком».

[266] Выяснить, была ли Мария Александровна (ур. Родионова) в родстве с Цветаевыми, нам не удалось.

[267] АГ. ФЕП-рл 8–15–292. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Неаполя в Москву, 30 сентября 1927 г.

нее. Она умнее и толковее его и, видимо, ее присутствие и отношение к нему, дает ему силу и сознание собственного достоинства»[268]; «<Профессор> ораторствовал о гармоничности жеста и целесообразности их. <…> С приездом Цветаевой он стал держаться гораздо солиднее и уверенней себя держит. Она, видимо, питает к нему большой пиетет, и это подбодряюще на него действует, и, чтоб не потерять у нее авторитет, он солидней и с большим достоинством держится»[269]. Уважение же Екатерины Павловны к Алексею Максимовичу было незыблемым: «Часа три подряд слушала спор Ал<ексея> М<аксимовича> с Цветаевой и Профессором. Здорово попутано у них в головах, но интересно слушать, когда говорит Ал<ексей> М<аксимович>. Всегда поражаюсь его памяти и разносторонности знаний — прямо ходячая энциклопедия»[270].

В начале октября Цветаева и Зубакин уехали из Сорренто (вначале — она, через несколько дней — он). Отношение Алексея Максимовича к ним окончательно переменилось: «Профессор не был у тебя? Не огорчайся. Лучше поступи, как я, а я от знакомства с ним и с дамой его решительно отказался. Перешли ему рукопись его стихов. Не думай ничего особенно скверного, просто он хвастун, безграмотен, бесцеремонен, болтлив, избалован женщинами. “Провинциальный вампир” — окрестила его Ольга Форш. Очень верно»[271].

В августе 1929 года Зубакин был арестован. За помощью он обратился в ПОМПОЛИТ, адресуясь к Екатерине Павловне лично:

«<29 января 1930 года>

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна. Анастасия Иоанновна писала мне, чтоб я через Кр<асный> Крест подал заявление. Исполняю оное. <...> Мне было поставлено условие — сообщить, кого из Ленинградских “мистиков” я знаю? На это я отвечал — что <...> ни с какими ленин<градскими> мистиками сношений не имею и их знать не знаю. (Что сущая правда.) Разумеется, я доба-

---

[268] АГ. ФЕП-рл 8–15–294. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Неаполя в Москву, 2 октября 1927 г.

[269] Там же. 8–15–295. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Неаполя в Москву, 3 октября 1927 г.

[270] Там же. 8–15–297. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Неаполя в Москву, 5 октября 1927 г.

[271] АГ. Т. IX. С. 276. Из Сорренто в Москву, начало марта 1928 г.

вил — в письменной форме, что если бы я их случайно сейчас и знал, то считал бы абсолютно некорректным сообщать имена оных»[272]. Зубакин просил Екатерину Павловну помочь ему остаться отбывать ссылку в Архангельске (культурном центре), а не подвергнуться пересылке в Устьсысольск, Тотьму и пр. отдаленные места». В фонде ПОМПОЛИТа сохранились некоторые документы[273], свидетельствующие о попытках помочь ему. Эти попытки удались, более того, Екатерине Павловне удалось добиться для него разрешения на свободное проживание после окончания срока ссылки.

В 1933 году была арестована А. И. Цветаева, она была освобождена из-под ареста через 64 дня. Она полагала, что ей помогло заступничество Горького. В сентябре 1937 года Б. М. Зубакин и А. И. Цветаева вновь были арестованы по одному и тому же делу (дело антисоветской фашистской организации «Орден розенкрейцеров»). Помочь им Екатерина Павловна уже не могла. Б. М. Зубакин был расстрелян, А. И. Цветаева приговорена к 10 годам заключения в ИТЛ и отправлена на Дальний Восток в лагерь НКВД БАМ.

Осенью 1927 года Екатерина Павловна пробыла в Сорренто больше месяца.

«24/IX–27.

Милая Екатерина Дмитриевна.

Уже больше полутора недель живу у своих. Приехала позднее, чем думала, т<а>к к<а>к задержалась на неск<олько> дней в Москве, неск<олько> дней пробыла в Варшаве. <...> Собиралась в эту поездку побывать в Париже. Даже запаслась для этого французской визой. Но оказалось, что прибавление семейства у Максима вместо 1/2 сентября состоится или в конце или в первой половине октября. Так что гораздо дольше, чем предполагала, придется мне пробыть здесь, и не будет возможности заехать во Францию. Тогда ограничусь тем, что поеду не прямым поездом Рим — Варшава, а заеду в Berlin на день. В дороге 1 день будет лишний. Так что всего

[272] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 520. Л. 168–169.

[273] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 325. Л. 90; Д. 520. Л. 168–170; Д. 782. Л. 155–160; Д. 1327. Л. 21, 23–24.

два дня на это уйдет.<...> Я здесь наслаждаюсь обществом внучки — оч<ень> своеобразный милый ребенок. Отдыхаю от своей суеты, но еще мой темп не совпадает с темпом здешней жизни, и все время я куда-то спешу»[274].

Отдыхая в Il Sorrito, она вставала в шесть часов утра — спать дольше не могла. Она много читала. Среди прочитанных ею за месяц книг: Тынянов «Кюхля», Жан Жироду «Белла», Панаит Истрати и Иехуда Джошуа «Семья Перльмуттер», Голичер «Мятежный Китай» (перевод с немецкого, Госиздат), Анри Деберли «Пытка Федры», «Русский учитель в эмиграции» (Сборник статей. Прага, 1926) — в основном книги, вышедшие в 1926–1927 годах. Читала она и итальянские газеты («хоть практика немного в языке, а то со всеми по-русски или по-французски говоришь»[275]). Каждый день она получала массу писем (сама она никому не писала и недоумевала, как люди узнали, что она за границей), но отвечать на них начала только спустя пару недель: у нее не было сил, ей было необходимо отойти от своей изматывающей работы. О своих домашних она помнила постоянно и особенно волновалась о Шурке[276].

Шурка появился в доме Екатерины Павловны весной 1926 года. Ю. Н. Кольберг писала: «Появился у нас в доме ребятенок 7 лет, сирота, очень хороший мальчик, и мы все его любим. К Леве он очень прилипает»[277]. Шурка был оставлен (согласно имевшейся при мальчике записке — его отцом) на ступеньках приемной ПОМПОЛИТа, два рабочих дня он провел в помещении приемной, на выходной день Екатерина Павловна взяла его с собой в Барвиху, а вернувшись в Москву, не отдала в детдом, а оставила жить у себя и вырастила. Находясь в Сорренто, она беспокоилась о нем («Что с Шуркой, как? Пишешь ему примеры?»[278]), спрашивала,

---

[274] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 60–67. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 24 сентября 1927 г.

[275] АГ. ФЕП-рл 8–15–303. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 12 октября 1927 г.

[276] Шурка — Александр Иннокентьевич Воскресенский (1918 — после января 1942).

[277] Ю. Н. Кольберг — К. Г. Гогуа. Из Москвы в Курск, 12 апреля 1926 г. // Архив И. К. Гогуа // Архив Общества «Мемориал».

[278] АГ. ФЕП-рл 8–15–278. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 14 сентября 1927 г.

ходит ли он в школу, просила купить ему ботинки, ручку, карандаш, резинку, тетради, просила заниматься с ним.

Родила Надя позже, чем вначале предполагалось, и поэтому Екатерина Павловна оставалась в Сорренто дольше, чем предполагала. Свой затянувшийся отдых она не воспринимала спокойно:

26 сентября. «А в общем странно день за днем жить без обязанностей определенных. <...> Что же мне делать, если дело очень затянется? Глупо, что не известили меня, и я торопилась в ущерб своим делам. Винавер, верно, замотался, мне редко пишет. Всего два письма было: одно в Варшаву, одно здесь получила»[279].

2 октября. «А когда я выеду, Аллах ведает. Хочется уже домой. Нелегко как-то без определенных обязанностей»[280].

6 октября. «Неловко Крест так надолго бросить, трудно Мих<аилу> Льв<овичу> одному без возможности день пропустить, коли занездоровится. Прямо не знаю, как быть. Но доктор говорит, что на каждый день можно ждать»[281].

7 октября. «У Нади все то же. Прямо беда»[282].

10 октября. <Получила письмо от М. Л. Винавера>. «Не торопит, спасибо ему»[283].

12 октября. «Совестно за свою праздность, да и надоела она — хочется вернуться скорей. Нелепо так болтаться без дела»[284].

12 октября Надя родила девочку. Теперь у Екатерины Павловны были две горячо любимые внучки.

Спустя неделю после рождения внучки Екатерина Павловна отправилась в обратный путь: Сорренто — Неаполь — Рим —

---

279 АГ. ФЕП-рл 8–15–289. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 26 сентября 1927 г.

280 Там же. 8–15–294. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 2 октября 1927 г.

281 Там же. 8–15–298. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Неаполя, 6 октября 1927 г.

282 Там же. 8–15–299. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Неаполя, 7 октября 1927 г.

283 Там же. 8–15–301. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Гагры, 10 октября 1927 г.

284 Там же. 8–15–303. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Гагры, 12 октября 1927 г.

Берлин — Варшава — Москва. Ей хотелось успеть в Москву к празднованию десятилетия Октябрьской революции, при этом она решила пробыть в Варшаве «сколько понадобится». В Риме ее уже ждал приготовленный паспорт, а также телеграмма от Михаила Львовича, чтобы она не торопилась, и она поехала во Флоренцию, заказав номер в гостинице (HOTEL MINERVA) на одну ночь. А дальше: «как всегда состояние необычного покоя охват<ило> меня здесь»[285], и гостиничный номер оказался «очень удачным», и «Флоренция, как всегда, так пленила, что решила переночевать еще одну ночь здесь»[286]. Во Флоренции она провела лишний («незапланированный») день, затем два дня в Берлине: «Здесь все очень комфортабельно и удобно, но как скучно было бы жить и какие скучные люди»[287]. Незадолго до приезда Екатерины Павловны в Берлин сюда — по дороге из Москвы в Сорренто — заезжал П. П. Крючков. Приехав в Сорренто, он рассказывал о московских и берлинских новостях. «Было приятно, как П<етр> П<етрович> говорит, что, приехав в Берлин, почувствовал, насколько интересней и значительней жизнь у нас»[288], — гордилась Екатерина Павловна.

В Варшаве ее встретили на вокзале и привезли в отель, до конца дня у нее в номере сидел народ. Со следующего дня к ней начали приходить посетители с 9 утра, потом она ездила по разным учреждениям и все время была на народе, и так до 10 вечера, когда, очень усталая, возвращалась в отель. 30 октября Ст. Семполовская уехала в Москву на торжества, Екатерина Павловна не смогла уехать вместе с ней: из Москвы ей прислали телеграмму с просьбой задержаться. Сердце у нее болело, после такого длительного отдыха она возвращалась «расклеенной», и ей казалось, что отдыхать лучше дома.

С Петром Долгоруковым она не встретилась, послала ему из Варшавы письмо. Написала она и Е. Д. Кусковой:

---

[285] АГ. ФЕП-рл 8–15–306. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Флоренции в Гагры, 21–22 октября 1927 г.

[286] Там же. 8–15–307. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Берлина в Гагры, 23 октября 1927 г.

[287] Там же. 8–15–308. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Берлина в Гагры, 25–26 октября 1927 г.

[288] Там же. 8–15–300. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Сорренто, 9 октября 1927 г.

«Дорогая Екатерина Дмитриевна. Из письма Петра Дм<итриевича> узнала, что с Сер<геем> Ник<олаевичем> плохо. Что именно с ним?

Ответьте мне на Smolna 6, Croix Rouge, Polonaise, Warsrawa, для меня. Мне перешлют. Пишу Вам накануне отъезда. Собиралась основательно написать, а пишу наспех. Без конца народу у меня все время здесь. Уже устала. А у меня еще новая внучка. Назвали Дарьей. Вот, что значит жить вне России. <...>

Прилагаю письмо для Петра Дм<итриевича>. Нет у меня здесь его адреса.

Е<катерина> П<ешкова>»[289].

3 ноября, в четверг, она вернулась в Москву. Весь вечер у нее дома был народ, пятницу и субботу она провела в Крестах, и там весь день к ней приходили люди. В воскресенье она, наконец, нашла время написать М. К. Николаеву, отдыхавшему в Гаграх: «Шурка очень запущен и в квартире грязно. <...> Здешняя суточная жизнь сразу завертела меня. С утра то один, то другой приходит, то телефон трещит»[290]. Письмо было коротким в отличие от многостраничных ежедневных писем из Сорренто. Следующее письмо-записка[291] было еще короче, и она жаловалась: «Только что вернулась с Кузнецкого. Устала и злая. Столько неприятностей со всех сторон»[292]. Она вернулась к своей жизни.

7 ноября «левой» оппозицией (Троцкий, Зиновьев, Каменев) были организованы в Москве и Ленинграде альтернативные демонстрации с лозунгами, направленными против бюрократизации партии и государства. Манифестанты были жестоко (с применением конной милиции) разогнаны властями. На пленуме ЦК, состо-

---

289 ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 97–102. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 30 октября 1927 г.

290 АГ. ФЕП-рл 8–15–313. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Гагры, 6 ноября 1927 г.

291 Это письмо Екатерина Павловна передала М. К. Николаеву через И. П. Ладыжникова, который ехал отдыхать в Гагры. М. К. Николаев возвращался в Москву.

292 Там же. 8–15–315. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Гагры, 11 ноября 1927 г.

явшемся 12–14 ноября, Троцкий и Зиновьев (личный враг Горького) были исключены из партии[293]. 15 ноября Алексей Максимович отправил Екатерине Павловне письмо. Как обычно он просил прислать книги, рассказывал о внучках и о собственном нездоровье:

«Вот уже истекло 5 м<есяцев> и 13 дней с того дня, как ты обещала мне прислать:

В. Поссе. Воспоминания. Теляковский. Мой сослуживец Шаляпин.

Книг этих я не получил. Такое отношение к старику, который заслуженный и, может быть, скоро помрет без покаяния, — отношение позорное. И если ты немедленно не пришлешь книг, я не стану ничего рассказывать о внучках твоих Марфе и Одарке. А — порассказать о них — есть кое-что! Кстати: недавно у меня было воспаление правого легкого, и я уже подумал, что роман не кончу. Но d<okto>r Сутер влил в меня такое количество камфары, что <…>.

Твой старый поклонник М. Горький, романист, а также публицист»[294].

---

[293] В 1926–1927 гг. в партии большевиков шла ожесточенная внутрипартийная борьба, связанная с необходимостью выбрать дальнейший путь развития страны. В 1926 г. властями была организована дискуссия между «левыми» и «правыми». Левые — «объединенная оппозиция» (Каменев, Зиновьев, Троцкий), возникшая весной 1926 г. — требовали первоочередного развития тяжелой промышленности, ведения борьбы с кулачеством, предоставления помощи революционному движению в других странах. Правые во главе с Бухариным стояли за союз с крестьянством и продолжение НЭПа. Сталин был на стороне правых. В октябре 1926 г., «объединенная оппозиция» выступила с самокритикой, признав неправильность своей «раскольнической деятельности», а через день после этого выступления в газете «Нью-Йорк таймс» было опубликовано «завещание» Ленина. Сталин обвинил Троцкого в двурушничестве. Через неделю на пленуме ЦК (23–26 октября 1926 г.) Троцкий и Каменев были исключены из Политбюро, Зиновьев смещен с поста председателя Исполкома Коминтерна. Последовавшая 15-я конференция ВКП(б) (26 октября — 3 ноября 1926 г.) подтвердила победу Сталина над «объединенной оппозицией». В сентябре 1927 г. оппозиция возобновила критику Сталина. На пленуме, состоявшемся в конце октября 1927 г., Троцкий и Зиновьев были исключены из состава ЦК, а в ноябре 1927 г. — из партии. В декабре 1927 г. состоялся 15-й съезд партии, исключивший из партии деятелей «троцкистско-зиновьевского блока».

[294] АГ. Т. IX. С. 270. Из Сорренто в Москву, 15 ноября 1927 г.

На этом письмо не заканчивалось, приписка касалась вещей важных: «Максим усердно рисует. Очень увлечен этим. <...> Ты его в Москву не тащи. Вместе приедем. Напиши мне о празднике. “Руль” сообщает ужасы о поведении оппозиции, руководимой его мудростью. Очень смешно»[295].

Приехать в Россию Алексею Максимовичу «захотелось» еще летом:

«События в Лондоне[296] так расстроили меня, что захотелось в Россию, чтобы оттуда ругаться с Европой. Отсюда — нельзя, выгонят сейчас же, а это значит, что я не кончил бы книгу. Я думаю, что это — последняя моя книга, а затем буду заниматься журналистикой»[297]. «Я весьма расстроен англичанами, и если бы не роман, уехал бы в Россию немедля. Негодяи, издающие здесь русские газеты, — празднуют»[298].

В ноябре Алексей Максимович отправил Екатерине Павловне еще одно письмо с подробным рассказом о внучках и с просьбами, связанными с его отношениями с советской властью:

«<...> Максим усерднейше работает, и ты его, пожалуйста, никуда не приглашай. Узнай, правду ли напечатал “Руль”, будто бы Халатов[299], Степанов сварганили комитет чествования Горького.

---

[295] АГ. Т. IX. С. 270. Из Сорренто в Москву, 15 ноября 1927 г.

[296] В мае 1926 г. в Англии началась всеобщая забастовка горняков. Советское правительство через профсоюзы оказало бастующим значительную финансовую и материальную помощь, в связи с чем английское правительство обвинило Москву во вмешательстве во внутренние дела. Позже (в ноте от 23 февраля 1927 г.) Англия обвинила СССР в нарушении англо-советского торгового соглашения. Весной по Англии прокатилась волна антисоветских выступлений, в том числе был совершен налет английской полиции на лондонскую квартиру АРКОС (Англо-русского кооперативного общества), целью которого было изъятие подстрекательских документов. 27 мая 1927 г. английское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР и аннулировало торговое соглашение 1921 г.

[297] АГ. Т. IX. С. 266–267. Из Сорренто в Москву, 9 июня 1927 г.

[298] Там же. С. 269. Из Сорренто в Москву, 16 июля 1927 г.

[299] Халатов Артемий (Арташес) Багратионович (Багратович) (1896–1938) — советский государственный и партийный деятель, председатель правления Госиздата. С июля 1927 г. — член коллегии Наркомата просвещения и председателя правления Госиздата. В 1927–1932 гг. — член коллегии Наркомпроса, председатель правления Госиздата. Расстрелян, похоронен в братской могиле на Донском кладбище.

Это необходимо знать точно, ибо — если это верно — буду возражать»[300]. В марте 1928 года Горькому исполнялось 60 лет, и в Советском Союзе готовились широко отметить этот юбилей.

* * *

1927 год завершился победой Сталина над «объединенной оппозицией», получившей название «троцкистско-зиновьевского блока». Как относилась Екатерина Павловна к этим разногласиям в партии большевиков? М. Л. Винавер, отвечая Е. Д. Кусковой на ее вопросы по поводу этих разногласий, по-видимому, высказывал не только свое мнение, но и мнение той части советской интеллигенции, к которой принадлежала Екатерина Павловна:

«Вы спрашивали еще про дискуссию. Содержание знаете из газет. Спор принципиальный и серьезный. Трещина большая. Но в массе ни один из оттенков оппозиции поддержки не встретил и не мог встретить, а что массе понятны не принципиальная разница и оттенки, а практические выводы, а эти последние, часто вразрез к теоретической части, сводятся и к прижиму крестьянства, выкачиванию средств из него, к высоким ценам на самые необходимые продукты фабрики и к низким ценам на продукты земли и так далее, следоват<ельно>, крестьянин и нынешний, вышедший, главным образом, недавно из крестьянства, рабочий поддержать не может оппозиции. Это спор пока интеллигентский, как остряк Моисей выгнал евреев из Египта, а Сталин из Политбюро; пахло чесноком, а теперь шашлыком и т<ак> д<алее>. Пока полная победа Ст<алина>, и политич<еские> и экономич<еские> следствия из этого, хотя пока больший прижим частника, чем до дискуссии»[301].

«…к<а>к отразится на судьбах России победа над оппозицией. Думаю, что в ближайшее время Рос<сия> окрепнет. Провал оппозиции и был неизбежен, т<а>к к<а>к лозунги ее не могли быть популярны в государстве, где даже 90 % рабочих тесно связаны с деревней. Поэтому массы она не могла иметь за собой, и думаю, еще

[300] АГ. Т. IX. С. 272. Из Сорренто в Москву, 27 ноября 1927 г.

[301] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 44–49. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 7 января 1927 г.

не сможет долгое время. Конечно, часть оппозиции — это лучшие в идейном смысле люди — но далекие от русской государственности идеалисты. К<а>к всегда, большинство кой-что переняло у оппозиции; теперь уклон влево, очевидно, временный, и немного демагогии, но после нескольких месяцев колебаний почувствовалась сила — и это хорошо подействовало и внутренне и внешне. Уже, к<а>к знаете из газет, <получены> первые 50 мил<лионов> на Макеевку; кончаются переговоры о 100 м<иллионах> на Алтай; это первые америк<анские> ласточки — и признак веры Запада в «стабилизацию» и отсут<ствие> военной опасности»[302].

«Как отразится на судьбах России победа над оппозицией», как она отразится на «части оппозиции — лучших в идейном смысле людей», на российском народе (82 % которого, согласно переписи 1926 года, составляло сельское население), а также — на работе ПОМПОЛИТа, Михаил Львович не представлял, Екатерина Павловна — тоже.

А. М. ГОРЬКИЙ: ЮБИЛЕЙ И ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ; ПОСЕЩЕНИЕ СОЛОВЕЦКОГО ЛАГЕРЯ. ОТНОШЕНИЯ С ЭМИГРАЦИЕЙ. В СССР: РАЗГРОМ ОППОЗИЦИИ, ПОБЕДА СТАЛИНА; НАЧАЛО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ. В ПОМПОЛИТЕ: РАСШИРЕНИЕ КОНТИНГЕНТА ПОДОПЕЧНЫХ. В ПОЛЬСКОМ КРАСНОМ КРЕСТЕ: ОБЪЕЗД ТЮРЕМ УКРАИНЫ. ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ: В СОРРЕНТО; ВТОРОЙ ПРИЕЗД АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА С СЕМЬЕЙ В СССР; ВНУЧКИ. 1928–1929 гг.

6 декабря 1927 года в эмигрантской русскоязычной газете «Дни» было опубликовано «Открытое письмо Горькому» с подзаголовком «Документ из России» — ответ на статью Горького, посвященную 10-летию Октябрьской революции и напечатанную в изданиях центральной советской прессы. Письмо было анонимным, в нем содержалась резкая критика позиции Горького, возму-

[302] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 58–60. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 28 декабря 1927 г.

щение его славословием и восхвалением «кровавого режима, называемого советской властью». 11 января 1928 года та же газета «Дни» опубликовала статью Е. Д. Кусковой под названием «Из размышлений», в которой разбирался ответ Горького этому анониму[303]. В марте 1928 года в «Днях» были еще две публикации, посвященные Горькому, они были связаны с его шестидесятилетним юбилеем; одна — «Юный Горький», из литературных воспоминаний писателя Осипа Волжанина; вторая — «Чествование Горького», в ней рассказывалось о юбилейных торжествах, проходящих в СССР. В Берлине с 25 марта по 1 апреля проходила «неделя Горького» — вечера, собрания, лекции, спектакли, концерты в его честь. В Сорренто в честь юбиляра были устроены торжественные собрания, вечера, банкеты. В дни празднества он получил более 200 телеграмм и столько же писем.

Екатерина Павловна приехала в Сорренто 10 марта. Выехала она из Москвы 1 марта, по дороге побывала в Варшаве (телефоны, поездки в Крест, министерство, посольство, p. Stefani, просители) и в Берлине («…обалдеваю каждый раз, как заеду в Берлин, от разговоров беспрерывных»[304]). В Сорренто поздравить Алексея Мак-

[303] В статье «Из размышлений» Е. Д. Кускова писала: «Долго читала в “Днях” письмо из России с вопросами, обращенными к А. М. Горькому-Пешкову, и с нетерпением ждала ответа. <...> И Горький ответил… Прочла письмо и подумала: лучше бы промолчал. <...> Непередаваемо грубо прежде всего заглавие — “Анонимам и псевдонимам”. Максим Горький сам всю жизнь работал под псевдонимом. <...> В 1917 году, говорит Горький, я ошибался, выступая против “диктатуры пролетариата”. Ну, а в 1918, 19, 20 годах он тоже “ошибался”, ходатайствуя в Кремле о спасении жизни многих “паразитов”, о сохранении ученых и писателей (тогда презираемых, третируемых, унижаемых). <...> Горький ездил взад и вперед между Зиновьевским Петербургом и Ленинской Москвой, хлопотал даже за великих князей, укрытых в его квартире, пользовался своим влиянием, чтобы спасти людей от разгоряченной борьбой и кровью диктатуры. И за это столь многие были ему благодарны. <...> Есть одно место в его ответе особенно тягостное. “Сейчас, пишет он, речь идет не о разгроме, а о коренном преображении всей основной старенькой жизни”. <…> чтение ответа Горького — одно из тяжелейших переживаний. <...> Горький — кусок русской интеллигенции, певший гимны свободе. Теперь гимны слагаются всевластной диктатуре» (Дни. 1928. 11 января. № 1295).

[304] АГ. ФЕП-рл 8–15–341. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Берлина в Москву, 5–6 апреля 1928 г.

симовича приехали Н. Е. Буренин, который играл ему Грига, и Коненков, который лепил его бюст. Екатерина Павловна испекла пирог с капустой. Приехала она в Италию, как всегда, очень уставшей. «У меня было последний месяц оч<ень> много неприятностей, и еду измотанная. Конечно, это пройдет, т<ак как> человек, особенно мы, женщины, — народ выносливый»[305], — делилась она с Е. Д. Кусковой. Отдохнуть хорошо у нее не получилось («Я что-то не вполне отдохнула, т<а>к к<а>к все время ничего не хочется делать, что для нормального состояния мне не свойственно»[306]) — все время болело сердце и ей хотелось домой. 2 апреля она уехала из Сорренто в Рим (во Флоренцию она, конечно, заехала и студию Лохова посетила), а затем через Берлин (деловые встречи и посещение концерта, билеты на который взял Фридлендер) и Варшаву вернулась к Пасхе домой. В Прагу она так и не собралась и даже письмо Е. Д. Кусковой писала в поезде, уже покинув Варшаву:

«Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Не удалось мне попасть к Вам в Прагу. <...> В Варшаве так замоталась и так поздно оставалась каждый вечер одна, что не собралась написать. В Berline тоже все время на людях была. Жаль, не прочла в “Днях” об Ал<ексее> М<аксимовиче>. Мне не успели переслать эти №№. <...>. Целую Вас. Ек<атерина> П<ешкова>»[307].

20 мая 1928 года Алексей Максимович в сопровождении Максима и Крючкова выехал из Сорренто в свою первую поездку в СССР. На родине, где он не был почти семь лет, ему были устроены восторженные встречи, на каждой станции вплоть до Москвы его ожидали тысячные толпы с оркестрами. В Москву он прибыл 28 мая. Со следующего же дня его начали возить по заводам, фабрикам, клубам, школам, домам пионеров, на различные заседания, на бесчисленные встречи с рабочими, учителями, врачами, учеными, женщинами-рабкорами и т. д. — и так почти месяц; затем по-

[305] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 37–48. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 5 марта 1928 г.

[306] АГ. ФЕП-рл 8–15–337. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Неаполя в Москву, 26 марта 1928 г.

[307] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 107–109. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из поезда в Прагу, между 9 и 11 апреля 1928 г.

сле кратковременного отдыха в Подмосковье (в «Морозовке» — бывшем имении Саввы Морозова) повезли в специальном вагоне-салоне знакомиться с достижениями советского народа. Он со своими спутниками проехал около 10 000 км по маршруту: Курск — Харьков — Днепрострой — Запорожье — Крым — Кавказ. Его свозили в Баку, Тифлис, Ереван, Владикавказ, затем через станцию Тихорецкую привезли в Царицын, ставший Сталинградом, откуда на пароходе по Волге с остановками в Саратове и в Казани он прибыл в родной Нижний. Через месяц путешествия он вернулся в Москву. Максим, его неизменный спутник, был потрясен увиденным; днем он делал записи в блокнотах, вечером — в тетрадях и почти ежедневно писал жене, оставшейся с детьми в Сорренто. Ниже мы приводим небольшие выдержки из его восторженных писем:

1–2 июня 1928 года. Москва. «Во-первых, настолько все волнует и все так замечательно, что с мыслями собраться нет возможности, а во-вторых, все равно не поверишь, я так хотел бы, чтобы ты теперь была со мной и сама увидела замечательнейшие вещи, о которых и я слышал не мало, но казалось сие настолько невероятно и неправдоподобно, что раньше не верил. А вот теперь поверил во все. Не думай, что я нахожусь в каком-то экстазе или даже в повышенном настроении.

Нет. Но сегодня был я на первом русском (вообще) автозаводе. И увидел, что у нас хоть материал, может быть, и хуже, но работают лучше, внимательнее и с любовью к делу, и, что особенно хорошо, гордятся. Я пробыл там долго, в то время как Дуку[308] встречали, много ходил, разговаривал и записывал, что говорили. Такого за границей не услышишь. С первого же момента поражает и бросается в глаза молодость толпы, хорошее настроение, веселость — всего этого, сама знаешь, мы с тобой нигде не видали.<...> Твой комсупруг М<аксим> П<ешков>»[309].

5 июня. «Вот уже неделя, как мы в Москве. Очень много видели интересного и нового. Несмотря на то, что мы в Сорренто все-таки довольно много имели сведений о России, когда приехали в Москву, то увидали другое, чем то, о чем слышали и читали.

---

[308] Так Максим называл Алексея Максимовича.

[309] АГ. Т. XIII. С. 245–246.

…Я лично исходил всю Москву и не видел ни одного беспризорного (может быть, просто повезло). А ты сама помнишь, что об них рассказывали.

По вечерам ходил по улицам и не видал проституток (одну только).

Улицы чисты, как в Берлине. <...>

Вчера ходил с Бартольдом в Институт физической культуры. Я хорошо помню его по 20-му году. Теперь у них новый дом, стадион с дорожкой в 400 метров, 6 теннисов, большой новый пруд для купания (на месте бывшего болота)»[310].

7 июня. «Милый Тимошенька. Сегодня весь день сидел дома и разбирал Дукину корреспонденцию. За 9 дней около 400 писем, рукописей, просьб, приглашений. Есть замечательные. Напр., один охотник с *Камчатки* пишет: "Дорогой товарищ Максимыч. Замотали тебя с приветами, наверно, здорово устал. Приезжай-ка ты ко мне, живу я уже 21 год один, дом хороший, никого нет, только вот от дороги железной 950 верст. Жду". Подпись — "Ваш читатель, охотник за песцами, 68 лет". В примечании пишет, что 63-х лет научился читать и писать, теперь выписывает 4 газеты, имеет библиотеку в 900 штук книг. <...> Я хочу, чтобы ты знала, как я живу, что вижу, и чтобы ты подготовилась к тому, что увидишь, когда мы с тобой вернемся в Россию»[311].

9 июня. «Вчера был один из самых интересных дней. Были мы в колонии ГПУ для социально опасных. Место замечательное. Там 200 человек бывших воров, бандитов, налетчиков и убийц. Есть женщины. Возраст от 8 лет до 18. По социальному положению от батрака до князя Гагарина. Много разговаривали с ними. Охраны у них нет никакой, а у самих есть оружие, никогда не бывает скандалов. Наказаний нет, единственное запрещение это пить и курить. За бутылку пива из колонии выставляют.<...> А нового хорошего у нас так много, что можем за границу экспортировать, да там не хотят…»[312]

16 июня, Москва. «Вообще огромное поднятие культурного уровня прямо поражает. Мне, например, никогда раньше не приходилось видеть в пивной около вокзалов, чтобы в 1 ч<ас> ночи машинисты, ожидающие очереди, читали газеты, журналы, книги.

---

[310] АГ. Т. XIII. С. 246.
[311] Там же. С. 247.
[312] Там же. С. 248.

Мы насчитали на 120 человек 29 читающих. Читают газеты, технические журналы, а крестьяне, приезжающие из-под Москвы, — агрономические брошюрки от 1-й до 5 коп<еек>, эту литературу печатают по 2–3 миллиона экземпляров, и ее берут нарасхват. Другие спорят о возможности войны, о ценах, хлебе и урожае»[313].

9 июля. Харьков. «…грандиозный дом госпромышленности. Первый раз в жизни вижу нечто столь грандиозное и фундаментальное. Это напоминает какой-то фантастический дом будущего. <...> Сегодня едем на 2 дня в колонию Горького. О ней говорят много интересного»[314].

13 июля. «Вчера весь день осматривали Днепрострой. <...> ничего подобного я не ожидал видеть. Тут работают 12 000 чел<овек>, масштаб работ грандиозный. Поднимают Днепр на 41 метр. По силе — электрическая станция будет второй в мире. <...>

Мне страшно хочется, чтобы ты посмотрела то же, что вижу я. Тогда бы ты поняла. <...> Это, конечно, все не то, что пишут газеты, и даже не то, что приезжающие к нам рассказывают. Ничего они не видят. А мы, несмотря на большую потерю времени на торжественные приемы, — все-таки видим массу.

Сегодня вечером выяснится наш точный маршрут, я немедленно телеграфирую Екатерине Павловне, чтобы она выслала твои письма ко мне»[315].

«20 июля приехали в Баку. Азнефть, часов 8 мы осматривали промысла. <...> Я никогда не видел ничего такого раньше, и на меня произвело все огромное впечатление. <...> Все работы механизированы и электрифицированы. <...> Рабочие, жившие раньше в шалашах, теперь живут так, что за границей позавидовать могут. <...> Милый Тимошенька, если бы ты мог видеть все это сам! Было бы замечательно. Я сам часто глазам не верю, и уж конечно, не могу всего описать»[316].

Донбасс. «Там, где десять лет назад была степь, сейчас новые города с театрами, дворцами труда, все железо, бетон, стекло. Когда слышишь об этом, то не веришь, а когда видишь, то кажется, что сидим в синематографе. А еще больше поражают новые

[313] АГ. Т. XIII. С. 248.
[314] Там же. С. 254.
[315] Там же. С. 255–256.
[316] Там же. С. 257.

люди. Это действительно какая-то новая раса людей. <...> Во многом, вообще, что приходится видеть, не узнаешь России. Это теперь совершенно *другая* страна. И надо сказать, что именно на окраинах, в провинции, а не в Москве, видишь, какими огромными скачками ушла вперед теперь Россия»[317].

16 августа. «Живу я уже почти 3 месяца здесь и чувствую себя в совершенно новой стране. В стране, в которой, кажется, никогда не был и о которой очень мало знал. <...> …при полном отсутствии денег и помощи извне, благодаря которой только и строят теперь в Европе, у нас сделана гигантская работа, смотря на которую не веришь своим глазам»[318].

21 августа. «Теперь[319] вижусь только с Левкой[320], Ив<аном> Ег<оровичем>[321] и Чибисовым. Это дядя, который служил у меня в Военной школе шофером и состоял при моей особе в виде телохранителя. Он кончил рабфак и медицинскую школу (5 лет), теперь заведует вечерними курсами жел-дор рабочих, читает там лекции по… педагогике! Причем, исключительно хорошо. <...> Массу читал. Любимый писатель его — Анатоль Франс. <...> Когда после встречи с такими людьми я сижу дома и перечитываю то, что записал, все 6 лет, прожитые мною за границей, кажутся мне потерянными»[322].

Такой увидел Советскую Россию Максим. Такой, какой ее показали Горькому. Во время пребывания Горького в Москве состоялся суд над обвиняемыми по Шахтинскому делу[323]. Заседания

---

317 АГ. Т. XIII. С. 258.

318 Там же. С. 264.

319 Максим простудился и заболел, простуда у него со временем перешла в бронхит с высокой температурой.

320 Лев Малиновский.

321 Иван Егорович Вольнов.

322 АГ. Т. XIII. С. 265–266.

323 «Шахтинское дело — дело 1928 года в Шахтинском районе Донбасса по обвинению большой группы руководителей и специалистов угольной промышленности из ВСНХ, треста “Донуголь” и шахт во вредительстве и саботаже. Официально называлось “Дело об экономической контрреволюции в Донбассе”. Обвиняемым вменялась в вину не только “вредительская деятельность”, но и создание подпольной организации, установление конспиративной связи с московскими “вредителями” и с зарубежными антисоветскими центрами» (Википедия).

суда проходили с 18 мая по 6 июля в Колонном зале, обвинялись 53 человека, 5 человек по постановлению суда были расстреляны. Это был первый крупный процесс «по вредительству», организованный ОГПУ по заданию высшего партийного руководства. Как воспринял Шахтинский процесс Максим, отвел ли он какое-то место этому суду в своих записях, нам не известно, но, наверное, это и не так важно: он не был писателем, к словам которого прислушивались люди.

Приехав в Москву, Алексей Максимович вместе с Максимом и Крючковым остановились у Екатерины Павловны в Машковом переулке. Юлия Николаевна Кольберг должна была освободить им место, и власти предоставили ей с детьми две литерные комнаты в 1-м Доме Советов[324]. (Ее муж Калистрат Гогуа в это время отбывал ссылку в Курске.) Екатерина Павловна полагала, что после отъезда Алексея Максимовича Юлия Николаевна сможет вернуться, но оказалось, что в квартире вместо нее надо поселить Крючкова, окончательно ушедшего из «Книги» и ставшего секретарем Горького. Прошедшей осенью Крючков приезжал в Сорренто, чтобы обсудить новый договор, который он от лица Горького заключал с Госиздатом; Алексей Максимович был очень доволен предложенными условиями (не надо будет думать о деньгах), и Крючков (с легкой руки Максима он получил прозвище — ППКрю) стал для него близким человеком, почти членом семьи.

Алексей Максимович пробыл в Советском Союзе около пяти месяцев, задержавшись с отъездом из-за организации журнала «Наши достижения». Во время его пребывания в Москве Екатерина Павловна не оставляла работу в ПОМПОЛИТе и в Польском Красном Кресте и ездила в Барвиху, где на даче жили мама с Шуркой и временами отдыхали другие домочадцы и близкие. К концу сентября с дачи все съехали, Михаил Константинович уехал отдыхать в Крым. Алексей Максимович, вернувшийся из поездок, не выходил из квартиры из-за плохой погоды, по его многочисленным делам ездил Максим. Чтобы освободить Алексея Максимовича от ненужных ему визитеров, Максиму приходилось принимать

[324] 1-й Дом Советов располагался на углу Тверской и Охотного Ряда (гостиница «Националь»).

ежедневно до 20–30 посетителей и отвечать на бесчисленные звонки. При этом к Алексею Максимовичу гости приходили, и в немалом количестве, в основном «разное начальство». Чтобы обслужить всех гостей (например, 8 октября за завтраком присутствовало 14 человек), Екатерине Павловне на время пребывания Алексея Максимовича пришлось нанять целый штат прислуги. Наконец предотъездная суета закончилась, и 12 октября Алексей Максимович с сопровождающими отбыл в Италию. Проводив их, Екатерина Павловна поехала на Кузнецкий (в приемную ПОМПОЛИТа), но пробыла там недолго — часа два, довез ее с вокзала на Кузнецкий Авель Енукидзе, с ним же она вернулась к себе домой. Дома ее ждал Сергей Аполлонович Скирмунт. (Он жил в квартире Екатерины Павловны с 1926 года — с тех пор, как вернулся в Россию, и до самой смерти — в 1932 году). Они посидели втроем, в квартире было тепло и тихо, и Сергей Аполлонович был доволен наступившей тишиной. Позже зашел Михаил Львович, но оставался недолго, в 9 часов вечера Екатерина Павловна попрощалась с ним, и ему пришлось уйти, а она наконец смогла лечь. Комната, в которой жил Максим, была завалена книгами, рукописями и письмами, адресованными Горькому. В комнате Алексея Максимовича оставалась «всякая китайщина».

После отъезда «наших» у Екатерины Павловны в связи с большими расходами по дому начались трудности с деньгами, а ей еще надо было «выкроить» на поездку за границу; но она не могла «отдохнуть без солнца», и хотя не сразу, но решилась поехать в Крым. 21 октября она приехала в Кореиз, где ее встретил Михаил Константинович, и почти 10 дней они отдыхали вместе, уехав из Кореиза в Мисхор.

4 ноября 1928 года она уже была в Негорелом и пересекала российско-польскую границу, затем Варшава — Вена — Италия. 10 ноября она приехала в Сорренто.

Алексей Максимович был очень доволен поездкой в СССР, хотя устал физически. Максим пребывал в восторженном состоянии духа. В Москве он встречался с полярными летчиками и «заболел» Севером. Теперь он мечтал, что на будущий год, приехав в Россию, отправится в Заполярье один или с Костей Блекловым, и уже начал готовиться к этому путешествию (нужны были книги, карты, под-

ходящий фотоаппарат, фотопленки и пр.). Вскоре после приезда Екатерины Павловны Крючков из Сорренто уехал (через пару недель он должен был приехать в Москву и поселиться в ее квартире), с его отъездом Максим почти перестал пить (и Екатерине Павловне стало немножко спокойнее за него). В Союзе он пил много, очень много, чему способствовали не прекращавшиеся торжественные приемы с непременными здравицами — на этих приемах Максим представлял Алексея Максимовича, нуждавшегося в отдыхе. Теперь Алексей Максимович безотрывно сидел за своим столом и писал, Мария Игнатьевна до глубокой ночи стучала на машинке — переводила, Максим разбирал корреспонденцию Алексея Максимовича. Екатерине Павловне было больно за сына: «Всегда жаль мне смотреть на Максима. Молодой живой человек. И все же довольно нелепая жизнь тут у него. Уж скорее переезжали бы они к нам»[325].

«21/XI <1928>. Милая Екатерина Дмитриевна.

Уже десять дней живу в Sorrento. Отдохнула, перестали меня мучить мигрени. <...> Хотела, к<а>к приехала, сразу Вам написать и попросить Вас прислать мне Вашу статью об Ал<ексее> М<аксимовиче>[326]. У нас писали, как Вы “повернулись к нему спиной”[327]. Хотела написать Вам, но т<а>к к<а>к хотела лениться и ничего не делать, что вот только теперь собралась, когда скоро уже уезжать надо. Поеду обратно через Париж. Но не хотела бы, чтобы там, кроме нескольких человек, об этом знали. Ответьте мне, или на Ек<атерину> Ив<ановну>[328], или в Berlin Shlutter-

[325] АГ. ФЕП-рл 8–15–367. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 20–21 ноября 1928 г.

[326] Очевидно, речь идет о статье Е. Д. Кусковой «Обескрыленный Сокол», посвященной 35-летию работы Горького и напечатанной в журнале «Современные записки» (1928 г., т. XXXVI).

[327] В газете «Правда» (1928, 23 октября, № 247) был напечатан фельетон Д. Заславского о статье Кусковой.

[328] Муравьева Екатерина Ивановна (1882–1969) — жена Н. К. Муравьева, одна из учредителей МПКК и председатель его Хозяйственной комиссии. В 1922–1925 гг. работала в ПОМПОЛИТе. В 1925 г. по состоянию здоровья выехала на лечение за границу, лечилась у доктора Манухина, осталась в эмиграции вместе со старшей дочерью Ириной (в замужестве Угримова). Жила в Париже. В 1948 г. вернулась в СССР вместе с семьей дочери. Спустя месяц после возвращения была арестована и выслана на 5 лет в Сибирь.

strasse 41, an Frau Silberberg[329]. День пробуду в Берлине. Целую Вас. Е<катерина> П<ешкова>»[330].

В конце ноября Екатерина Павловна уехала из Сорренто. («Знаешь, судьба мне улыбается — опять солнечный день. Жалко уезжать. И из-за солнца и из-за маленьких»[331].) Максим провожал ее на машине: Siena («собор с капеллой с фресками Пинтуриккио») — Пиза («башня и Comostanto с фресками Gozzoli») — Генуя — Alassio. (Во Флоренции она побывала раньше, когда ездила в Рим оформлять визы.) В Аляссио она встретилась с синьорой Маскарди (по-прежнему милой, радушной и полной энергии), на границе села во французский поезд. Николаеву она сообщила (в единственном письме, которое она послала ему из Франции), что в Ницце ее встретила Александра Николаевна Брежнева (Меллер) и они вместе поехали в Frejus (Ривьера), где жила Янина (все такая же, но очень постаревшая), а затем — в Париж. Во время своего пребывания в Ницце Екатерина Павловна встретилась с Верой Николаевной Муромцевой-Буниной, которая в своем дневнике рассказала об этой встрече и о впечатлении, которое на нее произвела Екатерина Павловна. Не виделись они 10 лет (с мая 1918 года, когда Екатерина Павловна провожала Буниных, уезжавших из Москвы на юг в санитарном поезде):

«2 дек<абря>/19 нояб<ря 1928 г.>

[...] Телефон. [...] — Это Екат[ерина] Павловна. — На минуту захватывает дыхание. [...] — Я в Ницце. Не можете ли вы приехать повидаться? — Сейчас трудно. Из Грасса нет прямого сообщения. Нужно ехать через Канн. [...] — Мы приедем в Канн. — Хорошо, буду ждать вас у решетки, при входе с вокзала. Буду в вязаном пальто — вдруг вы меня не узнаете. [...]

Поехала в Канн. [...] незаметно провела время до прихода поезда из Ниццы в 6 ч<асов> 30 м<инут>. Уже прошла вся публика. Их нет. Жду. Сердце бьется. Ведь Ек<атерина> П<авловна> была последней, кого я видела в Москве в день нашего отъезда на юг в мае 1918. И первую я должна увидеть оттуда.

---

[329] Зильберберг Анна Ефимовна.

[330] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 131–138. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 21 ноября 1928 г.

[331] АГ. ФЕП-рл 8–15–368. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 22 ноября 1928 г.

Наконец, вижу, идет дама, чем-то очень напомнившая мне Савинкову, довольно полная, весело мне машет. — Екатерина Павловна!

Мы поцеловались. Потом я поздоровалась с Брежневым[332]. Зашли в Consigne. Сдали ее кожаный чемодан и беличье пальто (очень красивой темной белки). Куда идти? Я повела их к англичанам. Заперто. Пошли [...] сели в глубине кафе, спросили St. Raphael.

Сначала о родных. Мать ее жива, ей 80 лет. Жена Максима не хочет ехать в Россию. Максим ничего не делает, даже марки перестал собирать серьезно. <...> Я спросила, нельзя ли нам достать от наших наши дневники, старые письма и, если остались, вещи? Ек<атерина> П<авловна> сказала, что кое-что может провезти. — "А вот если бы раньше, Ал<ексей> М<аксимович> мог бы все, что угодно, вывезти — у него багаж не осматривали". [...] С Малиновской не видалась, т. к. она занимала высшие посты у большевиков. С Толстыми не видается, "он слишком много дружит с большевиками, покупал дешево мебель. А затем его пьеса 'Императрица'..." <...> "Скирмунт живет у меня. В Париже он пропадал. Было трудно, но я устроила ему визу. И теперь он снова стал таким, каким был до заграницы". "Вообще, я с большевиками не видаюсь, видалась с одним Дзержинским и считаю его порядочным человеком".

— Как же?

— Он считал, что раз он находится в правительстве, которое признает расстрелы, то он не может уклоняться от каких бы то ни было мест. Он единственный из всего ГПУ, с которым можно говорить. Когда я начала работать в Кр<асном> Кр<есте>, я решила никогда не обращаться в ГПУ. Но однажды надо было спасти одного человека и я решила обратиться к Дзержинскому. Я была удивлена, что он выслушал меня. Он вникал в каждый случай.

<...> Потом она спрашивала, правда ли, что Ян страшный монархист. Я сказала, нет, ничего страшного. Он примет всякую власть, кроме большевицкой.

Она выразила сожаление, что Ян не в России теперь. Я сказала, что он большевизм не переносит, как я кошек, что в Одессе, где мы ощутили его всей кожей, он чуть не заболел от одного вида большевиков.

---

[332] По-видимому, Брежнев-Меллер Александр Юльевич.

Потом она стала расспрашивать, правда ли, что он писал такие злобные статьи?

— Это не злоба. Это пафос. Мы белые и никогда не изменим тем, кто пал в борьбе с большевиками.

— То есть как не изменим?

— Вы ведь от Каляева не отрекались.

— Но Россия выше всего.

— Нет, кое-что есть выше России, — сказала я, когда поезд уже тронулся.

Меня охватило грустное чувство. Может быть, хорошо, что наше свидание длилось только час. Я рада, что видела Ек<атерину> П<авловну>. Теперь я знаю, что она не переменилась, что по-прежнему она не способна ни на что дурное сознательно, но "живя в нужнике, ко многому принюхаешься". [...] В ней самой появилось спокойствие, она пополнела, отчего глаза уменьшились и стали менее красивы. Но лицо молодое. Работает в Кр<асном> Кр<есте> даром. Получает от Ал<ексея> М<аксимовича> 100 рубл<ей> на себя и 100 руб<лей> на мать — на это и живет. Скупо ей дает Ал<ексей> Мак<симович>. Голос у нее все такой же приятный. И флюиды от нее приятные, но все же было очень грустно.

Да, она еще сказала, стоя на платформе:

— Я надеялась, что Ив<ан> Ал<ексеевич> приедет с вами, я тогда скорее почувствовала бы его. Я его больше всех люблю, как писателя.

— Он боялся вас скомпрометировать, а то бы приехал.

— Где лучше остановиться в Париже, где нет русских? Могут быть там неприятности. <...>.

6 дек<абря>/24 ноября.

<...> Все вспоминается тон голоса Ек<атерины> П<авловны>, когда она говорила, что у большевиков что-либо хорошо. Все же она подсознательно хотела оправдаться, мой слух не обманешь, интонация выдает»[333].

С кем встречалась Екатерина Павловна в Париже, о чем они говорили, нам не известно. Из уже упоминаемых лиц она собиралась встретиться с Бертой Меринг и Лидией Бах.

---

[333] Устами Буниных. Т. 2. С. 185–188.

В Москву Екатерина Павловна вернулась в середине декабря 1928 года. Когда на обратном пути она приехала в Варшаву, Е. Г. Винавер попросила ее взять с собой в Союз рукопись книги С. Н. Прокоповича, которую тот надеялся опубликовать на родине, — Екатерина Павловна отказалась. «На днях проезжала через Варшаву Ек<атерина> Павл<овна>. Не взяла с собой рукопись, считает неудобным обращаться в издательство с рукописью, привезенной таким путем. Обещала немедленно по приезде домой выхлопотать разрешение на нормальную отправку рукописи»[334], — сообщила Е. Г. Винавер в Прагу. Наверное, отказ Екатерины Павловны был вызван тем, что во время пребывания в Сорренто ее насторожило и встревожило то обстоятельство, что ее переписка с Николаевым (а может быть, и не только с Николаевым) явно контролировалась. (Николаев нумеровал письма, и поэтому было ясно, что доставлялись они Екатерине Павловне с нарушением порядка очередности их отправления, а первое письмо и вовсе пропало. Она решила свои письма к нему не нумеровать, но писать каждый день, и если письмо пропадет, то он должен был это понять. При этом никакой информации, кроме бытовой, в их письмах не содержалось.) По-видимому, Екатерина Павловна старалась быть лояльной и поэтому не взяла с собой рукопись. Она возьмет эту рукопись с собой в Москву через несколько месяцев, в апреле 1929 года (наверное, выхлопотав разрешение).

Горький окончательно вернулся в СССР в 1933 году. До этого он еще три раза (в 1929, 1931, 1932 годах) вместе со всей семьей приезжал из Италии в Союз, оставаясь в стране на 5–6 месяцев. Екатерина Павловна все эти годы весной и осенью ездила отдыхать в Сорренто на 1–1,5 месяца. В Сорренто она старалась отвлечься от мыслей о своей работе, забиравшей у нее все больше сил, наслаждалась красотой итальянской природы, искусством и культурой Италии, много читала, общалась с любимыми внучками, но, почувствовав, что отдохнула («пришла в себя»), начинала торопиться к себе домой и к своей прерванной работе. Ей казалось, что подлинная жизнь — на родине, и эмигрантам, потеряв-

[334] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 102. Л. 25. Е. Г. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 19 декабря 1928 г.

шим ее, она сочувствовала, но все больше отдалялась от них. Конечно, этому в значительной степени способствовали отношения Алексея Максимовича с эмиграцией, резко и бесповоротно осудившей его после того, как он, побывав в Советском Союзе и воочию увидев страну, продолжал славословить власть. А как же можно было относиться к нему после его поездки на Соловки и восхищенного отзыва о делах соловецких чекистов («Молодцы, замечательное дело творите!»)? Соловки он посетил в свой второй приезд в СССР — в 1929 году. Прибыл он на Соловецкий остров на пароходе «Глеб Бокий» (пароходе, доставлявшем на Соловки заключенных) в сопровождении Максима с женой, Крючкова, самого Глеба Бокия[335] и других сотрудников ОГПУ. Провел на Соловках два дня: побывал на Большом Соловецком острове (и на Секирной горе) и на Муксолме. Ему показали питомник пушных зверей, пошивочные мастерские, очаги культуры (театр, музей) и прочие достижения бывших уголовников, исправлявшихся под воздействием средств, применяемых сотрудниками ОГПУ (перевоспитание с помощью труда). Не исключено, что он, поклонник Ницше, воспринял показанный ему Соловецкий лагерь как одно из достижений советской власти, сумевшей одержать самую трудную из побед — победу над человеческой натурой с ее пороками. Воспринял, лукавя даже с самим собой, — увидел то, что захотел увидеть, не желая видеть другое — то, что чекисты ему не демонстрировали, и то, что он, по ряду свидетельств, все-таки увидел сам или услышал от заключенных. Рассказать ему правду о Соловках могла и Екатерина Павловна. Может быть, об изощренных пытках и истязаниях заключенных, применявшихся в те годы на Соловках, она могла и не знать, тем более что ее подопечными были политические, а не уголовные заключенные, но о бесправии заключенных, об унижении их человеческого достоинства она знала. Может быть, она и не пыталась «открывать ему глаза», понимая, что все равно он будет видеть то, что захочет, и своими рассказами она только нарушит на какое-то время его внутренний комфорт, но не

[335] Бокий Глеб Иванович (1879–1937) — видный деятель ВЧК — ОГПУ — НКВД, один из самых активных создателей системы ГУЛАГа. Член РСДРП с 1900 г., член ВЧК с 1921 г. В 1937 г. арестован, обвинялся в предательстве и контрреволюционной деятельности, расстрелян.

более того. А может быть, она думала, что, занимаясь жертвами великих преобразований, она не видит картины в целом, той картины, которую видит большой писатель-гуманист.

Свою позицию (еще до поездки на Соловки) Алексей Максимович объяснил Е. Д. Кусковой, отвечая на ее письмо («на <ее> горькие упреки, на <ее> непонимание его поведения»):

«Вы, уважаемая Екатерина Дмитриевна, упрекаете меня в грубости отношения моего к эмиграции и односторонности освещения мною русской действительности. Искренно говорю: никому, кроме вас, я никому на эти упреки отвечать не стал бы, да и вам отвечаю не потому, что хочу “оправдаться”, а потому, что у меня к вам есть определенное отношение, началом которого служит моя первая встреча с вами летом 1893 года, в Нижнем, когда вы, больная, жили в Вознесенском переулке.

О грубости говорить не стану: это, очевидно, свойство моей натуры. <...> Мне кажется, что людям вашего типа следовало бы обращать внимание не на мою грубость, а на совершенно изумительную циническую грубость эмигрантской прессы. На ее поражающую лживость. И вообще на понимание ею моральной грамотности.

Односторонность? Но ведь вы, в письме вашем, тоже односторонни — и как еще! Между нами тут есть, разумеется, существенное различие: у вас есть **привычка не молчать** о явлениях, которые вас возмущают, я же не только **считаю себя вправе и могу молчать** о них, но даже отношу это умение к числу моих достоинств. Это — аморально? Пусть будет так. <...> Суть в том, что я искреннейше и неколебимо ненавижу правду. <...> Я знаю, что 150 млн массе русского народа эта правда вредна, и что людям необходима другая правда, которая не понижала бы, а повышала рабочую и творческую энергию. <...> Для меня важно, главным образом, вот что: быстрый и массовый рост личности, рост нового культурного человека, важен рабочий сахарного завода, который читает Шелли в подлиннике. <...> <Такому человеку> не нужна та мелкая, проклятая правда, среди которой он живет — ему необходимо утверждение той правды, которую он сам создает. Он ее создаст и утвердит на своей земле»[336].

---

[336] А. М. Горький — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 22 января 1929 г. / Е. Д. Кускова. На рубеже двух эпох (памяти А. М. Горького) // Последние новости. 1936. 26 июня. № 5572.

Относила ли Екатерина Павловна к числу достоинств Алексея Максимовича, своего «старинного наставника в мудрости житейской»[337], его молчание по поводу вещей бесчеловечных и аморальных, неизвестно, но сама она с протестами не выступала. Она очень высоко оценивала вклад Горького в литературу, в общественную и политическую жизнь, преувеличивала несправедливость нападок на него эмигрантской прессы и остроту его переживаний по этому поводу; наверное, ей представлялось, что он видит то большое, что не видят люди за обыденностью, а кроме того, и это было очень важным в ее отношении к нему, ей казалось, что всей своей жизнью он заслужил право на всеобщее уважение и, более того, почитание. Однако, как бы то ни было, всемирно известный писатель — реалист и одновременно сентиментальный романтик — М. Горький восхвалял советскую власть, а рациональная (и даже несколько буржуазная) и совсем не сентиментальная Екатерина Павловна помогала ее жертвам.

За статью «Обескрыленный Сокол» она на Е. Д. Кускову обиделась, и после 1929 года их личная переписка практически прекратилась, но деловые связи (оказание помощи российским политзаключенным, оказание материальной помощи живущим в СССР родственникам, другие виды помощи: розыск родных, выезд, въезд и пр.) продолжались; и когда Екатерина Павловна, закрутившись, не выслала квитанцию на переданные ей деньги, в связи с чем возникло неприятное недоразумение, Е. Д. Кускова не усомнилась в ее честности: «После многих опытов я предпочитаю посылать деньги Е. П. Пешковой. <...> И еще не было случая, когда деньги, переданные через нее, не дошли бы по назначению. Через нее можно пересылать и в другие города, а также с назначением на определенные имена. Отчеты она предоставляет бывшим членам Политического Красного Креста, нашим друзьям»[338].

После кончины Алексея Максимовича Е. Д. Кускова отправила Екатерине Павловне письмо с соболезнованием, написанное со сдержанным благородством:

---

[337] АГ. Т. IX. С. 282. Из Сорренто в Москву, 18 ноября 1930 г.

[338] ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 603. Л. 7. Е. Д. Кускова — шведской жертвовательнице.

«Praha, 19/VI 1936.

Дорогая Екатерина Павловна!

Сегодня утром газеты принесли сообщение о кончине Алексея Максимовича. Все предшествующие дни чешские газеты давали бюллетени — о ходе его болезни. А мы — трое ваших друзей от старых времен — думали о Вас.

Быть может, Вы — единственный человек, способный понять, как болезненно переживали мы разрыв с покойным Ал<ексеем> Мак<симовичем>. Вы поймете также, что никакие — самые острые — разногласия не могут ослабить добрых чувств и воспоминаний обо всем вместе пережитом — на протяжении нескольких десятков лет — с этим большим человеком.

Примите же наше самое глубокое сочувствие Вам в эти тяжелые для Вас минуты.

Всегда Вас помнящие Ек. Кускова-Прокопович. Евгения Ивановна[339] присоединяет и свою подпись»[340].

В сохраненном черновике письма было написано «Всегда Вам преданные», в окончательном варианте эти слова были заменены на «Вас помнящие». Кроме того, в черновике стояло имя Сергея Николаевича Прокоповича, но он присоедить свою подпись отказался — его отношение к Горькому не поколебала и смерть.

В 1928–1929 годах борьба в партии большевиков продолжалась, закончилась она к концу 1929 года полной победой Сталина. В 1927 году Сталин, поддерживая «правых», выступающих за союз с крестьянством и продолжение НЭПа, одержал победу над «левыми», требующими первоочередного развития тяжелой промышленности, борьбы с кулачеством и предоставления помощи революционному движению в других странах. Разгромив «левых»[341], осенью 1928 года Сталин начал борьбу с «правым уклоном» (Бухарин, Рыков, Томский), утверждая, что необходимо ускоренными темпами развивать тяжелую промышленность и про-

---

339 Евгения Ивановна Репьева.

340 ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 147.

341 Троцкий в январе 1928 г. был выслан в Алма-Ату, а в январе 1929 г. — из страны.

водить коллективизацию сельского хозяйства[342]. В результате борьбы со всеми проявлениями оппозиции были заложены основы режима абсолютной власти. 21 декабря 1929 года в СССР широко отмечался 50-летний юбилей Сталина, ознаменовавший начало культа его личности. В это же время большевики объявили, что понятие правового государства по отношению к Советскому государству не может быть применено, так как это несовместимо с марксизмом. Озвучил эту установку Каганович. В ноябре 1929 года, выступая с докладом в Институте советского строительства и права при Коммунистической академии, он заявил: «Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие “правового государства” к Советскому государству, то это значит, что он идет на поводу у буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистко-ленинского учения о государстве»[343].

Таким образом, ПОМПОЛИТ, помогая политзаключенным, был лишен возможности апеллировать к правовым нормам; Екатерина Павловна могла только просить (ходатайствовать, хлопотать), доказывать невиновность осужденного, его лояльность власти.

В январе 1928 года во время поездки по Уралу и Сибири Сталин начал кампанию, направленную против крестьян, которые от-

[342] В сентябре 1928 г. в «Правде» была опубликована статья Бухарина «Заметки экономиста», в которой он вновь утверждал, что необходимо сохранять союз с крестьянством. Сталин вынес этот вопрос на широкое обсуждение и пленум ЦК, состоявшийся в ноябре (16–24) 1928 г., осудил «правый уклон» в партии, имена оппозиционеров пока не назывались. На пленуме ЦК, состоявшемся в апреле 1929 г., «правый уклон» был вновь осужден, а Бухарин снят с занимаемых им постов в «Правде» (ответственный редактор) и в Коминтерне (генеральный секретарь Исполкома Коминтерна). На последующей конференции было решено провести чистку в партии. На пленуме ЦК, состоявшемся в ноябре 1929 г., Бухарин был выведен из состава Политбюро, и в этом же месяце он, Рыков и Томский опубликовали заявление, в котором признали свои взгляды ошибочными.

[343] Каганович Л. М. Двадцать лет строительства советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и революция права. 1930. № 1. С. 8.

казывались сдавать зерно государству; начались разоблачения кулаков, возврат к реквизициям, аресты непокорных (впоследствии это будет названо «урало-сибирским методом»). В июне 1929 года началась подготовка к форсированной коллективизации[344]. 7 ноября в «Правде» была напечатана статья Сталина о «великом переломе» в жизни деревни, последующий Пленум ЦК ВКП(б) принял решение об ускорении темпов коллективизации, а 27 декабря 1929 года Сталин заявил о начале сплошной коллективизации и о переходе к политике «ликвидации кулачества как класса».

Подопечными ПОМПОЛИТа становились не только члены уничтоженных политических партий и сословий, не только интеллигенция, подозреваемая большевиками в инакомыслии, но и крестьянская Россия — тот самый народ, ради которого революция совершалась.

В 1928 году после свертывания НЭПа[345] материальное положение ПОМПОЛИТа вновь ухудшилось. В январе 1929 года М. Л. Винавер писал Е. Д. Кусковой: «Работы у нее <Екатерины Павловны> со мной меньше, чем раньше; но может скоро совсем окончиться из-за отсутствия материальных средств: недавно закрылось наше отделение в Питере[346], т<а>к к<а>к нечем было платить за

[344] В июне 1929 г. было принято положение об организации машинно-тракторных станций (МТС) — государственных предприятий, на которых сосредоточивалась сельскохозяйственная техника и которые заключали договоры с колхозами на производство тех или иных работ. Еще раньше, в декабре 1928 г., был издан новый Земельный кодекс, урезающий права крестьянства по сравнению с кодексом 1923 г.

[345] В 1928 г. партия большевиков провозгласила курс на индустриализацию и коллективизацию, НЭП «свертывался», а вместе с ним и различные кооперации. С октября 1928 г. в СССР началось осуществление первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, утверждалась административная система управления. В это же время в городах начались перебои с хлебом и другими продуктами. В 1929 г. была вновь введена карточная система распределения хлеба, отмененная в 1921 г. при переходе к НЭПу, просуществовали карточки на хлеб вплоть до 1935 г.

[346] Петроградский ПКК был организован раньше Московского, в 1917 г. Но МПКК благодаря своей активной работе вскоре начал играть роль Всесоюзного, а Петроградский превратился в его отделение. После закрытия МПКК роль Петроградского ПКК свелась в основном к функциям спра-

квартиру; в Москве хуже худшего. <...> Поеду теперь, может быть, опять как-нибудь двину денежный вопрос»[347]. До начала коллективизации ПОМПОЛИТ с трудом, но добывал деньги для своих подопечных. Средства для помощи репрессированному крестьянству, высланному из родных мест и умиравшему от элементарного отсутствия пищи (не духовной) и болезней, выискивать будет значительно тяжелее. Для оказания материальной помощи этой многочисленной категории ссыльных у ПОМПОЛИТа не было никаких специальных фондов; у высланных же крестьян родственники, которые могли бы им помочь, жили, как правило, в России, рассчитывать на зарубежную помощь раскулаченные не могли.

О трудностях работы, которую ему и Екатерине Павловне приходилось вести, Винавер писал Кусковой в мае 1929 года — еще до начала роста числа политзаключенных и ссыльных: «А работы, вообще, очень много, и одному человеку невозможно физически справиться. Не потому, что новых клиентов так много прибавляется, а потому, что суммируются просьбы всех старых, а нами опекаемые остаются таковыми ведь в течение 6–9 лет (после тюрьмы — ссылка; потом ограничения и т<ак> д<алее>), и Вы правы, что устаем сильно и физически и нервно. А бросать этой работы нельзя, т<а>к к<а>к никому другому, кроме Ек<атерины> Павл<овны> и меня, не разрешат, о чем прямо говорят. Поэтому приходится мне жить

вочного бюро, хотя возглавлявшие его лица (М. В. Новорусский, С. П. Швецов, В. П. Гартман) не только запрашивали, но и ходатайствовали за обращавшихся к ним за помощью.

В ноябре 1923 г. В. П. Гартман писал в Екатерине Павловне: «Если бы Екатерина Павловна могла вдохнуть жизнь в заснувший Питер. Очень бы хотелось еще поработать в Кресте. Москва в этом отношении счастливее, она имеет Вас, а у нас, бедных провинциалов, нет Вас, и ходим мы неприкаянные, ибо Михаил Васильевич <Новорусский> остыл, по-видимому, к этому делу» (ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 43. Л. 3–3 об.).

До 1930 г. Ленинградскую группу возглавлял бывший член «Народной воли» С. П. Швецов (1858–1930). После его смерти — В. П. Гартман (1883–1937), осуществлявший работу Ленинградского ПКК фактически в единственном числе в своей квартире (Ленинград, Лесной, Старо-Парголовский, д. 47/2, кв. 16), служившей и приемной ПКК. 15 августа 1937 г. В. П. Гартман был арестован, обвинен по ст. 58–6–11 и 28 сентября 1937 г. расстрелян.

[347] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 70. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 21 января 1929 г.

отдельно с Ел<еной> Герм<ановной>, не принимать прекрасных предложений в смысле заработка и пр. Ведь все-таки очень многое удается делать. Только нервы уж очень напряжены все время»[348].

Несмотря на то, что они «сильно и физически и нервно» уставали, несмотря на то, что нервы у них были «очень напряжены все время», они не бросали эту изматывающую работу, которую никто не заставлял их вести, никто, кроме собственной совести и чувства гражданского долга.

Наряду с работой в ПОМПОЛИТе продолжалась работа в Польском Красном Кресте. В феврале 1929 года Екатерина Павловна объезжала тюрьмы Украины, в которых содержались заключенные поляки. За 10 дней она проехала по маршруту: Киев — Житомир — Винница — Одесса — Проскуров — Киев — Харьков.

Ее отчет по расходам на эту поездку приводим ниже:

«РАСХОДЫ ПО ПОЕЗДКЕ НА УКРАИНУ

19/II — 3/III — 29 г.

20/II —	КИЕВ. Уплач<ено> за белье в вагоне	1.50
	Выдано проводнику	– 50
	Извощик с вокзала	2.50
	В Консульство и обратно автом<обиль> Кон<сульст>ва	—
21/II	Посыльному	1.00
	Номерному за самовар с чаем	1.25
	Извощик в ГПУ	1.00
	Из ГПУ в ДОПР и обратно в ГПУ и в гостиницу — автомоб<иль> ГПУ	—
	В Консульство	1.00
	Обратно из Консульства и на вокзал — автомоб<иль> Консульства	—
	Билет до Житомира	8.48
	По счету гостиницы	6.05
	Прислуга в гостинице	1.95

[348] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 72–73. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 31 мая 1929 г.

22/II — ЖИТОМИР. Проводнику в вагоне ..... – 50
Носильщику ..... – 50
Извощик с вокзала 1.00
Завтрак ..... – 80
Извощик в ГПУ ..... – 50
В ДОПР и обратно — экипаж ГПУ ..... —
Обед ..... – 60
Апельсины ..... – 50
Извощик на вокзал ..... – 80
Носильщик ..... –50
Билет до Винницы 5.95
23/II — ВИННИЦА. Проводнику ..... – 50
Носильщик ..... – 50
Извощик с вокзала 2.00
Завтрак утром ..... – 50
Извощик в ГПУ ..... – 50
В ДОПР и обратно — экипаж ГПУ ..... —
За комнату 3.00
Апельсины на дорогу 2.00
Чай на вокзале ..... – 40
Носильщик ..... – 50
Билет до Одессы 14.50
24/II — ОДЕССА. Телеграмма ..... – 97
Носильщик ..... – 50
Извощик 2.00
Обед 2.00
Утром и вечером чай 2.60
Извощик к Эккерт и обратно 1.50
Сухари и масло ..... – 80
25/II Утром и вечером чай 2.85
2 обеда 3.20
26/II Чай 1.25
Гостиница 16.20
Швейцару, горничной гостиницы 2.00
Билет до Проскурова 19.30
27/II — ПРОСКУРОВ. Носильщик ..... – 50
Извощик 1.00
Обед и лимон 1.40

	Извощик в ГПУ	– 60
	В ДОПР и обратно — экипаж ГПУ	—
	Носильщику из I-ой гостин<ицы> во II-ую	– 50
	Номер	1.50
	Извощик на станцию	1.00
	Носильщику	– 50
	Чай на вокзале	– 50
	Билет в Харьков с плацкарт<ой> до Киева	20.85
	Две телеграммы	1.73
28/II —	КИЕВ. С вокзала — автомоб<иль> Консульства	—
	Завтрак	1.60
	2 апельсина	1.20
	2 посыльным	1.50
	На счету гостиницы	7.00
	Чаевые	5.00
	Плацкарт до Харькова	3.50
1/III —	ХАРЬКОВ. Проводнику вагона	– 50
	С вокзала носильщ<ик> и авто Консульства	—
	Кофе	– 65
	Извощик в ГПУ	– 50
	Из ГПУ в ДОПР и Лечебницу — авто ГПУ	—
	Из Лечебницы в гостиницу	– 60
	Вечером в Консульство и обратно — автомоб<иль> Консульства	—
2/III	Во 2 ДОПР и обратно в ГПУ — автомоб<иль> ГПУ	—
	Кофе	– 50
	Завтрак	1.25
	2 апельсина на дорогу	– 80
	Гостиница	14.20
	Белье	1.90
	Чаевые	2.00
	В Консульство и обратно и на вокзал — автомобиль Консульства	—
	Билет в Москву	23.90
	Итого	212.93»[349]

[349] ГА РФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 5645. С. 56–56 об. Машинопись.

В провинциальных городах (Виннице и Проскурове) гостиницы были «в ужасном» состоянии. В Винницу она приехала «чудесной зимней ночью». «На станции <ее> обступили дядьки-извозчики, таща каждый к своим коням. Согласно свойственному мне чувству справедливости, поехала с первым»[350], — писала она Николаеву. Гостиница, в которую ее привез извозчик, оказалась «неприветливым» «холодным огромным сараем с грязной постелью»[351], но других гостиниц в Виннице не было. В Проскурове («славный город — весь засыпан снегом») оказалось еще хуже, и приехала она туда уже больной, с температурой (37,8 градуса). У извозчиков были становившиеся редкостью санки с бубенцами, а дорога от вокзала представляла «сплошной кошмар» («удивляюсь, если не соскочила моя почка от непрерывных ухабов»[352]). В городе имелось два сель-будинка (гостиницы), но в них не нашлось свободной комнаты, и извозчик отвез ее к частнику в гостиницу «Марсель» («общая комната в три кровати, за ней каморка. Жутковато».) Но и в этой гостинице ее не оставляли, а ей надо было ехать в ГПУ, ДОПР, и она уговорила коменданта впустить ее на недолго, надеясь, что звонок из ГПУ уладит проблему. («Авось ГПУ посоветует ему оставить меня до вечера, когда идет поезд на Киев»[353]). «Телефон из ГПУ сделал то, что комната нашлась, так что вернулась из ДОПРа хотя и в другой сель-будинок, поменьше, но все же сижу одна в комнате. Холодно. Сижу в шубе. <...> Уборная — ужас. Самовар получить — нельзя. Воды горячей — тоже. Ой, как хочется назад. Устала. И в мои годы зимой в такие дыры ездить нельзя. Очень устала. <…> Ну, в Киеве, Харькове будет лучше. <…> Не выдержала температуры своего номера, освещения, при котором нельзя читать, и уехала на вокзал. <…> Трясло вновь по ухабам и, видимо, съехала почка, что-то болит в правом боку. Взяла чай, чтобы сидеть за столом. К стакану липнут руки. <…> Здесь народ не бедный. В хо-

[350] АГ. ФЕП-рл 8–15–377. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Винницы в Москву, 23 февраля 1929 г.

[351] Там же.

[352] АГ. ФЕП-рл 8–15–380. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Проскурова в Москву, 27 февраля 1929 г.

[353] Там же.

рошей обуви»[354]. В вокзальном киоске продавалась 2-я часть «Тихого Дона» Шолохова, и она порадовалась, что народ здесь читающий. Она же на вокзале города Проскурова, где тепла и света было все-таки больше, чем в оставленной ею комнате в сель-будинке, читала Голсуорси («очень хорошее чтение для дороги»).

Из поездки по тюрьмам Украины Екатерина Павловна вернулась в Москву 3 марта, через три недели выехала в Варшаву, провела там 5 дней и, наконец, смогла уехать отдыхать к «своим». В этот раз она ехала в Италию через Вену, в Рим приехала 29 марта (ко дню рождения Алексея Максимовича она не успела). Ее встречали Максим, Иван Егорович Вольнов, который жил в это время на вилле Il Sorrito (Алексей Максимович сумел получить для него визу в Италию), и его сын Илюша.

В Сорренто уже было решено, что на лето Алексей Максимович поедет в Москву всей семьей, что Тимоша возьмет с собой маленьких, которые будут жить в Барвихе, а взрослые устроятся где-нибудь отдельно. Тимоша просила Екатерину Павловну задержаться до середины мая и ехать вместе с ней и детьми, так как Алексей Максимович и Максим, не оставлявший его, смогут выехать только в конце мая, но Екатерина Павловна не выполнила эту просьбу: ей было «задерживаться неудобно из-за Мих<аила> Льв<овича>»[355]. Чувствовала она себя неважно, поэтому у нее не было «обычного ощущения неловкости при мысли, что <она> здесь среди такой красоты»[356], а не дома, с теми, кто работает. Она писала: «Мало впрок идет пребывание здесь. Думаю, что, сидя на Машковом, лучше поправилась бы, скорее»[357].

20 апреля она ездила в Рим слушать Шаляпина, исполнявшего партию Бориса Годунова. Ездила одна, все остальные побывали на

---

[354] АГ. ФЕП-рл 8–15–381. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Проскурова в Москву, 27 февраля 1929 г.

[355] Там же. 8–15–391. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 5 апреля 1929 г.

[356] Там же. 8–15–390. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 4 апреля 1929 г.

[357] Там же. 8–15–397. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Неаполя в Москву, 12 апреля 1929 г.

его предыдущем спектакле, она же не поехала со всеми, так как не хотела оставлять внучек одних с новой няней («сестрой»), которая, по мнению Екатерины Павловны, была недостаточно терпима к детям. (Свое недовольство Екатерина Павловна не сдержала, и, кажется, сестра подчинилась ее требованиям: «После объяснения с сестрой получено от нее заверение не прибегать к одобряемым тобой методам воздействия на детей»[358].)

Когда Екатерина Павловна вернулась из Рима, ее ждала телеграмма: умерла Анна Николаевна Фейт. «Не могу освоиться с этой мыслью, и вставало многое из пережитого вместе, и больно, как всегда, когда исчезнет близкий человек, за недостаток внимания к нему. Правда, в одном городе жили, а так редко встречались особенно после смерти Андрея[359]. Все меньше старых друзей. <…> Человек она была с холодком, но как всегда у таких людей моменты сердечные бывали необыкновенно теплы и ярки, и сейчас они очень ясно вспоминаются»[360], — переживала она. Наутро она отправила две телеграммы: одну — сыновьям Анны Николаевны, другую — Николаеву: «Поразила смерть Анны Николаевны. Поправилась плохо»[361]. На следующий день она покинула Сорренто. Чувствовала она себя нехорошо — сердце работало с перебоями.

Максим довез ее в автомобиле до Флоренции (ехали через красивейшую Тоскану), затем: Рим — Берлин — Варшава.

«Дорогая Екатерина Дмитриевна! Не написала из Sorrento, т<а>к к<а>к полумертвой туда приехала и все письма, кот<орые> необходимо было послать — писала, заставляя себя взять перо в руки. Плохо отдохнула. Но сердце пришло почти в норму, к<а>к сказал мне сегодня тут доктор.

Конечно, не потому не писала, что обиделась за статью об А<лексее> М<аксимови>че. Ведь и Бор<ису> Ник<олаевичу>[362]

---

[358] АГ. ФЕП-рл 8–15–395. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Неаполя в Москву, 10 апреля 1929 г.

[359] Андрей Юльевич Фейт.

[360] АГ. ФЕП-рл 8–15–402. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 21 апреля 1929 г.

[361] Там же. 8–15–403. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 22 апреля 1929 г.

[362] Борис Николаевич Рабинович.

не собралась написать про Сару Ник<олаевну>[363], кот<орая> была у меня, когда я вернулась осенью.

У них все ладно. Дети растут хорошо, Абр<ам> Р<афаилович>[364] работает по-прежнему. Сара Ник<олаевна> похудела, что ей на пользу.

Возвращаюсь без бодрости. Надеюсь, она вернется, когда начну работать. А, в общем, поизносился организм и, видимо, требует основательной починки»[365].

4 мая она вернулась в Москву, а 31 мая приехали Алексей Максимович с Максимом, Тимошей и внучками. На время их пребывания в Союзе Михаил Львович Екатерину Павловну не оставил одну: «Уеду не позже 9/VI, а может быть, и раньше. Связано это с приездом Ал<ексея> Макс<имовича> (вероятно, завтра-послезавтра), т<а>к к<а>к не могу оставить Ек<атерины> Павл<овны> одной, когда приедет Ал<ексей> Макс<имович>, Максим с женой и две внучки»[366], — писал он Кусковой.

Жизнь Алексея Максимовича в Москве состояла, как и в прошлом году, из непрерывных посещений заводов, фабрик, выставок, музеев, а также съездов и митингов (IV съезд по охране материнства и младенчества — Охматмлад, I Всероссийский съезд крестьянских писателей, II Всесоюзный съезд Союза безбожников, I слет комсомола Краснопресненского района, I Всесоюзный слет пионеров, антивоенный митинг и др.). На съездах Алексей Максимович присутствовал вместе с членами правительства (Ворошиловым, Микояном, Луначарским, Ярославским и др.). Через три недели его повезли в Соловки, куда он поехал вместе с Максимом и Тимошей и где провел два дня: 20 и 21 июня. (Это была та самая поездка, после которой его доброе имя в глазах значительной части русской интеллигенции было погублено навсегда.) Затем — Мурманск, и 27 июня он приехал в Ленинград, где его тоже возили по разным объектам (Балтийский завод он осматривал в сопрово-

[363] Сара Николаевна Гоц.

[364] Абрам Рафаилович Гоц.

[365] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 144–147. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, конец апреля 1929 г.

[366] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 72–73. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 31 мая 1929 г.

ждении Кирова) и где он общался с разными замечательными людьми. Затем больше месяца он отдыхал на подмосковной даче в Красково, а в конце августа совершил путешествие по Волге, проплыв на пароходе от Нижнего Новгорода до Астрахани. Его свозили в детскую колонию под Сталинградом, в совхоз «Гигант», где он принял участие в празднике «День урожая», в сухумский обезьяний питомник и т. д. Он фотографировался с бывшими беспризорными, в комбайне, с обезьяной и т. д. Ему показывали новую жизнь, создаваемую советским народом. В Стране Советов, в отличие от загнивающей Европы, экономического кризиса не было. Дальше (это уже был сентябрь) его повезли по маршруту Сочи — Новый Афон — Сухуми — Тифлис — по Военно-Грузинской дороге во Владикавказ, оттуда — в Москву. Всюду его сопровождали Максим, Тимоша и Крючков. В Москву его привезли совсем больным.

Внучки Екатерины Павловны лето 1929 года провели в Барвихе. В Италию их отвозила Екатерина Павловна. Из Москвы она выехала 12 октября (в этот день Михаил Львович вернулся из отпуска) вместе с внучками и их няней («сестрой»). Два дня они пробыли в Варшаве, за эти дни Екатерина Павловна управилась с необходимыми делами, и они поехали дальше в Берлин, где их «с трепетом и радостью»[367] ждала Мария Игнатьевна и где они провели несколько дней. 21 октября они приехали в Сорренто. Здесь было «чудесно», «тихо», «покойно». По утрам Екатерина Павловна пила кофе в одиночестве («сестра» с детьми находились в детской), за завтраком в 1 час дня встречалась с Иваном Николаевичем (Соловьем), в 4 часа дня они вместе пили чай, к чаю к ним приходил Дука — герцог ди Серракаприола, хозяин виллы Il Sorrito (его дочери, занимающие нижний этаж виллы, находились в эти дни в Германии). 2 ноября «наши» вернулись, и жизнь стала шумной, Максим много времени проводил с Крючковым, а у Екатерины Павловны опять начало болеть сердце.

«Дорогая Екатерина Дмитриевна! Целых три недели прожила я в Sorrento, теперь еду обратно. Отдохнула только. Хотя здесь было необычно тихо — наши только с неделю назад вернулись, и я жила одна со своими чудесными внучками. Теперь одной четыре, дру-

[367] АГ. Т. XVI. С. 186.

гой — два года, и обе оч<ень> милые и интересные девчушечки. Страшно жалко от них уезжать, оч<ень> привыкла к ним за лето, кот<орое> они провели у меня, пока наши ездили по России. Мы чудесно прожили с ними под Москвой. Была-то я с ними не оч<ень> много, только утро и вечер, и праздники, но занятно было знать, возвращаясь домой, что там есть такие милые существа.

Мелькала мысль ехать обратно на Прагу, но досидела тут до последней возможности, и теперь надо спешить.

Буду рада, если напишете мне в Варшаву — Hot<el> Europejski. На Кузнецком у нас безденежье, хотя за этот год через нас по 1 октября прошло около 41 тыс<ячи> руб<лей>, а обычно за год бывает около 40. Все больше устаем от этой работы.

<...> Вера Ник<олаевна>[368] — неувядаема. Пешком приходит к нам на Кузнецкий, всегда деятельна и энергична.<...>»[369]

В Варшаве Екатерина Павловна пробыла несколько дней, вначале ей было «страх как тоскливо по ребяткам»[370], но она окунулась в дела, и они заставили ее взять себя в руки. 20 ноября она вернулась в Москву.

ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА, ЗАВЕРШЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ЕЕ ЖЕРТВЫ. РАЗОБЛАЧЕНИЯ НЕВОЗВРАЩЕНЦЕВ. НАЧАЛО МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ — ГРУППОВЫЕ ДЕЛА (СУДЕБНЫЕ И ВНЕСУДЕБНЫЕ). В ПОЛЬСКОМ КРАСНОМ КРЕСТЕ: ПОСЛЕДНИЙ ОБМЕН. ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ. 1930–1932 гг.

1 октября 1928 года в СССР официально стартовала первая пятилетка[371]. В конце 1929 года получил распространение лозунг

---

[368] Вера Николаевна Фигнер.

[369] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 68–76. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 10 ноября 1929 г.

[370] АГ. ФЕП-рл 8–15–413. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Варшава, 18 ноября 1928 г.

[371] Принцип пятилетнего планирования был утвержден в апреле 1927 г. на 4-м Съезде Советов. Разработкой первого пятилетнего плана занимались экономисты ВСНХ (председатель В. В. Куйбышев) и Госплана (председатель Г. М. Кржижановский). Первая пятилетка знаменовала решающий поворот в истории СССР.

«Пятилетку — в 4 года!»[372]; курс на ускоренный переход к социализму подтвердил XVI съезд партии, состоявшийся летом 1930 года; задания первого пятилетнего плана были выполнены за 4 года и 3 месяца, о чем советское правительство объявило 31 декабря 1932 года. Главные усилия первой пятилетки были направлены на индустриализацию, и здесь страна достигла больших успехов[373]. В сельском хозяйстве была проведена коллективизация. Намечалось проводить ее постепенно и на добровольных началах, но уже в январе 1930 года партией была поставлена задача сплошной коллективизации с «ликвидацией кулачества как класса»[374]. «Ликвидацией»

---

[372] Лозунг «Пятилетку — в четыре года!» был выдвинут в декабре 1929 г. на 1-м съезде ударных бригад в Москве.

[373] В 1930 г. завершено строительство Турксиба, пущен тракторный завод в Сталинграде; в 1931 г. пущены завод сельскохозяйственных машин в Ростове-на-Дону, тракторный завод в Харькове, автомобильный завод АМО в Москве (после реконструкции); в 1932 г. — автомобильный завод в Горьком, Кузнецкий металлургический комбинат, первая доменная печь Магнитогорского металлургического комбината, первая шахта в Печорском угольном бассейне, Днепрогэс, начал строиться новый город Комсомольск-на-Амуре, начато строительство Московского метро.

[374] 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», согласно которому коллективизация должна была проводиться «добровольно» в три этапа в зависимости от районов. Вслед за этим постановлением меньше чем через месяц, 30 января и 1 февраля 1930 г., ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР приняли постановление о борьбе с кулаками. 2 февраля 1930 г. ОГПУ издал секретный приказ № 44/21 «О ликвидации кулака как класса», регламентирующий процедуру арестов, расстрелов и депортации «кулаков и подкулачников» в отдаленные районы СССР. Приказ описывал репрессивный механизм раскулачивания — первой массовой сталинской депортации. Следствием насильственной коллективизации и раскулачивания явились полная дезорганизация работ, а также активное и в основном пассивное сопротивление крестьян, повсюду забивавших скот. 2 марта 1930 г. в «Правде» была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой он возложил вину за катастрофические последствия коллективизации («перегибы») на местных руководителей. 14 марта 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». В результате доля коллективизированных крестьянских хозяйств уменьшилась с 55 % в марте до 24 % в июле 1930 г., однако в дальнейшем она продолжала неуклонно расти и в 1931 г. составила 52 %, а в 1934-м — 71 %.

занимались органы ОГПУ, и к осени 1931 года процесс раскулачивания и выселения из районов сплошной коллективизации был в основном завершен. Об успешности работы, проделанной за 5 месяцев (в период с 20 марта по 25 апреля 1931 года и с 10 мая по 18 сентября 1931 года), Ягода[375] отчитался перед Сталиным:

«В это время перевезено 162.962 семей (787.341 чел.), из них: мужчин — 242.776, женщин — 223.834, детей — 320.731. В 1930 было перевезено всего 77.795 семей (371.645 чел.), из них: мужчин — 123.807, женщин — 113.653, детей — 134.185. Т. о. всего перевезено 240.757 семей (1.158.986 чел.). В это же время перевезено лошадей — 15.355, телег — 7.487, плугов — 8.958, борон — 9.528. Все перевозки произведены 715 эшелонами в 37.897 вагонах. Зам. пред. ОГПУ Ягода»[376].

На 1 января 1932 года лагеря ОГПУ насчитывали 272 500 заключенных, в спецпоселках находилось 1 317 022 человека[377].

Все эти люди были потенциальными подопечными ПОМПОЛИТа. Мало кто из ссыльных крестьян знал о существовании такой организации, многие из них были людьми малограмотными, но даже и от этой категории политзаключенных в ПОМПОЛИТ приходило множество писем о помощи[378]. В нижеприведенном

---

[375] Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938) — советский государственный и политический деятель, один из главных руководителей советских органов госбезопасности (ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД).

[376] Из донесения Г. Г. Ягоды И. В. Сталину от 12 октября 1931 г. о завершении раскулачивания и выселения из районов сплошной коллективизации, производившемся с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 18 сентября 1931 г. // История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; отв. сост. И. А. Зюзина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 115.

[377] Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. Общество «Мемориал», ГА РФ; сост. М. Б. Смирнов; под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. С. 66.

[378] Одним из видов помощи, которую оказывал ПОМПОЛИТ, была помощь по соединению членов высланных семей. Ниже мы приводим один из случаев, иллюстрирующий необходимость такой помощи.

28 января 1930 г. из села Кротково Сенгилеевского р-на Средне-Волжского края были административно высланы органами ОГПУ в Северный край на 3 года (по ст. 58–10 УК) крестьяне Петр Григорьевич Сипатов, Андрей Яковлевич Кузнецов и Василий Зиновьевич Катенков. Всех троих отправили на ст. Плесецкую Северной железной дороги, где их использовали в качестве дорожных рабочих. 22 марта 1931 г. при проведении коллективизации были высланы из родного села в Восточную Сибирь их семьи («взяты ночью без предупреждения»). П. Г. Сипатов подал в ПОМПОЛИТ заявление с просьбой помочь соединить его с высланной семьей, состоявшей из 6 человек: жена 42 лет (больная туберкулезом), дочь 19 лет, сын 15 лет, дочь 12 лет, сын 7 лет и сын 3 лет. В заявлении («Просьбе») он писал, что семья почти не имеет ни одного работника, могущего «оказать ей материальную поддержку», что «получаемые от них письма — сплошной крик о помощи обреченных на гибель людей». К заявлению были приложены письма его старшей дочери. Вот некоторые строки из этих писем:

«<...> Спешим вам сообщить о нашей несчастной жизни. Завезли нас, дорогие родители, в тайгу и ссадили в бараки, и как хочеш<*ь*>, так и живи. Живем другую неделю и работы никакой не имеем. У кого мужики тем жить посвободнее. Мужики ходять на работу, получают паек, а мы здесь незнай как будем и кормиться, работы для нас никакой пока нет. <...> Просим вас, сроднички, чтобы вы обнас там похлопотали, нас к себе, а то, прямо, пропащее дело. Если нас к вам нельзя, тогда хлопочите, чтобы нас к вам прислали. Мужикам здесь работа есть: кто ходит пилить дрова, кто плотничает. Только плотников угнали за 35 верст без семей. Просим вас, дорогие родители, пожалуйста, похлопочите, не покиньте нас на чужой стороне, а то мы здесь одни погибнем. Мы на станцыи ходили к коменданту просить, чтобы нас отправили к вам. Он велел нам писать письмо к вам, чтобы вы хлопотали нас к себе, как вы мужики, у вас головы сообразят лучше нашего. Еще просит Василя Зиновича его супруга Укулина Ивана: “Как можно, Вася, прошу, пожалиста, что похлопочи об нас, не дай нам погибнуть. <...> ”.

Тятинька, просим тебя, пожалуста, хлопочи нас к себе, а то мы здесь погибнем. <...> Мы подавали на станцый заявление, чтобы нас съединили, но он сказал, что лучше бы они похлопотали там. <...> С приветом к тебе твоя доч<*ь*> Елена».

«Здравствуй, дорогой наш тятинька. Первым делом стараемся сообщить, что письмо ваше получили, за что сердечно благодарим, и открытку получили. Тятинька, вы спрашивали, что можно что ли купить. Купить здесь ничего нельзя низакакие деньги, окроми пайка. <...> И нет здесь ни села, никакой деревни, от станции мы 35 вер<*ст*>, живем в тайге за Байкалом в бараке. Здесь 21 б<*арак*>. Наш барак длиной 12 саж<*еней*> и в бар<*аке*> нас 70 или больше человек. Тятинька-тятинька, будиш<*ь*> писать — на письмо пришли, пожаласто, бумагу.

письме, автором которого был человек грамотный, рассказывается о положении административно ссыльных:

«Село Пинега Арх<ангельского> окр<уга>
1931 год 22/II.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Имею честь уведомить Вас, что посылка за № 7636, отправленная по просьбе моей дочери чрез посредство председательствуемого Вами общества — "Помполит" на мое имя в село Пинегу до востребования от 9/II–31 года получена мною 18/II во вполне исправном виде, причем все указанные в Вашем перечне пересылаемые предметы оказались налицо. Сердечно прошу принять от меня мою искреннюю признательность и благодарность, как Вам,

---

Деньги мы не получили. Тятинька, нельзя ли нас туда к вам, там, може<*т*>, жизнь лучше, а если нельзя, тогда, вы — сюда, горевать — да и всем вмести. Тятенька, у нас здесь нет никакой обувки, только что у меня, а Рая и Коля вовси босиком, у мами тоже нет никакой обувки. Тятинька, если поедиш<*ь*> к нам, то, пожалуста, привези ведро, а то нам нечим воды принести. Здесь мужик<*и*>, которых угнали на золотые прииски, которы<*е*> здесь ходют тоже на золото, а наши мужики бондарничают. Тятинька, с родины мы не получали никакого известия, не знаю, почему они нам ничего не сообщают. Затем, досвиданье. Кланяемся тебе все: твоя супруга Марья Пет<*ровна*>, доч<*ь*> Елена, Володя, Рая, Коля, Миша и желаем всего хорошего и доброго здравия»[378].

Обратный адрес на письмах: Восточная Сибирь, ст. Ксеневская, поселок Широкий. С мая 1931 г. Сипатов, Кузнецов и Катенков начали хлопотать о соединении с высланными семьями. Хлопотал и ПОМПОЛИТ. Последнее сохраненное сообщение ПОМПОЛИТа датировано 8 января 1932 г.:

«СИПАТОВУ Петру Григ<орьевичу>. *13255. 8/I–32*.

В ответ на В/обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, обещано ускорить рассмотрение вопроса о соединении Вас с семьей. По получении ответа о результате Вас уведомим».

Приведенные документы сохранены в фонде ПОМПОЛИТа: ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 603. Л. 312–324; Д. 638. Л. 234; Д. 772. Л. 211–213.

Мы надеемся, что хлопоты ПОМПОЛИТа не были напрасными и что семьи П. Г. Сипатова, А. Я. Кузнецова и В. З. Катенкова выжили. Их семьи — это три семьи из 162 962 семей (787 341 чел.), высланных в период с 20 марта по 18 сентября 1931 г., — семьи, которыми отчитывался Ягода, рапортуя Сталину об успешности работы, проведенной ОГПУ в рамках коллективизации.

так и членам возглавляемого Вами общества “Помполит”. Оказываемая Вами помощь Адм<инистративно> ссыльным громадна и неоценима. Расположенные в Пинежском районе, мы, Адмссыльные, можем существовать только при поддержке нас родными и знакомыми при помощи продуктовых посылок, которые не из всех мест С.С.С.Р. принимают для передачи в отдаленные места Сев<ерного> Края. Нужно пожить здесь, чтобы понять величие и ценность помощи, оказываемой Вашим обществом. Не говоря уже о безработных адм<инистративно> ссыльных по старости и болезням, положение нас, работающих, кошмарное в отношении питания. Продовольственный паек, выдаваемый нам на наши деньги, ничтожен: хлеба менее 1,5 ф<унта> = 565 гр<амм> в сутки при приварке из рыбы и крупы мелкой ячменной в количестве 300 гр<амм> на две недели, что составляет около 20 гр<амм> в день на человека, т<о> е<сть> менее чайной ложки в сутки; получается какой-то «Wasser Sup», который совершенно не дает питание, и т<аким> обр<азом> главное питание — хлеб, отпускаемый в недостаточном количестве при работе тяжелой для мало-мальски сохранивших “силы”. Я работаю на пилке и колке дров при заводе “Лесосвет” в трехверстном расстоянии от квартиры, так как других свободных квартир не имеется, ввиду прибытия громадного количества рабочих-вольных для постройки барж. Тяжесть работ адм<*инистративно*> ссыльных усугубляется несоответствием этих работ с возрастом, полом и состоянием здоровья работающих. 60-летние старики пилят и колют на дрова бревна толщиной около аршина в диаметре. Монахини убирают и чистят лошадей на конюшне или скатывают в 5-ти и 6-ти ярусные штабеля толстые 12-аршинной длины бревна. В результате, конечно, выбитые зубы, повреждения травматические, срыв почек и женские болезни у женщин. Посылаемым в обоз мужчинам и женщинам спецодежды в виде валенок и рукавиц не полагается, в результате — массовое обмораживание рук и ног, оканчивающееся ампутацией пальцев на руках и ногах. Амбулаторные приемы ежедневно переполнены больными этого рода. Люди, во всю свою жизнь не имевшие дела с лошадьми и запряжкой, в плохой одежде и обуви назначаются обозчиками на расстоянии: 70, 80, 120 и 150 верст в один конец. На каждого человека дается от 4-х до 5 лошадей, на 58 лошадей одиночной запряжки бывает только 13 возчиков, большинство

которых неумелые и неопытные. В результате — ушибы и обмораживания. Езда происходит безостановочно, как часовой механизм, выходных дней нет, происходит днем и ночью: 5 часов езды и 5 остановки, за это время остановки возчик должен присмотреть за своими 4–5 лошадьми, отпрячь, запрячь, накормить, напоить и приготовить себе пищу и кипяток, что же остается на отдых. При этом нужно отметить, что все работы происходят в непрерывной атмосфере площадной брани и возмутительного сквернословия по адресу адм<инистративно> ссыльных и всяческих попреков. Таково положение в Пинежском районе. Прошу принять уверение в искренней благодарности и почтении. Адм<инистративно> ссыльный протоиерей Пантелеймон Медведков»[379].

На этом письме есть помета, сделанная М. Л. Винавером: «Дать выписку срочно. П<оложение> в Ар<хангельске> 9/III. <Винавер>».

Выписка (машинопись) была передана ПОМПОЛИТом в ОГПУ.

Российская эмиграция с ужасом следила за «колхозным движением» и предполагала, что оно приведет к гибели советской власти, но гибели, купленной очень дорогой ценой: смертью от голода тысячи людей. Что же думала о проводимой коллективизации Екатерина Павловна, не отрекавшаяся от своей партии эсеров (наследнице народников), представлявшей интересы крестьянской России? По-видимому, как и ее единомышленник М. Л. Винавер, она считала коллективизацию необходимостью. Вот что писал по этому поводу М. Л. Винавер Е. Д. Кусковой в июне 1930 года:

«Вы согласны с каким-то Вашим корреспондентом, что “колхозное движение — это могила для большевизма”, <...> что неминуем, а во всяком случае возможен голод 1921 г<ода>, <...>, что очень дорогой ценой окупается в России гибель безумной теории. К<а>к часто бывает, я с Вами не согласен. <...> Колхозное движение считаю необходимостью и экономической, и, следовательно, политической. Экономической, т<а>к к<а>к для поднятия земельной культуры нужны крупные объединения, где

[379] ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 576. Л. 106–107 об.

можно применять современную американскую технику (тракторы и пр<очее>), удобрить, руководить правильно агрономически и т<ак> д<алее>; экономической необходимостью, т<а>к к<а>к все растущая гигантскими шагами крупная промышленность должна быть хозяином сырья и не зависеть от индивидуального потребления. <...> А ведь до сих пор, несмотря на все красивые словца, советская власть для того, чтобы получать сырье, — поддерживала, по существу, зажиточного мужика, т<а>к к<а>к бедняку и середняку нечего было давать, избытка не было у него. А это имело бы в ближайшем будущем и политическое следствие: требование политической власти. <...> Поэтому наступила необходимость бросить с-ровскую прогр<амму> для деревни. <...> Конечно, не сытно теперь, но не предстоит голод, <...> если только на 13-м году взялись за коллективизацию, то потому, что пришлось им подготовить почву в деревне; что их поддерживала молодежь, бедняки и большая часть середняков. Конечно, благодаря своему темпу коллективизации и методам — испоганили хорошую и необходимую меру, но хорошо, что хотя поздно, но не слишком поздно спохватились, что взялись энергично за исправление ошибок.<...> Вреда сделано много, но это еще не их “могила”, к<а>к Вы пишете, и не “могилы” от голода, к<а>к Вы полагаете, но чего и сами не желаете»[380].

Осенью 1932 года в основных хлебопроизводящих регионах СССР (Украина, Нижнее и Среднее Поволжье, Кубань, Казахстан) начался страшный голод, о котором власти ничего не сообщали[381]**. Число умерших от голода составило (по разным оценкам) от 3 до 7 млн человек.**

---

[380] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 86–91. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 16 июня 1930 г.

[381] Голод был в значительной мере спровоцирован полным изъятием зерна у крестьян с целью выполнения планов (нереальных, завышенных), «спущенных» властями. Особенно пострадала Украина. Присланная из Москвы на Украину комиссия под руководством председателя Совнаркома СССР В. М. Молотова добилась полного вывоза всего урожая 1932 г., и в начале 1933 г. у крестьян не осталось даже семенного фонда.

В конце 1928 года эмигрантская газета «Возрождение» начала печатать статьи Бажанова[382], личного секретаря Сталина, бежавшего из СССР. В этих статьях, а затем в книге «Воспоминания бывшего секретаря Сталина» Бажанов подробно рассказал о закулисных политических интригах в Кремле, начиная с изгнания Троцкого и включая последующие действия Сталина по устранению с политической сцены своих соратников и соперников — Фрунзе, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова и других. Вслед за Бажановым с разоблачением сталинского режима выступили и другие советские партийные деятели, ставшие невозвращенцами. С октября 1929 года в газетах «Возрождение» и «Последние новости» начали публиковаться статьи Беседовского[383], бывшего советника полпредства СССР во Франции; в 1930 году в Париже вышла его книга «На путях к Термидору». С 1 июля 1930 года газета «Последние новости» печатала беседы с Агабековым[384], резидентом ОГПУ на Ближнем Востоке, бежавшим в

---

[382] Бажанов Борис Георгиевич (1900–1982) — советский партийный деятель. С 1919 г. член РКП(б). С 1922 г. работал в административном отделе ЦК ВКП(б). С 1923 г. — секретарь Оргбюро ЦК. С августа 1923 г. — личный секретарь Сталина. С 1926 г. — редактор «Финансовой газеты». 1 января 1928 г. бежал в Персию, а затем перебрался в Европу. Жил во Франции. Получил широкую известность на Западе после публикации своих мемуаров «Воспоминания бывшего секретаря Сталина».

[383] Беседовский Григорий Зиновьевич (1896–1951?) — советский дипломат. С 1917 г. — член ПСР, с 1920 г. — член ВКП(б). В 1927–1929 гг. — советник полпредства СССР во Франции. С октября 1929 г. — невозвращенец, сотрудник газет «Возрождение» и «Последние новости». В 1930 г. в Париже вышла его книга «На путях к Термидору». В годы Второй мировой войны участник французского Сопротивления. После войны зарабатывал политическими мистификациями, опубликовав под разными псевдонимами множество исторических фальшивок, в том числе «Дневники Литвинова».

[384] Агабеков Георгий Сергеевич (1895–1938) — сотрудник ЧК — ГПУ — ОГПУ. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1920 г. — на руководящих постах в ЧК — ГПУ — ОГПУ в Екатеринбурге, Бухаре, Ташкенте, с 1928 г. — начальник восточного сектора иностранного отдела ОГПУ, с октября 1929 г. — резидент ОГПУ на Ближнем Востоке. В июне 1930 г. бежал из Константинополя в Париж, где объявил о разрыве с Советами. Автор книг «Г.П.У. Записки чекиста» и «ЧК за работой». В 1938 г. убит в Париже сотрудником НКВД А. М. Коротковым. Интерес-

Париж. Агабеков заявил, что тайно уехал из Константинополя во Францию, чтобы открыто порвать с советской властью и начать борьбу с режимом Сталина; о работе чекистов он рассказал в книгах «Г. П. У. Записки чекиста» и «ЧК за работой». Осенью 1930 года в Берлине вышла книга «Судьба России», автором которой был Дмитриевский[385], бывший советник Полномочного представительства СССР в Швеции, ставший невозвращенцем в апреле 1930 года. Вскоре вышли еще две его книги: «Сталин. Предтеча национальной революции» (1931) и «Советские портреты» (1932). Дмитриевский разоблачал деспотическую сущность советского режима, но не разоблачал его преступлений, Сталина он считал выразителем идей национал-коммунизма и его заслугу видел в том, что тот создает почву для образования Российской империи.

Екатерина Павловна и Михаил Львович, выезжая за границу, читали эти статьи и книги. Менялось ли их отношение к власти под влиянием разоблачений невозвращенцев? О статьях Беседовского Екатерина Павловна писала Кусковой: «Читаю статьи Беседовского. Не понимаю, почему его так радостно-дружески приняли»[386]. Отношение Михаила Львовича было более определенным:

но, что в интервью, которое Агабеков дал по прибытии в Париж на заданный вопрос, не боится ли он быть убитым сотрудниками ГПУ, он ответил отрицательно. Он заявил, что так как он успел подготовить к печати книгу своих воспоминаний о 10-летней службе в ГПУ, о методах и системе организаций ГПУ за границей и эта книга будет напечатана, то больших разоблачений с его стороны быть не может, и поэтому большего вреда для советской власти он нанести не сможет, и поэтому будет ей безразличен.

385 Дмитриевский Сергей Васильевич (1893–?) — советский дипломат, выразитель идеи национал-коммунизма. Окончил юридический факультет Петербургского университета, был эсером, после Октября 1917 г. стал большевиком. С 1923 г. работал в представительствах СССР за границей (в Германии, Греции, Швеции). С апреля 1930 г. — невозвращенец. Автор книг «Судьба России», «Сталин. Предтеча национальной революции», «Советские портреты». Оставшись за границей, стал активным участником русских националистических организаций. После 1940 г. его следы теряются. Существует предположение, что он был тайным советским агентом.

386 ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 75. Е. П. Пешкова — Е. Д. Кусковой. Из Сорренто в Прагу, 10 ноября 1929 г.

«Почему Вы перестали писать из-за Агаб<екова> в Посл<едние> Нов<ости>. Я купил его книжку после Вашего письма, прочел. Чем он большая сволочь, чем Беседовский или Дмитриевский, писавшие и пишущие в П<оследние> Нов<ости>. Его книжка осторожнее, чем Беседовского, скажем, и менее врет он, чем Бесед<овский>»[387].

Что касается Екатерины Павловны, то она, по-видимому, принимала происходящее в стране — «у нас» — как «выбор народа» («В итальянских газетах почти каждый день о нас, и гораздо меньше злопыхательства, чем в белых»[388]). Такое отношение к России, при котором понятия страны и власти сливались воедино, отмечала у русских эмигрантов Берберова: «Она <М. И. Будберг> не могла простить ему <Локкарту[389]> его непримиримой ненависти к советскому режиму, которую она рассматривала как ненависть к России. Эти два понятия постепенно стали сливаться для нее в одно. Она не была исключением: известный, хотя и не слишком большой процент эмигрантов так же, как она, постепенно приходил — через запутанную диалектическую сеть колебаний, оценок и переоценок — к убеждению, что любить родину (или, как тогда начали писать, “дорогую Родину”) — значит принимать все, что в ней есть, кто бы ею ни управлял. Большинство эмиграции по-прежнему держалось того мнения, что “узурпаторы в Кремле” мучают русский народ, который хочет демократии, и только ничтожная часть ее считала, что если случилось то, что случилось, значит, были для этого причины, глубоко лежащие

[387] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 102. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 15 января 1931 г.

[388] АГ. ФЕП-рл 8–15–391. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 5 апреля 1929 г.

[389] Локкарт Роберт (1887–1970) — английский дипломат, в 1918 г. — глава специальной миссии при советском правительстве, один из главных участников «заговора послов» (август 1918 г.), был арестован, а затем выслан в Англию в обмен на арестованного там М. М. Литвинова. В 1918 г. Марию Игнатьевну (тогда Бенкендорф) связывала с Локкартом взаимная любовь. Развязка их отношений (арест, освобождение, высылка Локкарта из России) явилась для нее личной катастрофой, результатом которой стало прагматическое отношение к людям и стремление всячески скрывать от окружающих свои чувства и свою реальную жизнь (что привело к порождению множества легенд).

как в историческом прошлом страны, так и в природе русского человека»[390].

Советский народ (в своем большинстве) с энтузиазмом встретил решение партии и правительства преобразовать в кратчайший срок отсталую крестьянскую Россию в мощную индустриальную державу. Трудовой энтузиазм народа власть поддерживала объединяющей идеей необходимости борьбы с врагами: мировой буржуазией, российскими эмигрантами и связанной с ними частью советской (в большинстве — еще дореволюционной) интеллигенции. Катастрофические последствия сплошной коллективизации на основе «ликвидации кулачества как класса» и неудачи в промышленном строительстве советское правительство объясняло не административным произволом, а вредительством и саботажем. С 1928 года после завершения разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции участились аресты всех оппозиционеров, включая потенциальных, арестовывались и верные коммунисты, несогласные с господствующим в партии течением, и представители интеллигенции, обвиняемые в буржуазном подходе и в контрреволюции.

В 1928 году началось преследование ученых-аграрников. Н. Д. Кондратьев[391], один из авторов 1-го перспективного плана

---

[390] Берберова Н. Железная женщина / Берберова Н. Н. Чайковский. Железная женщина. Рассказы в изгнании. Набоков и его «Лолита». М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. С. 425–426.

[391] Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938) — выдающийся экономист-аграрник, специалист в области международной экономической конъюнктуры. Из крестьян. Окончил церковно-приходскую школу, общеобразовательные курсы, Петербургский университет. С 1905 г. — член ПСР. После Февральской революции некоторое время работал секретарем А. Ф. Керенского по делам сельского хозяйства. С октября 1917 г. — тов. министра продовольствия (С. Н. Прокоповича). Октябрьскую революцию воспринял как разрушительный переворот, в дальнейшем отношение к большевистской власти изменилось. С 1918 г. заведовал экономическим отделом совета сельскохозяйственной кооперации, работал в Петровской академии, преподавал в вузах. В 1919 г. вышел из ПСР. В августе 1920 г. был арестован по делу «Союза возрождения» и заключен в концлагерь «до конца Гражданской войны», через месяц усилиями И. А. Теодоровича и А. В. Чаянова освобожден. Вторично арестован в августе 1922 г. с целью

развития советской промышленности и сельского хозяйства на 1923/24–1927/28 гг. («пятилетка Кондратьева»), в 1928 году был отстранен от руководства Конъюнктурным институтом, который возглавлял, институт был закрыт, а «кондратьевщина» объявлена «идеологией кулачества» и «реставрацией капитализма». А. В. Чаянов[392], основатель и директор первого в стране Института сельскохозяйственной экономики и политики, также был отстранен от своей должности. В 1930 году они были арестованы, в ноябре 1930 года советское правительство объявило о разоблачении Трудовой крестьянской партии (ТКП), которую эти ученые, по версии следствия, возглавляли. По делу ТКП, которая обвинялась в саботаже коллективизации, было арестовано 15 ведущих ученых-аграрников, но суд над ними не состоялся, они были осуждены во внесудебном порядке в январе 1932 года. По обвинению в «кондратьевщине» и «чаяновщине» по всей стране арестовывались агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи, землеустроители, а также учителя и библиотекари — сельская интеллигенция.

Осенью 1930 года были вновь арестованы эсеры, осужденные по процессу ЦК ПСР и отбывавшие ссылки. Они обвинялись в принадлежности к контрреволюционной эсеровской организации. Постановлением ОСО при Коллегии ОГПУ от 3 ян-

высылки за границу как члена ВКПГ, но по настоянию Наркомфина оставлен и выпущен из тюрьмы. С 1920 г. — в Наркомземе, один из авторов-разработчиков 1-го перспективного плана развития советской промышленности и сельского хозяйства на 1923/24–1927/28 гг. («пятилетка Кондратьева»), организатор и директор Конъюнктурного института (1920–1928). В 1922–1924 гг. был командирован в Западную Европу и США для изучения опыта развития сельского хозяйства. В 1928 г. «кондратьевщина» была объявлена «идеологией кулачества», «реставрацией капитализма». В 1930 г. был арестован, в 1932 г. по делу ТКП осужден к 8 г. тюрьмы, в сентябре 1938 г. расстрелян.

[392] Чаянов Александр Васильевич (1888–1937) — крупный ученый, экономист-аграрник, литератор. Профессор Московской сельскохозяйственной академии, где работал до 1930 г. Основатель первого в стране Института сельскохозяйственной экономики и политики, его директор в 1922–1928 гг. Глава организационно-производственной школы научного направления, исследовавшего проблемы крестьянской экономики. Арестован в июле 1930 г. по делу ТКП и выслан в Казахстан, арестован в марте 1937 г. в Алма-Ате, расстрелян 3 октября 1937 г.

варя 1931 года по ст. 58–11 УК они были приговорены к новым срокам ссылки.

25 ноября — 7 декабря 1930 года в Москве состоялся процесс «Промпартии». Подсудимые — крупные инженеры и профессора (9 человек) — обвинялись во вредительстве в промышленности (в 1925–1930 годах), в подготовке совместно с эмигрантами, обосновавшимися в Париже, иностранной интервенции, а также в получении денег от империалистов и шпионаже[393]. Во всех отраслях тяжелой и легкой промышленности (металлургической, машиностроительной, железнодорожной, лесной, текстильной, пищевой и др.) изобличались вредители; по делам, связанным с «Промпартией», было арестовано более 2 тысяч специалистов. По данным

[393] На этом процессе, как и на других сфабрикованных процессах, подсудимые давали вынужденные показания и признавали себя виновными в преступлениях, придуманных следственными органами. В ходе процесса они признались, что в случае прихода к власти они намеревались сформировать контрреволюционное правительство, в котором премьер-министром должен был стать П. А. Пальчинский (расстрелян в 1929 г.), министром внутренних дел бывший промышленник П. П. Рябушинский (умер во Франции еще в июле 1924 г.) и министром иностранных дел известный историк Е. В. Тарле. Центр руководства партии якобы находился в Париже и состоял из русских капиталистов (Э. Нобеля, С. Н. Третьякова, П. П. Рябушинского и др.). Подсудимые признались в связи с французским премьером Пуанкаре, который был вынужден выступить со специальным опровержением. Но оно было подано на процессе как еще одно доказательство вины подсудимых. Подсудимыми были 9 человек: Л. К. Рамзин, И. А. Калинников, С. В. Куприянов, В. А. Ларичев, А А. Федотов, С. А. Хренников, Н. Ф. Чарновский, В. И. Очкин, К. В. Сытин. Главой «Промпартии» был объявлен профессор Л. К. Рамзин — директор Теплотехнического института, член Госплана и ВСНХ. Арестованный в августе 1930 г., в сентябре он уже давал разоблачительные показания. На его «признаниях» было построено обвинение. Все обвиняемые (их было 8 человек, Хренников умер во время следствия) признали свою вину; пятеро из них (Рамзин, Ларичев, Чарновский, Калинников и Федотов) были приговорены Верховным судом СССР к расстрелу, а трое (Куприянов, Очкин и Сытин) к 10 г. лишения свободы. Президиум ЦИК СССР по ходатайству приговоренных к расстрелу заменил им приговор на 10-летнее тюремное заключение и снизил срок наказания остальным осужденным. Рамзин был освобожден по амнистии в 1936 г., в 1943 г. он получил Сталинскую премию за разработку промышленного прямоточного котла («котел Рамзина»).

эмигрантов, из 35 000 работавших тогда в Советском Союзе инженеров в заключении находились 7000 человек.

1–9 марта 1931 года (спустя три месяца после процесса «Промпартии») в Москве состоялся процесс «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)». Подсудимые — 14 человек[394] (в основном бывшие меньшевики) — обвинялись в участии в якобы существовавшей контрреволюционной организации, которая занималась экономическим вредительством и подготовкой иностранной интервенции против СССР. Все подсудимые признали себя виновными и получили от 3 до 10 лет лишения свободы. Позже многие из них умерли в заключении или были расстреляны. В связи с этим процессом по всей стране производились аресты меньшевиков.

В 1929–1931 годах было арестовано более 100 ученых-историков, сотрудников аппарата Академии наук и академических учреждений, обвиняемых в создании разветвленной антисоветской контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». Ученые-историки старшего поколения обвинялись в протаскивании буржуазной науки. Приговоры по этому делу (оно называлось «дело историков» или «академическое дело») были вынесены в феврале — августе 1931 года Коллегией ОГПУ и другими внесудебными органами.

К осени 1931 года «вредительство» в широких масштабах было обнаружено в лесоводстве, микробиологии, горном деле, мелиорации и т. д. В 1931 году во внесудебном порядке на Особом совещании ОГПУ и его коллегии были рассмотрены дела в отношении почти 2500 человек — инженеров, экономистов, юристов, краеведов, геологов и др. служащих.

---

[394] Одним из обвиняемых по делу «Союзного бюро меньшевиков» был Николай Николаевич Суханов — историк, экономист, публицист, автор семитомной истории русской революции «Записки о революции». Он занимался исследованиями в области экономики сельского хозяйства в институте, возглавляемом Чаяновым, и был избран членом Коммунистической академии. В июле 1930 г. его арестовали, и «сухановщина» была объявлена опаснее «чаяновщины». На суде, признав себя виновным, он изложил свои взгляды на сталинский политический курс: отказ от НЭПа «бьет по социализму и благосостоянию народа», «колхозное движение и вся хлебозаготовительная кампания 1929–1930 гг. неизбежно будут иметь катастрофическое значение для всего нашего народного хозяйства». Он был приговорен к 10 г. лагерей, а в 1937 г. вновь арестован и расстрелян.

Как к этим арестам относилась Екатерина Павловна, как относилось ее ближайшее окружение?

Горький (для Екатерины Павловны «старинный наставник в мудрости житейской») выступил со знаменитой статьей, название которой стало символом времени: «Если враг не сдается — его уничтожают». Горький писал:

«Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, — против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается — его истребляют. Мы живем в условиях непрерывной войны со всей буржуазией мира. Это обязывает рабочий класс деятельно готовиться к самообороне, к защите своей исторической роли, к защите всего, что уже создано им для себя и в поучение пролетариям всех стран в течение тринадцати лет героической, самозабвенной работы строительства нового мира. И, если, окончательно обезумев от страха перед неизбежным будущим, капиталисты Европы все-таки дерзнут послать против нас своих рабочих и крестьян, необходимо, чтобы их встретил такой удар словом и делом по глупым головам, который превратился бы в последний удар по башке капитала и сбросил его в могилу, вполне своевременно вырытую для него историей»[395]. Эта обличительная и вдохновенная статья была опубликована 15 ноября 1930 года одновременно в двух газетах — «Правде» и «Известиях». 25 ноября в Москве в Колонном зале Дома Союзов начался процесс «Промпартии», и в то же время в столице проходил полумиллионный митинг: советские люди, охваченные яростным негодованием против «вредителей», требовали их расстрела.

Н. Берберова в своем романе «Железная женщина» приводит выписку из дневника Локкарта, сделанную им в марте 1931 года после встречи с Марией Игнатьевной:

«Весь вечер, естественно, проговорили о России. Мура[396] думает, мы все ошибаемся насчет русских. Она думает, как Уэллс,

---

[395] Горький Максим. Если враг не сдается — его уничтожают / Правда. 1930. 15 ноября. № 314.

[396] Так Локкарт называл Марию Игнатьевну.

что капиталистическая финансовая система сломалась и кончилась и что России удастся ее пятилетний план — может быть, не в пять лет, но в том смысле, что она будет прогрессировать и сделается индустриальной страной, как США. Она видела Горького несколько недель тому назад. Он теперь абсолютный большевик, вернулся к своему классу, верит Сталину и оправдывает террор, от которого раньше содрогался. Он и Мура оба боятся иностранной интервенции. Мура уверяет меня, что недавние процессы в Москве (над вредителями) были всамделишными, не были выдуманы правительством»[397].

А вот как воспринял процесс «Промпартии» М. Л. Винавер: «Процесс, кот<орый> я смотрел[398], ясно доказал мне, что они брали деньги, передавали секрет<ные> сведения и пр<очее>. Но цель процесса была другая: доказать предполагаемую интервенцию и оттянуть, сделать ее невозможной в ближайшее время. Доказал ли это процесс — это большой вопрос. <...> Но если на процессе процесс интервенции не был выяснен, то если она действительно предполагалась, то в ближайшее время стала невозможной. А внутри страны процесс вызвал большой подъем»[399].

Западная интеллигенция после арестов ученых-аграрников начала организовывать кампании в защиту пострадавших от террора и помощь им (о помощи членам политических партий речь не шла). Л. О. Дан сообщала Е. Д. Кусковой:

---

[397] Берберова Н. Железная женщина / Берберова. Н. Н. Чайковский. Железная женщина. Рассказы в изгнании. Набоков и его «Лолита». М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. С. 428.

[398] Вот как описывал А. И. Солженицын происходящее в зале суда: «Крыленко дергает сразу всех восьмерых: вот промышленники-эмигранты напечатали статью, что никаких переговоров с Рамзиным и Ларичевым не было и никакой “промпартии” они не знают, а показания подсудимых скорей всего вымучены пытками. Так что вы на это скажете?.. Боже! как возмущены подсудимые! Нарушая всякую очередность, они просят поскорее дать им высказаться! Куда делось то измученное спокойствие, с которым они несколько дней унижали себя и своих коллег! Из них просто вырывается клокочущее негодование на эмигрантов! Они рвутся сделать письменное заявление подсудимых в защиту методов ГПУ!» (Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М.: ИНКОМ НВ. Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 282–283).

[399] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 99–104. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 15 января 1931 г.

«26-е октября 1930 г<ода>, Берлин — Вильмерсдорф.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Не знаете ли адреса жены Чаянова. <...> Немецкие ученые и общественные деятели написали протест и собирают “фонд помощи”, который они хотели бы расходовать на отправку продовольственных посылок родственникам пострадавших от террора, расстрелянных, арестованных, сосланных. Нет ли у вас каких-либо адресов людей этой категории? На помощь социалистам их склонить еще пока нельзя — этих-то адресов у нас целая куча!»[400]

Вскоре Л. О. Дан сообщила Е. Д. Кусковой о встрече с Екатериной Павловной:

«20-е ноября 1930 г<ода>, Берлин — Вильмерсдорф.

Дорогая Екатерина Дмитриевна, с Екатериной Павловной, в бытность ее в Берлине, я виделась два раза. Нового от нее ничего узнать было невозможно, ведь она ехала из Италии, где никаких сведений не получала; наоборот, она информировалась от нас; еще в Италию я ей написала о массовых арестах, об аресте всех с. р.-ов, цекистов и т<ак> д<алее>. Она имела там только одно письмо от Винавера, который писал ей, что, если она плохо отдохнула, она может еще задержаться, так <как> интересующий ее процесс будет разыгрываться только в декабре. Она думала, что это означало, что в декабре будет поставлен процесс Громана — Суханова — Кондратьева и т. д. Говорили мы с ней, конечно, и о возможности использовать ее адрес для посылок заключенным и их родственникам. Она говорила, что полагает, что это делать можно — Е. П. Пешковой / Кузнецкий и т. д./ для такого-то. Я лично не уверена, что этот номер пройдет, так как это стоит в полном противоречии с печатными правилами, но она думает, что пройдет. Она припоминает, что когда открывался текущий счет в Банке Красного Креста, он был фактически открыт на ее имя, и она запрашивала фининспектора, не станут ли с нее взыскивать непомерные налоги за деньги, принадлежащие Красному Кресту. Ее разуверили, и, действительно, ни разу при обложении ее налогом об этих деньгах не было и разговору. Поэтому она уверена, что разговора о годо-

[400] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 13. Л. О. Дан — Е. Д. Кусковой. Из Берлина в Прагу, 26 октября 1930 г.

вой норме не будут возбуждать. Красный Крест может, конечно, выплачивать и пошлину, если она не будет слишком высокой, то есть если посылка будет продуктовая, а не вещевая, да, наконец, некоторые из родных смогут возмещать Красному Кресту эти небольшие суммы. Во всяком случае, я бы советовала, чтобы с самого начала были посланы не слишком много посылок и недели через три-четыре, когда можно будет удостовериться, что опыт прошел гладко, повторить его в больших размерах. Она подтвердила, что получение посылок, по крайней мере, социалистами на свой собственный адрес, по ее мнению, никакими последствиями не чревато. Мы сейчас послали в разные концы и углы 35 посылок!»[401]

Екатерина Павловна успела вернуться в Москву к началу процесса «Промпартии», на процессе «Союзного бюро меньшевиков» она тоже присутствовала, в виновности предъявленных судом обвинений она не усомнилась:

«Берлин, 14-е апреля 1931 г<ода>. <…> У нас все по-старому, все та же неизвестность, все то же томительное ожидание вестей. Екатерину Павловну я не видала, но, зная, что она проехала прямо в Сорренто, написала ей письмо, не сразу получила совершенно ужасный ответ, ужасный по тону. Право, мне кажется, что я еще от роду не получала таких писем; можно сказать, что почувствовала себя данной в морду по почте. Это первый был такой отголосок процесса. Выходит, что она всему верит — “так говорить по заказу нельзя, этих людей мы все знаем”. Вот ее реплика на процесс! Она пишет, что долго колебалась, отвечать ли мне — “очень уж вы, меньшевики, страшный народ!”, но “так как Вы ставите и личные вопросы, то отвечаю”. <…> Сообщению ее <…> я не придаю никакого значения. Конечно, я не считаю, чтобы Ек<атерина> Павл<овна> смогла солгать, но она сама ничего не знает и повторяет, что ей говорят в ГПУ»[402].

Екатерина Павловна, как и Михаил Львович, как и немалая часть советской интеллигенции, считала, что мотивами репрессив-

---

[401] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 12. Л. О. Дан — Е. Д. Кусковой. Из Берлина в Прагу, 20 ноября 1930 г.

[402] Из письма Л. О. Дан к Б. Б. Меринг // Архив Л. О. Дан. Amsterdam. Л. 138–139.

ных действий советских властей являются боязнь внешних и внутренних врагов и стремление их обезвредить. Исходя из этих представлений, они пытались помочь своим подопечным, доказывая властям ошибочность предъявляемых обвинений. Так, в декабре 1930 года по обвинению в принадлежности к Центральному бюро РСДРП(м) был арестован П. Н. Малянтович. В его невиновности перед Советским государством Екатерина Павловна не сомневалась, и она хлопотала в ОГПУ о его освобождении, хлопотал и М. Л. Винавер[403]. В ОГПУ их заверяли, что дело Малянтовича закончится благополучно и что «максимально может быть минус». Однако постановлением от 10 мая 1931 года Малянтович был приговорен к 10 годам содержания в концлагере. Н. К. Муравьев, который не заблуждался по поводу правовых норм советского правосудия, в свою очередь бросился на защиту Малянтовича, но он обращался не в ОГПУ, а к влиятельным лицам в правительстве — к тем, кто сохранил благодарность ему за помощь, оказанную в дореволюционное время. Его подход оказался более действенным, и в результате 20 мая 1931 года Коллегия ОГПУ постановила:

---

[403] Вот что писал Винавер Кусковой по поводу дела Малянтовича.
2 января 1931 г.: «<...> арестован Пав<ел> Ник<олаевич> Мал<янтович>. Он месяца два тому назад прошел “чистку”, из которой вышел не только вычищенным, но чистка заменилась в какой-то апофеоз его: пришло несколько старых большевиков, стали говорить о нем, как человеке, политич<еском> защитнике, пришел член В<ерховного> Суда, говорил, что когда он выступает, у него все они учатся — и Пав<ел> Ник<олаевич> действительно получил большое удовлетворение. А теперь он арестован опять в связи с делом Суханова и др<угих>. Он фигурировал в двух списках как будущий министр юстиции. Хлопочем о нем; пока безрезультатно, но он только две недели к<а>к арестован» (ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 97–98).
31 мая 1931 г.: «<…> Удалось поговорить и о П<авле> Н<иколаевиче>, который получил 10 л<ет> лаг<ерей>. Закончила Ек<атерина> Павл<овна> — и уже через 2 дня после моего отъезда написала мне, что заменяют ему <на> «–12» и на днях будет свободен. Конечно, и это через некоторое время отпадет. Внешние показания были против него: показали 2 свидетелей из меньш<евистского> дела “Союзн<ого> Бюро”, показания Суханова об участии П<авла> Н<иколаевича> в его “салоне” (П<авел> Н<иколаевич> был 2–3 раза, к<а>к он говорил) и канд<идатура> его в мин<истры> Юст<иции> в 2 списках. Хорошо, что так кончилось» (ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 106–108).

«В изменение прежнего постановления <Малянтовича> из-под стражи освободить, лишить права проживания в двенадцати пунктах сроком на три года».

Работа ПОМПОЛИТа продолжалась, его связь с русским зарубежьем не прекращалась несмотря на то, что время, политические перемены в России и позиция Горького все больше отдаляли Екатерину Павловну от прежних друзей. Связывали их общая работа и общее прошлое.

«29/XI— 31. Милая Евг<ения> Ив<ановна>.

Не сердитесь на меня, что сразу не ответила Вам. <...> Крест к<а>к-то все еще живет. Комитет все тот же. Появились некоторые новые люди среди сотрудников, более молодые. Временами бывает непереносимо трудно, бывало прямо физически невозможно принять то кол<ичест>во людей, кот<орое> приходило на прием. <...>

Скажите Бор<ису> Ник<олаевичу>[404], что с большим трудом удалось помочь Мише[405] поступить в Архит<ектурный> Инст<итут> в Ленинграде. Он оч<ень> вырос, оч<ень> высок ростом и взял лучшее в лице от Сары Ник<олаевны> и Абр<ама> Раф<аиловича>. <...>. Все таким же молодцом Вера Николаевна[406]. Когда впадаешь в разные настроения, оч<ень> полезно на нее посмотреть или о ней подумать. Сейчас она, вероятно, в Сухуми, где собиралась прожить неск<олько> месяцев, когда я уезжала.

Прожила со своими внучками больше полутора месяцев. Оч<ень> отдыхаешь с ними, т<а>к к<а>к живешь их жизнью и их интересами. А в Москве бывает подчас оч<ень> и оч<ень> трудновато. Первый раз, кажется, читая Ек<атерину> Дм<итриевну>, чувствую, что и она оторвалась от России. Вот о ней <и> о Бунине всегда оч<ень> жалею, что не варились они это время в нашем котле.

Каждый раз, уезжая из Москвы, собираюсь заехать в Прагу к Вам, и все не выходит. <...> Ваша Ек<атерина> П<ешкова>. Вот

[404] Борис Николаевич Рабинович.
[405] Миша Гоц.
[406] Вера Николаевна Фигнер.

опять задержала письмо и опускаю его во Франции. В Варшаве мой адр<ес> Hot<el> Europejski»[407].

Летом 1930 года Екатерина Павловна в качестве Уполномоченного Польского Красного Креста объезжала тюрьмы (ДОПРы) Украины (в июле — Харьков, в августе — Киев — Житомир — Винница), в конце августа она посетила тюрьму в Ярославле. Она имела право посещать любое место заключения в СССР, в котором содержались обвиняемые и осужденные по польским делам (не только политическим); имела право встречаться с заключенными в присутствии тюремной администрации, вести с ними переговоры и оказывать помощь всем этим лицам независимо от их национальности. Весной 1931 года в работе Бюро Уполномоченных начались осложнения: вначале начались сложности с мандатом Ст. Семполовской, в ответ советское правительство ограничило права Екатерины Павловны.

«13 июля 1931 года.

В Главный Комитет Польского Красного Креста. Варшава.

На № 5098/31 сообщаю, что, как я уже неоднократно сообщала Вам, вследствие ограничения прав в работе Представительнице Русского Красного Креста в Польше С. Семполовской, мне предложено посещать в тюрьмах и возбуждать разного рода ходатайства от имени Польского Красного Креста лишь относительно польских граждан и лиц, затребованных на обмен.

Стеснение это никак не отразилось на наших приемах в Бюро, куда по-прежнему обращаются советские граждане польской национальности с различными просьбами.

Не коснулось это пока и материальной помощи для не польских граждан, — например, ксендзов в Ярославском политизоляторе и других местах и прочих ссыльных и заключенных, которые до сих пор беспрепятственно получают посылки и денежную помощь от Польского Красного Креста. Ограничения, чинимые работе С. Семполовской, не отразились на наших розысках и справках. О сужении рамок работы Польского Красного Креста не давалось официальных директив, а так как мне не предложено

[407] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 77–84. Е. П. Пешкова — Е. И. Репьевой. Из Франции в Прагу, 29 ноября 1931 г.

воздержаться от розысков и запросов, то мы по-прежнему получаем ответы с мест до сих пор.

Мне очень жаль, что не удалось урегулировать вопрос с мандатом для С. Семполовской.

Уже давно ее вызывают в Москву и, наконец, завтра 14/VII — она сюда приезжает, так как откладывать дальше вопрос о чинимых ее работе препятствиях она не может, то, видимо, и возможность моей работы от Польского Красного Креста еще уменьшится, если не станет совсем невозможной.

Уполномоченный Польского Красного Креста в СССР»[408].

Договориться между собой властные структуры Польши и СССР не сумели (или не захотели), в результате чего работа Уполномоченных сократилась: были отменены персональные обмены (та важная составляющая работы, благодаря которой удавалось сохранить жизнь приговоренным к смерти как в СССР, так и в Польше). Последний персональный обмен состоялся 15 сентября 1932 года. Вот как вспоминал это событие ксендз Теофил Скальский[409]:

«15 августа 1932 года в день праздника Успенья Божьей Матери меня привели в кабинет начальника тюрьмы, где я увидел Е. П. Пешкову. Она сказала, что вопрос об обмене группы польских политзаключенных решен и что я с этой группой буду отправлен. Еще в 28 году Пешкова собиралась меня обменять, но Советы не разрешили под ложным предлогом, что я больной. А собственно на моей персоне разыгрался процесс в отместку за проходивший в Польше процесс белорусской “Громады”, и тогда

---

408 ГА РФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 5640. Л. 134.

409 Скальский Теофил Готфридович (1877–1958) — ксендз, прелат. С 1902 г. профессор канонического права и философии. Основал несколько благотворительных организаций. После окончания польско-советской войны остался в своем приходе в Киеве, хотя многие уговаривали его уехать в Польшу. В мае 1921 г. был арестован в связи с отказом выдать властям церковные ценности, был освобожден благодаря вмешательству польского консула и после уплаты высокого залога. В 1926 г. вновь арестован и отправлен в Бутырскую тюрьму. В январе 1928 г. по обвинению в шпионаже приговорен к 10 г. тюремного заключения. В сентябре 1932 г. по обмену выехал в Польшу.

из Польши коммунист за меня был отправлен в Советы, и с моим обменом после процесса стали крутить. <...> Министр иностранных дел Бек о персональных обменах и слушать не хотел, потому что отданные из Польши в Советы коммунисты через зеленую границу очень быстро возвращались в Польшу и вели там свою деструктивную работу. <... но> обмен должен был состояться после подписания Пакта о ненападении между Польшей и Советским Союзом[410]. <...> Я помню, что подкинул тогда госпоже Пешковой мысль, чтобы нас, запланированных на обмен, уже не волокли до Москвы, а отправили в Польшу прямо из Ярославля, и она это мое желание запомнила. И она ходатайствовала, чтобы нас, кандидатов на обмен, не в Москву, а прямо с Соловков привозили в Ярославль. И потихоньку наша группа собралась в количестве 41 человека. 40 человек шли по фактическому обмену, а я, 41-й, возвращался в Польшу как долг, который висел еще с 1928 года. За меня никакой новый коммунист не был отдан. Среди этих 41 было нас 16 человек ксендзов, остальные — это миряне, мужчины и женщины.

<...> 13 сентября 1932 года. Я вернулся в вагон в 2 часа ночи и заметил, что чемодан весь разворошен и нет приговора, который я хотел взять на память, и зачеркнули подпись кого-то, кто разрешил пользоваться этим бревием. И головного убора для епископа, который сам сшил из кусочков и покрывал им голову от ветра. Около 11 часов утра мой сосед из ГПУ появился в форме пограничника в зеленой фуражке, очень вежливо поздоровался и спросил, принесли ли яблоки и кипяток. В Минске держали еще сутки, но заверили, что завтра поедем в Польшу. 15 сентября 1932 года — праздник Божьей Матери-мученицы, и в этот день объявили, что обмен состоится. <...> Обмен был в Колосово на границе. <...> Вошла Е. П. Пешкова. Я был уполномочен от имени всех поблагодарить ее, так как лучше всех знал эту добрую русскую женщину, которая на протяжении нескольких лет так заботливо опекала меня и многих других, но голос у меня пропал. Я так охрип, что звука произнести не мог. Она это понимает и видит. И принимает мою неуклюжую речь за чистую монету. Я вручаю ей все собранные

[410] Пакт о ненападении между Польшей и Советским Союзом был подписан 25 июля 1932 г. сроком на 3 года.

среди нас советские деньги, т. к. в Польшу их везти нельзя, а она в Красном Кресте сумеет применить их с пользой для заключенных поляков. Этих денег несколько тысяч рублей. Последнее пожатие ее руки. До свидания. Спасибо»[411].

В 1930–1932 годах Екатерина Павловна отдыхала в Сорренто каждую весну и каждую осень, а до приезда в Италию и на обратном пути в Россию проводила по нескольку дней в Варшаве, занимаясь делами Польского Красного Креста. Весной она старалась приехать ко дню рождения Алексея Максимовича.

Весной 1930 года она приехала в Сорренто как раз 27 марта. Она собиралась пробыть там совсем недолго и уехать лечиться в Montecotini, но начала общаться с внучками и осталась, решив, что ее может полечить доктор Горшков[412], который в это время гостил в Сорренто. Горшков осмотрел ее, огорчил (сердце, почки) и начал кормить лекарствами, а кроме того, велел не думать о политике и по возможности не читать газет. Врачи ей неоднократно говорили, что надо на полгода бросить работу, чтобы привести себя в порядок, но она понимала, что это невозможно. В обратный путь она хотела отправиться непосредственно из Сорренто, поэтому визиты в Рим и Флоренцию сделала заранее (вместе с ней ездили Горшковы — она показывала им Флоренцию). По возвращении из поездки ее ждало сообщение о кончине Федора Владимировича Бартольда, и Екатерину Павловну вновь охватило острое чувство вины перед ушедшим в мир иной. Своими чувствами и размышлениями она делилась с Николае-

---

411 Воспоминания Т. Скальского / Пер. Х. Овсяны / Заикина И. Бюро Польского Красного Креста в Москве и помощь репрессированному католическому духовенству. Реферат доклада на Международной научной конференции 2001 г., Вроцлав // Журнал «Высланный» (Zeslaniec). Лодзь, 2002.

412 Горшков Михаил Алексеевич (1874–1941) — врач-терапевт, директор Обуховской больницы в Ленинграде, которую Горький посетил в 1929 г. В Сорренто был трижды: в марте — апреле 1930 г., в апреле — мае 1931 г. и в марте 1932 г. Был одним из ученых-медиков, которого Горький привлек к осуществлению своей идеи создания Всесоюзного института экспериментальной медицины, был директором клиники Ленинградского отделения ВИЭМ. Лечил Горького.

вым: прошедшей весной ушла из жизни Анна Николаевна Фейт, а вот теперь — Федор. В свое время они (Екатерина Павловна и Федор) были очень близки семьями, а в последние годы их отношения, вернее, отношения с его семьей у нее подпортились, но тем острее она сознавала свою вину за то, что была недостаточно внимательна к нему. Все плохо, так как непоправимо. Смерть Андрея, Анны Николаевны, Федора — напоминание о том, что жизнь идет к закату. На следующее утро после того, как она получила сообщение о смерти Федора, она проснулась с отчетливым чувством сожаления о том, что жизнь изменила их отношения, и снова ясно почувствовала, что самое ценное и дорогое в жизни — это личное отношение человека к человеку[413].

Екатерина Павловна получила от Винавера телеграмму, а затем письмо, он убеждал ее не торопиться и отдохнуть еще, но она не последовала его совету: ей было стыдно, что она отдыхает. 21 апреля она уехала из Сорренто. Поправилась она плохо (с сердцем было даже хуже, чем раньше); ей казалось, что она не может отдохнуть потому, что не умеет жить праздно без определенного плана дня.

В 1930 году Алексей Максимович в Советский Союз не приезжал, он был занят романом. В конце августа он закончил 3-ю часть «Жизни Клима Самгина» и выслал ее Крючкову. Максим Крючкову сообщил: «Месяц сидел перепечатывал “Самгина”. Одурел. Печатал с утра до вечера. Только вчера кончил корректуру, и Дука послал тебе 1-й экземпляр»[414].

Осенью 1930 года Екатерина Павловна приехала в Сорренто 20 сентября и оставалась там до 28 октября. Из Москвы она уезжала в то время, когда закрывалось акционерное общество «Международная книга», в котором М. К. Николаев проработал 8,5 года, и он тяжело переживал происходившие перемены. Екатерина Павловна сопереживала ему, и поэтому ей очень не хотелось уезжать

---

[413] См.: АГ. ФЕП-рл 8–15–427. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 15 апреля 1930 г.

[414] АГ. ФМП 4–10–5 / АГ. Т. XIII. С. 443. Максим Пешков — П. П. Крючкову. Из Сорренто в Москву, 3 сентября 1930 г.

из дома, но она не могла дольше откладывать поездку в Варшаву. Из Варшавы она писала Николаеву, что, сочувствуя ему, вспоминает свое (по-видимому, закрытие Московского политического Красного Креста) и на душе у нее тяжело, а в таком состоянии она менее продуктивна и все делает через силу — заставляет ее делать сознание, что ее состояние никого не касается. Разговор с Николаевым по телефону (не его слова, а тон) несколько успокоил ее, и она уехала в Сорренто, где Марфа по пальцам отсчитывала дни до ее приезда. В Варшаве бывшие подопечные Екатерины Павловны нанесли ей «пропасть цветов», ее провожали приятные ей люди, в Риме ее встречал Максим, в Неаполе — Тимоша и Илюша Вольнов. Максим ей сообщил, что они твердо решили поехать в мае в Москву, а детей отдать в Барвиху (чему Екатерина Павловна очень обрадовалась).

Жизнь в Сорренто протекала «налаженно и гладко». Максим исполнял обязанности секретаря и правителя дома, Тимоша — казначея и зав. финансовой частью, Соловей — садовода. Алексей Максимович, хотя здоровье его было неважно и организм очень износился, целые дни сидел за столом. (По-видимому, где-то в это время он написал статью «Если враг не сдается — его уничтожают».) Дни же Екатерины Павловны были наполнены возней с внучками, и времени у нее ни на что другое не оставалось. Няня девочек уехала, вернулась она лишь в конце октября, и за время ее отсутствия Екатерина Павловна еще сильнее привязалась к девочкам. После возвращения няни Екатерина Павловна съездила во Флоренцию, а затем уехала в Москву (через Берлин и Варшаву). Незадолго до ее отъезда приехала Мария Игнатьевна, которая теперь жила в основном в Берлине, где занималась издательскими делами Горького, а кроме того, она много разъезжала (Эстония, Париж, Лондон) по семейным и другим (связанным с работой) делам.

Весной 1931 года Екатерина Павловна пробыла в Варшаве около недели, к ее приезду все обменные недоразумения были уже улажены, но и при этом она была постоянно занята: днем — общалась с разными людьми, ночью — говорила по телефону с Москвой (то она звонила Михаилу Львовичу, то он ей). В Сорренто она приехала 26 апреля (ко дню рождения Алексея Максимовича она

успела). В Италии было тепло и солнечно, но она сразу же заболела (ларингит), не успела выздороветь — заболела Марфа, за ней — Дарья, затем — Тимоша. Болея, Екатерина Павловна читала Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и, как всегда, не могла оторваться от этой книги, поэтому газет не читала, но бесконечные письма с просьбами и запросами, которые приходили с каждой почтой, она не могла не читать, хотя отвечала не на все — лишь на «необходимые»[415]. Отдохнуть у нее опять не получалось: она не могла освободиться от мыслей о московских делах. Радовали ее только «чудесные» внучки и цветы, которых было очень много в саду и в доме. У внучек же с февраля была новая воспитательница — Мелида Карловна Станчик[416]. До приезда в Сорренто она воспитывала детей Фрунзе (Таню и Тиму), которые после смерти отца жили у Ворошилова. Она была строгой, спокойной и уверенной (в Il Sorrito получила прозвище «Милиция»). Вскоре после ее приезда Надя писала Екатерине Павловне: «Дети уже к Мелиде Карловне привыкли, и она у них пользуется авторитетом. Домашним тоже нравится»[417]. Однако Екатерине Павловне воспитательница любимых внучек показалась слишком строгой, и Екатерина Павловна «поговорила» с ней, разговор получился нервным, но

---

[415] Среди писем, на которые ей следовало бы ответить, было письмо от Р. Роллана. Письмо было послано Алексею Максимовичу, но просьба — помочь некоему мальчику (имя мальчика нам неизвестно и обстоятельства, в которых он находился, тоже неизвестны) — адресовалась Екатерине Павловне. Затем пришло письмо от матери этого мальчика. Екатерина Павловна не ответила ни Р. Роллану, ни матери мальчика, но письмо матери переслала Михаилу Львовичу. Мать (ее звали Берта Липшиц) — «очень энергичная женщина» — вскоре приехала из Парижа в Сорренто. Она довольно интересно рассказывала о жизни парижской богемы — артистов и писателей, но приехала, чтобы переговорить с Екатериной Павловной о сыне. Екатерине Павловне был очень неприятен ее приезд, так как «сделать больше того, что можно, не сделаешь». «Лишние тяжелые разговоры приходится слышать» (АГ. ФЕП-рл 8–15–477. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 11–12 апреля 1931 г.).

[416] М. К. Станчик, немка по национальности, во время войны была выслана из Москвы и «пропала». (По воспоминаниям Марфы Максимовны Пешковой.)

[417] АГ. ФЕП-кр 46–2–16, 17 // АГ. Т. XIII. С. 452. Н. А. Пешкова — Е. П. Пешковой. Из Сорренто в Москву, 13 марта 1931 г.

Мелида Карловна стала с детьми «лучше и мягче» (так казалось Екатерине Павловне).

К Пасхе в Сорренто приехали Вольновы (Сара Григорьевна с Ильей, они оставались только на праздничную неделю), Крючков, вслед за ним Це-це[418] и писатель Леонов, который всех очаровал своими рассказами. Алексей Максимович собирался с семьей в Москву. Предполагалось, что дети (если они успеют выздороветь) уедут из Сорренто с Екатериной Павловной, в Варшаве подождут остальных и дальше поедут вместе со всеми в вагоне, который вышлют за Алексеем Максимовичем. Но Алексей Максимович заболел (у него началось кровохарканье), дети и Тимоша продолжали болеть, и поездка начала откладываться. Тут пришла телеграмма из Москвы от Халатова, что он выезжает в Сорренто (по-видимому, чтобы сопровождать Алексея Максимовича в Москву). Билет у Екатерины Павловны был заказан на 23 апреля из Флоренции, но из-за болезни детей ей пришлось задержаться, и выехала она только 28 апреля. В этот же день в Сорренто приехала Мария Игнатьевна, а несколькими днями раньше Халатов с дочкой и Проскуряков[419]. 9 мая Алексей Максимович с семьей в сопровождении доктора Горшкова, Леонова, Халатова, Проскурякова и др. выехал в Москву. Мария Игнатьевна еще некоторое время оставалась на вилле Il Sorrito, она помогла Ракицкому привести ее в порядок, а затем уехала в Париж к тяжело заболевшей сестре.

Горький с сопровождающими прибыл в Москву 14 мая. О том, с каким восторгом его встречали советские люди на границе в Негорелом, в Минске и дальше вплоть до Москвы, существует множество воспоминаний и описаний. С Белорусского вокзала его повезли на Малую Никитскую в бывший особняк Рябушинского, который советское правительство подарило пролетарскому писателю в этот его приезд. (Когда он приезжал в 1929 году, его избрали членом ЦИК СССР.) В этот приезд Горький уже не ездил по стране, но участвовал в различных встречах, посетил Болшевскую колонию, выставку детской книги, физкультурный парад к X-летию

---

[418] Шутливое прозвище Е. З. Крючковой в доме Пешковых.

[419] Проскуряков Владимир Михайлович (1900–1950) — литератор, издательский работник.

Красного спортинтерна и др. мероприятия, однако теперь он больше принимал гостей у себя в особняке на Малой Никитской, сюда же к нему начали приезжать в гости вожди — Сталин, Ворошилов, Молотов.

В это лето Максиму удалось в какой-то степени осуществить свою мечту: в июле он совершил путешествие на Север, куда отправился вместе с Костей Блекловым и еще двумя спутниками — коммунарами из Болшевской колонии. Из Ленинграда на пароходе «Персей» они приехали на станцию Апатиты, затем на посыльном судне «Переселенец» — в Хибины, откуда их доставили к Вейской губе и высадили на мысе, который они назвали «Мыс четырех». Здесь они пробыли шесть дней, а затем погода резко испортилась, и они вынуждены были вернуться в Хибины[420]. На обратном пути они побывали в Хибиногорске, где посетили горную станцию Академии наук и апатитовые рудники, затем: Мурманск — Ленинград — Москва. Все путешествие заняло около месяца.

Надежды Екатерины Павловны на то, что внучки проведут лето в Барвихе, не оправдались. Она вернулась из Варшавы в Москву 10 мая, 12 мая съездила в Барвиху, чтобы все подготовить к их приезду, и 15 мая (на следующий же день после их приезда) привезла их вместе с Мелидой Карловной в Барвиху, однако пробыли они там недолго: правительство предоставило Горькому дачу — вначале в Красково, а вскоре он получил Горки, куда родители увезли девочек. Все лето Екатерина Павловна разрывалась между Москвой, Горками и Барвихой.

---

[420] Сохранился дневник Кости Блеклова, в котором описан каждый из шести дней пребывания на «Мысе четырех». Кроме того, об этом путешествии есть его воспоминания: «На Имандре, тогда еще пустынном озере. <...> На десятки километров вокруг не было ни одной живой души. В компании с двумя коммунарами Болшевской колонии, получившими «Золотые грамоты» (снятие судимостей), мы провели неделю на положении робинзонов, ловя рыбу, охотясь. Характерная для Максима черта. Как только мы высадились на берег, Максим принялся приводить в порядок полуразрушенную лопарскую хижину, где мы поселились, сколотил столик и т. д.; одним словом, повел себя так, как будто попал в привычную для себя обстановку. Каждое утро с метлой он изображал “полярного дворника”, борясь за чистоту на “Мысе четырех”» (Блеклов К. С. Из воспоминаний о М. А. Пешкове // АГ. Т. XIII. С. 281).

М. К. Николаев записывал в Барвихинских тетрадях[421]:

«15 июня 1931 г. Продолжается обзор дней нашей жизни.

Живут на даче: И<ван> П<авлович>[422], Наташа[423], я, Шура большая с Шуркой маленьким[424] (держится за юбку, мрачен и блеет: маааама!), <...> Сер<гей> Ап<оллонович>[425] <...> Кто еще? Изредка видим Ек<атерину> П<авловну>. Обычно подъезжает ночью, когда мы спим, и то не часто. Утром, встретившись в столовой за кофе, бываем приятно поражены, жмем руку и спрашиваем, как поживаем. Иногда замечаем перемены; так, ныне Ек<атерина> П<авловна>, посмотрев на меня за завтраком (рядом сидели), заметила: а у тебя за последнее время бородка поседела. Сознался: есть, поседела, давно ведь не виделись. Вместо себя Е<катерина> П<авловна> прислала в Барвиху семейство Кураловых. До 5/VI жили младенцы: Марфа и Дарья. Но злые родители увезли их на какую-то гору, где младенцы и чахнут. Вчера сюда прибыли: дядя Федя[426] (продолжающий перечитывать Кр<асную> Ниву, Огонек и

---

421 Барвихинские тетради — 11 тетрадей, записи в которых рассказывают о некоторых моментах жизни на даче в Барвихе в 1928–1933, 1938–1940 гг. До 1933 г. (тетради № 1–8) авторами записей были как обитатели дачи, так и гости, и называли они эти тетради — «летопись» или «корабельный журнал». До 1932 г. записи носят нарочито несерьезный, шутливый, ироничный характер, соответствующий общей атмосфере, поддерживаемой на даче ее обитателями. Окончание дачного сезона 1932 г. совпало со смертью С. А. Скирмунта. В 1933 г. авторы стараются сохранить прежний тон записей, и чаще им это удается. В 1934–1935 гг. и практически в 1936–1937 гг. записи не велись. Возобновились они спустя 5 лет — в 1938 г., и автор был только один — М. К. Николаев, и тетради уже не были похожими на «журнал» — это, скорее, «дневник», и тональность записей имеет совсем другой характер — они стали бесконечно печальными, как и их автор, остро ощущающий драматизм и трагизм жизни. Записи М. К. Николаева особенно интересны для нас потому, что этот человек долгие годы был близким другом Екатерины Павловны, с которым она (не склонная к откровенности) делилась происходившим, включая мелочи повседневной жизни, и тем, что у нее творилось в душе.

422 Ладыжников Иван Павлович.

423 Лаждыжникова Наталья Ивановна — дочь И. П. Ладыжникова.

424 Шура большая — домработница. Шурка маленький — ее сын.

425 Скирмунт Сергей Аполлонович.

426 Николаев Федор Константинович — брат М. К. Николаева.

Прожектор изд<ания> 1926–1930 гг. до позднего вечера, не сходя с места). Засим Ал<екса>ндр Ал<екса>ндр<ович> Гусев (прямой потомок Минина и Пожарского, известный статистик, поклонник пятилетки и темпов)[427]. Бывают еще и гости налетные: <...> Вчера приехал д-р Никитин[428]. <...> С 6/VI в гараже поселился Куралов

---

[427] Гусев Александр Александрович (1871–1939) — агроном и статистик, общественный деятель. В Нижнем Новгороде в 1903–1917 гг. заведовал магазином «Книжный музей». Магазин был организован в 1902 г. с просветительской целью по инициативе группы общественных деятелей при прямом участии Горького. Вначале заведующим был И. П. Ладыжников, а после его ареста зимой 1902 г. (по делу Сормовской с.-д. организации) заведование перешло к А. А. Гусеву.

[428] Д-р Никитин Дмитрий Васильевич.

Никитин Дмитрий Васильевич (1874–1960) — врач. Лечил Л. Н. Толстого. В 1919 г. был при С. А. Толстой во время ее последней болезни. Работал врачом в Звенигороде, в 1929 г. в связи с начатой против него кампанией — за его принадлежность к кадетам и толстовство — перешел работать в Старо-Екатерининскую больницу в Москве В конце 1931 г. был послан в качестве врача к А. М. Горькому в Сорренто. В начале 1933 г. был арестован и обвинен в том, что возглавлял контрреволюционную организацию врачей г. Москвы и Московской области. В мае 1933 г., когда Горький заболел воспалением легких, был освобожден по особому распоряжению. 5 сентября 1933 г. был вновь арестован и сослан в Архангельск.

Из воспоминаний Е. А. Гейнце (личный архив Т. Э. Шпольской): «А<лексей> М<аксимович> болел. Его навестил Сталин и спросил, какого же врача позвать? А<лексей> М<аксимович> сказал, что доктор Никитин арестован, а больше, как будто, некого. Похудевший и побритый Никитин появился у А<лексея> М<аксимовича>, жил там недели три. Горький выздоровел. Никитин переехал домой, вновь был взят, сослан на Апатиты Архангельской области и назначен там главным врачом больницы. Е<катерина> П<авловна> хлопотала о нем перед Ягодой, который сказал, что Никитина освободить нельзя, т. к. он возглавлял какую-то врачебную организацию. На замечание Е<катерины> П<авловны>, как же его при этом назначают главным врачом, Ягода выругался в адрес своих подчиненных, которые проболтались».

В 1933 г., когда Д. В. Никитин был освобожден из ссылки и привезен в Москву, он несколько дней провел в Барвихе. После его ареста Екатерина Павловна посылала ему деньги, посылки и продолжала ходатайствовать, добиваясь его перевода в Рязань или Ясную Поляну. В результате срок его ссылки был сокращен до 1 года. Но он не вернулся в Москву, а остался работать в Архангельске — сначала врачом, затем преподавателем в медицинском институте. В 1936 г., когда была создана кафедра инфекционных заболеваний, он был избран ее заведующим. Умер он в Москве, куда вернулся незадолго до смерти.

с фамилией: жена, дите, кузен, брат жены, двое неизвестных, автомобиль и собака по имени Детройт или Брайт. <...>»[429].

«7 сентября <1931>.

Никакого солнца, ветер, холод, — лето можно считать ликвидированным, а дачный сезон законченным. На прощание следует дать портреты содачников, по впечатлениям минувших месяцев.

Ек<атерина> П<авловна>. Мало, что можно сказать, так как за последние месяца 2 Ек<атерина> П<авловна> превратилась для нас в личность таинственную с загадочной жизнью. Изредка, скажем, не чаще раза в пятидневку, появляется на даче, часиков в 11 веч<ера>. Конспиративно впускается Шурой через кухню и тотчас же ложится спать. Утром неожиданно обнаруживаем Е<катерину> П<авловну> и за кофе в течение 15 мин<ут> получаем от нее инструктирующие директивы насчет дальнейшей дачной жизни. Связь с Е<катериной> П<авловной> больше у дачников поддерживается телефон<ными> переговорами в Москве, и по телефонным переговорам следим за ее маршрутами, сообщая таковые за обедом всем присутствующим. Справки о передвижениях обычно бывают такие: “как только освобожусь, если будет машина и не будет поздно, то приеду в Барвиху, а оттуда в Горки. Но, возможно, заночую и в Москве. Впрочем, если не удастся рано освободиться и будет на приеме много народа, то приеду прямо в Барвиху. Оставьте обед в духовке. Но, во всяком случае, не ждите”. Получив такой совершенно точный маршрут, обсуждаем его за обедом, причем мнения присутствующих бывают различны. Так, Ив<ан> П<авлович> обычно мрачно заявляет: “как есть, не приедет” и на этом умолкает. Бабушка, пользуясь случаем, обвиняет Куралова, уехавшего в отпуск и оставившего Катю без машины, Винавера, смывшегося в Крым, Крючкова, не думающего о том, чтобы доставить машину вовремя, а заодно, по ассоциации, <и других>. С<ергей> А<поллонович> сводит прения к удачной формулировке “ничего не понимаю, приедет она или нет”. На всякий случай даем указания оставить обед. По моим сведениям, Шура приспособилась и, так как духовка все равно холодная, держит в

[429] Из Барвихинских тетрадей. Тетрадь № 4. «Корабельный журнал № 4 (одновременно может служить и жалобной книгой на хозяйку)».

ней впредь до востребования в течение 5 дней стандартный обед: редиска, холод<ная> картошка и огурцы.

<...> Понаслышке, из третьих рук, знаем про Е<катерину> П<авловну>, что на время отпуска Куралова удачно устроилась с автомобилем, находящимся в ремонте второй месяц. И тут только вновь оценен Куралов, кот<орый> как-никак, а все же подавал машину. Борьба с Кур<аловым>, как известно, ведется уже 10 лет, борьба упорная и в некоторые моменты достигающая высокого драматизма. Тогда к исправлению Куралова Ек<атериной> П<авловн>ой применяются методы психологического воздействия, и это горше всего для несчастного Кур<алова>, кот<орый> только тем и спасается, что неожиданно запивает, не перенося гнетущего ледяного и вежливого тона.

Ничего больше о Е<катерине> П<авловне> рассказать не можем. Чтобы напомнить о ней и ясно ее представить, так как возможно, что некоторые содачники давно ее не видели, предлагаю взглянуть на фотографию (1-ая стр<аница> журнала)»[430].

В Италию девочек отвозила Екатерина Павловна. 8 октября она вместе с Мелидой Карловной и детьми выехала из Москвы в Варшаву. В Сорренто они приехали 16 октября. Екатерина Павловна была счастлива, что благополучно довезла детей, Иван Николаевич (Соловей) обрадовался, что приехали не все. Остальные задержались из-за болезни Алексея Максимовича: у него был грипп, которым он заболел в сентябре, поехав в Ленинград. (До этого он проболел часть июня — у него снова началось кровохарканье — и весь июль.) Советские власти уговаривали его остаться на зиму в Союзе, но доктора были против. 18 октября Алексей Максимович с сопровождающими выехал из Москвы в Италию. В дороге состояние его здоровья резко ухудшилось, ему давали кислород, пришлось на два дня остановиться в Берлине. (Мария Игнатьевна в это время находилась в Лондоне.) В Сорренто он и все остальные вернулись 23 октября. В начале ноября в Сорренто приехал М. К. Николаев, в конце ноября — Мария Игнатьевна. В начале декабря 1931 года Екатерина Павловна вернулась в Москву.

Весной 1932 года Екатерина Павловна приехала в Сорренто 26 марта. Началась ее поездка неудачно: в Варшаве она упала,

[430] Из Барвихинских тетрадей. Тетрадь № 5. «Корабельный журнал № 5».

ушиблась и в Берлине, где ее встретила Мария Игнатьевна, обратилась в клинику — на двух последних ребрах у нее оказались трещины (в клинике ей пришлось отдать 50 марок, и ей их было очень жалко). В Сорренто дул злой ветер, шел дождь, и на сердце у Екатерины Павловны было неспокойно. 1 апреля провожали И. Н. Ракицкого, уезжавшего в путешествие: он устроился на судно — траллер, плывущий через тропики во Владивосток. Екатерина Павловна переживала его отъезд: «Соловей — столп дома, много лет прожил с нашими, и столько всего пережил с ними». В Il Sorrito собралось много гостей, приехавших поздравить Алексея Максимовича, среди них — Алексей Николаевич Толстой, остроумный, интересный, и, что было особенно приятно Екатерине Павловне, он нежно говорил о своей жене Тусе[431] и о детях. 5 апреля приехал Крючков, с ним еще пять человек и Мария Игнатьевна. Алексей Николаевич оставался очень приятным в общежитии, хотя вместе с Крючковым и Марией Игнатьевной поглощал несметное количество виски. У Алексея Максимовича снова началось кровохарканье, но теперь за ним постоянно ухаживала живущая в доме Олимпиада Дмитриевна Черткова[432], по образованию медицинская сестра. Еще в 1928 году, когда Алексей Максимович, приехав в Ленинград, заболел, ее пригласили ухаживать за ним. В 1931 году, когда он прибыл в Москву, она была среди встречавших его и с тех пор осталась в доме, осенью 1931 года она приехала в

---

[431] Туся — Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна (1888–1963) — русская советская поэтесса.

Ее детство прошло в Москве, с конца 1890-х ее семья жила в Гранатовом переулке, в доме С. А. Скирмунта.

[432] Черткова (ур. Новикова) Олимпиада Дмитриевна (1878–1951) — медицинская сестра. В начале 1900-х гг. — горничная М. Ф. Андреевой. Ее муж был камердинером А. А. Желябужского — мужа М. Ф. Андреевой, вместе с женой он перешел на службу к Андреевой и Горькому. Он умер в 1905 г., а она оставалась жить у Андреевой с Горьким до их отъезда за границу. При содействии Горького получила среднее медицинское образование. Служила акушеркой в Петрограде, позже сдала экзамен на помощника лекаря, затем окончила Институт усовершенствования врачей в Ленинграде. В последние годы жизни Горького жила в его доме, следила за его здоровьем, исполняла обязанности врача, сестры и сиделки. После кончины Горького сохранила дружеские отношения с его семьей, была домоправительницей.

Сорренто вместе с Алексеем Максимовичем. Екатерина Павловна писала Николаеву, что Липа цветет здоровьем и благополучием и очень хорошо ухаживает за Алексеем Максимовичем. Несмотря на кровохарканье, Алексей Максимович собирался ехать в Союз, доктора настаивали на том, что поездку следует отложить до середины мая, но Алексей Максимович заупрямился: он хотел быть в Москве к 1 мая. Екатерина Павловна беспокоилась: «Боязно за его волнения у нас. Поводов к волнению будет много, и опять на нет сойдет вся поправка»[433]. Алексей Максимович переупрямил докторов: 21 апреля он вместе с семьей выехал из Сорренто и 1 мая стоял на трибуне мавзолея среди членов правительства, 3 мая вместе с ними присутствовал на авиационном празднике. Екатерина Павловна уехала из Сорренто 15 апреля, в Москву она приехали одновременно с Алексеем Максимовичем — 25 апреля 1932 года.

В 1932 году Горький провел в Советском Союзе полгода, принимая участие в культурной, общественной и политической жизни страны. Советское правительство оказало ему большое доверие и честь, назначив главой советской делегации на Международном антивоенном конгрессе, проходившем в конце августа в Амстердаме. Однако голландское правительство отказало ему и некоторым другим членам делегации во въездной визе. Они узнали об этом отказе, только прибыв в Берлин накануне открытия конгресса. Горький, поехавший полубольным, совсем разболелся и остался на неделю в Берлине, ухаживать за ним приезжала из Лондона Мария Игнатьевна. Конгресс работал три дня (советская делегация на нем отсутствовала, а в Москве в это время проходили митинги трудящихся, на которых клеймили голландское правительство) и избрал постоянный международный антивоенный комитет, в который был приглашен и Горький. Когда в начале сентября Алексей Максимович вернулся в Москву, в стране началась подготовка к празднованию 40-летия его литературной деятельности.

Максим, как и в прошлом году, отправился вместе с Костей Блекловым на Север. Теперь они побывали на острове Вайгач. Плыли они на том же теплоходе «Глеб Бокий» с тем же капитаном,

[433] АГ. ФЕП-рл 8–15-505. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 29 марта 1932 г.

что и в 1929 году, когда Максим сопровождал Алексея Максимовича на Соловки. Максим писал жене: «Страшно интересно, и я на седьмом небе, что удалось устроиться»[434]. «Глеб Бокий» не был приспособлен к плаванию в Арктике, судно застряло во льдах, была опасность, что оно будет ими раздавлено, но вызванный по радио ледокол «Ленин» помог ему высвободиться из ледового поля. Максим и Костя были очень довольны поездкой: они пережили «все ощущения большого арктического путешествия»[435]. На острове Вайгач работала Вайгачская экспедиция ОГПУ с людьми, приговоренными к смертной казни, которым она была заменена на 10 лет заключения, но, по-видимому, эта сторона советской жизни «путешественников» не очень интересовала[436].

---

[434] АГ. Т. XIII. С. 288. М. А. Пешков — Н. А. Пешковой.

[435] Вот как вспоминал Костя Блеклов эту поездку: «Особенно памятен последний день сиденья во льдах. Ночью выпал густой туман. Максим с 2 часов ночи провел на мостике, ожидая ледокола “Ленин”. Утром издалека донесся густой звук сирены ледокола. <...> Наш пароход ответил. Началась перекличка двух судов; “Как два морских чудовища, которые ищут друг друга” — определил Максим. Вскоре из тумана показался силуэт ледокола, режущего лед, как сало. Максим щелкал зеркалкой, запечатлевая все перипетии подхода ледокола “Ленин” и приема на буксир нашего парохода. “Ледовый поход” “Глеба Бокия” дал нам возможность пережить все ощущения большого арктического путешествия, с высадками на лед, стрельбой по тюленям и белухам. <...> В этой обстановке Максим чувствовал себя, как рыба в воде. От угрюмости, озабоченности, которые подчас нападали на него в Москве, не осталось и следа. Веселый, оживленный, он прекрасно ориентировался в необычной обстановке, проявляя инициативу, выносливость, мужество» (Блеклов К. С. Воспоминания // АГ. Т. XIII. С. 289–290).

[436] В то же время (летом 1932 г.) на том же судне «Глеб Бокий» на остров Вайгач на свидание с осужденным по «Академическому делу» геологом П. Виттенбургом плыли его жена и дочь. Отрывок из воспоминаний дочери (ей тогда было 10 лет) приводим ниже: «Мама несколько раз ездила хлопотать о папе в Москву, в Политический Красный крест, которым руководила Екатерина Павловна Пешкова. Хлопоты ничем не увенчались: “Дело Академии наук” было крепко “сшито”. <...> Первая серия приговоров была вынесена 10 февраля 1931 года. Среди группы обвиняемых, получивших разные сроки исправительно-трудовых лагерей, было выделено индивидуально “дело” папы: “По решению Тройки ОГПУ ЛВО от 11.02.1931 Виттенбурга П. В. по ст. 58-П расстрелять. Высшая мера соц<иальной> защиты заменена заключением в лагере на 10 лет”. <...> На остров Вайгач, в лагерь под названием Вайгачская экспедиция ОГПУ, требовались геологи, топо-

Внучки Екатерины Павловны провели это лето так же, как и прошлое, в основном в Горках. У детей сменилась воспитательница: Мелиду Карловну заменила Магда Александровна Гинкен[437] — близкая приятельница Липы еще по акушерским курсам (насмешливый М. К. Николаев заметил, что «в Горках происходила жуткая драма — смена руководства Мелиды на Магду»[438]). Екатерина Павловна переживала, ей казалось, что общение с Магдой «не соответствует широте развития детей», но, когда через

графы и рабочие в шахты. Здесь судьба улыбнулась папе — его направили в Арктику. Хотя он оставался невольником, но работать предстояло в регионе, который его давно интересовал в научном отношении. <...> На Вайгач из Архангельска ходил пароход “Глеб Бокий”. В прошлом нефтеналивное судно, превращенное затем в сухогруз, использовалось для перевозки заключенных и грузов для лагеря. <...> По мере приближения к Вайгачу в Баренцевом море стали появляться льдины, а потом и ледяные поля. В результате постоянной подвижки льдов наш “Глеб Бокий” оказался затерт ими со всех сторон. <...> По радио вызвали ледокол. Скоро пришел ледокольный буксир “Девятка”, но помочь ничем не смог. В эти дни мы узнали, что на корабле есть еще один пассажир. Это Максим Пешков — сын Алексея Максимовича Горького. Он ехал в сопровождении охраны и всю дорогу беспробудно пьянствовал. Когда корабль остановился, окруженный льдами, его вывели на палубу и он занялся стрельбой из ружья в белых медведей, которые из любопытства приближались к судну. <...> капитану удалось вызвать на помощь один из наиболее мощных ледоколов того времени “Ленин”. В густом тумане беспрестанно раздавались гудки то нашего корабля, то ледокола. Чтобы вывести нас изо льдов, “Ленин” должен был вплотную подойти так, чтобы мы своим носом врезались в его раздвоенную корму. Тем самым возникал как бы сплошной корпус, и выводимый корабль становился словно продолжением ледокола. Так мы и двинулись по направлению к Вайгачу. На горизонте показался берег желанного острова. Ледовая обстановка стала улучшаться. “Ленин” оставил нас, так как “Глеб Бокий” мог уже своим ходом понемножку продвигаться среди битого льда. Как выяснилось, капитан очень опасался, что неприспособленное к плаванию в Арктике судно легко могло быть раздавлено льдами. Скоро среди разводий увидели приближающуюся к нам моторную лодку. На этой лодке среди нескольких мужчин был и папа!» (Виттенбург Е. П. Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГА (воспоминания дочери). СПб.: Ин-т истории РАН — СПб.: Нестор-история, 2003).

437 Магда Александровна Гинкен (1886–1954) — воспитательница Марфы и Дарьи Пешковых.

438 Из Барвихинских тетрадей. Тетрадь № 6. «№ 6. 1932 г. Барвиха». 30 сентября 1932 г.

некоторое время дети стали спокойнее, Екатерина Павловна тоже успокоилась, решив, что смена воспитательницы, в общем, «им на пользу».

В Италию семья Горького возвращалась не вместе: вначале уехали дети (их, как и прежде, отвозила Екатерина Павловна), затем Алексей Максимович с Тимошей и Липой, позже всех — Максим.

Екатерина Павловна уехала из Москвы 10 октября. Незадолго до ее отъезда, 1 октября, умер С. А. Скирмунт. «1-го умер, 3-го сжигали. Был последний по-летнему теплый день и вечер. А поздно вечером, когда сидели уже в столовой на Машкове, ударила гроза и ливень. Вот так и ушел от нас С<ергей> А<поллонович>. <...> 6/X, отправив машину с вещами <с дачи> в город и все уже уложив, сели обедать, чтоб попасть на поезд в 1½ ч<аса> дня. К началу обеда приехала из Горок Е<катерина> П<авловна>, дойдя пешком из лесу, где застряла машина. Пили вино и все попрощались друг с другом и с маленьким кусочком жизни, вместе прошедшей. И в нем, в этом кусочке совместной жизни, тоже много было пустяков, зряшного, но было и хорошо. За это и благодарны и с этим стоит проститься.<...> Ехали в поезде только Е<катерина> П<авловна>, Т<аня>[439] и я. Остальные остались до вечернего. <...>

[439] Татьяна Александровна Альфер (1900–1983) — сотрудница Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста и ПОМПОЛИТа. Н. Б. Богданова в своей книге «Мой отец — меньшевик» вспоминает встречу с ней: «В начале июня 1923 г. мы с мамой едем через Архангельск в Пертоминск. Мама сопровождает большой провиантский поезд, организованный Красным Крестом при ее непосредственном участии. В Архангельске пересаживаемся на пароход “Глеб Бокий”. <...> На нашем пароходе везли новую партию заключенных, их еще до нашей посадки упрятали в какой-то отсек. Везли также конвойное пополнение, и ехало много женщин — жен и матерей, как тех, которые уже обитали в Пертоминске, так и тех, которые находились на этом пароходе. Во время шторма все смешалось — укачало не только заключенных и женщин, но и конвой, поэтому к окончанию шторма жены соединились со своими мужьями, матери — с сыновьями и уже не разлучались до высадки, стояли парами на палубе. <...> Привлекла мое внимание очень красивая молодая женщина, Татьяна Губина, сопровождавшая своего мужа, Е. М. Губина, арестованного едва ли не в первую ночь после свадьбы. Эсерка В. В. Трофимова, с которой я общалась позд-

10/X Е<катерину> П<авловну> и Т<аню> проводили за границу»[440] — так вспоминал М. К. Николаев эти дни.

В Варшаву, где ей надо было управиться с необходимыми делами, Екатерина Павловна приехала с детьми, их воспитательницей и Таней. В Сорренто они прибыли 18 октября. Екатерина Павловна очень хотела «подарить» Тане Италию. Год тому назад, 25 октября, в Москве умер Танин жених, поляк по национальности. Тогда Таня в сопровождении М. К. Николаева ездила в Польшу; Екатерина Павловна предлагала ей приехать в Италию, где «природа и искусство скорее залечат личные удары»[441], но Таня не поехала (приехал один Николаев). Теперь Екатерина Павловна очень старалась, чтобы Тане было хорошо. Екатерине Павловне казалось, что в Италии Таня «обалдела от здешних красот» и что с момента прибытия в Неаполь она пребывает в состоянии блаженства. До приезда «наших» Таня жила на вилле Il Sorrito, а затем Екатерина Павловна устроила ее на Капри в квартире у Бенуа.

Алексей Максимович вернулся в Сорренто 1 ноября вместе с Тимошей и О. Д. Чертковой (в Сорренто его уже «ждала женщина-скульптор, приехавшая из Америки, чтобы лепить его по поручению ассоциации рабочих клубов»[442]). Максим оставался в Москве (перед отъездом он заболел, врача ему присылал Г. Г. Ягода). Алексей Максимович чувствовал себя неважно,

---

нее, знала и любила Таню, говорила о ней с просветленным лицом. В конце 40-х годов я узнала от нее, что Таня вскоре развелась с Губиным, жила все время вместе с Екатериной Павловной Пешковой, вышла замуж за поляка» (Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик / Научно-информационный центр «Мемориал». Санкт-Петербург, 1994. С. 94).

В Польском Кресте Татьяна Губина начала работать с конца 1924 г. Разведясь с Губиным, взяла свою девичью фамилию — Альфер. За своего жениха, поляка Адама, выйти замуж она не успела: 25 августа 1931 г. он неожиданно скончался. В квартире в Машковом переулке она жила постоянно, по-видимому, с осени 1931 г. После кончины Екатерины Павловны она осталась жить в этой квартире со своей семьей.

440 Из Барвихинских тетрадей. Тетрадь № 6. «№ 6. 1932 г. Барвиха». 23 октября 1932 г.

441 АГ. ФЕП-рл 8–15–494. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Варшаву, 31 октября 1931 г.

442 АГ. ФЕП-рл 8–15–526. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 30 октября 1932 г.

дышал с трудом, и его все раздражало. Тимоша устроила мастерскую и усердно рисовала под руководством художника В. Н. Яковлева[443]. Екатерине Павловне казалось, что без Максима дом в Сорренто был скучным и унылым, в нем было тихо и мрачно и некому было пошутить. Но вот Максим вернулся, и дом ожил, особенно рада была «нижняя палата». Н. А. Пешкова вспоминала, что «<Максим> приехал в Сорренто с глубоким бронхитом, очень слабый и нервный, привез из Москвы много книг, карт, купив еще редких книг в Берлине. В основном все книги были о мореплавателях и путешествиях»[444]. Екатерина Павловна, дождавшись приезда сына, заторопилась домой, но сдерживала себя, чтобы не портить Тане поездку (она понимала, что Таня «не скоро попадет сюда»). Еще до приезда Максима она вместе с Таней и художником В. Н. Яковлевым съездила в Помпеи, а на обратном пути, уже уехав из Сорренто, побывала с Таней в Риме (два дня с ними провел Яковлев), Флоренции («С утра до ночи бегали по Риму и по Флоренции»[445]), Сиене, Венеции, Вероне. В эту поездку Екатерина Павловна почти ничего не покупала (у «наших» было туго с валютой, и то, что у нее было, она берегла на обратный путь; у нее болел зуб, но она терпела: ей было жалко тратить валюту на врача). В пансионе, в котором они с Таней собирались остановиться, они не остались: Екатерина Павловна не смогла подняться по высокой лестнице — ей стало плохо с сердцем. В начале декабря через Берлин они приехали в Варшаву и, закончив необходимые дела, вернулись в Москву.

---

[443] Яковлев Василий Николаевич (1894–1953) — художник, портретист и пейзажист. Преподавал во ВХУТЕМАСе (1918–1922), МАРХИ (1934–1936), МГАХИ им. В. И. Сурикова (1948–1950). Член АХРР с 1922 г., действительный член АХ СССР с 1947 г. Главный художник ВСХВ (1938–1939; 1949–1950). В 1937 г. написал картину «Старатели пишут творцу Великой Конституции».

Горький познакомился с В. Н. Яковлевым в 1931 г. на его персональной выставке в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и пригласил его в Сорренто. Приехал он в Сорренто вместе с Горьким 1 ноября 1932 г. и вместе с ним выехал в СССР в мае 1933 г.

[444] АГ. Т. XIII. С. 291. Н. А. Пешкова. О Максиме Пешкове.

[445] АГ. ФЕП-рл 8–15–547. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Вероны в Москву, 4 декабря 1932 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ А. М. ГОРЬКОГО С СЕМЬЕЙ В СССР. СМЕРТЬ МАКСИМА. АРЕСТ ИРИНЫ ГОГУА. ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ С ДЕЛЕГАЦИЕЙ ХУДОЖНИКОВ. ПРИЕЗД В СССР РОМЕНА РОЛЛАНА. КОНЧИНА А. М. ГОРЬКОГО. В ПОМПОЛИТЕ ПОСЛЕ УБИЙСТВА С. М. КИРОВА. 1933–1936 гг.

Весной 1933 года Екатерина Павловна отдыхала на вилле Il Sorrito в последний раз: Алексей Максимович вместе с семьей оставлял Италию и переезжал в Советский Союз. Он был востребован в своей стране, эмиграция его окончательно отвергла[446]. «К тому же его финансовое положение пошатнулось. Госиздат приобрел права на его произведения, а денежные средства, находящиеся в России, было не так легко получить, живя за границей»[447]. Советский народ и его руководители с нетерпением ждали возвращения пролетарского писателя на родину. Он принял богатейшие дары советского правительства (его книги издавались многотысячными тиражами, его пьесы шли в театрах страны, по его инициативе создавались серии книг, журналы, институты, его именем назывались улицы, площади, парки,

---

[446] 22 марта 1932 г. одновременно в двух советских газетах — «Правде» и «Известиях» — была напечатана статья Горького под названием «С кем вы, мастера культуры? Ответ американским корреспондентам». Этой статьей он восстановил против себя и тех немногих эмигрантов, которые еще сохраняли благодарность ему за помощь в дореволюционные и в первые послереволюционные годы. В статье «С кем вы, мастера культуры?» были такие возмутившие эмигрантов строки: «Вы, интеллигенты, мастера культуры, должны бы понять, что рабочий класс, взяв в свои руки политическую власть, откроет перед вами широчайшие возможности культурного творчества. Посмотрите, какой суровый урок дала история русским интеллигентам: они не пошли со своим рабочим народом и вот разлагаются в бессильной злобе, гниют в эмиграции. Скоро они поголовно вымрут, оставив память о себе как о предателях».

[447] Александер Таня. Эстонское детство: Воспоминания / Пер. с англ. Е. Р. Матевосян, С. Г. Огиенко, Г. Э. Прополянис. М.: Русский путь, 1999. С. 147.

библиотеки, театры, Нижний Новгород был переименован в Горький) и тянуть с возвращением уже не мог, оно стало неизбежным.

Екатерина Павловна приехала в Сорренто, как уже повелось, ко дню рождения Алексея Максимовича. В этот приезд она почувствовала себя отдохнувшей спустя неделю («Кажется, отдохнула — хоть завтра обратно»[448]), ей было очень хорошо с внучками, но она волновалась за оставленные дом и работу. В Il Sorrito ждали Крючкова, чтобы выяснить, когда и как ехать в Союз. Крючков приехал 12 апреля. Екатерина Павловна писала Николаеву: «С приездом П<етра> П<етровича>, с ним Маршака[449], с приездами Бабеля[450] из Парижа и Никулина[451] из Турции, — все в один день вчера приехали, — в доме стало суматошно и шумно»[452]. Крючков сообщил, что Алексей Максимович уедет в середине мая. Екатерина Павловна уехала из Сорренто 17 апреля. Она собиралась возвращаться через Берлин, чтобы взглянуть на город своими глазами: в Германии победил фашизм и Гитлер фактиче-

---

[448] ИМЛИ. АГ. ФЕП-рл 8–15–556. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 3 апреля 1933 г.

[449] Маршак был болен, приехал в Сорренто с женой и благодаря Горькому получил возможность жить и лечиться в Италии, где пробыл до конца августа 1933 г.

[450] Бабель поспешил вернуться в Париж, где его ждали кинематографические дела. 24 мая 1933 г. он писал Горькому: «Маршака оставил в неудовлетворительном состоянии. Ничего не мог поделать; мне надо ехать; беспокоюсь о нем» (ЛН. Е. 70 С. 42 // АГ. Т. XVI. С. 488).

[451] Никулин Лев Вениаминович (1891–1967) — русский советский писатель. В этот приезд он оставался в Сорренто недолго. 3 мая 1933 г. он писал Н. А. Пешковой из Парижа: «На этот раз Париж навел на меня необычайную тоску. Это правда. И я жалею о Соррентийских вечерах и подкидном дураке. Вообще мне чего-то не по себе. Я был бы счастлив, если бы Вы исполнили свое обещание и протелеграфировали мне день Вашего выезда, название парохода, день прибытия в Константинополь. А может быть, я даже кинулся бы в Геную, чтобы там сесть на пароход вместе с Вами, если Вы поедете из Генуи. Я не обременительный спутник и буду Вам хорошим гидом в Стамбуле» (АГ. ФНП-кр 4–37–1 // АГ. Т. XVI. С. 489).

[452] АГ. ФЕП-рл 8–15–561 // АГ. Т. XVI. С. 488. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Сорренто в Москву, 13 апреля 1933 г.

ски стал диктатором[453]. Но возвращалась она через Вену (так же как и приехала из Варшавы), т. к. у кого-то из гостивших в Сорренто оказался лишний обратный билет через Вену, и она взяла его себе, чтобы он не пропал и чтобы не тратить денег.

В мае 1933 года Горький с семьей вернулся в СССР. Он не ехал поездом, как раньше, а плыл на теплоходе «Жан Жорес», отчалившем из Неаполя 9 мая. 17 мая пароход прибыл в Одессу, утром 19 мая Горький с семьей приехал в Москву. По приезде Алексей Максимович заболел гриппом с осложнением на легкие. Лето 1933 года он провел в Москве и подмосковных Горках, но на зиму по настоянию врачей должен был уехать в место с более теплым климатом, желательно в Крым. «Правительство поручило Максиму Пешкову найти в Крыму спокойное место, где Горький мог бы жить и работать»[454]. С Южным берегом Крыма, с Форосом, где находилось имение Ушковых, у Максима были связаны воспоминания юности; после революции в имении расположился санаторий. «Туда и направился Максим с Н. А. Пешковой. Однако большой дом-дворец показался им шумным. Из разговоров с отдыхающими М. А. и Н. А. Пешковы узнали, что в 1,5 км от Фороса есть филиал санатория с заманчивым названием “Тессели” (“тишина” — греч.). Н. А. Пешкова вспоминает: “Небольшой из серого камня дом, увитый глициниями, очаровал нас. В этом доме была какая-то своя скрытая, индивидуальная прелесть. Садовый участок при доме был сильно запущен. <...> Понравилось все — и прелесть запусте-

[453] В Германии в июле 1932 г. состоялись парламентские выборы, в результате которых большинство голосов получила нацистская партия. 27 февраля 1933 г. в Берлине в результате пожара было уничтожено здание рейхстага (парламента), что явилось поводом к антикоммунистической кампании и запрещению Коммунистической партии. В марте 1933 г. вступил в силу Закон о дополнительных полномочиях, благодаря которому Гитлер фактически стал диктатором. 1 апреля 1933 г. в Германии началось официальное преследование евреев, выражающееся в общенациональном бойкоте магазинов и предприятий, принадлежащих евреям, а также в отказе принимать на работу специалистов-евреев. Позже, осенью 1933 г., Германия вышла из Лиги Наций и отозвала свою делегацию с конференции по разоружению.

[454] АГ. Т. XIII. С. 490.

ния, и удивительная тишина". По возвращении в Москву Максим все рассказал отцу, и дача была закреплена за Горьким»[455].

Екатерине Павловне Тессели тоже очень понравился («чудесное место», «место изумительной красоты», где «гораздо тише и уединеннее, чем было на Sorrito»[456]). Впервые она приехала в Тессели в середине октября 1933 года. Вслед за ней, 17 октября, приехали «наши»: Алексей Максимович, Максим, Тимоша, Марфа, Дарья, Магда Александровна, П. П. Крючков, доктор П. П. Плетнев. (О. Д. Черткова приехала раньше.) Екатерина Павловна провела в Тессели дней десять, помогла устроить дом и уехала (она торопилась в Варшаву). До Севастополя ее провожал Максим. В поезде (в окне проплывали белые хатки в садах, напоминающие Екатерине Павловне ее детство) она писала М. К. Николаеву, что место для жизни (Тессели) выбрано «изумительное», но настроение у нее «так себе»: «Очень уж нелепо живет Максим»[457].

28 октября она приехала в Москву, ее встретила Таня[458]; дома было холодно (еще не топили), но ей было приятно вернуться. После кофе она пошла в Кривоколенный (в Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста), оттуда — на Кузнецкий (в ПОМПОЛИТ). Началась ее обычная московская жизнь: с утра телефонные звонки, затем Кривоколенный, ОГПУ, Кузнецкий. В Москве она пробыла четыре дня, все вечера приходили гости, отметили Шуркин день рождения — 15 лет (ему подарили часы, которым он очень обрадовался, а Екатерина Павловна ему купила, вернее, достала «по книжке с Никитской», пальто, самое простое, ватное, но стоило оно дороже, чем билет до Рима); в один из вечеров она и Таня были на концерте Прокофьева в Большом театре (за ними прислала машину Е. К. Малиновская). Неважное настроение не проходило: очень беспокоил Максим, ей казалось, что с ним «неладно». Когда заканчивалась суета и она оставалась одна, на душе становилось особенно тяжело. 1 ноября она выехала в Варшаву, уезжала с неохотой («так бы и сидела, не выходя из своей

---

455 АГ. Т. XIII. С. 490–491.

456 АГ. ФЕП-рл 8–15–564. Е. П. Пешкова — М. Л. Николаеву. Из Тессели в Кисловодск, 20–21 октября 1933 г.

457 Там же. 8–15–565. Е. П. Пешкова — М. Л. Николаеву. Из Лозовой в Кисловодск, 26 октября 1933 г.

458 Альфер Татьяна Александровна.

комнаты»[459], и ощущение у нее было, что ее «земное путешествие идет к концу»[460]). На вокзал до самого отхода поезда к ней приходили люди с разными просьбами. В поезде ее беспокойное состояние улеглось.

В Варшаве она пробыла десять дней (приемы в Кресте, телефоны, встречи, вечером — посетители, в советском посольстве — детский праздник для «своих»). В Польше было трудно найти работу (хотя мировой экономический кризис уже заканчивался), и на улицах Варшавы было много нищих («просящих помощи людей»), но Екатерине Павловне казалось, что люди здесь выглядят наряднее, чем на «нашей» (московской) улице. 14 ноября Екатерина Павловна приехала в Вену, где должна была встретиться с Максимом и Надей: они ехали в Италию «разделаться» со своим домом в Il Sorrito — уложить и вывезти остававшиеся книги и вещи. Екатерина Павловна хотела поехать вместе с ними, чтобы еще раз взглянуть на покидаемые места. Максим и Надя задерживались, Екатерина Павловна ждала их, слушала разговоры об арийцах и неарийцах, которые велись в Вене повсюду, и в душе у нее поднималась неясная тревога. Чтобы успокоиться, она посетила музей («хорошее лекарство»), а в гостиничном номере начала вязать воротничок («умилительное зрелище и действует успокаивающе»[461]). Максим с Надей приехали 16 ноября, вместе с ними — Крючков. Максим выглядел неважно, он был «нервен и раздражителен». С их приездом началась «горячка». «Весь день 19-го свертывали дом. <...> 19-го вечером П<етр> П<етрович> и Макс уехали в Неаполь, чтобы с утра устраивать отправку вещей пароходом. <...> С утра 20-го до 2-х, когда действительно пришел грузовик, возились с укладкой вещей домашних. <...> День 21 прошел в сутолке в Неаполе, а 22-го в 6 ½ утра, забрав паспорта наши, поехали в Рим в посольство наше»[462]. Во время сборов в доме Екатерина Павловна вышла одна в сад: «розы, посаженные весной Соловьем, детский

---

[459] АГ. ФЕП-рл 8–15–569. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Кисловодск, 1 ноября 1933 г.

[460] Там же.

[461] Там же. 8–15–577. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Вены в Москву, 14 ноября 1933 г.

[462] АГ. ФЕП-рл 8–15–580 // АГ. Т. XVI. А. М. Горький и М. И. Будберг. Переписка (1920–1936). М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 492.

садик в цветах — жаль все бросать», Сорренто — 10 лет жизни, рождение детей, очень больно — «кусок жизни отпал». Уезжали в Вену из Флоренции (музеи, соборы, полночь, тоска на душе, но — «что за чудесный город»[463]). 25 ноября они провели в Вене, куда, чтобы встретиться с ними, приехала из Лондона Мария Игнатьевна[464]. На обратном пути Екатерина Павловна задержалась на несколько дней в Варшаве и в конце ноября вернулась в Москву. Максим с Тимошей и Крючков поехали в Тессели. Туда же в декабре, чтобы повидаться с Алексеем Максимовичем, приезжала Мария Игнатьевна[465]. Сохранилась фотография, снятая Максимом в Тессели в ноябре или декабре 1933 года: Алексей Максимович «стоит на фоне дома, правая рука в кармане, согнутая левая сжата в кулак. Слева Крючков, справа Ягода»[466].

В конце декабря Алексей Максимович вместе с семьей вернулся в Москву и сразу же заболел гриппом, проболел он весь январь до начала февраля. Большую часть зимы он прожил в Горках, к нему приезжали люди самые разные, обсуждались задуманные им проекты, он писал статьи в газеты, в январе под его редакцией вышла книга о Беломорско-Балтийском канале[467], в феврале в

---

[463] АГ. ФЕП-рл 8–15–580. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Флоренции в Москву, 23 ноября 1933 г.

[464] В 1931 г. после того, как стало ясно, что Алексей Максимович уедет жить в СССР, М. И. Будберг решила поселиться в Лондоне. Ею был увлечен Уэллс, «в 1932 году он предлагал ей выйти за него замуж, но она не дала своего согласия, стремясь сохранить независимость» (АГ. Т. XVI. С. 498).

[465] В ноябре 1933 г., находясь в Вене, Мария Игнатьевна написала Алексею Максимовичу: «Милый мой, любимый, родной друг, спасибо за все, <...> а особенно, за письмо Ваше. Радость моя, конечно же, я приеду к Вам. Не думайте, что это — неопределенное обещание, ведь мне самой так мучительно хочется увидеть Вас, но, конечно, это не так легко, как сняться с места и приехать в любое место в “гнилой” Европе!» (АГ. Т. XVI. С. 245–246. М. И. БУДБЕРГ — А. М. ГОРЬКОМУ. До 25 ноября 1933 г., Вена). Мария Игнатьевна приехала в Тессели примерно 10 декабря 1933 г. и провела там 4 дня.

[466] А. М. Горький и его современники. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 1997. С. 347.

[467] Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства 1931–1934 / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М.: ОГИЗ: Изд-во «История фабрик и заводов», 1934.

МХАТе состоялась премьера спектакля по его пьесе «Егор Булычев и другие», в марте отпраздновали его день рождения.

В апреле 1934 года Алексей Максимович вместе со всей семьей собрался ехать на лето в Тессели, но он задержался в Москве, т. к. захотел участвовать в праздновании 1 Мая (это ему удалось: 1 мая он стоял на трибуне мавзолея вместе со Сталиным и другими членами правительства). Максим с Тимошей должны были сопровождать его, поэтому оставались вместе с ним в Москве. Детей отвозила Екатерина Павловна. Они должны были ехать поездом, уходящим 21 апреля, но уехали днем позже — в воскресенье 22 апреля; поезд, отъезжавший в субботу, потерпел крушение[468], они доехали благополучно. В Тессели Екатерину Павловну восхищало все: воздух, море, скалы, цветы, дом, кругом было «замечательно красиво», дети были счастливы, и она начала надеяться, что сможет наконец отдохнуть и поправиться. Однако вскоре на душе у нее стало попрежнему нехорошо и тоскливо и в голову начали лезть всякие мысли; она уговаривала себя: «Надо взять себя в руки», «Так чудесно кругом, что стыдно не помочь природе оживить себя»[469]. Она много времени проводила с внучками («Самое трудное — не давать ссориться. Это мне удается, но всегда от этого устаю»[470]), и ей очень хотелось, чтобы скорее приехал Максим («привел бы нервы в порядок»[471]). 8 мая она телеграфировала Николаеву: «10 еду обратно»[472].

Выехала она раньше. После того как она отправила телеграмму Николаеву, она получила телеграмму от Крючкова. Вот как вспоминала случившееся Ирина Гогуа: «Екатерина Павловна в это время

---

[468] Екатерина Павловна писала Николаеву: «Сколько раз в моей жизни случалось, что поезд, в котором я должна была ехать, терпел крушение». (АГ. ФЕП-рл 8–15–583. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Тессели в Москву, 24 апреля 1934 г.).

[469] Там же 8–15–587. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Тессели в Москву, 29–30 апреля 1934 г.

[470] Там же 8–15–589. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Тессели в Москву, 3–4–5 мая 1934 г.

[471] Там же.

[472] ИМЛИ. АГ. ФЕП-рл 8–15–591. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Телеграмма. Из <Севастополя> в Москву, <8 мая> 1934 г.

с внучками была в Крыму, в Тессели, около Фороса. Она получила телеграмму от Крючкова, что у Максима воспаление, “срочно выезжайте”. Воспаление чего — неизвестно. Но она рассказывала, что шофер мчал ее к поезду, что ее чудом посадили в поезд, и когда она вошла к Максиму в Горках, то он сказал: “Ой, мать, хорошо, что ты приехала. Не давай меня колоть, заколют к черту”»[473].

Максим скончался от крупозного воспаления легких 11 мая 1934 года. Он простудился 2 мая в Горках: будучи в нетрезвом состоянии, лег на холодный мокрый песок на берегу Москвы-реки, заснул и проспал пару часов. Хоронили Максима 12 мая — на следующий день после его кончины. Ирина Гогуа вспоминала: «Когда мы приехали на Никитскую — папа[474], мама[475], Андрюша Фейт[476], то было страшно. Парадное было закрыто. Пускали через калитку, через сад. У дверей калитки стоял Иван Павлович Ладыжников и какой-то чекист. Пропустили. Входная дверь — стоял Михаил Константинович Николаев, это последний друг Екатерины Павловны, и опять какой-то чекист. Пропустили. В холле сидели Екатерина Павловна и Тимоша. Екатерина Павловна потрясающе держалась. А в столовой лежал Максим, суетились какие-то военные, в форме и без формы. Это были ведомственные похороны. Вот так умер Максим»[477].

О похоронах Максима есть воспоминания П. Т. Кусургашевой[478]: «Был весенний солнечный, но ветреный день. Народу было

---

473 Червакова И. Песочные часы // Дружба народов. 1997. № 5. С. 76.

474 Калистрат Гигоевич Гогуа.

475 Ирина Николаевна Кольберг.

476 Сын А. Ю. Фейта.

477 Червакова И. Песочные часы // Дружба народов. 1997. № 5. С. 76.

478 Кусургашева Полина Тимофеевна (1906–2000) — по происхождению шорка. Ее отец был неграмотным крестьянином, дед — шаманом. Она окончила церковно-приходскую деревенскую школу с отличием, училась в Высшем начальном училище в Кузнецке, с пятнадцати лет учительствовала в глухих южных районах Горной Шории, затем заведовала шорским детским домом. В 1924 г. получила направление на учебу в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). В 1928 г. окончила с отличием КУТВ, позже — аспирантуру в РАНИОН, работала помощником редактора Большой советской энциклопедии. В годы сталинских репрессий потеряла многих близких людей и друзей. Она одна вырастила трех детей.

на похоронах очень много. Вынос тела Максима был из дома на Малой Никитской. Помню четко, как Екатерина Павловна (мать Максима) во всем черном стояла у входных дверей и всем, кто приходил в дом, пожимала руки. Алексея Максимовича не было на Малой Никитской. Он был еще в Горках. Тимоша стояла в черном платье у гроба Максима, но не плакала. Когда стали прощаться, то первая подошла Екатерина Павловна, а потом Тимоша.

Она припала к губам Максима и долго не отрывалась, но не плакала. Единственно, кто нарушил эту печальную тишину, была горничная Таня, которая громко завыла с причитаниями, как это всегда происходило в деревне, но вскоре замолкла.

Похоронная процессия растянулась на несколько километров. Все ехали на автомашинах. Ни один человек не шел пешком. Это была дань любви Максима к автомобилям, он был страстный автомобилист и гонял машины отчаянно. Поэтому решили, чтобы все ехали на легковых машинах до кладбища. Солнце светило, по небу плыли облака, а духовой оркестр играл траурные мелодии.

На кладбище приехал Алексей Максимович. Приехали с ним Микоян, Крючков и Ягода. Когда стали спускать гроб в могилу, Тимоша охнула и в изнеможении села на ближайшую могильную ограду, опустила голову. Видно было, как капают слезы на ее руки, сложенные на коленях. Екатерину Павловну я не увидела в это время. А Алексей Максимович у могилы поднял голову к небу, поднял зажатые кулаки, на его щеках заходили желваки. На него было страшно смотреть. Но тут же Микоян и Ягода взяли его под руки и увели от могилы»[479].

Алексей Максимович получал письма с выражением соболезнования от самых известных людей, ответил он Р. Роллану: «Смерть сына для меня — удар действительно тяжелый… Он был крепкий, здоровый человек, Максим, и умирал тяжело. Он был даровит. Обладал своеобразным, типа Иеронима Босха, талантом художника, тяготел к технике, к его суждениям прислушивались специалисты, изобретатели. У него было развито чувство юмора и

[479] Погожева А. П. …Славная моя человечица… Горький и его окружение (1928–1936 гг.). Воспоминания Алмы (П. Т. Кусургашевой). М.: Муравей, 2004. С. 76–77.

хорошее чутье критика. Но воля его была организована слабо, он разбрасывался и не успел развить ни одного из своих дарований»[480].

Екатерина Павловна тоже получала письма с выражением сочувствия к ее горю. В архиве ПОМПОЛИТа сохранились сердечные письма подопечных Екатерины Павловны. Приводим одно из них: «Глубокоуважаемая и дорогая Екатерина Павловна! В далекой Сибири узнала о постигшем Вас горе. Скорблю душой о Вас, т. к. сама мать и знаю, какое место занимают дети в сердцах матерей. Много, много матерей, чье горе Вы облегчили и облегчаете своими заботами, искренно сочувствуют Вам. Я со своей стороны просто не знаю, как Вас благодарить за сына и дочурку, и всю нашу семью. Сережа мне рассказывал, что действительно в прошлом году его сняли с тяжелых работ и этим он обязан Вам. <...> Большое Вам спасибо за передачи — они не только физически меня поддержали, но и нравственно; сознание, что меня помнят, что дочурка не одна в своем горе, меня подбодрило и облегчило мне отъезд. Этап был очень труден, хорошо, что он позади»[481]. Автор письма А. Оболенская, написано оно 12 июня 1934 года в городе Минусинске.

К Алексею Максимовичу по-прежнему приезжали многочисленные посетители; в июне он участвовал во встрече челюскинцев; в июле вместе с семьей (внучки, Тимоша, Магда Александровна, И. Н. Ракицкий, О. Д. Черткова, П. П. Крючков с женой, а также приехавшая Мария Игнатьевна[482]) совершил десятидневную поездку (с 12 по 21 июля)[483] по Волге на теплоходе «Клара Цеткин»; 24 июля присутствовал на физкультурном параде (стоял на трибуне мавзолея вместе со Сталиным и другими членами правительства); 25 июля

---

480 Г-30. Т. 30. С. 347–348. Максим Горький — Р. Роллану. 26 мая 1934 г.

481 ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1262. Л. 1–2.

482 М. И. Будберг по возвращении из плавания по Волге уехала в Эстонию. После ее отъезда в том же июле в СССР для разговора со Сталиным приехал Уэллс, от которого Мария Игнатьевна скрывала (по причинам личного характера) свои поездки к Горькому; в связи с этим она отказалась сопровождать Уэллса в его поездке в СССР.

483 «11 июля он писал Р. Роллану: "…я доработался до состояния, требующего отдыха, и завтра уезжаю на десять дней"» (АГ. Т. XVI. С. 497).

принимал у себя на даче в Горках Уэллса[484]. 17 августа открылся Первый Всесоюзный съезд советских писателей, он его открывал, выступал с докладом, был избран в президиум; 18 августа присутствовал на авиационном параде; 1 сентября выступал с заключительной речью на закрытии съезда писателей; 2 сентября выступал с речью на открытии 1-го Пленума Союза советских писателей. В конце сентября он уехал в Тессели (внучки уже были там).

Екатерина Павловна приехала в Тессели в начале октября вместе с Тимошей, которая туда возвращалась после недолгого отсутствия. В вагоне было тепло, но Екатерина Павловна долго не могла уснуть и лежала тихо, чтобы не мешать Тимоше. Дети встречали их на шоссе недалеко от дома. Екатерина Павловна старалась заполнить дни, чтобы не думать. Она гуляла с детьми; оставаясь одна, читала (3-й том Клима Самгина и Manzoni “Promessi sposi”— на итальянском, выписывая незнакомые слова); вместе с Тусей (Н. В. Крандиевской-Толстой) съездила в Севастополь встретить приехавшего А. Н. Толстого. Войти в комнату Максима Екатерина Павловна не смогла — не было сил. «Уже 5 мес<яцев> и все тоскливо. <...> В доме здесь о нем не говорят. От того еще всем тяжелее»[485], — писала она Николаеву. В середине октября, навестив тетушку, живущую в Севастополе, она вернулась в Москву.

В ноябре 1934 года Екатерина Павловна после ежегодного рабочего визита в Варшаву поехала в Италию, поехала не одна, а с М. К. Николаевым. Об этой ее поездке нам ничего не известно, кроме того что в последних числах ноября она побывала в Сорренто вместе с Е. К. Малиновской, с которой они затем расстались и которая собиралась догнать ее в Варшаве на обратном пути. Уезжая из Варшавы в Москву, Екатерина Павловна отправила письмо Е. И. Репьевой:

---

[484] Уэллс пытался объединить гуманистические силы мира, для этого он приехал в СССР (до этого он посетил США, где беседовал с Рузвельтом). 23 июля он встречался со Сталиным. Кроме того, избранный в 1933 г. председателем международного ПЕН-клуба, он предлагал создать российское отделение ПЕН-клуба, свободное от государственного контроля. Предложений Уэллса Горький не поддержал.

[485] АГ. ФЕП-рл 8–15–597. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Тессели в Москву, 11–12 октября 1934 г.

«HOTEL EUROPEJSKI
WARSZAWA
14/XII–34.

Милая Евг<ения> Ив<ановна>! Проездом в Вене нашла Ваше письмо. Оч<ень> удивилась, увидев на конверте почерк Ек<атерины> Дм<итриевны>[486], как Вы узнали адрес, потом сообразила, что, верно, Раф<аил> Гр<игорьевич>[487] написал.

Я все еще не соберу себя и не могу сделать себя работоспособной. Вот и здесь после приема людей охватывает как-то непобедимое состояние прострации и равнодушия. Из-за этого т<а>к задержалась здесь, все не могу закончить дел.

Сейчас вот заставила себя писать Вам, т<а>к к<а>к знаю, что надо ответить. Деньги для Креста перешлите или на имя Елены Герм<ановны>[488], или на имя Zaleska Bronislava (Залесская)[489] Chmielna, 25, m 14a. Или на то и другое по малу можно переводить. Они передадут через кого-ниб<удь> нам в Крест. Отсюда часто ездят.

Получила письмо Ек<атерины> Дм<итриевны>, и меня даже уговаривали мои домашние поехать на курорт, где она лечилась.

Целую Вас и ее. <...> Ек<атерина> П<ешкова>.

Проносила письмо в портфеле и уже с пути посылаю»[490].

Екатерина Павловна еще долгое время после смерти Максима не могла работать так же интенсивно, как прежде. Так, в октябре 1935 года (спустя полтора года) она писала Николаеву из Варшавы, что прием посетителей закончила вместо 1 часа в 3 часа и что состояние у нее такое, как после тяжелого сна, и такая же усталость[491].

21 марта 1935 года в Москве была арестована Ирина Гогуа, работавшая с 1927 года в Кремле в ЦИКе, куда ее устроил Авель Ену-

---

[486] Екатерина Дмитриевна Кускова.
[487] Рафаил Григорьевич Фридлендер.
[488] Елена Германовна Винавер.
[489] Бронислава Залесская — сотрудница Польского Красного Креста.
[490] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 85–88. Е. П. Пешкова — Е. И. Репьевой. Из Варшавы в Прагу, 14 декабря 1934 г.
[491] См.: АГ. ФЕП-рл 8–15–623. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Варшавы в Гагры, 25 октября 1935 г.

кидзе. Она была одной из осужденных по «кремлевскому делу»[492]; в июле 1935 года ее приговорили к трем годам ссылки в Туруханск, который был заменен на Уфу (как предполагала Ирина, благодаря хлопотам Екатерины Павловны). В 1988 году Ирина Калистратовна вспоминала: «Когда я вернулась в 1956 году, как-то пришла к Екатерине Павловне, а у нее сидел такой горьковед Бялик. Екатерина Павловна, знакомя нас, сказала, что я дочь Юлии Николаевны Кольберг и племянница Веры Николаевны Кольберг. Он сделал круглые глаза и сказал: "Екатерина Павловна, это та, о которой Алексей Максимович говорил с Ягодой?" Ну, тут я сделала круглые глаза. А надо сказать, что перед тем, как начались аресты в нашем аппарате, я, конечно, нервничала, а оказывается, Алексей Максимович, когда ему сообщили об этом, сказал: "Пусть она уедет куда-нибудь". Екатерина Павловна спросила: "Куда?" Он: "Хотя бы ко мне в Тессели". На что Екатерина Павловна заметила: "У нее ребенок, и вообще, куда она поедет, если она работает?" Оказывается, Алексей Максимович говорил с Ягодой и просил что-нибудь сделать. Ягода посмотрел мое дело и сказал, что полезным быть не может и что с таким характером, как у меня, нигде не пропадают»[493]. Ирина Калистратовна «не пропала» — 20 лет своей жизни она провела в тюрьмах, лагерях и ссылках. Когда ее арестовали, у нее оставалась трехлетняя дочка[494], воспитывала ее Вера Николаевна Кольберг. Юлия Николаевна в 1936 году ослепла, тяжело болела и 29 марта 1938 года умерла, похоронили ее на Новодевичьем кладбище. Калистрат Гигоевич в 1937 году был арестован и 3 февраля

---

[492] В начале 1935 г. в Москве начались аресты сотрудников кремлевской комендатуры, правительственной библиотеки, секретариата Президиума ЦИК и др. мелких сотрудников, включая уборщиц правительственных зданий. В первые месяцы арестованные обвинялись в распространении злостных провокационных слухов (разговоры об обстоятельствах убийства Кирова и смерти Н. С. Аллилуевой — жены Сталина), но затем обвинение было сформулировано как «создание нелегальной антисоветской организации и подготовка покушения на И. В. Сталина», а дело получило название «кремлевское» или «дело Енукидзе». 14 июля 1935 г. по «кремлевскому делу» были осуждены 110 человек.

[493] Червакова И. Песочные часы / Дружба народов. 1997. № 5. С. 90.

[494] Сотскова Татьяна Владимировна (род. 9.02.1932). По профессии врач-кардиолог.

1938 года расстрелян[495]. Екатерина Павловна не смогла помочь Ирине освободиться из заключения, а Вере Николаевне она помогала растить девочку, лето они проводили на даче в Барвихе, праздники — в Машковом переулке. (В тридцатых годах в Барвихе отдыхали и Юлия Николаевна с Калистратом Гигоевичем.) А. С. Енукидзе по обвинению в моральном и бытовом разложении и в причастности к «кремлевскому заговору»[496] был исключен из партии и направлен на работу в Харьков в качестве директора автомобильного треста. В феврале 1937 года он был арестован и расстрелян.

В середине апреля 1935 года Екатерина Павловна приехала в Тессели. Туда же приехал Алексей Максимович после зимы, которую провел в Горках и в Москве. Девочки учились, и до обеда Екатерина Павловна была одна, видеть кого-либо из посторонних она не хотела: ей было тяжело всяческое общение. Она писала Николаеву: «Когда молча среди природы, какая-то тихая грусть в душе»[497], — и при этом: «Как всегда, когда одна, мысли о том, что случилось год назад. Что так непоправимо и так нелепо жестоко»[498]. Пробыла она в Тессели около 10 дней, ей хотелось скорее вернуться в Москву, причин было много: работа, дом, Шурка, операция у Соловья, с которым «столько всего пережито», арест Ирины Гогуа, кроме этого — ее тянуло съездить в Новодевичий к Максиму. Когда приехавший к Алексею Максимовичу гость заговорил о том, что случилось год назад, Екатерина Павловна так «разъехалась, что ушла одна к морю»[499]. Уехала она из Тессели

---

[495] Сталинские списки: stalin.memo.ru.

[496] В июне 1935 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором с докладом «О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе» выступил Н. И. Ежов. Он объявил, что из-за преступного попустительства секретаря Президиума ЦИК СССР Авеля Енукидзе на территории Кремля была создана террористическая группа. Никаких конкретных фактов Ежов не привел. Енукидзе был исключен из партии единогласно.

[497] АГ. ФЕП-рл 8–15–601. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Тессели в Москву, 20 апреля 1935 г.

[498] Там же. 8–15–602. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Тессели в Москву, 21 апреля 1935 г.

[499] Там же. 8–15–604. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Тессели в Москву, 25 апреля 1935 г.

28 апреля. Поезд прибывал в Москву рано утром; Крючков, уехавший днем раньше, обещал прислать за ней машину. Екатерина Павловна не хотела беспокоить домашних и просила Николаева, чтобы никто ее не встречал: пусть только один человек — шофер — посетует на нее за раннее вставание.

24 мая 1935 года Екатерина Павловна выехала в Варшаву, где занималась делами Польского Красного Креста. Через неделю в Варшаву приехала группа советских художников, совершавших путешествие по европейским странам с целью познакомиться с творениями великих живописцев и с новым искусством. В составе этой группы были П. Д. Корин и его ученицы Софья Сергеевна Уранова[500] и Надежда Алексеевна Пешкова. Екатерина Павловна присоединилась к группе[501]. У нее были визы в те же страны (Франция, Англия, Италия), что и у членов группы, своим временем она располагала самостоятельно. Неделю (с 4 по 11 июня) она провела в Париже. Она остановилась в отеле Trianon Palas Hotel вместе с Надеждой Алексеевной и Софьей Сергеевной (она была одна в номере, они вдвоем — в другом). Вместе они посетили выставку итальянских художников в Лувре — ходили, пока носили ноги и смотрели глаза. Почти каждый день Екатерина Павловна писала Николаеву, делясь впечатлениями и переживаниями. Она

---

[500] Уранова Софья Сергеевна (1910–1988) — живописец, график, реставратор, ученица М. В. Нестерова и П. Д. Корина. Первую ее работу приобрел Горький, который и в дальнейшем оказывал ей материальную поддержку. В 1942–1945 гг. — на фронте, ушла добровольцем в качестве рядовой, участвовала в освобождении многих городов России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Польши, победу встретила на Эльбе. За воинскую доблесть награждена орденами и медалями. На фронте сделала большую серию зарисовок и рисунков с натуры. Часть ее военных работ была приобретена Третьяковской галереей и другими музеями.
Вместе с Н. А. Пешковой работала под руководством П. Д. Корина в мастерской Музея изящных искусств и в мастерской Н. А. Пешковой на Малой Никитской.

[501] Кто еще из художников, кроме П. Д. Корина, С. С. Урановой и Н. А. Пешковой, входил в эту группу (и входил ли кто-нибудь еще), нам не известно. Разрешение на поездку группа получила, вероятно, благодаря Ягоде, а субсидировал поездку, вероятно, Горький. Екатерина Павловна, вероятно, должна была «подстраховывать» Н. А. Пешкову.

писала, что сутолки в Париже меньше и публика другая, чем 20 лет тому назад («20 лет — жуткие слова»[502]), что в Париже было столько всего пережито, что она чувствует себя здесь, как дома, язык она не забыла, и говорить ей легко. Она повсюду ходила с Тимошей, но без нее, одна, поехала в Fonteney-aux-Roses (там все изменилось, а сад сильно разросся, она засняла домик, где они жили с Максимом) и на улицу, где когда-то жил Николаев (улица почти не изменилась). В Париже Екатерина Павловна с Тимошей застряли на лишний день: жаль было уезжать. Она писала: «Очень многое всколыхнуло пребывание в Париже. <...> Даже газеты эти дни мало читала»[503]. В Лондоне их встретили Мария Игнатьевна и Зося[504]. Зося просила ехать к ней, Мария Игнатьевна предложила отель, поехали к Зосе (где у Екатерины Павловны с Тимошей была одна комната на двоих). В Лондоне они побывали на выставке новых художников. Екатерина Павловна не знала английского, и «без языка» ей было трудно, может быть, поэтому город ей показался странным, и она решила вместо запланированных пяти дней пробыть в Лондоне только три и вернулась в Париж, куда через несколько дней приехали Тимоша и остальные, и они вместе продолжили путешествие. В последние дни, проведенные в Италии, Екатерина Павловна заболела, и Тимоша с Кориным и Урановой ездили без нее, она дожидалась их во Флоренции. В десятых числах июля они вернулись в Москву.

В Париже с Екатериной Павловной встретилась Н. Н. Берберова, интересующаяся масонами и полагавшая, что Екатерина Павловна сможет сообщить ей некоторые сведения. С просьбой узнать, когда Екатерина Павловна приедет и где остановится, Берберова обратилась к Е. Д. Кусковой — ее ответ Берберова частично цитирует в своем документальном романе «Железная женщина»:

«На мое письмо она <Е. Д. Кускова> ответила мне длинным письмом, которое я частью процитирую здесь: “До осени этого го-

---

[502] АГ. ФЕП-рл 8–15–609. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Парижа в Москву, 4–5 июня 1935 г.

[503] АГ. ФЕП-рл 8–15–613. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Лондона в Москву, 12 июня 1935 г.

[504] Лицо не установлено.

да не было случая, чтобы Ек<атерина> Павл<овна> не предупредила нас, что она тут, за границей. Год от года мы с мужем, хорошо ее знающие, стали замечать, что в ее настроении есть что-то ненормальное. Осенью она написала мне письмо, в котором сообщала, что ‘депрессия душевная’ не прошла от пребывания за границей. Это мы и сами увидели, она перепутала все дела, с которыми сама же к нам и обратилась. В декабре к нам в Прагу приезжала наша общая с Е<катериной> П<авловной> приятельница… которая подтвердила, что после смерти Максима Е<катерина> П<авловна> не в себе. …‘Депрессию’ вызвало еще и исключительно подлое поведение Мак<сима> Горького во время похорон Максима…” (Прага, Хребенка, 1258, 27 мая 1935)»[505].

Замечание Екатерины Дмитриевны по поводу поведения М. Горького, скорее всего, было вызвано желанием эмиграции видеть в нем бездушное аморальное чудовище. Что касается «душевной депрессии» Екатерины Павловны, то ей в значительной степени способствовало и то, что к материнскому горю добавлялись неясные подозрения, что Максим умер не случайно (она говорила, что его «убрали», но кто и почему не объясняла).

В архиве Е. Д. Кусковой сохранились два письма Берберовой: одно — с просьбой помочь встретиться с Екатериной Павловной, второе — его мы приводим ниже — написано после этой встречи.

«20 июня 1935 года.

Дорогая Ек<атерина> Дм<итриевна>!

Вы, вероятно, весьма низкого мнения о моей вежливости — я столько времени не отвечала Вам! А между тем письмо Ваше доставило мне большую радость, и первым моим движением было ответить Вам тотчас же. Потом я решила подождать, пока подойдут события — свидание мое с Е<катериной> П<авловной>. Теперь оно состоялось.

Спасибо Вам большое, без Вас, вероятно, я бы не поймала ее. И хотя свидание было вполне безрезультатным, и только — оч<*ень*> волнующим — для обоих — я все-таки оч<ень> рада, что оно состоялось.

---

[505] Берберова Н. Железная женщина // Берберова Н. Н. Чайковский. Железная женщина. Рассказы в изгнании. Набоков и его «Лолита». М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. С. 456.

Е<катерина> П<авловна> сейчас уже уехала. Я видела ее накануне отъезда в Москву, на 2-ой день после ее приезда из Лондона. Там сейчас ее невестка (так называемая “Тимоша”), кот<орую> я, вероятно, тоже повидаю. Но это — в плане лирическом. Надо Вам сказать, что 3 г<ода> моей жизни б<ыли> связаны с нею и с Максимом. Она существо — прелестное, безответственное, доброе и неразумное.

Е<катерина> П<авловна> приняла меня у себя в номере гостиницы, набитом людьми, среди которых я узрела несколько вполне отвратительных мне личностей. Она вышла в коридор и, стоя, поговорила со мной минут пять. Она все время тихо (несколько идиотически) посмеивается и смотрит бегающими, в конец исплаканными глазами. Все это я пишу только для Вас.

Я передала ей Ваш привет. Мне ее было очень жалко. Видимо, она, как и я, думала в ту минуту о прошедшем, когда все было другим; обо мне она не спросила ничего, хотя, вероятно, знает, как у меня за это время переменилась жизнь. Словом, эти пять минут были оч<ень> трудными. <...> Н. Берберова.<...>»[506]

Эту же встречу с Екатериной Павловной Берберова описывает в романе «Железная женщина»:

«Есть в Париже в семнадцатом округе, в тихом его углу, небольшая, тихая, прелестная площадь Сэн-Фердинан и на ней гостиница того же имени. Квартал этот был тогда хоть и элегантен, но скромен и благороден, там бывало пустынно и не было ни рожков автомобилей, ни кричащих вывесок. Я пришла в тихий и тоже как будто пустынный отель и поднялась на второй этаж. Екатерина Павловна открыла мне дверь. У нее — я увидела — были гости: две молодые женщины, одна была жена В. Л. Андреева (мать будущей Ольги Карлейль[507]), другая — ее сестра[508]. Екатерина Павловна не впустила меня, она сказала мне: “Подождите внизу”. И я увидела, как она постарела: смерть Максима тяжело надломила эту твердую, сильную женщину.

---

[506] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 46. Н. Н. Берберова — Е. Д. Кусковой. Из Парижа в Прагу, 20 июня 1935 г.

[507] Ольга Карлейль — журналистка.

[508] Женой В. Л. Андреева была Ольга Викторовна Чернова, ее сестра — Наталья Викторовна Чернова.

Она позвала меня минут через двадцать. Она была одна, и я заметила, что ей очень хочется, чтобы я скорей ушла. Она дала мне позволение видеть Тимошу — Тимоша была еще в Лондоне, вместе со всей их группой: художник Корин (Екатерина Павловна сказала про него: "великий артист", он едет в Париж, чтобы закончить свою копию "Джоконды"), — его брат, художница Уварова[509]… Фамилии остальных я не запомнила. Тимоша ехала с этой группой, чтобы "объяснять им искусство, конечно, только реалистическое", — добавила Екатерина Павловна. Мы поговорили минут пять, и я ушла»[510].

(Роман «Железная женщина» вышел в свет, когда уже не было в живых никого из его героев.)

В июне 1935 года в Париже Екатерине Павловна навестила Ф. И. Шаляпина (это была их последняя встреча). Встречалась она и с Лидией Осиповной Дан.

«Катерину Павловну я видела летом, когда она приезжала в Лондон. До Лондона она была очень неприятна, по-видимому, потому что боялась своих сопровождающих, после Лондона удалось поговорить с ней по душам; в ней не все умерло, есть и много тревоги за возможное грядущее развитие России, очень жалуется она на то, что в нынешнем ГПУ все новые люди, которые ровно ничего не понимают, которым старые имена уже ничего не говорят, какая-нибудь Андреева[511] жалуется порой ей, Пешковой, что новым молодцам имена Гоца или Либера уже ничего не говорят. <…> Смерть ее сына ее совершенно разрушила, от нее осталась только тень человека. Жаль ее очень»[512], — писала Л. О. Дан Е. Д. Кусковой.

В том же июне 1935 года (с 21 по 25 июня) в Париже проходил Международный конгресс писателей в защиту культуры. Горький

---

509 Ошибка памяти Н. Берберовой, надо — Уранова.

510 Берберова Н. Железная женщина // Берберова Н. Н. Чайковский. Железная женщина. Рассказы в изгнании. Набоков и его «Лолита». М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. С. 456–457.

511 Андреева А. А. — следователь ВЧК по делам эсеров, помощник начальника Секретного отдела ГПУ.

512 ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 7–8. Л. О. Дан — Е. Д. Кусковой. Из Парижа в Прагу, 17 декабря 1935 г.

собирался принять в нем участие, но его поездка не состоялась[513]. 23 июня по его приглашению (а также по приглашению советского правительства) в Москву на месяц приехал Ромен Роллан с женой[514]. Алексей Максимович к их приезду вернулся из Тессели и жил в Горках, Р. Роллан с женой у него часто бывали. Екатерина Павловна по возвращении из Европы тоже приезжала в Горки, с Ролланом она общалась без переводчика, так что их разговоры не были доступны окружающим, не знавшим французского языка[515]. Благодаря содействию Роллана был освобожден из ссылки один из подопечных Екатерины Павловны, писатель Виктор Серж[516]. В своей книге «От революции к тоталитаризму» он вспоминал о

---

[513] Приезд Горького на конгресс планировался, его ожидали и Мария Игнатьевна, и не так давно выехавшая из Москвы Н. А. Пешкова. 19 июня 1935 г. во время их встречи в Лондоне Мария Игнатьевна послала Горькому короткое письмо с припиской, сделанной Н. А. Пешковой: «Целую Вас крепко, милый Алекс<ей> Максим<ович>. Очень жалеем, что Вы не приехали, Тимоша» (АГ. Т. XVI. С. 501). Отсутствие Горького на конгрессе объяснялось тем, что он заболел бронхитом. Он направил «Обращение к Конгрессу защиты культуры», которое было прочитано 23 июня на вечернем заседании. По поводу его отсутствия на конгрессе М. И. Будберг писала ему: «А я, как это ни странно, — рада, что Вы не приехали на этот раз. Очень уж это бы Вас утомило, и хотя, конечно, впечатление было бы значительнее и сильнее, но и так, я думаю, Конгресс сделал свое дело в отношении защиты культуры, а сил на “эмигрантов” тратить не стоит» (АГ. Т. XVI. С. 253. М. И. БУДБЕРГ — А. М. ГОРЬКОМУ. После 25 июня 1935, Лондон). Делегатами конгресса были И. Э. Бабель и А. Н. Толстой. Встретилась ли с ними Екатерина Павловна, не известно; Мария Игнатьевна встречалась.

[514] Роллан Мария Павловна (урожд. Кювилье, по первому мужу Кудашева, 1895–1985) — поэтесса и переводчица.

[515] Свои впечатления от поездки в Москву Роллан изложил в «Московском дневнике», опубликованном по его распоряжению лишь 50 лет спустя (на русском языке: Вопросы литературы. 1989. № 3–5).

[516] Виктор Серж, настоящее имя Виктор Львович Кибальчич (1890–1947) — писатель, революционер, мыслитель. До революции был членом партии эсеров, затем присоединился к анархистам. С 1919 г. жил в Советской России, вступил в ВКП(б), работал с Зиновьевым в Коминтерне, в 1928 г. был исключен из партии, в 1933 г. арестован, отбывал ссылку в Оренбурге. Его освобождения добивалась мировая общественность, вопрос о «деле Виктора Сержа» поднял Р. Роллан во время встречи со Сталиным. В апреле 1936 г. Виктор Серж был освобожден и выслан с женой и сыном в Бельгию (см.: ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1143. Л. 37–45; Д. 1446. Л. 67; Д. 1504. Л. 128–164; Д. 1549. Л. 22–29).

Екатерине Павловне: «Год за годом эта худая, печальная женщина с прекрасными серыми глазами, одевавшаяся элегантно и просто, окруженная немногими неутомимыми помощниками, оказывала помощь, посредничество и заступничество жертвам всех волн террора, которые беспрерывно следовали одна за другой. Убежден, никто на свете в этом столетии не соприкасался так близко со столькими несчастьями, фатальностями, злодействами, неотвратимыми или нелепыми трагедиями. Пешкова жила в тайном аду, хранительница бесчисленных секретов, и каждый был смертельным, как злейший яд»[517].

Р. Роллан уехал из СССР 21 июля 1935 года. Вскоре после его отъезда Горький с семьей совершил поездку по Волге — на теплоходе «Максим Горький» они проплыли от города Горького до Астрахани и обратно — по Каме до Чистополя. В Москву он возвратился в конце августа, в конце сентября уехал в Тессели и прожил там безвыездно до 26 мая 1936 года. В декабре 1935 года и в марте 1936 года к нему в Тессели приезжала Мария Игнатьевна.

В октябре 1935 года на могиле Максима был поставлен памятник работы В. И. Мухиной[518]. Екатерина Павловна писала Алек-

---

[517] Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / Пер. с франц. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. М.: НПЦ «Праксис»; Оренбург: Оренбургская книга, 2001. С. 392.

[518] О работе Мухиной над этим памятником в статье Никиты Воронова «Мухина и Горький» рассказывается: «В 1934 году умер Максим Пешков — сын и личный секретарь Горького <...> к Мухиной приехала Екатерина Павловна Пешкова и сказала, что она вместе с Алексеем Максимовичем просят Веру Игнатьевну сделать памятник на могилу Максима. Мухина спросила: — Какой вы хотите памятник? — Сделайте просто камень и на нем барельеф <...> — Почему так бедно? Мухина минуту подумала и сказала: — Возьмем камень, но пусть из него рождается человек. Она сделала небольшой эскиз и через некоторое время вместе с Екатериной Павловной поехала в Горки к Алексею Максимовичу. Он посмотрел и сказал: — Да, хорошо. Мне нравится. — Может изменить что-нибудь? — Нет! Нет! Во время встреч с Алексеем Максимовичем много говорили о Максиме. Раньше, за границей, он был веселым, бесшабашным. <...> Был человеком очень глубоким, но последние два года — мрачным, задумчивым, и на фотографиях он всегда был таким же. Таким и решила его сделать Мухина» (Воронов Никита. Мухина и Горький // Советская культура. 1989. 25 ноября. С. 8; Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 598).

сею Максимовичу: «Сегодня собрались друзья Максима в Новодевичьем. Памятник уже поставлен. Мухина хочет еще несколько подработать его на открытом воздухе, сгладить некоторые угловатости, которые не были заметны при свете мастерской. В общем, удачно вышло у нее. Оч<ень> хороша фигура под сенью дерева»[519]. В Новодевичий Екатерина Павловна ездила очень часто, и памятник ей казался все больше похожим на Максима.

Теперь рядом с могилой Максима находятся могилы Марии Александровны, Екатерины Павловны и Тимоши. Воля Алексея Максимовича, который просил захоронить его рядом с сыном, исполнена не была — по постановлению ЦК ВКП(б) тело его было кремировано, а урна с прахом помещена в Кремлевскую стену.

Умер Алексей Максимович 18 июня 1936 года — спустя три недели после своего возвращения из Тессели в Москву[520]. О. Д. Черткова рассказала об этих днях:

«А<лексей> М<аксимович> приехал из Тессели 1-го июня. Девочки болели гриппом. Его к ним не пускали, но он все же к ним тайком прорвался. На другой день поехали в Горки. По пути заезжали на кладбище. — А<лексей> М<аксимович> еще не видел памятника на могиле Максима. Осмотрел, хотел повидать памятник Аллилуевой. Был холодный ветер. К<рючков> отговаривал А<лексея> М<аксимовича> — “после посмотрим”. А<лексей> М<аксимович> — настаивал. Я тоже стала отговаривать. “Чорт с вами — поедемте”. <...> Вечером в Горках увидела, что А<лексею> М<аксимови>чу не по себе. Поставила градусник — 37,1. Так началась болезнь. С каждым днем все хуже. <...> Приезжало начальство (Сталин?), распорядилось, чтобы пригласили кремлевских докторов. Было их человек 17. <...> Доктора жили в Горках. Совещались внизу в кабинете, за круглым столом. <...> Жили в Горках: Тимоша, Соловей, К<рючк>ов, М<ария> Иг<натьевна>, Катерина Павловна. Меня А<лексей> М<аксимович> не отпускал ни на минуту. Спала много час-два в сутки. <...>

---

[519] Е. П. Пешкова — А. М. Горькому. 18 окт. 1935. АГ // Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 598.

[520] Алексей Максимович приехал из Тессели в Москву 28 мая и остановился на М. Никитской.

12-го[521] ему стало совсем плохо. Он сидел в кресле понурившись, молчал и как будто уже никого не видел. Все домашние собрались в его спальной. М<ария> И<гнатьевна> сидела рядом с ним, вся в черном. Позади стояли Тимоша, Соловей, К<рючк>ов, Катер<ина> Павл<овна>. Внизу в столовой сидели: Сталин, Ворошилов, Молотов. Доктора отказались от лечения, считали положение безнадежным. Я вспомнила, как в Сорренто спасли А<лексея> М<аксимовича>, впрыснув ему большую, недозволенную дозу камфары (20 кубиков). Я пошла к Левину и сказала: “Разрешите мне вспрыснуть камфару 20 кубиков, раз все равно положение безнадежное”. — Без их разрешения я боялась. Левин посовещался с врачами, сказал: “делайте, что хотите”. Я впрыснула ему камфару. Он открыл глаза и улыбнулся: “Чего это вы тут собрались? Хоронить меня собираетесь, что ли?” В это время вошел Сталин и др. А<лексей> М<аксимович> говорил с ними, как здоровый, о книжке История гражданской войны. Смеялся. Был как здоровый.

Сталин уговаривал его — много не говорить. “Ничего, я хорошо себя чувствую”. Сталин попросил принести шампанского. В дверях в кабинет он спросил К<рючко>ва — “А кто это сидит рядом с А<лексеем> М<аксимовичем> в черном? Монашка, что ли?” К<рючк>ов объяснил, что это М<ария> И<гнатьевна>. — “Свечки только в руках не хватает”, — сказал Сталин. А про меня спросил — кто такая? К<рючк>ов объяснил, что я за А<лексеем> М<аксимовичем> ухаживаю. “Всех — отсюда вон, — сказал С<тал>ин, — кроме этой, ‘в белом’ (я была в белом халате), что за ним ухаживает”. Принесли шампанское. Они чокнулись с А<лексеем> М<аксимовичем> — “Вам, пожалуй, лучше не пить”, — сказал С<тали>н А<лексею> М<аксимови>чу. Тот только пригубил. <...>

Дальше пошло то хуже, то лучше. День лучше, день хуже. <...>

16-го[522] мне сказали доктора, что начался отек легких. <...> Больше он в сознание не приходил. Последнюю ночь была сильная гроза. У него началась агония. Собрались все близкие… Все время давали ему кислород. За ночь дали 300 мешков с кислородом.

[521] Ошибка памяти — это было 8 июня.

[522] Ошибка памяти: следует — 17-го.

Передавали конвейером прямо с грузовика, по лестнице, в спальню. Умер тихо. Только задыхался. Вскрытие производили в спальне, вот на этом столе. Приглашали меня. Я не пошла. Чтобы я пошла смотреть, как его будут потрошить?

Оказалось, что у него плевра — приросла, как корсет. И когда ее отдирали — она ломалась, до того обызвествковалась. Недаром, когда его, бывало, брала за бока, он говорил: “Не тронь, мне больно!”»[523]

«Чудо возврата к жизни», происшедшее благодаря камфаре, впрыснутой О. Д. Чертковой, поразило Екатерину Павловну. Вернувшись из Горок в Барвиху, она рассказала о случившемся Вере Николаевне Кольберг, которая записала рассказ Екатерины Павловны. В последующие годы Екатерина Павловна несколько раз редактировала эту запись. В сборнике «Вокруг смерти Горького» представлен следующий вариант:

«**Из воспоминаний Е. П. Пешковой.**

Записано В. Н. Кольберг с моих слов, когда я, приехав из Горок в Барвиху, рассказала об этом чуде возврата к жизни. Переписано мною 16/II–39. Е. П.

8/VI. 6 ч<асов> вечера.

Состояние А<лексея> М<аксимовича> настолько ухудшилось, что врачи, потерявшие надежду, предупредили нас, что близкий конец неизбежен и их дальнейшее вмешательство бесполезно. А<лексей> М<аксимович> — в кресле с закрытыми глазами, с поникшей головой, опираясь то на одну, то на другую руку, прижатую к виску, и опираясь локтем на ручку кресла. Пульс еле заметный, неровный, дыханье слабело, лицо и уши и конечности рук посинели. Через некоторое время, как вошли мы, — началась икота, беспокойные движения руками, которыми он точно что-то отодвигал или снимал что-то.

Врачи, считая дальнейшее присутствие свое бесполезным, один за другим тихонько вышли. Около А<лексея> М<аксимовича> остались только близкие — Ек<атерина> П<авловна>, Мар<ия> Игн<атьевна>, Тимоша, Липа, П<етр> П<етрович> К<рючков> и Соловей.

---

[523] Рассказ Л<ипы> // Вокруг смерти Горького. С. 79.

Е<катерина> П<авловна>, напряженно думавшая все время: неужели он уже больше никогда не откроет глаза, встала со своего места справа от кресла, обошла сзади вокруг его кресла и опустилась на скамеечку у его ног. Е<катерина> П<авловна> оч<ень> четко спросила: “Не нужно ли тебе чего-ниб<удь>?”

Окружающие с неодобрением отнеслись к этому вопросу. Всем казалось, что это молчание нельзя нарушать.

После продолжительной паузы А<лексей> М<аксимович> открыл глаза, выражение которых было отсутствующим и далеким и, точно просыпаясь, медленно обвел всех взглядом, останавливая его подолгу на каждом из нас, и с трудом, глухо, но раздельно каким-то странно чужим голосом произнес: “Я был так далеко… откуда так трудно возвращаться”. — И опять впал в прежнее состояние забытья, поникнул головой, но уже не было судорожных движений рук, и прекратилась икота.

Липа предложила сделать укол камфары, он не открыл глаз и только отрицательно покачал головой. (Укол все же был сделан.)

Через некоторое время Ал<ексей> М<аксимович> поднял голову, снова открыл глаза, причем выражение лица его необычайно изменилось. Оно просветлело, стало таким, как бывало в лучшие минуты его жизни. Он опять подолгу посмотрел на каждого и сказал: “Как хорошо, что все свои, все свои люди”.

Над<ежда> Ал<ексеевна> села рядом с ним, налево от него, и взяла его за руку, он освободил свою руку и прикрыл своею рукой руку Тимоши. Потом посмотрел на всех и сказал: “Тимоша и Петр Петров<ич>, останьтесь”.

Думая, что он хочет что-ниб<удь> сказать им отдельно, Е<катерина> П<авловна> и другие хотели уйти, но он покачал головой и сделал знак, чтобы остались. Он молчал.

Состояние его заметно менялось, взгляд переставал быть затуманенным и далеким, жуткая синева лица и рук сбегала и сошла. Казалось, что каким-то сверхъестественным усилием воли Ал<ексей> М<аксимович> возвращал себя к жизни.

Решили настаивать на впрыскиваниях камфары. Когда Липа об этом сказала, А<лексей> М<аксимович> покачал головой и произнес оч<ень> спокойно и твердо: “Не надо, надо кончить”.

В это время вошел, выходивший перед тем, П. П. Кр<ючков> и сказал: “Только что звонили по телефону — Сталин справляется, можно ли ему и Молотову к Вам приехать?” Улыбка промелькнула на лице А<лексея> М<аксимовича>, он ответил: “Пусть едут… если еще успеют”…

Потом вошел А. Д. Сперанский со словами: “Ну вот, А<лексей> М<аксимович>, Сталин и Молотов уже выехали, и, кажется, Ворошилов с ними. Теперь уже я настаиваю на уколе камфары, т<ак> к<ак> без этого у Вас не хватит сил для разговора с ними”.

А<лексей> М<аксимович> сказал: “И Ворошилов… Это хорошо!” — И потом продолжал: “Вот нас тут четверо (он, Сперанский, Мар<ия> Игн<атьевна>, Липа, — Е<катерина> П<авловна> с Тимошей и Соловьем отошли от кресла в сторону камина) — давайте голосовать, нужно ли делать впрыскивание?”

Конечно, голосовали “за”, и оно было сделано.

Приехали Сталин, Молотов, Ворошилов. Когда они вошли, А<лексей> М<аксимович> уже настолько пришел в себя, что сразу же заговорил о литературе. Говорил о новой французской литературе, о литературе народностей. Начал хвалить наших женщин-писательниц, упомянул Анну Караваеву — и сколько их, сколько у нас еще таких появится, всех надо поддержать. Те отвечали: “О деле поговорим, когда поправитесь”.

“Ведь сколько работы”, — сказ<ал> А<лексей> М<аксимович>.

Сталин сказ<ал>: “Вот видите, а Вы… работы много, а Вы надумали болеть, поправляйтесь скорее. А б<ыть> м<ожет>, в доме найдется вино, мы бы выпили за В<аше> здоровье по стаканчику”. Принесли вино. Все выпили. Ворошилов поцеловал Ал<ексею> М<аксимовичу> руку или в плечо. Ал<ексей> М<аксимович> радостно улыбался, с любовью смотрел на них. Быстро ушли. Уходя, в дверях помахали ему руками. Когда они вышли, А<лексей> М<аксимович> сказал: “Какие хорошие ребята! Сколько в них силы!”»[524]

По этому тексту воспоминаний, отредактированному Екатериной Павловной уже после процесса над «правотроцкистским бло-

[524] Из воспоминаний Е. П. Пешковой // Вокруг смерти Горького. С. 70–72.

ком», нельзя понять, поверила ли она в то, что Горький был убит (отравлен)[525].

Рассказ О. Д. Чертковой был записан А. Н. Тихоновым 8 июля 1945 года. Вот что пишет о нем горьковед Л. Н. Смирнова: «В 1945 году не было в живых Ягоды, “врагов народа” — Крючкова и трех врачей, Будберг была persona non grata… но ни о ком из них Черткова не сказала как о виновнике смерти писателя, даже намека на это нет в ее рассказе. Опасаться чего-либо не было никаких оснований, — Тихонов делал записи не для публикации, а для истории»[526]. О. Д. Черткова была человеком, лично преданным Алексею Максимовичу, а также Марии Федоровне Андреевой, к Екатерине Павловне и тем более к Марии Игнатьевне она относилась недоброжелательно. На вопрос Тихонова о завещании А. М. Горького, согласно которому М. И. Будберг получала до конца своих дней гонорары за публикацию его произведений за рубежом, О. Д. Черткова ответила:

«Когда писалось завещание — не знаю. При мне не писалось, и разговора не было. Может быть, когда я отдыхала, хотя я была все время при А<лексее> М<аксимовиче>. Написано оно было рукою М<арии> И<гнатьевны> <Будберг>, — только подпись А<лексея> М<аксимовича>. Я сама его читала. К<атерина> П<авловна> взялась передать его С<тали>ну. Письмо было запечатано. Во время похорон, когда прах А<лексея> М<аксимовича> переносили и замуровывали в кремлевскую стену, К<атерина> П<авловна> подала письмо С<тали>ну, но он от него отмахнулся и письма не взял. Она передала его другому, кажется, Ворошилову»[527].

---

[525] «В 1936 г. никто не сомневался, что смерть писателя была естественной. Это подтверждалось медицинской документацией (за подписями авторитетных лечащих врачей), которая тогда же публиковалась в центральной прессе. Но уже в 1938 г. на процессе по делу так называемого «правотроцкистского блока» обвинение в убийстве Горького было предъявлено Н. И. Бухарину, А. И. Рыкову, Г. Г. Ягоде, П. П. Крючкову и лечащим врачам Л. Г. Левину и Д. Д. Плетневу, действовавшим якобы по распоряжению Л. Троцкого. Именно на этом процессе <...> родилась версия о “врачах-убийцах”, которая держалась полвека, когда все обвиняемые, за исключением Ягоды, были реабилитированы» (Вокруг смерти Горького. С. 5).

[526] Смирнова Л. Н. MEMENTO MORI // Вокруг смерти Горького. С. 320.

[527] Рассказ Л<ипы> // Вокруг смерти Горького. С. 84.

И дальше — о Екатерине Павловне и Сталине: «Накануне похорон К<атерина> П<авловна> звонила С<тали>ну, просила: нельзя ли прах А<лексея> М<аксимовича> разделить на две части — одну отдать ей[528], другую похоронить. Он повесил трубку и не стал с ней разговаривать»[529].

18 июня Александр Воскресенский (Шурка) записал в своем дневнике:

«18 июня 1936 г.

Сегодня умер незабвенный Алексей Максимович. Его не стало в 11 ч.–30 м. утра. Величайшее горе свалилось на головы всех трудящихся. Умер величайший мастер слова, замечательный человек, друг всех трудящихся. Умер тот, чья жизнь была посвящена человечеству, освобождающемуся от гнета кучки негодяев. От всего сердца, вместе со всеми нашими домашними скорблю по поводу смерти А. Максимовича. Пусть внешне этого не видно, но внутренне я со всеми. Глубочайше скорблю вместе с Дорогой мне и любимой мною Екатериной Павловной. Пусть любовь моя к ней не проявляется, но я всегда любил ее. Пусть знает она, что я в любой момент готов жертвовать всем, чтобы ей было хорошо.

Похороны Алексея Максимовича состоятся 20-го в 6 час<ов> вечера на Красной Площади»[530].

Урна с прахом Горького была захоронена в Кремлевской стене 20 июня.

7 июля Вера Николаевна Фигнер отмечала свой день рождения[531], Екатерина Павловна не поехала поздравить ее, но послала записку, сохраненную В. Н. Фигнер:

«Милая Вера Николаевна. Спасибо за Ваши строчки. Да, жизнь не очень милостива ко мне. Не еду сегодня к Вам, но крепко и нежно Вас обнимаю. Опять состояние такое, что не могу

---

528 Екатерина Павловна хотела захоронить хоть часть праха Алексея Максимовича в могиле сына.

529 Рассказ Л<ипы> // Вокруг смерти Горького. С. 84.

530 Дневник А. Воскресенского. Тетрадь 2-я.

531 В. Н. Фигнер родилась 25 июня (7 июля) 1852 г.

владеть собой, когда много людей, и потому не могу бывать на Кузнецком.

Ваша Ек<атерина> П<ешкова>. 7 июля 1936 г.

Посылаю Вам чай. Е. П.»[532]

В ПОМПОЛИТе с середины 1933 года количество работы начало несколько уменьшаться[533], но после убийства Кирова ситуация кардинально изменилась. С. М. Киров был убит в Ленинграде 1 декабря 1934 года. Вечером этого же дня был издан указ о введении ускоренной судебной процедуры и о немедленном приведении в исполнение смертных приговоров. В течение нескольких дней в Ленинграде, Москве и Киеве были расстреляны без суда большое число «белогвардейцев» и политических заключенных и началось уничтожение всех, включая потенциальных, противников сталинского режима[534]. В мае 1935 года было распущено Общест-

[532] РГАЛИ. Ф. 1185 Оп 1. Ед. хр. № 652. Л. 4–6.

[533] 8 мая 1933 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР была принята инструкция «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения», в связи с этим количество новых репрессий сократилось, и даже началась кампания амнистий.

[534] НКВД под руководством Сталина и при его непосредственном участии сфабриковал два дела: «Ленинградского центра», обвиняемого в убийстве Кирова, и «Московского центра», обвиняемого в соучастии в этом убийстве. Процесс по делу «Ленинградского центра» состоялся 29 декабря 1934 г., и все подсудимые (всего 14 человек) были приговорены к расстрелу. По делу «Московского центра» 16 декабря 1934 г. были арестованы Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и другие политические противники Сталина. На закрытом процессе, состоявшемся 15–16 января 1935 г., они (всего 19 человек) были осуждены к лишению свободы на сроки от пяти до десяти лет. Сфальсифицированные материалы по делам «Ленинградского» и «Московского» центров были использованы с целью представить бывшую зиновьевскую оппозицию как антисоветскую организацию, вставшую на террористический путь борьбы против советской власти. Спустя полтора года, 19–24 августа 1936 г., состоялся открытый процесс (первый), т. н. «процесс 16-ти» (в их числе Зиновьев, Каменев), на котором подсудимые обвинялись в создании «террористического троцкистско-зиновьевского центра», в участии в убийстве Кирова, в подготовке заговора против Сталина и др. руководителей партии и государства. Все обвиняемые были приговорены к смертной казни и расстреляны 25 августа 1936 г.

во старых большевиков, выступавшее против арестов «оппозиционеров», в июле 1935 года — Общество бывших политссыльных и каторжан; вскоре многие члены этих Обществ были арестованы. С начала 1935 года началась новая волна арестов и высылок. Из Ленинграда и области выселялись оставшиеся «буржуазные элементы», представители дворянства и духовенства (несколько десятков тысяч человек)[535]. Их письма с просьбами о помощи приходили в ПОМПОЛИТ в огромном количестве.

Среди высланных за сословную принадлежность были создатели Красной армии, участники решающих боев Гражданской войны, организаторы и активные работники советской науки, промышленности, сельского хозяйства, некоторые из них преследовались в царское время за революционную деятельность. Они просили ПОМПОЛИТ ходатайствовать перед органами об отмене приговоров, доказывая, что не являются врагами советской власти, а, наоборот, способствовали победе революции и становлению Советского государства. Морально высылка была особенно тяжела для молодых людей, выросших при советской власти, учившихся в советской школе, воспитанных на революционных идеалах служения стране и народу и потерявших право считаться полноправными гражданами своей родины. Физически было трудно выжить подавляющему большинству: пенсионеры при высылке автоматически лишались пенсии; с работой было проблематично, так как у прибывших в место ссылки отбирались паспорта, а без паспорта на работу не принимали, и, кроме того, высланные, как правило, имели интеллигентные профессии, востребованные в очень ограниченном количестве; многие немолодые люди были больны, а в местах ссылки далеко не всегда можно было получить квалифицированную медицинскую помощь.

Чем мог помочь ПОМПОЛИТ (то есть Екатерина Павловна и Михаил Львович)? Иногда удавалось добиться пересмотра дел осужденных (однако положительное решение — освобождение, или замена заключения в концлагере на ссылку, или отмена высылки, или сокращение срока наказания и др. — было нечастым).

---

[535] 27 февраля 1935 г. УНКВД по Ленинграду и области издало циркуляр «О выселении контрреволюционных элементов из Ленинграда и пригородных районов».

В основном ПОМПОЛИТ помогал получить: отсрочку на выезд в ссылку; разрешение на переезд в другое место ссылки (где есть работа по специальности, или живут родные, или более подходящий климат и пр.); перевод на работу по специальности для заключенных в концлагере или разрешение на работу по специальности (например, учителя) для ссыльных; паспорт по месту административной высылки; разрешение на поездку в город, где имелось соответствующее медицинское учреждение, для операции или лечения и временную прописку в городе на время лечения; освобождение из заключения и ссылки в случае смертельной или трудно излечимой болезни; прописку в родном городе по возвращении из ссылки и т. п. С начала 1936 года хлопоты ПОМПОЛИТа по поводу высланной молодежи нередко оказывались плодотворными, способствовали этому субъективный и объективный факторы. В декабре 1935 года Сталин произнес слова «Сын за отца не отвечает»[536], которые были широко растиражированы советской прессой, а 30 декабря 1935 года им был подписан указ об отмене ограничений по социальному признаку для поступающих в вузы и техникумы (стране требовались специалисты). Теперь ПОМПОЛИТу удавалось (далеко не всегда) получить для некоторых — разрешение возвратиться в родной город, чтобы продолжить прерванное высылкой образование, для других — направление на работу на важнейшие стройки (в частности, на строительство канала Москва — Волга), куда многие стремились попасть, чтобы участвовать в строительстве социализма и работой искупить свою вину за непролетарское происхождение.

Шли годы второй пятилетки (1933–1937). Страна достигла больших успехов в экономике, продолжалась индустриализация, завершалась коллективизация, в связи с большим строительством было покончено с безработицей. Жизненный уровень населения возрастал, в 1935 году была отменена карточная сис-

[536] Эти слова Сталин произнес 1 декабря 1935 г. на совещании передовых комбайнеров, отвечая на выступление одного из участников совещания, сказавшего: «Хоть я и сын кулака, но я буду честно бороться за дело рабочих и крестьян» (Правда. 1935. 4 декабря). Советские газеты широко растиражировали этот ответ Сталина.

тема[537]. Осенью 1935 года в стране началось стахановское движение[538]; на 1-м Всесоюзном совещании стахановцев Сталин выступил с речью, в которой сказал: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». Эта фраза стала крылатой на все довоенные годы. 5 декабря 1936 года на 8-м Чрезвычайном съезде Советов была принята новая конституция, она была разработана под руководством Н. И. Бухарина, но получила название «сталинской». В ней больше не содержалось ограничений избирательного права и гарантировалась свобода личности, а также подтверждались руководящая роль партии, плановый характер экономики и коллективизация сельского хозяйства. Широкая пропагандистская кампания прославляла конституцию — «самую демократичную в мире» (по словам Сталина), но… в стране (первом в мире социалистическом государстве) воцарялась атмосфера террора. Она распространялась не только на партийных деятелей, выступавших или подозреваемых в том, что они могут выступить с критикой Сталина, но и на весь советский народ. Любой гражданин мог быть обвинен как «контрреволюционер», «саботажник», «предатель» или «шпион», каждый мог быть арестован и осужден практически без суда на высылку, концлагерь или смерть. Число нуждавшихся в помощи ПОМПОЛИТа росло, но он уже не был в состоянии помочь: «оказать Вам содействие не можем, так как вопрос о получении пенсии не входит в нашу компетенцию», «оказать Вам содействие не можем, так как вопрос предоставления работы не входит в нашу компетенцию»; «оказать материальную помощь за отсутствием средств не имеем возможности», «возбудить ходатайство по В/делу не можем (нецелесообразно), так как шансов на успех нет».

---

[537] 1 января 1935 г. были отменены карточки на хлеб и муку, 1 октября — карточки на мясо, жиры, рыбу, сахар, картофель. При этом в сентябре в городах была упразднена потребительская кооперация и оставлены только государственные магазины, т. е. возрастала зависимость людей от государства.

[538] В ночь с 30 на 31 августа 1935 г. А. Стаханов, шахтер донецкой шахты Ирмино, добыл 102 т угля (в 14 раз превысив норму). Это достижение означало начало стахановского движения, позволившего вводить более высокие нормы выработки.

ЗАКРЫТИЕ БЮРО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛЬСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА В СССР. АРЕСТ М. Л. ВИНАВЕРА. ОТКРЫТЫЙ ПРОЦЕСС «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВОЦЕНТРИСТСКОГО БЛОКА». ПРЕКРАЩЕНИЕ РАБОТЫ ПОМПОЛИТА. 1937–1938 гг.

С 1 апреля 1937 года прекратили работу Бюро Уполномоченных Польского и Российского Красных Крестов, их судьба была решена правительствами Польши и СССР. Предложение закрыть Бюро исходило от польского правительства (польские правые организации активно возражали против работы Ст. Семполовской), советское правительство поддержало это предложение.

В марте 1937 года Екатерина Павловна отправила письмо в Главный Комитет Польского Красного Креста:

«17.III.37 г.

В Главный Комитет Польского Красного Креста.

Варшава.

Я получила вчера Ваше письмо по поводу ликвидации работы Бюро в Москве с приглашением приехать в Варшаву.

Ведь невозможно говорить о продолжении работы представительства Польского Красного Креста здесь, раз власти решили порвать соглашения об этой работе.

Предо мной теперь лежит очень трудная работа: к 1/IV — с<его> г<ода> ликвидировать активную работу Креста — по выездам, по рассылке продуктовой и вещевой помощи.

Все это сделать в столь короткий срок очень трудно, и я не могу отлучиться теперь из Москвы ни на один день.

Наш маленький аппарат работает ежедневно сверхурочно в 2 смены. Кроме того приглашена дополнительная упаковщица.

Закончить активную работу очень хочу к 1/IV, раз моя работа в качестве делегата Польского Красного Креста признана больше ненужной.

У меня, разумеется, нет мысли, что Главный Комитет Польского Красного Креста солидарен с этим решением, но ведь он не может его изменить. Ввиду этого переговоры со мной, я думаю, не так спешны. С 1/IV— с<его> г<ода> я закончу работу по отчетно-

сти за 1936 год, которую пришлось прервать, и сделаем дополнительный отчет за 1937 г<од>. Только по окончании этой работы, окончив ликвидацию вещей и квартиры, я смогу выехать. Думаю, что это может быть не раньше, чем во второй половине, а вернее, в конце апреля или начале мая.

Вы, конечно, понимаете, как тяжело ликвидировать работу, с которой сжилась за столь долгий срок, с 1920 <года по> — 1937 <год>. Очень тяжело оставлять без опеки, к которой привыкло такое множество людей. Очень жаль, что самый принцип представительства Польского Общества Красного Креста — «Русской», а Российского Об<щест>ва Красного Креста — «Польской» <стороной>, который был как бы символом интернациональности гуманитарной работы помощи человеку, теперь будет бездействовать.

Уполномоченный Польского Красного Креста в СССР»[539].

Сожаление о закрытии представительств — «символе интернациональной гуманитарной работы помощи человеку» — Екатерина Павловна выражала и позже в письме, написанном ею в Главный Комитет Польского Красного Креста в январе 1938 года: «После извещений о ликвидации нашей работы, которые приходилось делать отдельным лицам в ответ на их обращения о различного рода помощи, стали получаться от наших подопечных полные отчаяния письма. То же приходилось слышать и от приходящих в Бюро людей, из чего мы ясно могли вывести заключение, что необходимость нашей работы не изжита.

Заставляет меня выразить большое сожаление о прекращении работы и то, что такая прекрасная мысль об оказании помощи Представительства Российского Об<щест>ва Красного Креста в Польше польскими гражданами, а в СССР от Польского Креста гражданам советским, больше не существует»[540].

По-видимому, ни Екатерина Павловна, ни Стефания Семполовская не предполагали, что их деятельность будет прекращена. Екатерина Павловна осенью (как и все годы работы в Польском Красном Кресте) 1936 года приезжала в Варшаву, к ней на прием приходило много людей, среди них были и те, кто хотел вернуться

[539] ГА РФ. Ф. Р-8406. Оп. 3. Д. 6. Л. 10–10 об.
[540] Там же. Л. 21.

в Россию. Речь о закрытии Бюро не шла, но когда оказалось, что оно закрывается, Екатерина Павловна захотела как можно скорее разделаться с его ликвидацией: она чувствовала себя страшно усталой «от всего». В письмах к М. К. Николаеву, отдыхавшему в мае 1937 года в Крыму, она жаловалась на невероятное количество «не очень приятных дел», на усталость, которую испытывала постоянно (она приезжала в Кривоколенный уже усталой). Из письма в письмо: «Я устала, устала»[541]; «Живется не хорошо. <...> Я очень устала. Иногда, ложась и перебирая день, удивляюсь, как можно за один день столько пережить и переволноваться»[542]; «Нехорошо и неспокойно на душе. <...> Невозможно устала»[543].

Процесс ликвидации Бюро затягивался, его активная работа была закончена 1 апреля 1937 года, но дела, связанные с ликвидацией квартиры и имущества, сдачей архива[544], составлением отче-

---

[541] АГ. ФЕП-рл 8–15–662. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Коктебель, 24 мая 1937 г.

[542] Там же. 8–15–663. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Коктебель, 26 мая 1937 г.

[543] Там же. 8–15–664. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву. Из Москвы в Коктебель, 28 мая 1937 г.

[544] Архив Бюро Польского Красного Креста в СССР по соглашению с НКИД СССР должен был остаться в Москве и сдан в одно из архивохранилищ (по выбору Екатерины Павловны). Центроархив, с которым Екатерина Павловна вела переговоры при содействии НКИД, согласился принять архив Бюро при условии приведения его в порядок. После переговоров с представителем Польского Красного Креста Блажкевичем эта возможность была обеспечена. Более полугода научные сотрудники Центроархива ежедневно работали, систематизируя дела Бюро (было сшито около 6000 дел). Архив Бюро был сдан в государственный Центроархив с указанием о 30-летней неприкосновенности. Польский Красный Крест в Варшаве был заинтересован в получении архива московского Бюро (т. к. у него не было сведений о людях, которым оказывалась помощь в СССР), для этого польская сторона должна была договориться с советской, но этого не произошло. Архив Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в СССР был засекречен до начала девяностых годов XX века. В настоящее время он хранится в ГА РФ и доступен исследователям.
Судьба архива Ст. Семполовской нам неизвестна. Во время своего пребывания в Москве летом 1937 г. Семполовская сообщила Екатерине Павловне, что передаст архив своего Бюро в Архив Социального музея, опечатав его на 35 лет. В октябре 1937 г. выяснилось, что она свой архив никуда не передала. Официально Екатерине Павловне было заявлено, что архив Бюро Уполномоченного РОКК остается в Варшаве.

тов по проделанной работе, длились еще почти год. Последнее письмо Екатерины Павловны (копия) в Главный Комитет Польского Красного Креста, сохраненное в архиве ее Бюро, датировано 3 февраля 1938 года:

«ПОЛЬСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ
БЮРО УПОЛНОМОЧЕННОГО В С.С.С.Р.
МОСКВА КРИВОКОЛЕННЫЙ ПЕР., 8.
3/II 38 г. *Копия.*

В Главный Комитет Польского Красного Креста, Варшава.

Получила Ваше письмо от 20.I. с<его> г<ода>.

Разумеется, и мне очень жаль, что люди, которые пользовались помощью от Бюро Польского Красного Креста в СССР — лишены теперь этой помощи. Ведь многих из них я видела и знаю, как им трудно обойтись без поддержки Креста.

Сегодня передаю в Консульство для пересылки Вам заключительный отчет. Пояснение к нему надеюсь дать лично, когда смогу приехать в Варшаву. Если будут какие-либо срочные вопросы в связи с отчетом, прошу запросить меня письмом.

Уполномоченный Польского Красного Креста в СССР»[545].

В августе 1937 года в жизни Екатерины Павловны произошла еще одна большая беда: по обвинению в шпионаже был арестован Михаил Львович Винавер. Он был сподвижником и бессменным помощником Екатерины Павловны в ее краснокрестной работе, одна справиться с такой немыслимой нагрузкой она просто не могла. О Михаиле Львовиче мы знаем, к сожалению, немного.

Михаил Львович ВИНАВЕР (1880–1942?) родился в Варшаве в еврейской семье. Его отец Лев Герцевич Винавер, врач по образованию, с 1883 года жил во Франции. Его дядя Максим Моисеевич Винавер — один из основателей кадетской партии.

М. Л. Винавер окончил варшавскую гимназию с золотой медалью. Высшее образование (инженер-технолог) получил в Бельгии. В 1898 году вступил в БУНД, состоял его членом фактиче-

[545] ГА РФ. Ф. Р-8406. Оп. 3. Д. 6. Л. 24.

ски до 1900 года, формально вышел из его рядов в 1918 году. В 1911 году переехал из Варшавы в Москву, до 1918 года служил инженером (одно время — в Москоммуне). У нас нет сведений о том, получил ли он юридическое образование, но многие люди, обращавшиеся за помощью в ПОМПОЛИТ, воспринимали его как юриста. Он принимал участие в организации Лиги спасения детей (был одним из 7 человек, подписавших подлинник устава Лиги); принимал участие в создании МПКК и был одним из его учредителей. В январе 1918 года от его лица письмо с предложением создать в Москве политический Красный Крест было направлено народному комиссару юстиции И. З. Штейнбергу. Михаил Львович был заместителем председателя МПКК, а затем заместителем Екатерины Павловны по работе в Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста и в ПОМПОЛИТе. После 1917 года он арестовывался несколько раз и вскоре после ареста освобождался. В 1926 году он принял польское гражданство. Его жена Елена Германовна Винавер была польской подданной.

3 августа 1937 года Михаил Львович был арестован в деревне Козы Судакского района Крымской АССР, где отдыхал вместе с женой. Он обвинялся в шпионаже в пользу Польши, виновным себя не признал[546]. Решением военного трибунала Московского военного округа от 29 июня 1939 года был приговорен по ст. 58–6 к 10 годам ИТЛ. По сведениям ГИЦ МВД РФ, М. Л. Винавер в на-

[546] Обвинительное заключение ему было предъявлено лишь 31 декабря 1938 г. За время столь длительного следствия М. Л. Винавер никого не оговорил и виновным себя не признал (это удавалось немногим). К. Видре, знакомившаяся со следственным делом М. Л. Винавера, по поводу этого следствия написала следующее: «В то время (после февральско-мартовского пленума ЦК) применение силовых приемов (то бишь пыток) было легализовано. Следствие по делу Винавера продолжалось год и четыре месяца. Так вот. За все время следствия Винавер не оговорил ни одного человека! А силовые приемы к нему применяли. В справке о реабилитации Винавера сообщается, что бывший следователь ГУГБ НКВД СССР Маклаков, расследовавший его дело, за нарушение соцзаконности уволен из органов НКВД, а Кобулов, “принимавший участие в расследовании настоящего уголовного дела, за нарушение соцзаконности осужден”» (Видре К. Хочу спасти от забвения // Звезда. 2002. № 3. С. 179–190).

чале 1942 года был освобожден из лагеря по амнистии как польский подданный, 29 сентября 1942 года скончался[547]. (По другим сведениям: в 1943 году по его просьбе был направлен в армию В. Андерса, формировавшуюся на территории СССР, и, заболев, умер в дороге). Реабилитирован 18 октября 1991 года решением Главной военной прокуратуры. (По другим сведениям — 7 февраля 1992 года.)

Михаил Львович не выступал против советской власти. Он полагал, что для России важнейшими задачами являются улучшение ее экономического положения, рост промышленности и сельского хозяйства, считал, что «политика все-таки идет следом за экономикой»[548], и был склонен соглашаться с тем, что именно большевистский путь сделает Россию процветающей страной. Он старался понять и принять логику действия советских властей, верил в преступления, инкриминируемые подсудимым на политических процессах, и, по-видимому, думал, что действия властей продиктованы не внутрипартийной борьбой и отсутствием демократии, а исторической целесообразностью. Улучшение жизни в стране по сравнению с годами войн и революции он оценивал как результат политики большевиков. Он возражал Е. Д. Кусковой, видевшей в ином свете происходившее в Советском Союзе: «Вы обобщаете отдельные скверные факты и перестаете видеть тогда и огромный культурный сдвиг и тот большой темп поднятия культурн<ого> уровня жизни, успокоения, веселия, большей беззаботности, веры в хорошее ближайшее будущее, которое видим мы, живущие там»[549].

«Как этот человек жестоко наказан за свой оптимизм!»[550] — так по поводу ареста Михаила Львовича высказалась Лидия Осиповна Дан. О его дальнейшей судьбе она писала: «О бедном Ми-

---

[547] «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 4-е. М.: Звенья, 2007. Сост. Международный Мемориал, 2007.

[548] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 26. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Берлин, 1 февраля 1923 г.

[549] Там же. Л. 130. М. Л. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 15 января 1935 г.

[550] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 2. Л. О. Дан — Е. Д. Кусковой. Из Парижа в Прагу, 27 октября 1938 г.

хаиле Львовиче сообщают, что он получил приговор — 25 /!!/ лет концлагеря и уже отослан в Ногаев, это где-то на берегу Охотского моря, за полярным кругом, оттуда строят дорогу на Верхне-Колымск… Это, конечно, плохо замаскированный смертный приговор. Обвинялся он в шпионаже в пользу Польши, а вся его краснокрестовская деятельность рассматривается как камуфляж»[551]. Это письмо написано в октябре 1938 года, когда приговор Михаилу Львовичу еще не был вынесен; информация, сообщенная Л. О. Дан, еще раз подтверждает, насколько трудно было за границей получить достоверные сведения о происходившем в СССР (особенно о репрессиях). По-видимому, в Варшаву в 1938 году Екатерина Павловна уже не приезжала; во всяком случае, в мае 1938 года о судьбе Михаила Львовича его жена ничего не знала, не знала она, и что с самой Екатериной Павловной: «Настроение такое, что руки опускаются. Вестей никаких с 11 января. Приходили в голову всякие мысли и насчет Е<катерины> П<авловны>. Поэтому Ваше письмо очень меня утешило: раз она существует, значит, есть кому позаботиться о М<ихаиле> Л<ьвовиче>»[552].

Екатерина Павловна старалась «позаботиться» о Михаиле Львовиче[553], но спасти его не смогла.

---

[551] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 2. Л. О. Дан — Е. Д. Кусковой. Из Парижа в Прагу, 27 октября 1938 г.

[552] Там же. Д. 102. Л. 1. Е. Г. Винавер — Е. Д. Кусковой. Из Варшавы в Прагу, 20 мая 1938 г.

[553] Сохранились некоторые (их очень немного) документы, подтверждающие попытки Екатерины Павловны и сотрудников ПОМПОЛИТа «позаботиться» о Михаиле Львовиче. Среди них расписка в получении денег для заключенного М. Л. Винавера, датированная августом 1941 г.:
«Расписка. Дана гр. Перес В. А. в том, что от нее принято денег для з/к Веновер М. Л. в сумме сто двадцать пять /125/ руб. принял. 29/VIII–41 г. (Подпись неразборчива)» (Из архива В. А. Перес).
Позже В. А. Перес, находясь в эвакуации в Уфе, пыталась разыскать М. Л. Винавера в уральских концлагерях, но ей это не удалось. Екатерина Павловна сохранила ее телеграмму, относящуюся, по-видимому, к 1942 г.: «УФА — ТАШКЕНТ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ВИНАВЕРА ВЫЕДУ НЕМЕДЛЕННО ВЕРА» (АГ. ФЕП-кр 45–16–7).

Вскоре после ареста Михаила Львовича был арестован и расстрелян Николай Клементьевич Клышко[554] — друг М. К. Николаева. Вместе с Н. К. Клышко была арестована и отправлена в концлагерь его жена Фелиция Генриховна[555], англичанка по национальности. У них осталось двое сыновей: Михаил и Давид. Вначале детей воспитывал И. П. Ладыжников, позже старшего, Михаила, взяли родственники, жившие в Ленинграде, и во время блокады мальчик пропал. Давида (Дида) взяла Екатерина Павловна, вместе с ним она уехала в эвакуацию, вместе с ним вернулась в Москву. Дид был талантливым человеком и стал крупным физиком[556]. Фелиция Генриховна после возвращения из ссылки и до получения Дидом квартиры жила у Екатерины Павловны.

Как воспринимала Екатерина Павловна аресты близких и не только близких людей? По-видимому, очень долгое время она не могла поверить в полнейшую правовую незащищенность советских граждан, в их абсолютную беззащитность

---

[554] Клышко Николай Клементьевич (1880–1937) — участник революционного движения с 1898 г., член ВКП(б) с 1904 г.; привлекался к судебной ответственности по делу Военной организации при РСДРП (1906); в политэмиграции — в Англии (с 1907 г.); после высылки в Россию (1918) — заместитель заведующего Госиздатом (1918–1919), секретарь полпредства РСФСР в Эстонии (1920), секретарь торговой делегации РСФСР в Лондоне (1921–1922), заведующий экспортным отделом НКВТ СССР (1923–1924), советник полпредства (1924) и торгпред СССР в Китае (1924–1926). До ареста работал заведующим производственным отделом треста «Союзснабоавиахим». В 1922 г. в Англии был одним из организаторов Помгола. Он был арестован 2 сентября 1937 г., а спустя месяц, 9 октября 1937 г., расстрелян. Реабилитирован 11 августа 1956 г.

[555] Клышко Фелиция Генриховна (1886–1969). Арестована 4 сентября 1937 г. по подозрению в шпионаже. Приговорена к 5 г. заключения в концлагере. Срок отбывала в пос. Водный. Освобождена 21 марта 1944 г. Реабилитирована 18 августа 1956 г.

[556] Клышко Давид Николаевич (1929–2000) — физик, специализировавшийся в области квантовой оптики и квантовой информатики, профессор МГУ. В 1947 г. поступил на физический факультет МГУ, но был отчислен как сын репрессированных родителей. Окончил физический факультет университета в г. Горьком. В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1972 г. — докторскую.

перед властью, в абсурдность предъявляемых им обвинений; и она не только не останавливала тех людей, которые в то или иное время по тем или иным причинам покинули Россию, стали эмигрантами, а теперь хотели вернуться на родину, но и помогала им возвращаться «к нам». Так, в августе 1937 года по вызову Екатерины Павловны в Советский Союз приехал Илюша Вольнов[557] — сын Ивана Егоровича Вольнова. (Его мать С. Г. Гольдберг разрешение на въезд в Советский Союз не получила как бывший член БУНДа.) Жил Илюша у Екатерины Павловны. Шурка записал в своем дневнике: «В Августе 37 года приехал из Италии сын Ивана Егоровича Илья. Поселился у нас в моей комнате. Человек <...> спокойный, медлительный. Живем с ним не очень дружно, но и не ссоримся, исключая только мелкие стычки. <...> Он долго не мог поступить на работу, но после долгих мытарств его приняли в Лабораторию Завода Цветных металлов. Работает Лаборантом. Окончил Университет в Неаполе, химический факультет. Имеет печатные работы. Знает итальянский (родной), фр<анцузский>, нем<ецкий>, англ<ийский>, испанский и русский языки. Между прочим, он русский»[558]. О нелегкой судьбе Ильи Ивановича Вольнова и о жизни его семьи в квартире Екатерины Павловны рассказал в своих воспоминаниях Максим Ильич Вольнов[559].

---

[557] Вольнов Илья Иванович (1913–1988) — ученый-химик.

[558] Дневник А. Воскресенского. Тетрадь 7-я. Запись от 6 мая 1938 г.

[559] Вольнов Максим Ильич (род. в 1941 г.) — физик. В настоящее время работает главным инженером ФИАНа. Вот отрывок из его интереснейших воспоминаний: «Бабушка, с отцом оставшись в Италии, практически не имели средств к существованию, и Алексей Максимович, видимо не без участия Екатерины Павловны, взял их под свою опеку. Окончив школу, отец хотел уехать в Россию, но Алексей Максимович сказал, что молодой революционной России нужны грамотные специалисты, и отец поступил в Неаполитанский университет, который и окончил в 1937 году. К этому времени семья Пешковых уже была в России и, более того, Алексея Максимовича уже не стало. Отец приехал в Советский Союз по вызову Екатерины Павловны. Она поселила его в кабинете — квартире Горького на Чистых прудах, где проживала сама.

Я родился в 1941 году. В эвакуации в г. Казань. Отец с 1941 по 1945 г. был на фронте. Отец ушел добровольцем на фронт. Он остался жив, но

Несмотря на то, что Екатерина Павловна занималась помощью репрессированным, ей, как, наверное, и большинству советских людей, было трудно разобраться в том, что происходит в стране, вообразить, какая чудовищная мистерия разыгрывается[560], понять, какая бесчеловечная воля руководит ею.

В марте 1938 года в Москве состоялся открытый процесс, на котором одним из обвинений, предъявленных подсудимым, было обвинение в убийстве Горького и его сына М. А. Пешкова. Это был третий открытый показательный процесс. На первых двух —

прошел фашистский плен и советский лагерь "смерш". Екатерина Павловна очень переживала за отца, есть ее письмо президенту Академии наук СССР академику С. И. Вавилову с просьбой запросить отозвать из армии отца как ученого химика. Видимо, отца освободили из лагеря "смерш" благодаря хлопотам Екатерины Павловны.

Мы с мамой Вольновой Валентиной Александровной вернулись к Екатерине Павловне в 1943 г. Жили мы вместе до 1952 г., когда моим родителям дали две комнаты в трехкомнатной квартире на Беговой улице. Близкие отношения с Екатериной Павловной продолжались до ее кончины, она живо интересовалась нашими судьбами и для меня она была одним из самых близких людей».

[560] С громогласного одобрения советского народа, с энтузиазмом строящего новую счастливую жизнь, были уничтожены наиболее видные представители большевистской «старой гвардии», крупнейшие государственные и партийные деятели, высший командный состав Красной армии, все, кто когда-либо выступал против сталинской политики или имел какое-либо, даже самое косвенное, отношение к «оппозиционерам». Среди расстрелянных были «известные в народе еще со времен гражданской войны комбриги, комдивы, "легендарные комиссары", о подвигах которых писались книги, ставились кинофильмы, министры, военные атташе, советники посольств; здесь представлен весь цвет Академии Генштаба РККА, начальники чуть ли не всех отделов Разведупра, наркомы вместе с их заместителями, начальники областных УНКВД и недавние начальники громадных лагобъединений: Соловецкого, Дмитровского, гулаговских трестов "Дальстрой", "Волгострой" и др., профессора, академики, военврачи» (Головкова Лидия. Московские расстрелы. URL: terraincognita. spb.ru/n7/rastr.htm). Среди подвергшихся репрессиям (расстрелу, заключению в концлагере или ссылке) было и огромное количество советских людей, не причастных к какой-либо политике и честно служивших своему делу. В стране побеждающего социализма воцарялась атмосфера всеобщего страха и подозрительности.

«террористического троцкистско-зиновьевского центра»[561] и «антисоветского троцкистского центра»[562] подсудимые обвинялись в том, что были соучастниками убийства Кирова, готовили заговор против Сталина и других руководителей партии и государства, устраивали саботажи в промышленности, шпионили в пользу Германии и Японии. Третий процесс — «антисоветского правотроцкистского блока» — отличался от первых двух тем, что в качестве подсудимых выступали не только политические деятели, но и врачи, а к преступлениям, совершенным обвиняемыми (фашизм, оппортунизм, шпионаж, подготовка государственного переворота и т. п.), добавлялись организация убийства не только Кирова, но еще и Менжинского, Куйбышева, Горького и его сына. На всех трех процессах обвиняемые признались в своих преступлениях.

Судебный процесс «антисоветского правотроцкистского блока» состоялся 2–13 марта 1938 года в Колонном зале Дома Союзов; процесс широко освещался в советской печати, стенограммы заседаний печатали «Правда», «Известия» и другие газеты. Перед судом предстал 21 человек, в том числе Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. Г. Ягода, П. П. Крючков, врачи Л. Г. Левин и Д. Д. Плетнев[563].

---

[561] Процесс «террористического троцкистско-зиновьевского центра» (процесс 16-ти, среди которых были Зиновьев и Каменев) состоялся 19–24 августа 1936 г. Подсудимые признались в том, что поддерживали связь с Троцким, были соучастниками убийства Кирова, готовили заговор против Сталина и других руководителей партии и государства, и дали показания против Бухарина, Рыкова и Томского. Все подсудимые были приговорены к смертной казни и расстреляны 25 августа, а 23 августа покончил с собой М. Томский.

[562] Процесс «антисоветского троцкистского центра» (процесс 17-ти, среди которых были Пятаков и Радек) состоялся 23–30 января 1937 г. К подсудимым, кроме прежних обвинений, были предъявлены и новые: саботаж в промышленности и шпионаж в пользу Германии и Японии. Подсудимые признались во всем и дали показания против Бухарина и Рыкова. 13 человек (в том числе Пятаков) были приговорены к смертной казни, остальные (в том числе Радек) осуждены на 10 лет.

[563] Что касается врачей, то из 17 лечивших Горького обвинялись только Л. Г. Левин и Д. Д. Плетнев, неугодные Сталину по личным причинам: в частности, они отказались подписать бюллетень о смерти Орджоникидзе (17 февраля 1937 г.), по официальной версии умершего от сердечного приступа. (Впрочем, наркомздрав, подписавший требуемый бюллетень, был тоже расстрелян.) Остальные врачи (кроме одного, подавшего заявление о «неправильном» лечении Горького) не были привлечены к суду и даже не проходили в качестве свидетелей.

Ягода был арестован 5 апреля 1937 года (меньше чем через неделю после закрытия Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста), к этому времени он уже не возглавлял НКВД[564]. Крючков был арестован в октябре 1937 года, в это время он был директором Музея А. М. Горького. Отрывки из показаний Крючкова по поводу убийства Горького и Максима Пешкова[565] приводим ниже:

«Я предательски убил Максима Горького и его сына Максима Пешкова. Оба убийства я совершил по указанию Ягоды и под влиянием его угроз. Давая мне поручение убить Максима Пешкова, Ягода осведомил меня о предполагаемом государственном перевороте и о его, Ягоды, участии. <...> К разрушению здоровья Максима Горького я приступил после больших колебаний. В смерти же Максима Пешкова я был лично заинтересован. Я полагал, что со смертью Максима Пешкова я останусь единственно близким человеком к Горькому человеком, к которому может впоследствии перейти большое литературное наследство Горького, которое даст мне в дальнейшем средства и независимое положение. <...> Я принял поручение и приступил к подготовке убийства Максима Пешкова. Я начал спаивать его, причем вино получал непосредственно от Ягоды в довольно большом количестве. Но все же крепкий организм Максима Пешкова не поддавался. И вот в 1934 году Ягода торопит меня, советует мне простудить Максима. <...> 2 мая я, предварительно напоив Максима, <...>, оставил его в саду на скамейке спать на несколько часов. День был холодный, и

---

[564] Ягода возглавил ОГПУ после смерти Менжинского (10 мая 1934 г.), но фактически он руководил работой ОГПУ и раньше, являясь заместителем тяжело болевшего Менжинского. 10 июля 1934 г. Ягода стал первым народным комиссаром внутренних дел. Он активно участвовал в организации судебных процессов над «убийцами Кирова», в организации «Кремлевского дела» и первого московского показательного процесса против Каменева и Зиновьева. 26 сентября 1936 г. по телеграмме Сталина и Жданова, отправленной из Сочи, он был снят с поста народного комиссара внутренних дел и назначен народным комиссаром связи (вместо А. И. Рыкова). Народным комиссаром внутренних дел был назначен Н. И. Ежов. Двухлетний период, в течение которого он возглавлял НКВД (он был снят со своего поста 8 декабря 1938 г.), получил название «ежовщины». На смену Ежову пришел его заместитель Л. П. Берия.

[565] Эти показания были даны Крючковым 8 марта 1937 г. на вечернем заседании суда.

с этого момента Максим заболел, а 11 мая умер. <...> 7 и 8 мая Максиму Алексеевичу стало лучше. Я сообщил об этом Ягоде, Ягода возмущенно сказал: “Чорт знает что, здоровых залечивают, а тут больного не могут залечить”. <...> Итак, 11 мая Максим умер. Я уже показал, что я лично был заинтересован в убийстве Максима Пешкова. Ягода дал мне нож в руки. Я убил Максима по указаниям Ягоды. <...> Совершив это преступление, я вынужден был пойти на более ужасное преступление — на убийство Горького. Ягода поставил прямо вопрос, что необходимо приступить к разрушению здоровья Горького. <...> и я пошел на это преступление. Левин сегодня показал, как я простужал Горького. Здесь наши действия были согласованы, то есть я спрашивал совета Левина. Зиму 1935/36 года Максим Горький проводил в Крыму в Тессели. Я жил в Москве, но каждые три недели, месяц я приезжал туда. Я устраивал длительные прогулки Алексея Максимовича, я организовал постоянные сжигания костров. Дым костров, естественно, действовал на разрушенные легкие Горького. И в это время, в период 1935–36 года Горький в Крыму не отдохнул, а наоборот, усталый возвращался в Москву. <...> Ягода меня торопит, говорит: необходимо привезти в Москву Горького, — несмотря на то, что в Крыму в это время очень теплая погода, а в Москве холодная. Я говорю Горькому о поездке в Москву, Горький соглашается, собирается ехать и, приблизительно, 26 мая 1936 года Надежда Алексеевна Пешкова, вдова Максима Алексеевича Пешкова, позвонила по телефону, сообщила, что ехать ни в коем случае нельзя, погода в Москве холодная и к тому же внучки Алексея Максимовича, то есть ее дочери, находящиеся в Москве, больны гриппом при довольно высокой температуре. <...> 26–27 мая мы выехали в Москву. 31-го немедленно по приезде Алексей Максимович отправился к внучкам, которые действительно болели гриппом, температура была повышена, и он 31 мая заболел. 31 мая вечером был вызван доктор Левин. <...> Вот мое второе ужасное преступление»[566].

Ягода по вопросу «умерщвления Максима Пешкова» отказался давать показания на открытом заседании суда. На утреннем засе-

[566] Процесс над «правотроцкистским блоком» / Вступительная статья, подготовка текста и примечания О. В. Шуган // Вокруг смерти Горького. С. 218–222.

дании 11 марта 1938 года А. Я. Вышинский, выступавший государственным обвинителем, сказал:

«<...> Ягода сначала пытался отрицать свое участие в организации убийства Максима Алексеевича Пешкова. Потом он это признал на закрытом судебном заседании. Он полностью подтвердил, как это записано в протоколах судебного заседания, свои показания на предварительном следствии, подтвердил, что он организовал убийство Максима Пешкова, объяснив свое нежелание говорить об этом тем, что мотивы убийства носят сугубо личный характер»[567].

Постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 13 марта 1938 года все обвиняемые (кроме трех) были приговорены к высшей мере наказания и 15 марта 1938 года расстреляны.

В конце апреля 1937 года, за полгода до ареста мужа, была арестована Елизавета Захаровна Крючкова (Це-це), в сентябре 1938 года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации она была расстреляна. Их пятилетний сын остался сиротой[568]. Осужденные по процессу «антисоветского правотроцкистского блока» были реабилитированы спустя

---

[567] Там же. С. 224–225.

[568] Крючков Петр Петрович (1932–2001). Вот что пишет о его судьбе А. П. Погожева: «После ареста родителей бабушка со стороны матери, спасая внука от детдома, увезла его в глухую деревню Тульской области, но вскоре там умерла. Мальчик остался один в незнакомом месте, среди чужих людей. Он ушел в подступавший к деревне лес и, найдя яму под вывернутой сосной, устроил себе жилище, благо было лето. Питался сырыми овощами с соседних огородов, иногда там же находил оставленные куски хлеба. Видимо, его все-таки подкармливали. Осенью его разыскал дядя, брат матери. Забрал к себе, он и вырастил Петю. Но в институт его не взяли, с расстрелянными родителями в то время это было нереально. Он окончил техникум и всю жизнь работал в авиации по обслуживанию самолетов. Институт смог окончить только после реабилитации расстрелянной матери в 1956 году» (Погожева А. П. …Славная моя человечица… Горький и его окружение (1928–1936 гг.). Воспоминания Алмы (П. Т. Кусургашевой). М.: Муравей, 2004. С. 107).

На фотографии, снятой во время захоронения урны с прахом Горького, О. Д. Черткова держит за руку маленького Петю.

полвека[569], когда Екатерины Павловны уже не было в живых. Миф об отравлении Горького, рожденный сфабрикованным процессом «антисоветского правотроцкистского блока» (процессом, позволившим Сталину устранить возможных политических конкурентов и разделаться с неугодными ему людьми), живет до сих пор. Что думала Екатерина Павловна, какие чувства владели ею в 1938 году, можно только предполагать.

15 июля 1938 года учреждение «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» прекратило свою работу.

Согласно воспоминаниям И. К. Гогуа, Крест закрыл Ежов. На вопрос «Кто запретил Екатерине Павловне заниматься политическим Красным Крестом?» Ирина Калистратовна ответила: «Не запретил, все было просто. По мере того как менялись председатели ОГПУ, менялся и статус Креста. При Дзержинском и Менжинском Екатерина Павловна имела право посещения тюрем. Постепенно Крест стал местом, куда можно было прийти, дать заявление, узнать, где кто сидит, по какой статье, какой приговор, организовать посылку. Но когда пришел Ежов, настало отчаянное время. В очереди в Крест стояли сотни людей, а справок Екатерине Павловне почти не давали. И однажды она пришла к Ежову с жалобой на аппарат: “Вы меня довели до такого состояния, что хоть закрывай Красный Крест”. На что Ежов ответил: “Вот об этом, Екатерина Павловна, я и хотел с Вами поговорить. Зачем вам дублировать нас? Мы тоже даем справки”. И все. Крест был закрыт. Самое страшное, что, кажется, все архивы сданы были им»[570].

А. В. Книпер в своих воспоминаниях о Екатерине Павловне приводит ее слова о том, что эту работу она оставила («бросила»)

---

[569] Приговор ВКВС от 13 марта 1938 г. был отменен постановлением Пленума Верховного суда от 4 февраля 1988 г. («приговор отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления»). Ягода реабилитирован не был, но за другие преступления против советских людей. Имя П. П. Крючкова в нашей стране долгие годы было исключено из упоминания, его нет даже в четырехтомной «Летописи жизни и творчества А. М. Горького», изданной в 1958–1960 гг. В настоящее время имена П. П. Крючкова и Е. З. Крючковой внесены в список жертв политического террора в СССР («Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 4-е. М.: Звенья, 2007. Сост. Международный Мемориал, 2007).

[570] Червакова И. Песочные часы // Дружба народов. 1997. № 5. С. 101.

сама: «Кто не пережил страшного этого времени, тот не поймет, чем был для многих и многих ее труд. Что значило для людей, от которых шарахались друзья и знакомые, если в семье у них был арестованный, прийти к ней, услышать ее голос, узнать хотя бы о том, где находятся их близкие, что их ожидает, — а это она узнавала.<...> В конце концов, и этих возможностей у нее не стало. Условия работы в Политическом Красном Кресте сделались невыносимыми. И все-таки потом она говорила: “Может быть, все-таки надо было все это перетерпеть и не бросать работу”»[571].

К 1938 году ПОМПОЛИТ уже мало чем мог помочь своим подопечным.

После закрытия Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста Екатерина Павловна потеряла возможность выезжать за границу (она лишилась дипломатической визы), и хотя эмигрантские организации не прекращали сбора средств, переслать их в Советский Союз было проблематично. Так, в январе 1938 года Л. О. Дан сообщала Е. Д. Кусковой: «…посылку денег для Екатерины Павловны мы задержали, ей послали в начале января через одного иностранца 2000 франков (т. е. 2000 руб.), да такую же сумму для с-ров. Если не удастся передать, то деньги будут здесь возвращены»[572].

Число репрессированных, которым требовалась материальная помощь, стремительно росло, и денег не хватало катастрофически. Ходатайства, с которыми ПОМПОЛИТ обращался в НКВД, не удовлетворялись, оставалась справочно-информационная служба, но ответа на запросы ПОМПОЛИТ практически не получал (по-видимому, НКВД не справлялся с количеством обрушившейся на него работы, осложненной репрессиями собственных кадров). И хотя у Екатерины Павловны имелось официально предоставленное властью право обращаться в карательные органы с запросами и ходатайствами о репрессированных по политическим статьям (после ареста Михаила Львовича оно оставалось только у нее одной), но это право перестало давать ей возможность как-либо помочь своим подопечным.

---

[571] Книпер А. В. Екатерина Павловна Пешкова. Фрагменты воспоминаний / Публ. и прим. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Исторический альманах. 1. М.: Прогресс: Феникс, 1990. С. 147.

[572] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 4. Л. О. Дан — Е. Д. Кусковой. Из Парижа в Прагу, 25 января 1938 г.

В 1937 году, кроме Михаила Львовича, были арестованы связанные с Екатериной Павловной краснокрестной работой В. П. Гартман и Ф. Гецци.

Владимир Паулинович Гартман, возглавлявший Ленинградское отделение ПОМПОЛИТа, был арестован 15 августа 1937 года. Он обвинялся в шпионаже и участии в контрреволюционной организации (ст. 58–06, 11 УК РСФСР), 23 сентября 1937 года он был приговорен к ВМН, 28 сентября 1937 года расстрелян.

Франческо Гецци осуществлял связь между анархистским «Черным Крестом», работавшим полулегально, и легальным ПОМПОЛИТом. Гецци передавал Екатерине Павловне денежные средства, сбором которых занимался, оформлялись они как поступления от частных лиц и распределялись между анархистами. Ф. Гецци[573] был арестован в ноябре 1937 года, приговор по его делу был вынесен спустя полтора года.

---

[573] Франческо Гецци (1893–1942) — анархо-синдикалист, с 1923 г. жил в СССР. Мировая общественность дважды проводила кампании в его защиту: в 1923 г., когда он находился в тюремном заключении в Германии и итальянское правительство требовало его выдачи для суда над ним, и в 1929 г., когда он был осужден в Советском Союзе (уже как советский подданный) по делу группы анархистов, вышедших из музея Кропоткина. В 1929 г. в одном из писем, написанных в его защиту (письме, подписанном Р. Ролланом), о нем сказано: «Этот молодой итальянец, пользующийся уважением всех, знающих его, с самой ранней юности боролся за раскрепощение пролетариата и за осуществление идеи коммунизма. <...> В полной преданности этого безупречного активиста пролетарскому делу не могло возникнуть сомнений». Ф. Гецци никогда и ни от кого не скрывал свои взгляды и открыто высказывался по всем аспектам окружающей жизни: от понятной любыми людьми материальной стороны до более отвлеченных вопросов государственного строительства и международных отношений. В частности, он объяснял рабочим (Гецци работал на заводе), что между структурами фашистского и советского государственного управления нет большой разницы; репрессивные процессы он расценивал как борьбу за власть в государстве. В отличие от других иностранцев, живших в СССР, Ф. Гецци обвинялся не в шпионаже, а в том, что «вел контрреволюционную агитацию, направленную против политики ВКП(б) и советской власти». 3 апреля 1939 г. он был приговорен к восьми годам заключения в ИТЛ. Срок отбывал в Воркутлаге, где был осужден вторично: постановлением ОС при НКВД СССР от 13 января 1943 г. он был приговорен к расстрелу за антисоветские выступления. Однако смертный приговор в исполнение приведен не был: Гецци умер раньше (у него был туберкулез), справка о его смерти датирована 3 августа 1942 г.

Снова, уже в ссылках, арестовывались товарищи Екатерины Павловны по партии эсеров — ее многолетние подопечные, большинство из них были расстреляны, другие погибли в лагерях. В ноябре 1937 года был вновь арестован Павел Николаевич Малянтович; он обвинялся в руководстве контрреволюционной террористической организацией и санкционировании ареста Ленина в 1917 году; расстрелян он был в январе 1940 года. Арестовывались близкие Екатерине Павловне люди. В сентябре 1937 года в ссылке в Уфе была арестована Ирина Гогуа, при этом аресте она была приговорена к 5 годам лишения свободы. (Ее отец Калистрат Гогуа был арестован, как уже говорилось выше, в том же 1937 году, а в 1938 году расстрелян.) Арестовывались друзья Максима. Весной 1938 года был арестован Костя Блеклов, в июне 1938 года — Евгений Бартольд, его брат Сергей был арестован еще раньше, все они погибли в лагерях.

В тридцатые годы в доме Кости Блеклова и его жены Кати Беклешовой (позже ставшей известной кукольницей) собирались их друзья, устраивавшие вечера с талантливыми театрализованными представлениями. Елена Благинина[574], одна из активных участниц этих вечеров, оставила воспоминания о них. Вспоминала она и Михаила Львовича, который бывал там гостем: «М<ихаил> Л<ьвович> работал главным юристом в Красном Кресте вместе с Е. П. Пешковой. Это был невысокий, плотненький, с небольшой бородкой человек. Румяный. Он был добр, тонок и умен»[575]. Многие участники тех замечательных вечеров были арестованы и погибли в лагерях: «<…> кончилось наше счастье. Ранней весной <1938 года> ушел Костя — его поглотили круги дантова ада. Туда же исчезли Винавер и <др.>. Там же должна была пропасть Катя, но ее выручила Пешкова Е. П., царство ей небесное. Каким образом уцелели мы — непостижимо. Нас осталось немного — мы живем на кладбище, но все-таки живем и полны благодарной памяти к ушедшим, да святятся их имена»[576].

О кошмарном масштабе репрессий, охвативших страну в 1937–1938 годах, Екатерина Павловна вряд ли знала, они были обнаро-

[574] Благинина Елена Александровна (1903–1989) — русская поэтесса, драматург, переводчик.

[575] Е. А. Благинина // Бульвар Новинский. Орел, 2003. № 6. С. 16.

[576] Там же. С. 74.

дованы спустя полвека[577], но со времени смерти сына она находилась в тяжелом душевном состоянии, ее мучили всяческие сомнения и подозрения. Оставшись без поддержки Михаила Львовича, она, по-видимому, не выдержала физической и психической нагрузки и поэтому не смогла продолжать работу по помощи политзаключенным.

15 июля 1938 года ПОМПОЛИТ был официально закрыт, 20 июля заместителем Ежова стал Берия, 8 декабря 1938 года он сменил Ежова на посту главы НКВД. В апреле 1939 года Ежов был арестован, а в феврале 1940 года расстрелян вместе с большой группой своих бывших подчиненных. 5 декабря 1938 года, в последние дни правления Ежова, была арестована А. А. Андреева, работавшая в органах безопасности с 1921 года, та самая Андреева, по докладной записке которой был закрыт МПКК. («Вот сколько помню Екатерину Павловну, она всегда ругала эту самую Андреиху, не хотела иметь с ней дело»[578], — вспоминала И. К. Гогуа.) Имя Александры Азарьевны Андреевой-Горбуновой — ревностной защитницы советской власти от контрреволюционеров — внесено в список жертв политического террора в СССР[579].

После закрытия ПОМПОЛИТа его архив, как и архив Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста, был сдан в Центроархив и находился на секретном хранении до начала девяностых годов прошлого столетия. Существует устная «легенда» о том, что перед закрытием ПОМПОЛИТа Екатерина Павловна три дня выносила из его приемной корзины с бумагами и сжигала их у себя дома.

---

[577] По данным статистического анализа, сделанного в 1991 г. Министерством госбезопасности, в нашей стране в 1937–1938 гг. было расстреляно 688 тысяч человек» (Головкова Лидия. Московские расстрелы. URL: terraincognita.spb.ru/ n7/rastr.htm).
По данным Общества «Мемориал», «в течение 1937–1938 гг. по политическим обвинениям было арестовано более 1,7 миллиона человек. А вместе с жертвами депортаций и осужденными “социально вредными элементами” число репрессированных переваливает за два миллиона» (1937-й. Статьи и документы. Москва: РОДП «ЯБЛОКО», 2007. С. 13).

[578] Червакова И. Песочные часы // Дружба народов. 1997. № 5. С. 115.

[579] «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 4-е. М.: Звенья, 2007. Сост. Международный Мемориал, 2007.

8

ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ «Е. П. ПЕШКОВА. ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ». 1938–1965 гг.

ПОМПОЛИТ просуществовал более 15 лет, вплоть до того времени, когда все, даже потенциальные противники сталинского режима, были уничтожены и фактически утвердилась диктатура одного человека. С закрытием ПОМПОЛИТа прекратилась помощь советским политзаключенным, как со стороны российского общества, так и зарубежная. В октябре 1938 года Л. О. Дан писала Е. Д. Кусковой:

«27.10.1938. Париж.

Дорогая Екатерина Дмитриевна, очень много думала все последнее время о Вас и Сергее Николаевиче. Как-то Вам живется? Как Евгения Ивановна? Какие у Вас планы? Думаете ли оставаться в Праге или строите какие-нибудь иные планы?

Недавно я имела вести из России, очень печальные; это даже слишком слабое выражение, о всех наших рассказывают так, что надо, собственно, в отчаяние придти. Все сидят, и сидят без всякой надежды выйти когда-нибудь и куда-нибудь на волю. О Кат<ерине> Павл<овне> сообщают, что она в полном несчастии, у нее две ее внучки, вдова ее сына взаперти, даже неизвестно, жива ли она.

<...> Теперь с официальным закрытием Комитета Пешковой очень затруднилась отправка денег и вообще помощь политзаключенным. <...>

На душе так паршиво, милая Екатерина Дмитриевна, что не хочется нагонять на Вас тоску, а ничего хорошего — бодрого ска-

зать Вам не могу. Будьте здоровы и благополучны! <...> Ваша Лидия Дан»[1].

Сведения о Екатерине Павловне, полученные Лидией Осиповной, не соответствовали действительности. Внучки, к которым Екатерина Павловна была очень привязана, жили не с ней, а со своей матерью. После смерти Горького его семье (несовершеннолетним внучкам — его наследницам и их матери — их опекуну) были оставлены особняк на М. Никитской и дача в Горках. Екатерина Павловна часто бывала у них, они бывали у нее в Машковом переулке и на даче в Барвихе. «Вдова ее сына» (Надежда Алексеевна) не сидела «взаперти», а вместе с Екатериной Павловной, И. П. Ладыжниковым и И. К. Лупполом[2], ставшим ее гражданским мужем, участвовала в организации Архива и Музея А. М. Горького в Москве. (До ареста в этой работе принимал участие и П. П. Крючков.) Работа по организации Музея Горького началась вскоре после кончины Алексея Максимовича, и Екатерина Павловна относилась к ней со всей ответственностью. Она сдала в музей большинство имевшихся у нее фотографий и картины, связанные с пребыванием Горького в Сорренто: «соловьиный[3] пляж с мельницей», «купчихин[4] Il Sorrito» и «Уличку в Sorrento», написанную К. Горбатовым[5]. Свои картины она отдала потому, что картины, купленные для музея Лупполом, ей показались «ужасными». Позже Екатерина Павловна будет помогать в устройстве экспозиций музеев А. М. Горького в городах Горьком, Казани, Куйбышеве и в селе Мануйловка Полтавской губернии.

---

[1] ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 2–2 об. Л. О. Дан — Е. Д. Кусковой. Из Парижа в Прагу, 27 октября 1938 г.

[2] Луппол Иван Капитонович (1896–1943) — литературовед, один из организаторов и первый директор ИМЛИ РАН, академик АН СССР. Погиб в заключении. В конце февраля 1941 г. был арестован, в июле 1941 г. приговорен к ВМН, в июле 1942 г. ВМН была заменена на 20 лет ИТЛ, в мае 1943 г. он скончался в Мордовском ИТЛ.

[3] Художник И. Н. Ракицкий (Соловей).

[4] Художница В. М. Ходасевич (Купчиха).

[5] Горбатов Константин Иванович (1876–1945) — русский художник. В 1912–1913 гг. вместе с другими молодыми русскими художниками гостил у Горького на Капри. В 1922 г. покинул Россию, жил в Италии, путешествовал, с 1926 г. — в Германии, умер в Берлине.

Цитируемое выше письмо Лидии Осиповны Дан, письмо, полное горечи, датировано октябрем 1938 года, когда в СССР продолжалось время «большого террора», а над миром нависла угроза фашизма и европейские государства, страшась Гитлера и пытаясь избежать войны с Германией, проводили «политику умиротворения». Они позволили Гитлеру оккупировать Австрию[6], а затем отобрать у Чехословакии Судеты[7], но эти жертвы не предотвратили вторжения немецких войск в Чехословакию, и 15 марта 1939 года они заняли Прагу.

Любопытно, что за три дня до вступления немецких войск в Чехословакию, 12 марта 1939 года, Шурка записал в своем дневнике сочиненный им рассказ о нападении Германии на Советский Союз. Вот небольшие выдержки (начало и конец) из этого многостраничного рассказа: «…Осенью 1941 года Германия объявила войну Советскому Союзу… Официального объявления войны на самом деле не было. Просто Германия, нарушив границы Литвы, вторглась в Эстонию и 20 сентября 1941 г<ода> пограничные войска СССР приняли на себя первый удар фашистов. Закипел жестокий бой. Горсточка отважных пограничников в течение 5 часов отбивала атаки целого полка I германской дивизии. И только тогда, когда от роты пограничников осталось меньше взвода, они отступили. Германские войска закрепились в 3-х километрах вглубь нашей территории. Из тыла на помощь пограничникам двигались регулярные части... Фашисты бросили самолеты для бомбежки нашего тыла. <...>

Вся война продолжалась 20 дней. Наши потери были 10 : 3. Так окончится поход Гитлера на СССР, который он наметил на 1941 г<од>. <...>

---

[6] По вопросу присоединения Австрии к Германии австрийское правительство назначило на 13 марта 1938 г. проведение плебисцита. 11 марта в час дня Гитлер подписал приказ о вторжении войск Германии в Австрию 12 марта в 12 часов. 12 марта первые части немецкой армии вступили в Австрию, а 13 марта 1938 г. Австрия уже вошла в состав Третьего рейха.

[7] 30 сентября 1938 г. в Мюнхене представителями Великобритании, Франции, Италии и Германии было подписано соглашение о присоединении к Германии Судетской области Чехословакии, в которой компактно проживали этнические немцы. Мюнхенское соглашение не остановило Гитлера от дальнейшего захвата Чехословакии, и в марте 1939 г. он ввел в Чехословакию свои войска.

Фантазия слишком слабая. Так не может произойти на самом деле. Но это же фантазия?!»[8]

23 августа 1939 года Германия и СССР подписали договор о ненападении; через неделю, 1 сентября 1939 года, немецкая армия вторглась в Польшу; спустя еще два дня в войну вступили Англия и Франция (в апреле 1939 года они, отказавшись от «политики умиротворения», гарантировали Польше защиту в случае нападения на нее Германии). В Европе началась Вторая мировая война, а 17 сентября 1939 года советские войска вошли в Польшу. М. К. Николаев записал в Барвихинской тетради:

«23/IX <1939>. Не очень писалось и записывалось в это лето. <...>

На другой день после моей аварии[9] в газетах появилось сообщение об открытии Германией военных действий против Польши. Так и пролежал все эти дни в кровати, досадовал, злился, хотелось потолкаться на улице. 17-го днем позвонила Нюся[10], сказала, что передавали по радио речь Молотова о вмешательстве СССР в дела на фронте. Сперва не поверили. А в 6 ч<асов> сами услышали по радио. Прошла только неделя, — как много изменилось»[11].

В конце сентября Шурку призвали в армию: «28/IX 39 г. Все кончено. Сегодня был на комиссии. Побрили меня, значит, прошел комиссию. Назначили меня в пехоту! Я так и знал. <...> Короче говоря — свершилось. А ведь все-таки на 3 года из дома уеду, в лучшем случае — на 2 года. Конечно, в отпуск домой я буду приезжать. Но все же. За 3 года сколько изменений будет. Через 3 года Марфа и Таня[12] будут взрослыми девушками по 18 лет. А мне будет 24 года. <...>

Что будет завтра, одному богу известно, а так как бога нет, то никому неизвестно.

Молодой Патриот»[13].

---

[8] Дневник А. Воскресенского. Тетрадь 7-я.

[9] 31 августа Михаил Константинович упал и сломал ногу, и до 20 сентября нога была в гипсе.

[10] Нюся — Анна Константиновна Николаева, сестра Михаила Константиновича.

[11] Из Барвихинских тетрадей. Тетрадь № 11. «№ 11. 1939–1940».

[12] Таня Шпольская — дочь Анны Константиновны.

[13] Дневник А. Воскресенского. Тетрадь 7-я.

Домой Шурка не вернулся, он погиб во время Отечественной войны.

А вот запись из Барвихинской тетради, сделанная М. К. Николаевым летом 1940 года:

«13/VI <1940>.

<...> 11-го утром поехал в город, т<ак> к<ак> накануне Е<катерина> П<авловна> вернулась в Москву из Нижнего. Были с ней на кладбище и, захватив Дарью, вернулся в Барвиху. <...> Здесь: Е<катерина> П<авловна>, я, мален<ькая> Т<аня>[14], Шурка[15], Дид, Таня Ш<польская>, Дарья. <...>

Вчера к обеду приехал Левка[16]. Оказывается утром отменили 2 поезда, — вероятно, из-за вступления Италии в войну, как говорят обыватели.

О войне не пишу здесь, — не можется и не хочется писать. Но целые дни о ней думаю, — это какой-то ужас. И сегодня была страшная газета, — немцы в 20 кил<ометрах> от Парижа, город горит, все бегут. И б<ыть> м<ожет>, сейчас уже Париж взят. Конечно, в эти дни франц<узское> и англ<ийское> правит<ельства> пожинают плоды Мюнхена, но народам-то приходится расплачиваться. Жить стало совсем страшно и паскудно. И часто думаю искренно, лучше бы до этого не дожить»[17]. Эта запись в Барвихинских тетрадях — предпоследняя. Последняя была сделана М. К. Николаевым 20 июня 1940 года, за год до начала Отечественной войны.

2 июля 1941 года внучки Екатерины Павловны вместе с матерью и И. Н. Ракицким были эвакуированы в Ташкент, в котором жили родные Надежды Алексеевны. Екатерина Павловна не хотела уезжать из Москвы (в частности, потому, что беспокоилась за свой архив: «Я никуда не уеду. Никому не давать писем, если кому-нибудь вздумается брать их на сохранение»[18].) Но все-таки она

---

[14] Таня Сотскова — дочь Ирины Гогуа.

[15] Шурка (Шурка маленький) — сын домработницы Шуры.

[16] Лев Гогуа — брат Ирины Гогуа.

[17] Из Барвихинских тетрадей. Тетрадь № 11. «№ 11. 1939–1940».

[18] АГ. ФЕП-рл 8–15–671. Е. П. Пешкова — М. К. Николаеву, 1 июля 1941 г.

уехала. В октябре 1941 года она приехала в Горький, откуда послала М. К. Николаеву доверенность на вывоз в город Горький «мемориальных вещей А. М. Горького, оставшихся в особняке № 6/2 по М. Никитской». 3 ноября она уехала из Горького в Ташкент; здесь она жила первое время вместе с Дидом, Татьяной Александровной Альфер и ее полуторагодовалой дочкой Катей[19], потом — только с Дидом; внучек она навещала. Вставала Екатерина Павловна рано, провожала Дида в школу в 1-ю смену, позже ехала в Наркомпрос, где начала работать в комиссии помощи эвакуированным детям (номинально — до 2 часов, но возвращалась она домой в 5–7 вечера). Она писала М. К. Николаеву, что, по существу, работа интересная, но очень много разговоров и заседаний. Радовало ее «прекрасное отношение к детям» и «желание помочь» им. О работе Екатерины Павловны в Республиканской комиссии помощи эвакуированным детям[20] воспоминала Т. В. Иванова:

«Если рассматривать весь жизненный путь Екатерины Павловны как общественного деятеля, — это важная, нужная и, я бы сказала, почти неисчерпаемая тема. Я соприкоснулась только с одной стороной этой ее неисчерпаемости: с работой во время Отечественной войны в помощь детям. <...>

— Немедленно приступаем к работе по помощи эвакуированным детям, — сказала она мне, едва я приехала в Ташкент. Главное у нас уже есть — помещение, — нам дают комнату в здании местного Наркомпроса.

Я засыпала Екатерину Павловну вопросами.

Ответы, как и всегда у нее, были кратки и категоричны.

— Да, пока нас с вами двое, но для разработки первичного плана — даже лучше два ума, а не десять. Потом, вот увидите, ни в умах, ни в руках и ногах для дальнейшей доработки, изменений и осуществления нашего с вами плана недостатка не будет. Народ к нам повалит — и предлагая свои услуги для совместной с нами работы, и за помощью. Она оказалась совершенно права — ни от того, ни от другого отбоя не было.

---

[19] Шингарева Екатерина Аркадьевна (род. 9.02.1940 г.). Окончила Историко-архивный институт, научный сотрудник музея МХТа.

[20] В этой комиссии вместе с Екатериной Павловной работал К. И. Чуковский, в это время сложились их дальнейшие дружеские отношения.

Комиссия делилась на три основных раздела: 1) розыск и воссоединение потерявших друг друга во время эвакуации детей и матерей, а также оформление постоянного усыновления или временной опеки; 2) устройство в детдома сирот и организация питания и обмундирования для детей, находящихся при эвакуированных матерях, лишенных средств; 3) изыскание материальных ресурсов — преимущественно путем устройства концертов, лотерей и прочих платных развлекательных мероприятий.

Заместитель наркома просвещения Узбекской республики Рачинская стала непосредственной помощницей по первому разделу, который, будучи председателем всей Комиссии, возглавила Екатерина Павловна.

Второй раздел достался мне, и моей отличной незаменимой помощницей оказалась местная жительница, жена крупного работника, Софья Аркадьевна Журавская.

Третий раздел поручили Людмиле Ильиничне Толстой и Надежде Алексеевне Пешковой при участии, вернее сказать — руководстве, жены одного из секретарей ЦК Узбекистана Анны Ивановны Ломакиной.

Тот раздел, которым ведала Екатерина Павловна — розыск разъединенных войной матерей и детей, — постепенно принял всесоюзный охват.

Впоследствии плодами инициативы Екатерины Павловны и первоначально налаженной ею организации воспользовались многие, причем некоторые из этих ее последователей в личных своекорыстных целях, возвеличивая себя до роли первооткрывателей этого рода деятельности.

Екатерина Павловна, может быть, и была по-своему честолюбива, но скрупулезная щепетильность и честность — вот ее основные качества.

Любому начатому ею общественному делу она отдавалась целиком, оно становилось ей кровно необходимым, как если бы от его удачи зависела ее собственная жизнь.

Екатерина Павловна всегда считала саморекламу недопустимой. Личное свое участие в любой работе она старалась оставить в тени (если другие высвечивали эту тень, она не протестовала, но ни за что не вмешалась бы в свалку тщеславий, никогда бы она себе не позволила расталкивать кого-то локтями, утверждая свой приоритет).

Вот именно поэтому ее заслуги в этом деле, как, впрочем, и во многих других, необыкновенно легко было присвоить себе другим, пришедшим на готовое, ею организованное, но выдавшим себя за первооткрывателей.

<...> Судьбы детей, с которыми я столкнулась, работая в этой Комиссии, судьбы женщин, составлявших ее актив (то был целый батальон из жен военных, получавших по аттестатам в районных военкоматах города), предмет совсем других воспоминаний.

Сейчас речь — об Екатерине Павловне и только о том, что имеет к ней касательство. В семье, как говорится, не без урода. Так и случилось в нашей Комиссии и как раз в том разделе, которым ведала я, ибо оный раздел был связан с материальными благами: пища, одежда. И именно в этот раздел проникли недостойные женщины.

<...> Были пойманы с поличным две наши “активистки”, которые вместо порученного им контроля стакнулись с ворами завскладами и шеф-поварами на двух питательных пунктах (всего их было нами организовано шесть — по одному на каждый район города) для эвакуированных детей, живущих с неимущими матерями.

Екатерина Павловна отнюдь не раздувала этого скандала, а после того, как мы изгнали из своей среды недостойно поступавших женщин, она сумела использовать их изгнание в воспитательных целях для других женщин. Присущая Екатерине Павловне немногословность и сдержанность в сочетании с исключительным тактом придавали ей необыкновенный авторитет. Ей удалось так тесно сплотить наш коллектив, что члены его были преисполнены рвением помогать не только детям, но и друг другу.

Некоторые из наших подлинных активисток дошли до того, что начали каяться в самых мелких своих прегрешениях (пусть не имевших прямого отношения к нашей работе). С тревогой вопрошали они меня — как к такому-то и такому их поступку отнесется, если узнает о нем, Екатерина Павловна. Под влиянием этой удивительной женщины морально-этические представления многих членов нашей Комиссии претерпели весьма существенные изменения. Не будет преувеличением сказать, что Екатерина Павловна стала для некоторых из них подобием духовника для верующих»[21].

[21] Иванова Т. В. Екатерина Павловна Пешкова // Мои современники, какими я их знала: Очерки. М.: Советский писатель, 1987. С. 356–361.

Многие из бывших сотрудников ПОМПОЛИТа и друзей Екатерины Павловны не уехали в эвакуацию. Они писали Екатерине Павловне, подробно рассказывая о своей жизни в военной Москве, о своих близких и знакомых. В их письмах явно чувствуется любовь к Екатерине Павловне. Ниже приводим отрывки из двух писем бывших сотрудниц ПОМПОЛИТа:

«Как бы я хотела, чтобы Вы вернулись, мне так недостает Вас, — я всегда отдыхала в Вашем присутствии. <...> Очень прошу, берегите себя, Вы еще нужны для многих и много еще можете сделать людям»[22].

«<...> невольно мысль обратилась к прошлому, к годам, когда Вы вели ту замечательную работу, участвовать в которой было счастьем и радостью. Как хотелось бы Вас увидеть и говорить с Вами»[23].

Екатерина Павловна вернулась из эвакуации в Москву в декабре 1942 года.

Кончилась война. Шли годы. Уходили люди, с которыми была связана жизнь Екатерины Павловны. Еще до войны умерла Мария Александровна.

«12/IV 39 г. 7-го апреля умерла бабушка. Ее долгий жизненный путь окончился. Жила она, как-никак, а 91 год! Много. Вряд ли кто из нас доживает до этого срока. Кстати, это будет в 2009 году. Страшно и подумать, какой это срок. 70 лет надо прожить, чтобы дожить до 91 года. Да. Кремация была 9-го. Вчера прах Бабушки похоронили на Ново-Девичьем кладбище»[24], — писал Шурка в своем дневнике. Жить «страшно» долго ему не пришлось. В каком году и где он погиб, нам не известно; последние имеющиеся у нас сведения об Александре Воскресенском: в январе 1942 года он находился в городе Омске с тяжело обмороженными во время маневров руками.

---

[22] АГ. ФЕП-кр 38–39–9. В. Г. Ман — Е. П. Пешковой. Из Москвы в Ташкент, 10 марта 1942 г.

[23] АГ. ФЕП-кр 24–29–1. В. Л. Динесман — Е. П. Пешковой. Из Москвы в Ташкент, 23 июля 1942 г.

[24] Дневник А. Воскресенского. Тетрадь 7-я.

В 1942 году скончалась в Москве Вера Николаевна Фигнер[25], в Ташкенте умер Иван Николаевич Ракицкий («Столп дома Пешковых»). Уже после окончания войны, в октябре 1945 года, умер Иван Павлович Ладыжников, в 1947 году — Михаил Константинович Николаев[26].

В мае 1948 года возвратилась из эмиграции вместе с семьей своей старшей дочери Екатерина Ивановна Муравьева[27]. Через месяц после возвращения они были арестованы; в тот же день была арестована и младшая дочь Екатерины Ивановны[28]. Екатерина Ивановна (как социально опасный элемент) была

---

[25] В. Н. Фигнер захоронена на Новодевичьем кладбище на том участке, где захоронены народовольцы; ее могила находится недалеко от могилы Андрея Юльевича Фейта.

[26] М. К. Николаев захоронен на Новодевичьем кладбище, его могила находится недалеко от могил Максима и Екатерины Павловны.

[27] В 1925 г. семья Н. К. Муравьева разделилась: Е. И. Муравьева вместе со старшей дочерью Ириной покинула Россию и жила в Париже, Н. К. Муравьев с младшей дочерью Татьяной остались в Москве. Татьяна вышла замуж за Гавриила Андреевича Волкова — литературоведа, редактора полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, арестованного в 1941 г. и погибшего во время войны в лагерях. Она осталась одна с двумя сыновьями Андреем и Иваном.

Ирина вышла замуж за Александра Александровича Угримова, выехавшего из России в 1922 г. (Его отец А. И. Угримов был выслан на «философском» пароходе.) А. А. Угримов и Ирина Николаевна были активными участниками французского Сопротивления. В 1947 г. А. А. Угримов был избран председателем отдела Союза советских граждан (ССГ) во Франции, в ноябре 1947 г. он был арестован и выслан из пределов Франции в составе группы руководящих членов ССГ. В марте 1948 г. он вернулся в Москву. Ирина Николаевна с тринадцатилетней дочерью и матерью последовали за ним добровольно.

[28] Екатерина Ивановна и Ирина Николаевна были арестованы 15 июня 1948 г. на даче в Николиной Горе. Н. К. Муравьев умер еще в декабре 1936 г. По-видимому, смерть помешала его аресту: «<…> Николай Константинович умер. Даниил <Андреев> читал всю ночь над его гробом Евангелие. <…> Как раз в это время явились с ордером на арест Николая Константиновича и обыск в квартире. Гроб с телом покойного стоял на его письменном столе, Даниил продолжал читать, не останавливаясь ни на минуту, а пришедшие выдергивали ящики письменного стола прямо из-

приговорена к 5 годам ссылки в Сибирь. По прибытии в место ссылки она отправила Екатерине Павловне письмо, в котором просила помочь внуку, живущему в городе Торжке Калининской области, взять его к ней на иждивение: «Наше более, чем 40 л<етнее> знакомство дает мне надежду, что Вы не очень рассердитесь на меня и, надеюсь, что Вы захотите помочь советом моему 17 л<етнему> внуку А<ндрею> В<олкову>»[29]. Во время ареста матери Андрей сдавал экзамены на аттестат зрелости, ему оставался один экзамен, но ему не позволили его сдать и принудительно отправили в Торжок в индустриальный техникум Министерства трудовых резервов. Через год, летом 1949 года, Андрей снова сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил в Московский экономико-статистический институт.

Татьяна Александровна Угримова рассказала: «В 1949 году бабушка моя Екатерина Ивановна в возрасте шестидесяти пяти лет оказалась в ссылке в глухом сибирском селе Венгерово без каких-либо средств к существованию. Никого из взрослых членов семьи не оставалось на свободе. По ее просьбе мой двоюродный брат Андрей Волков пошел к Екатерине Павловне. “Екатерина Ивановна, может быть, не знает, что я больше ничего не могу”, — сказала она, но дала ему денег. Летом 1953 года, освободившись по послесталинской амнистии, Е<катерина> И<вановна> снова оказалась в Москве. Ни кола, ни двора… Начались ее бесконечные хлопоты: о реабилитации, о пенсии, о квартире. Во всем ей помогала Екатерина Павловна (как потом хлопотала об устройстве на работу

под гроба и уносили бумаги» (Андреева А. А. Плаванье к Небесному Кремлю. М.: Ред. журн. «Урания», 1998. С. 97).

В мезонине дачи находился кабинет Николая Константиновича, в котором оставались его бумаги, дела, книги. После обыска, произведенного на даче гебистами, архив Н. К. Муравьева исчез (существует версия, что все бумаги и книги гебисты бросили в пересохший колодезь).

В этот же день, 15 июня, в Москве была арестована Татьяна Николаевна, в Саратове — А. А. Угримов. Младший сын Татьяны Николаевны и дочь Ирины Николаевны были отправлены в Центральный детский приемник-распределитель (в Даниловском монастыре), а затем — в детские дома. А. А. Угримов и Т. Н. Волкова были приговорены к 10 г. ИТЛ, И. Н. Угримова — к 8 г. ИТЛ. Освобождены они были в 1954 г.

[29] АГ. ФЕП-кр 41–26–2. Е. И. Муравьева — Е. П. Пешковой. Из с. Венгерово Новосибирской обл. в Москву, январь 1949 г.

моей мамы, не имевшей, кроме лагерного, никакого опыта и стажа работы в советских условиях). Она писала ответственным чиновникам, что знает мою бабушку с 1902 года, что с тех пор они вместе работали в нелегальном политическом Красном Кресте, что в декабре 1905 года Е<катерина> И<вановна> вывезла из наводненной карательными отрядами Москвы одного из руководителей восстания на Пресне Литвина-Седого, чем спасла ему жизнь, упоминала и о помощи амнистированным в 1917 году, но о послереволюционном "Кресте" не писала никогда — очевидно, эта тема и в то время продолжала быть крамольной»[30].

После закрытия ПОМПОЛИТа о его существовании, как и о существовании политического Красного Креста, власти предпочитали не упоминать, а Екатерина Павловна уже не только не могла никому помочь, более того, ее вмешательство было нежелательным:

«Моя мать Шестакова Наталья Петровна знала Екатерину Павловну Пешкову еще с дореволюционных времен, т. к., только окончив гимназию, работала воспитательницей в детских учреждениях для детей погибших воинов в Первую мировую войну. Кроме того, ее брат Всеволод Петрович Шестаков дружил с Максимом Пешковым. В 20-х годах маме часто приходилось обращаться в ПОМПОЛИТ, которым руководила Екатерина Павловна, за материальной помощью для заключенного Владимира Борисовича Базилинского, а затем за разрешением о регистрации с ним брака. Больше года длилась борьба, наконец, в 1926 году брак был заключен в Челябинской тюрьме, где папа отбывал срок. В 1928 году мама последовала за отцом в ссылку в Березов. И в это время им постоянно оказывалась помощь от ПОМПОЛИТа.

В 1948 году моя старшая сестра окончила школу с серебряной медалью в городе Владимире и подала заявление о поступлении на биофак МГУ. Мама боялась, что ей откажут из-за того, что папа находится в заключении (хотя в это время он давно был расстрелян, о чем мы не знали). По старой памяти мама решила обратиться за помощью к Екатерине Павловне. Мы пришли все трое к ее

[30] Стой в завете своем… / Сост. Т. А. Угримова, А. Г. Волков. М.: ОМО «АМА-ПРЕСС», 2004. С. 142–143.

дому на Чаплыгина, вошли в подъезд, где сидел вахтер, мама шепнула нам: “Следят, кто идет”. Наверное, нас спросили, к кому идем, но точно не помню. Мы поднялись на лифте, но я успела увидеть белоснежную мраморную лестницу. Вошли в квартиру, о нашем приходе было заранее договорено, нам открыла домработница. В комнате нас встретила очень пожилая, но очень красивая женщина — это была Екатерина Павловна. О чем говорили и сколько мы там были — не помню, но в ответ на мамину просьбу Екатерина Павловна грустно улыбнулась и сказала: “Боюсь, что теперь мое ходатайство только ухудшит дело”. Сестру не приняли, как и меня через три года»[31].

После войны любимые внучки Екатерины Павловны вышли замуж. Об отношении Екатерины Павловны к их замужеству вспоминала А. Н. Пирожкова (жена И. Э. Бабеля):

«К замужеству Марфы и Дарьи Екатерина Павловна, как мне казалось, отнеслась спокойно. Дарья, работавшая в театре Вахтангова, вышла замуж за молодого Сашу Граве, артиста того же театра, и я знаю, что Екатерине Павловне нравился этот молодой человек и особенно его родители, которые бывали с тех пор в гостях у Екатерины Павловны.

Марфа вышла замуж за Сергея Берия, сына главного МГБиста Советского Союза Лаврентия Павловича Берия, и переехала жить в ту семью. Еще когда Сергей ухаживал за Марфой, Екатерина Павловна иногда морщилась от повадок этого молодого человека, которому можно было иметь машину, моторную лодку, приходить к ней в дом с медвежонком и купаться в Москве-реке в месте, где запрещено это делать всем другим. С другой стороны, он был недурен собой. Закончил Институт связи в Москве и был неплохим инженером по связи.

Екатерину Павловну в дом Берия приглашали на каждый воскресный обед, и однажды я спросила, не может ли она узнать у Берия о судьбе Бабеля. Она ответила: “И без вашей просьбы я как-то обратилась к нему, и он мне ответил, что деловых разговоров в

[31] Из воспоминаний Марины Владимировны Базилинской (1932–2009), дочери известного эсера В. Б. Базилинского. Окончила Сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, кандидат биологических наук.

доме не ведет, просил для этого приходить к нему на прием в рабочее время. Но, сколько бы я ни звонила Берия в МГБ, в его секретариате отвечали, что он занят, что он уехал и т. д. И я поняла, что он не хочет принимать меня вообще. Дома он запрещает всякие разговоры об арестованных". И Марфа предупредила Екатерину Павловну, что Берия самым строгим образом запрещает задавать ему вопросы такого рода. <...>

Шли годы, и у Дарьи был уже славный мальчик Максим и красивая голубоглазая девочка Катя, у Марфы — две дочери, Нина и Надежда, обе очень хорошенькие. По внешнему виду Нина была настоящей грузинкой, тип Бэлы по Лермонтову, а Надя — в мать и обещала стать красавицей, как и Марфа. Девочки весной и летом всегда жили на даче Берия. Осенью и зимой их иногда привозили к Екатерине Павловне, где я раза два видела их маленькими.

Настал 1953 год, в марте умер Сталин. Все считали и очень боялись, что его место займет Берия как самый влиятельный и близкий к вождю человек. Но оставшиеся члены ЦК партии, по всей вероятности, особенно боялись Берия и расправились с ним, спасая свои жизни. По этому поводу в Москве ходило много слухов, кто-то слышал, что Берия был застрелен генералом Жуковым на первом же без Сталина заседании ЦК партии, другие говорили, что он был арестован и в тюрьме расстрелян без всякого суда. Слухов всяких было много, как о болезни и смерти Сталина, так и о смерти Берия. Временно главные роли в ЦК заняли Маленков и Хрущев.

Арест и расстрел Берия касался семьи Екатерины Павловны Пешковой, и когда она в первый раз после этого пригласила меня к ней зайти, то рассказала, что сына Берия Сергея арестовали тоже. Жену Берия и Марфу, беременную в третий раз, заключили под домашний арест на его даче. Дача была оцеплена милицией или скорее войсками КГБ, и ни выходить оттуда, ни входить туда никому не разрешалось.

Екатерина Павловна сильно переживала за Марфу, но не бездействовала. Каким-то образом она узнала, что Сергея проверяют, и если окажется, что он не знал о делах своего отца, то его могут освободить. Узнала она и о том, что, находясь в тюрьме, Сергей сделал несколько рационализаторских предложений по связи, что было в его пользу. А кроме того Екатерина Павловна добилась,

чтобы фамилии девочек Марфы были изменены на Пешковых. Марфа при замужестве свою фамилию не меняла. Помню, что по поводу замены фамилии она обращалась к Маленкову. Он же разрешил сыну Берия взять фамилию своей матери — Гогочкори»[32].

Корней Иванович Чуковский, сблизившийся с семьей Пешковых во время эвакуации в Ташкенте, вскоре после ареста Берия[33] записал в своем дневнике:

«<1953 г...> 12 июля.

<...> Мне вспоминается сын Берии — красивый, точно фарфоровый, холеный, молчаливый, надменный, спокойный; я видел его 29 марта у Надежды Алексеевны на поминках по Горькому. Тамара Влад<имировна> (жена Всеволода <Иванова>) подняла тогда бокал за “внуков Горького” — то есть за Берию и мужа Дарьи. Что теперь с его надменностью, холеностью, спокойствием? Где он? Говорят, Марфа беременна. Говорят, Катерина Павловна тщетно пытается к ней дозвониться. Дикая судьба у горьковского дома: — от Ягоды до Берии — почему их так влечет к гепеушникам такого — растленного — образа мыслей, к карьеристам, перерожденцам, мазурикам. Почему такие милые — простодушные, — женщины, как Кат<ерина> П<авловна> и Надежда Ал<ексеевна>, втянуты в эту кровь?»[34]

И в следующем году: «<1954 год>. 4 ноября. (Барвиха) <...> От тоски, от корректур, от безлюдья, от сознания полной своей неприкаянности — я побрел к Екатерине Павловне Пешковой — которая живет в деревне Барвихе на собственной даче (дача Горького). Сколько ей лет? Лет 78, а она бодра, возбуждена, эмоциональна, порывиста. Недавно в Лит<ературном> Музее был, оказывается, вечер Чехова и читались письма Станиславского к

---

[32] Пирожкова А. Н. Екатерина Павловна Пешкова // Октябрь. 2003. № 7.

[33] Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) — советский государственный и политический деятель, с декабря 1938 г. возглавлял НКВД, с 1941 г. — Генеральный комиссар госбезопасности, с 1945 г. — Маршал Советского Союза, член Политбюро (1946–1953), первый заместитель Председателя Совета Министров СССР (1953). Арестован 26 июня 1953 г. Расстрелян 23 декабря 1953 г.

[34] Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969: В 2 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Звездный мир, 2003. Т. 2: Дневник. 1930–1969. С. 239–240.

Чехову — “такие дивные, такие благородные, милые, что я была очарована чуть не до слез. И какие талантливые воспоминания Ольги Леонардовны о смерти Чехова: он здесь лежит, в номере гостиницы, похолоделый, а в окно врывается чудесное летнее утро — та природа, которую он так любил… — И тут же была прочтена речь, которую Станиславский сказал при открытии памятника Чехову в Баденвейлере, — чудесная речь, очень молодая, волнующая. Я так была взбудоражена всем этим, что когда Дарья заехала за мною и я села в машину, Дарья говорит: ‘Бабушка, что с тобою?’ ”

Потом заговорили о Серго. “Хлопочу, бегаю в прокуратуру, но Руденко меня не принимает, а ведь С<ерго> не имел к отцу никакого отношения, и это была такая пара, так они любили друг друга (и побежала, принесла фотографию). А нам уже нельзя жить широко, ведь мы уже не получаем гонорара за книги Алексея Максимовича, срок прошел, оказалось, что мы жили не по средствам, приходится бросить дачу, жить в городе... Жалко правнуков, им так хорошо за городом…” Но потом отмахнулась от личного и стала говорить про издание писем Горького к ней: вот вышла книжка “Письма Марии Павловны Чеховой” с ее примечаниями, а мне не позволили»[35].

Гонорары за книги Алексея Максимовича получала не Екатерина Павловна, а внучки, до их совершеннолетия — их мать, Екатерине Павловне деньги на жизнь давала Надежда Алексеевна.

«Хочу сказать о средствах, на которые существовала Екатерина Павловна в последние годы жизни. Раньше она работала всегда бесплатно. Деньги на жизнь давал ей Алексей Максимович, считавший, что он получает много, и ей не следует брать еще у государства. После смерти Алексея Максимовича все наследовали потомки, выдававшие ей какую-то сумму.

Екатерина Павловна рассказала мне о том, как она получила пенсию. К ней приходили инспектора для того, чтобы она подтвердила, что такой-то работал там-то и получал столько-то. Один из инспекторов спросил, какая у нее пенсия. Удивился тому, что “никакой”. А затем ей прислали пенсионную книжку. Она имела 240 рублей в месяц: 120 рублей пенсии и 120 рублей ей платил Музей Горького за работу по редактированию писем Алексея

[35] Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969: В 2 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Звездный мир, 2003. Т. 2: Дневник. 1930–1969. С. 254–256.

Максимовича»[36] — это отрывок из воспоминаний Е. А. Гейнце[37], написанных вскоре после смерти Екатерины Павловны.

Согласно архивным документам, Екатерина Павловна работала безвозмездно в МПКК и ПОМПОЛИТе, а в качестве Уполномоченной Польского Красного Креста не получала зарплату за свою работу до 1935 года. В 1935–1937 годах ее месячная зарплата была в два раза больше, чем зарплата секретаря или шофера. (В 1937 году она составляла 800 рублей в месяц, шофер и секретарь получали соответственно по 400 рублей.)[38]

С 1949 года Екатерина Павловна занималась литературной работой (в качестве секретаря с ней работала Елена Исааковна Уфлянд) и была консультантом Архива А. М. Горького при Институте мировой литературы имени Горького (ИМЛИ).

После смерти Сталина начали возвращаться в Москву уцелевшие в ссылках и лагерях. Вернулась Екатерина Ивановна Муравьева, затем ее дочери и зять, в 1956 году вернулась Ирина Гогуа. Возвращались на родину эмигранты. Из эмиграции вернулся Василий Васильевич Сухомлин[39], член ПСР, брат Ольги Елисеевны Колбасиной-Черновой. Советское гражданство он получил в 1947 году во Франции, в 1951 году был выслан из Франции как

---

[36] Из экземпляра воспоминаний Е. А. Гейнце, сохраненного в личном архиве Т. Э. Шпольской.

[37] Гейнце Елена Александровна — врач, дочь А. К. и Л. Н. Гейнце. Жила в Ленинграде. Знала Екатерину Павловну с детства и была последней, кто видел ее в живых.

[38] См.: ГА РФ. Ф. Р-8406. Оп. 3. Д. 5.

[39] Сухомлин Василий Васильевич (1885–1963). В революционном движении с 1898 г. С 1903 г. жил в Ялте. Окончил ялтинскую гимназию. В 1907 г. был арестован, выслан в Тобольскую губернию, бежал из ссылки за границу. Окончил университет во Франции. Летом 1917 г. вернулся в Россию, был избран в ЦК ПСР и депутатом Учредительного собрания, работал в редакции газеты «Дело народа». В марте 1918 г. эмигрировал в Финляндию. В 1922 г. был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ЦК ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Жил во Франции, после ее оккупации переехал в США, в 1942 г. вышел из Нью-Йоркской группы ПСР. После окончания войны вернулся во Францию. В эмиграции работал в русской эмигрантской прессе, занимался переводами на французский язык художественных произведений русских писателей.

коммунистический агент, в СССР вернулся в 1954 году. С Екатериной Павловной они были знакомы с дореволюционных лет, и теперь он бывал гостем в ее доме. В следующем, 1955 году в Советский Союз приехали две дочери Ольги Елисеевны[40] Ольга и Ариадна. Приехали они как туристы вместе со своими мужьями; начиная с 1957 года они, а также их сестра Наталья со своим мужем приезжали в Союз регулярно[41]. С конца пятидесятых годов по

[40] Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова вернулась в Москву в июне 1964 г., в октябре 1964 г. она умерла. Урна с ее прахом захоронена в могилу В. В. Сухомлина на кладбище в Переделкино.

[41] Ольга Викторовна была замужем за Вадимом Леонидовичем Андреевым (1902–1976) — поэтом и писателем, старшим сыном Л. Н. Андреева, Наталья Викторовна — за поэтом и журналистом Даниилом Георгиевичем Резниковым (1904–1970), Ариадна Викторовна — за литератором Владимиром (Брониславом) Брониславовичем Сосинским (1900–1987). Андреев, Сосинский и Резников были друзьями, познакомились они в начале двадцатых годов в Константинополе, в котором оказались при отступлении белой армии; сблизил их интерес к литературе. Позже они эмигрировали во Францию. Во время Второй мировой войны Андреев и Сосинский активно участвовали в Сопротивлении, в 1946 г. приняли советское гражданство, но остались в эмиграции, после войны переехали в США, работали в аппарате ООН. Когда в 1955 г. Андреевы и Сосинские приехали в Советский Союз, Даниил Андреев (младший сын Л. Н. Андреева и крестник Горького) еще находился в заключении. Он был арестован в апреле 1947 г. и приговорен к 25 годам ИТЛ по обвинению в террористических намерениях и создании антисоветской группы; из тюрьмы он был освобожден в 1957 г. и через два года умер.
В 1926 г. из Биаррицы, где Ольга Елисеевна и ее дочери тогда жили, Наталья писала Екатерине Павловне, что они часто вспоминают ее и хотели бы видеть, что они с Ольгой и ее мужем очень хотят вернуться в Россию, и она спрашивала мнение Екатерины Павловны по этому поводу (АГ. ФЕП-кр 64–12–1).
Ни Ольга, ни Наталья в Советский Союз не вернулись: в тридцатые годы они пытались вернуться, но безуспешно, а после войны их, по-видимому, остановил арест Даниила. В 1959 г. В. Л. Андреев был переведен на работу в Женеву. После его смерти Ольга Викторовна переехала к сестре в Париж. Ольга Викторовна Андреева-Чернова (1903–1979) и Наталья Викторовна Резникова-Чернова (1903–1992) похоронены на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.
Сосинские в 1960 г. вернулись в СССР. Самым близким другом Б. Б. Сосинского был А. А. Угримов. Во второй половине 1960-х годов А. А. Угримов познакомился с А. И. Солженицыным и стал одним из его помощников. Александр Андреев (сын Ольги Викторовны и В. Л. Андреева) в 1968 г. вывез из СССР микрофильм «Архипелаг ГУЛАГ».

приглашению Екатерины Павловны в Москву почти ежегодно приезжала Мария Игнатьевна Будберг.

В 1957 году в Москву вместе с родителями приехал сын Ариадны Викторовны Алексей Сосинский, через два месяца его родители уехали, а он остался, поступил на математический факультет МГУ, окончил его, стал крупным математиком. Алексей Брониславович встречался с Екатериной Павловной, он вместе с родителями был у нее в гостях три раза: в 1957, 1958 годах и в начале шестидесятых. Все три встречи запомнились ему как очень интересные. Екатерина Павловна произвела на него сильное впечатление: в первые два посещения — своей собранностью и даже резкостью, в последнее — тем, что совершенно преобразилась: исчез полный контроль над собой, собранность и резкость, она изменилась психологически, как бы почувствовала, что необходимость бороться и держаться отпала, что можно не «маскировать свои душевные качества».

В конце пятидесятых годов тема помощи политзаключенным все еще была полузапретной. В 1958 году (прошло пять лет после смерти Сталина) состоялся вечер, посвященный 80-летию Екатерины Павловны[42], ее «работа получила заслуженное широкое признание, <но> ничего не было сказано о работе на Кузнецком. Не время еще?»[43] — это строки из письма В. А. Перес, бывшей сотрудницы ПОМПОЛИТа. И дальше из этого же письма: «Но есть потребность как раз теперь же от себя лично, ото всех, кто был тогда с Вами, видел и знал Вашу наигуманнейшую работу, в которую Вы вкладывали поразительно много энергии, ума и души, и от всех тех, для кого Вы с такой смелостью и отзывчивостью отдавали свои силы, особенно самозабвенно для бесчисленного множества матерей, самовольно беру на себя смелость выразить Вам глубочайшее уважение, любовь и благодарность»[44].

Запретную тему открыла публикация «Одного дня Ивана Денисовича». Одним из немногих, кому в декабре 1961 года Твар-

---

[42] Отмечалось ее 80-летие. (По паспорту год рождения Екатерины Павловны значился как 1878 г.)

[43] Центр документации «Народный архив». Ф. 278. Оп. 1. № 174.

[44] Там же.

довский дал для прочтения рукопись никому не известного автора, бывшего зэка А. И. Солженицына, был К. И. Чуковский. «Один день Ивана Денисовича» был опубликован в журнале «Новый мир» в ноябре 1962 года. 27 октября 1963 года, находясь в Барвихинском санатории, К. И. Чуковский записал в своем дневнике: «<...> Вчера к Екатерине Павловне Пешковой, которая живет здесь в 22 палате, приехали ее правнуки: Катя, Максик и волшебно красивая Ниночка (внучка Берии), а также Людмила Толстая. Мы все уселись на террасе. Невдалеке поместился маршал Соколовский. Как нарочно, заговорили о Солженицыне. Все отзывались о нем восторженно. С. слушал-слушал, не выдержал и сбежал»[45].

Екатерина Павловна умерла 26 марта 1965 года после двух последовавших один за другим инфарктов. В декабре 1964 года, когда она отдыхала в Барвихинском санатории, у нее случился инфаркт. Внучки отвезли ее в Кремлевскую больницу. Ей стало лучше, и врачи позволили взять ее домой, но дома у нее был повторный инфаркт, и ее вновь увезли в Кремлевскую больницу. Родные и друзья организовали около Екатерины Павловны круглосуточные дежурства, кроме того, была специальная дежурная сестра. 25 марта до поздней ночи сидела около Екатерины Павловны Елена Александровна Гейнце. В последнюю ночь никого из близких не было, т. к. дежурила лечащий врач и очень хорошая сестра. Утром из больницы позвонили, что у Екатерины Павловны был тяжелый сердечный приступ. Татьяна Александровна Альфер и Елена Александровна Гейнце поехали в больницу, но в живых Екатерину Павловну не застали.

Марфа Максимовна Пешкова рассказала, что когда умирающую Екатерину Павловну спросили, чего бы она хотела (имелись в виду бытовые желания), она ответила: «Увидеть Флоренцию».

«Мне бы очень хотелось написать и дать верный портрет Екатерины Павловны Пешковой. Я ее очень люблю и считаю выдающейся женщиной. Она по своему складу ума, и своей скромности, и своей женственности меня просто трогает <...> и я ее считаю не-

[45] Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969: В 2 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Звездный мир, 2003. Т. 2: Дневник. 1930–1969. С. 412.

обыкновенной женщиной. Только в ней один недостаток: она слишком *чиста* и многое дурное не видит в жизни. <...> Я много видела народу в моей жизни, но такую женщину, как она, я еще не видела. Я очень огорчена, что она стала болеть сердцем. Очевидно, она так много пережила, что сердце не выдержало. Меня поражает то, что все, кто ее окружают, ее не понимают…»[46] — это отрывок из «Записок» Зинаиды Григорьевны Морозовой (жены Саввы Тимофеевича Морозова), писала она их в 1942 году, когда Екатерина Павловна была в эвакуации в Ташкенте. От попытки «дать верный портрет Екатерины Павловны» З. Г. Морозова, по-видимому, отказалась.

После кончины Екатерины Павловны воспоминания о ней написала Анна Васильевна Книпер[47]:

«Всегда, встречаясь с ней, я не переставала изумляться: как, прожив такую долгую, сложную жизнь, сталкиваясь со столькими людьми, всякими, — как она сумела до глубокой старости сохранить абсолютную чистоту души и воображения, такую веру в человека и сердце, полное любви. И полное отсутствие сентиментальности и ханжества. <...> Она вообще не помнила, что она делала для людей, ей это было так естественно, как дышать. Сколько людей я перевидала, но никогда не встречала такого полного заб-

---

[46] Материалы к «Запискам» З. Г. Морозовой / Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Матевосян // Контекст. Историко-литературные и теоретические исследования. 2008. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 265–266.

[47] Книпер Анна Васильевна (1893–1975). Отец — композитор Василий Ильич Сафонов. Первый муж — контр-адмирал Сергей Николаевич Тимирев, второй муж — инженер-строитель Всеволод Константинович Книпер. В 1915–1920 гг. — роман с А. В. Колчаком, в 1918–1920 гг. — его возлюбленная. Сын — художник Владимир Тимирев (1914–1938) расстрелян.

Арестовывалась 6 раз: в 1920 г. (добровольно присоединилась к арестованному Колчаку), в 1921, 1925, 1935, 1938, 1949 гг. Содержалась в Иркутской, Новониколаевской, Бутырской, Ярославской тюрьмах, Забайкальском ИТЛ, Карагандинских лагерях. В ссылках: в городах Тарусе, Вышнем Волочке, Верее, Малоярославце, на ст. Завидово Октябрьской ж. д., в г. Енисейске Красноярского края, г. Рыбинске.

В тюрьмах, ссылках и лагерях провела более 30 лет. Реабилитирована в 1960 г.

В ссылках работала вышивальщицей, художницей, инструктором по росписи игрушек, лесорубом (в почти шестидесятилетнем возрасте), маляром, художником-оформителем в музее, бутафором в Рыбинском госдрамтеатре.

вения своих поступков, а вот малейшее внимание к себе она помнила. <...> Не знаю человека, который бы так уважал дела другого — что бы это ни было.

<...> Вот я начала писать о Екатерине Павловне, и меня потянуло в Новодевичий на ее могилу. Я бывала там вместе с нею — на могиле ее сына и матери: ей было уже трудно ездить одной… а внукам некогда, все дела, дела…

Она купила цветов в горшках, попросила меня взять лейку — а самой ей стало нехорошо, я просто не знала, как ее довести до участка. Две лиственницы сплетаются верхушками над могилами. У памятника ее сына лежали три белые астры — ей было приятно, что кто-то все-таки вспомнил. Хотелось самой высадить цветы, а было трудно.

Теперь прибавилась и ее могила. Кругом чисто — видно, уборка оплачивается, — и видно, что никто там не бывает, очень там казенно. Только памятник ее сына приобрел новый смысл: со своей стелы Максим смотрит на могилу матери. “Эта рана никогда не заживает, — как-то сказала мне Екатерина Павловна. — Дарья назвала своего сына Максимом, она думала сделать мне приятное, а мне это ножом по сердцу”.

Мимо проходила экскурсия молодых девушек. Экскурсовод указал на могилу “сына Горького” — у него не нашлось ни одного слова, чтобы сказать о Екатерине Павловне, которая всю жизнь отдавала людям в несчастье. “К страданиям чужим ты горести полна, и скорбь ничья тебя не проходила мимо — к себе самой лишь ты неумолима…” — разве не о ней эти строки А. К. Толстого?

Очень мне было горько.

Вспомнила я ее похороны. Говорились речи о той работе, которую она вела по литературному наследству Горького — замалчивая, еле касаясь политического Красного Креста, точно это запретная тема, неловко ее касаться. И только один голос произнес:

“Спасибо, Екатерина Павловна, от многих тысяч заключенных, которым Вы утирали слезы”. Я обернулась — старая женщина посмотрела на меня: “Я не могла этого не сказать”[48].

---

[48] Это была Наталья Мильевна Аничкова (1896–1975), филолог, бывшая лагерница. Она много помогала А. И. Солженицыну, который в «Архипелаге ГУЛАГ» упоминает ее и ее репрессированных родственников.

На гражданской панихиде в музее Горького я стала у гроба. Екатерина Павловна лежала в цветах, и лицо ее было молодое, такой прекрасный лоб, тонкие брови — никогда ее больше не увижу. Заплакала я — кто-то сказал: “Вам нехорошо? Дать капель?” Как будто бы странно, что можно заплакать, прощаясь с дорогим человеком.

Каких мы людей теряем,
Какие уходят люди…
И горше всего — что знаем:
Таких уж больше не будет.
Была нам в жизни удача,
Что мы повстречались с ними —
И нет их… И только плачем,
Повторяя светлое имя». [49]

«…если ставить памятник Женщине — женщине с самой большой буквы <…>, то начать надо именно с нее» — так написала о Екатерине Павловне близко знавшая ее Т. В. Иванова[50].

Памятником Екатерине Павловне служат архивы Московского политического Красного Креста, организации «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» и Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста — подлинные документы, сохранившие историю нашей страны — той России, которая была уничтожена репрессивной политикой советской власти.

[49] Книпер А. В. Екатерина Павловна Пешкова. Фрагменты воспоминаний / Публ. и прим. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Исторический альманах. 1. М.: Прогресс: Феникс, 1990. С. 146, 150–151.

[50] Иванова Т. В. Екатерина Павловна Пешкова / Мои современники, какими я их знала: Очерки. М.: Советский писатель, 1987. С. 364.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Александр Исаевич Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» упоминает о существовании в советское время политического Красного Креста:

«Смешно сказать, но по нелепой традиции сохранялся от старой России политический Красный Крест. Три отделения было: Московское (Е. Пешкова), Харьковское (Сандомирская) и Петроградское. Московское вело себя прилично — и до 1937 не было разогнано. Петроградское же (старый народник Шевцов[1], хромой Гартман, Кочаровский) держалось несносно, нагло, ввязывалось в политические дела, искало поддержки старых шлиссельбуржцев (Новорусский, одноделец Александра Ульянова) и помогало не только социалистам, но и каэрам — контрреволюционерам. В 1926 году оно было закрыто, и деятели отправлены в ссылку»[2].

Когда А. И. Солженицын писал эти строки, архивы Московского политического Красного Креста и ПОМПОЛИТа еще не были рассекречены. В настоящее время мы имеем подлинные документы, свидетельствующие о том, кем и как был создан политический Красный Крест в Советской России (не «по нелепой традиции сохранялся»), как работали его отделения, каким категориям граждан оказывалась помощь. Что касается Петроградского отделения, то в нем было меньше активных работников, чем в Московском, поэтому Московское отделение вскоре после своего создания стало играть роль Всесоюзного. (Недаром в ноябре 1923 г. В. П. Гартман писал: «Если бы Екатерина Павловна могла вдохнуть жизнь в заснувший Питер. Очень бы хотелось еще поработать в Кресте. Москва в этом отношении счастливее, она имеет Вас, а у нас, бедных

---

[1] Правильно — Швецов.

[2] Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М.: ИНКОМ НВ, 1991. С. 38–39.

провинциалов, нет Вас, и ходим мы неприкаянные, ибо Михаил Васильевич <Новорусский> остыл, по-видимому, к этому делу»[3].) Прекратило свою работу Ленинградское отделение в 1937 году[4].

Об активной работе ПОМПОЛИТа есть свидетельство бескомпромиссной народоволки П. С. Ивановской[5], представлявшей Пол-

---

[3] ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 43. Л. 3.

[4] Первым председателем Петроградского политического Красного Креста был старый каторжанин — шлиссельбуржец Михаил Васильевич Новорусский (1861–1925). В 1924 г. его сменил Сергей Порфирьевич Швецов (1858–1930), тоже народоволец, позже эсер. М. В. Новорусский и С. П. Швецов в последние годы своей жизни много болели, и им было трудно работать. С 1929 г. Швецова замещал Владимир Паулинович Гартман (1883–1937), работал он практически один, и его квартира выполняла функцию приемной. В. П. Гартман был по профессии юристом, после революции служил в Красной армии в должности письмоводителя участка военного строительства, ни к каким политическим партиям никогда не принадлежал; после окончания войны с Польшей в течение года работал как юрисконсульт в представительстве Польского Красного Креста, вместе с Екатериной Павловной занимался эвакуацией на родину военнопленных поляков и гражданских лиц, оказавшихся после войны на советской территории, защищал их интересы. В 1937 г. он был арестован и расстрелян, тогда же и прекратило свое существование Ленинградское отделение.
Валентин Трифонович Кочаровский (1905 — не ранее 1935) — брат эсера Георгия Трифоновича Кочаровского, убитого на Соловках во время событий 19 декабря 1923 г. До февраля 1924 г. он жил в Москве и был сотрудником Московского политического Красного Креста. Переехал в Ленинград, поступив в Институт народного хозяйства, в июне 1924 г. был арестован во время засады в квартире одного политзаключенного, в октябре 1924 г. был освобожден под поручительство Е. П. Пешковой и В. Н. Фигнер и начал работать у Швецова. В декабре 1925 г. был вновь арестован и отправлен в ссылку по распоряжению из Москвы. Все годы его ссылок (вплоть до 1935 г.) Екатерина Павловна оказывала ему поддержку.
Харьковский политический Красный Крест был организован членом партии меньшевиков Лоттой Борисовной Сандомирской (1882–1941) и просуществовал только до 1924 г. (Его работу прекратила сама Сандомирская из-за того, что Харьковское ГПУ привлекло к сотрудничеству ее сына-подростка.)

[5] Ивановская Прасковья Семеновна (1853–1935) — народоволка, сестра жены В. Г. Короленко. Отказалась от членства в Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев из-за его официального характера, также отказалась от получения назначенной ей персональной пенсии, протестовала как могла против произвола большевистского режима. Вместе с Софьей Владимировной Короленко (1886–1957), дочерью В. Г. Короленко, возглавляла Полтавский политический Красный Крест.

тавский Красный Крест. В феврале 1929 года она писала Екатерине Павловне: «До нас дошел слух, что все Красные Кресты объединяются, не войдете ли и Вы в этот единый союз? Ваш или, вернее, наш общий Крест, т. е. Вы, работаете за этот период наибольше и напряженнее всех существующих в Европе, как же можно не включить такое активное учреждение?»[6]

О работе Екатерины Павловны по помощи полякам, арестованным в Советском Союзе, писал прелат о. Бронислав Чаплицкий: «Особенную роль в это страшное время играла первая жена писателя М. Горького, Екатерина Павловна Пешкова. Она возглавляла Комитет помощи политзаключенным, но называемый по-старому Политическим Красным Крестом, будучи одновременно и уполномоченной Польского Красного Креста, открытого в декабре 1920 года и закрытого Н. Ежовым в 1937 году. В Политический Красный Крест обращались многие заключенные, в том числе католические священники, монашествующие и миряне, а в Польский Красный Крест обращались в основном поляки. Сама Екатерина Павловна к своей службе относилась очень добросовестно, лично отправлялась в разные места заключений, рассматривала все поступающие просьбы, многие узники-католики были ее близкими знакомыми. Она организовала отправку материальной помощи в лагеря и ссылки, и можно смело утверждать, что многие католические священники из числа лиц, впоследствии освобожденных и выехавших в Польшу, выжили благодаря ее помощи. Она также посредничала в передаче по назначению помощи, поступающей из-за рубежа. Сохраненный в Москве архив Польского Красного Креста включает в себя 5639 личных дел. К сожалению, на русском языке эта тема пока не освещалась в печати»[7].

Деятельность Екатерины Павловны — помощь осужденным по политическим мотивам, носившая легальный характер, — осуществлялась путем взаимодействия с карательными органами и контролировалась ими. Работа Уполномоченного Польского Красного

---

[6] ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 406. Л. 22.

[7] Бронислав Чаплицкий. Роль Политического и Польского Красного Креста // История католической церкви в России. URL: htth // krotov.info/libr_min/24_ch/ap/ lizky_01.html.

Креста в СССР (права Уполномоченного защищались Женевской конвенцией) проводилась совместно с гражданами иностранного государства, поэтому контроль со стороны спецслужб был закономерным. Работа МПКК и ПОМПОЛИТа не была связана с какими-либо значительными межгосударственными акциями, но характер работы этих организаций требовал контакта со спецслужбами. При этом существование МПКК — общественной организации, осуществлявшей не только материальную помощь своим подопечным, но и юридическую защиту их прав, — большевисткая власть не могла допустить, а заменивший его ПОМПОЛИТ разрешение на свою деятельность получил от спецслужб и мог работать в рамках, дозволенных спецслужбами. Вынужденное сотрудничество Екатерины Павловны с карательными органами (получение справок о судьбах подопечных и ходатайства за них) вызывает осуждение многих противников большевистской диктатуры, однако благодаря ее деятельности в тоталитарном государстве в условиях все ужесточавшегося репрессивного режима существовала организация, помогавшая выживать физически и морально десяткам тысяч людей, преследуемым государством по политическим мотивам.

Екатерина Павловна не боролась с советской властью, а только помогала ее жертвам. Мало это или много?

Историк и политолог А. В. Оболонский в книге «Драма российской политической истории: система против личности» рассматривает общественно-политическую жизнь страны, основываясь на концепции двух типов социального мышления: персоноцентристской и системоцентристской: «В персоноцентристской шкале индивидуум является высшей точкой, “мерой всех вещей”. <...> В системоцентристской шкале индивид либо вообще отсутствует, либо рассматривается как нечто вспомогательное, способное принести большую или меньшую пользу для достижения надличностных целей»[8]. Характеризуя персоноцентристский тип сознания, А. В. Оболонский пишет: «<...> обратимся к стихам безвестной монашки Ново-Девичьего монастыря, о которых мы знаем лишь благодаря Марине Цветаевой. В этих безыскусных, по-детски про-

[8] Оболонский А. В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. С. 9.

стых и непосредственных строках содержится квинтэссенция персоноцентристского гуманизма, причем в самом высоком его проявлении:

Что бы в жизни ни ждало вас, дети,
В жизни много есть горя и зла,
Есть соблазна коварные сети
И раскаянья жгучего мгла,
Есть тоска невозможных желаний,
Беспросветный нерадостный труд
И расплата годами страданий
За десяток счастливых минут. —
Все же вы не слабейте душою,
Как придет испытаний пора —
Человечество живо одною
Круговою порукой добра!
Где бы сердце вам жить ни велело,
В шумном свете иль в сельской глуши,
Расточайте без счета и смело
Вы сокровища вашей души!
Не ищите, не ждите возврата,
Не смущайтесь насмешкою злой,
Человечество все же богато
Лишь порукой добра круговой!

Вот что говорит о стихотворении такой строгий судия, как сама Цветаева: “Этой безвестной монашенкой безвозвратного монастыря дано самое полное определение добра, которое когда-либо существовало: добра как круговой поруки, и брошен самый беззлобный вызов злу, который когда-либо звучал на земле…<...> Эти стихи мои любимые из всех, которые когда-либо читала, когда-либо писала, мои любимые из всех на земле. Когда после них читаю (или пишу) свои, ничего не ощущаю, кроме стыда”[9].

Для нас же эти стихи — свидетельство того, что персоноцентристские ценности стали находить дорогу к сознанию и тех русских людей, которые не входили в круг собственно интеллиген-

[9] Цветаева М. Собр. соч. в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 387, 388.

ции. <...> По своей сути этот тип сознания близок к тому, что Б. Спиноза определил когда-то как четвертый, доступный лишь очень немногим уровень свободы, как amor Dei intellectualis (интеллектуальная любовь к Богу). Дай Бог, чтобы хоть когда-нибудь наступили времена, в которые дух этот, до сих пор остающийся достоянием единиц, станет феноменом социальным!»[10]

Екатерина Павловна, по-видимому, обладала персоноцентристским типом сознания, который и определил ее отношение к людям и характер ее общественной деятельности. Значимость работы Екатерины Павловны для тысяч людей, преследуемых властями по политическим мотивам, — людей, судьбу которых она старалась облегчить, трудно переоценить. Вот отзыв только одного из них: «Нет тех слов, которыми можно было бы выразить ту искреннюю благодарность, которую я и многие люди имеют к Вам. Пройдут года, а может быть и века, а Ваше имя будет передаваться из уст в уста и займет соответствующее место в истории человечества. <...> Вы первый человек, который оказал мне помощь. Дело не в том, дадут или не дадут паспорт, факт тот, что я увидел, что есть люди, которые читают мои заявления и хотят помочь, конечно, в пределах закона, и вот это дает огромную надежду в светлое будущее, без которой жить и бороться очень трудно или, вернее, почти невозможно. Большое Вам спасибо»[11].

[10] Оболонский А. В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. С. 223–224.

[11] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1299. Л. 75–76. Из письма А. Галченкова (выслан из Ленинграда за дворянское происхождение). 2 августа 1935 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«МОСКОВСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ» (1918–1922) И УЧРЕЖДЕНИЕ «Е. П. ПЕШКОВА. ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ» (1922–1938)

«РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАСНОГО КРЕСТА для помощи политическим заключенным» (ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ) было создано «с целью оказания моральной поддержки и материальной помощи лицам, лишенным свободы по политическим мотивам, без различия их партийной принадлежности и исповедуемых ими убеждений»[1] — так записано в статье 1 Устава Московского Политического Красного Креста (МПКК)[2].

И далее: «ПРИМЕЧАНИЕ: При увеличении средств О<бщест>ва материальная помощь может быть оказана и семьям политических заключенных.

2. Для осуществления цели, указанной в ст. 1 Устава, О<бщест>во:

---

[1] ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

[2] Устав МПКК был написан осенью 1918 г. В 1919 г. он вышел отдельной брошюрой в издательстве «Задруга». Он не был утвержден правительственными органами, хотя в Моссовет с этой целью подавался. Кроме того, в июле 1921 г. он высылался в ВЧК по просьбе Административного управления последнего. О том, что власти не возражали против деятельности МПКК в рамках его устава, свидетельствует фраза из докладной записки помощника начальника Секретного отдела ГПУ А. А. Андреевой («Доклад о деятельности Политического Красного Креста»), поданной ею 1 августа 1922 г. в секретариат Коллегии ГПУ: «<...> пользуясь всякими способами, Кр<асный> Кр<ест> расширил сферу своего влияния и далеко вышел за рамки, предоставленные ему уставом».

а) организует с разрешения подлежащих властей периодические посещения мест заключения;
б) заботится об обеспечении политических заключенных продовольствием, одеждою и медицинскою помощью;
в) ходатайствует о возможном облегчении условий содержания заключенных;
г) организует защиту заключенных, не имеющих заботящихся о них близких или материально недостаточно обеспеченных, в стадии как предварительного следствия, так и на суде;
д) возбуждает ходатайство о помиловании и смягчении участи осужденных политических;
е) содействует всеми законными средствами облегчению свиданий и сношений заключенных с их родными и близкими;
ж) снабжает политических заключенных дозволенными к пользованию книгами, журналами и газетами;
з) устраивает в пользу политических заключенных лекции, спектакли, концерты, литературные беседы и проч.;
и) издает книги, брошюры, журналы и газеты гуманитарного направления.

3. Деятельность О<бщест>ва простирается на территорию всего государства Российского.

ПРИМЕЧАНИЕ: Общество действует в согласии с принципами Международного Красного Креста и солидарно с ними и его национальными ответвлениями»[3].

Средства МПКК складывались из обязательных членских взносов и путем сборов, как в России (добровольные пожертвования организаций и частных лиц, благотворительные лекции, спектакли и концерты, доходы от продажи книг и др.), так и, согласно традиции российского революционного движения, за границей (от частных лиц и различных группировок русской эмиграции, таких как «Политический Красный Крест» в Париже, «Политический Красный Крест» в Берлине, БУНД, женевский «Комитет помощи политическим заключенным в России», «Общество помощи русским политическим заключенным» в Филадельфии, американское «Общество помощи заключенным социалистам в России», нью-йоркское «Общество помощи русским ссыльным» и др.).

[3] ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–18.

Организации политического Красного Креста были созданы еще в ряде российских городов: в Петрограде (председатель В. Н. Фигнер, позднее М. В. Новорусский, С. П. Швецов, В. П. Гартман), в Харькове (председатель Л. Б. Сандомирская), в Полтаве (С. В. Короленко, П. С. Ивановская). Московский политический Красный Крест был самым значительным и вскоре после своего образования начал играть роль Всероссийского, а позднее и Всесоюзного.

Учредителями МПКК выступил 51 человек, большинство из них известные еще с дореволюционных времен политические и общественные деятели и представители интеллигенции. Вступая в беспартийный политический Красный Крест, они должны были оставить членство в политических партиях. Число членов МПКК с годами увеличивалось несмотря на то, что некоторые из них были арестованы, а другие покинули Советскую Россию (эти обстоятельства особенно коснулись учредителей Общества). К концу 1918 года МПКК насчитывал 227 членов, а к марту 1922 года — 857 членов. Всего в то или иное время членами МПКК состояли около тысячи человек.

Первое общее собрание членов МПКК состоялось 24 апреля 1918 года (на нем присутствовали 85 человек). Председателем МПКК был избран Н. К. Муравьев, его заместителем — Е. П. Пешкова, секретарем — М. Л. Винавер, почетным председателем — В. Г. Короленко. С осени 1921 года обязанности председателя МПКК исполняла Е. П. Пешкова, в феврале 1922 года она была избрана на эту должность.

Главным органом управления МПКК являлось Общее собрание, на котором избирались Совет, Центральный Комитет с состоящими при нем исполнительными комиссиями, и Центральная ревизионная комиссия. Общее собрание должно было созываться ежегодно, и, кроме того, предусматривалась возможность созыва чрезвычайного собрания (оно могло состояться в трех случаях: по предложению Комитета или Ревизионной комиссии или по требованию 50 членов общества).

Совет осуществлял контроль над общим направлением деятельности Общества в соответствии с программой, намеченной

Общим собранием. Заседания Совета происходили не реже одного раза в месяц.

Центральный Комитет осуществлял непосредственное руководство текущей деятельностью Общества и представительствовал за Общество перед всеми лицами и учреждениями. Центральный Комитет собирался не реже двух раз в месяц. Во главе Комитета стоял выбираемый им Президиум, состоящий из председателя, товарища председателя, секретаря, его помощника и казначея (члены Совета, Комитета и Ревизионной комиссии не могли быть избраны в Президиум). Президиум осуществлял общее руководство всей работой МПКК — руководство текущей работой, контроль за исполнением постановлений Комитета, связь с учреждениями и различными лицами, подбор служащих и их прием и увольнение; заседал Президиум не реже одного раза в неделю.

Комитет свои функции осуществлял через исполнительные комиссии. Были образованы следующие комиссии: Финансовая, Хозяйственная, Юридическая, Медицинская, Библиотечная. Задачей Финансовой комиссии являлось добывание средств, необходимых для деятельности Общества. Хозяйственная комиссия занималась материальным обслуживанием политических заключенных, главным образом помощью продовольственной, в меньшей мере — снабжением заключенных одеждой и обувью, облегчением условий их перевозки и др. Деятельность Юридической комиссии заключалась в подаче прошений об изменении условий содержания заключенных, смягчении участи осужденных, в оказании юридической помощи как в ходе следствия, так и во время судебного разбирательства. (В конце 1918 года в Юридической комиссии работали 42 юриста. Юридическая помощь оказывалась арестованным безвозмездно, как и всякая другая помощь, исходящая от МПКК.) Медицинская комиссия занималась организацией лечения заключенных, наблюдением за санитарными и гигиеническими условиями их содержания. Библиотечная комиссия занималась пополнением тюремных и лагерных библиотек книгами.

Кроме того, при Комитете была учреждена Коллегия уполномоченных, целью которой было посещение заключенных в тюрьмах и лагерях для опроса об их нуждах, снабжения их книгами, журналами и газетами, содействия их свиданиям с родными и близкими. Число членов Коллегии уполномоченных и ее состав

менялись, менялись и лица, отвечающие за определенные места заключения. Кроме субъективных причин были и объективные: право посещать ту или иную тюрьму или лагерь выдавалось карательными органами, они же не всем членам МПКК предоставляли такое право (а время от времени тех или иных членов МПКК лишали этого права на разные сроки). В число мест заключения, обслуживаемых МПКК, входили: Бутырская, Лефортовская, Новинская, Сокольническая, Таганская тюрьмы, Брестский госпиталь, Андроньевский, Владыкинский, Звенигородский, Ивановский, Кожуховский, Новопесковский, Новоспасский, Ордынский, Покровский концлагеря.

МПКК не являлся учреждением с застывшей структурой: когда время выдвигало новые задачи, для их решения создавались нужные подразделения — комиссии или подкомиссии. Так, для более активного добывания средств были созданы Концертная и Лекционная комиссии. В апреле 1921 г., когда заключенные-социалисты были вывезены из московских тюрем в провинциальные, была создана при Хозяйственном отделе Иногородняя подкомиссия, которая осуществляла оперативную помощь вывезенным: агенты привозили заключенным продукты и деньги от МПКК и посылки и письма от родственников. Иногородняя подкомиссия была ликвидирована в январе 1922 г. вследствие незначительности числа обслуживаемых ею заключенных. Той же весной 1921 г. Хозяйственная комиссия в связи с расширением ее деятельности была разделена на две комиссии: комиссию распределения и комиссию снабжения, а в составе Хозяйственного отдела было образовано два подотдела: подотдел снабжения и подотдел распределения.

Особый интерес представляет попытка МПКК создать комиссию «представительства». Октябрьская революция отменила Уголовный кодекс, упразднила институт адвокатуры и суда, основанный на правовых нормах, властью была официально принята доктрина о несовместимости охраны прав личности с задачей революционного переустройства не только политического, но и социального строя. В этих обстоятельствах членам МПКК пришлось в своей деятельности широко пользоваться не ссылками на законодательство, а просьбами о смягчении участи своих подопечных, с которыми они обращались к высокопоставленным людям и влиятельным лицам, работающим в государственных струк-

турах. Успеху этих личных ходатайств в значительной степени способствовало то обстоятельство, что в первые годы советской власти высокие посты занимали люди, в недавнем прошлом преследуемые прежними — царскими властями и находившие в ту тяжелую для них пору защиту у деятелей Креста, благодарность к которым сохранили.

Все выборные члены МПКК (Совета, Комитета и комиссий) работали безвозмездно на общественных началах. В МПКК были и платные работники: сотрудники Секретариата и Канцелярии и некоторых других подразделений, таких, например, как Юридический и Хозяйственный отделы, организованные при соответствующих комиссиях в качестве исполнительных органов.

В отличие от дореволюционного политического Красного Креста, который помогал только революционерам, послереволюционный МПКК оказывал помощь не только членам политических партий. К политическим заключенным причислялись следующие категории лиц:

— все лица, обвиняемые в принадлежности к политическим партиям;
— заложники, взятые в качестве таковых за лиц, обвиняемых в политических деяниях;
— лица, обвиняемые в правонарушениях, совершенных по религиозным мотивам;
— лица, обвиняемые в контрреволюции;
— лица, обвиняемые в шпионаже по идейным соображениям;
— военнопленные Гражданской войны.

МПКК оказывал помощь всем политическим заключенным независимо от их национальной принадлежности, кроме иностранцев, которые получали поддержку от своих Красных Крестов.

Заключенные, осужденные по уголовным статьям, в число подопечных МПКК не входили, за исключением лиц, находящихся в следующих обстоятельствах:

— матери, арестованные при наличии малолетних детей,
— беременные женщины,
— несовершеннолетние,
— старики,
— психически больные,

— лица, арестованные в засаде,
— лица, приговоренные к смертной казни,
— лица, объявившие голодовку.

Представители карательных органов часто упрекали МПКК, что он хлопочет лишь о буржуазных элементах, игнорируя пролетарский. Чтобы опровергнуть это обвинение, Юридическая комиссия в своем отчете за 1919 год разделила лиц, за которых ходатайствовал МПКК, по социальному положению и привела цифры в процентах. Выглядели они следующим образом: 1) рабочие — 325 человек (25 %); 2) крестьяне — 130 человек (10 %); 3) трудовая интеллигенция (врачи, адвокаты, инженеры, бухгалтеры и конторщики, учителя) — 390 человек (30 %); 4) буржуа и офицеры — 325 человек (25 %); 5) иностранцы — 130 человек (10 %).

Вопрос о том, кому и в какой мере МПКК должен оказывать помощь, вызывал разногласия у его членов. Председатель комитета Н. К. Муравьев считал, что МПКК должен помогать в равной мере всем своим подопечным, его заместители Е. П. Пешкова и М. Л. Винавер придерживались иного мнения: они полагали, что МПКК, так же как и дореволюционный политический Красный Крест, должен оказывать помощь преимущественно членам политических партий — т. е. «борцам за идею». Тем не менее большинство приняло точку зрения Н. К. Муравьева, и МПКК оказывал равную помощь всем своим подопечным, и в первую очередь больным.

Что касается членов политических партий, то с монархистами, кадетами и народными социалистами советская власть расправилась довольно быстро, и по мере ее укрепления тюрьмы наполнялись членами социалистических партий и анархистами. В советских тюрьмах они оказались в привилегированном положении по сравнению с другими политзаключенными. Этому в значительной степени способствовало то обстоятельство, что многие из них прошли царские тюрьмы и ссылки и имели опыт борьбы за свои права. В советских тюрьмах они группировались в соответствии с партийной принадлежностью, выбирали своего старосту и через него общались с тюремной администрацией и с карательными органами, предъявляя к ним свои требования (эти требования относились в основном к питанию, к условиям и режиму содержания в местах заключения, а затем — к месту высылки). На первых порах

власть, среди деятелей которой было немало недавних заключенных, воспринимала такой порядок как естественный. С этой категорией заключенных она часто вступала в диалог, который вначале предпочитала, а позже соглашалась вести не непосредственно, а через МПКК. Товарищи по партии, как остававшиеся на воле в России, так и выехавшие за границу, обеспечивали сбор средств для помощи тем, кто оказался в тюрьме или ссылке. Эти средства передавались в МПКК со специальным назначением: помощь членам своей партии. Члены семей этой категории заключенных брали на себя доставку продуктов, лекарств, посылок, писем, книг, газет и пр. не только своему родственнику, но и его товарищам по партии, находившимся вместе с ним в одном месте заключения или ссылки. Кроме того, заключенным социалистам выдавался тюремной администрацией дополнительный «социалистический» паек.

Бывшие революционеры, став политическими заключенными в тюрьмах советских и оставаясь противниками царской власти, попрежнему воспринимали ее защитников как своих врагов и поэтому выступали против того, чтобы получать наравне с ними помощь от МПКК. В этой связи интересен случай, происшедший в Бутырской тюремной больнице в июле 1921 года, когда социалисты и анархисты подали в МПКК заявление о выдаче им передачи отдельно, ввиду нежелания получать ее от старосты — врангелевского офицера. МПКК принял компромиссное решение: «Ввиду принципиальных разногласий между заключенными, выдавать передачи старостам обеих групп одновременно, не признавая возможным по принципиальным соображениям допустить отдельную выдачу продуктов для каждой группы».

МПКК являлся организацией общественной, не политической и лояльной к власти. Учредители МПКК подчеркивали, что целью деятельности Общества является защита достоинства и прав человеческой личности, а необходимым условием деятельности — отсутствие политических целей, внепартийность, невмешательство в политическую борьбу. Лояльность к власти диктовалась целями, поставленными перед собой МПКК в период его создания — «в период политической и социальной диктатуры». Общественный характер МПКК означал, что Общество никогда не входило ни в

какие комиссии, образованные властями, несмотря на систематические приглашения последних, и никогда не принимало никаких денег, предлагаемых властями, несмотря на постоянно испытываемую недостаточность средств. Стремление к общественной самостоятельности и независимости соответствовало старым традициям политического Красного Креста. И еще одна отличительная черта МПКК: он не был организацией благотворительной. Члены МПКК считали свое Общество принадлежащим к организациям, объединяемым по характеру их деятельности Международным Комитетом Красного Креста, в основу работы которого положены идеи, принятые Женевской конвенцией в 1864 году. Н. К. Муравьев охарактеризовал их как «идеи аполитичности, внепартийности, служения делу человечности, ограждению прав и достоинства человеческой личности, сплошь и рядом попираемых государством и во внешних, и во внутренних столкновениях».

МПКК осуществлял не только материальную помощь своим подопечным и ходатайствовал перед властью об облегчении их участи, он оказывал и юридическую защиту их прав в ходе следствия и на суде. (Недаром деятели политического Красного Креста называли себя «правозаступниками», по сути, они были первыми правозащитниками в советской стране.) Большевистская власть не могла согласиться на существование такой общественной организации — закрытие МПКК было неизбежным.

Наибольший протест деятельность МПКК (ее правозащитный аспект) вызывала у карательных органов. Чашу терпения последних переполнила позиция, занятая МПКК во время судебного процесса над ЦК ПСР. 3 августа в помещении приемной МПКК сотрудники ГПУ произвели обыск, во время которого были обнаружены и конфискованы архив одного из обвиняемых по процессу и другие компрометирующие документы. Помещение приемной МПКК было опечатано. В тот же день, 3 августа 1922 года, ВЦИК и Совнарком приняли декрет «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними». Через неделю, 10 августа 1922 года, ВЦИК утвердил инструкцию «О порядке регистрации общественных организаций», согласно которой общественные организации РСФСР были обязаны в двухнедельный срок с момента

публикации этих документов зарегистрироваться в органах внутренних дел и в Советах рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. 13 августа 1922 года на секретариате Коллегии ГПУ слушался доклад о деятельности МПКК. Доклад был представлен зам. начальника Секретного отдела ГПУ А. А. Андреевой, на машинописи доклада была резолюция Ф. Э. Дзержинского: «Закрыть их надо обязательно, возбудив, кроме того, против него следствие. Ф. Д.». Закрыт МПКК был как не прошедший перерегистрацию, следствие против него также было возбуждено. Судебное дело «по обвинению самочинной организации Политического Красного Креста в контрреволюции»[4] слушалось на заседании Коллегии ГПУ 25 августа 1922 года. Коллегия постановила: «Деятельность Общества Московского Политического Красного Креста немедленно приостановить. Помещение его опечатать; у членов Комитета его отобрать подписки о явке к следствию и невыезде из г. Москвы. Начать следствие по обвинению членов Комитета и других активных членов этого Общества в контрреволюции»[5]. В юридический отдел ГПУ дело было передано 26 августа, помещение приемной МПКК было опечатано 28 августа. Арестованных по делу МПКК не было, но деятельность МПКК была «приостановлена», а фактически — остановлена. Судебное дело по обвинению деятелей МПКК длилось год — до августа 1923 года, прекращено оно было на том основании, что произошла реорганизация Общества.

Преемником Московского политического Красного Креста явилась организация «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (ПОМПОЛИТ). 11 ноября 1922 года Е. П. Пешкова, бывшая председателем МПКК до его закрытия, получила удостоверение за подписью зам. председателя ГПУ И. С. Уншлихта о том, что «помещение по Кузнецкому Мосту д. 16, занимаемое Московским Политическим Красным Крестом, со всем имуществом его переходит к ней, Е. П. Пешковой, для работы по оказанию помощи политическим заключенным и их семьям». Заместителем ее по этой работе стал М. Л. Винавер, бывший ее заместителем по работе в МПКК.

---

[4] ЦА ФСБ. ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Ф. 2. Оп. 1. № 879. Л. 21.

[5] Там же.

ПОМПОЛИТ, в отличие от МПКК, не имел устава, не имел выборного руководства. Кандидатуры Е. П. Пешковой и М. Л. Винавера были утверждены ГПУ. Право обращаться в органы со всеми вопросами, просьбами, ходатайствами предоставлялось одной Е. П. Пешковой (или в ее отсутствие — М. Л. Винаверу), остальные сотрудники (около полутора десятков) имели статус технических исполнителей и никакими официальными правами и полномочиями не обладали. Сотрудники ПОМПОЛИТа, включая М. Л. Винавера и за исключением Е. П. Пешковой, имели фиксированные оклады. Другие группы политического Красного Креста, работающие в СССР (Петроградская, Харьковская и Полтавская), с запросами и ходатайствами о своих подопечных могли обращаться в органы только через ПОМПОЛИТ.

Средства ПОМПОЛИТа складывались из сборов, производимых внутри страны, и из средств, поступающих из-за границы. Сборы внутри страны сводились в основном к небольшим пожертвованиям, предназначенным для оказания помощи или персональной (чаще от родных осужденного), или лицам, принадлежащим к определенной политической или конфессиональной ориентации (так, полулегальный анархистский «Черный Крест» осуществлял помощь своим осужденным товарищам через легальный ПОМПОЛИТ). Сбор средств за границей облегчала работа Е. П. Пешковой и М. Л. Винавера в Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста, дававшая возможность выездов за границу. Заграничные деньги чаще тоже были целевыми, т. е. предназначались определенным лицам или членам определенных политических партий или религиозных конфессий, но были и деньги, передаваемые ПОМПОЛИТу в его собственное распоряжение. С конца двадцатых годов, когда начались массовые высылки крестьян в связи с коллективизацией, денег для оказания материальной помощи стало катастрофически не хватать, хотя эмигрантские организации не прекращали сборы и пытались пересылать собранные средства вплоть до закрытия ПОМПОЛИТа.

В функции ПОМПОЛИТа так же, как и в функции МПКК, входило оказание материальной помощи заключенным и ссыльным и их семьям (деньги, продукты, одежда, лекарства, книги, газеты и др.). Юридической защиты своим подопечным ПОМПОЛИТ в отличие от МПКК не обеспечивал, он мог только запрашивать

карательные органы и ходатайствовать перед ними. Круг запросов, с которыми ПОМПОЛИТ обращался в органы, был довольно широким и касался хода следствия, приговора, места нахождения арестованного и др. ПОМПОЛИТ мог ходатайствовать перед органами о пересмотре дела, о сокращении срока заключения, ссылки или ограничении места проживания, о замене места ссылки, о свободном проживании, о соединении с семьей, о разрешении свидания и др. ПОМПОЛИТ содействовал получению бумаг и вещей, отобранных при аресте, получению паспортов административно-высланными (паспорта отбирались при прибытии в место ссылки, а без них не принимали на работу), получению работы по специальности в концлагере или ссылке, получению разрешения на поездку в город, где есть соответствующее медицинское учреждение для операции или лечения и др. ПОМПОЛИТ давал ответы на вопросы юридического характера (о восстановлении в избирательных правах, о приеме в профсоюз, о возможности получения пенсии и др.)Одним из видов деятельности ПОМПОЛИТа была помощь в выезде за границу. Хлопоты о замене заключения или высылки выездом в Польшу осуществлялись, как правило, через Польский Красный Крест, выезд в Палестину — через Центральный отдел рабочей иммиграции при Всеобщей конфедерации еврейских рабочих и британское консульство (т. к. Палестина была подмандатной территорией Великобритании). Разрешение на выезд в Палестину было предоставлено сионистам решением Особого совещания в 1924 году (на выбор: 3 года Сибири или высылка в Палестину без права возвращения); в 1925 году порядок изменился: вначале человек получал ссылку, а потом уже мог обратиться в то же Особое совещание за разрешением на выезд. За десять лет (с 1924 по 1934 г.) в Палестину из СССР уехало примерно 1500 человек (сионисты с семьями).

ПОМПОЛИТ помогал в получении виз и заграничных паспортов не только репрессированным, но и находившимся на свободе. Выехать из Советского Союза становилось все сложнее. Разрешение на выезд было легче получить для стариков и детей или для лечения, если врачебная комиссия признавала, что нет возможности лечиться в СССР, но во всех случаях приходилось хлопотать за каждого выезжавшего персонально. Цена загранпаспортов непре-

рывно увеличивалась и постепенно становилась все менее доступной для большинства просителей, не имевших за границей родственников, которые были бы в состоянии предоставить требуемую сумму.

С точки зрения Международного Комитета Красного Креста ПОМПОЛИТ выполнял ту же гуманитарную функцию, что и политический Красный Крест. Между Международным Комитетом Красного Креста и ПОМПОЛИТом сохранялось официальное сотрудничество в области оказания материальной и юридической помощи иностранным подданным, преследуемым в СССР по политическим мотивам, а также тем из репрессированных, за которых хлопотали граждане, проживавшие вне СССР.

ПОМПОЛИТу было предоставлено право общения лишь с карательными органами (ГПУ — ОГПУ — НКВД), ВЦИК и Прокуратура на его запросы не отвечали; если дело было судебным, ПОМПОЛИТ помочь не мог.

В тридцатые годы работать ПОМПОЛИТу становилось все труднее: число репрессированных стремительно росло, средств становилось все меньше, органы все реже удовлетворяли его ходатайства. Со временем основной деятельностью ПОМПОЛИТа стала справочно-информационная служба. В апреле 1937 года власти закрыли Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в России. Вскоре после этого был арестован М. Л. Винавер и приговорен к 10 годам ИТЛ по обвинению в шпионаже в пользу Польши. 15 июля 1938 года ПОМПОЛИТ был официально закрыт.

ПОМПОЛИТ, так же как и МПКК, был организацией неправительственной, но, в отличие от МПКК, он не был организацией общественной и правозащитной, он работал с разрешения ГПУ и находился под контролем карательных органов, однако благодаря его существованию в СССР в течение 15 лет оказывалась помощь лицам, осужденным по политическим мотивам.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдуллаева Н. И. — 15
Авербах Л. — 648
Авксентьев Н. Д. — 214, 351, 405
Агабеков Г. С. — 610–612
Азеф Е. Ф. — 4, 18, 202, 207–214, 231
Аитов Д. А. — 226
Алданов М. А. — 212–213, 531
Александер Т. — 643
Александр III — 364
Алексеев — 167
Алексеевский — 256
Алексин А. Н. — 5, 41, 56, 69, 79, 97, 99, 104, 105, 107, 109, 120, 123, 144, 162, 163, 232, 355–357, 359, 441–442, 472, 494
Алексина Л. — 442
Алексинский Г. А. — 300, 302
Аллилуев С. Я. — 114, 495
Аллилуева Н. С. (Надя) — 495, 655, 664
Альфер (по первому мужу Губина) Т. А. — 640–642, 646, 699, 713
Амиреджиби Е. Г. — 171
Амфитеатров А. В. — 106, 235, 238, 241, 243–244, 269, 272–273, 277, 286, 291, 308, 322, 324
Амфитеатрова И. В. — 233
Андерс В. — 680
Андреев — 314, 315
Андреев А. В. — 711
Андреев В. Л. — 660, 711
Андреев Д. Л. — 703–704, 711
Андреев Л. Н. — 71, 87, 89, 97, 101, 107, 109, 111, 120, 124, 136, 146, 187, 189, 329–330, 711
Андреева А. А. — 704
Андреева М. Ф. — 4, 32, 94, 116, 124–129, 136, 142, 148, 150, 156, 162, 165, 170, 172, 176–178, 190, 234, 235, 257, 262–264, 272–274, 279–280, 283–288, 291–312, 316, 367, 400, 412, 430–433, 444, 478, 542, 543, 636, 669
Андреева-Горбунова А. А. — 456, 462–466, 661, 693, 723, 732
Андрей Владимирович, вел. князь — 351
Аничкова Н. М. — 715
Анненков И. А. — 181
Анненский Н. Ф. — 80, 106, 155
Антипова И. В. — 15
Антонов-Овсеенко В. А. — 360, 535, 537
Анциферов — 271
Арабидзе В. — 171
Аргунов А. А. — 202
Аронсон Г. Я. — 9, 469
Арсеньев К. К. — 155
Архангельский — 385
Арцыбашев М. П. — 539
Астров Н. И. — 382

Афанасьев Ф. Е. — 47
Ахматова А. А. — 112
Аш Шолом — 319
Ашешов Н. П. — 22–25, 34, 136

Бабель А. — 340
Бабель И. Э. — 46, 644, 662, 706
Бабинский В. — 449
Бабинцев В. А. — 663
Базаров В. А. — 228, 300, 385
Бажанов Б. Г. — 610
Бажанов Н. Г. — 259
Базилинская М. В. — 15, 705–706
Базилинский В. Б. — 705–706
Балаховская Е. И. — 16
Балаховский И. С. — 15
Балмашев С. В. — 82
Бальмонт К. Д. — 232
Бальмонт Н. — 232
Баранов В. И. — 27, 36, 45, 127
Барахов В. С. — 477
Барбюс А. — 399
Бартольд Б. В. — 230–231
Бартольд В. В. — 230
Бартольд Е. Ф. — 692
Бартольд Ф. В. — 230–231, 626–627
Бартольд С. Ф. — 401, 577, 692
Бартольды (семья) — 271, 287, 330, 338, 343
Батюшков Ф. Д. — 53, 54
Бауэр Н. А. — 493
Бах А. А. — 201
Бах А. Н. — 14, 199–201, 211, 354, 369, 371, 382, 385, 499, 559
Бах Л. А. — 201, 232, 332, 355, 543, 585
Бельская Н. А. — 183
Белых — 452
Бачулис — 453
Бек — 625
Беклешова Е. Т. — 692
Беневская М. — 216
Бенкендорф И. А. — 477
Бенкендорф П. И. — 477
Бенкендорф Т. И. — 477
Бенуа — 641
Берберова Н. А. — 496, 501, 503, 504, 510, 612, 613, 617, 618, 658–661
Бергсон — 227
Бердяев Н. А. — 89, 94
Берия Л. П. — 686, 693, 706–708, 713
Берия (Гогочкори) С. Л. — 706–709
Беркович К. — 460
Бернштейн Л. Б. — 319
Берсон О. С. — 112
Берсон-Зборовская Я. О. — 112, 120–122, 124, 142, 284, 288, 292, 341, 355, 361, 583
Беседовский Г. З. — 610, 612
Бестужев Н. — 88
Бетховен — 414
Билима-Пастернак Г. А. — 493
Битков — 315
Благинина Е. А. — 692
Бладов — 315
Блажкевич — 677
Блеклов К. С. — 254, 256, 283, 338, 367, 581, 631, 637–638, 692
Блинкина О. — 16
Бобров — 62
Богданов А. А. — 228, 300, 302
Богданова Н. Б. — 492–493, 640–641
Богданович А. Е. — 53–54, 61, 81, 100, 284
Богданович Шурик — 61, 66, 69, 89, 97, 100–101, 104
Боголепов С. — 414, 690, 716
Богоявленский — 181, 192

Бокий Г. И. — 586
Болдвин Р. (Baldwin) — 519
Большаков — 44
Бонус О. М. — 123
Бонч-Бруевич В. Д. — 309, 384, 403, 412
Борисова Т. Б. — 223
Босх И. — 480, 651
Боткина М. С. — 305
Боцяновский В. Ф. — 71
Бочарова И. — 540
Брагинский М. — 35
Брежнев А. Ю. — 584
Брежнев Ю. А. (см. Меллер Ю. А.)
Брежнева А. Н. (см. Меллер А. Н.)
Брейгель Питер-Старший — 480
Бродовский-Братман С. И. — 415, 421
Бродский И. И. — 270
Броннер В. М. — 346
Буайе — 227
Будберг (ур. Закревская, по первому мужу Бенкендорф) М. И. — 5, 14, 441, 472, 477–484, 497–498, 501, 502, 504, 511, 512, 537, 540–542, 547, 561, 582, 601, 612, 617–618, 628, 630, 635, 636, 637, 647, 648, 652, 658, 662–669, 712
Будберг Н. Х. — 477
Буйницкий — 407
Булгаков — 269
Булгаков Ивашек — 93, 100
Булгаков С. — 94
Булгаков С. Н. — 15, 88–91, 93–95, 100
Булгаков Ф. С. — 91, 93–96
Булгакова (ур. Токмакова) Е. И. — 40, 88–91, 95
Булгакова М. С. — 91, 95
Буль Р. — 99
Бунин И. А. — 67–68, 71, 87, 89, 97, 136, 285, 292–293, 320, 396, 432, 548, 584–585, 622
Бунин Ю. А. — 67–68, 285, 382, 396
Бунина (ур. Муромцева) В. Н. — 87, 284–285, 293, 312, 400, 411–412, 534, 583–585
Бураго Л. — 272–274, 286
Буренин Н. Е. — 176–178, 212, 295, 299, 321, 336, 575
Бурцев В. Л. — 208–209, 212, 213, 224, 363
Буссенар — 250
Бухарин Н. И. — 376, 570, 590, 591, 610, 669, 674, 685
Быков Д. — 47
Бялик Б. А. — 655

Вавилов С. И. — 684
Вакар — 23
Ванатаев А. Н. — 35
Вандервельде — 458–459
Ванновский П. С. — 101
Васильев Н. З. — 43, 74, 89–90, 96, 142
Васильев А. Н. — 142
Васильева З. В. — 42, 90, 142
Васильевы (семья Васильева Н. З.) — 44, 52–55, 69, 81, 96
Васнецов В. М. — 58, 69
Введенский А. А. — 443
Веденяпин М. А. — 462
Вейценфельд — 152
Веремчук — 267
Вересаев В. В. — 59, 287, 320, 382
Вержбицкий Н. К. — 116
Верлин (Werlin) — 507
Верн Жюль — 254
Вернер О. А. — 141

Верт Н. — 604
Верховский А. И. — 368
Веселовский А. Н. — 102
Вигдорчик П. А. — 322
Видре К. — 679
Винавер Е. Г. — 473, 581, 586, 594, 654, 672, 679, 681
Винавер Л. Г. — 678
Винавер М. Л. — 6, 93, 384, 389, 391, 413, 418, 420, 434, 435, 453–455, 460–462, 469, 470, 472–475, 499–500, 512, 514, 515, 517, 522, 528, 529, 534–535, 537, 538, 544, 546, 547, 551–555, 557–558, 561, 567, 568, 572, 573, 592–594, 598, 600, 601, 608–609, 611, 618, 620, 621, 627–629, 634, 675, 678–682, 690–693, 725, 729, 732, 733, 735
Винавер М. М. — 329, 678
Виноградов В. — 328
Витте С. Ю. — 155
Виттенбург Е. П. — 638–639
Виттенбург П. В. — 638–639
Витютнева С. Ф. — 75, 78, 187, 192
Вишняк М. В. — 531
Вишняков — 136
Владимирский Ф. И. — 108–109, 115
Водовозов Н. В. — 88
Водовозова-Хорошко (ур. Токмакова) М. И. — 40, 88–89, 93, 104
Войков П. Л. — 5, 497, 546, 551, 556, 558, 560
Войцеховская А. Л. — 15
Волжанин О. — 574
Волжин П. Н. — 17, 21, 22, 24
Волжина М. А. — 17, 21, 24, 29, 30, 41, 45, 48, 53, 55, 69, 89, 111, 121, 137, 284, 291, 292, 314, 317, 322, 563, 664, 702
Волжина-Богданович А. П. — 21, 30, 53–54, 61, 64
Волков А. Г. — 15, 140, 381, 413, 703–705
Волков Г. А. — 703
Волков И. Г. — 703
Волкова (ур. Муравьева) Т. Н. — 703–704, 710
Волконский С. М. — 112
Володарский В. — 458
Волошин М. А. — 89
Вольнов И. Е. — 292, 293, 318, 322, 394–396, 407–411, 510, 542, 579, 598, 683
Вольнов И. И. — 409, 510, 542, 557, 598, 628, 630, 683
Вольнов М. И. — 14, 15, 409, 683
Вольнова В. А. — 684
Вольнова (ур. Гольдберг) С. Г. — 409, 510, 542, 630, 683
Вольтер — 80
Вольф — 315
Воровский В. В. — 443, 444–445, 556
Воронов Н. — 663
Ворошилов К. Е. — 600, 629, 631, 665, 668, 669
Воскресенский А. И. (Шурка) — 566, 567, 569, 580, 646, 656, 670, 683, 696–698, 702
Воякина Н. В. — 15
Высоцкая И. — 206
Высоцкая Н. П. — 350
Высоцкая Ю. И. — 40
Высоцкий А. Д. — 204–206
Высоцкий В. — 204
Высоцкий Д. — 204
Вышинский А. Я. — 688

Гааз Ф. П. — 7, 23
Гавронская А. О. (см. Фондаминская А. О.)

Гавронская Л. С. — 203–205, 321, 382
Гавронский А. О. — 205, 207
Гавронский Б. О. — 204–205
Гавронский Д. О. — 205
Гавронский О. — 204
Гавронский Я. О. — 205
Гагарин, князь — 577
Галкин А. В. — 461
Галченков А. — 722
Ганецкая — 136
Ганецкий Я. С. — 523, 542
Гапон — 155–156
Гарди Т. — 629
Гарин-Михайловский Н. Г. — 22, 23, 71, 80, 127
Гартман В. П. — 593, 691, 717–718, 725
Гауптман — 293
Гедеоновская Е. М. — 346
Гедеоновский А. В. — 164, 168, 169, 171, 195
Гейнце А. К. — 137, 167, 170, 710
Гейнце Е. А. — 710, 713
Гейнце Л. Н. — 140, 710
Гейнце М. А. — 478
Геккель Э. — 228
Гельрих Г. А. — 313
Гернет М. Н. — 157
Герцен А. И. — 225, 539
Гершуни Г. А. — 152, 201–204, 207, 209, 217
Гессен И. В. — 155
Гефтер М. — 22
Гецци Ф. — 691
Гинкен М. А. — 639, 646, 652
Гинтовт — 350
Гиппиус З. Н. — 432
Гиссен М. Б. — 193, 220, 346, 355, 382
Гиссен С. Б — 193, 355
Гитлер — 644–645, 696
Глинка — 430
Гоголь — 138
Гогуа И. К. — 5, 14, 114, 212, 259, 489–491, 509, 545, 643, 649, 650, 654–656, 689, 692, 693, 698, 710
Гогуа Л. К. (Лева) — 490, 566, 698
Гогуа К. Г. — 114, 489, 495, 545, 566, 580, 650, 655, 656, 692
Гогуа Ю. — 16
Годлевский Э. — 421
Годунов Б. — 238, 598
Голицын С. — 9
Голицыны — 408
Голичер А. — 566
Головенко — 167
Головин Ф. А. — 433
Головкова Л. А. — 684, 693
Голотик С. И. — 10
Голсуорси Д. — 598
Голубева Л. Г. — 285, 293
Гольдберг С. Г. (см. Вольнова-Гольдберг С. Г.)
Гольденвейзер А. Б. — 97, 98, 238
Гонсеровская В. — 421
Гонтарев Е. А. — 338, 355, 382
Горбатов К. И. — 695
Горелик М. Н. — 493
Горинов В. А. — 139
Горшков М. А. — 626, 630
Горький (Пешков) А. М. — 3–6, 9, 11, 13–14, 17–20, 22–87, 89–92, 94, 96–150, 152, 154–162, 164–166, 169–172, 174–180, 182–184, 186–193, 196–198, 203, 208, 210–211, 213, 221, 224, 226–229, 231, 233–245, 248–294, 297, 299–344, 349, 351, 358–364, 367–369, 372–373, 377, 379, 385–386, 390, 392–404, 407–409, 411–414, 425, 427–433, 439–446, 460, 467, 471, 475–

485, 489, 490, 494–502, 504, 508, 510–512, 516, 521–525, 529–533, 537, 539–545, 547–549, 557, 558, 561–565, 570–577, 579–582, 584–590, 598–601, 617, 618, 622, 626–631, 633, 635–646, 648–649, 651–653, 655–657, 659, 661–670, 683–689, 695, 699, 708–711, 715
Гоц А. Р. — 205–206, 209, 214, 514, 600, 622, 661
Гоц Миша — 622
Гоц М. Р. — 202, 205
Гоц Р. — 204
Гоц С. Н. (ур. Рабинович) — 205–206, 600, 622
Граве А. К. — 15, 706, 708
Грацианов Н. А. — 77, 136, 139, 186
Грешнер А. В. — 163
Гржебин З. И. — 23, 446, 479
Грибов — 313, 335
Грибоедов А. С. — 137
Григ — 104, 575
Григорьев — 152
Григорьева А. П. — 299, 300, 303, 307
Грин Ф. — 16
Гриневицкая А. Д. — 70
Громан В. Г. — 619
Громов К. — 414, 690, 716
Гросс К. — 62–64
Грункин — 470, 488
Грязнов — 314, 315
Губин Е. М. — 640–641
Гувер Г. — 10, 429, 434, 474
Гудима Н. В. — 164
Гузеева — 40
Гуль Р. Б. — 529, 532
Гумилев Н. С. — 332, 440
Гуревич С. А. — 456
Гусев А. А. — 633
Гусев И. А. — 26
Гусев-Оренбургский С. И. — 192, 285, 352
Гусев-Солово-Глаголь С. — 25
Гусева Ю. В. — 663
Гюрджан А. — 111

Давыдовы — 408
Дан (ур. Цедербаум) Л. О. — 516, 523–524, 526–528, 547, 618–620, 661, 680–681, 690, 694–696
Дан Ф. И. — 516
Данильковская — 406
Деберли А. — 460
Дедерихс А. Р. — 392
Дейч — 199
Демкина С. М. — 15
Демьяненко Евг. Н. — 219–221
Демьяненко Ек. Н. — 181
Десницкий В. А. — 51, 263, 497
Джошуа И. — 566
Джунковский В. Ф. — 307
Дзержинский Ф. Э. — 5, 12, 383, 388, 390, 403, 406, 416, 417, 423, 450, 466–467, 470, 495, 506, 520, 521–529, 531–533, 539–540, 544, 546, 584, 689, 732
Дзюбинская — 368
Диатроптов П. Н. — 391, 433
Дидерихс А. Р. — 478
Диккенс — 250
Диккер — 199
Дима (Шверубович В. В.) — 180
Динесман В. Л. — 702
Дмитриев Ф. А. — 199
Дмитриевский С. В. — 611, 612
Добровейн И. А — 414, 469, 510
Добролюбов Н. А. — 35, 40, 256
Долгополов Н. И. — 77, 84, 121, 139, 150–151, 154, 167, 173–174

Долгополова-Маслова Л. Н. — 80, 97
Долгоруков Павел Д. — 5, 546, 552–557
Долгоруков Петр Д. — 553–554, 556, 568, 569
Донцова М. — 15
Дороватовский — 46, 53, 63
Достоевский — 138, 229, 430, 518
Дрепер — 340
Дроздов К. С. –15
Думбадзе И. А. — 176
Дурылин С. Н. — 89
Духонин Н. Н. — 374
Дэвис Р. Д. — 285, 293
Дюбуше Е. — 332
Дюбуше (ур. Орлова) Л. В. — 332
Дюбуше Ч. — 332

Ежов Н. И. — 656, 686, 689, 693, 719
Елизавета — 160
Елисеев — 316
Елпатьевский С. Я. — 106, 121, 364
Емельянов Ю. Н. — 533
Енукидзе А. С. — 114, 490, 580, 655, 656
Ерманский О. А. — 561
Ермолова М. Н. — 89
Ещин — 34

Жадаева Н. Ф. — 166–167
Жданов А. А. — 686
Жданов В. А. — 456, 462
Жеботинский — 274
Железняков А. — 376
Желябужская Е. А. — 272
Желябужский А. А. — 122, 124, 127, 128, 136, 295, 636
Желябужский Ю. А. — 162, 272
Жироду Ж. — 566
Жуков Г. К. — 707
Журавская С. А. — 699
Жученко З. Ф. — 224

Заболоцкий Н. А. — 7
Заикина И. С. — 10, 15, 626
Зайцев Б. К. — 320
Закорко С. — 353
Залесская Б. (Zaleska B.) — 654
Залесский Э. М. — 415, 421, 560
Заломов П. — 118
Заславский Д. — 582
Засулич В. — 385
Зензинов В. М. — 171, 199–200, 202, 204, 207–208, 210, 214, 369
Зильберберг А. Е. — 527, 583
Зимин С. И. — 412
Зиновьев Г. Е. — 360, 439, 569, 570, 610, 662, 671, 685, 686
Золотарев А. А. — 228, 283, 287, 291
Золотарев Н. А. — 291
Золотницкий В. Н. — 77, 84, 121, 139, 151
Зубакин Б. М. — 562–565
Зубатов — 155
Зюзина И. А. — 604

Иванов В. В. — 708
Иванов В. И. — 89
Иванов С. — 226
Иванов-Разумник Р. В. — 64
Иванова Е. — 428–429
Иванова Е. С. — 25, 26, 38
Иванова Т. В. — 699–701, 708, 716
Истрати П. — 566
Ивановская П. С. — 718–719, 725

Каганович Л. М. — 591
Казанцева В. — 140
Калинин М. И. — 429
Калинников И. А. — 615
Кальмеер И. С. — 386, 437, 522
Калюжный — 167
Каляев — 585
Каменев Л. Б. — 360, 428, 429, 569, 570, 610, 671, 685, 686
Каменева О. Б. — 412, 530
Канегиссер Л. — 403
Кант — 30
Каплан Ф. — 403
Караваева А. — 668
Карлейль О. — 660
Карпинский А. П. — 439
Карсавина Т. П. — 112
Карташов — 44
Картвелишвили А. В. — 344, 489
Касаткин И. М. — 325–328
Катенков В. З. — 605
Каутский К. — 340
Кафьева Е. М. — 433, 435
Качалов В. И. — 179–180, 188, 321
Керенский А. Ф. — 214, 222, 349, 358, 360–361, 372, 613
Керженцев П. М. — 511, 512
Кибальчич В. Л. (Серж В.) — 662–663
Киплинг — 399
Киров С. М. — 6, 601, 643, 671, 685, 686
Киршбаум Н. Ф. — 117
Кишкин Н. М. — 348, 387, 391–393, 407, 431, 433–435
Клепинин Д. — 215
Клышко Михаил — 682
Клышко Д. Н. (Дид) — 682, 698, 699
Клышко Н. К. — 682
Клышко Ф. Г. — 682
Книпер А. В. — 9, 414, 689–690, 714–716
Книпер В. К. — 714
Книппер (Книппер-Чехова) О. Л. — 73, 97, 107, 143, 411, 709
Кобулов — 543
Коваленко А. М. — 167, 230, 233, 245, 254, 259, 267, 280–282, 284, 288–289, 352–353, 448
Коверда Б. — 551, 556
Козловский В. М. — 440
Колбасина-Чернова О. Е. — 220, 222, 244, 287, 331, 405–406, 710–711
Коллонтай А. М. — 234, 376, 530
Колокольников С. Н. — 354
Колокольникова М. Н. — 353–355
Колосов Е. Е. — 151, 167, 269, 385
Колчак А. В. — 351, 402, 405, 714
Кольберг В. Н. — 20, 74, 89, 106, 111, 113, 114, 115, 121, 229, 231, 233, 259, 267, 284, 291, 330, 358, 480, 655, 656, 666
Кольберг Ю. Н. — 113, 114, 186, 229, 489, 490, 495, 509, 545, 566, 580, 650, 655, 656
Колчак — 290, 330, 333
Комиссаржевская В. Ф. — 147
Кондратьев Н. Д. — 538, 613–614, 619
Коненков С. Т. — 575
Кони А. Ф. — 59, 61, 62
Коновалов А. И. — 280–281
Коноплева Л. В. — 458
Конради М. — 556
Кончевская Н. В. — 217–218, 292, 293
Корин П. Д. — 657, 658, 661
Корнилов Л. Г. — 391
Коробов Д. С. — 435, 436
Коровин К. А. — 483, 484

Короленко В. Г. — 22, 64, 102, 106, 152, 236–237, 387, 428, 718, 725
Короленко С. В. — 718, 725
Коростелев О. — 529, 532
Коротков А. М. — 610
Корчак Я. — 422
Корш — 85
Костерин С. И. — 25, 26, 35, 37
Костомарова И. А. — 285, 293
Котова Е. И. — 493
Кофман М. Л. — 15
Кочаровский В. Т. — 717–718
Кочаровский Г. Т. — 493, 718
Крандиевская-Толстая Н. В. (Туся) — 636, 653
Крандиевский В. А. — 85
Красильников С. А. — 458, 459
Красин Л. Б. — 89, 170, 294–298, 433, 444, 545
Крестинский Н. Н. — 444
Крит В. А. — 367, 399
Крит Е. Ф. — 296, 302
Кропоткин П. А. — 150, 209, 228, 382, 392, 691
Кржижановский Г. М. — 602
Крыжановский — 306
Крыленко Н. В. — 195, 374, 376, 456–457, 459, 618
Крючков П. П. — 5, 431, 478, 497, 510, 515, 520, 542–543, 568, 575, 580, 582, 601, 627, 634, 636, 644, 646–652, 657, 664–669, 685, 686–689, 695
Крючков П. П. (сын) — 688
Крючкова (ур. Медведовская) Е. З. — 543, 630, 688, 689
Кубиков — 316
Кудашева М. П. — 323
Куделин А.Б. — 15
Кузнецов А. Я. — 605
Куйбышев В. В. — 602, 685
Купер Ф. — 250
Куприн А. И. — 89, 229, 432, 441
Куприна-Иорданская М. К. — 116
Куприянов С. В. — 615
Куприянова Л. П. — 558
Куракины — 408
Куралов А. И. — 491, 632–635
Курепин — 52
Курлина В. А. — 22
Кускова Е. Д. — 206, 358, 382, 387–393, 404, 431, 433–436, 469, 473–475, 482, 499, 500, 513, 515, 519, 524–535, 537, 538, 540, 543, 544, 546, 547, 551–559, 565, 566, 568, 569, 572–575, 582, 583, 586, 588–590, 592, 593, 599, 600, 601, 608–609, 611, 612, 618–622, 654, 658–661, 680, 681, 690, 694–695
Кусургашева П. Т. — 40, 650–651, 688

Лавров П. А. — 202
Лаврский В. В. — 35
Ладыжников И. П. — 175, 203, 257, 291, 301, 304, 307, 308, 310, 311, 333, 334, 490, 543, 569, 632–634, 650, 682, 695, 703
Ладыжникова Н. И. — 632
Лазарев В. Е. — 151–153
Лазарев Е. Е. — 193–195, 375–376
Лазаревский Н. И. — 440
Лазаркевич (Фор) Н. А. — 164, 219
Лакиер Ю. А. — 194
Ланин А. И. — 48–49, 136
Ланин В. А. — 40, 48
Ланин Коля — 62
Ларичев В. А. — 615, 618
Ле-Бон — 227

Ле-Дантек — 227
Левин Л. Г. — 531, 532, 535, 547, 549, 665, 669, 685, 687
Левинсон А. Б. — 383
Левин К. Н. — 339, 340
Левитан И. И. — 58
Левицкий А. П. — 393
Ледник — 323
Лемке — 70
Ленин (Ульянов) В. И. — 5, 88, 90, 125, 126, 150, 170, 195, 199, 232, 294, 298, 300, 301, 303, 306, 360–361, 376, 403, 407–409, 411, 414, 427, 429–434, 440–442, 444, 458, 495–500, 521, 545, 692
Леонов Л. М. — 630
Леонович — 171
Леонтьев Я. В. — 10, 15
Лермонтов М. Ю. — 138, 707
Лесевич В. В. — 30
Либер — 661
Либсон Я. Н. — 423
Ливанов Б. — 134
Ливанова Е. К. — 134
Лилина М. П. — 293, 321
Липперт — 340
Липшиц Б. — 629
Литвин А. — 328
Литвин-Седов — 705
Литвинов М. М. — 610, 612
Литвинова Ф. П. — 15
Литовцева Н. Н. — 180
Ллойд-Джордж — 468
Лозина-Лозинский А. К. — 287
Локкарт Р. Б. — 477, 612, 617
Ломакина А. И. — 700
Лондон Д. — 399
Лопатин Г. А. — 209, 226, 233, 241, 286, 287, 291, 308, 325, 335, 385
Лопухин А. А. — 209
Лоскутов Н. Н. — 437
Лоренц-Метцнер А. К. — 285, 287
Лохов Н. Н. — 550, 575
Луначарский А. В. — 130, 199, 228, 300–302, 331, 360, 399, 403, 408, 411, 433, 490, 600
Луппол И. К. — 695
Лурье С. А. — 112
Львов Г. Е. — 349
Ляцкий Е. А. — 285

Мазурин — 334
Макаров В. Г. — 435, 436, 463, 536
Маклаков — 543
Маклаков В. А. — 118
Маленков Г. М. — 707–708
Малиновская Е. К. — 100–101, 103, 121, 127, 136, 137, 138, 159, 181, 190, 192, 232, 253, 263, 284, 291, 315, 321–323, 390, 411, 412, 512, 584, 646, 653
Малиновская Е. П. — 372
Малиновский Л. П. — 317, 355, 362, 579
Малиновский П. П. — 76, 100, 104, 135–137, 192, 284, 291
Малиновский Р. В. — 306, 307
Малянтович В. Н. — 382
Малянтович К. Г. — 15
Малянтович П. Н. — 118, 295–298, 309, 437, 456, 552, 621, 622, 692
Мамин-Сибиряк Д. Н. — 22
Ман В. Г. — 702
Манухин И. И. — 288–289, 290–291, 358, 582
Манухина Т. И. — 288–289
Манучарьянц Ш. Н. — 285
Маракуев В. Н. — 44–45
Мария — 177
Марков О. (Левин М. Р.) — 9
Марр Н. Я. — 439

Мартин П. — 178
Мартов (Цедербаум) Ю. О. — 199, 229, 495, 516
Маршак С. Я. — 7, 144–145, 161–162, 166, 221, 644
Маскарди Д. — 233, 269
Маскарди (Mascardi) Т. — 233, 283, 321, 322, 481, 502, 583
Маслов — 23
Матвеев К. — 147
Матевосян Е. Р. — 15, 159, 294, 298, 643, 714
Матюшенко А. — 168
Машков В. И. — 313
Медведков А. — 215
Медведков П. — 608
Мей — 137
Меллер (ур. Брежнева) А. Н. — 353–354, 357–359, 369, 583
Меллер (Брежнев) Ю. А. — 332–333, 353–354, 369, 477
Мельгунов С. П. — 382, 533
Мельников-Печерский П. И. — 181
Менделеев — 430
Менжинский В. В. — 470, 524, 538, 685, 686, 689
Мережковские — 352
Мережковский Д. С. — 432
Меринг Б. — 14, 516–517, 522–524, 585, 620
Мечников И. Н. — 289, 392
Микоян А. И. — 600, 651
Миловидова М. П. — 292, 293
Милова О. Л. — 10
Милюков П. Н. — 59, 349
Минин — 633
Минин Дм. (Бацер Д. М.) — 9
Минор О. С. — 204, 207, 382
Минский Н. М. — 299
Миролюбов В. С. — 53, 54, 58, 67, 97, 103, 129, 235, 244, 287, 317
Мироненко С. В. — 15, 604
Митя (Сулержицкий Д. Л.) — 180
Михайлов М. А. (дядя Миша) — 295
Михайлов О. Н. — 285, 293
Михайловский Н. К. — 59, 79
Михельсон — 136
Млеев — 267
Моисеенко Б. Н. — 209
Молгачева Е. В. — 22
Молотов В. М. — 609, 631, 665, 668, 697
Мольер — 137
Мопассан — 227
Морозов К. Н. — 224, 458, 459, 514
Морозов С. Н. — 285
Морозов С. Т. — 72, 119, 122, 125, 126, 131, 136, 139, 158–159, 164–165, 293–297, 575, 714
Морозова З. Г. — 131, 139, 158–159, 165, 296, 714
Муравьев А. — 147
Муравьев Н. К. — 118, 119, 235, 287, 376, 380–383, 391, 392, 434–437, 455, 456, 459, 460, 462, 521–522, 582, 621, 703–704, 725, 729, 731
Муравьева Е. И. — 119, 140, 582, 703–705, 710
Муромцева В. Н. (см. Бунина В. Н.)
Муссолини — 287, 481, 511, 547
Мухина В. И. — 663–664
Мякотин В. А. — 155

Назаров-Бельский П. С. — 338
Нансен Ф. — 431, 434, 474
Нарков М. С. — 137
Нарышкины — 408
Натансон М. А. — 208
Некрасов — 138, 202

Немирович-Данченко В. И. — 518
Немирович-Данченко Вл. И. — 71, 80, 83, 85, 89, 107–108, 118, 124, 125, 518
Нестеров М. В. — 71, 79, 89, 95, 657
Нестеров П. Н. — 353
Нестерова Н. М. — 94, 95
Никитин — 306
Никитин Д. В. — 97, 105–106, 633
Николаев М. К. — 4, 12–13, 184, 192, 195, 206, 233, 238, 259–260, 293, 325, 330, 331, 332, 338, 339, 343–344, 347–349, 354–355, 357–360, 363, 365–367, 369–372, 374–375, 382, 386–387, 410, 412, 423–427, 434, 438–439, 442, 445–447, 469, 475, 481–482, 489, 490, 502–505, 507, 509, 510, 511, 512, 515, 525, 541–544, 546–551, 557, 558, 560, 561, 563, 564, 566–569, 574, 575, 580–583, 586, 597–599, 602, 612, 626–629, 632–635, 637, 640–642, 644, 646–650, 653, 654, 656, 657, 677, 682, 697–699, 703
Николаев Ф. К. — 442, 446, 447, 632
Николаева А. К. — 697
Николаевская М. А. — 35
Николаенко — 323
Николай II — 101, 199
Никонов С. А. — 364
Никулин Л. В. — 644
Ницше Ф. — 81, 587
Нобель Э. — 615
Новиков-Прибой А. С. — 285, 394–396
Новикова М. Л. — 394
Новорусский М. В. — 593, 717–718, 725
Нодия Д. Ч. — 15
Оболенская А. — 652
Оболонский А. В. — 720–722
Овсяны Х. — 626
Огиенко С. Г. — 643
Огус Я. П. — 92
Огус-Поссе Т. В. — 92, 93
Ольденбург С. Ф. — 439, 498–499
Ольденбургский П. А. — 77
Орджоникидзе С. — 685
Орловская (ур. Ширинская-Шихматова) А. А. — 41–43
Осипова И. И. — 10, 15
Осоргин М. А. — 390, 433, 435–436, 531, 533, 538–539
Островский — 137, 138
Охотин Н. Г. — 604
Оцеп М. А. — 456
Очкин В. И. — 615

Павлов — 430
Павлюкович А. В. — 556
Пальчинский П. А. — 615
Панина С. Ф. — 88, 97, 104, 136, 382
Панкова М. А. — 165
Пархомовский М. — 15, 116, 137, 274, 305
Пастернак — 206–207
Перепелкин М. А. — 37, 38
Перес А. И. — 346, 382
Перес В. А. — 681, 712
Перес В. Н. — 345
Пермяков — 70
Песталоцци — 277
Петерс — 403
Петрова-Кремнева (ур. Токмакова) Г. И. — 85, 103
Петровский Г. И. — 306
Петрушева Л. И. — 15
Петцольд М. В. — 285

Печуро С. С. — 10, 15
Пешехонов А. В. — 155, 160, 202, 390, 531–539
Пешков З. А. (Свердлов З. М.) — 15, 111, 114–117, 120, 121, 137–138, 142, 263, 272–274, 284, 286, 291, 305, 325, 332, 337, 358–359, 409, 494, 521, 540, 542
Пешков М. А. — 4–5, 14, 17–18, 42–43, 48–52, 54–55, 57, 59–60, 67–68, 73–76, 79, 83, 86, 89, 91, 97, 98, 107, 109, 120, 126, 141, 143, 154–156, 160–162, 166, 174–177, 180–184, 187, 189–190, 193, 195–198, 212–213, 227–233, 235, 237–238, 245–261, 263, 265–272, 275–286, 289–293, 313–319, 321–324, 335–343, 349, 358, 361–365, 367–369, 372–373, 380, 393–399, 401–404, 406, 408, 412–414, 425, 427, 431, 439–446, 467, 468, 471, 475–485, 489, 496, 501–504, 509, 511, 512, 520, 540–541, 543, 544, 547, 549, 550, 557, 561, 571, 575–584, 587, 598–601, 627, 628, 631, 637–643, 645–651, 654, 656, 658–661, 663, 664, 684–688, 692, 703, 715
Пешков М. С. — 42
Пешков Максим — 707, 713
Пешкова Д. М. — 567, 569, 570, 599, 601, 602, 622, 628–632, 635, 640, 641, 646, 652, 653, 656, 664, 694–695, 698, 706–707, 709, 715
Пешкова Катюша — 4, 17, 71, 78–79, 86, 89, 91, 94, 97, 103, 121, 123, 133, 141, 166, 176, 181–185, 549
Пешкова Катя — 707, 713, 715
Пешкова М. М. — 14, 15, 185, 365, 509, 510, 512, 514, 541, 542, 549–551, 570, 599, 601, 602, 622, 628–632, 635, 640, 641, 646, 652, 653, 656, 664–665, 694–695, 697, 698, 706–709, 713
Пешкова (ур. Введенская) Н. А. (Тимоша, Тимофей) — 341, 398, 401, 441, 443–445, 468, 479–481, 483–485, 501–502, 508, 512, 541, 561, 567, 577, 584, 587, 598, 600, 601, 628–630, 638, 640–642, 644–653, 657, 658, 660–662, 664–668, 687, 694–695, 698, 700, 708–709
Пешкова Надя — 707–708
Пешкова Нина — 707–708, 713
Пешкова-Маркова Е. З. — 540
Пилсудский Ю. — 414, 422, 540
Пирожкова А. Н. — 20, 706–708
Плеве В. К. — 364
Плетнев П. П. — 646, 669, 685
Плеханов Г. В. — 199, 278, 289, 319, 352, 385, 400
Погожева А. П. — 40, 651, 688
Подсосова М. П. — 106, 109, 111, 139
Пожарский — 633
Позерн К. К. — 25
Позерн М. С. — 25, 32–33, 35, 48, 51, 61
Покровский — 76–77
Половинкин С. М. — 15, 94–95, 100
Поль-Сулержицкая О. И. — 180
Попов В. — 42
Попов В. И. — 493
Поссе В. А. — 54, 57, 58, 67, 81, 86, 87, 90–93, 96, 103, 570
Поступаев Ф. — 120
Постников — 43
Потресов А. Н. — 385
Прибылев А. В. — 171, 186

Прибылева-Корба А. П. — 164
Прокопович С. Н. — 390–392, 431, 433–436, 513, 515, 526, 531, 532, 533–535, 569, 586, 590, 613, 694
Прокофьев С. С. — 646
Прокофьева М. А. — 218–221
Прополянис Г. Э. — 15, 643
Проскуряков В. М. — 630
Протопопов А. Д. — 403
Пуанкаре — 496
Пушешников Н. А. — 293
Пушкарева И. М. — 216, 223
Пушкин А. С. — 138
Пушторская В. М. — 186
Пятаков Ю. Л. (Пятаков Г. Л.) — 458, 460–461, 685
Пятницкий К. П. — 71, 77–80, 82–87, 90, 91, 96, 103, 106–110, 112, 118–122, 128, 129, 130, 136, 141–144, 160, 170, 172, 177, 180, 187, 189–191, 263, 264, 277–278, 289, 294, 297–299, 302, 303, 304, 400, 543

Рабинович Б. Н. — 206, 599, 622
Радек К. Б. — 547, 685
Радченко — 252
Разгон Л. — 9
Райковская Н. Н. — 326
Ракицкий И. Н. (Соловей) — 401, 441, 444, 445, 468, 478, 481, 484, 501, 512, 540, 548, 563, 601, 628, 635, 636, 647, 652, 656, 664–668, 695, 698, 703
Раков Д. Ф. — 356
Рамзин Л. К. — 615, 618
Ратнер Б. Е. — 456
Ратнер Е. — 350
Рахманинов С. В. — 89
Рачинская — 560
Режан — 191
Резников Д. Г. — 711
Ремянникова — 152
Репин И. Е. — 59
Репьева Е. И. — 513, 515, 526, 558, 590, 622, 623, 653, 654, 694
Рогинский А. Б. — 10, 15, 604
Родэ А. С. — 446
Родзевич К. Б. — 95
Родионова Е. А. — 121
Рождественский П. А. — 153
Розанов В. В. — 234
Розенблюм М. — 24
Розенталь Л. Л. — 469
Роллан М. П. (ур. Кювилье, по первому мужу Кудашева) — 393, 662
Роллан Р. — 5, 393, 629, 643, 651, 652, 662–663, 691
Романенко И. Ю. — 165
Романов К. К. — 101
Романовы — 287, 379, 516
Ропшин В. (см. Савинков Б. В.)
Ростковский Е. П. — 208–209, 213
Ртищева — 316
Рубанович И. А. — 242
Руднев В. В. — 360, 372, 533
Рузвельт — 653
Румянцев Н. А. — 288
Рыклин Г. — 553
Рыков А. И. — 429, 590, 591, 610, 669, 685, 686
Рымаренко Н. В. — 167
Рябов О. А. — 166, 167
Рябушинский П. П. — 615, 630
Рябцев К. И. — 372

Савинков Б. В. (Ропшин В.) — 4, 209, 211, 213–223, 244, 331, 351, 534

Савинков Л. Б. — 218
Садырин П. А. — 393, 433
Сажина Е. Н. — 44, 167, 185
Сазонов Е. — 218
Самельсон — 542
Самойлов Н. А. — 35
Самсонов Т. П. — 466–467
Самсоновы (братья) — 315
Сандомирская Л. Б. — 717–718, 725
Санин — 281
Сафонов В. И. — 714
Сахаров А. Д. — 18, 325
Сахаров И. Н. — 18, 325–326
Свердлов З. М. (см. Пешков З. А.)
Свердлов Я. М. — 74, 114, 376
Святополк-Мирский П. Д. — 77, 78, 82, 83, 155
Селивановский Н. Н. — 165
Семашко Н. А. — 174, 245–248, 433
Семевский В. И. — 155
Семенов Г. И. — 4
Семполовская Ст. — 415–416, 421–423, 438, 487, 505–506, 509, 551, 559–560, 568, 574, 623, 624, 675, 676–677
Серебряков Н. А. — 170
Серж В. (см. Кибальчич В. Л.)
Серков А. И. — 326, 390
Серов В. А. — 170, 238, 316
Серракаприола — 601
Сидоренко И. В. — 552
Сикорская-Лоренц М. В. — 285
Синицын С. А. — 443, 445
Сипатов П. Г. — 605
Сипягин Д. С. — 82, 101, 201
Скальский Т. Г. — 624–626
Скирмунт С. А. — 85–86, 128, 233, 252, 330, 516, 581, 584, 632, 634, 636, 640
Скиталец С. Г. — 71, 74, 89, 97, 107, 111, 112, 120
Скобцов Ю. — 215
Скобцова (мать Мария) — 215
Слетов С. Н. — 171, 325
Смидович П. Г. — 429, 433
Смирнов А. А. — 23, 25, 35, 51
Смирнов М. Б. — 604
Смирнова (ур. Позерн) З. К. — 25, 51
Смирнова Л. Н. — 669
Соколов — 373
Соколов В. Г. — 306
Соколов Н. Д. — 435
Соколовский — 713
Солженицын А. И. — 618, 711, 713, 715, 717
Соловьев Вл. — 89
Сологуб Ф. — 329–330
Сомова Е. И. (ур. Зильберберг) — 218, 220, 221
Сорин С. А. — 108, 111, 112, 115
Сорин С.-Я. А. — 113
Сосинский А. Б. — 15, 712
Сосинский Б. Б. — 711
Сосновский Я. Т. — 416–418
Сотников С. В. — 167
Сотскова Т. В. — 15, 114, 655, 698
Сперанский А. Д. — 668
Спиноза Б. — 722
Спиридонова Л. А. — 379
Средин Л. В. — 56, 58, 62, 66–70, 79, 97, 99, 181
Стааль (Сталь) А. Ф. — 231, 233, 240, 279, 287, 352
Сталин И. В. — 495, 570, 572, 590–592, 604, 606, 610–611, 618, 631, 633, 652, 653, 655, 662, 664–665, 668–671, 673–674, 685, 686, 688, 707, 710, 712
Станиславский К. С. — 72, 85, 97, 104, 107, 124, 136, 187, 293, 294, 303, 304, 321, 708–709
Станчик М. К. — 629–631, 635

Старк Л. Н. — 285, 408
Стародворский Н. П. — 363
Старосельский В. А. — 247
Стасов В. В. — 144
Стасова Е. Д. — 170, 422
Стаханов А. — 674
Стеклов Ю. М. — 498
Степанов — 463
Стечкин — 130
Страуян Я. Я. — 398
Стриндберг — 228
Струве П. Б. — 59
Судейкин С. Ю. — 115
Сулержицкий Л. А. — 68–69, 89, 97, 99–100, 108, 123, 179–180, 187–188, 233, 355
Суханов Н. Н. — 616, 619, 621
Сухомлин В. В. — 710–711
Сухотин М. С. — 98, 102
Сухотина-Толстая Т. Л. — 98
Сытин И. Д. — 309, 310, 311, 316
Сытин К. В. — 615

Таганцев В. Н. — 440
Тагер А. С. — 456, 462
Таманин Т. (см. Манухина Т. И.)
Тарасевич Л. А. — 387, 392–393, 433
Тарина Л. Ю. — 123
Тарле Е. В. — 615
Твардовский — 571
Тейтель Я. Л. — 22–24
Телешов Н. Д. — 67, 72, 87, 89, 97, 285
Теляковский — 570
Теодорович И. А. — 613
Тесленко Н. В. — 118
Тетмайер К. — 228
Тимирев В. С. — 714
Тимирев С. Н. — 714
Тимирязев К. А. — 362
Тимковский Н. И. — 58
Тимофеев Е. М. — 514
Тихвинский М. М. — 440
Тихомиров И. А. — 108, 109, 121, 123, 136–138
Тихомиров М. П. — 151–153
Тихон, патриарх — 428–430
Тихонов А. Н. — 274, 285, 287, 334, 367, 669
Токмаков В. И. — 85, 103
Токмаков И. Ф. — 88, 89, 103
Токмаков С. И. — 73, 85, 103
Токмакова В. И. — 89, 93, 95, 103
Толстая А. Л. — 99, 391
Толстая Л. И. — 700, 713
Толстая С. А. — 236–238, 633
Толстой А. К. — 715
Толстой А. Л. — 99
Толстой А. Н. — 481, 584, 636, 653, 662
Толстой Л. Н. — 67, 68, 77, 78, 86, 89, 98–99, 105, 138, 199, 234, 236–238, 293, 430, 433, 437, 479, 518, 633
Томский М. П. — 478, 547, 590, 591, 685
Тополянский В. — 433–434
Трепов — 160
Третьяков С. Н. — 615
Тригони М. Н. — 226
Трофимова В. В. — 640–641
Троцкая Н. И. — 409
Троцкий Л. Д. — 195, 360, 411, 412, 495, 569, 590, 669, 685
Тынянов Ю. Н. — 566
Тургенев И. С. — 250
Туров В. З. — 558
Тютчев Ф. И. — 540

Угримов А. А. — 703–704, 711
Угримов А. И. — 703
Угримова (ур. Муравьева) И. Н. — 582, 703–705, 710

Угримова Т. А. — 140, 381, 413, 703–705
Ульянкина Т. И. — 291
Ульянов А. — 364, 717
Ульянов А. Ф. — 560
Ульянов Н. — 167
Ульянова А. П. — 167
Уншлихт И. С. — 456, 470, 524–525, 732
Уранова С. С. — 657, 658
Урицкий М. — 403
Успенская В. Г. — 218–219, 223
Успенский В. Б. — 223
Успенский Г. — 218, 223
Устинов — 256
Уточкин С. И. — 353
Уфлянд Е. И. — 710
Ухтомский С. А. — 440
Ушков Г. К. — 342, 364–365
Ушкова М. — 364–365, 367
Ушковы — 645
Уэллс Г. — 228, 431, 477, 617, 648, 652, 653

Файт Ю. А. — 14, 15
Фальковский Е. А. — 469
Федотов А. А. — 615
Фейт А. А. — 650
Фейт А. Н. — 151, 163, 167, 333, 344, 359, 520, 599, 627
Фейт А. Ю. — 5, 171, 195, 211, 213, 229, 290, 325, 344, 369, 459–460, 545, 559, 599, 627, 703
Фейт (семья) — 233
Ферворн М. — 229
Ферсман А. В. — 439
Фет А. А. — 408
Фигнер В. Н. — 18, 44, 140, 166–167, 185–186, 190, 192, 209, 218–219, 224–226, 345, 349, 351, 380, 385, 386, 389, 392, 433, 437, 453–455, 503, 527, 544, 558, 602, 622, 670, 703, 718, 725
Фидлер И. И. — 174, 196–198, 201, 219, 229–232, 245, 247, 263, 271, 313, 325, 341
Филатьев Г. В. — 345–347, 382, 391
Филипович Т. — 438
Филиппов — 315
Филитис Н. С. — 230, 233, 254, 287, 313
Фирганг М. Л. — 165
Фирин С. — 648
Флоренский П. А. — 94
Фондаминский И. И. (Бунаков) — 208, 211, 213–216, 352
Фондаминская (ур. Гавронская) А. О. — 205, 214, 352
Форель А. — 228
Форш О. Д. — 564
Фотиева Л. А. — 403
Франс А. — 319, 460, 579
Франц Фердинанд — 320
Фрелих (Фрейлих) Н. Н. — 162–163, 548
Фрид (ур. Гарина-Михайловская) Н. Н. — 15
Фридлендер Р. Г. — 503–504, 547, 559, 575, 654
Фролова Е. И. — 195, 375, 553
Фрунзе М. В. — 610, 629
Фрунзе Таня — 629
Фрунзе Тима — 629

Халатов А. Б. — 571, 630
Харчев В. — 271
Хилков Д. А. — 199–200
Хлудова — 136
Ховрин А. А. — 186, 355–357, 382, 424–425, 482

Ходасевич В. М. (Роза, Купчиха) — 401, 478, 501, 510, 695
Ходасевич Вл. Ф. — 309, 496–497, 501–503, 510, 529–533, 539
Хорошко В. К. — 104
Храбров А. М. — 136
Хренников С. А. — 615
Христофоров В. С. — 328, 435, 436, 536
Хрущев Н. С. — 707

Цветаева А. И. — 181, 203, 562–565
Цветаева М. И. — 95, 181–182, 203, 406, 562, 563, 720–721
Цветкова А. И. — 15
Цейтлин М. С. — 493
Цертович А. — 16
Цетлин М. О. (Амари) — 206
Цетлин О. — 204
Цетлина (ур. Тумаркина) М. С. — 206

Чайковский Н. — 150
Чан Кайши — 550
Чаплицкий Б. — 719
Чаплыгин С. А. — 313
Чарновский Н. Ф. — 615
Чарушников — 46
Чаянов А. В. — 433, 613–614, 619
Чегодаева Л. А. — 136
Червакова И. — 212, 259, 489–491, 495, 650, 655, 689, 693
Черемнов А. С. — 292, 293
Черкасов И. А. — 435, 436
Чернов В. М. — 199, 202, 209, 220, 235, 243–244, 320, 331, 351, 361, 376, 405, 406, 432, 455, 528
Чернова Е. М. — 45
Чернова-Андреева О. В. — 406, 469, 660, 711
Чернова-Сосинская А. В. — 406, 711
Чернова-Резникова Н. В. — 406, 469, 660
Черный С. — 228
Чертков В. Г. — 433, 437
Черткова О. Д. — 636, 637, 640, 641, 646, 652, 664–670, 688
Четвериков Д. И. — 104, 105
Четвериков С. И. — 105
Четвериков С. С. — 105
Четверикова А. А. — 104, 105
Четверикова Н. Д. — 105, 232
Четвериковы (семья) — 232, 271
Чехов А. П. — 52, 54, 56–58, 62, 63, 66–71, 81–83, 87, 89, 97, 102, 107, 110, 125, 141, 143, 221, 234, 248, 708–709
Чехова М. П. — 221, 411, 709
Чешихин — 23
Чещлик А. — 16
Чешко С. В. — 10
Чибисов — 579
Чистосердов — 379
Чириков Е. Н. — 22, 23, 120, 121, 129, 136
Чубыкин И. В. — 458, 459
Чуковский К. И. — 20, 478, 699, 708–709, 713

Шайкевич В. В. — 285, 479
Шаляпин Б. Ф. — 542
Шаляпин Ф. И. — 71, 82, 83, 86, 87, 89, 97, 102, 110, 112, 120, 122, 125, 128, 136, 144, 146, 170, 213, 238–242, 245, 281, 285, 317, 342, 411, 570, 598, 661
Шаляпина И. И. — 122

Шаляпина Л. Ф. — 443–444
Шанцер В. Л. (Марат) — 231–232
Шатиль — 498
Шахлиевич А. — 35, 45
Шаховской Д. И. — 391
Швецов С. П. — 375–376, 593, 717–718, 725
Шекспир В. — 83
Шестаков В. П. — 705
Шестакова Н. П. — 705
Шеханова — 186
Шингарева Е. А. — 14, 15, 699
Шикунов Н. В. — 15
Ширинская-Шихматова В. А. — 42
Ширяев — 144–145, 221
Шифман А. И. — 102
Шишкин И. И. — 48, 58
Шишкина Е. А. — 169
Шишко Л. Э. — 218, 292
Шкаренков Л. К. — 534, 537
Шмелев И. С. — 320, 346
Шмит Н. П. — 295
Шмидт О. Ю. — 497
Шмидт Ю. С. — 121
Шнеерсон — 113
Шолохов М. А. — 598
Шольц А. — 87, 141
Шпольская Т. Э. — 14, 15, 633, 697, 698, 710
Шредель — 323
Штейнберг И. З. — 383–384, 464, 679
Штернберг П. К. — 306
Штраус Д. — 228
Штюрмер З. Ф. — 139, 140
Штюрмер Р. А. — 139, 140
Шуган О. В. — 687
Шура большая — 632, 634
Шурка маленький — 632, 698
Шустов — 187

Щегловитов И. Г. — 403
Щербаков С. В. — 54–56
Щербакова Л. А. — 15
Щербакова Н. Н. — 54, 56
Щирина С. В. — 299, 300, 303, 307

Эйхенвальд А. А. — 122
Эльгорт Д. А. — 16
Эмар Г. — 250

Юденич — 402
Юрин Е. О. — 35

Ягода Г. Г. — 327, 328, 488, 507, 522, 524, 604, 606, 633, 641, 648, 651, 655, 657, 669, 685–689, 708
Ядлинский М. И. — 424
Яковлев В. Н. — 642
Яковлев М. И. — 556
Яровицкий А. В. — 74
Ярославский Е. М. — 600
Ярцев Г. В. — 56, 58, 87, 89, 97, 144, 161, 180–181, 221

Josefson M. — 554

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГ — Архив А. М. Горького

АГ. Т. IV — Академия наук СССР. Институт Мировой Литературы им. А. М. Горького. Архив А. М. Горького. Том IV

АГ. Т. V — Академия наук СССР. Институт Мировой Литературы им. А. М. Горького. Архив А. М. Горького. Том V. А. М. Горький. Письма к Е. П. Пешковой. 1895–1906. Государственное Издательство Художественной Литературы. Москва. 1955

АГ. Т. IX — Академия наук СССР. Институт Мировой Литературы им. А. М. Горького. Архив А. М. Горького. Том IX. А. М. Горький. Письма к Е. П. Пешковой. 1896–1932. Издательство «Художественная Литература». Москва. 1966

АГ. Т. XIV — Академия наук СССР. Институт Мировой Литературы им. А. М. Горького. Архив А. М. Горького. Том XIV. Неизданная переписка

Андреева. Изд. 2-е. — Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. Издательство Искусство. Москва. 1963

Андреева. Изд. 3-е. — Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. Издательство Искусство. Москва. 1968

АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика

БАМ — Байкало-Амурская магистраль

БУНД — Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России

ВКВС — Высшая коллегия Верховного суда

ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)

ВКПГ — Всероссийский комитет помощи голодающим

ВМН — высшая мера наказания

ВСНХ — Высший Совет Народного Хозяйства

ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

ВЧК — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем

Г–30. Т. 1–30 — Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. 1949–1953. Государственное издательство художественной литературы. Москва.

ГАНО — Государственный архив Нижегородской области.

г. — год, город

гг. — годы

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

ГИЦ МВД РФ — Главный информационный центр Министерства внутренних дел Российской Федерации

Госиздат — Государственное издательство

ГПУ — Главное Политическое Управление

губ. — губерния

ГУГБ — Главное Управление Государственной Безопасности

Д. — дело

д. — дом

ИМЛИ — Институт Мировой Литературы им. Горького

ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь

КГБ — Комитет Государственной Безопасности

КОМУЧ — Комитет бывших членов Учредительного собрания

Л. — лист

Летопись — Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Издательство Академии Наук СССР. Москва, 1958–1960. Вып. 1–4

ЛН. Т. 72 — Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М.: Наука, 1965

ЛН. Т. 95 — Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М.: Наука, 1988

Моссовет — Московский совет

МПКК — Московский политический Красный Крест

МХТ — Московский Художественный театр

Нарком — Народный комиссариат

Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения

Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения

Наркомторг — Народный комиссариат торговли

НГЖУ — Нижегородское жандармское управление

НИПЦ — Научный информационный и просветительский центр

НКВД — Народный Комиссариат Внутренних Дел

НКИД — Народный комиссариат иностранных дел

НЭП — новая экономическая политика

ОПП — Общественно-политические процессы, партии и движения Нижегородской губернии в конце XIX — начале XX в.: Учебное пособие в 2 т. Том 1 / Автор-составитель проф. Г. В. Набатов. Составители: ведущий методист ГАНО, канд. ист. наук Н. В. Воскобойникова, директор ГАНО В. А. Харламов. Н. Новгород, 2001.

ОГПУ — Объединенное Главное Политическое Управление

Оп. — опись

Оп. 2 — Современники А. М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

ОСО — Особое совещание

Пархомовский — Пархомовский М. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался, в четырех частях с прологом и эпилогом. 2-е изд., перераб. и доп. / Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье». Иерусалим, 1999.

ПКК — политический Красный Крест

Помгол — Всероссийский комитет помощи голодающим

ПСР — Партия социалистов-революционеров

ПСС — Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1968–1976.

ПССП — Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. 1997.

ПОМПОЛИТ — Помощь политическим заключенным

РВС — Революционный военный совет

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РЗИА — Российский зарубежный исторический архив

РКП — Российская коммунистическая партия

РСДРП, РСДРП(б), РСДРП(м) — Российская социал-демократическая партия (большевиков), (меньшевиков)

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

р., руб. — рубль

С. — страница

с. г. — сего года

с.-д. — социал-демократ

СМЕРШ — Управление контрразведки НКВД (аббревиатура сложена из начальных букв лозунга «Смерть шпионам!»)

Совнарком, СНК — Совет народных комиссаров

с.-р. — социалисты-революционеры (эсеры)

СО ГПУ — Секретный отдел ГПУ

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

Сулержицкий — Сулержицкий Л. А. Повести и рассказы. Статьи и заметки о театре. Переписка. Воспоминания о Сулержицком. М.: Искусство, 1970.

США — Соединенные Штаты Америки

Т. — том

т. к. — так как

ТКП — Трудовая крестьянская партия

Ф. — фонд

Устами Буниных — Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В трех томах / Под ред. Милицы Грин.

ПОСЕВ. (c) Possev-Verlag, V. Gorachek K. Gk, 1977.

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области

ЦА ФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации

ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области

ЦД «Народный архив» — Центр документации «Народный архив»

ЦеКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых

ЦИК — Центральный Исполнительный Комитет

ЦК — Центральный Комитет

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА ПЕШКОВА
Биография: Документы. Письма.
Дневники. Воспоминания

Корректор *Е. Соседова*
Верстка *О. Русакова*
Обложка и вклейка *М. Должанский*

В оформлении обложки использована фотография Е. П. Пешковой из архива Б. Е. Захава (РГАЛИ)

ООО «Восточная книга»
127273, Москва, Олонецкая ул., д. 23

(495) 545-07-69
E-mail: muravei@muravei.ru
Адрес для корреспонденции:
127106, Москва, а/я 12

Подписано в печать 12.01.2012.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 61,75. Тираж 1000 экз.
Заказ № .